Академическая серия “Библиотека Холокоста “Ткума””

Катастрофа евреев на оккупированных территориях СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1941-1945)

ТОМ ПЕРВЫЙ
ТОМ ВТОРОЙ

ИЦХАК АРАД

Центр “Ткума” • Днепропетровск • 2007
Центр “Холокост” • Москва • 2007

History of the Holocaust

SOVIET UNION

AND ANNEXED TERRITORIES

VOLUME ONE
VOLUME TWO

YITZHAK ARAD

Yad Vashen • Jerusalem 2004

ББК 63.3(0=Евр)
А 79

Академическая серия «Библиотека Холокоста “Ткума”»

Рекомендовано Международным академическим советом “Ткума”

А 79 ***Арад Ицхак****.*
Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945). – Д.: Центр «Ткума»; Д.: ЧП «Лира ЛТД; М.: Центр «Холокост», 2007. – 816 с., карты. – Рус. яз.

ISBN 978-966-383-102-2

В книге описываются исторические события, связанные с жизнью, борьбой и уничтожением евреев, проживавших на территориях СССР, которые в годы Второй мировой войны временно захватила армия нацистской Германии. Исследование охватывает Советский Союз в границах на 22 июня 1941 г. – день нападения Германии на СССР.
Публикуемые в книге изыскания опираются на архивные документы из немецких, советских и еврейских источников. В исследовании выявлены и подчёркнуты характерные особенности Катастрофы на оккупированных территориях Советского Союза по сравнению с другими районами Европы, захваченными гитлеровской Германией.
Данное издание предназначено для ученых, исследователей, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей Холокоста.

ББК 63.3(0=Евр)

ISBN 978-966-383-102-2

ВВЕДЕНИЕ

Книга «Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945)» описывает исторические события, связанные с жизнью, борьбой и уничтожением евреев, проживавших на территориях СССР, которые в годы Второй мировой войны временно захватила армия нацистской Германии. Исследование охватывает Советский Союз в границах на 22 июня 1941 г. – день нападения Германии на СССР. Это пространство включает в себя советские республики Белоруссию и Украину и регионы Российской Федерации, входившие в состав СССР до 17 сентября 1939 г. (далее мы будем называть их «старые территории»). К оккупированным территориям относятся также земли, присоединенные Советским Союзом в 1939–1940гг.: страны Прибалтики – Литва, Латвия и Эстония, Западная Белоруссия и Западная Украина, бывшие до того частью Польши, и Бессарабия с Северной Буковиной, прежде принадлежавшие Румынии (далее: «присоединенные» или «аннексированные» территории). На всей этой обширной части советского государства до немецкой оккупации жило 4,1–4,2 миллиона евреев: примерно половина на старых территориях и половина – на присоединенных. В их число включены также беженцы из районов Польши, уже захваченных немцами до 22 июня 1941 г. Часть советских евреев была перед оккупацией мест их проживания эвакуирована или бежала в глубь Советского Союза, других мобилизовали в Красную Армию – эти люди не оказались под немецкой властью. Их судьбы мы касаемся лишь вскользь в заключительной части работы. Предметом настоящего исследования являются оказавшиеся на оккупированной территории 2,6–2,7 миллиона евреев, истреблённые почти полностью, – изучение специфических особенностей их положения и обстоятельств их гибели.

Публикуемые здесь изыскания опираются на архивные документы из немецких, советских и еврейских источников. До конца восьмидесятых – начала девяностых годов большая часть доступных нам документов, касающихся Катастрофы советского еврейства, исходила из немецких источников. То были, главным образом, отчеты айнзацгрупп СС, материалы судебных процессов над нацистскими преступниками, отчеты и приказы оккупационных властей, приказы и распоряжения германского государственного и армейского руководства, свидетельства очевидцев, воспоминания и т.п. Сюда относится также переписка между немецкими ведомствами, связанная с нацистской политикой по отношению к евреям; в ней не раз встречаются существенно важные для судьбы евреев явные расхождения во мнениях по таким вопросам, как определение прерогатив и сфер деятельности различных органов власти в гитлеровском «окончательном решении еврейского вопроса», его общих или частных проблем.

С открытием советских архивов в конце восьмидесятых – начале девяностых годов произошло поистине революционное изменение положения с источниками информации. В руки исследователей попали многие тысячи документов. Особенно следует отметить огромное количество материалов «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организаци-

ям, государственным предприятиям и учреждениям СССР», образованной Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г. Ею были собраны свидетельства о том, что происходило во время немецкой оккупации в большинстве населенных пунктов на захваченных территориях. Кроме этого, в наше распоряжение поступила значительная часть архивных фондов Коммунистической партии, КГБ, Советской Армии, Центрального штаба советского партизанского движения, материалы проведенных в СССР судебных процессов над военными преступниками и т.п.

Корпус еврейских источников вначале составляли преимущественно свидетельства людей, переживших Катастрофу на присоединенных территориях: дневники, воспоминания и монографии, рассказывающие о событиях в отдельном месте или районе. Изменения, связанные с распадом Советского Союза, позволили нам дополнительно получить важные архивные материалы из еврейских источников на старых территориях, в том числе из архива Еврейского Антифашистского Комитета (главным образом, документы, собранные в процессе подготовки к изданию «Черной книги» под редакцией И. Эренбурга и В. Гроссмана). Кроме того, в последние пятнадцать лет усилиями местных еврейских активистов многочисленные свидетельства переживших Катастрофу были собраны и опубликованы в книгах, изданных в Украине, Белоруссии и России. В этих странах также вышли в свет научные работы и сборники документов, позволившие углубить и расширить изучение еврейской трагедии. Многочисленные свидетельства поступили в научный оборот и от репатриантов, прибывших в Израиль из СССР за последние десятилетия.

В настоящее время в распоряжении исследователей имеется корпус серьёзных трудов, в их числе несколько монографий, посвященных Минску, Вильнюсу, Гродно, Львову и другим городам, а также районам Волыни и Белоруссии. Из этих работ нами почерпнуты важные сведения, использованные в настоящем исследовании.

Богатство и разнообразие документов, составляющих информационную базу всех вышеупомянутых источников, позволили нам попытаться провести всеобъемлющее исследование Катастрофы на оккупированных территориях Советского Союза.

Катастрофа («Холокост» в англоязычной литературе или, точнее, «Шоа» на иврите) на оккупированных советских землях описывается здесь согласно географическому и хронологическому принципам. Выбор термина «уничтожение евреев на оккупированных территориях Советского Союза» методологически предопределило то, что за рамками нашего исследования остались события Катастрофы в тех частях района Белостока, которые в 1939–1941 гг. входили в состав советской Белоруссии, а после Второй мировой войны стали территорией Польши, и в Закарпатье, только после Второй мировой войны оказавшемся в составе советской Украины.

Немецкая оккупация длилась в разных местах неодинаково (от считанных месяцев на Кавказе до четырех лет в западной части Латвии), но для основных районов сосредоточения еврейского населения можно принять её продолжительность в общем равной трём годам: с лета 1941 г. до лета 1944 г., когда было завершено освобождение Литвы, Белоруссии, Украины и Бессарабии. Нам представляется, однако, необходимым до их подробного описания дать очерк истории евреев, проживавших на исследуемых терри-

ториях до Катастрофы, привести демографические сведения и рассказать о судьбоносных изменениях еврейского существования как в период, предшествовавший советской власти, так и при ней.

Истребление евреев на всех оккупированных территориях СССР происходило на протяжении всего времени оккупации, но неравномерно: наряду с периодами максимального разгула массовых убийств выпадали периоды относительного затишья, обусловленного влиянием различных факторов. Наше исследование в соответствии с периодами наибольшей интенсивности акций уничтожения делится на три этапа:

Первый этап – с начала вторжения в Советский Союз до конца зимы 1941–42 гг. Это время характерно уничтожением большинства евреев, проживавших в странах Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины и на старых территориях СССР.

Второй этап – с весны 1942 г. до разгрома немцев под Сталинградом в конце 1942 г. Тогда были истреблены евреи Западной Белоруссии, Западной Украины и южных районов Российской Федерации, оккупированных Германией летом – осенью того года.

Третий этап – от Сталинградской битвы до изгнания германских войск с оккупированных территорий Советского Союза. Особенность этого периода – ликвидация последних евреев в гетто и трудовых лагерях, связанная с отступлением оккупантов.

Внутри каждого хронологического периода уничтожение евреев описывается по отдельным местам, согласно немецкому административному делению оккупированных территорий:

1) районы под управлением немецкой гражданской администрации – рейхскомиссариат Остланд и рейхскомиссариат Украина;

2) районы под управлением немецкой военной администрации, разграниченные, согласно зонам ответственности немецких групп армий («Север», «Центр», «Юг»);

3) районы Восточной Галиции, подчинённые Генерал-губернаторству в Польше;

4) районы под румынским управлением: Транснистрия, Бессарабия и Северная Буковина.

В нашем исследовании выявлены и подчёркнуты характерные особенности Катастрофы на оккупированных территориях Советского Союза по сравнению с другими районами Европы, захваченными гитлеровской Германией.

На оккупированных советских землях евреи проживали во многих сотнях населенных пунктов, а казни производились в тысячах мест: в выкопанных ямах, оврагах, противотанковых рвах и др. Способы убийства в разных местах имели и сходные, и отличительные черты, вытекающие из местных условий, таких, как, например, численность евреев в определенном населенном пункте, или политика местной немецкой администрации, или наличие сил для исполнения акций уничтожения. Невозможно осветить все подробности событий в каждом из населенных пунктов, да это и не является целью настоящего исследования. Мы в нём руководствовались следующими принципами:

1) крупные еврейские общины таких городов, как Вильнюс, Каунас, Минск, Львов и т.п., где жили десятки тысяч евреев и где гетто существовали

многие месяцы, описываются исчерпывающим образом;

2) городам, подобным Киеву, Харькову, Одессе, Риге, Кишиневу и др., в которых проживало многочисленное еврейское население, но оно было депортировано или уничтожено полностью в начале оккупации, в работе уделяется несколько меньшее внимание;

3) события в общинах, насчитывавших более пяти тысяч евреев (например, Шауляй, Новогрудок, Пинск, Тернополь), описываются на страницах нашего исследования вкратце;

4) некоторые маленькие общины упоминаются в примечаниях к тексту;

5) значительное внимание уделено таким городам на старых территориях, как Курск, Орел, Краснодар, Сталинград (Волгоград) и других – крупным, но с незначительной численностью еврейского населения, из-за чего они относительно мало отражены в литературе о Катастрофе, а также еврейским сельскохозяйственным поселениям (колхозам), представлявшим собой уникальное социальное явление и в Советском Союзе, и в Европе в целом;

6) события в крупных и мелких населенных пунктах, где отмечены подпольная деятельность и вооруженное сопротивление, освещаются в главах, которые посвящены этим действиям.

7) в исследовании особое место занимает попытка расчёта числа еврейских жертв на оккупированных территориях Советского Союза.

Трагедия уцелевших в Катастрофе евреев – и тех, кто дожил до освобождения от немецкой оккупации, и реэвакуированных – не окончилась, когда они вернулись на родные места. В книге показаны трудности их послевоенного существования, проявления антисемитизма местным населением, и особенно советскими властями по отношению к вернувшимся при их попытках нормализовать свою жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЕВРЕИ РОССИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА 1

ЦАРСКАЯ РОССИЯ И ЕЕ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРЕЯМ

А. РОССИЙСКОЕ ЕВРЕЙСТВО И ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ

В начале восемнадцатого века на территории Восточной Европы между реками Вислой на западе и Днепром на востоке проживала самая крупная в мире еврейская община. Ее численность составляла более миллиона человек. Такая концентрация образовалась в результате средневековых изгнаний евреев из Западной и Центральной Европы и последующего их перемещения в поисках убежища в пределы Польского королевства. В лежащей к востоку от Польши императорской России до конца восемнадцатого века почти не было евреев. Те несколько десятков тысяч, которые проживали в Восточной Украине, Москве и Санкт-Петербурге, были изгнаны оттуда в середине восемнадцатого века. Политические события внутри Польши и в Европе привели к тому, что в 1772–1795 годах Польское королевство было разделено между тремя его соседями – Россией, Пруссией и Австрией – и перестало существовать. При разделе к России отошли Белоруссия, Украина, Литва и Латвия.

В этих районах проживало значительное еврейское население, и, таким образом, под властью России, где до того евреям запрещалось селиться, теперь оказалось множество евреев, издавна укоренившиеся на присоединённых землях. Они выполняли здесь важные экономические функции в торговле и дворянских поместьях, что наряду с еврейской многочисленностью не позволяло выслать их, как это делалось в прошлом.

Императрица Екатерина Вторая (1762–1796) приняла законодательные меры, позволившие евреям присоединенных районов продолжать жить в родных местах. В целях ограничения «ущерба», который евреи, по мнению властей, могли причинить России, было решено ограничить их проживание прежней территорией, которую Россия получила при разделе Польского королевства, и запретить им селиться в других районах России. Границы, названные «чертой оседлости», были установлены 23 декабря 1791 года распоряжением царицы. Это событие оказало колоссальное влияние на дальнейшую судьбу российских евреев[1]. В 1804 году черта оседлости была расширена и стала включать южные районы Украины, прилегающие к Черному морю, и Крымский полуостров. Эти малонаселённые районы Россия завоевала у Отто-

манской империи во второй половине восемнадцатого века и теперь была заинтересована в их развитии. На протяжении девятнадцатого века десятки тысяч евреев переехали в эти районы, и так образовались крупные еврейские общины Одессы и других городов на юге России и ашкеназская община Крыма. В черту оседлости в 1818 году включили и присоединённую к России в 1812 году Бессарабию, бывшую частью Молдавского княжества. В 1814–1815 годах на Венском конгрессе победители Наполеона заключили договоры, согласно которым русскому царю передавались бывшие центральные районы Польши с многочисленным еврейским населением.

Б. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В середине девятнадцатого века в России жило 2 миллиона 350 тысяч евреев.[2] Они вместе со всеми жителями России пережили демографическую революцию. В это время произошел естественный прирост населения благодаря улучшению здравоохранения и повышению уровня образования. В первой переписи населения, проведенной в России в 1897 году, участвовало 5.189.400 евреев – четыре процента от общего числа жителей страны.[3] Евреи России тогда составляли около половины еврейского населения в мире.

Увеличение числа евреев России продолжалось и в начале двадцатого века вплоть до Первой мировой войны, однако в меньших масштабах, что было следствием модернизации и секуляризации общества, увеличения возраста вступления в брак и постепенного снижения рождаемости. Из-за преследований и погромов, а также по причине тяжелого экономического положения с восьмидесятых годов девятнадцатого века до Первой мировой войны Россию покинули 1 миллион 850 тысяч евреев.[4] Но, несмотря на массовую эмиграцию, количество евреев России не уменьшилось благодаря высокому естественному приросту населения. Накануне Первой мировой войны в России было 5 миллионов 200 тысяч евреев, из них 4 миллиона 900 тысяч проживало в черте оседлости.[5]

В. ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРЕЯМ ДО ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА: АССИМИЛЯЦИЯ

Администрацию царской России пугали проблемы евреев и постоянный рост их численности. Еврейское население в начале девятнадцатого века было сплоченным и обособленным; большая его часть проживала в городах и местечках и фанатично придерживалась своей веры. Евреи отличались одеждой и обычаями, были организованы внутри автономных общин и занимались главным образом торговлей и ремеслами. Власти не были готовы предоставить равноправие еврейскому населению России, его не затронул процесс эмансипации евреев, проходивший в Западной и Центральной Европе со времен Французской революции. Изгнать российских евреев, столь многочисленных, теперь тоже было невозможно. Меры Екатерины Второй (установление черты оседлости и принятие законов, ограничивающих права евреев),

требовали пересмотра. Царь Александр Первый в ноябре 1802 года назначил комиссию для анализа положения евреев и выработки рекомендаций по установлению их нового юридического статуса. Рекомендации комиссии, известные как «Устав о евреях», были опубликованы в декабре 1804 года и ставили своей целью главным образом усиленную ассимиляцию евреев в нееврейском окружении.

Положительные тенденции «Устава» выражались в поощрении евреев к отказу от традиционных для них профессий – например, арендаторства или содержания трактиров – и склонении их к производительному труду. Их стимулировали селиться на юге Украины в статусе свободных крестьян, а не крепостных. Эти шаги, призванные «исправить» евреев, сопровождались жесточайшим принуждением: евреев выселяли из деревень для того, чтобы, как формулировали власти, «защитить крестьян от эксплуатации со стороны евреев».[6]

В рамках мероприятий по «исправлению» евреев было установлено, что еврейские дети могут быть приняты на учебу в начальные школы, гимназии и университеты. Открывая двери общественных учебных заведений перед евреями, власти преследовали ассимиляторские цели, поскольку для этих заведений была характерна христианская атмосфера.

В области внутренней автономии «Устав» признавал еврейский «Кагал» (общину), однако полномочия этого органа были ограничены. На общину возлагалась обязанность собирать налоги для властей.[7]

Высылка евреев из деревень, начавшаяся в 1807 году, на некоторое время была прекращена из-за сопротивления помещиков, которые получали от евреев часть своих доходов. Однако главная причина прекращения высылок заключалась в начавшихся наполеоновских войнах, это заставило царя повременить.[8] В рамках антиеврейских мер евреев выселяли только из пятидесятиверстной полосы вдоль западной границы России, и то за исключением городов и местечек, в которых имелась еврейская община.[9]

Николай Первый (1825–1855) ужесточил антиеврейскую политику. Десятки распоряжений и законов, изданных в годы его правления, имели целью «решение еврейского вопроса» путем насильственной ассимиляции. Одним из путей, избранных для достижения этой цели, явилась военная служба. С ней связано трагическое событие в истории евреев России, которое называют «кантонистским гонением». Правительственный «Указ о призыве и службе евреев в армии» 26 августа 1827 года отменил денежный налог, которым евреи облагались взамен воинской повинности со времен Екатерины Второй, и обязал их отбывать солдатчину. В то время в армию призывались люди в возрасте 18–35 лет, а срок службы в армии составлял 25 лет. Условия службы были трудными для всех солдат, но для евреев создали особенно тяжелый режим. На основании довода, что евреи недостаточно приспособлены к военной службе, было решено для рекрутов-евреев установить минимальный возраст призыва в 12 лет вместо общепринятых 18-ти. Еврейские дети младше 18 лет отправлялись в так называемые «кан-

тонистские школы». Из 70 тысяч евреев, призванных согласно указу о кантонистах, 50 тысяч были моложе 18 лет.[10]

Призывая евреев на военную службу, их хотели оторвать от еврейского окружения и переместить в глубь России за пределы черты оседлости, в надежде на то, что обучение в русском православном духе наряду с физическим и душевным напряжением заставят этих детей и юношей принять крещение. Вынуждая креститься, их изнуряли тяжелыми походами, подвергали побоям и заставляли голодать. Иногда целые роты в организованном порядке отправлялись в церковь с целью крещения. Известно большое число самоубийств во имя веры. Были и кантонисты, которые для вида крестились, но втайне продолжали соблюдать еврейские заповеди. Более половины кантонистов были вынуждены принять крещение.[11]

Согласно уставу о воинской повинности, на еврейскую общину возлагалась обязанность обеспечивать требуемое количество рекрутов. Это сильно повлияло на внутреннюю жизнь общины. Властями было установлено, что евреи, проживающие на юге России, а также торговцы, ремесленники, раввины и земледельцы освобождаются от воинской обязанности. Богачи смогли избавить своих детей от призыва путем подкупа. Таким образом, главными жертвами стали дети бедняков и сироты. Создавшаяся тяжелая атмосфера способствовала появлению глубоких противоречий внутри общины.[12] Однако призыв евреев на военную службу не привел к желанным результатам. Евреи-выкресты не только не стали лидерами своего народа и своих общин, но полностью оторвались от них и растворились в новой христианской среде. Отслужившие полный срок солдаты-кантонисты и их потомки получали право жить вне черты оседлости.

В декабре 1844 года был опубликован закон, ограничивавший права еврейской общины в большинстве областей ее деятельности. В ее ведении оставались только сбор налогов и поставка рекрутов в армию. Власти хотели заставить евреев использовать государственные структуры и оторвать их от общины и ее служб, однако неэффективный государственный бюрократический аппарат не мог выполнить возлагаемую на него миссию, да и евреи не желали этого. Вместо того, чтобы прибегать к услугам общины напрямую, теперь евреи использовали общества вроде «Хевра кадиша», «Хеврат гмилут хасадим» и другие, которые действовали самостоятельно, хотя и по согласованию с общиной, и таким образом выполняли прежние функции общины.[13] Жёсткие меры Николая Первого так и не заставили евреев ассимилироваться. Основная их масса продолжала придерживаться своих традиций и своих внутренних институтов.

После восшествия на престол Александра Второго (1855–1881) существовавшие законы и указы, касающиеся евреев, подверглись пересмотру с целью их либерализации. Первым изменением, имевшим очень большое значение для евреев, стала отмена института кантонистов 26 августа 1856 года. Реформа 1874 года, установившая четырехлетний срок обязательной воинской повинности, распространила эту

повинность и на евреев.[14] Нескольким десяткам тысяч ремесленников-евреев и евреев с докторскими званиями с конца пятидесятых годов разрешили жить в Москве и в других городах вне черты оседлости.

В последние годы правления Александра Второго в России усилились славянофильские настроения, которые повлияли и на царя. Славянофильство – романтическое националистическое движение, подчеркивавшее «высшие ценности» России и православной церкви в противовес либерализму «выродившегося» Запада, «нарушавшему» гармонию российской истории. Славянофилы обвиняли евреев в распространении разрушительных западных теорий. Реакционный поворот во внутренней политике царя и русско-турецкая война 1877–78 годов, вызвавшая усиление националистических настроений и авторитарной власти, привели к революционному брожению и террору. Первого марта 1881 года царя убили члены организации «Народная воля», целью которых была крестьянская революция и которые видели в терроре, направленном против власти, средство достижения этой цели. Среди народовольцев были и евреи, несмотря на то, что эта организация позволяла себе антисемитские высказывания.[15]

Г. ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПОГРОМЫ – С ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Приход к власти Александра Третьего (1881–1894) возвестил начало наиболее тяжелого периода в истории евреев царской России. Ввиду усилившегося сопротивления самодержавию со стороны населения России власти решили использовать ненависть к евреям как прием для уменьшения недовольства масс. Эта тенденция нашла отражение в волне погромов, за которыми стояли власти, реакционные организации и тайная полиция. Она также выразилась в антиеврейском законодательстве. Царь находился под влиянием своего националистически настроенного советника К.П. Победоносцева, про которого было сказано, что он видит решение еврейского вопроса следующим образом: «Треть уничтожить, треть крестить, треть выслать».

Среди народовольцев, убивших Александра Второго, была еврейка, роль которой в покушении состояла в том, что она укрывала заговорщиков. Однако власти распространили слухи, будто евреи являются проводниками революционных настроений и обвинили их в убийстве царя, что вызвало антиеврейские погромы. Погромы начались 15 апреля 1881 года в Елизаветграде, а затем распространились на Киев, Одессу и другие украинские города, а также некоторые районы России. Погромы весны–лета 1881 года затронули около 215 еврейских общин.[16] Они продолжались до 1884 года главным образом на Украине, где имелись антисемитские традиции погромов.[17]

В мае 1882 года власти опубликовали временные так называемые «майские законы», согласно которым евреям запрещалось строить и покупать дома и владеть землей за пределами городов и местечек. Другие направленные против евреев правила ограничивали их прием на государственную службу и в органы местной власти. Евреев также

притесняли и на службе в армии, где они не могли получить офицерского звания. В области просвещения была введена процентная норма, ограничивавшая количество евреев в университетах и гимназиях как в черте оседлости, так и за ее пределами. Полностью переменилась прежняя политика, стремившаяся привлечь евреев в общую школу с целью их ассимиляции.[18] В 1891 году из Москвы было выслано около 20 тысяч ремесленников-евреев, которым позволяли проживать там при предыдущем царе и которые составляли подавляющее большинство еврейской общины города. Поводом для выселения послужило желание «очистить святой стольный град от иудеев». Выселения в меньших масштабах произошли в Санкт-Петербурге и Харькове.[19]

В конце девятнадцатого и начале двадцатого веков в России росло недовольство самодержавием, образовались либеральные и революционные партии, требующие реформ. Царь Николай Второй (1894–1917), подобно своему предшественнику, пытался направить недовольство масс в сторону евреев и обвинить их в обнищании и ослаблении государства. Возбуждение антисемитских настроений в народных массах стало средством управления и политическим оружием.[20]

Для разжигания у народных масс ненависти против евреев использовали давно популярный метод – кровавый навет. В начале 1903 года в столице Бессарабии Кишиневе было найдено тело христианского мальчика со следами насилия. Дядя мальчика позднее признался в том, что он убил его, однако местная газета сразу обвинила евреев в «ритуальном убийстве» ребёнка и призвала к мщению. В воскресенье 6 апреля 1903 года подстрекаемая и хорошо организованная толпа начала грабить и избивать евреев. Было убито 45 человек, около 100 ранено, разграблены тысячи домов и лавок. Кишиневский погром вызвал волну негодования во всем мире, главы государств обратились к царю с протестом. Против погромов выступила и часть русской интеллигенции. Но политика властей не претерпела изменений, и по их инициативе в 1903 году были организованы погромы в Гомеле, Могилеве и других городах Украины и Белоруссии.

В начале 1904 года разразилась русско-японская война, и власти, которые опасались, что длительные погромы отрицательно отразятся на экономике страны и могут привести к нежелательным политическим результатам, решили временно воздержаться от них. Неудачи в русско-японской войне способствовали усилению революционных настроений в России. Для борьбы с ними власти создали «Союз русского народа», а также организовали группы хулиганов («черные сотни») для выступлений против революционеров и евреев. Антисемитская пресса обвиняла евреев в поддержке Японии и утверждала, что они занимаются революционной пропагандой с целью ослабления России, игнорируя тот факт, что в это время тридцать тысяч военнослужащих-евреев сражались на фронте.[21] Беспорядки и всеобщая забастовка вынудили царя пойти на уступки народу. В опубликованном Манифесте он обещал конституцию, гражданские права и учреждение парламента (Государственной Думы). Несмотря на Манифест, продолжались ре-

волюционные выступления рабочих, в ответ на которые черносотенцы организовывали патриотические демонстрации, тут же превращавшиеся в погромы евреев. Погромы распространились на 64 города (среди них Мелитополь, Киев, Симферополь, Николаев и Белосток) и 626 местечек на Украине и в других районах. В этой волне погромов около 800 евреев было убито и многие тысячи ранены, а также причинен значительный материальный ущерб. В Одессе 18–21 октября 1905 года погибло более 300 и ранено около 2000 евреев.

В 1903–1905 годах в России были опубликованы различные версии «Протоколов сионских мудрецов», сфабрикованных царской охранкой. Эта клеветническая книга до сегодняшнего дня используется против евреев как российскими антисемитами, так и их единомышленниками из других стран.[22]

После Кишиневского погрома евреи начали организовывать самооборону. В большинстве мест, где проживало большое число евреев, были созданы отряды самообороны. В крупных городах, таких, как Одесса, Киев, Кишинев, отряды самообороны насчитывали более тысячи вооружённых бойцов. Произошедший в начале апреля 1905 года погром в Мелитополе не принял большие размеры именно благодаря бойцам самообороны, которые применили огнестрельное оружие и ранили десятки погромщиков. Во время погрома в Житомире в конце апреля армия и полиция, выступившие на стороне погромщиков, убили 15 членов самообороны и ранили около сотни. В некоторых местах в защите евреев принимали участие и русские люди, однако подобные выступления были редкими исключениями на фоне массы погромщиков, поддерживаемой армией и полицией.[23] Организация обороны против погромщиков вызывала у евреев России чувство гордости за свой народ и укрепляла их национальное самосознание.

В 1-й Государственной Думе, созванной в результате свободных пропорциональных выборов, в которых и евреи имели право принимать участие, было 12 евреев, представлявших различные партии и организации. В этой Думе, собравшейся на свое первое заседание в конце апреля 1906 года, большинство составляли демократические партии. Под влиянием еврейских депутатов Дума приняла решение осудить погромы и наказать их инициаторов. Евреи-депутаты также добивались предоставления евреям равноправия. Однако в июле 1906 года, еще до того, как эти действия могли принести плоды, царь распустил Думу. До Первой мировой войны еще не раз проводились выборы в Думу, но ее полномочия были сильно ограничены и она постепенно превратилась в послушного проводника правительственной политики. Число евреев в Думе тоже снизилось после того, как власти лишили десятки тысяч евреев права участвовать в выборах.

Между тем антисемитские выступления продолжались, и новый кровавый навет, известный как «дело Бейлиса», потряс общественное мнение России и всего мира. Двадцатого марта 1911 года на окраине Киева было найдено тело христианского мальчика. Жертву убила группа преступников, однако антисемитские круги и пресса обвинили в ри-

туальном убийстве еврея Менделя Бейлиса, служащего кирпичного завода, находящегося рядом с местом, где было найдено тело мальчика. Власти надеялись с помощью лжесвидетельств доказать вину Бейлиса. Открывшийся в сентябре 1913 года суд над Бейлисом вызвал широкий общественный резонанс. Обвинение привлекло «экспертов», которые доказывали, что евреям для соблюдения религиозного ритуала требуется убивать христиан и использовать их кровь. В защите Бейлиса приняли участие лучшие еврейские и русские адвокаты. В результате, несмотря на то, что судья явным образом занял сторону обвинения и мешал защите, двенадцать присяжных – большей частью крестьяне, назначенные властями, – оправдали Бейлиса за недостатком улик. У них обнаружилось большее чувство справедливости, чем у представителей закона, сфабриковавших это дело и устроивших показательный процесс.[24]

На протяжении 19-го века в царской России существовал антисемитизм на государственном уровне, который выражался в отказе уравнять евреев в гражданских правах, в их дискриминации в разных сферах жизни и в анти-еврейских законах. Начиная с 1880-х годов и до Первой мировой войны антисемитизм всё более ужесточался, что проявлялось в пропаганде, подстрекательствах и волнах погромов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беньямин Пинкус, *Евреи России и Советского Союза* (иврит). – Иерусалим, 1986, с. 36, 38 (далее: Пинкус, *Евреи…*); Шмуэль Эттингер, *История еврейского народа* (иврит), т. 3. – Тель-Авив, 1969, с. 45 (далее: Эттингер, *История…*).
2. Пинкус, *там же*, с. 68-69; Эттингер, *там же*, с. 76.
3. Пинкус, *там же*, с. 69-70; стали подданными царя России в результате договоров, заключенных на Венском конгрессе, Еврейская энциклопедия (иврит), т. 30. – Иерусалим – Тель-Авив, 1978, с. 902. Евреи Польши, которые входят в это число.
4. Пинкус, *там же*, с. 127-128; Эттингер, *История...*, с. 147-148.
5. Авитар Призель, *Атлас «Карта» по истории народа Израиля в новое время* (иврит). – Иерусалим, 1983, с. 24-25, 30-31 (далее: Призель, *Атлас...*).
6. Эттингер, *История…,* с. 45; Пинкус, *Евреи…,* с. 41.
7. Howard M. Sachar, *The Course of Modern Jewish History*. – New York, 1990, p. 77 (далее: Sachar, *The Course*…); Пинкус, *там же*, с. 41; Эттингер, *там же*, с. 45.
8. Sachar, *ibid*, p. 79-80.
9. Пинкус, *Евреи…,* с. 42.
10. Пинкус, *там же*, с. 42-43; Zvi Gitelman, *A Century of Ambivalence*. – New York, 1988, p. 7-8 (далее: Gitelman, *A Century…*).
11. Эттингер, *История…,* с. 100; Sachar, *The Course…,* p. 82.
12. Пинкус, *Евреи…,* с. 63.
13. Sachar , *The Course…,* p. 85-86.
14. Пинкус, *Евреи…,* с. 46-48.
15. Пинкус, *там же*, с. 54-55, 105, 119. Эттингер, *История…,* с. 108, 171. Эттингер упоминает прокламацию, опубликованную народовольцами в августе 1881 года, в которой они призывают крестьян восстать против «царя, дворян и жидов».
16. Пинкус, *там же*, с. 110-111.
17. Эттингер, *История…,* с. 168; Salo Baron, *The Russian Jew Under Tsars and Soviets*. – New York – London, 1978, p. 45-46 (далее: Baron, *The Russian Jew…*).

18. Пинкус, *Евреи…,* с. 108-109; Gitelman, A Century..., p. 13.
19. Эттингер, *История…,* с. 172; Пинкус (*Евреи…,* с. 114-115) пишет, что из Москвы выселили 30 тысяч евреев, составлявших 86 процентов общего еврейского населения города.
20. Эттингер, *там же*, с. 173.
21. Пинкус, *Евреи…,* с. 112-113; Ицхак Маор, *Сионистское движение в России* (иврит). – Иерусалим, 1986, с. 277 (далее: Маор, *Сионистское…*).
22. Эттингер, *История…,* с. 264-265.
23. Эттингер, *там же*, с. 174; Маор, *Сионистское…,* с. 212, 273, 277-278, 282-284.
24. Эттингер, *там же*, с. 175; Менахем Хакоэн (ред.), *Процессы и кровавые наветы* (иврит). – Тель-Авив, 1967, с. 88-98 (далее: Хакоэн, *Процессы…*).

ГЛАВА 2

ЕВРЕИ РОССИИ В БОРЬБЕ ЗА РАВНОПРАВИЕ И НАЦИОНАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

А. ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ДВИЖЕНИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ (ХАСКАЛА)

Еврейское население России, подавляющая часть которого придерживалась ортодоксального направления, жило в городах и местечках черты оседлости общинами, в большой мере изолированными от окружающей нееврейской среды. Местами сосредоточения традиционной еврейской жизни были синагоги, дворы хасидских цадиков, а также крупные ешивы, которые появились главным образом на территории Литвы. Ортодоксальное еврейство противилось любому отклонению от традиционных норм, которые передавались из поколения в поколение. Евреи России, не в пример евреям Центральной и Западной Европы, не считали себя культурно ущербными по сравнению с большинством нееврейского населения, с которым они вступали в контакт, поскольку это население было в большинстве своем деревенским и невежественным, а его быт и культура не являлись настолько соблазнительными, чтобы заставить евреев ради них забыть свои наследственные ценности. Однако в результате проникновения в Россию просветительских идей из еврейских центров Европы и развития движения Просвещения в русском обществе среди русских евреев начало развиваться еврейское движение Просвещения (Хаскала). Истоки его следует искать в девятнадцатом веке. Пионеры этого движения стремились изменить образ жизни еврейского общества, сделать более тесными культурные контакты с нееврейским населением, его идеями и ценностями.

Движение Просвещения сосредоточилось главным образом на идее проведения коренных реформ в области воспитания и образования, в рамках которых предусматривалось введение преподавания светских дисциплин и государственного языка, чтобы способствовать сближению евреев с народами, среди которых они живут.

Движение Просвещения в России развивалось не так, как в Центральной и Западной Европе, несмотря на то, что оттуда идут его корни. Различие определялось уникальностью характера еврейского общества в каждом из этих мест, и оно нашло свое выражение в выборе направлений деятельности просветителями в России, обратившимися к своему народу. Еврейские просветители в России возродили иврит, служивший до этого только для молитв и изучения Торы, и заложили основы будущего расцвета новой светской еврейской литературы. Находясь под воздействием русской романтической литературы и литератур других народов, еврейские просветители в России выбирали для своих сочинений темы из библейской истории, поэтически описывали прошлое Эрец-Исраэль и таким образом пробуждали у народа надежду

на то, что он может изменить сегодняшнюю тяжелую и мрачную жизнь. Среди писателей-просветителей можно назвать Переца Смоленскина, Аврахама Мапу, Йегуду Лейба Гордона и других, писавших на иврите. Желая воздействовать на еврейские массы, просветители обратились и к народному языку – идишу, на котором творили Менделе Мойхер-Сфорим (Шолом Яков Абрамович) и Шолом-Алейхем (Шолом Рабинович). Писателями-просветителями двигало желание распространять идеи Просвещения и критиковать недостатки еврейского общества, не отказываясь от своего еврейства. Перец Смоленскин, например, подвергал критике еврейскую жизнь в черте оседлости, но в то же время ратовал за сохранение еврейских традиций, не принимая ассимиляции и русификации. В противоположность просветительской литературе в Западной Европе еврейские писатели-просветители в России создавали произведения, которые привели к усилению национального самосознания евреев.[1]

В еврейской просветительской среде в России не нашли понимания идеи религиозной реформы. Даже те немногие просветители, которые стремились к модернизации религии, не поддерживали реформистское движение, расцветшее в Центральной и Западной Европе. Они противились подходу реформистов, которые видели в евреях только религиозную группу, а не такой же народ, как другие народы, и хотели решить эту проблему при помощи проведения реформы в религиозной сфере. Считанные единицы евреев, культурно ассимилировавшиеся в русской среде, постепенно отдалились от еврейства и в конце концов стали выкрестами. Этот процесс затронул главным образом тех немногих евреев, которым было позволено проживать за пределами черты оседлости и в новых поселенческих районах на юге Украины.

Просветители, составлявшие лишь небольшую часть еврейского общества, испытывали серьезные трудности в борьбе за свои идеи против традиционного еврейского общинного руководства и раввинов. Они не раз прибегали к помощи властей, поскольку верили в справедливость своих идей. Просветители также использовали помощь государства в попытке оздоровить еврейскую экономику путем увеличения продуктивности труда евреев. Такая позиция сотрудничества с правительством, занятая просветителями в то время, когда молодых еврейских юношей сдавали в солдатчину на долгие годы и традиционные занятия были ограничены, вызвала негативное отношение еврейских масс к просветителям.[2] Тем не менее движение Просвещения расширялось и пустило корни даже среди учеников ешив. Послабления в области военной службы, которые во времена Александра Второго получили люди со светским образованием, привели к тому, что традиционное еврейское руководство стало меньше противиться распространению просвещения через общеобразовательные учебные заведения и современные еврейские школы, в которых кроме религиозных занятий проводилось изучение других предметов. Распространению идей Просвещения во многом способствовали просветительские издания на иврите, идише и русском языке, которые начали выходить в свет в

конце пятидесятых годов, а также появившаяся в большом количестве литература. Просветительские центры были созданы при раввинских училищах, учрежденных властями в Вильнюсе и Житомире. Просвещение в России добилось успехов в развитии еврейского общества и повышении его культурного уровня, однако его влияние испытали на себе лишь ограниченные слои населения. Подавляющее большинство евреев продолжало жить традиционной еврейской жизнью, кроме прочего, из-за отсутствия равноправия и нежелания русского общества принять евреев как равных.[3]

В последнее двадцатилетие девятнадцатого века еврейское движение Просвещения в России вызвало к жизни три основных тенденции. Одна из них имела целью политическую и общественную интеграцию в общем окружении, как это происходило в Западной Европе. Сторонники этого направления, часть которых была связана с «Обществом распространения просвещения» («мефицей хаскала»), много из них отошли от своего народа и ассимилировались. Приверженцы другой тенденции обратились к еврейскому национальному возрождению и сионизму во всех их проявлениях. Третья тенденция была связана с различными социалистическими течениями, которые в ту пору стали укореняться в русском обществе.[4]

Б. СИОНИЗМ В РОССИИ

Уже в семидесятые годы девятнадцатого века в литературе и периодических изданиях просветительского направления стали появляться сионистские идеи и мысли о возвращении в Эрец-Исраэль (Палестину). Перец Смоленскин, Элиэзер Бен-Йегуда и другие в своих сочинениях заложили основы еврейского национализма и представляли Эрец-Исраэль как центр возрождения народа. Однако кроме исторического влечения и мессианской надежды на возвращение в Сион существовала еще одна причина расцвета этих идей.

На развитие сионизма оказали свое влияние также тогдашнее национальное возрождение европейских народов и усиление в России панславянских тенденций с сопутствующими им антисемитскими настроениями. Поворотной же точкой стала волна погромов 1881–1882 годов, которая в очередной раз показала евреям, насколько сильна к ним ненависть народных масс и власти. Еврейские круги ассимилированной интеллигенции и просветителей стали возвращаться к своему народу и национально-сионистским идеям, а в различных городах России начали появляться сионистские объединения. Идеологическое обоснование этому дал просветитель Йегуда Лейб (Леон) Пинскер. В своей книге «Автоэмансипация», опубликованной в 1882 году, Пинскер подчеркивал извечную ненависть нееврейской среды к евреям и связывал ее с уникальностью самого факта сохранения еврейского народа, а также с тем, что евреи являются чужими в любом месте, где бы они ни появлялись. Возвращение в состояние нормального народа путем создания собственного государства, может быть, приведет к снижению ненависти к ним, однако это требует перестройки самосознания

евреев. Необходима не эмансипация, которую другие народы даруют евреям, а автоэмансипация, причем в собственном государстве. Пинскер примкнул к кругу «Ховевей Цион» (Ревнители Сиона) и увидел в Эрец-Исраэль место осуществления своих идей.

Участники движения «Ховевей Цион» полагали, что массовая эмиграция евреев из России в результате погромов должна вести не к расширению еврейской диаспоры на мировых просторах, а способствовать собиранию эмигрантов в Эрец-Исраэль – однако их призывы не были услышаны. Сотни тысяч переселились в Соединенные Штаты Америки и другие страны, и только несколько тысяч евреев уехали в Эрец-Исраэль, осуществив то, что позднее стали называть «Первой алией». Слухи о трудностях выживания там, которые распространялись в России, также не способствовали массовой репатриации. Но считанные тысячи эмигрантов, которые все же прибыли в Эрец-Исраэль и жили в созданных ими колониях, заложили основы возрождающегося еврейского ишува и будущих волн репатриации. «Ховевей Цион» действовали в России нелегально. Только в 1890 году власти разрешили «Ховевей Цион» заниматься деятельностью в России в качестве общества по оказанию помощи поселенцам в Эрец-Исраэль (с центром в Одессе).

В этот период к «Ховевей Цион» примкнул основатель «духовного сионизма» Ашер Гирш Гинцберг, известный под псевдонимом Ахад Ха-Ам. Он полагал, что Эрец-Исраэль должна быть прежде всего духовным центром еврейского народа и поддерживать его национальный дух.[5]

Поворотным моментом в деле распространения сионистских идей в России стала публикация книги Герцля «Еврейское государство» на русском языке и иврите в 1896 году. Из 200 делегатов Первого сионистского конгресса, состоявшегося в Базеле в конце августа 1897 года, около семидесяти представляли Россию. На конгрессе была основана Всемирная сионистская организация, задачей которой являлось «создание в Эрец-Исраэль общественно признанного и юридически гарантированного дома для еврейского народа». Эту программу стали называть «Базельской программой».

Несколько месяцев спустя на конференции в Белостоке была создана Сионистская организация России. Подобно другим российским политическим организациям Сионистская организация действовала здесь нелегально. На Втором сионистском конгрессе сионисты России решили выдвинуть на обсуждение вопрос о культурно-воспитательной и поселенческой работе. Под давлением влиятельной группы русских делегатов эти пункты были включены в программу сионистского движения наравне с политической деятельностью. Решение о проведении культурно-воспитательной работы вызвало в религиозных кругах желание создать собственную организацию. В феврале 1902 года в Вильнюсе религиозные сионисты учредили Национальную религиозную организацию «Мизрахи».[6]

Власти в России относились к сионизму двойственно. В принципе они отрицали всякого рода национальные движения нацменьшинств в России. С другой стороны, власти сочувственно относились к сионист-

ской идее массовой эмиграции евреев из России, к чему стремились и они сами. В то же время укрепление еврейской национальной идеи противоречило государственной политике, направленной на ассимиляцию зажиточных еврейских слоев. Это соображение возобладало, и в июне 1903 года вышло указание не допускать сионистской деятельности. Сионистское движение вынудили перейти на нелегальное положение, однако несмотря на это, его деятельность расширялась.[7]

В августе 1903 года в Россию приехал Герцль, который хотел добиться разрешения сионистской деятельности в России. Герцль глубоко впечатлился бедственным положением евреев России и покинул страну в убеждении, что необходимо срочно решать их проблемы.

Шестой сионистский конгресс состоялся в Базеле в 1903 году, вскоре после визита Герцля в Россию. Ужасное положение евреев России вынудило его выдвинуть «план Уганды», по которому Уганде предстояло стать центром еврейской поселенческой деятельности. Герцль отмечал, что Эрец-Исраэль продолжает оставаться конечной целью сионизма, но Уганда может послужить пристанищем для сотен тысяч преследуемых. Российские делегаты горячо выступали против этой программы, считая ее вредной для идеи сионизма и Эрец-Исраэль.[8] Тем временем правительство Великобритании решило не утверждать план поселения евреев в Уганде, и он сошёл с повестки дня.[9]

Революция 1905 года в России и сопровождающие ее погромы вызвали изменения в деятельности российских евреев и сионистов. Сионистскому движению в России пришлось ответить на вопрос, должно ли оно сосредоточиться только на воплощении сионистской идеи или же ему следует бороться за национальные и гражданские права евреев России. В резолюции, принятой на третьей конференции сионистов России в Хельсинки в 1906 году, говорилось, что сионистская деятельность в России должна основываться на двух принципах: борьбе за интересы российских евреев во всех сферах жизни и достижении главной цели сионизма, для которого решение национальной проблемы связано только с Эрец-Исраэль.[10] После состоявшихся выборов в 1-ю Государственную Думу среди избранных 12 еврейских депутатов пятеро были сионистами.[11]

На фоне нищеты и страданий, характерных для жизни эксплуатируемых еврейских масс, расцвели социализм и социалистический сионизм. Провозвестником социалистического сионизма и создателем идеологического синтеза между сионизмом и социализмом был Нахман Сыркин. В феврале 1906 года в России была создана еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион», стоявшая на марксистских позициях и поддерживающая классовую войну.

Реакционный режим, усилившись после поражения революции 1905 года, ужесточил свою антиеврейскую деятельность, направленную, помимо прочего, и против сионистских организаций. Сионисты, несмотря на трудности, не прекращали своей работы. Продолжал выходить в свет сионистский еженедельник «Рассвет», распространявший идеи

сионизма, боровшийся с антисемитизмом и за права еврейского населения. Сотрудником этого издания был Зеэв Жаботинский. Во время выборов в Думу деятельность сионистов была направлена на выдвижение еврейских кандидатов, которые будут бороться за еврейские интересы.

И в годы погромов (1903–1906), и в последующее время (до Первой мировой войны) продолжалась – даже усилилась – эмиграция в Эрец-Исраэль. Хотя из сотен тысяч евреев, покинувших тогда Россию, лишь несколько тысяч уехали в Палестину, эти эмигранты, названные «Второй алией», внесли решающий вклад в еврейскую поселенческую деятельность и создали в Эрец-Исраэль рабочее движение. Они привезли с собой также идею организации еврейской самообороны, возникшую во время погромов в России, и стали одними из основателей организации «Ха-Шомер».[12] Среди репатриантов этой волны были такие прославленные позднее лидеры еврейского ишува, как Давид Бен-Гурион и другие.[13]

В. БУНД

Подавляющее большинство еврейских социалистов в России составляли представители интеллигенции и студенты из подпольного революционного движения (народовольцев), которые были оторваны от своего народа и его нужд. Они видели свою задачу в поднятии на восстание русского крестьянства. Народовольцы считали участие крестьян в погромах положительным явлением и видели в нем признак пробуждения в массах революционного сознания, которое вначале заставит их обратить свой гнев на евреев, а затем – и на царя.[14]

Тогда же шло становление еврейского пролетариата: в конце девятнадцатого века уже около 300 тысяч евреев было занято в промышленности (преимущественно в легкой) и в ремесленничестве. Экономическое положение еврейских рабочих было очень плохим, они жили в бедности и жестоко эксплуатировались хозяевами. Евреи-социалисты – выходцы из ассимилированных кругов, которые решили действовать среди своего народа, для того, чтобы влиять на него, должны были вернуться к идишу, их прежнему разговорному языку, и своей культуре. Среди активистов еврейского рабочего движения укоренилась мысль, что у еврейских рабочих имеются собственные интересы и поэтому они нуждаются в своей организации.[15]

В октябре 1897 года в Вильнюсе представители еврейских социалистов основали организацию под названием «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (Бунд). Один из лидеров новой организации, Аркадий Кремер, выступая на учредительном съезде, заявил, что целью Бунда является «не только борьба за общероссийские политические требования, и его особой задачей будет защита специфических интересов еврейских рабочих <...> поскольку еврейские рабочие страдают не только как рабочие, но и как евреи».[16]

Бунд не был лишь политической партией, и значительная часть его деятельности протекала в сфере борьбы рабочих за свои професси-

ональные интересы. Он считал себя частью русской социал-демократии, которая боролась с самодержавием, и даже сыграл важную роль в создании общероссийской социал-демократической партии (РСДРП) в марте 1898 года. Первый съезд этой партии проводился под руководством Ленина в подпольных условиях в Минске, где уже действовал Бунд. Для нужд партии Бунд предоставил нелегальную типографию. На съезде было решено, что Бунд будет действовать в новой партии как автономная организации, занимающаяся вопросами, которые касаются еврейских рабочих.

Влияние Бунда расширялось в еврейской рабочей среде: в 1900–1905 годах число членов Бунда выросло от 5.600 до 30 тысяч человек.[17] На втором съезде РСДРП, проходившем летом 1903 года в Брюсселе (Бельгия), представители Бунда требовали организовать партию в виде федерации национальных партий, но это требование было отклонено. Съезд принял линию Ленина, который стремился к централизованной власти в партии, а кроме того, не признавал права на существование еврейского национального движения. После отказа удовлетворить его требование Бунд вышел из РСДРП.[18]

Политическая деятельность Бунда и его влияние в еврейской среде усилились после того, как он начал организовывать отряды самообороны во время погромов 1903–1906 годов. Бунд принял активное участие в революции 1905 года, после чего четвертый съезд РСДРП в 1906 году решил утвердить его автономный статус и воздержаться от принятия окончательного решения по вопросу о его национальной программе.[19]

В годы реакции, последовавшие за революционной волной 1905–1906 годов, и до свержения царизма в 1917 году деятельность Бунда, как и других революционных партий, существенно ослабела. Некоторые из бундовцев были сосланы в Сибирь, другие – эмигрировали, однако Бунд продолжал существовать и пользовался большим авторитетом у еврейского пролетариата. В области борьбы за профессиональные интересы Бунд достиг серьёзных успехов, организуя забастовки, которые привели к улучшению условий труда и повышению заработной платы. Бунд также направил усилия на разветвленную культурную деятельность, которая велась в основном на идише, языке еврейского пролетариата, и выпускал подпольные газеты на этом языке, чтобы распространить свои идеи в еврейских рабочих массах. Бунд боролся против сионизма и противился возрождению иврита. Во внутренней борьбе российской социал-демократии Бунд поддерживал меньшевиков, признававших принцип национально-культурной автономии, и выступал против большевиков, которые его отрицали. Еврейские социалисты, эмигрировавшие из России в Великобританию или США, вошли в число создателей и лидеров еврейского рабочего движения в этих странах.[20]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эттингер, *История...,* с. 124-126; Sachar, The Course…, pp. 231-232, 235-236, 242-246.
2. Эттингер, *там же,* с. 126.
3. Призель, *Атлас...,* с. 51.

4. Там же.
5. Пинкус, *Евреи…,* с. 139-140; Эттингер, *История…,* с. 182-183.
6. Маор, *Сионистское…*, с. 123, 126-127, 132-140, 152-156, 190, 196-197.
7. *Там же,* с. 189, 197, 220-222, 239.
8. *Там же,* с. 242-250; Эттингер, *История…,* с. 188.
9. Маор, *там же,* с. 260-265, 296-301; Эттингер, *там же,* с. 188-189.
10. Маор, *там же,* с. 315-319.
11. *Там же,* с. 303, 312; Эттингер, *История…,* с. 190.
12. Маор, *там же,* с. 331-335; Эттингер, *там же,* с. 198-199; Пинкус, *Евреи…,* с. 143-144.
13. Маор, *Сионистское…,* с. 335, 339, 344-346, 349.
14. Gitelman, *A Century…,* p. 17-18; Эттингер, *История…,* с. 194-195; Baron, *The Russian Jew…,* p. 138-139.
15. Gitelman, *ibid,* p. 19-20.
16. Baron, *The Russian Jew…,* p. 140-142.
17. Пинкус, *Евреи…,* с. 143; Baron, *ibid,* p. 142-143. Барон отмечает, что в 1906 году членами Бунда состояли 40 тысяч человек, а членами ленинской Российской социал-демократической партии – 160 тысяч человек.
18. Эттингер, *История…,* с. 196-197; Baron, ibid, p. 142.
19. Эттингер, *там же,* с. 197.
20. Эттингер, *там же,* с. 130, 194-195, 197; Baron, *ibid,* p. 143; Sachar, *The Course…,* p. 346-347.

ГЛАВА 3

ЕВРЕИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ (1914–1921)

А. ЕВРЕИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

К началу Первой мировой войны евреи России отнеслись патриотично. В синагогах молились о победе, десятки тысяч евреев были призваны в армию и многие верили, что власти воздадут им за это, предоставив равноправие. Однако в действительности все оказалось иначе: положение евреев только ухудшилось и довольно быстро волна воодушевления сошла на нет. Военные действия велись в районах черты оседлости, и еврейское население помимо тягот, общих для всех жителей этих районов, испытывало дополнительные страдания. Согласно приказу командующего русской армией, отданному в начале войны, евреев следовало считать потенциальными шпионами и выселять из фронтовой полосы. В первые месяцы войны русская армия захватила Восточную Галицию, включая Львов и Буковину. Опасаясь прихода русских, сотни тысяч еврейских беженцев двинулись оттуда в Вену и Западную Австрию. Те, кто остался, преследовались русскими властями, видевшими в них австрийских пособников. Некоторых обвинили в шпионаже, арестовали и даже казнили. В конце 1914 – начале 1915 годов после нескольких серьезных поражений русской армии немцы захватили обширную территорию, включавшую Варшаву, Вильнюс, Каунас и другие города, а также Восточную Галицию. В этих районах проживало полтора миллиона евреев. Немцы предприняли ряд шагов, чтобы получить поддержку местного еврейского населения. Командующий немецкой армией генерал Э. Людендорф отменил антиеврейские законы на оккупированных территориях. Облегчилась деятельность партий и еврейских организаций, они расширили систему образования на иврите и идише. Но материальное положение евреев на оккупированных территориях в условиях войны продолжало оставаться тяжелым. Экономические трудности и скопление тысяч еврейских беженцев в городах усилили антисемитизм.[1]

Положение евреев на территории России также очень ухудшилось, несмотря на то, что в русской армии во время войны служило, по разным оценкам, от 500 до 600 тысяч евреев, и многие из них были ранены или убиты. Имена отличившихся в боях евреев замалчивались, а командование русской армии враждебно относилось к евреям, обвиняло их в симпатии к немцам и шпионаже и пыталось отнести свои неудачи на их счет. Создавая таким образом атмосферу недоверия к солдатам-евреям, им запретили писать письма на идише под предлогом, что цензоры не могут читать на этом языке. При отступлении русская армия в марте 1915 года приступила к выселению евреев на восток, в результате чего

более полумиллиона евреев были изгнаны из своих домов в районах Польши, Литвы и Курляндии (Латвии).

Выселение производилось безжалостно: евреям предписывалось покинуть свои дома в течение 24-48 часов и отправиться в путь пешком или в товарных вагонах. Десятки тысяч умерли от голода или тягот в пути. Из-за недостатка мест в черте оседлости часть беженцев получила разрешение на временное пребывание вне ее пределов за исключением столичных городов Москва и Петербург.[2] Высланным был причинен огромный экономический ущерб, многие превратились в нищих. Еврейские общины, принимавшие высланных, оказывали им посильную помощь, расселяли их в частных домах, синагогах и общественных зданиях. Голод, от которого страдало все население, особенно сильно ударил по беженцам, большинство которых в отсутствие мобилизованных мужчин составляли старики, женщины и дети, а также по раненным еврейским солдатам и инвалидам, вернувшимся из армии домой. Оставшиеся внутри черты оседлости жены и дети раненных солдат–евреев, находящихся в госпиталях за пределами черты, не имели права их посещать.[3]

Б. ЕВРЕИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 ГОДА

Неудачи на фронте, тяготы и голод в тылу вызвали распространение беспорядков. Применение огнестрельного оружия против демонстрации протестующих рабочих Петрограда 26 февраля 1917 года привело к множеству убитых и раненых. На следующий день волнения усилились, а войска, отправленные на их подавление, присоединились к демонстрантам. После перехода армии на сторону народа власть пала. Второго марта 1917 года царь Николай Второй подписал указ об отречении от престола, было созвано Временное правительство, состоявшее из представителей партий центра. Александр Керенский стал министром юстиции, а в июле – министром-председателем. Левые партии в Петрограде и других городах создали Советы рабочих и солдатских депутатов – своего рода власть, параллельную правительству. Хотя большевики составляли меньшинство в этих Советах, им удалось овладеть самым важным из них, Петроградским, и поставить во главе его Л. Троцкого. Временное правительство провело реформы в общественной и политической сферах. Вместе с тем, новые руководители страны решили продолжить войну вместе с союзниками. Ленин и другие вожди партии большевиков, которые до того находились за границей (в Швейцарии) и протестовали против продолжения войны, при помощи немецкого правительства вернулись в Россию и призвали народ свергнуть новую власть и прекратить войну.

Продолжающиеся неудачи на фронте и в хозяйстве страны усилили брожение среди гражданского населения и солдат, которые с охотой встретили призывы большевиков. Седьмого ноября (24 октября по старому стилю) преданные большевикам армейские части захватили Зимний дворец – резиденцию Временного правительства и арестова-

ли большинство министров. Керенскому удалось бежать.

В истории евреев России десять месяцев между Февральской и Октябрьской революциями были самым благодатным периодом. Они приветствовали Февральскую революцию, породившую у них большие надежды. Действительно, 22 марта 1917 года, через несколько недель после начала революции, Временное правительство опубликовало указ о равенстве всех граждан независимо от вероисповедания и происхождения и отмене всех существовавших до этого дискриминационных законов. Осуществлялись многолетние мечты евреев России об эмансипации.

Теперь еврейские партии, которые в эпоху реакции после 1907 года существенно сократили свою работу, развернули разнообразную деятельность. Седьмая конференция сионистов России в Петрограде 24–30 мая 1917 года приняла решения о расширении сионистской активности. В Россию приехал Иосиф Трумпельдор и создал движение «Хе-Халуц», зародыш которого существовал прежде.[4]

Уже через считанные месяцы после революции действовало приблизительно 250 воспитательных учреждений (от детских садов до учительских семинарий), в которых работа велась на иврите. В Москве открылся еврейский театр «Габима». Декларация Бальфура (начало ноября 1917 года) была с энтузиазмом встречена сионистами России, связанные с ней надежды способствовали расширению сионистской деятельности. Однако беда сионизма в России состояла в том, что через пять дней после провозглашения Декларации Бальфура произошел большевистский переворот, который оторвал евреев России от мирового еврейства.[5]

Бунд был в большей степени, чем сионистские партии, вовлечен во внутреннюю российскую политику. Бундовцы участвовали в работе Советов рабочих и солдатских депутатов во многих городах России. Они поддерживали политику меньшевиков, согласно которой в России следует после свержения царской власти сначала пройти стадию капитализма. Это противоречило позиции Ленина и большевиков, стремившихся свергнуть Временное правительство и создать коммунистический режим.

Другие еврейские партии также возобновили свою деятельность. Большинство их в первую очередь добивалось оживления жизни общин, являющихся фундаментом национальной автономии. Во второй половине июля 1917 года в Петрограде представители еврейских партий и общественных организаций собрались для обсуждения вопросов созыва всеобщей конференции евреев России. Выборы на конференцию назначили на начало декабря, но разразилась большевистская Октябрьская революция, а с ней пришел конец недолгому периоду демократического правления. Конференция не состоялась, её запретила советская власть.[6]

В. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ПОГРОМЫ

Захват власти большевиками открыл новую страницу в истории Рос-

сии вообще и истории российских евреев в частности. За считанные недели в большей части страны была установлена власть Советов рабочих и солдатских депутатов, где в главных ролях выступали большевики. Во главе государства встал Совет Народных Комиссаров, руководил которым Ленин. Новый советский режим нуждался в прекращении войны любой ценой. В декабре 1917 года в Брест-Литовске начались мирные переговоры с Германией, которые завершились 3 марта 1918 года соглашением на условиях, продиктованных немецкой стороной. России пришлось отказаться от польских территорий, прибалтийских стран и значительной части Украины, в том числе от Киева.

Контрреволюционные силы, которые назывались «белыми» (в отличие от советских «красных»), начали военные действия для подавления большевистской революции. В 1918–1920 годах на территории России велась кровопролитная Гражданская война. Действия белых характеризовались крайним антисемитизмом, а в своей пропаганде они заявляли, что большевистская власть является еврейской властью. Действительно, среди вождей нового режима было много евреев, и вторым лицом после Ленина был еврей Лев Троцкий – один из архитекторов Брест-Литовского мирного договора, организатор и руководитель Красной Армии.

Евреи заняли ключевые посты в нарождающемся советском аппарате власти, поскольку большая часть прежних государственных служащих примкнула к контрреволюционным силам. Необходимо, однако, отметить, что большинство этих людей относилось к небольшой группе ассимилированных евреев, не имевшей почти никакой связи со своим народом. Подавляющая масса евреев, проживавших прежде в черте оседлости, держалась вдалеке от коммунистической партии и ее идеологии, так как у них не было никакой причины приветствовать большевистскую революцию. Временное правительство во главе с Керенским даровало им равноправие, и в считанные месяцы от Февральской революции до большевистского переворота в еврейской политической и общественной жизни наблюдался небывалый расцвет. Но контрреволюционным силам, всегда являвшимся антисемитскими и реакционными, было удобно указывать на отдельных евреев в советском руководстве и представлять революцию как дело враждебных России еврейских рук. Это вызвало бешеную волну еврейских погромов. Положение было особенно тяжелым на Украине, где проживало более полутора миллиона евреев и исторически формировались юдофобские настроения.

На территории Украины велись тяжелые бои между белыми, которыми командовал Деникин, националистическими украинскими частями и частями Красной Армии. Украинские националисты использовали революцию в России для реализации своих национальных задач, и в январе 1918 года в Киеве украинский парламент – Центральная Рада – провозгласил независимость Украины.

После поражения Германии в мировой войне немцы отступили из Украины, и в декабре 1918 года в Киеве было создано независимое украинское правительство, а С. Петлюра назначен командующим укра-

инской армией. В течение многих месяцев значительную часть территории Украины контролировали местные националистические отряды под предводительством атаманов. В конце 1919 года Красная Армия разгромила войска Деникина и Петлюры и овладела всей Восточной Украиной. Различные вооруженные соединения продолжали действовать до 1921 года, когда Красная Армия их окончательно уничтожила.

Частая смена власти сопровождалась жесточайшими еврейскими погромами, которые устраивали регулярные части белых, формирования украинских националистов, различные банды и погромщики из местного населения. В 1918–1920 годах на территории Украины произошло более 1200 погромов. Начало их относится к марту–апрелю 1918 года, основная волна приходится на 1919 год, а в меньших масштабах они продолжались до 1920 года. Характерным примером может служить погром, учиненный петлюровцами в городе Проскуров (Хмельницкий) 15 февраля 1919 года. После того, как просоветские силы были выбиты из города, в нем состоялся торжественный смотр захватившей его украинской части. В речи, обращенной к бойцам, командир части атаман Самосенко сказал, что самыми опасными врагами являются евреи и что следует уничтожать их до последнего. После смотра и парада с оркестром солдаты разбились на группы по пять-десять человек и, переходя от дома к дому, зарубили 1600 евреев. Через четыре часа был отдан приказ прекратить погром, и собравшаяся часть в сопровождении оркестра с пением промаршировала на железнодорожную станцию.[7] Недалеко от Проскурова, в местечке Фельштин они повторили погром вместе с присоединившимися бандами из окрестных сел, ободренными тем, что происходило в Проскурове. Нееврейский свидетель погрома писал так:

> *«Гайдамаки рассыпались по местечку, и начались вопли, стоны, глумливый смех, плач детей, мольбы и крики насилуемых девушек... Большинство зарезанных женщин предварительно насиловались... Многие из уцелевших подвергались той же участи. <...> Били, кололи, резали – неутомимо. По улицам люди с трудом перебирались через трупы и скользили по крови, как по лужам в ненастный день. <...> Убито было 485 человек, ранено 180...»*[8]

Подобные погромы петлюровцы и украинские банды учинили в Елизаветграде (15–17 мая 1919 года здесь было убито 1526 евреев), Радомысле (1 июня 1919 года убито около тысячи евреев) и других городах и местечках по всей Украине (в каждом из них сотни погибших). Один из евреев описывал в своем дневнике ужасные события, выпавшие на долю еврейских жителей Чернобыля в течение нескольких недель апреля 1919 года, когда город захватила хозяйничавшая к северу от Киева банда атамана Струка. Дневник начинается 7 апреля, и в нем написано следующее:

> *«На улицах всюду раздавались выстрелы, звон разбитых стекол, гул, шум, душу раздирающие визги и вопли. Вооруженные бандиты врываются в квартиры, стреляют, убивают, кричат: «Жиды–коммунисты, откройте, а то убью... Перережем... Утопим всех как собак,*

– хозяин, отчини».

Вот подходят к нашему дому, раздался выстрел у наших дверей. Я решил пожертвовать своей жизнью, – детей спрятал в погреб и открыл дверь. С озверелыми лицами, с налитыми кровью глазами кричали: «К стенке, жиды–коммунисты! <...> Где твои молодые коммунисты? <...> »

Я упал и с плачем молил о пощаде, а они отвечали: «Если хочешь остаться живым, отдай все твое добро». Забрали часы, три тысячи рублей и ушли пообещав: «Все равно завтра всех жидов потопим»...

Я подхожу к окну... базар полон крестьянскими телегами, – оказалось, перед наступлением Струк распорядился, чтобы все крестьяне с подводами следовали за армией грабить и громить.

Солдаты и крестьяне взламывают замки и двери и расхищают товар. Из квартир тащат подушки, перины, одежду, разный домашний скарб. <...>

Погром продолжается во всей своей широте, каждого попадающегося молодого еврея принимают за коммуниста и убивают. <...>

Местные мещане расхаживают по городу, как будто это к ним не относится, и со скрытым злорадством взирают на ужасы. <...>

Мальчики русские бегают по улицам и призывают солдат: «Идемте, у нас на улице у русского жид прячется». Толпой солдаты бегут ловить его. Русские начертили у ворот кресты. Написали: «Здесь живет христианин». <...>

Кравченко <один из заместителей Струка> отправляет экспедицию для погрома в Камарин и произносит речь: «Ни одного жида не оставьте там, ни одного. Всех в Днипр, остальных в Палестину».

К вечеру приехали из Камарина, нагруженные чемоданами и награбленным, хвалятся: «Потопили 58 детей и женщин». <...>

Струковцы удрали. Подходят большевики. Что-то с нами будет?..»[9]

Последнее предложение в дневнике написано 2 мая 1919 года. В сотнях деревень, где евреев было немного, их всех убили, и у нас нет никакой информации о том, что и как там происходило.

Погромы армии Деникина по своей жестокости не отличались от петлюровских погромов. В середине октября 1919 года, через несколько дней после вступления в Киев, деникинцы устроили еврейский погром, продолжавшийся пять дней. Во время погрома были убиты около 600 евреев, и большая часть их домов и лавок была разграблена. В конце сентября того же года при подобном погроме в городе Фастов деникинцы убили около тысячи евреев и уничтожили целиком ряд еврейских кварталов.[10]

В этой волне погромов погибло около 50 тысяч евреев, а с учётом тех, кто умер позже от ран, голода и болезней, число еврейских жертв в результате Гражданской войны и погромов достигает не менее 150 тысяч человек. Около полумиллиона евреев были высланы или бежали из мест своего проживания. После бесчинств остались десятки, если не сотни тысяч вдов и сирот. Более трети еврейских домов на Украине

были сожжены или покинуты. Множество небольших общин перестало существовать. В некоторых местах, например, в Одессе, евреи организовали вооруженные отряды самообороны и смогли защитить себя.[11] Максим Горький, которого погромы ошеломили, писал в своем дневнике в 1921 году:

«Не надо скрывать мрачную правду, – ведь нигде в мире не режут, не истребляют евреев с такой горячей любовью к делу, как у нас, на Руси. Еврейские погромы по энергии своей, несомненно, стоят на первом месте в ряду «великих исторических деяний русского народа», и для меня ясно, что страсть к этой деятельности все возрастает у нас.

Я наблюдаю этот рост с 1885 года, когда лично был свидетелем небольшого – количественно – истребления евреев в Нижнем Новгороде. Но погромы 80-х годов и количественно, и качественно уступают погромам 1905–1906 годов, а ныне текущие ужасы оставляют далеко за собой по массе жертв и жестокости приемов знаменитые убийства в Кишиневе и Белостоке. Прогресс – очевиден».[12]

В некоторых местах на Украине красноармейцы из конницы Буденного устроили еврейские погромы, однако командование жестко отреагировало на них, и погромы прекратились.

То, что не удалось сделать коммунистической пропаганде в еврейской среде, сделали погромы. Евреи увидели в Красной Армии и советской власти своих защитников и избавителей от погромов, в результате чего десятки тысяч далеких от коммунистической идеологии евреев вступили в Красную Армию и сражались в ее рядах.[13]

Одновременно с боевыми действиями и погромами в Восточной Украине на западе её шла война между украинцами и поляками. 13 ноября 1918 года во Львове украинская «Национальная рада» провозгласила создание независимой Западноукраинской народной республики (ЗУНР). Получившая в это время независимость Польша не отступилась от Восточной Галиции, и ее армия 23 ноября захватила Львов. Войдя во Львов, польские солдаты устроили еврейский погром. Более ста евреев были убиты, сотни ранены и разграблено большое количество имущества. Поводом для погрома послужило то, что евреи якобы поддерживали украинцев, хотя в действительности понимающая свое положение еврейская община в целом занимала нейтральную позицию в украинско-польском конфликте.[14]

Евреи оказались жертвами еще одного вооруженного конфликта – войны между Польшей и Советской Россией в 1919–1920 годах. Военные действия велись на местах проживания значительного числа евреев, и польская армия видела в них пособников Советов. Польские солдаты устраивали еврейские погромы при захвате Пинска, Лиды и Вильнюса. Отношение к евреям ухудшилось настолько, что служивших в польской армии еврейских солдат и офицеров, не исключая тех, кто пошёл в армию добровольно, арестовали и отправили в лагерь в Яблонке, где в результате скопилось 17 тысяч еврейских военнослужащих.[15]

В октябре 1920 года Польша и Советская Россия прекратили воен-

ные действия. Согласно договору о перемирии, Западная Белоруссия и Западная Украина отошли к Польше. Теперь и прибалтийские страны – Литва, Латвия и Эстония – получили независимость, а Бессарабия и Северная Буковина были присоединены к Румынии. В результате из примерно 5.200.000 евреев, которые проживали в Российской империи накануне Первой мировой войны, в Советской России оказалось около 2.600.000. Приблизительно столько же евреев осталось на территориях, включённых в состав новых независимых государств, а также Бессарабии и Северной Буковины.[16]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эттингер, *История...,* с. 175-176; Sachar, *The Course...,* p. 161-162; Tomaszewski J. (ed.) *Najnowsze Dzieje Żydów w Polsce.* – Warszawa, 1993, p. 116-119 (далее: Tomaszewski, *Najnowsze Dzieje...*).
2. Из-за немецкого звучания названия города Петербург его в начале войны переименовали в Петроград.
3. Эттингер, *там же,* с. 175-176; Baron, *The Russian Jew...,* p. 157-159; Sachar, *The Course...,* p. 349-350.
4. Маор И. *Сионистское...,* с. 429-430, 434, 446-450, 483.
5. Эттингер, *История...,* с. 247-248; Gitelman, *A Century...,* p. 90.
6. Маор, *Сионистское...*, с. 456-463.
7. З.С. Островский (ред.). *Еврейские погромы, 1918–1921.* – Москва, 1926, с. 31-32 (далее: Островский, *Еврейские погромы...*).
8. С.А. Гусев-Оренбургский (ред.) *Книга о еврейских погромах.* – Петербург – Берлин, 1921, с. 35-36 (далее: Гусев-Оренбургский, *Книга...*).
9. Гусев-Оренбургский, *Книга...,* с. 55-62.
10. Островский, *Еврейские погромы...,* с. 16-18.
11. Gitelman, *A Century...,* p. 106; Baron, *The Russian Jew...,* p. 184-185; Пинкус, *Евреи...,* с. 167. Лещинский пишет о том, что 75 тысяч человек было убито, 50 тысяч женщин овдовело и около 100 тысяч детей осталось сиротами. – См.: Яаков Лещинский. *Евреи в Советской России* (иврит). – Тель-Авив, 1943, с. 53 (далее: Лещинский, *Евреи в Советской России...*).
12. Гусев-Оренбургский, *Книга...,* с. 161.
13. Nora Levin, *The Jews in The Soviet Union,* vol. 1, New York – London, 1990, p. 60-61.
14. Арон Вайс, Авраахам Вайн, Данута Домбровска (ред.) *Хроника Восточной Галиции* (иврит). – Иерусалим, 1980, с. 24 (далее: Вайс и др., *Хроника Восточной Галиции...*).
15. Ezra Mendelson. *The Jews of East-Central Europe between the World Wars.* – Bloomington, 1983, p. 40 (далее: Mendelson, *The Jew of East-Central Europe...*); Tomaszewski J. Najnowsze…, p. 149.
16. Пинкус Б. *Евреи...,* с. 196; Sachar, *The Course...,* p. 415.

ГЛАВА 4

ЕВРЕИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1920-1930 ГОДАХ

А. ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД В СВЕТЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Политика Советского Союза по отношению к евреям диктовалась идеологическим подходом основоположников коммунизма к «еврейскому вопросу» и их взглядами на еврейский народ и его будущее. В этой политике можно обнаружить временные тактические отклонения, продиктованные реальными обстоятельствами, но общая тенденция оставалась неизменной. Основоположники и проводники идей коммунизма Маркс, Ленин и Сталин, считали, что евреи обречены на ассимиляцию с народами, среди которых они живут. Карл Маркс видел в евреях продукт и суть капиталистического строя, с уничтожением которого евреи должны раствориться в нееврейской среде.[1]

Взгляды Ленина на еврейскую проблему определялись трудами Маркса и положением евреев в России. Ленин видел в евреях народ угнетенный и преследуемый, и считал, что стоит только отменить наложенные на них ограничения, как они немедленно сольются с окружающими народами. Ленин писал в партийной газете «Искра», что сама идея существования еврейской нации реакционна и противоречит интересам еврейского пролетариата.[2]

На отношение Сталина к евреям повлияла коммунистическая идеология, но, кроме того, можно предположить и личные причины. Начальное образование, в котором присутствовали элементы религиозного антисемитизма, Сталин получил в ортодоксальной духовной семинарии в Грузии. Потом он приобрел личный опыт, ближе познакомившись с евреями в ходе своей деятельности в русской социал-демократической партии и борьбы внутри партии, в основном с меньшевиками, среди чьих лидеров было много евреев.[3] В статье «Марксизм и национальный вопрос», написанной Сталиным в 1913-м году, нация определяется им как исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, характеризующаяся общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. При отсутствии хотя бы одного из указанных признаков рассматриваемая группа не является нацией. На основе этого определения Сталин утверждал, что евреи, рассеянные по всем странам мира, не представляют собой единую нацию.[4] Сталин считал ассимиляцию евреев среди окружающих народов исторически необходимой.

В вопросе об ассимиляции евреев коммунистическая идеология и ее носители были солидарны с политикой царизма в девятнадцатом столетии. Эта идеология подверглась испытанию на прочность, когда большевики пришли к власти.

Отношение коммунистических властей к еврейскому народу опре-

делялось как идеологическим подходом, так и общей советской государственной политикой по отношению к национальным меньшинствам, не имеющим собственной территории (например, полякам, немцам, проживавшим на Украине, грекам, цыганам и другим). Еврейскому вопросу придавалось большое значение еще и с точки зрения антирелигиозной борьбы, которую активно проводила советская власть, поскольку принадлежность к еврейскому народу отождествлялась с принадлежностью к иудейской религии. Многие из еврейских учреждений, например, имели религиозную основу либо включали в себя элементы религии.

В многонациональном Советском Союзе национальный вопрос требовал от коммунистической партии немедленных решений. Поэтому уже во второй половине ноября 1917 года, сразу же после прихода большевиков к власти, был создан Народный Комиссариат по делам национальностей во главе со Сталиным. Комиссариату предстояло выработать пути культурного и экономического развития наций в России. При Народном Комиссариате были организованы национальные отделы, которые тоже назывались комиссариатами, и среди них – Комиссариат по еврейским делам.

Б. КОМИССАРИАТ ПО ЕВРЕЙСКИМ ДЕЛАМ И «ЕВСЕКЦИЯ»

Октябрьская революция открыла новую эру в истории евреев России. Комиссариат по еврейским делам образовали только через три месяца после создания Народного Комиссариата по делам национальностей, поскольку не сразу нашлась подходящая кандидатура на пост руководителя. Он должен был принадлежать к народным еврейским массам, хорошо знать их жизнь и язык, чтобы работать в их среде. Среди партийной элиты было немало евреев, но они уже утратили связь со своим народом, его культурой и бытом, и потому на должность главы еврейского комиссариата не подходили. Нужный руководитель в конце концов обнаружился: Шимон Диманштейн. Он резко отличался от других евреев правящей верхушки. Диманштейн окончил ешиву, вел революционную деятельность в кружках в Вильно, его арестовали и сослали в Сибирь, откуда он бежал в Париж. В эмиграции Диманштейн продолжал работать в большевистских кружках и был близок к Ленину.

Коммунистическая партия не имела никакой опоры среди еврейских масс, даже пропагандистских материалов на идиш у коммунистов почти не было.[5] Комиссариату по еврейским делам требовалось создать «смычку» между идеей коммунизма и народными массами. Его главными задачами были: 1) агитация на идише, чтобы привлечь к идеям коммунизма еврейские массы, которые, как правило, принимали новый режим без особого восторга, и 2) борьба с сионистскими и еврейскими социалистическими партиями, имевшими большое влияние в еврейской среде, до полного их уничтожения.

Комиссариат по еврейским делам выпускал на идише газету «Дер Эмес». Одновременно с организацией Комиссариата по еврейским делам и началом его работы в партии в Отделе пропаганды Центрального

Комитета Коммунистической партии организовали еврейскую секцию – «Евсекцию», подобную другим национальным отделениям: польскому, немецкому и т.п. Эти отделения служили инструментом для проведения в жизнь политики партии среди национальных меньшинств. Евсекция имела центральный секретариат в Москве, а также свои областные и районные филиалы. Диманштейн был одновременно Главным секретарем Евсекции. Комиссариат по еврейским делам, будучи государственным учреждением, занимался организационными вопросами, а Евсекция – агитацией еврейских масс за дело коммунизма.

Первая Всесоюзная конференция представителей Комиссариата по еврейским делам и Евсекции состоялась 20 октября 1918 года. Инициаторы конференции провозгласили, что две эти организации возникли «не потому, что мы требуем национальной еврейской автономии», а для того, «чтобы распространить идеи Октябрьской революции среди трудящихся еврейских масс, и только для этого».[6] В решении конференции говорилось:

> *«Всем учреждениям, функционировавшим до сих пор на еврейской улице, вроде общин и тому подобных организаций, больше нет места в нашей жизни... Еврейский рабочий... берет власть в свои руки и провозглашает диктатуру пролетариата в еврейском обществе».*[7]

В 1924 году Народный Комиссариат по делам национальностей был расформирован, а заодно с ним – и Комиссариат по еврейским делам. Единственной еврейской организацией, продолжавшей действовать, осталась Евсекция. Она по-прежнему сосредотачивала свои усилия на пропаганде среди евреев коммунистической идеологии, на борьбе с еврейской религией и с тем, что еще оставалось от сионизма. Одновременно Евсекция занималась распространением культуры идиш в надежде заложить основы национальной еврейской жизни в советском государстве.

1928 год оказался поворотным пунктом во многих областях жизни в СССР. Единовластие Сталина укрепилось, закончился относительно либеральный период НЭПа (Новая экономическая политика), начались годы пятилеток – время интенсивной индустриализации, усиления давления власти на граждан, разворачивания коллективизации сельского хозяйства. В конце двадцатых годов обострилась борьба с «националистическими тенденциями», которые проявились в разных республиках. Евсекцию обвинили в излишнем рвении при насаждении еврейской культуры и в «национальных перегибах», а в январе 1930 года закрыли. Это означало, прежде всего, игнорирование властями самого факта существования еврейского народа и его особого положения.

Комиссариат по еврейским делам и Евсекция несли знамя борьбы против еврейских учреждений, против еврейских партий, против еврейской религии. Они преданно работали и верно служили власти и коммунистической идеологии. Когда же советская власть решила, что роль Комиссариата и Евсекции сыграна, эти учреждения расформировали.[8]

В. БОРЬБА С ЕВРЕЙСКИМИ ОБЩИНАМИ И РЕЛИГИЕЙ

Коммунисты стремились построить атеистическое общество. С самого своего рождения Советская власть воевала с религией, интенсивность этой борьбы диктовалась различными факторами внешней и внутренней политики. В декабре 1917 года все религиозные организации получили распоряжение передать свои школы и семинарии Народному комиссариату просвещения. Борьбу с еврейской религией поручили Евсекции, чтобы никто не мог истолковать это как антисемитизм.

Еврейские общины, расцветавшие в период между Февральской и Октябрьской революциями, были ликвидированы приказом Комиссариата по еврейским делам в июле 1919 года. В результате многие области общественной жизни и рядовые евреи сильно пострадали. Общины ведали школами, домами престарелых, больницами, сиротскими домами, – всем тем, в чем евреи, особенно беднейшие из них, очень нуждались. На содержание подобных заведений у Комиссариата и у Евсекции не было средств, а разрешить еврейским учреждениям существовать самостоятельно не позволяла идеология. С отменой общин ликвидировались многие области жизни, носящие уникальный еврейский социальный и культурный характер, выработанные в течение многих поколений в странах рассеяния.

С еврейской религией боролись наиболее активно в Белоруссии и на Украине, где проживало большинство евреев страны. Борьба велась разными способами. Помимо прочего, проводилась энергичная пропаганда, выходили книги антирелигиозного содержания, созывались съезды еврейских рабочих. Многие синагоги были закрыты «по требованиям трудящихся», которые организовывались Евсекцией; она порой не гнушалась применять и силу против протестовавших верующих.[9]

В большинстве городов были конфискованы здания центральных синагог, но под давлением прихожан оставлены маленькие синагоги, «штибелах». Хедеры официально закрыли, но они, а вместе с ними и некоторые ешивы, продолжали действовать подпольно. Боролись также против соблюдения субботы и праздников. Тех, кто отказывался работать в эти дни, карали увольнением с работы и арестами. В 1918 году раввины (как и христианские священнослужители) законом были лишены гражданских прав (таких людей называли «лишенцами»). Тем самым они потеряли права на жилье, паек и медицинскую помощь; на поступление их детей в школу накладывались ограничения. Среди раввинов и священников часто проводились аресты, многие из них были сосланы. Евсекция представляла эти религиозные гонения как «борьбу еврейского пролетариата против еврейской буржуазии».[10]

Антирелигиозная деятельность была направлена против любой религии вообще, но евреев она задевала сильней всего. На протяжении многих поколений существовала религиозная жизнь, включавшая в себя общественные и социальные аспекты. Еврейская религия и еврейская национальность были тождественны. Несмотря на процесс секуляризации, который евреи России прошли на одно поколение раньше, чем совершилась революция, несмотря на появление еврейских

светских движений различного толка, сохранялись еврейская религия и еврейские религиозные учреждения – твердая основа еврейской жизни, они-то и спасали евреев от ассимиляции. Поэтому борьба против еврейской религии, которую проводила советская власть, в отличие от борьбы против других религий, приобрела также формы войны с евреями как нацией.

Закрытие синагог и общинных учреждений не прекратило еврейскую религиозную жизнь, но ее объем очень сократился по сравнению с периодом до Октябрьской революции, и порой она проходила в подпольных условиях. Точных данных о количестве синагог и их прихожан не имеется. В советском законе было записано, что основной ячейкой в религиозной жизни является «двадцатка»: группа, состоящая из двадцати граждан, которая имела право обратиться к властям за разрешением на открытие молельного дома.[11] По сообщениям Евсекции, на 1 сентября 1926 года было зарегистрировано более 1.000 религиозных групп, в которые входило 137.437 верующих. Согласно неполным данным, в 1927 году на одной только Украине действовало 1.034 синагоги.[12]

Вследствие политических перемен в СССР и ужесточения внутренней политики в начале тридцатых годов борьбу с религией поручили секретным службам, государственным учреждениям и комитетам Коммунистической партии на местах. В тридцатые годы число молельных домов снизилось из-за преследований и из-за того, что молодежь отдалялась от религии под влиянием антирелигиозной пропаганды и школьного обучения. Миграция евреев из Белоруссии и Украины в крупные российские города способствовала ослаблению связи с религией, поскольку, переезжая, они отрывались от еврейских районов проживания, где еще сохранялись религиозные традиции. Закрытие синагог и еврейских поселений, а также аресты «служителей культа» продолжались, то усиливаясь, то ослабевая, до конца тридцатых годов, вплоть до начала Второй мировой войны.

Г. ЛИКВИДАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЕВРЕЙСКИХ ПАРТИЙ

Евсекция, как сказано выше, сосредоточилась, помимо прочего, на борьбе с национальными еврейскими партиями и движениями, а также с любыми формами независимых еврейских организаций. При этом Евсекция пользовалась самыми разными методами: законодательством, пропагандой, принуждением.

Борьба с Бундом

Против Бунда Евсекция применяла и давление, и агитацию, и подрыв партии изнутри – любые приемы, лишь бы уничтожить Бунд и заставить его членов примкнуть к Коммунистической партии. Бунд являлся марксистской партией, что с идеологической точки зрения облегчало задачу Евсекции. Но процесс шёл нелегко и сопровождался острой борьбой внутри Бунда.

В марте 1921 года последняя конференция Бунда приняла решение о роспуске партии и о присоединении бундовцев к Коммунистической

партии. Но большинство членов Бунда не захотело примкнуть к коммунистам и отказалось от дальнейшей партийной деятельности. Лидеры Бунда, перешедшие на сторону Коммунистической партии, заняли видные посты в Евсекции, но в процессе «чисток» часть их отсеяли из партийных рядов, многих же уничтожили физически во время репрессий тридцатых годов.[13]

Борьба с сионизмом

Сионизм был самым сильным движением среди евреев России, когда коммунисты пришли к власти. Декларация Бальфура, подписанная в ноябре 1917 года, и пробуждённые ею надежды евреев дополнительно укрепили сионистское движение в России. Все течения сионизма видели в Эрец-Исраэль будущее еврейского народа, и смена власти в России не изменила их позиции. Поэтому Евсекция боролась с сионистами гораздо более агрессивно и непримиримо, чем с Бундом. Бундовцы – извечные противники сионизма, которые влились в ряды Евсекции, приняли участие в этой борьбе.

Из трех течений, существовавших в русском сионизме – общесионистского, религиозного и социалистического – два (общесионистское и религиозное) прекратили свою деятельность после того, как Советское правительство приняло законодательство, ставившее вне закона буржуазные и клерикальные партии. Но отдельные фракции в социал-сионистском течении еще продолжали бороться за своё существование – легально или нелегально – до конца двадцатых годов.

Халуцианское движение, стремившееся привести молодежь к производительному труду и к созданию общества трудящихся в Эрец-Исраэль, получило признание властей, несмотря на протест Евсекции, и организовало в Крыму, Белоруссии и Украине десятки хозяйств, в которых сотни юношей и девушек проходили сельскохозяйственную подготовку перед отъездом в Эрец-Исраэль.

Тяжелое экономическое положение сотен тысяч евреев, лишившихся традиционных источников заработка в результате революции, способствовало успеху сионистской агитации, утверждавшей, что Советская власть не в состоянии решить их проблем, и помогало противостоять Евсекции. Евсекция, стремясь подавить деятельность сионистов и ограничить их влияние, пользовалась помощью правительственных учреждений и Коммунистической партии. В 1922 – 1924 годах были арестованы и отправлены в тюрьмы сотни сионистов, часть из них сослали в Сибирь. В марте 1928 года власти официальным постановлением запретили деятельность «Хе-халуц» и закрыли его печатный орган.[14]

В конце двадцатых – начале тридцатых годов организованная сионистская подпольная деятельность в СССР была парализована, однако сионистская идея и стремление уехать в Эрец-Исраэль не угасли: в 1919 – 1924 годах туда прибыло около 20.000 советских евреев, а в 1925 – 1936 годах еще около 12.500 человек.[15]

Наступление на сионизм сопровождалось борьбой с языком иврит. 19 августа 1918 года Комиссариат по еврейским делам провозгла-

сил, что языком преподавания в еврейских школах должен быть идиш. Большинство писателей, писавших на иврите, как Х.Н. Бялик, Ш. Черниховский и др., уехало из России вскоре после революции. Тех, кому не удалось уехать, арестовали или сослали.[16]

Существование еврейского театра «Габима» до 1926 года было исключением в борьбе советской власти с сионизмом и еврейской культурой. Премьера «Габимы» состоялась в октябре 1918 года в Москве. Руководители Евсекции и газеты «Дер Эмес» критиковали «Габиму», но она пользовалась поддержкой М. Горького и других крупных деятелей культуры России. В 1926 году «Габима» уехала из СССР на гастроли в Европу и США и не вернулась.[17]

Д. УНИЧТОЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЕВРЕЙСКИХ СПОСОБОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Семь лет войны, революции и гражданской войны (1914 – 1921) расшатали до основания экономическую базу еврейского населения, и прежде нищее и обездоленное. Посредничество между городом и деревней, когда-то важнейшее занятие евреев черты оседлости, почти полностью прекратилось. В послевоенной разрухе ни город, ни деревня ничего не могли предложить друг другу.

Частные предприятия, включая мелкие артели, были национализированы, мелкая торговля почти исчезла. Торговая сделка либо попытка раздобыть сырье и материалы для работы считались спекуляцией и карались расстрелом. Спецификой структуры еврейского общества было наличие множества мелких торговцев и кустарей-одиночек, а они в советское время считались «буржуазией» и страдали от различных конфискаций, нередко проводившихся в тот период. Большинство еврейского населения в местечках лишилось постоянного источника заработка, лишь немногие могли получить работу в государственных учреждениях. Молодежь покидала местечки и уходила в большие города, пытаясь найти там заработок. Одним из отрицательных результатов политики «военного коммунизма» было вырождение еврейского местечка – «штетла».[18]

Другая проблема, причинявшая страдания евреям, состояла в том, что многие из них принадлежали к категории «лишенцев», включавшей в себя и тех, кто в прошлом нанимал работников (по советской терминологии – «занимался эксплуатацией») и «людей с политическими взглядами, враждебными новому строю» и священнослужителей. «Лишенцы» не имели право состоять на учете на бирже труда, были лишены права на труд, на медицинскую помощь и платили повышенные налоги. По приблизительным подсчетам, количество евреев, определенных как «лишенцы», составляло 830.000.[19]

Чтобы помочь нуждающимся в их бедственном положении, в июне 1920 года при содействии «Джойнта» был создан «Общественный Еврейский Комитет помощи жертвам погромов». Советскую власть интересовало получение помощи от мирового еврейства, а еврейские благотворительные организации, со своей стороны, хотели поддержать

евреев России. В то время Советское правительство стремилось разорвать кольцо политической и экономической блокады, которым окружили его многие западные страны, и оно обратилось к миру с просьбой оказать России экономическую помощь. Общественный Еврейский Комитет действовал чрезвычайно эффективно: в одном только 1921 году 50.000 еврейских детей (преимущественно сирот) получили продовольствие и одежду. Комитет также обеспечивал медицинскую помощь еврейским сельскохозяйственным поселениям на Украине и в Крыму, многие жители которых бежали от погромов, а в годы «военного коммунизма» жестоко страдали от голода. Однако Комитет мог решить только немногие из проблем, свалившихся на евреев России в те годы.

Тяжелое экономическое положение и отсутствие у крестьянства заинтересованности в увеличении производства сельскохозяйственной продукции для голодного городского населения заставили Ленина в 1921 году изменить экономическую политику «военного коммунизма», которая выражалась в конфискации у крестьян продовольствия. Родилась «Новая Экономическая Политика» – НЭП. Продразверстку заменил продналог, излишки же продукции крестьяне теперь могли продавать на рынке. Отныне крестьянин начал стараться производить больше продукции, чтобы иметь возможность приобретать в городе необходимые ему вещи. Это привело к развитию производства в городе, к росту легкой промышленности, частной инициативы и торговли.

НЭП открыл евреям обнадёживающие возможности. Снова возникла необходимость в посредничестве между городом и деревней, снова расцвела торговля. Еврейские ремесленники открывали мастерские. НЭП позволил городам и местечкам «прийти в себя». Но экономическое возрождение длилось недолго, и лишь немногим евреям удалось поправить свое финансовое положение. Налоги, которыми обложили частную инициативу, и соперничество государственной промышленности с частным производством, которому не хватало сырья и материалов, вынуждали многих евреев закрывать свои предприятия. А то обстоятельство, что многие из них были «лишенцами», еще более утяжеляло их участь. Таким образом, широкие массы еврейского населения СССР продолжали оставаться без постоянного источника заработка.

Е. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Трудное положение, сложившееся после окончания гражданской войны, заставляло многих евреев Белоруссии и Украины искать спасения от голода, обрабатывая приусадебные участки или создавая новые сельскохозяйственнные поселения. В Белоруссии еврейское сельское хозяйство сводилось главным образом к обработке земли на окраинах еврейских местечек. На Украине некоторые евреи переселялись в старые еврейские сельскохозяйственные поселения на юге, созданные еще в XIX веке. Поселенческая деятельность, охватившая тысячи семей, началась спонтанно, по инициативе «снизу», но постепенно обрела организованный характер. И Комиссариат по еврейским делам, и Евсекция в стремлении евреев к сельскому хозяйству увиде-

ли выход из положения для широких еврейских масс. Правительство поддерживало новую инициативу евреев и создало в 1924 году Комитет по земельному устройству трудящихся евреев – КОМЗЕТ, который являлся официальным государственным учреждением. В ноябре того же года Советское правительство и «Джойнт» подписали договор о создании организации «Агро-Джойнт» для оказания экономической поддержки еврейскому поселенческому движению. В январе 1925 года было создано всесоюзное добровольное Общество землеустройства еврейских трудящихся – ОЗЕТ, призванное помочь в сборе средств для поселенцев. КОМЗЕТ подыскивал подходящие районы для еврейских поселений; было решено, что некоторые места на юге Украины, где уже существовали еврейские поселения, а также земли на Крымском полуострове могут послужить центрами еврейской колонизации. В 1924 – 1926 годах еврейское земледелие переживало подъем. Была разработана программа по расселению 100.000 семей в течение нескольких лет. В 1929 – 1930 годах сельским хозяйством кормились 280.000 евреев, которые составляли 11,1% еврейского населения СССР.[20]

Помимо решения экономических проблем, еврейское поселенческое движение давало возможность создания сельских советов и национальных районов. Согласно советскому законодательству, поселку, где проживало не меньше 500 человек одной национальности, разрешалось иметь национальный сельсовет, и работа в таком совете должна была вестись на родном языке представителей этой национальности. Несколько сельсоветов на едином географическом пространстве обладали правом создать национальный район. На Украине для образования национального района требовалось не менее 20.000 представителей одной национальности, а с 1927 года – только 10.000. Деятельность сельсоветов и национальных районов была направлена на управление жизнью общины и удовлетворение ее социально-культурных потребностей.

В 1932 году на Украине в 168 населенных пунктах под юрисдикцией еврейских сельсоветов проживало 172.000 человек. В Белоруссии евреи жили не столь концентрированно: в момент пика – в 1927 году – там на территориях, подчиненных 28 еврейским сельсоветам, проживало 35.000 человек. В России было 11 еврейских сельсоветов, а в Крыму в 1931 году – 32. На Украине образовались три национальных еврейских района (Калининдорф, Новозлатополь, Сталиндорф), а в Крыму – два (Фрайдорф и Лариндорф). Сам факт появления еврейских сельсоветов и национальных районов внушил многим лидерам ОЗЕТа и даже Евсекции надежду на создание Еврейской Автономной области, а может быть, и Еврейской Республики.[21]

Идею переселения евреев на землю и создания еврейской территориальной автономии поддержал М. Калинин, председатель Верховного Совета СССР. В своем выступлении на заседании ОЗЕТа в ноябре 1926 года Калинин сказал:

«Перед еврейским народом стоит большая задача – сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную

часть еврейского населения в оседлое крестьянство… измеряемое по крайней мере сотнями тысяч. Только при таких условиях еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности…»[22]

Местность, предназначенная советским правительством для создания Еврейской национально-территориальной общности, находилась не на Украине и не в Крыму, а в Биробиджане, на Дальнем Востоке. Такое решение было принято в 1927-1928 годах в связи с интересом заселения Дальнего Востока и укрепления границы с Манчжурией ввиду японской угрозы. Правда, лидеры Евсекции и еврейских поселенческих организаций не соглашались с планом переселения в Биробиджан по причине как отдаленности от центров проживания евреев, так и тяжелых климатических и аграрных условий, но решающее слово принадлежало Советскому правительству, а не еврейским организациям. В конечном счёте, идея Еврейской Автономии в Биробиджане провалилась. За первые пять лет после ее создания туда прибыли 20.000 евреев, но потом 60 процентов из них уехало оттуда. В 1933 году в Биробиджане жило 8.000 евреев, которые составляли не более 20% от всего населения этого района.[23]

Биробиджанский проект, с одной стороны, и годы пятилетки и индустриализации, открывшие большие возможности перед множеством евреев, с другой стороны, положили конец распространению еврейской колонизации на территориях Украины и Крыма. Из-за этих факторов и изменения политики правительства, выразившегося в усилении борьбы с «националистическими тенденциями», в начале тридцатых годов начался закат еврейских сельсоветов и национальных районов.

Ж. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Коллективизация сельского хозяйства (1928 – 1932) и программа первой пятилетки (1928 – 1933), которые имели целью ускорить индустриализацию в СССР, привели к далеко идущим переменам в советском обществе и в еврейской жизни в частности. Внутренняя политика СССР изменялась одновременно с отменой НЭПа и знаменовала усиление абсолютной власти Сталина. Этот процесс сопровождался террором, конфискацией имущества, голодом, «ликвидацией кулаков как класса» и высылкой миллионов их в Сибирь.

Коллективизация нанесла серьезный ущерб и еврейскому сельскому хозяйству. Еврейские поселения объединялись в колхозы, тем самым теряя свой еврейский характер; в колхозах возникали конфликты на национальной почве. Слияние в колхозы отрицательно повлияло на получение помощи от «Агро-Джойнта», ОРТа, КОМЗЕТа и других организаций, поддерживавших прежде еврейские сельскохозяйственные поселения. В новой политической ситуации власти начали ограничивать деятельность этих организаций, что наносило ущерб еврейским поселенцам, которые остро нуждались в помощи.[24]

Вследствие коллективизации и тяжелого положения крестьян тысячи еврейских семей оставили сельское хозяйство и переехали в го-

род, где ускоренная индустриализация создала новые рабочие места в промышленности. По некоторым оценкам, в 1939 году в колхозах на Украине, в Крыму, Белоруссии и Биробиджане жило менее 125.000 евреев – половина того количества, которое было там в 1930 году. «Агро-Джойнт» продолжал свою деятельность, но в 1937 году эта организация в СССР была закрыта. КОМЗЕТ и ОЗЕТ ликвидировали в 1936 – 1938 годах, многие их деятели были арестованы и уничтожены в ходе массовых сталинских репрессий тех лет. С уничтожением КОМЗЕТ и ОЗЕТ исчезли последние учреждения, которые занимались решением проблем евреев СССР. То был заключительный акт процесса разрушения еврейской общности в СССР.[25]

Поскольку программа первой пятилетки вызвала необходимость в рабочей силе в промышленных центрах России, Белоруссии и Украины, многие евреи, которые по-прежнему считались «лишенцами», а также их дети смогли включиться в производственный процесс. Из районов прежней черты оседлости евреи массово перебирались на восток, в города России, главным образом, в Москву и Ленинград. Многие евреи были направлены на промышленные заводы на Урале. В 1930 году статус «лишенцев» был отменен для тех, кто пострадал от погромов, и тех, чьи отцы служили в Красной Армии. Таким образом, многие смогли получить работу по специальности на промышленных предприятиях либо в государственных учреждениях.[26] Резко увеличилось число евреев, занятых на промышленных предприятиях: если до революции там работало 55.000 еврейских рабочих, то к концу первой пятилетки, в 1932 году, на заводах и фабриках трудилось уже 750.000 евреев, среди них и простые рабочие, и директора, и инженеры, и служащие.[27]

Ярким выражением увеличения участия еврейского населения в жизни советского общества был рост числа еврейских учащихся в университетах и институтах. Уже в 1927 году 23.000 еврейских студентов составили 14,3 процента студенчества СССР, тогда как еврейское население насчитывало всего лишь 1,8 процента населения страны. Историк Ш. Эттингер отмечал:

> *«Многие евреи, завершившие высшее образование, пополнили ряды нового гигантского истеблишмента, возникшего в области просвещения, медицины, экономического проектирования и охватившего также армию и секретные службы. Это явление изменило всю социально-экономическую структуру еврейской общины СССР...»*[28]

3. ЕВРЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕВРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА – РАСЦВЕТ И ЗАКАТ

В соответствии с общей политикой советской власти по национальному вопросу евреям после революции разрешили открывать школы и культурные учреждения, в которых преподавание и мероприятия велись на идише – родном языке большинства евреев СССР.[29] Вместо религии и культуры на иврите, воплощавшем национальный дух и потому запрещенном, евреям предлагалась секулярная коммунистичес-

кая культура на идише. Коммунистическая культура, по определению Сталина, должна была быть «национальной по форме и социалистической по содержанию». Советская власть заботилась о том, чтобы школы насаждали коммунистическую идеологию среди еврейских детей и молодежи, а это возможно было сделать только на понятном им языке. От школ требовалось способствовать «советизации» евреев, а вовсе не сохранять их национальное самосознание.

Создание сети школ на идише в советской системе просвещения в первые послереволюционные годы столкнулось с трудностями. Местные Советы, которым следовало заниматься созданием таких школ, на деле их открытию препятствовали – очевидно, из-за своей политической враждебности по отношению к «еврейскому национализму», который они усматривали в самом факте открытия отдельных школ для евреев.

Помимо того, не хватало учебников, поскольку старые книги своим содержанием не соответствовали учебному материалу, который Евсекция считала нужным преподавать. Возникли также трудности с подбором преподавателей, которые были бы солидарны с коммунистической идеологией.

Тем не менее, сеть школ на идише в двадцатых годах постоянно расширялась. В 1931 году на Украине действовала 831 школа на идише, где учились 95.000 учеников. В Белоруссии в 1933 году работало 339 таких школ с 36.501 учеником. В 1930 году в России училось на идише около 11.000 еврейских учеников. Эти годы были рекордными по числу детей в еврейских школах – их посещало 30 процентов всех еврейских учащихся страны. Потом идиш стал угасать, и число учеников в еврейских школах стало снижаться. Изменения в демографии – главным образом, перемещение евреев из районов бывшей черты оседлости в глубь России в годы пятилеток – тоже повлияли на этот процесс.[30]

В первые годы после революции в учебную программу включались произведения классиков литературы на идише – Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Переца и других, но отрывки из их произведений подвергались цензуре Евсекции. Потом в учебной программе постепенно стала усиливаться критика еврейского прошлого и еврейской религии; подчеркивались значительное преимущество советского строя и «замечательная жизнь» евреев Советского Союза. Еврейской истории в школьной программе места не нашлось, за исключением нескольких описаний борьбы еврейских рабочих против еврейских буржуев-эксплуататоров; еврейские погромы представлялись учащимся как контрреволюционная деятельность буржуазии.[31]

По воле Сталина, чья абсолютная власть росла и крепла, в начале тридцатых годов в национальной внутренней политике СССР расширились тенденции русификации, усилилась борьба против национальных культур. Особенно пострадали евреи. Всё больше сокращались национальные темы в еврейских школах. Еврейскую историю вообще перестали преподавать, еврейский народ оказался начисто лишенным истории, усилились нападки на еврейские традиции и на еврейскую ре-

лигию. Расформирование в эти годы Евсекции, в которой были и люди, ратовавшие за еврейское воспитание в рамках советской идеологии, нанесло дополнительный ущерб положению еврейских школ. Трудности с финансированием, преследования со стороны местных властей и, в конце концов, массовые репрессии во второй половине тридцатых годов, коснувшиеся учителей, директоров и школьных инспекторов, привели к резкому сокращению сети еврейских школ. Был и еще один важный фактор, который отрицательно сказался на системе еврейского образования, включавшей в себя только начальные школы. Когда их выпускники хотели продолжать учебу в средних школах, а затем в университетах, они немедленно сталкивались с трудностями: вступительные экзамены проводились только на русском языке. Таким образом, чтобы преуспеть в советском обществе, требовалось владеть русским языком, и многие родители предпочитали отправлять детей в русские школы.

Накануне Второй мировой войны система еврейского образования в СССР сильно сократилась и находилась на грани уничтожения.[32]

Революция заронила в сердца еврейских писателей и деятелей культуры надежду на то, что начнется новая эра и она приведет к изменениям в российском обществе вообще и в еврейском в частности. В Киеве, Харькове, Одессе, Москве и Минске – городах с очень высокой численностью еврейского населения – собрались лучшие писатели и деятели культуры на идише: Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Дер Нистер (Пинхас Каганович) и другие. Некоторые из них даже вернулись из-за границы, чтобы посвятить свой талант служению тем переменам, которые принесла с собой революция. До 1928 года деятели искусства и литературы пользовались некоторой свободой творчества. Писатели старшего поколения, уходившие своими корнями в еврейскую жизнь, многосторонне освещали еврейские темы: повседневную жизнь местечка и страдания по поводу его распада, погромы и преследования, революцию и перемены, происходящие в еврейском обществе – причем отношение авторов к этим переменам было положительным. Рядом с этими писателями встали молодые, без колебаний принявшие новую власть и ее идеологию и считавшие своей обязанностью служить ей своим творчеством. Сторонники новой жизни провозглашали, что литература должна прославлять Октябрьскую революцию, строительство социализма, советский образ жизни и Сталина. В литературе на идише они выводили образы евреев, борющихся с реакцией, религией, сионизмом и «отсталым» еврейским прошлым.[33]

Количество книг, выходивших на идише, было огромным. Они включали произведения Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, И.-Л. Переца и других еврейских классиков. Появилось много переводов на идиш, в большинстве своем политико-пропагандистского характера, среди них труды Маркса, Ленина и Сталина. В 1935 году еще выходило более сорока газет и журналов на идише, но потом их число стало снижаться. В 1936 – 1937 годах некоторые газеты закрыли по распоряжению властей. Центральный орган еврейских коммунистов «Дер

Эмес» перестал выходить в свет в 1938 году.[34]

Первый советский театр на идише возник в Москве в 1919 году. Соломон Михоэлс, один из выдающихся актёров этого театра, стал его директором. Впоследствии такие же театры открылись в других городах Украины и Белоруссии. Кроме профессиональных театров, во многих городах и местечках работали труппы и любительские театры. Театры сначала ставили еврейские классические пьесы Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Переца и Гольдфанда, а также пьесы советских драматургов и переводные произведения. Потом цензура стала усиливаться, и театрам пришлось играть пьесы, написанные в духе «соцреализма» и превозносившие преимущества советского строя. В 1939 году еще работали десять-двенадцать профессиональных еврейских театров.[35]

До середины тридцатых годов в СССР действовали еврейские институты и исследовательские подразделения внутри советских научных учреждений. Еврейские институты публиковали исследования по истории еврейского народа, языку и литературе идиш.

Культурно-воспитательная деятельность на идише в СССР определялась политикой государства по отношению к национальным меньшинствам, а также особым подходом коммунистической идеологии к еврейскому народу. Относительный расцвет культуры на идише в конце двадцатых – начале тридцатых годов можно объяснить двумя стремлениями государства: поощрять развитие культур народов СССР и распространять коммунистическое мировоззрение среди широких еврейских масс на понятном им языке, то есть на идише. Усиление абсолютной власти Сталина, который усматривал в развитии национальных культур проявление национализма, а потому боролся с ними, нанесло удар и по культуре на идише. Это вполне соответствовало коммунистической идеологии, которая не считала евреев народом и обрекала их на ассимиляцию. Признание национальной еврейской культуры и ее поощрение были временным тактическим отступлением от принципиальной идеологической установки, и в середине тридцатых годов все вернулось на прежние позиции.

В репрессиях тридцатых годов были арестованы и уничтожены многие деятели культуры на идише, что ускорило ее закат. Угасанию культуры на идише немало способствовали и демографические причины – переселение евреев из традиционных мест проживания, из украинских и белорусских местечек, в крупные города и в глубь России. На новом месте все они приобщались к общей культуре и потому уже не могли (а некоторые и не хотели) жить своей прежней идишистской культурой. Русский язык и русская культура все глубже укоренялись среди евреев Советского Союза, особенно в молодом поколении.

И. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Временное правительство России, созданное после Февральской революции, отменило ограничения, налагавшиеся прежними законами на евреев. После прихода большевиков к власти Ленин стал про-

водить разъяснительную агитацию против антисемитизма, называя его опасностью для молодого советского государства. Борясь с антисемитизмом, государство использовало статьи Уголовного Кодекса, опубликованного в 1922 году, который грозил суровыми наказаниями людям, «распространяющим пропаганду, разжигающую национальную рознь».

Окончание Гражданской войны и политика разъяснений и наказаний привели к уменьшению открытых проявлений юдофобии. Такое положение продолжалось до середины двадцатых годов, но затем антисемитизм вновь усилился. Теперь он охватил слои общества, прежде чуждые юдофобии: работников промышленности, интеллигенцию, студентов университетов и даже комсомол. Антисемитизм проник и в партию. Причины усиления антиеврейских настроений следует искать, с одной стороны, в укоренившейся традиции, а с другой, в ухудшившемся экономическом положении, борьбе за немногие свободные рабочие места в правительственном аппарате, в партии, в промышленности.

В этот период – во второй половине двадцатых годов – многие представители среднего класса еще страдали от безработицы, то же касалось и рабочих. Даже в деревне царила безработица, и тысячи молодых людей уходили в город в поисках заработка, особенно с началом в 1928 году первой пятилетки и коллективизации. Массовое передвижение сотен тысяч евреев в годы индустриализации в промышленные центры, и существовавшие и строившиеся, где местные жители евреев прежде совсем не знали, и получение евреями должностей директоров, служащих, рабочих вызвали новые проявления антисемитизма, особенно среди промышленных рабочих. Возможности продвижения по социальной лестнице и повышения уровня благосостояния зависели от трудоустройства либо на промышленных предприятиях, либо в партийном и государственном аппаратах, которые стремительно развивались. Разгорелась жестокая борьба за право на такую работу, евреи приняли в ней участие, и вся ненависть обратилась против них. Вот что писал еврейский социолог Яаков Лещинский об этом процессе:

«В тяжелой промышленности еврей до революции был редким явлением. И вдруг появились еврейские парни и девушки, которые начали работать... На заводах... эти юноши быстро продвигались, овладевали профессией и приспосабливались к ней – более того, выделялись своими способностями и сообразительностью. Партия начала выдвигать их на ответственные посты, которые имели преимущество и в материальном смысле. А поскольку в те годы безработица еще не была полностью ликвидирована, и на каждое свободное место на предприятиях рвались многие, змей антисемитизма поднял свою ядовитую голову».[36]

Высокий процент еврейских студентов в высших учебных заведениях тоже приводил к вспышкам антисемитизма. Высшее образование было залогом получения высококвалифицированной работы в промышленности, в партийном и правительственном аппарате. Во второй половине двадцатых годов в вузы стали принимать детей рабочих и

крестьян, как правило, комсомольцев; еврейских студентов они считали своими возможными соперниками. В некоторых университетах, например, в Киевском, студенты требовали ввести процентную норму при приеме абитуриентов-евреев на учебу.[37] Сравнительно высокое число евреев в правительственных учреждениях, в том числе в секретных службах и милиции, послужило дополнительным фактором, разжигавшим антисемитизм. План переселения евреев на землю в Крыму и на Украине также привел к антиеврейским выступлениям. Несмотря на то, что новые еврейские поселения в тех местах планировались на незаселенных и бесплодных землях и участки, отведенные евреям, были невелики по сравнению с окружающей территорией, это вызывало негативную реакцию и антисемитские высказывания. Утверждали, что лучшие земли отданы евреям. Татарское население Крыма, например, и власти Автономной Татарской Республики протестовали против заселения Крыма евреями, поскольку, мол, данный район утратит свой татарский характер.[38] Старый лозунг антисемитов и погромщиков «Бей жидов, спасай Россию» вновь раздавался во многих местах.[39]

В прессе тех дней, особенно в газетах на идише, а также в отдельных книгах описывались многие случаи проявления юдофобии, но правительство и судебные органы терпимо относились к этому. Чаще всего дело до суда не доходило, а те, кого судили, отделывались символическим наказанием. Но вскоре усиление антисемитизма насторожило руководство страны; оно поняло, что распространение ненависти к евреям угрожает существованию власти в целом, и что пришла пора действовать. В борьбе с юдофобией правительство стало шире использовать и пропаганду, и юридические наказания. В газетах и брошюрах появились статьи, где подчеркивалось, что антисемитизм противоречит социализму и является орудием в руках врагов советского строя. На рабочих местах проводились собрания, на которых работников призывали бороться с антисемитизмом. Судебные процессы над антисемитскими хулиганами тоже оказывали сдерживающее влияние, несмотря на редкость их проведения и на легкость наказаний.

В Коммунистической партии после смерти Ленина в 1924 году разгорелась внутренняя борьба, в которой звучали антисемитские мотивы, поскольку главным соперником Сталина являлся еврей Л. Троцкий, и в оппозиции тоже было немало евреев. Позднее Сталин представит эту борьбу как столкновение между национально-патриотическим социализмом и «чуждыми элементами», которым судьба Советской страны безразлична.[40] Граждане СССР без труда отождествляли «чуждые элементы» с евреями.

Борьба с Троцким и другими оппозиционерами усилила отрицательное отношение Сталина к евреям. Его дочь Светлана писала:

«…Я хорошо знала характер отца, мне стал наконец ясен источник его антисемитизма. Безусловно, он был вызван долголетней борьбой с Троцким и его сторонниками и превратился постепенно из политической ненависти в расовое чувство ко всем евреям без исключения».[41]

Волны сталинских репрессий, прокатившиеся по Советскому Союзу в тридцатые годы, главным образом, в 1937 – 1938 годах, не направлялись именно против евреев, но в них погибла «старая гвардия» Коммунистической партии, которая среди своих наиболее выдающихся деятелей насчитывала немало евреев. На судебном процессе Зиновьева и Каменева в августе 1936 года одиннадцать из шестнадцати подсудимых были евреями. Их обвинили в измене Родине и в создании террористической организации во главе с Троцким и приговорили к расстрелу. Тот факт, что среди наиболее заметных противников Сталина, осуждённых по обвинению в измене Родине, многие были евреями, косвенно позволял ассоциировать евреев с «предателями дела Ленина – Сталина».

Изгнание евреев из правящей верхушки партии послужило еще одной цели Сталина: провести политику русификации, которую он осуществлял с начала тридцатых годов. Проводя «чистки», Сталин умело маскировал свою склонность к антисемитизму; среди своих приближенных он оставил немногих евреев, таких, как Каганович в Политбюро или Литвинов в должности министра иностранных дел.

В «чистках» тридцатых годов были уничтожены лучшие носители еврейской культуры и активисты, работавшие в различных областях еврейской жизни. В их числе бывший нарком по еврейским делам Диманштейн, руководители Еврейской Автономной области в Биробиджане, лидеры Бунда, перешедшие в начале двадцатых годов в Коммунистическую партию, и другие.[42] Еврейское население было не единственным нацменьшинством, потерявшим в репрессиях политическое и культурное руководство, но на еврейскую жизнь «чистки» повлияли гораздо более разрушительно. Организованная религиозная, социальная и культурная еврейская жизнь в СССР с тех пор так и не возобновилась.

А антисемитизм никуда не исчез, он просто затаился на время и в такой завуалированной форме просуществовал до начала Второй мировой войны.

К. КОЛИЧЕСТВО ЕВРЕЕВ В РАЙОНАХ СССР (в границах до сентября 1939 года), ОККУПИРОВАННЫХ ГЕРМАНИЕЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Согласно данным переписи от 17 января 1939 года, численность еврейского населения СССР накануне Второй мировой войны составляла 3.028.538 человек или 1,8 процента населения страны.[43] Но на самом деле количество евреев превышало цифру переписи. Вот что писал И. Лещинский:

«Нет сомнения, что известный процент евреев, считавших себя ассимилированными либо действительно ассимилированных с культурной точки зрения, причислил себя к великой русской нации. Трудно определить, сколько таких людей, но можно предположить, что немало».[44]

Этот факт важен, ибо немцы считали евреями не только тех, кто за-

регистрировался в переписи как еврей, но и тех, кого немецкая расовая теория относила к еврейскому народу.

Около двух третей еврейского населения СССР проживало в районах исторической черты оседлости, захваченных в 1941 – 1942 годах немецкой армией. Точный подсчет их числа важен для установления количества евреев СССР, погибших в Катастрофе.

Белоруссия. Число евреев здесь доходило до 375.092 человек, что составляло 6,7 процентов всего населения Белоруссии. 55 процентов белорусских евреев указали идиш своим родным языком – эта цифра была гораздо выше, чем в среднем по стране среди евреев.[45] Белоруссия была единственной республикой СССР, где большинство евреев продолжало говорить на идиш.

Украина. В Украине жило 1.532.776 евреев – 5 процентов населения республики. 45,3 процента евреев назвали идиш родным языком – здесь, как и в Белоруссии, этот показатель превышал средний по СССР.[46]

Российская Федерация. Численность евреев в этой республике составляла 854.334 человека, или 2,32 процента населения России. Более половины из них проживало в двух центральных городах: Москве (250.181 человек) и Ленинграде (201.542 человек). Россия находилась вне черты оседлости, и подавляющее большинство евреев поселилось там после революции. В западных областях Российской Федерации, захваченных немцами, до войны, согласно данным переписи населения, проживало 225.937 евреев. Московская область, в которой немцы оккупировали северо-западные, западные и юго-западные районы, в эту статистику не включена. В области, за исключением Москвы, жило 31.640 евреев, часть из них в районах, не оккупированных немцами. Таким образом, около 226.000 евреев России и некоторое количество евреев Московской области (точных данных нет) проживало на территориях, которые впоследствии были заняты немецкими войсками.[47]

На территории Советского Союза, захваченной гитлеровцами в 1941 – 1942 годах, – в Белоруссии, Украине, части России – накануне Второй мировой войны проживало 2.133.805 евреев. Эта цифра не включает тех евреев (их число неизвестно), которые в переписи 1939 года записались как неевреи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шмуэль Эттингер, *История Израиля в новое время* (иврит). – Тель-Авив, 1969, с. 92-93 (далее: Эттингер, *История Израиля...).*
2. Baron, *The Russian Jew...,* p. 171.
3. Г.В. Костырченко, *Тайная политика Сталина.* – Москва, 2001, с. 26 (далее: Костырченко, *Тайная...*).
4. Краткая Еврейская Энциклопедия, т. 4, Ицхак Орен и Нафтали Прат (ред.). – Иерусалим, 1988, с. 440.
5. Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, p. 50.
6. Шмуэль Эттингер, *История Израиля в новое время* (иврит). – Тель-Авив, 1969, с. 249 (далее: Эттингер, *История Израиля...).*
7. Baron S., *The Russian Jew...,* p. 175.

8. Эттингер, *История Израиля…*, с. 258; Пинкус, *Евреи…,* с. 166.
9. Пинкус, *там же*, с. 210; Levin, *The Jews in The Soviet Union...,* p. 75-77.
10. *Там же*, с. 77; Baron, *The Russian Jew…,* p. 176.
11. Levin, *The Jews in The Soviet Union...,* p. 84.
12. Пинкус, *Евреи…,* с. 213.
13. *Там же*, с. 239-240; Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, pp. 65-66.
14. Пинкус, *там же,* с. 534.
15. Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, p. 90-93; Пинкус, *Евреи…,* с. 241-243; Эттингер, *История Израиля…,* с. 251.
16. Пинкус, *там же,* с. 216, 221-222; Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, pp. 98-101, 106-110.
17. Пинкус, *там же,* с. 229-230.
18. Эттингер, *История Израиля…,* с. 253; Пинкус, *там же,* с 199-200.
19. Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, pp. 121, 153.
20. Пинкус, *Евреи…,* с. 203. По данным переписи 1897 года, сельским хозяйством в царской России занимались 3,5% евреев России. К 1914 году эта цифра снизилась до 2% из-за антиеврейской правительственной политики.
21. Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, pp. 140-144; Леви Кантор. *Сто лет борьбы* (иврит). – Герцлия, 1969, с. 236-238, 249-251 (далее: Кантор, *Сто лет…*).
22. Пинкус, *Евреи…,* с. 177; Кантор, *Сто лет…, с. 246.*
23. Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, p. 290; Кантор, *там же*, с. 273; Яаков Левави. *Еврейская Автономная область в Биробиджане.* – Иерусалим, 1964, с. 55-66.
24. Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, pp. 225-228.
25. Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, pp. 237-238; Пинкус, *Евреи…,* с. 203-204; Кантор, *Сто лет…*, с. 296-299.
26. Кантор (*там же*, с. 167) отмечает, что в 1930 году примерно треть всего еврейского населения СССР (около миллиона человек) еще продолжали считаться «лишенцами». См. также: Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, pp. 243-245.
27. Sachar H.M. *The Course…,* pp. 416-417; Levin, *ibid*, p. 241; Пинкус, *Евреи…,* с. 202; Кантор, *там же*, с. 275-277.
28. Шмуэль Эттингер. *Между Польшей и Россией.* – Иерусалим, 1994, с. 393. См. также: Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, p. 247; Пинкус, *Евреи…,* с. 205-206.
29. В переписи населения, проведенной в 1926 году, 2.597.400 человек заявили о своей принадлежности к еврейскому народу. 72,6 % из них родным языком назвали идиш; в Белоруссии 90,7 % евреев назвали идиш родным языком.
30. Пинкус, *Евреи…,* с. 215-218; Levin, *The Jews in The Soviet Union...,* pp. 183-184.
31. Levin, *ibid*, p. 186.
32. *Ibid*, pp. 181-182; Лещинский, *Евреи в Советской России...,* с. 284-270; Gitelman, *A Century…,* pp. 139-140.
33. Levin, *ibid*, pp. 209-211; Эттингер, *История Израиля…,* с. 211-213.
34. Пинкус, *Евреи…,* с. 223-225; Levin, *ibid*, pp. 211-213.
35. Пинкус, *там же,* с. 229-233; Levin, *ibid*, p. 219.
36. Лещинский, *Евреи…,* с. 204.
37. Шварц, *Антисемитизм…,* 28-29.
38. Эттингер, *История Израиля…,* с. 255; Levin, *The Jews in The Soviet Union...*, pp. 138-139; Пинкус, *Евреи…,* с. 175-176, 193; Кантор, *Сто лет…*, с. 239-241. Район, предназначенный для заселения евреями, находился в северной, малозаселенной части Крыма, в которой сельскохозяйственные условия были тяжелыми.
39. Шварц, *Антисемитизм…,* с. 31; Пинкус, *там же,* с. 193; Кантор, *там же,* с. 278-286.
40. Пинкус, *там же,* с. 192; Кантор, *там же,* с. 289, 291.
41. Светлана Аллилуева, *Только один год*. – Нью-Йорк, 1969, с. 146.
42. Levin, *The Jews in The Soviet Union*, p. 324.

43. Mordechai Altshuler (ed.), *Distribution of the Jewish Population of the USSR 1939*. – Jerusalem, 1993, pp. 11, 39-41 (далее: Altshuler, *Distribution…*).
44. Лещинский, *Евреи в Советской России...,* с. 57.
45. Altshuler M. *Distribution…,* pp. 38-40.
46. *Ibid*, pp. 9, 21-27.
47. *Ibid*, pp. 9-10.

ГЛАВА 5

ЕВРЕИ ПРИСОЕДИНЁННЫХ К СССР ТЕРРИТОРИЙ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ – ПРИБАЛТИКА, ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ, ЗАПАДНАЯ УКРАИНА, БЕССАРАБИЯ И СЕВЕРНАЯ БУКОВИНА

А. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

В конце Первой мировой войны, Гражданской войны и территориальных войн периода 1918-1920 годов возникла новая политическая карта Восточной Европы. На западе бывшей царской России появились новые государства: Польша, включающая территории, аннексированные в прошлом Пруссией и Австрией, а также Литва, Латвия и Эстония. Границы новых государств были определены на поле боя и последующими международными соглашениями. Более 40 процентов евреев царской России оказались на территории этих новых стран, а также в Бессарабии, которую аннексировала Румыния. Район, где появились новые государства, в экономическом отношении по европейским стандартам не считался развитым, население в основном было сельским.

Новые государства, не обладавшие демократическими и либеральными традициями и характеризовавшиеся политической нестабильностью, начали своё существование в качестве демократических стран, но с течением времени повернули в сторону тоталитарного правления. Внутренняя борьба в них шла не между правыми и левыми, а между умеренно правыми и крайне правыми. Господствующие нации вели политику укрепления национальных основ во всех областях жизни, что очень ущемляло интересы национальных меньшинств, и в особенности евреев, главным образом, в экономической сфере. Поскольку в этих странах были сильны крайне националистические элементы, евреи страдали от антисемитских действий и антиеврейских выступлений. История здешних евреев совершенно отличалась от истории их собратьев, живших в Советском Союзе.

На положение евреев и на отношение к ним властей и общества повлияли местные политические и экономические условия, юдофобия и напряжённость, сложившиеся на протяжении поколений в отношениях между евреями и коренными народами.

Эта часть еврейства Восточной Европы (в Польше имеются в виду евреи Западной Белоруссии и Западной Украины) характеризуется следующим:

- слабая акультуризация и ассимиляция, небольшое количество смешанных браков; язык большинства – идиш;

- культурная жизнь протекает главным образом внутри собственного сообщества; слабое участие в культурной жизни господствующей нации;

- религиозно-ортодоксальный образ жизни наряду с процессом укрепления современного нерелигиозного национального элемента: расцвет сионистских и социалистических партий, превратившихся в массовое движение;

- пролетарские элементы и большое количество бедняков в социально-экономической структуре низших слоёв среднего класса;

- высокая рождаемость по сравнению с иностранными еврейскими общинами.

Борьба евреев здесь имела следующие основные цели:

- культурная автономия; развитие системы образования и культуры: имелись школы с обучением на иврите и идише, богатая литература на этих языках, пресса и театры;

- равенство и права не только личности, но и коллективные права евреев как национального меньшинства;

- сопротивление отстранению евреев от традиционных экономических занятий – явлению, особенно болезненному из-за сокращения возможности эмиграции, которая раньше служила способом бегства от преследования и нищеты.

Б. ЕВРЕИ ПРИБАЛТИКИ – ЛИТВЫ, ЛАТВИИ, ЭСТОНИИ

Три возникших балтийских государства с точки зрения исторического фона были сходны в одних аспектах и различны в других. Все они находились долгое время под властью России и под влиянием русской культуры. Вместе с тем, Литва являлась католической страной, а в Латвии и Эстонии большинство принадлежало к протестантам. Отношения евреев с окружающим их нееврейским населением в этих странах в годы царизма были лучше, чем в других частях Российской империи. Национализм здесь не имел той силы, что в Польше и на Украине, и прибалтийские народы не несли бремя тяжёлого антисемитизма тогда, когда они обрели свою независимость. В начале той поры население государств Балтии не характеризовалось высоким процентом городского среднего класса, который часто выступает главным носителем антисемитских настроений, и это положительно отразилось на отношениях с евреями. Но юдофобия постепенно усиливалась по мере независимого существования этих стран, особенно в 30-х годах, когда с помощью властей средний класс укрепился и начал конкурировать с еврейскими торговцами и ремесленниками. Антисемитизм проявлялся более всего в экономической сфере. И в армии, куда евреи призывались на действительную службу, существовала дискриминация, только немногие евреи достигали чинов сержантов и офицеров.

Литва

Евреи Литвы в царской России жили в черте оседлости гомогенной общиной с особой историей и культурой. Они принадлежали к той группе евреев, которых называли «литваками», их исторические корни уходили в средневековые времена Великой Литвы, включавшей в себя значительную часть территории Белоруссии, и бывшей частью Литовс-

ко-польского государства. «Литваки» с их сильным еврейским самосознанием ассимилировались меньше других евреев Европы. Находясь на периферии русской и польской культур и внутри белорусской и литовской культур, более отсталых по сравнению с еврейским культурным богатством, а поэтому и менее привлекательных, евреи сохраняли собственную еврейскую культуру.[1]

Историческим центром литовского еврейства и его культуры являлся Вильнюс. После присоединения Вильнюса к Польше самым важным центром евреев Литвы стал Каунас.

Часть литовского еврейства была национально-светской, часть же принадлежала к ортодоксальному направлению – «митнагдим» (противникам) хасидизма, тогда слабого. Языком литовских евреев был идиш, и в отличие от прочих европейских стран здесь на идише говорила и интеллигенция, которая осуществляла свою деятельность внутри своего народа и на языке своего народа.

По официальным данным, в Литве в 1926 году жило 157.527 евреев, которые составляли почти 8 процентов общего населения страны. Две третьих из них проживали в городах, остальные в местечках и сёлах. Больше всего евреев находилось в Каунасе – накануне Второй мировой войны приблизительно 37.000 человек. Значительная концентрация евреев была также в городах Шауляй и Паневежис: накануне войны по 6.000 в каждом из них. Количество евреев в Литве уменьшалось в связи с эмиграцией, и в 1939 году их стало 147.000 человек. Целями эмиграции, главным образом, были Южная Африка и Эрец-Исраэль. Между мировыми войнами из Литвы эмигрировало 25.000 евреев, в том числе 9.000 – в Эрец-Исраэль. Причины эмиграции были по преимуществу экономическими, но переселение в Эрец-Исраэль преследовало прежде всего идеологические цели.[2]

В первые годы самостоятельности Литвы её правительство относилось к евреям положительно. Во время войны за независимость литовцы боролись против поляков за обладание Вильнюсом и окрестным районом. Евреи после погромов, производившихся польскими войсками генерала Жилиговского в Вильнюсе и генерала Гелера на Львовщине, предпочли поддержать требования литовцев, несмотря на исторический опыт, который подсказывал им оставаться нейтральными в таких войнах. Они надеялись, что Литва станет демократическим государством и гарантирует равные права всем гражданам, а национальным меньшинствам автономию. В краткий период господства литовцев в Вильнюсе – в декабре 1918 года – в литовское правительство были кооптированы три еврея, и один из них, Яков Выгодский, был назначен министром по делам евреев. 5 августа 1919 года правительство Литвы опубликовало декларацию о равноправии и предоставлении автономии национальным меньшинствам, включая и евреев. Им, как и всем, гарантировали равенство перед законом, пропорциональное представительство в парламенте, право соблюдения своих национальных праздников (и субботы), автономию во внутренних делах, таких, как религия, социальная помощь, образование и культура, материальная

поддержка еврейских школ, взимание обязательных налогов со всех евреев.[3] Ни одна еврейская община в мире не имела такой автономии и таких больших прав.

В январе 1920 года в Каунасе собралась конференция, в которой участвовал 141 делегат из 81 еврейских общин и партии. На конференции договорились о создании Национального совета, но не пришли к согласию по вопросу, какой характер будут носить еврейская система образования – религиозно-ортодоксальный или национально-светский.[4]

Равноправие и широкая автономия, которые получили национальные меньшинства, оказались лишь эпизодом. В начале 20-х годов в Литве усилились националистические элементы, и внутренняя политика дала крен вправо. В 1924 году литовское правительство ликвидировало министерство по делам евреев. Большинство обещаний обширной еврейской автономии, данных в декларации 1919 года, не были выполнены, осуществилось только положение о поддержке системы еврейского образования субсидиями литовского правительства.[5]

Система еврейского образования включала в себя детские сады и учебные заведения, начальные и средние: сионистско-светские школы «Тарбут» («Культура»), в которых преподавание велось на иврите; религиозные школы «Явне» с преподаванием на иврите и идише и светские школы, где учились на идише. Три литовские многочисленные ешивы «Ешиват Тельз», «Ешиват Понивеж» и каунасская «Ешиват Слободка» привлекали учащихся из других стран.

В течение нескольких лет государственные субсидии еврейским школам сокращались, и всё больше часов уделялось изучению литовского языка, который требовался евреям для получения высшего образования.[6] Но в общем еврейская молодёжь в Литве воспитывалась в национальном еврейском духе, что и определило культурную жизнь и образ литовского еврейства.

Каунас был культурным центром литовских евреев. Летом 1919 года вышла в свет газета «Ди идише штиме», орган сионистской организации. Издавалась также пресса других политических направлений. Кроме ежедневных и еженедельных газет появились также литературные журналы на идише и на иврите. В 1924 году в Каунасе был создан «Еврейский театр в Литве». В области спорта действовали общества «Маккаби» и «Хапоэль».[7]

В еврейской общине доминировали различные сионистские течения. Агудат Исраэль и Бунд также укоренились в еврейском обществе, но не столь сильно, как сионизм. Экономические трудности и ощущение еврейской молодёжи, что у неё нет будущего в Литве, усиливали сионистское молодёжное движение.[8] В Литовской коммунистической партии из 1.500-2.000 её членов треть были евреями. Несмотря на малое число евреев-коммунистов в абсолютном выражении, их высокий процент в среде коммунистов усилил антисемитизм в Литве.[9]

Уже в первые годы независимости Литвы появились антисемитские лозунги, что «евреи приносят большевизм в Литву», но тогда это были

единичные голоса. В 1926 году в Литве произошла правая революция и установилось автократическое правление, возглавляемое Огустином Вольдемарасом, который способствовал усилению враждебного отношения к национальным меньшинствам. Рост национализма и роли мелкобуржуазных слоёв Литвы, соперничавших в экономике с евреями, привел к усилению антисемитизма и в Литве.

С приходом нацистов к власти в Германии юдофобские идеи, доносившиеся оттуда, получили поддержку со стороны националистических кругов в Литве, среди них в крайне фашистской организации «Гележинис Вилкас» («Железный волк»). Эти круги утверждали, что Литва должна сблизиться с фашистской Германией для гарантии собственного существования. В середине 30-х годов антисемитизм ещё более укрепился. Число антисемитских выпадов, таких, как осквернение кладбищ, битьё стёкол в магазинах и синагогах и физическое нападение на евреев, росло. Власти почти не реагировали на это; либеральные и левые круги Литвы, правда, выразили протест, но они были слабы.[10] Сильный литовский антисемитизм накануне Второй мировой войны трагически отразился затем в военные годы.

Латвия

Евреи Латвии находились под более мощным влиянием русской и немецкой культуры, что выражалось в их разговорном языке, но не в самосознании. С обретением независимости власти Латвии старались ослабить воздействие этих культур, в результате чего еврейские самоопределение и культура также укрепились.

По переписи населения в 1925 году в Латвии проживало 95.675 евреев, что составляло 5,19 процента населения страны. Но, как и в Литве, количество евреев уменьшалось из-за эмиграции и низкой рождаемости. Накануне Второй мировой войны в Латвии жило около 92.000 евреев.[11] Евреи Латвии проживали в основном в городах: в 1935 году в Риге насчитывалось 43.672 еврея, в Двинске (Даугавпилсе) – 11.060 евреев и в Либау (Лиепае) – 7.379 евреев.[12]

Национальное движение Латвии, борясь с русским и немецким культурным влиянием и стараясь отдалить от них евреев, поддерживало систему еврейского образования. В Национальном собрании, созванном в 1920 году, было 150 делегатов, в том числе 6 евреев среди 17 делегатов национальных меньшинств. Специальным законом определялось право национальных меньшинств, в том числе евреев, создавать учреждения образования и культуры на своих языках с помощью субсидий правительства. В Латвии действовали все еврейские партии: сионисты, Агудат Исраэль и Бунд. На выборах в парламент 1925 года евреи голосовали главным образом за еврейские партии. Ревизионистское сионистское движение и его молодёжное ответвление «Бейтар» были созданы в Латвии в 1923 году и оттуда распространились на Польшу и другие места.[13] Бунд был тесно связан с социал-демократической партией Латвии.[14]

Внутри еврейского общества велась острая борьба за характер ев-

рейского образования. Система еврейского образования включала в себя сеть «Циша», где преподавание велось на идише; сеть «Тарбут», где учились на иврите; и религиозные школы с обучением на идише и на иврите. В некоторых еврейских школах преподавали на русском или немецком языках.[15] В 1936 году из 12.000 евреев-учеников начальных школ 86,3 процента посещало еврейские школы.[16]

Центральными еврейскими газетами Латвии были газета на идише «Дас фольк», которая была закрыта в 1926 году, а после неё – газета «Фриморген», выходившая до 1934 года. Эти издания отражали многообразие мнений еврейского общества. Кроме ежедневных газет печатались также журналы на идише и на иврите. С 1938 года в Латвии действовало спортивное общество «Маккаби». Среди еврейских интеллектуалов в Латвии был знаменитый историк и мыслитель Семён Дубнов, который поселился в Риге после того, как ему пришлось оставить Германию с приходом там к власти нацистов.[17]

Правые элементы в Латвии создали фашистскую полувоенную организацию «Перконкруст» («Крест грома»), националистическую и антисемитскую. В начале тридцатых годов раздавались требования отменить право евреев избираться в парламент, ликвидировать разрешения евреям на занятия торговлей, запретить браки между евреями и неевреями и т.п. Требования эти публиковались главным образом в газете «Огонкруст» («Крест огня»), печатном органе фашистов. Нестабильность внутреннего положения в стране привела к перевороту: 15 мая 1934 года к власти пришёл Карл Ульманис, лидер правой Крестьянской партии, демократическое правительство было свергнуто, парламент распущен и деятельность партий и политических организаций запрещена. В результате еврейские сионистские партии и Бунд оказались вне закона, и лишь «Агудат Исраэль», поддержавшей правых, позволили продолжать деятельность. Её газета «Хайнд» стала единственной разрешённой еврейской газетой. Положение евреев в результате переворота ухудшилось, и многие права, которые они получили как и другие национальные меньшинства, были отменены. Национально-автократическая власть Ульманиса не затрагивала личных прав евреев как граждан страны и даже дала разрешение на пребывание в стране сотням еврейских беженцев из нацистской Германии.[18]

Эстония

В Эстонии находилась самая маленькая еврейская община Восточной Европы. В 1922 году там проживало 4.566 евреев – 0,4 процента населения страны. В царской России Эстония располагалась вне черты оседлости, и небольшое число евреев, которым разрешили осесть там, были в большинстве кантонистами, а некоторая часть – обладателями академической степени и богатыми торговцами, переехавшими из черты оседлости. Почти половина евреев проживала в столице страны – Таллинне, остальные – в Тарту и других городах. Количество евреев почти не изменилось до Второй мировой войны.

В мае 1919 года, вскоре после получения Эстонией независимости,

собралась конференция евреев всей страны, в которой участвовали представители 7 общин. Здесь же договорились создать национальный совет, который будет представлять евреев Эстонии.[19]

Между двумя мировыми войнами еврейская община Эстонии прошла процесс национального пробуждения, и, несмотря на её немногочисленность, там действовали все еврейские партии, различные сионистские фракции, включающие молодёжные движения и лагерь идишистов. В области культуры и литературы также осуществлялась разветвлённая деятельность.[20]

Согласно данным 1933 года, 68 процентов еврейских учащихся занималось в еврейских школах, а остальные – в эстонских, русских и немецких. Для учеников-евреев, которые не посещали еврейские школы, Совет по культуре организовал курсы по изучению еврейской культуры.[21]

Евреи Эстонии, будучи незначительным меньшинством населения, не сталкивались с особыми проблемами антисемитизма. Со временем в стране укрепились правые круги. Попытка лидера националистического экстремистского движения д-ра Хяльмара Мяэ, поддерживаемого германскими нацистами, захватить власть в 1936 году, закончилась провалом, и он бежал в Германию. Но юдофобия не дремала, и антисемитские круги потребовали сократить число евреев в экономическом секторе и ограничить вход евреев в различные общественные места.[22]

Экономическое положение евреев

Участие евреев в экономике стран Балтии было аналогичным ситуации в Восточной Европе. Общая тяжесть экономического положения в двадцатых-тридцатых годах и политика правительств Литвы и Латвии ухудшили и экономические условия евреев. Власти, которые, прежде всего, стремились защитить интересы коренного населения, поддерживали создание сельскохозяйственных кооперативов, а это серьёзно затрагивало мелких торговцев-евреев, которые занимались главным образом посредничеством между деревней и городом. Государственная монополия в различных областях торговли и государственное стимулирование посредством льготных ссуд коммерсантов из коренного населения вызвали постепенный рост их слоя, что привело к вытеснению еврейских торговцев. В городах Литвы и Латвии расширился средний класс коренных жителей, что вытесняло евреев из их традиционных сфер деятельности. В то же время им не давали права доступа к другим видам деятельности, например, к работе в правительственном или в муниципальном аппарате.

Хозяйственный кризис в конце и после 20-х годов наряду с правительственными мерами вызвал дальнейшее ухудшение экономического положения евреев. При поддержке «Джойнта» в Литве и Латвии были созданы сеть профессиональных школ для еврейской молодёжи и десятки кредитных обществ, которые помогали торговцам и владельцам мелких производств конкурировать в трудных условиях. Несмотря на это, экономическое положение подавляющего большинства в сре-

де еврейского общества накануне Второй мировой войны оставалось тяжёлым.[23]

В. ЕВРЕИ ВОСТОЧНОЙ ПОЛЬШИ – ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

На мирной конференции в Версале в июне 1919 года Польша подписала конвенцию о правах национальных меньшинств в стране. Польская конституция 1921 года действительно гарантировала равные права всем гражданам независимо от религиозной или национальной принадлежности, а также право всех народов развивать их национальную культуру, но евреи конкретно не упоминались в конституции, и поэтому не было определено, считают ли польские власти их меньшинство национальным или только религиозным. В отличие от других меньшинств – украинцев, белорусов и немцев – евреи не создавали территориальной или политической проблемы; вместе с тем, поляков, нацеленных на «полонизацию» страны, не мог не беспокоить большой удельный вес евреев в населении важнейших городов – политических, экономических и культурных центров Польши.

В течение всего периода между двумя мировыми войнами евреи боролись за своё личное и национальное равноправие. В 1918-1920 годах, когда поляки воевали за установление границ страны, прокатилась волна еврейских погромов во Львове и городах Восточной Галиции, в Вильнюсе, Лиде и Пинске, а также во многих местечках; в них участвовали солдаты, а также городские и сельские маргинальные элементы.[24] Евреев обвиняли в поддержке врагов Польши: украинцев, литовцев и большевиков. С окончанием войны волна погромного антисемитизма ослабла, но стала проводиться политика вытеснения евреев из экономической жизни.

Польшу характеризовали политическая раздробленность и нестабильность. У польских правых была партия НД (Narodowa Demokracja – Национальные Демократы, сокращённо «партия эндеков»), с лидером Р. Дмовским. Эта католическая националистическая крайне антисемитская партия представляла интересы польского среднего класса; провозгласив «полонизацию» Польши, она стремилась избавиться от евреев путём побуждения их к эмиграции. Но, поскольку эмиграция представлялась чересчур длительным процессом, «эндеки» видели ближайшую перспективу в вытеснении евреев из экономической и культурной областей жизни, а также из учреждений высшего образования, и действовали соответственно.[25]

До 1926 года власть находилась в руках неустойчивой коалиции центристов и правых, и партия Дмовского была её ведущим элементом. Политическая нестабильность в 1926 году привела к перевороту – к власти пришёл Юзеф Пилсудский, герой борьбы за независимость Польши. Авторитарная власть Пилсудского длилась до его смерти в 1935 году. Затем власть перешла к антидемократической и националистической группе офицеров, которые утверждали, что продолжают политику Пилсудского, но на деле склонялись к фашизму. Восточные

районы Польши, включавшие в себя Западную Белоруссию, а также Волынь на западе Украины, в истории получили название Кресы (район границы). Южную часть Западной Украины с центром во Львове именовали Восточной Галицией.

История евреев Западной Белоруссии и Западной Украины является частью истории евреев всей Польши между двумя мировыми войнами. Но особые проблемы этого района – взаимоотношения между украинцами и поляками, белорусами и поляками, литовцами и поляками, включая религиозное разнообразие (католичество, православие, униатство), повлияли на положение евреев. В конфликтах и войнах, которые Польша вела в 1918-1920 годах, евреи занимали нейтральную позицию, поскольку они находились в многонациональном районе. Исторический опыт научил их, что это наилучший путь избегнуть обвинений, насилия и агрессии со стороны любой из сторон.

Еврейские группы Кресов и Восточной Галиции различались. Со времени раздела Польши во второй половине XVIII века и до становления независимой Польши Восточная Галиция являлась частью Габсбургской империи, и её евреи обладали равноправием уже по конституции 1867 года. Восточная Галиция была важным центром движения просвещения, и прогрессивные слои местных евреев вовлеклись в процесс аккультурации. Но под воздействием расцветавшего там украинского национализма и польского антисемитизма ассимиляция ослаблялась и укреплялось еврейское национальное движение. Здесь был также весьма силён хасидизм и еврейский быт, – особенно в провинциальных городах, – носил хасидский характер. Евреи Кресов, напротив, были «литваками» подобно евреям Литвы, и говорили на идише. Вот сведения о количестве еврейского населения на рассматриваемых территориях по данным переписи населения 1931 года (в областях):

Вильнюс – 110.796	Тарнополь – 134.117
Волынь – 207.792	Полесье – 113.988
Белосток – 19.7365	Станислав – 139.746
Львов – 342.405	Новогрудок – 82.872

Еврейское население всех этих районов суммарно составляло 1.379.081 человек.

Евреи Восточной Польши, подобно большинству евреев Восточной Европы, занимались главным образом мелкой торговлей, ремёслами и мелким производством. Их экономическое положение зависело от отношения к ним государства. Государственная монополия в определённых отраслях (производство табачных изделий, алкогольных напитков, спичек, соли и др.) вредила евреям, которых увольняли с принадлежащих правительству предприятий и ограничивали выдачу им разрешений на торговлю продукцией этих отраслей. Во второй половине двадцатых годов было создано и развивалось украинское кооперативное движение в Волыни и в Восточной Галиции. Оно конкурировало с еврейскими торговцами и ремесленниками. Устремление поляков в города Восточной Польши в соответствии с государственной политикой

«полонизации» ухудшало положение евреев, вытесняемых из торговли и их традиционных ремёсел.[26]

В конце двадцатых годов и в тридцатые годы экономический кризис и застой очень повредили евреям. Правые круги и партия эндеков объявили бойкот еврейским торговцам и ремесленникам. Эта политика, вдохновлявшаяся эндеками до 1935 года, стала почти официальной политикой правительства, пришедшего к власти после смерти Пилсудского. Экономический бойкот сопровождался нападениями на евреев, подкладыванием взрывных устройств в еврейские магазины и учреждения и погромами (например, погром в городе Пшитик в марте 1936 года и в других местах). Польские власти не поддерживали нападения на евреев. Премьер-министр Польши генерал П. Славой-Складковский объявил в июне 1936 года: «Экономическая борьба – пожалуйста, но никакого (физического) оскорбления».[27]

Приход к власти нацистов в Германии также откликнулся усилением польского антисемитизма в тридцатых годах. В январе 1934 года был подписан договор о ненападении между Польшей и Германией на 10 лет, что открыло дорогу росту немецкого влияния в Польше. Евреев Польши, которые объявили бойкот импортным товарам из Германии, польское правительство заставило его аннулировать. Фракция эндеков призывала лишить евреев гражданских прав и конфисковать их имущество. Принципы эндеков походили на принципы фашистов в Германии, но в польской христианской окраске. Центр организации эндеков был в Варшаве, отделения – в Вильнюсе и других городах.[28] Антисемитские круги и польские объединения специалистов свободных профессий призывали поляков бойкотировать еврейских коллег. Ассоциация польских врачей в Вильнюсе выдвинула лозунг: «Поляк лечится только у поляка». В 1937 году в университетах было определено «гетто скамеек»: еврейских студентов заставляли сидеть на специальных скамьях, отдельно от остальных студентов. В марте 1935 году законодательно запретили кошерный убой животных. Весной 1938 года был принят закон, направленный на сокращение числа евреев, имеющих польское гражданство, и установивший, что тот, кто находился за пределами Польши в течение пяти лет подряд, лишается польского гражданства. Это позволяло не допустить возврата в Польшу евреев, имевших польское гражданство, которые несколько лет проживали в Германии.[29]

Евреи Польши боролись за свои права как национального меньшинства. Основная борьба разворачивалась в двух палатах парламента – сейме и сенате.

В борьбе за права национальных меньшинств евреи участвовали вместе с другими национальными меньшинствами – украинцами, белорусами и немцами, и на выборах в первый парламент в 1922 году появился общий список национальных меньшинств. «Блок национальных меньшинств» стал частью парламентской оппозиции. В сейме заседало 35 еврейских депутатов, из них 24 сиониста; в сенате – 12 депутатов-евреев, в том числе 7 сионистов. На выборах 1928 года евреи не

присоединились к общему списку национальных меньшинств, главным образом, из-за противодействия евреев Восточной Галиции, которые утверждали (не без основания), что антисемитизм украинцев не меньше, чем антисемитизм поляков.[30]

Члены парламента от «Агудат Исраэль», чьи устремления и требования носили в основном религиозный характер, поддерживали правительство, и правительство, со своей стороны, поддерживало это движение, которое носило характер общественного консерватизма.[31]

Большинство евреев Восточной Галиции и Кресов участвовали в сионистском движении – многонациональный характер этих районов привёл к усилению еврейских национальных чувств и ослаблению процесса полонизации.[32]

Еврейское социалистическое рабочее движение Бунд, созданное в Вильнюсе в 1897 году, имело большое влияние среди еврейских рабочих, в особенности – в их профсоюзах. На востоке Польши Бунд был слабее, чем в её более индустриально развитом центре с множеством еврейских пролетариев. Бунд считал, что решение всех проблем евреев заключается в создании социалистического польского государства, он боролся против сионизма и еврейской религии и выступал за создание системы образования и культуры, основанных на идише. Коммунистическая партия действовала в Польше вне закона. Это была маленькая партия, но с относительно большим количеством евреев.[33]

В фокусе еврейской деятельности находилась система просвещения. Параллельно с борьбой в парламенте против притеснения евреев в экономике еврейские деятели боролись также за характер и независимость еврейского образования и за его государственное финансирование. Польские власти требовали, чтобы в еврейских школах, было увеличено количество учебных часов для изучения польского языка и чтобы уроки по истории и географии Польши проводились на польском языке. Польские власти использовали различные способы давления, например, не признавали дипломы еврейских школ при поступлении в высшие учебные заведения и отказывали школам в финансовой поддержке т.д.

Осуществляя свою программу полонизации, правительство открыло государственные школы для еврейских учащихся, где языком обучения был польский. Эти школы назывались «шабатовками», потому что вместо учёбы в субботу там занимались по воскресеньям. Еврейская община и еврейские органы образования выступали против «шабатовок». Несмотря на это, «шабатовки» открылись в большинстве центральных городов Восточной Польши, и немало евреев послали своих детей туда, поскольку, в отличие от еврейских школ, в «шабатовках» обучали бесплатно и их дипломы признавались при продолжении обучения в вузах. Многие ученики «шабатовок» посещали дополнительные уроки, организованные общиной, на которых преподавали иудаизм.[34]

Вопреки провозглашённой властями политике полонизации еврейские учащиеся сталкивались с трудностями при поступлении в государственные средние школы, а многим из уже принятых в эти школы

пришлось покинуть их из-за антисемитской атмосферы, которая там царила.

В еврейском обществе шли споры о характере еврейского образования: будет ли языком обучения иврит, будет ли обучение религиозным или светским? Светское еврейское просвещение осуществляли главным образом образовательная сеть «Тарбут», поддерживаемая сионистами, и сеть «Циша», на которую опирались Бунд. В системе религиозного образования выделялись радикальностью школа для девочек «Бейт Яков» и школа для мальчиков, множество ешив и «Талмуд Тора». В сети школ «Явне» обучали в религиозно-сионистском духе.[35]

В Вильнюсе сотни студентов учились в семинаре учителей иврита. Семинар учителей идиша, единственный в Польше, был закрыт в 1931 году по указу правительства под тем предлогом, что там действовала подпольная коммунистическая ячейка. В Вильнюсе действовал также и техникум «Орт», готовивший техников, и единственная в Польше спецшкола для бездомных и умственно отсталых детей.[36]

В Вильнюсе был создали «Иво» («Идишер висеншафтлихер институт» – Еврейский научный институт), где находилось редкое собрание, включавшее в себя 40.000 книг, журналы и другие предметы. Некоторые библиотеки Вильнюса получили всемирную известность, среди них «Страшун» и «Мефицей хаскала», хранившие в своих фондах десятки тысяч книг и редких рукописей. «Еврейское общество истории и этнографии» обладало собранием множества оригинальных материалов в области еврейской истории, фольклора, литературы, музыки и искусства, включая древние рукописи еврейских авторов.[37]

В Восточной Галиции и в пограничных восточных районах местные и районные газеты печатались на идише, иврите и на польском языке; они представляли разные политические направления и течения в еврейском обществе.

Во многих общинах действовали местные театры, драматические кружки. В Вильнюсе работали вильнюсская труппа, гастролировавшая и в других городах, детский театр, кукольный театр «Мэйдим» и драматические кружки.[38]

В области спорта выделялось общество «Маккаби», имевшее отделения во всех городах и в большинстве местечек Восточной Польши. Там действовали и объединения «Хапоэль». Бунд создал собственное спортивное объединение «Моргенштерн» («Утренняя звезда»). Еврейские молодёжные движения также занимались спортивной деятельностью.

Центральным институтом еврейской жизни была община («кегила»). По закону 1919 года, определявшему общины как религиозные объединения, к ним принадлежал каждый еврей, если он не отделился от общины. Общины находились под надзором польских властей, они контролировали назначение раввинов, финансовые и другие вопросы. Вместе с тем, руководящие круги общины имели возможность направлять деятельность общины в различных областях.[39]

Деньги для финансирования деятельности общины поступали из

различных источников. Закон об общинах уполномочивал их взыскивать налоги с евреев. Между двумя мировыми войнами общины Восточной Польши частично потеряли традиционно-ортодоксальный облик и обрели сионистско-традиционный характер; одновременно с ростом сил Бунда во второй половине тридцатых годов усилились рабочие элементы в руководстве общинами.[40]

Общины столкнулись со сложными проблемами. Государственная политика отстранения евреев от их традиционной деятельности особенно ударила по торговцам и мелким ремесленникам, составлявшим большинство работающих евреев. Нужно учитывать и тяжёлое экономическое положение всей Польши в ту пору. Многие евреи оказались на уровне бедности, и всё больше их обращалось в советы общин с просьбой о помощи. Между тем именно в это время сократились общинные доходы, ибо большинство евреев оказалось неспособно платить налоги. Общины поддерживали нуждающиеся семьи, а также всевозможные институты и организации, в том числе сиротские дома, дома престарелых, школы и ешивы, театры, спортивные объединения, больницы и поликлиники.[41]

Руководители общин откликались на события, происходившие в Польше и во всём мире. Они протестовали против вспышек антисемитизма и убийства евреев, они же с приходом нацистов к власти в Германии предприняли действия по организации бойкота германских товаров. Из-за ощущения приближающейся опасности, которое пробуждалось вслед за происходившим в Германии, и из-за экономических трудностей усиливалось стремление евреев к эмиграции, но возможности репатриации в Эрец-Исраэль значительно уменьшились в результате английской политики «Белой книги».[42]

Помощь нуждающимся евреям до самого начала Второй мировой войны оказывалась также различными организациями. Вопросами охраны здоровья и медицинской помощи занималась главным образом организация здравоохранения ТОЗ («Товарищество охраны здоровья еврейского населения»). Для облегчения тяжёлого положения торговцев и мелких ремесленников были созданы «Купот мильве» (ссудные кассы) и «Гмилут хесед» (благотворительные кассы), предоставлявшие льготные займы и помогавшие неимущим управлять своим скудным бизнесом. «Джойнт» активно участвовал в поддержке нуждающихся и создал в различных местах кооперативные банки, которые давали небольшие ссуды под низкий процент, а также помогал торговцам, мелким ремесленникам, еврейским земледельцам и благотворительным кассам.[43]

Г. ЕВРЕИ БЕССАРАБИИ И СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ.

По окончании Первой мировой войны в марте 1918 года Бессарабия, принадлежавшая прежде царской России, была присоединена к Румынскому королевству. Буковина, до войны часть Габсбургской империи, тоже стала румынской территорией в 1919 году. В 1930 году в Бессарабии насчитывалось 207.000 евреев, а в Северной Буковине

75.000.[44] Назовём самые большие еврейские общины Бессарабии в начале тридцатых годов: Кишинёв – приблизительно 42.000 человек; Бельцы – более 14.000 человек. На Буковине крупнейшая еврейская община образовалась в городе Черновцы – более 45.000 человек. Большинство евреев были ремесленниками, мелкими торговцами, небольшая часть занималась сельским хозяйством, но находились и владельцы промышленных предприятий и торговых компаний.

Вследствие присоединения к Румынии судьба евреев Бессарабии и Буковины оказалась тесно связанной с судьбой румынских евреев, но у них имелись и особые проблемы, вытекавшие из того, что они были «чужими» в Румынии. Большинство из них не владело румынским языком, отсюда вытекали трудности для учащихся школ и при контактах с властями; кроме того, существовала проблема беженцев от погромов с Украины, к которым румынское правительство относилось отрицательно.

Законодательно статус румынских евреев в период между двумя мировыми войнами был установлен Версальским договором и соглашением между союзниками и Румынией, подписанным в декабре 1919 года. Румынию обязали предоставить гражданство всем жителям румынской территории, не имеющим другого гражданства. Румыны выступали против предоставления гражданства евреям только что присоединенных к Румынии Бессарабии, Буковины и Трансильвании. Они требовали от евреев доказательств того, что они проживали в этих местах до 18 ноября 1918 года. В итоге множество евреев Бессарабии и Буковины оказалось без гражданства. Помимо этого осложняющего их жизнь обстоятельства они, как и все евреи Румынии, подвергались дискриминации в различных экономических областях и при поступлении на государственную службу. Материальное положение бессарабских евреев было особенно тяжёлым, потому что с присоединением Бессарабии к Румынии прервались их довоенные торговые связи с Россией. Преследования евреев в экономической области с годами усиливались, власти стремились «румынизировать» все области экономики. Злонамеренность правительства и тяжёлое экономическое положение заставили многих евреев Бессарабии и Буковины эмигрировать, в результате еврейское население там сократилось.[45]

В университетах проводилась активная антисемитская пропаганда, во многих из них вспыхнули антиеврейские беспорядки и появилось требование ввести в них ограничения для евреев. 24 июля 1927 года Корнелиу Кодряну создал «Легион Архангела Михаила», объявив его целью «спасти Румынию от евреев». В 1929 году эта организация стала именоваться «Железной гвардией» (Garda de Sier), её также называли «Движением легионеров». Идеология организации основывалась на религиозном антисемитизме и расистском мировоззрении. Её пропагандистским лозунгом было: «защита христианской религии и культуры от еврейского большевизма». Легионеры выступали против демократии, которая, по их мнению, была еврейским изобретением и предназначалась служить евреям. Инструментами «Железной гвардии» служили

политический террор и убийство противников. Организация боролась не только с евреями и демократическими кругами, но выступала также и против традиционно-консервативных сил.[46]

Несмотря ни на что, в Бессарабии и Буковине в полной мере осуществлялась еврейская жизнь. Еврейская система образования там включала в себя сеть школ «Тарбут» и «Хеврат мефицей хаскала» («Общество распространения просвещения»). Работали также несколько профессиональных школ, их поддерживали заграничные организации, такие, как «Джойнт» и «Орт». Румынское правительство официально признавало существвовашие еврейские школы, но затрудняло их деятельность и стремилось ликвидировать их в соответствии со своей политикой «румынизации». Учеников вынуждали сдавать экзамены на румынском языке, но многие из них не владели им, проваливались на экзаменах и не могли продолжать учёбу в высших учебных заведениях.[47] Значительная часть еврейской молодёжи переходила в государственные школы, где учились на румынском и учебный процесс характеризовался румынской ориентацией. В противовес этой тенденции система школ «Тарбут» действовала в направлении усиления национального чувства и еврейской культуры.[48]

Сионистское движение в Бессарабии и на Буковине существовало ещё в довоенный период. Бунд тоже действовал среди евреев Бессарабии и Буковины, он сосредотачивал свои усилия в сферах профсоюзной деятельности и культуры идиша. Как и в других районах Восточной Европы, здесь в еврейском обществе соперничали культуры иврита и идиша, религиозная и светская системы образования, традиционность и стремление к ассимиляции. Кроме того, за власть в еврейской общине боролись различные партийные организации. В Бессарабии и на Буковине печаталось много еврейских газет различных направлений.[49]

В тридцатые годы, время экономического кризиса, усилились крайне правые и антисемитские силы, которые возглавляла «Железная гвардия». Приход нацистов к власти в Германии и усиление немецкого влияния в Европе в огромной степени повлияли на укрепление фашизма в Румынии. Платформа национально-христианской партии, которую возглавляли Александр Куза и Октавиан Гога, включала в себя положения, сходные с программой нацистской партии Германии. В них провозглашалось:

- политическая власть будет только в руках тех, в чьих жилах течёт чистая румынская кровь;
- на всех предприятиях экономики и в культурных учреждениях предпочтение будет отдано румынам;
- поскольку евреи – отрицательный элемент, который вредит интересам государства, им нет места в государственных учреждениях или в частном секторе; немцы, напротив, являются лояльным национальным меньшинством, и их можно принимать на государственную службу;
- нелегальные еврейские беженцы будут изгнаны;
- закон о гражданстве будет исправлен;
- городское и сельское имущество евреев будет конфисковано.

В 1937 году в Румынии было создано крайне правое правительство, возглавляемое Гогой, принявшее ряд антиеврейских мер.[50] Но спустя несколько месяцев после назначения правительство Гоги пало из-за борьбы различных сил в кругах румынской власти, и Гога не успел осуществить свою антиеврейскую политику.

В феврале 1938 года король Кароль Второй установил свою диктатуру. Он выступил против членов «Железной гвардии», опасных для его власти, арестовал многих руководителей этой организации, казнил Кодряну и других её руководителей. Одновременно он сблизился с Германией и укрепил экономические связи с ней. С началом Второй мировой войны произошли значительные изменения в положении Румынии и вследствие этого также резко изменилось положение румынских евреев.

Евреи Восточной Европы в промежутке между мировыми войнами прошли три процесса: 1) расцвет культуры на идише и на иврите, примеров чему их история прежде не знала; 2) демократизация; 3) ухудшение экономического положения вплоть до нищеты и потребности в социальной помощи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В результате политического соглашения после Первой мировой войны «литваки» оказались в четырёх странах: Польше, Литве, Латвии и Советском Союзе.
2. *Еврейская энциклопедия...*, т. 21, с. 770; Дов Левин (ред). *Хроника общин Литвы* (иврит). – Иерусалим, 1996, с. 46-47, 49, 457, 658 (далее: Левин, *Хроника общин Литвы...*).
3. Mendelson, *The Jews of East-Central Europe...,* p. 220.
4. Левин, *Хроника общин Литвы...*, с. 43.
5. *Там же*, с. 43-44; Mendelson, *The Jews of East-Central Europe*, pp. 222-223.
6. Mendelson, *ibid*, pp. 222-223.
7. Левин, *Хроника общин Литвы...*, с.58-62; Лейб Гарфункель. *Разрушенный еврейский Каунас* (иврит). – Иерусалим, 1959, с.14 (далее: Гарфункель, *Разрушенный...*).
8. Левин, *там же*, с. 69-71; Mendelson, *The Jews of East-Central Europe...,* pp. 232-233.
9. Левин, *там же*, с. 72; Mendelson, *ibid.*
10. Левин, *там же*, с. 75-77; Гарфункель, *Разрушенный...,* с.18-19; Masha Greenbaum. *Jews of Lithuania*. – Иерусалим, 1995, с. 276-280 (далее: Greenbaum, *Jews of Lithuania...*).
11. Mendelson E. *The Jews of East-Central Europe...,* pp. 276-280.
12. Дов Левин (ред). *Хроника общин Латвии и Эстонии* (иврит). – Иерусалим, 1988, с. 13, 15-17, 23 (далее: Левин, *Хроника общин Латвии...*).
13. *Там же*, с. 15-17, 23.
14. M. Bobe, S. Levenberg, I. Maor and Z. Michaeli. *The Jews in Latvia*. – Tel-Aviv, 1971, pp. 85-86 (далее: Bobe and others, *The Jews in Latvia...*).
15. Mendelson, *The Jews of East-Central Europe...,* p. 251.
16. Левин, *Хроника общин Латвии...,* с. 20-21.
17. *Там же*, с. 25.
18. *Там же*, с.18.
19. *Там же*, с. 303-304; Mendelson, *The Jews of East-Central Europe...,* pp. 253-254.
20. Левин, *там же*, с. 305-306.
21. *Там же*, с. 306-307.
22. *Там же*, с. 305.

23. *Там же*, с. 18-19, 53-54; Mendelson, *The Jews of East-Central Europe…,* pp. 236-237.
24. Mendelson, *ibid*, p. 40.
25. *Ibid*, p. 38-39.
26. Tomaszewski, *Najnowsze Dzieje…,* pp. 207-211.
27. Исраэль Клойзнер. *Вильнюс – литовский Иерусалим* (иврит), т. 1. – Лохамей Хагетта-от, 1983, с. 193 (далее: Клойзнер, *Вильнюс…*).
28. *Там же*, с. 189-190.
29. Tomaszewski, *Najnowsze Dzieje…,* pp. 196-198. Изгнание евреев, лишённых польского гражданства, из Германии, которое произошло в конце октября 1938 года, и история их задержания в пограничном городке Збоншине связаны с этим законом.
30. *Ibid*, pp. 219-221.
31. *Ibid*, pp. 222-223; Mendelson, *The Jews of East-Central Europe…,* p. 55.
32. Вайс и др. *Хроника общин Восточной Галиции*, с. XIX; Спектор, *Хроника общин Волыни…,* с. 15.
33. Клойзнер, *Вильнюс…,* с. 376, 431, 436.
34. *Там же*, с. 614-616.
35. Вайс и др. *Хроника общин Восточной Галиции*, с. XX, 30-31, 244, 366-367.
36. Клойзнер, *Вильнюс…,* с. 616-625.
37. *Там же*, с. 542-548; Israel Cohen. *Vilna*. – Philadelphia – Jerusalem, 1992, pp. 410-414.
38. Клойзнер, *там же*, с. 488-492, 506-513.
39. Клойзнер, *там же*, с. 224-225; Tomaszewski, *Najnowsze Dzieje…,* pp. 187-188.
40. Вайс и другие, *Хроника общин Восточной Галиции*, с. XIX; Клойзнер, *там же*, с. 226; Tomaszewski, *ibid*, p. 189-191.
41. Клойзнер, *там же*, с. 640-650; Tomaszewski, *ibid*, с. 240; Вайс и другие, *там же*, с. 27-28; Спектор, *Хроника общин Волыни…,* с. 14, 122.
42. Клойзнер, *там же*, с. 235-237. Британская политика «Белой книги», объявленная в 1939 году, крайне ограничила эмиграцию в Эрец-Исраэль.
43. *Там же*; Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции*, с. 28, 243-244, 366; Спектор, *Хроника общин Волыни…,* с. 14, 59, 122, 215, 234, 292-293; *Энциклопедия диаспоры. Брест-Литовск* (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1954, с. 441-442 (далее: *Энциклопедия диаспоры. Брест-Литовск*).
44. Жан Аншель. *История Холокоуста – Румыния* (иврит), т. 2. – Иерусалим, 2002, с. 1349 (далее: Аншель, *История Холокоуста – Румыния...*).
45. *Энциклопедия диаспоры, Еврейство Бессарабии* (иврит). – Иерусалим, 1971, с. 411-414 (далее: *Энциклопедия диаспоры. Еврейство Бессарабии...*).
46. Жан Аншель, *История Холокоуста – Румыния...*, с. 20-31.
47. *Энциклопедия диаспоры. Еврейство Бессарабии...*, с. 368-371.
48. Жан Аншель и Теодор Лави (ред). *Хроника общин Румынии* (иврит), т. 2. – Иерусалим, 1980, с. 410 (далее: Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии…*).
49. *Там же*, с. 410, 498-502.
50. Жан Аншель, *История Холокоуста – Румыния...*, т. 1, с. 57-69.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЕВРЕИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ДО НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (1 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА – 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА)

ГЛАВА 6

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

А. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ НАЦИЗМА: ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО, РАСА, ЕВРЕЙСТВО И МАРКСИЗМ

Вторая мировая война началась нападением нацистской Германии на Польшу ранним утром 1 сентября 1939 года. Её вызвало стремление Гитлера превратить Германию в мировую державу, господствовать над всей Европой, сделав её восточную часть – территорию Польши, Советского Союза и восточное побережье Балтийского моря – в «жизненное пространство» (Lebensraum) для немецкого народа. Гитлер обосновывал свою политику в книге «Майн кампф»:

«Только достаточно большое жизненное пространство гарантирует в этом мире свободу существования народа... мы не сможем считаться державой, если ограничены абсурдной территорией в 500.000 квадратных километров... Мы прекратим стремление Германии на юг и на запад и обратим свои взгляды на восток... Если мы сегодня говорим о территориях в Европе, мы главным образом имеем в виду Россию и зависящие от неё и граничащие с ней страны... Представляется, что судьба подаёт нам знак. Переворот в России, приведший к власти большевиков, похитил у русского народа его интеллигенцию... Её место заняли евреи...».[1]

К исторической тяге Германии на Восток («Drang Nach Osten» – «порыв на Восток»), немецкие нацисты добавили расистский аспект. «У нордической расы, – утверждал Гитлер, – есть право владеть миром, и у нас есть расовое право осуществлять нашу внешнюю политику в этом направлении...».[2] Гитлер видел в евреях первейших врагов его расистской концепции и носителей марксистской идеологии, противоположной и враждебной национал-социализму, о чём он писал:

«Еврейская доктрина марксизма... отрицает личность, подрывает значение наций и расы... В русском большевизме мы должны видеть попытку евреев достигнуть всемирной власти в двадцатом веке» .[3]

В секретном меморандуме Гитлера 1936 года, содержавшем четырёхлетний план экономической и военной подготовки Германии к

войне, вновь поднимается тема еврейского большевизма:

«Содержание и цель большевизма состоят исключительно в уничтожении тех слоёв общества, которые до сих пор руководили человечеством, и в замене их международным еврейством...».[4]

Согласно принципиальной установке Гитлера, только Германия способна была защитить себя и остальную Европу от бедствия, которое обрушится на Европу с победой большевиков. Эта идеологическая концепция, основанная на желании экспансии на Восток, на антимарксизме и ненависти к евреям, нашла своё выражение в стратегической политике, направленной против Советского Союза, уничтожение которого должно было обеспечить немецкому народу необходимое жизненное пространство и колониальные районы, нанести смертельный удар по марксистской идеологии и уничтожить её носителей – евреев.

Несмотря на эту концепцию, Советский Союз не выражал антигерманских взглядов. Наоборот, он искал пути для переговоров, как разъяснил глава советского правительства Молотов, выступая 28 января 1935 года, через два года после прихода Гитлера к власти в Германии:

«У Советов нет и не было никакого иного желания, кроме установления с Германией хороших отношений и в будущем. Всем известно, что Советский Союз искренно стремится устанавливать связи с любыми странами, не исключая и страны с фашистским режимом... Ясно, что не националистические расистские теории по вопросу о существовании немецкого народа как господина всего мира являются препятствием для развития отношений между Советским Союзом и Германией... Дело не в теориях, а главным образом в том, на чём основана современная внешняя политика Германии».[5]

Прагматический подход Советского Союза, не содержащий никакой идеологической подоплёки, не получил отклика со стороны Германии. Создание оси Германия-Италия-Япония и «Антикоминтерновского блока», объединившего эти страны в конце 1936 года, было направлено против Советского Союза.

Война и экспансия на Восток, по Гитлеру, должны были создать подходящие условия для уничтожения евреев. В своей речи в рейхстаге 30 января 1939 года Гитлер сказал:

«Если международные еврейские финансисты в Европе и за её пределами сумеют еще раз втянуть народы в мировую войну, то результатом будет не большевизация мира и вместе с этим победа еврейства, а уничтожение (vernichtung) еврейской расы в Европе».[6]

Политические условия, создавшиеся в Европе после захвата Германией Чехословакии 15 марта 1939 года, привели Гитлера к убеждению, что время и ситуация созрели для продолжения его экспансионистской политики. Первой целью Германии была Польша. Западные державы обязались оказать помощь Польше в случае угрозы её независимости со стороны Германии. 6 апреля 1939 года Великобритания и Франция заключили договоры о взаимопомощи с Польшей, а через неделю с Румынией.

Б. ПАКТ РИББЕНТРОПА-МОЛОТОВА И ЗАХВАТ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

После захвата Германией Чехословакии, в апреле 1939 года, между Великобританией и Францией с одной стороны и Советским Союзом с другой начались переговоры о союзе и подписании договора о коллективной безопасности в Европе с целью воспрепятствовать дальнейшей экспансии Германии в Европе. Переговоры продвигались без особого успеха. После того, как западные державы согласились де-факто с захватом Чехословакии Германией, Советский Союз начал подозревать Запад в стремлении направить агрессию Германии в сторону Советского Союза. 10 марта 1939 года Сталин в речи на XVIII съезде Коммунистической партии Советского Союза обвинил западные державы в намерении «привести к конфронтации Советский Союз и Германию без всякой видимой причины» и намекнул Германии на возможность переговоров с нею. *«Наша внешняя политика, – сказал Сталин, – заключается в поддержании мира и укреплении торговых отношений со всеми странами».*[7] Холодная атмосфера проходивших в Москве переговоров с западными державами и низкий дипломатический уровень представительства Запада на них только укрепили у Сталина ощущение, что Франция и Великобритания не намерены прийти к соглашению с Советским Союзом.

Первый намёк на изменение политики СССР появился в советских средствах массовой информации, когда в них антигерманские высказывания стали более сдержанными. В середине апреля 1939 года газета «Известия» перестала публиковать присылаемые из Парижа статьи Ильи Эренбурга, в которых содержались нападки на нацистскую Германию.[8] 3 мая 1939 года был смещён с должности наркома по иностранным делам Советского Союза Максим Литвинов, еврей, сторонник союза с западными державами против нацистской Германии. Его увольнение символизировало поворот в советской внешней политике. Сталину было ясно, что еврей Литвинов не подходит для переговоров с нацистской Германией. Вместе с Литвиновым из Министерства иностранных дел уволили многих из его окружения, часть из них была евреями. Началась подготовка к отдаче Литвинова под суд по обвинению в «антисоветских намерениях посредством подстрекательства к войне» из-за его антигерманской позиции и политики, направленной на союз с западными державами. Но развитие событий в Европе заставило Сталина отложить передачу Литвинова и его окружения под суд, и в конце концов дело было снято с повестки дня.[9]

Вместо Литвинова был назначен Вячеслав Молотов. Германия приветствовала отставку Литвинова и усмотрела в ней знак готовности Советского Союза к диалогу с ней, так как видела в Литвинове врага номер один в советской верхушке. В речи, произнесённой Гитлером 22 августа 1939 года перед высшим командным составом армии, он сказал:

> *«Удаление Литвинова было решающим. Я постепенно пришёл к изменению позиции по отношению к Советскому Союзу. Ведя пере-*

говоры о торговом соглашении, мы начали и межгосударственные политические переговоры».[10]

Германия хотела предотвратить союз СССР с Великобританией и Францией. Немцы предполагали, что западные державы не рискнут выступить против Германии, когда она начнёт войну против Польши, если они не будут уверены, что Советский Союз на их стороне; если же они всё-таки решатся на войну, тогда Германия, быстро покорив Польшу, сможет затем направить все силы на Западную Европу и не будет вынуждена воевать на двух фронтах. Германия очень хорошо усвоила уроки Первой мировой войны, когда война на два фронта привела её к поражению.

Контакты между сближавшимися Германией и Советским Союзом состоялись в весенне-летние месяцы 1939 года параллельно с контактами между Советским Союзом и западными державами по вопросу коллективной защиты против германской агрессии. Советский Союз сохранял для себя возможность выбора партнёра, который будет лучше соответствовать его интересам. В середине августа 1939 года министр иностранных дел Германии Риббентроп передал послание Молотову, где писал:

«Судя по опыту, правительство рейха и правительство Советского Союза должны учитывать, что капиталистические демократии Запада являются неуступчивыми врагами обеих стран – национал-социалистской Германии и Советского Союза. Заключая военный договор, они сейчас попытаются вновь втянуть Советский Союз в войну против Германии. У обеих стран существует насущный интерес раз и навсегда предотвратить уничтожение Германии и Советского Союза, что пошло бы на пользу только западным демократиям».[11]

Эти слова совпадали с настроением советского руководства – в создавшейся ситуации Советский Союз предпочитал союз с Германией. На такое решение повлияло и то, что на московских переговорах с представителями Великобритании и Франции выяснилось: Польша и Румыния в случае нападения на них Германии отказываются впустить для оказания им помощи на свою территорию советскую армию из-за боязни, что сталинские войска не уйдут по окончании войны. Советский Союз видел в этом недостаток доверия и серьёзности по отношению к нему.[12] При обмене посланиями между Гитлером и Сталиным 20-21 августа было решено, что Риббентроп прибудет в Москву для подписания договора, в основном уже обсуждённого предварительно; небольшие частности предстояло проработать в ходе визита.[13]

На следующий день после приезда Риббентропа в Москву, 23 августа 1939 года, был подписан договор между Германией и Советским Союзом, который стал известен под названием «Пакт Риббентропа-Молотова». Опубликованный договор включал в себя «Соглашение о расширении взаимной торговли» и «Договор о ненападении», где говорилось: «Обе стороны обязуются прекратить любое насильственное действие, любое агрессивное действие и любое нападение одной стороны на другую, самостоятельно или вместе с другими державами».[14]

К договору прилагался секретный протокол, определявший сферы влияния в Восточной Европе. Польша разделялась между договаривающимися сторонами, граница между ними устанавливалась по рекам Висла, Нарев и Сан, соответственно к Советскому Союзу переходили Западная Белоруссия, Западная Украина, а также части Центральной Польши до реки Висла. Относительно балтийских стран договор предусматривал, что Литва станет областью влияния Германии, а Латвия, Эстония и Финляндия – областью советского влияния. В протоколе также отмечалось, что СССР заинтересован в части Румынии – Бессарабии, а германская сторона заявляла об отсутствии у неё политических интересов в этом районе.

Договор гарантировал Советскому Союзу, что Германия не нападёт на него, и СССР получал отсрочку для усиления армии, которая ослабела вследствие массовых репрессий среди командного состава в 1937-1938 годах. Передача Советскому Союзу обширных территорий Польши, как и определение областей его влияния в северо-восточной и юго-восточной Европе, значительно отдаляли германскую армию от основной границы СССР. С идеологической точки зрения, предполагал Сталин, война между Германией и капиталистическими странами предстоит длительная и кровопролитная, она приведёт к их ослаблению, вспыхнут революции, что и даст власть Советскому Союзу и коммунизму над всей Европой. Таковы были стратегические цели Сталина, и Второй мировой войне должна была обеспечить условия для реализации этих целей.

Германии договор обеспечивал свободу действий против Польши даже в случае вмешательства Великобритании и Франции, а также возможность после быстрого захвата Польши вести войну только на одном Западном фронте. Экономическое соглашение позволило Германии получать от Советов важный сырьевой материал для её военной промышленности. Но и после Пакта Риббентропа-Молотова Гитлер не отступил от своего намерения наступать на Восток и уничтожить коммунистическую державу. Договор с Советским Союзом был тактическим шагом и не менял стратегии. В беседе с Верховным комиссаром Лиги Наций в городе Данциг Карлом Буркхардтом 11 Августа 1939 года Гитлер сказал:

«Всё, что я делаю, направлено против русских. Если Запад так глуп и слеп, чтобы усвоить это, я вынужден пойти на соглашение с русскими и покорить Запад, и тогда, после разгрома западных стран, я обращу против Советского Союза все свои силы. Я нуждаюсь в Украине, чтобы они не могли морить нас голодом, как это случилось во время последней войны».[15]

В своей речи в Бергхофе 22 августа 1939 года перед высшим командным составом армии, в то время, когда Риббентроп находился по дороге в Москву для подписания договора, Гитлер, говоря о будущем Восточной Европы, отметил:

«Польша будет очищена от её населения и будет заселена немцами. Судьба России будет точно такой же… Мы разрушим Советский

Союз, и тогда взойдёт заря немецкой власти над всем миром».[16]

На рассвете 1 сентября 1939 года нацистская Германия напала на Польшу, в ответ Великобритания и Франция 3 сентября объявили войну Германии. Немецкий посол в Москве телеграфировал министерству иностранных дел в Берлине 9 сентября 1939 года:

«Ниже приводится текст телефонограммы, которую я только что получил от Молотова. «Получил Ваше сообщение о вступлении германской армии в Варшаву. Передайте мои поздравления и пожелания правительству германского рейха. Молотов»».[17]

В те дни подготовкой к оккупации Польши Красной Армией стали и публикации советских газет, обвиняющие Польшу в угнетении ею украинцев и белорусов, – и в том, что она провоцирует пограничные инциденты. Подобное писалось в немецких газетах накануне вторжения в Польшу, только там речь шла о немецком национальном меньшинстве.[18]

На рассвете 17 сентября 1939 года, после предварительного согласования с Германией во избежание столкновений между двумя армиями, и, чтобы германская авиация не действовала на востоке далее линии Белосток – Брест-Литовск – Львов, Красная Армия пересекла границу Польши. За несколько дней почти без сопротивления со стороны польской армии войска Советского Союза овладели Западной Белоруссией и Западной Украиной, включая Львов, а также городами Вильнюс и Белосток. Официальным поводом для вторжения Советский Союз объявил следующее:

«После краха польского правительства правительство Советского Союза дало указание высшему командованию Красной Армии... перейти польскую границу и защитить жизнь и имущество населения Западной Белоруссии и Западной Украины».[19]

27 сентября 1939 года, в день, когда Варшава капитулировала перед Германией, Риббентроп появился в Москве для согласования границ между зонами немецкой и советской оккупации Польши. На следующий день был подписан договор об изменениях предыдущего Пакта от 23 августа. Советский Союз отказался от районов Центральной Польши, граница передвигалась на восток от реки Висла до реки Буг, а взамен Литва передавалась под советский контроль. Сталин считал Литву со стратегической точки зрения более важной для Советского Союза, чем Центральную Польшу. Тогда же был подписан договор, по которому немцы, жившие в районах, перешедших под власть Советского Союза, получали право перейти в Германию, а украинцы и белорусы из мест, находящихся под германской властью, могли перейти на территорию Советского Союза.[20]

С подписанием Пакта Риббентропа-Молотова немедленно изменилось представление нацистской Германии в советских средствах массовой информации. Определения «фашистские варвары» или «фашистские звери», которыми пользовалась пресса применительно к Германии и событиям в ней, исчезли, Германию стали рисовать как страну, стремящуюся к миру, в отличие от «агрессоров» Великобрита-

нии и Франции. Уже на следующий день после подписания договора с экранов кинотеатров сняли антинацистские фильмы, а литературу антигерманского содержания изъяли из книжных магазинов и библиотек. Партийная пропаганда была полностью нацелена на объяснение новой политической линии и на подчёркивание её полезности для Советского Союза.[21] В сообщении, отправленном в Берлин 6 сентября 1939 года, посол Германии в Москве писал:

«Советское правительство делает всё, чтобы изменить отношение местного населения к Германии. Газеты совершенно изменились. Нападки на поведение Германии совершенно прекратились... антинемецкая литература исчезла с прилавков».[22]

В Красной Армии линия политической пропаганды среди солдат тоже стала совсем другой. Сталин сказал начальнику Политуправления Красной Армии, еврею Льву Мехлису:

«Не дразните немцев... «Красная звезда» часто пишет о фашистах, фашизме. Прекратите. Обстановка меняется. Не надо громко об этом кричать. Всему – своё время. У Гитлера не должно складываться впечатления, что мы ничего не делаем кроме как готовимся к войне с ним».[23]

Советские публикации о войне соответствовали немецкой версии, согласно которой поляки на рассвете 1 сентября 1939 года открыли огонь, чтобы захватить немецкие территории.[24]

В СССР не выражалось никакого противодействия резкому повороту советской внешней политики. Голос противников новой политической линии в то время не был слышен. После волны репрессий, прокатившейся в Советском Союзе в 1936-1938 годах, не могло найтись человека, который бы осмелился открыто высказаться против Сталина и его политики. Многие годы спустя Илья Эренбург так писал о чувствах, охвативших его, в ту пору находившегося в Париже:

«Я услышал по радио, что в Москве подписано соглашение между Советским Союзом и Германией... Я понимал, что англичане и французы играли в покер, вели притом нечестную игру. Умом я понимал, что случилось неизбежное. А сердцем не мог принять».[25]

Чувство противодействия, возникшее у многих в Советском Союзе, связывалось не с самим договором, а с дружественной по отношению к Германии интонацией, которая слышалась со стороны советского руководства и средств массовой информации. Лётчик, еврей, Герой Советского Союза полковник Марк Галлай позднее вспоминал:

«Сомнения возникли прежде всего не из-за факта заключения договора. Всем было ясно, что в создавшихся условиях не было выхода... Но после начались совершенно непонятные вещи. Фашистов больше не называли фашистами. Ни в прессе, ни в лекциях и официальных выступлениях нельзя было найти это слово. То, что с наших комсомольских и даже пионерских времён мы привыкли видеть враждебным, плохим, опасным, вдруг оказалось как будто нейтральным».[26]

Сотрудничество между Советским Союзом и Германией охватывало

разные области. Спустя короткое время после подписания договоров всех немецких граждан, находившихся в то время в советских тюрьмах или лагерях, сосредоточили в московской тюрьме Бутырки. Это были немецкие коммунисты, бежавшие из Германии в Советский Союз и арестованные здесь во время массовых репрессий. Несмотря на то, что всех их ожидал в Германии арест и даже смерть, и несмотря на их протесты, 150 человек были переданы в руки германской полиции в марте 1940 года в пограничном Брест-Литовске.[27]

B. ЭКСПАНСИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПРИБАЛТИКУ, БЕССАРАБИЮ И СЕВЕРНУЮ БУКОВИНУ

После подписания договора между Германией и Советским Союзом и раздела Польши возникла новая политическая и военная реальность, позволившая Москве дальнейшую агрессию. Эстония, Латвия и Литва, включённые Пактом Риббентропа-Молотова в сферу советского влияния, теперь оказались вынуждены подписать договор о взаимопомощи с Советским Союзом. Договор с Эстонией был подписан 28 сентября, с Латвией – 5 октября, с Литвой – 10 октября 1939 года. В договорах указывалось, что в случае нападения на одну из сторон другая сторона должна оказать ей помощь, включая военную. Советскому Союзу предоставлялись военные базы в прибалтийских странах, а взамен 28 октября 1939 года город Вильнюс и часть этого района передавались под власть Литвы.

Аналогичные требования СССР предъявил и Финляндии. Они включали в себя также передачу Советскому Союзу определённой территории в окрестностях Ленинграда. После отрицательного ответа Финляндии Советский Союз 30 ноября 1939 года напал на неё.

Война продолжалась до 13 марта 1940 года. Несмотря на численное превосходство войск и превосходство в военной технике, Красная Армия не проявила оперативных способностей и несла тяжёлые потери. Однако в конце концов преимущество Красной Армии перевесило – Финляндия вынуждена была просить о прекращении огня и подписать мирный договор, по которому она отказывалась от территорий близ Ленинграда и уступала остальным требованиям Советского Союза, но сохраняла свою независимость.

Развитие военной ситуации в Европе беспокоило Советский Союз. В апреле 1940 года Германия захватила Данию и Норвегию, в мае оккупировала Бельгию, Голландию и Люксембург, а немецкие бронетанковые войска вторглись на северо-восток Франции и двинулись в сторону Парижа. Британской армии пришлось отступать из Дюнкерка в Англию морским путём. 10 июня Италия объявила войну Великобритании и Франции. Через несколько дней под натиском германских войск пал Париж и капитулировала Франция.

Со времени подписания Пакта Риббентропа-Молотова политика Советского Союза базировалась на предположении, что война в Западной Европе продлится долго, и длительное кровопролитие ослабит обе стороны – Германию и Великобританию с Францией. Но быстрые

победы Германии смешали карты Советского Союза – Германия не только не ослабела, но ещё более усилилась, овладев большей частью Европы. Возникла опасность, что и Великобритания падёт, и тогда Германия повернёт свои силы против Советского Союза.

Несмотря на тревогу, овладевшую сталинским руководством, Советский Союз, убедившись в победе Германии на Западе, официально выразил удовлетворение в связи с провалом западных держав. 17 июня 1940 года Молотов пригласил к себе в Кремль немецкого посла Шуленберга и передал ему «самые тёплые поздравления советского правительства в связи с блестящими победами германской армии».[28]

Ввиду положения, создавшегося в Европе, Советский Союз решил усилить свои позиции в Прибалтике, где его войска находились с 1939 года. 14 июня 1940 года СССР предъявил ультиматум правительствам Литвы, Латвии и Эстонии и потребовал от них разрешения на ввод на их территорию дополнительных советских сил и создания дружественных Советскому Союзу правительств. Ещё до получения ответа советские войска пересекли границу и захватили три балтийских государства.

14 июля во всех трёх странах были проведены выборы в Учредительные собрания. На выборах фигурировал только один «Список рабочего класса», и, как водилось в Советском Союзе, власти сообщали, что этот единственный список собрал более 99 процентов голосов. Через неделю после выборов Учредительные собрания трёх государств провозгласили прибалтийские государства социалистическими республиками и попросили присоединения к Советскому Союзу. 3 августа 1940 года Верховный Совет Советского Союза удовлетворил их просьбы.

Одновременно Советский Союз действовал и в направлении аннексии Бессарабии, которая в Пакте Риббентропа-Молотова указывалась объектом его особых интересов. В конце мая 1940 года Советский Союз начал собирать большие силы на границе Румынии и провоцировать там конфликты. СССР обратился к Румынии с требованием передать ему Бессарабию и Северную Буковину. Он попросил также Германию соответственно повлиять на Румынию. 26 июля 1940 года Советский Союз предъявил Румынии ультиматум и дал ей 24 часа для ответа. Посол Германии в Бухаресте посоветовал Румынии удовлетворить требования Советов. Румыния уступила, и 28 июня Красная Армия вошла в Бессарабию и Северную Буковину, а затем в течение нескольких дней захватила весь этот район. Бессарабия стала Молдавской Советской Социалистической Республикой. Северную Буковину присоединили к советской Украине. Советский Союз выполнил свою программу, определённую Пактом Риббентропа-Молотова, и передвинул границы СССР от Балтийского моря до Чёрного на сотни километров на запад.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Adolf Hitler, *Mein Kampf*. – Boston, Sentry Edition, pp. 643-646, 654-655, 661 (далее: Hitler, *Mein Kampf*...).
2. Alexander Dallin. *German Rule in Russia*. – London, 1957, p. 9 (далее: Dallin, *German Rule*...). Выдержка из беседы Гитлера с Отто Штрассером 21 мая 1930 г.
3. *Ibid*, p. 63, 65, 661.

4. Allan Bullock, *Hitler and Stalin*. – New York, 1993, pp. 440-441 (далее: Bullock, *Hitler and Stalin...*). Цитируется по изданию: Иосиф Гуврин, *Еврейский взгляд на связи нацистской Германии с Советским Союзом* (иврит). – Иерусалим, 1986, с. 27-28 (далее: Гуврин, *Еврейский взгляд…*). Этот меморандум по соображениям секретности был распространён только в трёх экземплярах.
5. Гуврин, *там же*, с. 72.
6. M. Domarus, (ed.). *Hitler, Reden und Proklamationen*, 1932-1945, Neustadt a/d/ Aish, 1962-1963, p. 1058.
7. Bullock, *Hitler and Stalin...*, pp. 597-598; Tucker, *Stalin in Power...*, p. 587; Гуврин, *Еврейский взгляд...*, с. 77.
8. Илья Эренбург, *Люди, годы, жизнь*. – Москва, т. 2, книги 4-5, с. 198 (далее: Эренбург, *Люди…*); Anthony Read and David Fisher. *The Deadly Embrace, Hitler, Stalin and Nazi-Soviet Pact 1939-1941*. – New York – London, 1988, p. 59 (далее: Read and Fisher, *The Deadly Embrace…*).
9. Arkady Vaksberg, *Stalin Against the Jews*, – New York, 1984, pp. 83-86 (далее: Vaksberg, *Stalin Against…*); Tucker, *Stalin in Power*, pp. 595, 614. Свидетелем «заговора в Министерстве иностранных дел» предстояло стать Евгению Гнедину (Гельфанду), который был арестован НКВД и в результате пыток был готов подтвердить всё, что ему диктовали следователи.
10. *Documents on International Affairs*, 1939-1945. – London, vol. 1, p. 446.
11. *Ibid*, p. 387-388.
12. Read and Fisher, *The Deadly Embrace…,* pp. 163, 166, 231-232.
13. Bullock, *Hitler and Stalin...*, pp. 609-611; Read and Fisher, *ibid*, p. 228.
14. Гуврин, *Еврейский взгляд...,* с. 111-112.
15. Bullock, *Hitler and Stalin...,* p. 632 ; Read and Fisher, *The Deadly Embrace…,* p. 184.
16. Karl Schleunes. 1939: *The Making of War and the Final Solution*. In: A.Cohen, Y.Cochavi and Y.Gelber (eds.). *The Shoa and the War. – New-York*, 1982, p. 31.
17. Гуврин, *Еврейский взгляд...,* с. 115; *Nazi-Soviet Relations 1939-1941*. Doc. 300. – Washington, 1948.
18. Read and Fisher, *The Deadly Embrace…,* p. 333.
19. *Ibid*, p. 333, 336.
20. *Ibid*, с. 351-356; Bullock, *Hitler and Stalin...*, pp. 638-639. Соглашение о возвращении в Германию немцев по происхождению (фольксдойче) из аннексированных Советсикм Союзом территорий было подписано в соответствии с политикой Германии в это время. 7 октября 1939 года Гитлер назначает рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера «рейхскомиссаром по укреплению немецкой нации». В круг его обязанностей включалось «возвращение из-за границы в рейх немецких граждан и немцев по происхождению, которых найдут подходящими для возвращения».
21. Read and Fisher, *ibid*, pp. 292-293.
22. Гуврин, *Еврейский взгляд...,* с. 114.
23. Дмитрий Волкогонов, *Сталин*. – Москва, 1992, книга 2, с. 135 (далее: Волкогонов, *Сталин...*).
24. *Военно-исторический журнал*, 1940, № 6, с. 69.
25. Эренбург, *Люди…,* с. 202.
26. Бен-Цион Пинчук, *Евреи Советского Союза перед лицом Катастрофы*. – Тель-Авив, 1979, с. 65 (далее: Пинчук, *Евреи Советского Союза…*).
27. Tucker, *Stalin in Power...*, pp. 606-607; Read and Fisher, *The Deadly Embrace*…, p. 432; Volkogonov, *Stalin...*, p. 115.
28. Read and Fisher, *ibid*, p. 462.

ГЛАВА 7

ЕВРЕИ АННЕКСИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ПЕРИОД СМЕНЫ ВЛАСТИ

А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Территории, захваченные Советским Союзом в 1939-1940 годах, в царской России были районами черты оседлости, там имелось многочисленное еврейское население: по данным переписи населения 1931 года на Западной Украине – 778.000 евреев (570.000 в Западной Галиции и 208.000 на Волыни),[1] а в Западной Белоруссии, включая районы Вильнюса и Белостока – около 450.000.[2] На основе этих данных и с учётом естественного прироста населения можно оценить количество евреев, проживавших в 1939 году в Западной Белоруссии и Западной Украине, цифрой более 1.300.000, что составляло 10 процентов всего населения. Сюда следует добавить еврейских беженцев из Западной и Центральной Польши, оккупированной немцами. Нет точных данных о числе беженцев, по разным оценкам оно достигало 300.000.[3]

В странах Прибалтики, аннексированных Советским Союзом, жило евреев: в Литве около 147.000, в Латвии около 92.000 и в Эстонии около 4.500.[4] В Бессарабии насчитывалось 207.000 евреев, в Северной Буковине – 75.000.[5] Учитывая неточность указанных данных и возвращение небольшой части беженцев на территорию, оккупированную немцами, можно предположить суммарное количество евреев в районах, аннексированных Советским Союзом, в пределах от 2.120.000 до 2.150.000 человек. Общее число евреев в Советском Союзе накануне нападения Германии достигало 5.200.000 человек.

Б. ОТНОШЕНИЕ К ЕВРЕЯМ И ИХ ДВОЙСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ В ПЕРИОД СМЕНЫ ВЛАСТИ

После перехода границы Польши советской армией в Западной Белоруссии и Западной Украине несколько дней царили беспорядки. На Волыни и в Восточной Галиции, в городах Борислав, Луцк, Корец, Александрия, Горохов, Владимир-Волынский и в других местах украинские погромщики пытались осуществить грабежи и погромы, но быстрое появление Красной Армии это предотвратило. Среди украинских националистов были те, кто ожидал прихода немецкой армии, в которой они видели союзника, и появление Красной Армии вызвало у них разочарование.[6] В нескольких местах антипольские элементы среди украинцев и белорусов нападали на воинские польские подразделения в процессе их отступления и распада, а ответные меры польских солдат задели также и евреев.[7]

С продвижением на Восток немецкая армия захватывала районы Польши, которые затем были переданы Советскому Союзу. Речь идёт о западно-украинских городах Дрогобыч, Перемышль, Борислав и другие, а также о городах Белосток, Брест-Литовск и других в Западной

Белоруссии. В период господства немцев в этих местах они успели поиздеваться над евреями и многих убить. В Белостоке, где они властвовали в период с 16 по 22 сентября, немцы убили около 100 евреев.[8] В Перемышле, расположенном по обеим берегам реки Сан, немцы, прежде, чем отступить на западный берег, истребили около 600 евреев, а также изгнали их с западного берега в восточную часть города, переданную в руки Советов, и сожгли несколько синагог.[9] В Брест-Литовске немецкая армия передала власть над городом Красной Армии 22 сентября 1939 года на совместном военном смотре.[10]

Захват власти Советами в Прибалтике в июне-июле 1940 года не сопровождался преследованиями евреев. В Бессарабии и на Северной Буковине, напротив, в ходе вступления Красной Армии происходили бесчинства по отношению к евреям со стороны отступающей румынской армии, которая обвиняла евреев в сочувствии Советам. В районе Сучавы и в других местностях Бессарабии отступающая румынская армия оставляла после себя множество пострадавших евреев.[11]

Во многих местах создавалась гражданская милиция для охраны общественного порядка во время смены власти, чтобы воспрепятствовать грабежу. Организаторами выступили просоветски настроенные граждане – украинцы, белорусы и евреи. Милиционеры и созданные общественные комитеты поощрялись Красной Армией, которая, придя сюда, присоединялась к охране порядка до момента передачи правления новым органам местной власти. Евреи Западной Белоруссии и Западной Украины приветствовали Красную Армию. Они знали, что коммунистическая власть затронет основы жизни евреев, их вековые национальные и религиозные институты, но она представляла собой спасительную альтернативу немецкой власти, преследовавшей евреев. Вот свидетельство очевидца:

«Непредвиденное развитие событий пробуждало у еврейского населения смешанные чувства. Прежде всего, чувство облегчения – избавление от мучений гитлеровцев... Разумеется, советский режим подвергал еврейский народ опасностям, но совсем другого рода. Было ясно, что прежнее окончилось и начинается совершенно новая жизнь».[12]

Хотя большинство еврейского общества видело в Советской власти только меньшее зло, симпатизирующие коммунизму евреи усматривали в приходе Красной Армии осуществление своих идеалов. Для поляков же приход Красной Армии означал нож в спину во время их войны с немцами, захват их земель и потеря независимости их страны. Многие поляки, и прежде не испытывавшие симпатии к евреям, теперь злились на них за тёплую встречу Советов, не понимая, что она продиктована не враждебностью к Польше, а спасением от немцев.

Евреи Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины приняли Советскую власть менее восторженно, поскольку здесь слышали от прибывших еврейских беженцев о негативном отношении Советской власти к еврейским институтам и организациям, об уязвимости еврейского бизнеса и т.д. Вместе с тем, они хорошо понимали, что после побед

немецкой армии в Западной Европе летом 1940 года существует опасность прихода немцев в их страны, и евреи предпочитали Советскую власть. Из описания захвата Каунаса Красной Армией в июне 1940 года возникает картина двойственной позиции евреев по отношению к Советам:

«Среди тех, кто встречал советских солдат, были, разумеется, коммунисты, и среди них коммунисты–евреи… Но на тротуарах теснились и евреи из многих других слоёв, которые испытывали в душе противоречивые чувства. В последние месяцы тревога грызла сердце: распространялись слухи, что Литва будет передана немцам… Действительно, теперь у них камень с души свалился, потому что они спаслись от нацистов… С другой стороны, литовское еврейство в своём большинстве было сионистским, а поэтому опасалось Советской власти. Беженцы, прибывшие из Западной Белоруссии и Западной Украины, ставших советскими, рассказывали о ликвидации там еврейских учреждений».[13]

Из Бессарабии и Северной Буковины, прежде чем они отошли к Советскому Союзу, местные деятели сионистских и других еврейских партий, а также богатые евреи, боявшиеся коммунистической власти, перебрались в Румынию. К ним присоединились также евреи, выехавшие в Румынию по семейным обстоятельствам. Вместе с тем, находились евреи, перемещавшиеся в обратном направлении в целях воссоединения семей или из-за симпатии к коммунизму.

Это двустороннее движение происходило в атмосфере антисемитизма румын, обративших свою ненависть к Советскому Союзу на евреев.[14]

В. ВЫБОРЫ И УЧАСТИЕ В НИХ ЕВРЕЕВ

Советские военные власти в Западной Белоруссии и на Западной Украине, желая придать советской оккупации, в отличие от немецкой, видимость демократического характера, объявили о проведении 22 октября 1939 года выборов в Национальные собрания. Выборы проходили под лозунгом «Хотим присоединиться к Советскому Союзу». Голосовался только за один список: «блок коммунистов и беспартийных». По официальным итогам, более 90 процентов лиц, имеющих право участвовать в выборах, отдали свои голоса этому блоку. В Национальное собрание Западной Белоруссии избрали 926 делегатов, из них 72 еврея. В Национальном собрании Западной Украины среди 1.495 делегатов оказалось 20 евреев.[15]

В Национальных собраниях евреев заседало пять процентов, хотя они составляли десять процентов населения.[16] В предложенном избирателям списке кандидатов было отдано предпочтение украинцам и белорусам – советская власть дискриминировала евреев.

В Белостоке 28 октября собралось Национальное собрание Западной Белоруссии, а на следующий день во Львове – Национальное собрание Западной Украины. Оба собрания приняли одинаковые решения послать делегации в Москву с просьбой высшим советским властям о

присоединении к Советскому Союзу. На специальной сессии 1-2 ноября 1939 года Верховный Совет СССР удовлетворил эти просьбы. Такие же решения приняли Верховные Советы Белорусской республики и Украинской республики, и аннексия этих районов Советским Союзом получила законодательное закрепление.

После присоединения к Советскому Союзу Национальные собрания были распущены, и 24 марта 1940 года состоялись выборы в Верховные Советы Белорусской и Украинской республик, а также в Верховный Совет СССР, состоявший из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. От Западной Белоруссии в Верховный Совет республики вошли 202 делегата, среди них 12 евреев, или шесть процентов, хотя среди всего населения, как уже говорилось, они составляли десять процентов. На Западной Украине положение было ещё хуже: там в Верховный Совет избрали только одного еврея. Из 55 делегатов Западной Белоруссии и Западной Украины в обеих палатах Верховного Совета СССР не было ни одного еврея.

В новых республиках Советского Союза – Литве, Латвии, Эстонии и Молдавии 12 января 1941 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Среди 100 делегатов, избранных в Совет Национальностей (25 – от каждой республики), был только один еврей (из Литвы), в Совете Союза – ни одного.[17] Здесь евреев дискриминировали по сравнению с нееврейскими гражданами точно так же, как и на выборах в Белоруссии и Украине.

29 ноября 1939 года Президиум Верховного Совета СССР опубликовал Указ о предоставлении советского гражданства каждому, кто являлся жителем Западной Белоруссии и Западной Украины в день присоединения, т.е. 1-2 ноября 1939 года, а также беженцам, которые прибыли сюда с территории Польши, оккупированной немцами. В январе 1940 года началась выдача советских паспортов жителям присоединённых территорий. В паспорта лиц, чьё политическое прошлое и социальное положение возбуждали подозрение в их верности новому режиму, вносили графу 11, согласно которой им запрещалось проживать в центральных городах района и ближе 100 километров от границы; они также были ограничены в приёме на работу на секретные предприятия. Этот пункт тяжело ударил по сотням тысяч беженцев. Получение паспортов и советского гражданства производилось добровольно и, несмотря на давление, каждый мог отказаться взять советское гражданство, если хотел сохранить польское гражданство. Но такому человеку грозили большие трудности в устройстве на работу и с жильём, кроме того, нависала опасность высылки. Со своей стороны, власти могли отказать в выдаче паспорта или предоставить его только на ограниченное время.[18]

Г. БЕЖЕНЦЫ ИЗ ОККУПИРОВАННЫХ НЕМЦАМИ РАЙОНОВ ПОЛЬШИ

Уже в первые дни нападения Германии на Польшу начался поток беженцев из мест сражений на восток, в глубь страны. Большинство

беженцев были евреями, которые не только хотели покинуть зону боевых действий, но и знали о преследовании соплеменников в Германии и понимали, что их судьба под властью немцев не будет иной. С крушением Польши продолжилось бегство евреев из районов под немецкой оккупацией в Западную Белоруссию и Западную Украину.

Особой группой беженцев были евреи из городов и местечек на западном берегу реки Буг, куда вошла Красная Армия, но отступила оттуда после договора от 28 сентября об установлении окончательной границы между немецкими и советскими районами оккупации Польши. С отступившей Красной Армией ушли тысячи евреев.[19]

Точное количество беженцев неизвестно, приблизительно – около 300.000 человек. Беженцы перемещались с места на место, но в конце концов находили прибежище в больших городах, таких, как Белосток, Ровно, Луцк, Гродно, Львов и Вильнюс, где было больше шансов найти работу и жильё. Еврейские общества и учреждения, а также частные лица помогали беженцам, лишённым всего, пищей, кровом и медицинской помощью. И всё же многие оставались бездомными и нищими. Через несколько недель после упрочения советской власти, когда еврейские общины (кегилот) были распущены, положение беженцев ещё больше ухудшилось: у них не осталось ни одного адреса, по которому они могли бы обратиться за помощью.[20] Власти не создали какой-либо центральный орган для заботы о беженцах.

Несмотря на все трудности, со временем часть беженцев (главным образом такие специалисты, как врачи, учителя и ремесленники) нашла место работы. Некоторые из них были вынуждены зарабатывать торговлей на «чёрном рынке», который тогда расцвёл.[21]

Среди беженцев были руководители и деятели еврейских общин, организаций и партий, члены молодёжных сионистских движений, а также учащиеся ешив с их раввинами. Все они надеялись потом уехать с советской территории в Эрец Исраэль или другие места в свободном мире.

В начале ноября 1939 года границу между немецким и советским районами оккупации Польши закрыли, оставалось переходить её нелегально, рискуя жизнью. Многих беженцев с той и с другой стороны застрелили советские и немецкие пограничники, многие были схвачены на советской территории и возвращены на немецкую сторону. В районе Малькиньи, между Варшавой и Белостоком, в условиях суровой зимы декабря 1939 года в открытом поле на ничейной земле на советско-германской границе оказались около 15.000 беженцев-евреев, которым Советы не позволили перейти на их сторону. Сотни вернулись обратно, к немцам. После страданий, которые продолжались несколько дней, советские власти приняли остальных на своей территории.[22] Известны ещё случаи, когда немцы отправляли в советский район тысячи евреев из пограничных районов вдоль рек Буг и Сан, но Советы отказывались принять их и возвращали на немецкую территорию. Вот что рассказывает один из группы в почти 2.000 мужчин-евреев, отправленных из района Хелма в декабре 1939 года:

«Мы подходили к границе... это было возле реки Буг.. Когда мы перешли на советскую сторону... нас вернули на территорию генерал-губернаторства... В 10 часов вечера вновь появились немцы и поторопили нас перейти границу...»[23]

Сотни людей из этой группы были застрелены немцами по дороге, прежде чем достигли советской границы.[24] Разграничение вызвало трения между немецкими и советскими властями. В записке генерального директора германского Министерства иностранных дел Эрнста Вайцзакера от 5 декабря 1939 года говорилось:

«Генерал-полковник Кейтель позвонил мне сегодня по следующему поводу: в последнее время возникли трения, вновь и вновь повторяющиеся, на границе России и территории генерал-губернаторства, занятой вермахтом. В особенности он говорил о переходе евреев на территорию России... Процедура, например, была следующей: в тихой лесной местности выгнали 1.000 евреев через русскую границу... оттуда они вернулись в сопровождении русского командира, который попытался вынудить немецкого командира вновь принять эту группу».[25]

После того, как советское Министерство иностранных дел подняло «вопрос об изгнании» перед германским послом в Москве, в дело вмешалось германское Министерство иностранных дел, желая предотвратить конфликт с Советским Союзом, и изгнание прекратилось.[26]

В конце 1939 – начале 1940 года руководство Центрального бюро по делам еврейской эмиграции из Третьего рейха, которым руководил Оберштурмбанфюрер СС Адольф Эйхман, обратилось к Советскому Союзу с предложением принять евреев из Германии на его территории. 9 февраля 1940 года начальник Переселенческого управления Советского Союза Е.М. Чекменёв писал Наркому иностранных дел Молотову:

«Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – практически в Биробиджан и на Западную Украину. По соглашению правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР, эвакуируются лишь украинцы, белорусы и русские. Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты».[27]

Советский Союз отверг предложения Германии.[28] Бегство в советский район продолжалось, но намного сократилось. Зима, холод, следы, оставляемые беженцами на снегу и помогавшие советским и немецким пограничникам ловить их, – всё привело к резкому уменьшению числа пересекавших границу.

В первые два месяца советского управления власти относясь к беженцам, как и к местным жителям. Но либеральное отношение к беженцам продлилось недолго, потому что советское руководство всегда питало подозрения к любым иностранцам. В документе НКВД, сообщавшем о большом количестве беженцев, прибывающих на аннекси-

рованные территории, говорилось:

«Вместе с беженцами на нашу территорию немцы внедряют и своих агентов. В этих условиях многократного перехода (границы) лишь небольшая часть беженцев не подвергается фильтрации... Многие, переходящие границу со стороны Германии, являются жителями оккупированных немцами территорий, не желающими оставаться под их властью... И евреи, которых изгоняют насильно...»[29]

После выборов и присоединения польских территорий к Советскому Союзу положение беженцев ухудшилось, что произошло вместе с выдачей паспортов, включавших 11-й пункт, ограничивающий права. Часть беженцев опасалась отказаться от польского гражданства, чтобы не остаться навсегда в Советском Союзе и не потерять в дальнейшем возможность воссоединиться с семьями, оставшимися на оккупированной немцами территории, – эти люди использовали данную им возможность не принимать советское гражданство.

Несмотря на просачивающиеся из немецкого района Польши известия о тяжёлом положении евреев там, о принудительных работах, возлагаемых на них, и о специальной повязке, носимой на рукаве, большинство евреев лелеяли надежду, что положение не ухудшится. Да и родственники оттуда слали письма беженцам, в которых просили их вернуться. В результате немало беженцев незаконно пересекали границу и возвращались на немецкую территорию.

Границу обычно переходили с помощью контрабандистов за большую плату. Пересечение границы было опасно: многих расстреляли советские или немецкие пограничники, а схваченным на советской стороне грозило продолжительное тюремное заключение. Нет никаких данных о количестве евреев, вернувшихся через границу в немецкий район оккупации. Тяжёлые условия и опасность при пересечении границы делали это невозможным для десятков тысяч, но очевидно, что их количество достигало нескольких тысяч.

Беженцы искали и законный путь возвращения в свои дома. На основании советско-германского соглашения от 28 сентября 1939 года в различных городах Западной Белоруссии и Западной Украины в то время активизировались комитеты репатриации, в которых немцы регистрировали местных «фольксдойче», желавших переехать в Германию. Украинцы и белорусы, проживавшие в оккупированных немцами районах, также могли, опираясь на это соглашение, перебраться в Советский Союз. Многие евреи пожелали зарегистрироваться в комитетах по репатриации в надежде обрести законную возможность вернуться к своим семьям, и очереди этих желающих растянулись перед комитетами во Львове, Белостоке и в других местах. Никита Хрущёв, тогдашний секретарь Коммунистической партии Украины, который отвечал за включение Западной Украины в Советский Союз, комментировал в своих воспоминаниях столь странное для него поведение евреев, рвущихся вернуться в немецкий район:

«Серов, начальник НКВД Украины, описывал мне эту картину так: длинные очереди стоят снаружи возле контор, в которых регистри-

руют людей, получающих разрешение возвратиться на польскую территорию... Большинство людей в этой очереди составляло еврейское население».[30]

Беженец из Кракова, который зарегистрировался для возвращения домой в комитете по репатриации во Львове, в своих воспоминаниях описывает побудительные причины, двигавшие им:

«В апреле-месяце (1940 года) передо мной остро встала проблема: во-первых, нужно было зарегистрироваться, чтобы получить советский паспорт, что означало получить советское гражданство... Получение гражданства было связано с изнуряющим опасением остаться в России навсегда, а этого я не хотел. Одновременно распространились слухи об обмене населения между советским и немецким районами, и они пробудили в сердцах многих беженцев надежду на возвращение к своим семьям. И я тоже пошёл и зарегистрировался для поездки в Краков... Несколько причин побудило меня к этому решению... Советская действительность... Люди понимали, что прибыли в откровенно полицейскую страну... Второе. В то же время нам не приходила в голову мысль о предстоящем массовом уничтожении евреев. Что касалось меня, то перевесили две причины в моём желании вернуться: тоска и беспокойство о семье, которая осталась в Кракове, и тревога о маме и младших братьях. Я беспрерывно обвинял себя в трусости, т.к. убежал и оставил их на милость судьбы».[31]

Тысячи беженцев, зарегистрировавшихся для возвращения на оккупированную немцами территорию, не могли знать, что немцы вовсе не намеревались возвращать их домой, и они отныне числились в НКВД как «антисоветские элементы». Беженцам, которые, хотя и не записались для возвращения в Германию, но сохранили польское гражданство, было приказано явиться в милицейские участки; там от них потребовали подписать заявление об их согласии получить советское гражданство или же о желании возвратиться домой, в немецкую зону оккупации. Другого выхода у них не было. Количественных данных о том, какой выбор делали беженцы, нет, но можно говорить о тысячах беженцев, большей частью одиночек, которые предпочли вернуться к своим семьям в немецкий район. Их не останавливали и бюрократические препоны в комитетах по репатриации – беженцы были готовы преодолеть их с помощью взяток.[32]

Одновременно продолжался скудный поток евреев, несмотря на опасности, нелегально переходящих через границу в советский район. Можно считать, что фактически несколько тысяч человек вернулись в немецкий район, и столько же проникли оттуда в советский район. В итоге общее количество еврейских беженцев в советском районе не изменилось и достигало около 300.000 человек. Часть беженцев стала советскими гражданами, часть сохранила польское гражданство с надеждой на будущую возможность уехать из Советского Союза, а некоторые были зарегистрированы в списках желающих вернуться на оккупированную немцами территорию.

Д. КОНЦЕНТРАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ В ВИЛЬНЮСЕ

10 октября 1939 года было сообщено, что Советский Союз передаёт Вильнюс под власть Литвы. Это известие для множества беженцев, главным образом, сионистских деятелей, членов молодёжных движений, учеников и руководителей ешив послужило сигналом для переезда в Вильнюс. До конца октября, даты перехода к Литве, движение в Вильнюс было свободным, чем и воспользовались тысячи евреев. С волной беженцев в Вильнюс прибыли, в частности, председатель сионистской организации в Польше д-р Моше Клейнбойм (Снэ), глава Бейтара в Польше Менахем Бегин и другие. К середине ноября 1939 года была установлена и закрыта граница между Советским Союзом и Литвой, переход через границу стал возможен только нелегальным путём, и так продолжалось несколько месяцев. Всего в Вильнюс прибыло 14-15 тысяч беженцев.

Более 2.600 беженцев являлись членами молодёжного сионистского движения. В Вильнюс прибыло также около 2.400 ешиботников с их раввинами, и среди них – полностью большие ешивы Мира, Каменца и Клецка. Большинство членов этих групп разместилось совместно и на первых порах воспользовалось помощью местных близких им идеологически или организационно учреждений и частных лиц.[33] Сионистские молодёжные движения (халуцим) создали объединение «Координация молодёжных пионерских (халуцим) движений», которое занималось бытовыми проблемами своих членов, а также вопросами репатриации в Эрец Исраэль. Молодежное движение Бейтар также создало свою организацию.[34]

В Вильнюсе, Каунасе и других местах Литвы еврейские общины и организованные общественные комитеты помогали беженцам, в первую очередь с жильём и питанием. Беженцам помогали также всемирные еврейские организации «Джойнт» и «Хаиат». Комитет спасения раввинов Соединённых Штатов и Канады оказывал помощь ешивам и раввинам. Но, несмотря на всю эту помощь, положение беженцев было тяжёлым.[35]

Беженцы искали пути отъезда из Литвы. Уже в начале ноября 1939 года сионистские организации создали «Бюро Эрец Исраэль», которое поддерживало связь с сионистскими учреждениями в Иерусалиме, занималось получением разрешений на репатриацию в Эрец Исраэль и их распределением между различными организациями. Среди людей, выехавших в Эрец Исраэль, находились руководящие сионистские деятели и группа раввинов.[36]

Члены Бунда и других несионистских организаций были связаны с близкими им организациями, главным образом из Соединённых Штатов, которые занимались въездными визами в их страны для этих людей.

Выезд из Литвы осуществлялся через скандинавские страны и Западную Европу, однако эти пути исхода закрылись, когда Германия захватила Норвегию в мае 1940 года, а потом и Западную Европу. В мае – апреле 1940 года наметилось новое направление исхода из Литвы

после того, как консульство Голландии выдало въездные визы в подвластный Голландии Курасао в Карибском море, и японский консул в Каунасе обеспечил владельцам виз разрешение проехать через Японию. Для такого движения требовалась также виза для проезда через Советский Союз, но прежде, чем владельцам виз удалось выехать, Литва, потеряв независимость, стала советской республикой, и новая власть объявила о закрытии в ней иностранных посольств.[37]

Перед еврейскими организациями, занимавшимися выездом из Литвы, стояла задача: успеть до закрытия иностранных посольств получить транзитные и въездные визы. Служащие «Бюро Эрец Исраэль», включённого в число ликвидируемых, за краткий период между выходом приказа о закрытии посольств и самим закрытием сумели выдать нескольким тысячам евреев от имени британского консула въездные визы в Эрец Исраэль; от голландского консула были получены въездные визы в Курасао, от японского консула – транзитные визы через его страну. Проблемой оказалось разрешение владельцам виз на выезд из Советского Союза. Еврейская делегация обратилась к заместителю Председателя правительства Советской Литвы Пиусу Глобоцкиусу и разъяснила ему тяжесть положения обладателей виз – беженцев из Польши, чужаков здесь, не знающих языка, безработных, и просила у него разрешения на выезд из Советского Союза. Такое же обращение было подано представителю правительства СССР в Литве Н.Г. Позднякову через его личного врача доктора Йоханана Элькеса из Каунаса, и в августе 1940 года Москва ответила положительно на эту просьбу. Более половины эмигрантов составили деятели сионистских движений.[38]

Из 14-15 тысяч еврейских беженцев, находившихся в Советской Литве, до мая 1941 года выехало около 6.000. Свыше половины эмигрантов прибыли в Эрец Исраэль до конца 1941 года, а большинство следовавших через Японию «застряли» там или в Шанхае, в Китае, до конца войны.[39]

Спасительный исход беженцев из Литвы был осуществлён, в первую очередь, по их инициативе с некоторой помощью еврейских организаций в мире. Согласие японского консула Семпо Сугихары, голландского и британского консулов выдать визы позволило осуществить эту акцию спасения. Не совсем ясно, почему советское правительство разрешило им выезд, но можно предположить ряд причин. Есть мнение, что Советский Союз хотел избавиться от тысяч беженцев, поскольку опыт их пребывания в Западной Белоруссии и Западной Украине показал, что они создают нежелательные для властей проблемы, ибо их тяжело включить в общую систему; кроме того, уезжающие платили за переход границы долларами, в которых был заинтересован СССР; возможно также, что Советский Союз хотел улучшить свой имидж в общественном мнении Соединённых Штатов и Британии. Все эти соображения привели Советский Союз к подтверждению выданных виз, несмотря на то, что для властей зачастую была очевидна их сомнительная законность. В мае 1941 года советское руководство неожиданно прекратило

выезд еврейских беженцев из Литвы. Причины неясны – возможно, они были связаны с тем, что власти, желавшие избавиться от беженцев как враждебных элементов, решили теперь не выбрасывать их, как прежде, за границу и тем самым терять людские ресурсы, а начали готовить их высылку внутрь СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции,* с. XXII; Спектор, Хроника общин Волыни…, с. 11.
2. Шалом Холавски, *На реках Неман и Днепр* (иврит). – Иерусалим, 1982, с. 15 (далее: Холавски, *На реках…*). Небольшая территория на крайнем западе Белостокского района осталась со всем населением, включая евреев под немецкой оккупацией.
3. *Энциклопедия Катастрофы* (иврит). – Тель-Авив, 1990, т. 4, с. 941.
4. *Там же*, т. 1, с. 121; т. 3, с. 632, 636. По этому источнику количество евреев в Литве определяется в 150.000.
5. Предполагается, что между 1930 и 1940 годами естественный прирост еврейского населения равнялся эмиграции. Нет информации о количестве беженцев, прибывших туда из Польши и Румынии; Radu Ioanid, *The Holocaust in Romania*. – Chicago, 2000, p. 170 (далее: Ioanid, *The Holocaust…*). Иоанид оценивает число евреев в Бессарабии и на Северной Буковине в период аннексии Советским Союзом цифрой 279.000.
6. Элияху Йонес, *Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства, 1939-1945.* – Иерусалим – Москва, 1999, с. 53 (далее: Йонес, *Евреи Львова…*); Ryszard Torzecki, *Polacy I Ukraincy*. – Warsawa, 1993, pp. 23, 44 (далее: Torzecki, *Polacy…*); Jan T. Gross, *Revolution from Abroad.* – Princeton, 1988, p. 31 (далее: Gross, *Revolution…*). Гросс пишет, что до конца 1939 года около 30.000 украинцев бежали из Западной Украины в районы немецкой оккупации Польши.
7. Gross, *ibid*, pp. 19-21; Torzecki, *ibid*, p. 28.
8. Дов Левин, *История в скобках, 1939-1941 гг.* (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1989, с.36 (далее: Левин, *История в скобках…*).
9. Вайс и др., *Хроника Восточной Галиции...*, с. 436.
10. Немецкую сторону представлял генерал Гудериан, а советскую – еврей по происхождению, генерал Шимон (Семён) Кривошеин.
11. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии*, т. 2, с. 300, 433; Ioanid, *The Holocaust*, pp. 40-41.
12. *Энциклопедия диаспоры. Тернополь*. – Иерусалим – Тель-Авив, 1955, с. 34 (далее: *Энциклопедия. Тернополь*).
13. Сара Шнер-Нишмит, *И я не обрела покой* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1986, с. 58.
14. Сони Соломон-Маарави, *Дни страдания* (идиш). – Тель-Авив, 1968, с. 49-52.
15. Ионас, *Евреи Львова…,* с. 56; Левин, *История в скобках…,* с. 15; Гросс (*Revolution…,* pp. 75, 106-107) отмечает, что советские источники сообщали несколько версий о количестве делегатов и их национальном представительстве. Нельзя доверять советским данным о числе голосовавших и количестве голосов, отданных за «блок коммунистов».
16. Ионас (*там же*, с. 56) пишет, что во Львове, где евреи составляли 30 процентов всего населения, было избрано 160 представителей в Национальное собрание, и среди них только два еврея.
17. Левин, *История в скобках…,* с. 58-60.
18. Gross, *Revolution...,* p. 188. Советский паспорт не давал права свободного перемещения с места на место даже в пределах Советского Союза. Фактически он являлся лишь удостоверением личности, позволявшим властям идентифицировать жителей страны и управлять ими.
19. Иосиф Литвак, *Еврейские беженцы из Польши в Советский Союз в 1939-1946 годах*

(иврит). – Иерусалим, 1988, с. 32-35 (далее: Литвак, *Еврейские беженцы…*).
20. Левин, *История в скобках…,* с.196-197; Сара Бендер, *Против подстерегающей смерти* (иврит). – Тель-Авив, 1997, с. 67-68 (далее: Бендер, *Против…*).
21. Герш Смоляр, *Еврейская жизнь в советской Западной Белоруссии в 1939-1941 годах* (иврит)*,* Швут, 1976, № 4, с. 130 (далее: Смоляр, *Еврейская жизнь…*); Левин, *там же*, с. 199-202, 206.
22. Литвак, *Еврейские беженцы…,* с. 53-60.
23. *Процесс Эйхмана. Свидетельства* (иврит). – Иерусалим, 1974, т. I, с. 153-154, свидетельство Цви Пахтера.
24. Литвак, *Еврейские беженцы…,* с. 44-46.
25. *Documents on German Foreign Policy*. – Washington – London, Series D, Vol. 8, p. 489.
26. Gerald Reitlinger, *The Final Solution.* – London, 1968, pp. 51-52 (далее: Reitlinger, *The Final Solution...*).
27. Г.В. Костырченко, *Тайная…,* с.188-189. Документ из Архива Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, фонд 82, опись 2, дело 489, лист 1.
28. Предложения немцев были представлены, когда потерпела неудачу программа руководства СС сосредоточить евреев из Германии, Австрии, Протектората Богемия в районе Люблина, эти предложения помогали избавиться от них, переведя в Советский Союз в рамках подписанного соглашения об обмене населением. Немцы просили включить евреев в этот договор, что видно из приведенной выше цитаты.
29. С.В. Степашин и др, (ред.). *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* – Москва, 1995, т. 1, книга первая, с. 118, документ 53 (далее: Степашин и др., *Органы...*).
30. Nikita S. Khrushchev, *Khrushchev Remembers.* – New York, 1971, pp. 147-148; Левин, *История в скобках...,* с. 206-209.
31. Лион Шнайдер, *Как преследуемый зверь* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1976 , с. 19-20 (далее: Шнайдер, *Как преследуемый зверь…*).
32. Левин, *История в скобках...,* с. 209; Литвак (*Еврейские беженцы…,* с. 120-121, 126-127) отмечает, что небольшому числу евреев удалось с помощью взятки влиться в одну из групп, отправляемых в немецкий район.
33. Левин, *История в скобках…,* с. 217, 278-279; Ш. Скульски, *Бейтар в подполье в России* (иврит). В сборнике: *Страна*. – Тель-Авив, 1944, с. 21 (далее: Сакульски, *Бейтар в подполье…*).
34. М. Яари и Я. Хазан (ред.), *Книга Хашомер хацаир.* – Мерхавия, 1956, т. I, с. 444.
35. Yitzhak Arad, *Ghetto in Flames.* – Jerusalem – New York, 1980, с. 17-18 (далее Arad, *Ghetto in Flames…)*; Левин, *История в скобках…,* с. 217-218, 229.
35. Зерах Вархафтиг, *Беженец и уцелевший в Катастрофе* (иврит). – Иерусалим, 1984, с.146 (Далее: Вархафтиг, *Беженец…*).
37. Arad, *Ghetto in Flames*, pp. 24-25; Левин, *История в скобках…,* с. 221-222, 229; «Еврейский рабочий комитет» в Нью-Йорке помогал получению членами Бунда въездных виз в Соединённые Штаты. А члены «Агудат Исраэль» способствовали эмиграции ешив.
38. Вархафтиг, *Беженец...,* с. 119-121, 125-126, 150-152. Главный раввин Эрец Исраэль Герцог просил посла Советского Союза в Лондоне Майского содействовать выезду из Советской Литвы членов ешив, имеющих въездные визы в различные страны.
39. Arad, *Ghetto in Flames…*, p. 25; Вархафтиг, *там же*, с. 170, 306.

ГЛАВА 8

СОВЕТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА В АННЕКСИРОВАННЫХ РАЙОНАХ

А. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

В первые дни прихода Красной Армии в новые аннексированные районы местные власти среднего и низшего уровней призывались продолжать исполнение своих обязанностей, в то же время высшие должности захватили местные коммунисты. Полиция, состоявшая из антисоветских элементов, была распущена, её члены арестованы, взамен создавалась милиция из граждан, симпатизирующих коммунизму, в ней находились также евреи.

Такое положение продолжалось недолго: уже в первые недели советской власти тысячи людей из Советского Союза были посланы в аннексированные районы, и они постепенно взяли в свои руки большинство ключевых позиций и должностей среднего уровня в органах власти, в отделениях партии и в милиции. При этом пострадали и местные коммунисты, к которым новая власть не всегда относилась с доверием. Процесс советизации экономики и общества начался на территории Западной Белоруссии и Западной Украины уже в конце октября 1939 года, а в Прибалтике, Бессарабии и на Северной Буковине – в июле-сентябре 1940 года.

Новая власть начала поворачивать капиталистическую систему экономики на социалистические рельсы. Местная валюта в аннексированных районах оставалась в обращении несколько месяцев, но для неё установили низкий курс обмена на введенный тогда же советский рубль. В октябре-ноябре 1939 года на территории бывшей Польши были национализированы банки, промышленные предприятия, оптовая торговля и земля (у всех, чей сельскохозяйственный участок превышал 30 гектаров); в балтийских странах, Бессарабии и на Северной Буковине то же произошло в конце июля – августе 1940 года.

Вклады в банки и сберегательные вклады были заморожены, и их владельцам разрешили взять только небольшую сумму. 20 декабря польские злотые вообще изъяли из употребления. Владельцев отстранили от их предприятий, иногда им предоставляли должности рабочих. Большие жилые дома и квартиры национализировали в первые месяцы 1940 года, причём отсутствие точного определения понятий «большая квартира» и «большой дом» давало простор произволу чиновников. Из многих национализированных квартир и домов жильцов изгнали, а на их место вселились чиновники, прибывшие из восточных областей Советского Союза. Национализация квартир и больших домов проводилась главным образом в городах и затронула многих евреев.[1]

Хозяева промышленных и торговых предприятий, в которых советская власть также видела враждебный класс, были первыми, кто пострадал.[2] Мелкая розничная торговля и мастерские, где трудились сами

владельцы или несколько рабочих, продолжали некоторое время существовать.

Мелкие торговцы получили приказ продавать товары по довоенным ценам, и советские солдаты и чиновники покупали в их магазинах товары, которые они не могли найти в Советском Союзе: одежду, обувь, различные виды тканей, кожу и т.д. При отсутствии поставок запасы магазинов быстро исчерпались. Владельцы мастерских – портные, сапожники, кузнецы и представители других подобных профессий – вскоре оказались в затруднительном положении из-за отсутствия сырья и стали закрывать предприятия. Те, кто пытался продолжать заниматься частным предпринимательством, вынуждены были платить тяжёлые налоги, превышавшие их возможности, и им вскоре пришлось закрыть своё дело.

Экстремистский беспорядочный переход к социалистической системе экономики вызвал в течение короткого времени острый дефицит всех видов товаров, включая продовольствие. Власти начали создавать кооперативные магазины и снабжать их небольшим количеством товаров, но даже из этого мизерного торгового оборота часть товаров утекала на чёрный рынок.

Многие евреи пострадали от процесса советизации, но советская власть открыла для них возможность поступить на работу и занять должности, в прошлом для них закрытые: в государственном аппарате, в милиции, на транспорте и т. д., в некоторых учреждениях они даже заняли выборные должности; власти также открыли в отдельных местах курсы переквалификации: водителей тракторов, железнодорожников и других специалистов – курсами воспользовались и многие молодые евреи.[3]

Советская власть в Западной Белоруссии и Западной Украине призывала тех, кто затруднялся найти работу, отправиться в шахты Донбасса, в центры промышленности на Урале и в других местах Советского Союза. Власти превозносили хорошие условия работы на них в газетах, по радио и на собраниях. В городах были открыты бюро регистрации для десятков тысяч добровольцев, евреев и неевреев. Многие беженцы откликнулись на этот призыв и обязались отработать несколько лет на предприятиях, на которые их пошлют. В ноябре 1939 – феврале 1940 года на новые места работы выехало около 40-50 тысяч рабочих, большинство из них – еврейские беженцы из Польши.

Однако реальные условия в этих местах оказались далеки от обещанных властями: работа была очень тяжёлой, условия проживания ужасными, а зарплаты с трудом хватало для существования. В письмах, посланных рабочими, вырисовывается мрачная картина их положения и их желание вернуться. Хотя советскому труженику запрещалось оставлять рабочее место без разрешения, небольшой части рабочих удалось различными путями возвратиться на прежнее место жительства. После писем и рассказов тех, кто вернулся, добровольцев не стало.[4]

Администрация Западной Белоруссии и Западной Украины нуждалась в образованных людях и квалифицированных специалистах. Мно-

гие евреи отвечали этим требованиям, и на первых порах они вошли в руководящие органы. Однако наличие большого числа евреев в государственном аппарате противоречило внутренней политике советской власти в тридцатых годах, и их здесь постепенно заменили русскими, украинцами и белорусами, приехавшими из Советского Союза и местными кадрами. В прибалтийских республиках и Бессарабии замена евреев в государственном аппарате была более ограниченной из-за краткосрочности правления советской власти, а также потому, что местному неславянскому населению власть доверяла значительно меньше.[5]

Процесс советизации экономики аннексированных территорий породил далеко идущие изменения в местном еврейском обществе из-за его традиционной общественной и экономической структуры: принадлежа большей частью к среднему и нижнему слоям, оно пострадало сильнее других. Некоторая часть еврейских ремесленников присоединилась к новым созданным кооперативам, а частники превратились в наёмных рабочих; владельцы магазинов и мелкие торговцы – буржуазия по советскому определению – испытывали трудности в поисках работы и средств существования. Богачей ожидало изгнание. Общий уровень жизни еврейского общества снизился.

Б. ЛИКВИДАЦИЯ ЕВРЕЙСКИХ ИНСТИТУТОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ

На аннексированых территориях власти запретили все действовавшие там политические и общественные организации, кроме коммунистической партии. Под запрет попали и еврейские общины – кроме синагог, не осталось никаких еврейских организаций; точно такое же положение царило в других районах Советского Союза. Еврейские общины определялись как реакционный фактор – в редакционной статье газеты на идише «Вильнэр эмэс» («Вильнюсская правда») под названием «Конец средневековых пережитков» говорилось:

> *«Община (Кегила) была инструментом власти клерикалов и реакции на еврейской улице. Она была центром политического влияния всяких сионистских партий… Сегодня всему этому пришёл конец».*[6]

Несмотря на то, что советский закон разрешал существование синагог, многие из них были закрыты, а другие обложены тяжёлыми налогами, непосильными для прихожан. Предпринимались также усилия повлиять на еврейское население с тем, чтобы оно отказалось от религиозных обычаев.[7]

Параллельно с уничтожением общин ликвидировали также еврейские партии. Многих партийных руководителей арестовали уже в первые недели советской власти, в том числе Генрика Эрлиха и Виктора Альтера, руководителей Бунда Польши, бежавших сюда. Волна репрессий поднялась особенно высоко в марте-апреле 1940 года, когда арестовывали и ссылали в глубь Советского Союза ведущих деятелей еврейских партий.[8] В Вильнюсе был арестован руководитель польского Бейтара Менахем Бегин. В Бессарабии также были арестованы сионистские руководители.[9]

Советское руководство в Западной Белоруссии и Западной Украине относилось с подозрением и к местным коммунистическим активистам, и к бежавшим сюда коммунистическим деятелям, часть которых только что вышла из подполья и из тюрем. Но, несмотря на подозрения, советское руководство нуждалось в помощи старожилов, которые хорошо знали условия этого района, и после педантичных проверок часть из них приняли в члены Коммунистической партии Советского Союза и назначили на различные должности (не слишком высокие) в государственных учреждениях, на заводах, в школах и т.д. Эти люди преданно служили советской власти.[10]

В. СОВЕТИЗАЦИЯ ЕВРЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Систему еврейских национальных учебных заведений всех направлений сменили государственные школы, подчинённые Комиссариату просвещения. Были открыты государственные еврейские школы с преподаванием на идише. Изучение иврита и еврейской истории было запрещено, место религиозного обучения заняло атеистическое образование. Еврейские и нееврейские учителя прежних школ прошли курсы, где их подготовили к роли «советских воспитателей». Школы действовали по советскому образцу. Во всех школах свободным от учёбы днём стало воскресенье, а дни еврейских праздников, включая Йом Кипур (Судный день), были учебными.[11]

Власть стремилась сократить и количество школ с обучением на идише – в продолжение политики, проводившейся в Советском Союзе по отношению к культуре идиш. Родители, выбиравшие школы на идише, делали это в надежде уберечь детей от ассимиляции. Вместе с тем многих детей послали учиться в нееврейские школы.[12]

Школы на идише столкнулись с проблемой отсутствия учебников. Запретили пользоваться книгами, по которым преподавали в польский период. Попытки издания новых книг за короткий период до нацистской оккупации не успели дать серьёзных результатов.[13] Те же процессы происходили в странах Прибалтики, Бессарабии и на Северной Буковине. Предыдущая система еврейского просвещения во всех её видах была уничтожена.[14]

Всё же, несмотря на трудности и проблемы, на аннексированных территориях возникла и действовала еврейская система просвещения, которая в тот период не имела себе подобных на просторах Советского Союза, где в 30-е годы почти полностью было уничтожено еврейское образование. Советская власть конфисковала еврейские библиотеки, уничтожила или убрала с книжных полок всё, носившее сионистский, национальный или религиозный характер, и всё, созданное писателями и поэтами, недостаточно «идеологически выдержанными» с точки зрения коммунистов. Власти запретили издававшиеся прежде еврейские газеты. В октябре 1939 года в Белостоке начала выходить «Белостокер штерн» («Белостокская звезда») – единственная еврейская газета на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, объёмом 4

страницы и тиражом 5.000-6.000 экземпляров. Вначале она появилась как ежедневная; накануне лета 1941 года, перед вторжением немцев, выход газеты был сокращён до одного раза в неделю.[15]

В Литве после того, как она стала советской республикой, стали выпускать две газеты на идише: в Вильнюсе «Вильнэр эмэс», в Каунасе «Дер эмэс». В марте 1941 года «Вильнэр эмэс» закрыли и объединили с каунасской «Дер эмэс», ставшей официальным органом Литовской коммунистической партии. В Латвии с 1 июля 1940 года увидел свет журнал «Камф» («Борьба»), а после его закрытия 12 января 1941 года продолжал выходить один раз в две недели журнал на идише «Ауфбой» («Перестройка»), который издавала коммунистическая партия. В Бессарабии и на Северной Буковине евреи, не имея местных еврейских газет, были вынуждены довольствоваться газетой «Дер штерн» («Звезда»), выходившей в Киеве, на Украине.[16] Газеты на идише предназначались властями для коммунистической пропаганды среди еврейского населения на понятном ему языке. Передовая статья латвийской газеты «Камф» писала:

«Мы сосредоточимся на громадной конструктивной миссии великого Советского Союза... Мы разоблачим фальшивую игру... при помощи которой сионисты всех мастей стремились морочить... массы евреев и уводили их от их настоящих проблем».[17]

Сионизм и Бунд рисовались в этой прессе самыми мрачными красками. Газеты не публиковали материалы о жизни евреев за пределами Советского Союза, включая преследования евреев в Германии и на оккупированных территориях Европы, потому что редакторов газет связывала цензура, соответствовавшая советской политике.

Традиция еврейской театральной деятельности, профессиональной и любительской, продолжалась на аннексированных территориях и в советский период. В самом Советском Союзе всё ещё действовали еврейские театры в Москве, Киеве, Минске, Биробиджане и других местах, театр оставался почти единственной областью, в которой позволялось существовать еврейской культуре. Советская власть поощряла деятельность театров, потому что они представлялись ей инструментом коммунистического воспитания. На присоединённых территориях еврейские театры ставили пьесы, соответствовавшие новой действительности. Профессиональный уровень этих театров повышало присоединение известных актёров из числа беженцев.

В ноябре 1939 года во Львове открылся театр Иды Каминской, известной актрисы, беженки из Варшавы. К театру присоединилась группа еврейских артистов и режиссёров из Днепропетровска после закрытия там еврейского театра. И в Белостоке в конце 1939 года в государственный еврейский театр также влили группу еврейских актёров и режиссёров из закрытого Бакинского еврейского театра. Руководителей театров во Львове и Белостоке заменили «советскими» евреями. Все эти меры позволяли усилить надзор за выбором репертуара и заставить театр соответствовать своему идеологическому предназначению – приблизить евреев к советской культуре.[18] С присоединением Лит-

вы к Советскому Союзу в Вильнюсе организовали «Новый еврейский драматический театр». В Каунасе работал Государственный еврейский театр. В Риге (Латвия) еврейский театр открылся 1 октября 1940 года. В Кишинёве (Бессарабия) в первые месяцы советской власти был создан «Еврейский театр Молдавской республики». Репертуар театров состоял из лучших еврейских классических пьес «Тевье-молочник», «Стемпеню», «Кунилемель», «Мирале Эфрос» и других, а также пьес советских драматургов, евреев и неевреев. Пьесы проходили партийную цензуру.[19]

В потоке беженцев, прибывших в Западную Белоруссию и на Западную Украину, было немало еврейских писателей, и они вместе с местными авторами искали возможности продолжить свою деятельность в литературе на идише. Писатель мог работать в СССР при условии, что он принадлежит к Союзу писателей, куда принимали при соответствии творчества требованиям советской власти. Содержание произведений должно было носить социалистический характер, отрицать еврейское традиционное и национальное прошлое, воздавать хвалу советской власти и вождю Сталину.

Подобный процесс проходил и в прибалтийских странах, в Бессарабии и на Северной Буковине.

Шмерке Качергинский, один из группы известных еврейских писателей Вильнюса, писал об их разочарованиях:

«С большими трудностями нам удалось открыть еврейское отделение как часть Литовского государственного издательства. Если бы такое положение дел продолжилось, мы были бы совершенно довольны. Но произошла «естественная» вещь, то есть ограничение рамок деятельности еврейской культуры, и это нашло выражение прежде всего в закрытии газеты и учреждений культуры».[20]

Писателей, которые прибыли из Советского Союза, очень впечатляло состояние идишистской культуры на присоединённых территориях: даже придавленная после советской оккупации, она всё ещё процветала в противовес её почти полному отсутствию в остальных регионах Советского Союза. Смоляр рассказывает о своей беседе с Маркишем после литературного вечера в Белостоке во время визита делегации идишистских писателей из Москвы. На восторг Смоляра от вечера Маркиш ответил шёпотом: «Из всего этого ничего не выйдет... Вам предстоит то же, что и нам. Вам дадут жить на короткое время, год-два, может быть, больше, и уничтожат всё до конца».[21] Писатель Аксельрод из Минска, посетивший Литву, рассказывал местным еврейским интеллигентам о закрытии в Советском Союзе школ с обучением на идише и высказывал мнение, что подобная судьба ждёт идишистскую культуру и на аннексированных территориях. Он призывал родителей потребовать еврейское образование для их детей и протестовать против закрытия газеты «Вильнэр эмэс». Ему это дорого обошлось: по возвращении в Минск весной 1941 года он был арестован, а 26 июня 1941 года его казнили.[22]

Г. ПОДПОЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИОНИСТСКОГО МОЛОДЁЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Большинство руководителей сионистского молодёжного движения Польши и многие рядовые участники движения перебрались из районов, оккупированных немцами, на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины и разместились там. Организации «Дрор», «Хашомер хацаир», «Бейтар» и другие не примирились с приказом советских властей прекратить их деятельность и стали действовать подпольно.[23]

Подпольная деятельность сионистских молодёжных движений прежде всего имела целью поиск пути выезда из Советского Союза и перемещения в Эрец Исраэль. В начале пытались нелегально пересечь границу с Румынией, которая всегда использовалась как путь репатриации в Эрец Исраэль. В первые недели войны граница с Румынией была открыта, и через неё бежали польские чиновники и солдаты, но румынские власти, позволяя перейти границу полякам, запрещали это евреям. Члены сионистских молодёжных движений содействовали нелегальному переходу границы, центром их деятельности были Львов и Коломыя. Несколько попыток тайно преодолеть границу в районе местечка Куты провалились – советские пограничники арестовали беженцев, часть их осудили и сослали в глубь Советского Союза. Несколько месяцев продолжались подобные попытки, но с января 1940 года они прекратились вследствие многочисленных провалов.[24]

Другим направлением бегства, которое вскоре стало главным, был Вильнюс. С начала октября 1939 года, когда Вильнюс передали Литве, и до середины ноября того же года, когда закрылась новая граница между Советским Союзом и Литвой, многие участники сионистских молодёжных движений прибыли в Вильнюс. Тогда и начался организованный нелегальный переход границы, главным образом между местечком Лида на советской стороне и местечком Эйшишкес на литовской стороне, к югу от Вильнюса, а также на северо-востоке от него, возле местечка Свенчионис. Границу, в тяжёлых зимних условиях, пересекали, как правило, пешком, с помощью местных контрабандистов, которые взимали за это плату. Людей, задержанных советскими пограничниками, посылали в тюрьмы. Литовская сторона, задержав нарушителей, возвращала их в советский район, где они арестовывались.

Одновременно молодёжные движения вели подпольную идеологическую работу. Эта деятельность не была антисоветской, но её целью было сохранить искру сионизма у молодёжи, не допустить, чтобы она поддалась соблазнам коммунистической агитации. Находилось немало членов молодёжных движений, главным образом, марксистского толка, которые отошли от сионизма по идеологическим причинам или же по соображениям удобства. Ицхак Цукерман, один из активистов «Дрор», который в тот период работал над созданием подполья в советском районе, а позже был одним из руководителей восстания в Варшавском гетто, писал: «Находились перебежчики из движения в коммунистический лагерь... Не все оказались закалены, и были те, кто поддался конъюнктуре, оппортунизму».[25]

Подполье «Дрор» было организовано в виде маленьких групп в 4-5 человек, объединённых по региональному принципу. По той же системе организовались «Хашомер хацаир» и другие движения.[26]

31 декабря 1939 года во Львове под предлогом новогоднего вечера собралось руководство «Дрор». Совещание определило целями подпольной деятельности: углубление сионистского самосознания без отрыва от социалистического пути. Количество членов подполья «Дрор» составляло около 600 человек.[27] В подпольном «Хашомер хацаир» действовало около 500 человек.[28] Иегошуа А. Гильбоа, член «Ханоар хациони», писал о подпольной деятельности своего движения:

«Я путешествовал по разным городам и местечкам. Встречались с товарищами... для совместного чтения книг на иврите, пения израильских песен, разговоров на иврите. Иногда удавалось поймать по радио программы на иврите из Иерусалима. Одной из важнейших работ было укрытие ивритских и сионистских книг, а также передача некоторых из них из дома в дом и чтение их там отдельно или группами... И это подполье? Трудно сказать. Может быть, подполье наполовину... нацеленное внутрь, чтобы сохранить собственную идейную духовность, а не на внешнюю деятельность против власти».[29]

Такая деятельность, предназначенная для сохранения сионистской идеи, была характерна для всех нелегальных сионистских движений, но власть увидела в ней антисоветскую и контрреволюционную деятельность и арестовывала членов этих движений. Их судили и приговаривали к тюремному заключению от 7 до 10 лет. Но место арестованных занимали другие люди, движения продолжали действовать. Во Львове, Ровно, Луцке, Ковеле и в других городах были задержаны многие деятели сионистского подполья, его работа затихла и уже не успела воссоздаться до немецкого вторжения.[30]

В Литве, присоединённой к Советскому Союзу, также действовали подпольные группы молодёжных сионистских движений: в Вильнюсе это были «Дрор» (один из организаторов – Мордехай Тененбаум, впоследствии руководитель восстания в гетто в Белостоке[31]), «Хашомер хацаир» под председательством Абы Ковнера, «Ханоар хациони» и «Бейтар».[32] Подобные группы работали в Каунасе и в других районах Литвы. В Латвии сионистская подпольная деятельность была ограниченной.[33] В Черновцах и других местах Северной Буковины проявляли некоторую активность подпольщики «Бейтара», «Хашомер хацаир» и «Гордоньи».[34]

В сионистской подпольной деятельности участвовало относительно немного молодёжи из-за большой опасности такой работы; шансы достигнуть далёкую Эрец Исраэль были невелики, а советская власть соблазняла молодых людей различными предложениями в области образования и возможностью получить должности во властных структурах, недоступные им как евреям раньше. В такой ситуации активно участвовать в подпольной деятельности могли главным образом идеологически глубоко убеждённые деятели сионистских движений.

НКВД (с февраля 1941 г. НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности) следил за подпольной сионистской деятельностью и боролся с нею. В отчёте заместителя начальника третьего управления НКГБ И. Шевелева «О деятельности антисоветских националистических организаций в западных районах Украинской советской республики и Белорусской советской республики» от 31 мая 1941 года описываются антисоветские еврейские, польские, украинские и белорусские подпольные организации, их структура, связи и деятельность. Этот секретный документ был предназначен для высших офицеров советской службы безопасности и для членов партийной верхушки. В заключительной части о еврейских организациях говорилось так:

«Наиболее влиятельной партией среди еврейского населения Польши является «Бунд»... Во внешней политике он держался антигерманской ориентации, в отношении СССР стоял на антисоветских троцкистских позициях. Во время оккупации Польши фашистской Германией большинство членов Бунда, проживавших в областях, захваченных Германией, бежали в Западную Украину, Белоруссию и в Литву... После установления в западных областях Советской власти на созванном в конце сентября 1939 г. в г. Пинске нелегальном заседании членов ЦК польского Бунда, было принято решение: «Политическую работу прекратить. Рекомендовать бундовцам поддержать Советскую власть, принять посильное участие в новом строительстве, действуя при этом открыто как бундовцы»... Фактически «Бунд» развернул в западных областях УССР и БССР, а также в Литовской ССР антисоветскую работу...

Среди еврейской буржуазии и интеллигенции бывшей Польши пользовалась влиянием партия «Сионисты-ревизионисты» – фашистская еврейская организация проанглийской ориентации созданная Жаботинским (проживает в Палестине), проповедующая военную диктатуру... Нелегальный ЦК партии «Сионисты-ревизионисты» бывшей Польши находится теперь в г. Вильнюсе...

Под руководством «Сионистов-ревизионистов» находится «Бейтар» – фашистская организация еврейской молодёжи... В ряде своих документов руководящие участники «Бейтара» говорят о необходимости для членов «Бейтара» оказывать содействие английской разведке, а в случае, если Советский Союз вступит в войну против Англии, оказывать помощь Англии диверсионной работой в тылу Красной Армии. Группы «Бейтара» за последнее время вскрыты и ликвидированы в ряде городов в западных областей УССР и БССР.

Вторая сионистская молодёжная организация – «Гашомер Гацоир» – ставит своей задачей объединение еврейской молодёжи для борьбы за создание в Палестине «самостоятельного еврейского государства». Организация строго законспирирована и построена по системе «четвёрок». Нелегальный ЦК «Гашомера гацоира» бывшей Польши находится теперь во Львове.

Организация ведёт активную антисоветскую работу, печатает в нелегальной типографии националистические листовки, разжигает

среди еврейского населения эмиграционные настроения, организует нелегальные переходы за границу членов «Гашомера Гацоира». Группы «Гашомера Гацоира» вскрыты во Львове, Каунасе, Вильнюсе, Ровно, Белостоке и других городах УССР, БССР и ЛССР.

На территории бывшей Польши существовала клерикальная организация «Агуда»... «Агуда» распространяла своё религиозно-националистическое влияние на еврейское население Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины...

В г. Каунасе в начале 1941 года создался новый клерикальный центр «Ваад гашиво» («Комитет ешибота»)... Этот центр стремится подчинить себе все еврейские религиозные организации, ведёт антисоветскую и религиозную пропаганду, создаёт еврейские религиозные школы».[35]

Этот документ не охватывал все аспекты нелегальной сионистской деятельности, и НКГБ посчитал необходимым подготовить ещё один документ, в котором освещалась только сионистская деятельность. 15 июня 1941 года, за неделю до вторжения Германии в Советский Союз, Третье управление НКГБ СССР выпустило документ для внутреннего пользования «Еврейское националистическое подполье», где описывались нелегальные организации и оперативные действия против них. Вот что говорится в указанном документе:

«С установлением Советской власти на территории западных областей Украины и Белоруссии и в Бессарабии большое количество существовавших ранее легальных и полулегальных сионистских организаций ушли в глубокое подполье и приступили к активной антисоветской работе.

На протяжении 1939-1940 гг. произошло слияние ряда сионистских формирований в единые сионистские организации по главе с объединёнными ЦК (Центральными Комитетами) по трём направлениям:

а) сионисты «левого» направления, куда вошли молодёжные организации «Гордония», «Гашомер Гацоир» и «Гехолуц»;

б) общие сионисты (огульные), объединившие молодёжные организации «Акиба» и «Гехолуц»;

в) ревизионисты, объединившие «Бейтар», «Брит Ахаяль» и «Галилия».

Практическая деятельность, например, сионистов левого направления сводилась к:

а) широкой вербовочной работе среди наиболее проверенных сионистов и создания из них в целях конспирации небольших групп по 4-5 человек;

б) произведению проанглийской и проамериканской агитации и ведению широкой агитационно-пропагандистской работы по внедрению в среду еврейской молодёжи идей «палестинизма» и отрыву её от влияния комсомола;

в) изданию еврейской националистической литературы и выпуску антисоветских листовок, для чего имелись подпольные типографии

(одна из них в ноябре 1940 г. ликвидирована во Львове);
г) организации нелегальной переброски сионистов в Палестину;
д) сбору денежных средств среди еврейского населения и через различные еврейские филантропические общества на подпольную работу и содержание руководящего ядра организации.
Существовавшее сионистское подполье на Украине, в Белоруссии, в Молдавии и в Прибалтийских республиках поддерживало между собой организационную связь, периодически посылало друг другу своих эмиссаров и курьеров для контактирования и оказания практической помощи в проведении вражеской работы;
е) использованию нелегальных резидентур и эмиссаров американской организации «Джойнт» для установления связей с закордонными националистическими центрами.
Органы госбезопасности Прибалтийских республик, Украины, Белоруссии и Молдавии в предвоенный период вскрыли ряд сионистских организаций.
Так, УНКГБ Львовской области в 1940 г. в результате агентурной разработки арестовало группу сионистов-ревизионистов «Иргун Цваи Леуми», которая имела в своём распоряжении радиостанцию, гранаты и взрывчатку, которую они использовали при совершении диверсионных актов на государственных объектах.
НКГБ Латвийской ССР в процессе разработки сионистов, проходивших по делу «Неугомонные», были получены данные о существовании в г. Вильнюсе подпольной сионистской типографии, которая изготовляла фиктивные документы, так называемые визы, будто бы выданные английским консульством для выезда в Палестину.
При реализации материалов разработки эта типография была обнаружена.
В 1940 г. УНКГБ Черновицкой области была ликвидирована сионистская организация «Гашомер Гацоир». В своём распоряжении эта группа имела шапирограф, который использовался для нелегального выпуска воззваний и листовок... В результате активной разработки были вскрыты сионистские организации в Прибалтике, Белоруссии и Молдавской ССР (дела «Утописты», «Жаботинцы – Украина»).
НКГБ Белорусской ССР в начале 1941 г. в результате реализации дела «Кочевники» был арестован 21 человек, входивший в глубоко законспирированную сионистскую организацию, именуемую «Фрайгайт» «Свобода».
Каждый член организации перед вступлением приносил присягу, платил членские взносы. Организация выпускала нелегальную газету, имела множительные аппараты. Организация строилась группами по 3-5 человек. Руководство группами осуществлялось при помощи курьеров и связников.
Еврейские националистические формирования всех толков и направлений в предвоенный период наряду с лозунгом создания национального правоохранного убежища евреев в Палестине в сво-

ей борьбе с Советской властью использовали все существующие формы и методы подрывной деятельности. Имея широкие связи с американской организацией «Джойнт», которая по существу занималась разведывательной деятельностью, они собирали и передавали американцам шпионские сведения. Широко использовала сионистов и английская разведка.

Официально «Джойнт» выделял сионистам денежные средства».[36]

Сионистское подполье было объектом слежки советской службы безопасности и её борьбы с ним, что подтверждают документы НКГБ. В документах приводится информация о сионистской подпольной деятельности в Черновцах, в Латвии и в других местах, которая в еврейских источниках очень ограничена. Сведения в документах НКГБ о пропагандистской работе сионистских подпольных групп и об их попытках нелегально перейти границу правильны, но обвинение в подрывной деятельности на предприятиях и в содействии американцам и англичанам шпионажем (между прочим, энкаведисты притянули к этому делу имя «Джойнта») – выдумки, клевета советской службы безопасности.

Д. АРЕСТЫ И ВЫСЫЛКИ

Уже в первые дни советской власти на аннексированных территориях массами арестовывали всех, кого власти определяли как «элементы, не заслуживающие доверия». Занимался проблемой НКВД, и среди не заслуживающих доверия оказались «все люди, которые из-за их социального и политического прошлого, националистически-шовинистического мышления, религиозного сознания и моральной или политической неустойчивости противодействуют социалистическому порядку. Все иностранцы, люди имеющие личные связи и вступающие в переписку с заграницей, с иностранными посольствами и консульствами… и беженцы из Польши».[37]

Аресты, а затем ссылки шли волнами. В первую волну, охватившую десятки тысяч людей, попали руководители государственных учреждений до прихода советской власти, лидеры политических партий, судьи, высшие армейские и полицейские чины, журналисты, выражавшие антисоветские взгляды, и другие подобные лица. Арестованными оказались также сионистские лидеры, руководители еврейских организаций и члены Бунда. Большинство схваченных предстало перед судом и было сослано в трудовые лагеря в дальние районы Советского Союза. Одновременно началась подготовка к высылке огромного количества людей (и их семей), чья деятельность в предыдущий период или их принадлежность к определённому классу представлялись советской власти реально или потенциально враждебными. С 1940 года и до середины июня 1941 года прокатилось четыре волны высылок, каждая против определённой группы людей.

Первую массовую высылку в Западной Белоруссии и Западной Украине провели в феврале 1940 года. Она охватила бывших государственных служащих, помещиков, судей, офицеров и полицейских всех рангов. Количество евреев среди высылаемых было небольшим и

включало руководителей общин и партийных лидеров, а также немногих армейских офицеров, преимущественно врачей. Большинство высланных направили на север России, в Архангельск.

Вторая волна высылки хлынула в апреле 1940. В список высылаемых из Западной Белоруссии и Западной Украины включались:

«А. Семьи тех, кто содержался в лагерях военнопленных и в тюрьмах, офицеры бывшей польской армии, полицейские, тюремщики, жандармы... помещики, владельцы предприятий...

Б. Беженцы с территории бывшей Польши, аннексированной Германией, которые выразили желание уехать из Советского Союза и вернуться на территорию, находящуюся в настоящее время под властью Германии, и которых германское правительство не приняло».[38]

Параграф Б охватывал еврейских беженцев, которые зарегистрировались как возвращающиеся к своим семьям в немецком секторе, но потребовалось время, чтобы их выявить (у многих беженцев не было достоверного адреса), поэтому выслали только часть их, основная масса попала в следующую, третью, волну. Среди высланных тогда было много евреев, главным образом торговцев и владельцев предприятий. Большинство сосланных отправили в Казахстан.

С третьей волной в июне 1940 года отправили в ссылку десятки тысяч еврейских беженцев из Польши – независимо от специальности и сословия – всех, кто был зарегистрирован в немецких комитетах репатриации для возвращения в немецкую зону оккупации, и всех не пожелавших получить советское гражданство. Власти видели в них не заслуживающий доверия антисоветский элемент и намеревались избавиться от этой проблемы путём рассеяния беженцев по отдалённым местам на просторах Советского Союза и использовать их как дешёвую рабочую силу для «строительства социализма».

Большинство беженцев из Польши было выслано из Западной Белоруссии и Западной Украины именно в эту третью волну. А во всех трёх волнах число их составило 180.000-200.000 из 265.000-270.000, которые в ту пору там находились. В трёх волнах было выслано также около 60.000 евреев – постоянных жителей района, около пяти процентов местных евреев. Таким образом, в «старый» Советский Союз тогда выслали 240.000-260.000 евреев бывшей Польши.

Четвёртая высылка состоялась в июне 1941 года, за несколько недель до немецкого вторжения в Советский Союз. Тогда из Западной Белоруссии и Западной Украины изгнали всех, назначенных к высылке в прошедшие три волны, но по разным причинам не попавших в них. На сей раз выслали множество жителей Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины.

Готовя эту волну высылок, народный комиссар безопасности Литвы Гладков в директиве от 16 апреля 1941 года определял в качестве антисоветских всех бывших государственных чиновников среднего ранга и ниже, помещиков, офицеров, полицейских, членов антисоветских партий и организаций, людей, имеющих связи с родственниками за грани-

цей, людей, зарегистрировавшихся для эмиграции и т.д. Подчинённые Гладкову начальники районных отделений НКГБ обязывались каждые пять дней представлять отчёт на стандартной анкете, сообщая подробности о конкретных антисоветских элементах в национальном разрезе. Касательно евреев 4-й раздел отчёта перечислял:

«Еврейская националистическая контрреволюция:

А. Руководящий состав всех сионистских организаций и постоянные сотрудники печатных органов.

Б. Руководящий состав Бунда и постоянные сотрудники печатных органов.

В. Руководящий состав еврейских военнизированных и фашистских формаций:

1. *Союз евреев участников боев за литовскую независимость.*
2. *Союз евреев Комбатантов.*
3. *«Бэтар», «Эль-Аль».*
4. *Партия Ревизионистов».*[39]

Немало евреев было и среди включённых в 1 раздел отчёта зажиточных торговцев, владельцев предприятий и больших домов. В последнем разделе отчёта говорится о прибывших из районов, подвластных немцам, об имеющих там родственников, о тех, кто имеет связи с Германией, и о других иностранных элементах – еврейские беженцы подпадали под эти определения. Подозрения в связях с Германией усилились тогда из-за увеличения напряженности в отношениях между Советским Союзом и Германией.

Подобные списки антисоветских элементов действовали и в других новых республиках – Латвии, Эстонии и Молдавии.

Массовая четвёртая высылка, которая охватила главным образом аннексированные Советским Союзом в 1940 году территории, происходила 13-15 июня 1941 года. Высылали на Алтай, в Республику Коми, Западную Сибирь, Казахстан и Карелию. Согласно еврейским авторам тогда изгнали 19.500-23.500 евреев: около 3.000-3.500 из Литвы, около 2.000 из Латвии, около 500 из Эстонии, 8.000 из Молдавии и около 5.000 из Северной Буковины.[40] Вероятно, предполагались к высылке ещё десятки тысяч, но её предотвратило нападение Германии, которая за короткое время оккупировала эти обширные районы.

В отчёте от 17 июня 1941 года, направленном НКГБ в Совет Народных Комиссаров СССР, итоговое число высланных из трёх балтийских стран составило: из Литвы – 15.851 человек, из Латвии – 15.171 и из Эстонии – 9.156. В странах Прибалтики беженцев из Польши, которые отказались получить советское гражданство и были высланы, набралось более 1.330 человек.[41] Согласно этой отчётности, количество евреев, изгнанных из прибалтийских стран, составляет около 15 процентов от общего числа высланных.

Все высланные находились много недель в пути, вначале в переполненных товарных вагонах, предназначенных для перевозки скота, а затем плыли на баржах по рекам и шли пешком. Смертность в дороге была очень велика, тысячи были погребены на кладбищах вдоль всего

пути следования. Например, в одном этапе из 1.400 высланных поляков и евреев, плывших на грузовом судне 21 день, умерла почти половина. Смертность отправленных в лагеря и дальние поселения, такие, как Колыма, Воркута и другие места, была высокой из-за работы в рудниках и в лесах на убийственном морозе, из-за нечеловеческих условий жизни, отсутствия минимальной медицинской помощи и постоянного голода. Еврей, попавший вместе с родителями из Литвы в июне 1941 года на север Якутии и нашедший там евреев из Польши, высланных в середине 1940 года, писал:

> *«Наша участь была лучше участи польских евреев... Беженцы из Польши, прибывшие в начале войны, массами погибали от голода».*[42]

Нет полных данных о количестве евреев, погибших в ходе высылки, на принудительных работах в лагерях, умерших от голода или болезней в годы войны, но можно оценить их в 25 процентов от общего числа высланных.[43]

Высылки посеяли большой страх среди населения присоединённых территорий Советского Союза, все ждали их продолжения. Ненависть к советской власти, к которой с самого начала не было большой симпатии в Прибалтике, ещё более усилилась. Она направлялась и против евреев. Несмотря на то, что доля изгнанных среди них была больше, чем у неевреев, местное население считало их поддерживающими советскую власть и сотрудничающими в процессе высылки. Антисемитизм, издавна укоренившийся среди местных жителей, достиг апогея с началом немецкой оккупации.[44]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Йосеф Гар, *Так это случилось в Литве* (идиш). – Тель-Авив, 1965, с. 119-120 (далее: Гар, *Так это случилось...*).
2. *Там же,* с. 107, 115.
3. Бендер, *Против...*, с. 73-77; Левин, *История в скобках...*, с. 96.
4. Левин, *там же*, с. 91-92, 203; Gross, *Revolution...*, pp. 190-192; Литвак, *Еврейские беженцы...*, с. 390-391; Бендер, *там же,* с. 72-73.
5. Пинчук, *Евреи Советского Союза...*, с. 31-32; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 53-54.
6. Вильнюсская правда, 27 сентября 1940 г.
7. Шимон Редлих, *Евреи территорий, аннексированных Советским Союзом в 1939-1941 гг.* (иврит), Бхинот, 1970, № 1, с. 75 (далее: Редлих, *Евреи территорий...*).
8. Левин, *История в скобках...*, с. 132, 301-302; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 82; Даниэл Блатман, *За нашу и вашу свободу* (иврит). – Иерусалим, 1996, с. 127-129 (далее: Блатман, *За нашу и вашу свободу...*); Пинчук, *Евреи Советского Союза...*, с. 50.
9. Левин, *там же*, с. 301-304.
10. *Там же*, с. 63-66.
11. Мордехай Альтшулер, *Евреи Советского Союза в 1939-1963 гг.* Материалы семинара: Отрывки воспоминаний из поминальных книг различных общин (иврит). – Иерусалим, 1971, с. 7, 16-17, 23.
12. Левин, *История в скобках...*, с. 110, 115; Редлих, *Евреи территорий...*, с. 76-77.
13. Редлих, *там же*, с. 77.
14. Левин, *История в скобках...*, с.115.
15. *Там же*, с. 137-140; Бендер, *Против...*, с. 87-88.
16. Левин, *История в скобках...*, с. 140-145.

17. *Там же*, с. 145.
18. *Там же*, с. 162-167; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 78-79; Бендер, *Против...*, с. 94-96.
19. Левин, *История в скобках...*, с. 147-149; Редлих, *Евреи территорий...*, с. 78-79.
20. Шмерке Качергинский, *Между молотом и наковальней* (идиш). – Париж, 1949, с. 22-23 (далее: Качергинский, *Между молотом...*).
21. Смоляр, *Еврейская жизнь...*, с. 134.
22. Хоне Шмерук, *Издания на идише в Советском Союз*е (иврит), Исследования Яд Вашем, т. 4. – Иерусалим, 1960, с. 109-110, и примечание 24; Качергински, *Между молотом...,* с. 24-26; Louis Rapaport, *Stalin's War against The Jews*. – New York, 1990, p. 60 (далее: Rapaport, *Stalin's War...*).
23. Ривка Перлис, *Молодёжные движения халуцим в оккупированной Польше* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1987, с. 56-66 (далее: Перлис, *Молодёжные движения...*); Яари и Хазан, Книга *Хашомер хацаир...*, с. 432.
24. Перлис, *там же*, с. 63-65. Перлис говорит о примерно 20 членах «Дрор» и «Хашомер хацаир», которым удалось перейти границу Румынии.
25. Ицхак Цукерман (Антек), *Эти семь лет*: 1939-1946 (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1970, с. 32 (далее: Цукерман, *Эти семь лет...*).
26. Перлис, *Молодёжные движения...*, с. 74.
27. *Там же*, с. 74-82; Цукерман, *Эти семь лет...*, с. 35-40, 45-46; Шнайдер, *Как преследуемый зверь...*, с. 21-23.
28. Перлис, *там же*, с. 77-78; *Редлих, Евреи территорий...*, с. 75.
30. Перлис, *Молодёжные движения...*, с. 82-83; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 87-88.
31. Левин, *История в скобках...,* с. 284; Ципора Бирман, *Белостокское гетто* (иврит). – Исследования Яд Вашем, т. 2. – Иерусалим, 1958, с. 281-282.
32. Арад, *Ghetto in Flames...*, p. 23.
33. Левин, *История в скобках...*, с. 283-287.
34. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с.435.
35. Степашин и др., *Органы...*, т. 1, кн. II, док. 222, с. 184-187.
36. *Там же*, док. 248, с. 232-234. «Иргун цевей леуми» – должно быть «Иргун цваи леуми» (Армейская национальная организация).
37. *Lithuanian American Information Center*. – New York, 1944, pp. 19-21.
38. Степашин и др., *Органы...*, т. I, книга I, док. 81, с. 168-169.
39. Копию директивы Гладкова от 16 апреля 1941 года, а также отчёта, представляемого каждые пять дней, см.: Гар, *Так это случилось...*, с.140-146.
40. Левин, *История в скобках...*, с. 306-308. Число высланных, представленное там, преувеличено на несколько тысяч; Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 303, 436.
41. Степашин и др., *Органы...*, т. I, книга 2, док. 254, с. 247-248.
42. Литвак, *Еврейские беженцы...*, с. 141-143, 151.
43. *Там же*, с. 358-359. Автор оценивает количество умерших в 35-40 процентов.
44. Гар, *Так это случилось...*, с. 137; Лейб Гарфункель (ред.), *Еврейство Литвы* (иврит), т. 4, Гашоа. – Тель-Авив, 1984, с. 48-50 (далее: Гарфункель, *Еврейство Литвы...*).

ГЛАВА 9

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНИИ К НАПАДЕНИЮ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И УНИЧТОЖЕНИЮ ЕВРЕЕВ

А. НЕМЕЦКАЯ АРМИЯ И «ВОЙНА ИДЕОЛОГИЙ»

Решение напасть на Советский Союз Гитлер принял еще в июле 1940 года, когда пала Франция и началась битва за Британию. Несмотря на впечатляющие победы Германии на территории Европы и то, что Британия осталась одна в этой войне, она отказывалась от соглашения с Германией. Гитлер предполагал, что отказ является следствием надежд Англии улучшить свое положение в результате войны между Германией и Советским Союзом, представлявшейся англичанам неизбежной. Франц Гальдер, начальник штаба Главного командования сухопутных войск вермахта (Oberkommando der Heeres [OKH] – далее: ОКХ), записал в своем дневнике:

«13 июля 1940 года (после разговора с Гитлером). Фюрера беспокоит мысль о том, почему Британия все еще противится заключению мира. Он, как и мы, ответом на этот вопрос считает то, что Британия до сих пор тешит себя надеждой на вступление России в действие <...>».[1]

Тридцать первого июля Гитлер сообщил о своем решении напасть на Советский Союз и заявил:

«Россия – это тот фактор, на который уповает Британия. <…> Если Россия будет разгромлена, улетучатся последние надежды Британии, и тогда Германия будет владычествовать в Европе и на Балканах. <…> Решение: учитывая данное соображение, следует заняться этой проблемой. <…> Весна 1941 года. Чем быстрее Россия будет разгромлена, тем лучше».[2]

Решение Гитлера напасть на Советский Союз основывалось не только на доводе, связанном с капитуляцией Великобритании, оно отвечало также стратегическому направлению нацистской идеологии: «натиск на Восток» («Drang nach Osten») и уничтожение советского государства.

Вслед за принятием решения немецкая армия начала готовить нападение на Советский Союз, в частности, переведя крупные воинские силы из Западной Европы на оккупированную территорию Польши, а также разместив воинские части в Финляндии. 27 сентября 1940 года в Берлине Германия, Италия и Япония подписали соглашение о взаимопомощи во всех областях, а 11 октября немецкая армия вошла в Румынию, «чтобы защитить ее нефтеносные поля от британских посягательств», – шаги, явно направленные против Советского Союза. Одновременно в целях маскировки подлинных целей Германии Молотов был приглашен в Берлин, якобы для переговоров об упрочении связей между двумя странами вследствие политических и военных изменений в Европе.

11 ноября 1940 года Молотов прибыл в Берлин. Гитлер и его окружение подняли вопрос о «новом порядке» в Европе и мире после близящегося поражения Англии и о будущем месте в нем Советского Союза. Разговор носил общий характер и не подразумевал никакого немедленного решения. Молотов, со своей стороны, предлагал обсуждать конкретные темы, например, связанные с обеспечением интересов Советского Союза в проливах Босфор и Дарданеллы, с присутствием немецких воинских сил в Финляндии и другими проблемами. Визит Молотова в Берлин не принес никаких результатов, но история показала, что Гитлеру удалось ввести руководство Советского Союза в заблуждение относительно своих истинных намерений.[3]

12 ноября 1940 года, еще в разгаре переговоров с Молотовым, Верховное командование вермахта («Oberkommando der Wehrmacht» – OKW, далее: ОКВ) издало Директиву № 18, в которой говорилось, что, не смотря на переговоры, «все приготовления [к операции] на Востоке будут продолжены <…>».[4] 18 декабря 1940 года ОКВ издало Директиву № 21 об операции «Барбаросса» (кодовое название запланированного нападения на Советский Союз), в которой устанавливались военные цели операции. В ней говорилось:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того как будет закончена война против Англии. <…> Приготовпения… следует начать уже сейчас и закончить до 15 мая 1941 года. <…> Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга – Архангельск <…>».[5]

Гитлер решил, что война с Советским Союзом отличается от тех войн, которые он вел с Польшей, Францией, Британией и другими европейскими странами, и она имеет идеологический характер и цель. Третьего марта 1941 года генерал Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства ОКВ, получил от Гитлера указания по подготовке специального приложения, под названием «Особые распоряжения к Директиве № 21 (об операции «Барбаросса»)». Там сказано:

«Будущий военный поход больше, чем просто вооруженная борьба. Это столкновение двух мировоззрений. <…> Эта война не закончится поражением вооруженных сил противника. <…> Еврейско-большевистскую интеллигенцию следует уничтожить. <…> Необходимо воспрепятствовать возникновению националистической России на месте большевистской России. <…> Эта задача так сложна, что нельзя возложить ее на армию».[6]

Рассматриваемый документ стал первым, изданным в порядке подготовки к нападению на Советский Союз, где говорится об уничтожении евреев. Сложные задачи, которые не следовало, по мнению Гитлера, поручать армии, были возложены на Гиммлера и СС. В приказе ОКВ от 13 марта 1941 года под названием «Особые распоряжения. Приложение к Директиве № 21 (об операции «Барбаросса»)», говорится:

«В районе военных действии рейхсфюрер СС получает от фюрера

особые задачи по подготовке политического управления, которые вытекают из тотальной борьбы двух противоположных политических систем. В рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно, под свою ответственность. <...> Рейхсфюрер СС должен нести ответственность за то, чтобы выполнение возложенных на него задач не мешало ходу [военных] операций. Дальнейшие детали ОКХ должно координировать непосредственно с рейхсфюрером СС».[7]

В этом документе сказано, что за снабжение подразделений СС, выполняющих указанные особые задачи, отвечает армия. В приказе также определено географическое разделение территорий, которые будут оккупированы, между создаваемой немецкой гражданской администрацией и военной администрацией и порядок экономической эксплуатации захваченных территорий.

Здесь не разъясняется содержание «особых задач», но было понятно, что они включают, помимо прочего, уничтожение «еврейско-большевистской интеллигенции» – в соответствии с указаниями Гитлера, опубликованными десятью днями ранее. Данный документ предоставил Гиммлеру и СС полномочия уничтожать, по согласованию с армией и сотрудничая с ней, всех, кого они сочтут принадлежащими к советской «политической системе», и в первую очередь евреев. Непосредственное исполнение возлагалось на Главное управление имперской безопасности РСХА (RSHA – Reichssicherheitshauptamt), которым руководил Рейнхард Гейдрих, подчинявшийся Гиммлеру.

В нацистской Германии все проблемы, касающиеся еврейского населения, решало РСХА. Уже во время захвата Германией Австрии и Чехословакии и наступления на Польшу в 1939 году на подчинённые Гейдриху специальные подразделения СС – айнзацгруппы («оперативные отряды») полиции безопасности и СД (Sicherheits Polizei [Sipo] und SD – далее: Сипо) – возлагалась задача действовать против «элементов, враждебных рейху». В Польше армия настояла на том, чтобы запланированная Гейдрихом и айнзацгруппами массовая депортация евреев была осуществлена лишь после того, как армия передаст ответственность за оккупированные территории немецкой гражданской администрации. Армия не желала быть вовлеченной в действия против гражданского населения, и не хотела «марать себя».[8] Но в приказе от 13 марта 1941 года армия уже соглашалась с тем, что айнзацгруппы и другие подразделения СС будут совершать свои преступные действия на территории, находящейся под властью армии. Этот приказ знаменует начало процесса, в ходе которого немецкая армия постепенно вовлекалась в совершение военных преступлений и преступлений против человечества.

4 апреля 1941 года генерал-квартирмейстер ОКХ генерал Эдвард Вагнер передал Гейдриху предварительный план соглашения, в котором детально определялись области совместных действий армии и айнзацгрупп, а также условия действия айнзацгрупп на оккупированных территориях Советского Союза. В соглашении говорилось:

«Зондеркоманды («особые подразделения») Сипо выполняют поставленные перед ними задачи под свою ответственность. Они подчиняются армии в вопросах передвижения, снабжения и расквартирования. <...> Они получают служебные распоряжения от начальника Сипо. <...> В целях централизованного управления этими подразделениями начальник Сипо назначает представителя в каждой из групп армий. В его обязанности входит своевременно докладывать командующему группы армий о распоряжениях, полученных от начальника Сипо. <...> Армейский начальник имеет право давать этому представителю распоряжения, целью которых является избежание помех действиям армии. Эти распоряжения превалируют над всеми другими распоряжениями. <...> Зондеркоманды в рамках полученных ими распоряжений и под свою ответственность имеют право принимать меры против гражданского населения».[9]

Здесь же указано, что зондеркоманды должны согласовывать свои действия с тайной военной (армейской) полицией (Geheime Feldpolizei [GFP] – далее: ГФП) и военной контрразведкой – абвером (Abwehr). Суть всех предложений состояла в том, что оперативные распоряжения айнзацгруппы будут получать от Гейдриха, а их материально-техническое снабжение будет осуществлять армия. Армейский командир получал право воспрепятствовать действиям айнзацгрупп в подчинённом ему районе, если они создают помехи действиям армии. Гейдрих принял план соглашения, однако разгорелся спор относительно зон действия айнзацгрупп: армейское командование предлагало им действовать в тыловых районах групп армий, а Гейдрих требовал, чтобы его подразделениям предоставили возможность действовать ближе к фронту, в тылах армейских корпусов. Это позволило бы им двигаться в непосредственной близости от передовых частей и успевать захватывать евреев и прочих врагов рейха сразу после оккупации территорий. Армия пошла навстречу Гейдриху: в конце мая 1941 года было заключено соглашение, в соответствии с которым айнзацгруппам разрешалось двигаться с передовыми армейскими частями.

Тридцатого апреля 1941 года Гитлер собрал около 250 старших офицеров и в речи, продолжавшейся два с половиной часа, изложил им свое видение войны с Советским Союзом, назвав ее «борьбой двух противоположных идеологий». Гитлер указал, что с политкомиссарами и высшими советскими чиновниками следует поступать не как с военнопленными, а как с преступниками. Схваченных следует передавать в руки Сипо, а если по каким-то причинам это невыполнимо, расстреливать на месте. Гитлер отметил, что за свои действия против гражданского населения солдаты не предстанут перед военным судом, и существующие военные законы не будут ограничивать тех, кто борется с «враждебными гражданскими лицами». В конце речи он заявил, что следует не только разбить советскую армию на поле боя, но и уничтожить коммунизм навсегда.[10] По следам этой речи ОКВ издало три приказа, в которых принципы, оглашённые Гитлером, перелагались на четкий и ясный язык военных. В указаниях от 13 мая 1941 года о военном

судопроизводстве в ходе будущей операции «Барбаросса» говорится:

«В зоне проведения операции «Барбаросса» (район военных действий, тыл сухопутных войск и район под управлением гражданской администрации) устанавливаются следующие правила:

1. Рассмотрение преступлений против вражеских гражданских лиц.

А) Преступления против вражеских гражданских лиц находятся вне юрисдикции военных и военно-полевых судов.

Б) Партизаны должны беспощадно уничтожаться войсками в бою или в ходе преследования.

В) Всякие иные нападения вражеских гражданских лиц на вермахт, его личный состав и относящихся к нему лиц, должны пресекаться на месте с применением самых крайних мер вплоть до уничтожения нападающих.

Г) В том случае, если подобные меры не применялись или же их применение невозможно, подозреваемых следует немедленно доставить к офицеру, который примет решение, должны ли они быть расстреляны. В отношении населенных пунктов, в которых силы вермахта подверглись вероломному нападению, следует применять коллективные меры наказания. Решение об этом может принять офицер в должности не ниже командира батальона и только при условии, если обстоятельства не позволяют быстро поймать самих исполнителей. <…>

2. Рассмотрение преступлений против гражданского населения, совершенных личным составом вермахта.

А) Преследование за действия, совершенные личным составом вермахта и относящимися к нему лицами против вражеского гражданского населения, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют преступление или воинский проступок. <…>

В) Судебные власти должны рассматривать в суде действия против местного [гражданского] населения только в случае, если они убеждены в необходимости этого для поддержания воинской дисциплины и безопасности вооруженных сил.

4. Секретность.

Данный указ издается под грифом: «Абсолютно секретно».[11]

Приказ давал статус неприкосновенности всем солдатам вермахта – они могли участвовать в карательных акциях против гражданского населения, заранее зная, что они не понесут ответственности за свои действия.

19 мая 1941 года ОКВ издало специальное распоряжение № 1 дополнительно к Директиве № 21 (об операции «Барбаросса»), под названием «Инструкции о поведении [немецких] вооруженных сил в Советском Союзе», где говорится:

«1. Большевизм является смертельным врагом немецкого национал-социалистического народа. Против этой разрушительной идеологии и ее носителей направлена борьба Германии.

2. Эта борьба требует решительных и беспощадных мер против большевистских агитаторов, партизан, диверсантов и евреев и тотального подавления любого активного или пассивного сопротивления».[12]

В третьем документе, изданном ОКВ 6 июня 1941 года под названием «Указания о действиях по отношению к политкомиссарам», разъяснялось:

«В борьбе с большевизмом не следует рассчитывать на то, что враг будет действовать в соответствии с человеческими принципами или согласно международному праву... От политкомиссаров разного рода, являющихся подлинными вдохновителями сопротивления, можно ожидать бесчеловечного обращения с нашими пленными, исполненного ненавистью и жестокостью. <...> Было бы ошибкой в такой борьбе щадить эти элементы или проявлять по отношению к ним сдержанность, вытекающую из законов международного права. <...> Поэтому, если они захвачены в бою или оказывали сопротивление, их следует немедленно уничтожить. <...> С политкомиссарами... следует обращаться в соответствии с «Указаниями о военном судопроизводстве в зоне проведения операции «Барбаросса». Они распространяются на комиссаров любого рода и ранга, даже если они только подозреваются в оказании сопротивления, диверсиях или подстрекательстве».[13]

Действительный смысл этого приказа состоял в том, что советские солдаты и офицеры, принадлежавшие к политсоставу, при попадании в плен подлежали казни. Такой шаг полностью противоречил международным конвенциям о военнопленных.

Рассматриваемые документы дают ясно понять, что армия согласилась с Гитлером в том, что война с Советским Союзом является не только военным противостоянием, но еще и идеологическим, и этим она отличается от всех других войн, которые вела Германия с сентября 1939 года. В них давалась законное обоснование жестокому отношению к военнопленным, к гражданскому населению и в особенности к евреям. В номере бюллетеня ОКВ «Информация для войск» от 1 июня 1941 года сказано:

«Всякий, кто хотя бы раз взглянул на лицо красного комиссара, знает, кто такие большевики. <...> Животным было бы обидно, если бы мы стали изображать этих существ – большей частью евреев – похожими на животных».[14]

Командование вермахта солидаризировалось с этой линией. Командующий 4-й бронетанковой армией генерал-полковник Эрих Гёпнер 2 мая 1941 года, еще накануне войны, писал:

«Война с Советским Союзом – необходимый элемент в борьбе немецкого народа за существование. Это старинная война немецкого народа против славян, это защита европейской культуры от московско-азиатского потопа, призванная отразить еврейский большевизм. <...> Не следует проявлять никаких признаков милосердия по отношению к носителям русско-большевистской системы».[15]

Приказами, изданными ОКВ и командирами армейских частей относительно войны с Советским Союзом, немецкая армия усугубила свою причастность к жестоким действиям СС против «враждебных элементов» среди гражданского населения и евреев.

Б. АЙНЗАЦГРУППЫ И ДРУГИЕ ЧАСТИ СС – ИХ СОЗДАНИЕ И ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ ОПЕРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

По следам приказа от 13 марта 1941 года СС начали готовиться к выполнению «особых задач» при операции «Барбаросса». Первыми частями СС, сформированными для этой цели, стали айнзацгруппы Сипо под командованием Гейдриха. Создавались четыре айнзацгруппы: А, Б, С и Д – для действий в тылу фронтов немецких групп армий.

В начале мая 1941 года Сипо приступила к набору людей для этих специальных отрядов. Местом формирования стали города возле Лейпцига Прецше, Дюбен и Бад-Шмидеберг. Сипо не имела достаточного количества людей для полного комплектования айнзацгрупп, и поэтому большая часть личного состава пришла из войск СС (Waffen-SS), криминальной полиции (Kriminalpolizei – Kripo, далее: Крипо), полиции порядка (Ordnungspolizei Orpo, далее: Орпо) и других частей СС. Айнзацгруппа по своим размерам была примерно равной батальону. Подразделениями айнзацгрупп являлись айнзацкоманды, количественно равные роте. Айнзацкоманды обозначались номерами от 1 до 12. В айнзацкоманды входили зондеркоманды (взводы), они обозначались номером своей айнзацкоманды с добавлением литеры «а», «б» и т.д. Часть зондеркоманд подчинялась непосредственно штабу айнзацгрупп – все зависело от требований проводимой операции. Зондеркоманды могли делиться на более мелкие единицы – тайлькоманды (Teilkommando).

Айнзацгруппы были мобильными. Их организовали таким образом, чтобы они обладали максимальной оперативной гибкостью. Они могли действовать большими силами в крупных городах, а могли разделиться и действовать одновременно в разных местах. Начальники айнзацгрупп и айнзацкоманд были назначены Гейдрихом в основном из рядов Сипо. Многие из них в прошлом закончили университет и были представителями свободных профессий – можно упомянуть, например, доктора юриспруденции Отто Олендорфа, священнослужителя Эрнста Биберштейна и других. Хильберг пишет:

> *«Подавляющее большинство офицеров айнзацгрупп... ни в коем случае не были хулиганами, бандитами, обычными преступниками или сексуальными маньяками. Большинство из них были интеллектуалами... нет никаких признаков того, что кто-либо из них просил о назначении в айнзацкоманду. Нам известно лишь то, что на новых постах они использовали свой опыт и способности и выполняли возложенные на них обязанности... Попросту говоря, эти люди стали эффективными убийцами».*[16]

Общая численность личного состава всех айнзацгрупп равнялась

примерно 3.000 человек, которые распределялись следующим образом:

Айнзацгруппа А – 990 человек. Начальник – штандартенфюрер СС Вальтер Шталекер. Подразделения: зондеркоманда 1а, зондеркоманда 1б, айнзацкоманда 2 и айнзацкоманда 3. Предназначена действовать в оперативной зоне группы армий «Север», продвигаясь через прибалтийские страны в направлении Ленинграда.

Айнзацгруппа Б – 665 человек. Начальник – бригаденфюрер СС Артур Небе. Подразделения: зондеркоманда 7а, зондеркоманда 7б, айнзацкоманда 8, айнзацкоманда 9 и специальный отряд «Передовая команда «Москва»». Предназначена действовать в оперативной зоне группы армий «Центр», продвигаясь через Белоруссию в направлении Москвы.

Айнзацгруппа С – 700-800 человек. Начальник – бригаденфюрер СС Отто Раш. Подразделения: зондеркоманда 4а, зондеркоманда 4б, айнзацкоманда 5 и айнзацкоманда 6. Предназначена действовать в оперативной зоне группы армий «Юг», продвигаясь через северную и центральную части Украины в направлении Киева и дальше на восток.

Айнзацгруппа Д – 600 человек. Начальник – штандартенфюрер СС Отто Олендорф. Подразделения: зондеркоманда 10а, зондеркоманда 10б, зондеркоманда 11а, зондеркоманда 11б и айнзацкоманда 12. Предназначена действовать в оперативной зоне 11-й армии, продвигаясь через Бессарабию и южную часть Украины в направлении Крыма и Кавказа.[17]

Позднее во время действия айнзацгрупп на территории Советского Союза начальники различных подразделений менялись.

Задачи, которые ставились перед айнзацгруппами, были совершенно секретными, приказы об их выполнении отдавались устно и только на уровне начальников айнзацгрупп и айнзацкоманд. В начале июня Гейдрих созвал начальников айнзацгрупп и айнзацкоманд, а также некоторых старших начальников Сипо, и в общих чертах сообщил им о возложенной на них миссии на территории Советского Союза. Начальник айнзацкоманды 3 Карл Егер после войны свидетельствовал:

> *«Насколько я помню, за несколько недель до начала военного похода в Россию я был вызван на совещание командного состава, которое состоялось в здании РСХА, в Берлине. <…> Там присутствовало примерно 50 командиров СС. <…> Гейдрих в своей речи провозгласил, что если начнется война с Россией, необходимо на Востоке расстрелять всех евреев (die Juden im Osten alle erschossen werden mussten). Должен заметить, что я не помню, сказал ли он «всех евреев» или «евреев».*[18]

На Нюрнбергском суде № 9 по делу айнзацгрупп доктор Олендорф на вопрос обвинителя по поводу приказов, которые они получили накануне вторжения в Советский Союз, ответил: *«В приказах требовалось уничтожить евреев и политкомиссаров <…> то есть убить их».*[19]

Последняя встреча Гейдриха с начальниками айнзацгрупп и айнзацкоманд состоялась в Берлине 17 июня 1941 года. Гейдрих упоминает

ее в документе, который он телеграфировал четырем начальникам айнзацгрупп 29 июня 1941 года, то есть через неделю после вторжения на территорию СССР, когда передовые части айнзацгрупп уже действовали на месте:

«Хочу напомнить вам по поводу моих устных указаний, которые я дал в Берлине 17 июня: не следует чинить никаких препятствий самодеятельным акциям очистки, которые проводят антикоммунистические и антиеврейские круги на новых оккупированных территориях. Их необходимо поощрять, не оставляя следов...»[20]

Это распоряжение было призвано побудить местных антисемитов и националистов устраивать антиеврейские погромы. Таким образом и цель была бы достигнута, и инициаторы-немцы оставались бы в тени, а исполнители не могли бы рассчитывать на получение от них никакого политического вознаграждения.

Из послевоенных свидетельств, представленных во время судов над членами айнзацгрупп, стало ясно, что они получали чёткие приказы убивать евреев и коммунистических активистов на территории Советского Союза. Однако неясно, говорилось ли всегда об убийстве «всех евреев», т.е. о тотальном их уничтожении, или слово «всех» не употреблялось, и поэтому в первые недели командиры айнзацгрупп могли действовать по собственному усмотрению. В документе, направленном Гейдрихом 2 июля 1941 года Старшим начальникам СС и полиции (должность, введенная Гиммлером 13 ноября 1937 г.), разъясняются обязанности айнзацгрупп. Среди прочего там говорится:

«Сообщаю суть важнейших инструкций, которые были переданы айнзацгруппам и айнзацкомандам полиции безопасности и СД. Я прошу принять их к исполнению... Ближайшая цель всей операции состоит в установлении порядка, политической стабилизации, в особенности в аспекте полицейской безопасности на новых оккупированных территориях...

***Казни.** Подлежат казни: деятели Коминтерна (т.е. каждый профессиональный коммунистический деятель), должностные лица высшего и среднего уровня, партийные экстремисты низшего уровня, члены центральных комитетов, народные комиссары в областях и районах, евреи – партийные и государственные служащие и прочие радикальные элементы (диверсанты, агитаторы, партизаны, убийцы, подстрекатели и т.д.)...*

***Взаимодействие с полицией порядка.** Если от полиции порядка потребуются полицейские охранительные функции, она должна будет это делать в соответствии с приказами командиров айнзацкоманд».*[21]

В этом документе Гейдрих хотел подчеркнуть главенство подчинённых ему органов по сравнению с другими частями СС и полиции, которые должны были действовать на этих территориях. Он также разъяснял, что вся борьба с элементами, враждебными рейху, включая евреев, находится исключительно в рамках его ответственности. Здесь также нет прямого приказа убивать «всех евреев», но указание казнить «евре-

ев – партийных и государственных служащих» практически охватывает большинство еврейских мужчин рабочего возраста: под государственными служащими можно было понимать всех, работающих в экономике Советского Союза, которая была преимущественно государственной. Естественно, что евреи также рассматривались как входящие в группу «радикальных элементов», подлежащих истреблению.

По соображениям секретности младшие офицеры айнзацгрупп, которые были ниже чином командиров айнзацкоманд, и солдаты получили данные указания, включая приказы об убийстве евреев, только тогда, когда они пересекли границу Советского Союза. На суде над командиром айнзацгруппы 9 д-ром Альфредом Фильбертом подсудимый засвидетельствовал, что его люди, и в том числе командиры, ничего не знали о приказе убивать евреев. Только после пересечения границы в районе города Трейбург в Восточной Пруссии Фильберт передал подчинённым ему командирам их задания, включая указания об убийстве евреев.

Приказы передавались членам айнзацгрупп устно, но от них требовались письменные отчёты о выполнении заданий. Гейдрих создал в РСХА в Берлине центральное бюро, где концентрировались полицейские отчёты и отчёты служб безопасности оккупированных территорий. Вся эта информация, сконцентрированная в руках Гейдриха, затем передавалась Гиммлеру. Так делалось с целью подчеркнуть предпочтительный статус полиции безопасности по отношению к другим частям СС, действовавшим на территории. Айнзацгруппы пересылали в берлинское бюро отчёты о своих действиях, которые передавались также в армейские штабы в районах действия айнзацгрупп. Отчёты поступали в центральное бюро РСХА, редактировались и ежедневно публиковались в «Отчёте о действиях в Советском Союзе». В мае 1942 года он из ежедневного превратился в еженедельный под заглавием «Отчёты с оккупированных территорий на Востоке».[22]

В районах действия групп армий «Север», «Центр» и «Юг», а также в более отдалённых районах тыла Гиммлер назначал Старших начальников СС и полиции, которые подчинялись непосредственно ему. Старшим начальником СС и полиции групп армий «Север» стал Ганс Притцман, групп армий «Центр» – Эрих фон дем Бах-Залевски, групп армий «Юг» – Фридрих Екельн. они управляли всеми силами СС и полиции в подчинённых им районах, обеспечивая взаимодействие их подразделений. Эти командующие были по рангу выше командиров айнзацгрупп. Назначение их фактически создало двойной канал управления на этих территориях, поскольку в своей повседневной деятельности члены айнзацгрупп должны были выполнять приказы Гейдриха и его штаба, а также Старших начальников СС и полиции.[23] Айнзацгруппы не были единственными частями, выполнявшими на оккупированных территориях «особые задачи», порученные Гитлером Гиммлеру. Кроме них, Старшим начальникам СС и полиции подчинялись подразделения полиции порядка, а также некоторые подразделения Ваффен-СС. Подразделениями полиции порядка руководило также «Главное управле-

ние полиции порядка» в Берлине (начальник Курт Далуге). Немецкая полиция порядка включала в себя стационарные участки в городах, а в местечках и в сельской местности – жандармские участки. Там же действовали и передвижные полицейские батальоны в качестве составной части полиции порядка, подобные обычным армейским батальонам. Их люди постоянно проживали в лагерях и отвечали за охрану порядка и безопасность в оккупированных странах Европы. Незадолго до вторжения в Советский Союз для действий в зонах групп армий «Центр» и «Юг» было создано два полка полиции порядка, в каждом по три батальона. Кроме того, на оккупированных территориях функционировали ещё 11 батальонов полиции порядка. Эти полки и батальоны подчинялись Старшему начальнику СС и полиции на каждом из групп армии. В начале вторжения в Советский Союз такие полицейские подразделения насчитывали 17.000 человек, в большинстве своём бывших резервистов, которых не призвали в армию по возрасту или состоянию здоровья. Осенью 1939 года в полицию мобилизовались 26.000 более молодых добровольцев, которые предпочли служить в полиции, чем в армии. Большая часть батальонов полиции порядка предназначалась для действий в Советском Союзе, она-то и состояла из этой молодёжи.[24]

В ходе подготовки к нападению на Советский Союз были созданы предназначенные к использованию там дополнительные силы СС, которые непосредственно подчинялись штабу рейхсфюрера СС. Они включали в себя полк СС-1, полк СС-2, конный полк СС, батальон личной охраны Гиммлера и другие вспомогательные подразделения. В них служило 19.000 человек.[25]

Специальные части СС в Советском Союзе должны были помимо «особых задач» выполнять также функции обычной полиции порядка. В их составе в начале войны находилось 40.000 человек: в большинстве обычные немецкие граждане, без особых нацистских убеждений. Все эти части предназначались для выполнения операций по «наведению порядка», включая массовое убийство евреев.

Айнзацгруппам принадлежала ведущая роль в деле убийства евреев. Однако их было недостаточно, а территория действий слишком обширна, поэтому сами они не могли справиться с заданием без помощи сил полиции порядка, как на местах, так и мобильных. На всех фронтах войны с Советским Союзом действовали также дивизии Ваффен-СС, которые подчинялись армии и использовались в военных операциях.

В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ПОДГОТОВКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ

Военные цели нацистской Германии в операции «Барбаросса» чётко определялись приказами Верховного командования вермахта. Политической целью Гитлера была ликвидация Советского Союза в качестве коммунистического государства. Это стремление разделялось нацистской верхушкой, армией и СС, включая необходимость ликвидации евреев, которые, с нацистской точки зрения, были правящей эли-

той Советского Союза.

Политическое будущее оккупированных территорий, судьба проживающих там народов, отношение к их национальным устремлениям, к их желанию независимости – всё это не было определено на этапе подготовки вторжения. Основное предположение состояло в том, что война с Советским Союзом будет короткой.

Вначале управление оккупированными территориями было возложено на военную администрацию, которая подчинялась административному управлению ОКХ. Опыт такого управления немецкая армия получила в оккупированной Польше и Западной Европе.

Тыловые территории, близкие к линии фронта, находились в зоне ответственности групп армий «Север», «Центр» и «Юг». В каждом из их штабов, а также в армейских дивизиях безопасности, ответственных за территорию, имелось подразделение 7 – военное управление. На низшем уровне военное руководство осуществляли фельдкомендатуры (полевые штабы) в определённых географических районах и ортскомендатуры (местные штабы) в конкретных городских районах. На больших территориях действовали оберфельдкомендатуры (высшие полевые штабы), которым подчинялось несколько фельдкомендатур и ортскомендатур. Задача военной администрации заключалась в обеспечении покоя и безопасности в тылу военных действий, бесперебойного снабжения армии и использования для её нужд местного экономического потенциала.[26]

В порядке подготовки к вторжению подразделения армии, назначенные ответственными за военное управление, сформулировали указания для фельдкомендатур и ортскомендатур об отношении к евреям. Они включали: учёт еврейского населения, ношение белой повязки на рукаве или жёлтой нашивки на спине и на груди, выполнение евреями принудительных работ, создание юденратов, ограниченное приобретение пищи, выплату контрибуций и заключение евреев в гетто. Эти действия в основном уподоблялись мерам, принятым в Генерал-губернаторстве Польша, но были гораздо более жестокими. Военной администрации не предписывалось действовать в глубоких тыловых районах. Там, в соответствии с приказом ОКВ от 13 марта 1941 года, предполагалось иное управление:

«*На оккупированной территории в тыловых районах операции будет создана политическая администрация. Территориальное разделение будет базироваться на этногеографической основе и в соответствии с границами действий групп армий… В этих районах политическое руководство будет осуществляться рейхскомиссарами, которые получат указания от фюрера*».[27]

Понятия «политическое руководство» и «рейхскомиссары» означали, что армия передаст управление на своих тыловых территориях немецкой гражданской администрации ещё во время боевых действий, а после окончания войны – на всех оккупированных землях. В этом приказе указывалось также, что на территориях с гражданской администрацией ОКВ назначит армейских командиров. В их обязанности

должно войти использование местных источников для обеспечения нужд армии в соответствии с требованиями ОКХ. Приказ подчёркивал верховенство распоряжений военного командования над указаниями любых других местных инстанций.[28]

В конце марта 1941 года Гитлер поручил Розенбергу создать «Политическое бюро восточных территорий» и приготовить планы создания немецкой гражданской администрации на территории Советского Союза. В документе, изданном Розенбергом 2 апреля 1941 года, напоминалось о целях немецкой власти и методах действий на этих территориях и разъяснялось политическое будущее разных народов, которое определится степенью их «расовой полноценности» и лояльности по отношению к Германии. При этом Розенберг указывал на необходимость «абсолютного уничтожения еврейско-большевистского государства».[29]

В другом документе Розенберга говорится о территориальном распределении административного управления районами европейской части Советского Союза после оккупации. Розенберг предлагает создать 4 рейхскомиссариата:

1. Рейхскомиссариат Остланд, включающий страны Балтии, Белоруссию, часть России (районы Новгорода и Смоленска);

2. Рейхскомиссариат Украина, включающий также районы юга России до реки Волга;

3. Рейхскомиссариат Москва, включая север и центр России;

4. Рейхскомиссариат Кавказ.

География рейхскомиссариатов демонстрирует политические взгляды Розенберга на судьбу народов и территорий Советского Союза после германской победы: он намеревался присоединить Прибалтику к Германии, отторгнуть от России Украину, помочь ей стать независимым государством под протекторатом Германии и сделать её антирусским фактором. Кроме того, нацисты хотели отторгнуть Кавказ от России и основать там федерацию множества наций под протекторатом Германии. Целью этих планов было сократить территорию России и разделить её, насколько возможно, чтобы она не представляла опасности для Германии.[30]

Рейхскомиссариаты подразделялись на особые административные подразделения, именовавшиеся Генералкомиссариатами, а они – на Гебитскомиссариаты. Гебитскомиссариат был низшим подразделением немецкой администрации, руководящим территорией целого района или большого города. Гражданская администрация района в местечках и сельской местности являлась подчинённой немецким гебитскомиссарам административной единицей и должна была состоять из пронемецки настроенных местных сотрудников.[31]

В отношении евреев Розенберг предлагал: закрыть их в гетто, изолировать от остального населения и заставить заниматься принудительным трудом. В процессе организации гражданской администрации на оккупированной советской территории Розенберг, считавшийся в нацистской верхушке специалистом по Советскому Союзу, был на-

значен главой этого аппарата в ранге министра восточных территорий (Остминистериум).

Будущая экономическая эксплуатация оккупированных территорий Советского Союза занимала большое место в подготовке операции «Барбаросса». Выполнение этой задачи Гитлер поручил Герингу, ответственнному за 4-летний план развития экономики Германии. В марте 1941 года был создан «Штаб управления экономикой Востока», куда входили представители Министерства продовольствия, Министерства сельского хозяйства, Министерства экономики и глава отдела экономической системы снабжения ОКВ генерал Георг Томас. На совещании 2 мая 1941 года, в котором приняли участие генеральные директора министерств и генерал Томас, обсуждалась проблема использования экономики территории Советского Союза. В заключительном документе совещания говорилось:

«Можно продолжать войну и третий год, если только обеспечить снабжение армии продовольствием из самой России. Ясно, что миллионы людей там пострадают от голода, если взять всё, что потребуется для войны из этой страны».[32]

Штаб управления экономикой Востока накануне атаки на Советский Союз издал «Инструкции по управлению сельским хозяйством новых оккупированных территорий на Востоке», которые называли «Зелёной папкой». В этом документе указывалось:

«На оккупированных территориях Советского Союза нужно конфисковать абсолютно все экономически важные ценности, необходимые для продолжения войны руководством Германии... в особенности продуктов сельского хозяйства. Возобновить работу фабрик, обслуживающих нужды, указанные выше, и в то же время уничтожить те экономические отрасли промышленности, которые непосредственно не служат снабжению и задачам вермахта».[33]

Из этих инструкций ясно, что обеспечение продовольствием гражданского населения на территориях не принималось в расчёт. Политика «морения голодом» исходила не только из необходимости обеспечивать продовольствием немецкую армию, но была и целью сама по себе. Немецкий историк Кристиан Герлах писал, что, кроме снабжения продовольствием воюющей армии на восточном фронте, ставилась тогда задача с дальним прицелом: после победы в войне превратить оккупированные территории (главным образом, Украину и юг России) в источник сельскохозяйственной продукции для Третьего рейха. Голод местного населения (главным образом, городского), который ещё в течение войны привёл бы к смерти десятков миллионов людей, включая миллионы советских военнопленных, был способом сократить количество едоков и уменьшить потребность в продовольствии на оккупированных территориях, что дало бы возможность увеличить поставки сельскохозяйственной продукции Германии и её сателлитам в Европе.[34]

Для выполнения этих задач Штаб управления экономикой Востока назначил на оккупированных территориях свои отделения. Общая

ответственность за эксплуатацию экономики в районах военной администрации была возложена на генерал-квартирмейстера Вагнера, начальника административного отдела ОКХ, которому подчинялись военная администрация.[35]

На территориях, предназначенных к передаче под власть гражданской администрации, она должна была руководить эксплуатацией всей экономики. Но гражданская администрация не являлась единственным местным распорядителем в сфере экономики; там самостоятельно действовали и филиалы отдела экономической системы снабжения ОКВ.

В «Зелёной папке» не говорилось специально о евреях, но несколько указаний повлияло на их судьбу. Это касалось двух аспектов. Во-первых, преимущественное обеспечение продовольствием нужд армии, означавшее голод всего местного населения, для евреев, которых немцы ставили на самую низкую ступень среди них и объявленных смертельным врагом Германии, означало абсолютный голод, вплоть до физического уничтожения. Но, во-вторых, немцам требовалась на оккупированных территориях скорейшая организация работы предприятий, производящих продукцию для армии и для военной экономики, что определяло нужду в профессиональной и дешёвой рабочей силе, которой частично могли быть евреи.

Вместе с тем, политика по отношению к евреям в зоне оккупации, как правило, определялась на основе не экономических рассуждений, а идеологических соображений нацистского расизма – они служили базой уничтожения евреев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Walter Warlimont. *Inside Hitler's Headquarters 1939-1945*, Novato CA, 1964, p. 113 (далее: Warlimont, *Inside Hitler's...*). Генерал Варлимонт был заместителем начальника штаба оперативного отдела Верховного главнокомандования немецкой армии («вермахта»)
2. *Там же*, с. 114; Bullock, *Hitler and Stalin...*, p. 676.
3. Bullock, *Ibid*, pp. 681-682; Tucker, *Stalin in Power...*, pp. 616-619.
4. Warlimont, *Inside Hitler's...,* p. 136.
5. *Документы Нюрнбергского процесса*. PS-446: *Совершенно Секретно! Только для Командования!* Н.Г. Павленко (ред.). – Москва, 1967, стр. 149-150.
6. Warlimont, *Inside Hitler's...,* pp. 150-151.
7. *Документы Нюрнбергского процесса*, NOKW-2302.
8. Raul Hilberg. *The Destruction of European Jews*. – Chicago, 1981, pp. 127-128, 130 (далее: Hilberg, *The Destruction...*).
9. *Ibid,* p. 183, 187; Ronald Headland. *Messages of Murder, A Study of the Reports of Einsatzgruppen*. – London – Toronto, 1992, pp. 136-137 (далее: Headland, *Messages...*).
10. Warlimont, *Inside Hitler's...,* pp. 160-161.
11. Norbert Müller. *Deutsche Besetzungs Politik in der UdSSR*. – Köln, 1980, pp. 64-66.
12. *Ibid,* p. 53-54.
13. *Документы Нюрнбергского процесса*, NOKW-484.
14. Juergen Foerster. *Jewish Policies of the German Military, 1939-1942*. В сборнике: A. Cohen, Y. Cochavi and Y. Gelber (eds.), *The Shoa and the War*. – New York, 1992, p. 62 (далее: Foerster, *Jewish Policies...*).
15. Omer Bartov. *Hitler's Army.* – New York, 1991, p. 129 (далее: Bartov, *Hitler's Army...*).

16. Hilberg, *The Destruction...*, p. 189.
17. *Ibid,* p.188.
18. Hans-Heinrich Wilhelm. *Rassenpolitik und Kriegführung*. – Passau, 1991, pp. 186-187 (далее: Wilhelm, *Rassenpolitik*…). Егер давал свидетельские показания 15 июня 1959 года, находясь под арестом.
19. *Нюрнбергский процесс*. – Москва, 1959, т. 4, с. 627-628.
20. Department of Justice, Washington, Office of Special Investigation (OSI), Government, 4.265.
21. Архив Яд Вашем, О-4/53-1.
22. «Отчёт о действиях в Советском Союзе» N 1 был опубликован на следующий день после вторжения в Советский Союз, 23 июня 1941 г. Последний из этих отчётов, № 195 опубликован 24 апреля 1942 г. «Отчёты с оккупированных территорий на Востоке» издавались с 1 мая 1942 г. Последний из них под номером 55 был напечатан в мае 1943 г. Все отчёты после войны найдены в штабе гестапо в Берлине, признаны аутентичными и пригодными для использования в качестве материалов на суде N 9 (суд над айнзацгруппами, который был организован в рамках Нюрнбергского процесса с 15 ноября 1947 года по 10 апреля 1948 года). Подробности о системе отчётов и их использовании см.: Headland, *Messages…,* pp. 39-43.
23. Headland, *Messages…,* pp. 138-139.
24. Christopher R. Browning. *Ordinary Men*. – New York, 1992, pp. 6-7, 10 (далее: Browning, *Ordinary Men...*).
25. Иегошуа Бихлер. *Участие бригад Ваффен-СС в убийстве евреев СССР до конца 1941 г.* (иврит). В сб.: Морешет, 41, 1986, с. 42 (далее: Бихлер. *Участие бригад*…). Бихлер пишет, что число солдат, подчинённых штабу Гиммлера, составляло 25.000 человек. Это число включает в себя также подразделения полиции порядка, подчинённые старшим командирам СС и полиции. См.: Jurgen Forster. *Das nationalsocialistische Herrschaftssystem und der Rrieg gegen die Sowjetunion*. См.: Peter Jahn und Reinhard Rurup (eds). *Erobem und Vernichten. Essays*. – Berlin, 1991, p. 38 (далее: Forster, *Nationalsozialitische*…).
26. Theo Schulte. *The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia*. – New York, 1989, pp. 53-61 (далее: Schulte, *The German*…); Dallin, *German Rule*…, pp. 96-98.
27. *Документы Нюрнбергского процесса*, NOKW-2302; Warlimont, *Inside Hitler's...*, p. 153.
28. Warlimont, *ibid*, pp. 153-154.
29. *Документы Нюрнбергского процесса*, PS-1017.
30. *Там же*, PS-1020.
31. Dallin, *German Rule...*, pp. 107-111.
32. Norbert Muller. *Wermacht und Okkupation 1941-1944*. – Berlin, 1971, p. 59 (далее: Muller, *Wermacht...*).
33. Ibid, pp. 55-56.
34. Cristian Gerlach. *Kalkulierte Morde.* – Hamburg, 1999, pp. 47-52 (далее: Gerlach, *Kalkulierte...*).
35. Muller, *Wermacht...*, pp. 58, 93-95.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАПАДЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И МАССОВОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ (22 ИЮНЯ 1941 Г. – ЗИМА 1941/1942 ГГ.)

ГЛАВА 10

ВТОРЖЕНИЕ В СССР

А. ХОД ВОЙНЫ ДО КОНЦА 1941 ГОДА

На рассвете 22 июня 1941 года нацистская Германия напала на Советский Союз силами 150 дивизий (в их числе 41 бронетанковая, в составе сил вторжения было 3.500 танков) при поддержке около 4.000 самолётов. Нападение началось по четырём центральным направлениям. Группа армий «Север» атаковала через страны Прибалтики и её целью был Ленинград Ей содействовала финская армия, присоединившаяся к осаде Ленинграда. Группа армий «Центр» шла через Белоруссию и её столицу Минск на главную цель – Москву. Группа армий «Юг» стремилась к захвату Украины, юга России и Кавказа. Немецкая 11-я армия вместе с румынскими войсками двигалась через Бессарабию вдоль северного побережья Чёрного моря, её целями были Одесса и полуостров Крым.

Нацисты предполагали, что война будет короткой и завершится скорой победой. Геббельс писал в дневнике 16 июня 1941 года, за несколько дней до вторжения в Советский Союз:

> *«Фюрер считает, что операция (военная) продлится четыре месяца, я считаю – меньше. Большевизм развалится, как карточная колода».*[1]

Уже в первый день войны Военно-Воздушные Силы Германии уничтожили 1.200 советских самолётов, большинство – на их аэродромах, и достигли превосходства в воздухе. Немецкие бронетанковые войска большими концентрированными группами быстро продвигались в глубь красноармейских боевых порядков.

Советский Союз оказался захваченным врасплох немецким нападением, несмотря на обилие сообщений, прибывавших из разных источников за несколько месяцев до этого. Ещё в июле-августе 1940 года и позже в нарастающем темпе от НКВД, НКГБ и армейской разведки поступало множество детальных докладов о концентрации крупных немецких сил на территории генерал-губернаторства Польши, о сооружении аэродромов и времени возможного нападения. Советские пограничные войска докладывали о полетах немецких самолётов с целью аэрофотосъёмки и о проникновении через границу с германс-

кой стороны групп подрывников или об их задержании.[2] В начале июня 1941 года нарком обороны Семён Тимошенко и начальник Генштаба Красной Армии Георгий Жуков представили Сталину множество сведений о подготовке к нападению, но Сталин отверг эту информацию, утверждая, что у него есть свидетельства о других намерениях немцев.[3] Сталин возражал против приведения армии в боевую готовность и мобилизации военнообязанных, опасаясь, что эти шаги в глазах Германии могут быть восприняты как подготовка советского нападения. Он также запретил стрелять по немецким самолётам, пересекавшим советскую границу для фотографирования.[4]

Сталин боялся войны из-за силы вермахта и слабости Красной Армии, проявившейся в войне с Финляндией зимой 1939-1940 года. Сталин считал, что Германия не нападёт на Советский Союз прежде, чем покорит Великобританию, чтобы не допустить войны на два фронта, и предполагал, что это случится не раннее лета 1942 года, и он успеет до того укрепить силы Красной Армии, которая находилась в стадии реорганизации и принимала на вооружение тысячи новых танков и самолётов. Он также верил, что Германия будет соблюдать Договор о дружбе с Германией, тем более, что экономическое соглашение, присоединённое к нему, давало Германии большую выгоду. За эту ошибочную концепцию Сталина Советский Союз заплатил тяжёлую цену. Только ночью 22 июня 1941 года, в 00.30, после дополнительных сообщений о возможном немецком нападении 22 или 23 июня Сталин разрешил Тимошенко и Жукову объявить боевую готовность в военных округах, граничивших с Германией. Этот приказ достиг соединений на три часа позже начала немецкой атаки.[5]

Нападение застало Сталина врасплох, в первые дни войны он был деморализован, и сообщение советскому народу о немецком нападении передал по радио 22 июня в 12 часов дня не он, а Молотов. В тот же день в Советском Союзе была объявлена всеобщая мобилизация граждан 1905-1918 годов рождения. Призыв, особенно на западе Советского Союза, проходил в самых тяжёлых условиях: под воздушными бомбёжками и при бегстве или эвакуации правительственных учреждений на восток. Многие мобилизуемые попали в немецкий плен ещё по дороге на призывные пункты. Всё же до 1 июля было призвано 5.300.000 человек, из которых спешно сформировали воинские части и отправили на фронт.[6] 3 июля Сталин впервые выступил с речью перед народом Советского Союза, в которой оправдывал подписание пакта Риббентропа-Молотова, давшего, по его словам, Советскому Союзу более полутора лет мира и возможность усилить советскую армию; Сталин призвал к партизанской войне в немецком тылу.[7] 19 июля 1941 года Сталин занял пост наркома обороны вместо маршала Тимошенко, а 8 августа 1941 года также и должность Верховного главнокомандующего Вооружёнными Силами.

В первый месяц войны группа армий «Север» продвинулась на 400-450 км, оккупировала Литву, Латвию, часть Эстонии, а также территории на севере России и достигла окрестностей Ленинграда. Танковые

части группы армий «Центр» на пути в Москву к середине июля прошли 450-600 км до Смоленска. Группа армий «Юг» на Украине продвигалась медленнее, немецкие войска проникли на глубину 300-350 км, захватили Западную и часть Восточной Украины, окружили Одессу и перерезали все сухопутные дороги к ней.[8]

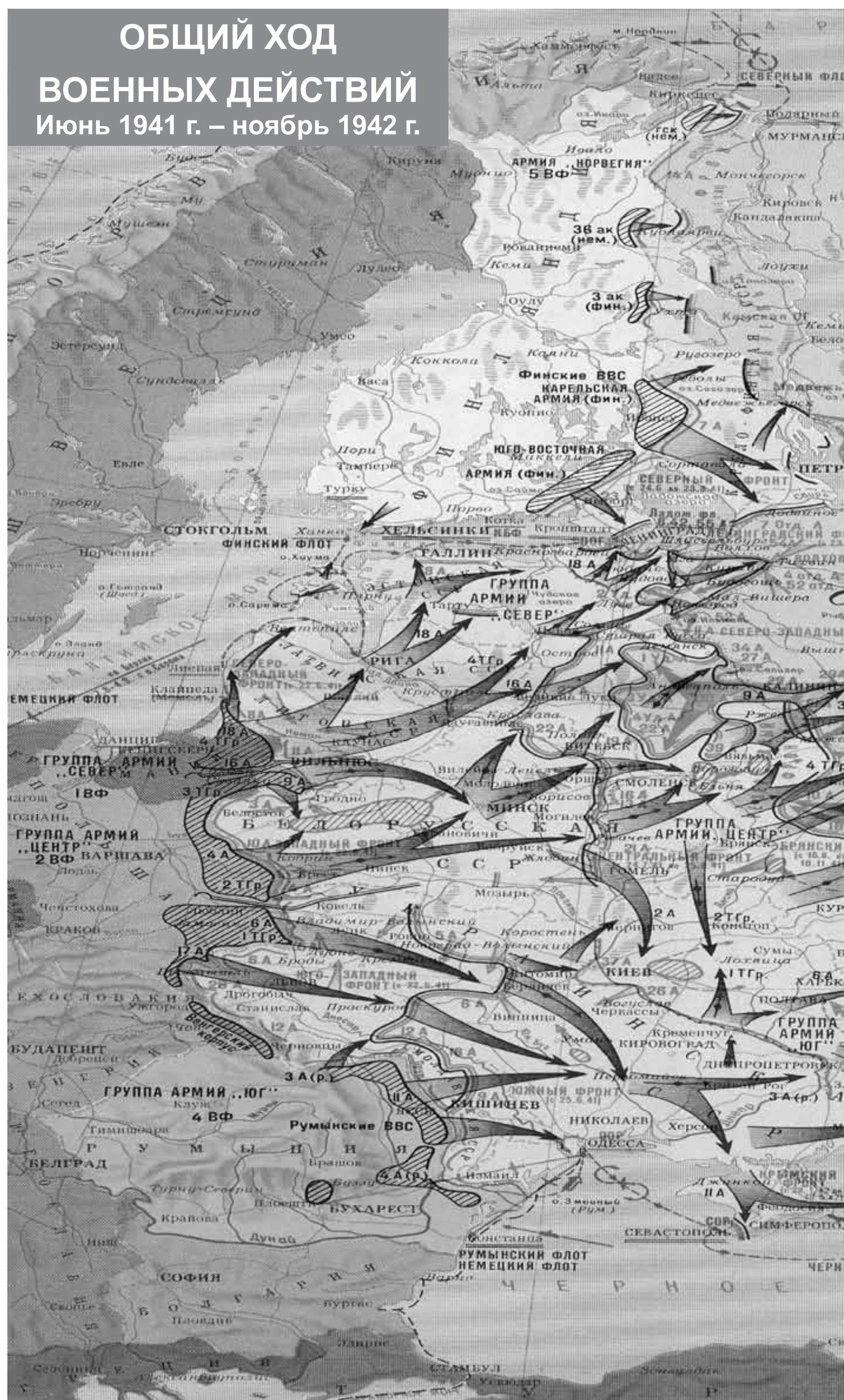
Несмотря на упорное сопротивление части советских соединений, группировка Красной Армии на западе Советского Союза была разбита. Быстрое продвижение немецкой армии повлияло на возможности евреев эвакуироваться или бежать отсюда.[9]

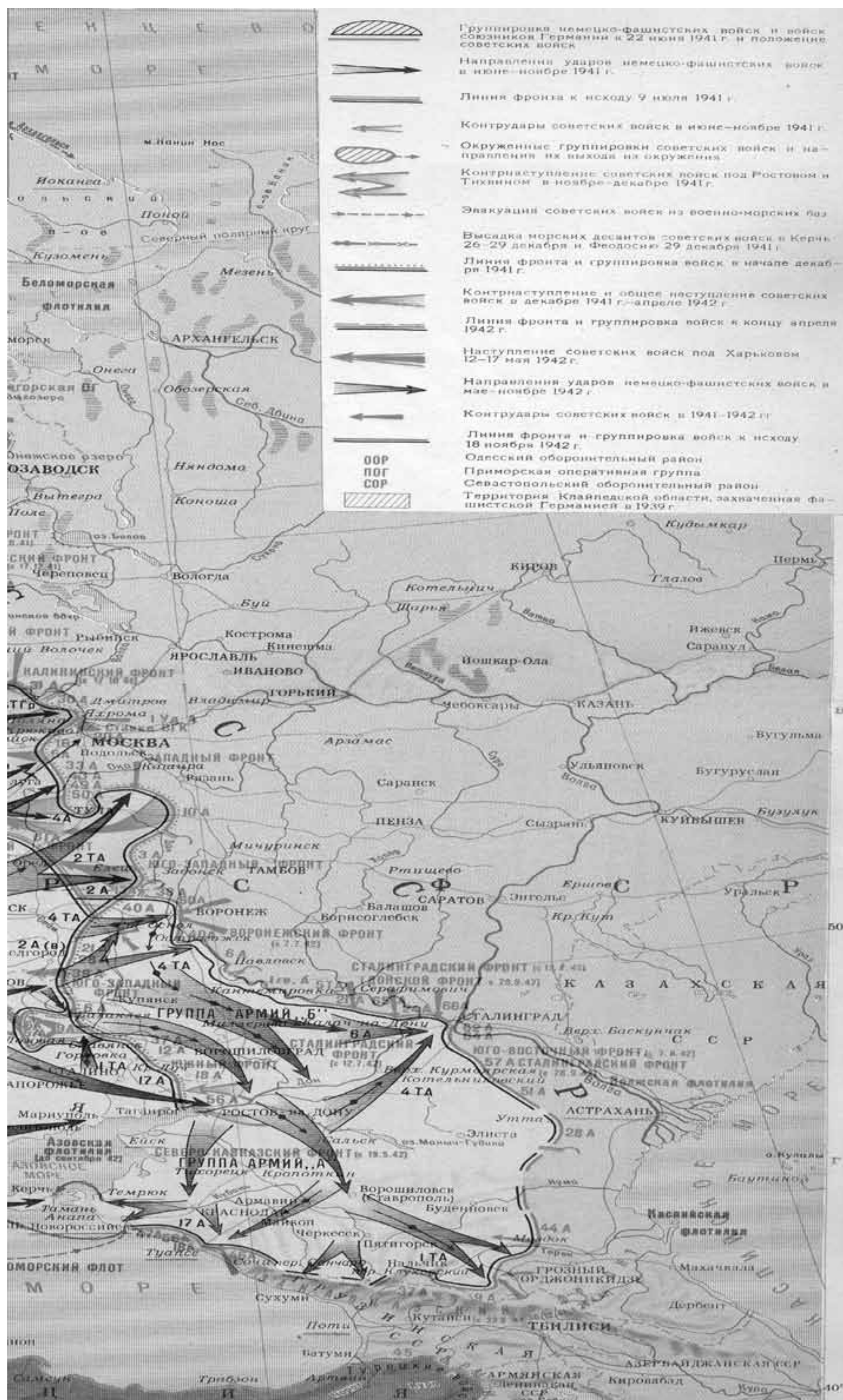
В августе 1941 года Гитлер вопреки мнению ОКХ решил прервать на короткое время наступление на Москву и повернуть главные бронетанковые силы на юг, в сторону Украины, и на север, к Ленинграду. Гигантскими обходными действиями немецкие бронетанковые войска 19 сентября захватили Киев и большие районы Украины; немецкая армия также овладела полуостровом Крым, кроме Севастополя; 25 октября был оккупирован Харьков. На севере попытки захватить Ленинград провалились, но немцы окружили город.

В начале октября немецкая армия возобновила наступление на Москву. Несмотря на победы в районе Вязьмы и захват города Калинина, продвижение немцев затормозилось в 40 км от советской столицы. Ранняя зима с её сильными холодами стала камнем преткновения для немцев, не подготовленных воевать зимой. Упорное сопротивление Красной Армии, удлинение путей снабжения, потери в живой силе и технике, дожди и морозы – всё это заставило немецкую армию остановиться, планы захвата Москвы и Ленинграда до наступления зимы провалились. Немцам пришлось готовиться к продолжительной войне со всеми вытекающими отсюда проблемами снабжения и организации использования экономических ресурсов оккупированных территорий Советского Союза для военных нужд Германии. Эта реальность, о которой пойдёт речь далее, тоже очень повлияла на темпы уничтожения и на судьбу евреев в определённых районах.

Красная Армия страдала от очень тяжёлых людских потерь: в тот период, по советским данным, они составили 4.473.820 человек.[10] Количество советских военнопленных до конца 1941 года составляло, по немецким данным, свыше 3.350.000 человек, по советским данным – на миллион меньше.[11]

Но, несмотря на все потери, в конце ноября – начале декабря 1941 года Красная Армия перешла в контрнаступление, главным районом которого была Московская область. В ходе контрнаступления были освобождены Калинин, Калуга и многие другие города. Красная Армия продвинулась на запад и достигла города Великие Луки. Ростов-на Дону был освобожден 29 ноября 1941 года. Контрнаступление продолжалось до конца марта 1942 года. Это явилось первым крупным поражением нацистской Германии во Второй мировой войне. Сотни тысяч немецких солдат были убиты, ранены и попали в плен; немцы также потеряли много боевого снаряжения.


ОБЩИЙ ХОД
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
Июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.
АРМИЯ „НОРВЕГИЯ"
5 ВФ
36 ак (нем.)
3 ак (фин.)
Финские ВВС
КАРЕЛЬСКАЯ АРМИЯ (фин.)
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АРМИЯ (фин.)
СТОКГОЛЬМ
ФИНСКИЙ ФЛОТ
ХЕЛЬСИНКИ
ТАЛЛИН
ГРУППА АРМИЙ „СЕВЕР"
РИГА
НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ
ГРУППА АРМИЙ „СЕВЕР"
1 ВФ
ГРУППА АРМИЙ „ЦЕНТР"
2 ВФ
ВАРШАВА
МИНСК
СМОЛЕНСК
ГРУППА АРМИЙ „ЦЕНТР"
КИЕВ
ГРУППА АРМИЙ „ЮГ"
ГРУППА АРМИЙ „ЮГ"
4 ВФ
Румынские ВВС
БУДАПЕШТ
БЕЛГРАД
БУХАРЕСТ
КИШИНЕВ
НИКОЛАЕВ
ОДЕССА
СЕВАСТОПОЛЬ
РУМЫНСКИЙ ФЛОТ
НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ
СОФИЯ
СТАМБУЛ


Группировка немецко-фашистских войск и войск союзников Германии к 22 июня 1941 г. и положение советских войск
Направления ударов немецко-фашистских войск в июне—ноябре 1941 г.
Линия фронта к исходу 9 июля 1941 г.
Контрудары советских войск в июне—ноябре 1941 г.
Окруженные группировки советских войск и направления их выхода из окружения
Контрнаступление советских войск под Ростовом и Тихвином в ноябре—декабре 1941 г.
Эвакуация советских войск из военно-морских баз
Высадка морских десантов советских войск в Керчь 26—29 декабря и Феодосию 29 декабря 1941 г.
Линия фронта и группировка войск в начале декабря 1941 г.
Контрнаступление и общее наступление советских войск в декабре 1941 г.—апреле 1942 г.
Линия фронта и группировка войск к концу апреля 1942 г.
Наступление советских войск под Харьковом 12—17 мая 1942 г.
Направления ударов немецко-фашистских войск в мае—ноябре 1942 г.
Контрудары советских войск в 1941—1942 гг.
Линия фронта и группировка войск к исходу 18 ноября 1942 г.
ООР Одесский оборонительный район
ПОГ Приморская оперативная группа
СОР Севастопольский оборонительный район
Территория Клайпедской области, захваченная фашистской Германией в 1939 г.
АРХАНГЕЛЬСК
Беломорская флотилия
Мезень
Онега
Няндома
Коноша
Вытегра
Вологда
Череповец
КИРОВ
Котельнич
Кострома
Кинешма
ЯРОСЛАВЛЬ
ИВАНОВО
ГОРЬКИЙ
Йошкар-Ола
Чебоксары
КАЗАНЬ
Ижевск
Сарапул
Бугульма
МОСКВА
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
Рязань
Арзамас
Саранск
Ульяновск
Бугуруслан
ПЕНЗА
Сызрань
КУЙБЫШЕВ
Бузулук
Мичуринск
ТАМБОВ
Ртищево
Балашов
САРАТОВ
Энгельс
Ершов
Уральск
Борисоглебск
ВОРОНЕЖ
ВОРОНЕЖСКИЙ ФРОНТ
Кр. Кут
Павловск
СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ
Серафимович
ГРУППА АРМИЙ „Б"
СТАЛИНГРАД
ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
Верх. Баскунчак
ЮЖНЫЙ ФРОНТ
Котельниковский
Волжская флотилия
РОСТОВ-на-ДОНУ
Таганрог
Мариуполь
Азовская флотилия
Элиста
Утта
АСТРАХАНЬ
Ейск
Сальск
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ
ГРУППА АРМИЙ „А"
Тихорецк
Кропоткин
Ворошиловск (Ставрополь)
Армавир
Буденновск
Темрюк
Анапа
Новороссийск
Туапсе
Майкоп
Черкесск
Пятигорск
Нальчик
Моздок
КРАСНОДАР
Каспийская флотилия
ГРОЗНЫЙ
ОРДЖОНИКИДЗЕ
Махачкала
Дербент
Сухуми
Кутаиси
ТБИЛИСИ
Поти
Батуми
АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР
АРМЯНСКАЯ ССР
Кировабад
К А З А Х С К А Я
С С Р
Керчь
Тамань

Б. БОРЬБА С «ИУДЕО-БОЛЬШЕВИЗМОМ» – ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МОТИВ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ ПРИ ВТОРЖЕНИИ

Борьба с еврейством и представление Советского Союза, как «иудео-большевистской» страны, занимали большое место в нацистской пропаганде, обращённой и к германскому народу, и к советскому населению, и к Красной Армии. Перед нападением на Советский Союз в рамках министерства пропаганды Геббельса был создан специальный отдел, который должен был определить пропагандистскую политику по отношению к солдатам Красной Армии и советскому населению. 5 июня 1941 года Геббельс записал в своём дневнике:

«Рекомендации по пропаганде в России: не против социализма, нет возврата к периоду царизма, не говорить открыто о цели разрушения России как страны агрессивных замыслов это усилит сопротивление Красной Армии, которая в основном состоит из русских... Нужно распять Сталина и стоящих за ним евреев».[12]

В обращении Гитлера к немцам по поводу войны в Советском Союзе, зачитанном Геббельсом по берлинскому радио утром 22 июня 1941 года, говорилось:

«Немецкий народ никогда не испытывал враждебности к народам России... Германия никогда не пыталась навязать доктрину национал-социализма России, но иудео-большевистские власти Москвы постоянно старались навязать свою власть нашему народу и другим народам Европы... Теперь пробил час, когда необходимо выступить против заговора еврейских и англо-саксонских подстрекателей войны, а также против еврейских правителей большевистского центра в Москве».[13]

Гитлер хотел представить нападение на Советский Союз как оборонительную войну против агрессивных замыслов иудео-большевистских правителей из Москвы. В немецкой прокламации под заголовком «Народы Советского Союза», которая распространялась уже в первый день войны в прифронтовых районах, говорилось:

«В первую мировую войну вам пришлось испытать ужасные страдания... Поэтому неудивительно, что после неё вы прогнали царя и хотели жить в мире... Взамен вы не получили ни мира, ни свободы, ни процветания, а были ввергнуты в диктатуру Троцкого... и других соучастников преступления Ленина и Сталина... Вам нужно знать, что кремлёвский идол – это не Бог, а жестокий палач угнетённых народов... Немцы освободят вас от еврейско-большевистского террора».[14]

Пропаганда, предназначенная для советского тыла и для Красной Армии, проводилась главным образом путём разбрасывания листовок с самолётов, а также по радио и при помощи многочисленных громкоговорителей, установленных на передовых позициях и обращённых к солдатам Красной Армии. Кроме того, в Остланде и на Украине в системе немецкой гражданской администрации также действовали отделы пропаганды.[15]

В начале июня 1941 года отдел пропаганды ОКВ секрет-

ным документом под названием «Рекомендации по руководству пропагандой в операции «Барбаросса»» наметил принципы своей деятельности в войне с Советским Союзом:

«Конечные цели руководства пропагандой в Советском Союзе всё ещё невозможно определить полностью... Но принципиально уже сейчас возможно подчёркнуть следующее: а) врагом Германии являются не народы Советского Союза, а иудео-большевистская Советская власть, её деятели и коммунистическая партия... б) немецкая армия пришла не как «враг местного населения». Более того, с её помощью население освободится от советской диктатуры».[16]

В листовке под названием «Пропуск», призывающей солдат и командиров Красной Армии дезертировать, говорилось:

«Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побеждённую Красную Армию и переходит на сторону Германских Вооружённых Сил. Немецкие офицеры и солдаты окажут перешедшему хороший приём, накормят его и устроят на работу».[17]

Немецкая пропагандистская прокламация, обращённая к населению оккупированных территорий, судя по содержанию, изданная вскоре после начала войны, когда немецкая армия находилась на гребне побед, была опубликована якобы от имени Сталина и за его подписью. Вот что там говорилось:

«Товарищи! Рабочие и крестьяне в районах, оккупированных немцами! Мои маршалы разбиты немецкой армией. Приближается конец большевизма... Что тогда сделают мои хозяева – господа Каганович и вся его жидовская банда в Советском Союзе?... Товарищи, продолжайте воевать за наши высокие идеалы!... Мы обещаем вам вернуть вас в колхозы... с помощью нежной заботы нашего НКВД... Вперёд, товарищи!

Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии И. Сталин».[18]

До середины октября 1941 года над окружёнными советскими войсками немецкие самолёты разбросали колоссальное количество листовок – 336.000.000, и это помимо агитации по радио и с помощью громкоговорителей, в которой также много раз звучала тема «иудеобольшевизма».[19]

Немцы использовали дезертиров в целях пропаганды. Дезертиры, преимущественно командиры, обращались с призывами к солдатам своих подразделений переходить на сторону немцев и рассказывали о хорошем отношении к пленным. Бывало, что офицеры возвращались в свои части, в основном, когда они попадали в окружение, чтобы убедить их сдаться. Так, в октябре 1941 года вернулся в окружённые в районе Вязьмы части дезертировавший полковник Тихонов, и в одном из полков ему удалось убедить двух командиров батальонов перейти на сторону немцев. Но третий батальон убедить ему не удалось, командиром этого батальона был еврей.[20]

В ходе войны произошли изменения в акцентах немецкой

пропаганды. Убедившись в том, что выпады против комиссаров, политруков ожесточают их во время военных действий, немцы изменили линию поведения и стали призывать комиссаров и политруков сдаваться, обещая им отношение не хуже, чем к остальным пленным.[21] Но антиеврейская направлениность немецкой пропаганды не изменялось на протяжении всей войны.[22]

И при агитации советских партизан прекратить борьбу упоминается антиеврейский мотив. Вот что говорилось в одной немецкой прокламации:

«Международный большевик Сталин... хрипло кричит: «За родину!»... Почему? Этот прожжённый мошенник знает, что для международных большевистских и капиталистических ублюдков никто из вас больше не будет жертвовать жизнью. Так он призывает вас национальными лозунгами к бессмысленному сопротивлению тем, кто единственно может освободить Россию, вашу Родину... Освободитесь от еврейской отравы... Мы даём вам свободу, работу, хлеб. Долой Сталина! За родину! Переходите к нам с призывом «Долой Сталина!».[23]

Нет исследования степени влияния немецкой пропаганды на солдат Советской Армии и партизан, а также нет данных, сколько из трёх миллионов советских солдат, попавших в немецкий плен до конца 1941 года, дезертировали или были вынуждены сдаться под влиянием немецкой пропаганды. Точно так же нет данных о степени влияния еврейской темы на дезертирство.

После первых месяцев поражений и отступления, когда положение Красной Армии улучшилось, уменьшилось влияние немецкой пропаганды. Вероятно, эта пропаганда усиливала антисемитизм в Красной Армии, но, с другой стороны, она заставляла еврейских солдат мужественно воевать и не сдаваться. Еврейский солдат пехотной дивизии Украинского фронта вспоминал, как осенью 1941 года, в бытность его на оборонительной позиции, перед атакой немцев к нему обратился товарищ-украинец и сказал: «*Тебе страшно, я могу сдаться в плен, а ты – нет*».[24] Солдаты-евреи знали, что это высказывание справедливо, ибо в листовках им разъяснялось, что их ждёт в немецком плену. Солдат-еврей, который воевал в окружённом Ленинграде осенью 1941 года, писал: *«Тёмными вечерами мы слышали по немецким громкоговорителям призывы убивать жидов и комиссаров»*. По словам этого солдата, в те дни шесть солдат из его роты дезертировали и перешли на немецкую сторону. Другой солдат-еврей, воевавший на фронте на севере России, рассказывал о листовках, разбрасываемых с немецких самолётов над их позициями, с лозунгами: *«Убивайте евреев-политруков!»*. Этот солдат-еврей собрал несколько листовок и сжёг их, но его русский сослуживец собрал вокруг себя солдат-земляков из Рязани, прочитал вслух листовку и в конце отметил: *«То, что написано, правда. Вся война из-за евреев»*.[25]

Советская система пропаганды, включая политотделы Красной Армии, не реагировала на немецкие высказывания о том, что война, кро-

вопролитие и страдания народов Советского Союза служат интересам евреев. Вот как об этом писал историк Исаак Дойчер:

«…Когда гитлеровская пропаганда выступала с проповедями «против еврейской войны и еврейских комиссаров, разжиревших на ней» и призывала русских и украинцев восстать против них, сталинские пропагандисты отвечали обескураживающим молчанием. Он (Сталин) запретил им отвечать контрударом и разоблачать ужасающую жесткость гитлеровского антисемитизма. Он боялся… выглядеть защитником евреев… Он боялся позитивного отклика на антисемитизм, и воодушевления... врагов евреев среди русских и украинцев на оккупированных территориях».[26]

Несмотря на центральный мотив немецкой пропаганды, представляющий войну как битву с иудео-большевизмом, не он являлся главной целью Гитлера в войне. У нацистской Германии было ещё много далеко идущих целей, например, установление немецкой гегемонии в Европе, осуществление исторической миссии «движения на Восток», массовое заселение немцами европейского пространства Советского Союза и его экономическая эксплуатация. Уничтожение Советского государства и иудео-большевизма – иными словами, уничтожение всех евреев – прекрасно сочеталось с подлинными стратегическими и идеологическими целями Германии. Нацистам приходилось скрывать свои экспансионистские цели, так как они могли объединить народы Советского Союза в борьбе против Германии, зато обозначение иудео-большевизма в качестве основной цели и причины войны служило на пользу Германии и в широких слоях населения Советского Союза, и в немецком народе, и среди других народах Европы.

Хотя в немецкой пропаганде, касающейся войны с иудео-большевизмом, не говорилось открыто о тотальном истреблении евреев, но она готовила почву для него. В глазах оккупационных властей – СС, армии и гражданской администрации, в руки которых была отдана судьба евреев на оккупированной территории – этот пропагандистский лейтмотив оправдывал приведение в действие политики уничтожения евреев, диктуемой высшим нацистским руководством.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Wilhelm, *Rassenpolitik...*, p. 111.
2. Степашин и др., *Органы...*, т. I, Док. 49, 103, 107, 110, 111, 115, 118, 122, 123, 128, 132, 134.
3. Георгий Куманев. *22 июня 1941 г.*, Газета «Правда», 22 июня 1989 г. (далее: Куманев, *22 июня...*).
4. Tucker, *Stalin in Power...*, pp. 621-625; Bullock, *Hitler and Stalin...*, pp. 712-714.
5. Куманев, *22 июня...*
6. М.М.Кирьян и др. (ред.). *Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг. Словарь-справочник*. – Москва, 1988, с. 12, 15 (далее: Кирьян, *Великая Отечественная...*).
7. И. Сталин. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. – Москва, 1950, с. 20, 27 (далее: Сталин, *О Великой...*).
8. О быстром продвижении немецкой армии см.: *Великая Отечественная война, 1941-1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник.* Под общ.

ред. О.А. Ржешевского. – Москва, 1990, с. 10-14 (далее: Ржешевский, *Великая...*); Александр Вирт. *Россия в войне 1941-1945 гг.* (иврит). – Тель-Авив, 1968, т. 1, часть 2 (далее: Вирт, *Россия в войне...*).

9. Об эвакуации см. далее главу 11.
10. Г.Ф. Кривошеев (ред.), *Гриф секретности снят, Потери Вооружённых Сил СССР.* – Москва, 1993, с.141-143 (далее: Кривошеев и др., *Гриф...*). По советским данным, количество погибших солдат до конца 1941 года составило более 800.000 человек, а число раненых превысило 1.250.000 человек. Количество «пропавших без вести», главным образом попавших в плен, составляло 2.335.500 человек.
11. Dallin, *German Rule...*, p. 427; Schulte, *The German...*, p. 203. Логично предположить, что немецкие данные о количестве военнопленных ближе к действительности.
12. Wilhelm, *Rassenpolitik...*, p.108.
13. Институт истории АН СССР. Документы и материалы, Инв. 148, с. 19-23, 26, 27.
14. Deutschland und die Ukraine, Osteuropa Institut, Zweiter Band, pp. 12, 157-159.
15. Ortwin Buchbender. *Das Tonende Erz, Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg.* – Stutgart, 1978, pp. 25-33, 53 (далее: Buchbender, *Das Tonende...*).
16. *Ibid*, p. 55.
17. *Ibid*, p. 69, 101.
18. United States Holocaust Memorial Museum Archive, Mogilev file, RG-53002-M, reell 5 (далее: USHMMA).
19. Buchbender, *Das Tonende...*, p. 61.
20. *Ibid*, p. 92-93.
21. *Ibid*, p. 160-164, 200, 208. Это изменение в линии пропаганды произошло весной-летом 1942 г.
22. *Ibid*, p.183-185, 199-201. В листовках, распространявшихся весной и летом 1942 года и обращённых к советским солдатам, продолжаются высказывания вроде «Сталин и его прислужники ведут вас к верной гибели во имя интересов евреев и международного капитала». В документе ОКВ от 1 сентября 1942 года, озаглавленном «Инструкции по активной пропаганде в Советской Армии», повторяется лейтмотив: «Немецкая армия и её союзники воюют не с народами Советского Союза, а с иудео-большевистской системой…».
23. Bundesarchiv-Militararchiv, Freiburg, RH-23/26 (далее: BA-MA). Опубликовано не ранее начала 1942 года.
24. Архив Яд Вашем, 03/4822, Свидетельство Абрахама Вайна, с. 9-11 (иврит). О солдатах-евреях в немецком плену см. далее главу 34.
25. Л.А. Айзенштат и др. (ред.). *Книга Живых.* – Санкт-Петербург, 1995, с. 235, 345 (далее: Айзенштат, *Книга Живых...*).
26. Issac Deutscher. *Stalin*. – New York, 1990, p. 590 (далее: Deutscher, *Stalin...*). Цитируется по дополнению, написанному Дойчером в оригинале его книги, изданной в 1961 г.

ГЛАВА 11

ЭВАКУАЦИЯ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

А. ОРГАНИЗАЦИЯ И УСЛОВИЯ ЭВАКУАЦИИ

Благодаря огромным размерам Советского Союза и тому, что немцы не захватили в ходе войны большую часть его территории, гражданское население, в частности, те специалисты, в которых нуждалась страна, имели возможность эвакуироваться. Советские власти организовали эвакуацию учреждений и предприятий с территорий, находившихся под угрозой оккупации. Так были вывезены миллионы людей. 24 июня 1941 года, спустя два дня после нападения Германии, в СССР был создан Совет по эвакуации. 27 июня Центральный Комитет компартии и Совет Народных Комиссаров разработали порядок эвакуации. Вот как был определён порядок предпочтения при проведении эвакуации:

«В первую очередь эвакуации подлежат:

А - важнейшие промышленные ценности (оборудование, важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючее, хлеб) и другие ценности, имеющие государственное значение.

Б - квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуированными с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодёжь, годная для военной службы, ответственные советские, партийные работники. Все ценное имущество, сырьевые и продовольственные запасы, хлеба на корню, которые при невозможности вывоза и оставления на месте могут быть использованы противником... должны быть разрушены, уничтожены и сожжены...»[1]

Третьего июля вышло распоряжение об эвакуации с территорий вблизи прифронтовой полосы учеников профессиональных училищ, а также колхозного и совхозного скота и тракторной техники.[2]

В начале июля главой Совета по эвакуации был назначен Николай Шверник, член Политбюро. Членами совета стали заместители председателя Совета Народных Комиссаров А. Косыгин и А. Микоян, а также представители командования армии и НКВД и различных комиссариатов.[3]

Совет определил организационные основы: зоны эвакуации в зависимости от положения на фронтах, транспортные средства и расписание движения, места будущего размещения предприятий, учреждений и человеческих ресурсов, ответственность за их прием и обустройство в этих местах. Практическое осуществление эвакуации поручалось местным советам по эвакуации, созданным в республиках, находившихся под угрозой оккупации; они подчинялись непосредственно Совету по эвакуации. В местах отправления и прибытия эвакуированных заработали «эвакопункты», которые заботились об отправке, приеме, питании и медицинском обслуживании людей на пути следования.

Совет по эвакуации действовал в соответствии с указаниями Цент-

рального Комитета компартии, Совета Народных Комиссаров и Государственного Комитета Обороны (ГКО), созданного 30 июня 1941 года во главе со Сталиным. Пятого июля Совет Народных Комиссаров утвердил порядок действий по эвакуации, согласно которому решение о вывозе гражданского населения из зоны военных действий и из прифронтовой полосы, находящейся под угрозой захвата, должно было приниматься командованием армии. Решение об эвакуации с территорий, пострадавших от воздушного обстрела, должно было приниматься Советом по эвакуации.[4]

Только 26 сентября 1941 года в рамках Совета по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения. Оно занималось исключительно теми, чьи знания или профессиональная подготовка требовались для приведения в действие эвакуированных предприятий и учреждений, а также семьями членов партийного, государственного и военного аппаратов. Параллельно вывозились дети, в основном, из больших городов, подвергшихся обстрелу с воздуха, таких, как Москва и Ленинград.[5]

До войны в СССР не было разработано никаких планов по эвакуации в силу концепции, утверждающей, что всякая война будет вестись на территории врага. Такой взгляд на вещи не предполагал самой возможности отступления. Поэтому теперь пришлось импровизировать при планировании вывоза тысяч предприятий, в основном тех, чья продукция была жизненно необходима для фронта, а также миллионов людей, которые беспорядочно двинулись на восток. По приказу Государственного Комитета Обороны следовало:

«Выдавать продукцию до последней возможности! Начинать демонтаж лишь по приказу уполномоченного Государственного Комитета Обороны или Наркомата!»[6]

В результате многие предприятия начинали вывозить лишь тогда, когда враг уже находился поблизости, а случалось, что предприятия и рабочих с семьями так и не успевали эвакуировать. Дополнительная причина отсрочек эвакуации заключалась в нежелании властей сеять панику среди населения территорий, которым грозила оккупация. Средства массовой информации передавали лживооптимистические сведения о положении на фронтах, что приводило к задержкам в проведении эвакуации.

Решения об эвакуации были приняты уже в самом начале войны, однако прошло несколько месяцев, пока дело наладилось. Из Белоруссии, почти полностью захваченной в первые недели войны, было эвакуировано лишь небольшое количество предприятий, в основном из восточных областей республики, Витебской и Гомельской. Из Украины, захват которой немцы завершили только к концу октября 1941 года, вывезли больше предприятий. Эвакуация коснулась также и промышленности Московской и Ленинградской областей. Всего с июля по ноябрь 1941 г. выехали 1.523 предприятия, главным образом в район Поволжья, на Урал, в Сибирь и Центральную Азию. Органы, занимавшиеся эвакуацией, вывозили также научные и культурные учреждения:

институты, театры, музеи, архивы и т.п. Для перевозок людей и оборудования потребовалось полтора миллиона железнодорожных вагонов.[7] До конца 1941 года было эвакуировано около 12.000.000 человек.[8] В течение лета и осени 1942 г., когда немецкая армия продвинулась на Кавказ и к Сталинграду, была проведена ограниченная эвакуация из этих районов.

Б. ЕВРЕИ В НЕРАЗБЕРИХЕ ЭВАКУАЦИИ И БЕГСТВА

В советских источниках информации отсутствуют записи о национальной принадлежности эвакуируемых, поэтому определить точный процент евреев среди них невозможно. Между тем от этого зависит установление числа советских евреев, оставшихся на оккупированных Германией территориях. Предполагаемое количество эвакуированных и бежавших среди евреев оккупированных территорий можно вычислить, исходя из данных переписи населения за 1939 год, из анализа условий проведения эвакуации и причин бегства, а также сопоставления этих факторов с немецкими рапортами или другими источниками, содержащими информацию об уничтоженных евреях.

Советское правительство было осведомлено о преследованиях евреев нацистской Германией, о заключении их в гетто на территории оккупированной Польши, однако эта информация никак не повлияла на отношение властей к евреям при эвакуации.[9] Правда, при установлении порядка предпочтения в эвакуации советское правительство еще не знало о нацистских планах тотального уничтожения евреев. Планы эти стали приводиться в действие одновременно с вторжением Германии в СССР. Таким образом, евреи имели возможность эвакуироваться, как и остальное население, согласно общим правилам. Преимущество при эвакуации справедливо предоставлялось промышленным предприятиям и ресурсам, необходимым для ведения войны, а вопрос эвакуации евреев наверняка так и не был поставлен на повестку дня ни в верхах советского правительства, ни в Совете по эвакуации, ни в эвакопунктах на местах. Какое-либо предпочтение евреев при эвакуации несомненно усилило бы антисемитские настроения среди населения, а также служило бы подтверждением главного довода немецкой пропаганды, что в СССР стоят у власти жидо-большевики.

Возможность бегства евреев на восток вне рамок организованной эвакуации зависела от следующих факторов:

- информации об отношении немцев к евреям и осознания их будущего под немецкой властью;
- времени, которым они располагали до появления немцев в местах их проживания или до отрезания путей сообщения из этих мест;
- транспортных средств, имевшихся в их распоряжении.

Евреи территорий, аннексированных Советским Союзом в 1939 – 1940 годах, знали об отношении нацистов к евреям еще со дня прихода Гитлера к власти, получая сведения из средств массовой информации своих стран, из уст еврейских беженцев из Германии, а также благодаря деятельности различных еврейских организаций и общин, высту-

павших против нацистского преследования евреев.

Евреи, жившие в границах СССР, существовавших до сентября 1939 года, сведения о происходящем с евреями в Германии получали из публикаций в советских средствах массовой информации в очень ограниченном объёме. Погромы «Хрустальной ночи» были почти единственным событием, которое широко освещалось в советской прессе, в частности, в газете «Правда», центральном органе печати коммунистической партии.[10] Публикации эти явились реакцией на подписание Мюнхенского договора и на вступление немецких войск в Чехословакию – события, в которых Советский Союз видел выпад против себя со стороны Германии. А после подписания договора Молотова – Риббентропа информация о гонениях на евреев вообще перестала появляться в печати. Большинство евреев не предполагало, что ждет их под немецкой властью. Вот что пишет по этому поводу Анатолий Кузнецов, свидетель уничтожения киевских евреев, в книге «Бабий Яр»:

«Когда был опубликован приказ [о переселении], девять десятых евреев и не слышали ни о каких жестокостях по отношению к евреям со стороны фашистов. Советские газеты, до самого начала войны, расхваливали и превозносили Гитлера – лучшего друга Советского Союза, и ни словом не упоминали о положении евреев в Германии и Польше... Напротив, старики много рассказывали о том, что когда немцы были на Украине в 1918-м году, они не причинили евреям вреда, напротив, относились к евреям неплохо...»[11]

Воспоминания о немецкой оккупации 1918 года, во время которой евреи не пострадали от дискриминации, явились одной из причин, по которой евреи, особенно пожилые люди, решили не бросать свои дома.[12] Когда в первые дни войны пожилой еврейской паре из местечка Чашники, что к югу от Витебска, Белоруссия, было предложено эвакуироваться, супруги отказались, мотивируя свой отказ тем, что «когда была первая мировая война, немцы их не трогали, не тронут и сейчас».[13]

В первые месяцы войны никто не предполагал тотального уничтожения. Евреи даже на аннексированных территориях ожидали преследований и гетто, но никак не физического уничтожения. Вот запись из дневника вильнюсского еврея во второй день войны, 23 июня 1941-го:

«Что делать? Люди стоят на порогах домов и наблюдают за происходящим... А вот и беженцы, здесь один, там другой. Что же мне предпринять? Не нахожу в себе сил взять посох странствий и пешком пуститься в путь... я остаюсь... Нет сомнений, что Вильнюс будет захвачен... Евреи будут отправлены в гетто...»[14]

Другой еврей, на Волыни, 25 июня записал:

«На сердце у меня неспокойно, как будто кто-то шепчет мне на ухо: «Беги в Россию... здесь произойдет что-то ужасное... евреи будут убиты...», но другой голос, голос холодного рассудка, отвечает: «Что значит убиты? Разве убивают людей просто так? Конечно, будут наложены ограничения, запреты, как в оккупированной Польше...»[15]

Советские евреи стали первыми жертвами германской политики тотального уничтожения. После немецкого вторжения прошли месяцы, прежде чем они поняли, что под нацистской властью их ждет полное истребление. Тем временем в руки Германии попали обширные западные регионы СССР, где жило очень много евреев. Как было сказано выше, время, прошедшее между началом вторжения немецких войск в СССР и захватом ими того или иного места проживания евреев являлось одним из факторов, определяющих число евреев, сумевших бежать оттуда на восток. Западные регионы страны были завоеваны Германией ранее восточных – соответственно из первых меньше евреев эвакуировалось или бежало в глубь СССР. Кроме того, поскольку стратегия немецкой армии основывалась на стремительном наступлении бронетанковых войск и захвате центральных развязок путей сообщений, большая часть дорог эвакуации из городов на восток оказалась перерезана еще до того, как были захвачены сами эти города.

В. ЭВАКУАЦИЯ И БЕГСТВО С АННЕКСИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Большинство территорий, аннексированных Советским Союзом в 1939 – 1940 гг. – Литва, Латвия, часть Эстонии, Западная Белоруссия и Минская область, Западная Украина, Бессарабия и Северная Буковина – были захвачены еще до начала организованной эвакуации. Только представители местной партийной и государственной администрации, милиция и семьи советских офицеров были вывезены на машинах и поездах в считанные дни и даже часы до прихода немцев.

Те, кто все-таки решились по собственной инициативе на эвакуацию, столкнулись с массой трудностей: счастливчики могли сесть на поезд или, если им разрешали, на военную машину, остальные шли пешком или ехали на телегах. Немцы бомбили с самолетов составы с беженцами, и пассажиры выведенных из строя поездов вынуждены были продолжать путь пешком. Множество людей, обнаружив, что дороги на восток отрезаны, вернулось в места своего проживания, другие осели в различных населенных пунктах по пути следования. Беженец из Вильнюса свидетельствовал:

> *«Люди с котомками хлынули из города... устремились на восток – спасаясь бегством от эпидемии... Как саранча налетают немецкие самолеты, гоняясь за отдельными людьми... Немцы догнали нас в районе Ошмяны. Мы возвращаемся тем же путем, по которому бежали... Мы снова в городе...»*[16]

Другая проблема, с которой столкнулись беженцы из аннексированных областей, заключалась в переходе старой границы СССР, остававшейся закрытой и после присоединения Западной Белоруссии, Западной Украины и стран Балтии. До войны для ее перехода требовалось специальное разрешение. В некоторых пограничных пунктах советские пограничники продолжали требовать такие разрешения и после начала войны. Тысячи беженцев скопились на железнодорожных станциях и пространствах, открытых немецким самолетам, и ждали, кто разреше-

ния вышестоящего начальства пересечь границу, а кто бегства самих пограничников.[17]

Состав с беженцами из Вильнюса был остановлен на границе возле местечка Радошковичи, оттуда пропустили только членов компартии и их семьи. Остальные пассажиры, все евреи, были вынуждены вернуться в Вильнюс либо искать временного пристанища в других местах.[18] В районе Себежа на старой границе между Латвией и СССР на несколько дней были задержаны тысячи литовских и латвийских евреев – в итоге большинство вернулось назад. Множество тех, кто в конце концов получил разрешение на пересечение границы, позднее попало в руки к немцам, так как время было упущено.[19]

Число евреев, проживавших на аннексированных Советским Союзом территориях, включая беженцев из захваченных Германией областей, составляло 2.120.000 – 2.150.000 человек.[20] Почти все эти земли были оккупированы немцами уже в первые десять дней войны, и эвакуироваться оттуда было чрезвычайно трудно из-за быстрого продвижения немецкой армии и царившей неразберихи.

В Западной Белоруссии, Западной Украине и Вильнюсской области проживало 1.600.000 евреев, из них около 250.000 были еще до войны сосланы в глубь СССР. Тогда же 20.000 – 25.000 евреев завербовались на работу в СССР в его старых границах. Во второй половине 1940-го и в весенние месяцы 1941-го годов были призваны на службу в армию шесть возрастных групп, молодежь 1917 – 1922 годов рождения, и к началу войны часть из них еще находилась в армии. Число призванных в армию из Западной Белоруссии и Западной Украины приблизительно составляло 150.000, из них 30.000 – 35.000 были евреями. Таким образом, количество евреев, находившихся в июне 1941года, накануне немецкого вторжения, на бывших польских территориях, присоединенных к Советскому Союзу, можно оценить в 1.270.000 – 1.300.000 человек.[21]

Продвижение немецкой армии по территории Западной Белоруссии, находящейся на главном направлении на Москву, проходило очень быстро. Западная Белоруссия была полностью оккупирована к концу первой недели войны. Немцы вошли в Гродно 22 июня, в Белосток и Барановичи – 27июня. Вильнюс, беженцы из которого устремились в Белоруссию, был оккупирован 24июня. Захват Двинска (Латвия) 26 июня и Минска 28 июня привел к тому, что Западная Белоруссия оказалась отрезанной от СССР, и бегство стало невозможным. В Полесье (юго-запад Белоруссии) немцы продвигались медленнее из-за болот, и город Пинск был захвачен только 7 июля.

На Западной Украине немецкая армия столкнулась с более яростным сопротивлением, что и отразилось на скорости ее продвижения. Основные города Украины были захвачены только во вторую неделю войны: Львов – 30 июня, Тернополь и Станислав (Ивано-Франковск) – 2 июля.

Имеются оценки числа эвакуированных и беженцев из Вильнюса и Волынской области. Большая часть Волыни, включая такие крупные

еврейские центры, как Луцк и Ровно, была захвачена в первую неделю войны. Предположительно около 5% от 250.000 волынских евреев эвакуировались или бежали на Восток.[22] Из Вильнюса бежали либо эвакуировались около 3.000 евреев – примерно 5% от 60.000 его еврейских жителей.[23]

Условия эвакуации и бегства из областей Западной Белоруссии и Западной Украины в целом не отличались от условий на Волыни и в Вильнюсе. Правомерно предположить, что и в этих регионах число евреев, своевременно покинувших места своего жительства, не превышает пяти процентов от общего числа еврейского населения, т.е. составляет 65.000 – 70.000 человек. Общее число евреев – бывших польских граждан, оказавшихся в старых границах СССР, включая и тех, кто находился там до 22 июня 1941 г., было 355.000 – 390.000 человек.[24] Эти цифры более или менее совпадают с числом бывших польских граждан еврейской национальности, переживших войну и вернувшихся, в большинстве, в Польшу в рамках соглашений о репатриации между Польшей и Советским Союзом, подписанных в 1944-1945 гг., а также с приблизительным числом погибших в СССР и на фронтах войны.[25]

Число евреев, оставшихся под немецкой оккупацией на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины, оценивается в 1.200.000 – 1.230.000. Из этого числа необходимо вычесть несколько тысяч евреев, погибших при бомбежках во время эвакуации или на местах проживания.

В странах Балтии накануне Второй мировой войны проживало около 250.000 евреев. Немецкая армия в считанные дни захватила Литву и Латвию. В Литве немцы вошли в Каунас 25 июня. Захват в Латвии Двинска (Даугавпилса) отрезал основной путь эвакуации и бегства из Литвы.

Число литовских и латышских евреев, занятых на службе в государственном и партийном аппарате, было несколько выше числа аналогичных служащих в Западной Белоруссии и Западной Украине. Соответственно больше их включили, вместе с семьями, в процесс экстренного вывоза аппаратчиков, и им предоставили хоть какие-то транспортные средства. Одновременно в Литве вспыхнуло антисоветское восстание. Восставшие перерезали пути на восток и открыли огонь по солдатам отступающей Красной Армии, а вместе с ними и по беженцам.

Из 150.000 евреев – жителей Литвы в ее границах до Второй мировой войны, включая около 3.000 беженцев, 2.000 или 2.500 человек были высланы в глубь СССР в период советской власти. Согласно приведенным выше примерным оценкам, туда же бежали из Литвы около 8.500 евреев. Сотни, а может быть, и тысячи погибли в пути под бомбежками либо от рук литовских повстанцев. Под немецкой оккупацией осталось примерно 138.000 – 140.000 человек (не включая Вильнюс и его предместья).[26]

Из 92.000 евреев Латвии около 2.000 были сосланы в глубь Советского Союза до войны. Здесь число эвакуировавшихся и бежавших

евреев представляется несколько более высоким, чем в Литве. Территориальная близость к старым границам СССР не только сокращала дорогу к спасению, но и предоставила в распоряжение беженцев еще несколько дополнительных дней. Определенный процент евреев-мужчин был мобилизован в армию и в различные полувоенные структуры. Сражаясь, они отступали в Эстонию, а оттуда дальше на восток. Общее число эвакуированных, беженцев и мобилизованных латышских евреев составляет 14.500 – 15.000 человек.[27] В оккупированной Латвии осталось 74.000 – 75.000 евреев.

Последней из стран Балтии была захвачена Эстония. Ее столица Таллинн, где проживало большинство евреев страны, пала 28 августа 1941 г. Примерно 2.500 из 4.500 эстонских евреев были эвакуированы в глубь СССР, а еще 500 сосланы до вторжения Германии. Под оккупацией оказалось 1.200 – 1.500 евреев.[28]

В Бессарабии немецкая и румынская армии продвигались медленней, чем на других участках фронта, что позволило эвакуироваться относительно большому числу евреев. Города с большим количеством еврейских жителей были оккупированы в следующей последовательности: Бельцы 9 июля и Кишинев 16 июля. Местные власти начали эвакуацию государственных учреждений уже в начале июля, и тысячи евреев двинулись через Днестр. Власть оказывала помощь беженцам при переправе через Днестр, а далее в их распоряжение предоставлялись составы, идущие на восток. Из 200.000 евреев, которые, по примерным оценкам, проживали в Бессарабии накануне немецкого вторжения, 35.000 – 40.000 бежали, эвакуировались, либо были мобилизованы в армию. Позже часть их попала в руки к немцам и погибла в Одессе и других местах на юге Украины. В оккупированной Бессарабии осталось 160.000 – 165.000 евреев.[29] Эта цифра включает в себя 35.000 евреев – жителей Хотина и окрестностей, входивших в Бессарабию. В августе 1940-го Советский Союз аннексировал этот район и присоединил к Черновицкой области, превратив его, таким образом, в часть Северной Буковины в составе советской Украины.

Северную Буковину немцы захватили в течение первых двух недель войны – быстрее, чем Бессарабию; уже 5 июля германская армия вступила в Черновцы. Условия для эвакуации и бегства здесь были схожи с положением на Западной Украине. Число евреев, проживавших на территории Северной Буковины накануне немецко-румынского нападения, оценивается в 70.000 – 72.000. Предположительное количество эвакуированных, беженцев и мобилизованных в ряды Красной Армии – 3.500 – 4.000. Таким образом, в Северной Буковине, не включая Хотин и окрестности, остались под оккупацией около 67.000 евреев.[30]

Суммируя данные, приведенные выше, можно определить примерное число евреев, эвакуированных или бежавших с аннексированных территорий в глубь СССР. Если к этой цифре прибавить число умерших по пути следования, получается около 425.000 – 470.000 человек. Тогда число евреев – жителей аннексированных Советским Союзом территорий, оказавшихся под немецкой оккупацией, составляет 1.640.000 – 1.720.000 человек.

Г. МОБИЛИЗАЦИЯ И ЭВАКУАЦИЯ В СТАРЫХ ГРАНИЦАХ СССР (ДО 17 СЕНТЯБРЯ 1939 Г.)

На территориях, находившихся в границах Советского Союза до его вторжения в Польшу 17 сентября 1939 г. и завоеванных Германией до конца 1941 года, проживало примерно 68% всего еврейского населения СССР – 2.120.000 евреев. Эта цифра основывается на данных переписи населения, проведенной в январе 1939 года, с прибавлением 2,35% за счет естественного прироста еврейского населения с момента переписи до нападения Германии на СССР. Таблица, приведённая ниже, показывает распределение еврейского населения по областям, захваченным Германией до конца 1941-го года:

Регион	Время оккупации (1941 г.)	Области	Число евреев	Процент к числу евреев СССР
А	С 28 июня по конец июля	Минская, Витебская, Могилевская, Смоленская, Житомирская, Каменец-Подольская, Винницкая, западные районы Киевской области (без Киева)	763.000	24,6%
Б	август – сентябрь	Николаевская, Гомельская, Киевская (Киев и восточные районы), Кировоградская, Днепропетровская, Черниговская, Одесская (без Одессы), Полтавская, Молдавия, Полесье	728.000	23,3%
В	октябрь – ноябрь	Запорожская, Сумская, Одесса, Сталинская, Ростовская, Харьковская, Крым (кроме Севастополя), Курская, Орловская, Калининская	627.000	20,2%
Всего			2.118.000	68,2%

Призыв в армию

Для определения количества евреев, эвакуированных и бежавших из регионов, захваченных Германией до конца 1941-го года, необходимо установить число служивших тогда в рядах регулярной армии. В ней к началу войны находились призывники 1919-го, 1920-го, 1921-го и 1922-го годов рождения, среди них 3,4% еврейского населения страны, что составляло примерно 72.000 человек. В первый день войны было объявлено о мобилизации мужчин 1905 – 1918 гг. рождения. С учётом того, что около 20% кандидатов в итоге не были призваны либо по состоянию здоровья, либо из-за «брони» с места работы и по другим причинам, количество мобилизованных должно было бы составить примерно 11,4 % еврейского населения, или 240.000 человек. Но на территориях, захваченных в первые 10 дней войны, в основном в Восточной Белоруссии (Минск и окрестности), вследствие царившего беспорядка были мобилизованы не все военнообязанные, а на 10.000 – 12.000 человек меньше, чем из других областей. Если соответственно уменьшить возможное количество мобилизованных, то в итоге обнаруживается, что в рядах регулярной армии после начала войны находилось около 300.000 евреев. За вычетом их получается, что тогда в регионах, оккупированных до конца 1941-го, жило около 1.800.000 евреев.[31]

Эвакуация из региона «А»

Эвакуация из региона «А», особенно из его западных областей, проводилась в чрезвычайно трудных условиях. Главный удар немецкой армии направлялся на Москву, а путь к ней пролегал через центр Восточной Белоруссии, основная часть которой была захвачена в первые недели войны. Минск пал уже 28 июня, но еще раньше немцы отрезали пути сообщения, ведущие из города на восток. Вот одно из свидетельств о попытке бегства из охваченного паникой Минска:

> *«В первый день войны меня, как хирурга – специалиста, назначили главврачом госпиталя в Минске. Мы не успели развернуть работу… Мы направились из горящего города на Восток, но в районе города Смолевичи фашисты преградили нам путь и мы вынуждены были вернуться в Минск».*[32]

Уже в ночь на 25 июня, за три дня до захвата, Минск тайно покинули лидеры Белоруссии во главе с секретарем Компартии Белоруссии Пантелеймоном Пономаренко. Управленческая верхушка отправилась в Могилев, не позаботившись об организации эвакуации и не предупредив жителей. Только 26 июня гражданское население начало понимать ситуацию. Однако немцы уже находились на подходах к городу и почти все пути для бегства из Минска были отрезаны немецкими десантниками, сброшенными с воздуха. Можно предположить, что только 5.000 – 7.000 из 72.000 минских евреев (от семи до девяти процентов еврейского населения) сумели бежать.[33]

Бегство из городов и местечек, расположенных восточнее Минска, также было связано с огромными трудностями, и лишь немногие

их преодолели. В результате быстрого продвижения немецких войск и захвата Витебска, Полоцка и Городка до середины июля оказались отрезаны пути из городов и местечек северо-восточной Белоруссии (Чашники, Бешенковичи, Шумилино, Сенно, Улла, Ушачи и др.), в которых проживало немало евреев. Витебск с еврейским населением в 38.000 человек немцы взяли 11 июля. Чуть раньше из города были вывезены крупные промышленные предприятия, среди них текстильные фабрики, на которых работало 3.000 – 4.000 евреев. Свертывание производства началось еще 1 июля, однако эвакуация людей – только спустя 6 дней. Из Витебска было эвакуировано или бежало 58% еврейского населения – около 22.000.[34]

Бобруйск на юго-востоке от Минска захватили 29 июня; успели эвакуироваться только 7.000 – 8.000 из 27.300 евреев Бобруйска – 25 – 30%.[35]

Во многих населенных пунктах местные власти мобилизовали все работоспособное население на рытье окопов, из-за чего люди не имели возможности своевременно бежать. Власти скрывали от населения истинную информацию о продвижении немецкой армии и о подготовке к отступлению. Многие боялись бежать, когда это еще было возможно, поскольку самовольно оставивший место работы в военное время считался дезертиром, за что наказывали предельно сурово. А после бегства представителей местной власти остальным было, как правило, слишком поздно пускаться в путь. Вот что пишет об этом житель местечка Горки Могилевской области:

«12-го июля, в день, когда немцы вошли в Горки, мой отец вышел на работу... Был приказ не поднимать панику, люди, как обычно, вышли в тот день на работу, по радио передали, что бои идут в районе Бобруйска, а это довольно далеко от нас. Никто не ожидал, что они появятся в Горках... Еще утром выяснилось, что государственные служащие оставили город... В тот же день людской поток потек из города... Некоторые уходили по направлению к городу Горы, другие – в сторону Котелева, а оттуда в Смоленскую область. Тем, кто пошел на Горы, [немцы] перерезали путь, а тем, кто отправился другой дорогой, удалось пройти...»[36]

Аналогичная картина наблюдалась и в регионе «А» на Украине. Свидетельница из местечка Ильинцы Винницкой области рассказывает о попытках эвакуации:

«Тысячи евреев бежали из Западной Украины и проезжали через наш город. Измученные, грязные, с маленькими детьми... Мы с ужасом и сожалением смотрели на этих несчастных беженцев. Мы тоже готовились к отъезду, но страшно было двинуться с места... Мы были уверены в силе Советского Союза и никак не могли себе представить, что немцы войдут в наш город... Когда население обратилось к представителю райисполкома с просьбой получить эвакуационные листы, без которых нельзя было двинуться с места, он с криком отвечал: «Чего вы делаете панику. Немцы сюда не придут»... а немцы пришли».[37]

На Украине, как и в Белоруссии, довольно большое число евреев крупных городов выехало вместе с предприятиями и учреждениями в порядке организованной эвакуации. Так эвакуировались около двух третей из 30.000 евреев Житомира, захваченного немцами 9 июля. Остальные, приблизительно 10.000 человек, остались под оккупацией;[38] в Каменец-Подольске, захваченном 11 июля, из еврейского населения в 14.000 человек бежало или эвакуировалось 4.000 – 5.000;[39] из Бердичева, важнейшего еврейского центра, захваченного 7 июля, сумело бежать около трети из 24.000 местных евреев;[40] из Белой Церкви, захваченной 17 июля, бежала треть из 9.500 еврейских жителей; в областном центре Виннице с еврейским населением в 34.000 человек, захваченном 21 июля, проводилась организованная эвакуация учреждений и предприятий, и около 17.000 евреев покинули Винницу;[41] из Умани, захваченной 30 июля, сумели выбраться около 6.000 из 14.000 евреев.[42]

16 июля был захвачен Смоленск. Это были первые оккупированные районы Российской Федерации. Здесь продвижение немцев к Москве было остановлено, и немецкая армия направила свои основные усилия южнее, на завоевание Украины. Из 15.000 евреев Смоленска бежало либо эвакуировалось на восток более 12.000.[43]

Число бежавших или эвакуировавшихся из небольших городов и поселков, где, как правило, не находилось значительных государственных учреждений и промышленных предприятий, было значительно меньше.

В регионе «А», который включает в себя большую часть Восточной Белоруссии, некоторые области Восточной Украины и Смоленскую область, жило всего примерно 763.000 евреев. Согласно приблизительным оценкам, 304.000 – 308.000 из них либо находились в рядах Красной Армии, либо своевременно покинули эти территории. Под немецкой оккупацией осталось 445.000 – 459.000 человек.

Эвакуация из региона «Б»

Эвакуация из региона «Б» проводилась с августа по сентябрь 1941-го. В этот период немецкая армия направила основной удар на центр Восточной Украины с ее столицей Киевом. 16-го сентября немецкие бронетанковые части, переброшенные с центрального фронта, соединились с частями, идущими с юга, и взяли в окружение весь центр Украины.

Сотни тысяч советских солдат и сотни тысяч евреев, не успевших эвакуироваться, оказались в ловушке. Немцы захватили следующие области и города Украины: Кировоград (захвачен 4 августа), Чернигов (9 августа), Николаев (17 августа), Полтава (18 августа), Киев (19 августа), Херсон (19 августа), Днепропетровск (25 августа); в юго-восточной Белоруссии немцы заняли Гомель (19 августа) и Полесье с областным центром Мозырь (22 августа). Большинство этих областей ранее входило в состав черты оседлости, и кроме евреев, живших в городах, немало их по-прежнему проживало в небольших местечках, эвакуация из

которых была очень ограничена.

Власти предоставили преимущество в эвакуации некоторым группам населения, которые, по мнению правительства, подверглись бы опасности под немецкой оккупацией. В армейском приказе от 29-го августа 1941 г. об эвакуации населения из регионов Украины, расположенных восточнее Днепра, сказано:

«...3. эвакуация семей кадровых военных, партийных активистов и местного инженерно-технического персонала, необходимо также эвакуировать семьи кадровых военных, партийных и государственных активистов и инженерно-технического персонала, эвакуированных ранее из регионов западного берега Днепра...»[44]

Здесь ни слова не сказано об эвакуации евреев.

Около 728.000 евреев проживало в регионе «Б». Его самый крупный еврейский центр – Киев – насчитывал 230.000 человек постоянного еврейского населения, к ним присоединились несколько тысяч беженцев с западных территорий. Организованная эвакуация из Киева началась уже в первые недели войны из-за массированных бомбардировок с воздуха. В донесении городского комитета коммунистической партии об эвакуации и ее причинах сказано:

«Фашистская авиация усилила бомбардировку... Дорогостоящее промышленное оборудование могло быть уничтожено... Из Государственного Комитета Обороны был получен приказ демонтировать промышленные предприятия, научные учреждения и институты и переправить их в восточные регионы СССР... В течение двух месяцев 197 предприятий были полностью вывезены в различные восточные области... 335.000 жителей Киева были эвакуированы».[45]

Эвакуация и бегство из Киева продолжались до захвата города. Не всем удалось бежать, поскольку приказ об эвакуации слишком запоздал. Одна из беженок свидетельствует:

«Когда гитлеровцы находились на расстоянии 10 км под Киевом... ночью с 17 на 18 сентября, я встала в 4 часа. Все рукописи и документы сожгла, попрощалась с матерью и с любимым сыном... На пункте отправки работников народного образования уже никого не застала. Пришлось самостоятельно пробиваться. По улицам Киева было колоссальное движение... Я узнала знакомого офицера санитарного батальона № 50. Меня потянули за руки в машину и я очутилась среди медсестер первой помощи. Нас провожали с воздуха бомбами немецкие летчики, мосты рвались, автомашины горели... 24-го сентября нас окончательно окружили... Оттуда шли мы врассыпную, кто как мог... Ближайшее село имело название Зеленовка.... В этой деревне видели разбросанные листовки, где было сказано: бей жидовских офицеров, спасай Россию!... и убивали. Стреляли в спину еврейским офицерам. Ужас! Трудно это описать пером... Утром я незаметно выбралась оттуда и пройдя пару километров очутилась в деревне недалеко от Полтавы... Когда я вышла во двор, увидела страшную картину: немцы срывали одеж-

ду девушек... Я сейчас же убралась оттуда. На пути встретила одну девушку. Вот она и передала мне, что там в деревне произошло. Оказалось, что немцы расстреливали группу еврейских медсестер. Перед тем, как их расстреляли, они сорвали с евреек одежду, и передали ее русским медсестрам, которые позже были отпущены домой... Я решила вернуться в Киев...»[46]

Из Киева эвакуировали государственные учреждения, высшие учебные и культурные заведения с большим количеством сотрудников еврейской национальности. Были также вывезены работники промышленных предприятий. По общим оценкам, эвакуировалось или ушли в армию около 165.000 киевских евреев, в городе осталось около 60.000 – 70.000 евреев.[47]

Крупные города, которые, как правило, являлись промышленными центрами и основными железнодорожными узлами, подвергались бомбардировке с воздуха – поэтому эвакуация из них началась относительно рано. Большинство евреев проживали в крупных городах, соответственно их отсюда эвакуировалось относительно больше.[48] Из Днепропетровска бежало две трети из 90.000 местных евреев,[49] из Херсона – две трети из 16.500 евреев.[50]

В зоне оккупации оказались также сельскохозяйственные еврейские поселения, среди них национальные еврейские районы Калининдорфа, Ново-Златополя и Сталиндорфа. Здесь проживало около 8.500 еврейских семей.[51] Некоторые еврейские колхозники были эвакуированы вместе с колхозным скотом в Саратовскую область.

Хотя у властей в этих районах было больше времени для подготовки эвакуации, отступление Красной Армии, бомбардировки и нехватка транспортных средств очень осложнили её проведение. То, что евреи не знали своей будущей судьбы под немецкой оккупацией, снижало их готовность эвакуироваться. Об атмосфере, в которой проходила эвакуация, рассказывает еврейская колхозница:

«Село Верховня Вчерайшайского района Житомирской области... Перед самой войной было еврейских семейств 25... Точных сведений по радио не передавали. Все время передавали, удерживают фронт в таком-то направлении. Газет в последнее время буквально по 2 – 3 недели не получали. Сказали, что можно эвакуироваться, но не обязательно евреям, сказали, что коммунистам надо эвакуироваться... Не было организованной эвакуации... Мы точных сведений не имели... Многие ощущали диктатуру, которая им надоела... многие не верили в то, что немцы убивают евреев поголовно... только за то, что они евреи».[52]

Часть колхозников, отправившихся в эвакуацию на телегах, запряженных лошадьми, со своим скотом, не смогли добраться до цели. Например, один из караванов в несколько сотен еврейских колхозников из колхоза Фрай Лебен, Сталиндорфского района, двигавшийся к Запорожью, попал в руки немецкой армии недалеко от села Чумки. Караванщиков, опознанных как евреев, расстреляли и закопали в ямах за селом.[53] Были, очевидно, и другие караваны с похожей судьбой.

Несмотря ни на что, большинство евреев этого региона, в особенности городское население, сумело эвакуироваться либо бежать. Об этом свидетельствуют отчеты айнзацгрупп. В отчете от 11-го сентября 1941-го года о положении на Украине сказано:

«Следует отметить, что 70 – 90% местных евреев бежало из каждого населенного пункта...»[54]

А в другом отчете, от 21-го сентября того же года, сказано:

«...Создается впечатление, что в городах, захваченных в рамках настоящей военной операции, была проведена подготовленная эвакуация... В таких городах, как Гомель и Чернигов, в прошлом с большим числом еврейских жителей (в Гомеле, например, 50% из 100.000 населения в целом были евреи), можно с трудом обнаружить отдельного еврея...»[55]

Из немецких источников информации о количестве евреев, расстрелянных в десяти украинских городах в августе – сентябре 1941-го (Днепропетровске, Николаеве, Кировограде, Херсоне, Балте, Прилуках, Павлограде, Ананьеве, Полтаве и Сталиндорфе), можно утверждать, что в среднем около 65 % евреев бежали либо эвакуировались.[56] Из Гомельской области и Полесья, захваченных во второй половине августа 1941-го, около 75% евреев благодаря местной инициативе и времени, имевшемся в их распоряжении, бежало либо эвакуировалось.[57]

Сведения немцев о числе евреев в зоне оккупации основывались на их оценке количества убитых в первые месяцы войны. Определенный процент евреев сумел в первые месяцы скрыть свое происхождение, но позднее они были обнаружены и уничтожены. Вот что сказано в одном из отчетов айнзацгрупп:

«Нам удалось полностью решить еврейскую проблему в небольших городах и селах, однако в более крупных городах было неоднократно замечено, что после каждой акции, в процессе которой, казалось бы, уничтожены все евреи, по прошествии некоторого времени, наши команды вновь находили в городе еврейское население в количестве, превышающем количество уничтоженных...»[58]

Согласно оценкам, число евреев, бежавших или эвакуировавшихся из региона «Б», составляет 353.000 – 390.000 человек, а мобилизованных в армию – около 80.000 человек. 258.000 – 295.000 евреев, или 35 – 40% еврейских жителей региона, остались под немецкой оккупацией. Относительно высокий процент эвакуировавшихся евреев можно объяснить высоким процентом работавших на предприятиях и в организациях, подлежавших эвакуации. Заодно с ними выехали члены их семей, а также другие евреи, не охваченные организованной эвакуацией.

Эвакуация из региона «В»

В регион «В» входят восточные области германской оккупации, занятые немецкими войсками с октября и до конца 1941-го года, когда они продолжали захват Восточной Украины и возобновили наступление на центральном фронте, пока их не остановили на подступах к Москве. В этот период из регионов, находившихся под угрозой захвата, включая

Москву, эвакуировалось население. На Украине эвакуация была проведена из следующих областей и городов: Запорожье (захвачен 4 октября); Одесса (16 октября); Сумы (21 октября); Сталино (21 октября); Харьков (25 октября).

В Российской Федерации эвакуация прошла в областях и городах: Орел (захвачен 3 октября); Калинин (17 октября); Курск (4 ноября); Ростов (21 ноября), а также в Крыму, не включая город Севастополь (немцы вошли в столицу области Симферополь 1 ноября; в Керчь – 16 ноября).

В регионе «В» проживало 627.000 евреев, основными их центрами были Одесса с еврейским населением, превышающим 205.000 человек, и Харьков, где жило около 133.000 евреев. В Одессе находились еще примерно 10.000 – 15.000 еврейских беженцев из Бессарабии и окрестных городов и местечек. Осада Одессы продолжалась с 5 августа до 16 октября 1941 года, когда город пал. Эвакуация из Одессы в Крым велась только морским путем. Свидетель эвакуации из Одессы историк С. Боровой рассказывает:

«С первых же дней войны в Одессу эвакуировались тысячи бессарабских евреев, а также многие из жителей близлежайших местностей (Тирасполь, Овидиополь и т.д.)... По самым приблизительным расчетам можно предположить, что из Одессы успело выехать 40 – 45% еврейского населения, включая мужчин, призванных в ряды Красной Армии – всего примерно до 100.000 человек. Несмотря на эвакуационные меры, невозможно было вывезти всех жителей... Одни остались потому, что боялись опасностей и трудностей эвакуации, другие – потому что не могли оставить больных и старых членов семейства, третьи не хотели расстаться с близкими, сражавшимися на обороне Одессы... были и такие, которые не допускали мысли, что фашисты убивают поголовно всех евреев...»[59]

Условия эвакуации из региона «В», не считая Одессы и полуострова Крым, были относительно приемлемыми. В распоряжении ответственных за эвакуацию имелось три – четыре месяца со дня начала войны, что дало возможность подготовиться к эвакуации и провести ее, когда возникла необходимость. Подавляющее большинство еврейского населения региона «В» проживали в крупных городах и работали в различных учреждениях и на промышленных предприятиях, которые впоследствии подлежали плановой эвакуации. Из Харькова, например, эвакуировали 108.000 – 110.000 из 133.000 еврейских жителей города – более 80%.[60]

Эвакуация из других украинских областей региона (Запорожской, Сумской, Сталинской, Харьковской – без самого Харькова) охватила около 70% еврейского населения, превысив 94.000 человек. Под оккупацией осталось чуть более 40.000.

Информация о преследованиях евреев на оккупированных немцами территориях стала тогда более доступной, и следовало бы предположить, что желание евреев бежать должно было возрасти.[61] Однако еще не все евреи понимали, что их ожидает под оккупацией, к тому же не

у всех была возможность эвакуироваться. Юноша из Мариуполя, куда немцы вошли 8 октября, вспоминал:

«Мы работали на заводе, разбирали станки и отправляли их в тыл, в Урал… В начале октября, утром, в город ворвались немцы. Мы и не представляли себе, что они были так близко. Просто из-за отсутствия информации… Отступать было невозможно, немцы перекрыли путь на Таганрог…»[62]

В Мариуполе проживало около 10.500 евреев, 8.000 – 9.000 из них не успели эвакуироваться. В Артемовске Сталинской области (в настоящее время Донецкой) проживало 5.500 евреев, лишь половина из них сумела бежать.[63]

В областях и районах Российской Федерации, относящихся к региону «В», с центрами в Калинине, Туле, Курске, Орле и Ростове проживало около 90.000 евреев, и подавляющее их большинство эвакуировалось. В отчете Айнзатцгрупп от 15 декабря говорилось:

«В период времени, к которому относится составление этого отчета, можно наблюдать бегство евреев на восток. Так, при вступлении команд в города Орел, Медынь, Малоярославец, евреи в них отсутствовали».[64]

Несмотря на сказанное в документе, не все евреи этих городов бежали или эвакуировались. В более поздних отчетах упоминаются расстрелы евреев в Орле.[65] Можно предположить, что около 68.000 – 73.000, или 76 – 81% еврейских жителей вышеуказанных областей региона «В» эвакуировались. Под немецкой оккупацией на территории Российской Федеративной республики, не включая Крым, осталось 17.000 – 22.000 евреев.

В Крыму (не считая Севастополя, захваченного только 3-го июля 1942-го), проживало около 60.000 евреев, к которым прибавились еще несколько тысяч эвакуированных из Одессы –точное их число неизвестно. Эвакуация и бегство из Крыма были особенно трудными, так как сухопутные пути оттуда немцы отрезали еще до захвата полуострова, и единственный оставшийся путь пролегал по морю. В отчете айнзатцгрупп от 12 декабря 1941-го сказано:

«Всего крымских евреев насчитывается около 40.000, четверть из них в Симферополе».[66]

Видимо, эти цифры близки к действительности, и можно предположить, что число эвакуировавшихся и бежавших крымских евреев (помимо беженцев из Одессы) составляет 15.000 – 20.000 человек.

Согласно оценкам, число эвакуированных и бежавших евреев – жителей региона «В» составляет 385.000 – 395.000 человек. Остальные, 230.000 – 240.000, остались под оккупацией.

Евреев, эвакуированных, бежавших или мобилизованных в армию с территорий Советского Союза в его границах на сентябрь 1939-го и захваченных немецкой армией до конца 1941 г., насчитывается 1.122.000 – 1.173.000 человек, или 51 – 53% местного еврейского населения. Число евреев, оставшихся под немецкой оккупацией, составило 943.000

– 994.000 человек. Вот их разделение по регионам:

Регион	*Не остались под оккупацией*	*Остались под оккупацией*
«А»	*304.000 – 308.000*	*455.000 – 459.000*
«Б»	*433.000 – 470.000*	*258.000 – 295.000*
«В» *Одесса*	*285.000 – 295.000* *100.000*	*125.000 – 135.000 (без Одессы)* *105.000 (без беженцев)*
Всего	*1.122.000 – 1.173.000*	*943.000 – 994.000*[67]

Цифры в таблице согласуются с данными переписи населения от января 1939 г., с прибавкой естественного прироста еврейского населения в течение двух с половиной лет, прошедших со времени проведения переписи до нападения Германии на Советский Союз. Фактически евреев было больше, так как при переписи не все заявили о своем еврействе из-за бытового антисемитизма, желания ассимилироваться или каких-либо других причин; таких было около 10%.[68] Данные эти не включают в себя лиц, родившихся от смешанных браков, к которым на территории СССР немцы относились так же, как и к евреям. Хотя не существует точной оценки их числа, предположительно речь идет о нескольких десятках тысяч. Таким образом, число лиц на оккупированных немцами территориях СССР в его границах на 1939 год, преследовавшихся немцами по расовому признаку как евреи, составляло 1.000.000 – 1.100.000 человек.

После эвакуации различных рабочих и учащейся молодёжи, а также после мобилизации мужчин в армию еврейское население на оккупированных территориях СССР в его старых границах состояло в подавляющем большинстве из женщин, детей, стариков, больных и инвалидов.

Проявления антисемитизма во время эвакуации

Многие евреи, не охваченные организованной эвакуацией, искали возможность получить разрешение на выезд, а немалое их число даже пустилось в путь самостоятельно. Подобные действия вызывали критику со стороны некоторых советских руководителей. В докладной записке первого секретаря Компартии Белоруссии П. Пономаренко, поданной Сталину не позднее 12-го июля 1941-го, сказано:

> *«В среде белорусов наблюдаются исключительно патриотические настроения… Я обязан отметить хладнокровие, устойчивость и непримиримое отношение к врагу в среде колхозников, в отличие от определенных лиц из городских служащих, которые думают только о собственном спасении. Объяснение кроется в существовании прослойки городских евреев. Их охватил страх перед Гитлером и вместо того, чтобы бороться, они убегают…»*[69]

Колхозники, которых так расхваливает Пономаренко, вообще не эвакуировались. Большинство из них ждало, что немцы избавят их от советской власти и ненавистной им системы колхозов, и в немецких донесениях подчеркивается хорошее отношение к оккупантам со стороны населения на захваченных землях.[70] На этом фоне особенно бросается в глаза осуждение евреев, пытающихся бежать, со стороны первого человека в правительственной верхушке советской Белоруссии – и Пономаренко, безусловно, был не единственным, кто относился к евреям подобным образом.

Во время эвакуации в определенных местах наблюдались антисемитские выходки и даже случаи насилия над евреями. Свидетель вспышки антисемитизма в Москве при приближении немцев к столице пишет:

«13-го октября нам объявили об эвакуации завода. Говорили, отправляемся в Ташкент… Придя утром на завод 14-го октября обнаружили отсутствие руководства. Оно уже уехало… Нам предложено, кто пожелает, следовать в Ташкент, по возможности самостоятельно… В Москве с каждым часом становилось все тревожнее и беспокойнее. 16-го октября 41-го шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток в сторону города Горького… Какие-то люди то там то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле. Раздаются возгласы: бей евреев. Вот появилась очередная автомашина. В кузове на пачках документов, сидит сухощавый старик, рядом красивая девушка. Старика вытаскивают из кузова, бьют по лицу, оно в крови. Девушка заслоняет старика, кричит, что он не еврей, что они везут документы. Толпа непреклонна. Никогда я бы не поверил такому рассказу, если бы не видел это сам…»[71]

Этот факт подтверждается в документе под рубрикой «Совершенно секретно», составленном начальником НКВД Москвы и Московской области М.И. Журавлевым 18-го октября:

«Группа лиц из числа рабочих завода № 219 (Балашихинский р-н) 16-го октября напала на проезжавшие по шоссе Энтузиастов автомашины с эвакуированными из г. Москвы и начала захватывать вещи эвакуированных. Группой было свалено в овраг шесть легковых автомашин… 17-го октября Некрасов совместно с этими же лицами проводил около гаража завода групповую агитацию погромного характера. Призывал рабочих уничтожать евреев. Все трое арестованы…»[72]

В дни крушения власти и панического бегства это были не единичные случаи. Сам факт, что большое, по сравнению с остальным населением, число евреев, пыталось бежать из-за страха за свою судьбу под немецкой оккупацией, приводил к антисемитским реакциям.

Военная цензура, проверявшая письма, время от времени публиковала отрывки из них в периодических обозрениях, распространяемых среди правительственного и военного руководства. В обозрении за пе-

риод 1 – 15 ноября 1941 г. опубликованы отрывки из писем, в которых шла речь о евреях:

> *«Евреи эшелонами бегут на север, надеясь, что русский из боя выйдет с победой и они заживут с хозяйской рукой…*
>
> *Обидно на евреев. До войны у них и жилплощадь, и все было, а как Москву защищать, так разлетелись. Логически рассуждая, зачем евреев земля держит…»*[73]

Д. КОЛИЧЕСТВО ЭВАКУИРОВАННЫХ И ОСТАВШИХСЯ ЕВРЕЕВ

Согласно советским источникам, в процессе войны из регионов, находившихся под угрозой захвата, а также из Московской, Ленинградской и Сталинградской областей были эвакуированы 12.000.000 человек, в том числе из Белоруссии – до ее полного захвата – 1.500.00 человек; из Украины – 3.500.000 человек и из Молдавии – 300.000 человек.[74] В этих источниках не указывается национальная принадлежность эвакуированных.

Из отчета Управления по эвакуации населения при Совете Народных Комиссаров РСФСР, всего эвакуировано евреев на 1.12.1941 г. было 779.410 человек.[75] Это число относится почти целиком к евреям, проживавшим на старых территориях Советского Союза, где была проведена эвакуация. Если к этому числу прибавить мобилизованных в армию, то прежняя оценка в 1.122.000 – 1.173.000 евреев из старых районов Советского Союза, избежавших оккупации, представляется реальной.

Общее число евреев – жителей Советского Союза в его границах на 22 июня 1941 года, проживавших в регионах, оккупированных до конца 1941 года, оценивается в 4.280.000 – 4.320.000 человек. 37 – 39% еврейского населения, или 1.585.000 – 1.675.000 человек избежали оккупацию; число оставшихся – 2.645.000 – 2.695.000 – не включает в себя тех, кто во время переписи населения 1939 г. не заявил о своей национальной принадлежности, а также лиц, родившихся от смешанных браков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В.И. Юрчук. *Советская Украина в годы Великой Отечественной войны*. – Киев, 1985, т. 1, с.251 – 252 (далее: Юрчук, *Советская Украина…*).
2. *Там же*, с. 253 – 254.
3. А. Микоян. *В первые месяцы Великой Отечественной войны Советского Союза* // Новая и новейшая история, 1985, № 6, с. 103 – 104.
4. И.В. Ковалев. *Эшелоны идут на Восток. Из истории преобразования производительных сил СССР в 1941 – 1942.* – Москва, 1966, с. 10 (далее: Ковалев, *Эшелоны идут…*).
5. *История Великой Отечественной войны Советского Союза.* – Москва, 1961, т. 2, с. 546 (далее: *История Великой…*). В течение нескольких месяцев из Ленинграда было вывезено около 300.000 детей и 100.000 взрослых; из Москвы эвакуированы 1.400.000 человек, около трети из них дети. Процент еврейского населения в этих городах был значительным, поэтому и среди эвакуированных было немало евреев.
6. *Там же*, с. 143.

7. *История Великой…*, с. 147 – 148.
8. *Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. Сборник документов.* – Москва, 1988, с. 139.
9. Степашин, *Органы…*, т. 1, книга 1, док. 54, с. 119 – 122. Здесь приводится отчет НКВД от 9 ноября 1939 года, описывающий гонения на евреев в захваченной Германией Польше. В документе имеется директива проверить правдивость этих сведений. С сентября 1939 г. до июня 1941 г. советское правительство получало сведения о преследованиях евреев в Польше и других странах через контрразведку, от беженцев и т.д.
10. Газета *Правда*, 18 ноября 1938; 28 ноября 1938.
11. А. Анатолий (Кузнецов). *Бабий Яр.* – Тель-Авив, 1971, с. 77.
12. Мордехай Альтшулер. *Эвакуация и бегство евреев из Восточной Белоруссии в годы Катастрофы (июнь – август 1941)*, Яагадут Зманейну; ежегодник для изучения и исследования (иврит), 3 (1986), с. 132-133 (далее: Альтшулер, *Эвакуация и бегство…).*
13. Айзенштат, *Книга живых…*, с. 194.
14. Герман Крук. *Дневник Вильнюсского гетто* (идиш). – Нью-Йорк, 1961, с. 3-4 (далее: Крук, *Дневник…).*
15. Шмуель Спектор, *Шоа евреев Волынии*, (иврит), 1941-1944. – Иерусалим, 1990, с. 46 (далее: Спектор*, Шоа Евреев Волыни…).*
16. Авраам Суцкевер. *Вильнюсское гетто (*иврит). – Тель-Авив, 1947, с. 8 (далее: Суцкевер, *Вильнюсское гетто…).*
17. Спектор*, Шоа Евреев Волыни…*, с. 47.
18. Крук, *Дневник…*, с. 16 – 17.
19. Левин, *История в скобках…*, с. 327.
20. См. главу 7.
21. О переезде в СССР в его старых границах по экономическим причинам, а также о ссылках см. выше, гл. 8. Число мобилизованных в армию см.: Литвак, *Еврейские беженцы…*, с. 356.
22. Спектор*, Шоа Евреев Волыни…,* с. 49–50. Спектор приводит данные по 20 городам и крупным местечкам Волыни.
23. Arad, *Ghetto in Flames…, p. 35*.
24. Давид Ангель. *Еврейский вопрос в Польше в годы Катастрофы: отношение польского правительства в изгнании.* В книге: Исраэль Барталь и Исраэль Гутман (ред). *Существование и перелом – евреи Польши в истории поколений* (иврит). – Иерусалим, 1997, с. 512 (далее: Ангель, *Еврейский вопрос…*). По оценке Ангеля, число евреев – бывших польских граждан, находившихся в годы войны в пределах СССР, составляло приблизительно 400.000.
25. Судьба 355.000 – 390.000 польских евреев, находившихся в СССР во время и после войны:

А – приблизительно 250.000 покинули пределы СССР, из них около 244.000 вернулись в Польшу согласно соглашениям о репатриации и около 6.000 присоединились к Польской армии генерала Андерса, созданной в Советском Союзе и передислоцировавшейся в Иран (Литвак, *Еврейские беженцы…*, с. 246, 258; Ангель, *Еврейский вопрос…*, с. 513).

В – 70.000 – 100.000 евреев остались в СССР, большинство из них вернулось в Западную Белоруссию, Западную Украину и Вильнюс.

С – несколько десятков тысяч умерло от голода и болезней в тяжелых условиях различных лагерей (как для ссыльных, так и для беженцев). Тысячи пали на фронте в рядах Красной Армии, Польской армии Андерса и Польской народной армии.

26. Левин, *Хроника Литвы…*, с. 82. В книге приводится приблизительная цифра 15.000 для обозначения числа еврейских беженцев из Литвы, включая беженцев из Вильнюса и области. В Вильнюсе и его предместьях под оккупацией оказалось 65.000 – 68.000 евреев, а всего по Литве около 203.000 – 208.000 евреев. Количество сосланных в СССР из Вильнюса и его окрестностей – 3.000 – 3.500. человек (см. главу 8, раздел

5).
27. Левин, *Хроника Латвии и Эстонии…*, с. 32.
28. *Там же*, с. 311.
29. Аншель и Лави, *Хроника Общин Румынии…*, т. 2, с. 307 – 310; Соломон Шапира, *По дорогам изгнания* (иврит). – Иерусалим, 1988, с. 28 – 30 (далее: Шапира, *По дорогам изгнания…*). В число евреев, проживавших в Бессарабии накануне немецко-румынского вторжения, включены 8.000, сосланных в глубь СССР в первой половине 1941-го (см. главу 8, раздел 5).
30. Аншель и Лави, *там же*, с. 440; Авигдор Шахан. *Жгучий Мороз* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1988, с. 52. При подсчете числа евреев в Северной Буковине на день вторжения немецко-румынских войск учтены 5.000 евреев, сосланных в июне 1941г. в глубь СССР (см. ссылку 32). По оценке мэра города Черновцы Траяна Поповичи, в Северной Буковине тогда находилось 65.000 – 70.000 евреев (Ioanid, *The Holocaust*, p. 172).
31. Данные о евреях в рядах регулярной армии и о мобилизованных взяты из исследования: Альтшулер, *Эвакуация и бегство…*, с. 147 – 149. Автор приводит данные только по районам Восточной Белоруссии, однако пропорциональное отношение числа военнообязанных среди еврейского населения в Восточной Украине и в Российской Федерации было примерно таким же.

Число евреев в армии является результатом следующего расчёта: 72.000+240.000-12.000=300.000.

32. Воспоминания Юрия Тайца, минского подпольщика – коммуниста и партизанского врача. Архив института истории Партии при ЦК КПБ, фонд 12, опись 1.
33. Е.Г. Иоффе. *Страницы истории евреев Беларуси*. – Минск, 1996, с. 109 – 110 (далее: Иоффе, *Страницы истории…*).
34. Альтшулер, Эвакуация и бегство…, с. 140; Шалом Холавский, *В гибельной буре* (иврит). – Иерусалим, 1988, с. 49 (далее: Холавский, *В гибельной буре…*); *The Encyclopedia of the Holocaust*. – New York – London, 1990, vol. 4, p. 1577. В статье, посвященной Витебску, значится, что в Витебском гетто находилось около 16.000 человек, из чего можно предположить, что около 22.000 бежали либо эвакуировались.
35. Айзенштат, *Книга живых…*, с. 103 – 104; Холавский, *В гибельной буре…*, с. 48.
36. Свидетельство Аарона Гурфинкеля, Архив Яд Вашем, 03/4658.
37. Свидетельство Евы Шлаповарской, Архив Яд Вашем, 03/2243.
38. *The Encyclopedia of the Holocaust*, v. 4, p. 1734; Y. Arad, S. Krakowski, S. Spector (eds.), *The Einsatzgruppen Reports*. – New York, 1989, отчёт 37, p. 55 (далее: Arad at al., *Einsatzgruppen Reports…*). В отчете айнзацгруппы сказано, что большая часть евреев бежала из Житомира, и из 30.000 в городе находятся около 5.000 евреев. Видимо, речь идет о тех, кто зарегистрировался как еврей в комендатуре, но легко предположить, что несколько тысяч не указали своей еврейской национальности при регистрации.
39. The Encyclopedia of the Holocaust, v. 2, p. 781. См. также: Arad at al., *Einsatzgruppen Reports...*, отчёт 80, p. 129. Там указано, что в Каменец-Подольске расстреляно 23.000 евреев. В это число включены около 14.000 депортированных из Венгрии. Остальные, 9.000 – 10.000 – местные евреи.
40. Василий Гроссман и Илья Эренбург (редакторы). *Черная книга*. – Тель-Авив, 1980, с. 27 - 28 (далее: Гроссман и Эренбург, *Черная книга…).*
41. См. главу 17, раздел «Генералбецирк Житомир», в котором указано число евреев, уничтоженных в Виннице.
42. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…*, отчёт 119, p. 196, где указано, что в Умани находятся 8.000 евреев. Отсюда следует, что эвакуировалось около 6.000.
43. Свидетельство Эвы Шлаповерски, Архив Яд Вашем, 033/605. В Смоленском гетто, созданном в августе 1941 г., были заключены все смоленские евреи числом около 2.000 человек.
44. Юрчук, *Советская Украина...*, т. 1, с. 259.
45. *Там же,* с. 289.

46. Свидетельство Иды Пинкерт, Архив Яд Вашем, П-1209/117, с. 3 – 8.
47. *The Encyclopedia of the Holocaust*, v. 1, p. 133, определяет число оставшихся евреев цифрой 60.000.
48. В 16-ти областных центрах Украины проживало 57% украинских евреев.
49. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…*, отчёт 135, p. 242. Здесь указано: «Из почти 100.000 евреев, проживавших ранее в Днепропетровске, около 70.000 бежали до того, как немецкая армия заняла город».
50. *Там же*, отчёт 89, с. 142. Указано, что в Херсоне осталось около 5.000 евреев; Центральный Архив Министерства Обороны России, фонд 4, опись 4021, дело 177, л. 301. В этом документе значится, что в Херсоне было уничтожено 7.000 евреев.
51. Кантор, *Сто лет борьбы…*, с. 231.
52. Свидетельство Баси Школьник-Каган, Архив Яд Вашем, О3/3994 (3524/314, с. 2 – 4).
53. Архив Яд Вашем, М-33/43.
54. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, отчёт 80, p. 131.
55. *Там же*, отчет 90, с. 145.
56. Шмуэль Спектор. *Судьба евреев Советской Украины (в границах 1939-го года) во время немецкого вторжения – цифры и оценки* (иврит), Швут, 1987, № 12, с. 63. Приведена таблица с данными по ряду городов о числе еврейских жителей и о числе убитых. Расчет, согласно которому две трети еврейского населения эвакуировались, также основан на данных этой таблицы.
57. Альтшулер, *Эвакуация и бегство…*, с. 150, 157. По его оценкам, количество эвакуированных достигло 77,4%.
58. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…*, отчёт 128, pp. 217 – 218; отчет 173, с. 299 – 300. Последний отчет относится к периоду после акций тотального уничтожения евреев. В документе говорится о расстреле 139 евреев в Киеве и 350 евреев в Днепропетровске. И в более поздних отчетах упоминаются расстрелы евреев, схваченных спустя много месяцев после уничтожения всех евреев в том или ином городе.
59. Свидетельство Саула (Семена) Боровового, Архив Яд Вашем, 033/2188, с. 2.
60. Оценка числа эвакуированных из Харькова евреев основана, в основном, на числе оставшихся в городе и уничтоженных немцами; смотри главу 8, раздел 2.
61. 24 августа 1941 года в Москве состоялся съезд евреев, в котором приняли участие писатели, поэты, артисты и ученые. Съезд опубликовал обращение к евреям мира с призывом поддержать Советский Союз. Обращение, где, в частности, говорилось о планах Гитлера по уничтожению евреев, опубликовали советские газеты, и таким образом евреи могли с ним ознакомиться.
62. Свидетельство Авраама Гринберга, Архив Яд Вашем, 03/3761, с. 11.
63. *Документы обвиняют – сборник документов*. – Москва, 1943, т. 1, с. 200; Гроссман и Эренбург, *Черная книга…*, с. 75.
64. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…,* отчёт 146, p. 258.
65. *Там же*, отчет 148, с. 262; в отчете 184, с. 318 говорится о расстреле пойманных евреев, но не указывается их число.
66. *Там же*, отчет 145, с. 256.
67. Цифры округлены, возможная ошибка составляет 0,5%.
68. Яков Лещинский. *Еврейская диаспора после войны* (иврит). – Тель-Авив, 1948, с. 134.
69. Иоффе, *Страницы истории…*, с. 112.
70. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…,* отчёт 20, p. 20. В отчете сказано: «Белорусы высказывают дружественное отношение к немцам».
71. Из воспоминаний Г.Б. Решетина. См.: *Москва военная. Мемуары и архивные документы*. – Москва, 1995, с. 111 – 112 (далее: *Москва военная…)*.
72. *Там же*, с. 116 – 118.
73. *Там же*, с. 159 – 160.
74. Кирьян, *Великая Отечественная…*, с. 504.
75. ГАРФ, фонд А-259, опись 40, том 3, л. 22-23.

ГЛАВА 12

ВОЛНА ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМОВ В ПЕРВЫЕ ДНИ ОККУПАЦИИ

А. ОСНОВА ПОГРОМОВ – АНТИСЕМИТЫ И НАЦИОНАЛИСТЫ

На части территорий, захваченных Советским Союзом в 1939 – 1940 годах: Западная Украина, Литва, Латвия, Бессарабия и Северная Буковина – с отступлением Красной Армии и в первые дни немецкой власти прокатилась волна еврейских погромов. Погромщиками были местные жители и антисоветские круги. К ним иногда присоединялись немецкие солдаты. В погромах, которые сопровождались разрушениями и ограблениями, были зверски убиты тысячи евреев – женщин, мужчин и детей.

Погромы спровоцировали местные антисемиты, в ряде городов участвовали передовые отряды айнзацгрупп, которые получили директивы поддерживать антиеврейские выступления. В приказе № 1 от 29 июня 1941 года Гейдрих писал:

«Не следует препятствовать действиям по самостоятельному очищению (Selbstreinigungsbestrebungen), производимым антикоммунистическими либо антиеврейскими кругами на завоеванных землях. Напротив, следует, по возможности, стимулировать их интенсивность – конечно, не оставляя следов – и направлять их в нужное русло таким образом, чтобы части «самообороны» (Selbstschutzkreise) могли не опираться в будущем на приказы и данные им политические обещания...»[1]

В действительности местные антисемитские элементы нуждались не в стимуляции со стороны немцев, а в создании подходящих условий для проявления их ненависти к евреям. Крушение советской власти и приход немцев такие условия создали. В промежутке времени между бегством представителей советского аппарата власти и появлением немецкой армии во многих городах и местечках начались погромы.[2] В других местах погромы вспыхнули после вступления немецких войск. Совокупность факторов, часть из которых сложилась исторически, а часть явилась плодом событий кануна и первых дней войны, вызвали эту волну погромов. В двух основных очагах, Западной Украине и Литве, к ним приложили руку националистические элементы, проживавшие в Германии. С помощью различных ветвей немецкого государственного аппарата они, находясь в Германии, пробудили к действию националистические и антисемитские круги, а также антисоветское подполье, тем самым подготовив почву для антиеврейских выступлений. В Бессарабии и Северной Буковине, третьем эпицентре погромной волны, организаторами погромов стали румыны, как военные, так и гражданские лица.

Литовские националисты, бежавшие в Германию после захвата их страны Советским Союзом, 17 ноября 1940 года создали при под-

держке немецких властей «Фронт Литовских Активистов» (Lithuanian Activist Front – LAF, «фронт»), его возглавил Казис Скирпа, посол Литвы в Германии. Одновременно в самой Литве возникли ячейки «фронта», занявшиеся сбором оружия, антисоветской и антисемитской пропагандой. В воззвании «фронта», напечатанном в Германии в марте 1941 года, и обращенном к литовскому подполью, говорилось:

«...Близок час освобождения Литвы. О начале похода с Запада Вам сообщат по радио или иным способом. В ту же минуту должны вспыхнуть восстания на местах и вам необходимо взять власть в свои руки. Следует немедленно арестовать всех местных коммунистов и других предателей Литвы. Предатели заслужат прощение только доказав, что каждый из них уничтожил хотя бы одного жида... В роковой час захватывайте их имущество в свои руки, чтобы ничего не пропало зря...»[3]

В другом воззвании «фронта», распространявшемся, видимо, в день нападения Германии на Советский Союз, говорится:

«Братья и сестры литовцы! Настал момент для сведения счетов с жидами. Литва будет освобождена не только от большевистского рабства, но и от многолетнего жидовского ярма. В Новой Литве ни одному еврею не будут предоставлены гражданские права и какая-либо возможность для существования...»[4]

Как следствие деятельности «фронта» 22 июня в Литве вспыхнуло антисоветское восстание, к которому присоединились и солдаты 29-го Литовского корпуса, являвшегося частью Красной Армии. Восставшие, гражданские лица и военные, называющие себя «партизанами», открыли огонь по отступающим рядам Красной Армии, по евреям и иным гражданам, пытающимся покинуть Литву. «Партизаны» приняли активное участие в еврейских погромах. 23 июня, после бегства из Каунаса представителей советской власти, в городе объявилось «Временное Правительство Литвы» во главе с Йозасом Амбразевичюсом. Цель правительства заключалась в создании Литовского суверенного государства, союзника нацистской Германии. В городах возникла муниципальная власть.[5] Эти литовские националистические органы тоже стимулировали погромную деятельность.

Украинские националисты – эмигранты из Советского Союза и украинцы, проживавшие на территории Польши, – по окончании Первой мировой войны создали ОУН (Организацию Украинских Националистов), которая направляла свою деятельность против СССР и Польши, поделивших между собой Украину. ОУН пользовалась поддержкой нацистской Германии. После захвата Польши в сентябре 1939 действовавшие там группы ОУН вышли из подполья и развернули свою деятельность в зоне немецкой оккупации. В 1940 году на съезде в Кракове ОУН раскололась. Большинство, возглавляемое Степаном Бандерой, к которому примкнуло молодое поколение организации, выступило за более активную и самостоятельную националистическую линию поведения. Меньшинство, во главе с Андреем Мельником, стремилось к сохранению существующих сил и поля деятельности, а также принципов

сотрудничества и взаимопонимания с Германией. Германия использовала в своих интересах оба крыла ОУН. Обе эти фракции отличались враждебным отношением к евреям. На конференции сторонников Бандеры, собравшейся в Кракове в апреле 1941 года, был принят ряд решений, и среди них следующее:

«Жиды в СССР являются самой преданной опорой господствующего большевистского режима и авангардом московского империализма в Украине... ОУН осознает жидов как опору московско-большевистского режима, просвещая одновременно народные массы, что Москва это главный враг.»[6]

В ходе подготовки к вторжению в СССР разведывательная служба Германии организовала, при сотрудничестве с обоими направлениями ОУН, два украинских батальона: «Нахтигаль» (Nightingale) и «Роланд» (Roland). При вторжении украинское подполье атаковало части отступающей Красной Армии и тоже приняло активное участие в погромах. Вместе с передовыми отрядами немецкой армии, вступившими во Львов 30 июня, шел и батальон Нахтигаль, его солдаты были причастны к еврейским погромам. С приходом немцев во Львов люди Бандеры провозгласили создание Украинского национального правительства во главе с Ярославом Стецко. Но в Украине, как и в Литве, немецкие планы не совпадали с украинскими национальными чаяниями, и немцы распустили Украинское правительство через неделю после его провозглашения.[7]

Деятельность внешних националистических кругов и антиеврейское подстрекательство пали на плодородную почву. Бытовой антисемитизм, испокон веков коренившийся в широких кругах населения, усилился в советский период вследствие отождествления евреев с ненавистной властью коммунистов. В Литве и Латвии волна арестов за неделю до начала войны (см. главу восьмую) послужила дополнительной причиной юдофобии. На западе Украины тоже произошло событие, подтолкнувшее массовые антиеврейские выступления. В десятках тюрем НКВД томились тысячи узников – в большинстве своем украинцы, в меньшей степени поляки; были среди заключенных и евреи. В панике отступления в первые дни войны советские власти не смогли (а возможно, не хотели) всех их эвакуировать. Вместо того, чтобы отпустить узников, в некоторых тюрьмах заключенных расстреляли. Хотя среди убитых были и евреи, именно евреев обвинили в содеянном, и против них направилось подстрекательство украинских националистических кругов.

Б. ЗАПАДНАЯ УКРАИНА

Западную Украину, в особенности ее столицу Львов, захлестнула в те дни волна погромов. Тадеуш Задерецки, польский писатель, живший тогда во Львове, описал происходившее:

« Толпы пьяных крестьян хлынули из сел во Львов. Городская чернь прохаживалась по тротуарам, разбившись, как будто случайно, на группы... Члены только что созданной украинской полиции... Что-то

готовится… И вот из уст в уста передаются слухи и со скоростью молнии облетают весь город. Слухи устрашают: открыты советские тюрьмы а в них десятки, сотни трупов политических заключенных… Кто это сделал? Кто ответствен за убийства? Евреи! Что с того, что среди убитых много евреев, что с того, что в казармах на Замарстыновской лежит труп Леона Вайнштока, начальника отдела социального обеспечения общины – кому какое дело… Перед Замарстыновскими казармами толпятся сотни евреев, их выволокли из ближайших домов – мужчины, женщины, старики, девушки, юноши, дети – все голые, после того, как с них сорвали одежду и белье, истекающие кровью. Их гонят ударами и пинками во двор тюрьмы, сквозь строй ужасной черни… Людей заставили вырыть траншеи, в которых их и расстреляли… В тот день было убито около трехсот человек, ранено, избито и покалечено тысячи… Вот как выглядел первый день немецкой власти во Львове.»[8]

Львовский погром продолжался с 30 июня по 3 июля, в нем погибло около 4.000 евреев.[9] Подобные еврейские погромы имели место в первые дни немецкой власти в десятках городов, местечек и сел Волыни и Восточной Галиции. Сведения о них приведены в таблице:

Название населенного пункта	Количество убитых
Борислав	300
Бережаны	десятки убитых
Добромиль	50
Дрогобыч	400
Зборов	1.000
Золочев	3.000 – 4.000
Тернополь	5.000
Самбор	150
Сокаль	400
Стрый	неизвестно
Чортков	300
Каменка Бугская	несколько сотен
Тучин	70
Лановцы	60
Любешов	27
Луцк	300

В небольших местечках и селах погромщики истребили большую часть еврейских жителей, а иногда и всех.[10] В отчете айнзацгрупп от 16-го июля 1941 г. о погромах в Восточной Галиции сказано:

«Перед своим уходом большевики вместе с евреями расстреливали

украинцев… По скромным оценкам только во Львове было расстреляно или выслано 3.000 – 4.000 человек… Число убитых в районе Добромиля оценивается в несколько сотен… в Самборе большевики расстреляли 400 украинцев… Русские и евреи с жестокостью совершали эти преступления… Уже в первые часы после отступления большевиков украинское население провело достойную похвалы антиеврейскую акцию. В Добромиле, к примеру, была сожжена синагога, а в Самборе разбушевавшаяся толпа убила 50 евреев. Жители Львова, издеваясь над евреями, схватили около тысячи их и доставили в тюрьмы… В Золочеве русские перед отступлением расстреляли 700 украинцев… В знак возмездия милиция арестовала и расстреляла несколько сотен евреев. Число уничтоженных евреев оценивается между 3.000 и 5.000…»[11]

Отчет этот не отражает размаха погромной волны и общее число ее жертв. Местные погромщики часто убивали евреев еще до прихода в населенный пункт немецкой армии, поэтому у немцев не имелось сведений о точном числе убитых. Правомернее опираться на цифры вышеуказанной таблицы, взятые из показаний евреев – свидетелей происходившего, хотя и они не отражают полностью погромную деятельность и не сообщают точные данные о количестве убитых. Так, например, отсутствует информация о происходившем в селах, где проживало лишь несколько еврейских семей.

Прошло чуть более трех недель после вступления немцев во Львов, когда в городе снова имел место погром, проведенный в 15-ю годовщину гибели Симона Петлюры.[12] Его описал Задерецки:

«Утром 25-го июля во Львов начали прибывать массы крестьян из ближних деревень. Их размещали во дворах полицейских участков, где они присоединялись к вооруженным людям из службы безопасности… банды вышли в город… Немногочисленные евреи были тогда на улицах города, по дороге на работу. На них и обрушились первые удары… палками, кнутами, лопатами… Мужчина или женщина, старик или подросток – все становились их жертвами… Около трех пополудни они начали врываться в дома. Всех, кто находился в доме, выволакивали на улицу, избивали и одновременно грабили и крушили добро… Ближе к пяти чернь утомилась от кровавых игрищ и начала расходиться. Либо полиция взяла дело в свои руки… группами по пять человек они ходили из квартиры в квартиру и уводили с собой всех здоровых. Часть из них, 800 – 1.000 человек, привели в помещение станционного склада… а остальных – в тюрьму на улице Лунецкой. Там схваченных рассортировали и издевались над ними. Часть избитых отпустили, часть расстреляли, а часть бросили за решетку… Три дня продолжалась «Петлюровская акция»… с 25-го по 28-е июля. Убито в ней 1.500 человек, не считая покалеченных и взятых в заложники…»[13]

Область Станислава находилась в поле деятельности венгерской армии, которая пресекла попытки украинцев произвести погромы в Станиславе, Коломые, Косове, Обертине и Болехове.[14] Этот шаг не

служил проявлением симпатии венгров к евреям, его обусловили следующие причины: отношения между венграми и украинцами оставляли желать лучшего, и после присоединения к Венгрии в марте 1939 года Карпаторуси, большая часть населения которой была украинским, они еще больше ухудшились. Венгерская армия не хотела признавать доминирующего положения украинцев даже на завоеванных территориях.[15] Венгерское командование, возможно, опасалось, что погромы против евреев могут обернуться действиями погромного характера против них самих и решило пресечь их, пока не поздно; кроме того, уже тогда Венгрия начала депортацию евреев, не имеющих венгерского гражданства, в районы Восточной Галиции, управляемые венгерской армией. Этот процесс легче осуществлялся в условиях относительного спокойствия.[16]

В. ЛИТВА И ЛАТВИЯ

Другой очаг погромов первых дней войны находился в Литве и Латвии. О погромах в Литве написано:

«По меньшей мере в сорока населенных пунктах вооруженные литовцы начали убивать евреев по своей инициативе еще до прихода туда немцев… Всего около 10.000 евреев было убито разными способами в первые недели после начала войны, все, как один, пали от рук литовцев… «[17]

Самый большой погром имел место в Каунасе. Очевидец Лейб Гарфункель описал его:

«24 июня 1941 г. вечером в Каунас вошли первые отряды немецкой армии… В ночь с 25 на 26 июня литовские партизаны и просто литовцы, присоединившиеся к ним, устроили ужасную резню евреев Вильямполя – предместья Каунаса. Было около 800 жертв. Погромщики в своей кровавой работе не видели разницы между мужчинами и женщинами, стариками и младенцами. Жестокость их не знала границ. Они расстреливали, резали ножами и рубили топорами… Дом, в котором нашли убещище несколько евреев, был подожжен, и «партизаны» не дали пожарникам потушить пламя. Бедные евреи сгорели заживо. Вдобавок к этому людей топили в водах [реки] Вилии… В полдень 27-го около 60 евреев были убиты с потрясающей жестокостью… во дворе гаража литовской фирмы «Lietukis», на глазах у большой толпы любопытных литовцев…»[18]

И по Латвии прокатились еврейские погромы. Вот как описывает очевидец погром в Риге:

«Латыши врываются в еврейские дома и берут все, что только в голову придет… На улице Корманова я видел, как латыши издеваются над стариками, подрезают им бороды под раскаты веселого смеха. Да, начались погромы… мы уже видели первых убитых, не тех, что исчезли, а тех, что были убиты на улице, повешены на электрических столбах или просто забиты камнями или железными прутьями. …Когда немцы и латыши подожгли большую синагогу на улице Гоголя, в ней находилось множество еврейских беженцев из провин-

ции. Никто не спасся. Кто не был расстрелян, сгорел заживо… «[19]

В заключительном отчете айнзацгруппы А о ее деятельности в странах Балтии до 15 октября 1941 г. об этих погромах говорится:

«Задачей полиции безопасности было привести в действие акции по самоочищению и направить их в нужное русло, чтобы они как можно скорее достигли цели. Не менее важно было утвердить для будущего бесспорный факт, что освобожденный народ сам, по собственной инициативе, принял суровые меры против врагов – большевиков и евреев – так, чтобы невозможно было понять, что за ними кроются намерения немецких кругов. В Литве нам впервые удалось это осуществить при задействовании партизан… В процессе первого погрома с 25 на 26 июня руками литовских партизан было уничтожено более 1.500 евреев; синагоги были частью сожжены, частью разрушены иным способом, а также был сожжен еврейский квартал, в котором насчитывалось около 60 домов. В следующие ночи теми же методами уничтожили еще 2.300 евреев. В других регионах Литвы были проведены акции, аналогичные Каунасской, но меньшего масштаба… Значительно сложнее оказалось организовать похожие чистки и погромы в Латвии. Причина в том, что руководство националистического движения в целом, и города Риги в частности, было расстреляно либо выслано Советами. И тем не менее нам удалось повлиять на латышскую вспомогательную полицию в пользу еврейского погрома. В процессе погрома все синагоги были разрушены и около 400 евреев убито… В Эстонии нам не представилась возможность организовать погром из-за слишком малого числа евреев…»[20]

Хотя в этом отчете подобная информация по Латвии не содержится, но очевидно, что и там местное население было инициатором погромов, убийств и ограбления евреев. В отчете, направленном гебитскомиссаром города Миттау (Елгава) его начальству сказано, что во время встречи со 150 мэрами городов вверенной ему области, главы муниципалитетов сообщили, что в их районах «местное население истребило евреев в спонтанной вспышке ненависти».[21]

Г. БЕССАРАБИЯ И СЕВЕРНАЯ БУКОВИНА

Волна погромов прокатилась также в Бессарабии и Северной Буковине в период между уходом советских войск и приходом немецко-румынских оккупантов и даже в первые дни оккупации. Вот их описание:

«В сельских районах и в населенных пунктах полусельского типа (среди них небольшие местечки)… часть местного населения использовала сложившуюся ситуацию для создания террористических банд, которые главной своей задачей считали истребление евреев. Трудно представить себе убийства, ограбления и акты насилия, совершенные этими бандами… В Банилове… схватили 20 евреев, привели их на еврейское кладбище в Банилове и расстреляли. После убийства крестьяне отправились грабить дома своих жертв… В буковинском городке Садигура некто Владимир Русо

объявил о создании местной полиции и назначил себя ее начальником. 5 и 6 июля Русо и банда под его предводительством убила и ограбила более 100 евреев. Русо, который был учителем до войны... расстрелял своих учеников, после того, как заставил их выкопать могилы собственными руками... Число евреев, убитых в тот период, достигает десятков тысяч».[22]

Д. БЕЛОРУССИЯ И ТЕРРИТОРИИ СССР В СТАРЫХ ГРАНИЦАХ

Антиеврейские действия имели место в ряде областей Западной Белоруссии и на территории СССР в его старых границах, но массовых погромов там не наблюдалось: националистические и антисемитские круги здесь были относительно слабее. и В отчете айнзацгрупп о Белоруссии сказано:

«По сути не осталось национального белорусского самосознания во всем регионе. Нет также и открытого антисемитизма... В целом в среде населения живет ненависть и злость на евреев и население согласно с мерами, принимаемыми немцами (создание гетто, принудительные работы для евреев, принятие мер безопасности против них, правила и т.д.), однако оно не способно взять инициативу в свои руки и заняться евреями самостоятельно...»[23]

В Западной Белоруссии, в областях, граничащих с Генерал-губернаторством, где большинство составляли поляки, антиеврейские выпады имели место. Примером служит положение в Гродно и его окрестностях:

«В городках, где образовался зазор во времени длиной в день или два, местные, в основном, поляки, принялись взламывать и грабить дома и магазины. В Суховоле... они на самом деле осуществили лелеянную их сердцами мысль о мести евреям – «пособникам» власти в месяцы советского владычества. Это явление имело место и там, где отношения до войны не были натянутыми, как, например, в Кринках...»[24]

Особые случаи – это погромы, произведенные местным польским населением в городках Едвабне и Радзилов на северо-западе от Белостока в Западной Белоруссии. Они находились вблизи германо-советской границы и были оккупированы уже в первые сутки после начала войны. Оба погрома, где евреев истребляли их польские соседи без участия немцев, отличаются особой жестокостью. После захвата немцами Радзилова в нем находилось 600 – 800 постоянных еврейских жителей и небольшое число евреев из близлежащих сел. В первые недели после оккупации в городке еще не существовало местной немецкой власти, а были созданы польская мэрия и местная полиция, в которой тоже служили поляки. 6 и 7 июля польские жители городка провели погром. Все евреи были собраны на городской площади... Евреев загнали в сарай, заколотили его ворота, облили горючим и подожгли. Люди внутри сгорели заживо. Польские молодчики носились по городу, ловили евреев, которым удалось спрятаться, а также стариков и детей, оставшихся в своих домах, тащили их к горящему сараю и вталкивали

внутрь. Представители немецкой власти появились в городке 10 июля, и погром, в котором приняло участие много польских жителей – кто как активный участник, кто как наблюдатель со стороны – прекратился. Погром пережило двадцать евреев.[25]

Судьба евреев Едвабне была похожей. В городке проживало около 2.500 человек, из них 1.500 евреи. С оккупацией в Едвабне была создана мэрия, во главе которой встал поляк Мариан Каролак, а также появился небольшой участок немецкой жандармерии. Организаторами погрома, состоявшегося 10 июля 1941 г., были мэр города Каролак и член городского правления Юзеф Собота. Приведем описание погрома:

«Все началось с призыва собраться всем полякам на городской площади, утром 10 июля... Каролак и Собота приказали всем пришедшим мужчинам гнать евреев на площадь... Местные жители группами ходили по улицам и хватали убегающих [евреев]... Многих, пытавшихся бежать, убили на месте... На пшеничном поле появились всадники с палками в руках. Из седла им было хорошо видно все, что делается в поле, и верхом не составляло труда догнать прячущихся... Одновременно с личной инициативой проводились и организованные действия, направленные против целых групп евреев... Их выводили на кладбище и расстреливали всей группой... Погромщики вскоре пришли к выводу, что не успеют убить 1.500 евреев до вечера, и решили сжечь их в сарае... как сделали в Радзилове несколько дней назад... Евреев загнали в сарай... облили сарай нефтью и подожгли... Евреи сгорели заживо...»[26]

Немногие из евреев Едвабне пережили эту бойню. Убийства жители совершили с согласия немецкой жандармерии.

Но, кроме приведенных примеров, у нас, как упоминалось выше, нет информации о погромах как массовом явлении на территории СССР в его старых границах. Это явилось следствием не симпатии к евреям, а в определенной степени советского патриотизма населения: люди видели в нацистской Германии врага, вероломно напавшего на их страну. У многих этот ненавистный образ усиливался солидарностью с родственниками, воюющими на фронте. Кроме того, среди населения были и такие, кто верил, что советская власть вернется, и тогда прогерманские погромные действия навлекут на них наказание. Однако в некоторых местах раздавались призывы к погромам. Вот запись из дневника Сары Глайх, жительницы Мариуполя:

«11-е октября [1941-го]. Приход немцев тут же сорвал маски. В городе расклеены объявления, написанные от руки, которые призывают к погромам. Черносотенцы возродились».[27]

Однако население Мариуполя не откликнулось на этот призыв.

Погромы были на руку немецкой пропаганде. Чтобы доказать ненависть населения к евреям, а может быть, чтобы в будущем переложить ответственность за уничтожение евреев на плечи местных жителей, немецкие фотографы и кинематографисты запечатлели эти погромы в фильмах и на фотографиях.[28] Погромы и спонтанное уничтожение евре-

ев прекратились после того, как немецкая пропаганда достигла своей цели и погромы выполнили свою задачу. В отчете Штелекера сказано:

«С самого начала было понятно, что осуществить погромы возможно только в первые после захвата дни… и что еврейскую проблему в Остланд не решить только одними погромами…»[29]

Погромы были еще в разгаре, а на оккупированных землях уже появились части СС, которые приступили к планомерному тотальному истреблению евреев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Helmut Krausnik. *Hitler's Einsatzgruppen*. – Frankfurt, 1985, p. 145.
2. Вайс и др., *Хроника общин Галиции...*, с. 201, 472. Два дня в городах Збараж и Коломея царило безвластье. В эти дни украинцами были организованы еврейские погромы. О погроме в местечке Любешов см. также: Спектор, *Хроника общин Волыни и Полесья...*, с. 108.
3. Сара Нешамит. *Между сотрудничеством и восстанием – к истории немецкой оккупации Литвы*. Исследования Катастрофы и героизма (иврит), выпуск 2, сборник 1. – Лохамей Хагеттаот, 1969, с. 153 – 154; Greenbaum, *Jews of Lithuania...*, p. 304.
4. B. Baranauskas and K. Ruksenas, (ed.), *Documents Accuse*. – Vilnius, 1970, p. 123. (Далее Baranauskas and Ruksenas, *Documents...*).
5. Тенденции литовцев к независимости противоречили политике нацистской Германии. 5 августа 1941 года немцы распустили Временное Правительство Литвы и не позволили К. Скирпа вернуться на родину.
6. См.: Арон Вайс, О*тношение некоторых кругов Украинского национального движения к евреям*. В кн.: Вестник Еврейского Университета в Москве, вып. 2, (1995), с. 106 (в дальнейшем: Вайс, О*тношение...*).
7. Dallin, *German Rule...*, pp. 114 – 121.
8. Тадеуш Задерецки, *Под властью свастики во Львове* (иврит). – Иерусалим, 1982, с. 18 – 23 (далее: Задерецки, *Под властью…*).
9. *The Encyclopedia of the Holocaust...*, vol. 3, p. 929; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 94 – 95. В первые дни немецкой оккупации были также убиты 53 профессора Львовского университета, поляки по национальности.
10. Вайс и др., *Хроника общин Галиции*: Куликов – с. 476, Перемышляны – с. 442, Гримайлов – с. 139-140, Хоростков – с. 230, Яблоница – с. 484; Спестор (*Шоа Евреев Волынии...*, с. 61) указывает, что все еврейские жители села Витковец – 30 человек – были убиты.
11. Arad et. al., *Einsatzgruppen Reports...*, отчёт 24, pp. 29 – 30.
12. *Ibid*, pp. 29 – 30.
13. Задерецки, *Под властью...*, с. 62 – 63; Давид Кахана, *Дневник Львовского гетто* (иврит). – Иерусалим, 1978, стр. 34 (далее Кахана, *Дневник...*).
14. Вайс и др., *Хроника общин Галиции...*, стр. 7, 77, 269, 472, 484; *The Encyclopedia of the Holocaust...*, vol. 2, p. 813, vol. 4, p. 1408.
15. После захвата Чехословакии Германией 15-го марта 1939 г. Венгрия аннексировала область Карпаторусь. В ходе аннексии Венгрия вступила в вооруженный конфликт с местным украинским большинством, провозгласившим независимость.
16. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, отчёт 66, p. 112. В отчете сказано: «Люди батальона венгерских стрелков № 10 депортировали более тысячи евреев через Днестр в Галицию... Тот же батальон сорвал украинские флаги, закидал окна украинских священников камнями...» 12 июля 1941 г. в Венгрии был подготовлен секретный план депортации евреев на территорию Украины, находящуюся под венгерской военной властью. Речь шла о евреях из Польши и Карпаторуси. О проведении этого плана в жизнь смотри главу 17.

17. Левин, *Хроника Общин Литвы...*, с. 91.
18. Гарфункель, *Еврейский Каунас...*, с. 30 – 31.
19. Менахем Шерман. *Из родительского дома в мою страну* (иврит). – Тель-Авив, 1995, с. 22 – 23 (далее: Шерман, *Из родительского дома...*).
20. Нюрнбергские документы, L-180, с. 21 – 23.
21. USHMMA, Riga, R-70-5-7, reel 4.
22. Jean Ancel, *The Romanian Way of Solving the Jewish Problem in Bessarabia and Bukovina,* Yad Vashem Studies, vol. 19, Jerusalem, 1988, pp. 197 – 198.
23. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, отчёт 45, p. 68.
24. Тиква Фаталь – Кнаани, *Это не тот Гродно* (иврит). – Иерусалим, 2001, с. 119 (далее: Фаталь-Кнаани, *Не тот Гродно...*).
25. Jan Tomasz Gross, *Sasiedzi, Historia Zaglady Zydowskiego Miasteczka.* – Semy, 2000, pp. 41 – 48 (далее: Gross, *Sasiedzi...*); Авраам Вайн (ред.), *Хроника общин Варшава и окрестности* (иврит). – Иерусалим, 1989, с. 423 (далее: Вайн, *Хроника общин Варшава...*).
26. Gross, *Sasiedzi...*, pp. 65 – 73; Вайн, *Хроника Общин Варшава...*, с. 242 – 243; Элиезер Пекаж (ред). *Книга Едвабне* (иврит). – Иерусалим – Нью-Йорк, 1981, с. 68 – 72.
27. И. Арад, Т. Павлова, И. Альтман и др. (редакторы). *Неизвестная Черная Книга.* – Иерусалим – Москва, 1993, с. 212 (далее: Арад и др., *Неизвестная*…)
28. Нюрнбергские документы, L-180, стр. 23. Из документа: «Факты спонтанных расстрелов евреев и коммунистов литовцами и латышами в Каунасе и Риге отсняты на пленку везде, где было возможно».
29. *Там же*, с. 22.

ГЛАВА 13

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ И ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРЕЯМ

А. ВОЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

На оккупированных территориях СССР немецкая армия установила режим военного управления, осуществляемого ортскомендатурами и фельдкомендатурами, подчинёнными ОКХ. В дальнейшем, с продвижением фронта на восток, предполагалось, что территории, которые окажутся в глубоком тылу, будут переданы под гражданское немецкое управление, но и тогда, согласно приказу Гитлера от 25 июня, для них будет назначен военный начальник от ОКВ.[1]

Одним из первых шагов немецкой военной администрации стало создание управленческого аппарата из местного населения. Самой крупной административной единицей, во главе которой мог стоять местный житель, был район. В район входили город и местечки, управляемые бюргермейстерами (Burgermeister), или бургомистрами. Бургомистр в каждом селе, находящемся в зоне его ответственности, назначал старосту (Dorfalteste). Местные власти несли ответственность за все сферы жизни на подведомственной территории, управляя в соответствии с указаниями немецкой военной администрации.[2]

Бургомистр и старосты должны были, помимо других обязанностей, проводить перепись местного населения; докладывать о личностях, подозреваемых во враждебном отношении к Германии, а также сообщать военной администрации обо всех находящихся на вверенной им территории лицах, не являвшихся ее постоянными жителями до 22 июня 1941 г. Бургомистров обязали назначать в каждом доме одного из жильцов для выслеживания людей, не проживающих в здании постоянно. О появлении таковых назначенный должен был немедленно докладывать властям.[3] Эти меры, в частности, способствовали выявлению евреев. В бланке переписи населения заполнялась графа о национальности и информация о тех, кто не проживал до войны. Это дало возможность обнаружить десятки тысяч еврейских беженцев, застрявших по пути, а также евреев, пытавшихся найти убежище в городах и селах, где их не знали. Седьмой отдел ОКХ, ответственный за военную администрацию, в директивном документе, описывающем её задачи и способы их решения, касательно евреев указал:

*«**Обозначение евреев и евреек.** Все евреи и еврейки старше 10 лет, находящиеся на оккупированных территориях СССР, обязаны носить с левой стороны груди и на спине желтую нашивку диаметром в 10 см…*

***Создание юденратов.** В каждом населенном пункте, в котором проживают более 50 евреев, должно быть создано еврейское представительство – юденрат… В населенных пунктах с еврейским на-*

селением менее 10.000 человек членов юденрата должно быть не более 12-ти. В местах, где евреев больше 10.000, юденраты могут насчитывать до 24 членов… Членов юденрата выбирают местные евреи. Члены юденрата немедленно выберут из своей среды председателя и его заместителя… Ортскомендант после совещания с представителями полиции безопасности решит, устраивает ли его такой состав. Он может приказать назначить другой состав. Юденрат обязан выполнять приказы армии и полиции, передаваемые через его председателя или зампредседателя… Председатель, его заместитель и все члены юденрата несут личную ответственность за любые действия еврейской общины, направленные против немецкой армии, полиции и их приказов. Фельдкоменданты и ортскоменданты примут самые суровые меры, включая смертную казнь, не только против нарушителей приказов, но и против членов юденрата.

Запрет на переселение. *Гетто (огороженные еврейские кварталы) будут созданы в городах с большим числом еврейских жителей… Юденратам необходимо создать в гетто еврейскую полицию… Еврейская полиция, под надзором юденрата, должна следить за порядком в гетто…*

Принудительный труд. *Все еврейское население на оккупированных территориях СССР, мужчины в возрасте от 14 до 60 лет, женщины в возрасте от 16 до 60 лет, обязаны незамедлительно приступить к принудительным работам… Регистрация для принудительных работ должна производиться бургомистром. Бургомистр, наравне с юденратом, несет ответственность за полное и правильное проведение регистрации…*

Отмена права евреев на свободное передвижение… *Необходимо запретить им нахождение вне зоны проживания… Евреям запрещается торговать с арийским населением…»*[4]

Цель указаний ОКХ состояла в выделении евреев, концентрации их в гетто и использовании их на принудительных работах. Эти антиеврейские меры походили на то, что предпринималось на территории Генерал-губернаторства Польша. Однако там такие действия, в особенности создание гетто, производились после перехода управления от военной администрации к гражданской. На оккупированных территориях СССР проведение этих мер было делом рук военной администрации, и они стали частью основного нацистского плана по отношению к евреям – их уничтожения. Они облегчили задачу айнзацгрупп и других частей СС по истреблению евреев, загодя выявив их и пометив нашивкой либо повязкой. В действиях военной администрации закладывались ростки прямого вмешательства немецкой армии в процесс уничтожения евреев. Чем дольше продолжалась война и чем труднее она становилась, тем более активным становилось это участие. Немецкий историк Йорган Форстер пишет:

«Разница между операцией «Барбаросса» и военным походом против Польши в том, что в истребительной войне (Vernichtungskrieg)

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

против «еврейского большевизма» стерлась линия, отделяющая военный поход от идеологической войны... Понятие «истребление» стало интегральной частью оперативного и тактического планирования и экономической эксплуатации... Истребление было объявлено военной необходимостью».[5]

Словосочетание «коммунисты и евреи» стало единым понятием в немецкой семантике применительно к СССР. На улицах оккупированных городов были расклеены большие объявления «главнокомандующего немецкой армии», обращенные к гражданскому населению, со следующим текстом: *«Немецкий солдат пришел не как завоеватель, а как освободитель от преступной власти... Немецкий солдат несет с собой порядок и безопасность...»*[6]

Командиры тыловых территорий армейских групп спустили подчиняющимся им органам военной администрации упомянутые выше указания ОКХ. Мероприятия, касающиеся переписи еврейского населения, отметки евреев, создания юденратов и принудительного труда требовалось выполнять незамедлительно, тогда как сроки концентрации евреев в гетто оставлялись на усмотрение местных военных властей. Рекомендовалось также использовать еврейский труд при захоронении трупов советских солдат и останков животных, валявшихся повсюду.[7]

Уже в первые дни существования военной администрации, желавшей установить свой порядок на оккупированных землях, её озаботила проблема погромов. В отчете штаба 16 армии из Каунаса, где прокатились еврейские погромы, сказано:

«Наши солдаты спокойно наблюдали за происходящим: им не дан был приказ прекратить кровопролитие».[8]

Вместе с тем, находились и такие армейские командиры, у которых погромы вызывали чувство дискомфорта. Так, командующий группы армии Север генерал-фельдмаршал Ритер фон Лееб пишет в своем дневнике, что командир тыла группы армий генерал Франц Рокес, имевший в подчинении военную администрацию, обратился к нему с жалобой на то, что в Каунасе были расстреляны тысячи евреев. Рокес сказал, что не следует решать еврейскую проблему подобным способом и предложил кастрировать всех мужчин еврейской национальности.[9]

Армия и военная администрация могли при желании остановить погромы, так как в договоре Гейдриха – Вагнера сказано, что военное командование имеет право прекратить деятельность айнзацгрупп, если она мешает военным действиям. Однако армия не была заинтересована в этом. Вот что написал Шталекер о погромах в заключительном отчете от 15 октября 1941 года: *«Военные учреждения отнеслись с пониманием к акциям по самочищению, и они [погромы] прошли без помех».*[10]

Погромы стали прелюдией к массовому уничтожению евреев на территории Советского Союза. Это была первая встреча немецкой армии с практикой политики уничтожения евреев в областях, находящих-

ся под ее исключительной ответственностью, и армия не предприняла никаких мер для ее прекращения.

Б. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Быстрое продвижение немецкой армии и перемещение линии фронта на восток и северо-восток, к Москве и Ленинграду, создали ситуацию, в которой армии и военной администрации пришлось управлять обширной территорией и десятками миллионов жителей. Армия была заинтересована в передаче тыловых областей под управление гражданской администрации Розенберга, так как не хотела заниматься политическими проблемами, возникшими в странах Балтии и на Западной Украине, чьи народы надеялись получить определенную форму национальной независимости. Розенберг обратился по этому вопросу к Гитлеру и 8 июля получил ответ, что *«на данном этапе фюрер не заинтересован в установлении гражданской власти на недавно завоеванных территориях на востоке»*.[11]

Однако положение на местах и отсутствие четкой линии в вопросах политического будущего оккупированных территорий и их населения вынудили к принятию определенного решения. 16 июля 1941 г. на заседании в ставке Гитлера. Оно определило политику Германии на оккупированных территориях СССР. Геринг, Розенберг, Кейтель, Ламмерс и Борман присутствовали на заседании и участвовали в обсуждении политического будущего захваченных земель, вопросов передачи тыловых областей в руки гражданской администрации и кандидатур на руководящие посты в аппарате гражданской администрации. Розенберг выступил с одной из своих идей о предоставлении определенной независимости украинцам, в обмен на которую Украина поддержит Германию в войне с Россией и коммунизмом, однако Гитлер воспротивился этому. В протокольной записи заседания зафиксировано мнение Гитлера по рассмотренным вопросам:

> *«Сейчас важно не раскрыть наши цели перед всем миром. В этом нет необходимости. Главное, что мы сами знаем, чего хотим... Мы снова будем подчеркикать, что вынуждены были завоевать эти земли и обеспечить там порядок и безопасность... Все вынужденные меры – расстрелы, выселения и прочее – мы осуществляем и можем осуществлять... Нам самим должно быть абсолютно ясно, что мы из этих областей никогда не уйдем... Крым следует очистить от всех чуждых элементов и заселить его немцами. Точно также австрийская Галиция [Восточная Галиция] должна стать областью Германской империи... Русские в настоящее время отдали приказ о ведении партизанской войны в нашем тылу. Это имеет и свои преимущества: партизанская война дает нам возможность уничтожать всех, кто против нас. Самое главное: создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова стать на повестку дня, даже если нам для этого придется воевать сто лет... Железным законом должно быть: «Нельзя допустить, чтобы кто-то, кроме немцев, но-*

сил оружие»... Фюрер подчеркивает, что все страны Балтии должны стать частью Германской империи... Фюрер отмечает, что немецкие поселения на Волге должны стать частью Германской империи, а также район Баку [богатый нефтью]... Фюрер хочет стереть Ленинград с лица земли и затем передать это место финнам... Фюрер подчеркивает, что территория огромна и что необходимо как можно быстрее установить на ней порядок. Хороший способ достичь этого – расстреливать каждого, кто косо посмотрит в нашу сторону. Фельдмаршал Кейтель подчеркивает, что необходимо призвать к ответственности местное население... Местное население должно знать, что всякий бездельник будет расстрелян и что за всяким преступлением последует наказание...»[12]

Розенберг внес предложение о назначении руководителей гражданской администрации и перечислил имена кандидатов. Речь шла и о назначениях в районы Москвы, Кавказа и другие, еще более отдаленные земли. Гитлер одобрил предложение Розенберга назначить Генриха Лозе (прежнего гауляйтера области Шлезвиг-Гольштейн в Германии) на должность рейхскомиссара Остланда, а Эриха Коха назначил рейхскомиссаром Украины. Кох был противником проукраинских позиций Розенберга и видел свою основную задачу в эксплуатации человеческих и экономических ресурсов оккупированных областей. Получив эту должность, Кох продолжал оставаться гауляйтером (Gauleiter – глава области – и глава нацистской партии в области) Восточной Пруссии, а также был назначен правителем Белостока и окрестностей. Таким образом, территория под его властью простиралась от Балтийского до Черного моря.[13]

На заседании 16 июля Гитлер четко определил линию поведения на оккупированных территориях СССР, которая основывалась только на силе и терроре. Гитлер отказался давать какие-либо обещания народам захваченных земель, чтобы в обмен получить от них поддержку в войне против СССР. В те дни Германия стремительно продвигалась на фронтах, Гитлер и нацистская верхушка не сомневались, что победа у них в кармане и без поддержки этих народов. Гитлер был настолько уверен в победе, что даже увидел преимущества в призыве Сталина к партизанской войне против Германии, поскольку *«она дает нам возможность уничтожать всех, кто против нас».* Еврейский вопрос не упоминается в протоколе, возможно, он вообще не обсуждался в ходе заседания, однако решение о расстреле *«каждого, кто косо посмотрит в нашу сторону»* касается евреев, заранее объявленных врагами Германии. Общее настроение и решения о политике террора, принятые на этом заседании, нашли отражение в приказе Кейтеля по армии, в котором сказано:

«Имеющиеся для обеспечения безопасности в покоренных восточных областях войска ввиду обширности этого пространства будут достаточны лишь в случае... если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению...»[14]

17 июля, на следующий день после заседания у Гитлера, были опубликованы два приказа за подписями Гитлера, Кейтеля и Ламмерса. Первый приказ относился в основном к созданию гражданской администрации.[15] Второй приказ касался полицейского порядка на оккупированных территориях; руководителем всей системы полицейской безопасности там назначался Гиммлер. При каждом рейхскомиссаре предусматривался Старший начальник СС и полиции, а при каждом генералкомиссаре – Начальник СС и полиции.[16]

18 июля Геринг издал основанный на решении Гитлера приказ о передаче Белостока и окрестностей в ведение губернатора Восточной Пруссии Коха, а Восточной Галиции – генерал-губернатора Польши Франка.[17] Восточную Галицию присоединили к польскому Генерал-губернаторству 1 августа 1941 г. Выделение Восточной Галиции из рейхскомиссариата Украина вызвало сопротивление в кругах украинских националистов.[18] 15 августа 1941 г. Белосток и окрестности (включая Гроденский район) стали подчинённой Коху отдельной административной единицей – генералбецирк Белосток.[19]

В. СОЗДАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И ЛИКВИДАЦИЯ МЕСТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

20 августа 1941 г. был опубликован приказ Гитлера о передаче территорий рейхскомиссариатов Остланд и Украина в руки гражданской власти. Официальная дата принятия ответственности за эти земли была назначена на 1 сентября 1941 г. В рейхскомиссариат Остланд вошли Литва, Латвия, Западная Белоруссия, включая Минск и окрестности, но без Бреста и района Полесья.[20] Белорусская территория к востоку от реки Березины, включая Витебскую, Могилевскую и Гомельскую области, осталась под властью военной администрации. Эстония была передана под гражданское управление только в декабре 1941 г., но из-за близости к Ленинградскому фронту здесь частично сохранился и военный режим. Остланд разделили на четыре генералкомиссариата – Литва, Латвия, Эстония и Белоруссия – на основе национального состава населения. Столицей Остланда и местом резиденции Лозе стала Рига, столица Латвии.

1 сентября 1941 г. Полесье вместе с городом Брестом, а также Волынь, Подолье и город Каменец-Подольск были переданы рейхскомиссариату Украина. 20октября 1941 г. под контроль гражданской администрации перешли Винницкая, Житомирская, Киевская и Черкасская области. Области, расположенные восточнее – Николаевская, Херсонская, Днепропетровская и Запорожская – перешли на гражданский режим 15 ноября 1941 г. В отличие от рейхскомиссариата Остланд, рейхскомиссариат Украина представлял собой единую этническую единицу, и был поделен по административному (а не по этническому) признаку на пять генералкомиссариатов или генералбецирков: Волынь, Николаев, Житомир, Киев и Днепропетровск. Херсонская область и Мелитополь, расположенные к северу от полуострова Крым, перешли к рейхскомиссариату Украина только 1 сентября 1942 г. и получили название

генералкомиссариата Таврия.[21] В результате хода военных действий рейхскомиссариаты Остланд и Украина не расширялись далее на восток и не достигли запланированных Розенбергом границ. По той же причине не были созданы рейскомиссариаты Москва и Кавказ.

По договору между Германией и Румынией от 30 августа 1941 г. территории между реками Днестр и Буг, а также города Одесса и Могилев-Подольск перешли под власть Румынии. Эти земли, являющиеся частью Украины, Румыния получила взамен за ее участие в войне против СССР, а также в качестве компенсации за то, что Германия вынудила Румынию передать Венгрии 30 августа 1940 г. Северную Трансильванию. Это явилось еще одним ударом для украинских националистических кругов, после роспуска националистического правительства во Львове и присоединения Восточной Галиции к польскому Генерал-губернаторству.

Лозе прибыл в Каунас уже в последнюю неделю июля, а 1 августа взял на себя управление Литвой и Латвией. Часть Белоруссии, присоединенная к Остланду, перешла под власть гражданской администрации 1 сентября 1941 г. В Литву был назначен на должность генералкомиссара Адриан фон Рентельн; в Латвию – Отто Дрекслер; в Эстонию – Карл Лицманн; в Белоруссию – Вильгельм Кубе. Пост старшего начальника СС и полиции Остланда получил обергруппенфюрер СС и генерал полиции Ганс Прюцман, которого сменил 15 ноября 1941 г. обергруппенфюрер СС Фридрих Екельн.

27 июля 1941 г. Лозе собрал в Каунасе генералкомиссаров и гебитскомиссаров, назначенных на руководящие посты в Остланде. Главной задачей гражданской администрации он определил эксплуатацию сельского хозяйства с целью обеспечения продовольствием группы армий Север и немецких войск, находящихся в Остланде.[22]

На следующий день, 28 июля, фон Рентельн объявил о получении власти на территории бывшей Литвы. Подразделения литовских «партизан», в которых литовцы хотели видеть ядро своей армии, были распущены, а некоторые из них реорганизованы в полицейские подразделения под немецким командованием. 5 августа фон Рентельн пригласил к себе Временное литовское правительство и объявил о его роспуске. Вместо правительства образовали «Генеральный совет» (Generalrate), члены которого выполняли функции советников при немецкой администрации.

На пост главы Совета назначили литовца Петраса Кубилюнаса, одного из лидеров литовской фашистской организации «Железный волк».[23] Еще 1 августа, до своего роспуска, Временное литовское правительство успело издать «еврейскую конституцию», согласно которой евреи, занимавшие значимые должности при коммунистическом режиме, должны быть арестованы, а остальные переселены в специальные места, которые им запрещено покидать без разрешения полиции; для идентификации евреи должны были носить желтую нашивку; в течение двух недель им необходимо было избавиться от своего имущества, иначе оно будет конфисковано; евреям запрещалось иметь радио-

приемники и т.д. Было указано, что не подчинившиеся новым правилам будут наказаны. Эти законы не относились к евреям, награжденным «Крестом Вайтаса» – добровольцам, вступившим в литовскую армию во время войны за независимость до марта 1919 года.[24]

Временное литовское правительство совершенно проигнорировало тот факт, что в период его деятельности, с последней недели июня и в июле, литовцы убили тысячи евреев в ходе погромов. Правительство не предприняло никаких шагов для прекращения кровопролития.

В Латвии после ухода советской армии националистические круги создали руководящий орган «Организационный Центр Латвии», однако и он был распущен во второй половине июля командиром айнзацгруппы А Шталекером. С назначением гражданской администрации в Латвии там тоже был созван Генеральный Совет во главе с Оскарсом Данкерсом, бывшим начальником генштаба латышской армии.[25] В Эстонии на пост главы Генерального Совета был назначен Хяльмар Мяэ (Hialmar Mae), руководитель ультранационалистического движения «Вапс».

Все три руководителя Генеральных Советов Литвы, Латвии и Эстонии проживали в Германии до ее вторжения в СССР и вернулись на родину с оккупационными войсками. Члены Генеральных Советов исполняли обязанности советников при немецкой гражданской администрации, и их роль выражалась только в содействии использованию немцами экономических ресурсов и в поддержке планов будущей «германизации». Однако сам факт их существования давал странам Балтии статус более предпочтительный сравнительно с другими оккупированными территориями. Это явилось результатом того, что прибалтийские народы не являлись славянскими, а кроме того, немцам импонировало враждебное отношение жителей Прибалтики к России после периода русско-советской власти.[26] Сущестование Генеральных Советов вселяло в местное коренное население надежду на будущую независимость, и большинство его преданно сотрудничало с немецкими властями, особенно в вопросах, касающихся антиеврейской политики.

В генералкомиссариате Белоруссия Кубе 22 октября 1941 г. дал разрешение на создание белорусского Совета, названного «Белорусская Национальная Самопомощь». Его возглавил д-р Иван Ермаченко. Этот орган явился продолжением «Белорусского комитета», созданного немцами в Варшаве в 1940 году. Совет в Белоруссии, подобно прибалтийским, не имел определенных полномочий, немцы создали его в качестве местного аппарата для поддержки их политики. Совет не пользовался популярностью у населения.[27]

В генералкомиссариате Волынь – Подолье, входившем в состав рейхскомиссариата Украина, гражданской администрацией была также организована подобная белорусскому Совету «Украинская Рада Доверия». В Раде заседали 23 члена – мэры крупных городов, главы районной администрации и представители духовенства. Рада собиралась, по-видимому, всего один раз, в конце августа или в начале сентября 1941 г., на том и закончилась её деятельность. Существование Рады противоречило политике рейхскомиссара Коха, который не же-

лал предоставить украинцам даже самый ограниченный суверенитет[28] (его особенно добивались на Западной Украине, где украинский национализм был наиболее силён).

Г. СОЗДАНИЕ МЕСТНОЙ ПОЛИЦИИ

Уже в первые дни оккупации немецким властям стало понятно, что обычных сил немецкой полиции здесь не будет хватать. Огромные пространства с тысячами городов, местечек и сел, с десятками миллионов жителей требовали большого разброса полицейских сил. Особые задачи, возложенные на Гиммлера планом «Барбаросса», включавшие уничтожение евреев, тоже требовали широкого применения полиции. В других оккупированных странах местные полицейские кадры продолжали свою деятельность на службе у оккупантов. В Советском Союзе милицию эвакуировали на восток вместе с остальными органами советской власти, поэтому немецкая администрация, в первую очередь, СС и полиция, вынуждены были заново создавать местную полицию – искать подходящих кандидатов, снабжать их оружием и инструктировать.

В приказе № 1 командующего тылом армий группы Центр от 7 июля 1941 г. говорится: *«Для выполнения полицейских задач следует дать указания бургомистрам о наборе вспомогательной полиции из числа верных людей среди фольксдойче, белорусов, а если таковых будет недостаточно, также из среды поляков, и об их подготовке, при согласовании с начальством полиции безопасности…»*[29]

Военные администрации группы армий Север и группы армий Юг приняли аналогичные меры.

Оружие, которым обеспечили эту полицию, включало ружья из советских трофеев. Кроме обычной полицейской службы по охране общественного порядка местной полиции поручили «*участвовать в выполнении задач государственно-политического характера. Для таких задач следует создать особое обученное подразделение… Это подразделение будет находиться в ведении военного командования. Оно предназначено для борьбы с враждебными элементами…*»[30]

Местная полиция подчинялась местным военным властям либо представителям айнзацкоманд в местах их дислокации. Гиммлер, как руководитель всей системы полицейской безопасности на оккупированных территориях, распространил в среде высшего командного состава СС и полиции в восточных областях секретный приказ о создании местной полиции:

> *«Полицейские задачи на восточных оккупированных территориях не могут быть выполнены только силами полиции и СС, действующими на местах. Поэтому есть необходимость в дополнительных полицейских формированиях (Schutzformationen) из среды подходящих нам этнических групп, проживающих на оккупированных землях. Следует создать такие формирования как можно скорее, как это уже частично сделали айнзацгруппы СС. В первую очередь необходимо включить в эти полицейские формирования украин-*

цев, жителей стран Балтии и белоруссов. Полицейских следует выбирать из местных мужчин и из военнопленных, не являющихся коммунистами...»[31]

Содержание этого документа противоречит намерениям Гитлера, высказанным девятью днями ранее, во время заседания в его ставке 16 июля. По его словам, «нельзя допустить, чтобы кто-то, кроме немцев, носил оружие», однако Гиммлер быстро понял, что на захваченных территориях СССР обстоятельства обязывают действовать по-другому.

Мобилизация в полицейские формирования проводилась на добровольных началах. Доброволец брал на себя обязательство отслужить год, но и в течение года можно было просить о прекращении службы по причинам личного или материального характера. Освобождение от службы находилось в компетенции немецкого офицера, которому подчинялось формирование.[32]

Офицеры, командующие частями местной полиции – шуцманшафтами – были обычно (исключая страны Балтии) немцами, служащими в СС или в полиции. Среди среднего командного состава находились местные жители. В шуцманшафтах, состоящих из литовцев, латышей и эстонцев, командирами формирований назначались люди коренных национальностей. Все они в прошлом служили военными офицерами в своих странах и либо сумели избежать ареста в период советской власти, либо дезертировали из Красной Армии.

Шуцманшафты подчинялись полиции порядка и были организованы по её подобию: существовала форма индивидуальной службы (Einzeldienst) – полицейские, приписанные к городскому или сельскому полицейскому участку, и службы в полицейских батальонах (Schutzmannschafts-Batalione). Участковые полицейские жили, как правило, у себя дома и являлись на службу в рабочие часы или по необходимости. Полицейские батальоны располагались в лагерях. Они легко передвигались и соблюдали армейскую дисциплину. Полицией порядка и шуцманшафтами командовали старшие командиры СС и полиции при группах армий Север, Центр и Юг. В их штабах были созданы особые отделы по формированию шуцманшафтов. Карл Дитрих, начальник особого отдела при штабе фон дем Бах-Залевского, старшего начальника СС и полиции в группе армий Центр, свидетельствовал:

«В середине октября 1941 г. я прибыл в Могилев... Моей основной задачей было создание шуцманшафтов. С этой целью я произвел осмотр лагерей для военнопленных... В период своей деятельности я мобилизовал 5.000 – 6.000 украинцев и других советских граждан. Мобилизованные были распределены по ротам и батальонам, сформированным в районе Могилева... Эти украинцы были использованы для охраны. А также обучены воевать с партизанами...»[33]

Шуцманшафты стали основной силой немецкой полиции на оккупированных территориях. Следующая таблица представляет число местных шуцманов (полицейских) и немецкой полиции порядка в зонах немецкой администрации на оккупированных территориях СССР в период с 1941-го по 1942-й гг.

Регион	Шуцманшафты	Полиция порядка	Шуцманшафты	Полиция порядка
	1941 г.		1942 г.	
Остланд	31.652	3.439	54.984	4.442
Украина	14.452	3.880	105.000	10.194
Военная администрация	*	4.751	140.000	14.194
Всего	46.104	12.070	299.984	28.830

*данных не имеется.

В 1942 г. шуцманшафты составляли 90% от всех полицейских сил на оккупированных территориях СССР. Численное соотношение между шуцманми и служащими в немецкой полиции порядка было 1:10 – на каждого немецкого полицейского приходилось десять местных полицейских.

Шуцманы распределялись по участкам и батальонам следующим образом:

Род службы	Остланд	Украина	Военная администрация
участки	31.804	70.000	
батальоны	23.758	35.000	140.000*
Всего	55.562	105.000	140.000*

* данных о распределении полицейских по участкам и батальонам не имеется.

В каждом полицейском батальоне было 450 – 500 солдат. В Остланде действовали 60 батальонов, а в рейхскомиссариате Украина – 70–80 батальонов. Ниже приводится отрывок из немецкого официального документа, описывающего организацию шуцманшафтов в Белоруссии; возникшие проблемы были характерны и для других регионов оккупированного СССР:

«Немецкая армия, заняв земли Белоруссии летом 1941 г., не нашла там местную полицию... Мобилизация в формирования полиции порядка проходила добровольно... В июле 1941 г. в Минске было создано формирование лолиции порядка, насчитывающее 910 человек. Оно состояло из военнопленных украинцев, отпущенных из лагерей в Минске и окрестностях... Зима 1941 – 1942 гг. была использована... для вербовки, обучения и экипировки новых шуцманшафтов.

Развитие событий на экономическом фронте и одновременное постоянное ухудшение условий безопасности в Белоруссии привели к вынужденному усилению охраны имущества в Минске уже зимой 1941-42 гг. Поэтому помимо украинского формирования, на основе которого были созданы два батальона шуцманшафтов, возникла необходимость переправить в Белоруссию еще два батальона шуцманшафтов из Литвы. В связи с началом партизанской

деятельности весной 1942 г. в Белоруссию были переправлены дополнительные батальоны литовских, латышских и эстонских шуцманшафтов… Приказ о создании батальона белорусских шуцманов был дан только в августе 1941 г. После первого ободряющего этапа становления батальона наступил период трудностей, когда отсеялись неподходящие по физической подготовке и дезертиры. Таким образом, число служащих батальона уменьшилось в течение трех недель с 560 до 180 человек… Вот перечень шуцманшафтов, действующих в настоящее время на территории Белоруссии: 4 литовских батальона, 2 латышских, 7 украинских; одно подразделение украинских артиллеристов; один белорусский батальон… События последней зимы (1942 – 1943) на фронте были освещены вражеской пропагандой не в нашу пользу. В результате наблюдалось широкомасштабное дезертирство украинцев и белорусов из шуцманшафтов, серьезные столкновения с немецкими командирами, предательства и ведение переговоров с бандитами [так называли партизан – И.А.]… Подобные явления в настоящее время прекратились... солдаты шуцманшафтов любой национальности способны, находясь под подходящим руководством и не подвергаясь влиянию враждебной пропаганды, исполнять свои обязанности лучшим образом…»[35]

Из этого документа понятно, что большинство солдат шуцманшафтов, служивших, в основном, в батальонах, были выходцами из Прибалтики и Украины. Мобилизация белорусов была связана с определенными трудностями. 300.000 солдат шуцманшафтов были самой многочисленной силой, находившейся в распоряжении Гиммлера для выполнения его задач в рамках операции «Барбаросса» и для уничтожения евреев на оккупированных территориях СССР. Они были теми, кто на практике осуществлял антиеврейские мероприятия; они следили за тем, чтобы евреи не могли бежать из гетто и мест массового уничтожения; они наравне с немецкими подразделениями принимали участие в массовых казнях евреев.

Д. АНТИЕВРЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ: ВРЕМЕННЫЕ ДИРЕКТИВЫ ЛОЗЕ И «КОРИЧНЕВАЯ ПАПКА» РОЗЕНБЕРГА

1-го августа 1941-го Розенберг созвал у себя в Берлине заседание с участием руководителей рейхсминистерства оккупированных восточных территорий и рейхскомиссара Лозе. Лозе рассказал о процессе перехода региона под его ответственность и отметил, что население ведет себя спокойно и вернулось к работе. О евреях Лозе сказал:

«Самая важная проблема это еврейский вопрос. До настоящего времени литовское население истребило 10.000 евреев. Эти убийства происходят каждую ночь… Согласно решению фюрера, конечная цель – это германизация рейхскомиссариата Остланд. Евреи будут поголовно изгнаны из этого региона…»[36]

Одним из первых документов, выпущенных Лозе, был приказ от 13

августа 1941 г.: «Временные директивы по обращению с евреями на территории рейхскомиссариата Остланд». В директивах определялось, кто подпадает под понятие «еврей» и излагались все основные аспекты политики по отношению к евреям:

«Окончательное решение еврейского вопроса на территории рейхскомиссариата Остланд будет проводиться в соответствии с указаниями, данными мною 27 июля 1941 года в Каунасе. Поскольку полиция безопасности выполняет мероприятия, дополнительные к тем моим устным указаниям, нижеследующие временные директивы ее не касаются. Единственная цель этих временных директив – обеспечить, чтобы всюду и во всех случаях, когда невозможно проведение всех необходимых действий по окончательному решению еврейского вопроса, генералкомиссаром или гебитскомиссаром были приняты нужные меры хотя бы в минимальном объёме:

Генералкомиссары областей, в которых введено гражданское управление, должны немедленно обеспечить следующее:

I. Евреи обязаны зарегистрироваться…

II. Следует приказать евреям постоянно носить ясно различимые опознавательные знаки – шестиконечные желтые звезды…

III. Евреям запрещается:

Выезжать из своей местности или менять место жительства без разрешения гебитскомиссара…

Имущество еврейского населения подлежит конфискации… этот закон распространяется и на то имущество евреев, которое находится в руках неевреев.

Гебитскомиссары объявят о немедленной сдаче следующих предметов: местная и иностранная валюта, ценные бумаги, акции, ценные вещи (например, золотые и серебряные слитки и монеты)… В руках еврейского населения будут оставлены: самые необходимые предметы домашнего обихода…, сумма денег из расчета 0,2 рейхсмарки (2 рубля) в месяц на каждого еврея…

Сельская местность должна быть очищена от евреев… Необходимо максимально сконцентрировать евреев в городах либо в районах крупных городов, население которых и прежде было преимущественно еврейским. Там следует создать гетто. Евреям будет запрещено покидать гетто. Гетто следует обеспечивать продуктами питания в том количестве, которое можно сэкономить на нуждах остального населения, однако не больше самого необходимого для существования жителей гетто… Жители гетто будут решать свои проблемы самостоятельно, с помощью внутреннего правления гетто, под надзором гебитскомиссара или назначенного им должностного лица. Для обеспечения внутреннего порядка из числа жителей гетто может быть создана еврейская полиция…

Евреи будут использованы на принудительных работах… Оплата труда не должна соответствовать выработке… Частные предприятия, нанявшие еврейских рабочих, будут перечислять оплату в кассы гебитскомиссаров, а из касс будут производиться выплаты

рабочим...»[37]

Цель этих временных директив, как сказано в них, была одна: *«обеспечить, чтобы всюду и во всех случаях, когда невозможно проведение всех необходимых действий по окончательному решению еврейского вопроса...были приняты нужные меры хотя бы в минимальном объёме».* Этот пункт особенно важен; именно он предоставляет полиции безопасности (Сипо) преимущество перед гражданской администрацией при проведении политики уничтожения евреев. Здесь определено, что все меры, упоминаемые в директивах, как, например, создание гетто, принудительный труд и т. п., являются временными – главным же действием является проводимое полицией безопасности истребление евреев. На практике эти меры облегчили процесс уничтожения, так как евреев стало легко опознавать и они оказались сосредоточены в определенном месте, так что не было необходимости искать и собирать их по городам и местечкам.

В рейхскомиссариате Украина не обнаружилось документа, подобного документу Лозе, и, видимо, таковой никогда не существовал. Антиеврейские мероприятия гражданской администрации Коха продолжали политическую линию военной администрации и практику айнзацгрупп. Антиеврейские приказы публиковались в ведомственных бюллетенях – как правило, в виде подпункта в параграфе, касающемся населения в целом. Например, в документе под названием «Временные директивы – налогообложение и другие финансовые вопросы в рейхскомиссариате Украина», изданном Кохом 3 ноября 1941 г., помимо общеобязательных положений уточнено, что евреи облагаются налогом, размер которого назначат гебитскомиссары, а также сказано, что учреждения и предприятия, использующие еврейский труд, должны перечислить в кассу немецких властей разницу между суммой, которую они платят за определенный вид работ неевреям, и меньшей суммой, выплачиваемой за тот же труд евреям.[38]

3 сентября 1941 г. Рейхсминистерство оккупированных восточных территорий выпустило документ «Гражданская администрация на оккупированных восточных территориях», получивший название «Коричневая папка» (Braune Mappe). Здесь содержались директивы по политике на оккупированных территориях СССР, а также на землях, которые окажутся под оккупацией в будущем. Первая часть документа касалась рейхскомиссариата Остланд, вторая – рейхскомиссариата Украина. В каждой части отдельная глава посвящалась проблеме евреев, без упоминания того факта, что в действительности на местах происходит массовое уничтожение. Вот что сказано о евреях рейхскомиссариата Остланд:

*«**Директивы по подходу к еврейскому вопросу.** Общее. Все меры, принимаемые по еврейскому вопросу на оккупированных восточных территориях, должны основываться на том, что по еврейскому вопросу будет принято общеевропейское решение после войны. Поэтому на данном этапе следует планировать частичные шаги, согласованные с остальными решениями в этой области...*

Еврейское население следует зарегистрировать посредством обязательной переписи. Все евреи должны быть отмечены опознавательным знаком (желтой еврейской звездой).

Отделение от остального населения. Одной из первых и сновных целей при принятии мер является полное отделение евреев от остального населения... Многие евреи отказались от своей Моисеевой веры и поменяли свои имена и фамилии на русские. Необходимо приказать, чтобы во время обязательной переписи евреи докладывали об изменениях в их именах, сделанных ими либо их предками, и отменять эти изменения... Следует приступить к их переселению в гетто...

Экономические меры. Необходимо следить за тем, чтобы при принятии антиеврейских мер не пострадали основные экономические интересы... [Евреи] будут использованы, под надзором, для разнообразных физических и производительных работ (мощение дорог, прокладка рельсов, рытье окопов и т.д.)... Большую часть еврейского населения следует направить на сельскохозяйственные работы...»[39]

Эти директивы были, видимо, составлены в своей окончательной редакции в августе и переданы в Остланд 3 сентября 1941 г. В те дни больших побед немецкой армии вожди Германии верили в реальную возможность падения Москвы и Ленинграда и развала СССР до зимы.[40] В этом свете следует рассматривать указание «коричневой папки»: *«Все меры, принимаемые по еврейскому вопросу... должны основываться на том, что по еврейскому вопросу будет принято общеевропейское решение после войны»*. Розенберг, безусловно, не собирался откладывать на годы общее решение, так как, по его оценке, конец войны и победа Германии были делом нескольких месяцев. О намерениях Розенберга можно судить по его словам, сказанным 18 ноября 1941 г. в присутствии служащих его министерства:

«На востоке (Европы) все еще проживают около шести миллионов евреев. Эта проблема может разрешиться только при помощи биологического уничтожения всего европейского еврейства. Для Германии это случится, когда ни одного еврея не останется на немецкой земле; для Европы – когда до Уральских гор ни одного еврея не останется на европейском материке».[41]

«Коричневая папка» для рейхскомиссариата Украина была направлена туда в декабре 1941 г. Глава, посвященная евреям, повторяла, с малыми поправками, соответствующую главу, посланную в Остланд.[42]

Указания по еврейскому вопросу из «коричневой папки» были далеки от реальных условий в рейхскомиссариатах Остланд и Украина и не имели практического значения. Старшие начальники СС и полиции и айнзацгруппы действовали в соответствии с директивами Гиммлера и Гейдриха об уничтожении евреев. 10 января 1942 г. Гейдрих направил Розенбергу следующее письмо:

«С содержанием «коричневой папки» я, к сожалению, не могу согласиться. Считаю необходимым взять в расчет полномочия, дан-

ные рейхсфюреру СС... Связанные с евреями вопросы решаются в сфере полиции, и в мои задачи входит установление директив по еврейскому вопросу и вынесение их на обсуждение РСХА (ответственное лицо – штурмбанфюрер СС Эйхман)».[43]

В еврейской главе «коричневой папки» Гейдрих видел вмешательство Розенберга в сферу его деятельности. «Папка» была выпущена в самый разгар подготовки к совещанию в Ванзее, на котором Гейдрих сообщил о *«своем назначении (рейхсмаршалом Герингом) ответственным за подготовку окончательного решения еврейского вопроса в Европе»*. Совещание было назначено на 9 декабря 1941 г., но состоялось только 20января 1942 г.[42] Письмо Гейдриха от 10 января имело целью показать Розенбергу и его рейхсминистерству, что всё, касающееся евреев, находится в руках РСХА, что уничтожение евреев выполняется во время войны, и экономические интересы не могут препятствовать их уничтожению.

Е. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕХ, КТО СЧИТАЛСЯ ЕВРЕЕМ

Немецкая администрация должна была точно определить, «кто еврей», чтобы местному населению было понятно, против кого направлены антиеврейские меры. Это определение основывалось на «Нюрнбергских законах», принятых в Германии в 1935 году. Уже в первые дни оккупации военная администрация опубликовала указ, определяющий, «кто еврей»:

«Евреем считается тот, кто происходит, по меньшей мере, от трех дедушек или бабушек, которые в расовом отношении являются чистокровными евреями. Евреем считается также тот, кто происходит от двух дедушек или бабушек, чистокровных евреев, и:

А – принадлежит к еврейской религиозной общине

Б – состоит в браке с евреем или еврейкой...»[45]

Эта формулировка военной администрации соответствовала определению еврея в Нюрнбергских законах; гражданская администрация определяла еврея гораздо жёстче. Во временных директивах Лозе указано, что евреем является тот, у кого один или два из дедушек или бабушек были чистокровными евреями и «он принадлежит либо принадлежал к членам еврейской религиозной общины... или находился в браке с евреем или еврейкой...» Таким образом, достаточно было наличие одного, а не двух еврейских дедушек или бабушек, чтобы считаться евреем, с дополнительным условием принадлежности к общине или брака с евреем.

В первые дни оккупации не упоминались смешанные семьи, в которых один из супругов еврей, и не указывалось, как поступать с их детьми. Эти вопросы затем в течение нескольких месяцев обсуждались в высших эшелонах власти в Берлине и на оккупированных территориях.[46]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Dokumentenedition, Europa unterm Hakenkreuz, Sovjetunion.* – Berlin, 1991, pp. 146 – 147 (далее: *Hakenkreuz...*).

2. *Latvijas PSR Centrálais Valsts Octobra Arhives* (Государственный Исторический Ар-

хив Латвийской ССР). Фонд R-70, опись 5, дело 48, глава 3А – 4 (далее: *Latvijas Arhives...*).
3. Документ пехотной дивизии 383, Архив Яд Вашем, М-33/544.
4. *Latvijas Arhives...*, фонд R-70, дело 48, глава 5-N.
5. J. Foerster, *«Jewish Policies»...*, p. 59.
6. Christian Streit. *Keine Kameraden*. – Stuttgart, 1978, p. 113 (далее: Streit, *Keine...*).
7. USHMMA, Vervaltungs-Anordnungen Nr. 2, RG-53002M, Reel 4.
8. Krausnik, *Hitler's...*, p. 179.
9. *Ibid*, p. 181.
10. Нюрнбергские документы, L-180, с. 22.
11. Dallin, *German Rule...*, p. 189, note 3.
12. *Trial of the Major War Criminals*, Vol. 38. – Nurenberg, 1949, pp. 86 – 94.
13. Dallin, *German Rule...*, pp. 123 – 133; Clifton J. Child, *The Ukraine under German Occupation*. В сб.: A. and V. Toynbee (eds.), *Hitler's Europe*. – Oxford , 1954, pp. 635 – 637 (далее: Child, *The Ukraine...*).
14. Заставенко Г.Ф. и др., (ред.), *Преступные цели, преступные средства. Документы*. – Москва, 1968, с. 62 – 63 (далее: Заставенко и др., *Преступные*...).
15. *Hakenkreuz...*, pp. 165 – 166.
16. *Ibid*, pp. 164 – 165.
17. Заставенко, *Преступные...*, с. 60 – 61.
18. Dallin, *German Rule...*, p. 121.
19. *Ibid*, p. 91.
20. Нюрнбергские документы, PS-197.
21. Dallin, *German Rule...*, p. 85, note 3; p. 91.
22. Суд над Гевеке, гебитскомиссаром Шауляя (Литва), Архив Яд Вашем 04/20-66-2, с. 40; Нюрнбергские документы, PS-1138.
23. Baranauskas and Ruksenas, *Documents...*, pp. 100 – 105.
24. *Ibid*, pp. 144 – 146.
25. Andrew Ezergailis, *The Holocaust in Latvia*. – Riga – Washington, 1996, pp. 122 – 125 (далее: Ezergailis, *The Holocaust...*).
26. Dallin, *German Rule...*, pp. 182 – 185, 189 – 193.
27. *Ibid*, p. 217.
28. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews...*, p. 58.
29. Архив Яд Вашем, 051\310.
30. USHMMA, RG-53, 005 M, Reel 2, UC. Материал из Гомельского областного архива. В приказе военным властям, выпущенном 454-й дивизией безопасности, ответственной за тыловые территории группы армий Юг, сказано, что число полицейских в каждой местности должно равняться двум процентам общего населения; смотри также: Müller, *Deutsche Besatzungs...*, p. 59.
31. Государственный Особый Архив, Москва, фонд 1323, опись 1, дело 50, лист 10.
32. Приказ Гимлера от 19 января 1942 г. Lietuvos TSR Centrinis Valstybinis Archyvas (Литовский Государственный Архив), Fond R-689, Opis 1, Delo 274, p. 34 (далее: LTSR CVA...).
33. Показания К. Дитриха на суде в Дортмунде, Германия, 16 января 1963 г.
34. Иегошуа Бихлер, *«Шуцманшафты – местные полицейские подразделения – на оккупированных территориях СССР»* (иврит). – Ялкут Морешет 68, с. 75 (далее: Бихлер, *Шуцманшафты...*); Helman Krausnik and Hans Heinrich Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungs-Krieges*. – Stuttgart, 1981, pp. 173 – 205.
35. Национальный Архив Республики Беларусь, фонд 370, бокс 1, документ 1262, л. 147 – 158.
36. Архив Яд Вашем 04/53/1, стр. 1 – 2. Дата протокола заседания – 5 августа 1941 г.
37. Нюрнбергские документы, PS-1138.
38. Архив Яд Вашем, М-37/1136.

39. *Там же,* «Коричневая папка».
40. Кейтель пишет, что в начале августа Гитлер верил в то, что Красная Армия уже побеждена, и приказал военной промышленности перенаправить основные усилия по снабжению оружием с сухопутных сил на морской и воздушный флот, сражающиеся с Британией. См.: *The Memoirs of Field-Marshal Keitel.* – London, 1965, p. 145.
41. Wilhelm, *Rassenpolitik*, p. 131.
42. Нюрнбергские Документы, PS-702, pp. 35 – 36.
43. Архив полиции Израиля. Процесс Эйхмана, дело 349.
44. Совещание было перенесено в связи с нападением Японии на США 7 декабря 1941 г. и вступлением Германии в войну против США 11декабря 1941 г.
45. Muller, *Deutsche Besatzungs...*, p. 60. Мюллер цитирует приказ дивизии безопасности 454, действовавшей в центральной Украине, где ей подчинялась военная администрация, от 20 августа 1941 г.
46. О политике относительно смешанных семей и их потомства, а также относительно полукровок см. главу 35.

ГЛАВА 14

«ВРЕМЕННЫЕ» И ОТКРЫТЫЕ АНТИЕВРЕЙСКИЕ ДЕЙСТВИЯ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ

А. НОШЕНИЕ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗНАКОВ И ДРУГИЕ САНКЦИИ

Описанные в предыдущей главе «временные» и открытые антиеврейские санкции проводились военной, а затем и гражданской администрацией параллельно с тотальным уничтожением евреев на оккупированных территориях СССР айнзацгруппами и другими подразделениями СС и полиции. Указания о ношении опознавательных знаков, регистрации, явке на принудительные работы, о создании гетто, а иногда и определения «кто является евреем» публиковались в виде уличных объявлений и в местных газетах. Формулировки указаний и их изложение не были одинаковыми и зависели от ортскомендантов в зонах военной администрации и от гебитскомиссаров – в зонах гражданской администрации. После заключения евреев в гетто юденраты обязаны были доводить содержание приказов до сведения еврейского населения. В приказах имелось предупреждение о строгом наказании, обычно смертной казни, за их нарушение.

Распоряжения, опубликованные военной администрацией в первые недели оккупации, прежде всего касались ношения евреями опознавательных знаков. Знаки не были однообразны: например, в указе, опубликованном в Вильнюсе 4 июля 1941 г. говорится, что, согласно приказу военного коменданта города, все евреи, независимо от пола и возраста, обязаны носить на груди и спине особый знак диаметром в 10 сантиметров. В том же указе евреям запрещалось находиться на улицах города с шести вечера до шести утра. Четыре дня спустя новый военный комендант города обязал всех евреев старше десяти лет носить на левой руке белую повязку шириной в 10 сантиметров. В другом распоряжении указывались определенные часы, в которые евреям разрешалось посещать рынок (перед закрытием, когда почти весь товар уже продан), а также запрещалось находиться на центральных улицах города. Когда Вильнюс перешел под управление гражданской администрации, гебитскомиссар города опубликовал 2 августа приказ евреям носить на левой стороне груди и на спине желтую шестиконечную звезду. Тем же приказом евреям запрещалось ходить по тротуарам; им следовало передвигаться только гуськом по правой стороне шоссе. Евреям также не разрешалось посещать парки и пользоваться общественным транспортом.[1]

В Каунасе евреям приказали носить на груди и на спине желтую шестиконечную звезду и переместиться в гетто; евреям, покинувшим город, запретили возвращаться (имелись в виду беженцы, пытавшиеся эвакуироваться).[2]

В распоряжении Волынской военной администрации от 21 июля

евреям старше 14 лет приказывалось носить на левой руке белую повязку с голубой шестиконечной звездой. Евреев обязали в числе других работ восстанавливать строения и дороги, пострадавшие в ходе военных действий. В тексте указывалось, что восстановительные работы должны финансироваться посредством наложения контрибуции на евреев.[3]

Военный комендант Львова издал 8 июля 1941 г. приказ, в котором евреям предписывалось носить на левой руке белую повязку с голубой шестиконечной звездой; это распоряжение содержало формулировку, объясняющую, кого следует считать евреем.[4]

В Бобруйске и других городах Белоруссии евреи должны были носить желтые нашивки на груди и спине.[5] В Днепропетровске и других украинских городах евреев заставили носить белую повязку, а в Мариуполе (Украина) и в Евпатории (Крым) – желтый круг на груди и на спине.[6]

Кроме приказов о желтой нашивке либо белой повязке, на территории СССР в его старых границах было опубликовано распоряжение об обязательной регистрации еврейского населения в местных городских советах либо в юденратах.[7] В некоторых городах, например, в Могилеве, всех жителей города обязали пройти регистрацию и указать свою национальную принадлежность.[8]

Приказы военной администрации, адресованные местному населению в целом, содержали различные требования: о немедленной сдаче радиоприемников, оружия и боевых принадлежностей, о регистрации всех транспортных средств – частных и общественных, о выходе на работу работников тепло- и электростанций, водонапорных башен и пекарен. В этих документах указывалось время ночных комендантских часов (для евреев короче, чем для остальных); назначались официальные денежные единицы – рубль и марка (десять рублей равнялись одной марке). Эти общие распоряжения распространялись и на евреев. В некоторых приказах говорилось, что в случае их невыполнения будут расстреляны заложники. Приказ, выпущенный армией на Украине, предусматривал в качестве антидиверсионной меры взятие заложников по следующему принципу: из мест с населением до 1.000 человек – 5 заложников, а в более крупных населенных пунктах на каждую тысячу жителей 10 заложников. Половину заложников должны были составить евреи, а остальные – русские, украинцы и поляки в равных долях.[9]

Указания представителей ОКХ подведомственной им военной администрации на местах не были исчерпывающими и однозначными, каждый местный комендант мог самостоятельно решать, когда приступать к выполнению этих распоряжений. В одних населенных пунктах антиеврейские меры принимались уже в первые дни оккупации, в других – недели спустя. После перехода тыловых территорий под власть гражданской администрации ее руководители заново публиковали антиеврейские распоряжения, как правило, не отличавшиеся от распоряжений военной администрации. В рейхскомиссариатах Остланд и Украина евреям вменялось носить желтые нашивки на спине и на груди.

В Восточной Галиции евреям приказали носить на левой руке белую повязку с голубой шестиконечной звездой, как было принято в Генерал-губернаторстве Польши.

Б. СОЗДАНИЕ ЮДЕНРАТОВ

Создание юденратов на оккупированной территории СССР было сложнее, чем в других странах Европы, захваченных нацистами. Там до прихода немцев действовали традиционные еврейские общины и организации с признанным руководством. Из рядов руководителей еврейских учреждений и выбирались члены юденратов с самого начала оккупации.

Уже на третьей неделе Второй мировой войны, 21 сентября 1939 г. Гейдрих в телеграмме командирам айнзацгрупп, действовавших на территории Польши, указал:

«При каждой еврейской общине необходимо выбрать совет старейшин (юденрат), состоящий из лиц, обладающих авторитетом, и из оставшихся раввинов… Совет будет нести полную ответственность… за точное и своевременное выполнение приказов…»[10]

На оккупированных территориях СССР не существовало еврейских общин и организаций, и соответственно не имелись *«лица, обладающие авторитетом и оставшиеся раввины»*. Советское правительство распустило еврейские общины и выслало либо арестовало многих из еврейских лидеров.

На территориях, аннексированных Советским Союзом в 1939 – 1940 гг., немцы еще могли найти раввинов и еврейских деятелей, на них и возложили миссию созвать еврейских общественных деятелей для выбора членов юденратов из их среды. Характерным примером создания юденрата служит Вильнюс. Крук, присутствовавший на заседании еврейских общественных деятелей, выбравшем Вильнюсский юденрат, пишет в своем дневнике:

«4 июля 1941 г. к синагоге на еврейской улице (Идише Гас) подъехала машина, из которой вышли два немца… Они вошли во двор и спросили про вильнюсского раввина. К ним привели служку синагоги… Он объяснил, что главный раввин И. Рубинштейн находится в Америке… Тогда немцы сказали ему: «Ты будешь раввином… Приказываем тебе назначить еврейское представительство и завтра нам сообщить». Гордон отправился к бывшему секретарю общины… который пригласил несколько человек на совещание… На вечернем совещании было решено: те, кто будет избран, начнут свою службу обществу».[11]

Все избранные в Вильнюсский юденрат являлись общественными деятелями, известными среди евреев города. Они не хотели становиться членами юденрата, некоторые отказались от должности. Председателем юденрата избрали Шауля Троцкого, в прошлом деятельного члена общины и члена городского совета.[12]

В Каунасе еврейские общественные деятели создали свой Комитет еще до избрания официального юденрата, и этот Комитет искал кон-

такты с немецкими и литовскими властями в целях прекращения погромов и преследования евреев на улицах. Члены Комитета стали впоследствии ядром юденрата, во главе которого оказался общественный деятель и известный врач доктор Эльханан Элькес.[13] В Шауляе в начале июля местные литовские власти назначили юденрат.[14]

Аналогичная картина наблюдалась и в Западной Украине. Во Львове мэр города украинец д-р Полянский 22 июля объявил о назначении временного руководства еврейской общины во главе с известным общественным деятелем доктором Йосефом Парнесом.[15] На Волыни в Луцке, Ровно и Ковеле военная администрация вызвала к себе еврейских общественных деятелей, имена которых она получила от местного украинского управления, и приказала им создать юденрат. В мелких населенных пунктах, где не было представителей военной администрации, украинские власти сами создавали юденраты; а в некоторых местах евреи еще до получения приказа о создании юденратов выбирали свое представительство, чтобы оно попыталось путем переговоров с властями облегчить положение евреев, страдавших от антиеврейских мер.[16]

В Гродно в конце июня, через считанные дни после оккупации города, бывший директор школы Давид Бравер был вызван в канцелярию военной администрации, где ему приказали в течение суток создать юденрат. Как и во многих других местах, членами юденрата стали представители еврейских партий и организаций, существовавших до сентября 1939 г.[17]

В Бессарабии и Северной Буковине юденраты возникли по инициативе румынских властей. В Кишиневе 1 августа 1941 г., сразу после образования гетто, создали юденрат во главе с Ландау Гутманом.[18] После оккупации Черновиц в начале июля 1941 г. румынский мэр города назначил руководство еврейской общины во главе с доктором Сигизмундом Нойбергером.[19]

На территории СССР в старых границах еврейские общественные лидеры были уничтожены советскими властями. Евреи, известные благодаря своей деятельности в советских учреждениях, эвакуировались, а те, кто оказался под оккупацией, подлежали уничтожению в первую очередь, являясь и евреями, и коммунистами. Это вынуждало немцев создавать здесь юденраты из «просто» евреев, иногда из тех, кто случайно подвернулся под руку в первые дни оккупации.

Характерный пример – создание Минского юденрата. В начале июля немцы арестовали на улице десять евреев, привели их в канцелярию военной администрации, где объявили им, что отныне они являются еврейским комитетом – юденратом, ответственным за выполнение немецких приказов. Один из десяти, инженер Илья Мушкин, был назначен председателем после того, как немцы обнаружили, что он немного говорит по-немецки.[20]

Аналогичным способом возникали юденраты и в других местах. В Евпатории (Крым) на пятый день оккупации немцы схватили на улице десять евреев и назначили их членами юденрата.[21]

Военная администрация не всегда пользовалась термином «юденрат». Например, в Ставрополе, чтобы ввести евреев в заблуждение, юденрат назвали «Комитетом для защиты интересов еврейского населения».[22] В Мариуполе 10 октября 1941 г., на вторые сутки после оккупации, военная администрация приказала избрать еврейское представительство, ответственное за «хорошее поведение еврейского населения».[23] В свидетельских показаниях о Браилове (Украина) и Узде (Белоруссия) также упоминается существование юденратов.[24]

Евреям Харькова 14 декабря 1941 г. приказали переехать в гетто и выбрать из своей среды уполномоченного, как бы председателя юденрата. Им был избран (или назначен) пожилой врач Гурвич.[25] Во многих населенных пунктах создавать юденраты не потребовалось – евреи там были уничтожены в первые дни оккупации.

Уже в начале оккупации захватчики в ряде мест приказали юденратам собрать среди евреев большие денежные суммы и ценности и передать их немецким властям. Эта мера получила у евреев название «контрибуция». Контрибуции, проводимые под страхом расстрела заложников, резко ухудшили положение евреев, лишив большинство из них последнего имущества. Но евреи склонны были верить, что выплата контрибуций спасет их от других преследований.[26]

В. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

С первых дней оккупации обязанностью всех евреев стал принудительный труд – одна из самых тяжелых мер для евреев в период, предшествовавший их уничтожению. В приказах немецкой военной администрации указывалось, что *«все мужчины еврейской национальности в возрасте от 14 до 60 лет, и женщины в возрасте от 16 до 50 лет, обязаны немедленно приступить к принудительным работам...»* Почти то же говорил и «Приказ о принудительном еврейском труде на оккупированных восточных территориях», изданный Розенбергом 16 августа 1941 года: *«Евреи, мужчины и женщины, в возрасте от 14 до 60 лет, жители недавно оккупированных восточных территорий, обязаны выполнять принудительные работы...»*[27]

В приказе от 5 августа 1941 г. Розенберг объявлял, что труд (Arbeitspflicht) является обязанностью всего населения в возрасте от 18 до 45 лет,[28] однако разница между неевреями и евреями заключалась не только в возрасте, но и в виде исполняемых работ. Обязанность трудиться (Arbeitspflicht) давала возможность избрать подходящую работу и получать за неё зарплату – это существенно отличало её от принудительного труда (Arbeitszwang) евреев. Только спустя много месяцев после начала оккупации, когда немецкие власти начали посылать людей на работу в Германию, труд, обязательный для всего населения, приобрёл более принудительный характер.

Еврейский труд направлялся в основном на благо военной или гражданской администрации либо подразделений немецкой армии. Когда частные предприниматели, немцы и местные, развернули свою деятельность, они также могли, с разрешения властей, использовать ев-

рейский труд. Евреи, как правило, не получали плату за работу, а если и получали, то урезанную.[29]

В первые дни и недели оккупации, до того, как принудительные работы стали налаженным процессом, немецкие солдаты и местные полицейские заставляли пойманных на улице евреев расчищать улицы от разрушенных строений, ремонтировать дороги и мосты, поврежденные при бомбежках, хоронить трупы солдат Красной Армии и т.д.

Иногда под предлогом принудительных работ евреев подвергали откровенному измывательству. Вот свидетельство из Вильнюса:

«В нашу квартиру и другие квартиры нашего двора ворвались литовцы... Нас собрали только для того, чтобы поиздеваться. Приказали идти сгорбившись и рвать траву... Время от времени к нам подходили литовцы или литовки и жестоко били нас деревянными или резиновыми дубинками...» [30]

Евреев забирали не только на работу. В первые недели оккупации мужчин евреев хватали на улице или в собственных домах и уводили в неизвестном направлении. Обратно никто не возвращался. Предполагалось, что этих людей посылали на принудительные работы в прифронтовой полосе, но на самом деле их расстреливали в тот же день.

После стабилизации немецкого режима организация принудительных работ стала делом учреждений, обеспечивающих хозяйственные и экономические нужды военной администрации, а также бирж труда немецкой гражданской администрации (Arbeitsamt). Юденраты обязаны были удовлетворять потребности бирж труда в еврейской рабочей силе. Евреи-специалисты использовались в своих профессиональных областях. Некоторыми профессиями, например, портняжным, сапожным и слесарным ремёслами или водопроводным делом владели практически одни евреи. Евреев также заставляли выполнять различные тяжёлые работы: дорожные, строительные и т.д. Так продолжалось до угона евреев на уничтожение – иногда проходило несколько дней, иногда несколько месяцев. В немногих местах эксплуатация евреев для принудительных работ продолжалась почти три года – до освобождения советской армией.

Г. ГЕТТО КАК ВРЕМЕННАЯ МЕРА

Гетто, возникшие на территории польского Генерал-губернаторства в 1939 – 1940 годах, являлись этапом «окончательного решения еврейского вопроса», и они **предшествовали** этапу уничтожения. Гейдрих в директивной телеграмме 21 сентября 1939 г. указывал: *«Первое условие для достижения конечной цели – это, прежде всего, концентрация местечковых и сельских евреев в более крупных городах... чтобы облегчить выполнение последующих мер...»*.[31] О характере «последующих мер» здесь не говорилось, это оставалось тогда секретом.

На оккупированных территориях СССР «последующие меры» означали тотальное уничтожение, и гетто создавались **одновременно с его началом**, а в некоторых местах – **после** истребления большинства местных евреев. В тех местах, где евреев возможно было уничтожить

немедленно, уже в первые недели или месяцы оккупации, гетто, как правило, не возникали. Так, в Киеве сразу после начала оккупации, 29 и 30 сентября расстреляли всех евреев, и гетто вообще не было создано. Вместе с тем рассредоточенность евреев на огромном пространстве по сотням населенных пунктов, большое количество евреев по сравнению с силами айнзацгрупп и других подразделений СС, занятых их истреблением, затраты времени на организацию местной вспомогательной полиции – все эти причины часто растягивали процесс уничтожения на много месяцев. Концентрация евреев в гетто в качестве временного решения не противоречила тенденции уничтожения, а только облегчала его.

Распоряжения о создании гетто предоставляли исполнителям на местах свободу действий. В «Директивах по подходу к еврейской проблеме», выпущенных ОКХ, сказано:

> *«Гетто… будут созданы в тех местах, где проживает значительное число евреев – эта мера действенна и необходима – но надо учитывать местные условия и средства, а также иметь в виду, что создание гетто не должно повредить более срочным задачам».*[32]

Таким образом, ортскоменданты и фельдскоменданты могли решать, есть ли необходимость в создании гетто, и, если да, где и когда это осуществить. Единства действительно не было. В одних местах гетто возникли в первые же недели управления военной администрации, в других – спустя многие месяцы.

Гражданская администрация в рейскомиссариатах Остланд и Украина в ряде мест приняла гетто, возникшие при военной администрации, однако в большинстве регионов гетто требовалось создавать. Розенберг в «коричневой папке» отметил, как общее соображение, что необходимо стремиться к переселению евреев в гетто, а Лозе во «временных директивах» указывает, что следует, по возможности, сконцентрировать евреев в городах, создавая гетто, – но в обоих документах нет однозначного распоряжения о немедленном заключении евреев в гетто. Решение оставалось за гебитскомиссарами, из-за чего возникали различия между регионами.

Гетто как временное решение облегчало немецким властям процесс организации быта в тылу и эксплуатации экономических ресурсов для нужд военного хозяйства, так как позволяло властям собрать в одном месте необходимых евреев-специалистов и отложить на время их уничтожение.

Местами гетто назначались те районы, где большую часть населения составляли евреи. Как правило, это были кварталы бедноты с ветхими домами. Местным властям, в состав которых входили пособники оккупантов, отводилась важная роль в создании гетто: их сотрудники знали местные условия и подсказывали военной, а позднее гражданской администрациям, где конкретно организовывать гетто. Они также занимались переселением в освободившиеся квартиры евреев нееврейского населения, проживавшего в предназначенном для гетто районе. Иногда они в интересах тех нееврейских жителей, которые не

хотели оставлять свои дома, предлагали немцам урезать территорию гетто. Подобные случаи не были частыми, в расчет больше брались такие факторы, как транспортное движение в городе или расположение зданий, необходимых для нужд местных властей. Обычно нееврейские жители оставляли старые и шаткие дома в районах будущего гетто и взамен получали более добротные дома и квартиры евреев. В мелких городах и местечках, не имевших ортскомендатур или фельдкомендатур в зонах военной администрации, либо гебитскомиссаров в зонах гражданского управления, организацией гетто занимались местные органы власти при помощи своей полиции и согласно инструкциям немецких властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 54-56; Rozauskas, *Documents...*, pp. 131, 143.
2. Rozauskas, *ibid*, pp. 133 – 134, 142 – 143.
3. Спектор, *Шоа Евреев Волынии...*, с. 72.
4. Задерецки, *Под властью...*, с. 49.
5. Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 136 – о Минске; Айзенштат, *Книга живых...*, с. 104 – о Бобруйске.
6. Гроссман и Эренбург, *там же*, с. 12, 75, 251, 325.
7. *Там же*, с. 49, 76, 80, 85, 134, 234, 448.
8. USHMMA, RG-53006 m, reel 2, Mogilev.
9. Юрчук, *Советская Украина...*, с. 313. Из указаний командования дивизии безопасности, действовавшей на Украине, представителям военной администрации от 10 августа 1941 г.
10. Нюрнбергские Документы, PS-3363.
11. Крук, *Дневник...*, с. 8 – 10.
12. *Там же*, с. 10 – 12.
13. Гарфункель, *Еврейский Каунас...*, с. 35 – 36; Авраам Тори. *Гетто каждый день* (иврит). – Тель-Авив, 1988, с. 45 – 46 (далее: Тори, *Гетто...*).
14. Элиезер Ерушалми. *Книга памяти Шауляя* (иврит). – Иерусалим, 1958, с. 18 – 19 (далее: Ерушалми, *Книга Памяти Шауляя...*).
15. Йонес, *Евреи Львова...*, с. 112 – 114; Кахана, *Дневник...*, с. 34 - 35.
16. Спектор, *Шоа Евреев Волынии...*, с. 149 - 151.
17. Фаталь-Кнаани, *Не тот Гродно...*, с. 121.
18. Paul F. Shapiro. *The Jews of Kishinev*, in: Randolph L. Braham (ed.), *The Destruction of Romanian and Ukrainian Jews During the Antonesku Era*. – New York, 1997, pp. 145 – 146 (далее: Shapiro, *Jews of Kishinev...*).
19. Аншель и Лави, *Хроника Румынии...*, т. 2, с. 510.
20. Холавский, *В гибельной буре...*, с. 114; Г. Смоляр, *Советские евреи за стенами гетто* (иврит). – Тель-Авив, 1984, с. 33 (далее: Смоляр, *Советские евреи...*).
21. Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 251.
22. *Там же*, с. 236.
23. *Там же*, с. 75.
24. Яков Гринштейн. *Головешка с Юбилейной площади* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1968, с. 14 (далее: Гринштейн, *Головешка...*).
25. Ю. М. Ляховицкий. *Пережившие Катастрофу*. – Харьков – Иерусалим, 1996, с. 136 (далее: Ляховицкий, *Пережившие...*).
26. О способах выплаты контрибуций см. главу 38.
27. Архив Яд Вашем, 04/53/1.
28. Немецко-фашистский оккупационный режим на Украине. – Киев, 1963, с. 28 – 29.

29. См. главу 13, раздел Д, «Временные Директивы» Лозе.
30. Александр Риндзенски. *Разрушение Вильнюс*а (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1987, с. 26 (далее: Риндзенски, *Разрушение Вильнюса...*).
31. Ицхак Арад, Исраэль Гутман и Авраам Маргалийот (ред.). *Катастрофа в документации* (иврит). – Иерусалим, 1978, с. 139 – 141.
32. См. главу 13, раздел А.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
МАССОВОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ: ПЕРВЫЙ ЭТАП – ОТ НАЧАЛА ОККУПАЦИИ ДО КОНЦА ЗИМЫ 1941/42 гг.

ГЛАВА 15

ДВИЖЕНИЕ АЙНЗАЦГРУПП И МЕТОДЫ ИХ ДЕЙСТВИЙ

А. ЭТАПЫ УНИЧТОЖЕНИЯ

Уничтожение евреев на оккупированных территориях Советского Союза началось в день вторжения нацистской Германии и продолжалось беспрерывно вплоть до вытеснения германской армии за пределы страны. Истребление шло неравномерно: в отдельные периоды интенсивность акций уничтожения менялась. Порядок действий, частота акций и их объем определялись разными факторами: сроками прибытия частей айнзацгрупп на место; наличием сил, необходимых для массовых убийств; численностью евреев на местах; климатическими условиями (осенняя распутица мешала транспортировке, зимой замерзшая земля затрудняла рытье ям); локальной или временной потребностью в еврейской рабочей силе.

Процесс уничтожения можно разделить на следующие три основных этапа.

Первый этап – с 22 июня 1941 года до конца зимы 1941/42 годов.

В этот период было уничтожено большинство евреев, проживавших в Литве, Латвии, Эстонии, Восточной Белоруссии, Восточной Украине и на оккупированных территориях Российской Федерации. В Западной Белоруссии и Западной Украине большинство еврейского населения еще оставалось в живых. Волна казней и депортаций коснулась также евреев Бессарабии и Северной Буковины.

Второй этап – от весны 1942 года до зимы 1942/43 годов.

Тогда было уничтожено большинство евреев, проживавших в Западной Белоруссии, Западной Украине и южных районах Российской Федерации, захваченных летом – осенью 1942 года.

Третий этап – с начала весны 1943 года до лета 1944 года.

В то время германская армия отступала с территории Советского Союза. Из евреев, остававшихся ещё в гетто и трудовых лагерях, подавляющее большинство было ликвидировано, остальных отправили в лагеря в Германии.

Ход и форма уничтожения зависели от движения айнзацгрупп, их постоянного или временного пребывания на месте убийства и наличия там других подразделений СС, привлекаемых к казням.[1]

Б. РАЙОНЫ ДЕЙСТВИЯ АЙНЗАЦГРУПП

Айнзацгруппа А

Айнзацгруппа А, включавшая в свой состав айнзацкоманды 1, 2 и 3, накануне вторжения в Советский Союз находилась в Восточной Пруссии. Районом её действий намечались прибалтийские страны, а конечной целью – Ленинград. Утром 23 июня 1941 года ее передовые части пересекли границу Советского Союза в районе Тильзита (ныне г. Советск Калининградской области), и она стала первой айнзацгруппой, вступившей на территорию СССР.

Передовая часть айнзацгруппы А во главе с её начальником Вальтером Шталекером вошла в Каунас 25 июня. В начале июля Шталекер и его штаб переместились из Каунаса в Ригу, а в середине июля – в Псков. В начале октября штаб айнзацгруппы А разместился в Красногвардейске, в 40 километрах южнее Ленинграда.

Направлявшаяся в Эстонию айнзацкоманда 1 со своими оперативными частями быстро пересекла Литву и Латвию. Зондеркоманда 1a вошла в Ригу 1 июля, затем двинулась через Таллинн в сторону Ленинграда и достигла города Нарва на границе Ленинградской области. Зондеркоманда 1b прибыла в Даугавпилс 8 июля, а оттуда переместилась на юг от Пскова, в города Остров и Опочка. Части айнзацкоманды 2 прибыли в литовский город Шауляй 27 июня и оттуда продолжили свое движение в сторону Риги, располагаясь в различных районах Латвии. Айнзацкоманда 3 прибыла в Каунас 2 июля. В начале августа она переняла ответственность за район Вильнюса от оперативной части айнзацкоманды 9, входившей в айнзацгруппу Б. Оперативные части айнзацкоманды 3 дислоцировались в нескольких местах на территории Литвы.

При создании рейхскомиссариата Остланд начальником его полиции безопасности и СД назначили Шталекера, его штаб разместился в Риге. В то же время он продолжал оставаться в должности начальника айнзацгруппы А и отвечал за ее оперативные части, действовавшие в невключенном в Остланд районе южнее Ленинграда. Айнзацкоманда 1 и подчиненная ей зондеркоманда 1a получили под свою ответственность Эстонию, айнзацкоманда 2 – Латвию, айнзацкоманда 3 – Литву. Штаб полиции безопасности и СД в генералкомиссариате Белоруссии, являвшейся частью Остланда, был составлен из членов зондеркоманды 1b и подчинялся непосредственно Шталекеру. После убийства Шталекера 23 марта 1942 года в бою с партизанами его сменил бригаденфюрер СС Хайнц Йост. Конечная цель айнзацгруппы А – город Ленинград – не была достигнута. Айнзацгруппа А в качестве полиции безопасности и СД (Sicherheits Polizei und SD – Сипо) действовала в Остланде до конца оккупации. Это катастрофически повлияло на судьбу евреев Остланда – их начали сразу уничтожать с помощью местных шуцманшафтов.

Айнзацгруппа Б

Айнзацгруппа Б со своими оперативными частями – айнзацкомандами 7, 8 и 9 – 24 июня прибыла в район Варшавы. Ее оперативной зоной являлся тыл группы армий Центр, включавший в себя Белоруссию

АЙНЗАЦГРУППЫ, 1941 - 1942
Советско-германская граница до 22 июня 1941 г.
Продвижение айнзацгрупп до конца 1942 г.
АЙНЗАЦГРУППА-А
АЙНЗАЦГРУППА-B
АЙНЗАЦГРУППА-C
АЙНЗАЦГРУППА-D
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
ЛИНИЯ ФРОНТА
ФИНЛЯНДИЯ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ГЕРМАНИЯ
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
СЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ
КРЫМ
Ленинград
Таллин
Псков
Рига
Шяуляй
Даугавпилс
Ковно
Вильнюс
Полоцк
Витебск
Ржев
Москва
Тула
Смоленск
Минск
Могилев
Брянск
Орел
Гомель
Барановичи
Белосток
Пинск
Брест-Литовск
Курск
Киев
Житомир
Ровно
Львов
Тернополь
Полтава
Харьков
Днепропетровск
Каменец-Подольск
Черновцы
Одесса
Николаев
Херсон
Симферополь
Таганрог
Ростов
Краснодар
Кисловодск
Сталинград
Варшава
Краков
Лодзь
Будапешт

и центральные области России, а конечной целью была определена Москва. В состав айнзацгруппы входило специальное подразделение «Передовая команда «Москва»» (Moskau Vorkommando), которое должно было войти в Москву вместе с передовыми частями армии. Айнзацгруппа Б пересекла советскую границу в последних числах июня 1941 года. Зондеркоманда 7а двинулась в направлении Минска. Зондеркоманда 7b прошла через Брест-Литовск и Барановичи и 4 июля прибыла в Минск. Оперативные части айнзацкоманды 7 продвинулись на восток к Витебску и Орше. Айнзацкоманда 8 прибыла в Белосток 1 июля, откуда двинулась в направлении Слонима и Барановичей. В конце июля штаб айнзацкомманды 8 был переведен в Минск, а оттуда в сентябре в Могилев. Оперативные части айнзацкоманды 8 сначала дислоцировались в районе Борисова и Слуцка, а затем вблизи Бобруйска и Гомеля. Айнзацкоманда 9 прибыла в Вильнюс 2 июля и после трех недель пребывания там переместилась в Витебск, а ее части дислоцировались в районе Полоцка, Невеля и Суража. После возобновления немецкого наступления на Москву айнзацкоманда 9 передвинулась в Вязьму, а ее оперативные части добрались до относительно близких к столице городов Гжатск и Можайск. Зондеркоманда 7а переместилась в район Ржева – Калинина к северо-западу от Москвы. Зондеркоманда 7b через район Орла и Курска дошла до Тулы, лежащей к югу от Москвы – самая передовая дислокация айнзацгруппы Б.

Штаб айнзацгруппы Б и ее начальник Артур Небе прибыли в Минск 5 июля, а спустя месяц перебрались оттуда в Смоленск. Айнзацгруппа Б двигалась на восток через Западную Белоруссию очень быстро: в конце июля – начале августа в Западной Белоруссии уже не было её частей. Пройдя по Западной Белоруссии, айнзацгруппа Б оставила за собой большое количество еврейских жертв, но большинство местных евреев она не успела уничтожить. После ухода айнзацгруппы Б прошло несколько месяцев, прежде чем полиция безопасности Остланда сумела реорганизоваться, и в течение этого времени наблюдалась «передышка» в процессе уничтожения евреев.

Начальника айнзацгруппы Б Артура Небе в начале ноября 1941 года сменил Эрих Нойманн.

Айнзацгруппа С

Айнзацгруппа С, начальником которой был Отто Раше, со своими оперативными частями – зондеркомандами 4а и 4b и айнзацкомандами 5 и 6 – пришла в Восточную Украину через Западную Галицию. Ее оперативной зоной являлись тыловые районы группы армий Юг. Зондеркоманда 4а прибыла в Луцк (Волынь) 30 июня, а 6 июля продолжила свое движение в сторону Ровно. Оттуда она направилась в сторону Новоград-Волынского и Житомира, в который прибыла 18 июля. 19 сентября она вместе с передовыми армейскими частями вошла в Киев – столицу Украины, а в ноябре переместилась в Харьков. Зондеркоманда 4b двигалась южнее зондеркоманды 4а; она вошла в Тернополь 5 июля. Во второй половине июля она прибыла в Винницу, в августе – в Кировоград, в начале сентября – в Кременчуг, в конце сентября – в Полта-

ву, в начале декабря – в Краматорск, а в марте 1942 года – в Горловку, расположенную в шахтерском Донбассе севернее города Сталино (Донецк). Айнзацкоманда 5 и айнзацкоманда 6 в начале июля прибыли во Львов, где участвовали в организации местного погрома. Айнзацкоманда 5 продолжила свое движение через Дубно и Житомир в направлении Бердичева. В сентябре она действовала в районе городов Киев, Черкассы и Умань, а в октябре расположилась в Киеве. Айнзацкоманда 6 из Львова переместилась в Проскуров и Новоукраинку. В сентябре она передвинулась в Кривой Рог и с начала октября действовала в Днепропетровске и его окрестностях. В ноябре она перебазировалась в Запорожье, а оттуда в Сталино, где разместился её штаб.

Штаб айнзацгруппы С первого июля прибыл во Львов, 19 июля – в Житомир, 20 августа – в Новоукраинку, а 24 сентября – в Киев. В начале октября командование айнзацгруппой С было передано доктору Максу Томасу. После того, как в октябре-ноябре 1941 года районы Волыни, Подолья, Николаева, Житомира, Киева и Днепропетровска были переданы в рейхскомиссариат Украина, Макса Томаса назначили начальником полиции безопасности рейхскомиссариата с резиденцией в Киеве. В то же время он оставался в должности начальника айнзацгруппы С, чьи отдельные оперативные части – зондеркоманды 4a и 4b и айнзацкоманда 6 – продолжали действовать в восточных районах Украины, находящихся под управлением военной администрации. В конце 1941 года – январе 1942 года айнзацкоманда 5 была расформирована, а ее личный состав распределен по штабам полиции безопасности, входящим в генералкомиссариаты Киева, Днепропетровска и других городов.

Айнзацгруппа Д

Айнзацгруппа Д, начальником которой был Отто Олендорф, со своими оперативными частями – зондеркомандами 10a, 10b, 11a и 11b и айнзацкомандой 12 – была придана 11-ой армии, действовавшей вместе с румынской армией в Бессарабии и Южной Украине. Конечной целью айнзацгруппы Д были Крым и Кавказ. Пятого июля она прибыла в район города Пьятра-Нямц, расположенного недалеко от границы с Бессарабией. Перейдя границу, зондеркоманда 10a прибыла в Бельцы; зондеркоманда 10b вошла в Черновцы вместе с 3-ей румынской армией 5-6 июля, зондеркоманда 11a прибыла в Кишинев во второй половине июля 1941 года. Командующий 11-ой армией дал айнзацгруппе Д временные поручения – охранять переправы через реку Днестр, чтобы предотвратить депортацию румынскими властями евреев, русских и украинцев из Бессарабии в Украину.

В августе 1941 года зондеркоманда 10a действовала в районе между реками Днестр и Южный Буг, называемом румынами Транснистрией (Transnistria – Заднестровье). В сентябре она прибыла в Таганрог на северном берегу Азовского моря, а ее оперативные части действовали в районе Мариуполя и Мелитополя. Зондеркоманда 10b в начале августа прибыла в город Могилев-Подольский. Во второй половине сентября она передвинулась оттуда в южную часть Приднепровья, а в

начале ноября – в Феодосию (Крым). Ее оперативные части действовали в Керчи (Крым). Зондеркоманда 11а в середине августа прибыла из района Кишинева в Николаев, откуда в сентябре-октябре переместилась в Херсон, а в ноябре – в район Ялты (Крым). Зондеркоманда 11b из Южной Бессарабии переместилась в район Одессы и вошла в город в середине октября после его захвата. В середине ноября она передвинулась в Крым и в середине декабря расположилась в Симферополе. Выполнив поручение по охране переправ на Днестре и завершив свое пребывание в Бессарабии, айнзацкоманда 12 передвинулась в Николаев и Запорожье, а в конце октября действовала в районе Мелитополя и Сталино.

Штаб айнзацгруппы Д в начале августа переместился в район Ямполя (Винницкая область), во второй половине месяца – в Ананьев, в начале октября – в Николаев, а во второй половине ноября в Симферополь.

Летом 1942 года, во время наступления германской армии на Сталинград и на Кавказ, силы айнзацгрупп С и Д продолжали свое продвижение на восток и на юг. За координацию действий армейских частей и подразделений СС, функционировавших самостоятельно в различных регионах, отвечали старшие начальники СС и полиции при штабах, отвечавших за тыловые территории групп армий Север, Центр и Юг. В штабах постоянно находился связной офицер, который согласовывал передвижения и деятельность айнзацкоманд в армейских зонах. В целях непосредственной координации действий армейских подразделений и оперативных частей айнзацгрупп командующий армейскими тыловыми территориями выдал начальникам этих оперативных частей специальные удостоверения, в которых говорилось:

«Обладатель настоящего удостоверения как служащий зондеркоманды полиции безопасности и СД призван выполнять особые полицейско-охранительные поручения. Армейские командиры должны оказывать ему содействие в выполнении этих поручений (Durchfuhrung seines Auftrages zu unterstutzen)».[2]

Такая формулировка была чревата еще более серьезными последствиями, чем формулировка соглашения Гейдриха-Вагнера относительно действий айнзацгрупп в районах, находящихся под управлением армии. В соглашении говорилось о том, что в этих районах айнзацгруппам будет предоставлена **свобода действий**, а это удостоверение требовало от армейских учреждений **содействовать** членам айнзацгрупп в их деятельности.

В. СИСТЕМА УНИЧТОЖЕНИЯ

Система действий айнзацгрупп при проведении акций уничтожения во всех районах их деятельности была единой, но скорректированной в соответствии с местными условиями. Следуя указаниям Гейдриха, подразделения айнзацгрупп, войдя вместе с передовыми частями армии в оккупированные города, в первые же дни поощряли население к организации так называемых «спонтанных» погромов. После корот-

кого периода погромов айнзацгруппы приступали к систематическому планомерному уничтожению евреев. В некоторых городах множество евреев убивали в рамках одной операции (акции), длившейся от одного до трёх дней. Так произошло в Киеве, Харькове, Витебске и прочих местах. В Одессе, Минске, Вильнюсе, Львове, Слониме и других городах убийство евреев осуществлялось в ходе нескольких акций, различающихся по времени исполнения. В местечках и сёлах операции уничтожения всех евреев проводились при поддержке местной полиции подразделениями айнзацкоманд, прибывшими на место на один или несколько дней. Затем эти подразделения отправлялись в другое место для очередной акции.

В мероприятиях по уничтожению айнзацгруппы нуждались в сотрудничестве местных властей. В районах военной администрации это были фельдкомендатуры и ортскомендатуры, в районах гражданской администрации – гебитскомиссариаты. В небольших городах и в сельских районах, где не было немецкой администрации, айнзацгруппы пользовались помощью местных бургомистров и старост. При непосредственном исполнении акций уничтожения – согласно директиве ОКВ N 21 от 13 марта 1941 года и соглашению Гейдриха-Вагнера – айнзацгруппам предоставлялась полная свобода действий как в районах, подчинённых армейской администрации, так и в оккупированных районах с гражданским управлением.

Помощь местных властей требовалась айнзацгруппам для получения сведений о количестве и местонахождении евреев, а также при выборе подходящего места казни. Обычно использовались естественные рвы и противотанковые траншеи, созданные Красной Армией как части системы обороны и разбросанные по оккупированной территории. Там, где не было рвов и траншей, перед началом акций уничтожения местных жителей или советских военнопленных, содержащихся в местных лагерях, заставляли рыть специальные могилы. В некоторых акциях уничтожения, главным образом, ограниченного масштаба, евреям приказывали самим рыть себе могилы, и там же их убивали и закапывали.

На территориях, находившихся под управлением военной администрации, евреям обычно приказывали явиться на сборные пункты фельдкомендатуры или ортскомендатуры. В местах с гражданским управлением приказы издавали гебитскомиссариаты или местная полиция, а иногда даже сама немецкая полиция безопасности. В городах, где до этого не было создано гетто и евреи проживали в разных районах, расклеивались приказы евреям явиться на сборные пункты с указанием точного срока, а часто и цели явки. Обычно говорилось о «переезде в другое место», «переводе в гетто», «переезде с целью заселения необжитых районов» и т.п.

В городах, где уже существовали гетто и юденраты, приказы передавались непосредственно через юденраты. Там не было необходимости в организации сборных пунктов – для этой цели использовались гетто. В районах, где еврейское население проживало в расположен-

ных близко друг к другу местечках и в сельских районах айнзацгруппы часто переводили евреев в один сборный пункт, а затем везли их к месту расстрела. Расстояние от городских сборных пунктов до мест расстрела, находившихся на окраинах городов или за их пределами, составляло несколько километров. Доставка от сборных пунктов до мест казни производилась группами в сотни человек, обычно пешком. Не способных идти – стариков, больных, инвалидов – обычно перевозили на транспорте, предоставляемом местными властями, а иногда армией. Случалось, что при отсутствии средств перевозки этих людей расстреливали на местах и местные власти обеспечивали их захоронение.

Количество людей в айнзацгруппах было небольшим, и в акциях уничтожения они пользовались дополнительной помощью: для охраны на сборных пунктах и для доставки людей оттуда к месту убийства привлекались силы немецкой полиции порядка, а чаще местной полиции, шуцманов; они же охраняли районы казней и ловили евреев, пытавшихся бежать оттуда. Гиммлер обязал эти силы выполнять требования айнзацгрупп и способствовать выполнению их задач.[3]

Чтобы содействовать работе айнзацгрупп и помочь им при первой возможности двигаться на восток, Гейдрих приказал командующему полицией безопасности в Восточной Пруссии и Польше организовать мобильные подразделения из подчинённых ему частей и послать их в пограничные оккупированные районы Советского Союза. Такие отряды из Тильзита (Восточная Пруссия) отправили в Литву. В середине июля командующим силами безопасности генерал-губернаторства были посланы три подразделения во Львов, Брест-Литовск и Белосток. Они осуществляли акции уничтожения и убили тысячи евреев.[4] В истреблении евреев айнзацгруппам содействовали и армейские части.[5]

Расстрел евреев у рвов производили айнзацгруппы и специальные отряды местных добровольцев. Карл Егер, командир айнзацкоманды 3, ответственный за акции в Литве, описывает процесс убийства евреев его подразделением. Егер создал мобильную часть из 8-10 человек айнзацкоманды и десятков литовцев, которые передвигались по Литве, организуя и проводя акции уничтожения. В своём отчёте он писал:

«Систематическое очищение от евреев каждого района требовало тщательной подготовки к каждой акции и изучения местных условий. Евреев надо было сосредоточить в одном или нескольких пунктах... В соответствии с их количеством необходимо было найти место расстрела и вырыть ямы. В среднем расстояние от сборных пунктов до рвов составляло 4 – 5 километров. На место казни (Exekutionsplatz) евреев доставляли группами по 500 человек; расстояние между группами составляло не менее 2 километров. Трудности и нервотрёпку, испытываемые при выполнении этой работы, можно представить на основе совершенно случайно выбранного примера.

В Рокишкис требовалось доставить 3.208 человек к месту казни, отдалённому на 4,5 километра. Для выполнения этой акции в течение

24 часов необходимо было, в частности, выделить для сопровождения 60 из 80 имеющихся в нашем распоряжении литовских партизан. Остальные, которых нужно было время от время заменять, действовали совместно с моими людьми (т.е. участвовали в расстреле – И.А.)… Расстояние между местами казни составляло 150 – 200 километров. Только эффективное использование графика позволило нам осуществить 5 акций за неделю и вовремя выполнить работу в Каунасе, не нарушая обычную, рутинную работу. Акции в Каунасе, где в нашем распоряжении находилось достаточное количество литовских партизан, могут расцениваться как показательный расстрел, в противоположность операциям, которые проводились за пределами города и где у нас было значительно больше проблем».[6]

Такая организация характерна и для акций уничтожения, проведенных другими айнзацкомандами. Операции истребления евреев проводились открыто. Солдаты вермахта и местное население знали о казнях и проявляли любопытство к акциям. Кое-кто из них, очевидцев, позднее свидетельствовал о происходившем, как это сделал, например, Андреас Эберл (Eberl), немецкий солдат, находившийся в июле 1941 года в оккупированном Даугавпилсе (Латвия):

«Мы слышали о казни евреев в тюрьме. Однажды мы с друзьями решили пойти в тюрьму, чтобы убедиться в правдивости этих слухов. Придя на место, мы присели на насыпи железной дороги и оттуда увидели, что произошло. Казнь производилась не в тюремном дворе, а поблизости от тюрьмы. В заборе было два-три проёма, через которые вели людей на расстрел. Ямы имели размеры 2,5 метра в ширину и 40-50 метров в длину. Определить глубину рвов было трудно, т.к. здесь были зарыты трупы сотен евреев. Людей заставляли стоять на коленях на земляной насыпи лицом вниз. Их расстреливали в затылок. Расстояние от стрелявших до расстреливаемых составляло полметра.

Расстреливаемые падали с насыпи в ров. В расстрельной команде было 10 человек. Половина из них расстреливала, а половина стояла позади, время от времени они сменялись. Внутри ямы я смог разглядеть человека лет 60, видимо, еврея, в обязанности которого входило укладывание трупов в ряд. Когда ряд был заполнен, этот человек вылез из рва и разбросал по трупам внутри рва белое вещество, видимо, хлор. Мы с друзьями наблюдали за казнью в течение часа. За это время там было убито 150 евреев. Около 60-80 солдат, как и я, наблюдали за казнью. Евреев, которые после выстрелов падали в яму, но продолжали шевелиться, добивали из автомата люди команды. На столе находились боеприпасы и бутылки водки. И время от времени один из расстреливающих подходил к столу и глотал из бутылки… Евреев вели к тюрьме люди в гражданской одежде. Видимо, это были латыши…»[7]

Майор Рослер, командир 528-го пехотного батальона вермахта, который прибыл в Житомир в июле 1941 года, присутствовал там на каз-

ни евреев. В отчёте генералу Рудольфу Шнивиндту он писал:

«Мы услышали недалеко от нас с определённым интервалом ружейные залпы... Я решил выяснить, что происходит, и со своим адъютантом и ещё одним офицером пошёл по направлению к тому месту, откуда слышались выстрелы… Когда мы в конце концов взобрались на насыпь, нашим глазам представилась отвратительная по своей жестокости картина. Ров был полон трупов мужчин и женщин... Вокруг поодаль стояло и наблюдало за происходящим множество солдат… Рядом находилось также и много гражданских лиц, наблюдавших за казнью, а среди них – женщины и дети… С моей точки зрения, не имеет значения, на основании каких судебных приговоров проводились эти расстрелы, но я полагаю необходимым принять во внимание воспитательное значение существующих у нас до сих пор наказаний: не должны быть публичными массовые казни…»[8]

Следует отметить, что майор Рослер в целом не имеет ничего против убийства людей, он возражает только против публичной казни.[9]

Альберт Барановски, начальник вокзала в Румбули, недалеко от Риги, присутствовал на казни тысяч евреев 30 ноября 1941 г., и вот что он рассказал:

«Казнь... началась утром… Место, предназначенное для проведения казни, было окружено немецкими солдатами и постовыми латышской полиции... Тишина была нарушена стрельбой, начавшейся в 8.15. Сразу же стали слышны душераздирающие крики женщин, детей и мужчин... Люди были полностью раздеты (кроме рубашки или трусов на их телах) и несли детей на руках... Возле траншеи стояли немецкие солдаты, рядом с ними были коробки, в которые люди складывали ценные вещи и последние драгоценности, которые были у них: часы, кольца, ожерелья. Со стороны траншеи беспрерывно были слышны одиночные выстрелы и автоматные очереди. Единицы, которые с трудом пытались пробраться сквозь цепь ограждения и бежать, чтобы спасти свою жизнь, расстреливались солдатами охраны. Это убийство продолжалось в течение всего дня…[10]

Были места, где солдаты по собственной инициативе присоединялись к айнзацгруппам для убийства евреев. В различных местах высшим чинам поступали отчёты и жалобы по поводу публичных казней. В них высказывались опасения по поводу нежелательного влияния этих акций на моральное состояние солдат.[11] Командующий группой армий Юг генерал Рундштедт 24 сентября издал приказ, в котором говорилось:

«Нужно прекратить самостоятельные действия отдельных военнослужащих, а также наблюдение и фотографирование в период выполняемой зондеркомандами работы…»[12]

Массовые казни евреев не были секретом ни для миллионов солдат, которые воевали на германском Восточном фронте, ни для десятков миллионов жителей этих мест. Айнзацгруппы и другие подразделения,

принимавшие участие в уничтожении евреев, не скрывали происходящего от армии и от гражданского населения. В то же время они делали всё возможное, чтобы скрыть правду от евреев и ввести их в заблуждение относительно ожидающей их судьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Указанные далее сведения о перемещениях и дислоцировании айнзацгрупп базируются на следующих источниках: Arad et al., *Einsatzgruppen reports...*; Krausnik and Wilhelm, *Die Truppe...*, pp. 173-205; Headland, *Messages...*, pp. 37-38.
2. Krausnik and Wilhelm, *ibid*, pp. 149-150.
3. Инструкция Гейдриха старшим командирам СС и полиции от 2 июля 1941 г. См. главу 9, раздел Б.
4. Arad et al. *Einsatzgruppen Reports...*, 26, p. 36, 56, p. 92, 66, p. 112; Hilberg, *The Destruction...*, pp.192-193. Хилберг пишет, что эти подразделения убили 17.887 человек.
5. Об участии армии в акциях против евреев см. главу 20.
6. Отчёт Егера, Архив Яд Вашем, 018-245
7. Свидетельство Эберла в Баварском окружном суде от 30 октября 1961 г. Архив Яд Вашем, TR/-1237, с. 2-4.
8. Ernst Klee, W.Dressen and V.Riess (eds.). *Schone Zeiten, Judenmord aus der Tater und Gaffer.* – Frankfurt, 1988, pp.114-115. Генерал Шнивиндт был заместителем командира 9 корпуса.
9. *Там же*, с. 106-108, 122-129; Джеральд Флеминг. *Гитлер и «окончательное решение»* (иврит). – Иерусалим, 1987, с. 68 (далее: Флеминг, *Гитлер...*).
10. Krausnik and Wilhelm, *Die Truppe...*, p.565.
11. Флеминг (*Гитлер...*, с. 68-75) отмечает, что подобные жалобы передавались также по каналам военной разведки – Абвера, и попадали к её руководителю – адмиралу Канарису, который обратился к Гитлеру, указывая, что «это опасно, т.к. влияет на моральное состояние подразделений, которые видели или слышали о том, что творится». Гитлер ответил Канарису: «Вы слишком либеральны. Я обязан сделать это, потому что потом ни один человек этого не сделает».
12. Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-541.

ГЛАВА 16

КОНЦЕНТРАЦИЯ ЕВРЕЕВ В ГЕТТО И ИХ УНИЧТОЖЕНИЕ В РЕЙХКОМИССАРИАТЕ ОСТЛАНД

А. ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТ ЛИТВА

С появления в Литве айнзацгрупп и с обрушившейся в первые дни войны волны погромов, когда были убиты тысячи евреев, началось их систематическое массовое уничтожение. В первые месяц или два оккупации в Литве действовали: айнзацкоманда 3 – в районе Каунаса, в центре и на западе Литвы, подразделение айнзацкоманды 2 – в районе Шауляя и на севере Литвы, и айнзацкоманда 9 – в Вильнюсе. Кроме того, на границе Литвы с Пруссией в начальный период оккупации действовало особое подразделение Сипо из Тильзита, предназначенное освободить айнзацгруппу А от необходимости заниматься тыловыми районами и тем самым обеспечить её быстрое продвижение в глубь завоеванной территории. 9 августа подразделения айнзацкоманды 3 под командованием Карла Егера были откомандированы в район Вильнюса, а 2 октября – в район Шауляя, и с тех пор айнзацкоманда 3 стала ответственной за весь генералкомиссариат Литва.

Айнзацгруппы обладали полной свободой в проведении акций уничтожения, а их объем и сроки определялись в соответствии с физическими возможностями айнзацгрупп. Айнзацкомандам с первых дней их деятельности оказывали помощь полиция и литовские добровольцы. Вот что писал Шталекер в отчете от 15 октября 1941 года:

> *«Массовые казни производились в городах и сельских местностях людьми из зондеркоманд, которым в подкрепление давались силы, отобранные среди партизанских отрядов в Литве, а в Латвии – из вспомогательных подразделений латышской полиции…»*[1]

Литовское Временное правительство учредило литовскую полицию безопасности, и после роспуска этого правительства она продолжала функционировать под командованием германского Сипо.[2] На своем судебном процессе после войны Егер показал:

> *«Прибыв в Каунас, я обнаружил там литовскую полицию… Командиром литовской полиции безопасности был Ценкус. Там находилось также так называемое «подразделение расстрела» (Erschiessungskommando), которое состояло из 50 – 100 литовцев под командованием лейтенанта Норкуса. Он и его подразделение были подчинены Хаману и вместе с ним совершали расстрел евреев.»*[3]

В Вильнюсе действовало подразделение расстрела «Ипатингас Бурыс» («Особое подразделение»), подчинённое айнзацкоманде 3.

Главными жертвами айнзацкоманд в первые недели оккупации становились еврейские мужчины. Было уничтожено евреев: айнзацкомандой 3 с 4 июля по 15 августа 8.277 мужчин и 740 женщин,[4] айнзацко-

мандой 9 в Вильнюсе в июле около 5.000 мужчин[5] и айнзацкомандой 2 в Шауляе до середины июля около 1.000 мужчин.[6] Большинство мужчин-евреев, убитых тогда, хватали на улицах и в домах. Некоторых выдали литовцы, знавшие о том, что они занимали какие-то посты в советской администрации. О том, что происходило в эти дни в Вильнюсе, писал очевидец:

«Гестаповцы приезжают в машинах и останавливаются возле еврейских домов. Они выводят оттуда евреев и велят им взять с собой полотенце и мыло. Их якобы увозят на работу на несколько дней, но они больше не возвращаются...»[7]

В Каунасе проводились массовые облавы. В течение недели в конце июня – начале июля было арестовано около 10.000 человек – мужчин, женщин и детей, проживавших в еврейском квартале города. Задержанных доставили в одно из укреплений, окружавших Каунас, – в Седьмой форт, где мужчин отделили от женщин и детей. Часть молодых женщин была уведена и изнасилована литовскими охранниками. Тысячи мужчин-евреев, которые там находились, расстреляли 6 июля; женщин и детей 8 июля перевели в Девятый форт и спустя несколько дней освободили. По свидетельству Егера, 4 – 6 июля в Седьмом форте были уничтожены 2.930 мужчин-евреев и 47 женщин.[8]

С середины августа 1941 года началось массовое уничтожение евреев без различия пола и возраста.[9] В речи, которую произнес командир айнзацкоманды 9 д-р Филберт в конце июля в местечке Вилейка (запад Белоруссии), он указал своим подчинённым: *«Отныне надо расстреливать также еврейских женщин и детей».*[10]

В больших еврейских центрах Вильнюсе и Каунасе уничтожение проводили подразделения Сипо, которые находились там постоянно. Основные силы, которые были в их распоряжении для проведения акций, – это литовские шуцманы, как служащие в стационарных отделениях местной полиции, так и те, что были организованы в мобильные полицейские батальоны, подчинённые немецкой полиции порядка. В городах и местечках, где отсутствовали постоянные отделения Сипо, функционировало передвижное подразделение Сипо под командованием оберштурмфюрера СС Хамана, который всегда прибегал к помощи местной полиции. Маленькие еврейские общины уничтожались в одной акции, а в более крупных общинах – Паневежис, Укмерга (Вилкомир) и других, когда истреблялись тысячи, – это производили в два-три приема. Описывая систему работы Хамана и его подразделения, Егер писал:

«Достигнуть цели – очистить Литву от евреев – можно было только путем создания передвижного подразделения... под командованием оберштурмфюрера СС Хамана... Ему также удалось наладить сотрудничество с литовскими партизанами и с местными гражданскими властями.»[11]

Таким путем было уничтожено большинство маленьких и средних общин в Литве, насчитывавших от сотен до нескольких тысяч евреев. Одновременно с облавами и массовыми акциями уничтожения немец-

кие власти приступили к созданию гетто в более крупных городах. В некоторых гетто к моменту их окончательной ликвидации были сосредоточены все евреи из окрестных местечек.

В Паневежисе евреев города согнали в гетто 11 июля. Гетто просуществовало не более шести недель. В нескольких акциях с 21 июля до 11 августа были уничтожены 1.106 мужчин и 115 женщин. Остальные жители – 7.523 человека, в том числе, согласно немецкому отчету, 1.312 мужчин, 4.602 женщины и 1.609 детей истреблены 23 августа 1941 года.[12] Всего в Паневежисе было убито 8.744 евреев.

Система уничтожения евреев Паневежиса применялась и в других еврейских общинах Литвы. Согласно этой системе, в одной из больших городских общин создавалось гетто, и туда свозились евреи из соседних местечек. На первом этапе истребления уничтожались молодые мужчины – в полной тайне, под предлогом их перевода на работу в другое место. На последнем этапе уничтожались остальные жители гетто, в большинстве своём старики, женщины и дети.

В Швенченисе в конце сентября 1941 года в заброшенном военном лагере на расстоянии 12 км от города, на месте, которое называлось «полигоном», было сосредоточено 7.000 – 8.000 евреев города и окрестных местечек. Они содержались там около десяти дней, а 7 – 9 октября всех расстреляли. Спаслись только некоторые ремесленники и члены их семей, всего 300 человек.[13]

Первые распоряжения о создании гетто на оккупированных территориях Советского Союза были отданы в Каунасе. Уже 8 июля члены Еврейского комитета, организованного в те дни, были вызваны к Шталекеру, который тогда находился в городе. Шталекер сообщил им, что до 15 августа евреи должны переселиться в гетто, которое будет создано в квартале Слободка (Вилиямполе), поскольку литовцы теперь отказываются жить рядом с евреями, утверждая, что они коммунисты и преданы Советской власти. Шталекер сказал, что переход евреев в гетто послужит их же благу, там их жизнь будет в большей безопасности. Попытки членов еврейского комитета убедить Шталекера в том, что евреев не следует отождествлять с коммунистами и что еврейское население Каунаса невозможно разместить на ограниченной территории Слободки, поскольку это может привести к распространению болезней и эпидемий, опасных для всех жителей города, не увенчались успехом. Членам Еврейского комитета было велено назавтра явиться к Егеру и доложить ему о своей готовности заняться переводом евреев в гетто.[14]

Члены комитета обратились к литовским должностным лицам города: коменданту города полковнику Юргису Бубейлису, епископу Винцентасу Бризгису и члену Временного литовского правительства Ионасу Матулиунасу, пытаясь убедить их вступиться за евреев и предотвратить создание гетто, но ничего не добились. 9 июля члены Еврейского комитета явились к Егеру и сообщили ему, что за неимением выбора они принимают на себя организацию гетто и просят увеличить его территорию. Егер ответил, что на данном этапе обсуждение этого

вопроса неуместно, и назначил всех членов делегации (их было пятеро) ответственными за переезд евреев в гетто, а также сообщил им, что все действия, связанные с этим вопросом, должны координироваться с литовским военным комендантом и мэром города.[15]

На следующий день, 10 июля, на улицах города был расклеен приказ, в нем говорилось, что все евреи города обязаны переселиться в Слободку до 15 августа. Приказ также гласил, что нееврейские жители района, предназначенного для создания гетто, будут оттуда выселены, и жилищный отдел муниципалитета должен помочь им найти новое жилье.[16] Сохранилось свидетельство о том периоде в Каунасе:

«С этого дня и далее все привратники, соседи и просто литовцы, «именем закона» непрерывно издевались над евреями... Ежедневно сотни литовцев выбрасывали еврейских жильцов на улицу и захватывали «освободившееся» жилье. Те, кто ходил жаловаться властям, не возвращались».[17]

В Слободке проживало около 7.000 жителей, из них 5.000 евреев, в большинстве беднота, жили они обычно в старых деревянных одноэтажных домах. В Каунасе тогда жило около 30.000 евреев. Сразу же после опубликования приказа евреи стали спешно переселяться в гетто – во-первых, чтобы найти квартиру прежде, чем ее захватят другие, во-вторых, надеясь, что гетто избавит их от облав, издевательств и убийств, ставших для них повседневностью. 15 августа 1941 года евреи Каунаса были заперты в гетто, которым управлял учрежденный 5 августа юденрат под председательством д-ра Эльханана Элькеса. Гетто состояло из двух частей: «большое гетто» и «малое гетто», они соединялись между собой пешеходным мостом, а улица под мостом к гетто не принадлежала. Гетто было обнесено забором из колючей проволоки и охранялось литовскими полицейскими.[18]

За день до того, как ворота гетто закрылись, 14 августа, от юденрата потребовали мобилизовать на работу 500 человек из интеллигенции, мотивируя это необходимостью приведения в порядок архивов. Врачи, учителя, адвокаты и другие представители свободных профессий, которые откликнулись на обращение юденрата, были переведены в Четвертый форт и там расстреляны.[19] В отчете Егера сказано, что 18 августа в Четвертом форте уничтожено *«698 евреев, 402 еврейки, один поляк, 711 представителей еврейской интеллигенции из гетто – как возмездие за подрывную деятельность»*.[20] Еще 1.100 евреев, которых уничтожили в тот же день одновременно с интеллигенцией, оставались, очевидно, от предыдущих акций, и немцы держали их под арестом.

Всего в Каунасское гетто было загнано 29.760 евреев.[21] В двух акциях, одной – 26 сентября, второй – 4 октября 1941 года, было выведено из гетто и уничтожено в Девятом форте около 3.500 евреев, мужчин, женщин и детей. Так ликвидировали «малое гетто».[22]

27 октября по распоряжению немецких властей в гетто было опубликовано сообщение юденрата о том, что всем жителям гетто назавтра в 6 утра надлежит явиться на Площадь демократов, находящуюся на территории гетто; неявившихся расстреляют. На следующий день утром

26.000 евреев прибыли на площадь, окруженную кольцом немецких и литовских охранников. Евреев заставили пройти перед начальником гетто Гельмутом Рауке из Сипо, и он по своему усмотрению определял пригодность к работе. Признанные работоспособными и члены их семей отводились налево, а остальные – направо. Около 9.200 человек, отведенных направо, было переведены в «малое гетто», на следующий день их увели в Девятый форт и там расстреляли. Эта операция уничтожения получила название «Большой акции».[23] В её проведении основную роль сыграл Первый Каунасский полицейский батальон под командованием полковника Андриуса Буткумаса, он представлял собой главные литовские силы, которые проводили массовые убийства в Каунасе. После этой акции наступил период «относительного затишья», который продолжался около полутора лет. В гетто оставалось около 17.400 евреев.[24]

В Вильнюсе в июле 1941 года было уничтожено около 5.000 мужчин-евреев. Август прошел сравнительно спокойно, расстрелы продолжались, но в меньшем объеме, чем в предыдущем месяце,[25] поскольку айнзацкоманда 9 оставила Вильнюс, а до тех пор, пока айнзацкоманда 3 организовала в городе постоянное подразделение Сипо, прошло несколько недель. 1 сентября гебитскомиссар города Ганс Хингст опубликовал сообщение:

> *«Вчера, в воскресенье после полудня, из засады было сделано несколько выстрелов по немецким солдатам. Двое из этих разбойников и трусов были опознаны, они оказались евреями… Ответственность ложится на все еврейское общество…»*[26]

Выстрелы являлись провокацией немецкой администрации, в действительности ни один немецкий солдат от них не пострадал. Уже в ночь 31 августа, а также 1 и 2 сентября всех евреев, проживавших в квартале, где были сделаны выстрелы, отправили в тюрьму Лукишки, а оттуда перевели в Понары, лесистый район в 12 километрах от города, где уже были выкопаны рвы. Там их расстреляли.[27]

В отчете Егера отмечено, что 2 сентября в Вильнюсе расстреляно 864 еврея, 2.019 евреек и 817 еврейских детей – всего 3.700 человек. В скобках указана причина: *«Особая акция, поскольку евреи стреляли в немецких солдат».*[28] В еврейских источниках указывается, что количество расстрелянных составляло около 5.000 человек.[29] Евреи назвали эту акцию «Большая провокация». Тогда уничтожили и юденрат, находившийся в квартале, из которого евреи были вывезены. 2 сентября в юденрате появились люди из Сипо, арестовали Шауля Троцкого и еще девять членов юденрата, отвезли их в Понары и расстреляли. Евреи Вильнюса остались без руководства.[30]

Акция «Большая провокация» преследовала две цели. Первая – уничтожение евреев, вторая – «очищение района», который немецкая администрация планировала отвести под гетто. Нееврейское население отсюда эвакуировали и создали два гетто, огороженных деревянным забором. 46.000 евреев, живших тогда в Вильнюсе, согнали в эти гетто в течение 24 часов, с утра 6 сентября до утра 7 сентября. Город разде-

лили на три зоны: из первой евреев отправили в гетто № 1, где было сосредоточено 29.000–30.000 евреев; из второй евреев переселили в гетто № 2, где содержалось 9.000–11.000 евреев, и из третьей – 6.000 евреев были отправлены в тюрьму Лукишки.[31] В отчете, представленном 9 сентября 1941 года начальником литовской полиции города Антанасом Искаускасом, который руководил операцией по переселению евреев в гетто, говорится:

«Операция началась в шесть утра... На дорогах, ведущих из города, были выставлены посты, чтобы предотвратить утечку евреев. Операция началась на всех полицейских участках одновременно... Операцию проводили полицейские и солдаты из [литовского] батальона...»[32]

Евреям разрешили взять лишь то, что они могли унести с собой. День выдался жаркий, люди были нагружены тяжелыми свертками, и литовские полицейские все время их подгоняли. Горожане стояли на улицах и наблюдали за выселением, одни – сочувствуя высылаемым, другие – злорадствуя и выкрикивая: «Хотели большевиков – получайте гетто!».[33] Евреи, отправленные в Лукишки, несколько дней спустя были отвезены в Понары и расстреляны. Егер пишет в своем отчете, что 12 сентября в Вильнюсе расстреляли 3.334 еврея, из них 994 мужчины, 1.670 женщин и 770 детей.[34]

Евреев в гетто переводили без помощи юденрата, ликвидированного в «Большой провокации», поэтому в гетто не оказалось никого, кто бы организованно распределял евреев по пустующим квартирам. Кто прибывал первым, захватывал квартиру и поселялся в ней со своими родственниками и друзьями. Некоторые вселялись в квартиры силой. Многим семьям пришлось искать себе прибежище в подвалах, на лестничных клетках и во дворах. Только на следующий день немцы назначили юденраты в обеих частях гетто, и он с помощью созданной еврейской полиции занялся, прежде всего, решением жилищной проблемы, чтобы предотвратить захват семьями относительно просторных квартир тогда, как другие спали под открытым небом.[35]

Гетто Вильнюса было спланировано и создано по особой системе. Обычно гетто создавались в кварталах, подавляющее большинство жителей которых составляли евреи, туда же переводились евреи из других частей города. Здесь же городские власти уничтожили всех еврейских жителей квартала, предназначенного для создания гетто, и затем переселили евреев из остальных частей города в освободившийся район. Уничтожение юденрата и отказ от его использования при вселении евреев в гетто тоже были исключением из обычных правил образования гетто.

Несколько дней после заключения евреев Вильнюса в гетто начался процесс перемещения евреев из одной части гетто в другую. Немцы решили, что в гетто № 1 будут находиться евреи с семьями, работающие на немецких и литовских предприятиях и имеющие «шайн» (удостоверение), свидетельствующий о месте работы; а в гетто № 2 будут сосредоточены все остальные евреи. 1 октября, в Судный День, когда

большинство людей находилось в синагогах, немцы и литовцы ворвались в гетто и около 3.000 – 3.500 евреев из двух гетто, включая обладателей «шайнов» и их семьи, были перевезены в Понары и уничтожены. В трех акциях, проведенных в октябре 3-4, 15-16 и 21 октября, немцы ликвидировали гетто № 2, уничтожив там 6.500 – 7.500 евреев.[36]

Бюро по трудоустройству при гебитскомиссариате в середине октября аннулировало все «шайны», выданные немецкими и литовскими учреждениями, и ввело единое удостоверение, называвшееся «желтый шайн». Власти решили выдать 3.400 «желтых шайнов». Такой «шайн» обеспечивал неприкосновенность владельца и трех членов его семьи – мужа или жены и двоих детей до 16 лет. По распоряжению администрации в гетто должно было оставаться не более 13.000 человек. В то время население гетто составляло 27.000 – 28.000 человек, следовательно, уничтожению подлежало 14.000 – 15.000 человек. По собственной инициативе и по инициативе юденрата люди составляли фиктивные семьи, чтобы использовать лимит на мужа или жену и на двоих детей.

После выдачи желтых «шайнов» в гетто прошли две акции уничтожения. 24 октября во время повальных обысков в гетто, предпринятых немецкой и литовской полицией, выявили 5.000 человек, не имеющих «шайнов»; всех их расстреляли в Понарах. 3-5 октября владельцы «шайнов» получили распоряжение вместе со своими семьями перебраться в гетто № 2, которое теперь пустовало. Отряды литовских полицейских, искавшие тех, кто прятался в «малинах», обнаружили около 1.200 человек без «шайнов», вывезли их в Понары и уничтожили. Несмотря на тщательные обыски, около 7.000 «незаконных» евреев сумели спрятаться и остаться в гетто.[37] В Вильнюсском гетто осталось около 20.000 евреев. В большинстве акций уничтожения в Вильнюсе главную роль играл 2-й Вильнюсский Литовский полицейский батальон под командованием Ионаса Йокневициуса.[38]

В районе Шауляя и на севере Литвы подразделения айнзацкоманды 2 проводила акции уничтожения евреев в июле – сентябре 1941 года. Во второй половине августа 5.000 – 5.500 евреев были переведены в гетто. Перед переводом, а также в ходе его, айнзацкоманда 2 уничтожила в Шауляе около 2.000 евреев.[39] Подразделения айнзацкоманды 2 уничтожали евреев также в районах Биржай, Мажейкяй и Тельшяй.[40] В Швенченисе в небольшом гетто собрали около 500 евреев – специалистов с семьями, а также евреев, которые бежали оттуда во время акции конца сентября – начала октября 1941 года. Это было четвертое гетто в Литве.

Вдоль границы между Литвой и Восточной Пруссией, в секторе шириной около 25 км, углубляющемся на территорию Литвы, акции истребления проводились специальным подразделением Сипо из Тильзита.[41] Оно действовало в местности, которая простиралась от Тауригa через Юрбаркас и до Вилкавишкис; тамошние евреи были уничтожены в первые же месяцы оккупации. Несколько сотен молодых мужчин из этой местности были отправлены в трудовые лагеря в Восточной Пруссии.[42]

В заключительном отчете о действиях айнзацкоманды 3 от 1 декабря 1941 года Егер писал: *«Сегодня я могу утверждать, что цель – решение еврейской проблемы в Литве – достигнута айнзацкомандой 3. В Литве больше нет евреев, кроме рабочих евреев (Arbeitsjuden) и их семей. Вот они: в Шауляе – около 4.500, в Каунасе – около 15.000, в Вильнюсе – около 15.000...»*[43]

Число евреев, оставшихся в гетто Литвы, больше числа, указанного Егером, поскольку немалому числу евреев удалось спрятаться во время акций уничтожения. В Вильнюсе в действительности находилось около 20.000 евреев, в Каунасе около 17.500, в Шауляе 5.000 – 5.500 и в Швенченисе, в отчете не упомянутом, около 500 евреев. Всего в Литве осталось 43.000 – 44.000 евреев, если предположить, что ещё несколько сотен евреев скрывалось в различных местах.

Первоначальное число евреев на оккупированной территории гебитскомиссариата Литва составляло 203.000 – 207.000 человек (в исконной Литве 136.000 – 138.000 человек и в районе Вильнюса, присоединённого к Литве, 67.000 – 69.000 человек). Из них уничтожено до конца 1941 года 160.000 – 163.000 человек.[44]

Б. ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТ ЛАТВИЯ

В первые дни июля 1941 года в Латвию пришли подразделения айнзацкоманды 2 и приступили к уничтожению евреев. С ней сотрудничала организованная в начале июля латвийская полиция. В отчете айнзацгрупп сообщается:

> *«Рига... Мероприятия по безопасности в городе были организованы при содействии вспомогательной полиции (400 человек)... Подполковник Вайс назначен командиром вспомогательной полиции... Дополнительно к ней созданы два самостоятельных подразделения для проведения погромов. Все синагоги разрушены. До настоящего времени уничтожено 400 евреев...»*[45]

Одним из самостоятельных подразделений, упоминаемых в отчете, была «зондеркоманда Арайс» под командованием Виктораса Арайса, созданная вначале как временное подразделение «для проведения погромов», но, поскольку она отличилась при выполнении своей миссии и поскольку требовалось решение проблем безопасности, руководители Сипо в Латвии присвоили ей статус постоянного подразделения и подчинили непосредственно айнзацкоманде 2. Зондеркоманда Арайс и латвийские шуцманы уничтожили большинство евреев Латвии.

Уничтожение сопровождалось вторжением латвийских шуцманов в еврейские дома, преимущественно ночью, с одновременным грабежом, издевательствами и насилием.[46] В Риге тысячи мужчин-евреев были схвачены и отправлены в тюрьму, а оттуда группами вывезены в лес Бикерники, находившийся неподалеку от города, и там расстреляны. До конца июля 1941 года было убито около 4.700 мужчин, и с одобрения айнзацгрупп латыши сожгли большинство синагог в городе. В некоторых синагогах находились местные евреи, которых туда загнали, либо проживавшие там еврейские беженцы из Литвы – их заперли

и сожгли заживо.[47]

Гетто в Риге организовала гражданская администрация, получившая в свои руки власть в августе 1941 года. В отчете, отправленном генеральным комиссаром Латвии в рейхскомиссариат Остланд 20 октября 1941 года, говорилось:

«Еврейская проблема по-настоящему существует только в районе гебитскомиссариата Риги. Согласно итогам переписи, там зарегистрировано около 30.000 евреев. Создание гетто в пригороде Московский подходит к концу... Число арийцев в пригороде Московский составляет около 7.000...»[48]

Пригород Московский был одним из самых нищих и запущенных мест в городе, где жила еврейская беднота. Нееврейское население составляли русские и латыши, также из неимущих слоев. Многие евреи перебрались в район гетто за несколько недель до 25 октября 1941 года, когда ворота гетто закрылись. Количество евреев в гетто составляло 30.000 – 32.000 человек, больше половины – женщины, поскольку около 4.700 мужчин-евреев было убито в июле.[49] Очевидец писал о Рижском гетто:

«Улицы были полны народу... В первые дни люди спали на улицах, пока, наконец, все они не были втиснуты в подвалы и на чердаки. Именно в такие минуты проявляется подлинная суть человека: одни готовы в трудную минуту помочь ближнему, другие заботятся только о своем благе.»[50]

26 ноября небольшую часть территории гетто обнесли забором из колючей проволоки, и тем, кто там жил, приказали перейти в другую часть гетто, которую назвали «большим гетто». Освободившаяся площадь или «малое гетто» предназначалась для работающих мужчин, которым велели оставить свои семьи и перейти туда. 30 ноября и 8 – 9 декабря тысячи евреев вывели из «большого гетто» в лес Румбула на расстоянии восьми километров от города и там расстреляли. В этих двух акциях погибло 25.000 – 28.000 евреев. Среди расстрелянных был известный еврейский историк Шимон Дубнов. Операция уничтожения 30 ноября описана в судебном постановлении на процессе в Гамбурге:

«В тот день, в 7 часов утра в Риге было минус семь с половиной градусов по Цельсию... Раздевшись до нижнего белья, евреи вынуждены были шагать в едином ритме по узкой тропинке, по направлению ко рвам... группами по десять... Возле ям евреям было велено лечь на землю лицом вниз, рядом друг с другом. Все они были застрелены с близкого расстояния... Следующие жертвы должны были, чтобы использовать пустое пространство, лечь на тех, кто был застрелен перед ними. Евреи покрепче помогали спуститься в яму инвалидам, старикам и детям. Их уложили на трупы, и после этого их застрелили часовые, стоявшие на телах...»[51]

В «малом гетто» осталось около 4.000 мужчин и 300 женщин, записанных портнихами, которых содержали отдельно от мужчин. В «большое гетто» поместили евреев, привезенных из Германии, Австрии и

Чехии.[52]

В Даугавпилсе евреев уничтожали с первых же дней оккупации. В отчете айнзацгруппы говорится, что в первой половине июля зондеркомандой 1-б при с помощью латышской полиции было казнено 1.150 евреев-мужчин. В последнюю неделю июля 1941 года к северу от города было создано гетто – в казармах, в них почти всю площадь занимали лошадиные стойла, куда поселили большинство людей. Вскоре в гетто доставили евреев из ближайших местечек, и в начале августа там уже теснилось около 16.000 евреев. Улаживание внутренних дел в гетто производилось юденратом и еврейской полицией.[53]

В серии массовых казней в августе 1941 года были уничтожены тысячи евреев. Убийства проводились в лесистой зоне отдыха Погулянки, в восьми километрах от города, и в районе Пески, тоже неподалеку от города, подразделениями айнзацкоманды 3, действовавшей в Даугавпилсе. Согласно отчету Егера, в период её деятельности уничтожено 9.012 евреев.[54] 7–9 ноября, когда в Погулянке истребили ещё 5.000 – 6.000 человек, в акции приняла участие и зондеркоманда Арайса, прибывшая из Риги. По немецким данным, в гетто Даугавпилса осталось 950 человек, владевших необходимыми профессиями.[55]

В Лиепае в июле уничтожили около 1.000 мужчин-евреев. Большинство убийств произошло на берегу Балтийского моря, неподалеку от маяка. В августе-ноябре акции продолжались в меньшем объеме, тогда истребили более 650 евреев. 15–17 декабря казнили 2.700 – 2.800 человек. В городе осталось 300 – 350 обладателей рабочих удостоверений и членов их семей – всего около 1.000 человек. В феврале и апреле 1942 года в нескольких акциях убили около 200 евреев. В Лиепае создание гетто потребовало предварительного выселения многочисленного нееврейского населения, поэтому его организовали только в июле-августе 1942 года; в нём жило около 800 человек.[56]

В Латвии погибли все евреи, за исключением оставшихся в трех гетто: в Риге, Даугавпилсе и Лиепае. Заключительный отчет айнзацкоманды 2 от начала 1942 года подытоживает:

«Цель, стоявшая с самого начала перед айнзацкомандой 2, заключалась в радикальном решении еврейской проблемы путем поголовного уничтожения всех евреев. Для этой цели во всем районе [проводились] действия с помощью зондеркоманд и отборных сил латышской вспомогательной полиции… До конца октября все сельские районы Латвии были полностью очищены… Остальные евреи… представляли собой квалифицированную рабочую силу, незаменимую для поддержания хозяйства, особенно военного…»[57]

Из 74.000 – 75.000 евреев в Латвии до немецкой оккупации к началу 1942 года осталось не более 6.500.

В. ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТ ЭСТОНИЯ

В Эстонии под немецкую оккупацию попало 1.200 – 1.500 евреев, часть из них – в столице, Таллинне. Зондеркоманда 1-а, которая прибыла в Эстонию в конце июля – начале августа 1941 года, приступила

к действиям против евреев. Все шаблонные немецкие меры против евреев: перепись, концентрация, ношение знака, принудительные работы, конфискация имущества и т.п. – были перечислены в приказе, который Сипо передала местной эстонской полиции 11 сентября 1941 года.[58] Евреев Эстонии уничтожили в первые месяцы оккупации; при массовых казнях зондеркоманда 1-а использовала помощь эстонского подразделения Сипо под командованием Ейн Мере. В отчете айнзацгрупп от 12 октября 1941 года говорится :

«Группы эстонской самообороны, созданные с приходом немецкой армии, немедленно приступили к арестам евреев...

Все мужчины-евреи, старше 16 лет, не являющиеся врачами или членами юдената, назначенными немецкими властями, казнены людьми эстонской самообороны под наблюдением зондеркоманды... До сегодняшнего дня число евреев, расстрелянных в Эстонии, составляет 440... В сельской местности больше нет евреев».[59]

В Дерпте и Пярну евреев уничтожили в августе-сентябре 1941 года. С середины сентября до декабря убивали евреев, находившихся в таллиннской тюрьме, а часть из них отправили в лагерь Харку неподалеку от города.[60] Туда перебросили и евреев из других областей Эстонии. Евреев Таллинна и евреев из лагеря Харку расстреливали небольшими группами в Кальви-Лиива вблизи Таллинна. В конце 1941 – начале 1942 года около 500 евреев, которые еще оставались в лагере Харку, были отправлены в район Пскова, находившийся в распоряжении айнзацгруппы А; в феврале 1942 года их расстреляли.[61] В Эстонии не было ни одного гетто. 20 января 1942 в протоколе комиссии Ванзее записали: «Эстония освобождена от евреев».[62]

Г. ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТ БЕЛОРУССИЯ

В Белоруссии акции уничтожения начались еще в период военной администрации и продолжались одновременно с созданием гетто, даже после перехода части территорий гражданской администрации – Генеральному комиссариату Белоруссия. В западных областях Белоруссии приступили к устройству гетто после получения власти гражданской администрацией, в августе 1941 года. Эта администрация, используя опыт организации гетто в Литве и Латвии, стала создавать везде, где это было возможно, по два гетто – одно для «полезных» с экономической точки зрения евреев, а второе – для всех остальных. Тем самым администрация облегчила себе работу по эксплуатации евреев и упорядочила процесс их уничтожения. «Полезных» евреев убивали в последнюю очередь.

Первые массовые казни на западе Белоруссии произошли в Белостоке.[63] 27 июня вместе с немецкой армией в город вошел 309-й немецкий батальон полиции порядка. Полицейские вывели из домов мужчин-евреев, часть из них увезли в различные части города и там расстреляли. Около 800 человек привели в большую синагогу в еврейском районе Шулхойф, заперли двери и подожгли здание. Тех, кто пытался выбраться через окна, застрелила полиция, окружавшая

синагогу. В этот день были застрелены или сожжены заживо 2.000 евреев. 1 июля в Белосток прибыла айнзацкоманда 8, а 3 июля были увезены за город и расстреляны 300 представителей еврейской интеллигенции. Еще одну акцию уничтожения еврейских мужчин Белостока, 12-13 июля, провели 316 и 322 батальоны полиции порядка. Тогда около 4.000 евреев расстреляли в лесном районе Петраше, в трех километрах от города – там уже были готовы рвы, использовавшиеся ранее советскими войсками. Всего за первые две недели в Белостоке убито 6.500 – 7000 евреев-мужчин.[64] В отчете айнзацгруппы отмечено поведение большинства населения Белостока – поляков:

«Польская часть населения выразила свою поддержку проводимым казням тем, что предоставляла Сипо информацию о еврейских большевиках, а также о русских и польских».[65]

Айнзацкоманда 8 из Белостока перебазировалась в Барановичи, Новогрудок и Слоним. В Слониме перед вторжением немцев находилось около 20.000 евреев, среди них – беженцы из Польши. 14 июля 1941 года там истребили 1.255 евреев, среди них представителей интеллигенции и членов юденрата,[66] при второй акции 13-14 ноября – около 10.000 евреев. Гебитскомиссар Слонима Герт Еррен отчитывался об этой акции:

«Когда я прибыл в район Слонима, там находилось около 25.000 евреев, из них в Слониме 16.000 – две трети населения города... Акция Сипо, проведенная 13 ноября 1941 года, освободила меня от дармоедов (unnotigen Fressern). 7.000 евреев, оставшиеся в Слониме, включились в процесс работы и делали это охотно – из постоянного страха смерти... Тем временем армия в большом масштабе очищает сельскую местность. К сожалению, это делается в населенных пунктах с числом жителей менее тысячи...»[67]

Убийства евреев Слонима производились в Чепилово, в семи километрах от города. В декабре в Слониме было организовано два гетто: одно – для специалистов и работников немецких предприятий, второе – для всех остальных. В январе-марте 1942 года в гетто Слонима были отправлены евреи из близлежащих местечек Деречин, Бытень, Ивацевичи, Коссово.[68]

В Барановичах, где до прихода немцев жило около 10.000 евреев, в июле было убито 374 еврея. Это совершила айнзацкоманда 8, чьи подразделения занимались убийством евреев в районе Слонима – Барановичей. В конце ноября в Барановичах создали гетто, разделённое на две части, которые соединял узкий проход.[69]

В Новогрудке, где накануне войны проживало 7.000 евреев, в первой половине июля было убито около 200 евреев, в основном, интеллигентов, а 8 декабря в акции уничтожили 4.000 евреев, включая членов юденрата. После этого, во второй половине декабря, в квартале Пересейка, в нескольких километрах от центра Новогрудка, организовали гетто, которое разделили на две части: одна для профессиональных работников, вторая для людей без специальности. В обеих частях поселили 1.700 евреев, а потом туда же привезли еще несколько тысяч из

окрестных местечек Ивенец, Налибоки, Кореличи и Любча.[70]

В ноябре-декабре 1941 года в кварталах бедноты на окраине Лиды были созданы три небольших гетто, удаленных друг от друга, и в них помещено около 7.000 евреев, потом их число увеличилось из-за перевода сюда евреев близлежащих местечек и из-за притока еврейских беженцев, спасшихся от акций в Вильнюсе.[71]

29-30 июля айнзацкоманда 9, которая в полном составе направлялась из Вильнюса в Витебск и на несколько дней задержалась в Вилейке, провела операцию уничтожения – погибло большинство евреев местечка, среди них женщины и дети. Осталось лишь 100 специалистов из 1.000 евреев, которые жили там до начала войны.[72] Подразделение айнзацкоманды 9 в те же дни совершило акцию в Молодечном и в ближайших местечках, истребив сотни евреев без различия пола и возраста.[73]

Убийство евреев совершалось в Западной Белоруссии повсеместно, но в отличие от других районов Остланда – Литвы, Латвии и Эстонии – большинство западно-белорусских евреев оставалось в живых до конца зимы 1941-1942 года. Гражданская администрация в генералкомиссариате Белоруссия с октября 1941 по январь 1942 года создала гетто в большинстве городов и сёл, где жили евреи, направив туда и евреев близлежащих маленьких местечек.[74]

28 июня 1941 года армия взяла столицу Белоруссии Минск, а 3-4 июля там появились подразделения айнзацгруппы Б. Несколько дней спустя фельдкомендант города издал приказ, обязывающий явиться всех мужчин от 18 до 45 лет, без различия национальности.[75] Явившихся отвезли за город, в Дрозды, где находился открытый полевой лагерь военнопленных. Солдаты зондеркоманды вместе с секретной военной полицией выискивали в лагере коммунистов и евреев. Невероятно тяжелые условия, в которых содержались люди, описаны в отчете, который 10 июля был направлен министру Восточных территорий Розенбергу:

«В Минске, в лагере для пленных, площадь которого приблизительно равна Вильгельм-пляц, заключены около 100.000 военнопленных и 40.000 гражданских лиц. Заключенные, сконцентрированные на этом ограниченном пространстве, с трудом могут передвигаться и вынуждены отправлять свои потребности там, где стоят. Охрану лагеря несет группа солдат – не больше роты. Охрана такого лагеря столь незначительными военными силами возможна лишь благодаря чрезвычайно жестокому обращению... Немногочисленная охрана, бессменно несущая бремя своего труда сутками дни и ночи напролет, обращается к заключенным на том единственном языке, который ей известен – на языке оружия, – и пользуется им без всякой жалости...»[76]

Можно предположить, что по крайней мере четверть из 40.000 гражданских лиц, попавших в Дрозды, то есть 10.000 человек, были евреями.[77] Спустя какое-то время гражданских лиц в лагере отделили от военнопленных, а евреев от неевреев. Вот свидетельство еврея, который

находился в Дроздах:

«Тринадцатый день... Вдруг приезжает машина и объявляет, чтобы поляки отошли в левую сторону, русские в правую, для евреев же приготовлено место возле речки... Люди начинают отделяться... немцы гонят евреев к веревкам, бьют резиновыми дубинками. Кто сопротивляется, бьют до смерти, расстреливают. Вдруг объявляют из машины, что будут отпускать домой. В первую очередь поляков и русских, а насчет евреев не говорят...

Семнадцатый день. К 10 часам утра приехала машина с переводчиком, и он объясняет, что все евреи: инженеры, врачи, техники, бухгалтеры, учителя и вся интеллигенция должны записаться. Из лагеря их освободят и отправят на работу. Вот началась запись. Их было 3 тысячи. Потом народ узнал, что всю эту интеллигенцию расстреляли...»[78]

В отчете айнзацгрупп от 13 июля сказано, что в результате следствия, проведенного в лагере, там казнено 1.050 евреев, и что казни продолжаются.[79] Евреев, уцелевших в Дроздах, во второй половине июля перевели в тюрьму в Минск, через несколько дней некоторых освободили, а другие оставались еще несколько месяцев в тюрьме и использовались на различных работах. Одновременно с событиями в лагере Дрозды немецкие солдаты, айнзацгруппы и немецкие полицейские батальоны, прибывшие в Минск, не переставали врываться в еврейские дома, грабить, уводить и убивать мужчин.[80]

Минск был одним из первых городов на оккупированных территориях Советского Союза, где евреев заперли в гетто. 19 июля 1941 года на улицах города появились объявления от имени фельдкоменданта:

«Все евреи – жители Минска обязаны в течение пяти дней с момента опубликования настоящего приказа перебраться в еврейский квартал. Евреи, схваченные после этой даты в нееврейском районе, будут арестованы и наказаны со всей строгостью закона... Еврейский квартал будет отгорожен от всего остального города каменной стеной после того, как переезд в него завершится. Возведение каменной стены будет производиться самими евреями... Запрещено взбираться на забор. Немецкая охрана и местная полиция получила приказ стрелять в каждого, кто нарушит данный приказ...

Для покрытия расходов, связанных с переездом в еврейский квартал, юденрат обязан выплатить заем в 30.000 червонцев... Вся ответственность за переезд евреев лежит на юденрате Минска. Любая попытка обойти этот закон будет наказана по всей строгости.»[81]

Председатель юденрата Илья Мушкин сумел убедить военную администрацию, что для переезда в еврейский квартал пяти дней недостаточно, и срок был продлен до 1 августа.[82]

Гетто включало 34 улицы и переулка, к ним присоединили и территорию еврейского кладбища. Жилая площадь на человека в гетто составляла 1.5 кв. м, не принимая в расчет детей.[83] В Минское гетто привезли евреев из местечек Дзержинск (оно же Койданово), Червень,

Узда и других. Во время создания гетто число евреев в нем достигало 70.000 человек.[84]

С установлением гражданской администрации в Минске в августе было организовано подразделение Сипо, постоянно действующее на этой территории. 14 и 26 августа из гетто вывели сотни мужчин и отправили в тюрьму. В отчете айнзацгруппы от 29 августа упоминается казнь 615 человек «низшей расы» – имелись в виду евреи.[85] 31 августа и 1 сентября из гетто увезли и расстреляли 914 евреев. Это сделали две роты 322-го батальона полиции порядка, а также Сипо.[86]

В отчете айнзацгруппы от 4 сентября отмечено, что в Минске казнены 214 евреев за то, что они *«напали на полицейского из местной вспомогательной полиции и за то, что они портят дорожные указатели немецкой армии»*. Здесь же сказано, что евреи ведут антигерманскую пропаганду. В отчете от 23 сентября говорится, что *«в Минске при содействии полиции порядка и Секретной военной полиции (ГФП) казнено 2.278 человек, которые все без исключения являлись террористами и еврейскими активистами, и многие из них не носили желтую звезду».*[87] Можно оценить число евреев, погибших от начала августа до конца октября 1941 г., 5.000 – 6.000.

7 ноября 1941 года, в годовщину Октябрьской революции, в Минском гетто прошла большая акция уничтожения. Слухи о ней распространились в гетто несколькими днями раньше, и люди заранее подготовили «малины», чтобы спрятаться. Накануне операции были задержаны члены юдената и их семьи, а также несколько сотен специалистов и их семьи. Их препроводили в лагерь на Широкой улице. Немецкие власти нуждались в них и решили сохранить. Свидетель акции Смоляр писал:

> *«Утром 7 ноября в гетто ворвались отряды СС и полиции, а также местные полицейские и литовские фашисты. Они собрались на Юбилейной площади... Немедленно начались обыски... Убийцы расстреляли на месте больных и стариков... Эсэсовцы и полиция заставляли евреев забираться в грузовики. Когда все машины были забиты до отказа, они двинулись по направлению к лагерю Тучинки... Толпы мужчин, женщин и детей были загнаны в амбары бывшей Шестой колонии НКВД. Люди набились внутрь так плотно, что могли только стоять. Дети задыхались, всех мучила жажда – и так все простояли 2-3 дня... Потом людей повели к глубоким рвам и велели раздеться догола. Крики, плач и проклятия наполнили воздух вокруг и даже поначалу заглушили звуки пулеметных выстрелов... Еще долго слышались стоны и хрипы тех, кто умер не сразу...»*[88]

Около 12.000 евреев тогда было убито. Эта операция опустошила часть гетто, которую затем исключили из границ гетто, сократив его площадь.[89] В акции участвовали силы Сипо, белорусская полиция и литовские шуцманы из 12-го Полицейского батальона под командованием Анастаса Импулевичюса.[90] На следующий день из лагеря на улице Широкой в гетто вернулись юденрат и специалисты с семьями. 20 ноября в Минском гетто была проведена еще одна массовая казнь, охватившая улицы, которых не коснулась предыдущая операция. Около

7.000 человек были вывезены в лагерь Тучинка и расстреляны.[91]

Обе ноябрьские акции являлись частью политики уничтожения евреев Советского Союза, но выбор времени их проведения определялся планом выселения евреев Германии на оккупированные территории Советского Союза: для них решили подготовить место. На следующий день после акции 7 ноября в Минск доставили 990 евреев из Гамбурга, их поселили в отдельном гетто, устроенном в части того района, из которого накануне вывезли евреев. До конца ноября в это гетто были перевезены 6.963 еврея из Германии.[92] 24.000 – 25.000 евреев были уничтожены в акциях в Минском гетто до конца ноября, в гетто осталось 45.000 – 46.000 евреев.

В восточных районах генералкомиссариата Белоруссия, которые входили в Советский Союз ещё до сентября 1939 года, помимо Минского гетто были созданы еще два: в Узде, находившейся южнее Минска, и в Слуцке.

В Узде 1 октября 1941 года 3.000 – 4.000 евреев, частью местные, остальные – беженцы из Польши, были втиснуты в две узкие улочки. Гетто просуществовало меньше двух недель, 14 октября его полностью уничтожили, сохранив только 15 семей специалистов, в том числе троих врачей. 1 марта 1942 года всех за исключением врачей отправили в Минское гетто.[93]

11-й батальон немецкой полиции порядка под командованием майора Франца Лехтхалера, базировавшийся в Минске, и присоединенные к нему три роты литовских шуцманов в октябре проводили антиеврейские операции также на севере и на юге от Минска. Это совершалось в рамках того, что немцы называли «успокоительными действиями в оккупированных районах». «Успокоительными действиями» армейского тыла занималась 707 армейская дивизия безопасности. В недельном отчете о деятельности 11 батальона полиции порядка с 14 по 21 октября говорится:

> *«Население Белоруссии в целом сохраняет спокойствие... но евреи симпатизируют партизанам и оказывают им всяческую поддержку... 14 октября 2-ая и 4-ая роты и две роты шуцманов очистили местечко Смиловичи (35 километров к юго-востоку от Минска) от евреев, коммунистов и других враждебных Германии элементов: 1.300 человек были уничтожены 18 октября... Рота шуцманов выполнила действия по очищению лагеря для гражданских заключенных в Минске и уничтожила 1.150 коммунистов... 21 октября 1941 года в Койданове уничтожена 1.000 евреев и коммунистов... В целом можно считать территорию, вверенную 707-й дивизии безопасности, районом, в котором достигнуто спокойствие».*[94]

Подобные «успокоительные действия» проводились и в других местах Белоруссии, и их жертвами в подавляющем большинстве становились евреи.

В городе Слуцке накануне войны проживало около 7.500 евреев, затем их количество увеличилось с появлением беженцев из Польши, численность которых неизвестна. 26 июня 1941 года был оккупирован

Слуцк, и лишь немногие евреи успели эвакуироваться или бежать оттуда. Первые акции уничтожения были проведены в Слуцке 27 октября 1941 года, но еще прежде евреев города начали переселять в гетто. Гебитскомиссар Слуцка Карл в письме, отправленном генеральному комиссару Белоруссии Кубе 30 октября 1941 года под заголовком «Еврейская акция» (Judenaktion), писал:

«27 октября в 8 часов утра из Каунаса прибыл оберлейтенант из 11-го полицейского батальона, представившийся как адъютант командира батальона Сипо. Оберлейтенант разъяснил, что полицейский батальон получил распоряжение уничтожить всех евреев города Слуцка в течение двух дней. Он отметил, что командование вместе со всем батальоном, включающим в себя четыре роты, две из которых состоят из литовских партизан, приближается к городу, и акция должна начаться немедленно... Спустя полчаса полицейский батальон прибыл в Слуцк. Сразу по его прибытии я встретился с его командиром... Я просил его отложить акцию на один день. Однако он отверг мою просьбу, ответив, что он должен осуществить акции во всех городах, а на Слуцк отводится всего два дня... Я энергично запротестовал против этого и подчеркнул, что евреев ни в коем случае нельзя уничтожать произвольно. Большинство евреев, проживающих в городе, – это ремесленники и их семьи. Этими работниками нельзя пожертвовать, поскольку они необходимы для развития и ведения хозяйства. Я отметил, что среди белорусов, в сущности, нет специалистов, и уничтожение всех евреев приведет к одновременной остановке важных для нас объектов... В ходе беседы мы пришли к соглашению о том, что все евреи, которые еще остались в городе, прежде всего будут отправлены в гетто, чтобы там можно было произвести их селекцию... Селекцию будут производить двое моих подчиненных. Командир не выразил несогласия с моей позицией... Выяснилось, однако, что он действовал отнюдь не в соответствии с нашим соглашением. Все евреи, без исключения, были удалены с заводов и фабрик и высланы вопреки нашему соглашению...

Уже после полудня со всех сторон начали поступать жалобы, что заводы не могут продолжать функционировать, поскольку все еврейские специалисты забраны... Я потребовал немедленно прекратить акцию, поскольку налицо имеется пренебрежение указаниями и ущерб, который уже нанесен нашей экономике, невозможно возместить... Благодаря моему энергичному вмешательству он в конце концов прекратил акцию к вечеру. Что касается формы проведения акции, должен заметить, что, к моему глубокому сожалению, она граничила с садизмом. Сам город во время акции имел устрашающий вид... Я не присутствовал при казнях за городом, поэтому не могу ничего сообщить о жестокости, совершавшейся там. Но достаточно отметить, что расстрелянные люди выползали из могил спустя какое-то время после того, как были засыпаны [землей]. Что касается экономического ущерба, должен заметить, что кожевенный

завод пострадал весьма серьезно. Там работало 16 специалистов, 15 лучших из них были расстреляны… Белорусы, которые прежде испытывали к нам полное доверие, совершенно потрясены… этот день не прибавил славы Германии в их глазах… Прошу выполнить одну просьбу: в дальнейшем постарайтесь любыми средствами держать меня как можно дальше от этого полицейского батальона.»[95]

Кубе переправил это письмо рейхскомиссару Лозе и приложил к нему свое письмо, в котором просил предпринять судебные действия против офицеров полицейского батальона. Он также отметил, что следует сохранять жизнь ремесленникам и заранее согласовывать акции с гебитскомиссарами, и подчеркнул, что следует всеми средствами избегать нанесения ущерба доброму имени Германии в глазах белорусского населения. Лозе переслал письма Карла и Кубе рейхсминистру Розенбергу.[96]

В обоих этих документах, Карла и Кубе, в сущности, нет никаких возражений против самой идеи истребления евреев – с ней они солидарны. Их протест направлен лишь против трех аспектов: а) нанесения ущерба экономической жизни казнями еврейских специалистов; б) жестокости и хаотичности проведения акции; в) ухудшения образа Германии в глазах белорусов. Вмешательство гебитскомиссара Карла предотвратило гибель большинства евреев Слуцка. Согласно одному из источников, в этой акции было убито 2.800 евреев возле деревни Макрита, расположенной в нескольких километрах от Слуцка.[97] В январе 1942 года завершилась концентрация евреев Слуцка в двух гетто: одно в самом городе на примерно 5000 человек, евреи называли его «Городское», и второе, названное «Полевым», в нем находилось около 1.000 стариков, которые были не в состоянии работать. Кроме жителей Слуцка, в эти гетто отправили евреев из близлежащих местечек и сел.[98]

Несмотря на казни, к началу 1942 года большинство евреев генералкомиссариата Белоруссия еще оставалось в живых. Количество убитых, возможно, приближавшееся к 100.000, и количество уцелевших – около 140.000 человек можно определить только предположительно. Даже сами немецкие власти в Белоруссии не имели точных данных. В отчете начальника СС и полиции генералкомиссариата в начале 1942 года говорится:

«О количестве евреев, находящихся сегодня в Генералкомиссариате Белоруссия, можно судить лишь приблизительно, поскольку точные данные по этому вопросу отсутствуют. Сам Генералкомиссариат не в состоянии назвать такое число находящихся там евреев, чтобы оно максимально приближалось к истине. Можно предположить, что общая численность колеблется в пределах 128.000 человек. Согласно оценке команды Сипо, в последних акциях было расстреляно 41.000 евреев. В это число не входят акции, проведенные другими айнзацкомандами, а также не учитываются казни евреев, совершенные армией. По предположению, основанном на полученной информации, до декабря 1941 года армия расстреля-

ла 19.000 человек как партизан и преступников. Мы не ошибемся, если предположим, что больше половины этого количества составляли евреи...»[99]

Указанные здесь предположительные цифры не являются точными и основываются только на предположениях. В это число не включают евреев, казненных в июле – августе 1941 года айнзацгруппой Б и батальонами полиции порядка, прежде чем там было организовано и начало функционировать постоянное подразделение Сипо. Можно только утверждать в целом, что в начале 1942 года ещё оставалось в живых большинство белорусских евреев. Причина кроется в том, что в те месяцы Генералкомиссариат Белоруссия располагал лишь незначительными силами.

Айнзацгруппа А в подведомственных ей генералкомиссариатах Прибалтики оставалась в течение всего рассматриваемого периода и могла обстоятельно, опираясь на многочисленных местных пособников, добровольцев и шуцманов, уничтожать евреев. А айнзацгруппа Б и подчиненные ей айнзацкоманды находились в Генералкомиссариате Белоруссия всего несколько недель. Подавляющее большинство сил айнзацгруппы Б уже в августе 1941 года, с начала создания Генералкомиссариата Белоруссия, оказалось на востоке в районах, управляемых военной администрацией. Организация постоянно действующего подразделения Сипо заняла продолжительное время, поскольку оно не создавалось на базе какой-нибудь айнзацкоманды, остававшейся на территории, – необходимо было организовать совершенно новое подразделение. Создание Шуцманшафта также продолжалась довольно долго, поскольку в Белоруссии, в отличие от прибалтийских республик, население сотрудничало с немцами гораздо меньше.[100] В заключительном отчете от 15 октября 1941 года командир айнзацгруппы А Шталекер писал:

«В бывшем польском районе Белоруссии... мобилизация поляков во вспомогательные силы полиции с политической точки зрения абсолютно неразумна. С другой стороны, найти подходящие кандидатуры среди белорусов удается редко. Поэтому полицейские функции выполняются в гораздо более медленном темпе, чем в Прибалтике... Из-за отсутствия местных сил порядка наша полицейская деятельность выполнялась самими айнзацкомандами...»[101]

В отчете айнзацгрупп от начала января 1942 года, в котором подводится итог акций уничтожения евреев в Остланде до конца 1941 года, сказано следующее: *«Предпринимаются усилия по абсолютному очищению, насколько это возможно, Остланда от евреев... Действия по очистке Белоруссии продолжаются ...»*[102]

Немецкая администрация была вынуждена прекратить массовое уничтожение в Генералкомиссариате Белоруссия в зимние месяцы, поскольку земля промерзла и стало невозможно рыть ямы. Так доложил штурмбанфюрер Хофман, офицер Сипо в Минске, 29 января 1942 года на заседании у Кубе. *«А покамест, – заявил Хофман, – их можно использовать как рабочую силу»*. При этом он отметил, что евреев сле-

дует уничтожать до последнего, и что *«весной акции уничтожения возобновятся в еще большем объеме»*.[103]

Д. ПРЕКРАЩЕНИЕ МАССОВЫХ УБИЙСТВ ЕВРЕЕВ В ОСТЛАНДЕ В КОНЦЕ 1941 ГОДА

Айнзацгруппы в первые месяцы своей деятельности приступили к тотальному уничтожению евреев. Положение обрисовано в заключительном отчете о действиях в Остланде айнзацгруппы А, опубликованном, очевидно, в конце декабря 1941 года:

«Идея систематического очищения Остланда была такова: в соответствии с основополагающим решением полностью выжечь, насколько возможно, еврейство. В принципе эта цель достигнута... Незначительное количество уцелевших евреев в прибалтийских республиках объяснялось необходимостью использования их на срочных работах...»[104]

Решение оставить в отдельных гетто некоторых евреев для «срочных работ» стало результатом борьбы между тремя немецкими структурами, действовавшими на оккупированной территории: гражданской администрацией, Сипо и армией. В борьбу были втянуты даже чиновники министерства Восточных территорий в Берлине. Эта борьба происходила из-за потребностей армии, которые постоянно увеличивались по мере того, как становилось ясно, что война не закончится победоносно до начала зимы. Кроме того, борьба была связана с потребностью в профессиональной рабочей силе, нехватку которой гражданская администрация вскоре стала ощущать. Евреи же предоставляли дешевые рабочие руки, к тому же зачастую они были почти единственными специалистами в таких, например, профессиях, как портные, сапожники, электрики и т.п.

В сентябре или начале октября 1941 года к фон Рентелену обратился заведующий биржей труда в генеральном комиссариате Литва Густав Герман. Он просил его оставить в живых всех уцелевших евреев Литвы. В начале октября у фон Рентелена состоялось совещание, оно приняло решение обратиться в рейхскомиссариат Остланд с просьбой оставить в живых специалистов-евреев и их семьи.[105]

Из других районов Остланда также стали поступать обращения к Лозе с просьбой прекратить тотальное уничтожение евреев. 11 октября 1941 года гебитскомиссар Лиепаи (Латвия) Альнор, направил письмо генералкомиссару Латвии Дрекслеру:

«Уничтожение евреев, возобновившееся с неделю назад, вызывает огорчение... В особенности общее возмущение вызывают казни женщин и маленьких детей, плачущих, когда их ведут на казнь... Офицеры спрашивают меня, есть ли необходимость в уничтожении детей... Ни в одном культурном государстве, даже в средние века, не допускалась казнь беременных женщин...»[106]

Это письмо передали Лозе, и он запретил продолжать уничтожение евреев в Лиепае. В письме не говорится о проблеме еврейской рабочей силы, но, очевидно, она повлияла на реакцию Лозе. Этот за-

прет вызвал протест среди членов Сипо, и они обратились с жалобой в Берлин к Розенбергу. 31 октября д-р Георг Лейббрандт, начальник Политического департамента министерства Восточных территорий, сообщил Лозе, что РСХА жалуется на его запрет. От Лозе потребовали объяснений.[107] В начале ноября 1941 года, прежде, чем он ответил Лейббрандту, Лозе получил письмо от Кубе с приложенным к нему письмом Карла об операции уничтожения в Слуцке и о необходимости сохранения жизни квалифицированным еврейским работникам ради хозяйственных нужд.

Военнослужащие Остланда тоже вмешались и потребовали оставлять в живых еврейских специалистов и рабочих, работавших у них. Фридрих Трампедах, начальник Политического департамента рейхскомиссариата Остланда, а также ответственный по еврейским делам, писал:

«7 ноября 1941 года ко мне явился офицер Мей из отдела снабжения армии в Остланде и поклялся мне, что в Вильнюсе уничтожают еврейских ремесленников, занятых в мастерских и на оружейных заводах вермахта, и что их нельзя заменить местными жителями. На этих заводах ремонтируют транспортные средства армейских частей.[108]

В тот же день Трампедах отправил гебитскомиссару Вильнюса следующую телеграмму, доведенную до сведения командира вермахта в Остланде, старшего начальника СС и полиции Остланда и генералкомиссара Литвы: *«Я требую любыми средствами прекратить изъятие из армии еврейской рабочей силы, незаменимой при выполнении работ для укрепления нашей военной экономики.*[109] В результате подобных обращений, главным образом, от представителей армии, 15 ноября 1941 года Лозе ответил Лейббрандту на его письмо от 31 октября 1941 года:

«Я запретил несанкционированные казни евреев в Лиепае, так как они проводились безответственным образом. Будьте любезны сообщить мне, должен ли Ваш приказ от 31 октября пониматься как директива о ликвидации всех евреев Остланда? Следует ли из этого, что он касается всех евреев, независимо от возраста, пола и экономических потребностей, таких, как, например, потребность вермахта в квалифицированной рабочей силе для производства вооружения? Разумеется, очищение Остланда от евреев – это задача первой необходимости, но ее решение должно производиться в соответствии с нуждами военного производства…»[110]

Только 18 декабря 1941 года Лозе получил ответ на свое письмо от Отто Бройтигама, заместителя Лейббрандта, в котором говорилось, что *«на данном этапе еврейский вопрос лучше всего обсуждать в устных беседах. В принципе, при улаживании данной проблемы не следует принимать во внимание экономические факторы. Кроме того, возникшие проблемы вам следует решать непосредственно со старшим начальником СС и полиции»*.[111]

Это письмо, которое отметало экономические соображения при ис-

треблении евреев, по сути дела позволяло гражданской администрации и местному СС самим определять темпы и сроки уничтожения. Не ожидая ответа из Берлина от Бройтигама, Лозе самостоятельно предпринял шаги, направленные на сохранение еврейской рабочей силы. 3 декабря 1941 года он отправил секретное письмо старшему начальнику СС и полиции Остланда и генералкомиссарам Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии (копия – командующему вермахта в Остланде). В письме говорилось:

«Начальник отдела снабжения в штабе вермахта Остланда жалуется, что в процессе уничтожения евреев у вермахта отнимаются еврейские специалисты и работники военных заводов и мастерских, которых на данном этапе некем заменить. Я категорически требую прекратить уничтожение специалистов, занятых на мастерских военного производства и в мастерских вермахта, которых в настоящий момент невозможно заменить местными работниками. Следует согласовать с гебитскомиссаром, кто именно эти специалисты, которых нельзя заменить другими. Следует организовать подготовку местных людей для того, чтобы они как можно скорее смогли заменить евреев. Это распоряжение касается также еврейских специалистов на заводах, которые непосредственно не обслуживают вермахт, но которые выполняют важные функции в рамках военной экономики».[112]

Этот приказ остановил уничтожение оставшихся в прибалтийских республиках евреев, главным образом, специалистов и рабочих и членов их семей. Последние строки письма давали гебитскомиссарам право оставлять в гетто не только евреев, работавших на немецкую армию, но и тех, кто работал на гражданских рабочих местах в гетто или за его пределами. Этому приказу придавали особое значение в Литве, где в гетто еще оставались – законным либо незаконным образом – около 43.000 евреев, в основном работники и члены их семей. В Латвии число местных евреев, оставшихся в живых, было гораздо меньшим – всего 6.000. В Эстонии евреев уже не было. В Белоруссии еще оставались тысячи евреев, но они не попали в категорию «работающие евреи, приносящие пользу военной промышленности», там приказ Лозе никак не повлиял на антиеврейскую политику.

Еще до распоряжения Лозе командование Сипо в прибалтийских республиках смирилось с тем, что работающих евреев оставляли в живых. Вот что писал в своем отчете Егер 1 декабря 1941 года, за два дня до того, как Лозе отправил свое письмо:

«В Литве больше нет евреев, кроме работающих евреев и их семей… Я намеревался уничтожить этих евреев и их семьи, но столкнулся с резким протестом со стороны гражданской администрации и со стороны вермахта. Поступило запрещение расстреливать евреев и их семьи… Работающие евреи и еврейки были оставлены в живых, в них есть необходимость, и я предполагаю, что, когда зима окончится, все еще будет потребность в этой еврейской рабочей силе…»[113]

Хотя евреев оставляли в живых, исходя, главным образом, из интересов военной промышленности, но и местная администрация нередко нуждалась в услугах еврейских специалистов. Кроме того, труд евреев способствовал притоку денег в кассу гражданской администрации, потому что часть платежей за работу евреев на частном производстве шла прямиком в кассу гражданской администрации.

Е. ЮГО-ЗАПАДНЫЕ РАЙОНЫ БЕЛОРУССИИ, ПРИСОЕДИНЕННЫЕ К ГЕНЕРАЛБЕЦИРКУ БЕЛОСТОК

Гродно и его окрестности представляли собой часть генералкомиссариата Белоруссия в августе-сентябре 1941 года. Затем район Гродно присоединили де-факто, а в марте 1942 года де-юре к генералбецирку Белосток. Гродно, где накануне оккупации проживало около 25.000 евреев, включая беженцев из оккупированной Польши, был взят 23 июня 1941 года. Из города успели бежать лишь очень немногие евреи. 1 ноября по городу был расклеен приказ евреям назавтра перебраться в два гетто. Гетто № 1, созданное в старой центральной части города Шулхойф вокруг большой синагоги, предназначалось для рабочих и специалистов. В нем поселили 15.000 человек. Гетто № 2 находилось на окраине города в Слободке и отстояло на два километра от гетто № 1. Там собрали около 10.000 человек, определенных как «бесполезные». 2 ноября оба гетто были закрыты и обнесены забором из колючей проволоки.[114]

В Пружанах, на северо-востоке от Брест-Литовска, сконцентрировали евреев из близлежащих местечек – к концу 1941 года количество евреев в гетто доходило до 18.000 человек.[115] Город Волковыск, в котором проживало 8.000 – 10.000 евреев, очень пострадал от немецких бомбежек накануне его оккупации, и квартал, в котором жили евреи, сгорел почти целиком. Немецким властям в городе было трудно найти подходящее место, чтобы поместить там евреев, не выселяя при этом многочисленное польское население, поэтому гетто там так и не создали. В сентябре 1941 года были арестованы 200 евреев и казнены в роще неподалеку от города.[116] С последних месяцев 1941 года и до весны 1942 года создавались гетто в городах и местечках Белоруссии, которые присоединялись к генералбецирку Белосток.[117]

Первая волна уничтожения на оккупированных территориях Советского Союза, которая продолжалась до конца зимы 1941/1942 года, миновала генералбецирк Белосток и вообще район Гродно, кроме самого города Белосток, – главным образом, из-за быстрого продвижения айнзацгруппы Б на Восток, что не оставило ей времени на проведение массовых казней.

Ж. ПЕРЕХОД ОТ УБИЙСТВА МУЖЧИН К ТОТАЛЬНОМУ МАССОВОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ

В рейхскомиссариате Остланд, как и на большинстве оккупированных территорий Советского Союза, в ходе процесса уничтожения евреев с конца июня и до зимы 1941/1942 года можно заметить измене-

ние порядка предпочтения в выборе жертв. С июля по середину августа 1941 года казнили преимущественно трудоспособных мужчин-евреев, молодых и среднего возраста, а также еврейскую интеллигенцию и людей, работавших в советских учреждениях и подозреваемых в симпатиях к коммунистам. С середины августа и до начала декабря 1941 года убийства евреев приобрели характер массового уничтожения, без различия возраста и пола. Одновременно уже в октябре наметился некоторый поворот, в основном, в крупных городах, где размещались органы немецкой гражданской администрации. Уничтожение трудоспособных людей, в подавляющем большинстве мужчин, занятых на важных для экономики и войны работах или в сфере обслуживания местной администрации, а также их семей временно было отложено. Их перевели из начала очереди кандидатур на убийство в ее конец.

Представляется вероятным, что убийства мужчин в первые недели оккупации совершались по приказам, полученным айнзацгруппами и другими соединениями СС и полиции еще до вторжения на территорию Советского Союза. Из документов, находящихся в распоряжении исследователей-историков, невозможно точно установить, были ли отданы подобные приказы из тактических соображений – как осуществление первого этапа поголовного уничтожения советских евреев – или они являлись следствием отсутствия стратегического решения о тотальном уничтожении, из-за чего приказы, отданные накануне нападения на СССР, подразумевали только уничтожение мужчин, интеллигенции и сторонников большевизма.[118]

Вероятно, что предпочтение убийству мужчин отдали Гиммлер и Гейдрих по следующим соображениям:

1. Следует быстро и неожиданно уничтожить слои еврейского общества, способные взбунтоваться в момент, когда станет ясно, что их ждет тотальное уничтожение. Немецкая пропаганда и армейские приказы характеризовали еврея как серьезный фактор сопротивления, который угрожает безопасности на захваченных землях. Уничтожение мужчин уменьшало эту потенциальную опасность.

2. В первые недели оккупации айнзацгруппам и другим соединениям СС было гораздо легче – с психологической точки зрения – стрелять в мужчин. Кроме того, истребление мужчин можно было представить перед исполнителями казней, перед армией и перед местным населением как борьбу с лидирующей частью «иудео-большевизма» – заклятого врага Германии.

С середины августа положение изменилось – началось поголовное истребление евреев на оккупированных территориях СССР. Это видно из отчета Егера, в котором сказано, что в акциях, проведенных с 16 по 29 августа было убито около 7.000 мужчин и более 20.550 женщин и детей.[119] Столь большое количество женщин сравнительно с числом убитых мужчин объясняется тем, что тысячи мужчин были казнены в июле, и их в Литве стало меньше, чем женщин. Решение перейти от выборочного уничтожения мужчин ко всеобщему истреблению евреев было принято, очевидно, во второй половине июля 1941 года, под влиянием

следующих факторов.

Германская армия шла вперёд: советские войска отступали целыми армиями, Смоленск был взят, и дорога на Москву свободна. Падение советской власти и близкая победа Германии казались её нацистскому руководству делом считанных недель. На совещании в штабе Гитлера 16 июля 1941 года обсуждался главным образом вопрос административного раздела территорий Советского Союза до самого Урала: на какие рейхскомиссариаты поделить земли и как обходиться с проживающим там населением. Это было нечто вроде заседания по случаю победы, на котором обсуждалась дележка трофеев – территорий Советского Союза. Отношение к евреям в протоколе заседания вообще не упоминается и, судя по всему, оно не обсуждалось, но отдельные фразы Гитлера вроде *«казни… мы проводим и будем проводить»*, или *«уничтожить каждого, кто стоит у нас на пути»*, или *«казнить любого, кто косо на нас посмотрит»*, несомненно, оказали влияние на решение участи евреев.[120] Евреи прежде уже объявлялись врагами, стоящими на пути немцев к победе, и слова «казнь» или «уничтожение» относились в первую очередь к ним.

На следующий день после совещания у Гитлера, 17 июля, Гиммлер стал ответственным за полицейскую безопасность на оккупированных территориях Советского Союза и тем самым получал неограниченные полномочия в своих действиях по еврейскому вопросу. Гиммлеру предстояло претворить высказывания Гитлера в жизнь: в решение о тотальном уничтожении евреев на упомянутых территориях. И в конце июля – середине августа, в дни его инспекционной поездки по оккупированным территориям СССР, получая рапорты и пожелания старших командиров СС, полиции и командиров действовавших там айнзацгрупп, он отдал айнзацгруппам и другим частям СС приказ приступить к массовому истреблению евреев, который они приняли к исполнению с середины августа 1941 года.

Ощущение близкой победы и конца войны, возможно, дало дополнительный толчок решению о тотальном уничтожении евреев. Гитлер и Гиммлер, очевидно, понимали, что то, что можно сделать во время войны, гораздо труднее совершить после ее окончания. Поэтому они решили уничтожить евреев на этих территориях, пока их застилает дым боев, которые, может быть, к зиме прекратятся. Предчувствие скорой победы и решение об уничтожении евреев выразились в двух приказах, изданных во второй половине июля 1941 года: приказ об уничтожении евреев-военнопленных и приказ об освобождении из плена солдат (не офицеров) следующих национальностей: украинцев, литовцев, латышей, эстонцев и фольксдойче, а некоторое время спустя – и белорусов.[121]

19 августа 1941 года после встречи с Гитлером Геббельс написал в дневнике:

> *«Мы беседовали и о еврейской проблеме. Фюрер убежден, что его пророчество, высказанное им в свое время в Рейхстаге, что если еврейству удастся разжечь еще одну мировую войну, то результа-*

том ее станет полное истребление евреев, сбывается. Оно воплощается на наших глазах в течение последних недель и месяцев со всей очевидностью... На Востоке евреям придется уплатить по счету...»[122]

В недавно опубликованных исследованиях немецких историков, и среди них в работах Кристиана Герлаха и Кристофа Дикмана, принятие во второй половине июля решения уничтожить евреев связывается, в основном, с трудностям снабжения немецкой армии в Советском Союзе продовольствием. Уничтожение евреев, определенных немецкой администрацией как «дармоеды», должно было сократить количество ртов, которые нужно обеспечить едой.[123] Дикман добавляет еще одну причину: безопасность в немецком тылу. Он пишет: «Массовые убийства нашли легитимацию... Политика продовольствия и политика безопасности обнаруживаются здесь как два определяющих аспекта, которые привели к крайностям в антиеврейской политике...»[124]

Второй аргумент трудно принять: для безопасности требовалось только убийство мужчин, поскольку еврейские женщины, дети и старики немецкому тылу не угрожали. Что же касается экономического соображения, то сокращение числа «дармоедов» не определяло решения о тотальном уничтожении. Главной причиной была нацистская расовая теория. Связь массового уничтожения главным образом с расизмом подтверждается тем фактом, что одновременно с убийством евреев Советского Союза планировалось истребление всех евреев Европы – а ведь там не существовало таких причин, как, например, нехватка продовольствия для армии на Восточном фронте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Документы Нюрнбергского процесса, L-180, с. 30.
2. *Там же*, с. 14-15.
3. Landeskriminalamt Baden-Wurtemberg Sonderkomission – Zentrale Stelle. Tgb. № SK 1/3-2/59 z Zt. Hogenasperg, den 15.6.1959, p. 11. Судебный процесс Егера. Хаман был командиром подразделения айнзацкоманды 3.
4. Отчет Егера, Архив Яд Вашем, О/18-245, с. 1-2.
5. Arad, *Ghetto in Flames*, p. 72, 77.
6. Ерушалми, *Хроника Шауляя...*, с. 31.
7. М. Дворжецкий. *Литовский Иерусалим в Сопротивлении и Катастрофе* (иврит). – Тель-Авив, 1951, с. 20-21 (далее: Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...*). Об облавах в Вильнюсе см. также: Риндзенски, *Разрушение Вильнюса...*, с. 29-30.
8. Отчет Егера, Архив Яд Вашем, О/18-245, с. 1. См. также: Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 32-34; Тори, *Гетто...*, с. 49-50. Тори утверждает, что число евреев, уничтоженных в Седьмом форте в течение 10 – 12 дней в тот период, достигало 6.000 человек.
9. Отчет Егера, *там же*, с. 2-6. В отчете указано количество уничтоженных с середины августа 1941 г. евреев с перечислением мужчин, женщин и детей. Число уничтоженных женщин и детей выше числа мужчин, тысячи которых были расстреляны в июле.
10. Судебное постановление на процессе по делу Филберта и других обвиняемых из айнзацкоманды 9, Архив Яд Вашем, TR-10/934; Диттер Поль. *Ганс Крюгер и уничтожение евреев в округе Станиславов (Восточная Галиция)* (иврит). *Исследования Яд-Вашем*, том 26, Иерусалим, 1996, с. 184-185 (далее: Поль, *Ганс Крюгер...*). Поль пишет: «Гиммлер только в августе 1941 г. лично приказал Старшим начальникам СС

и полиции на оккупированных территориях СССР уничтожать евреев обоего пола без различия возраста».

11. Отчет Егера, Архив Яд Вашем, O/18-245, с. 7.
12. *Там же*, с. 1-3; Левин, *Хроника Общин Литвы...*, с. 464-465.
13. Шимон Канц. *Книга памяти района Швенчениса* (иврит). – Тель-Авив, 1965, с. 546-549 (далее Канц, *Книга памяти Швенчениса...*). Егер отмечает (там же, с. 6), что в Швенченисе 9 октября было убито 3.726 евреев. В отчете говорится, по-видимому, только о последнем дне уничтожения евреев Швенчениса, и не учитываются евреи из соседних местечек, которые были перевезены в город.
14. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 39-38; Тори, *Гетто...*, с. 45-46; Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...,* 19, pp. 17-18. В отчете от 11 июля 1941 года говорится о встрече Шталекера с представителями еврейства и о создании гетто.
15. Тори, *там же*, с. 46-48; Гарфункель, *там же*, с. 40-42. Пятью представителями евреев были: адвокат Гарфункель, д-р Эфраим Рабинович, адвокат Яков Гольдберг, раввин Шмуэль-Аба Снейг, в прошлом главный раввин армии Литвы, раввин Яков-Моше Шмуклер. Гарфункель и Гольдберг сидели в тюрьме в советский период. Министр Матулиунас ответил евреям, которые к нему обратились, что «в период большевистской власти мы пришли к убеждению, что у нас не может быть ничего общего с евреями. Никогда. Следует разделиться, и чем скорее, тем лучше. Для этого и нужно гетто».
16. Baranauskas and Ruksenas, *Documents...*, pp. 133-135; Тори, *там же*, с. 489-491.
17. Тори, *там же*, с. 50.
18. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 50-52: Тори, *там же*, с. 51-52.
19. Гарфункель, *там же*, с. 56-57.
20. Отчет Егера, Архив Яд Вашем, 0/18-245, с. 2.
21. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 52. Это число основывается на переписи, проведенной юденратом в сентябре 1941 г.
22. *Там же*, с. 68-70; Тори, *там же*, с. 55-59.
23. Гарфункель, *там же*, с. 71-77; Тори, *там же*, с. 63-70; Левин, *Хроника Общин Литвы...*, с. 547-548; Arunas Bubnys. *Lithuanian Police Battalions and the Holocaust* (1941 – 1943). – Vilnius, 2001, p. 13 (далее Bubnys, *Lithuanian...*).
24. Левин, *там же*, с. 548.
25. В отчете Егера (Архив Яд Вашем, 0/18-245, с. 5) отмечено, что между 12 августа, когда айнзацкоманда 3 была назначена ответственной за Вильнюс, и до 1 сентября там было уничтожено 425 мужчин-евреев и 19 женщин.
26. Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...*, с. 38. См. также Arad, *Ghetto in Flames...*, p. 102-103.
27. Рвы были выкопаны еще во время советской власти, в этом месте планировалось строительство гигантских цистерн для хранения горючего.
28. Отчет Егера, Архив Яд Вашем, 0/18-245, с. 5.
29. Крук, *Дневник...*, с. 44.
30. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 104-105.
31. Круг, *Дневник...*, с. 71-72, 259; Baranauskas and Ruksenas, *Documents...*, pp. 218-219 приводят свидетельство Франца Мюрера ответственного по еврейскому вопросу в гебитскомиссариате Вильнюса, что количество евреев в гетто равнялось 40.000 – 42.000.
32. Baranauskas and Ruksenas, *ibid*, pp. 217-218.
33. Крук, *Дневник...*, с. 66-67; Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...*, с. 48.
34. Отчет Егера, Архив Яд Вашем, 0/18-245, с. 6;
35. Арад, *Ghetto in Flames...*, pp. 121, 130.
36. *Ibid*, pp. 136-137, 139-142.
37. *Ibid*, pp. 143-158. Слово «малина» – место укрытия – применялось в преступном мире еще до войны.
38. *Ibid*, pp. 215-217; Bubnys, *Lithuanian...*, p. 22

39. Ерушалми, *Хроника Шауляя...*, с. 32-38; Левин, *Хроника Общин Литвы...*, с. 669.
40. Левин, *там же*, с. 177-178, 310-312, 370. В Тельшяй были уничтожены мужчины в середине июля. Часть женщин занималась сельскохозяйственными работами в районе и в гетто в местечке. В конце декабря 1941 г. гетто было ликвидировано.
41. Krausnik and Wilhelm, *Die Truppe...*, p. 163. Командиром подразделения из Тильзита был штурмбанфюрер Ганс Боме. Заставенко (*Преступные...*, стр. 85-86) приводит отчет этого подразделения от 1 июля 1941 г., где указано, что с 24 по 27 июня подразделение уничтожило 526 евреев. См.: Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, p. 16, где говорится, что в начале июля подразделение из Тильзита уничтожило 1.743 человека, в большинстве евреев.
42. Гарфункель, *Еврейство Литвы...*, с. 269-271, 282, 287-288, 292, 296, 327. Сотни мужчин, отправленных в трудовые лагеря в Восточной Пруссии, находились там до июля 1943 г., потом их перевели в Освенцим.
43. Отчет Егера, Архив Яд Вашем, 0/18-245, с. 7.
44. Количество жертв распределялось следующим образом:

Айнзацкоманда 3 уничтожила по меньшей мере 114.000 евреев. В отчете Егера указаны 111.000 евреев Литвы. В нем не упоминается акция Судного дня в Вильнюсе, когда казнили 3.000 человек, также не упоминается убийство 800 евреев в Вильнюсе в декабре, совершенное после того, как отчет был напечатан. (Число 114.000 не включает евреев Германии, убитых в Девятом форте в Каунасе, евреев Даугавпилса (Латвия) и евреев из района Минска, уничтоженных подразделениями айнзацкоманды 3, которые действовали там и деятельность которых упоминается в отчете Егера).

Айнзацкоманда 9 уничтожила 5.000 евреев Вильнюса.

Айнзацкоманда 2 уничтожила 26.000 – 28.000 евреев.

Подразделение Сипо Тильзит уничтожило около 8.000 – 9.000 евреев.

Литовские «партизаны» и прочие антисемитские элементы уничтожили в Литве 7.000 – 8.000 евреев в волне погромов, учиненных в первые дни немецкой оккупации, ещё до начала планомерного истребления евреев айзацгруппами.

45. Ezergailis, *The Holocaust...*, p. 155.
46. Шерман, *Из родительского дома...*, с. 34, 35.
47. Левин, *Хроника Латвии и Эстонии...*, с. 275; Шерман, *там же*, с. 35.
48. Архив Яд Вашем, 0/18-154, с. 2.
49. Левин, *Хроника Общин Латвии и Эстонии...*, с. 278; А. Кадикис (ред.). *Мы обвиняем*. – Рига, 1967, с. 76 (далее Кадикис, *Мы обвиняем...*). Приведен отчет генералкомиссара Латвии, в нем отмечено, что в гетто Риги находится 29.602 еврея, среди них 6.143 мужчины от 14 до 65 лет и 9.507 женщин, способных работать.
50. Шерман, *Из родительского дома...*, с. 34.
51. Флеминг, *Гитлер...*, с. 66-67. Флеминг цитирует отрывок из приговора, вынесенного обвиняемому Янке на процессев Гамбурге 23 февраля 1973 г., дело 9/72 (50).
52. Левин, *Хроника Общин Латвии и Эстонии...*, с. 278-282. О евреях Рейха, высланных на территорию Остлянда, см. главу 33.
53. Левин, *там же*, с. 100; *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 2, с. 311. В Даугавпилс привезли евреев из местечек Грива, Краслава, Прейли, Виски и Ливаны.
54. Отчет Егера, Архив Яд Вашем, 0/18-245, с. 5; Левин, *там же*, с. 101-102.
55. Кадикис, *Мы обвиняем...*, с. 78, заключительный отчет айнзацкоманды 2 от начала 1942 г.; *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 2, с. 311.
56. Левин, *Хроника Латвии и Эстонии...*, с. 183; *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 3, с. 647.
57. Кадикис, *Мы обвиняем...*, с. 7-78.
58. Б.Л. Тамм (ред.). *Немецко-фашистская оккупация в Эстонии*. – Таллин, 1963, с. 89-91 (далее Тамм, *Немецко-фашистская...*).
59. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 111 p. 183-184.
60. Тамм, *Немецко-фашистская...*, с. 79; Raul Kruus (ed.). *People be Watchful*. – Tallin,

1962, pp. 49-50, 105-106 (далее Kruus, *People be Wathchful...*), отчет эстонской полиции безопасности Таллиннского района от 31 декабря 1941 года, в котором указывается, что к этому дню там уничтожено 610 евреев.

61. М. Дворжецкий. *Еврейские лагеря в Эстонии* (иврит). – Иерусалим, 1970, с. 42-43 (далее Дворжецкий, *Лагеря в Эстонии...*).
62. Документы Нюрнбергского процесса, NG-2586. О судьбе эстонских евреев в первые месяцы немецкой оккупации см. Левин, *Хроника Общин Латвии...*, с. 313-314, 339, 358-359; *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 1, с. 121-122.
63. Так как после Второй мировой войны Белосток стал частью Польши, он не включен в данное исследование. Но поскольку в период вторжения Германии на территорию Советского Союза Белосток принадлежал к Западной Белоруссии и вследствие этого стал первым местом проведения массовых казней, мы сочли уместным привести здесь соответствующие данные о них.
64. Бендер, *Против...*, с. 105-111.
65. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 21, p. 23.
66. *Энциклопедия Катастрофы*, т. 4, с. 867; Arad et al., *Ibid.*, pp. 45-46.
67. Mira und Gerhard Schoenberner. *Zeugen Zagen aus, Berichte und Dokumente über Judenverfolgung in Dritten Reich.* – Berlin, 1988, p. 135-136 (далее Schoenberner, *Zeugen Zagen aus...*).
68. *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 4, с. 867-868.
69. *Там же*, т. 1, с. 238-239; Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 27, pp. 37, 45; Авраам Штейн (ред.). *Барановичи, Книга памяти* (иврит). – Тель-Авив, 1953, с. 517-518 (далее Штейн, *Барановичи...*).
70. *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 4, с. 605.
71. *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 3, с. 634.
72. Кальман Фарбер и Иосиф Зеэви (редакторы). *Книга памяти областной общины Вилейки* (иврит). – Тель-Авив, 1972, с. 94-97 (далее Фарбер и Зеэви, *Книга Вилейки...*); Arad et al., *Einsatzgrupen Reports...*, 27, p. 29, 50, p. 84.
73. Архив Яд Вашем, TR-10/934, с. 57-59.
74. Места в Западной Белоруссии, где проживало более 1.000 евреев и где создали гетто: Ошмяны, Ивенец, Эйшишкес, Илья, Бытень, Браслав, Глубокое, Долгиново, Докшицы, Десна, Друя, Даречин, Дятлово, Василишки, Воложин, Желудок, Лаховичи, Любча, Михалишки, Мир, Молчарь, Несвиж, Столбцы, Поставы, Кореличи, Клецк, Радунь, Радошковичи. Иногда гетто создавались и в общинах, где было меньше 1.000 евреев, а иногда евреев переводили в более крупные гетто поблизости.
75. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 20, p. 20.
76. Заставенко, *Преступные...*, стр. 159-160. Этот отчет написан Доршем, советником из канцелярии Розенберга, который в те дни находился в Минске. По словам Дорша, заключенными были мужчины от 15 до 50 лет.
77. Евреи составляли 30% от населения города. Если предположить, что процент бежавших из города или эвакуировавшихся мужчин был выше среди евреев, чем среди остального населения, то процент евреев, находившихся в лагере, вряд ли мог превысить 25%.
78. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 134-135, свидетельство Гречаника, который спасся из Дроздов и впоследствии попал к партизанам.
79. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 21, p. 22, 32, p. 46. Отчет № 1 от 13 июля посвящен казням, проведенным 8-10 июля. Представителей еврейской интеллигенции убили на восемнадцатый день их пребывания в лагере, то есть примерно 20 июля. В отчете № 32 от 24 июля сказано: «В Минске уничтожена вся еврейская интеллигенция (учителя, профессора, адвокаты и т.д., за исключением высшего врачебного состава)».
80. Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 137; Институт Истории Партии при ЦК КПБ, Fond 12, Opis 1, p. 2-3, Воспоминания партизанки из Минского гетто Анны Мациз, написанные в лесу в декабре 1943 года.

81. Белорусский Государственный Архив. Фонд 359, Опись 1, док 8. Оригинал – по-немецки и по-белорусски. «Червонец» – советская денежная купюра, равная десяти рублям или одной немецкой марке.
82. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 35; Холавский (*В гибельной буре...*, с. 96) пишет, что отсрочка переезда в гетто была получена в результате взятки одному из служащих администрации.
83. Воспоминания партизанки Мациз; Институт Истории Партии при ЦК КПБ, Фонд 12, Опись 1, л. 2-3.
84. Из 72.000 евреев, которые проживали в Минске накануне войны, в оккупации осталось не больше 65.000. Из них около 5.000 евреев были убиты в лагере Дрозды и в самом городе, и в гетто не попали. Вместе с тем, несколько тысяч евреев, бежавших с запада Белоруссии, вынужденно остались в Минске. К числу евреев в гетто следует добавить несколько тысяч евреев, привезенных в гетто из местечек, расположенных неподалеку от Минска.
85. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 67, p. 118.
86. Военный дневник батальона с 31 августа по 1 сентября 1941 года, с. 82-83. Батальон подчинялся «Полицейскому полку Центра». Vojensky Historicky Archiv (Чехия), A-2-1-3.
87. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 73, p. 123; 92, pp. 152-153.
88. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 61-62.
89. *Там же*, с. 63, Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 140-141.
90. Холавский, *В гибельной буре...*, с. 120; Bubnys, *Lithuanian...*, pp. 15-16.
91. Холавский, *там же*, с. 122-123; Смоляр, *Советские евреи...*, с. 65-66; Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 142.
92. Архив Яд Вашем, TR-10/593. О евреях Германии в Минском гетто см. главу 33.
93. Архив Яд Вашем, 2949/218-Г, Яков Гринштейн, Головня, с. 19, 23, 32-33; Свидетельство Беллы Гринштейн, с. 5-8. В Узде в начале 1939 года было 1.142. еврея. Еврейское население там увеличивалось по мере прибывания еврейских беженцев с оккупированных территорий Польши в конце 1939 г. и в 1940 г.
94. Документ находится в распоряжении автора.
95. Документы Нюрнбергского процесса, PS-1104.
96. *Там же*.
97. Арад и др., *Неизвестная...*, стр. 269-270.
98. Ш. Рахмани и Н. Хиноф (редакторы). *Хроника Слуцка и его окрестностей* (иврит). – Тель-Авив, 1962, с. 143-144; (далее Нахмани и Хиноф, *Хроника Слуцка...*); Архив Яд Вашем, 03/6914.
99. Архив Министерства внутренних дел Латвийской Советской Республики, Фонд 1211, Дело 3, лист 1 (далее Архив МВД Латвии...); Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 155, p. 278; В отчете сказано, что в Генералкомиссариате Белоруссия к началу 1942 года оставалось 139.000 евреев, и что одна только айнзацгруппа А уничтожила там 33.210 евреев.
100. Arad et al., *ibid*., 43, p. 68. В этом отчете от 5 августа 1941 г. говорится: «Национального самосознания в Белоруссии больше не существует. Даже открытого антисемитизма там нет... Население испытывает ненависть и злобу против евреев, и оно согласно с теми шагами, которые предприняли немцы [создание гетто, принудительные работы и т.п.]. Но само население не в состоянии проявить инициативу в еврейском вопросе. Население политически пассивно...»
101. Документы Нюрнбергского процесса, L-180, с. 46.
102. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 155, pp. 276-277.
103. *Немецко-фашистский оккупационный режим в Белоруссии.* – Москва, 1965, с. 53-54.
104. Документы Нюрнбергского процесса, PS-2273.
105. Свидетельство Германа от 6 сентября 1946 года, Архив Яд Вашем, M-1/E-6; Процесс

Франца Мюрера, Архив Яд Вашем, 04/20-9-1, с. 9.

106. Кадикис, *Мы обвиняем...*, с. 182-183.
107. Документы Нюрнбергского процесса, PS-3663(1).
108. Архив Яд Вашем, 165-01/18. Обращение армии явилось, очевидно, следствием акции Судного дня в Вильнюсе, проведенной 1 октября 1941 года, когда многие обладатели «шайнов», работавшие в армии, были схвачены и расстреляны в Понарах.
109. Архив Яд Вашем, 157-0/18.
110. Документы Нюрнбергского процесса, RS-3663(2).
111. *Там же*.
112. *Там же*, PS-3664.
113. Архив Яд Вашем, 245-0/18.
114. Фаталь-Кнаани, *Не тот Гродно...*, с. 105, 134-135; *Энциклопедия Диаспоры, Гродно...,* с. 525-526.
115. Спектор, *Хроника Общин Волыни и Полесья...*, с. 304.
116. *Разрушение Волковысска во время Второй мировой войны* (иврит). – Тель-Авив, 1946, с. 16-17.
117. Фаталь-Кнаани, *Не тот Гродно...*, с. 135-136. Города и местечки, в которых проживало более 1.000 евреев и где были созданы гетто, и которые сегодня принадлежат Белоруссии: Острына, Индура, Волпа, Высокое, Лунно, Сопоцкин, Скидель, Каменец, Ружаны, Щучин.
118. См. главу 9, раздел Б, где обсуждаются приказы айнзацгруппам перед нападением на Советский Союз.
119. Архив Яд Вашем, 0/18-245, с. 2-3.
120. См. главу 13, раздел Б.
121. См. главу 34, раздел А.
122. Christoph Dieckman. *The War and the Killing of the Lithuanian Jews*, in: Ulrich Helbert (red). *National Socialist Extermination Policies*. – New York – Oxford, 2000, p. 265 (далее Dieckman, *The War...*). Геббельс имел в виду речь Гитлера в Рейхстаге 30 января 1939 г., когда он сказал, что если разразится вторая мировая война, «ее результатом станет не большевизация всего мира, а с ней и победа еврейства, но уничтожение еврейской расы в Европе».
123. Christian Gerlach. *German Economic Interests, Occupation Policy and the Murder of the Jews in Belorussia, 1943/1944*, in Ulrich Herbert (red). *National Socialist Extermination Policies.* – New York – Oxford, 2000, p.227.
124. Dieckman, *The War...*, p. 266. Дикман там же (с. 262) пишет: «Можно утверждать, что проблемы снабжения... были весьма важным и, возможно даже, решающим фактором в принятии решения убивать бесполезных еврейских женщин и детей вместо того, чтобы их кормить».

ГЛАВА 17

ГЕТТО И УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ УКРАИНА

А. ГЕНЕРАЛБЕЦИРК ВОЛЫНЬ-ПОДОЛЬЕ

Генералбецирк Волынь-Подолье включал в себя районы Волыни и Полесья, которые до войны были частью Польши, и район Каменец-Подольска, входивший тогда в советскую Украину. До передачи этой территории гражданской администрации 1 сентября 1941 г. по ней прокатилась волна уничтожения, в которой были убиты тысячи евреев, в подавляющем большинстве мужчины, и это продолжалось даже после начала правления гражданской администрации.

Брест-Литовск, где до войны проживало 25.000 евреев, пал в первый же день войны, кроме крепости. В конце июня – начале июля в городе были арестованы тысячи еврейских мужчин, вывезены в пригород Котляны и расстреляны там зондеркомандой 7-б и 307-м батальоном полиции порядка. Участник акции из этого батальона свидетельствовал:

«Место казни находилось на юге от Брест-Литовска… Когда мы прибыли на место, там было подразделение СС, наверное, не больше роты… Всего там было 12 рвов длиной в десять метров каждый… Во время акции, которую я сейчас опишу, было расстреляно 6.000 мужчин-евреев… Евреи, о которых идет здесь речь, встретили свою участь со стоическим спокойствием и героизмом…»[1]

Приказ о создании гетто в Брест-Литовске был отдан в середине ноября 1941 г., а 15 декабря ворота гетто, состоявшего из двух частей, закрылись. Генеральный комиссар бецирка Волынь-Полесье Генрих Шоне сделал этот город своей резиденцией до июня 1942 г., впоследствии он переехал в Луцк.[2]

Пинск с его второй по величине в Полесье еврейской общиной немцы захватили 4 июля 1941 г. Около половины из 20.000 евреев, подавляющее большинство из них – мужчины, были уничтожено в акциях 4 и 7 августа 1941 г. Акции производились неподалеку от сел Иваники и Козлякович 2-м кавалерийским батальоном бригады СС под командованием штурмбанфюрера Магилля из Первой кавалерийской бригады СС. В отчёте айзацгрупп от 20 августа не указаны ни дата акции, ни ее исполнители, лишь написано:

«Подстрекательская и подрывная деятельность евреев все ширится. В Пинске еврей стрелял в стражника городской милиции. Милиционер был застрелен из засады неподалеку от Пинска. В порядке возмездия 4.500 евреев расстреляны».[3]

В Пинске осталось около 10.000 евреев, в основном, женщины и дети. 1 мая 1942 г. в городе организовали гетто, и евреям дали всего один день на переезд. Перед созданием гетто в город были свезены евреи из соседних местечек.[4] В Кобрине в гетто, организованном в но-

ябре 1941 г., число евреев, включая свезенных из соседних местечек, достигало 8.000. В начале 1942 г. гетто разделили надвое: в одной части собрали специалистов, работавших на немецких предприятиях, и их семьи, в другой – остальных евреев.[5]

В Ровно, центральном городе Волыни, накануне войны проживало около 25.000 евреев. Город оккупировали 28 июня, и в июле-августе там было убито около 3.000 евреев. Кох выбрал этот город в качестве столицы рейхскомиссариата Украина и своей резиденцией, что имело большое значение для судьбы тамошних евреев. 5 ноября 1941 г. гебитскомиссар Ровно д-р Бир сообщил юденрату, что все евреи, не имеющие «шайнов», должны явиться на следующий день, и их отправят на работу. 6-7 ноября 15.000 – 18.000 евреев были вывезены в лес Сосенки в 6 км от города и там расстреляны 320-м батальоном полиции порядка с помощью подразделения айнзацкоманды 5. Акция такого объема и в такой период в генералбецирке Волынь являлась, очевидно, следствием необходимости немедленно освободить в Ровно многие помещения для немецких учреждений, создаваемых в столице рейхскомиссариата, и для немцев – сотрудников этих учреждений.[6] Айнзацгруппы 8 декабря 1941 г. докладывали:

«6 и 7 ноября в Ровно проведена акция уничтожения евреев, запланированная уже давно, и в ней было расстреляно 15.000 евреев. Эта акция организована полицией порядка по приказу старшего начальника СС и полиции. Подразделения айнзацкоманды 5 участвовали в проведении акции.»[7]

В декабре 1941 г. в Ровно было создано гетто в квартале Вола и в него помещено 5.000 обладателей «шайнов» с семьями.[8]

В Луцк, где жило около 20.000 евреев, немцы вошли 25 июня. 30 июня около 3.000 мужчин-евреев были казнены – якобы потому, что евреи виноваты в гибели заключенных-украинцев, убитых советскими властями при отступлении. 2 июля возле развалин крепости Люберт казнили еще 2.000 мужчин-евреев. В этих акциях участвовали солдаты немецкой армии и украинские полицаи. Вот что написано в отчете айнзацгрупп от 16 июля 1941 г.:

«Айнзацкоманда 4-а... Передовая часть, направленная в Луцк 27 июня, обнаружила, что в городе целые районы охвачены пламенем. Согласно информации, полученной от коменданта города, можно считать поджог делом рук евреев. Перед отступлением большевики расстреляли 2.800 из 4.000 заключенных-украинцев, которые находились в тюрьме Луцка. По свидетельству 19 украинцев, спасшихся от резни, главными исполнителями арестов и расстрелов были евреи... 300 евреев и 20 мародеров были арестованы и расстреляны 30 июня. 2 июля были обнаружены трупы десяти немецких солдат. В качестве возмездия мы казнили 1.160 евреев с помощью украинцев и при содействии полицейского отряда и отряда пехоты.»[9]

Никаких оснований возлагать вину на евреев за убийство заключенных в тюрьмах накануне отступления советских войск не было – их расстреливало НКВД, ведавшее тюрьмами, но это был обычный пред-

лог, которым пользовались айнзацгруппы и другие соединения, чтобы мотивировать расстрел евреев. 11-12 декабря 1941 г. 17.000 – 18.000 евреев Луцка, которым сообщили об этом в последнюю минуту, были отправлены в гетто, организованное в одном из самых старых и бедных кварталов города.[10]

Дубно, в котором накануне войны проживало около 7.000 евреев, немцы захватили 25 июня. Около 100 еврейских юношей убили в первый месяц оккупации. 21 августа 1941 г. 1.075 евреев, в основном мужчины, были отвезены на еврейское кладбище и расстреляны там немцами и украинскими полицаями. Гетто в Дубне создали весной 1942 г.[11] Ковель с 13.000 евреев был взят 28 июня. В первый месяц оккупации там казнили около 1.000 евреев. В конце июля евреев обязали собрать все свитки Торы, которые потом публично сожгли. Гетто в Ковеле организовали только весной 1942 г.[12]

Во Владимире-Волынском до войны проживало около 12.000 евреев. 23 июня, за день до взятия города, около 500 евреев были убиты в результате немецкой бомбежки. В пяти акциях, проведенных с начала июля по октябрь 1941 г., уничтожили более 2.000 евреев, большинство из которых – мужчины. Гетто было создано там весной 1942 г.[13]

1 июля немцы вошли в Кременец. Здесь находилось около 8.000 евреев. Примерно 800 их были убиты в первые дни украинскими полицаями за мнимое (как и в Луцке) участие в убийстве заключенных-украинцев работниками НКВД перед отступлением. Группу еврейских интеллигентов под предлогом отправки на работу вывезли за город и расстреляли. 1 марта 1942 г. 9.340 евреев из города и окрестных местечек согнали в гетто.[14]

Острог, численность еврейского населения в котором накануне войны достигала 10.000 человек, был взят гитлеровцами 3 июля. Несколько дней в городе и окрестности шли бои, в ходе которых погибло около 500 евреев. После оккупации евреев Острога обвинили в том, что они оказывают помощь советским парашютистам, которых будто бы видели неподалеку от города. 4 августа Первая моторизованная бригада СС велела собраться всем евреям города, чтобы их казнить. После вмешательства военного коменданта города, нуждавшегося в рабочей силе для восстановления города, акцию отменили, и эсэсовцам пришлось довольствоваться казнью 2.000 стариков, женщин и детей. 1 сентября всем мужчинам-евреям было приказано явиться, и 2.500 из них были расстреляны в лесу неподалеку от города. Гетто в Остроге организовали в июне 1942 г., в нем находилось 3.000 евреев.[15]

Район Каменец-Подольска, будучи до войны частью советской Украины, находился дальше других от немецкой границы и был захвачен позже; многие евреи, главным образом мужчины, за это время были призваны в армию или эвакуированы. В Каменец-Подольске проживало до войны около 14.000 евреев. Оставшиеся 10.000 евреев после взятия Каменец-Подольска (11 июля 1941 г.) через две недели были отправлены в гетто, организованное в Старом городе. В последние недели августа 1941 г. в Каменец-Подольск и его окрестности, нахо-

дившиеся в зоне действия венгерской армии, выслали около 18.000 венгерских евреев. Большинство привезенных евреев являлись беженцами из Польши и Закарпатья, от которых власти Венгрии решили избавиться. Немецкая военная администрация решила истребить этих евреев до 1 сентября, то есть прежде, чем в город перебазируется немецкая гражданская администрация.

Акцией уничтожения командовал лично старший начальник СС и полиции Еккельн, а основным исполнителем приговора был 320-й батальон полиции порядка, состоявший из резерва берлинской полиции, штабной роты Еккельна и отряда в 30 человек айнзацгруппы С, который, собственно, и расстреливал евреев. Кроме того, в операции участвовали силы украинской полиции, а для оцепления района были привлечены подразделения немецкой и венгерской армии. Место расстрела находилось неподалеку от города, оно называлось «Пороховые склады».[16] 27-30 августа 1941 г. было убито 14.000 – 16.000 евреев из числа высланных из Венгрии, а вместе с ними и тысячи местных евреев, схваченных в гетто.[17] Ниже приводится свидетельство украинского полицая:

«Я служил в полиции с 20 июля 1941 г. до отступления немецкой армии из Каменец-Подольска... Трижды участвовал в массовых казнях мирных советских граждан. Насколько я помню, впервые это произошло 28 августа 1941 г., когда в районе Белановки (на окраине Каменец-Подольска) было расстреляно не меньше 4.000 советских граждан еврейской национальности... Нас, то есть всех шуцманов, которые сюда прибыли, выстроили вокруг евреев, чтобы мы их сторожили и не давали убежать... Люди, которых мы сторожили, разделись и их погнали группами по пять-шесть человек к ямам; двое немецких убийц в них стреляли. Так были застрелены все евреи, которых туда привезли. Потом местные жители, которых мобилизовали специально для этой цели, засыпали ямы землей, и мы вернулись в город... Многие люди просили меня, чтобы я дал им убежать, но я отправлял их обратно...»[18]

В Каменец-Подольский свезли тысячи евреев из соседних местечек (Оринин, Новая Ушица, Чемеровцы, Смотрич) и там расстреляли.[19] В отчете айнзацгрупп от 11 сентября 1941 г. сказано, что «*в Каменец-Подольске в течение трех дней командой под командованием старшего командира СС и полиции расстреляны 23.600 евреев*».[20] После акции конца августа 1941 г. в гетто Каменец-Подольска осталось около 5.000 евреев.

Проскуров был взят 8 июля 1941 г. Накануне войны там проживало около 15.000 евреев, примерно две трети из них остались в оккупации. Во второй половине августа или в сентябре было убито около 800 евреев. В августе 1941 г. гитлеровцы организовали два гетто, одно для специалистов, другое для всех остальных; туда же доставили евреев из района Черный Остров и других местечек в округе. Количество евреев в обоих гетто доходило до 10.000 – 12.000 человек. В октябре 1941 г. в Проскурове была проведена акция уничтожения: около 8.000 евреев

вывезли в овраг, находившийся в двух километрах к востоку от города, между дорогами на Винницу и на Староконстантинов, и там расстреляли. Сотни евреев, которые спрятались и тем спаслись от казни, впоследствии нашли убежище в гетто для специалистов. В этом гетто было 2.500 – 3.000 евреев, и во главе юдената там стояла женщина.[21]

В Староконстантинове до войны жило около 7.000 евреев. Вскоре после того, как город оказался в руках немцев, была проведена акция уничтожения. Она описывается в отчете айнзацгрупп от 21 августа 1941 г.:

«В последнее время евреи не являлись на работу... В качестве возмездия 1-ая бригада СС провела акцию, в ходе которой были расстреляны 300 мужчин и 139 женщин...»[22]

В августе 1941 г. в Староконстантинове было организовано гетто, и оно просуществовало до мая 1942 г. Вот свидетельские показания о нём:

«В тесном гетто в одной квартире проживало по три-четыре семьи, в духоте и грязи. Стали распространяться болезни – тиф, чесотка, нервные заболевания, было немало случаев потери рассудка... Профессионалы работали и получали по 100 г хлеба в день, остальные не получали ничего. Они едва существовали, выменивая оставшиеся у них вещи на краденую еду. Так продолжалось до мая 1942 г. В гетто привезли евреев из Острополя, Гричева и Старой Синявы.»[23]

Шепетовку, где проживало примерно 5.000 евреев, немецкие войска захватили в начале июля 1941 г. В первые недели оккупации в районе действовал полицейский полк, подчиненный старшему начальнику СС и полиции группы армий Юг. В отчете о его деятельности в этот период говорится: *«Операция по очищению района Ровно-Шепетовка завершена. 370 русских и 1.643 еврея расстреляны как подстрекатели и их пособники.»*[24] В январе 1942 г. в Шепетовке организовали гетто, куда собрали около 6.000 евреев из города и окрестностей, а также из местечка Судилков. Из-за скученности и чудовищных антисанитарных условий в гетто вспыхнула эпидемия тифа, распространились и другие заболевания.[25]

Несмотря на волну расстрелов, прокатившуюся по всем городам и местечкам генералбецирка Волынь-Подолье, к началу 1942 г. в живых там еще оставалось больше половины евреев, оказавшихся в оккупации и заключённых в гетто.[26]

Б. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШТАБА ГИММЛЕРА В РАЙОНЕ ПОЛЕССКИХ БОЛОТ

Полесские болота на юге Белоруссии, которые входили в рейхскомиссариат Украина, находились между маршрутами движения групп армий Центр и Юг. В этом районе проживало относительно немного населения. Болота и леса здешней местности обусловили её нахождение за пределами районов действия основных сил немецкой армии, и в ней оставались остатки подразделений Красной Армии, которые не

успели отступить. По согласованию с вермахтом Гиммлер возложил на Первую кавалерийскую бригаду СС (командир штандартенфюрер СС Фегелейн), подчиненную передвижному штабу (Командоштаб) рейхсфюрера СС, миссию по очищению района от остатков Красной Армии. В соответствующем приказе Гиммлера от 28 июля 1941 г. четвертый параграф, озаглавленный «Отношение к населению», гласил, что к местному населению, состоящему в основном из украинцев, следует проявлять положительное отношение, *«чтобы эти местные жители действовали против мародеров и служили нам опорой»*.[27] «Мародерами» Гиммлер именовал тех, кто, по его мнению, был враждебен Германии. В этом параграфе сказано:

> *«Если же население, с национальной точки зрения, враждебно, а с расовой и человеческой точки – ущербно… всех их можно заподозрить в симпатиях к партизанам, то их следует расстрелять, а женщин и детей загнать в болота.»*[28]

Немецкая администрация заранее определила евреев как нацию, враждебную и ущербную с расовой точки зрения. Чтобы недвусмысленно разъяснить подразделениям Первой кавалерийской бригады СС, как следует поступать с евреями, рейхсфюрер СС 1 августа 1941 г. издал короткий приказ: *«Все евреи должны быть расстреляны. Еврейских женщин надо загонять в болота»*.[29]

Для выполнения задачи Первую кавалерийскую бригаду СС перевели в подчинение Баха-Залевского, и зона ее действий включала большую часть Полесья, от линии Пружаны – Кобрин на западе до линии Ганцевичи – Давид-городок на востоке. Каждое подразделение бригады получило четкое задание. В итоговом отчете об операции штурмбанфюрера СС Магилля, командира 2-го кавалерийского батальона, который действовал в центре Полесья между Кобрином на западе и Пинском на востоке, говорится:

> *«Евреи проживают в крупных поселениях, и их процент среди прочего населения высок – в некоторых местах от 50% до 80%, в других – до 25%… Украинское и белорусское население ведет себя очень дружественно… Евреев и мародеров мы расстреляли. Немногие ремесленники, работающие в армейских мастерских, были оставлены в живых… Практика загонять женщин и детей в болота не дала ожидаемого результата, поскольку болота недостаточно глубоки, чтобы в них можно было утонуть. В большинстве случаев на глубине метра обнаруживается твердая почва (очевидно, песок), поэтому утонуть невозможно.*
>
> *Украинские священники очень нам помогали, во всех акциях предоставляли себя в полное наше распоряжение. В целом представляется, что население относится к евреям положительно. В то же время они помогали нам искать евреев. Местная полиция порядка, состоящая в большинстве своем из бывших польских полицейских и нескольких бывших польских солдат, тоже произвела хорошее впечатление. Она действовала энергично и приняла участие в борьбе с мародерами… Число мародеров, застреленных кавалерийским*

подразделением, составляет 6.526...»[30]

Подразделения Первой кавалерийской бригады убивали евреев во многих городах и местечках, в числе их Давид-Городок, Лунинец и др.[31] Можно предположить, что, несмотря на сказанное в отчете, в округе были еще и зыбучие болота, и, возможно, там утонуло немало женщин и детей, но точного их числа мы никогда не узнаем. В заключительном отчете командира бригады Фегелейна сказано, что *«всего расстреляно 13.788 мародеров, наши же потери – двое убитых»*. Далее в отчете командир просит, чтобы его солдаты за свою деятельность были представлены к наградам, как это принято в армии.[32] По количеству убитых кавалеристов можно догадаться, что им не довелось столкнуться с советскими солдатами, боев они также не вели. Возможно, они погибли в какой-нибудь аварии. Под «мародерами» подразумеваются евреи.

В. ГЕНЕРАЛБЕЦИРК ЖИТОМИР

В генералбецирк Житомир, граничивший на западе с генералбецирком Волынь-Подолье, а на востоке с генералбецирком Киев, входили восточная часть Полесья и город Мозер на севере. На юге в этот генералбецирк входил город Винница с окрестностями, они граничили с Транснистрией, находившейся под властью Румынии. 20 октября 1941 г. генералбецирк Житомир был передан во власть гражданской администрации во главе с генералкомиссаром Куртом Клеммом. Еще во времена военной администрации в районе проводились широкомасштабные казни – тогда большинство евреев было уничтожено батальонами полиции порядка и бригадами СС под командованием старшего начальника СС и полиции группы армий Юг, и лишь немногие – подразделениями айнзацгруппы С.

Житомир, главный город генералбецирка, был взят 9 июля 1941 г., в оккупированном городе оставалось около 10.000 евреев – треть довоенного еврейского населения. Около половины евреев уничтожили еще до создания гетто, остальных согнали в него. Организованное возле рыночной площади, гетто просуществовало совсем недолго – 19 сентября его ликвидировали. Евреев обвинили в том, что они зажигают в домах свет и таким образом подают сигналы советским самолетам во время воздушного налета. Кроме того, их обвинили в распространении среди украинского населения слухов о скором возвращении Красной Армии и в обстреле местных полицейских из засады.[33] Расстрел евреев производила айнзацкоманда 4-а при содействии фельдкомендатуры 197.[34] В рапорте айнзацгрупп об уничтожении евреев Житомира говорится:

«Глава военной администрации 10 сентября 1941 г. провел совещание. Итогом совещания стало принятие решения о полном и окончательном уничтожении евреев Житомира, поскольку предупреждения и наказания не возымели желаемого действия. 19 сентября 1941 г. в 4 часа утра еврейский квартал очистили от обитателей, после того как накануне квартал был оцеплен шестьдесятью украинскими полицейскими. Перевозка осуществлялась двенадцатью

грузовиками, часть из которых была получена из армейского штаба, а часть – из городского управления Житомира... 3.145 евреев были зарегистрированы и казнены. 25 – 30 тонн тканей, одежды, обуви и домашней утвари в процессе акции конфисковано и передано «Национал-социалистической организации помощи» для раздачи. Деньги и ценности были переданы зондеркоманде 4-б.»[35]

Военная администрация временно оставила в Житомире группу еврейских специалистов, число их вместе с семьями составляло 240 человек.[36]

В Коростене, на север от Житомира, до войны проживало 11.000 евреев. Город был взят в июле 1941 г. Согласно отчету айнзацгрупп, в город вернулись евреи, бежавшие оттуда прежде, и они *«представляют собой постоянный источник беспокойства. 238 евреев, которые были арестованы украинской полицией и содержались в специальном помещении, расстреляны»*.[37] В середине сентября казнили всех евреев города в рамках акции по окончательному уничтожению евреев этого района. В отчете фельдкомендатуры 197, ответственной за район Житомира, от 20 сентября 1941 г. говорится:

«Во всех областях, находящихся под контролем фельдкомендатуры, почти не осталось евреев... Не было необходимости в организации гетто, поскольку большинство евреев в области Коростеня были расстреляны СД. Обнаружилось, что в районе Коростеня находились евреи, активно действовавшие против вермахта и терроризировавшие украинское население... Поэтому все евреи этого района расстреляны СД... Выяснилось также, что евреи из Коростышева и Житомира поддерживали связь с партизанами. В виде возмездия в последнее время было расстреляно 60 евреев из Коростышева, 19 сентября расстреляны евреи Житомира...»[38]

В Бердичеве, захваченном 7 июля 1941 г., находилось 16.000 – 17.000 евреев, около двух третей довоенного их количества. Примерно 300 евреев убили в первые недели оккупации. 25 августа было организовано гетто в самом нищем квартале города – на городском рынке, в районе Ятки. В сентябре прошли две акции уничтожения евреев Бердичева. Вот их описание:

«4 сентября, спустя неделю после организации гетто, немцы и предатели-полицейские предложили 1.500 молодым людям отправиться на сельскохозяйственные работы. Молодежь собрала узелки продуктов, хлеб и, простившись с родными, отправилась в путь. В тот же день все они были расстреляны между Лысой Горой и селом Хажином... И те, кто остались в гетто, так и не узнали в недолгие оставшие им дни жизни судьбу, постигшую молодых людей... 14 сентября в Бердичев прибыли части эсэсовского полка, была мобилизована и вся городская полиция.

В ночь с 14 на 15 сентября район гетто был оцеплен войсками. В четыре часа утра по сигналу эсэсовцы и полицейские начали врываться в дома, поднимать людей, выгонять их на базарную площадь. Многих из тех, кто не мог идти – дряхлых стариков и калек,

палачи убивали тут же, в домах... На небольшом холмике стояли Редер и Королек, окруженные охраной. К ним партями подводили людей, и они отбирали из каждой партии по 2-3 человека известных специалистов... Отобраны были 400 человек, среди них врачи... и знаменитые в городе ремесленники и мастера... Отобранным специалистам разрешили взять с собой семьи. Многие из них не могли отыскать потерявшихся в толпе своих жен и детей... Сотни обреченных матерей протягивали к ним своих сыновей и дочерей, молили признать их своими и этим спасти от смерти... Одновременно с пешими колоннами по Бродской улице двигались грузовики. В них везли немощных стариков, малых детей... Полицейские, члены их семей, любовницы немецких солдат, бросались в опустевшие квартиры грабить их. На глазах живых мертвецов тащили они платья, подушки, перины, некоторые проходили сквозь оцепление и снимали платки, вязаные шерстяные кофточки с женщин и девушек, ждущих казни. В это время голова колонны подошла к аэродрому. Полупьяные эсэсовцы подвели первую партию к краю ямы... В этот день, 15 сентября 1941 г., на поле вблизи Бердичевского аэродрома, были убиты 12.000 человек...»[39]

В результате акции население гетто резко сократилось – в нем осталось 400 работников с семьями. Кроме того, спаслись 2.000 – 2.500 евреев, которым удалось спрятаться. 3 ноября 1941 г. были уничтожены все оставшиеся евреи, кроме 150 специалистов и их семей, которых держали в лагере на Лысой Горе. В этот же лагерь привезли специалистов из соседних местечек, таким образом, число евреев здесь достигло 500.[40]

Винница была взята 21 июля 1941 г., через четыре недели после нападения Германии на Советский Союз. Из более чем 34.000 евреев, проживавших в городе до войны, после эвакуации и бегства осталось примерно 17.000. В начале августа расстреляли около 150 еврейских мужчин, в первой половине сентября 1941 г. – еще 600.[41] 19 – 20 сентября в Виннице была совершена крупная акция, в ходе которой в лесу Пятничанске было расстреляно около 10.000 евреев, в большинстве старики, женщины и дети. Проводил акцию 45-й резервный батальон немецкой полиции порядка при содействии местной полиции. В конце сентября 1941 г. в Виннице создали гетто, куда поместили около 5.000 евреев – профессиональных работников и просто трудоспособных людей.[42]

Город Хмельник на северо-западе от Винницы, в котором перед войной жило более 6.000 евреев, был оккупирован в начале июля 1941 г. 12 августа 1941 г. расстреляли около 400 мужчин. Согласно отчетам айнзацгрупп, евреи Хмельника и окрестностей были обвинены в терроре против украинского населения, в распространении слухов о скором возвращении советской власти и в блокировании дорог. Поэтому, как отмечено в отчете, *«в этом районе, который особенно пострадал от еврейского террора, проводится основательная чистка»*.[43] В декабре 1941 г. в Хмельнике организовали гетто, заключив в него евреев

города и окрестностей. 9 января 1942 г. казнили около 7.000 человек. В результате обысков и доносов в городе и области около 1.200 евреев, прятавшихся в укрытиях, было схвачено и 16 января 1942 г. убито. В гетто осталось 400 – 500 человек специалистов и члены их семей.[44]

Мозырь, областной центр Полесья на западе Белоруссии, входил в генералбецирк Житомир. Накануне войны в нем проживало более 6.300 евреев. Город был взят 22 августа 1941 г., два месяца спустя после вторжения Германии, поэтому 75% евреев города успели эвакуироваться или бежать. В документе, разосланном гебитскомиссаром Мозыря 5 ноября 1941 г. бургомистрам городов, находящихся под его властью, говорится о гетто:

> *«Специально отведенный квартал в городе Мозырь будет служить единственным местом проживания евреев и лиц смешанной национальности... Я приказываю всем евреям, проживающим не в Мозыре, а в других населенных пунктах, перебраться в Мозырь, в отведенный для них квартал...»*[45]

В гетто согнали около 1.500 евреев города и 2.500 – 3.000 евреев из близлежащих местечек и сел. В первой половине января 1942 г. гетто было уничтожено.[46]

Новоград-Волынск, в котором перед войной проживало около 7.000 евреев, захватили 10 июля 1941 г. Через несколько дней в город прибыл штаб айнзацгруппы С и зондеркоманда 4-а. В Новоград-Волынске, в котором оставалось более 2.000 евреев, организовали гетто, и в него перевели евреев из Эмильчино и Яруни, а также из окрестных сел. 20 сентября ликвидировали всё гетто – 3.200 евреев.[47]

В десятках городов и колхозов генералбецирка Житомир с начала оккупации и до зимы 1941/1942 уничтожили подавляющее большинство живших там евреев. В некоторых местах гетто были организованы до начала операций уничтожения и одновременно с ними, и часть гетто просуществовала до весны-лета 1942 г.[48] В массовых казнях участвовали как подразделения немецкой и украинской полиции порядка, так и бригады Ваффен-СС, которые, будучи гораздо крупнее сил айнзацгруппы С, уничтожили большую часть еврейского населения Украины в этот период. Вот что говорится в рапорте айнзацгрупп по поводу района действий айнзацгруппы С и количества уничтоженных там евреев только за один месяц: *«Подразделения, подчинённые старшему командиру СС и полиции, в августе расстреляли 44.125 человек, в большинстве евреев»*.[49]

Большая часть этих сил, в основном Первая бригада СС, действовала в августе 1941 г. в генералбецирке Житомир и в районах Новоград-Волынска, Коростеня и Житомира в операциях по «очистке» (Sauberungsaktion). Отчёты этой бригады о деятельности в августе 1941 г. включали информацию об уничтожении евреев её подразделениями, и говорится там о казнях партизанов и «подозрительных» людей, не имевших документов, большинство которых, по-видимому, евреи.[50] В тот период в упомянутом регионе еще не было партизан, и «партизанами» называли обычно людей, пойманных без документов,

которые пытались скрыть свое происхождение, – среди них безоружные бойцы разбитых частей Красной Армии, оказавшиеся в немецком тылу, а также многие евреи.

В рапорте Первой бригады СС о действиях с 10 сентября по 10 октября 1941 г. отмечается, что было казнено *«мужчин – 4.146, женщин – 1.033, детей мужского пола – 126, женского – 92, всего 5.397»*. Не во всех рапортах указывается количество расстрелянных, некоторые ограничиваются общими фразами вроде: *«Операция по очистке продолжалась восемь дней и в ходе ее были расстреляны евреи и большевики»*.[51]

Г. ГЕНЕРАЛБЕЦИРК КИЕВ

Западные и южные районы Киевской области были оккупированы во второй половине июля и в течение августа 1941 г. В Киевской области тотальное уничтожение евреев началось с Белой Церкви, где перед войной жило 9.500 евреев, а к моменту оккупации 16 июля 1941 г. – приблизительно 5.000 – 6.000 евреев. Их всех уничтожили в середине августа 1941 г.[52] В отчете за 11 сентября 1941 г., отправленном фельдкомендатурой Белой Церкви в 454-ю Дивизию Безопасности, сказано:

"Многие из евреев Белой Церкви расстреляны, остальные убежали. Евреев в городе практически не осталось. Подчиненным штабам дано распоряжение о том, что если у них еще осталось значительное число евреев, то им следует организовать гетто и использовать евреев для работы в соответствии с существующими предписаниями."[53]

После акции уничтожения было обнаружено около 100 еврейских детей, которые, очевидно, оставались дома либо прятались. Их поместили в один из домов в городе и держали там под охраной. Два немецких документа рассказывают об участи этих детей. Корнман, евангелический пастор 295-й пехотной дивизии, отправил 21 августа 1941 г. в штаб дивизии, оберст-лейтенанту (подполковнику) Гроскурту донесение:

«Вчера, 20 августа, около 15.00 ко мне и к католическому пастору пришли двое священников из ближайшего полевого лазарета и сообщили, что неподалеку, примерно в пятистах метрах отсюда, на верхнем этаже одного из домов, обнаружены 80 – 90 детей, грудных младенцев и детей дошкольного возраста. Их крики и плач были слышны издалека... Я пошел с ними и с католическом пастором в этот дом и увидел, что там, в двух маленьких комнатках, лежат и сидят дети – некоторые из них в собственных нечистотах, – и что самое главное, там не было ни капли питьевой воды, так что дети очень страдали от жажды. На посту стоял украинский полицейский, от которого мы узнали, что это еврейские дети, родители которых расстреляны. Около поста находилась группа немецких солдат, у другого угла дома – еще одна группа, и обе возбужденно обсуждали увиденное и услышанное. Так как я считаю абсолютно нежелательным, чтобы такие вещи становились известными и получали широкую огласку, я докладываю об этом.»[54]

Евангелического пастора, похоже, смущает только огласка. Его донесение в штаб дивизии в тот же день переслал командующему 6-й армией генерал-фельдмаршалу фон Рейхенау, который приказал командиру айнзацкоманды 4-а Блобелю и представителю 6-й армии немедленно отправляться в Белую Церковь, чтобы выяснить, что там происходит. Одновременно он принял такое решение: *«В принципе, любую начатую акцию следует довести до конца, но должным образом»*.[55] Это означало, что нужно покончить с детьми. Вот свидетельство оберштурмфюрера СС Огуста Хафнера, командира подразделения зондеркоманды 4-а, который убивал последних еврейских детей Белой Церкви:

«Блобель приказал мне казнить этих детей. Я спросил его: кто будет расстреливать? Он ответил: солдаты Ваффен-СС. Я сказал ему: они люди молодые, как мы объясним им, что нужно стрелять в маленьких детей? И я предложил, чтобы детей расстреливали украинские полицейские, подчиненные фельдкоменданту. Ни один из них не отказался… Я отправился в рощу… Солдаты уже успели выкопать ров… Привезли детей… Украинцы стояли вокруг и дрожали. Детей выгрузили… Их поставили у края рва и стали стрелять… Мне особенно запомнилась одна маленькая белокурая девочка, которая уцепилась за мою руку. Ее тоже застрелили… В некоторых детей приходилось стрелять по четыре-пять раз, чтобы умертвить их.»[56]

Умань, в которой по данным довоенной переписи жило примерно 13.500 евреев, около половины из них сумели эвакуироваться или убежатьдо дня её захвата 30 июля. Из отчета айнзацгрупп от 20 октября:

Многие евреи из близких или более далеких районов были собраны в Умани. Население Умани до войны составляло около 55.000 человек, из них 10.000 евреи. Несмотря на то, что многие евреи оставили Умань после начала войны... передано, что их численность сегодня составляет около 8.000. Среди евреев Умани обнаружена информационная сеть, которая отлично действовала. Евреи передавали сообщения о том, что происходит на фронте и в тылу, не только своим соплеменникам, но и украинскому населению… Чтобы ликвидировать этот источник опасности, было принято решение об акции, которая продлится всего два дня. Вопреки плану, милиционеры (местная полиция) с участием большого количества немецких солдат предприняли «дикие» акции против евреев 21 сентября. В этих событиях были совершенно разрушены квартиры евреев, а ценности разграблены. В этом тоже приняли участие немецкие солдаты…

Понятно, что вследствие этих незапланированных акций против евреев Умани пострадало выполнение систематических операций айнзацкоманды 5. Многие евреи заблаговременно получили предупреждение и бежали из города… Сразу же после прибытия айнзацкоманды 5 она исправила ущерб, нанесенный этим произволом. Оставшиеся евреи, числом 1.412, были казнены в Уманской акции 22 и 23 сентября айнзацкомандой 5. Группа армий Юг полу-

чила рапорт об участии солдат немецкой армии в незапланированных акциях против евреев.[57]

Вследствие рапорта айнзацкоманды 5, из которого следовало, что беспорядки, в которых принимали участие немецкие солдаты, стали причиной недостаточной эффективности акции уничтожения, командующий группой армий фон Рундштедт, 24 сентября – на следующий день после казни евреев в Умани издал приказ:

«Акции против коммунистов и евреев будут производиться специальными подразделениями полиции безопасности. Участие вооруженных сил в беспорядках, учиняемых украинцами среди еврейского населения, запрещено. Запрещено также присутствие при операциях, проводимых специальными подразделениями, и их фотосъемка... Все офицеры и сержанты ответственны за исполнение этого приказа».[58]

Количество евреев, убитых в Умани, значительно превышало указанное в отчёте айнзацгрупп. Командир военной роты, охранявшей район сбора евреев перед казнью, описал проведение акции и указал, что число расстрелянных около 6.000.[59] Это приближалось к числу 8000 в отчетах айнзацгрупп, определявших такой цифрой количество евреев в Умани в начале немецкой оккупации. Поскольку подавляющему большинству евреев, которые скрылись из города перед началом акции, было негде спрятаться, представляется, что почти все они были схвачены и казнены.

В предместьях Киева Красная Армия воздвигла линию обороны, и он продержался два месяца, пока не пал 19 сентября 1941 г. До войны в Киеве жило около 230.000 евреев. После призыва на фронт, эвакуации и бегства части евреев в городе осталось их 60.000 – 70.000.

Одновременно с немецкой армией в первый же день оккупации в городе появилась зондеркоманда 4а. Штаб айнзацгруппы С вошел в Киев 24 сентября. Немцы и украинцы-антисемиты начали преследовать евреев. Пошли разговоры типа «евреи сосут нашу кровь». На рынках евреям отказывались продавать продукты.[60] За несколько дней в городе арестовали и казнили тысячи евреев.[61]

Сразу после оккупации в центре Киева стали раздаваться взрывы в зданиях бывших советских учреждений, занятых теперь немецкими военными штабами. Взрывчатка была заложена в эти здания перед отступлением Красной Армии из города, а сами взрывы осуществлялись на расстоянии при помощи электронных устройств работниками НКВД, специально для этого оставленными в городе. Однако вину за взрывы возложили на евреев. Вот что написано в рапорте айнзацгрупп:

«20 сентября была взорвана крепость, и командир артиллерии и начальник его штаба погибли. 24 сентября прогремели мощные взрывы в районе фельдкомендатуры. Вспыхнувший пожар до сих пор не погашен. Центр города в огне... Взрывы продолжаются, пожары тоже... Все общественные здания и площади заминированы... Как доказано, в этих поджогах ключевую роль сыграли евреи. Здесь проживает, наверно, 150.000 евреев. Пока невозможно уточнить

эти данные. В первой акции было задержано 1.600 евреев. Планируется казнить по меньшей мере 50.000 евреев. Немецкая армия приветствует эти шаги и требует крайних мер.[62]

26 сентября 1941 г. совещание с участием военного коменданта Киева генерал-майора Фридриха Эберхардта, старшего командира СС и полиции группы армий Юг Еккельна и командира айнзацгруппы С Раша приняло решение истребить всех евреев Киева.[63] Выполнение поручили зондеркоманде 4а при участии штабного подразделения айнзацгруппы С. Им помогали также 45-й и 303-й батальоны 10-го полка полиции порядка, а также украинская полиция. 28 сентября на улицах города было расклеено объявление от имени только что организованной украинской полиции:

«Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 г. к 8 часам утра на угол ул. Мельниковой и Доктеривской (возле кладбища). Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян.»[64]

В объявлении не указывалось, как именно поступят с евреями, которые явятся, но последовавший рапорт айнзацгрупп отмечал: *«Распространились слухи о том, что всех евреев Киева отправят в другое место»*.[65] Многие поверили. Вот одно из свидетельств:

«Среди евреев говорили о том, что немцы собираются отправить их в другое место. Они были потрясены антисемитскими высказываниями украинцев... Объявления, расклеенные немцами, внушили им надежду на то, что теперь до конца войны они будут жить и работать отдельно...».[66]

О том, что происходило в Киеве после объявления 28 сентября, рассказала еврейка, жительница города:

«Меня зовут Дина Вассерман... Я была замужем за русским... и в паспорте была записана как русская... На второй день войны муж ушел на фронт, и я осталась с двумя маленькими детьми и больной матерью. Когда я увидела на улицах города плакаты и прочитала приказ: «Всем евреям Киева собраться у Бабьего Яра»... я одела моих малышей, младшей 3 г., а старшему 5 лет, и отвезла к своей русской свекрови. Потом взяла больную маму и вместе с ней ушла на дорогу, что ведет к Бабьему Яру. Евреи шли сотнями, тысячами. Рядом со мной брел старый еврей с длинной белой бородой. На нем был талес и тфилин. Он молился... Русские мужья провожали своих еврейских жен. Русские жены провожали своих еврейских мужей.

Когда мы приблизились к Бабьему Яру, послышалась стрельба и нечеловеческие крики... Когда мы вошли в ворота, нам велели сдать документы, ценные вещи и раздеться. Один немец подошел к маме и сорвал с ее пальца золотое кольцо... Кругом стояли фашисты с автоматами, полицаи-украинцы и злые собаки, готовые разорвать

человека на куски... Я подошла к столу, где сидел толстый офицер, показала паспорт и сказала тихо: – Я русская. Тут подбежал один полицай и буркнул: – Не верь ей, она жидовка. Мы ее знаем... Немец велел мне обождать и отойти в сторону.

Я видела, как каждый раз раздевается очередная группа мужчин и женщин, стариков и детей. Всех подводят к открытой яме, и автоматчики расстреливают их. Затем подводят другую группу... Я видела, как молодая женщина, совсем голая, кормила грудью своего голенького малыша, когда к ней подбежал полицай, оторвал от груди ребенка и живого бросил в яму... Мать бросилась туда, вслед за ребенком...

Немец, который велел мне ждать, подвел меня к своему начальнику, показал ему мой паспорт и сказал: – Эта женщина говорит, что она русская, но полицай ее знает как жидовку. Начальник взял паспорт, долго рассматривал его и буркнул: – Дина – не русское имя. Ты – жидовка. Уберите ее! Полицейский велел мне раздеться и толкнул меня к обрыву, где еще одна группа людей ждала своей участи. Но еще до того, как раздались выстрелы, я, как видно, от испуга, упала вниз, в яму. Упала на убитых... Я притаилась, будто мертвая. Подо мной и на мне лежали убитые, раненные – многие из них еще дышали, другие стонали... А расстрел продолжался, и люди все падали и падали. Я сбрасывала с себя трупы, боясь оказаться погребенной заживо... Стало смеркаться. Немцы с автоматами в руках ходили и добивали раненых... Я не подала виду, что я живая. Потом я почувствовала, что нас засыпают землей... Когда совсем стемнело и наступила тишина, я открыла глаза и увидела, что вокруг никого нет... Вдруг я почувствовала, что сзади меня что-то шевелится... Я тихо повернулась и спросила: – Кто ты? Мне ответил тоненький детский голос: – Не бойся, тетенька, Меня зовут Фима Шнайдерман, мне 11 лет... Мы оба начали тихо передвигаться.»[67]

В рапорте айнзацгрупп от 2 октября сообщается: *«Зондеркоманда 4-а совместно со штабом айнзацгруппы и двумя командами Полицейского полка Юг казнила 33.771 еврея в Киеве 29-30 сентября 1941 г.»*[68]

В рапорте айнзацгруппы, опубликованном пятью днями позже, отмечено, что число убитых евреев составляет 36.000. Сказано также, что *«с теми евреями, что еще не пойманы, и с евреями, которые вернутся, поступят соответственно»*.[69] Не все евреи явились по приказу, тысячи из них оставались дома, другие же прятались. В течение месяцев евреев Киева и окрестностей ловили, свозили в Бабий Яр и расстреливали. Начальник украинской полиции Киева издал указ, обязывающий домоуправов и дворников в течение 24 часов сообщить в ближайший полицейский участок о проживающих в их домах евреях – работниках НКВД и членах Коммунистической партии. Укрывание этих людей, говорилось в указе, повлечет за собой смертную казнь. Далее говорилось, что *«домоуправы и дворники уполномочены самостоятельно приводить в лагерь евреев, находящихся поблизости от лагеря военнопленных на улице Керосинной»*.[70]

И действительно, евреев, пойманных после массового убийства в Бабьем Яру в конце сентября, приводили в городской лагерь военнопленных на улице Керосинной, а оттуда увозили в Бабий Яр и расстреливали.

Еще один лагерь, где содержались схваченные евреи, находился возле Киево-Печерской лавры. 18 октября были казнены 300 евреев-душевнобольных из городской лечебницы. Эта акция, согласно немецким отчетам, *«была особенно трудна в психологическом отношении для айнзацкоманды 5, которая ее выполняла»*.[71]

Расстрелы евреев продолжались безостановочно; айнзацкоманда 5, действовавшая в районе Киева, сообщала об уничтожении 10.650 евреев в период со 2 по 18 ноября 1941 г.[72] Среди расстрелянных было, несомненно, много евреев из Киева. Немало евреев уничтожили в виде возмездия за антигерманскую деятельность, когда немецкие власти расстреливали заложников. В приказе командующего немецкой армии на Украине от 10 октября 1941 г. говорилось, что желательный состав заложников должен составлять: 50% – евреи, остальные – русские, поляки и украинцы в равных соотношениях.[73] В сообщении, опубликованном генерал-майором Эберхардтом 2 ноября 1941 г., отмечено, что 300 жителей Киева казнены за подрывную деятельность в городе, а в сообщении от 29 ноября сказано, что 400 мужчин казнено за порчу телефонной линии.[74] Нет сомнения, что по меньшей мере половину числа заложников составляли евреи, которые были схвачены и находились в тюрьмах и лагерях на улице Керосинной и возле Киево-Печерской лавры.[75] В городе Переяславе, к юго-востоку от Киева, солдаты айнзацкоманды 4-а при содействии украинской полиции расстреляли 537 евреев 4 октября 1941 г.[76]

Город Черкассы был захвачен 22 августа 1941 г. Накануне войны там проживало около 8.000 евреев, и можно предположить, что под оккупацией осталось более трети еврейских жителей. В середине сентября в Черкассах и области действовало подразделение айнзацкоманды 5. Десятого октября был опубликован приказ за подписью украинского бургомистра города и начальника украинской полиции, в котором евреям предписывалось в течение двух дней перебраться в гетто на улице Шолом-Алейхема. Далее в приказе говорилось, что в каждом случае нанесения ущерба представителю новой власти будут казнены 50 евреев, 10 коммунистов, а за каждый поджог здания будут казнить 100 евреев и 20 коммунистов.[77] В октябре в Черкассах убили более 300 евреев.[78] 18 декабря 1941 г. гетто было ликвидировано – всех его обитатели расстреляли.[79]

Часть Полтавской области, включающая Полтаву, и Лубны и другие населённые пункты, по немецкому административному делению была включена в генералбецирк Киев. Полтаву оккупировали 18 сентября 1941 г. До войны в городе проживало 13.000 евреев, примерно 30 процентов из них оказались в оккупации. В октябре солдаты айнзацкоманды 4-б убили 723 еврея.[80] Вот что сообщается в советском отчёте о Полтаве:

«Всех евреев города собрали 23 ноября 1941 г. на окраине города, на улице Пушкинской, чтобы «переселить их в другое место»… Их застрелили и трупы сбросили в противотанковый ров. Детей бросали в яму живыми. Всю ночь жители города слышали стоны умирающих людей, которых закопали живьем.»[81]

Женщина, спасшаяся от акции, рассказывает про обманные действия немцев при убийстве евреев:

«Немцы распространили в Полтаве слухи, будто евреев отправят в Палестину… вывесили объявления от имени коменданта города, в которых говорилось: «Завтра, в 7 утра, всем евреям собраться на улице Пушкинской… Пушкинская улица, находившаяся напротив кладбища, была огорожена колючей проволокой, по обе стороны стояли эсэсовцы и местные полицейские… Евреям велели войти в ворота кладбища… и встать рядом с выкопанными ямами. Акция началась…»[82]

В рапорте айнзацгрупп отмечено, что число убитых в акции 23 ноября составляло 1.538 человек, и *«их одежда была передана бургомистру Полтавы, который при разделе одежды отдал предпочтение этническим немцам»*.[83]

В Кременчуге, где до войны проживало более 20.000 евреев, ко дню оккупации 8 сентября 1941 г. их осталось около 7.000. В переписи населения, проведенной 26 сентября, 3.500 человек зарегистрировались как евреи и еще 100 семей – как смешанные семьи. Около половины евреев записались неевреями, но это их не спасло. Евреев согнали в пригород Новая Ивановка. 28 октября на дороге Кременчуг – село Песчаное было расстреляно более 3.000 евреев.[84] Расстрелы продолжались до 7 ноября, до полного уничтожения всего еврейского населения. Украинским полицейским, участвовавшим в расстрелах, разрешили брать себе одежду расстрелянных.[85] Фельдкомендатура, отвечающая за Кременчугскую область, рапортовала за период с 15 октября по 15 ноября 1941 г.: *«Кременчуг почти очищен от евреев. Два врача-еврея оставлены, чтобы лечить гражданское население.»*[86]

Бургомистр Кременчуга предпринял попытку крестить некоторое число евреев. В рапорте айнзацгрупп от 16 января 1942 г. сообщается:

«Бургомистр города Кременчуга Вершовский, арестован и казнен… В своем приказе от 28 сентября 1941 г. ему удалось саботировать процесс решения еврейского вопроса путем крещения евреев и тем самым выведения их из-под германского контроля».[87]

А в рапорте айнзацгрупп от 6 марта 1942 г., посвященном той же теме, сказано:

«Бургомистр города уполномочил главного священника, протоиерея Романского, крестить евреев, которых он выбрал, и давать им русские христианские имена. Его немедленный арест предотвратил появление еще большего количества евреев, которые смогли бы ускользнуть от германского контроля».[88]

В документе советского НКВД 1943 года эти же действия главы

города описываются следующим образом: крещение происходило в церкви, за взятку, и это отнюдь не спасло евреев, так как евреи, перешедшие в христианство, были также расстреляны. И *«все эти действия преследовали только одну цель – получение денег от еврейского населения»*.[89]

В Лубнах и соседних местечках евреи получили распоряжение военного коменданта явиться 16 октября 1941 г. для перевода в другое место. Им приказали надеть лучшую зимнюю одежду, взять еду на три дня и все свои ценности. Около 1.900 евреев были выведены к противотанковым рвам за городской чертой и там расстреляны.[90]

Областной центр Кировоград, в котором накануне войны проживало около 15.000 евреев, был захвачен 4 августа 1941 г. В переписи населения, проведенной сразу же после начала оккупации, 5.000 человек записались евреями, но нашлось и немало евреев, назвавшихся неевреями.[91] В рапорте айнзацгрупп записано:

> *«В Кировограде известно, что евреи пытались получить от чиновников службы переписи удостоверения личности с неверно указанной национальностью. С помощью поддельных удостоверений некоторым евреям удалось устроиться на различные должности в местном управлении, используя также существовавший там с давних пор протекционизм.»*[92]

В начале сентября все евреи-мужчины, кроме стариков, были согнаны в лагерь в пригороде Кущевка. В конце сентября их вывели из лагеря и расстреляли в противотанковых рвах к северо-западу от города. В начале октября были казнены все остальные евреи.[93] Общее число убитых кировоградских евреев составило 6.000. До конца 1941 г. были убиты и евреи других городов Кировоградской области.[94]

В генералбецирке Киев были организованы гетто в нескольких городах и местечках. В городе Звенигородка проживало около 2.000 евреев, для них организовали гетто в конце августа 1941 г.[95] В Пирятине (Полтавская область), где накануне войны проживало около 1.800 евреев, гетто создали в августе-сентябре 1941 г. Оба эти гетто возникли по инициативе местных военных властей, заинтересованных в еврейской рабочей силе, затем они просуществовали еще несколько месяцев под властью гражданской администрации.[96]

20 октября 1941 г. генералбецирк Киев был передан во власть гражданской администрации, генералкомиссаром назначили Магуни. Подавляющее большинство проживавших там евреев истребили еще при военной администрации. Многие евреи (число невозможно даже предположить), которые были эвакуированы или бежали из Киева и других городов центральной Украины, не сумели спастись, поскольку в ходе военной операции немцев в августе 1941 г. Киев оказался отрезан от восточной Украины; тысячи беженцев погибли на окруженной территории или в пути.

Зимой 1941/1942 г. в генералбецирке Киев оставалось в живых еще несколько тысяч евреев.

Д. ГЕНЕРАЛБЕЦИРК НИКОЛАЕВ

В Николаевской области до войны проживало около 45.000 евреев. Николаев немцы захватили 17 августа, а Херсон 19 августа 1941 г. Накануне войны в Николаеве жило примерно 25.000 евреев, в Херсоне – 16.500. От трети до половины из них остались на оккупированной территории. В районе Николаева-Херсона действовала айнзацгруппа D, в её рапорте отмечено, что в каждом из упомянутых городов осталось по 5.000 евреев.[97] Очевидно, таким было число, указанное в переписи еврейского населения, которая проводилась во всех городах сразу же после начала оккупации. Священник из Николаева, свидетель расстрела евреев города, рассказывает об этом так:

«В сентябре 1941 г. в соответствии с приказом военного коменданта города и начальника полиции все еврейское население города – дети, взрослые и старики – должны были покинуть Николаев. Утром 14 сентября все улицы, ведущие к кладбищу, были запружены идущими евреями… В течение трех дней гестапо, полиция и жандармерия вывозили евреев на машинах в овраг и там расстреливали.»[98]

Уже в первые дни оккупации в Херсоне в качестве заложников было арестовано несколько сотен евреев. 29 августа военный комендант города приказал расстрелять 100 заложников-евреев и 10 неевреев за повреждение телефонного кабеля. 6 сентября были расстреляны 110 заложников-евреев, включая десять женщин, по обвинению в связях с Красной Армией, которая находилась неподалеку от города и обстреливала его.[99]

Согласно советским источникам, 7.000 – 8.000 евреев в Херсоне были сконцентрированы в гетто в районе Форштад; 23-24 сентября их увели оттуда на расстояние трех километров от города и расстреляли возле противотанкового рва рядом с деревней Зеленевка. В рапорте айнзацгрупп от 2 октября написано:

«Очищение территории от евреев и коммунистов продолжается… в частности, речь идет о городах Николаев и Херсон, которые полностью очищены от евреев… С 16 по 30 сентября было казнено 22.467 евреев и коммунистов.»[100]

Евреи, проживавшие в районе Николаев-Херсон, тоже были уничтожены в сентябре-ноябре 1941 г.[101] В акции уничтожения 1.700 евреев в районе Каховки, которая находится на Днепре, восточней Херсона, в середине сентября группа евреев была сброшена живыми в колодец (возможно, высохший) глубиной около 40 м. Затем начатое довершили брошенные в колодец гранаты.[102] В большинстве подобных акций участвовали украинские полицейские, и самым распространеным методом казни был тот, который применялся во время массового убийства в поселке Лысая Гора, в районе села Благодатное восточней Первомайска. Вот свидетельство украинской жительницы:

«В сентябре 1941 г., не помню какого дня, в Лысой Горе застрелили 320 человек. Накануне казни, которая происходила в колхозе имени Молотова, пришел староста деревни Федоренко Андрей Денисович и распорядился выделить машину, чтобы отвезти полицейских

вырыть яму, где закопают трупы еврейских жителей. Полицейские уехали в тот же день и вырыли могилы. Назавтра утром полицейские собрали всех евреев в клубе в Лысой Горе. В 10 утра забрали всех мужчин и под конвоем полицейских отвели к месту казни. Там их уже ожидало немецкое подразделение, которое прибыло из Первомайска. Первыми были застрелены мужчины, потом женщины и последними – дети... В казни участвовали местные полицейские. Больше всех среди них отличились начальник полиции Михаил Бараненко и полицейские...»[103]

15 ноября 1941 г. генералбецирк Николаев был передан гражданской администрации, генералкомиссаром назначили Опперманна. Большинство евреев района убили ещё до того, при военной администрации.

Город Первомайск на реке Буг, входящий в генералбецирк Николаев, был поделен на две зоны: район на западном берегу реки, который именовался Голта (его называли также Первомайск), стал частью Транснистрии, находившейся под властью Румынии, остальные же районы города присоединили к генералбецирку Николаев. Перед войной в городе проживало более 6.000 евреев; под оккупацией оказалась примерно половина. Город захватили в конце июля, а первую акцию провели там 17 сентября. Вторая акция состоялась 15 декабря, в ходе ее убили 1.500 евреев; в третьей акции 9 января 1942 г. уничтожили всех, остававшихся в живых, кроме тридцати ремесленников, обязанных обслуживать немецкий штаб в городе. Нескольким евреям удалось перебраться в румынскую часть города, где положение евреев было немного лучше.[104]

Е. ГЕНЕРАЛБЕЦИРК ДНЕПРОПЕТРОВСК

Генералбецирк Днепропетровск включал территории советской Днепропетровской области и часть Запорожской области. Самыми крупными по численности еврейского населения центрами Днепропетровской области были Днепропетровск, Кривой Рог, Днепродзержинск, где проживало более 90% от 120.000 евреев области. В Запорожской области из 35.000 евреев 80% жили в городах Запорожье и Мелитополь.[105]

Днепропетровск, насчитывавший до войны более 90.000 евреев, был захвачен 25 августа 1941 г. По приблизительным подсчетам, в городе оставалось около трети его еврейского населения. Согласно рапорту айнзацгруппы, айнзацкоманда 5 в конце сентября – начале октября расстреляла 179 местных евреев. Массовое же убийство евреев Днепропетровска совершили 13-16 октября 1941 г. 314-й батальон полиции порядка и местная украинская полиция. Вот как это описывается в рапорте айнзацгрупп от 19 ноября 1941 г.:

«Из 30.000 оставшихся евреев около 10.000 расстреляны 13 октября 1941 г. подразделением, подчиненным старшему начальнику СС и полиции. Далее – расстреляны еще 1.000 евреев айнзацкомандой 6. Несмотря на нехватку профессиональных работников,

не представляется никакой возможности – даже на краткий период – сохранить жизнь еврейским ремесленникам, которые срочно требуются для выполнения ремонтных и других работ. Предпринимаются шаги по уничтожению 1.500 пациентов областной лечебницы для душевнобольных».[106]

Жительница Днепропетровска свидетельствовала:

«Евреям было приказано собраться у магазина «Люкс». Собрав немного вещей, я с двумя детьми тоже пошла к магазину. Здесь нас построили в колонну и куда-то повели... Когда прошли еврейское кладбище и вышли на пустырь у железнодорожной дороги, впереди послышались выстрелы. Тогда мы поняли, зачем нас сюда привели. Толпу в несколько тысяч человек согнали к какому-то забору и оцепили со всех сторон... Когда рассвело, на пустыре появились немецкие солдаты с патронными ящиками... Потом нас стали гнать к ямам, которые были в конце пустыря... послышались крики, выстрелы...»[107]

В облавах на евреев и конвоировании их к месту казни в Днепропетровске принимала участие украинская полиция и городские пожарные. 12 октября вечером был проведен инструктаж среди полицейских и пожарных с участием украинского бургомистра города Соколовского, начальника украинской полиции города Солнцева и некоторых офицеров СС. Во время инструктажа говорилось о том, что в ночь на 13 октября все евреи города будут собраны и препровождены на постоянное место жительства за городом. Присутствующих обязали оказывать содействие немецким властям. Их разбили на звенья по два человека, вручили адреса евреев, велели в течение ночи обойти все дома и привести евреев к месту сбора. 14 октября пожарных привезли на место казни и, после того, как они ее наблюдали в течение дня, им было велено засыпать убитых землей. Евреев расстреляли в районе Транспортного института, в роще неподалеку от лесопильни, а чтобы заглушить крики расстреливаемых, власти распорядились завести моторы тракторов.[108]

Не все евреи подчинились немецкому приказу, некоторые спрятались или просто не явились на указанное место. В последующие месяцы этих евреев схватили и казнили. 1.000 евреев, упомянутых выше в рапорте айнзацгруппы, были расстреляны после акции 13 октября.

В декабре 1941 г. в Днепропетровске истребили еще 5.000 евреев.[109] В рапорте айнзацгруппы от 25 февраля 1942 г. отмечено, что за период с 10 января по 6 февраля 1942 г. в Днепропетровске было расстреляно 350 человек в противотанковом рву на расстоянии 4 км от города.[110] В городе по официальному разрешению осталось только несколько сотен еврейских специалистов и рабочих.[111]

15 августа 1941 г. немцы заняли Кривой Рог, в котором из 13.000 евреев – довоенных жителей оставалась их треть. В рапорте айнзацгрупп от 17 сентября 1941 г. упоминается расстрел 105 евреев города уже в первые недели оккупации.[112] Полностью евреев Кривого Рога истребили 14-15 октября 1941 г. Двое жителей города свидетельствуют:

«14 октября 1941 г. немецкие преступники пригнали колонну... жителей города: женщин, стариков и детей... В колонне было около 3.000 людей... Колонну привели к оврагу возле шахты № 6... Взрослых застрелили, а детей живыми сбросили с обрыва... 15 октября к тому же обрыву пригнали еще около 2.000 граждан, жителей города, и 800 военнопленных – офицеров и солдат, и тоже расстреляли».[113]

Евреи, проживавшие в Днепропетровской области, и среди них около 400 жителей города Новомосковска, в большинстве своем были расстреляны до марта 1942 г.[114] В поселке Пятихатка в августе 1941 г. сотни евреев этого района согнали к шахте «Главогнеупор», где часть их расстреляли, а часть живыми сбросили в шахту.[115] К востоку от Днепропетровска, в Павлограде, где до войны проживало более 2.500 евреев, был создан трудовой лагерь для примерно 2.000 евреев из города и других мест. Лагерь уничтожили только в июне 1942 г.[116]

Запорожье, в котором до войны проживало около 30.000 евреев, был занят 4 октября 1941 г. В городе находилось около 4.000 евреев. Десятерых членов юденрата, назначенного там в начале оккупации, вскоре казнили – вероятно, за то, что они не выполнили задания администрации: собрать среди евреев одежду и ценные вещи и передать их германским властям. Евреи использовались на различных принудительных работах в тяжелых условиях зимы. Большинство евреев, оставшихся в Запорожье, дожили до марта 1942 г. – очевидно, благодаря тому, что айнзацгруппы оставили город в период с октября 1941 по февраль 1942 г., когда они были заняты военными операциями в излучине Днепра. 3.700 евреев, оставшихся в Запорожье, казнили 24 марта 1942 г.[117]

Ж. УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Согласно переписи населения 1939 г., в сельских районах и сельскохозяйственных поселениях в Украине жило около 222.000 евреев – примерно 14,4% от 1.532.000 украинских евреев. Они распределялись по сотням сел, в некоторых проживали отдельные семьи, в других – десятки семей, но были и места с относительно большим еврейским населением, объединенные в еврейские сельские советы или в еврейские национальные районы.[118]

С началом войны часть еврейских колхозов была эвакуирована. Эвакуация в сельской местности производилась, как правило, позднее, чем в городах, причем упор делался в первую очередь на вывозе скота и инвентаря. Решение эвакуировать колхозы диктовалось в первую очередь экономическими причинами, главным образом, необходимостью поставки продовольствия армии и населению. Поскольку это решение приняли с опозданием, многие из колхозов не успели эвакуироваться, в особенности те, что располагались на правом берегу Днепра, т.к. многие мосты через Днепр были разрушены бомбёжками, а там, где еще можно было переправиться, предпочтение отдавалось отсту-

пающей армии либо промышленным предприятиям и их работникам. В распоряжении организаторов эвакуации из западных районов имелось слишком мало времени, поэтому половина еврейских колхозов, расположенных на правом берегу Днепра, не успела эвакуироваться, среди них хозяйства из еврейских национальных районов Калининдорф в Николаевской области и Сталиндорф в Днепропетровской области. В районах еврейских поселений на Украине были и колхозы, в которых бок-о-бок проживали евреи, русские, украинцы и фольксдойче, жившие там еще со второй половины восемнадцатого столетия.[119] Фашистские захватчики были поражены, обнаружив евреев, обрабатывающих землю. Это совсем не соответствовало образу советского еврея, которого нацистская пропаганда рисовала как представителя правящей прослойки, а не как простого земледельца. В одном из рапортов айнзацгруппы, от 12 ноября 1941, упомянуто это уникальное явление – еврейские крестьяне – и предпринята попытка объяснить, приспособить его к нацистскому образу советского еврея:

«Как исключительное явление нужно отметить наличие еврейских колхозов. В районе между Кривым Рогом и Днепропетровском находится немало еврейских колхозов, в которых не только директора, но и простые земледельцы тоже евреи. Насколько можно судить, здесь имеет место наличие евреев с низким уровнем интеллекта, и политическое руководство считает их неподходящими для более высоких должностей, поэтому они «сосланы» на работу в сельском хозяйстве. Чтобы обеспечить непрерывность работы, айнзацкоманда 6 в этих местах решила воздержаться от казни евреев и ограничиться уничтожением еврейских начальников и назначением на их место украинцев».[120]

«Умеренность» по отношению к еврейским колхозникам была непродолжительной – вскоре над ними тоже навис карающий меч нацистских подразделений. В уничтожении еврейских колхозников участвовали и их соседи-украинцы, и фольксдойче. Там, где не находилось противотанковых рвов для захоронения убитых, часто использовали глубокие высохшие колодцы, куда сбрасывали трупы.

В районе Калининдорф проживало около 8.000 евреев, из них в самом Калининдорфе 1.900. Район был захвачен немцами в августе 1941 г., и можно предположить, что около половины еврейских жителей были эвакуированы или бежали до прихода немцев. 16 сентября 1941 г. евреи Калининдорфа и его окрестностей были согнаны в свинарники и коровники поселения, а потом доставлены к противотанковой траншее, находившейся неподалеку, и там расстреляны. Количество убитых составляло 1.875 человек. Одновременно в соседней противотанковой траншее, на расстоянии нескольких сотен метров, расстреляли жителей села Штерндорф.[121] В отчете советской Следовательской Комиссии описано убийство евреев еврейского сельсовета «Фрай Лебен» («Свободная жизнь») из района Калининдорф:

«18 сентября по распоряжению военного команданта, фамилия которого неизвестна, всех евреев сельсовета «Фрай Лебен», всего

416 человек, собрали в здании школы. Их привели к колодцу, находившемуся на расстоянии шести километров от поселения Юдендорф, застрелили их, а трупы сбросили в колодец. Расстреливали немцы, а трупы в колодец сбрасывали полицейские Вахка Федор и Костюк Наум. Старый еврей убежал от немцев в лес, в питомник. Повстей Гаврила погнался за ним, догнал, переломал ему кости и оставил мертвым в лесу...»[122]

А вот свидетельство о казни евреев в колхозе «Эмэс» (Зеленополье) Калининдорфского района:

«26 сентября 1941 г. немецкие захватчики использовали колодец, находившийся на 14-м участке, в качестве могилы для мирных советских граждан. Совершил убийство карательный отряд СС, который прибыл из Калининдорфа, и следующие местные жители: П. Спичак, А. Еременко... [приводятся восемь имен местных полицейских]. Вышеназванные люди вместе с немцами застрелили возле колодца 112 евреев – мужчин, женщин и детей, и сбросили трупы в колодец... Диаметр колодца – 1 метр, глубина – 60 метров...»[123]

В еврейском районе Сталиндорф перед войной проживало около 7.000 евреев, более 700 из них – в самом Сталиндорфе. В отчете советской Следственной Комиссии указано, что евреи округа были сначала собраны в отдельных домах в деревнях, где они проживали, а потом выведены оттуда и расстреляны. В округе убиты 3.911 евреев – более половины всего тамошнего еврейского населения.[124] Около 2.000 евреев собрали и расстреляли в селе Котловом и в колхозе имени Кагановича. В колхозе «Фрай Лебен» вблизи села Катериновка 21 сентября 1941 г. немцами были расстреляны 92 еврея, которые там еще оставались.[125] В еврейском колхозе Ново-Витебск в округе Софиевка было организовано небольшое гетто, в которое переселено 227 евреев из самого колхоза и его окрестностей. Они занимались прокладкой шоссе Днепропетровск – Кривой Рог до 1942 г., пока немцы их не расстреляли. В колхозе Лениндорф 3 октября 1941 г. казнили 450 евреев.[126] В еврейском поселении Израиловка местные полицейские убили около 400 евреев и поделили между собой имущество убитых.[127]

В Еврейском районе Ново-Златополь к востоку от Днепра до войны проживало 4.700 евреев, из них примерно 1.100 – в самом Ново-Златополе. Члены семей жителей этого округа, их друзья и соседи из других деревень на правом берегу Днепра перебрались сюда в надежде, что продвижение немецкой армии будет остановлено у Днепра. Однако в начале октября 1941 г. немцы оккупировали и этот район, где, согласно одному из источников, тогда находилось около 2.000 евреев.[128] Вот рассказ местного жителя о судьбе евреев Ново-Златополя:

«С первых дней прихода нацистов в районе Ново-Златополь, по распоряжению немецкого офицера Миллера и начальника полиции Григория Пятковского, приступили к концентрации евреев, якобы для отправки их в Палестину. Евреям было приказано взять с собой хорошую одежду и еду в дорогу... Их отвели за здание жандармерии и велели выкопать восемь ям, потом стали расстреливать...

Тех, кто сопротивлялся, бросали в яму живыми. Было убито 800 человек».[129]

В Ново-Златополе были смешанные пары – евреи и немцы. В одной из немецких семей было два брата, один холостой, а второй – женатый на еврейке. Женатого мобилизовали в Красную Армию, а его еврейская жена осталась одна с детьми. Холостой брат, с приходом немцев, добровольно вызвался служить в местной полиции. Во время акции брат-полицейский вел свою еврейскую невестку и ее детей на казнь. Дети кричали: «Дядя, спаси нас, мы не хотим умирать!». Несмотря на их мольбы, дядя все-таки привел своих племянников на место казни.[130]

На Украине после оккупации не осталось ни одного еврейского сельскохозяйственного поселения. Все еврейские крестьяне, не успевшие эвакуироваться, были убиты захватчиками при активном участии местных полицейских, соседей-украинцев и фольксдойче.[131]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Paul Kohl. *Ich wundere mich das ish noch lebe, Sovietische Augenzeugen Berichten.* Gutersloh, 1990, p. 190-191 (далее Kohl, *Ich wundere...*); *Спектор, Хроника общин Волыни...*, с. 236.
2. Спектор, *там же*, с. 236-237; *Энциклопедия Диаспоры, Брест-Литовск,* с. 530-531.
3. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*, 58, p. 94. Отчет, очевидно, посвящен одной из акций, совершенных 4 и 7 августа. Некоторые жертвы были расстреляны айнзацгруппами, другие – солдатами кавалерийской бригады СС. См. Спектор, *там же*, с. 294-295.
4. Спектор, *там же*, с. 295-296.
5. *Там же*, с. 309.
6. *Там же*, с. 198, Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 97-98. В этих источниках отмечено, что количество убитых колеблется от 18.000 до 21.000 евреев.
7. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 143, p. 252.
8. *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 5, с. 1125.
9. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 24, pp. 31-32; Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 68-69.
10. Спектор, *Хроника общин Волыни...*, с. 124-125.
11. *Там же*, с. 60-61.
12. *Там же*, с. 164.
13. *Там же*, с. 116; Авраам Перл и др. *Хроника Людмира, книга воспоминаний об общине Людмира* (иврит). – Тель-Авив, 1962, с. 83-85 (далее: Перл и др., *Хроника Людмира...*).
14. Спектор, *Хроника общин Волыни...*, с. 185-186.
15. *Там же*, с. 39-40; *Kriegstagebuch des Kommandostabes Reichsfuhrer SS, Tatigkeitsberichte der 1 und 2 SS-Inf-Brigade. Der 1 SS-Kav-Brigade und von Sonder-kommandos der SS.* Vienna, 1965, p. 98 (далее: *Kriegstagebuch des Kommandostabes...*).
16. Dieter Pohl. *Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militarverwaltungsgebeit und im Reichskommissariat 1941-1943,* in: Norbert Frei et al. (eds.). – Munich, 2000, pp. 140-142 (далее Pohl, *Schauplatz...*); А.И. Круглов (ред). *Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг. Хроника событий.* – Могилев-Подольск, 1997, с. 18-19 (далее: Круглов, *Уничтожение...*).
17. Архив Яд Вашем, М-33/95, с. 189-191; Рэндольф Л. Брэхэм и Натаниэль Кацбург. *История Катастрофы, Венгрия* (иврит). – Иерусалим, 1992, с. 148-149. Закарпатье между двумя мировыми войнами было частью Чехословакии. В марте 1939 г. после захвата её Германией Закарпатье отошло к Венгрии. После Второй мировой войны

Закарпатье стало частью Украины.
18. Свидетельство шуцмана И. П. Чайковского, Архив Яд Вашем, М-33/95.
19. Партийный архив при Институте Истории ЦК К.П. Украины, фонд 166, опись 3, дело 214 (далее Партархив Украины).
20. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 80, p. 129.
21. Архив Яд Вашем 03/3517, с. 1-2; 03/3238, с. 27; 03/376, с. 5; Государственный архив Российской Федерации, фонд 7021, опись 164, дело 813, с. 3 (далее ГАРФ).
22. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*, 59, p. 100.
23. ГАРФ, фонд 7021, опись 64, дело 815.
24. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*, 47, p. 81.
25. Партархив Украины, фонд 16, опись 3, дело 214, стр. 6-7.
26. Гетто были созданы в местечках с населением более 1.000 человек. В гетто согнали евреев из следующих мест: Полесье: Антополь, Береза, Давид-Городок, Домчев, Дрогичин, Хомск, Иваново, Лахва, Лунинец, Столин. Волынь: Сарни, Степан, Камень-Каширский, Кременец, Костополь, Корец, Рожище, Рокитное, Шумское; Каменец-Подольск: Грицев, Дунаевцы, Ярмолинцы, Летичев, Меджибож, Полонное, Сатанов, Старая Ушица, Красилов, Литин. В местечке Минковцы и в его окрестностях 320-й полицейский батальон 30-31 августа 1941 г. уничтожил более 2.500 евреев.
27. *Kriegstagebuch des Kommandostabes...,* p. 212.
28. *Ibid*.
29. National Archives Washington, Captured Nazi Documents, T-354, R-168, 3818936.
30. *Kriegstagebuch des Kommandostabes...,* pp. 217-220. Отчет написан 12 августа 1941 г. и описывает период с 27 июля по 11 августа 1941 г.
31. Бихлер, *«Участь бригад»*, с. 53.
32. *Kriegstagebuch des Kommandostabes...,* pp. 214-216.
33. *Энциклопедия Катастрофы*, т. 2, с. 489; Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 86, pp. 135, 137.
34. Pohl, *Schauplatz...*, p. 146.
35. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 106, p. 174. Национал-социалистическая организация помощи занималась этническими немцами (фольксдойче), которые проживали в районе ее деятельности, и распределяла среди них вещи и квартиры, конфискованные у евреев.
36. Pohl, *Schauplatz...*, p. 146.
37. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 80, pp. 129.
38. Yu. Yu. Kondufor et.al. (eds). *History Teaches a Lesson, Captured War Documents.* – Kiev, 1986, p. 38 (далее Kondufor et.al., *History Teaches...*).
39. Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 30-33; Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 88, p. 140. В этом отчете говорится только о первой акции, которая была проведена, очевидно, 4 сентября, и упоминается в «Черной книге». В отчете сказано: «1 и 2 сентября евреи Бердичева раздавали листовки подстрекательского и враждебного содержания. Поскольку виновные не были найдены, подразделение, подчиненное старшему начальнику СС и полиции, казнило 1.303 еврея. См.: С. Елисаветский, *Бердичевская трагедия*. – Киев, 1991, с. 27, 29-32 (далее Елисаветский, *Бердичевская трагедия...*).
40. Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 35, *Энциклопедия Катастрофы*, т. 2, с. 211; Pohl, *Schauplatz...*; Елисаветский, *там же*, с. 35; 146.
41. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 47, p. 80; 86, p. 136.
42. П. Агмон, Ф. Степаненко (ред.) *Винницкая область, Катастрофа и Сопротивление.* – Тель-Авив – Киев 1944, с. 55-57 (далее: Агмон и Степаненко, *Винницкая...*); Круглов, *Уничтожение...*, с. 23.
43. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 60, p. 102-103; 86, p.136.
44. Pohl, *«Schauplatz»*, p. 158; Агмон и Степаненко, *Винницкая...*, с. 25-26.
45. Документ находится у автора.
46. Архив Яд Вашем, М-33/1129.

47. Круглов, *Уничтожение...*, с. 23; свидетельство Марка Машке, Архив Яд Вашем, М-33/163; ГАРФ, фонд 7021. опись 60, дело 305, л. 9.
48. Гетто находились в следующих местах: Чуднов, Радомышль, Вчерайше, Монастырщина, Ильинцы, Ялтушков и др. В эти гетто были свезены евреи, проживавшие в округе.
49. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 94, p. 158.
50. *Kriegstagbuch des Kommandostabes...*, p. 104, 105, 117, 123, 124, 129-132.
51. *Ibid*, p. 104, 106. Полные отчеты, или военные дневники немецких батальонов полиции порядка или подразделений местной полиции, которые действовали в районе и, помимо прочего, занимались уничтожением евреев, не найдены. Можно утверждать, что количество истреблённых евреев значительно больше, чем указано в документах, имеющихся в нашем распоряжении.
52. Советская следственная комиссия установила, что в Белой Церкви было уничтожено 6.000 человек, из них 5.000 – евреи. См. ГАРФ, фонд 7021, опись 65, дело 241, л. 102.
53. Архив Яд Вашем, М-53/171.
54. Klee et al., *Schone Zeiten*, p. 137. Католический священник д-р Ройс подал похожий рапорт в штаб дивизии.
55. Документ за подписью Рейхенау от 26 августа 1941 г., озаглавленный «Позиция по поводу рапорта 295-й дивизии относительно событий в Белой Церкви», *ibid*, p. 144.
56. *Ibid*, p. 145.
57. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 119, pp. 196-197.
58. Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-541.
59. Schoenberner, *Zeugen Zagen aus*, pp. 126-128.
60. Свидетельство Шейндель, Архив Яд Вашем, 1918/87-ה.
61. Александр Шлаен. Бабий Яр, Киев, 1995, с. 46-48 (далее Шлаен, Бабий Яр). Шляйн цитирует свидетельства об убийствах евреев в Бабьем Яру с 21 сентября 1941 г. Украинка Горбачева, жительница Киева, жившая неподалеку от Бабьего Яра, рассказывает, что 22 сентября 1941 гв Бабий Яр прибыло около 40 грузовиков с евреями. Их заставили раздеться, после чего они были застрелены в затылок.
62. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 106, pp. 164-165.
63. Krausnik and Wilhelm, *Die Truppe...*, p. 189.
64. Архив Яд Вашем, М-33/175.
65. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 106, p. 173.
66. Архив Яд Вашем, 1918/87-ה, с. 9-10; Arad et al., *ibid*., 126, p. 211. В рапорте айнзацгрупп говорится, что евреи вплоть до самой казни «верили, что их отправляют в другое место».
67. И. Винокуров, Ш. Кипнис, Н. Левин (ред.). *Книга Памяти*. – Нью-Йорк, 1983, с. 21-27.
68. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 101, p. 168.
69. *Ibid*, c. 172-173.
70. Шляйн, *Бабий Яр...*, с. 55.
71. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 132, p. 228.
72. *Ibid*, 143, c.252.
73. Юрчук, *Советская Украина...*, т. 1, с. 313.
74. Kondufor et al., *History Teaches...*, pp.46, 60.
75. Свидетельство местного жителя, проживавшего неподалеку от этих мест. Архив Яд Вашем, М-33/182.
76. А.И. Круглов. *Истребление еврейского населения на Левобережной Украине в 1941-1942*, в кн.: С. Елисаветский (ред), *Катастрофа та опір українського єврейства*. – Київ, 1999, с. 177 (далее Круглов, *Истребление...*).
77. Архив Яд Вашем, М-52, папки № 1-2 (оригинальная нумерация Р 51 – 20, Р-51 – 1 – 28).
78. Круглов, *Уничтожение...*, с. 83.

79. Архив Яд Вашем, М-37/1219.
80. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 132, p. 228; 135, p. 239.
81. Архив Яд Вашем, М-53/108, с. 5.
82. Советише Геймланд, 1970, № 6, с. 77-79, статья-свидетельство Нины Саевич-Глик.
83. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 156, p. 281.
84. Круглов, *Истребление...*, с. 183.
85. Рапорт НКВД от 29 ноября 1943 г., Архив Яд Вашем, М-33/108. Рапорт находится также в Государственном Архиве Украины, фонд 166, опись 3, дело 243. В нём отмечено, что в двух акциях уничтожения было убито 6.000 евреев.
86. Рапорт фельдкомендатуры № 239 от 24 ноября 1941 г., Архив Яд Вашем, М-33/169.
87. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 156, pp. 282-283.
88. *Ibid*, 177, с. 304.
89. Рапорт НКВД от 29 ноября 1943 г., Архив Яд Вашем, М-33/108.
90. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*, 132, p. 228. В рапорте написано, что, согласно переписи населения, проведенной в Лубнах, евреев было 1.500.
91. Свидетельство Анна Игтеевой, жительницы Кировограда, там же, М-37/1146.
92. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 94, p. 159.
93. Рапорт НКВД от 1 апреля 1944 г. о военных немецких преступниках в Кировограде, Архив Яд Вашем, М-33/108; свидетельство Евдокии Пономаренко, *там же*, М-37/1146.
94. *Там же*, М-33/109. В Александровке расстреляли 600 евреев, в Ново-Георгиевске – 470.
95. *Там же*, М-33/178. В другом источнике указано, что гетто было создано только в декабре 1941 г. Гетто просуществовало до лета 1942 г.
96. Свидетельство Ривки Фишер, *там же*, 3502/343-פ, с. 8-9. Гетто в Пирятине существовало до сентября 1942 г..
97. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 89, p. 142.
98. Партархив Украины, фонд 57, опись 4, дело 267, л. 217. Отрывок из свидетельства священника Свиридовского.
99. Архив Яд Вашем, М-33/276. Херсон был обстрелян советской артиллерией до 6 сентября 1941 г..
100. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 101, p. 168. См. также Архив Яд Вашем, М-33/276, М-33/277.
101. Убийство евреев Цюрупинска, Архив Яд Вашем, М-33/281; убийство евреев Скадовска (на побережье Черного моря), *там же*, М-33/275; убийство евреев Геническа, *там же*, М-33/264.
102. *Там же*, М-33/271.
103. Свидетельство Жулавской Полины Иосифовны, *там же*, М-33/1.
104. Центральный Государственный Архив общественных объединений Украины, фонд 166, опись 3, дело 243. Воспоминания Ривки Берман, записаны 20 января 1946 г. Тридцать ремесленников, оставшихся в Первомайске, были расстреляны после падения Сталинграда.
105. Мелитополь относился к генералбецирку Таврия, который был создан только 1 сентября 1942 г., после продвижения немецких войск к Сталинграду и Кавказу.
106. Pohl, *Schauplatz...*, pp. 148-149; Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 135, p. 242.
107. Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 71-72, свидетельство Б.Я. Тартаковской, бежавшей с места казни.
108. Свидетельство Шкляра Ивана, Архив Яд Вашем, М-33.
109. Круглов, *Истребление...*, с. 174.
110. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 173, p. 300; Архив Яд Вашем, М-33/634.
111. Pohl, *Schauplatz...*, p. 150.
112. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 86, p. 136.
113. Архив Яд Вашем, М-33/635.

114. *Там же*, М-37/314. В Павлограде около 2.000 евреев города и окрестностей согнали на территорию фабрики № 359 и вскоре затем расстреляли. См.: Архив Яд Вашем, М-33/671, где отмечено, что в период с ноября 1941 и по январь 1942 г. в Павлограде было уничтожено 3.672 человека. В архиве Яд Вашем, М-33/670 отмечено, что в Новомосковске в марте 1942 г. было убито 400 евреев.
115. Отчет советской Следственной комиссии, *там же*, М-33/674.
116. Круглов, *Истребление...*, с. 174.
117. Круглов, *Уничтожение...*, с. 52. О действиях айнзацгруппы С в районе излучины Днепра см. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 135, p. 241.
118. О еврейских сельскохозяйственных поселениях см. главу 4, раздел Е; Altschuler, *Distribution...*, p. 47.
119. По переписи населения 1926 г. число фольксдойче на Украине составляло 393.924, большинство проживало в Николаевской, Запорожской и Днепропетровской областях.
120. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 81, pp. 131-132.
121. И.М. Шайкин. *Нацистский геноцид в еврейских колхозах юга Украины*, в кн.: С. Елисаветский (ред). *Катастрофа та опір Українського єврейства*, с. 163.
122. Архив Яд Вашем, М-33/270. В этом свидетельстве рассказывается, что еще до убийства евреев в колхозе «Фрай Лебен» были арестованы 73 еврейских беженца из Бессарабии. Их отвели к тому же колодцу и сбросили вниз живыми.
123. *Там же*. В другом свидетельстве об убийствах в «Эмэсе» сказано, что в колодец сброшен 161 еврей.
124. Архив Яд Вашем, М-33/673. Убийства евреев проводились в основном в период с 5 мая по 1 августа 1942 г.
125. *Там же*, М-33/54. В Еврейском округе Калининдорф тоже был колхоз, который назывался «Фрай Лебен».
126. Свидетельство местного жителя, нееврея. *Там же*, М-33/275.
127. Свидетельство местного жителя, нееврея. *Там же*, М-33/110.
128. Свидетельство М. Бурштейн. *Там же*, 332431-0; *там же*, 03/4673 (собрание Романовского).
129. *Там же*, М-33/54.
130. *Там же*, 03/4673.
131. *Там же*, М-33/43, В документе приводится поименный список 28 местных полицейских, украинцев и фольксдойче, часть которых проживала в еврейских колхозах, часть – в соседних немецких колхозах Ройтфельде, Хофнунге, Ройтен Бауэр и др.

ГЛАВА 18

ГЕТТО И УБИЙСТВО ЕВРЕЕВ В РАЙОНАХ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Огромные пространства возле линии фронта – от Ленинграда на севере и до Крыма и Кавказа на юге – находились под властью военной администрации с первого дня их оккупации и вплоть до отступления немецких войск. В тыловых районах фронта, где действовали дивизии безопасности, военная администрация подчинялась им. Ортскомендатуры и фельдкомендатуры не были закреплены постоянно за одной и той же местностью – они смещались в соответствии с передвижениями воинских соединений, которым они подчинялись, а их места занимали штабы тыловых военных эшелонов.

А. ВОСТОЧНАЯ БЕЛОРУССИЯ

Военная администрация контролировала большую часть Восточной Белоруссии, в том числе восточную часть Минской области (без городов Минск и Слуцк), Витебскую, Могилевскую и Гомельскую области. Перед войной здесь проживало более 200.000 евреев и, по некоторым оценкам, более половины из них осталось под немецкой оккупацией. Власть в этих областях принадлежала группе армий «Центр»; уничтожением евреев занимались айнзатцгруппа Б, силы полиции и СС, а также местная белорусская полиция.

Витебск, где до войны проживало около 38.000 евреев, был захвачен 11 июля 1941 г., в городе осталось около 16.000 евреев.[1] Перепись еврейского населения, проведенная юденратом по приказу германского командования, зарегистрировала, согласно отчетам айнзатцгруппы от 26 июля, около 3.000 евреев.[2] Остальные от переписи уклонились. С первых же дней оккупации в городе начала действовать айнзатцкоманда 7. В отчете айнзатцгрупп от 12 августа 1941 г. сказано, что в Витебске *«застрелены 332 еврея... 27 евреев, которые отказались выйти на работу, расстреляны публично»*.[3] В конце июля – начале августа 1941 г. евреев Витебска загнали в гетто, созданное на северном берегу реки Западная Двина. Квартал, где расположили гетто, сильно пострадал от немецких бомбежек, большинство домов в нем сгорело. Часть евреев переправляли в гетто через Двину в лодках, нагруженных до отказа, и многие лодки, в которых сидели в основном женщины, дети и старики, перевернулись – или немцы опрокинули их. Тех, кто пытался спастись вплавь, немцы расстреливали. Согласно свидетельствам, около 2.000 человек утонуло в реке.

В гетто царили голод и тиф, смертность достигала 30-40 человек в день.[4] Армия, в распоряжении которой находился лагерь в Витебске, где содержались в заключении гражданские лица, обнаружила там 397 евреев и передала их айнзатцкоманде 9, обвинив в том, что они *«совершали подрывные действия и нападали на немецких солдат»*. Всех

их приговорили к смерти.[5]

Гетто просуществовало 10-12 недель, 8-11 октября 1941 г. 10.000 – 11.000 его обитателей вывезли в Иловский овраг неподалеку от села Мишкури и убили в противотанковых рвах. Часть грузовиков, использованных для перевозки евреев к месту казни, принадлежала городскому управлению, а водители были местными жителями. После ликвидации гетто в городе провели поиски спрятавшихся евреев. Многие из них были схвачены и застрелены.[6] Айнзацгруппы 25 октября 1941 г. отчитывались:

«8 октября 1941 г. начато окончательное уничтожение евреев в гетто Витебска в связи с опасностью распространения предполагаемой эпидемии. Число евреев, получивших «специальное обслуживание» сводится примерно к трем тысячам.»[7]

В отчете айнзацгрупп от 19 декабря 1941 г. говорится, что число евреев, убитых во время ликвидации гетто, составляло 4.090.[8] Согласно отчету ЧГК в Витебске убито 13.500 граждан. Там не сказано, что речь идет о евреях, они названы «советскими гражданами», но это обычная формулировка большинства отчетов ЧГК. В одном из свидетельств, приложенных к отчету, сказано, что в Витебское гетто было согнано 13.000 евреев, из них 5.000 умерли от голода, а 8.000 расстреляны.[9]

В городе Борисове к северо-востоку от Минска накануне войны проживало более 10.000 евреев. Город был взят в начале июля 1941 г., и только немногим евреям удалось эвакуироваться. Около 8.000 евреев и беженцев из западных районов согнали 25 июля в гетто, выстроенное на окраине города. В отчете айнзацгрупп от 23 сентября 1941 г. сказано: *«176 евреев уничтожены, поскольку они протестовали против создания гетто»*.[10] В других отчетах говорится, что *«118 евреев уничтожены, поскольку они саботировали работу, а также занимались грабежом»* и *«согласно приказу местного командования, в Борисове были расстреляны 146 евреев»*.[11] 20 октября 1941 г. гетто ликвидировали. Евреев гетто расстреляли в Разовевке, неподалеку от аэродрома, на расстоянии двух-трех километров от города. Свидетель акции обер-вахмистр Зоннекен рассказал:

«Начальник русской полиции Эхов сообщил мне, что в ночь с воскресенья на понедельник будут расстреляны все евреи Борисова – около 8.000 человек. Мне сообщили также, что около 1.500 ремесленников, которые нужны для восстановления хозяйства, временно будут оставлены в живых... Эхов был немцем с Поволжья... Я поговорил с хозяином дома, в котором остановился, русским по национальности. Населению было известно о готовящемся уничтожении евреев. Хозяин, как мне кажется, выразил общее мнение всех неевреев Борисова, сказав: «Да пропади они пропадом, нам от них одни беды».

В три часа ночи началась акция. Вначале вывели мужчин... их конвоировали люди из русской полиции Борисова. Но, поскольку их было недостаточно, прислали подкрепление из Зембина, а также других русских полицейских... В течение всего дня издалека доно-

сились выстрелы... Все это на глазах у населения и солдат... Вечером стрельба раздавалась не в лесу, а в самом гетто и на всех улицах города, поскольку многие евреи, пытаясь спастись, бежали из гетто и искали убежища в городе... В 10 часов вечера в городе вспыхнули пожары; стрельба еще продолжалась. В гетто загорелись отдельные дома, на близлежащих улицах – тоже... Ближе к вечеру были вызваны на помощь немецкие солдаты, им было приказано окружить гетто, чтобы воспрепятствовать бегству евреев. Один сержант рассказал мне, что они поймали нескольких евреев и передали их русской полиции, чтобы те их расстреляли... Я слышал, что многие евреи покончили с собой, бросившись в реку Березина... За несколько дней до акции русские военнопленные вырыли в лесу ров длиной сто метров, шириной пять метров и глубиной три метра... Я встретил двух немецких солдат...Они рассказали, что русские полицейские напивались допьяна, иначе они не могли бы выполнить свою задачу. Жители Борисова уверены, что русские полицейские присвоили все ценные вещи, оставшиеся после евреев: золото, деньги, меха, отрезы и прочее.»[12]

Когда говорится о «русской полиции», имеется в виду местная полиция, в которой служили белорусы и русские. Случаи, когда местная полиция осуществляла акции уничтожения – как в присутствии служащих Сипо и Орпо, так и без них – происходили весьма часто, особенно в небольших городах и местечках. Решение об уничтожении евреев принимала обычно Сипо округа, она же и отдавала местной полиции приказы об исполнении.

В городе Полоцке Витебской области накануне войны проживало более 6.500 евреев. Выезды из города были перекрыты еще до его захвата 16 июля 1941 г., и около 5.000 евреев оказались в оккупации. В конце июля – начале августа 1941 г. было создано гетто. В сентябре евреев гетто вывезли за город, в деревню Лозовка, и поселили в десяти бараках, по 40 – 50 человек в бараке, под надсмотром белорусских полицейских. В гетто царил голод, распространялись болезни, и смертность в нем была очень высокой. Один из обитателей гетто рассказывает:

«Убежать из гетто можно было, но бежать было некуда, партизан еще не было. Про тех, что увезли на машинах из Полоцка в начале оккупации, ходили всякие слухи – и что видели, как они где-то урожай убирают, и что их отправили в Палестину. Утром 21 ноября опять приехали немцы и полицейские. Мы подумали, что это, как и раньше, приехали грабить. Всех выгнали из бараков, построили, открыли ворота и повели в сторону Боровухи... О том, что ведут расстреливать, не догадывались... Вдруг послышались выстрелы – это первых уже начали расстреливать... Полицейские велели нам раздеться... Немцы стреляли... Полицай Шастидко, который жил на нашей улице, заметив, что я не иду к ямам, крикнул: «А ты чего стоишь, а ну-ка пошел!», и ударил меня по голове велосипедной цепью... Я бросился бежать мимо этих ям, в лес...»[13]

Местом казни евреев Полоцка была каменоломня в Касавере.

Город Орша Витебской области был взят 16 июля 1941 г. Накануне войны в городе проживало около 8.000 евреев, две трети из них, а может, и половина, остались на оккупированной территории. Гетто в Орше создали в сентябре 1941 г. в 20 – 25 маленьких домиках на улице Энгельса. Положение в гетто было крайне тяжелым. Еврейка Бася Пикман, скитавшаяся в то время по Белоруссии, рассказывала:

«Я видела гетто в Орше. Оно было еще страшнее Минского. Замерзающие старухи копошились среди трупов. Девушки с кровоподтеками, распухшие от голода, спрашивали: «Когда за нами придут?» – смерть казалась им избавлением.»[14]

Гауптман Пауль Эйк, служивший в военной комендатуре Орши, свидетельствовал в качестве обвиняемого на судебном процессе в Минске во второй половине 1946 года:

«Все обитатели гетто были расстреляны, 1.750 человек... Казнью руководил офицер СД Решке... Я выделил солдат для оцепления гетто... Расстрел производился на еврейском кладбище. Расстреливали группы по 25 человек... Я присутствовал на месте казни из любопытства... Я отрядил десять солдат, чтобы они стояли на страже вокруг места расстрела...»[15]

Гетто в Орше уничтожили в конце ноября 1941 г.[16] и, согласно материалам ЧГК, там убили около 6.000 евреев.[17]

Местечко Ляды в Витебской области в досоветский период было известным центром хасидизма. До войны там проживало менее 1.000 евреев, и большинство из них остались в местечке, когда его захватили в июле 1941 г. В Лядах создали гетто, в него свезли евреев из соседних местечек. В марте 1942 г. всех жителей гетто перевезли на другой берег реки Мереи и там расстреляли в противотанковых рвах.[18]

Бобруйск был взят 28 июня. Из-за столь быстрого захвата города в нем осталось 20.000 евреев из 27.000, живших здесь до войны. Рапорт айнзацгрупп сообщает об уничтожении здешних евреев:

«29 августа 1941 г.: определенное количество евреев было расстреляно за пропаганду и распространение слухов среди населения... 23 сентября 1941 г... 407 человек уничтожено...

9 октября 1941 г.: ... 1.380 человек уничтожено, 20 из них при попытке к бегству...

25 октября 1941 г.: подразделение айнзацкоманды 8 казнило 418 людей, среди которых были евреи-бунтовщики...»[19]

Гетто в Бобруйске было организовано 22 октября 1941 г. в районе аэродрома. Евреям дали три дня на переезд в гетто. 7 ноября 1941 г. гетто полностью ликвидировали. Из рапорта айнзацгрупп от 19 декабря 1941 г. об уничтожении евреев Бобруйска:

«Часть евреев перестала носить свои опознавательные знаки... Стали обнаруживаться связи с партизанами... В специальной акции было расстреляно 5.280 евреев обоих полов. Город Бобруйск и его окрестности очищены от евреев.»[20]

Могилев был занят 26 июля 1941 г. При переписи населения, прове-

денной там в конце августа 1941 г., было зарегистрировано 6.437 евреев, из них 2.090 детей младше 15 лет (перед войной там жило 20.000 евреев). Первое распоряжение о создании гетто появилось 13 августа. Распоряжение подписал бургомистр города, белорус, основываясь на приказе военного коменданта. По неизвестным причинам переезд евреев в гетто отложили, и следующее подобное распоряжение было опубликовано 25 сентября: евреям предписывалось перебраться в гетто в течение пяти дней и обнести гетто колючей проволокой.[21] В период, предшествовавший созданию гетто, казнили 632 еврея, больше половины из них – женщины. Этих евреев обвинили в распространении слухов и в неповиновении немецким властям, а именно: в уклонении от ношения желтой звезды, в отказе перебираться в гетто и т.п.[22] Германские власти раскрыли в Могилеве подпольную группу, состоящую из 55 человек, среди них 22 еврея. Всех казнили.[23] В Могилеве были проведены две крупные акции уничтожения: первая 2-3 октября, вторая 13 октября 1941 г., когда было уничтожено гетто.

В военном дневнике 322-го батальона Орпо, подразделения которого участвовали в первой акции, записано следующее:

«3 октября… 7 и 9 роты совместно со служащими штаба… старшего начальника СС и полиции группы «Центр» казнили 2.208 евреев и евреек в лесу под Могилевом…»[24]

О второй акции рапорт айнзацгрупп от 14 ноября 1941 г. сообщает:

«13 октября в Могилеве при содействии полицейского полка группы армий «Центр» была проведена крупная акция. В этой акции были уничтожены 3.726 евреев. Эти шаги были необходимы… они продолжали антигерманскую деятельность… Чтобы предотвратить продолжение подрывных действий и для борьбы с партизанами 23 октября 1941 г. в Могилеве и окрестностях было уничтожено еще 239 евреев обоих полов.»[25]

Армия оставила в Могилеве около 200 нужных ей евреев-специалистов, без семей. Их держали в лагере для гражданских лиц, где находилось также несколько сотен узников-неевреев.[26]

Большинство из 1.700 евреев, проживавших в местечке Климовичи накануне войны, не успели эвакуироваться. 6 ноября 1941 г. около 900 из них были расстреляны возле села Долгая Дубрава – в акции участвовало несколько эсэсовцев, но расстрельщики у рвов в большинстве своем принадлежали к местной полиции. Немцы оставили в живых несколько десятков работников. Почти все, кроме нескольких портных и сапожников, были расстреляны в конце ноября 1941 г.[27]

В Гомеле до войны проживало более 40.000 евреев. Город был оккупирован только 19 августа 1941 г., почти через два месяца после нападения Германии. В городе осталось около 4.000 евреев. Поскольку в городе не нашлось места для одного большого гетто из-за разрушений, причиненных бомбежками и боями, которые там велись, евреев согнали в четыре маленьких гетто, изолированных друг от друга, В одно из них свезли также евреев из местечка Лоев. Крупная операция по уничтожению, когда было убито около 2.500 человек, прошла 4 но-

ября 1941 г. в противотанковых рвах на территории тракторной станции за городом.[28] Остальных евреев истребили либо раньше, в менее масштабных акциях, либо позже – когда они пытались укрыться в городе, но были обнаружены.[29]

Город Речица Гомельской области был взят в середине августа 1941 г. В городе оставалось около 3.000 евреев из 7.000, живших там до войны. В начале ноября 1941 г. всех евреев собрали в большом здании в промышленном районе города, а в конце месяца вывезли за город и расстреляли в противотанковых рвах.[30] Во всех остальных, не упомянутых выше, городах, местечках и деревнях Восточной Белоруссии, находящихся под властью немецкой военной администрации, евреи были уничтожены полностью до февраля 1942 г.

Истребление еврейской общины в Яновичах (Витебская область) было характерно для казней евреев в десятках местечек этого района. В Яновичах накануне войны треть всего населения местечка составляли более 700 евреев. К моменту его захвата 11-12 июля 1941 г. евреи, за исключением нескольких семей, не успели эвакуироваться. В начале оккупации в местечке оказалось около 1.500 евреев, поскольку к местным жителям прибавились беженцы из Лиозно, Витебска, с запада Белоруссии, а также гости, которые приехали в местечко на лето из Москвы и Ленинграда. Местное управление провело перепись еврейского населения. В местечке назначили юденрат. В начале августа 1941 г. 220 еврейских мужчин вывели из городка на расстояние одного километра и там расстреляли. Во второй половине августа евреев согнали в гетто, а 12-13 сентября их вывезли к противотанковым рвам возле села Зайцево, в семи километрах от местечка, и расстреляли. В акции участвовало подразделение СС и местные полицейские.[31] Спасшийся от расстрела Борис Эфрос рассказал об отношении местного населения к евреям:

«Нам не удалось убежать, мы вернулись в Яновичи... Дом, в котором мы жили, был уже занят Чугуновым. Его дом пострадал от снаряда, и он захватил нашу квартиру... Он не только не дал нам войти в нашу квартиру – он даже не позволил взять те вещи, которые в ней находились... Жаловаться немцам не имело смысла...»[32]

Сам свидетель спрятался во время акции, а потом бежал из местечка. Русская женщина из Яновичей Мария Федоренко свидетельствовала:

«Перед тем, как было организовано гетто, некоторые из евреев оставили своим русским соседям кое-что [из вещей]. Те, у кого была душа, приносили евреям еду... Потом, когда евреев увели [на казнь], местные жители стали ходить по домам и собирать оставленные евреями вещи... Люди обменивались впечатлениями и хвастались друг перед другом вещами, которые они забрали.»[33]

Яновичи и его население ничем не отличались от многих других городков на оккупированных территориях Советского Союза. В рапорте айнзацгрупп от 19 декабря 1941 г., который подытоживал деятельность айнзацгруппы Б к тому дню, написано:

«Поскольку евреи из местечка Паричи, что неподалеку от Бобруйска, проявили враждебное отношение к немецкой армии и поскольку выявлены их связи с партизанами, там проведена особая акция, в которой уничтожено 1.013 евреев и евреек… Было необходимо провести крупную акцию против евреев в Рудне, что неподалеку от Смоленска, поскольку они активно помогали партизанам… Расстреляно 835 евреев обоих полов… Агенты сообщают, что многие партизаны из района Гомеля пользуются помощью евреев. Поэтому было необходимо провести специальную акцию в Гомеле, Рогачеве и Корма. Всего расстреляно 2.365 евреев и евреек. Как продолжение операции против партизан, которая совершалась 221-й Дивизией безопасности в районе Климовичей, и в которой участвовало подразделение айнзацкоманды 9, потребовалось заняться населенными пунктами Климовичи и Чериков, поскольку евреи в этих местах проявляли враждебность к Германии и симпатии к партизанам. Там было расстреляно 786 евреев обоих полов. По этой же причине была проведена акция в местечке Любавичи, в ходе которой расстреляли 492 евреев обоих полов… По соображениям общественного порядка была необходимость провести отдельные акции в Кричеве. Всего расстреляно 1.213 евреев обоих полов. По тем же причинам проведены специальные акции в Рославле и в местечке Шумячи, расположенном неподалеку от Рославля. Там было расстреляно 510 евреев обоих полов. В Шумячах расстреляны 16 душевнобольных детей, русских и евреев. Они находились в детском доме, оставленном советскими властями…»[34]

Подрывная деятельность и помощь партизанам со стороны евреев как причина их уничтожения повторяются в отчетах айнзацйгрупп и других подразделений СС, а также в армейских рапортах.

Многие операции уничтожения, проведенные в других районах, находившихся под властью военной администрации, не упоминаются в отчете айнзацгрупп, поскольку их выполняли другие подразделения СС, в частности, батальоны Орпо или местная полиция.[35]

Б. РАЙОНЫ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ

Под властью военной администрации находились захваченные до конца 1941 г. следующие области на востоке Украины: Черниговская, Сумская, Харьковская и Сталинская. До начала войны там жило около 245.000 евреев. Все эти области, кроме Черниговской, были захвачены в октябре 1941 г., и на оккупированной территории осталось не более 25% довоенного количества евреев.

В Черниговской области накануне войны проживало более 29.000 евреев: в самом Чернигове более 12.000, в Прилуках более 6.000, в Нежине около 2.750, остальные же – в десятках городов и местечек. Чернигов был взят 9 сентября 1941 г., и вот что сообщается об этом в рапорте айнзацгрупп от 19 ноября 1941:

«23 октября 1941 г. подразделение зондеркоманды 4-а прибыло в Чернигов, в котором накануне войны было 70.000 жителей, а сегод-

ня осталось только 40.000. Из более 10.000 евреев, которые там жили, осталось не больше 260. Сам город совершенно разрушен. Говорят, что центр города подожгли евреи перед тем, как туда вошли немцы... 116 евреев были застрелены нашей Коммандо 23 октября 1941 г. и еще 144 – на следующий день. Те же Коммандо снова появились в Чернигове 28 октября 1941 г. 49 евреев, которые считали, что после казни 24 октября опасность миновала, вернулись в город и были арестованы. [Ими занимались вместе с] 270 неизлечимыми душевнобольными, которых уничтожили в тот же день согласно требованию начальника больницы для душевнобольных».[36]

В советских источниках сообщается, что в ноябре 1941 г. всех евреев Чернигова собрали в здании бывшего кирпичного завода № 2. По свидетельству местного полицейского, в течение трех дней их вывозили группами и расстреливали. Место казни – рядом с деревней Кати.[37] Многие евреи, которые тогда жили в Чернигове и не явились по приказу, были позднее схвачены, доставлены в городскую тюрьму и там расстреляны.[38]

В Прилуках согласно рапорту фельдкомендатуры 197 от 15 февраля 1942 года проживало 1.148 евреев,[39] зарегистрировавшихся при переписи. Но многие евреи от переписи уклонились. В немецком отчете за период с 15 декабря 1941 г. по 15 января 1942 года отмечено, что в Прилуках были казнены евреи, обвиненные в распространении слухов о том, что немцев ждет та же участь, что и Наполеона в 1812 году.[40] Евреев Прилук ликвидировали летом 1942 г.

В городе Нежин до войны проживало около 3.000 евреев. В ноябре 1941 г. там расстреляли около 300 евреев.[41] Об их судьбе сообщается в отчете 191-й фельдкомендатуры от 20 ноября 1941 г.: *«В Нежине больше нет евреев. Очистка района продолжается... В районе под управлением ортскомендатуры Переяславля больше нет евреев...»*[42] В ноябре 1941 – феврале 1942 года были уничтожены остальные евреи этой области.[43]

В Сумской области до войны проживало более 14.000 евреев, из них в Конотопе около 4.000, в Ромнах около 3.900 и в Сумах около 1.900. В Конотопе, захваченном в сентябре 1941 г., в первой половине ноября 1941 г. действовала 1-я моторизованная бригада СС. В ее рапорте от 7 ноября сказано, что *«в рамках очищения и успокоения города Конотопа подразделение полевой жандармерии этой бригады арестовало 153 еврея и казнило их 1 ноября»*.[44] Согласно советским документам, в Конотопе в период немецкой оккупации убито около 1.000 евреев.[45]

Один из советских отчётов указывает, что в Ромнах 10 ноября 1941 г. было расстреляно 3.680 человек[46] – около 75% всех евреев, находившихся в городе до войны. Это число представляется завышенным (если учесть, что упомянутый район взяли только в октябре 1941 г. и у евреев было время для эвакуации), но, возможно, оно включает еврейских беженцев с запада, которые не успели эвакуироваться дальше. Другой источник утверждает, что количество убитых там евреев составляет 1.233. [47] Населению города сообщили, что каждый, выдавший властям

скрывающихся евреев или активных коммунистов, получит награду в 1.000 рублей за каждого выданного, а также водку и продукты.[48]

Сумы были взяты 10 октября 1941 г. 6-7 февраля 1942 около 350 евреев, которые оставались в городе, расстреляли в каменоломнях возле кирпичной фабрики.[49] В других городах и местечках области были убиты все находившиеся там евреи. Эти казни совершались при участии местной полиции.[50]

В Харьковской области до войны проживало более 135.000 евреев, из них в Харькове более 130.000. Харьков был взят 23 октября 1941 г., и, поскольку подавляющее большинство евреев города эвакуировалось, число оставшихся в оккупации евреев предположительно не превышало 20.000 – в большинстве своем женщины, дети, старики и больные. При переписи в городе зарегистрировалось только 10.271 евреев.[51]

После захвата города, по распоряжению армии, были взяты заложники из числа горожан, в большинстве своем евреи. В немецком отчете отмечено, что *«305 евреев, распространявших слухи против немецкой армии, были немедленно расстреляны».*[52] Это ложное обвинение являлось частью немецкой политики запугивания и террора, направленной против всего населения вообще и против евреев в частности.

В Харькове был создан Украинский Городской Совет во главе с профессором А.И. Крамаренко. 3 ноября 1941 г. магистрат опубликовал первое обращение, в котором, помимо прочего, указывалось, что евреи города в течение двух дней должны избрать юденрат, и его состав должен быть утвержден магистратом. «Еврейский вопрос» обсуждался на заседании Городского управления 22 ноября 1941 г. В итоговом документе заседания говорилось: *«Евреев не пускать в помещение управы, кроме старосты общины. На рукаве евреи должны носить повязку. Всех евреев переселить в один район. Обратить внимание немецкого командования [в городе] на желание населения принять меры против евреев.»*[53]

Приготовления к ликвидации харьковских евреев начались с появлением в городе зондеркоманды 4-а, несколько задержавшейся из-за дождей и размокших дорог.[54] В уничтожении евреев участвовал также 314-й батальон Орпо, а операцией командовал Геррет Корсеманн, который 5 января 1941 г. заменил Пруцмана в должности старшего начальника СС и полиции Украины и юга России. В их отчете от 16 января 1942 г., озаглавленном «Еврейский вопрос в Харькове», говорится следующее:

> *«Согласно предыдущему опыту, подрывная и партизанская деятельность непосредственно связана с поддержкой еврейского населения города Харькова. Можно рассчитывать, что арест всех евреев будет сильно способствовать делу изгнания партизан из этого района. По соглашению с военными властями... и с фельдкомендатурой совершается подготовка к крупной акции, которую будет проводить зондеркоманда 4-а.»*[55]

14 декабря 1941 г. в городе расклеили объявления военного коменданта, в которых всем евреям приказывалось до 16 декабря перебрать-

ся в гетто, созданное в бараках возле Тракторного завода, на расстоянии 12 км от города. Тот, кто до 16.00 часов 16 декабря не переберется в гетто, будет расстрелян. Место сбора евреев было выбрано по согласованию с украинским магистратом. В этом приказе речь шла о детях и супругах – членах смешанных семей. Рапорт айнзацгрупп от 4 февраля 1942 года описал изгнание евреев в гетто:

«Эвакуация евреев прошла без каких-либо затруднений, кроме случаев грабежа евреев во время их переселения на новое место жительства. В этих грабежах, почти без исключения, участвовали одни лишь украинцы. Пока нет данных о количестве евреев, арестованных в момент переезда. Одновременно ведутся приготовления к казни евреев».[56]

До начала января 1942 года евреи содержались в Харьковском гетто в нечеловеческих условиях – даже по сравнению с условиями в других гетто. С января начались казни. В течение нескольких дней были уничтожены все. Казни совершались на расстоянии считанных километров от гетто, в месте, которое называется Дробицкий яр. О переселении евреев в гетто, о жизни в гетто и об акции уничтожении рассказывает инжнер С. Криворучко, которому удалось бежать с места расстрела:

«С утра 15 декабря из города потянулись целые вереницы евреев... Дорога от города до бараков Тракторного завода для многих оказалась последним путем в их жизни... С 12 часов дня по дороге начался погром и грабеж переселявшихся евреев. Таким образом, очень многие евреи прибыли в бараки без каких-либо вещей, главным образом – без еды... Бараки, в которых нас поселили, были одноэтажные, полуразрушенные... В той комнате, где я поселился, к вечеру оказалось более семидесяти человек, между тем как обычно в ней проживало не более шести-восьми человек... От голода ежедневно умирало двадцать-тридцать человек. Мы страдали еще и от отсутствия воды. На наше счастье выпал снег, и мы употребляли его вместо воды... начались массовые кишечно-желудочные заболевания... Из бараков во двор разрешалось выходить с 8 часов утра до 16 часов дня. Каждого, кто выходил в другое время, расстреливали на месте. К утру коридоры в бараках были загажены до невозможности. Тогда начиналась уборка коридора руками, так как лопат или веников не было, а немцы угрожали расстрелом, если не будет убрано в течение часа. Утром также производилась уборка трупов умерших за ночь... Грабежи и убийства были повседневным явлением. Обычно немцы врывались в дома под предлогом поисков оружия, и грабили, что им вздумается. При сопротивлении людей вытаскивали во двор и расстреливали... В такой обстановке я прожил до 2 января 1942 года. Дней за пять до этого немцы объявили запись на добровольную эвакуацию в Полтаву. Люди были так наивны, что поверили немцам. Записалось человек 500, которых погрузили на машины и отправили в неизвестном направлении... их уничтожили. 2 января 1942 года в 7 часов утра... раздался крик немецкого часового, приказавшего за 10 минут собрать все свои

вещи и выйти во двор... Собралось 1.000 – 1.200 человек из нескольких бараков... Нас плотным кольцом окружили немецкие часовые и полицаи и повели, обьясняя, что эвакуируют в Полтаву... В двух километров за последними домами Тракторного поселка нас завернули к яру...»[57]

Убежать из гетто было нетрудно, вопрос заключался в том, куда бежать и кто поможет беглецам после побега. Десятки людей бежали, у некоторых евреев имелись родственники-неевреи. В свидетельствах людей, которым удалось спастись, говорится о жестокости местных полицейских, которые охраняли гетто и о грабежах, происходивших в гетто. Вот рассказ очевидца:

«Они вымагали издевательствами и пытками... у еще живых жертв ценности, выламывая им пальцы, чтобы заполучить не сразу поддающиеся снятию кольца, вырывая припасенными клещами золотые коронки вместе с зубами и кусками челюстей изо рта у обезумевших от ужаса беззащитных людей.»[58]

Согласно отчету советской Следственной комиссии, в Дробицком яре истребили около 15.000 евреев.[59] Офицер разведки 6-й армии Йораден на судебном процессе над служащими зондеркоманды 4-а показал, что до середины января 1942 года в Харькове уничтожили 21.685 евреев.[60] Около 400 стариков и больных, которые не могли переехать в гетто, были свезены в городскую синагогу и там в течение короткого времени умерли от голода и холода.[61] Довольно много евреев – может быть, несколько тысяч – не подчинились приказу о переезде в гетто и остались в городе или окрестностях. Их аресты и казни продолжались в течение всего периода оккупации. В отчете айнзацгрупп от 10 апреля 1942 г. сказано:

«В Харькове... все же пока еще есть евреи, которые скрываются в сельской местности и в самом городе. Украинцы, после разъяснений понявшие разрушительную сущность евреев, ежедневно сообщают о скрывающихся евреях... Кроме единичных случаев, отношение населения Харькова к евреям отрицательное».[62]

Часть местного населения и впрямь обогатилась за счет уничтожения евреев. В газете «Новая Украина», которая выходила в те дни в Харькове, писали, что *«1.700 семей, которые раньше проживавали в подвалах, и семьи, пострадавшие от пожаров в период бегства жидобольшевиков, получили новые квартиры в трех кварталах города».*[63]

Еврейские квартиры передавались в первую очередь семьям полицаев и членов местного украинского управления. Та же газета напечатала следующее объявление: *«В четверг 30 января состоится парад украинской полиции – первое военное соединение по борьбе против жидо-большевизма. 200 бойцов за свободу и оркестр пройдут по улицам города...»*[64] Парад состоялся через три недели после казней в Дробицком яре, в которых участвовала украинская полиция. Подобные акции уничтожения прошли во многих других городах и местечках области, где жили десятки и сотни евреев.[65]

В Сталинской области накануне войны проживало более 64.000

евреев, из них в Сталино (Донецк) около 25.000, в Мариуполе около 10.500, в Артемовске более 5.000, а остальные – в десятках городов области. Район Сталино был взят 21 октября 1941 г., и в самом городе оставалось около 3.000 евреев.[66] В документе штаба советского партизанского движения рассказывается о первых днях оккупации города:

«Через восемь дней после того, как немецкая армия вошла в город Сталино, власти открыли тюрьму [для населения], и там валялось 440 трупов мужчин, женщин и детей. В целях провокации немцы объявили, что это жертвы, замученные большевиками насмерть. Потом туда привели евреев и заставили их обмыть и похоронить эти трупы.»[67]

В отчете айнзацгрупп от 6 марта 1942 года, касающемся февраля 1942 года, отмечено, что в Сталино застрелено 369 евреев и что города Макеевка и Горловка очищены от евреев. Исполнителем убийства названа айнзацкоманда 6. Когда позволят погодные условия, говорится в рапорте, будут уничтожены последние евреи, которые еще остаются в городе Сталино.[68] Это было совершено весной 1942 года.

Мариуполь, расположенный на побережье Азовского моря, захватили 6 октября 1941 г. Город оккупировали внезапно, лишь немногим евреям удалось эвакуироваться. В Мариуполе оставалось 8.000 – 9.000 евреев. Их убили 20 октября, спустя две недели после начала оккупации. О событиях этих двух недель, весьма характерных для многих других мест, рассказала в своем дневнике Сарра Глейх, спасшаяся от резни:

*«**10 октября.** По приказу еврейское население должно избрать правление общины... Еврейское население должно регистрироваться...*

***14 октября**. ...На пунктах общины зарегистрировалось 9.000 евреев. Остальное еврейское население ушло из города или спряталось.*

***17 октября.** Сегодня объявили, что завтра утром все зарегистрировавшиеся должны явиться на пункты и принести ценности.*

***18 октября.** Сегодня утром пошли на пункт... Сдали три серебряных ложки и кольцо. После сдачи нас не выпускали со двора... нам объявили, что нас всех поселят в ближайшем колхозе, велели взять на четыре дня продуктов и теплые вещи... Еврейки, у которых мужья русские или украинцы, могут оставаться в городе в том случае, если мужья с ними. Если муж в армии или вообще по какой-либо причине отсутствует, жена и дети должны оставить город. Если русская замужем за евреем, ей предоставлено право выбирать – или оставаться, или идти с мужем. Дети могут оставаться с ней....*

***20 октября.** В семь утра вся община тронулась в путь. Идти нужно 9-10 км, дорога ужасная... Нас гнали к траншеям, которые были вырыты для обороны города. В этих траншеях нашли свою смерть 9.000...*

Когда я пришла в себя, были уже сумерки. Трупы, лежавшие на мне, вздрагивали, это немцы, уходя, стреляли, чтобы раненые ночью не

смогли уйти... Где-то под трупами плакали дети, большинство из них, особенно малыши, которых матери несли на руках (а стреляли нам в спину), падали, прикрытые телами матерей, невредимыми и были засыпаны и погребены под трупами заживо. Я начала выбираться из-под трупов... Несколько человек, которые сообразили, что делать, и прыгнули в траншею при первых залпах, оказались невредимыми... Мы пошли на лай собаки. Постучали в одну хату, никто не откликнулся, потом в другую – нас прогнали, постучали в третью – нам дали какие-то тряпки прикрыться и посоветовали уйти в степь, что мы и сделали.»[69]

Военный комендант Мариуполя 29 октября 1941 г. доложил: *«8.000 евреев уничтожены СД»*.[70] В рапорте айнзацгрупп от 21 ноября 1941 г. говорится: *«Города Таганрог и Мариуполь освобождены от евреев».*[71]

Артемовск взяли 31 октября 1941 г. Там оставалось более 3.000 евреев. В этом городе уничтожение евреев проводилось наиболее жестоким способом. 21 декабря вспыхнул пожар в полуразрушенном здании городского театра. Военный комендант города майор фон Цобель объявил, что в поджоге виноваты евреи, и им было приказано явиться 9 января 1942 г. в городской сад, поскольку им предстояло перебраться на новое, изолированное место жительства. Около 3.000 евреев, которые явились, были загнаны в подвалы нескольких домов, где их продержали два-три дня без пищи и воды. Потом их вывели оттуда и отвели к асбестовой шахте, находившейся в двух километрах восточней города. Там их загнали в туннель, оканчивающийся камерой, и преградили выход из туннеля кирпичной стеной, возведенной на расстоянии 400 м от входа в туннель. Все погибли из-за отсутствия пищи и воздуха. Вот что писала в своем отчете советская комиссия, обследовавшая это место 3 октября 1943 года, после освобождения города:

«В одном из туннелей (№ 4-б)... комиссия вошла в коридор в 8 метров длиною, заваленный огромным количеством трупов, не менее 2-3 тысяч... трупы были навалены друг на друга... Все трупы были одеты и обуты в зимние одежды, и большинство с белыми повязками на рукавах... что увязывается с рассказами населения об исчезновении еврейского населения г. Артемовска и его окрестностей... Общее впечатление комиссии таково: люди заживо загнаны в пещеру, замурованы и отравлены... Благодаря особенностям местных условий (относительной сухости воздуха, низкой и равномерной температуре) произошла мумификация трупов, и большинство из них отлично сохранилось.»[72]

В отчете также говорится, что при обследовании некоторых тел на них обнаружены следы огнестрельных ранений. Можно предположить, что людей загоняли внутрь, стреляя по ним, и те, в кого попали пули, находились в задних рядах. В отчете айнзацгрупп от 6 марта 1942 года сказано, что зондеркоманда 4-б уничтожила 1.317 людей, из них 1.224 еврея, и вследствие этого евреев в Артемовске больше нет.[73]

Уничтожение евреев таким чудовищным способом было для убийц гораздо удобней и легче, чем расстрел; оно практиковалось в этом

районе и в других городах. В отчете советской Следственной комиссии о гитлеровском терроре в районе Сталино описывается убийство евреев в городе Енакиево:

> *«Численность еврейского населения в городе Енакиево – 555 мужчин, женщин и детей. Всех согнали в барак и держали там под усиленным конвоем без пищи. Несколько дней спустя их посадили в грузовики, отвезли на расстояние 20 км от города, в район Горловки, и там сбросили живыми в шурф шахты, где жертвы умерли в страшных мучениях.»*[74]

Евреи в других городах и местечках Сталинской области тоже не избежали подобной участи.[75]

В Мелитополе (Запорожская область), захваченном 6 октября, до войны проживало более 6.000 евреев. 11 октября евреев отвезли к противотанковым траншеям неподалеку от Бердянского моста и там расстреляли. Немецкий источник сообщает, что в тот день зондеркомандой 10-а застрелено около 2.000 евреев.[76] В отчете айнзацгруппы от 18 октября 1941 отмечается, что в период с 1 по 15 октября 1941 айнзацгруппа D, в которую входила зондеркоманда 10-а, казнила 4.091 еврея. Евреи Мелитополя входили в это число.[77] В советских источниках указывается, что число убитых составляет 6.000 – 7.000 человек.[78] Это цифра представляется завышенной, если принять во внимание, что в Мелитополе до войны проживало чуть больше 6.000 евреев, а к началу оккупации их число, конечно же, уменьшилось в результате эвакуации и мобилизации в армию.

В. ОККУПИРОВАННЫЕ РАЙОНЫ РОССИИ

Территории Российской федерации, подчиненные немецкой военной администрации, простирались от предместий Ленинграда на севере до Крыма и Ростова на юге и включали в себя следующие области: Ленинградскую (кроме самого Ленинграда), Смоленскую, Калининскую, Тульскую, Московскую (западные районы области, кроме самой Москвы), Орловскую, Курскую и Ростовскую. Эти районы находились за чертой оседлости, поэтому еврейское население было там не столь многочисленным, как на Украине или в Белоруссии. До войны в них проживало 130.000 – 135.000 евреев, в основном, в крупных городах. Эти области были захвачены позже, и подавляющее большинство живших там евреев успело эвакуироваться. Рапорт айнзацгрупп от 4 сентября 1941 г. отмечает: *«В сельской местности и небольших местечках осталось лишь относительно небольшое количество евреев. Большинству еврейской интеллигенции из крупных городов удалось эвакуироваться на восток до немецкой оккупации.»*[79]

В районах Ленинградской области, захваченных немцами, действовала зондеркоманда 1-б. Из 13.000 евреев области большинство эвакуировалось. В донесении одного из партизанских отрядов отмечено, что *«в Ленинградской области еврейское население уничтожено»*.[80] В Пскове, захваченном 9 июля 1941 г., число евреев, проживавших там до войны, составляло чуть больше 1.000 человек. По приблизительной

оценке, во время оккупации там осталось около 500 евреев. В январе 1942 г. их вывезли на холм Ваболин и в Рагозинский лес и там расстреляли.[81]

В Старой Руссе, которую немцы взяли 9 августа 1941 г., до войны проживало около 900 евреев. Согласно советским отчетам, во второй половине сентября 1941 г. там было арестовано около 2.000 евреев. Их держали в тюрьме и в монастыре, примыкающем к тюрьме. Спустя несколько дней всех расстреляли.[82] Серьезное расхождение между количеством евреев, живших в городе до войны и часть которых, несомненно, была эвакуирована, и количеством уничтоженных там евреев объясняется, очевидно, тем, что среди жертв находилось немало беженцев из прибалтийских республик и из Белоруссии, которых немецкая армия настигла в Старой Руссе.

Численность еврейского населения в других городах и местечках Ленинградской области колебалась от нескольких сотен до единичных семей. Но и малочисленность не спасала их от преследований немецкой военной администрации при пособничестве местной полиции. В Пушкине евреев арестовали, препроводили в подвалы Екатерининского дворца, где продержали несколько дней, а потом вывели к траншеям в дворцовом саду и расстреляли. Еврейская девушка Аня Красикова, которая сумела спрятаться, была схвачена по доносу и публично повешена на площади Коммунаров. По советскому отчету в Пушкине убито 250 евреев в период с 17 сентября 1941 г. (когда город был взят) по январь 1942 года.[83]

В Павловске в октябре 1941 г. было убито 25 евреев в подвалах и в саду дворца. Спустя несколько месяцев расстреляли еще 16 евреев.[84] В местечке Вырица к югу от Павловска несколько десятков евреев – в основном стариков, женщин и детей – загнали в сарай и держали там несколько дней при лютом морозе. Местные полицейские запрягали их в сани, в которых лежал тяжелый груз либо сидели полицейские, и заставляли тащить сани туда и обратно на расстояние в два с половиной километра. Через несколько дней евреев отвели в ближайший лес и там всех расстреляли, а трупы забросали снегом. Весной, когда снег растаял, местные жители их обнаружили.[85] В городе Петрокрепость к востоку от Ленинграда была убита еврейская семья из шести человек.[86] В деревне Дубровка, рядом с Петродворцом, немцы загнали 11 евреев в баню и сожгли ее вместе с людьми.[87] В городе Невель Калининской области, взятом гитлеровцами уже 15 июля 1941 г., оставалось около 1.000 евреев из более чем 3.000, проживавших тут до войны. 6 – 7 августа немцы через бургомистра и местную полицию передали евреям, что они должны перебраться в гетто, расположенное за городской чертой, в месте под названием «Голубая дача». Сохранилось свидетельство о нём:

> *«В гетто оказалось 800 человек. В основном это были старики... Был юденрат... Людей выгоняли на работу... Русские носили в гетто еду, но в основном знакомые знакомым... Прибежал парень из Витебска, рассказал, что в Витебске расстреляли всех евреев,*

и уговаривал – уходите, вас всех расстреляют. Юденратовцы его схватили и устроили ему разнос: ты что панику наводишь? Ты что врешь?.. Старики с утра до вечера молились... Никто не верил, что расстреляют... Уходить было некуда, партизан никаких не было... Если убежишь – убьют, а так можно выжить.»[88]

6 сентября 1941года мужчин вывели из гетто, велели им вырыть рвы, а потом расстреляли. После них убили женщин и детей. Расстрел совершался в противотанковых траншеях неподалеку от Голубой Дачи. Там казнили около 800 евреев, а также в районе Файтино еще 200 евреев.[89] В рапорте айнзацгрупп от 23 сентября 1941 г. говорится, что в Невеле расстреляно 640 евреев, а дома в гетто сожжены, чтобы предотвратить распространение болезней.[90]

В Калинине до войны жило около 2.400 евреев. Ко дню захвата 17 октября 1941 г. большая часть еврейского населения была эвакуирована. Согласно советским отчетам, в городе было убито около 400 жителей,[91] и можно предположить, что большинство из них были евреями. Великие Луки, где до войны проживало более 1.500 евреев, после захвата немцами 19 июля 1941 г. через два дня освободили советские войска, но 25 августа немцы снова вошли в город. Большая часть еврейского населения была эвакуирована. Согласно советским источникам, в городе оставалось около 50 евреев, и все были убиты.[92]

Город Торопец, в котором до войны проживало около 500 евреев, оккупировали в конце августа 1941 г., в нем находилось около 150 евреев. В конце сентября 1941 г. их собрали в трех деревянных домах. В конце октября или начале ноября всех расстреляли. В отчете советской Следственной комиссии цитируется свидетельство очевидца: *«В детей не стреляли, а перерезали им вены на руках и бросали в яму живыми. Потом оттуда долгое время доносились крики истекающих кровью детей»*.[93] В городке Себеж во время оккупации оставалось 100 – 150 евреев из 900, живших там накануне войны. Их загнали в гетто. Им удалось подкупить военного коменданта города, благодаря чему гетто просуществовало несколько месяцев, но в начале 1942 г. коменданта сменили, и 6-7 марта 1942 года гетто ликвидировали. Казнью руководили немцы, исполнителями же были местные полицейские.[94]

В Смоленске до войны проживало около 15.000 евреев. Западная часть Смоленска была захвачена 16 июля 1941 г., а та часть, которая на левом берегу Днепра, – 29 июля. Около 2.000 евреев, оставшихся в городе, а также несколько сотен беженцев из Белоруссии и из окрестных районов, в конце августа – начале сентября 1941 г. были загнаны в гетто в пригороде Садки, неподалеку от еврейского кладбища. Юденрат гетто возглавлял назначенный немцами д-р Файнсон. Женщины и немногие мужчины, очутившиеся в гетто, были заняты на различных работах, в том числе на разборке домов, разрушенных во время боев; на уборке немецких санитарных вагонов; на очистке улиц и т.п.[95] Уже в первые недели оккупации в Смоленске были убиты десятки представителей еврейской интеллигенции.[96] Гетто в Смоленске просуществовало до июня 1942 года.

В городе Рудня Смоленской области до войны проживало около 1.700 евреев, и 1.200 из них были отправлены в гетто на улице Пролетарий. 21 октября около 1.000 евреев вывели к противотанковым траншеям за городом и там расстреляли. Среди расстрелянных были все члены еврейского колхоза «Путь к социализму», находившегося неподалеку от города. Около 200 специалистов остались в городе. 24 ноября 1941 г. их тоже расстреляли. Любавичи в районе Рудни немцы захватили 21 июля 1941 г. В местечке, прежде одном из главных центров хасидского движения, до войны жило около 1.000 евреев, из них 483 оказались в созданном после оккупации гетто. А 4 ноября 1941 г. все евреи гетто были расстреляны за окраиной местечка. После казни жителям приказали вырыть ямы и похоронить убитых.[97]

Еще одно гетто в Смоленской области возникло в Хиславичах в августе 1941 г. Туда поместили около 1.000 евреев из 1.500, которые проживали там до войны. В октябре из гетто забрали 150 мужчин и убили за городом. В начале марта 1942 года казнили остальных 800 евреев.[98] В других городах Смоленской области были уничтожены все евреи.[99]

В городе Руза (запад Московской области), который был захвачен в первой половине ноября 1941 г., а также в его окрестностях, осталось только несколько десятков евреев. В рапорте, поданном на следующий день после освобождения города советской армией, 17 января 1942 года, говорится:

«В четырех домах, где проживали еврейские семьи, евреи застрелены в своих комнатах.... Всего убито 16-18 человек. Среди них два старика, остальные женщины, дети и двое грудных младенцев. В тот же период фашисты застрелили еще 20 евреев, обнаруженных в этом районе. На городской площади поставили виселицу и повесили трех партизан, двое из них русские, один еврей.»[100]

В другом рапорте, написанном в день освобождения Рузы, отмечено, что уничтожение евреев совершалось местными полицейскими – Захаром Коваленко, Петром Макаренко и другими (перечислены имена).[101] Русский житель района Можайска рассказывает об издевательствах над евреями:

«20 ноября 1941 г. меня вместе с другими мужчинами из нашей местности погнали в город Можайск. Там нас выстроили рядами и приказали всем евреям и всем командирам советской армии сделать два шага вперед. Никто не тронулся с места. Немецкий офицер прошел вдоль шеренги и всех, кто показался ему более смуглым, вытащили из рядов с криками «юде!»... Всем, кого вывели из строя, было велено раздеться и ползти на четвереньках, как животным. Потом спустили четырех собак, и они на них набросились и стали кусать до крови... Потом евреям велели одеться и увезли – не знаю, куда...»[102]

Небольшие группы евреев были расстреляны и в других местах Московской области.[103]

Областной центр Калугу нацисты захватили 13 октября 1941 г. вместе со 150 евреями из 800, живших там до войны. В начале ноября их

загнали в гетто. Военный комендант назначил еврейского старосту по фамилии Френкель. В гетто была страшная теснота, люди страдали от голода, их заставляли выполнять самые тяжелые и унизительные работы вроде уборки туалетов. Оккупация Калуги длилась недолго, около двух с половиной месяцев. Зимнее наступление советских войск, начавшееся 4-5 декабря 1941 г., вынудило немецкую армию отступить из Калуги. 30 декабря 1941 г. город освободили – немцы не успели уничтожить всех находившихся там евреев, и большая их часть смогла спастись. После освобождения города Френкель передал советским властям – очевидно, по их требованию, – отчет с подробным рассказом о судьбе калужских евреев во время оккупации. Из отчета:

«Всех евреев поместили в одном месте – на Красной горе у монастыря. Всего здесь собралось 150 человек...

При вступлении немецких извергов в Калугу, они издали приказ, запрещающий евреям появляться в общественных местах, также запрещено гражданам гор. Калуги общаться с евреями...

В ноябре 1941 г. было приказано всем евреям в течение двух часов оставить свои дома и перейти в гетто. Оставленное имущество на старых квартирах разгромлено.]Грабили[как немецкие оккупанты, так и городская полиция... белогвардейцы и другие – разная сволочь. Когда я проходил по улице Кирова и по улице Интернациональной, мальчишки, по указанию немецких извергов, бросали в меня камни...

Немецкое командование заставило всех евреев... производить тяжелые физические работы...

Были случаи голодной смерти.

21 декабря 1941 г., при отступлении, немцы без всякого предупреждения подожгли еврейский поселок... Спасавшихся от огня евреев они расстреливали...

Подпись: Френкель.»[104]

В конце октября 1941 г. немецкая армия захватила часть Тульской области, кроме самого города Тулы. Во всей области проживало менее 6.000 евреев, половина из них – в Туле. В районе Тулы немецкая оккупация продолжалась всего месяц – полтора, в декабре 1941 г. гитлеровцев изгнали почти из всей области. В оккупированных районах было всего несколько сотен евреев, разбросанных по десяткам местечек и сел. Несмотря на малое количество и рассредоточенность еврейского населения, немецкая администрация и зондеркоманда 7-б, прибывшая сюда, делали все возможное, чтобы выловить всех евреев до единого.

В Плавске, что на юго-западе от Тулы, 12 ноября фашисты убили единственную еврейскую семью Баум, которая там проживала. Семья состояла из десяти человек, среди них пятеро детей в возрасте от 4-х месяцев до 11 лет.[105] Села в этом районе прочесывались, всех пойманных евреев сгоняли в какое-нибудь одно село и потом расстреливали. Эти расстрелы происходили буквально рядом с передовой, в очень тяжелых погодных условиях, причем военная ситуация постоянно ухуд-

шалась вследствие начавшегося контрнаступления советских войск. Именно в этой ситуации выявление и поголовное истребление евреев было возложено на младшие военные чины, фельдкомендантов и ортскомендантов. Если бы не их активная деятельность, если бы не участие солдат, подразделение зондеркоманды 7-б не смогло бы выполнить свою задачу.[106]

В Орловской области до войны проживало около 33.000 евреев, в том числе: в городе Орел более 3.000 евреев; в Брянске больше 5.000 евреев, и в Клинцах, которое в прошлом входило в черту оседлости, – 6.500 евреев.

Орел был взят гитлеровцами 3 октября 1941 г. В рапорте айнзацгрупп от 10 декабря 1941 г. говорится, что *«из 120.000 жителей Орла на месте осталось 100.000... Все еврейское население покинуло этот район... Во всяком случае, число проживающих здесь евреев крайне невелико»*.[107] В рапорте айнзацгрупп от 19 декабря отмечается, что в Орле схвачены поджигатели, и среди них – несколько евреев.[108] Десятки еврейских семей, остававшихся в городе, были отправлены в лагерь военнопленных, созданный в городе, и помещены в блок № 1, где содержались коммунисты, комиссары советской армии и партизаны. Военнопленные называли этот блок «блоком смерти»: его узников морили голодом, а по средам и пятницам выводили группами по 6-8 человек и расстреливали. Последняя группа евреев из этого блока осенью 1942 года была расстреляна за городом, в Медведевском лесу. Несколько групп евреев из Орла расстреляли в районе кладбища «Крестнительское» и за аэродромом.[109]

Брянск был оккупирован немцами 6 октября 1941 г. В рапорте айнзацгрупп о положении в районах, захваченных группой армий «Центр» в октябре 1941 г., говорится, что из Брянска *«все еврейское население, а также все члены Коммунистической партии и профессиональные работники убежали»*.[110] Но на самом деле евреи в городе еще оставались, и в советском отчете сказано, что за городом, на дороге, ведущей в Карачев, обнаружены 14 рвов, и в них трупы стариков, женщин и детей, большинство из них – евреи или цыгане.[111]

В городах и местечках на западе Орловской области – в Клинцах, Новозыбкове и в десятках других населенных пунктов, которые прежде входили в черту оседлости, проживало от нескольких сотен до нескольких тысяч евреев. В Клинцах в декабре 1941 г. было убито около 3.000 евреев. Советский отчет об акции уничтожения, основанный на показаниях свидетелей, описывает убийство детей:

> *«В детей, как правило, не стреляли. Их выстраивали в короткую шеренгу на краю рва и били по головам прикладами стволов, потом сталкивали в яму еще живыми и засыпали землей. Грудных младенцев убивали ударами о стволы сосен либо ударяли головами друг о друга, и бросали в яму. Были случаи, когда немцы подбрасывали грудных детей в воздух над ямой и стреляли в них на лету.»*[112]

В рапорте айнзацгрупп от 9 октября 1941 г. сообщается, что *«в Клинцах уничтожено 83 еврейских террориста и трое коммунистов-*

активистов… При дополнительном прочесывании обнаружено еще 82 террориста, с которыми поступили согласно приказу…».[113] В Клинцах, конечно же, не было никаких «еврейских террористов». Этот термин был призван оправдать убийство ни в чем не повинных евреев. В районе Орла, Брянска и Клинцов в октябре-ноябре 1941 г. действовала зондеркоманда 7-б.

В Новозыбкове перед войной жило более 3.000 евреев. В советском отчете отмечено, что в Карховском лесу неподалеку от железнодорожной станции обнаружено несколько ям, и в них 2.860 трупов. В отчете сказано, что *«самая большая яма была полна телами евреев»*.[114] С сентября 1941 г. по март 1942 года происходили акции уничтожения и в других местах на западе Орловской области.[115]

В Курской области накануне войны проживало около 6.500 евреев, из них 5.000 – в городе Курск, который был взят гитлеровцами 4 ноября 1941 г. Спустя несколько недель после этого были убиты 500 евреев, которые там оставались. В советском документе отмечено, что в январе 1942 года в Курске были расстреляны 120-125 евреев.[116]

В Белгороде Курской области до войны проживало около 650 евреев. Город захватили 24 октября 1941 г. 5 февраля 1942 года 60 евреев, еще остававшихся в городе, загнали в сарай, выпустили по ним несколько очередей и подожгли сарай – те, кто не были убиты выстрелами, сгорели живьем.[117]

В Ростовской области до войны проживало более 32.000 евреев, из них в городе Ростове – более 27.000. 21 ноября 1941 г. немцы захватили Ростов, но уже 29 ноября 1941 г., во время контрнаступления Красной Армии, город был освобожден. За столь короткий период оккупации немцы не успели предпринять какие-либо шаги против евреев. Вторым по величине городом области был Таганрог, в нем жило более 3.000 евреев. Его немцы взяли 17 октября 1941 г., а 26 октября военный комендант города опубликовал приказ евреям явиться на Владимирскую площадь, в здание школы № 26 на регистрацию. Около 1.800 евреев пришли на площадь, где у них отняли все деньги, еду и ценные вещи, которые у них еще оставались. Затем их отправили – часть пешком, часть в грузовиках – на Петрушину косу и там расстреляли. В районе Таганрога действовала зондеркоманда 10-а.[118] В рапорте айнзацгрупп от 21 ноября 1941 г. докладывается, что в Таганроге больше нет евреев.[119]

Во время зимнего наступления Красной Армии были освобождены обширные районы, находившиеся под контролем группы армий «Центр». На этих территориях почти не оказалось евреев, кроме двух маленьких гетто в Смоленской области – Велиж и Усвяты. В октябре-ноябре 1941 в городе Велиж создали гетто для 1.500 евреев из 1.800, проживавших там до начала оккупации. Часть евреев гетто обитала в домах, другие – в бывшем свинарнике, где соорудили нары в три этажа. В свинарнике помещалось несколько сотен евреев. Гетто просуществовало несколько месяцев. В конце января 1942 г. Красная Армия приблизилась к Велижу. Немцы готовились отступить из города.

Местные полицейские заколотили досками окна и двери свинарника и других домов в гетто. Когда Красная Армия в первые дни февраля подошла к городу, евреям приказали закрыться в своих домах в гетто, которое окружили немецкие солдаты и местная полиция. Они подожгли свинарник и другие дома в гетто. Люди пытались выбраться через заколоченные окна и двери, а солдаты и полиция в них стреляли. Из сотен еврев, живших в гетто, уцелели только 25, остальные сгорели или были застрелены. Из евреев, живших не в свинарнике, удалось спастись нескольким сотням.[120]

В местечке Усвяты во время немецкой оккупации находилось около 70 евреев, среди них – беженцы из Витебска. Всех согнали в маленькое гетто. Пятеро молодых евреев-комсомольцев были расстреляны по доносу одного из школьных учителей. 7 ноября из гетто увели и расстреляли 80 человек. 28 января 1942 г. Красная Армия освободила город, и немцам не удалось уничтожить последних 25 евреев гетто.[121]

Велиж, Усвяты и Калуга были единственными, кроме Транснистрии, местами на всей оккупированной территории Советского Союза, быстрое освобождение которых Красной Армией помогло спасти хотя бы часть находившихся там евреев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барух Каро (ред.). Витебск, *Книга Памяти* (иврит). – Тель-Авив, 1957, с. 447-451; *Энциклопедия Катастрофы*, т. 4, с.1577.
2. Arad et al. *Einsatzgruppen Reports*..., 34, p.51.
3. *Ibid*, 50, c. 85.
4. Р.А.Черноглазова. *Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации 1941-1944*. – Минск, 1995, с.121 (далее Черноглазова, *Трагедия*); Архив Яд Вашем, М-33/439.
5. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*..., 73, p. 124; 67, p. 117-118; 124, p. 206.
6. Архив Яд Вашем, М-33/439.
7. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*..., 124, p.206.
8. *Ibid*, 148, c. 264.
9. Свидетельство местного жителя Василия Бутримовича, Архив Яд Вашем, М-33/440 (из документов ГАРФ, Фонд 7021, Опись 64, Дело 3).
10. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*..., 92, p. 151.
11. *Ibid*, 108, p. 181; 124, p. 206.
12. *Документы Нюрнбергского процесса*, PS-3047. Зоннекен был переводчиком на русский в военной разведке группы армий «Центр».
13. Черноглазова, *Трагедия*..., с. 122-124.
14. Гроссман и Эренбург, *Черная книга*..., с. 182.
15. *Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии*. – Минск, 1947, с. 155-163 (далее *Судебный процесс*...).
16. *Там же*, с. 165-170, свидетельство жителя города Андрея Скакуна, во время оккупации бухгалтера в городском управлении. По его словам, при ликвидации гетто уничтожили 1.873 еврея.
17. Архив Яд Вашем, М 33/446.
18. Черноглазова, *Трагедия*..., с. 112-113.
19. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*..., 67, p. 117; 92, p. 151; 108, p. 181; 124, p. 206.
20. *Ibid*, 148, c.263; Айзенштадт, *Книга живых*..., с. 105.
21. USHMMA R-53006, Reel 2. Евреев было больше, чем указано в переписи – многие евреи в Могилеве, как и в других городах, пытались скрыть свою национальную при-

надлежность.

22. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 108, p. 180; 124, p. 205; 133, p. 233.
23. *Ibid*, 133, p. 232.
24. Отрывки из военного дневника 322-го полицейского батальона были опубликованы в газете «Дер Шпигель». См. *An Ort und Stelle Erschossen*, Der Spiegel, 1986, 44.
25. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 133, p. 234-235.
26. Судебный процесс Карла Дитриха, Архив Яд Вашем, TR-10/1185, с. 5, 10. Лагерь для гражданских заключенных существовал до августа 1943 года, когда евреи, остававшиеся в живых, были переведены в Минское гетто. Разница между 6.437 евреями, зарегистрированных переписью населения, и 3.965, которые были уничтожены в акции, согласно рапорту айнзацгрупп, объясняется большим количеством евреев, убитых до акции ликвидации гетто. См. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 108, p. 180-182; 124, p. 205: 133, p. 232-233.
27. Рукопись, подготовленная Михаилом Ривкиным, Архив Яд Вашем, документ 8350.
28. *Там же*, М-33/481.
29. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 92, p. 150; 108, с. 180; 148, p. 263; 179, с. 310.
30. Архив Яд Вашем, М-33/476.
31. *Там же*, М-33/448 (ГАРФ, фонд 7021, опись 84, дело 13); 03/4611 (собрание Романовского).
32. *Там же*, 03/4614 (собрание Романовского).
33. Там же, 03/4612 (собрание Романовского).
34. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports*, 148, p. 263-264.
35. Приводим источники и информацию об операциях истребления в городах и местечках Восточной Белоруссии под властью военной администрации:

    1. Архив Яд Вашем 03/4603. Местечко Городок Витебской области взято 9 июля, организовано гетто, где находилось 800 евреев – около половины довоенного еврейского населения. 14 октября гетто уничтожено.

    2. Там же, 03/4676. Бешенковичи взяты 29 июня. В местечке оставалась 1.000 евреев, чуть меньше, чем до войны. Все уничтожены 11 февраля 1942 года.

    3. В Сураже до войны проживало 500 евреев. Те, кто остались во время оккупации, были согнаны в сгоревшее здание фабрики по производству льняных тканей, которое взорвали вместе с находившимися внутри евреями.

    4. Там же, М-33/478. В Рогачеве было организовано гетто, и 1 ноября уничтожены все 2.700 евреев, которые в нем находились. Около 300 евреев из местечек вблизи Рогачева, свезли в гетто и уничтожили 12 февраля 1942 года.

    5. Там же, М-33/474. В местечке Корма в гетто загнали более 700 евреев, 7 ноября 1941 г. всех расстреляли.

36. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 135, p. 238-239.
37. Архив Яд Вашем, М-33/170.
38. *Там же*, М-33/172, М-33/165.
39. Круглов, *Уничтожение...*, с. 179.
40. Архив Яд Вашем, М-33/96, с. 7.
41. Круглов, *Истребление...*, с. 193.
42. Kondufor et al., *History Teaches...*, p. 57.
43. В документах ГАРФ, находящихся в архиве Яд Вашема, упоминается уничтожение евреев Черниговской области. Ниже данные этих документов:

    1. Архив Яд Вашем, М-33/166; в городе Щорс, где накануне войны проживало более 1.400 евреев, мужчины были расстреляны в ноябре 1941 г., женщины и дети – в январе 1942 года.

    2. Там же, М-33/156; в городе Новгород-Северский накануне войны проживало около 1.000 евреев. Местная жительница, еврейка, спасшаяся от расстрела, сообщает: «7 ноября 1941 г. собрали всех 160 евреев, которые были зарегистрированы, среди них была и я с двухлетним ребенком... Нас отвели к противотанковым рвам, за реку

Десна... Я умоляла немцев, уверяла их, что я не еврейка, а украинка. Они посмотрели на меня и сказали: убирайся отсюда побыстрей. Когда я добежала до моста, послышались выстрелы – это расстреляли всех 160 евреев... Назавтра группа немцев и местных полицейских... обошли все дома и забрали еще 50 евреев, которые не явились в первый день акции, отвели их к тем же рвам и расстреляли с помощью местных полицейских...».

44. *Kriegstagtbuch des Kommandostabes...*, p. 151.
45. Сумская область и период Великой Отечественной войны. – Харьков, 1963, с. 210-211, Архив Яд Вашем, М-33/390.
46. *Там же*, М-33/394; М-33/1206.
47. Круглов, *Истребление...*, с. 185.
48. Архив Яд Вашем, М-33/393, с. 2.
49. *Там же*, М-33/401; в М-33/403 отмечено, что в мае или июне 1942 года в городской тюрьме расстреляно 102 еврея, арестованных в городе и окрестностях, а также расстреляно около 30 цыган.
50. Ниже приводятся данные документов ГАРФ, которые находятся в Яд Вашеме:

    1. Архив Яд Вашем, М-33/371: в городе Глухов до войны проживало более 1.500 евреев, количество евреев, уничтоженных в акции в октябре 1941 г., неизвестно. 30 декабря 1941 г. убиты последние в городе 105 евреев. В документе называются имена местных полицейских, участвовавших в убийстве евреев.

    2. Там же, М-33/375: в городе Кролевец, где до войны проживало более 600 евреев, 26 ноября 1941 г. убито 73 еврея, которые там оставались (остальные бежали или Отмечено, что жены местных полицейских, участвовавших в расстреле, носили одежду убитых еврейских женщин.
51. Круглов, *Истребление...*, с. 162. Документ Харьковского Государственного областного архива, П-2982-2-16, л. 54 (далее Харьковский архив).
52. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 164, p. 289. В отчете от 4 февраля 1942 года говорится о событии, происшедшем в ноябре или в начале декабря 1941 г.
53. Круглов, *Истребление...*, с. 186-187.
54. *Там же*, с. 239.
55. *Там же*, с. 281. Упомянутые военные власти – вероятно, штаб 6-й немецкой армии, в то время находившийся в Харькове. См. также Pohl, *Schauplatz...*, pp. 147-148.
56. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 164, p. 289.
57. Арад и др., *Неизвестная...*, с. 86-89.
58. Ляховицкий, *Пережившие...*, с. 103, свидетельство Олега Васюкова.
59. *Документы обвиняют...*, вып. 2, с. 307-309.
60. *Энциклопедия Катастрофы...*, т. 2, с. 797.
61. И.М. Ляховицкий. *Попранная мезуза.* – Харьков, 1991, с. 54 (далее Ляховицкий, *Попранная...*).
62. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 191, p. 239.
63. И.М. Ляховицкий. *Желтая Книга*. – Харьков, 1994, с. 13.
64. Там же, с. 15.
65. Ляховицкий, *Попранная...*, с. 60-64. Отрывки из отчетов советской Следственной комиссии, находятся в Харьковском архиве – подробности об «убийстве евреев в городе» Краснограде, где до войны проживало около 550 евреев, в городе Чугуеве, где до войны проживало 280 евреев, и в селе Ведюнки.
66. Круглов, *Уничтожение...*, с. 30. Отчет 240-й фельдкомендатуры от 4 декабря 1941 г.
67. Архив Яд Вашем, М-33/552.
68. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 177, p. 305. В Макеевке до войны было более 3.000 евреев, в Горловке – около 2.400 евреев.
69. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 75-79.
70. Klee and Dressen (eds.). *Gott mit uns.* – Frankfurt-am-Main, 1989, p. 113 (далее Klee and Dressen, *Gott mit uns...*).

71. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 136, p. 244.
72. Архив Яд Вашем, M-33/358, M-33/359.
73. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 177, p. 305.
74. Архив Яд Вашем, M-33/366.
75. *Там же*, M-33/342. В Славянске до войны проживало более 2.000 евреев; 420 еврейских семей были убиты 2-3 декабря 1941 г. В Краматорске до войны было 1.850 евреев. 25 января 1942 года уничтожено около 600 еврейских семей. Очевидно, что, когда говорится о «семьях», не имеются в виду целые семьи, поскольку большинство мужчин было мобилизовано в армию либо эвакуировано.
76. Klee and Dressen, *Gott mit uns...*, p.113; Круглов, *Уничтожение...*, с. 64. Отчет ортскомендатуры 1/853 от 13 октября 1941 говорит, что в Мелитополе СД казнило 2.000 евреев.
77. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 117, p. 194.
78. Архив Яд Вашем, M-33/39, с. 40; M-33/54, с. 6; воспоминания священника Владимира Тихоновича, M-33/103.
79. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 73, p. 120-121.
80. Центральный архив штаба советского партизанского движения, фонд 90, опись 1, дело 69 (архив является частью Архива Института Истории ЦК КПБ). В этом же документе отмечено, что в поселке Сланцы Ленинградской области немцы схватили группу евреев и застрелили всех взрослых, детям же размозжили головы об угол дома.
81. Архив Яд Вашем, M-33/841 (ГАРФ, фонд 7021, опись 39, дело 332).
82. *Там же*, M-33/551.
83. *Там же*, 03/4672; M-33/939 (ГАРФ, фонд 7021, опись 30, дело 1275). В числе повешенных евреев были инженер Капустин и адвокат, чье имя неизвестно.
84. *Там же*, M-33/938 (ГАРФ, фонд 7021, опись 30, дело 247).
85. *Там же*, M-33/928 (ГАРФ, фонд 7021, опись 30, дело 248).
86. *Там же*, M-33/932 (ГАРФ, фонд 7021, опись 30, дело 168).
87. *Там же*, M-33/932 (ГАРФ, фонд 7021, опись 30, дело 168).
88. Свидетельство Савойской Стерны, бывшей партизанки, там же, M-03/4622 (собрание Романовского).
89. Айзенштат, *Книга живых...*, с. 214-215; Архив Яд Вашем, M-33/501, M-33/509.
90. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 92, p. 152.
91. *Ibid*, 144, p. 254: Архив Яд Вашем, M-33/506.
92. Архив Яд Вашем, M-33/503.
93. *Там же*, M-33/511, 03/4642 (собрание Романовского).
94. *Там же*, 03/4653, 03/4654, 03/4655 (собрание Романовского).
95. *Там же*, M-03/4671.
96. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 67, p. 116; 73, p. 123.
97. Архив Яд Вашем, M-33/618.
98. *Зверство немецко-фашистских захватчиков. Документы.* – Москва, 1944, № 12, с. 43-45.
99. В Вязьме до войны проживало около 650 евреев. Немногие оставшиеся в городе были убиты в феврале 1942 года. В Сычовке истребили около 100 евреев из 150, которые жили там до войны.
100. Центральный архив Министерства обороны, фонд 5-й Армии, опись 5064, дело 18, л. 39. Повешенный еврейский партизан – Евсей Григорьевич Кац. Партизан казнили местные полицейские.
101. *Там же*, с. 36.
102. Там же, M-33/652. Этот способ – заставлять евреев раздеваться, чтобы выявить обрезанных мужчин, – применялся к военнопленным евреям.
103. Центральный архив Министерства обороны, фонд 5-й Армии, опись 5064, дело 18, л. 56-57. В документе говорится об убийстве восьми еврейских женщин и пяти детей в городе Уваровка в ноябре 1941 г. В селе Власово были пойманы две еврейские

девушки 17-18 лет, изнасилованы и убиты. В селе Федоровское схватили еврейскую женщину и троих ее детей, их убили вместе с русской хозяйкой дома, восьмидесятилетней женщиной, которая их приютила. В селе Селищево еврейку и ее сына 4-5 лет закололи штыками, хозяйку дома и ее дочь, которые их прятали, застрелили, а дом сожгли.

104. Архив Яд Вашем, М-33/663.
105. *Там же*, М-33/664.
106. Описание уничтожения евреев в разных селах опирается на источники, находящиеся в Центральном Архиве Министерства обороны, – рапорты, составленные военными комиссиями после освобождения упомянутых районов в декабре 1941 – январе 1942 года. Вот перечень документов:
   – Документ 19-9783-405, л. 46. В село Федоровка, на северо-западе от Тулы, согнали 60 евреев, схваченных в этом районе, и расстреляли.
   – Документ 50-1317-50, л. 64 (документы 50-й Армии). В село Дубовое согнали 25 – 30 евреев, схваченных в этом районе, и расстреляли.
   – Документ 26-1317-50, л. 5 (документы 50-й Армии). В село Прудное согнали 20 евреев из этого района, заперли в овине и подожгли.
107. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 144, p. 254.
108. *Ibid*, 148, p. 262.
109. Свидетельство Михаила Зубкова, врача в этом лагере, и Афанасьевой Александры, жительницы города. Архив Яд-Вашем, М-33/539 (ГАРФ, фонд 7021, опись 37, дело 1).
110. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 133, p. 230-231.
111. Архив Яд Вашем, М-33/482, с. 2.
112. *Там же*, с. 7.
113. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 108, p. 180.
114. Архив Яд Вашем, М-33/482, с.5.
115. Отчет советской Следственной комиссии о военных преступлениях нацистской Германии в Брянской области. Там же, М-33/487. Вот перечень, приведенный в отчете:
   – В Стародубе накануне войны проживало более 1.600 евреев, 1.200 было отправлено в гетто в конце сентября 1941 г. Спустя короткое время оттуда вывели 400 мужчин старше 14 лет и расстреляли. 1 марта 1942 г. расстреляны 800 женщин и детей, и гетто ликвидировано.
   – В Суроже накануне войны проживало около 2.000 евреев, 27 марта 1942 года было расстреляно за городом 560 «мирных жителей», но можно предположить, что большинство, если не все, были евреями.
   – В местечке Унеча, где до войны проживало более 1.700 евреев, было убито 342 человека – евреев и цыган.
   – В Мглине, где до войны проживало около 750 евреев, 2 марта 1942 г. казнены около 500 евреев.
   – В Злынке, где до войны проживало около 450 евреев, в феврале 1942 г. уничтожены более 200 евреев. Одновременно с ними убиты несколько десятков евреев, которых привезли из местечка Вышков.
   – В Почепе, где до войны проживало около 280 евреев, в ноябре 1941 г. убито 218 евреев.
116. Архив Яд Вашем, М-33/512.
117. *Там же*, М-33/523.
118. *Там же*, М-33/577. В документе упоминаются имена местных полицейских – участников акции.
119. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 136, p. 244.
120. Архив Яд-Вашем, 03/4645, 03/4638.
121. *Там же*, 03/4637, 03/4638.

ГЛАВА 19

КАТАСТРОФА ЕВРЕЕВ КРЫМА

А. ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА

Оккупация полуострова Крым началась с захвата 30 октября 1941 г. города Красноперекопск на сухопутной перемычке между Украиной и Крымом и закончилась взятием 16 ноября 1941 г. Керчи в восточной части полуострова. Весь полуостров, исключая Севастополь, находился под властью немецкой армии и ее союзника, румынской армии. Севастополь пал только 3 июля 1942 г., после продолжительной осады.

В Крыму действовала одиннадцатая немецкая армия под командованием генерала Эриха фон Манштейна, а также горный румынский корпус. До вторжения Германии в СССР в Крыму жило более 60.000 евреев. В эту цифру включены крымчаки и караимы, хотя советский режим видел в них нееврейские этнические группы. В Крыму проживали около 6.500 караимов из 9.000 караимов Советского Союза[1] и все советские крымчаки – более 6.000.[2] Языки караимов и крымчаков не были идентичны, однако оба походили на татарский. По образу жизни обе эти этнические группы были близки татарскому населению Крыма.

Эвакуация советских граждан из Крыма проходила в исключительно трудных условиях. Сухопутные пути были отрезаны еще до оккупации полуострова, а эвакуация морским путем сильно затруднялась отсутствием морского траспорта, а также потому, что преимущество в эвакуации было предоставлено армии. Предположительно, под немецкой оккупацией в Крыму осталось около 45.000 евреев, включая караимов и крымчаков. В это число, видимо, входят и 5.000 еврейских беженцев с юга Украины, Одессы и Бессарабии, которых оккупация застигла в Крыму.[3]

Б. ОТНОШЕНИЕ НЕМЦЕВ К КАРАИМАМ И КРЫМЧАКАМ

Немецкие власти и айнзацгруппы столкнулись с проблемой отношения к караимам и крымчакам: если они евреи, их следовало уничтожить, а если не евреи – они должны разделить судьбу остальных жителей Крыма. В начале своей деятельности на Украине айнзацгруппы не всегда видели различия между евреями и караимами. В Киеве и других городах Украины караимов убивали, считая их евреями.[4] Командир зондеркоманды 11-а Пауль Запп свидетельствовал о наличии сомнений:

«В Херсоне я столкнулся с группой населения, не относящейся с расовой точки зрения к евреям, однако являющейся религиозной сектой, соблюдающей Моисеев закон. Так как я не мог решить, являются ли они евреями, и распространяется ли на них приказ фюрера, я доложил об этом штабу айнзацгруппы. По моим сведениям, штаб переслал мое донесение в РСХА».[5]

Проблема караимов обсуждалась в Германии еще до войны. После принятия Нюрнбергских законов представители небольшой караимс-

кой общины в Германии обратились к властям с просьбой не распространять действие этих законов на караимов. Они ссылались на тот факт, что в царской России статус караимов отличался от статуса евреев, а также утверждали, что не являются евреями по происхождению. После проведенной немецкими властями проверки вопрос был передан на рассмотрение «Рейхсуправления по исследованию рас». 5-го января 1939 г. начальник управления отправил в МВД ответ:

«Караимская секта не считается еврейской религиозной общиной... Вместе с тем нет возможности утверждать, что караимы как группа относятся к единой расе...»[6]

Немецкая гражданская администрация на оккупированных территориях СССР провела собственную проверку расовой принадлежности караимов. В конце августа 1941 г. генералкомиссар Литвы фон Рентельн направил в Тракай, где в то время проживало около 1.200 караимов, команду своих подчиненных для проверки. Караимские лидеры объяснили немцам суть их религии, продемонстрировали документы, касающиеся их происхождения и их прошлого, чтобы подкрепить утверждение о том, что они не евреи, а имеют турецко-татарские корни. Немецкие чиновники доносили фон Рентельну 1 сентября 1941 г.:

«Караимы... действительно производят татаро-восточно-азиатское впечатление... Их религия очень смешанная...»[7]

Донесение сопровождалось копией письма начальника «Рейхсуправления по исследованию рас» от 5 января 1939 г. Фон Рентельн переслал копии донесения подчиняющимся ему гебитскомиссарам с припиской: *«Согласно прилагаемому донесению, караимы не приравниваются к евреям».*[8] Донесение было также отослано в рейхскомиссариат Остланд, а оттуда – в рейхсминистерство оккупированных восточных территорий в Берлине. Начальник политического отдела министерства Георг Лейбрандт опубликовал 1 октября общую директиву:

«В случае караимов я прошу действовать согласно решению рейхсуправления по исследованию рас от 5 января 1939 г. Это решение касается только вопроса принадлежности караимов к еврейской религиозной общине... При подходе к этому вопросу следует помнить, что отдельные караимы смешивались с евреями... Поэтому я прошу, прежде всего, относиться к решению вопроса квалификации караимов как к общему, происходящему из выделения караимов из еврейской религиозной общины».[9]

Это письмо, как и письмо от 5 января 1939 г., хотя и отделяет караимов от евреев, однако бросает подозрение на каждого отдельного караима – а вдруг в его жилах течет еврейская кровь. В 1942 г. немцы обратились к еврейским историкам, узникам Вильнюсского, Варшавского и Львовского гетто, и потребовали от них письменное толкование расового происхождения караимов. Чтобы уберечь караимов от судьбы евреев, историки, как правило, отвечали, что караимы имеют тюркско-татарского происхождение.[10]

Таким образом, караимы, проживающие на оккупированных территориях СССР, были спасены от судьбы своих еврейских собратьев. По-

ложительное отношение немцев к караимам сложилось под влиянием их благосклонности к крымским татарам, сотрудничавшим с ними, а также в силу близких отношений между татарами и караимами.[11] Караимы пытались оправдать доверие, оказанное им немцами, и несколько сотен караимов служили в татарских батальонах, в немецкой армии и немецкой полиции.[12]

В донесении айнзацгрупп от 5 декабря 1941 г. сказано:

«В процессе регистрации евреев… были установлены следующие факты: согласно заявлению караимов, у них нет с евреями ничего общего, кроме религии. По их словам, они происходят от монгольской группы, проживавшей в прошлом вдоль черноморского побережья. В отличие от евреев при царском режиме караимы являлись равноправными гражданами, и они до сих пор гордятся этим фактом… крымчаки – это евреи, эмигрировавшие из Италии 400 лет назад. Оказавшись в Крыму, они в повседневной жизни стали пользоваться языком местных татар. Крымчаки считают себя ветвью татарского народа… Будучи еврейскими эмигрантами из Италии, они в течение поколений заключали браки с татарами и пользовались их языком, однако сохранили свою веру».[13]

В соответствии с этим донесением немцы видели в крымчаках, в отличие от караимов, евреев и в расовом и в религиозном отношении. Это определило их судьбу – им предстояло быть уничтоженными вместе с евреями. Самая крупная община крымчаков существовала в Симферополе, вторая по величине – в Карасубазаре.

В. АКЦИИ УНИЧТОЖЕНИЯ ГОРОДСКИХ ЕВРЕЕВ

Число крымских евреев равнялось 35.000 – 40.000 после того, как немцы решили не считать караимов евреями. С середины ноября и до конца декабря 1941 г. подавляющее большинство крымских евреев было истреблено. Операции по уничтожению были возложены на зондеркоманду 11-а, зондеркоманду 11-б и зондеркоманду 10-б. Им помогала местная полиция, состоявшая из русских и украинцев, а также подразделения «самообороны» татарских добровольцев, организованных айнзацгруппами.[14] Д-р Вернер Брауне, командир зондеркоманды 11-б, показал на допросе, что командование 11-й армии приказало ему завершить расстрелы евреев Симферополя до Рождества.[15] Этот приказ касался, по-видимому, всех евреев Крыма.

Симферополь, в котором накануне войны проживало более 23.000 евреев, был оккупирован 1-го ноября 1941 г. В донесении армейского штаба 1/853 от 14 ноября 1941 г. сказано, что *«силами службы безопасности проводится акция против 11.000 евреев, оставшихся в городе»*.[16] Согласно записям симферопольского юденрата, число еврейских жителей города приблизительно равнялось 14.000. Оно включало местных евреев, около 1.500 крымчаков, а также евреев – беженцев из Херсона и Днепропетровска.[17]

6 декабря 1941 г. был опубликован приказ, согласно которому все евреи города обязаны были до 10 декабря собраться в том районе

города, в котором раньше находился медицинский институт. Евреям объявили, что их переселяют в гетто и им следует взять с собой одежду и продовольствие на 8 дней. По городу поползли слухи об истинном смысле приказа. Евсей Гофштейн вспоминал о предположениях, которые высказывались тогда в еврейской среде: а) немцы заставят евреев шагать впереди солдат во время атаки на Севастополь, используя их как прикрытие; б) евреев пошлют на работу в Бессарабию или в Лариндорфский и Фрайдорфский районы, где еще не засеяны озимые, и в) всех уничтожат. Гофштейн пишет, что сам он не верил в версию уничтожения.[18]

10 декабря в указанном месте собралось более 12.000 евреев, в том числе и крымчаки. Отдельные евреи, не явившиеся на место сбора, были пойманы и повешены на улицах города. Им на грудь прикрепили щит с надписью: *«За неявку на место сбора»*.[19] С 11 по 13 декабря евреев расстреливали в противотанковых рвах в 10 км от города, на западной стороне дороги на Феодосию.[20] Не все явились на место сбора, однако большинство не явившихся были схвачены и расстреляны. Вот цитата из свидетельских показаний местного русского полицая:

> *«По-видимому многие догадались об истиной причине сбора и потому спрятались. Со временем они были пойманы полицией и гестапо… Поиском и арестом этих людей занималась полиция во главе с ее начальником Буртишевым…»*[21]

В донесении айнзацгрупп от 18 февраля 1942 г. об уничтожении евреев Симферополя и о евреях, пойманых после большой акции, проведенной айнзацкомандой 11, сказано:

> *«Продолжаются поиски отдельных евреев… С 9 января по 15 февраля в Симферополе было задержано и расстреляно более 300 евреев. Вместе с ними общее число расстреляных в Симферополе евреев достигло 10.300 – что превышает число зарегистрировавшихся во время переписи. В других районах деятельности команды было уничтожено еще 100 – 200 евреев».*[22]

В городе Евпатория, где до войны проживало около 4.500 евреев и который был оккупирован 31 октября 1941 г., регистрацию прошли только 750 евреев.[23] 20 ноября 1941 г. евреям велели явиться на следующее утро к так называемым «военным домам», откуда их якобы должны были вывезти из города. 23 ноября евреев отправили на грузовиках с места сбора к противотанковым рвам вблизи товарного вокзала и расстреляли. В отчете советской комиссии по расследованию преступлений нацистов отмечено, что в тот день убили 650 евреев. Несколько дней спустя были расстреляны 150 крымчаков.[24] 5 января 1942 г. советская армия высадилась в Евпатории и захватила часть города, но уже через несколько часов её вытеснили немцы. В качестве возмездия за высадку и за гибель немецких солдат 3.000 мужчин разных возрастов были вывезены из города и расстреляны в течение 3-х дней. В советских источниках указывается, что в Евпаторийском районе в годы оккупации было уничтожено 12.000 советских граждан.[25]

Феодосия, в которой накануне войны проживало 3.000 евреев, была

оккупирована 3 ноября 1941 г. В донесении ортскомендантуры города сказано, что по результатам регистрации в Феодосии находятся 1.052 еврея, и это число не включает крымчаков, которые должны пройти регистрацию отдельно.[26] 27 ноября на улицах города появилось объявление за подписью командира зондеркоманды 10-б:

«Все евреи города Феодосии и окрестностей обязаны явиться 1 декабря 1941 г., от 8.00 час. до 12.00 часов дня на Сенную площадь №3 (Базарная улица №3) для переселения. Каждый еврей может иметь исключительно носильные вещи и пищу на 2 дня… Неисполнение приказа карается смертной казнью».[27]

Собравшимся сказали, что их посылают на Украину. 3 декабря часть евреев, явившихся на место сбора, отправили принести из дома оставленные или спрятанные ценные вещи, которые, как им было сказано, пригодятся им на новом месте. 4 декабря около 2.000 евреев отвели к противотанковым рвам в районе завода «Механик» и там расстреляли.[28]

Крымчаки разделили судьбу евреев. 10 декабря 1941 г. был опубликован приказ, на сей раз от имени магистрата:

«Все крымчаки проживающие в городе Феодосии обязаны явиться 12 декабря… на Сенную площадь на предмет препровождения в отдельную часть города…. неисполнение приказа карается смертной казнью».[29] Явившихся на место сбора крымчаков отвели к противотанковым рвам, которые несколько дней до того стали местом казни евреев, и там расстреляли.

О расстреле крымчаков в Карасубазаре советская комиссия по расследованию преступлений нацистов пишет:

«Речь идет о расправе с крымчаками, число которых достигало 468 человек… 17 – 18 января 1942 г. рано утром перед домом каждой крымчакской семьи появились по два вооруженных охранника, один из них румын, а другой – из татар-добровольцев. После чего немцы выгнали из домов крымчакские семьи и отконвоировали их к месту сбора на улице Ананьева, где стоял черный крытый грузовик… Людей подводили к грузовику маленькими группами и запихивали внутрь через заднюю дверь. После того, как машина заполнилась, она выехала в неизвестном направлении. Другой такой грузовик ждал на Садовой улице, и там произошло то же самое… во время поездки был пущен газ и заключенные в грузовике люди задохнулись. Все были похоронены в районе совхоза №1 «Марьино»…»[30]

В Карасубазаре были также собраны и расстреляны евреи из окрестных местечек и сел, общее число жертв достигло 1.000 человек.[31]

В Керчи, где накануне войны проживало около 6.000 евреев, ко дню оккупации 16 ноября 1941 г. собралось несколько тысяч еврейских беженцев из Украины и из других районов Крыма в надежде пересечь Керченский пролив и достичь юга России. Очень немногим удалось эвакуироваться, поскольку преимущество при эвакуации в Керчи было предоставлено армейским частям. Не успели эвакуироваться и военные госпитали с тысячами раненых. Водные транспорты, вывозившие

людей из Керчи, тонули под огнем немецких самолетов. В начале немцы захватили Керчь на короткое время – всего на полтора месяца, так как 30 декабря советские войска освободили город. Однако 19 мая 1942 г. немцы оккупировали Керчь снова. Несмотря на краткосрочность первой оккупации, немцы успели уничтожить евреев в Керчи.

Согласно донесению ортскомендантуры, по результатам переписи населения в Керчи проживало 10.000 – 12.000 евреев.[32] 28 ноября 1941 г., спустя двенадцать дней после начала оккупации, был опубликован приказ об обязательной явке всех евреев на Сенную площадь на следующий день, с 8 до 12 часов. Еврем разрешалось взять с собой продовольствие на 3 дня. Примерно 7.000 евреев пришли на место сбора. Люди верили, что их посылают на работу. Не явившихся забирали из домов и квартир. Евреев сопроводили под конвоем в тюрьму, где у них отобрали ценные вещи, ключи от квартир и записали их домашние адреса. Несколько дней людей держали в тюрьме. С 1 декабря начались расстрелы, которые продолжались три дня. Евреев сажали в грузовики, вывозили к противотанковым рвам в четырёх километрах к западу от Керчи, рядом с селом Егорово, и там расстреливали.[33] Вот что пишет Иосиф Вайнгертнер, один из уцелевших после расстрела:

> *«Привели нас в тюрьму... К вечеру пришел начальник тюрьмы. «Незачем волноваться, граждане, – сказал он сладким голоском, – выспитесь, отдохните, а завтра мы отвезем вас в ваши совхозы на работу». Народ успокоился... На следующее утро к тюрьме подъехало пять грузовиков. Они наполнились людьми и уехали... Люди хотели как можно скорей выбраться из тюрьмы и очутиться на свободе, в совхозе. Наиболее сильные пробились вперед, а мы все оставались, хотя грузовик курсировал весь день. Ночью кому-то показалось странным, что грузовик оборачивается в течение 25 минут. Куда же они могли за такой срок отвозить людей? Эта мысль так ударила по голове, что всех нас охватил ужас. Так промучились всю ночь. Утром снова приехали грузовики, и мы вместе с нашими друзьями наконец-то уселись. Как только мы выехали за город, я почуял недоброе. И, прежде чем я успел что-нибудь сообразить, я увидел противотанковые рвы и возле них гору платья. Как раз здесь остановился автомобиль и нас согнали. Мы оказались в окружении солдат с винтовками... Раздались выстрелы... Я распрощался с женой. В то время, как мы стояли обнявшись, пуля попала в голову жены, и кровь ее хлынула мне в лицо... Я долго лежал без сознания... Я выбрался из ямы и пошел куда глаза глядят...»*[34]

Не все евреи явились по приказу на место сбора. По окончании расстрела, в городе появился приказ:

> *«Все евреи, проживающие еще в г. Керчи и ближайших местах должны немедленно явиться по адресу ул. Карла Либкнехта № 2. Все население города, знающее местонахождение евреев, должно заявить в немецкую полицию безопасности. За невыполнение настоящего приказа – расстрел».*[35]

Немалое число евреев было впоследствии схвачено и уничтожено,

в основном, благодаря доносчикам.[36] Один из источников упоминает, что немцы разрешили еврейским врачам и фармацевтам (но без членов семей) не являться на место сбора, так как предполагали, что их услуги понадобятся, если в городе вспыхнет эпидемия.[37] Крымчаки, все или часть, не были расстреляны вместе с керченскими евреями. Немцы готовили для них отдельную акцию, однако не успели ее провести до освобождения города советской армией. Оставшихся в городе крымчаков казнили во время второго периода немецкой оккупации.[38]

В истреблении керченских евреев принимала участие немецкая армия. В донесении ортскоменданта, посланном в фельдкомендатуру 553, сказано:

«Уничтожение 2.500 евреев проходило с 1 по 3 декабря. Существует необходимось в дополнительной акции, поскольку часть еврейского населения бежала, укрылась и этих людей необходимо найти».[39]

В приведенном выше военном донесении ясно видно желание военной администрации найти и истребить всех евреев до последнего. В донесении от 2 января 1942 г. айнзацгрупп, осуществлявших уничтожение евреев в вышеупомянутых городах, говорилось:

«Евпатория, Симферополь, Алушта, Карасубазар, Керчь, Феодосия и другие населенные пункты в западной части Крыма очищены от евреев. С 16 ноября по 15 декабря 1941 г. были расстреляны 17.645 евреев, 2.054 крымчака, 824 цыгана, 212 коммунистов и партизан...»[40]

В Ялте накануне войны проживало более 2.000 евреев. Город захватили 8 ноября 1941 г. 5 декабря евреев согнали в гетто на территории заброшенного военного лагеря. 18 декабря евреев вывели из гетто в балку номер 4, где около 1.500 человек были расстреляны силами зондеркоманды 11-а.[41] Об отношении к евреям со стороны татар рассказал один из уцелевших в этой резне:

«Напуганное еврейское население каждую минуту ожидало расправы со стороны татар, которые хвастались, что зарежут всех...»[42]

В Джанкое накануне войны проживало около 1.400 евреев. Тех, кто не эвакуировался, собрали перед акцией уничтожения в одном из городских лагерей. Вот цитата из донесения командования 11-й армии от 1 января 1942 г., относящегося ко второй половине декабря:

«По донесению ортскоменданта Джанкоя в лагере свирепствует голод и ожидается вспышка эпидемии. Поэтому необходимо уничтожить лагерь. СД отказывается этим заниматься, ссылаясь на нехватку людей, и требует, чтобы полевая жандармерия выполнила эту задачу. В принципе не следует использовать силы полевой жандармерии для подобных заданий. Только после того, как мы согласились предоставить силы полевой жандармерии для заграждения, начальник СД дал приказ приступить к выполнению задачи. Она, по всей видимости, будет выполнена 2 января».[43]

Это донесение еще раз подчеркивает участие и инициативу армии в истреблении евреев. О расстреле евреев Джанкоя рассказал Дмитрий Панкеев:

«В 70 метрах от моего дома находился противотанковый ров... В начале февраля 1942 г., в 10 часов утра, район был окружен немецкими солдатами и татарами-добровольцами. Через час показалась колонна, и в ней шли примерно 1.000 человек, в сопровождении немцев... Расстрел продолжался четыре часа... Затем немцы погрузили вещи расстрелянных на машины, оставили охранников и уехали. После их отъезда пришла группа военнопленных под конвоем татарских добровольцев и стала закапывать ров...»[44]

Согласно некоторым показаниям, в Джанкое расстреляли 720 евреев. На том же месте были собраны и расстреляны еще 110 евреев из Патендорфского сельсовета, а также 112 евреев из колхоза Фрайфельд Тельманского района.[45]

Г. УНИЧТОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Одновременно с уничтожением в крымских городах немцы истребили еврейское население в селах и в 86 колхозах. В Крыму сравнительно с другими районами СССР проживало большое количество сельских еврейских жителей – примерно 17.000 человек.[46] В число еврейских колхозников входили и около 1.000 горских евреев (татов), пришедших в Крым с Кавказа во второй половине 20-х годов. Основная часть еврейских колхозов находилась в двух национальных районах – Лариндорф и Фрайдорф, остальные были разбросаны по территории Крыма. В колхозах с еврейским населением проживали и люди других национальностей: русские, украинцы и татары. В некоторых поселениях евреев было несколько сотен и они составляли большинство жителей, в других проживали отдельные еврейские семьи. Истребление евреев-крестьян проходило с ноября 1941 г. по март 1942 г. До того у еврейских земледельцев отобрали скот и урожай, и люди голодали. Для поимки евреев во множестве сел немцы пользовались добровольными услугами сельских старост, местных полицаев, а также некоторых крестьян, которые получали за помощь нацистам еврейскую землю и имущество. Это сотрудничество основывалось на отрицательном отношении многих крестьян к еврейскому сельскохозяйственному поселенчеству, начавшемуся в Крыму еще в 20-е годы.[47]

В каждом из подразделений айнзацгрупп, занимавшихся истреблением сельских евреев, было всего 8-10 человек, им помогали полицаи и местные пособники. Евреев Фрайдорфского района расстреляли в течение ноября и первой половины декабря 1941 г. Вот свидетельство советской ЧГК:

«В деревне Перец-фельд 15 ноября 1941 г. карательный отряд немцев в составе 9 человек во главе с немецким офицером под силой оружия согнал в помещение клуба все население еврейской национальности в количестве 103 человека, затем фашистские изверги погнали всех людей в хутор Топчарлы, расположенный в 3-х км от дер. Перец-фельд, где расстреляли всех до единого и трупы были брошены в безводный колодец глубина которого достигла 80 – 90 метров... В деревне Фрилинг еврейское население в количестве

7 человек было вывезено за деревню и расстреляны… В деревню Аманша Кадышского сельсовета... 23-го ноября 1941 г. прибыла автомашина гестаповцев в количестве 8 – 10 человек, которые согнали все еврейское население в количестве 183 – 200 евреев, затем погнали за деревню к безводному колодцу находившемуся от деревни на расстоянии одного километра и там учинили зверскую расправу над ними… Трупы расстрелянных были брошены в колодец…

В деревне Мунус Еврейский Кадышского сельсовета 23 ноября 1941 г... еврейское население в количестве 104 человек... расстреляли, а трупы бросили в бездействующий колодец… Они [немцы] вырывали детей из рук матерей и живыми бросали в колодец… В селе Найброт Старобурнакского сельсовета в ноябре 1941 г… все еврейское население в количестве 26 человек вывезли за деревню и всех расстреляли… В поселке Фрайдорф... 21 ноября 1941 г. карательный отряд немцев расстрелял 64 человек еврейской национальности трупы которых были сброшены в колодец, находящийся в 800 метрах от Фрайдорфа… В селе Бузул-Монтанай Такильского сельсовета... 7-го декабря 1941 г… карательный отряд, собрав все еврейское население числом в 141 человек под видом эвакуации расстрелял всех возле колодца, вблизи поселка Фрайдорф. Трупы расстрелянных были сброшены в колодец. В селе Кары Отешского сельсовета... в ноябре – декабре 1941 г… карательный отряд собрав все еврейское население в количестве 136 человек расстрелял всех у колодца, возле мельницы, сбросив все трупы в колодец…»[48]

В конце документа указываются фамилии местных жителей, которые принимали участие в расстрелах на территории Фрайдорфского района, и среди них начальник местной полиции Калашник, староста села Перец-фельд Колодин, староста села Найброт Щеглов и староста села Фрилинг Алексанов.

Советская комиссия по расследованию злодеяний захватчиков в Евпаторийском районе описала уничтожение здешних еврейских колхозников:

«Многих жителей района, мужчин, женщин, стариков и детей, немецкие палачи сгоняли из деревень в Евпаторию и там их расстреливали вместе с городскими жителями, на Красной Горке. В колхозах Икор, имени Шаумяна, Колвиртник, имени Кагановича, имени Молотова, Красный Кавказ, колхоз имени Калинина, в Караевскм сельсовете – после долгих пыток и издевательств, фашистские звери расстреляли все еврейское население. В колхозе Икор немцы вывели всех евреев за 2 км от села, в местности Карчи расстреляли их. Всего здесь было расстреляно 36 человек – женщины, старики и дети… Расстрелянные были брошены в глубокий колодец. Как показали свидетели… многие были брошены в колодец еще живыми. Таким же образом были расстреляны и в деревни Найдорф 41 чел., в колхозе им. Молотова 46 чел., в колхозе Караева 19 чел… При вскрытии ямы в колхозе им. Шаумяна было обнаружено 97 трупов

стариков, женщин и детей. По показаниям свидетелей установлено что все они были расстреляны 4 марта 1942 г... Комиссией установлено, что по неполным данным в Евпаторийском районе было убито и замучено более 500 советских граждан...»[49]

В отчёте приводятся имена офицеров немецкой военной администрации района, а также указано: *«Наряду с ними виновниками вышеуказанных зверств являются предатели и изменники Родины Жуковская, Обухов...»*

Из расстрелянных еврейских жителей колхоза имени Шаумяна 97 были горскими евреями.[50] Перед акцией уничтожения в колхоз им. Молотова прибыло подразделение немецкой жандармерии. Происходившее там описывается в отчете советской комиссии:

«Оцепив деревню, начали собирать евреев, которые бежали... Легковая машина [с жандармами] догоняла их и убивали на месте. Проделав это уехали оставив в деревни несколько своих жандармов и целую ночь была облава с помощью полицейских нашей деревни... 21 человек нашли убежище в яме выкопанной ими в степи, где они прожили несколько месяцев приходя в деревню за хлебом. По инициативе старосты собравшего мужчин была сделана засада у дома колхозницы Березюк, к которой евреи приходили за едой, и поймали их. Они были заперты в доме канцелярии под охраной полицейских нашей деревни. Утром вызвали румынов, которые избивали арестованных добиваясь о месте где находятся их семьи. Узнав где находятся семьи, собрали и повезли в деревню Богай где были зверски убиты».[51]

Похожие случаи – не только доносительство, но и захват прячущихся евреев и сдача их немцам или румынам, а иногда и их уничтожение руками местных полицаев,– имели место в колхозе Икор и в других местах.[52] В отчете советской комиссии по расследованию описывается расстрел еврейских колхозников Колыйского района на юго-востоке от Джанкоя:

«В начале февраля месяца 1942... в Майфельдскую среднюю школу были собраны жители деревни Майфельд и колхозов Свердлов, Най-Вег, Фрилинг, Фрай-Лебен, Октябрь, Спартак, Амикдар и Калинин, всего более 1.000 человек. Большинство составляли женщины, дети и старики... Всех собранных граждан заперли в помещении школы, продержали там несколько дней, а затем отобрав у них ценные вещи и одежду, раздели их догола, начали группами выводить в виноградник к противотанковому рву и начали их расстреливать. Сначала расстреливали женщин, детей и стариков. Мужчин заставили расстрелянных засыпать землей. После этого были расстреляны все мужчины. Были такие случаи, когда при расстреле маленькие дети, особенно грудные, оставались живые, то тогда немецкие изверги их бросали в ямы и живыми зарывали. Тех, кто был болен или по какой-либо причине не смог явился в школу, расстреляли на месте где их застали немецкие палачи...»[53]

В Сакском районе к юго-востоку от Евпатории находилось три села,

в которых проживали евреи: колхоз имени Сталина, колхоз «Политотделец» и колхоз имени Молотова. В отчете советской комиссии указывается, что в Сакском районе было убито 529 человек[54] – подавляющее число которых, а возможно, и все, были евреи.

Еврейский национальный район Лариндорф располагался к востоку от Симферополя. Информация об истреблении евреев на территории района очень неполная, она относится к колхозам со смешанным населением, благодаря чему сохранились очевидцы убийства. В отдельных колхозах, где проживали только евреи, не осталось свидетелей, способных рассказать о том, что там происходило. В отчете советской комиссии в Лариндорфском районе указывается, что в этом районе – в селах Свердловка, Каменка, Фрунзе, Лекерт, Дер-Эмес и Идендорф – убито 370 евреев.[55]

В районном центре Старый Крым в январе 1942 г. собрали евреев всего района и там расстреляли. Из 895 жертв по району 667 – жители Старого Крыма.[56] В донесении айнзацгруппы от 9 января 1942 г., посвященном уничтожению сельских евреев, сказано:

«...Небольшие села очищены от евреев. В период времени, к которому относится это донесение, было уничтожено 3.176 евреев...»[57]

Здесь речь идет о первой половине декабря 1941 г., когда истребление сельских евреев только началось. Между 15 и 31 января 1942 г. айнзацгруппы сообщили об уничтожении 3.286 крымских евреев; между 1 и 15 февраля были убиты 920 евреев; а во второй половине февраля – еще 729 евреев. В первой половине марта 1942 г. арестовано и расстреляно еще 678 евреев.[58]

С ноября 1941 г. по март 1942 г. было уничтожено все сельское еврейское население Крыма. Подразделения айнзацгрупп совместно с сельскими старостами и местной полицией не пропустили ни одного населенного пункта. Об энтузиазме старост говорится в донесении айнзацгруп от 12 декабря 1941 г.: *«Старосты просят разрешить им самостоятельно истреблять евреев».*[59]

В убийствах крымских евреев участвовавли подразделения татарских добровольцев. В Крыму был создан «Крымский мусульманский комитет», занимавшийся, в частности, набором добровольцев на немецкую службу из числа советских военнопленных, а также из крымско-татарского населения. В январе 1942 г., в Симферополе при айнзацкоманде 11 была создана рота татарских добровольцев. Рота успела принять участие в операциях уничтожения в сельской местности и в «охоте» на евреев, скрывавшихся в городах. О деятельности роты рассказал на допросе Амед Диншаев, курсант офицерской школы, дезертировавший из Красной Армии и добровольно поступивший на службу к немцам:

«В январе 1942 г. при СС была создана рота состоящая из добровольцев, по национальности татар... С первых же дней всех нас снабдили вещами расстрелянных евреев, а впоследствии мне дана была квартира, ранее принадлежавшая еврейской семье... Со второй половины февраля добровольцы моего взвода... вместе с не-

мцами ездили на аресты… В марте 1942 г. рота начала посылаться на расстрелы советских граждан, арестованных СС. Руководимый мной взвод ездил на расстрелы семь или восемь раз…»[60]

В Крыму акции уничтожения проходили по тому же сценарию, что и в других частях СССР. В некоторых регионах расстрел проводился небольшим передвижным подразделением айнзацкоманды 11, уничтожавшим евреев в местах их проживания. Существование колодцев избавляло подразделения СС от рытья ям. К концу марта 1942 г. евреев в Крыму не осталось, за исключением находившихся в Севастополе, еще не захваченном немцами. В донесении айнзацгруппы от 8 апреля 1942 говорится:

«Не считая небольших групп, обнаруживаемых время от времени в северном Крыму, евреев, крымчаков и цыган не осталось. Опыт последних недель доказывает, что даже те, кому удалось скрыть свою национальность, рано или поздно будут раскрыты. Во второй половине марта было расстреляно 1.501 человек. Среди них 588 евреев, 405 коммунистов и 247 партизан…»[61]

В результате доносов или облав, проводимых айнзацшруппами с помощью военных сил, расстрелы одиночных евреев и целых семей продолжались весь период оккупации.[62] К весне 1942 г. в Крыму было расстреляно примерно 35.000 евреев. В Севастополе тогда оставалось еще 4.000 – 5.000 евреев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Караимы – еврейская секта, не соблюдающая положения Талмуда. Секта возникла во второй половине VIII века.
2. Крымчаки – евреи, жители Крыма со времен эллинизма. Название «крымчаки» по отношению к этой группе впервые было применено в 1859-м году. Крымчаки признают законы Талмуда и с религиозной точки зрения считаются евреями.
3. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports,* 145, p. 256. В донесении от 12 декабря 1941 г. указано, что в Крыму находится примерно 40.000 евреев, четверть из них – в Симферополе.
4. Шмуэль Спектор, *Караимы оккупированной нацистами Европы в зеркале немецких документов* (иврит), Паамим, 1986, 29, с. 93 (далее: Спектор, *Караимы*…).
5. Архив Яд Вашем, TR-10/1076, с. 61 – 62.
6. *Там же*, JM/5626, ff 4907884; Warren Paul Green, *The Nazi Racial Policy toward the Karaites,* в сб.: *Soviet Jewish Affairs*. – London, 1978, pp. 37 – 38 (далее: Green, *The Nazi Policy*…).
7. Спектор, *Караимы...*, с. 95.
8. *Там же*, с. 95; Green, *The Nazi Policy*…, p. 38.
9. Спектор*, Караимы…,* с. 96.
10. В Варшавском гетто немцы обратились к профессору Меиру Балабану и д-ру Ицхаку Шиферу, в Вильнюсе к ученому Зелику Калмановичу, во Львове к д-ру Лейбу Ландау и д-ру Якову Шаль. См: Спектор, *Караимы*…, с. 97 – 98; Green*, The Nazi Policy*…, pp. 39 – 40; Зелик Калманович, *Дневник Вильнюсского гетто (иврит)*. – Тель-Авив, 1977, с. 76, 90 (далее: Калманович, *Дневник*…).
11. Green, *The Nazi Policy*…, pp. 40 – 41; письмо обергруппенфюрера СС Готлиба Бергера, ответственного за главную канцелярию СС (Hauptamt SS), штандартенфюреру СС Карлу Бранд, в котором указывается, что следует относиться к караимам как к другим тюркским народам.

12. *Ibid*, с. 40. Грин пишет, что 500 – 600 караимов служили в немецкой армии, в татарском легионе.
13. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...,* №142, p. 250.
14. *Ibid*, №157, p. 286. В этом донесении от 19 января 1942 г. говорится о расстрелянных евреях и партизанах и подчеркивается, что в расстреле принимала участие татарская «рота самообороны», организованная зондеркомандой 10-б.
15. Нюрнбергские документы, декларация Брауне от 8-го июля 1947 г., NO-4234.
16. Архив Яд Вашем, М-53\106.
17. Arad et. al. *Неизвестная…*, p. 352. Свидетельство Евсея Гофштейна.
18. *Ibid*, p. 354.
19. *Ibid*, p. 357, 372.
20. Архив Яд Вашем, М-33/68, М-33/88; Гитель Губенко, *Книга Печали*. – Симферополь, 1991, с. 17 (далее: Губенко, *Книга Печали…*).
21. Свидетельство Владимира Яковлевича, архив Яд Вашем, М-33/88.
22. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…,* 170, p. 296.
23. *Ibid*, p. 265.
24. Архив Яд Вашем, М-33/77, с. 3 (ГАРФ, фонд 7021, опись 9, дело 57).
25. *Там же*.
26. Донесение комендантуры № 1/287 от 16-го ноября 1941 г., архив Яд Вашем, М-53/106.
27. Губенко, *Книга Печали…*, с. 58, фотография приказа.
28. Архив Яд Вашем, М-33/76, М-33/78.
29. Губенко, *Книга Печали…,* с. 59, фотография приказа.
30. Архив Яд Вашем, М-33/82 (ГАРФ, фонд 7021, опись 9, дело 80).
31. Губенко, *Книга Печали…*, с. 33.
32. Донесение комендантуры № 1/287 от 22-го ноября 1941 г., Архив Яд Вашем, М-53/106.
33. *Там же*, М-33/60, М-33/61; Губенко, *Книга Печали...*, с. 21
34. Гроссман и Эренбург*, Черная Книга*, с. 245 – 246.
35. Губенко, *Книга Печали…*, с. 25 – 26. На стр. 65 приводится фотография приказа.
36. *Там же*, с. 26 – 28. Свидетельства схваченных по доносу в декабре евреев, которые были ранены во время расстрела и сумели спастись.
37. *Там же*, с. 25.
38. Архив Яд Вашем, М-33/61, с. 9.
39. Донесение комендантуры № 1/287 от 7 декабря 1941 г., архив Яд Вашем, М-53/106.
40. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…*, 150, p. 267.
41. Отчет советской комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний в Ялте от 17 июля 1944 г., Архив Яд Вашем, М-33/368.
42. *Там же*.
43. Нюрнбергские документы, NOKW-1866. Донесение подписано майором Тейхманом.
44. Архив Яд Вашем, М-33/87. Показания даны 14 июля 1944 г.
45. Губенко, *Книга Печали…*, с. 35 – 36; Архив Яд Вашем, М-33/75 (ГАРФ, фонд 7021, опись 9, дело 49). В Тельманском районе находились и другие колхозы, в которых проживали еврейские семьи, например, «Ворошилов» и «Новая заря». Евреям колхоза «Ворошилов», перед тем, как их увели на расстрел, сказали: «Возьмите ценности, лучшие вещи и пищу на 10 дней. Вас отправляют в Палестину».
46. Кантор, *Сто лет борьбы…*, с. 241.
47. См. главу 4, раздел Е.
48. Архив Яд Вашем, М-33/85 (ГАРФ, фонд 7021, опись 9, дело 84).
49. *Там же*, М-33/81 (ГАРФ, фонд 7021, опись 9, дело 79).
50. *Там же.*
51. *Там же,* отчет сельсовета села Дуброшин, на территории которого находился колхоз им. Молотова.

52. *Там же,* отчет сельсовета села Икор.
53. *Там же*, М-33/79 (ГАРФ, фонд 7021, опись 9, дело 61).
54. *Там же*, М-33/64 (ГАРФ, фонд 7021, опись 9, дело 44). В колхозе им. Сталина в конце 1941 г. было убито около 200 евреев. В колхозе «Политотделец» в феврале 1942 г. убито 57 евреев. В марте 1942 г. в колхозе им. Молотова 15 евреев расстреляли и бросили в колодец. Перед уходом из села немцы бросили в колодец три гранаты.
55. *Там же*, М-33/63. Данные по каждому селу:

- В Свердловке 7 декабря 1941 г. 99 местных евреев и 10 – 20 евреев из окрестных сел пригнали к колодцу, находившемуся в 400 метрах от села. Взрослых расстреливали и тела бросали в колодец, а детей бросали живыми. В конце акции колодец забросали гранатами.
- В Каменке в январе 1942 г. убит 61 еврей, тела сброшены в колодец в двух км от села.
- Во Фрунзе в конце февраля 1942 г. расстреляны 17 евреев, их тела сброшены в колодец в трех км от места.
- В селе Лекерт в феврале 1942 г. расстреляны 47 местных евреев, которых похоронили жители села.
- В селе Дер-Эмес 28 февраля 1942 г. расстреляны 24 еврея. Их похоронили в противотанковом рву в 500 метрах от села.

В Идендорфе в начале 1942 г. расстреляли 20 евреев.

56. Губенко, *Книга Печали…*, с. 36 – 37.
57. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…*, 153, pp. 272 – 273.
58. *Ibid*, №165, p. 292; №170, p. 296; №178, p. 309; №184, p. 317.
59. *Ibid*, №145, p. 256.
60. Архив Яд Вашем, М-33/88.
61. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports…*, 190, pp. 325 – 326.
62. *Idid*, №193, p. 331 – 332. В донесении описываются три облавы, проведенные подразделением айнзацгруппы Д в Феодосии в первой половине апреля 1942 г. В каждой операции участвовало 350 солдат армии. В этих облавах было схвачено и расстреляно 30 евреев. Подобные облавы имели место и в других городах Крыма.

ГЛАВА 20

СОУЧАСТИЕ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ В АНТИЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А. ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ И ЕГО УКАЗАНИЯ ВОЙСКАМ.

Выше уже указывалось, что по соглашению от 4 апреля 1941 г. между СС и армией последняя обязалась предоставлять айнзацгруппам свободу действия и оказывать им поддержку в таких вопросах, как снабжение продуктами питания, горючим и т.д.[1] От армии не требовалось участвовать в карательной деятельности айнзацгрупп. Однако она по собственной инициативе и из солидарности с нацистской идеологией перешла грань между предоставлением свободы действия эсэсовским подразделениям на подвластных армии территориях и прямым участием вермахта в массовых казнях.

Еще при подготовке вторжения в Советский Союз в руководящих документах вермахта были заложены основы политики жестокого террора, которую предстояло проводить немецкой армии на оккупированных территориях СССР. Евреи определялись как «враждебный элемент», против которого необходимо применять «жестокие и решительные меры».

Армия и подчиненная ей военная администрация проводили следующие антиеврейские мероприятия: регистрация евреев, их отметка белыми повязками или желтыми нашивками, использование евреев на принудительных работах, заключение в гетто, изнурение голодом, изъятие ценностей и имущества, захват заложников в количествах, значительно превышающих число заложников других национальностей и т.д. Чем труднее и продолжительнее становилась война и чем больше погибало германских солдат, тем жёстче действовала против евреев немецкая армия. Генерал Кейтель, начальник штаба ОКВ, издал 12 сентября 1941 г. приказ под заголовком «Евреи на оккупированных восточных территориях», где писал:

«Борьба с большевизмом требует принятия беспощадных и энергичных мер, прежде всего, против евреев, главных носителей большевизма. Поэтому не может быть никакого сотрудничества между вермахтом и еврейским населением, которое занимает позицию, явно или скрыто враждебную Германии, и не может быть никакого использования отдельных евреев с целью оказания вермахту каких- либо особых услуг. Военные учреждения ни при каких обстоятельствах не могут выдавать евреям документы, подтверждающие, что их владельцы заняты на работах для нужд вермахта. Единственным исключением может быть использование евреев в специально организованных рабочих колоннах, которые будут работать только под немецким надзором».[2]

Этот приказ появился в период, когда волна уничтожения достигла своего пика. Цель его – оправдание убийств, или, как назвал их Кей-

тель, «беспощадных и энергичных мер», а также предотвращение возможного спасения тысяч евреев в гетто – тех, кто работал на военных предприятиях и имел удостоверения, дающие, хоть бы и временно, право на жизнь этим рабочим и членам их семей. Приказ разрешал использовать трудоспособных евреев «в специально организованных рабочих колоннах», имея в виду содержание в рабочих и концентрационных лагерях. Всех остальных надлежало бросить на алтарь «борьбы с большевизмом».

Солдаты, становившиеся свидетелями акций уничтожения евреев, не раз присоединялись к айнзацгруппам или к другим подразделениям СС и полиции и по собственной инициативе принимали участие в казнях. Армия положительно относилась к подобным акциям и оказывала им поддержку, однако не могла, по соображениям военной дисциплины, смириться со своевольными действиями солдат, участвовавших в ограблениях и убийствах, и даже фотографировавших происходящее. Это явление стало настолько массовым, что потребовались особые указания. Так, 8 августа 1941 г. появился приказ генерала Ганса фон Салмута, командующего 30-м корпусом 11 армии:

> *«Необходимо любыми средствами сломить фанатичное стремление членов коммунистической партии и евреев задерживать любой ценой продвижение немецкой армии. Поэтому во имя безопасности армий на тыловых территориях необходимо принять самые жёсткие меры. Задача эта возлагается на зондеркоманды [полиции безопасности]. В некоторых случаях в проведении такого рода неприятных акций участвовали военнослужащие. На будущее я приказываю: в акциях такого рода должны участвовать только те солдаты, которые получили об этом недвусмысленный приказ. Я также запрещаю всем подчинённым мне солдатам участвовать в акциях в качестве наблюдателей. Солдаты, получившие приказ участвовать в акциях такого рода, должны находиться под командованием офицера».*[3]

24 сентября фон Рундштедт опубликовал приказ группе армий «Юг», озаглавленный «Борьба с враждебными Рейху элементами». Такими элементами в приказе объявлялись евреи и коммунисты, и задача борьбы с ними возлагалась исключительно на полицию безопасности. Отдельным солдатам запрещалось участвовать по собственной инициативе в еврейских погромах, инициируемых украинским населением.[4] Этот приказ Рундштедт отдал не из соображений гуманности и не из желания оградить армию от участия в убийстве евреев. Его целью было устранить любые помехи организованному проведению акций айнзацгруппами. Приказ появился после жалобы со стороны айнзацгруппы С в штаб Рундштедта на погром евреев, проведенный немецкими солдатами совместно с украинскими полицаями 21 сентября 1941 г. в Умани. По утверждению командования айнзацгруппы, погром помешал проведению операции уничтожения, запланированной айнзацкомандой 5, и в результате нескольким евреям удалось бежать.[5] Впрочем, запрещая отдельные самостоятельные действия против «враждебных элемен-

тов», приказ разрешал командирам выделять армейские подразделения для участия в истребительных операциях.

Командующий 6 армией, входившей в группу армий «Юг», генерал-фельдмаршал фон Райхенау выпустил 10 октября 1941 г. директиву «Поведение армии в восточных областях», содержащую, наряду с практическими, идеологические аргументы в пользу истребления евреев:

«Основной целью военного похода против юдо-большевистской системы является полный разгром и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру. В этой области перед войсками стоят задачи, находящиеся вне сферы обычных обязанностей веннослужащих. Солдат на востоке является... носителем национальной идеи (volkischen Ideen)... Поэтому солдат должен глубоко осознать необходимость принятия мер, строгих, но справедливых, против еврея – недочеловека. Другая цель заключается в подавлении в зародыше восстаний в тылу вермахта, источником которых являются, по опыту, евреи... Таким образом, мы выполняем свою историческую миссию – освобождение немецкого народа от азиатско – еврейской опасности».[6]

28 октября 1941 г. ОКХ распространил директивы Райхенау среди всех армейских подразделений восточного фронта, и указал, что фюрер дал высокую оценку этому посланию. Фельдмаршал Райхенау был тем самым командиром, который приказал расстрелять около ста еврейских детей в Белой Церкви 21 августа. 20 ноября 1941 г. Командующий 11 армией генерал фон Манштейн опубликовал свою версию документа Райхенау в приказе войскам, действовавшим в то время в Крыму:

«С 22-го июня немецкий народ ведет смертельную борьбу, с большевистской системой... Эта борьба идет и в тылу... Евреи являются связующим звеном между врагом в тылу и остатками все еще воющей Красной Армии... Необходимо раз и навсегда... искоренить юдо-большевистскую систему... Солдат должен понимать необходимость сурового наказания евреев, духовных носителей большевистского террора, а также необходимость подавления в зародыше всех беспорядков, которые затеваются преимущественно евреями...»[7]

Основой подобных руководящих указаний являлось утверждение, что война ведется против «азиатского варварства, руководимого юдо-большевизмом», угрожающего завладеть Европой и уничтожить ее культуру. Следовательно, были «оправданы» все защитные меры, даже истребление. Содержание и дух этих приказов нашли выражение в газетах и системе армейской пропаганды. Они придавали видимость законности помощи, которую оказывала военная администрация структурам СС в убийстве евреев, и участию вермахта в акциях уничтожения. Такие приказы явились как бы продолжением армейских распоряжений накануне вторжения в СССР, но в них чувствовалось ужесточение антиеврейской линии. К концу 1941 г. рассеялась иллюзия быстрой войны, армию ждала трудная и упорная борьба на фронтах, и поэтому

командование ощутило необходимость поднять мораль и укрепить мотивацию среди солдат.

Б. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ КАК АКТИВНОГО АНТИНЕМЕЦКОГО ФАКТОРА

Уничтожение евреев на оккупированных территориях СССР, проходившее открыто, на глазах дислоцированных там войск, как правило, воспринималось с пониманием и согласием, а иногда – с восторгом.[8] Но среди солдат и офицеров находились, особенно в первые месяцы войны, и несогласные с тотальным уничтожением евреев, главным образом женщин и детей.[9] Для того, чтобы уничтожение евреев вызывало наибольшую солидарность военнослужащих, утверждалось, что евреи на оккупированных территориях являются основными проводниками антинемецкой пропаганды, а также зачинщиками террористических актов и партизанской деятельности. Поэтому подчеркивалось, что евреи – не только идеологический враг и ведущая сила в стране коммунизма, против которой армия ведет войну, но и главный инициатор сопротивления на уже оккупированных территориях, создающий опасность для жизни солдат в тылу. Подобная пропаганда представляла еврея конкретным и близким врагом, жертвой которого мог стать любой солдат.

В действительности не существовало никаких оснований считать евреев творцами партизанской войны. В начале оккупации на занятых территориях имели место несколько значительных диверсионных операций – в центре Киева и Одессы спустя несколько дней после вступления нацистов взорвались здания, в которых погибли офицеры и солдаты захватчиков (в Одессе, в основном, румынские). Немецкой армии было известно, что по приказу советского руководства эти здания были заминированы накануне отступления Красной Армии, а сами взрывы произвели группы НКВД, оставленные на местах для этой цели. Однако ответственность за эти диверсии была возложена на евреев. Она оправдывала убийства десятков тысяч евреев в Киеве и Одессе, а также убеждала военных и эсэсовских исполнителей убийства в том, что ради личной безопасности и во имя победы необходимо уничтожить евреев.

Айнзацгруппы были первыми, в донесениях которых уничтожение евреев стали представлять в качестве возмездия за антинемецкие действия евреев, тем самым оправдывая акты убийства. От них эта тенденция перешла к армии и военной администрации. Вот что пишет по этому поводу немецкий исследователь Кристиан Страйт :

«Включение солдат, не являющихся антисемитами, в процесс уничтожения, стало легче после того, как евреев начали отождествлять с партизанским движением… Армия рада была оставить основную борьбу с этим движением в руках айнзацгрупп… У айнзацгрупп также имелись полномочия устанавливать, кто партизан, а кто нет. Этим путем они влияли на солдат, которые могли успокоить свою совесть, сказав себе, что сотни расстрелянных были партизанами… Командиры карательных подразделений с самого начала постара-

лись представить убийства в этом свете. Они говорили о «карательных акциях», и о «мерах возмездия за жестокость большевиков», о «коммунистических агитаторах», о «содействии партизанам» и «диверсиях». Несмотря на то, что эти вымыслы были хрупкими и безосновательными, не следует недооценивать их важность в избавлении от последних оставшихся душевных препятствий».[10]

Во многих десятках донесений айнзацгрупп убийство евреев представлено как наказание за антинемецкие действия вроде поджогов, за отказ переселиться в гетто и создание опасного источника заразных болезней, за диверсионные и террористические акты, а также за помощь и участие в партизанской деятельности. В Минске евреев обвинили в поджоге целого района города, где они проживали, в ответ на требование освободить дома для белорусских беженцев. В пожарах, имевших место в Житомире, Киеве, Невеле и в ряде других городов, тоже обвинили евреев.[11]

Вот что написано в эсэсовском рапорте от 23 июля 1941 г., спустя месяц после вторжения, о настроениях местного населения оккупированных территорий:

«Сведения о том, что еврейские круги занимаются подстрекательством и распространением антинемецкой пропаганды доходят до нас все чаще и чаще. Они пытаются вселить в белорусов ужас, напугать их, и поэтому последние опасаются проводить погромы».[12]

В другом донесении говорится:

«Поведение евреев носит враждебный и наглый характер. Они – основной источник антинемецкой пропаганды».[13]

В Хиславичах, что к югу от Смоленска, евреев обвинили в попытке посеять панику, распространяя лживые слухи о приближении Красной Армии. В назидание были убиты 114 местных евреев.[14] В Тальке, возле Минска, расстреляли 222 еврея, которые, согласно донесению, «постоянно проводили антинемецкую пропаганду в среде населения и вселяли в людей страх.»[15] Другим оправданием актов убийства евреев являлось их «провокационное поведение» либо «нарушение приказа». В донесении от 14 ноября 1941 г. написано:

«В связи с большим количеством жалоб на их провокативное поведение в Горках (к северо-востоку от Могилева) и окрестностях, в восьми населенных пунктах были уничтожены 2.200 евреев разного возраста... Они нарушили приказы немецких властей... В Мстиславле, в 80 км к востоку от Могилева, уничтожены 900 евреев за нарушение приказов и предоставление крова, пищи и одежды партизанам... В Могилеве уничтожены 3.726 евреев обоих полов и разного возраста. Меры эти были необходимы, поскольку с момента захвата Могилева немецкой армией евреи игнорировали авторитет немецких властей. Несмотря на ранее принятые меры, евреи не оставили свою антинемецкую деятельность (диверсии, помощь партизанам, отказ выйти на работу и т.д.)... и не было больше возможности это терпеть...»[16]

В другом рапорте айнзацгрупп уничтожение 5.281 еврея в Бобруйс-

ке мотивируется, в частности, их связями с партизанами и провокациями по отношению к немецким оккупационным властям.[17]

Вот выдержки из донесений айнзацгрупп: «Вооруженные евреи и коммунисты были сброшены на парашютах в немецкий тыл для организации групп сопротивления» (один из первых рапортов, посвященных этой теме),[18] «До настоящего момента уничтожен 551 еврей, из них 151 за участие в диверсионной деятельности, и 400 в качестве возмездия за выстрелы в сторону немецкого медицинского транспорта, а также за световую сигнализацию красным летчикам» (рапорт о Кишиневе);[19] «Около 400 евреев, большинство из которых диверсанты и политические деятели, были уничтожены за последнее время... В Коростышеве уничтожено 40 евреев по обвинению в диверсии, шпионаже и ограблении... Евреи терроризируют население и поддерживают тесные связи с партизанами района...» (рапорт о Житомире и окрестностях).[20] В донесении, относящемся к району восточнее Житомира, говорится:

«В районе города Брусилов-Корнин организовались еврейско-большевистские банды, которые терроризируют украинское население... Они поджигают дома ручными гранатами, воруют животных и транспортные средства... Евреи пытались заблокировать въезд в Хмельник с помощью натянутой вдоль шоссе веревки и тем самым нанести урон транспорту... В связи с подобными, не имеющими прецедента, действиями евреев, мы намереваемся собрать евреев из ряда населенных пунктов и уничтожить их...»[21]

И в отчётах айнзацгрупп, относящихся к районам действия военной администрации в восточной Белоруссии и центре России, убийства евреев мотивировались их помощью партизанам. Вот примеры:

«Имеется подтверждение тому факту, что евреи Борисова проводили различные диверсии. В рамках акции по очищению был уничтожен 321 еврей. Есть подозрение, что в районе Смиловичей евреи, вместе с партизанами и другими уголовными элементами, несколько раз взрывали железнодорожный путь Минск – Смоленск. При участии команды из Минска расстрелян 1.401 еврей в Смиловичах» (донесение от 9 октября 1941 г.).[22]

«В Шклове, расположенном на расстоянии 50 км к северу от Могилева, неоднократно имели место диверсии, в основном разрыв телефонных линий армии. Расследование установило, что шкловские евреи замешаны в этой диверсионной деятельности, и поэтому 627 евреев были уничтожены. В дальнейшем еще 812 мужчин и женщин подверглись «особому обслуживанию» (отчёт от 25 октября).[23] *Поскольку евреи в Паричах (в окрестностях Бобруйска) проявляли враждебное отношение к немцам и поддерживали тесные связи с партизанами, была проведена особая акция, в которой были расстреляны 1.013 евреев и евреек. И в Рудне, что в окрестностях Смоленска, возникла необходимость в проведении широкомасштабной акции, вызванная помощью, оказываемой евреями партизанам... Там были расстреляны 835 евреев обоих полов... Надежные агенты докладывают, что многие гомельские партизаны*

все еще получают различными путями поддержку от евреев. В связи с этим в Гомеле, Рогачеве и Корме прошла особая акция. Всего было расстреляно 2.365 евреев. В продолжение антипартизанских мер, принятых 221-й дивизией безопасности при помощи подразделения айнзацкоманды 9… возникла необходимость в повторении действий в городах Климовичи и Чериков, где евреи проявили свое враждебное отношение к немцам и поддержку партизанам. Там в общей сложности было расстреляно 786 евреев обоих полов» (донесение от 19 декабря 1941 г.)».[24]

Немецкая армия приняла пропагандистскую линию донесений айнзацгрупп, представляющую евреев в роли активных помощников партизанского движения, и согласилась с необходимостью их уничтожения. Линия эта, связавшая евреев с партизанами, в октябре – ноябре 1941 г. стала проявляться в армейских приказах и отчетах разного уровня. В приказе командования армии в Белоруссии от 13 ноября 1941 г. в разделе «Положение врага» говорится: «В результате операций, проведеных в последнее время, становится очевидным, что число евреев в рядах партизан возросло».[25]

Упоминание евреев под заголовком «Положение врага» давало однозначное разрешение уничтожать их как конкретных врагов, вред от деятельности которых увеличивался на протяжении войны. Командование армии в Белоруссии 8 декабря 1941 г. рапортовало о событиях в ноябре:

«…Средства, применяемые против евреев, разносчиков большевистских идей и лидеров партизанского движения, имеют полный успех. Концентрация евреев в гетто и их уничтожение, предотвращение дальнейших партизанских действий и подстрекательства со стороны переселенных евреев наилучшим образом способствуют успокоению в регионе».[26]

В другом донесении от 4 февраля 1942 г. командования 707 пехотной дивизии, ответственной за безопасность на тыловых территориях Белоруссии, евреи вновь упоминаются в связи с партизанами:

«Евреи, еще большее число которых находится сейчас в партизанских бандах, где их также снабжают оружием, продолжают перемещаться с места на место…».[27]

А в донесении того же командования от 4 марта 1942 г. сказано:

«В качестве доказательства отмеченного ранее факта, что евреи в любом случае являются врагами Германии, можно привести следующий пример: согласно многочисленным сведениям, в партизанских отрядах находятся еврейки, видимо, в качестве медсестер и на кухне».[28]

Партизанская деятельность описывается с преувеличениями, а информация о наличии евреев в рядах партизан в этот период не имеет под собой основания. Тогда, в начале 1942 г., нацистами уже были истреблены сотни тысяч евреев, а партизанское движение еще находилось в стадии становления. В регионах, аннексированных Советским Союзом в 1939 – 1940 гг., оно вообще не существовало, а в старых

областях СССР имелись только группы солдат, и также некоторое количество активистов – коммунистов, не успевших эвакуироваться и не хотевших попасть в плен. Они, в основном, были озабочены выживанием в условиях леса, и лишь между прочим проводили редкие партизанские операции. Среди них находилось небольшое число евреев. С весны 1942 г. и в течение года эти группы представляли собой начальное ядро партизанского движения. А более организованная партизанская деятельность, которая к концу 1941 г. развернулась в прилегающих к фронту местностях, не включала евреев – их там тогда почти не осталось.[29]

Евреи – униженные, заморенные голодом, согнанные в гетто и убиваемые, вели основную борьбу за собственное выживание. Еврейское подполье, зачатки которого появились в некоторых гетто уже в первые месяцы оккупации, еще не занималось антинемецкой деятельностью; весной 1942 г. лишь немногие евреи бежали в лес и они не оказали существенного влияния на партизанскую деятельность. Более объективное немецкое описание поведения евреев в тот период дается в документе, подготовленном профессором Петером Серафимом для ответственного за вооружение на Украине генерала Ганса Лейкауфа. Генерал передал этот документ, со своими комментариями, главе управления по экономике и вооружению вермахта генералу Георгу Томасу 2 октября 1941 г. Документ посвящен тяжелой экономической ситуации на Украине. Вот что там сказано в разделе «Еврейская проблема»:

> *«[Евреи] пытаются устранить любую причину для недовольства со стороны немецких властей. Нет сомнения, что в своей среде они ненавидят немецкую власть и немецкую армию, и это не должно удивлять. Вместе с тем, нет никаких доказательств тому, что евреи в целом или хотя бы их большинство, замешаны в диверсионной деятельности. В их среде несомненно есть отдельные террористы и диверсанты, в той же степени, в какой они имеются среди украинцев. Однако нельзя утверждать, что евреи как таковые представляют опасность для немецких вооруженных сил. Плоды еврейского труда соответствуют требованиям немецкой армии и немецких властей, что, разумеется, вызвано чувством страха... До настоящего времени 150.000 – 200.000 евреев были, видимо, уничтожены на территории рейхскомиссариата Украина. При этом не были взяты в расчет нужды экономики. В заключение можно утверждать, что способ решения еврейской проблемы, в том виде, в каком он был применен на Украине, принципиально основывался на идеологической теории, и имел следующие последствия:*
>
> *1. Изгнание части лишних «ртов» в городах.*
>
> *2. Изгнание части населения, которое, вне сомнения, ненавидит нас.*
>
> *3. Избавление от ценных специалистов, которые, во многих случаях, были бы исключительно необходимы и для нужд вооруженных сил...»*[30]

Этот документ, противоречащий утверждениям айнзацгрупп и вслед

за ними армии, что евреи – самый активный антинемецкий фактор, не оказал, однако, никакого влияния на процесс уничтожения евреев, а участие в нём немецкой армии постоянно возрастало.

Одновременно с представлением еврея в качестве активного врага, немецкая пропаганда, нацеленная на солдат, подчеркивала демонический характер еврейства – отталкивающие изображения «еврейских типажей» публиковались, в основном, в газете «Дер Штюрмер», а также в листовках «Информация для армии».

Антиеврейская пропаганда, проводившаяся в Германии еще до начала войны с СССР, директивные военные документы, цитаты из которых приведены выше, а также подчёркивание «сатанинского характера юдо-большевизма» оказали влияние на множество солдат. Антисемитская агитация упала на плодотворную почву. Один из военнослужащих писал своей семье в Германию:

«Могу сообщить вам, что сегодня я получил все последние номера «Штюрмер». …Вот уже больше двух с половиной лет я на востоке, и можете поверить мне, мы уже научились различать страшную опасность, исходящую от евреев. Уничтожение и вырывание с корнем – вот единственная возможность, и мы надеемся, что недалек тот час, когда последний из них выроет себе могилу.[31]

Другой солдат, оказавшийся в декабре 1942 г. в Славянске (восточная Украина), написал:

«Во всем ужасном хаосе выделяется искаженное лицо еврейства… Евреи заслужили только одного: уничтожения».[32]

Один фельдфебель высказался в июле 1942 г.:

«Большая задача, поставленная перед нами в нашей войне с большевизмом, это уничтожение Вечного жида… Недавно ночью был убит наш товарищ. Ударом ножа в спину. Только еврей может стоять за таким преступлением. Наша месть эа этот поступок увенчалась полным успехом…»

Другой фельдфебель в августе 1942 г. писал:

«Еврейский яд в среде моего народа был мне давно знаком… То, что сделала еврейская власть в России, мы видим ежедневно… Мы должны, и мы освободим мир от этой эпидемии… Мы не вернемся домой, пока не вырвем с корнем это зло и не уничтожим юдо-большевистское ядро властолюбцев…»[33]

Эти письма, как наверняка и другие подобные, указывают на антисемитские настроения, характерные для многих немецких солдат. Традиционный антисемитизм благодаря проводимой в армии пропаганде и жестокой военной действительности только усилился.

В целом ОКВ не только оправдывал уничтожение евреев и другие убийства, но и занимался их сокрытием. Это видно из приказа Кейтеля от 2 ноября 1941 г.:

«Во имя безопасности вооруженных сил Германии и контроля над оккупированными территориями, а также во имя безопасности нации в будущем, есть необходимость в массовых расстрелах. Категорически запрещается фотографировать эти расстрелы. В особых

случаях, когда снимки необходимы для официальных целей, разрешение будет дано командиром, звание которого не ниже, чем командир дивизии. Негативы с отснятыми кадрами, а в случае необходимости – и сами снимки, получат разряд безопасности и будут отосланы в отдел пропаганды ОКХ. Негативы и фотографии, отснятые ранее, необходимо собрать, по возможности, и переправить в отдел пропаганды ОКХ».[34]

В. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АРМИИ И АЙНЗАЦГРУПП В ЗОНАХ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Донесения айнзацгрупп с описанием произведенных евреями диверсий и их партизанской деятельности пересылались в армию, и ОКВ получал публикуемые РСХА донесения. Однако основная информация такого рода поступала в армию посредством прямых контактов между командирами подразделений айнзацгрупп и армейскими командирами, а также между ними и военной администрацией. Подразделения СС нуждались в поддержке этих органов при истреблении евреев. Сотрудничество это и его размах сложились под влиянием вышеупомянутых армейских приказов, в которых подчеркивалась идеологическая потребность и практическая необходимость крутых мер против евреев. Но, кроме того, корни такого сотрудничества следует также искать в солидарности полевых армейских командиров с деятельностью айнзацгрупп, в особенности, в деле уничтожения евреев.

Источник этой солидарности – в бытовом антисемитизме населения нацистской Германии, а также во влиянии пропаганды, представлявшей евреев в качестве активного врага, уничтожение которого будет способствовать воцарению порядка и безопасности на оккупированных территориях. В донесении айнзацгрупп от 20 августа 1941 г. сообщается:

«Отношения с немецкой армией продолжают оставаться сердечными, как и раньше. Военные круги проявляют растущий интерес к операциям и целям полиции безопасности. Это в особенности заметно во время расстрелов… Айнзацгруппы непрерывно получают от армии отчеты об арестах коммунистов и евреев».[35]

А в донесении от 24 сентября 1941 г. отмечено *«отличное, без каких-либо трений, сотрудничество с полицией и армейскими командными составами… Армия охотно пользуется нашими услугами, нашим опытом и советами. В ходе некоторых особо крупных операций армейские подразделения находились под нашим командованием… До настоящего времени все наши требования выполнялись».*[36]

В донесениях айнзацгрупп упоминаются акции по уничтожению евреев, когда айнзацгруппам помогали подразделения вермахта. В Луцке 2 июля 1941 г. были расстреляны 1.160 евреев после обнаружения трупов десяти убитых немецких солдат. В этой акции принимал участие пехотный взвод немецкой армии.[37] В донесении айнзацгрупп от 24 июля 1941 г., в разделе, посвященном Белоруссии, написано:

«Сотрудничестно между восьмой айнзацкомандой и дислоцирован-

ным в Барановичах военным подразделением более чем успешно… С помощью армейской полиции, подразделений армейской контрразведки и полевой жандармерии… в Барановичах было уничтожено еще 301 человек. Речь идет о еврейских активистах, аппаратчиках [коммунистических] и грабителях…»[38]

В Витебске армия передала в руки айнзацгрупп 397 евреев, которые, согласно донесению от 4 сентября 1941 г., «совершали диверсии и нападения на немецкие силы».[39] В Минске при помощи армейской полиции были расстреляны 2.278 евреев.[40] В Борисове (Белоруссия) по ложному обвинению в «грабеже и создании опасности для населения» расстреляли 146 евреев, находившихся там по требованию военного коменданта.[41]

В рапорте айнзацгрупп от 30 июля 1941 г. о деятельности айнзацгруппы С в Житомире сказано: «При поддержке армии была проведена акция… Расстреляно 180 коммунистов и евреев».[42] Решение об истреблении всех житомирских евреев было принято совместно зондеркомандой 4-а и военным комендантом города. Транспортные средства для перевозки евреев к месту расстрела предоставили как армия, так и магистрат.[43]

В связи с волной взрывов и поджогов, прокатившейся по Киеву в первые дни оккупации города, айнзацгруппы докладывали: «Запланирован расстрел по меньшей мере 50.000 евреев. Немецкая армия приветствует принимаемые меры и требует решительных шагов. Комендант города предлагает публично повесить 20 евреев».[44]

Меры по уничтожению евреев Харькова согласовывались с командованием 6 армии и с военным комендантом города.[45] В Симферополе армия потребовала от айнзацгрупп истребить всех евреев до конца 1941 г. и предоставила в их распоряжение сотни солдат для проведения трех облав на скрывающихся евреев.[46]

Это лишь небольшая часть акций уничтожения, в которых армейские подразделения принимали участие наравне с айнзацгруппами. Массовые казни, проведенные не айнзацгруппами, а батальонами немецкой полиции и другими частями СС с участием армейских подразделений, в отчётах айнзацгрупп не упоминаются, однако нет сомнения, что подобных акций было множество.

Важная помощь, оказанная армией и военной администрацией подразделениям СС, заключалась в обмане евреев насчет их судьбы и мест, куда их якобы отправляют. Первым шагом в акциях по уничтожению в большинстве городов и местечек было появление приказов военной администрации, которые вывешивались в виде уличных объявлений. Евреям предписывалось собраться в определенном месте и в определенный час «с целью переселения». Военные коменданты прекрасно знали, что переселение закончится расстрелом в ближайшей к городу яме, и что не существует никаких лагерей, которые в состоянии принять тысячи евреев. Они, не в меньшей степени, чем руководители расстрела, были заинтересованы в избавлении от евреев и поэтому сознательно и добровольно шли на сотрудничество. Как правило, ев-

реи верили приказам и шли на сборные пункты, а оттуда на смерть.

В определенных местах, в основном, в селах и небольших городках, где евреев было немного и куда не добирались подразделения айнзацгрупп или полиции, расстрелы проводились силами армии. В приказе командующего армией в Белоруссии от 24 ноября 1941 г солдатам 707-й дивизии безопасности говорилось:

«Евреи должны исчезнуть из сельской местности. Следует также уничтожить цыган. Проведение крупных антиеврейских акций не входит в обязанности дивизии. Они будут проводиться гражданскими властями либо полицией... При обнаружении в сельской местности небольших и средних групп евреев, подразделение может либо самостоятельно уничтожить их, либо отконвоировать в гетто в одном из более крупных городов, выбранных для этой цели. Там их следует передать в руки гражданских властей или полиции безопасности».[47]

Этим приказом армия однозначно определила необходимость повсеместного, кроме нескольких крупных городов, «очищения» от евреев. Армейские подразделения могли самостоятельно решать, уничтожить ли евреев, или по согласованию с гражданской администрацией переправить их в существующие гетто. Нет сомнения, что проще было расстрелять за несколько часов несколько десятков или сотен евреев в каком-нибудь поселке, чем заниматься согласованием с гражданской администрацией и переселением в гетто. Именно такая политика наверняка применялась армией и здесь, в Белоруссии, и на других оккупированных территориях СССР, в особенности, в более восточных местностях, где гетто либо не существовали, либо уже были уничтожены. По сути, этот приказ разрешал армейским частям истреблять евреев, находящихся в поле деятельности вермахта.

И армия приступила к истреблению. В донесении гебитскомиссара Слонимского района (Белоруссия) об уничтожении местных евреев в ноябре 1941 г. указано:

«Силами армии в сельской местности проведены широкомасштабные чистки. К моему сожалению, они охватили только те населенные пункты, в которых насчитывается до 1.000 жителей».[48]

А в донесении командующего армией на западных территориях Белоруссии сказано, что в период с 11 октября по 10 ноября 1941 г. в боях с партизанами 10.940 человек были захвачены в плен, из них 10.431 были расстреляны.[49] Немецкие потери, указывалось в донесении, составляли 2 убитых и 5 раненых. По малому количеству потерь (которые, вероятно, произошли в результате аварии) понятно, что речь идет не о боях с партизанами – тем более, что в то время на западе Белоруссии партизан еще не было. Люди, захваченные и расстрелянные армией, были местечковыми и сельскими евреями, упоминаемыми также в донесении гебитскомиссара Слонимского района.

Уничтожение евреев под предлогом войны с партизанами происходило во многих местах. Вот как описывается отношение армии к убийству евреев:

«После начальных колебаний по поводу участия в процессе уничтожения евреев генералы проявили такое рвение, что на практике стали торопить айнзацгруппы проводить акции уничтожения. Немецкая армия хотела как можно скорее увидеть русских евреев мертвыми – и не удивительно, что для командиров айнзацгрупп это стало приятным сюрпризом».[50]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. гл. 9.
2. Нюрнбергские документы, NOKW-3292.
3. Klee and Dressen, *Gott mit uns...*, p. 102.
4. Нюрнбергские документы, NOKW-541.
5. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 119, pp. 196 – 197.
6. Нюрнбергские документы, D-411; Klee und Dressen, *Gott mit uns...*, pp. 39 – 40.
7. Нюрнбергские документы, PS-4064.
8. *Там же*, с. 152 – 163. Выдержки из писем солдат с фронта.
9. Streit, *Keine...*, pp. 119 – 121. Автор цитирует высказывания офицеров и солдат, для которых уничтожение военнопленных, евреев и коммунистов было неприемлемо.
10. Christian Streit, *The War in the East, Anti-Communism and the Implementation of the Final Solution*, in: A. Cohen, Y. Cochavi and Y. Gelber (eds.), *The Shoah and the War*. – New York, 1992, pp. 80 – 81.
11. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 20, p. 20; 24, p. 27; 33, p. 50; 73, p. 122; 86, p. 134; 106, p. 173.
12. *Ibid*, 31. p. 42.
13. *Ibid*, 67, p. 114.
14. *Ibid*, 108, p. 179.
15. *Ibid*, 124, p. 205 – 206.
16. *Ibid*, 133, p. 234.
17. *Ibid*, 148, p. 263.
18. *Ibid*, 42, p. 64.
19. *Ibid*, 45, p. 76.
20. *Ibid*, 47, p. 79.
21. *Ibid*, 60, p. 102 – 103.
22. *Ibid*, 108, p. 181.
23. *Ibid*, 124, p. 205.
24. *Ibid,* 148, p. 263.
25. BA-MA, RH 26-707/2.
26. *Ibid*.
27. *Ibid*, RH 26-707/14.
28. *Ibid*, RH-26-707/15.
29. См. гл. 23, раздел В; гл. 46, о евреях в партизанском движении.
30. Нюрнбергские документы, PS-3257.
31. Walter Manoschek (ed). *Es gibt nur eines fur das Judentum: Vernichtung*, в сб.: *Das Judenbild in deutschen Soldatenbriefen.* – Hamburg, 1995, p. 62.
32. *Ibid*, стр. 65.
33. Bartov, *Hitler's Army...*, pp. 160 – 163.
34. Kondufor et al., *History Teaches...*, pp. 45 – 46.
35. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 58, pp. 97 – 98.
36. *Ibid*, 90, p. 144.
37. *Ibid*, 24, p. 32.
38. *Ibid*, 32, p. 45.
39. *Ibid*, 73, p. 124.

40. *Ibid*, 92, p. 152 – 153.
41. *Ibid*, 148, p. 264.
42. *Ibid*, 38, p. 59.
43. *Ibid*, 106, p. 174.
44. *Ibid*, 97, p. 165.
45. *Ibid*, 108, p. 181.
46. *Ibid*, 193, 1 – 332.
47. Оригинал документа хранится в Белорусском государственном архиве. Копия – в личной коллекции автора.
48. Shoenberner, *Zeugen...*, p. 136. См. также гл. 16, раздел Г.
49. Krausnick & Wilhelm, *Die Truppe...,* p. 274.
50. Hilberg, *The Destruction...*, p. 199.

ГЛАВА 21

ЕВРЕИ ОКРУГА ГАЛИЦИЯ

А. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ К ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВУ

Между мировыми войнами Восточная Галиция была частью Польши и включала территории Станиславской (Ивано-Франковск), Тернопольской и Львовской областей. С сентября 1939 г. она стала частью Западной Украины, аннексированной СССР. После немецкой оккупации, согласно решению, принятому на заседании у Гитлера 16 июля 1941 г., Восточная Галиция была 1 августа 1941 г. присоединена к Генерал-губернаторству Польша и получила название «округ Галиция». Губернатором округа назначили Карла Лаша, начальником СС и полиции – Фридриха Кацмана.

Уже в первых числах июля 1941 г., следом за айнзацгруппой С, во Львов из Генерал-губернаторства прибыло подразделение полиции безопасности Сипо, называвшееся «айнзацкоманда особого назначения» (zu besonderer Vervendung) и насчитывавшее около 150 человек. В июле подразделение провело антиеврейские акции в различных местах округа Галиция. Из кадров этого подразделения были созданы постоянные филиалы полиции безопасности – Сипо в центральных городах округа.

Число евреев в округе Галиция накануне немецкого вторжения оценивается в примерно 600,000 человек.[1] Проведение здесь антиеврейской политики, принятой в Генерал-губернаторстве Польша, носило значительно более жесткий характер. 7 августа 1941 г. был опубликован приказ, обязывающий евреев в возрасте от 14 до 60 лет к принудительному труду; 9 сентября 1941 г. евреям запретили менять место жительства; 15 сентября 1941 г. их обязали носить белую повязку с голубым маген-давидом. Кроме того, в округе проводились групповые расстрелы евреев – бывших советских активистов, как это делалось и на других оккупированных территориях СССР. В ряде мест уже в первые месяцы оккупации прошли массовые казни десятков тысяч евреев, а в остальных районах Генерал-губернаторства такие акции начались только с марта 1942 г. Доброжелательная встреча гитлеровцев со стороны значительной части украинского населения, погромы евреев местными жителями, добровольное вступление украинцев в полицию, находящуюся на службе у немцев, и традиционный антисемитизм, который только усилился в советский период, – все это усугубило жестокость антиеврейских мер немецкой администрации.[2]

Немецкая гражданская администрация назначила в еврейских общинах юденраты, в большинстве случаев те самые, которые начали свое существование при военной администрации, а также объявила о создании еврейской полиции. Функция юденратов и еврейской полиции была та же, что и у подобных органов в других частях Генерал-гу-

бернаторства и оккупированных территорий СССР – оказание помощи немецкой администрации в проведении антиеврейских мер. Многих евреев угоняли в рабочие лагеря, и юденраты обязаны были предоставить назначенное число рабочих; одновременно гитлеровцы и украинские коллаборанты с этой же целью устраивали облавы на евреев. Многие члены юденратов, а также простые евреи заплатили своими жизнями за невыполнение норм поставки рабочих.

В ряде городов Галиции гетто были созданы уже в первые месяцы оккупации, часть из них были открытыми, однако в большинстве мест гетто появились только в 1942 г. – в то же время, когда в других гетто шёл процесс уничтожения. Ответственность за создание гетто была возложена на немецкую администрацию на местах. Приказ главного начальника СС и полиции в Генерал-губернаторстве Кригера об обязательной концентрации евреев в ограниченном числе гетто был опубликован в официальном Сборнике распоряжений Генерал-губернаторства (Generalgouvernement Verordnungsblatt) только 14 ноября 1942 г. В приказе указывались названия 32 городов, предназначенных для устройства гетто. В других городах евреям жить запрещалось, за исключением тех, кто находился там в закрытых рабочих лагерях и трудился для германской армии и военного хозяйства.[3]

Б. АКЦИИ УНИЧТОЖЕНИЯ

Массовые убийства евреев в округе Галиция начались уже в начале октября 1941 г. Это были первые казни евреев на территории Генерал-губернаторства. В сентябре 1941 г. у Кацмана во Львове состоялось обсуждение вопроса об уничтожении евреев и было решено, что акции начнутся в районе Станислава, на юге округа.[4] В этот район, захваченный венгерской армией в июле 1941 г., венгры сразу депортировали тысячи евреев из Карпато-Руси. Евреев направили в Каменец-Подольск, Станислав, Коломыю, Косов и другие города Станиславской области. Чтобы предотвратить прибытие новых партий депортированных и остановить бегство евреев из этой области в Венгрию, акции массового уничтожения решено было начать именно там.[5]

Первая акция массового уничтожения после присоединения Восточной Галиции к Генерал-губернаторству произошла в местечке Надворная, в котором накануне войны проживало около 3.500 евреев. В сентябре 1941 г. в Надворную были доставлены около тысячи евреев из Карпато-Руси. 6 октября более 2.000 евреев были отконвоированы в лес Буковинка неподалеку от города и расстреляны немецкой и украинской полицией.[6]

Самая крупная на тот период акция прошла в Станиславе, в котором накануне войны проживало более 25.000 евреев. Это была вторая после Львовской еврейская община Восточной Галиции. Еврейское население города выросло во второй половине 1939 г. за счёт тысяч беженцев из захваченных немцами регионов. Часть беженцев надеялась перебраться затем в Румынию или Венгрию, близкие к Станиславу, однако вынуждена была остаться в городе. В первые недели оккупации,

когда город находился под властью венгерской армии, к еврейскому населению прибавились еще несколько тысяч переселённых из Карпато-Руси. В начале августа 1941 г. в городе находилось 35.000 – 38.000 евреев, включая бежавших от преследований со стороны украинского населения из окрестных городков и сел.[7]

В первой половине августа 1941 г. в лесу Павольце вблизи города немецкая полиция безопасности и украинские полицейские расстреляли около 500 человек – представителей еврейской интеллигенции. Крупная акция уничтожения была запланирована на первую половину октября 1941 г. Накануне акции в город ввели вспомогательные силы немецкого 133-го полицейского батальона и украинских полицейских. В воскресенье 12 октября 1941 г. 20.000 евреев – жителям города выдвинули требование покинуть свои дома, взяв с собой лучшие вещи и ценности. Их отконвоировали на еврейское кладбище, где заставили раздеться и сдать все ценности, после чего расстреляли группами перед готовыми ямами. В тот день убили около 10.000 – 12.000 человек. С наступлением темноты на кладбище все еще оставались тысячи евреев, которых отпустили по домам. Во время акции маргинальные элементы города искали прячущихся евреев и грабили квартиры тех, кого забрали на кладбище.

В первой половине декабря 1941 г. в Станиславе создали гетто, куда поместили 23.000 – 26.000 евреев. Его расположили в самой запущенной части города, где жила еврейская беднота. Председателем юденрата назначили адвоката Михаила Лема. В гетто свирепствовали болезни и голод, результатом была высокая смертность. Кроме того, молодежь гетто постоянно угоняли на принудительные работы. Весь этот период на кладбище продолжались расстрелы евреев.[8]

В Коломые, где накануне войны проживало 15.000 евреев, в октябре 1941 г. были расстреляны 2.850 человек – те, чьи имена значились в списке, подготовленном украинской полицией. 23 декабря расстреляли еще 1.200 еврейских беженцев из Германии и Венгрии, а 24 января 1942 г. – 400 человек – представителей еврейской интеллигенции. Убийства проходили на расстоянии 8 км от города, у села Шепаровцы.[9] С октября по декабрь 1941 г. в Станиславской области прошли и другие акции уничтожения.[10]

Во Львове, столице округа Галиция, накануне войны, в 1939 году, проживало около 110.000 евреев. Во второй половине 1939 г. в город хлынул поток беженцев из захваченных немцами польских земель. Нет официальных и точных сведений о числе находившихся во Львове евреев в день захвата города немцами.[11] Раввин Кахана, переживший оккупацию во Львове, оценивает их число в 135.000 человек.[12] Другие источники приводят цифру 160.000.[13]

В сентябре 1941 г. на северо-западе города, на улице Яновска, был создан рабочий лагерь, подчинённый СС. Здесь организовали мастерские, работавшие на немецкую армию. В конце октября, когда в лагере уже было занято около 600 евреев, его превратили в закрытую зону. Находившимся в лагере евреям запретили возвращаться к семьям.

Обстановка в лагере после его закрытия постепенно все более и более напоминала концлагерь, и число евреев, сгоняемых в лагерь, постоянно возрастало. Яновский лагерь превратился в кошмар для евреев Львова.[14]

Председателем Львовского юденрата стал доктор Иосиф Парнес, в годы Первой мировой войны служивший офицером в австрийской армии. Доктор Парнес проявил немалое мужество при контактах с немецкими властями, сопротивляясь их требованиям. В конце октября 1941 г. от председателя потребовали выделить 500 молодых людей для отправки в Яновский концлагерь. Парнес отказался. Немцы его арестовали и в начале ноября расстреляли. Вместо него председателем юденрата был назначен доктор Адольф Ротфельд.[15]

8 ноября 1941 г. немцы объявили о создании Львовского гетто. Евреям приказали до 15 декабря 1941 г. переехать в пригороды Замарстинов и Клепаров, считавшиеся районами бедноты. Вход в гетто был разрешен только в одном месте, где под железнодорожным мостом расположились посты немецкой и украинской полиции, которая издевалась над евреями и отбирала их имущество. Из толпы проходящих евреев выбирали стариков и больных и отводили их в ветхое строение неподалеку, а некоторых – в городскую тюрьму. Их выводили группами в пригородный лес и там расстреливали. Вот описание этой акции:

«При входе на станцию находилось полуразвалившееся здание. Туда приводили пойманных... Здесь немцы устроили себе «развлечение». Старикам и старухам приказали раздеться догола. Их поставили один напротив другого, в два ряда, вдоль стен. По знаку они вынуждены были петь хором... После этого мужчин расстреляли прямо около стены. Женщин, в одних рубашках, поздно вечером отвели в расположенную неподалеку школу. Ночью их погрузили на машины, в рубашках, не смотря на сильный холод, и повезли к Лычаковским дюнам, а вместе с ними погрузили трупы расстрелянных мужчин. В дюнах старух сначала заставили выкопать могилы для убитых и для себя. Затем им приказали лечь в яму, одна на другую, и расстреляли в затылок... Акция по захвату стариков продолжалась до Рождества...»[16]

Число убитых тогда в процессе переселения евреев в гетто достигло 5.000 человек.

До 15 декабря 1941 г. десятки тысяч евреев все еще не успели туда переместиться . Немецкие власти смирились с этим, и тем, кто не переехал, разрешили остаться временно на месте их проживания. Таким образом, в городе было создано открытое гетто, тогда как часть евреев продолжала жить в своих прежних жилищах. Только в сентябре 1942 г., после проведения еще нескольких массовых казней, Львовское гетто закрыли.[17]

В Тернополе накануне нападения Германии на Советский Союз проживало примерно 17.000 евреев. После первого погрома в начале июля 1941 г., когда были зверски убиты около 5.000 евреев, к моменту присоединения города к Генерал-губернаторству в нем еще оста-

валось 12.000 – 13.000 евреев. В августе 1941 г. в Тернополе создали юденрат во главе с адвокатом Густавом Фишером. В сентябре 1941 г. в Тернополе организовали гетто, как обычно, в самом запущенном и бедном районе города – первое гетто в округе Галиция. В конце 1941 г. – начале 1942 г. в окрестностях Тернополя возникли рабочие лагеря для евреев из Тернополя и близлежащих городков. В гетто и лагерях вследствие голода и тифа царила смерть. И первыми жертвами – как во всех гетто – стали бедняки.[18]

В Бориславе накануне войны проживало приблизительно 14.000 евреев. 29 – 30 ноября 1941 г. там было убито около 1.500 евреев согласно списку, составленному местными украинцами.[19] В городе Стрый, насчитывавшем накануне войны 11.000 евреев, в начале сентября 1941 г. казнили около 1.000 человек.[20]

В других еврейских общинах округа Галиция в ходе операций уничтожения погибли тысячи евреев. Акции, кроме тех, что имели место в Станиславской области, не носили характера тотального истребления на этом этапе. Убивали в небольших городах, как правило, тех, чьи имена значились в списках, составленных местными украинцами. Среди жертв были люди свободных профессий, бывшие советские активисты и рядовые евреи, с которыми отдельные украинцы сводили личные счеты.[21]

В. РАБОЧИЕ ЛАГЕРЯ ВДОЛЬ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО ШОССЕ № 4» (DG4)

Одной из серьезных проблем для немцев явилась проблема плохих шоссейных дорог. Дороги, ведущие на юг Украины, в Крым и на Кавказ, пересекали округ Галиция. Планы экономической эксплуатации Украины и нефтяных ресурсов Кавказа занимали важное место в военных программах Германии. И снабжение армии, значительно влиявшее на оперативные возможности и на продвижение на фронте, зависело от уровня дорожной системы. Поэтому немецкие власти решили проложить шоссе стратегического значения, начинающееся в районе Перемышля на советско-германской границе и доходящее до Таганрога на юго-востоке Украины, на берегу Черного моря. Шоссе должно было включить в себя уже существующие дороги, которые планировалось улучшить и расширить, а также вновь построенные участки. Шоссе получило название «Стратегическое шоссе № 4», его планируемой трассой были города Перемышль – Львов – Тернополь – Винница – Умань – Кривой Рог – Днепропетровск – Сталино – Таганрог. Строительством шоссе ведала СС, а работы вела организация «Тодт». Работа по прокладке шоссе продолжалась весь период немецкой оккупации. Рабочие были, в большинстве своем, евреями – вдоль шоссе были построены многочисленные лагеря, в которых трудились десятки тысяч евреев из различных гетто Украины.[22] Уже в первые месяцы оккупации подобные лагеря были созданы повсюду в округе Галиция, где пролегал отрезок между Перемышлем на западе и Тернополем на востоке. Кацман, начальник СС и полиции округа, в своем рапорте сообщил:

«Трудовые возможности открылись перед нами, прежде всего, при выполнении важной и нужнейшей для всего южного фронта задачи – ремонт DG4, находившегося в катастрофическом состоянии. 15 октября 1941 г. началось строительство лагерей вдоль трассы и уже по прошествии считанных недель, несмотря на немалые трудности, приступили к работе семь лагерей, в которые поместили 4.000 евреев. Вслед за этими первыми лагерями возникли еще лагеря и по прошествии короткого времени стало возможным сообщить старшему начальнику СС и полиции о существовании 15 таких лагерей. Через эти лагеря прошли, с течением времени, около 20.000 еврейских рабочих...»[23]

Условия в вышеуказанных лагерях – тяжкий труд, скудное питание и издевательства со стороны эсэсовцев и украинских полицаев были исключительно тяжелыми для выживания. Набор в эти лагеря поручили юденратам. Перед ними встала дилемма: либо предоставить нужное количество людей, для чего от еврейской полиции требовалось применение силы, либо позволить немцам и украинцам произвольно ловить евреев на улицах, в домах или на работе. Юденраты предпочитали первую возможность. Как правило, в лагеря посылались молодые и здоровые люди, не имеющие семей. Юденраты, по мере их скудных возможностей, помогали людям в лагерях, прежде всего едой и одеждой.

Судьба евреев округа Галиция была горше участи евреев других районов Генерал-губернаторства, где процесс физического уничтожения начался позже. Тому было несколько причин: уже в первые недели оккупации в Галиции, как и в других оккупированных регионах СССР, действовали подразделения айнзацгрупп, уничтожавшие тысячи евреев; Восточная Галиция попала под немецкую власть в период общего ужесточения немецкой политики по отношению к евреям, когда уже началось их тотальное истребление в украинских областях, граничивших с Галицией, и это подстёгивало здешние немецкие органы власти. Необходимо добавить, что часть украинского населения была заражена антисемитизмом, который нашел выражение в волне погромов первых дней немецкой оккупации; из среды этих украинцев образовались силы полиции, предоставившая немецкой полиции безопасности свои услуги по уничтожению десятков тысяч евреев, продолжая то, что происходило там до присоединения региона к Генерал-губернаторству.

Акции уничтожения, имевшие место в осенние и зимние месяцы 1941 г., были вступлением к большой волне истребления евреев, прокатившейся по округу Галиция с весны 1942 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поль, *Ганс Кригер...*, с. 182 – 183.
2. О погромах см. гл. 12.
3. Архив Яд Вашем, М-33/895 (ГАРФ, фонд 7021, опись 75, дело 107).
4. Поль, *Ганс Кригер...*, с. 186.
5. Положение евреев на территории этнической Венгрии было в то время значительно лучше.
6. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. 330.

7. *Там же*, с. 369. В Хронике указывается, что в городе в то время находилось 40.000 евреев. Цифра кажется преувеличенной, учитывая число убитых в различных акциях.
8. *Там же*, с. 370 – 373; Поль, *Ганс Кригер…*, с. 190 – 191; Dieter Pohl, *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien, 1941 – 1944.* – Munich, 1997, pp. 144 – 147 (далее Pohl, *Nationalsozialistische…*). Поль называет эту акцию «Станиславское кровавое воскресенье».
9. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции…*, с. 173 – 174.
10. *Там же*, с. 77, 160, 180, 485, 518, Поль, *Ганс Кригер…*, с. 191, 198. Поль считает, что размах уничтожения евреев в Станиславской области и то, что уничтожение здесь началось раньше, чем в других регионах Генерал–губернаторства, находятся в зависимости от личности начальника полиции безопасности области Г. Кригера, известного своей жестокостью. Вот список общин, в которых прошли акции массового уничтожения: Делятин – около 1.950 евреев; Болехов – около 1.000 евреев; Косов – около 2.000 евреев; Шнятын – 500 евреев; Городенка – около 2.500 евреев и т.д.
11. По данным переписи населения 1931 года во Львове проживало 99.595 евреев.
12. Кахана, *Дневник Львовского гетто…*, с. 27.
13. Йонес, *Евреи Львова…*, с. 138; Задерецки, *Под властью…*, с. 53. По оценкам Задерецкого, евреев в городе было 159.000.
14. Йонес, *Евреи Львова…*, с. 200.
15. *Там же*, с. 109; *Энциклопедия Холокоста…*, т. 3, с. 574.
16. Задерецки, *Под властью…,* с. 150, 154.
17. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции…,* с. 37 – 38; Pohl, *Nationalsozialistische…*, pp. 158 – 160.
18. Вайс и др., *там же*, стр. 245 – 247; *Энциклопедия Диаспоры. – Тернополь*, с. 425.
19. Вайс и др., *там же*, с. 97.
20. *Там же*, с. 391.
21. *Там же*, с. 448. Приводится список убитых евреев, большинство из которых относятся к интеллигенции, в разных городах: в Чорткове, 15октября 1941 г. – 200 человек; в Дрогобыче, 30 ноября 1941 г. – 300 человек; в Турке, с 7 по 9 января 1942-го – 500 человек.
22. Архив Яд Вашем, TR-10/817.
23. Нюрнбергские документы, L-18, рапорт Кацмана; Pohl, *Nationalsozialistische…*, pp. 167 – 171.

ГЛАВА 22

РУМЫНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В БЕССАРАБИИ, СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЕ И ТРАНСНИСТРИИ

А. ДЕПОРТАЦИЯ И УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ БЕССАРАБИИ И СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ В ИЮЛЕ – АВГУСТЕ 1941 Г.

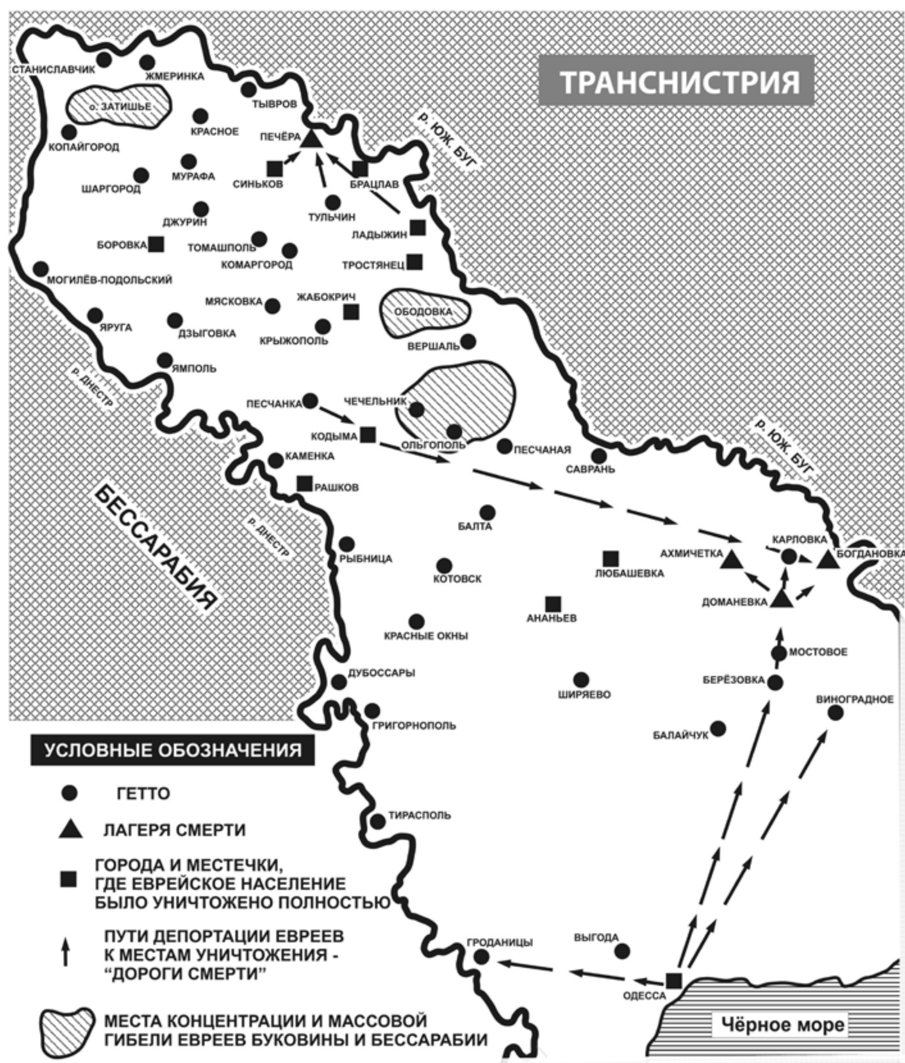
Участь и муки евреев Бессарабии и Северной Буковины, а также евреев Одесской и юга Винницкой области между Днестром и Бугом носили особый характер. За десять дней до нападения Германии на Советский Союз, 11 – 12 июня 1941 г., был подписан румынско-германский договор об участии Румынии в войне против СССР. Согласно договору, Бессарабия и Северная Буковина, находившиеся уже год под советской властью, возвращались Румынии, а также, в качестве компенсации за северную Трансильванию, аннексированную Венгрией, Румынии предстояло получить земли между реками Днестр и Буг, включая город Одессу. Румыны назвали территорию между Днестром и Бугом «Транснистрия» (Заднестровье).

Бессарабия и Северная Буковина перешли под власть румын уже в начале оккупации. Судьба евреев здесь решалась, исходя из политики нацистской Германии и в соответствии с отношением румынских властей к евреям как вообще, так и, в частности, к местным евреям, побывавшим в советском подданстве. Поведение румынских властей было напрямую связано с антисемитизмом, а также с развитием событий на политическом и военном фронтах.

На рассвете 22 июня 1941 г. 11-я немецкая армия, а с ней 3-я и 4-я румынские армии напали на Советский Союз со стороны Румынии. 4-я армия наступала в направлении Бессарабии, а 3-я – в направлении Северной Буковины. 30 августа в бессарабском городе Тигина (Бендеры) был подписан договор между Румынией и Германией о передаче Транснистрии под румынскую власть. Глава румынского правительства Ион Антонеску назначил губернатором Транснистрии профессора Георга Алексяну (Alexianu).

Вторжение захватчиков в Советский Союз положило начало самому трагическому периоду в жизни евреев Бессарабии и Северной Буковины. В Бессарабии, включая район Хотина, под оккупацией оказалось 160.000 – 165.000 евреев, а в Северной Буковине – около 70.000 евреев. Во время подготовки к нападению румынское правительство выработало политическую линию, которая сводилась к очищению этих регионов от евреев путем их уничтожения либо депортации вглубь Украины, восточнее реки Буг, где их затем ликвидируют немцы. На заседании румынского правительства 8 июля Антонеску заявил:

«Я прошу вас, будьте безжалостными. Здесь нет места гуманности… Я являюсь сторонником принудительной депортации всех еврейских элементов из Бессарабии и Буковины. Следует изгнать их за границу. Я также являюсь сторонником депортации ук-


ТРАНСНИСТРИЯ
СТАНИСЛАВЧИК
ЖМЕРИНКА
о. ЗАТИШЬЕ
ТЫВРОВ
КРАСНОЕ
ПЕЧЁРА
КОПАЙГОРОД
р. ЮЖ. БУГ
МУРАФА
ШАРГОРОД
СИНЬКОВ
БРАЦЛАВ
ДЖУРИН
ТУЛЬЧИН
ЛАДЫЖИН
БОРОВКА
ТОМАШПОЛЬ
КОМАРГОРОД
ТРОСТЯНЕЦ
МОГИЛЁВ-ПОДОЛЬСКИЙ
МЯСКОВКА
ЖАБОКРИЧ
ОБОДОВКА
ЯРУГА
ДЗЫГОВКА
КРЫЖОПОЛЬ
ВЕРШАЛЬ
ЯМПОЛЬ
р. ДНЕСТР
ПЕСЧАНКА
ЧЕЧЕЛЬНИК
КОДЫМА
ОЛЬГОПОЛЬ
ПЕСЧАНАЯ
САВРАНЬ
р. ЮЖ. БУГ
КАМЕНКА
РАШКОВ
БЕССАРАБИЯ
р. ДНЕСТР
БАЛТА
КАРЛОВКА
АХМИЧЕТКА
БОГДАНОВКА
РЫБНИЦА
ЛЮБАШЕВКА
КОТОВСК
ДОМАНЕВКА
АНАНЬЕВ
КРАСНЫЕ ОКНЫ
МОСТОВОЕ
ДУБОССАРЫ
БЕРЁЗОВКА
ШИРЯЕВО
ВИНОГРАДНОЕ
ГРИГОРНОПОЛЬ
БАЛАЙЧУК
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
ГЕТТО
ЛАГЕРЯ СМЕРТИ
ГОРОДА И МЕСТЕЧКИ, ГДЕ ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БЫЛО УНИЧТОЖЕНО ПОЛНОСТЬЮ
ТИРАСПОЛЬ
ПУТИ ДЕПОРТАЦИИ ЕВРЕЕВ К МЕСТАМ УНИЧТОЖЕНИЯ - “ДОРОГИ СМЕРТИ”
ГРОДАНИЦЫ
ВЫГОДА
ОДЕССА
МЕСТА КОНЦЕНТРАЦИИ И МАССОВОЙ ГИБЕЛИ ЕВРЕЕВ БУКОВИНЫ И БЕССАРАБИИ
Чёрное море

раинских элементов… Мы их тоже уничтожим без всякой жалости. Я не знаю, когда еще, может, только через сотни лет, сможет румынский народ насладиться такой абсолютной свободой действия, возможностью этнической чистки и национального обновления. Я не боюсь, что история назовет нас варварами… История не предоставит нам других возможностей. Если нужно, пользуйтесь пулемётами, и я говорю, что закона не существует. Мы составим особые законы… Я беру на себя полную юридическую ответственность и говорю вам: закон не существует».[1]

Слова Антонеску стали приговор к депортации и массовому уничтожению евреев Бессарабии и Северной Буковины. Его исполнение возложили на две ветви румынского аппарата власти: армию и жандармерию, подчиненную министерству внутренних дел. По мере продвижения армии на восток она должна была передавать контроль над захваченными территориями министерству внутренних дел и жандармерии. В самой армии связанные с евреями вопросы решала претория (Pretoriat) – подразделение, занимающееся формированием органов управления на территориях под властью военной администрации. Командовал преторией генерал Ион Топор.

Жандармерии отводилась главная роль в решении еврейской проблемы. Главный инспектор жандармерии генерал Константин Василиу созвал командный состав легионов и объяснил предстоящие задачи. Он сказал, что основная роль легионеров состоит в «очищении территории», подразумевающим среди прочего «немедленное уничтожение евреев, проживающих в сельской местности, и помещение городских евреев в гетто».[2] Под сельской местностью подразумевались и небольшие городки со значительным еврейским населением.

Другое румынское подразделение, участвовавшее в антиеврейских акциях – это мобильное подразделение «особой службы разведки» (Special Intelligence Service, SSI), названное «оперативный эшелон № 1» в количестве 160 человек. Это подразделение двигалось вслед за армией, и по ходу своего передвижения истребило немало евреев.[3]

Айнзацгруппа D, первые районы деятельности которой включали Бессарабию и Северную Буковину, имела в своем составе айнзацкоманды 10, 11 и 12 и находилась под общим командованием 11-й немецкой армии. Подразделения этой айнзацгруппы вошли в зону своего действия в начале июля 1941 г. и были распределены между разными армиями. Зондеркоманда 10-б сопровождала 3-ю румынскую армию, двигавшуюся в направлении Черновиц; зондеркоманда 11-а сопровождала 4-ю румынскую армию на ее пути к Кишиневу; остальные части айнзацгруппы действовали в соответствии с приказами 11-й немецкой армии. Айнзацкоманда 12 действовала на юге Бессарабии.

Массовые убийства евреев начались со вторжением румынской армии в первые дни июля. Первую акцию уничтожения всех 450 евреев села Чудей (Ciudei) в Северной Буковине провел 3 июля 1941 г. 16-й пехотный батальон седьмой дивизии. Тысячи евреев местечек и сел, расположенных по пути продвижения румынской армии, были уничтожены

в первой половине июля 1941 г.[4] Так, например, в городе Новоселица с 7 на 8 июля армия расстреляла более 900 евреев.[5] Убийства сопровождались грабежом и случаями насилия над еврейскими женщинами.

5 июля 1941 г. были захвачены Черновцы с оставшимися в городе около 55.000 евреев. Солдаты, к которым присоединились местные жители, принялись грабить и убивать евреев; по городу распространились слухи, что румынские власти разрешили солдатам и христианскому населению поступать с евреями по своему усмотрению. В течение первых трех дней погрома погибли сотни евреев. 6 июля в город вошла зондеркоманда 10-б и развернула свою деятельность. С помощью румынской полиции солдаты зондеркоманды арестовали около 1.500 евреев, среди которых были общественные деятели и интеллигенция. Часть из них отпустили в обмен на определенную сумму в иностранной валюте за каждого, часть расстреляли. Во время погрома был совершен поджог большой городской синагоги. В Черновцах в первые дни после захвата города убили 2,000 евреев.[6] В донесении айнзацгруппы от 11 июля о деятельности зондеркоманды 10-б в Черновцах говорится:

«В центре города по зондеркоманде был открыт огонь. Жертв нет... Плодотворное сотрудничество с румынской жандармерией... Действия против евреев до прибытия зондеркоманды носили неорганизованный характер. Румынские солдаты грабили дома...»[7]

В рапорте айнзацгрупп от 30 августа, относящемся к июльским событиям, указано, что при содействии румынской полиции в Черновцах расстреляно 682 еврея из 1.200 арестованных.[8] В документе советской комиссии по расследованию описывается происходившее в Северной Буковине в первый месяц оккупации:

«По прямому указанию губернатора Буковины... в течение трех дней должны быть уничтожены семьи коммунистов, советского актива и евреев... В городе Черновцы производился массовый расстрел советских граждан. 7-го июля 1941 года румыно-немецкие части СС загнали более 2000 человек мирных граждан города в дом «Культур-Палас»... а вечером отобрали наиболее здоровых мужчин и на автомашинах завезли к реке Прут, заставили выкопать яму, после чего всех расстреляли... Румынские солдаты врывались в квартиры, грабили имущество и расстреливали жителей, не взирая на возраст... Трупы в течение пяти дней валялись по улицам, дворам и квартирам не убранными».[9]

«Мирные граждане», упоминаемые в документе, были евреями. В городе Секурени на границе между Северной Буковиной и Бессарабией накануне войны проживало примерно 4.500 евреев. 6 июля город был захвачен. На второй неделе оккупации евреев вывели на улицу, на которой располагались синагоги, и каждому крестьянину из соседних сел было предложено выбрать себе еврея, раздеть и поступить с ним по своему усмотрению. Крестьяне затаскивали женщин в синагоги и там их насиловали. В течение недели, изо дня в день, бандиты издевались, грабили, насиловали и убивали евреев, после чего депортирова-

ли оставшихся в Бричаны (20 км от Секурени). Спустя несколько дней евреев изгнали и оттуда, переправив их на другой берег Днестра.[10]

Размах убийств в Бессарабии превзошел присходившее в Северной Буковине. В городе Единец (Iedintsi), где проживало около 5.500 евреев, 6 июля 1941 г., на следующий день после захвата, румынские солдаты расстреляли 500 евреев. 7 июля и в последующие несколько дней солдаты румынской 5-й пехотной дивизии уничтожили большую часть из 1.000 евреев местечка Пырлица Бельцкого района. Убийства сопровождались грабежом и насилием, и в них участвовало немало местных жителей. Командование 11-й немецкой армии, в зоне действия которой находился этот городок, обратилось в генеральный штаб румынской армии с жалобой на поведение румынских солдат – случай из ряда вон выходящий. При проведении расследования, больше напоминающего фарс, штаб заявил, что евреи стреляли в немецких солдат и «немногочисленные» убийства, имевшие место в Пырлице, дело рук немцев и являлись ответной реакцией.[11]

Вторая по величине еврейская община Бесарабии находилась в Бельцах, там накануне войны проживало около 15.000 евреев. 9 июля 1941 г. сюда вошла немецкая армия. Перед тем город подвергся бомбардировке, из-за чего часть евреев бежала в соседние села. Многие крестьяне, вооруженные палками и косами, а также румынские солдаты совершали нападения на этих беженцев, грабили их и с жестокостью убивали. Евреям, возвратившимся в Бельцы, не дали вернуться в собственные дома. Для них создали два лагеря в городе. В июле часть евреев расстреляли под разными предлогами. В начале августа оставшихся евреев перевели в другой лагерь, находившийся в 12 км от города в лесу. В результате голода и болезней к концу августа там в живых осталось приблизительно 3.000 человек. Из этого лагеря евреев отконвоировали в лагерь Маркулешты (Marculesti), находящийся на расстоянии 40 км. Тяжелейший пеший путь и жестокость сопровождавших колонну жандармов привели к дальнейшим потерям среди евреев.[12] Произошедшее в Бельцах, где действовало подразделение айнзацкоманды 10, описано в отчёте айнзацгрупп от 17 июля 1941 г.:

«Вечером 10 июля 1941 г. румынские военные власти собрали 400 евреев разных возрастов, мужчин и женщин для расстрела в качестве наказания за нападения на румынских военных... По просьбе командира 170 дивизии румынский командир в последний момент ограничился расстрелом только 15-ти мужчин. Позавчера, в соответствии с приказом командира 170 дивизии, было взято 70 заложников... Несколько заложников были расстреляны за нападение на немецкую машину на окраине города Бельцы».[13]

В столице Бессарабии Кишиневе накануне немецкой оккупации проживало примерно 60.000 евреев. Многие евреи были убиты и ранены во время воздушного обстрела, десятки тысяч оставили город, пытаясь бежать в глубь СССР. Многие погибли в пути, в основном, от рук румынских солдат. Число погибших при бегстве оценивается в 10.000 человек. Немецкая и румынская армии захватили Кишинев 17 июля 1941 г.,

после чего начались массовые убийства евреев. Румынские солдаты с помощью местных жителей ловили и убивали евреев на улицах и в их домах, не разбирая возраста, пола и профессии. Айнзацкоманда 11-а, вошедшая в город, напротив, действовала с целью уничтожения еврейского руководства и интеллигенции, при поддержке подразделения румынской полиции. В этой волне убийств, продолжавшейся неделю и сопровождавшейся грабежами, по разным данным было убито более 10.000 евреев. 24 – 25 июля 1941 г. оставшиеся 11.000 евреев были выгнаны из своих домов в гетто, занимавшее несколько улиц в районе старого рынка. До войны там проживала еврейская беднота, а во время бомбежек часть домов сгорела и была разрушена. При входе в гетто стояли румынские солдаты и отбирали у евреев все, что, по их представлениям, имело ценность. Люди жили в гетто в большой тесноте. В гетто имелся юденрат. Уничтожение евреев продолжалось и в гетто. Айнзацкоманда 11-а приказала дать 2.000 евреев, мужчин и женщин в возрасте от 15 до 40 лет, преимущественно людей свободных профессий, для срочных работ. 1 августа румынские солдаты вывезли из гетто 551 человека за пределы города и расстреляли.[14] В донесении айнзацгруппы от 7 августа записано:

> *«Айнзацкоманда 11-а... Кишинев... до настоящего времени были уничтожены 551 еврей, из них 151 расстреляны за участие в подрывной деятельности, а 400 – в наказание за стрельбу по немецкому медицинскому транспорту и за включение света с целью подать знак красным [советским] летчикам».*[15]

Среди людей свободных профессий были также молодые и красивые женщины. Один из источников сообщает, что некоторых их них не расстреляли, а отправили в публичный дом для военных в городе Сороки.[16]

Условия в гетто Кишинева были тяжелыми. Людей угоняли на работу за пределы гетто. Из 500 мужчин и 25 женщин, взятых на работы в каменоломни и на железнодорожную станцию Гидиницы (Ghidinici) 7 августа, 325 были расстреляны румынскими солдатами в течение первой недели.[17] Кишиневское гетто просуществовало недолго. В начале сентября 1941 г. румынские власти сообщили юденрату, что жители гетто будут отправлены в Транснистрию.

В июле и августе 1941 г. были уничтожены десятки тысяч бессарабских евреев. В центральных и южных районах Бессарабии убийства совершались легионами под командованием полковника Мекулеску.[18] В конце июля евреям Бессарабии и Северной Буковины приказали носить желтые нашивки. Одновременно на них были наложены многочисленные ограничения и запреты, им не выдавали талоны на питание, которые получало нееврейское население.

К концу июля румынские власти сделали попытку депортировать 25.000 – 27.000 евреев на восточный берег Днестра. Эти земли еще не перешли под власть Румынии, и целью депортации было уничтожение евреев руками немцев. Большую часть этих евреев переправили в район Могилев-Подольска. Однако немецкие военные власти, озабо-

ченные трудностями на фронте, не захотели заниматься депортированными и выслали их обратно в Бессарабию. Румыны, в свою очередь, попытались отказаться их принять. В донесении айнзацгрупп от 26 августа 1941 г.написано:

«Около 7.000 евреев находятся в окрестностях Могилева (Подольского)… Одна из партий, в которой находилось 6.000 евреев, была переправлена через Днестр, несмотря на протесты румынского офицера, надзиравшего за мостом… Оставшиеся евреи из числа депортированных из Румынии содержатся в трех лагерях».[19]

В донесении от 29 августа 1941 г. говорится, что 27.000 евреев, депортированных румынами в районы Могилев-Подольского и Ямполя, высланы обратно на территорию, управляемую Румынией (в Бессарабию), и из них 1.265 молодых людей расстреляны.[20] В действительности, к середине августа 1941 г. румынским властям пришлось принять обратно около половины депортированных. Оставшихся немцы и румыны расстреляли на восточной стороне Днестра.[21]

Параллельно с волной убийств и началом депортаций проходило сосредоточение евреев в нескольких крупных гетто. Евреи городов и местечек Северной Бессарабии, включая Хотин, в начале августа 1941 г. были согнаны в гетто города Секурени. К тому времени в городе уже не осталось местных евреев. Часть их них была уничтожена, другая часть депортирована на восточный берег Днестра в конце июля. В Секурени собрали более 20.000 евреев, но из-за голода и эпидемии холеры, вспыхнувшей в гетто от большой скученности, около половины евреев перевели в гетто города Единец.[22] Многие нашли в дороге свою смерть. Соломон Шапира описывает депортацию из Хотина:

«1 августа всё еврейское население было выслано из города… Нам не сказали, куда нас ведут… К физическим страданиям прибавилась жажда, мучившая нас… Ночные привалы в поле под открытым небом… превратились в сущий кошмар… Особенно страшными эти привалы были для молодых женщин. Их выбирали из «толпы», насиловали, а потом расстреливали. Потом снова начиналась пытка маршем, задолго до рассвета. Нас стал мучить голод… Тогда начали появляться корыстолюбивые лицемеры из соседних сел. Они приносили с собой продукты для обмена… За рубашку мы получали яйцо, за брюки – буханку хлеба, за ботинки – кувшин молока… Сельчане платили деньги сопровождающим колонну, чтобы последние разрешали им грабить упавших или отстающих евреев, прежде, чем их расстреляют…. Три недели мы беспорядочно плелись по пыльным извилистым дорогам Бессарабии, вдоль которых остались лежать бесчисленные незахороненные трупы, пока не вышли на берег Днестра, к местечку Атаки… В развалинах домов мы нашли евреев, депортированных из бессарабских местечек Липканы и Бричаны в Транснистрию… Идем дальше. Куда? Никто не знает. В начале сентября добрались до Секурян».[23]

Депортация евреев Хотина, как она описана в этом свидетельстве, не была исключительной. Похожую участь испытали десятки тысяч ев-

реев, которых гнали пешком в созданные для них временные гетто.

Еврейские общины южной Бессарабии были не такими многочисленными, как общины в ее северной и центральной частях. Одна из крупных находилась в городе Белгород-Днестровский (румынское название Cetatea-Alba), и насчитывала около 5.000 евреев. Относительно многие из них сумели эвакуироваться, в основном, в направлении Одессы. Евреи этого региона, включавшего Измаильский, Килийский и Тарутинский районы, которых до войны насчитывалось приблизительно 20.000, были уничтожены почти поголовно в местах их проживания в два первые месяца оккупации.[24]

Условия в гетто и лагерях были ужасны. Евреи попадали в них без еды и одежды – всё отбиралось по дороге жандармским конвоем – и содержались в большой тесноте, при отсутствии элементарной санитарии, что, в свою очередь, приводило к распространению эпидемий. Тех, кто выглядел здоровыми, использовали на тяжелейших физических работах. Ко всему прибавлялись издевательства румынских охранников. Итогом была высокая смертность узников – их число постоянно уменьшалось.[25]

Согласно донесению румынской жандармерии от 1 сентября 1941 г., на территории Бессарабии, включая район Хотина, находилось 72.625 евреев; на территории Северной Буковины, в Черновицком и Сторожинецком районах – 53.809 евреев.[26] Поскольку были и такие, кто скрыл свою национальность либо вообще не явился на перепись, а также учитывая, что в захолустных городках перепись вообще не проводилась, можно предположить, что в Бессарабии число евреев достигало 80.000, а в Северной Буковине – 60.000. Отсюда следует, что из 160.000 – 165.000 евреев, оказавшихся под оккупацией в Бессарабии, около 80.000 – 85.000 погибли в июле – августе 1941 г.; в эту цифру входят и около 13.000 депортированных в конце июля 1941 г. на восток Днестра, где их убили немцы. А из 70.000 евреев, оставшихся в Северной Буковине, погибло около 10.000 человек. Таким образом, общее число погибших 90.000 – 95.000 человек.[27]

После подписания Тигинского соглашения 30 августа 1941 г. Транснистрия перешла под власть Румынии. Теперь, когда переправы через Днестр оказались в руках у румын, они получили возможность выслать оставшихся буковинских и бессарабских евреев в Транснистрию и тем самым осуществить «этническую чистку», о которой говорил Ион Антонеску в начале июля 1941 г. В сентябре начались запланированные прежде депортации в Транснистрию, нацеленные на дальнейшую высылку евреев за Буг, на территории, оккупированные немцами, чтобы те уничтожили их, как и остальных евреев СССР. Однако немецкое военное командование отказалось принять евреев в связи с военным положением и нежеланием закупоривать дороги, необходимые для нужд армии, колоннами с десятками тысяч евреев, поэтому дальнейшие депортации были отложены. В пункте 7 Тигинского соглашения под названием «Вывоз евреев из Транснистрии» сказано:

«Высылка евреев за Буг в настояшее время невозможна. Поэтому

следует держать их в концентрационных лагерях и использовать на работах до окончания [военных] операций, когда депортации на восток станут возможными».[28]

Б. ДЕПОРТАЦИЯ В ТРАНСНИСТРИЮ

Румынское управление Транснистрии во главе с Георге Алексяну напрямую подчинялось Иону Антонеску. Транснистрию разделили на 13 областей, во главе каждой поставили префектов (губернаторов); области делились на уезды в соответствии с делением, принятым в советский период, и во главе каждой уездной администрации стоял претор. Префекты и преторы в подавляющем большинстве происходили из антисемитских кругов румынского общества. На них лежала ответственность за порядок и безопасность, а также за решение вопросов, связанных с евреями. Судьба евреев решалась в Бухаресте, однако румынская власть на местах могла внести свои коррективы.

В начале сентября 1941 г. Алексяну объявил о создании местной полиции из украинцев и молдаван. Полиция эта, известная как украинская полиция, активно участвовала в проведении антиеврейских мероприятий, в том числе охраняла созданные в Транснистрии гетто и лагеря. В Транснистрии были также дислоцированы как румынские военные силы, так и тыловые базы немецкой армии.

Антонеску приказал начать депортации 6 сентября 1941 г., ответственным за них он назначил генерала Иона Топора. Были определены пять переправ через Днестр, предназначенные для еврейских колонн (в районах Могилева-Подольского, Ямполя, Рыбницы, Тирасполя и Овидиополя), а по побережью Буга созданы четыре места сосредоточения евреев с целью их последующей депортации через Буг (соответствующие переправам сборные пункты в районах Печоры, Ободовки – Бершади, Кривого Озера и Богдановки).

Расстояние между переправой и местом сосредоточения составляло от 100 до 200 км и более.[29] Планировалось первыми депортировать евреев Бессарабии, за ними – евреев Северной Буковины.

Высылки из Бессарабии начались 12 сентября. Депортируемые должны были идти пешком, лишь в особых случаях разрешалось нанять подводу для перевозки больных, стариков и детей. Евреям следовало взять пищу с собой либо добывать ее в селах по пути следования. Средний дневной переход составлял 30 километров, с краткими привалами. Начальникам колонн приказали «расстреливать евреев, которые из-за слабости или болезни не в состоянии держать темп». С сентября по ноябрь 1941 г. по дорогам Бессарабии и Северной Буковины, а затем Транснистрии прошли десятки тысяч голодных и измученных людей. Тысячи тех, у кого не хватило сил, были расстреляны или умерли на обочинах дорог, многие расстались с жизнью при переправе через Днестр, упав с импровизированных и тесных плотов, или будучи сброшены в реку конвойными. Сопровождающие колонны жандармы отбирали у евреев последние остатки имущества. Украинская полиция, присоединившаяся к конвоированию после пе-

реправы через Днестр, в грабеже и издевательствах не уступала румынским жандармам. На ночных стоянках охранники насиловали молодых девушек, примеченных ими в течение дня. Депортации не были четко спланированы, румыны не определяли заранее пути следования колонн, места стоянок и даже конечные пункты концентрации. Во всей системе депортаций царил хаос. Даже убитых и умерших в пути зачастую не хоронили, и на обочинах дорог валялись бесчисленные трупы.

К концу сентября 1941 г. окончилось переселение евреев из Бессарабии за исключением Кишинёвского гетто, в котором содержалось около 10.000 евреев. 4 октября из Кишинёва вышла первая колонна депортируемых – 1.600 человек. Всех их убили на берегу Днестра, трупы бросили в реку. Депортации кишинёвских евреев завершились к концу октября. Около 200 евреев, спрятавшихся в городе и окрестностях, были пойманы в течение нескольких месяцев, и в мае 1942 г. их тоже отправили в Транснистрию.[30]

11 октября 1941 г., за день до начала депортаций из Северной Буковины, председатель объединения еврейских общин Румынии д-р Вильгельм Филдерман отправил Иону Антонеску взволнованное обращение – он просил прекратить депортации, ведущие к «смерти ни в чем не повинных людей» 19 октября Антонеску ответил ему открытым письмом, опубликованным в румынской прессе. Он обвинял бессарабских евреев в сотрудничестве с советским врагом во время вывода румынских войск из Бессарабии летом 1940 г., а на евреев возлагал ответственность за кровавую цену, заплаченную румынской армией в боях за Одессу (её оккупировали за три дня до того). Антонеску утверждал, что еврейские комиссары Красной Армии являются причиной её яростного сопротивления и потерь в рядах румын.[31]

12 октября 1941 г. из Северной Буковины вышла первая партия депортируемых. За несколько дней до этого еврейские жители сёл и провинциальных городков были переселены в гетто, созданные в Вашковцах, Строжинцах, Вижнице и Лужанах. 11 октября 50.000 черновицких евреев переселили в гетто, занимавшее всего несколько улиц в бедной части города. Вскоре начались депортации из Черновиц в Транснистрию. Городской голова Трайан Попович противился депортации по гуманным соображениям, и в своем обращении к Антонеску отметил ее экономическую нецелесообразность. Аналогичное обращение направили в адрес Антонеску и главы еврейских общин Румынии. В результате было получено разрешение оставить в Черновцах 20.000 евреев. Специальная комиссия отбирала евреев, которых выгодно было оставить в городе из экономических соображений. Списки составлялись при участии руководителей еврейской общины, и не обошлось без протекционизма и взяточничества.

Высылки из Буковины продолжались до середины ноября 1941 г.[32] Депортированных везли на поезде в лагерь Маркулешты в Бессарабии, в котором уже не было местных евреев, и его превратили в перевалочный пункт для евреев Северной Буковины. Здесь евреи

оставались несколько дней, в течение которых у них отнимали все их имущество, после чего вели к переправе в местечке Атаки (Atachi) в окрестностях Могилев-Подольского. Оттуда людей перевозили в Транснистрию. Рут Гласберг-Гольд, которой во время депортации из Черновцов в Транснистрию было 11 лет, свидетельствует:

«Мы забрались в вагон… там было, наверное, человек восемьдесят, сжатые, как звери в клетке… В вагоне был только маленький люк для проветривания, мы чудом не задохнулись… На четвертый день поезд остановился… Нас построили в колонну и повели по глубокой грязи к бессарабскому городку Маркулешты… Когда мы приблизились к городу, то вдруг услышали громкие крики… люди наткнулись на траншею полную трупов – мужчины, женщины и дети навалены один на другом. По слухам это были расстрелянные евреи, жители этого городка… Когда мы подошли к Днестру, колонну остановили… При продвижении вперед я наблюдала странное явление. По обеим сторонам дороги стояли на неодинаковом расстоянии друг от друга срубленные и заснеженные деревья. В них было что-то человеческое… Это оказались распухшие и замерзшие трупы людей из предыдущих партий, людей, которые не выдержали утомительного похода и навсегда остались на обочине… В конце концов мы подошли к окраине первого украинского города Ямполь… Первый попавшийся нам сарай был уже полон только что прибывшими людьми, хотя в нем лежали трупы, оставшиеся после предыдущих партий… Было невыносимо смотреть на эти горы трупов. Они были везде – в сараях, в подвалах и в домах. Мертвые неизбежно стали неотделимой частью нашего быта… и хотя мы жили с мертвыми, мы по-прежнему нуждались в пище и воде… Много дней мы не мылись и не меняли одежду. Все чесались, все давили вшей… Спустя несколько дней нам приказали снова отправляться в путь, в неизвестном направлении. Единственным изменением были присоединившиеся к колонне украинские коллаборанты… Они больше других радовались, когда грабили, мучили и убивали людей… Мы постоянно наблюдали трагедию разлучаемых семей. Задыхающегося старика отрывают от плачущего внука: пары, братья и дети, которые вынуждены оставить позади своих родных, слишком слабых и больных для того, чтобы продолжать идти, и обреченных на смерть в каком-нибудь стойле или прямо на дороге… Спустя примерно две недели после того, как мы покинули Черновцы, мы подошли к Бершади…»[33]

Такими же были судьбы многих других колонн, отправленных из Бессарабии и Северной Буковины.

Гетто в Черновцах закрыли в декабре 1941 г. Оставшимся в городе евреям разрешили вернуться в свои дома, тем временем разграбленные. Евреев заставили подписать заявления, что они нашли жилища в том виде, в котором оставили их. Отказавшихся подписать ждала депортация. Мужчин в возрасте с 16 до 60 лет отправили в рабочие лагеря. Материальное положение оставшихся в городе было тяжелым.

Румыны завладели еврейскими предприятиями, а специалистам требовалось получить разрешение на работу у властей. Работодатели-христиане использовали то, что работающие евреи не подлежали депортации, и платили им ничтожные суммы. Во время депортаций около 1.500 евреев приняли христианство во избежание высылки, однако позднее этих новообращённых власти обвинили в том, что они крестились только для видимости. Многих из них арестовали.[34]

Подавляющее большинство высланных из Бессарабии и Буковины пересекли Днестр в трех северных переправочных пунктах: Могилев-Подольском, Ямполе и Рыбнице – через них прошли, по румынским данным, 115.759 из 118.847 депортированных; через два южных пункта прошли только 3.088 человек.[35] Причина в том, что северные переправы находились ближе к местам концентрации евреев, а также в том, что к началу депортаций, в первых числах сентября, на юге Транснистрии (в районе Одессы) еще шли бои, продолжавшиеся до середины октября, и дороги были необходимы для армии. Поэтому большинство гетто и еврейских лагерей расположили в северной и центральной частях Транснистрии.

В указанное число депортированных входят и 21.000 евреев из южной Буковины, высланных в октябре, а также 9.000 евреев, высланных из района города Дорохой в первой половине ноября. Эти два региона оставались частью Румынии после аннексии Бессарабии и Северной Буковины Советским Союзом летом 1940 г. После оккупации Северной Буковины немецко-румынской армией южная Буковина была присоединена к ней.

Цифра примерно в 120.000 депортированных в Транснистрию опирается на данные румынских официальных источников, хотя возможно, что данные эти занижены и включают только тех евреев, которые пересекли Днестр и достигли Транснистрии, в отличие от тысяч погибших в пути. Число евреев на территории Бессарабии в начале депортаций в первых числах сентября 1941 г. можно оценить, на основе вышеприведенных данных, в 80.000 и выше. Все они, за исключением нескольких сотен, были высланы. Количество депортированных из Северной Буковины можно оценить в 40.000, не считая 20.000 оставленных в Черновцах. Таким образом, общее число депортированных в Транснистрию, включая десятки тысяч евреев южной Буковины и района города Дорохой, приблизительно равняется 150.000.[36]

Несмотря на планы собрать всех высылаемых в четырех крупных пунктах по берегу Буга, необходимые приготовления к этому не были проведены. К тому же надежды румын на возможность быстро переправить евреев через Буг, на подвластную немцам территорию Украины, таяли. Начальникам колонн пришлось оставлять десятки тысяч евреев в городах, местечках и сёлах, расположенных вдоль маршрутов депортации. Губернатор Транснистрии Алексяну к началу ноября обнаружил, что под его властью находятся многие тысячи евреев, местных и депортированных, и необходимо где-то селить их, пока не представится возможность переправить их через Буг. Распространение тифа в среде

депортированных только прибавило проблем, так как и среди конвоиров-жандармов были случаи заражения. Падение Одессы в середине октября 1941 г. привело тому, что под властью Алексяну оказалось еще более чем 100.000 советских евреев. Они представлялись ему врагами, от которых необходимо было избавиться любым способом.

Алексяну отправил в адрес Антонеску телеграмму с предложением временно заключить евреев в гетто и лагеря, созданные для этой цели, и использовать их на различных работах. Получив разрешение, Алексяну опубликовал 11 ноября Приказ № 23, определявший условия «организации жительства евреев в определённых местах» Транснистрии, пока не представится возможность от них избавиться. В приказе говорилось:

> *«Все евреи, входящие в состав одного поселения, образуют колонию, управляемую начальником колонии, назначаемым претором района из среды поселенцев... Каждый еврей, обнаруженный за пределами своей колонии без надлежащего на то разрешения будет рассматриваться как шпион и будет немедленно наказан на основании военных законов...»*[37]

«Колонии», о которых говорится в приказе, в действительности являлись либо гетто, либо рабочими лагерями. В параграфах приказа, касающихся использования еврейского труда, говорится, что специалисты будут соответственно своим профессиям служить у городского головы или сельского старосты. Неспециалистам вменялось заниматься «общественно полезным трудом»: полевыми работами, благоустройством дорог и мостов, заготовкой леса и дров, а также восстановлением промышленных предприятий и работой на заводах. За работу евреям была обещана крохотная плата в виде продуктовых карточек, однако это обещание осталось невыполненным. Согласно приказу, еврейские лагеря должны были подчиняться жандармерии, однако и преторы, командующие жандармерией на местах и военные власти – все они обладали обширными полномочиями в деле эксплуатации евреев. Из-за этого нагромождения полномочий, а также из-за коррупции в среде румынских аппаратчиков судьба евреев на практике зависела от воли их начальников.

Евреев Бессарабии и Буковины собирали на севере и в центре Транснистрии, в районах Каменец-Подольского, Тульчина, Балты и Голты (современное название Первомайск). Там депортированные смешались с местными евреями, оставшимися в живых после волны истребления. Юг Транснистрии с проходящими там стратегическими путями сообщения и с Одессой – местом резиденции Алексяну – предполагалось превратить в зону, свободную от евреев.[38]

Как указывалось выше, депортации в Транснистрию сопровождались разграблением и разорением еврейского имущества. Дома евреев с их содержимым переходили в собственность румынского правительства в соответствии с законом, опубликованным 3 сентября 1941 г. На дорогах евреев «неофициально» грабили жандармы и другие военные; а в местах концентрации и на переправах власти грабили их «офи-

циально» – представители национального банка Румынии. Они меняли, по самому низкому курсу, румынские деньги и рубли на особые немецкие банкноты (Reichskreditkassenshein), имевшие хождение только на оккупированных территориях СССР. Представители банка конфисковали у евреев все ценности за ничтожную плату, на практике даже и её не выплачивая, – огромные деньги и ценности осели в карманах чиновников. Подавляющее большинство депортированных лишилось последних средств существования.[39]

В. УНИЧТОЖЕНИЕ МЕСТНЫХ ЕВРЕЕВ ТРАНСНИСТРИИ В ИЮЛЕ – АВГУСТЕ 1941 Г.

Согласно данным переписи населения, в 1939 году в Транснистрии проживало около 320.000 евреев (далее – «местные евреи»), из них примерно 200.000 в Одессе и 80.000 в других местах Одесской области и Молдавской автономной республики, а немногим более 40.000 – на юге Винницкой области, присоединённой к Транснистрии. Большую часть населения Транснистрии составляли украинцы и русские, но проживали и около 300.000 молдаван (румын) и более 125.000 немцев, большинство на юге этой территории. Немало их стало пособниками немецких и румынских властей.

В Одессе в начале оккупации находилось около 100.000 местных евреев и от 5.000 до 10.000 еврейских беженцев из Бессарабии и с юга Транснистрии, не сумевших эвакуироваться дальше Одессы. В других районах Транснистрии из 120.000 проживавших там евреев остались под немецкой оккупацией, согласно оценкам, около 80.000 евреев. После захвата всей Транснистрии на ее территории находилось примерно 185.000 местных евреев.

До передачи под власть Румынии в начале сентября 1941 г. Транснистрией управляла военная немецко-румынская администрация. Уничтожение местных евреев проводилось силами айнзацгруппы D под командованием Отто Олендорфа при участии местной полиции. Евреи Транснистрии впервые упоминаются в отчёте айнзацгрупп 5 августа 1941 г., в котором говорится о проявлениях ненависти к евреям со стороны местного украинского населения. О казнях евреев Транснистрии написано и в других августовских отчётах: в документе от 7 августа 1941 г. сказано, что «в ответ на беспорядки и случаи нападения на немецкую армию в городе Кодыма прошли акции против евреев... 97 евреев были расстреляны, а 1.756 взяты в заложники. Заложники берутся в каждом новом месте и расстреливаются за самые малейшие проступки».[40] В донесении от 23 августа говорится, что в местечке Бабчинцы к востоку от Могилев-Подольского айнзацкоманда 12 расстреляла 94 евреев.[41] Из сентябрьских донесений айнзацгруппы D понятно, что почти все ее подразделения уже действуют на территориях к востоку от Буга, за пределами Транснистрии.

Могилев-Подольский, второй по величине город Транснистрии (после Одессы), был оккупирован немецкой и румынской армиями 19

июля 1941 г. Накануне войны в нем проживало около 9.000 евреев, две трети из них эвакуировались, а около 3.000 остались под немецкой оккупацией. 15 августа 1941 г. немецкая военная администрация заключила евреев города в гетто. Ни в донесениях айнзацгрупп, ни в других источниках нет сведений об акциях уничтожения евреев города.[42]

В Тирасполе, столице автономной республики Молдавия, накануне войны проживало 12.000 евреев. В городе, после его захвата 8 августа 1941 г., осталось 8.000-10.000 евреев, включая беженцев из Бессарабии. В донесениях айнзацгрупп факты расстрелов евреев в Тирасполе не упоминаются. После перехода этого региона под румынскую власть начались массовые расстрелы евреев. В районе Закрепостной Слободки убили более 4.000 евреев 12 сентября 1941 г., из них около 2.500 евреев расстреляли во дворе табачной фабрики; еще 1.500 в загородных каменоломнях. Часть трупов бросили в Днестр.[43] В Дубоссарах в августе 1941г. было создано гетто. В сентябре 1941 г. там было расстрелено около 6.000 евреев из города и окрестностей и ликвидавано гетто.[44]

Немецким поселенцам в Транснистрии – фольксдойче – была, под покровительством Германии, к неудовольствию румын, предоставлена обширная административная автономия. Ими напрямую занимался «Vomi» (Volksdeutsche Mittelstelle) – специальный отдел при ставке Гиммлера, созданный для связи и нужд немецкого населения за пределами Германии. Отдел помогал немцам и пользовался их услугами в соответствии с политикой третьего рейха и его целями. Айнзацгруппы вместе с Vomi создали специальное подразделение СС из немецких поселенцев в Транснистрии – зондеркоманду R под командованием бригаденфюрера СС Хорста Хофмаера. В немецких поселениях организовали также подразделения самообороны (Selbstschutz), в состав которых входило от 8.000 до 9.000 человек и которые приняли активное участие в уничтожении евреев Транснистрии.[45]

При вступлении румынской армии в Транснистрию, но еще до её официальной передачи под румынское управление румынский генерал Гуго Шваб опубликовал приказ № 1 на румынском, немецком и русском языках:

«Евреи будут находиться в гетто, колониях и рабочих лагерях. Каждый, находящийся на территории Транснистрии еврей, который в течение десяти дней после публикации этого приказа не заявит властям о месте своего жительства, будет расстрелян. Евреям запрещается выходить за пределы гетто, рабочих лагерей и колонн без разрешения властей. Нарушившие этот приказ будут расстреляны... Каждый эвакуированный [депортированный] в Транснистрию еврей, пытающийся вернуться или вернувшийся в Румынию, будет расстрелян. Каждого предоставляющего евреям убежище... ждет тюремное заключение от 3 до 12 лет и штраф в размере от 100 до 200 марок».[46]

Приказ этот оставался в силе и после перехода Транснистрии под власть Румынии в начале сентября 1941 г. Несмотря на ограниченное

число сведений, можно считать, что общее число местных евреев, убитых в Транснистрии, достигает 15.000 – 20.000. Исходя из этого предположения, 60.000 – 65.000 местных евреев (не считая евреев Одессы), оказавшихся под немецко-румынской оккупацией, были живы, когда регион перешёл под власть Румынии в начале сентября 1941 г.

Г. ТРАНСНИСТРИЯ ПОД РУМЫНСКОЙ ВЛАСТЬЮ – УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ ОДЕССЫ И МАССОВАЯ СМЕРТНОСТЬ МЕСТНЫХ И ДЕПОРТИРОВАННЫХ ЕВРЕЕВ.

С сентября 1941 г. по март 1942 г. евреи Транснистрии были вовлечены в водоворот трагических событий. Из 315.000 – 320.000 евреев, находившихся там в начале этого периода, около 150.000 являлись депортированными из Бессарабии и Буковины. Остальные были местные евреи и беженцы, пережившие августовскую волну погромов до передачи Транснистрии под власть румын.

Первыми шагами румынских властей стало переселение евреев в гетто и лагеря и использование евреев в возрасте от 14 до 60 лет на тяжелых работах. Евреям приказали носить желтую нашивку с магендавидом, а в гетто назначили юденраты и создали еврейскую полицию. В середине октября начальник жандармерии Транснистрии полковник Эмиль Бростяну доложил губернатору Алексяну о завершении переселения местных евреев в гетто и лагеря.[47] Два процесса шли тогда в Транснистрии одновременно: массовые расстрелы, в основном, местных евреев, и массовая гибель от болезней и голода, в основном, в среде депортированных из Бессарабии и Буковины.

Уничтожение евреев Одессы

С передачей Одессы румынам город превратился в столицу Транснистрии. Оставшееся в Одессе еврейское население состояло преимущественно из детей, женщин и стариков. Большинство мужчин были призваны в армию, в особенности, во время осады города, или эвакуированы. Уже в первые сутки оккупации были арестованы и убиты сотни евреев, в основном, из среды интеллигенции. Существует список с именами 60 врачей и ученых, находившихся среди расстрелянных. 17 октября, на второй день оккупации, мужчинам, оставшимся в городе, приказали пройти регистрацию. 3.000 – 4.000 евреев, которых якобы опознали как коммунистов, были уведены с места регистрации в тюрьму, ипосле пыток и издевательств расстреляны за городом на морском берегу. В убийстве принимали участие айнзацкоманда 11-б и подразделение особой румынской разведслужбы.[48]

22 октября 1941 г. в 17 часов 35 минут взорвался штаб румынского военного командования города. Это здание, в котором до оккупации располагались органы НКВД Одессы, было заминировано перед уходом из города советской армии, и особая группа НКВД, оставленная в городе для этой цели, подорвала его с помощью дистанционного управления. При взрыве погибли военный комендант города генерал Глогожану (Glogojeany), 16 румынских офицеров, 35 солдат, 9

сержантов, 4 немецких офицеров, а также гражданские лица, работавшие в здании. Через несколько часов после взрыва новый военный комендант города командующий 4 армией генерал Константин Тресторяну объявил: «Я принял меры к тому, чтобы повесить на площадях Одессы евреев и коммунистов». На следующий день Ион Антонеску приказал румынскому командованию Одессы в этот же день, 23 октября, за каждого погибшего во время взрыва офицера расстрелять 200 коммунистов, за каждого погибшего солдата – 100 коммунистов, а также взять в заложники всех одесских коммунистов и по одному человеку из каждой еврейской семьи.[49]

Поиск коммунистов требовал усилий и времени, тогда как отождествление евреев с коммунистами и применение приказа к ним являлось значительно более простой задачей. На следующий после взрыва день были пойманы, расстреляны или повешены на площадях и перекрестках города, на деревьях, на электрических и телефонных столбах, а также на перекладинах, специально прибитых между деревьями, около 5.000 евреев. Казни провели солдаты 10-й дивизии и военные жандармы. В тот же день был опубликован приказ об обязательном переселении евреев в село Дальник вблизи от города. Но в Дальник отправили только часть евреев, остальных – в городскую тюрьму. Поход в Дальник описан в монографии, составленной в Одессе в 1946 году:

«Десятки тысяч евреев – мужчин, женщин, стариков и детей – сгонялись под конвоем в тюрьму или двигались «добровольно», вдоль увешанных трупами улиц в Дальник... Больные, слабые и калеки, не выдерживавшие темпа движения, пристреливались тут же на месте. Весь длинный путь к тюрьме и Дальнику был усеян мертвецами. Конвоиры здесь же по дороге грабили обреченных на гибель людей. Тысячи людей, следуя мимо первого и второго еврейского кладбища, вливались во двор старой Одесской тюрьмы... Другой поток, двигаясь через Молдаванку и бесконечно длинную Дальницкую улицу, шел на Дальник. Уже после того, как много тысяч евреев «успело» выйти за пределы городской черты, и попасть в Дальник, неожиданно было объявлено, что евреи «прощены» и что им разрешено возвратиться домой... Большинство отпущенных застало свои квартиры занятыми, а имущество разграбленным».[50]

В Дальник пришли около 25,000 одесских евреев. Первых 3.000 – 5.000 пришедших евреев отконвоировали к противотанковым рвам, где румынские солдаты стали расстреливать их группами в 40 – 50 человек. Затем начальство решило, что этот способ уничтожения слишком медленный. Убийцы нашли неподалеку большие деревянные склады. Евреев затолкали внутрь – три склада набили женщинами и детьми, а четвертый – мужчинами, и румынские солдаты открыли по зданиям пулеметный огонь, а затем забросали их гранатами. Когда, по прошествии нескольких часов, выяснилось, что не все евреи погибли, решено было облить склады горючим и поджечь. Свидетель, румынский лейтенант Някшу (Neacsu) пишет:

«Когда здание загорелось, люди, находившиеся внутри, раненные

и здоровые, пытались выпрыгнуть из окон или вылезти через крышу. Солдатам был отдан приказ стрелять по беглецам. Были такие, кто, пытаясь избежать смерти в огне, становился в проходе и махал солдатам чтобы стреляли… Акция продолжалась до ночи и при отблесках пламени картина выглядела еще ужасней… Некоторые женщины выбрасывали из окон своих детей».[51]

А вот как описывает эту акцию А. Спино, один из спасшихся:

«Мы почувствовали запах бензина… Стоявший около меня румынский еврей обратил внимание на ржавый лом, стоявший в углу. Мы с усердием начали долбить стену и землю… Нам повезло. Наш склад был на краю, у дороги. Мы проделали дыру и высунули головы. Дым, запах гари и никого вокруг. Я быстро выполз наружу, за мной мой товарищ. Мы подползли к колючей проволоке, сделали под ней подкоп и оказались в поле. Из-за дыма не видно было ни зги, как ночью… Мы направились в город».[52]

Склады горели несколько дней, после чего сюда пригнали местных жителей, заставили их выкопать рядом глубокие траншеи, и в них румынские солдаты захоронили останки. Существует несколько предположений относительно числа убитых в дальниковских складах, оно колеблется между 20.000 и 22.000.[53]

После акции уничтожения в Дальнике, в конце октября – начале ноября 1941 г. еще около 30.000 одесских евреев были пешком отправлены в село Богдановка Доманёвского района, расположенное на берегу Буга.[54]

Доманёвский район, находившийся в 150 км к северо-востоку от Одессы, благодаря малой населенности подходил для осуществления политики румынского правительства по депортации евреев. Для концентрации евреев румыны отвели несколько мест в Голтской области (по административному делению Транснистрии), самые крупные, помимо Богдановки, Доманёвка и Ахмечетка. Ответственным за Голтскую область был полковник Модест Исопеску (Isopescu), известный своей жестокостью.

Параллельно с массовыми убийствами в Одессе продолжались аресты евреев. Некоторая часть арестованных, в основном женщины и дети, были отпущены в начале ноября. 7 ноября всем евреям мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет приказали незамедлительно явиться в центральную тюрьму, взяв с собой самое необходимое, а также продукты питания. Было объявлено: тот, кто не явится на место сбора в течение 48 часов после публикации приказа – будет расстрелян на месте. Жителям города вменялось доносить в ближайшие полицейские участки о неподчинившихся евреях. Тех, кто спрячет евреев или, зная об их местонахождении, не донесёт на них, ждала смертная казнь.[55] 17 ноября 1941 г. появился ещё один приказ: «Все лица еврейского происхождения, проживающие в Одессе, обязаны до 12 часов 19 ноября 1941 г. заявить о всех имеющихся у них драгоценных предметах, камнях и металлах (платина, золото, серебро) в любой форме. Уклонившихся ждёт смертная казнь».[56]

20 ноября была опубликована формулировка определения «еврей», в основе своей не отличающаяся от принятой и на остальных оккупированных территориях СССР: «Евреями считаются все лица, которые имеют одного из предков по мужской или женской линии еврея». Такая формулировка была суровей, чем Нюрнбергские законы, принятые в Германии. Кроме того, согласно этому приказу евреями считались также те, кто придерживался иудейской религии, хотя с расовой точки зрения был арийцем. В смешанных семьях супруги евреев тоже считались евреями, и все антиеврейские распоряжения распространялись и на них. В этих формулировках не встречается понятие «рожденный от смешанного брака», имеющееся в Нюрнбергских законах.[57]

В ноябре – декабре 1941 г. в Одессе не проводились акции массового уничтожения, но продолжались депортации евреев в Богдановку. Партии составлялись из евреев, заключенных в тюрьму, евреев призывного возраста, в которых власти видели военнопленных, еврейских беженцев из Бессарабии, которым было сказано, что их возвращают в Бессарабию, евреев Тирасполя и окрестностей а также евреев, депортированных из Бессарабии и Буковины. Людей гнали в Богдановку пешком, колоннами в тысячи человек, и марш длился от двух до трех недель. Не все гонимые выдержали трудности пути, многие погибли либо были расстреляны румынским конвоем. Старостам сел, расположенных вдоль пути депортации, было приказано «принять следующие меры к предотвращению эпидемий: все трупы лошадей, скота и евреев закапывать на глубину не менее двух метров».[58]

В местах сосредоточения в селах Богдановка, Врадиевка и Кривое Озеро уже к середине ноября 1941 г. было истреблено около 10.000 человек из 28.000 собранных там евреев, в большинстве жителей Одессы, а также центра и юга Транснистрии. Каждый день умирало до 500 человек. Тех, кто остался в живых, собрали в Богдановке.[59]

18 декабря 1941 г. после прибытия последней партии из Одессы численность евреев в Богдановке достигло 55.000, из них предположительно 35.000 из Одессы. В Богдановке их поселили в совхозных свинарниках, бараках и импровизированных палатках в условиях страшной скученности, при отсутствии элементарной санитарии. У многих вообще не было крыши над головой. Румынские жандармы и их начальники, а также местные полицаи, охранявшие лагерь, извлекали выгоду из царившего там голода. Так, например, за стакан горячей воды они требовали часы, а за кусочек хлеба – большую сумму денег либо золото. В лагере вспыхнула эпидемия тифа – каждый день умирало от 500 до 700 человек. Болезнь распространилась и среди охранников, затем среди местного населения и румынских солдат, дислоцированных неподалеку. Поскольку ни губернатор района, ни румынская армия, расположенная здесь, не смогли справиться с болезнью, а также с захоронением тысяч умерших евреев в мерзлой земле, румынские военные потребовали срочно решить еврейский вопрос, прежде чем эпидемия перекинется на армию в целом.[60]

В результате обсуждения, имевшего место в Бухаресте 16 декабря 1941 г. по вопросу о евреях Голты, правительство Румынии предоставило Алексяну свободу действий, не дожидаясь согласия немцев принять евреев на восточном берегу Буга. Во время этого обсуждения Антонеску сказал: «что до меня, так все евреи могут умереть». При отсутствии возможности переправить евреев через Буг решением стало убийство евреев, уже собранных в Богдановке, а также тех, кто прибудет туда впоследствии. Приказ расстрелять евреев Богдановки был дан Исопеску устно, через специального посланника, и когда он был передан командиру жандармского участка в Богдановке старшему сержанту Николаю Малинеску, тот потребовал письменного приказа. Исопеску решил возложить эту задачу на подразделение украинской полиции и на подразделение местных фольксдойче, вместе составивших 70 человек, под командованием украинского полицая Афанасия Андрусенко, прибывшего в Богдановку из Голты 20 декабря 1941 г.

Расстрелы начались 21 декабря. Они проводились в нескольких ведущих к Бугу оврагах, в двух – трех километрах от лагеря, группами по 300 – 400 человек. Перед уничтожением евреям приказали сдать все имеющиеся у них деньги и ценности, и уже под дулом автомата у них продолжали отбирать золотые кольца – иногда отрубая пальцы – и ударами прикладов выбивали изо рта золотые зубы.

21 декабря собрали 4.000 – 5.000 евреев, стариков, больных, инвалидов и детей – тех, кто был не в состоянии идти к месту расстрела – согнали в четыре свинарника и подожгли. Крики сжигаемых были слышны десяткам тысяч евреев, закрытых в других свинарниках. Убийство продолжалось по 23 декабря, до кануна Рождества. 24 декабря акция прекратилась, и полицейские получили выходные на праздничные дни. 28 декабря убийства возобновились и длились до вечера 30 декабря, после чего вновь были остановлены, чтобы дать полицейским возможность отметить Новый Год. 3 или 4 января истребление продолжилось, в менее интенсивном темпе, до 9 января 1942 г., когда в Богдановке не осталось больше евреев, за исключением 200 человек, отобранных для сжигания трупов, продолжавшегося до конца 1942 года.[61]

Число расстрелянных и сожженных в Богдановке достигает 48.000 человек, а вместе с умершими в лагере в течение двух месяцев его существования эта цифра вырастает до 54.000 – 55.000. Лишь немногим евреям удалось бежать из Богдановки, среди них несколько из сжигавших трупы и затем отправленных на принудительные работы в местный совхоз.[62]

2 января 1942 г., в разгар массовых убийств в Богдановке, Алексяну от имени Иона Антонеску опубликовал приказ № 35 о депортации евреев Одессы:

«Все евреи, находящиеся в г. Одессе и её окрестностях, эвакуируются из этого города и поселяются в северной части Очаковского уезда и южной части Березовского уезда в населенные пункты, установленные администрацией... Евреям разрешается продавать свое имущество только через сеть бюро, которые откро-

ются при полицейских участках и в соответствии с установленными правилами… В местности, куда их поместят, евреи будут жить на свой счет... Они могут быть использованы на всякую работу… Вывоз евреев начнется 10-го января…»[63]

Время появления приказа было связано с событиями на военном фронте: под Москвой немецкую армию заставили отступить; немецко-румынская атака на Севастополь захлебнулась; советские войска высадились в Феодосии в последние дни декабря 1941 г. и румынское военное командование опасалось повторения этой операции и в Одессе. Главнокомандующий румынской армией генерал Тетеряну 28 декабря 1941 г. отправил секретную телеграмму военному командованию региона Одессы и губернатору Транснистрии: «Из-за нехватки сил в Одессе мы ожидаем неприятного сюрприза. Из-за этих евреев может случиться беда, если русские высадятся в Одессе и окрестностях. Маршал Антонеску сказал: держать их будет преступлением…»[64]

Чтобы облегчить контроль над евреями, проживающими по всему городу, и ускорить экспроприацию их имущества, ответственные за депортацию решили собрать евреев во временном гетто и затем оттуда их изгонять. 10 января 1942 г. румынская комендатура в Одессе опубликовала приказ № 7 о создании гетто. Местом его назначался пригород Слободка. Евреям разрешалось взять с собой только носильные вещи, необходимые предметы хозяйства, а также инструменты. Мебель и другое имущество было приказано оставить в квартирах, они подлежали описи, порученной домовым комитетам. Евреев, не переселившихся в гетто, ждала смертная казнь, а тех, кто будет прятать евреев – арест и принудительные работы сроком от пяти до десяти лет.[65]

Утром 10 января улицы Одессы заполнились евреями, в подавляющем большинстве детьми, женщинами и стариками. Люди с узлами на руках и спинах шли на Слободку. Больных несли на носилках или везли на тачках. На тротуарах стояли солдаты и местные хулиганы, которые время от времени отбирали у идущих баулы и сумки с криком: «Тебе уже не понадобится». Стоял 30-градусный мороз. Отстающих и ослабевших расстреливали тут же. Трупы евреев неделями валялись на улицах. Об этом упоминается в донесении служащего городской управы начальству от 25 января:

«В районе Заставы 2, на Старом базаре между Александровским проспектом и Успенской улицей, за Слободкой и по дороге к Слободке валяются трупы замерзших евреев, некоторые трупы окровавлены… Предполагают, что этих евреев раньше застрелили или убили и бросили на дороге… Трупы евреев никто не убирает... Население обращает внимание на трупы, останавливается около них и разговаривает».[66]

Евреям не дали двух обещанных в приказе дней на сборы и переезд в гетто. Их выгоняли из домов, а соседи врывались в их квартиры и завладевали оставленным еврейским имуществом. Христианских жителей Слободки не переселили в другие районы, так как гетто предполагалось временным местом, где евреи пробудут от нескольких дней до

нескольких недель. Немало хозяев квартир на Слободке разбогатело, сдавая евреям жилплощадь или предоставляя им угол в собственных квартирах. Евреи также заполнили здание школы, помещение суконной фабрики и другие общественные здания, и, тем не менее, слишком многие остались без крыши над головой, на страшном морозе. Продукты питания, принесенные с собой, кончились в считанные дни, и жители гетто стали голодать. Чтобы не дать евреям возможность покупать на рынке еду в утренние часы, когда христианские жители района делали свои покупки, им запретили посещать районный рынок до 12 часов дня. После полудня рыночные торговцы поднимали цены, и жителям гетто приходилось тратить последнее на продукты питания. Находились и такие, кто выбирался из гетто после наступления темноты, тайно или подкупив охранников, и покупал или получал от знакомых пищу. Многие десятки из них были пойманы и расстреляны. Некоторые местные жители приносили в гетто продукты для своих родных и друзей.

В гетто свирепствовали болезни, для борьбы с которыми еврейские врачи создали больницу – однако её деятельность не могла предотвратить высокую смертность жителей гетто.[67] Из-за недолговечности гетто румынские власти не назначали в нем юденрат или какое-либо другое еврейское представительство. Не все одесские евреи подчинились приказу о переселении в гетто, многие спрятались в городе. Сотни нашли убежище в катакомбах – подземном лабиринте под городом, с переходами длиной до десятков километров – однако в них трудно было оставаться длительное время. Об этом пишет Давид Стародинский:

> *«Предложили мне с матерью и другим соседям спрятаться в катакомбах, которые начинались в подвале нашего дома. В катакомбах нас собралось около двадцати человек. Катакомбы представляли собой сводчатый коридор, расположенный на глубине пяти-шести метров... Со стороны подвала мы соорудили каменную стенку, которая должна была нас скрыть в случае, если в подвал попадут нежеланные гости... Высота коридоров не превышала полутора метров, поэтому стоять было невозможно... Мы находились под постоянным страхом. Каждую минуту мы могли быть обнаружены, а это означало смерть... Чтобы надежней спрятаться, мы решили пробиться вглубь катакомб. Для этого нужно было разобрать стену... толщиной в полметра... Вскоре нам поневоле пришлось прекратить разборку стены. Непрерывные удары ломом были услышаны в соседних домах, возникли подозрения, и наше положение стало еще более угрожающим... После трехнедельного пребывания под землей мы вынуждены были покинуть свое убежище... Было решено... направиться на Слободку и сдаться на милость врага».*[68]

Депортации из гетто на Слободке в Очаковский и Березовский районы начались 12 января 1942 г., через два дня после создания гетто, и продолжались до конца февраля – начала марта 1942 г. Алексяну опубликовал подробную «Инструкцию для эвакуации еврейского населения из г. Одессы и его окрестностей», в соответствии с которой были созданы «центральное бюро по эвакуации», а также его отделения в

шести районах города. Инструкция разрешала «эвакуируемым» брать с собой деньги (только марки, имевшие хождение на оккупированной территории), а также еду и одежду, общим весом до 25 кг. Ценности и другую валюту брать с собой запрещалось. Районные отделения бюро по эвакуации должны были переписать депортируемых, взять у них деньги и ценности и обменять их на бесполезные марки. В инструкции указывалось, что колонны высылаемых пойдут пешком, под охраной, до железнодорожной станции Одесса-Сортировочная, находящейся примерно в 10 км от Слободки, а оттуда проедут в товарных вагонах 83 км до станции Березовка. Из Березовки депортируемые пойдут пешком в места, которые укажут им местные румынские власти. Стариков, женщин и детей, а также багаж, повезут подводы.[69]

Число евреев в Одессе к началу депортаций равнялось 40.000 человек. В рапорте от 18 января 1942 г., который подал штабной офицер, посланный командованием 3-й армии для наблюдения за вывозкой евреев из Одессы, сказано: *«В соответствии с проведенной регистрацией установлено, что число евреев в Одессе равняется 35.000».*[70] Разница между фактическим числом евреев в Одессе накануне депортаций и числом евреев, зарегистрированных в гетто, является результатом того, что несколько тысяч евреев не переехали на Слободку, а прятались в городе. В опубликованном 16 марта 1942 г. приказе № 9 генерала Г. Чалика, военного коменданта Одессы, говорится:

> *«...Есть евреи, скрывающиеся от властей... Они прячутся в различных местах города Одессы, некоторые их них имеют фальшивые документы. До сведения этих евреев доводится, что им следует добровольно сдаться румынской полиции в течение пяти дней со дня публикации этого приказа. Не явившиеся будут расстреляны сразу же после их обнаружения».*[71]

В марте 1942 г. депортации завершились, гетто прекратило свое существование, хотя на его территории еще продолжала действовать больница, расположенная в трехэтажном здании бывшего общежития морского училища. В больнице находились более 500 больных сыпным тифом и обслуживающий их медперсонал. Румыны решили не депортировать больных, и когда об этом стало известно, врачи поместили в больницу здоровых евреев, пытавшихся избежать депортации. Больница эта, со всеми больными и персоналом, просуществовала в Одессе до июня 1942 г.[72]

Кровавая жатва на дорогах и в лагерях Голтского района

Уже на пути между Слободкой и Одессой-Сортировочной начались убийства и издевательства. Депортированные, в основном, дети, женщины и старики, должны были пройти пешком путь в несколько километров, частично затопленный морской ледяной водой после прорыва плотины во время боев за город. Для сотен людей этот путь в несколько километров в ледяной воде, доходящей до колен, стал маршем смерти: они не могли двигаться дальше из-за замерзших ног и были расстре-

ляны на месте. Участь «счастливчиков», ехавших на подводах, была немногим краше. Возчики – а среди них немало фольксдойче – требовали у стариков и больных последние деньги и ценности под угрозой ссадить с повозки. Были случаи, когда возчики ссаживали своих обобраных до нитки пассажиров на полпути и брали новых, чтобы поживиться и на них. Это делалось с ведома сопровождавших колонны жандармов, с которыми возчики делились добычей.[73]

Переезд до Березовки, в товарных вагонах, в страшной тесноте, без пищи и воды и при сильном морозе тоже стал для многих последним путём. На остановках жандармы врывались в вагоны, выбрасывали наружу трупы и умирающих, затем стаскивали их в кучу, поливали бензином и поджигали.

Из Березовки евреев пешком гнали в сторону сёл Мостовое и Доманёвка, а оттуда – в Ахмечетку, Богдановку и другие лагеря. Такие марши длились два–три дня, и на их дорогах оставались трупы умерших и убитых.[74] 17 января 1942 г. полковник Броштяну, жандармский инспектор в Транснистрии, доносил:

«Со станции Березовка людей под охраной разводят по поселениям... По дороге, из-за мороза, достигающего 20 градусов, а также в силу возраста, недостатка еды и плохого здоровья, многие падают и замерзают насмерть... Вдоль дороги остаются трупы, которые закапывают в противотанковых рвах...».[75]

Многие были расстреляны жандармским конвоем. В Одесском Историческом Архиве находятся документы, подтверждающие, что в одном из сёл Мостовского района «оккупанты расстреляли 5.000 эвакуированных из Одессы граждан, среди которых были дети» и что «на хуторе Имерцаки Мостовского района оккупанты расстреляли 2.000 эвакуированных из Одессы граждан, в том числе детей». Аналогичная информация имеется и о хуторе Лопатово, где казнили 340 изгнанных из Одессы.[76]

Доманёвка упоминается как второй после Богдановки лагерь по количеству убитых. Вначале здесь создали рабочий лагерь для обеспечения других мест района еврейской рабочей силой. Но когда Богдановка переполнилась депортированными, некоторые колонны из Одессы, Очакова и Березовки были оставлены в Доманёвском лагере. Первые партии попали в Доманёвку уже в декабре 1941 г., а к концу января 1942 г. там уже оказалось около 20.000 евреев. Их поместили в конюшни, свинарники и другие полуразрушенные здания, без минимальных условий гигиены и без какой-либо медицинской помощи. В лагере вспыхнули эпидемии тифа и дизентерии, от которых каждый день умирали десятки евреев. Из-за невозможности захоронить трупы в мёрзлой земле их складывали в кучу в бывших конюшнях, где они становились добычей собак и диких животных. Подросток Лев Рожецкий, один из немногих оставшихся в живых в Доманёвке, вспоминал:

«На середине Доманёвки находились две полуразрушенные конюшни... Смерть... Лежат в разнообразных позах старики, женщины. Мертвая мать сжимала в объятиях мертвого ребенка. Ветер

шевелил седые бороды стариков. Сейчас я думаю: как я тогда не сошел с ума? Днем и ночью сюда со всех сторон сбегались собаки. Доманёвские псы разжирели, как бараны. Днем и ночью они пожирали человеческое мясо, грызли человеческие кости. Смрад стоял невыносимый. Один из полицейских, лаская пса, говорил: «Ну что, Полкан, наелся жидами?»[77]

Чтобы избежать распространения болезней среди нееврейского населения и солдат, румынские власти и здесь решили уничтожить евреев лагеря. В убийстве участвовали румынские жандармы и местная украинская полиция под командованием румына Михаила Казакевича. Акции уничтожения в Доманёвке начались примерно 10 января 1942 г., после окончания убийств в Богдановке, и продолжались до конца февраля 1942 г. Людей собирали группами по 300 – 400 человек, отводили в близлежащий лес и там расстреливали. Время от времени процесс убийства приостанавливался на несколько дней. Общее число уничтоженных в Доманёвке равняется примерно 18.000. Из нескольких сот оставшихся в живых набрали группу в 50 – 60 человек, здоровых и сильных – они несколько месяцев занимались раскапыванием могил и сжиганием трупов. Другие евреи, в основном женщины, использовались на различных работах в районе. Все это время в Доманёвку продолжали прибывать евреи из Одессы, прежде прятавшиеся в городе.[78]

В село Ахмечетка вблизи от Доманёвки, как правило, посылались нетрудоспособные старики, женщины и дети. Их помещали в свинарниках и сарае без дверей и окон. Лагерь был окружён канавой. Депортированным не давали никакой еды, и узники выменивали свою последнюю одежду на несколько картошек. Евреи Ахмечетки были приговорены к смерти не от пули, но от голода и болезней. Вот что пишет Давид Стародинский, побывавший сначала в Доманёвке, а затем в Ахмечетке, и сумевший бежать:

«Страшнее Ахмечетки трудно что-либо придумать. Тысячи людей, изолированные от внешнего мира, без пищи, обреченные на голодное вымирание. Первыми умирали мужчины, их выносливость уступала женской. Хоронить их было некому. Один из бараков был предназначен для умирающих, которые уже не могли передвигаться... Режим в Ахмечетке был чрезвычайно строг... подростки, борясь с голодной смертью, выходили из лагеря, чтобы раздобыть какую-нибудь пищу, но это всегда кончалось их гибелью. Я видел, как полицай застрелил еще совсем ребенка, выползшего через канаву...»[79]

В конце 1941 г. – начале 1942 г. в Ахмечетке находилось около 4.000 человек. Люди умирали в лагере ежедневно. Число погибших там до весны 1942 г. оценивается примерно в 4.000, однако в более поздний период существования лагеря их число выросло до 7.000 – 8.000 жертв.[80]

В конце февраля 1942 г. массовые расстрелы евреев прекратились. Закончились и массовые депортации из Одесского гетто на Слободке, почти совсем опустошённого от еврейских жителей. Евре-

ев, оставшихся в гетто и лагерях, румынские власти теперь посылали на принудительные работы, обрекая их на смерть от голода и болезней. Расстрелы, однако, не прекратились полностью: начиная с марта 1942 г. немало евреев из различных лагерей Березовского района были расстреляны немецкой полицией, набранной из немецких поселений Березовского района, и зондеркомандой R, в которую входили местные фольксдойче. В донесении румынской жандармерии от 18 марта 1942 г. сказано, что немецкой полицией расстреляны 483 еврея. В донесении от 24 марта 1942 г. указывается, что 9 марта в лагере Чирин расстреляны 772 еврея, а 13 марта эсэсовцы (имеется в виду зондеркоманда R) расстреляли 650 евреев из лагеря Гулиевка; в обоих случаях убийцы взяли себе деньги и вещи убитых. В другом донесении от того же месяца жандармерия докладывает об убийстве 120 евреев из лагеря Катушье (Catusea), произведенном немецкой полицией, также присвоившей себе вещи казнённых. В июньском донесении говорится, что в конце мая немецкими полицаями из села Лихтенфельд в колхозе Сухая Верба были убиты 1.200 евреев.[81] Согласно этим рапортам, число уничтоженных одесских евреев равняется 3.255.

Имеются сведения об истреблении в других лагерях Веселиновского, Мостовского и Березовского районов; указываются даты и места расстрелов одесских евреев: в марте 1942 г. 5.700 человек, в апреле – еще 600.[82] Видимо, подавляющее большинство этих евреев было расстреляно немецкой полицией и зондеркомандой R. Общее число расстрелянных (в основном, в марте) одесских евреев, согласно вышеприведённым источникам, составляет более 9.500 человек.[83]

Массовые расстрелы евреев были также проведены в районе города Дубоссары. Там в течение месяцев находилось подразделение айнзацгруппы D, и в первые месяцы 1942 года оно, сотрудничая с румынскими властями, уничтожило 18.000 – 20.000 евреев – местных, беженцев и изгнанных из Бессарабии.[84]

Голод и болезни – массовая смертность

В северных и центральных районах Транснистрии осенью и зимой 1941 года евреи массами умирали из-за эпидемий. В Бершади (на юг от Тульчина) и ее окрестностях сыпной тиф унёс жизни 20.000 человек, или 80% всех евреев региона. О Бершади вспоминает Рут Гласберг–Гольд:

> *«Гложущий голод был хуже всего... Тихо, без волнений, без слёз, один за другим люди вокруг нас умирали... В течение нескольких дней с нами в одной комнате лежали трупы, пока могильщики их не убрали... Когда трупов стало еще больше, и из-за мерзлой земли невозможно было копать могилы, их стали складывать в кучу, не хороня. Нечеловеческие условия нашего существования были плодотворной почвой для распространения болезней. Мы неделями не мылись и не меняли одежду. ...Воду приносили издалека, куда время от времени добирались только здоровые и сильные... Большинство людей оставалось без воды... Вши принесли с собой тиф,*

который с пугающей быстротой овладел нашими ослабленными телами и превратился в основную причину смерти, уже после которой шли голодная смерть, дизентерия, обмораживание и случайные расстрелы... Через несколько недель из двадцати жителей нашей тесной комнатушки в живых осталось только шестеро...»[85]

Подобная ситуация наблюдалась и в десятках других гетто и лагерей. В Шаргороде (север Транснистрии) из 2.414 больных умерли 1.449; в Могилев-Подольском – 3.500 из 7.000 переболевших; в гетто Татаровка (между Балтой и Тульчиным) к весне 1942 г. из 1.200 депортированных в живых осталось всего 200 – 300 человек; в Тропове Могилев-Подольского района во время эпидемии тифа погибла половина из 1.200 депортированных.[86]

В Тульчине в ноябре 1941 г. все еще проживало более 3.000 евреев. Их депортировали в Печору, лагерь, которому евреи Транснистрии дали название «Мертвая петля». О происходившем в Печорском лагере свидетельствует Михаил Бартик из Тучина:

«Вот мы и пришли в свою страшную обитель – винницкий Освенцим... Холод, голод, тиф. Нас косила смерть. Страшно было смотреть на эти трупы людей, которые бросали в сани абсолютно голыми, как дрова, а сами же, кто покрепче, запрягались вместо лошадей и тянули на еврейское кладбище... У кого были золотые зубы – вырывали... . Брат не выдержал эти кошмары и умер. Вслед за ним умер отец, восемь двоюродных братьев, их мать и отец. От такой большой семьи никого не осталось. Убили и двоюродного брата при попытке к бегству... Наш лагерь был обнесен с трех сторон высоким каменным забором. Сверху колючая проволока и охрана вооруженных румын и полицаев, с других сторон река Южный Буг и немцы... Вслед за нами пригнали людей из Брацлава, Тростянца, Ладыжина, Шпикова, Могилев-Подольского... Целые семьи исчезали, даже не осталось и следа от них. Единицам удалось спастить, единицы дотянули до освобождении».[87]

Можно подсчитать приблизительное число евреев, погибших с начала сентября 1941 г., когда Транснистрия перешла под власть Румынии, до весны 1942 г. Из 165.000 – 175.000 местных евреев, находившихся в момент начала румынского властвования на территории Транснистрии, включая Одессу (с беженцами из Бессарабии), большинство было истреблено именно в этот период. В Одессе около 30.000 евреев убили во второй половине октября 1941 г. В Богдановке, Доманёвке и Ахмечетке были расстреляны и погибли при разных обстоятельствах около 75.000 местных евреев. На дорогах депортаций, в небольших лагерях Березовского района, в гетто Транснистрии, в районе Дубоссар и в районе действия подразделений СС из среды фольксдойче – во всех этих местах погибли от 35.000 до 40.000 местных евреев. Таким образом, число местных евреев, уничтоженных с начала сентября 1941 г. до весны 1942 г., достигает 140.000 – 145.000. По этим расчётам число местных евреев в Транснистрии, оставшихся в живых к весне 1942 г., было приблизительно 25.000 человек. Сюда включены несколь-

ко сот или тысяч евреев, находившихся в Одессе, среди них – более 500 жителей гетто, все еще существовавшего на Слободке. Остальные жили по фальшивым арийским документам либо прятались в городе или в катакомбах.

К 140 –145 тысячам убитых при румынской власти следует прибавить около 15.000 евреев, убитых в июле – августе 1941 г. на территории Транснистрии до передачи её в руки Румынии.

Евреи, высланные из Бессарабии, Буковины и города Дорохой с начала сентября 1941 г. по конец марта 1942 г. были распределены по 150 или более лагерям и гетто в центральной и северной Транснистрии. Эти семь месяцев были для них самыми трудными, и половина депортированных тогда погибла. По данным переписи еврейского населения, проведенной румынскими властями в марте 1942 г., в Транснистрии находились 88.187 евреев, изгнанные из Бессарабии, Буковины и Дорохоя, а также местные евреи.[88] Исходя из предположения, что не все евреи прошли перепись, их число, по меньшей мере, равнялось 90.000. За вычетом остававшихся тогда в Транснистрии около 25.000 местных евреев число евреев Бессарабии, Буковины и Дорохоя, находившихся до этого момента в живых, составляет 65.000 человек. Следовательно, из 145.000 – 150.000 депортированных из этих регионов при различных обстоятельствах погибли 80.000 – 85.000 евреев. Сюда следует прибавить 5.000 беженцев из Бессарабии в Одессу, убитых вместе с одесскими евреями. В итоге общее число евреев, убитых либо погибших в ужасных условиях Транснистрии с начала оккупации до весны 1942 г., достигает 240.000 – 245.000, из них две трети – местные евреи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ancel, The *Romanian Way...*, p. 145.
2. Jean Ancel. *«The Jassy Syndrome»*. Romanian Jewish Studies. – Jerusalem, 1987, p. 39 (далее: Ancel, *«The Jassy Syndrome»...*).
3. *Там же*, с. 33 – 38; Ion Butnaru. *The Silent Holocaust, Romania & its Jews*. – New York, 1992, p. 91 (далее: Butnaru, *The Silent Holocaust...*); Ancel, *The Romanian Way...*, p. 161.
4. Butnaru, *The Silent Holocaust...*, p. 104; Ancel, *The Romanian Way...*, p. 156. Места, в которых произошли убийства: Ропча (Ropcea), Йорданешти (Iordanesti), Патраучи (Patrauti), Станешти (Stanesti), Жадова Нова (Jadova Noua), Жадова Веке (Jadova Veche), Костешти (Costesti), Глиница (Hlinita), Будинец (Budinet), Чирес (Cires), Вижница (Vijnita), Ростоки-Вижница (Rostoch-Vijnita) и другие.
5. Ancel, *ibid*, p. 155 – 156.
6. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 504 – 505; Butnaru, *The Silent Holocaust...*, p. 108; *The Encyclopedia of the Holocaust...*, vol. 4, p. 1050.
7. Arad et al. *Einsatzgruppen Reports...*, 19, p. 19.
8. *Ibid*, 40, p. 63.
9. Архив Яд Вашем, М-33/804 (ГАРФ, фонд 7021, опись 79, дело 123, л. 5 – 7).
10. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 384 – 385.
11. *Там же*, с. 388 – 389; Butnaru, *The Silent Holocaust...*, p. 106.
12. Аншель и Лави, *там же*, с. 338 – 339; Butnaru, *ibid*, pp. 106 – 107.
13. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 25, pp. 34 – 35; 37, p. 57.
14. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 412 – 413; Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 88 – 89.
15. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 45, p. 76.

16. Butnaru, *The Silent Holocaust...*, p. 110. Бутнару цитирует итальянского журналиста Гуидо Малапарте, посетившего Бессарабию в тот период и встречавшегося с этими еврейскими женщинами. В своей книге воспоминаний под названием Kaput Малапарте посвятил этой теме главу «Девушки Сороки».
17. Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 89 – 90; Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2. с. 415.
18. Ancel, *The Romanian Way...*, p. 163 – 171.
19. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 64, pp. 110 – 111; Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 119.
20. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 67, с. 119.
21. Butnaru, *The Silent Holocaust...*, pp. 109, 115; Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 81 – 82. Согласно другим данным, число депортированных через Днестр равнялось 32.000. Половина из них была уничтожена немцами, оставшихся вернули на западный берег Днестра.
22. Шахан, *там же*, с. 90 – 97.
23. Шапира, *По дорогам изгнания...*, с. 41 – 51.
24. Ancel, *The Romanian Way*, p. 164 – 166; Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 334, 359, 392.
25. Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 100 – 102; Butnaru, *The Silent Holocaust...*, p. 116.
26. Ancel, *The Romanian Way...*, p. 180.
27. Цифры, взятые из румынских донесений, приводятся в том виде, в котором они указаны в источнике. В других местах цифры округлены до 500. Число погибших не включает еврейских беженцев из Польши, находившихся в Черновцах, так как о них нет точных данных. Имеется предположение, что их число достигало нескольких тысяч.
28. Жан Аншель, *Антонеску и евреи* (иврит), Исследования Яд Вашем, т. 23. – Иерусалим, 1993. с. 171 (далее: Аншель, *Антонеску и евреи...*).
29. Jean Ancel, *The Romanian Campaigns of Mass Murder in Transnistria, 1941 – 1944*, in: Braham, The Destruction, pp.102 – 103 (далее: Ancel, *The Romanian...*).
30. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 415 – 416.
31. Аншель, *Антонеску и евреи...*, с. 173 – 174; Butnaru, *The Silent Holocaust...*, pp. 124 – 125; Ancel, *The Romanian...*, p. 109., письмо, посланное с фронта Ионом Антонеску своему заместителю Михаю Антонеску 5 сентября 1941 г: «Необходимо понять, что война эта не против славян, а против евреев... Война в целом, а бои за Одессу в частности, не оставили ни тени сомнения в том, что еврей – сатана... отсюда и наши тяжелые потери. Если бы не еврейские комиссары, Одесса давно была бы в наших руках.»
32. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 505 – 507; Butnaru, *Ibid*, pp. 116 – 117; Рут Гласберг–Гольд. *Потерянное Вчера* (иврит). – Иерусалим, 1999, с. 60 (далее: Гольд, *Потерянное Вчера...*).
33. Гольд, *там же*, с. 64 – 68. Родители и брат Рут Гольд, с которыми она была депортирована из Черновцов, умерли в Бершади в первый месяц после приезда.
34. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 507, 510.
35. Ancel, *The Romanian...*, pp. 101 – 104.
36. Аншель, *История Холокоста – Румыния...*, т. 2, с. 1358. Аншель пишет, что, согласно официальным данным, число депортированных до конца 1941 г. равняется 153.805, а по секретным румынским данным их число достигает 188.712; Ioanid, *The Holocaust,* p. 174. Автор пишет: «По моим оптимальным оценкам, в Транснистрию живыми прибыли, по крайней мере, 125.000 евреев, а может быть даже 145.000». В эти цифры включены более 4.000 евреев из Черновиц, депортированных в Транснистрию летом 1942 г. г., и около 2.000 евреев, депортированных из центральной Румынии. Иониад не учитывает тысячи людей, погибших в пути.
37. Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 165.
38. Ancel, *The Romanian...*, pp. 106, 110.
39. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 312 – 313; Butnaru, *The Silent*

Holocaust..., pp. 114, 117

40. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 43, p. 73, 45, p. 76. Число заложников кажется преувеличенным, возможно, в оригинале опечатка.
41. *Ibid*, 61, c. 105 – 106.
42. *Ibid*, 45, c. 76; 64, c. 110.\
43. Р.И. Гольдштейн (ред.), *В тисках событий*. – Днепропетровск, 1992, с. 24. Смотри также: Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 445.
44. Иосеф Рубин (ред.), *Дубоссары – Книга Памяти* (иврит). – Тель-Авив, 1965, с. 256-257. В книге написано, что во время оккупации в Дубоссарах было расстреляно, по советским данным, свыше 18.000 человек.
45. Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 143; Аншель, *История Холокоуста-Румыния...*, т. 2, с. 965 – 968.
46. Ancel, *The Romanian...*, p. 98.
47. *Ibid*, c. 99.
48. *Энциклопедия Холокоста...*, т. 1, с. 16; Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 85; Шломо Сэла. *Евреи Одессы в период Катастрофы* (иврит), исследовательская работа для получения второй степени Тель-Авивского университета, 1994, с. 69 – 70 (далее: Сэла, *Одесса...*).
49. Анчель, *Антонеску и евреи...*, с. 176; Butnaru, *The Silent Holocaust...*, p. 126.
50. Архив Яд Вашем, 033/2188, *Монография: Гибель евреев Одессы и Кишинева в октябре – декабре 1941 г. в период оккупации города немецко-румынской армией*, с. 6 (далее *Монография Одесса...*). Она почти слово в слово совпадает с текстом статьи историка С. Я. Борового *«Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации»* (Історичні зошити, 1991, №4, Киев). По-видимому, Боровой является автором монографии, переданной в Яд-Вашем в 1974 году без указания имени автора – по его просьбе, скорей всего из страха перед реакцией советских властей на пересылку материала за границу; Аншель (*История Холокоуста-Румыния...*, т. 2, с. 898 – 899) пишет, что часть евреев, отправленных в Дальник, была возвращена в город благодаря вмешательству бургомистра Одессы, румына Германа Пантя (Pantea).
51. Butnaru, *The Silent Holocaust...*, p. 127; Ancel, *The Romanian Way...*, p. 176.
52. Рассказ А. Спино был опубликован в израильской газете на русском языке «Наша Страна», № 1025, 21октября 1974 г.
53. Сэла, *Одесса...*, с. 70 – 71. Сэла основывается на ряде советских источников. На памятнике, сооруженном в Одессе около здания тюрьмы, из которой людей повели к «артиллерийским складам», указывается, что число жертв равняется 25.000. Эту цифру приводит и советская газета «Известия» в июне 1944 г.; Аншель, *История Холокоста-Румыния...*, т. 2, с. 900 – 902.
54. Свидетельство Якова Маниовича, выжившего в Богдановке, Архив Яд Вашем, 3421/188-М, с. 19; Аншель, *там же*, с. 899.
55. *Монография Одесса...*, с. 11; Сэла, *Одесса...*, с. 76. Приказ был опубликован в пятом номере «Одесской Газеты» 8 ноября 1941 г. (далее *«Одесская Газета»...*).
56. *Монография Одесса...*, с. 13. Приказ был опубликован в восьмом номере «Одесской Газеты» 17 ноября 1941 г.
57. «Одесская Газета», № 9 от 20 ноября 1941 г.; *Монография Одесса...*, с. 14. Об определении «еврей» на других оккупированных территориях СССР см. гл. 13, раздел А.
58. *Монография Одесса...*, с. 16, цитата из циркуляра №237 от 2-го декабря 1941 г. Оригинал хранится в Одесском Историческом Архиве, в фонде «Транснистрия».
59. Ancel, *The Romanian...*, p. 113.
60. Сэла, *Одесса...*, с. 89; Аншель, *Антонеску и евреи...*, с. 179 – 180; Ancel, *там же*, с. 114 – 116.
61. Butnaru, *The Silent Holocaust...*, pp. 128 – 129; Ancel, *ibid*., pp. 118 – 120.
62. Сэла, *Одесса...*, с. 88; *Монография Одесса...*, с. 16 – 17; Свидетельство Якова Маниовича, Архив Яд Вашем, 3421/188-М, с. 21 – 22. На процессе в Бухаресте в 1946 г.

префект Голтской области Исопеску был обвинен в уничтожении 48.000 узников (не указано, что евреев) Богдановки, из них 4.000 – 5.000 сожженных заживо, а остальных расстрелянных. См.: Jean Ancel (ed.), *Documents Concerning the Fate of Romanian Jewry During the Holocaust*, vol. 6. – Jerusalem, 1986. Doc. № 125, pp. 197 – 199 (далее: Ancel, *Documents...*).

63. Леонид Сушон. *Транснистрия, Евреи в Аду*. – Одесса, 1998, с. 27. В этой книге воспоминаний приведен ряд документов (Далее: Сушон, *Транснистрия...*).
64. И. В. Бортников (ред.), *Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, Сборник документов и материалов*. – Одесса, 1949, т. 2, с. 10.
65. *Монография Одесса...*, с. 21. Приказ был опубликован в «Одесской Газете», № 25 от 12 января 1942 г.; Давид Стародинский. *Одесское гетто*. – Одесса, 1991, с. 20 (далее: Стародинский, *Одесское гетто...*).
66. *Монография Одесса, там же*. Донесение хранится в Одесском Историческом Архиве, фонд Транснистрия, опись 3, дело 4.
67. *Там же*, сс. 22 – 24; Стародинский, *Одесское гетто...*, с. 24.
68. Стародинский, *там же*, с. 21 - 23
69. *Монография Одесса...*, с. 21 - 25; Сушон, *Транснистрия...*, с. 128 – 130, приведен полный текст документа.
70. Архив Яд Вашем, М-39/20. Рапорт подписан лейтенантом-колонелем И. Гросу.
71. Документ находится в собственности автора.
72. Сушон, *Транснистрия...*, с. 153, 172.
73. *Монография Одесса...*, с. 27.
74. Там же, сс. 29; Стародинский, *Одесское гетто*, с. 35 – 38, свидетельство о переходе из Березовки в Доманёвку.
75. Ancel, *Documents...*, vol. 5, p. 222.
76. *Монография Одесса...*, с. 30.
77. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 85 – 86.
78. Ancel, *The Romanian...*, pp. 120 – 125; Сэла, *Одесса*, с. 81 – 83; Яков Геллер. *Лагеря уничтожения в Транснистрии* (иврит), Ялкут Морешет, 15, (октябрь 1998), с. 55 – 56 (далее: Геллер, *Лагеря Транснистрии...*); Стародинский, *Одесское Гетто...*, с. 38 – 43. В некоторых источниках указывается, что число жертв в Доманёвке достигает 15.000 человек.
79. Стародинский, *там же*, с. 47.
80. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 399 – 400, 419 – 420.
81. Д. Литани. *Истребление евреев Одессы* (иврит), Исследования Яд Вашем 6, Иерусалим, 1967 с. 123 – 124.
82. Круглов, *Уничтожение...*, с. 50 – 53, 56.
83. Ioanid, *The Holocaust...*, pp. 188 – 189. Автор цитирует А. Далина, утверждающего, что румыны депортировали 28.000 евреев из Одессы и городов и местечек Транснистрии в поселения фольксдойче Мостовского района, где в первой половине 1942 г. их уничтожили подразделения СС, состоящие из местных немцев.
84. Аншель, *История Холокоуста-Румыния...*, т. 2, с. 964-965.
85. Гольд, *Потерянное Вчера...*, с. 84 – 91.
86. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 412, 443, 448, 465, 514.
87. Агмон и Степаненко, *Винницкая область...*, с. 83 – 86.
88. Аншель, *История Холокоуста-Румыния...*, т. 2, с. 1371 – 1375; *Ioanid, The Holocaust*, p. 201; Иоанид пишет, что в апреле 1942 г. евреев в Транснистрии насчитывалось 87.959.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
МАССОВОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ – ВТОРОЙ ЭТАП: ОТ ВЕСНЫ ДО КОНЦА 1942 Г.

ГЛАВА 23

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ» В 1942 Г.

А. ПЕРЕМЕНЫ НА ФРОНТЕ – ПРОДВИЖЕНИЕ НЕМЦЕВ К СТАЛИНГРАДУ И ГОРАМ КАВКАЗА.

Зимнее наступление Советской Армии, достигшее внушительных успехов, приостановилось, исчерпав себя, в марте 1942 г. Советская Армия была вынуждена перейти к обороне. Немцы к весне 1942 г. разработали план нового наступления, его целью стали Сталинград на Волге и нефтяные месторождения Кавказа. По мнению Гитлера, нефть требовалась Германии для продолжения войны, кроме того, потеря источников горючего значительно обессилила бы Советскую Армию. Чтобы приблизиться к эпицентру военных действий, 16 июля 1942 г. Гитлер перенес свою ставку из Восточной Пруссии на Украину, в район Винницы.

Советское командование весной 1942 г. предположило, что главный удар вермахта будет направлен на Москву, и не ожидало наступления немцев на юг России. Оно началось 28 июля 1942 г. и застало Советскую Армию врасплох – ее оборонные линии на Украине были прорваны. Германская 6-я армия под командованием генерала фон Паулюса пошла на Сталинград, а группа армий А двинулась по направлению к Кавказу. В июле они захватили Воронеж, Ворошиловград и Ростов, а в начале сентября подступили к Сталинграду. В августе заняли Краснодар, черноморский порт Новороссийск, Ставрополь, Пятигорск, нефтяной центр Майкоп, а также Моздок. Нальчик, расположенный на северных склонах Кавказских гор, был оккупирован лишь в конце октября 1942 г. Немцев остановили в окрестностях города Грозный. На Кавказе, особенно в Кабардино-Балкарской и Чеченской автономных республиках, мусульманское население приветствовало немецкую армию.[1] 9 июля в Крыму немецкая армия после восьмимесячной осады оккупировала Севастополь.

Из-за неожиданного наступления и быстрого продвижения немецкой армии на юге советские власти не успели провести там организованную эвакуацию населения. Десятки тысяч проживавших евреев и масса еврейских беженцев из районов, оккупированных немцами в 1941 г., оказались захваченными.

Бои за Сталинград продолжались до ноября. Советская Армия героически защищала город, тем не менее немцам удалось занять боль-

шую его часть. Одновременно с боями в городе Советская Армия готовила контрнаступление, начавшееся 19 ноября, в ходе которого 6-я немецкая армия была окружена. 31 января 1943 г. немецкие силы под Сталинградом сдались, более 90.000 немецких солдат оказались в плену, а число павших в боях достигло 150.000 человек. В результате немецкого поражения под Сталинградом группе армий А угрожало оказаться отрезанной, и она поспешила отступить из Северного Кавказа, от Ставрополя и Краснодара. Произошел коренной перелом в войне – победы Германии закончились, и под натиском Советской Армии она была вынуждена постепенно отходить из оккупированных территорий СССР.

Б. ИЗМЕНЕНИЯ В ХОДЕ «ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА».

Ванзейская конференция

С конца 1941 г. – начала 1942 г. и на протяжении всего года изменялись как процесс уничтожения европейских евреев, так и его «технология». 11 декабря 1941 г. Германия объявила войну США, и война распространилась на весь мир. Теперь, когда отпала необходимость принимать во внимание общественное мнение в США, Германия решила ужесточить свою антиеврейскую политику и перейти к тотальному уничтожению евреев Европы, что прежде производилось только по отношению к евреям СССР. 18 декабря 1941 г. на встрече Гитлера и Гиммлера обсуждалось положение с евреями. После встречи Гиммлер записал в своем дневнике: «Еврейский вопрос. Истребить их как партизан». Здесь Гиммлер имел в виду не только евреев СССР, процесс тотального уничтожения которых уже шел полным ходом, а всех европейских евреев.[2]

20 января 1942 г. в пригороде Берлина состоялась Ванзейская конференция. Председательствовал на ней Гейдрих, а участниками являлись представители министерств и органов немецкой администрации на захваченных землях, в том числе сотрудники рейхсминистерства оккупированных восточных территорий. Конференция была созвана для объявления присутствующим решения Гитлера об «окончательном решении еврейского вопроса» и о путях его осуществления. Ответственность за «окончательное решение», которое, как было объявлено на конференции, охватит более 11 миллионов евреев всех стран Европы, возлагалась на Гиммлера и Гейдриха.[3]

Решения конференции не влияли на судьбу евреев СССР, так как на его территории политика «окончательного решения» уже проводилась. Это косвенно упоминается в протоколе конференции, когда описывается существующее тогда положение: в Эстонии нет евреев; в Латвии осталось только 3.500 евреев, а в Литве – 34.000. Цифра в 5 миллионов евреев СССР, которая упоминается в протоколе и включена в общее число 11 миллионов подлежащих уничтожению евреев, преувеличена. В эти 5 миллионов евреев не были включены евреи Бессарабии, евреи Белостока (и Гроденского района), евреи стран Балтии, – все они были

указаны отдельно в протоколе конференции; из 5 миллионов следовало также вычесть сотни тысяч евреев Украины и Белоруссии, убитых до конца 1941 г.

Умерщвление газом

На оккупированных территориях Советского Союза сотни тысяч евреев были убиты посредством массового расстрела. Для немецких властей этот способ имел недостатки: необходимость стрелять в каждого отдельного человека требовала много сил для охраны и проведения убийства. Уничтожение по сути происходило открыто, что не позволяло сохранить тайну – не только от местного населения, но и от потенциальных жертв. Были случаи, когда раненым при расстреле удавалось выползти из-под трупов и, вернувшись в гетто, рассказать о произошедшем. Слухи и сведения об убийствах приводили к тому, что многие евреи убегали и прятались – это затрудняло проведение акций, а поиск скрывающихся требовал дополнительных полицейских сил. Кроме того, проведение ежедневных убийств нарушало душевное равновесие некоторых исполнителей. Командование СС осознавало проблемы, и уже в первые месяцы после начала уничтожения на территории СССР начались поиски дополнительной либо альтернативной расстрелу техники. Во время своего визита в Минск 15–16 августа 1941 г. Гиммлер в сопровождении фон дем Баха-Зелевского и Артура Небе, командира айнзацгруппы Б, наблюдал за проведением акции уничтожения. Вот что пишет об этом Хилберг:

«Когда началась стрельба, Гиммлер стал сильно нервничать. При каждом залпе он опускал глаза... После расстрела между присутствующими состоялся разговор... Группенфюрер СС фон дем Бах-Зелевски, наблюдавший за расстрелом вместе с Гиммлером, обратился к Гиммлеру со следующими словами: «Загляните в глаза солдат айнзацкоманды – они в шоковом состоянии. Они теперь до конца своих дней пропащие люди (fertig). Каких приверженцев мы здесь готовим? Невротиков либо дикарей...»[4]

Гиммлер обратился к Небе с просьбой изыскать другой способ уничтожения.[5] До своего назначения командиром айнзацгруппы Б Небе занимал должность начальника уголовной полиции (Kripo) в РСХА, был посвящен в тайну программы «Эвтаназия» и знал о применявшейся там системе умерщвления газами.[6] Когда перед айнзацгруппой Б поставили задачу истребления пациентов психбольниц Минска и Могилева, Небе решил испробовать уничтожение душевнобольных ядовитым газом. Он связался с командованием Крипо и попросил помощи. Крипо направила к Небе д-ра Альберта Видмана, химика из своего технологического института. Опытное убийство 20–30 душевнобольных провели в Могилеве: их собрали в герметически закрытой комнате, в которую запустили угарный газ, выделяемый при работе двигателя автомашины. Вот как описал Видман проведенный им и Небе эксперимент:

«Небе приказал заложить кирпичами окно, оставив два отверстия для газовой трубы... Одна из привезенных мной труб была присо-

единена к выхлопной трубе пассажирской машины. Из стены торчала труба из оставленных отверстий, к которой присоединили другую трубу... Через пять минут появился Небе и сказал, что внутри ничего не происходит... Небе и я пришли к выводу, что машина (мотор) недостаточно сильная. Небе присоединил одну из труб к грузовику. Прошло несколько минут, и находившиеся внутри люди потеряли сознание. Обе машины продолжали работать еще десять минут...»[7]

О результатах могилевского эксперимента Небе и Видман сообщили Гейдриху и своему начальству в РСХА.[8] После этого эксперимента началась разработка передвижных душегубок, напоминавших машины скорой помощи, кузов которых герметически закрывался. Угарный газ выбрасывался из выхлопной трубы машины и с помощью соединительной трубы проникал в кузов, в котором находились обреченные на умерщвление. Первый опыт использования такого фургона (душегубки) состоялся осенью 1941 г. в лагере Заксенхаузен (Sachsenhausen) в Германии, а «подопытными» стали 30 советских военнопленных. Когда после получасовой поездки дверь кузова открыли, все находившиеся внутри люди были мертвы.[9]

Во второй половине декабря 1941 г. в Остланд были отправлены первые душегубки. Эти «машины смерти» стали применяться и в зонах военной администрации, где действовали айнзацгруппы. С середины 1942 г. на оккупированных территориях СССР использовалось около 30 душегубок.[10]

Но со временем в душегубках были обнаружены технические недостатки, а кроме того, погодные условия и состояние дорог приводили к трудностям в их «эксплуатации». Весной 1942 г. унтерштурмфюрер СС д-р Аугуст Беккер, ответственный за использование газовых фургонов в РСХА, посетил для проверки Украину и в своем донесении от 16 мая 1942 г. написал:

«Проверка машин айнзацгрупп С и Д закончена... Машины типа Заурер – абсолютно непригодны в дождливую погоду... Как правило, место казни удалено на 10 – 15 км от проезжих дорог и из-за его расположения оно труднодостигаемо... Я приказал, чтобы во время умерщвления газом люди [эсесовцы] находились как можно дальше от машин, так как возможная утечка газа может отрицательно отразиться на их здоровье... Умерщвление газом производится неверно... Чтобы как можно быстрее закончить процесс, водители выпускают большое количество газа. Поэтому жертвы умирают от удушья, а не во сне, как положено. После проведенных проверок выяснилось, что при правильном положении [регулирующей] рукоятки смерть наступает быстрее и узники спокойно засыпают».[11]

Душегубок на оккупированных территориях СССР не хватало. Поэтому ими пользовались для уничтожения групп тюремных заключенных, либо во время таких операций, когда количество жертв не превышало несколько сотен. При больших акциях душегубки служили только вспомогательным средством. Расстрел оставался основным способом

уничтожения на оккупированных территориях СССР.

Осенью 1941 г. вопрос умерщвления газом возник на повестке дня гражданской администрации. В ответ на письмо Лозе 4 октября 1941 г. рейхсминистерству восточных территорий в Берлине, в котором указывалось на трудности при проведении массовых расстрелов, ему было предложено возвести сооружения для умерщвления жертв с помощью газа при поддержке со стороны руководителей программы «Эвтаназия». В ответе Лозе от 25 октября 1941 г. д-р Эрнст Вецель из политотдела министерства писал:

«Обердинстляйтер [Виктор] Брак из канцелярии фюрера согласился на сотрудничество при строительстве требуемых помещений и изготовлении газового оборудования... Он полагает, что желательно немедленно отправить в Ригу часть его людей... Положение на сегодняшний день не позволяет нам сомневаться в преимуществах использования сооружений Брака по истреблению не пригодных для работы евреев. Таким образом удастся избежать инцидентов, имевших место во время расстрела евреев в Вильнюсе. Согласно лежащему передо мной донесению, расстрел происходил публично, а это неприемлемо...»[12]

Предложение о возведении постоянных газовых установок было связано с подготовкой депортации десятков тысяч евреев Рейха в Остланд для уничтожения. Но их не построили на территории Остланда. Лозе не был в этом заинтересован, а рейхсминистерство в Берлине не настаивало.

Лагеря уничтожения

Важнейшая перемена в процессе уничтожения произошла с появлением лагерей смерти в конце 1941 г. – начале 1942 г. в результате решения о поголовном истреблении европейских евреев, принятого в последних месяцах 1941 г. Понимание необходимости изменить способ убийства привело к применению газа. Рудольф Хёсс, комендант лагеря Аушвиц, вспоминал:

«Летом 1941 г... меня вдруг вызвали в Берлин к Гиммлеру... Он принял меня без своего адьютанта и сказал: «Фюрер приказал раз и навсегда решить еврейский вопрос, и мы, люди СС, должны его выполнить. В местах уничтожения, находящихся на востоке, нет возможности осуществить большие акции, запланированные на будущее...» Некоторое время спустя ко мне в Аушвиц приехал Эйхман... Мы выясняли пути и средства истребления. Только умерщвление газом принималось в расчет, так как массовое истребление путём расстрела не представлялось возможным, оно легло бы слишком тяжелым грузом на людей СС, обязанных его проводить, в особенности из-за наличия женщин и детей среди приговоренных...»[13]

3 сентября 1941 г. в Аушвице провели эксперимент по массовому умерщвлению газом «Циклон Б». После этого в Аушвице – Биркенау (Аушвиц 2) приступили к строительству больших газовых камер и крематориев. В марте 1942 г. в Аушвиц повезли для уничтожения евреев

из разных стран Европы. Другой лагерь смерти начал действовать в декабре 1941 г. в Хелмно – там евреев уничтожали в душегубках. Для нужд операции Рейнхардт – истребления евреев генерал-губернаторства Польша были созданы три лагеря уничтожения: Белжец, Собибор и Треблинка. Они находились на востоке генерал-губернаторства, недалеко от захваченных советских территорий – это позволяло маскировать депортацию евреев для уничтожение под отправку на работу в глубь оккупированного СССР.

В. СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В ТЫЛУ ВРАГА

Первый этап: с начала войны и до весны 1942 г.

Одновременно с истреблением евреев на оккупированных территориях там начало формироваться советское партизанское движение. Оно сыграло свою роль в судьбе части евреев гетто и лагерей, в их попытках спастись.

Уже в первые месяцы войны советские партизаны действовали в немецком тылу, главным образом вблизи фронта. Вначале это были небольшие группы советских солдат, которые оказались в тылу врага и развернули ограниченную партизанскую деятельность там, где позволяли географические условия и где ощущалась поддержка местного населения. Среди первых партизан объявились и местные активные коммунисты и комсомольцы, которые не успели эвакуироваться.[14]

С самого начала войны началась организация партизанской деятельности. 29 июня 1941 г. Центральный Комитет компартии и правительство СССР выпустили директивы для республиканских руководящих органов с указанием: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии».[15]

3 июля 1941 г. Сталин в своей первой после начала войны речи призвал граждан оккупированных территорий СССР *«создавать партизанские отряды... для взрыва мостов, дорог... создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу...»*[16] В Белоруссии и в Украине коммунистическая партия взялась за организацию групп активистов, которым предстояло остаться в немецком тылу, чтобы стать ядром подполья в городах и партизанских отрядов в лесах. В районах, захваченных в первые недели войны, местные советские власти не успели выполнить эти указания. В более восточных районах были оставлены группы подпольщиков – членов компартии и комсомола, но их подготовка проходила в спешке, накануне захвата этих районов немцами.

Подготовка сопротивления оккупантам была связана с выбором подходящих людей, с организацией, еще до отступления, укрытий в городах и баз оружия в лесах. До начала войны подготовка такого рода не проводилась, поскольку предполагалось ведение военных действий на вражеских землях, как говорилось в приказах по Красной Армии в 1939 году: *«Любой удар по Советскому Союзу будет встречен ответным ударом наших вооруженных сил... Мы будем вести наступательную войну*

и перекинем ее на территорию врага.»[17] Говоривших об отступлении считали предателями и карали.

Большинство людей, оставленных на оккупированных территориях до конца 1941 г., не были готовы к подпольной и партизанской борьбе. Из-за недостаточной организации и отсутствия опыта немцы арестовали и расстреляли многих из них уже в первые недели оккупации. Советский источник свидетельствует:

> *«В ряде случаев заранее созданное подполье было полностью уничтожено в самом начале вражеской оккупации... В первых схватках были разгромлены сотни подпольных организаций и групп, десятки тысяч отважных патриотов-подпольщиков погибли...»*[18]

В 1941 г. партизаны действовали главным образом в лесистых местностях России, на востоке Белоруссии и северо-востоке Украины. В Прибалтике, западной Белоруссии и западной Украине партизанская деятельность практически не ощущалась, так как солдаты и активисты компартии, оказавшиеся в немецком тылу, направляли все усилия на выживание, стараясь не попасться в руки немцев и их пособников. Многие местные жители, в особенности на аннексированных территориях, были настроены против советской власти и встретили немцев дружественно, надеясь, что они предоставят им определенную независимость. В таких условиях партизанская деятельность развиваться не могла. В советских источниках отмечается, что тогда в Западной Украине *«разбитые классы помещиков и капиталистов, реакционное духовенство и другие антинародные элементы представляли собой социальную опору фашистов. Активными помощниками гитлеровцев в этих районах были банды украинских националистов».*[19]

В странах Балтии положение оказалось еще тяжелее: здесь большая часть населения, ненавидя советскую власть, симпатизировала немецкой армии. Советские публикации, нацеленные показать, что и народы Литвы, Латвии и Эстонии вели борьбу с захватчиком, описывали подпольную и партизанскую деятельность в этих республиках, однако и они признавали, что речь идет об ограниченных действиях, прерванных уже в первые месяцы оккупации.[20]

И в более восточных областях внутри довоенных границ СССР условия для широкомасштабной партизанской деятельности тоже еще не созрели. Официальное советское издание отмечает, что *«во многих случаях местным партийным органам не удалось полностью реализовать указания ЦК КПБ о заблаговременной подготовке к партизанской войне...»*[21]

Часть созданных партизанских групп была разгромлена в первых же стычках с немецкой армией, и, как пишет советский источник, *«только отдельным заблаговременно созданным отрядам удалось закрепиться в тылу врага и развернуть активные вооруженные действия»*.[22] Из-за отсутствия радиосвязи между партизанскими отрядами и их руководством в советском тылу деятельность партизан до весны 1942 г. контролировалась и координировалась весьма слабо.

Вблизи линии фронта партизаны действовали энергичнее. В линии

фронта, растянувшейся на тысячи километров, существовали бреши, в основном, в лесах, через которые осуществлялись переходы и поддерживалась связь между советской регулярной армией и партизанскими группами в немецком тылу.[23]

Количество партизан, действовавших до весны 1942 г., можно определить лишь примерно. В отчете от 15 февраля 1942 г. сказано, что, по неполным данным, в районах, временно оккупированных немцами, действуют 716 партизанских отрядов, в которых было 24.690 бойцов.[24] Следует с осторожностью относиться к этой цифре, так как отчитывающийся орган был заинтересован, по соображениям престижа, в завышении числа партизан. Советский источник пишет о партизанской деятельности в начале 1942 г. в районе Смоленска, где для нее существовали хорошие условия – обширные лесные массивы и русское население:

> *«Партизанские отряды только оформлялись... многие их них испытывали недостаток вооружения..., не имели средств связи с советским тылом. Их действия в основном велись разобщенно и эпизодически».*[25]

Кроме партийных органов, занимавшихся организацией партизанской борьбы, Красная Армия и НКВД также оставили небольшие подразделения в немецком тылу. Их предполагалось сосредоточить на разведывательной и диверсионной деятельности, поэтому они были снабжены средствами связи и оружием лучше партизанских отрядов. Именно эти подразделения первыми сообщили руководителям СССР достоверные сведения о происходящем на оккупированных территориях, в том числе и об уничтожении евреев.[26]

Усиление партизанской деятельности: весна – лето 1942 г.

После немецкого поражения на подступах к Москве и зимнего контрнаступления Красной Армии, освободившей обширные территории, в основном, на фронте группы армий «Центр», в партизанской деятельности наступил важный перелом. Новая ситуация подняла дух партизан, а местное население, начавшее понимать, что Германия может проиграть войну, улучшило свое отношение к партизанам. Красная Армия приблизилась к Витебску с северо-востока, и в лесах возле местечка Сураж образовался сорокакилометровый разрыв линии немецкого фронта, так называемые «Суражские ворота». Через него были переброшены партизанские группы и оружие разного рода; в обратном направлении в советский тыл вывели группы гражданского населения, в том числе евреев. Этот разрыв оставался открытым с апреля по сентябрь 1942 г., только тогда немцы сумели его закрыть.[27]

Другим важным изменением стало образование единого командования всего партизанского движения. 30 мая 1942 г. Сталин решил создать «Центральный штаб партизанского движения». Начальником штаба, расположенного под Москвой, был назначен Пономаренко, руководитель компартии Белоруссии.[28] Одной из основных задач Центрального штаба стала организация радиосвязи с партизанскими

отрядами и подпольными группами в немецком тылу. Такая связь требовалась для контроля над партизанским движением. В немецкий тыл начали забрасывать связистов. Этот процесс продолжался до середины 1943 года.[29]

Создание Центрального штаба и подчинённых ему республиканских партизанских штабов стало переломным пунктом в организации партизанского движения. Не имевшие централизованного командования, действовавшие по инициативе своих командиров партизанские отряды, зачастую недостаточно дисциплинированные, теперь уподобились военным подразделения. Основными боевыми единицами стали отряды численностью от нескольких десятков до 200 бойцов. Они возникли уже на первых этапах партизанской деятельности. После создания Центрального штаба каждые три–пять отрядов объединили в партизанские бригады по 400-1.000 бойцов. В нескольких бригадах количество бойцов достигало 2.000 человек. Бригады подчинялись республиканским либо фронтовым штабам.

Осенью 1942 г., с усилением партизанского движения, в лесах России и восточной Белоруссии стали образовываться «партизанские районы», иногда в несколько тысяч квадратных километров, где многие десятки сел и местечек оказывались под властью партизан. Время от времени немцы собирали большие силы и проводили масштабные облавы и операции против партизанских районов. Тогда партизаны, как правило, оставляли эти районы, но возвращались сразу после ухода немецких сил. На западе Белоруссии и в Полесье партизанские районы стали возникать весной – летом 1943 г.[30]

Со второй половины 1942 г. советские самолеты начали сбрасывать партизанам оружие. В некоторых партизанских районах построили аэродромы для самолетов, доставлявших оружие, бойцов и партийных функционеров, и вывозящих тяжело раненных.[31] В партизанских районах создали также типографии, печатавшие газеты и листовки для местного населения. Эта новая реальность повлияла не только на укрепление партизанского движения, но и на отношение населения к партизанам. В отрядах стали видеть неотделимую часть Красной Армии, становившейся теперь армией–победительницей. В итоге возросло число местных жителей, вступающих в ряды партизан. На западе Белоруссии и Украины партизанское движение стало более ощутимым уже летом – осенью 1942 г., но в общие организационные рамки оно попало только в 1943 г.[32] В зонах партизанской деятельности образовались Областные комитеты компартии, предназначенные для усиления партийного контроля партизанского движения. Контроль выражался и в том, что в отрядах продолжала существовать должность комиссара даже после ее упразднения в регулярной армии 9 октября 1942 г.

В партизанской деятельности на Украине коренной перелом произошел осенью 1942 г. До того партизаны действовали, в основном, на северо-востоке Украины, восточнее Днепра. Находившиеся там партизанские отряды, главным образом бригада легендарного Ковпака, получили приказ переместиться на западный берег Днепра и развернуть

деятельность в глубоком немецком тылу. В ноябре 1942 г. партизаны дошли с непрерывными боями до Полесья и севера Волыни. Вслед за ними пришли и другие отряды, и с весны 1943 г. партизанское движение в этих местах стало набирать мощь.[33]

В марте 1942 г. командование немецкой армии объявило о том, что все белорусские и украинские военнопленные, рядовые и сержанты, отпущенные из плена домой в начале войны, должны вернуться в лагеря для военнопленных. Тысячи бывших военнопленных предпочли бежать в леса, пополняя ряды партизан и тем способствуя укреплению движения.[34]

В Прибалтике только в 1943 г. – в результате немецких поражений на фронтах, крушения надежд на обретение независимости от немцев, отправки на принудительные работы в Германию и страха перед возвращением и местью советских властей за сотрудничество с оккупантами – только тогда стали заметны перемены в позиции местных жителей. Возникли более приемлемые условия для развития подпольной и партизанской деятельности.

Партизанская деятельность в Литве развернулась весной и летом 1943 г. с приходом двух оперативных групп из советского тыла. Их первые базы находились в лесах Казян и Нарочи в западной Белоруссии.[35] В Латвии можно отметить только ограниченную партизанскую деятельность весной 1943 г., главным образом, в юго-восточных районах республики, где проживало значительное русское население.[36] В Эстонии, оккупированной позже Литвы и Латвии советские власти успели оставить ядро активистов–подпольщиков, в основном, в северных районах. Однако из-за широкого сотрудничества местного населения с немцами партийные активисты были арестованы и расстреляны уже в первые месяцы оккупации.[37] Настоящая партизанская война на землях Эстонии никогда не велась.

Одной из причин, приведших тысячи местных молодых людей в ряды партизан, была принудительная отправка рабочей силы в Германию. 31 марта 1942 г. гауляйтер Фриц Заукель, ответственный за трудовые ресурсы Германии, дал приказ о мобилизации с оккупированных территорий рабочих. Тысячи молодых людей находили убежище в лесах и пополняли ряды партизан, чтобы избежать отправки в Германию.[38]

Советское партизанское движение развивалось. По советским данным, к середине 1942 г. число партизан составляло 65.000 человек; в октябре 1942 г. оно достигло 105.000, в начале ноября 1943 г. – более 120.000, а в начале 1944 г. – около 250.000 человек.[39]

Приказ Гиммлера от 31 июля 1942 г. запретил использовать слово «партизаны»,вместокоторогоследовалоупотреблятьслово»бандиты».[40] В связи с активизацией партизанской деятельности летом 1942 г. Гитлер издал 18 августа 1942 г. «Директиву к усилению борьбы с бандами террористов на востоке». Первый её параграф гласит:

> *«Бремя бандитизма на востоке достигло невыносимых размеров и подвергает опасности снабжение фронтов и экономическую эксплуатацию региона. До начала зимы необходимо уничтожить эти*

банды и достигнуть спокойствия в прифронтовом тылу... Истребление банд требует энергичной борьбы и применения самых суровых мер против тех, кто способствует возникновению банд или виновен в их поддержке».[41]

Директива возлагала ответственность за борьбу с партизанами на территориях, находящихся под властью военной администрации, на армию, а на территориях, управляемых гражданской администрацией – на Гиммлера и органы СС.

Евреи, проживавшие на территории Российской республики, на востоке Белоруссии и Украины были, в большинстве своем, уничтожены уже во второй половине 1941 г., еще до возникновения партизанского движения. В Западной Белоруссии и Западной Украине, несмотря на зачаточное состояние партизанских групп в 1942 году, сам факт их существования в лесах оказывал благотворное влияние на евреев, заключенных в гетто поблизости, и на их борьбу.[42]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dallin, *German Rule...*, pp. 244 –247.
2. Christian Gerlach, *Die Wannsee-Konferenz, das Schicksal der Deutschen Juden und Hitlers Politische Grundsatzentscheidung: alle Juden Europas zu Ermorden. Werkstattgeschichte*, № 18, Hamburg, 1997, p. 22. Документ хранится в Особом архиве, фонд 1372, опись 5, дело 23, л. 334. Герлах пишет также о речи, произнесенной Гитлером перед руководством нацистской партии 12 декабря 1941 г., на следующий день после объявления войны против США. В речи Гитлер «намекнул», что евреи виноваты в ведущейся войне, и что пришло время исполниться его «пророчеству», высказанному в рейхстаге 30 января 1939 г., согласно которому мировая война закончится истреблением еврейской расы в Европе.
3. Нюрнбергские документы, NG-2586-G, протокол Ванзейской конференции.
4. Hilberg, *The Destruction*, pp. 218 – 219; Eberhard Jackel, *Hitlers Herrschaft*. – Stuttgart, 1986, p. 113 (далее: Jackel, *Hitlers Herrschaft...*).
5. Reitlinger, The Final Solution, p. 200; Hilberg, ibid., p. 219. Хилберг и Рейтлингер указывают, что источник информации об этом разговоре – фон дем Бах-Зелевски.
6. Программа «Эвтаназия», идеей которой было «умерщвление из жалости», проводилась в Третьем Рейхе с лета 1939 г. по лето 1941 г. Тогда умертвили более 70.000 душевнобольных. Учреждения, проводившие эвтаназию, были снабжены газовыми камерами для умерщвления и крематориями для сжигания трупов. Программа «Эвтаназия» находилась в ведении канцелярии Гитлера. Об «Эвтаназии» см.: E. Kogon, H. Langbein and A. Ruckerl (eds.). *Nazi Mass Murder.* – New Haven/London, 1993, Chapter 3 «Euthanasia» (далее: Kogon et al., *Nazi...*).
7. Staatsanwaltshaft bei dem Landgericht Stuttgart, JS 328/60. Судебный процесс над Видманом, 28 августа 1962 г., p. 45 – 46.
8. *Ibid*, p. 47.
9. *Ibid*, p. 48; Kogon at al., *Nazi...*, pp. 53 – 54.
10. Kogon et al., *ibid*., pp. 57, 60, 64, 71 – 72.
11. Нюрнбергские документы, PS-501.
12. *Там же*, NO-365.
13. *Там же*, PS-510. Рудольф Хёсс был арестован 11 марта 1946 г. и допрошен судебными инстанциями, готовившими Нюрнбергский процесс. Хёсс был выдан Польше, осужден и повешен 16 апреля 1947г.
14. В.Е. Быстров и др. (ред.). *Война в тылу врага*. – Москва, 1974, с. 29 (далее: Быстров и др., *Война в тылу...*); В.Е. Быстров и др. (ред.). *Советские партизаны*. – Москва, 1961,

с. 315 (далее: Быстров и др., *Советские партизаны...*).
15. И. Клименко (ред.). *Война народная*. – Смоленск, 1985, с. 53 (далее Клименко, *Война народная...*).
16. Сталин, *О Великой...*, с. 27.
17. Александр Верт. *Россия в войне* (иврит), т. 1. – Тель-Авив, 1968, с. 106; Клименко, *Война народная...*, с. 18.
18. Быстров и др., *Война в тылу...*, с. 255 – 256.
19. Быстров и др., *Советские партизаны...*, с. 447.
20. П. Штарас. *Роль КП Литвы в организации и развитии партизанской борьбы.*, см: О. Капланас (ред.), *Гитлеровская оккупация в Литве.* – Вильнюс, 1966, с. 187, 191 – 192 (далее: Штарас, *Роль КП...*).
21. Быстров и др. *Советские партизаны...*, с. 326.
22. Клименко, *Война народная...*, с. 54.
23. *Там же*, с. 64 – 66.
24. Юрчук и др., *Советская Украина...*, с. 360.
25. Клименко, *Война народная...*, с. 67.
26. Об информации, полученной руководством СССР, см. гл. 47, раздел Б: Алексей Попов, *Диверсанты Сталина – НКВД в Тылу Врага*. – Москва, 2004, с. 76-82.
27. П. Пономаренко. *Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков*, 1941 – 1944. – Москва, 1986, с. 82 (далее: Пономаренко, *Всенародная борьба...*). См. также гл. 46, раздел В.
28. *Там же*, с. 75.
29. *Там же*, с. 80, 87 – 89.
30. *Там же*, с. 124 – 127; В. Е. Лобанок (ред.), *Партийное подполье в Белоруссии*. – Минск, 1984, с. 42 (далее: Лобанок, *Партийное подполье...*).
31. Пономаренко, *Всенародная борьба...*, с. 83 – 84.
32. Jerzy Turonek. *Bialorus pod Okupacija Niemiecka.* – Warsow, 1993, p. 117 (далее: Turonek, *Bialorus...*). Размах партизанского движения иллюстрирует донесение гебитскомиссара Слонимского района, в котором сказано, что в период между 1 апреля и 1 октября 1942 г. в его районе партизанами было убито 1.024 человека, из них 111 немцев, 90 местных полицаев и 823 местных жителя, включая представителей местных властей.
33. Быстров и др., *Советские партизаны...*, с. 447 – 475; Пономаренко, *Всенародная борьба...*, с. 119 – 121.
34. Turonek, *Bialorus...*, p. 111.
35. Штарас, *Роль КП...*, с. 191, 193 – 194, 222 – 224; Дов Левин. *Борющиеся и обороняющиеся* (иврит). – Иерусалим, 1974, с. 185 – 187 (далее: Левин, *Борющиеся...*).
36. Кадикис, *Мы обвиняем...*, с. 99 – 107; Дов Левин. *Спиной к стене* (иврит). – Иерусалим, 1978, с. 202 – 204 (далее: Левин, *Спиной к стене...*); Быстров и др., *Советские партизаны...*, с. 608 – 612.
37. Ю. Харченко (ред.), *Герои подполья*. – Москва, 1970, с. 510 – 517, 522 – 527.
38. Ulrich Herbert. *Zwangarbeit in Deutschland*, in: Peter Jahn and Reinhard Rürup, *Erobern und Vernichten.* – Berlin, 1991, pp. 106 – 115; Muller, *Deutsche Besatzungs...,* pp. 290 – 292, 303 – 307.
39. Пономаренко, *Всенародная борьба...*, с. 132; Быстров и др., *Война в тылу...*, с. 65.
40. Staatsawalttschaft Karlsruhe, J2 2138/58, No. 332/25. Судебный процесс над Арлингером.
41. Muller, *Deutsche Besatzung...*, pp. 130 – 134.
42. О боевом еврейском подполье и еврейских партизанах в лесах см. гл. 45 и гл. 46.

ГЛАВА 24

УНИЧТОЖЕНИЕ В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ ОСТЛАНД

А. ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТ БЕЛОРУССИЯ

На первом этапе уничтожения на территории Остланд было истреблено подавляющее большинство евреев в генералкомиссариатах Литва, Латвия и Эстония. Остались те, кто владел «полезными» для немцев профессиями и члены их семей – немцы поместили их в гетто в нескольких крупных городах. В генералкомиссариате Белоруссия ситуация была иной, так как там до конца зимы 1941–42 гг. более половины еврейского населения по-прежнему продолжало проживать в десятках городов и местечек. Зимой, в тот год особенно суровой, резко снизилось количество массовых казней, в основном, из-за невозможности захоронить расстрелянных в промерзшей земле.

В марте 1942 г. истребление евреев в Белоруссии снова стало набирать силу. В Минском гетто, где после ноябрьских акции осталось около 45.000-46.000 белорусских евреев и около 7.000 германских, немцы и в зимние месяцы продолжали убивать людей небольшими группами. В конце февраля немецкие власти сообщили юденрату Минского гетто о предстоящей 2 марта депортации 5.000 евреев из числа незанятых на предприятиях немецких властей. Юденрату поручалось собрать этих людей. Информация о готовящейся депортации распространилась по гетто благодаря подпольщикам и полицейским – членам подполья, среди которых был и начальник полиции Зяма Серебрянский. По опыту предыдущих акций юденрату и жителям гетто было понятно, что высылаемых ждет уничтожение.[1] Когда подразделения Сипо и Орпо, в рядах которых были белорусы, литовцы и украинцы, появились 2 марта в гетто, евреи, кроме вышедших на работу, спрятались в «малинах». После того, как еврейская полиция не выполнила требования немцев доставить на высылку 5.000 человек, немецкие силы ворвались в гетто. Они искали и хватали людей, среди которых оказались воспитанники детского дома, жители дома инвалидов и некоторые члены юденрата со своими семьями. Были также схвачены рабочие, вернувшиеся в гетто после работы. Приведем свидетельство:

> *«В 10 ч. в гетто вошли эсэсовцы и украинцы... На Юбилейной площади были установлены пулеметы... здесь состоялась селекция... Люди, имевшие документы были отправлены на работу... Немцы стали выволакивать евреев из домов и тащили их на Юбилейную площадь. Тех, кто оказывал малейшее сопротивление, расстреливали на месте... В течение одного часа улицы, дома и дворы были усеяны трупами женщин, детей и стариков... Кровавая бойня продолжалась до наступления темноты...»*[2]

Схваченных отвели к большой яме на улице Ратомской и там расстреляли; трупы убитых в гетто тоже свезли к этой яме – общее число

жертв превысило 5.000. Затем немцы вылили в яму бочки с бензином и подожгли.[3]

3 марта немцы и белорусские полицейские вошли в Барановичское гетто, где еще находилось около 18.000 евреев. Им приказали собраться на участке гетто, который с внешней стороны сторожили вооруженные охранники. Специалистам и людям, занятым на немецких предприятиях, вместе с членами их семей раздали 6.000 новых удостоверений и перевели их в пустующую часть гетто. Поскольку многие евреи спрятались, белорусская полиция стала обыскивать дома и дворы. В результате более 2.300 евреев были вывезены на грузовиках за пределы города и расстреляны. Среди убитых оказался и председатель юденрата Изексон. После акции в Барановичское гетто поместили евреев из окрестных местечек.[4]

2-3 марта в Вилейке казнили несколько сот евреев, выживших там после истребления, проведенного в конце июля 1941 г. В живых оставили несколько десятков специалистов, однако из-за нехватки рабочей силы сюда привезли около 200 евреев из соседнего Куренеца.[5]

Айнзацгруппы 9 марта 1942 г. отчитывались об этих операциях: «Во время антиеврейской акции, проведенной 2 – 3 марта, были расстреляны 3.412 евреев в Минске, 302 в Вилейке и 2.007 в Барановичах. Всего расстреляно 5,721 евреев».[6] Здесь не учтены убитые во время акций, проведенных внутри гетто, из-за чего, видимо, разнится количество жертв в еврейских источниках и в немецких донесениях. Акции уничтожения прошли и в других местах.[7]

Во второй половине апреля 1942 г. истребительная волна охватила все районы генералкомиссариата Белоруссия – тогда и была уничтожена там большая часть еврейского населения. Сипо, проводившая эти акции, мотивировала их тем, что евреи оказывают поддержку партизанам. Сипо гебитскомиссариата Вилейка 27 мая 1942 г. доносила:

> *«Через Долгиново наше подразделение проследовало в Кривичи. Здесь 28 апреля мы провели еврейскую акцию. 29–30 апреля мы провели в Долгинове нашу вторую еврейскую акцию... Во время акции в Долгиново было установлено, что евреи создали настоящие бункеры для укрытия во время погромов. В течение двух дней мы должны были разыскивать эти бункеры, уничтожая их при помощи ручных гранат... 10 мая мы провели еврейскую акцию в Воложине... последующие дни мы посвятили борьбе с партизанами... Успеха мы не достигли... В ночь с 20 на 21 мая наш отряд был снова в Долгиново... На следующий день мы провели нашу третью еврейскую акцию в Долгиново. Тем самым еврейский вопрос в этом городе был окончательно решен».*[8]

Из донесения понятно, что подразделение Сипо потерпело поражение в борьбе с партизанами, а его «победы» выражались в убийстве евреев. В показаниях служащего минского Сипо, принимавшего участие в акциях уничтожения в гебитскомиссариате Вилейка, говорится, что в Вилейке были убиты 500 – 600 евреев, в Долгинове – около 2.000, около 1.500 в Воложине, и еще около 2.000 в соседних местечках.[9]

В первой половине мая волна уничтожения охватила евреев Лиды и окрестностей. В Лиде 8 мая 1942 г. 5.670 евреев после селекции были выведены из гетто и убиты в лесу, в двух километрах от города. В гетто остались около 1.500 человек, в большинстве своём специалисты и их семьи. 8-12 мая 1942 г. в местечках вблизи Лиды казнили10.000 евреев. После этих акций в Лиде собрали приблизительно 2,000 евреев – тех, кто остался в живых в окрестных гетто.[10]

Широкомасштабные акции уничтожения прошли и в гебитскомиссариате Глубокое. Гебитскомиссар Глубокого доносил Кубе 1 июля 1942 г.:

> *«27 мая 1942 г. прибыл унтерштурмбанфюрер Тангерман из СД Лепеля... Перед ним поставлена задача очистить от евреев территории тыла группы армий [«Центр»]... Существовало справедливое предположение, что евреи именно в этой зоне поддерживали связь со сравнительно активно действующими партизанами. 29 мая 1942 года было ликвидировано гетто в Докшицах с 2653 евреями. Евреи внутри гетто сумели настолько хорошо спрятаться, что понадобилась целая неделя, чтобы найти последнего... 1 июня 1942 года было ликвидировано гетто в Лужках с 528 евреями и Плиссе с 419 евреями, а на следующий день гетто в Миорах с 779 евреями. Здесь евреи предприняли массовую попытку побега из гетто, и 70–80 из них, возможно, удалось бежать. 3 июня 1942 года было ликвидировано без особых происшествий гетто в районном центре Браслав с 2000 евреями.*
>
> *После примерно 8–9-дневного перерыва вновь появилось подразделение СД из Лепеля, на этот раз усиленное жандармерией Вилейки, для ликвидации остальных гетто, расположенных в восточной части нашей области. Вскоре после окружения гетто в Дисне с 2181 евреями и в Друе с 1318 евреями в различных местах обоих гетто одновременно вспыхнул пожар. Оба гетто полностью сгорели... В Друе огонь перебросился дальше на дома, не принадлежавшие к гетто, в результате чего сгорели ортодоксальная церковь и 10 нееврейских домов. При проведении пожарных работ СД и полиция были обстреляны изнутри гетто. Во время ликвидации гетто в Шарковщине евреи подожгли гетто, но благодаря дождю огонь дальше не распространился. Здесь также некоторым евреям удалось прорваться сквозь цепь окружения и уйти. В заключение антиеврейская акция была проведена в Глубокое. Здесь пощадили евреев-ремесленников и специалистов, которые почти все работают на обеспечение вермахта. Было расстреляно свыше 2200 евреев. В настоящее время гетто находятся еще в Дуниловичах с 979 евреями, в Поставах с 848 евреями, в Глубоком с 2200 евреями и небольшое гетто в Опсе с 300 евреями. В ходе проведения акций по ликвидации гетто ценные вещи и драгоценности были изъяты и оприходованы на склад».*[11]

Из этого донесения понятно, что начавшееся уничтожение евреев стало сталкиваться с препятствиями и сопротивлением. Евреи уже

знали о немецкой политике массового убийства по своему опыту, приобретенному в волне акций, прокатившихся во второй половине 1941 г. Впервые их реакцией становится не только пассивное противодействие, выражавшееся в постройке «малин», но и активное сопротивление. Паника при пожарах в Дисне, Друе и Шарковщине была использована для попытки массового бегства. Части узников действительно удалось бежать. В Друе во время акции евреи впервые воспользовались оружием и открыли огонь по немцам и местной полиции. Слухи о партизанском присутствии в лесах – зачастую преувеличенные – вызывали у евреев надежды на спасение и давали направление для побега. Немецкая администрация знала о бегстве евреев из гетто в леса. В апрельских донесениях айнзацгрупп говорится об аресте евреев за их связь с партизанами и о бегстве к партизанам около 100 евреев из Минского гетто.[12] Этот вопрос волновал органы управления. Генералкомиссар Кубе писал 10 июля 1942 г. гебитскомиссарам по поводу использования еврейских специалистов:

«Мне часто доводилось узнавать о том, что в Белоруссии экономическая польза от еврейских рабочих-специалистов, согласно цифрам, не идет ни в какое сравнение с вредом, наносимым поддержкой, оказываемой евреями партизанам. Поэтому я прошу вас проверить, при согласовании с Сипо, целесообразность существования имеющегося количества еврейских рабочих–специалистов, труд которых до настоящего времени использовался, а также отделить тех еврейских рабочих–специалистов, которые не представляют для страны интереса с экономической точки зрения. Кроме того, под сохранением еврейских рабочих–специалистов я имею в виду их содержание в суровых казарменных условиях при обязательном разделении полов. Следует подробно доложить мне о результатах принятых вами мер согласно этой инструкции».[13]

Акция уничтожения евреев Слонимского гетто, где содержались и несколько тысяч евреев из окрестных местечек, прошла между 29 июня и 15 июля 1942 г. 29 июня гетто окружили местная полиция и литовское подразделение. Узники гетто поспешили укрыться в «малинах». В первый день акции около 2.000 евреев были схвачены и расстреляны в Петролевичах, в 4 километрах к востоку от города. Многих из прятавшихся убили ручными гранатами, которые забрасывались в обнаруженные «малины». Других застрелили при попытке к бегству. Всего в Слониме уничтожили 8.000-10.000 евреев. После акции в Слониме осталось менее тысячи евреев, большинство – специалисты. Примерно 400 из них расстреляли 20 августа 1942 г., несколько сотен бежали в леса. Оставшиеся были расстреляны в декабре 1942 г. Еще до начала акций, в мае 1942 г., 500 мужчин были отправлены на принудительные работы в Могилев, где к тому времени местных евреев уже не осталось.[14] Немец Альфред Мецнер, переводчик и шофер Слонимского гебитскомиссара, участвовавший в акциях уничтожения в Слониме , пишет:

«Подразделение, охранявшее евреев и сопровождавшее их к месту расстрела, состояло из местных полицейских... Я прибыл к месту

расстрела на третьей или четвертой машине. Местная полиция заставляла евреев слезать с машин и гнала их ко рву... Расстрельное подразделение состояло из латышских добровольцев и эсэсовцев... В этом расстреле я участия не принимал, поскольку я ездил и привозил на своей машине к месту расстрела каждый раз 30 - 40 евреев... Из-за того, что люди расстрельного подразделения были пьяны, многих евреев только ранили, а не убили... и их добивала местная полиция...

На вечер была назначена заключительная встреча у гебитскомиссара Герта Арена, на которой он подвел итоги событий дня. Многие участники удостоились похвалы, а те, кто выказал слабость, от них потребовали исправиться в будущем. По окончании беседы все пили и праздновали... Таким же образом акции уничтожения проводились и в других местах. Так, в Козловщине были убиты 700–800 евреев, в Деречине 2.000–3.000 человек, в Голынке 400–500 евреев, в Бытене 3.000–4.000 евреев. В этих расстрелах снова должны были принимать участие те, кто присутствовал на предыдущих акциях... Кроме того, в них добровольное участвовали солдаты и железнодорожники со станции Слоним, так как на расстрелах можно было что-то заработать. Во время этих акций отбиралась одежда и ценные вещи...»[15]

Гетто Клецк, в котором находилось около 1.500 евреев, было ликвидировано 21 июля 1942 г. Во время акции евреи подожгли гетто и пытались бежать. Лишь немногим удалось достичь леса и присоединиться к партизанам.[16]

В Минском гетто до и после большой казни 2–3 марта 1942 г. имели место «ограниченные» акции уничтожения, получившие название «ночных акций» из-за времени их проведения. Немцы и местная полиция врывались в гетто, окружали несколько домов, хватали жильцов и на машине отвозили к месту расстрела. За одну ночь убивали до 500 человек. В этих ночных акциях немцы воспользовались душегубками. Свидетельствует узница гетто Фрида Левина-Случак:

«В начале 1942 г. в гетто появился «черный ворон» или, как его называли, душегубка... напротив нашего дома эсэсовцы сделали облаву на один из домов. Они вывели всех поголовно жителей: детей, женщин, стариков, втолкнули в машину и сразу же отвезли на еврейское кладбище... Пока душегубка доехала до кладбища (около 10–15 минут), все были уже полумертвые. На кладбище сбрасывали тх в приготовленные ямы...»[17]

Большие ночные акции были проведены 31 марта, 3, 15 и 23 апреля 1942 г. В мае 1942 г. немцы окружили два дома на улице Завальной и подожгли их вместе с сотнями находившихся внутри евреев. Ночные акции, державшие узников гетто в постоянном страхе, являлись мерами наказания, связанными с деятельностью подполья в гетто и с уходом евреев в партизаны. Тысячи узников гетто погибли в этих ночных акциях.[18] Можно оценить число евреев погибших в ночных акциях в 3.000-5.000. В марте 1942 г. были арестованы председатель минского

юдената Мушкин, а за ним Серебрянский, начальник еврейской полиции гетто. Их расстреляли по обвинению в связях с подпольем гетто и города. Председателем юденрата назначили Моисея Иоффе.

27 июня минская Сипо опубликовала приказ евреям носить на одежде рядом с желтой нашивкой ещё одну с номером дома-места проживания: у работающих нашивке следовало быть красного цвета, у всех остальных – зеленого. Нашивки эти раздали в ходе подготовки к большой операции уничтожения, продолжавшейся 4 дня, с 28 по 31 июля 1942 г. 28 июля всем жителям гетто, включая немецких евреев, приказали собраться на Юбилейной площади, якобы для обмена зеленых нашивок на красные. Группы работающих за пределами гетто вышли на работу, как обычно. О случившемся затем рассказала в своем свидетельстве одна из узниц гетто, наблюдавшая за происходившим из укрытия на чердаке дома:

«В полдень на Юбилейную площадь согнали всех, кто находился в пределах гетто. На площади возвышались огромные празднично украшенные столы... В центре сидел начальник гетто Рихтер... С трибуны фашисты заставили говорить председателя юденрата гетто, композитора Иоффе. Обманутый Рихтером Иоффе начал с успокоения возбужденной толпы, говоря, что немцы сегодня лишь проведут регистрацию и обмен лат. Еще не докончил своей успокоительной речи Иоффе, как со всех сторон въехали на площадь крытые машины – душегубки. Иоффе стало сразу понятно, что это значит. Иоффе крикнул взволновавшейся толпе, по которой молнией пролетело ужасное слово «душегубки»: «Товарищи! Меня ввели в заблуждение. Вас будут убивать. Сегодня погром!» Обезумевшая толпа бросилась в разные стороны, ища спасения от ужасной смерти... Фашисты открыли плотный огонь по беззащитным людям... Вся площадь была усеяна трупами и залита кровью. К душегубкам немцы установили бесконечные очереди усмиренных огнем женщин и стариков... Так продолжалось до позднего вечера... 1 августа гестапо разослало приказ по всем предприятиям, где находились во время четырехдневного погрома рабочие-евреи, о возвращении по домам в гетто. Вечером рабочие колонны двинулись в гетто... Обезумевшие люди кинулись в свои квартиры, надеясь в «малинах» найти спасшихся родных. Но «малины», находившиеся в печах, под полом, между стенами, были разворочены гранатами. Там рабочие нашли останки близких, разорванных взрывами. Но большинство пришедших не нашло даже останков... Они были увезены в душегубках в Тростинец и Тучинки...»[19]

Во время этой акции в гетто и за его пределами было уничтожено 25.000 – 26.000 евреев. В гетто осталось около 12.000 узников.[20] Участник акции унтерштурмфюрер СС Франц Гесс свидетельствовал, что в ходе истребления использовались 3–4 душегубки и от 20 до 30 грузовых машин, вывозивших людей к месту расстрела. По его словам, в этой акции казнили 18.000 евреев.[21] В эту цифру, видимо, не включены убитые на территории гетто. В описанной акции кроме немецких и бе-

лорусских Сипо и Орпо принимали участие солдаты вермахта из подразделения противовоздушной артиллерии, а также 100-200 немецких железнодорожников, перевозивших жертвы к местам расстрела в Малом Тростянце и в Петрашевичах на северо-западе от Минска.[22]

На юг от Минска, в Слуцке существовало два отдельных гетто; в мае 1942 г. было ликвидировано полевое гетто, где находилась 1.000 «непроизводительных» евреев. В городском гетто осталось около 5.000 узников. В Копыле и в Тимковичах западнее Слуцка тогда же уничтожили последних узников местных гетто.[23]

31 июля 1942 г. генералкомиссар Кубе отправил рейхскомиссару Лозе письмо с отчетом об акциях уничтожения в генералбецирке Белоруссия:

«По всем стычкам с партизанами в Белоруссии, как в ее бывшей польской части, так и в регионах, находившихся ранее под советской властью, выясняется, что евреи – основные возбудители партизанского движения наравне с польским движением сопротивления на востоке и солдатами московской Красной Армии. Поэтому отношение к белорусскому еврейству, принимая во внимание опасность для всей экономики, превращается в очевидную политическую проблему, и требует решения не только с экономической, но и с политической точек зрения. После основательных бесед с бригаденфюрером Ценнером и с особо прилежным начальником СД и СС оберштурмбанфюрером Штраухом за последние 10 недель мы ликвидировали в Белоруссии около 55.000 евреев. На территории Минской области были уничтожены все евреи, без нанесения ущерба рабочей силе. В регионе Лиды уничтожено 16.000 евреев, а в Слониме – 8.000. Из-за вмешательства военного командования тыла была сорвана наша подготовка ликвидации евреев в районе Глубокого. Военное командование, не согласовав со мной, ликвидировало 10.000 евреев, систематичное уничтожение которых и так было запланировано. В Минске 28–29 июля уничтожено 10.000 евреев, из них 6.500 русских евреев – в основном, стариков, женщин и детей. Остальные были нетрудоспособными евреями, отправленными в Минск по приказу фюрера, в основном, из Вены, Брюнна, Бремена и Берлина в ноябре прошлого года. Район Слуцка тоже освобожден от бремени нескольких тысяч евреев; такая же ситуация в Новогрудке и Вилейке. В Барановичах и Ганцевичах будут еще приняты крайние меры. В Барановичах только в городе [находятся] 10.000 евреев, и в следующем месяце 9.000 из них будут ликвидированы. В Минске осталось 2.600 немецких евреев. Кроме того, пока еще живы все 6.000 русских евреев и евреек, остававшихся на местах их работы во время акции. В Минске и в дальнейшем сохранится самая высокая концентрация евреев в связи с тем, что там находятся предприятия по производству снаряжения и железнодорожный узел, для деятельности которых это пока необходимо. Во всех остальных регионах мною и СД решено оставить для различных работ не более 800 евреев, а если есть возможность – то толь-

ко по 500. Таким образом, по окончании запланированных в Минске акций будут оставлены 8.600 [евреев], а в 10 оставшихся регионах, в том числе и в свободных от евреев окрестностях Минска, останется 7.000 евреев. Опасность того, что евреи будут активно помогать партизанам в будущем, уже не существует. Мне и СД очень хотелось бы, несмотря на экономические требования вермахта, окончательно избавиться от всех евреев в генералбецирке Белоруссия. Но в настощее время принимаются во внимание жизненно важные требования вермахта, основного работодателя для евреев».[24]

Согласно приведенному здесь плану уничтожения евреев генералкомиссариата Белоруссия в подвластном Кубе регионе будут уничтожены все евреи, кроме 15.000–16.000 необходимых специалистов и членов их семей – из них больше половины останутся в Минске, а остальные – в 10 центрах гебитскомиссариатов, не более 700 евреев в каждом месте.[25]

Кубе обосновывает необходимость уничтожения евреев не идеологическими соображениями, а их участием в партизанском движении; речь идет о подполье и о бегстве в леса из Минского гетто. Только нужда вермахта в еврейских рабочих руках остановила его от поголовного истребления всех евреев. Когда речь идет о 10.000 евреях, убитых в Минске, в расчет принимаются только жертвы первых двух дней акции – 28 и 29 июля; в документе не упоминаются два других дня – 30 и 31 июля. Вместе с тем говорится о «запланированных акциях в Минске» и поэтому приведенное выше число 25.000–26.000 еврейских жертв, видимо, верное.[26]

Запланированные акции, упомянутые Кубе, действительно состоялись. В Барановичах 22 сентября 1942 г. казнили 3.000 евреев, а 17 декабря – около 3.000. В городе осталось приблизительно 700 евреев, как и планировал Кубе. Еще ранее, 19 августа 1942 г. 700 юношей и девушек из гетто были отправлены на работу в Молодечно. Почти 500 человек бежали в леса.[27]

В Новогрудке с еврейским населением в несколько тысяч человек, часть которых были выходцами из окрестных местечек, 8 августа состоялась казнь около 2.500 евреев. В городе осталось примерно 1.200 рабочих и специалистов.[28]

Одновременно с истреблением евреев в гетто больших городов весной и летом 1942 г. акции уничтожения прокатились по десяткам местечек генералкомиссариата Белоруссия.[29]

Во время больших операций по борьбе с партизанами основными жертвами становились евреи, заключенные в гетто. В немецком донесении от 2 ноября 1942 г. об антипартизанской операции конца августа – начала сентября 1942 г. на юго-востоке Белоруссии, к северу от болот Полесья, написано: «очищены и разрушены 49 партизанских баз… уничтожено 389 вооруженных бандитов [имеются в виду партизаны], расстреляно 1.274 подозрительных и 8.350 евреев. 1.217 человек были депортированы из региона».[30]

К концу 1942 г. на территории генералкомиссариата Белоруссия

осталось 15.000–16.000 «легальных» евреев, заключенных в гетто и рабочие лагеря в центральных городах региона, и еще 6.000–7.000 «нелегальных», сумевших спрятаться во время акций. В 1942 г. также прошли акции уничтожения немецких, австрийских и чешских евреев, ранее депортированных в генералкомиссариат Белоруссия, в основном, в район Минска.

Б. ГЕНЕРАЛБЕЦИРК БЕЛОСТОК - ЮГО-ЗАПАД БЕЛОРУССИИ

Весенние и летние месяцы 1942 г., когда убивали евреев в генералкомиссариате Белоруссия, были относительно спокойными для евреев – узников гетто Гродно, Волковыска и их окрестностей в генералбецирке Белосток, хотя действовавший здесь 91 батальон Орпо убивал там и тут группы евреев.[31] Осенью 1942 г. положение резко ухудшилось. В первой половине октября 1942 г. РСХА направил приказ начальнику полиции Сипо генералбецирка Белосток д-ру Вильгельму Альтенло указание о ликвидации всех гетто и депортации евреев в лагеря уничтожения генерал-губернаторства Польша. После вмешательства военных и местных властей, заинтересованных в труде евреев на предприятиях, удовлетворяющих военные нужды, было решено отложить ликвидацию Белостокского гетто, однако все остальные гетто по-прежнему подлежали уничтожению. 2 ноября 1942 г. гражданская администрация передала Сипо власть над всеми гетто региона.[32] Перед отправкой в лагеря уничтожения евреев из гетто помещали в специальные сборные лагеря (Sammellager).

Большую часть евреев Гродненской области поместили в бывший лагерь советских военнопленных Кельбасин рядом с железной дорогой, в 5 км от Гродно. Отправка евреев в Кельбасин началась в первых числах ноября 1942 г. и продолжалась несколько недель. В лагере люди жили в землянках, по несколько сотен человек в каждой; дважды в день в лагере проводилась многочасовая перекличка, узников вынуждали бегать, петь и терпеть другие издевательства. В лагере умирали сотни людей. Там было собрано около 35.000 евреев из Гродненской области и несколько тысяч из самого Гродно.[33] С 9 ноября по 20 декабря 1942 г. 35.000–36.000 человек вывезли поездами в лагерь уничтожения Треблинка.[34] Евреям обещали, что их перевозят в другое место, с лучшими условиями. Перед посадкой в вагоны от евреев потребовали сдать деньги и ценности, угрожая расстрелом тем, кто не подчинится приказу.[35]

В двух гетто города Гродно содержалось 22.000–23.000 узников. Их уничтожение началось с ликвидации гетто № 2, где, в основном, содержались «нетрудоспособные» евреи. 9 ноября началось с перемещения 4.000 специалистов и членов их семей из гетто № 2 в гетто № 1. 15 и 21 ноября 1942 г. из гетто № 2 были выведены 4.000–5.000 «нетрудоспособных», после чего гетто было ликвидировано. Выведенным объявили, что их отправят на работу в Силезию, но все они оказались в Освенциме. По прибытии в Освенцим каждый получил для отправки родным в Гродно почтовую открытку с напечатанным текстом: «К нам

относятся хорошо. Мы работаем и нам хорошо». Затем после селекции около 80% депортированных отправили в газовые камеры, прочих оставили в лагере для различных работ.[36]

Число евреев в гетто № 1 достигло 17.000. В конце ноября – начале декабря 1942 г. отсюда, как и из гетто № 2, 4.000–5.000 человек отправили в Кельбасин. По приказу Сипо в число депортированных включили некоторых членов юдената и полиции гетто, которых подозревали в саботировании немецких приказов. После ликвидации лагеря в Кельбасине и прекращения депортаций, которое было связано с нехваткой поездов, 19 декабря 1942 г. в Гродненское гетто доставили из лагеря 3.000–4.000 евреев, часть из которых были выходцами из этого города.[37]

Евреев из гетто Волковыска и восточной части генералбецирка Белосток поместили в созданный там сборный лагерь. С 10 ноября по 15 декабря 1942 г. оттуда выслали в лагерь уничтожения Треблинка 16.300 евреев, а в лагерь уничтожения Освенцим – 2.000 евреев.[38]

В середине декабря прекратились депортации евреев из генералбецирка Белосток в лагеря уничтожения, так как после поражения под Сталинградом немецкой армии понадобился весь железнодорожный транспорт. Уже в начале декабря 1942 г. руководство немецких железных дорог сообщило Сипо, что с 15 декабря по 15 января 1943 г. оно не будет предоставлять железнодорожные составы для депортаций евреев генералбецирка Белосток и генерал-губернаторства Польши. Но и после 15 января 1943 г. число составов снизилось. Гиммлер лично вмешался, и 23 января 1943 г. направил генеральному директору немецких железных дорог д-ру Теодору Ганценмюллеру письмо:

«Я обращаюсь к Вам по важному вопросу: необходимое условие для воцарения тишины и спокойствия в генералбецирке Белосток и на русских территориях заключается в депортации элементов, оказывающих поддержку бандам, и подозреваемых в принадлежности к ним. Сюда, в первую очередь, включаются депортации евреев… В противном случае нам придется принять в расчет увеличение числа диверсий и в этих регионах… Мне необходимо получить большее количество составов для депортаций. Я знаю, насколько трудное положение сейчас у железнодорожного транспорта и какие требования к нему всегда предъявляются. И несмотря на это я вынужден обратиться к вам с просьбой: помогите мне и предоставьте мне составы».[39]

В суровых военных условиях, создавшихся после поражения под Сталинградом, только такие доводы Гиммлера, как усиление советских партизан из-за помощи евреев, а не идеологические расовые аргументы, могли убедить в необходимости предоставить для депортации евреев железнодорожные составы, столь необходимые для фронта. Гиммлер получил положительный ответ на свое обращение – Сипо снова обрела поезда.

18–22 января 1943 г. состоялась большая депортация из Гродненского гетто № 1. Перед акцией был составлен список тех, чьи услуги

жизненно необходимы, – 2.700 ремесленников, в большинстве рабочих войлочного завода, и членов их семей. Многие поспешили укрыться в «малинах», и в процессе их поиска немецкая полиция прочесала гетто, забрасывая гранатами подозрительные места. Акция продолжалась пять дней, в течение которых 11.500 евреев отправили поездами, большинство в Освенцим, часть – в Треблинку. В гетто осталось около 5.000 евреев, почти половина нелегально, они продолжали прятаться. 11 февраля 1943 г. немецкие власти через председателя юденрата д-ра Бравера объявили, что они нуждаются в рабочей силе и предлагают всем скрывающимся пройти регистрацию и отправиться на работу. В надежде получить работу несколько сот евреев покинули свои убежища. 13–16 февраля 1943 г. по гетто Гродно прокатилась последняя волна депортаций: около 4.000 евреев были отправлены в Освенцим. Во время акции полицейские Сипо расстреляли д-ра Бравера. Теперь в Гродно осталось 1.000–1.200 евреев, половина нелегально.[40] 12 марта 1943 г. этих евреев отправили в Белостокское гетто. Таким образом, все гетто генералбецирка Белосток были ликвидированы. В Белостоке во время акции 5–12 февраля 1943 г. в лагеря уничтожения депортировали около 10.000 человек.[41] Число евреев из районов Гродно и Волковыска, депортированных в лагеря уничтожения Освенцим и Треблинка с 9 ноября 1942 г. по 19 февраля 1943 г. достигает, по меньшей мере, 64.000–65.000.[42]

В. ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТЫ ЛИТВА, ЛАТВИЯ И ЭСТОНИЯ

Большую часть евреев Прибалтики уничтожили еще во второй половине 1941 г. В Эстонии евреев не осталось вовсе, а в гетто Литвы и Латвии сохранились лишь те, кто определялись как «полезные».

Для евреев Литвы и Латвии 1942 год стал годом относительного спокойствия, хотя немецкая машина уничтожения не останавливалась полностью, и несколько тысяч «бесполезных» евреев погибли. В Вильнюсе – самом большом прибалтийском гетто, где по подсчетам немцев находилось 15.000 евреев, а вместе с «нелегалами» практически 20.000 – была проведена акция против тех, кто не является рабочей силой. В начале июля 1942 г. от юденрата потребовали предоставить властям от 300 до 500 стариков и детей (источники указывают разные цифры). После переговоров с председателем юденрата Яковом Генсом немцы согласились пощадить детей и сократить число стариков до одной сотни. Еврейская полиция задержала 84 стариков, в большинстве хронически больных, и сопроводила их в дачный поселок Поспешки, недалеко от города. 26 июля эти старики были переданы в руки Сипо и литовской полиции и убиты в Понарах.[43]

1 апреля 1942 г. к генералкомиссариату Литва были присоединены три района из генералкомиссариата Белоруссия: Эйшишки, Ошмяны и Свирь. Их передали в подчинение гебитскомиссара Вильнюсской области. В этих районах несколько тысяч евреев проживало в тех гетто, которые относительно мало пострадали прежде. Немецкая администрация решила ликвидировать часть этих гетто и сконцентрировать их

жителей в Вильнюсском, Ошмянском и Швенченисском гетто. Причина, по которой власти решили уничтожить гетто, объяснялась в приказе генералкомиссара Литвы от 28 августа 1942 г.:

«Существование многих гетто в Вильнюсской области и широкое использование евреев в рабочих командах без достаточной охраны увеличивают опасность деятельности партизанских банд. По согласованию с начальником СС и полиции и начальником Сипо на территории Литвы решено безотлагательно принять следующие меры: выделение групп рабочих управлению лесами, сельским хозяйством и управлению по мощению дорог прекращается немедленно... Гетто в маленьких городах, кроме Швенченис и Ошмяны, будут распущены, а их жители переведены в гетто Швенченис и Ошмяны, а также в город Вильнюс».[44]

В ходе ликвидации небольших гетто 22 октября 1942 г. было ликвидировано гетто в Кемелишках, а его жители расстреляны; похожая судьба постигла и небольшое гетто в Быстрице. Немецкая администрация решила уменьшить гетто Ошмяны, где содержалось около 4.000 евреев города и окрестностей, и уничтожить 1.500 неработоспособных детей, женщин и стариков. В середине октября 1942 г. вильнюсская Сипо поручила юденрату и еврейской полиции выбрать подлежащих уничтожению людей. Генс выполнил это требование. Через несколько дней после акции, 27 октября 1942 г., Генс рассказал общественным деятелям Вильнюсского гетто:

«Господа, я пригласил вас сегодня, чтобы изложить перед вами одну из ужасных трагедий в жизни евреев – когда евреи посылают евреев на смерть. Неделю назад прибыл Вайс [начальник гетто от Сипо – И. А.] и от имени СД приказал мне отправляться в Ошмяны... выбрать людей, в которых немцы не нуждаются... Первыми на очереди были женщины, мужья которых были схвачены в прошлом году, и их дети. Вторыми – женщины и многодетные семьи. Когда мы получили приказ, то ответили «Слушаюсь!»... Нам поручили предоставить как минимум 1.500 человек. Мы ответили, что не сможем собрать такое количество. Мы торговались. Когда Деслер [начальник еврейской полиции гетто] прибыл в Ошмяны, квоту сократили до 800. Когда я и Вайс выехали в Ошмяны, квота снова была сокращена до 600, а вопрос о женщинах и детях больше не стоял, речь шла только о стариках. По правде говоря, в Ошмянах были собраны 406 стариков. Этих стариков мы передали... Еврейская полиция спасла всех, кому необходимо жить. Пошли те, чьи дни и так сочтены, и да простят нас эти евреи... Сегодня я жалею лишь о том, что нас не было во время акций в Кемелишках и Быстрице. На прошлой неделе там были расстреляны все без исключения евреи... Наша задача спасти сильных и молодых – не только по возрасту, но и по духу, и не играть в сентименты... Такова точка зрения полиции: спасти кого только можно, не учитывая нашу репутацию и наши личные переживания...»[45]

В Вильнюсской и Ошмянской акциях немецкая администрация

впервые поручила еврейской полиции собрать и передать ей евреев, не скрывая своего намерения их убить. В этом исключительном случае председатель юдената и еврейская полиция Вильнюса сознательно решили сотрудничать с немцами в проведении акции уничтожения, чтобы уменьшить число жертв и спасти детей и их матерей. Из слов Генса понятно, что если бы подобная миссия была возложена на еврейскую полицию во время акций в Кемелишках и Быстрице, было бы возможно и там сократить число жертв и ограничиться убийством одних стариков, тем самым предотвратив тотальное истребление евреев. В других городах Литвы – Каунасе, Шауляе и Швенченис – в 1942 году акций уничтожения не проводилось.

Число евреев генералкомиссариата Латвия, заключенных в гетто Риги, Даугавпилса и Лиепаи, достигало примерно 6.000, из них две трети находились в малом Рижском гетто. 31 октября 1942 г. из гетто забрали 108 человек, в их числе 42 полицейских, и расстреляли в качестве наказания за попытку группы еврейских подпольщиков бежать из гетто в леса.[46]

В Даугавпилсе после акций уничтожения, прошедших с августа по ноябрь 1941 г., евреев осталось менее 1.000. 17 мая 1942 г. после выхода из гетто рабочих оттуда вывели 500 евреев, большинство из которых не работало на немецкие власти, и расстреляли их недалеко от города, в Погулянке. Расстрел проводила местная Сипо при участии латышской зондеркоманды, прибывшей из Риги. После акции Даугавпилсе осталось 350–450 евреев.[47]

В Лиепае после акций октября – декабря 1941 г. в живых сохранилось около 1.000 евреев. В феврале 1942 г. в ходе акции погибло около 100 евреев. Из-за нехватки жилых строений гетто в Лиепае было создано только в июне 1942 г.[48]

В странах Балтии даже в этот период относительного «спокойствия» количество жертв из числа неработоспособных, по мнению немцев, евреев – детей, женщин, стариков – достигло нескольких тысяч.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Флеминг, *Гитлер...*, с. 100 – 101. Флеминг пишет, что генералкомиссар Кубе был противником этой акции и именно из его канцелярии информация о ее подготовке просочилась к евреям. Начальник минского Сипо Эдуард Штраух пожаловался на это Гейдриху, который послал Кубе телеграмму, в которой отчитал его. Герлах (Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 692) пишет, что Кубе возражал не против акции, а против жестокости ее проведения. 3-й батальон литовской полиции, набранный в Вильнюсе, с середины ноября 1941 г. действовал в Белоруссии и участвовал в проведении здесь казней весной 1942 г.
2. Гринштейн, *Головешка...*, с. 40 – 41.
3. Холавски, *В гибельной буре...*, с. 124 – 128; Архив Института истории партии при ЦК КПБ, фонд 12, опись 1, л. 11 – 12, воспоминания Анны Мачиз. Место убийства сегодня называется «Яма»; Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 691 пишет, что во время акции часть людей была пешком отправлена в Тучинку, а часть вывезена поездами в Койданово, где их расстреляли.
4. *The Encyclopedia of the Holocaust*, v. 1, pp. 238 – 239. В Барановичи были согнаны евреи из местечек Ляховичи, Клецк, Молчадь, Столбцы, Городище. Герлах (там же) пишет,

что в Барановичах 3–4 марта убили 2.007 нетрудоспособных евреев.

5. Фарбер и Зэеви, *Книга Вилейки...*, с. 98 – 99.
6. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 178, p. 307.
7. *Ibid*, 184, p. 316. В донесении от 23 марта 1942 г. речь идет об акции в местечке Илья 17 марта, когда убили 520 евреев. В донесении от 27 марта (ibid, p. 319) упоминаются акции в Ракове и Червени возле Минска. В Червени уничтожили около 1.500 человек.
8. Черноглазова, *Трагедия...*, с. 91 – 92.
9. Минский процесс, из протокола допроса Франца Гесса, *Судебный процесс*, с. 180 – 184.
10. *The Encyclopedia of the Holocaust...*, v. 3, p. 868 - 870; Gerlach, *Kalkulierte...*, pp. 695 – 696; А. Манор и И. Ганозович (ред.). *Книга Лиды* (иврит). – Тель-Авив, 1983, с. 284. Акции уничтожения прошли в местечках: Ивье, 12 мая убито 2.500 человек, включая евреев окрестных деревень; Василишки, 2.159 евреев убиты 10 мая; Вороново, 11 мая расстреляны 1.834 еврея; Радунь, 10 мая уничтожено 1.000 – 1.500 евреев. Акции прошли и в других местах.
11. Черноглазова, *Трагедия...*, с. 92 – 93. Цитируемый документ хранится в Белорусском Государственном Архиве, фонд 4683, опись 3, дело 953, с. 126 – 127.
12. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 189, pp. 323 – 324, 340. О подпольной деятельности в гетто и о бегстве в леса см. гл.45 и гл. 46.
13. Документ находится в коллекции автора, папка «Белоруссия».
14. *The Encyclopedia of the Holocaust*, v. 4, p. 1363 – 1364; К. Лихтенштейн и И. Рабинович (ред.). *Хроника Слонима* (иврит). – Тель-Авив, 1962, с. 93; Gerlach (*Kalkulierte...*, pp. 700–701) пишет, что в Слониме были также убиты евреи, пригнанные из Косово.
15. Schoenberner, *Zeugen Zagen aus...*, pp. 137 – 140.
16. М. Гефен и др. (ред.). *Книга еврейских партизан* (иврит), том 1, Мерхавия, 1958, с. 556 (далее: Гефен и др., *Книга партизан...*).
17. Архив Яд Вашем, 03/2245, с. 10 – 11.
18. Холавски, *В гибельной буре...*, с. 129.
19. Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 152 – 155.
20. Гроссман и Эренбург (*там же*, с. 153) указывают, что число погибших во время этой акции равнялось 25.000. Холавски (*В гибельной буре...*, с. 130) утверждает, что речь идет о 30.000 погибших. Смоляр (*Советские евреи...*, с. 149) указывает, что после этой акции в гетто осталось 12.000 евреев, в том числе несколько тысяч «нелегалов», прятавшихся во время акции. В этой акции было уничтожено также 3.000 – 3.500 немецких евреев.
21. *Судебный процесс...*, с. 184 – 185.
22. Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 704.
23. Нахмани и Хиноф, *Хроника Слуцка...*, с. 144; Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 156.
24. Нюрнбергские Документы, PS-3428.
25. Эти места: Минск, Минская область (отдельный от города Минска гебитскомиссариат), Борисов, Слуцк, Барановичи, Глубокое, Лида, Новогрудок, Слоним, Вилейка, Ганцевичи. В Ганцевичах еврейская община была небольшой, менее 1.000 человек. Всех их убили еще 13 августа 1941 г. Поскольку в этом городе находился гебитскомиссариат, весной 1942 г. туда доставили около 300 специалистов из других гетто и поселили их в рабочем лагере. В середине августа 1942 г., когда до лагеря дошли слухи об убийстве евреев в других местечках, узники бежали в лес. Часть из них была убита в пути, а часть добралась до партизан.
26. Это число советских евреев в Минском гетто. И гетто были заключены 70.000 евреев. Во время акций до заключения в гетто погибло около 5.000. После акции 28–31 июля 1942 г. в гетто осталось около 12.000 советских евреев. До конца июля около 1.000 евреев бежали из гетто в лес. Таким образом, общее число советских евреев, убитых в Минске до конца июля 1942 г., достигает 62.000 человек.

27. *The Encyclopedia of the Holocaust*, v. 1, p. 147.
28. *Ibid*, v. 4, 1072 – 1073.
29. В местечке Дятлово (Жетл), где накануне войны проживало около 4.000 евреев, 30 апреля 1942 г. прошла акция, в которой погибло 1.200 евреев. Во время второй акции 6 августа 1942 г. примерно 600 евреям удалось бежать – остальные были убиты. 17 и 20 июля были уничтожены последние евреи Городища, Несвижа и других местечек. В Несвиже после большой акции в октябре 1941 г. в живых осталось около 600 евреев. Они подожгли гетто, открыли огонь по немецкой полиции и бежали в леса. Часть из них были застрелены во время бегства. Гетто в Мире было ликвидировано 13 августа 1942 г. Около 180 евреев бежали в леса. См.: Холавски, *На реках...*, с. 325 – 330.
30. Заставенко, *Преступные...*, с. 128.
31. Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 724.
32. *Ibid*; Фаталь-Кнаани, *Не то Гродно...*, с. 171 – 173; Бендер, *Против...*, с. 199 – 201.
33. Фаталь-Кнаани, *там же*, с. 174, 177; *Энциклопедия диаспоры. Гродно* (иврит). – Иерусалим, 1973, с. 558 – 559 (далее: *Энциклопедия диаспоры. Гродно*). В Кельбасин согнали евреев из следующих местечек (цифры округлены): Друскининкай – 500; Озеры – 2.000; Лунно – 1.500; Острына – 2.000; Поречье – 1.000; Скидель – 3.000; Сопоцкин – 2.000; Домброва – 1.000; Индура – 2.500; Янов – 950; Крынки – 5.000; Кузница – 1.000; Одельск – 500; Сокулка и окрестности – 8.000; Суховоля – 5.100. Города Сокулка, Домброва, Янов, Кузница, Крынки и Суховоля сегодня находятся в Польше.
34. Ицхак Арад. *Операция Рейнхард* (иврит). – Тель-Авив, 1986, с. 515 – 516 (далее: Арад, *Операция Рейнхард...*). В эту цифру включены 1.500 гродненских евреев, остальные – из других мест. Герлах (Gerlach, *Kalkulierte*) пишет, что число евреев, депортированных из Кельбасина в лагеря уничтожения, равнялось лишь 23.000.
35. Фаталь-Кнаани, *Не тот Гродно...*, с. 182 – 183.
36. *Там же*, с. 191 – 193; *Энциклопедия диаспоры. Гродно*, с. 554 – 555.
37. Арад, *Операция Рейнхард...*, с. 516; *Энциклопедия диаспоры. Гродно*, с. 563; Фаталь-Кнаани, *там же*, с. 184.
38. Через Волковыский сборный лагерь прошли узники следующих гетто (цифры округлены): Волковыск – 7.000; Лысково – 600; Мосты – 360; Порозово – 1.000; Ружаны – 3.000; Свислочь – 3.000; Волпа – 1.500. Смотри также: Арад, *Операция Рейнхард...*, с. 516. Герлах (Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 728) пишет, что из Волковыска в лагеря уничтожения было выслано по меньшей мере 18.000 евреев.
39. Adalbert Ruckerl. *NS-Vernichtungslager.* – Munchen, 1977, pp. 115 – 116 (далее: Ruckerl, *Vernichtungslager...*).
40. *Энциклопедия диаспоры. Гродно*, с. 568 – 571, 580 – 583; Герлах (Gerlach, *Kalkulierte...*, pp. 728, 731) пишет, что во время акции, прошедшей в середине января 1943 г., из Гродно в Освенцим пятью партиями были депортированы 10.000 евреев.
41. После этой акции в Белостоке осталось около 30.000 евреев. Окончательно гетто ликвидировали во второй половине августа 1943 г. Во время ликвидации в гетто вспыхнуло восстание.
42. ГАРФ, фонд 7021, опись 86, дело 40. Донесение гебитскомиссара Гродно от 5 марта 1943 г. В донесении указывается, что при акциях, проведенных в Гродно и области до 5 февраля 1943, в лагеря уничтожения отправили 43.999 евреев. В донесении не отмечено число евреев, депортированных из района Волковыска, так как он не подчинялся гебитскомиссару Гродно (их число приблизительно 18.000). Данные по Белостоку, Пружанам и окрестностям не указываются, так как сегодня они находятся в границах Польши и выходят за рамки данного исследования. Герлах (Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 729) пишет, что в указанный период из Пружан в лагеря уничтожения были депортированы около 10.000 евреев.
43. Arad, *Ghetto in Flames...*, p. 339-340.
44. LTSR CVA, Фонд R-292, опись 1, дело 3, с. 101 – 102.

45. Архив Морешет в Гиват Хавива, документ D.1.357.
46. Левин, *Хроника общин Латвии...,* с. 285 – 286. О подпольной деятельности в Рижском гетто смотри гл. 45.
47. *Там же*, с. 104; Ezergailis, The *Holocaust...*, pp. 279 – 280. Эзергалис указывает, что акция прошла 1 мая 1942 г.
48. Левин, *там же*, с. 183.

ГЛАВА 25

УНИЧТОЖЕНИЕ В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ УКРАИНА

А. ГЕНЕРАЛБЕЦИРК ВОЛЫНЬ – ПОДОЛИЯ

После первого этапа уничтожения, который завершился зимой 1941 – 1942 гг., в генералбецирке Волынь – Подолия оставалось еще немало евреев. Большинство из них находились на Волыни и в Полесье, на бывших польских землях. В начале 1942 г. там еще проживало 270.000–290.000 евреев.[1] На востоке генералбецирка, в Подолии, находившейся в старых границах СССР, число евреев не превышало 25.000. Вторая волна уничтожения началась в генералбецирке Волынь – Подолия в мае 1942 г. В городах, где до того не было гетто, их начали теперь создавать и свозить туда евреев из окрестных местечек.

29–31 августа 1942 г. в Луцке, месте резиденции генералкомиссара, состоялся съезд гебитскомиссаров генералбецирка Волынь–Подолия, на котором обсуждалось уничтожение евреев. По окончании съезда 31 августа канцелярия генералкомиссара подготовила письмо:

«Следует организовывать акции таким образом, чтобы они заканчивались в течение пяти недель. Даргель, глава управления рейхскомиссариата, передал гебитскомиссарам, что стопроцентная чистка является личным и решительным желанием самого рейхскомиссара... Особые случаи будут одобрены только на период, не превышающий двух месяцев, и только тогда, когда деятельность военных или других важных предприятий может остановиться».[2]

Тем самым предполагалось тотальное уничтожение евреев генералбецирка двумя этапами: сначала истребление тех, кто не занят на важных предприятиях; затем – после двухмесячного перерыва – убийство всех остальных.

Волна казней началась на Волыни еще до съезда гебитскомиссаров в Луцке. Приказы по этому поводу были переданы по каналам командования Сипо еще в начале весны 1942 г., а в мае началось уничтожение гетто в Дубно, где проживало более 5.000 евреев, в середине мая разделили: одна половина его предназначалась для специалистов, вторая – для всех остальных. Тем самым определился порядок уничтожения. 26–27 мая было ликвидировано «гетто неспециалистов». В августе в гетто для специалистов доставили евреев ближних местечек, и число его узников достигло приблизительно 4.500. В октябре 1942 г. во время двух акций и эти евреи были уничтожены.[3] Немецкий инженер Герман Грабе свидетельствовал об акции 5 октября на Нюрнбергском процессе:

«Перед ними грузовики, с которых украинские полицаи под командованием эсэсовца сгоняли людей... Было понятно, что это евреи... Мы пошли прямо к ямам, нас никто не задержал. Тут стала слышна непрекращающаяся стрельба... Без крика и плача люди снимали

одежду и становились группами, по семьям. Они целовались и прощались и ждали знака от эсэсовца, стоявшего на краю ямы с плетью в руке. Около четверти часа я стоял у ямы и не слышал мольбы или просьб о пощаде. Я наблюдал за семьей из восьми человек: мужчина и женщина лет пятидесяти и их дети, восьми и десяти лет, и две взрослые девушки, двадцати – двадцати четырех лет. Старуха с белыми, как снег, волосами, держала на руках годовалого ребенка, напевала ему что-то и гладила его… Супруги смотрели друг на друга и в их глазах стояли слезы. Отец держал за руку десятилетнего мальчика, успокаивая его, а мальчик боролся со слезами. Отец показал пальцем на небо, погладил ребенка по голове, видимо, что-то ему объясняя. Тут эсэсовец, стоявший рядом с ямой, прокричал что-то своим товарищам, и те отделили двадцать человек и повели их за кучу земли. В этой группе была семья, о которой я говорил… Я посмотрел на солдата. Это был эсэсовец, сидевший на краю узкой перегородки у ямы… У него на коленях лежал автомат и он курил сигарету. Голые люди спустились по ступенькам, выбитым в стенке ямы, и пошли, наступая на головы лежащих, пока эсэсовец не приказал им остановиться, и легли прямо на мертвых и на еще живых. Затем послышалась пулеметная очередь».[4]

Два гетто в Ковеле были созданы только 21 мая 1942 г. В одном из них собрали около 8.000 специалистов и рабочих с семьями, а в другом – около 6.000 евреев, не считавшихся рабочими, среди них жители окрестных местечек. 2 июня гетто неспециалистов окружили немцы и украинцы, а узникам было приказано собраться для «отправки на восток» на работу. Евреи поняли, что кроется за этой отправкой; многие спрятались. Три дня в гетто шли обыски, в процессе которых сотни людей были убиты в местах укрытия и при попытке к бегству. Евреев грузили в вагоны, везли к известковым и песчаным карьерам в районе Камень-Каширска и там расстреливали. 19 августа 1942 г. уничтожили и первое гетто – его узников расстреляли там же, где и узников гетто для неспециалистов. Около 1.000 человек, спрятавшихся или пытавшихся бежать, были схвачены сразу после акции, затем их группами выводили на еврейское кладбище для расстрела. Последних пойманных евреев казнили в начале октября 1942 г.[5]

В столице рейхскомиссариата Украина Ровно еще во второй половине 1941 г. было уничтожено около 18.000 евреев, после чего в гетто осталось около 5.000 человек. 13 июля 1942 г. их погрузили в крытые товарные вагоны, отвезли в сторону Костополя и расстреляли в лесу недалеко от железной дороги.[6]

Гетто города Кременец, в котором находилось около 9.000 евреев, было ликвидировано в 1942 г. в два приёма: 10–12 и 18 августа. В немецком донесении от 15 августа 1942 г., посвященном первой акции, указано, что в Кременце подверглись «особому обращению» (Sonderbehandlung) 6.402 евреев, из них 2.322 мужчины, 2.925 женщин и 1.155 детей. В донесении от 20 августа, где речь идет о второй акции, сказано об «особом обращении» для 1.210 евреев (848 женщин и детей

и 362 мужчины).[7] Разница между числом в 9.000 евреев, проживавших в гетто, и приведенном в донесении числом убитых 7.612 происходит из-за того, что не учтены сотни бежавших и спрятавшихся во время акций, схваченных и уничтоженных позже.

В гетто Луцка в начале весны 1942 г. все еще находилось 17.000–18.000 узников. 18 марта 1942 г. несколько сот мужчин отправили из гетто в Винницу для строительства ставки Гитлера. Все они, кроме троих, сумевших бежать в Транснистрию, были убиты там в 1942 г. Большая акция имела место 20-23 августа 1942 г., тогда 15.000–16.000 евреев были вывезены за город, в район Горки-Полонной (Gorka Polonna), и расстреляны. Сотни узников гетто бежали. При поисках спрятавшихся евреев схватили около 2.000 человек – их расстреляли 3 сентября 1942 г. Остававшийся в Луцке рабочий лагерь был ликвидирован 12 декабря 1942 г. – евреи тогда оказали сопротивление, и некоторым из них удалось бежать.[8] В своих показаниях от 25 августа 1949 г. немец Рейнхольд Грауб свидетельствовал:

«Незадолго до Рождества 1942 г. мастерская в Луцке была распущена. На этом предприятии были заняты 400 евреев – специалистов. Они выполняли для проживающих в районе Луцка немцев самые разнообразные работы: сапожничали, столярничали, чинили часы, шили одежду и выделывали меха… Все «непродуктивные» евреи были уничтожены ранее… Перед Рождеством до немцев Луцка дошли слухи о закрытии мастерских и о приказе рейхскомиссара ликвидировать 400 евреев. Но поскольку накануне Рождества мастерские получили много заказов, а немцы, собиравшиеся ехать в отпуск на родину, хотели получить свои вещи до отъезда… многие обратились к генералкомиссару с просьбой убедить рейхскомиссара в необходимости отложить ликвидацию на время после Рождества… Но в Ровно господин Кох ответил нет… Когда в один из дней (12 декабря) на территории фабрики появилось подразделение украинской полиции под командованием майора полиции Г. с целью арестовать евреев, последние открыли огонь из оружия, доставленного по секретным каналам. Произошло сражение, исход которого решили ручные гранаты и противотанковые пушки. Мастерские сгорели дотла. В них нашли свою смерть 400 евреев».[9]

В городе Сарны накануне войны проживало около 5.000 евреев. Узниками тамошнего гетто, созданного 2–4 апреля 1942 г., стали около 6.000 человек, в том числе жители окрестных местечек. В августе заключённых гетто перевели в расположенный в городе лагерь «Полеска», где уже находились евреи из других пунктов северо-восточной Волыни: Бережниц, Дубровиц, Томашгорода, Клесова, Рокитного и еще меньших селений. Общее число узников лагеря «Полеска» составило 14.000–15.000 человек. В лагерь также была доставлена группа цыган. Акция уничтожения узников лагеря состоялась 27–28 августа 1942 г., при этом члены еврейского подполья подожгли несколько бараков и звали людей бежать. Тысячи людей бросились врассыпную, многие были убиты, когда перелезали через забор, а также на улицах города и

по пути в леса. Нескольким сотням евреев удалось добраться до леса, из них выжило только около 100 человек.[10]

13 апреля 1942 г. в гетто заключили евреев Владимир-Волынского (Людмир), а с ними несколько тысяч евреев из окрестных местечек. Всего в гетто оказалось приблизительно 18.000 узников. В мае гетто разделили: в одной части содержались специалисты с семьями, в другой – все остальные. В августе сотни евреев были посланы копать огромные ямы у села Пятидень, в семи километрах к западу от города. Евреям сказали, что там строится аэродром, а ямы будут использованы для хранения цистерн с горючим. Среди евреев возникли опасения, что ямы предназначаются для них, и многие принялись лихорадочно подготавливать укрытия внутри гетто. 1 сентября началась акция уничтожения. Она продолжалась две недели – до 15 сентября в ямах Пятиденя было убито около 14.000 евреев. В живых оставили небольшое число специалистов, и общее число уцелевших, включая сумевших удачно спрятаться, составило около 4.000. 13 ноября 1942 г. была проведена еще одна акция, в которой погибло от 3.000 до 4.000 человек. В гетто остались специалисты и их семьи – всего около 500 человек. Из нескольких сотен евреев, бежавших при ноябрьской акции, подавляющее большинство местными украинскими крестьянами было убито или выдано властям.[11] События во Владимир-Волынском гетто описал в своем дневнике еврейский подросток Моше Маргалит:

«Понедельник, 30 августа 1942-го... С самого утра приезжают грузовые машины, полные вооруженными украинскими полицаями... Ворота гетто усиленно охраняются... Все эти факты смущают жителей гетто и укрепляют предположение, что нацисты планируют истребление Владимиро-Волынских евреев. Люди в гетто испуганно бегают в поисках укрытий...

Вторник, 1 сентября 1942-го... Вдруг мы видим, как вооруженные украинские полицаи в сопровождении немцев приближаются к воротам... Они открывают огонь... Через несколько секунд я очутился в убежище. Вокруг еще несколько десятков людей, среди которых женщина с младенцем на руках... Слышны голоса и крики полиции... Младенец на руках у матери начинает рыдать... Люди предлагают матери задушить ребенка, чтобы не навлечь беду на всех нас. Мать рукой пытается закрыть младенцу рот, но попытки успокоить его ни к чему не приводят. Люди хотят забрать его у матери и задушить... В конце концов мать соглашается покинуть убежище... Однако к этому времени дом уже полностью окружен полицией... которая ищет, откуда раздается плач. Нацисты стреляют по нашему убежищу... Четверо полицаев. На их фуражках желто-белый треугольник, символ украинских фашистов... У проломленной стены стоит большое зеркало. Я лежу за зеркалом...

Воскресенье, 6 сентября 1942-го... Крики «стоять!» Полицай и немец гонятся за девушкой. Через минуту слышится голос девушки, молящей о пощаде... Полицай стреляет в нее из своего пистолета...

Понедельник, 7 сентября 1942-го... На протяжении дня видны группы людей, сопровождаемые немцами и полицаями в тюрьму... их больше не уводят в Пятидень, а убивают на тюремном дворе...
Вторник, 15 сентября 1942-го... Мы видим в гетто группу еврейских рабочих. Мы сразу спускаемся к ним... От них мы узнали об окончании погрома... Я иду домой узнать, остался ли в живых кто-то из моей семьи... Пришел домой... Я поднимаюсь на чердак, видно, что здесь прятались люди... Я начинаю звать их по именам: Папа! Мама! Выходите, погром закончился, это я! Ответом было эхо от моих криков. Я разрыдался. Со всего двора не выжил ни один человек».[12]

Подобные акции происходили в большинстве гетто Волыни и Полесья. Во Владимир-Волынском гебитскомиссар оставил небольшое гетто, вопреки приказу генералкомиссара Волыни и Подолия Шейне от 31 августа 1942 г. Это было единственное место генералбецирка, где сохранялось гетто. Здесь содержали специалистов для обеспечения личных нужд местной администрации.[13] Существование во Владимир-Волынском небольшого гетто доказывает, что несмотря на приказы, гебитскомиссары – члены немецкой администрации невысокого ранга – могли на свое усмотрение оставлять в живых группы евреев, по крайней мере, временно. Евреев гетто Владимир-Волынского уничтожили 13 декабря 1943 г.

В Остроге, где большинство евреев погибло во время акций второй половины 1941 г., гетто было создано только в июне 1942 г. – в нем содержалось около 3.000 человек. 15 октября 1942 г. их всех вывели за город и расстреляли. Около 800 евреев избежали расправы, однако впоследствии большую их часть поймали и убили.[14]

В Кобрине (Полесье) весной 1942 г. оставались в живых около 8.000 евреев, заключенных в два гетто – одно для специалистов и рабочих, другое для всех остальных. 27 июля около 3.000 евреев, среди них все узники гетто для неспециалистов, повели на Бронную Гору к северо-востоку от Кобрина и там расстреляли. 14 октября 1942 г. забрали евреев из первого гетто, из рабочих лагерей и окрестных гетто, повели по Дивинской дороге к ямам в 4 километрах к югу от города, где и расстреляли. Во время этой акции кобринские евреи открыли огонь по немцам и полицейским, были подожжены дома и около 500 человек бежало. Подавляющее большинство бежавших схватили в первые же дни и расстреляли. Несколько десятков специалистов, сохранившихся в Кобрине после этой акции, были расстреляны до 10 декабря 1942 г.[15]

В двух гетто Брест-Литовска весной 1942 г. находилось 18.000–20.000 евреев. 22 июня 1942 г. 900 из них отправили в Луцк, а оттуда на восток, для строительных работ. Спустя два месяца вернулись 12 человек – остальные погибли. В начале октября 1942 г. в город стянули силы немецкой, украинской и литовской полиции. Большинство евреев поспешило, как и в других гетто, подготовить тайные убежища. Ночью с 15 на 16 октября гетто было окружено, а с рассветом началась акция. Евреев повели на железнодорожную станцию, оттуда повезли до станции Бронная Гора, где всех расстреляли. В течение месяца про-

должались поиски скрывающихся в гетто – около 4.000 человек были схвачены и расстреляны возле ямы, выкопанной в центре гетто. К середине ноября, когда гетто перестали охранять, на его территорию вошли местные жители для разграбления оставшихся в домах пожитков. Грабя, они натыкались на прячущихся евреев и выдавали их немцам.[16] Еврейка, пережившая эту акцию, вспоминала:

«15 октября 1942 года… В последнюю минуту мне пришло в голову подняться на чердак нашего дома и там в углу, забитом досками, мы, 16 человек, просидели пять недель. Условия трудно себе представить: голод, холод, грязь. Но это я считаю неважным, главное, что мы были свидетелями ужасов, т. е. видеть не видели, но слышали, как приводили на соседний двор по 70 – 100 человек ежедневно, приказывали раздеться, расстреливали и закапывали на месте… Раз слышно было, как ребенок кричал: «Мама, скорей бы уж эта пуля, мне холодно». Это было в ноябре, а нужно было раздеваться догола. Матери раздевали детей, а потом сами раздевались. И так у нас за забором, на улице Куйбышева 126, лежит около пяти тысяч человек… «Акция» проводилась с таким торжеством, как будто справляют большую победу… После проведенной «акции» всю ночь были слышны пение и музыка… 20 ноября ночью нас нашли украинские полицейские, но не убили, а только ограбили. И нам пришлось пойти куда глаза глядят. Мы были почти раздеты и так мучились два года в погребах, на чердаках, в сараях, в самые сильные морозы оставаясь на улице. Если не замерзли, то это чудо. По полгода мы не раздевались. Не видели вареной пищи…»[17]

После акции в октябре–ноябре 1942 г. евреев в Брест-Литовске больше не осталось. Единицы выживших существовали в обстоятельствах, подобных вышеописанным.

Из больших гетто генералбецирка Волынь–Подолия Пинское гетто ликвидировали последним. В этом гетто, созданном 1 мая 1942 г., находилось 12.000–15.000 евреев, среди них несколько тысяч из окрестных местечек. 22 октября 1942 г. по гетто поползли слухи о том, что местные жители копают ямы недалеко от села Доброволя. Когда это вызвало панику среди евреев, из гебитскомиссариата юденрату передали, что ямы предназначаются для хранения горючего при взлетном поле. А на самом-то деле приказ о ликвидации Пинского гетто был отдан генералкомиссаром Шейне ещё 31 августа 1942 г.

В связи с подготовкой акции в Пинске Гиммлер 27 октября 1942 г. направил главному начальнику СС и полиции Украины Прицману приказ:

«Из штаба вермахта мне сообщили, что Брест-Литовское – Гомельское направление все больше и больше подвергается нападениям банд, что затрудняет снабжение воюющих сил. На основании имеющихся у меня донесений, центральную базу всего бандитского движения в районе болот Припяти следует искать в Пинском гетто. Поэтому я приказываю немедленно ликвидировать Пинское гетто, не принимая в расчет экономические факторы. Если возможно,

следует в процессе акции оставить 1.000 мужчин в качестве рабочей силы и предоставить их в распоряжение армии… Труд этой тысячи рабочих должен производиться в закрытом лагере под охраной. Если охрану обеспечить невозможно, следует ликвидировать и эту тысячу».[18]

Ранним утром 29 октября 1942 г. гетто окружила немецкая полиция. Сотни молодых людей пытались прорваться через заграждения гетто, но были остановлены полицейскими залпами. Многие погибли. С первыми лучами солнца немцы ворвались в гетто, стали хватать людей и тащить их к месту сбора в районе кладбища, а оттуда – к месту расстрела в Доброволе. Сотни евреев погибли в самом гетто и в убежищах. В поисках спрятавшихся немцы использовали собак-ищеек. Акция продолжалась четыре дня, до 1 ноября – в ходе её были уничтожены все евреи гетто, кроме примерно 150 специалистов, среди них нескольких врачей, которых поместили в здании больницы неподалеку от гетто. Затем для них создали маленькое гетто в предместье Карлин – однако и его ликвидировали уже 23 декабря.[19] Вот что доносил командир 10 роты 310 батальона майор Гельмут Цаур, участвовавший в ликвидации гетто:

«На заседании, состоявшемся 28 октября 1942 г. в Пинске у командира полка, оберста [Эмиля] Курска, было решено, что... 2-й батальон 15 полка Орпо и 2-е кавалерийское подразделение будут обеспечивать внешнее заграждение. В это время 10 и 11 роты Орпо… займутся прочесыванием гетто. Один взвод 11 роты получил задание охранять место сбора, охранять отдельные партии по дороге к месту расстрела на расстоянии 4-х километров от Пинска, а также держать в окружении место расстрела. Впоследствии для выполнения этого задания привлекли кавалеристов. Этот метод убедительно доказал свою эффективность во время попытки к бегству, предпринятой 150 евреями; все были пойманы, несмотря на то, что некоторые их них успели преодолеть расстояние в несколько километров. Окружение гетто было назначено на 4:30. Благодаря разведке, предпринятой ранее командирами, а также соблюдению секретности гетто было быстро окружено и бегство евреев стало невозможным. Начало прочесывания гетто было назначено на 6:00 утра… В первый день были расстреляны около 10.000 человек… 30 октября 1942 г. гетто было прочесано во второй раз, 31 октября – в третий раз, а 1 ноября – в четвертый раз. В общей сложности на место сбора было доставлено около 15.000 евреев. Больные евреи и дети, остававшиеся в домах, были расстреляны в гетто во дворах… В самом гетто было расстреляно около 1.200 евреев. На месте сбора в гетто… еврей неожиданно напал на кавалериста, схватил его винтовку и принялся избивать всадника палкой… Он был умерщвлен на месте. Уроки:

1. Силы, занимающиеся прочесыванием, должны быть обеспечены топорами, кирками и другими инструментами, поскольку все двери были заперты…

2. Даже когда не видно входа на чердак, следует предполагать, что там находятся люди. Поэтому необходимо тщательно проверять чердаки.

3. Даже когда нет подвалов, большое число людей находится в маленьком пространстве под полом. Такие места следует взламывать с внешней стороны или приводить на место собак-ищеек... Либо бросить ручную гранату – после чего евреи немедленно вылезают.

4. Следует проверять места вокруг домов с помощью твердого инструмента, так как многие прячутся в хорошо замаскированных ямах.

5. Для обнаружения укрытий предлагается пользоваться детьми, обещая им жизнь. Этот метод доказал свою эффективность».[20]

Планирование и проведение акции уничтожения, как видно из донесения Цаура, носили ярко выраженный военный характер: приказы, отдаваемые ответственным за акцию, посещение районов гетто командирами, окружение гетто в темноте, чтобы застигнуть евреев врасплох, разделение сил для окружения, прочесывания и охраны с целью полностью предотвратить побег евреев. При планировании акции соблюдаются военные принципы секретности, внезапности и быстроты исполнения. И в заключении отчёта, посвященном урокам, которые необходимо извлечь из акции, ощущается армейский характер. В донесении не упоминается, какие силы осуществляли расстрел евреев. Они были сформированы из солдат Сипо и подчинявшихся им украинцев. Пинская акция является общей моделью операций уничтожения того периода и в других гетто.

Меры защиты, принимавшиеся евреями, знавшими, что их ожидает, и выражавшиеся в подготовке убежищ и неявке на места сбора, затрудняли проведение акций и стали требовать больше времени, чем акции 1941 года. Кроме того, большее число евреев погибало в самих гетто при попытках к бегству.

В Каменец-Подольском районе в начале весны 1942 г. евреи еще были в гетто Каменец-Подольского, Проскурова (Хмельницкий), Староконстантинова, Шепетовки, Дунаевцы и других мест. С мая 1942 г. по январь 1943 г. были уничтожены и эти гетто. Первым из ликвидированных стало гетто в городе Дунаевцы, в котором накануне войны проживало около 5.000 евреев. В апреле 1942 г. из гетто вывели около 2.300 мужчин, женщин и детей, и заставили их спуститься в фосфоритную шахту. Затем горловина шахты была взорвана и люди оказались заживо погребенными. Об этой акции написано в отчете советской комиссии по расследованию, составленном в июне 1944 г.:

«Фосфоритная шахта расположена на левом берегу р. Студеница в 97 м. от нее и в 126 м. вправо от шоссе Дунаевцы – Старая Ушица. Вход в шахту был завален землей и крупными камнями. При расчистке входа в шахту были обнаружены отдельные кости человеческих скелетов. При входе в шахту обнаружены трупы, лежавшие плотно друг к другу в разнообразных позах... И всюду, куда хватает глаз,

видим голые трупы».[21]

В отчете также указывается, что еще около 5.000 евреев из города и окрестностей были расстреляны весной и осенью 1942 г. близ леса Солонинчик.[22] Уничтожение евреев внутри запертой шахты было для немцев самым простым способом – он не требовал больших сил для охраны, а также отпадала необходимость стрелять в людей. Евреи, которых загнали в шахту, видимо, не догадывались о том, что внутри их ждет смерть.

Акция по уничтожению евреев Староконстантинова прошла 20 мая 1942 г. Евреев заставили перебегать по доскам, перекинутым через вырытые ямы, и стреляли в них на бегу. Раненые и убитые падали в яму, а вечером шуцманы засыпали землей яму вместе с живыми, находившимися в ней. В опустевшее гетто доставили несколько тысяч евреев из Грицева, Острополя, Синявы и Красилова. 9 января 1943 г. евреев вывели к противотанковым рвам вблизи от города, заставили раздеться на лютом морозе, и расстреляли. Спустя несколько дней в гетто нашли скрывающихся евреев – их расстреляли на месте.[23]

Гетто в Шепетовке, на севере области, создали в январе 1942 г., и в нем собрали евреев из соседних местечек. Из-за тяжелых условий и страшной скученности (число узников достигло 6.000) в гетто вспыхнули эпидемии и смертность была очень высокой. 10 сентября 1942 г. гетто ликвидировали со всеми его обитателями.[24]

В гетто Каменец-Подольского после акций, проведенных в августе 1941 г., осталось около 5.000 евреев – жителей города и ближних мест. Этих евреев убили в ноябре 1942 г. Казнь провели две роты украинских шуцманов (200–250 человек), Сипо и немецкая жандармерия. Командир второй роты шуцманов майор Федор Залога впоследствии свидетельствовал:

«Второй массовый расстрел еврейского населения в г. Каменец-Подольском, о котором я тоже знаю, так как участвовал и в этом расстреле со своими подчиненными во втором кольце оцепления, был примерно в конце ноября или в декабре 1942 года. В это время в гетто, в районе улиц Свято-Юрской и Зеленой, находилось около 4.800 чел. евреев... Как только было расставлено оцепление, подъехали три грузовые машины с евреями из гетто... Из них вышли около 50–60 человек и были направлены к месту казни, где они и раздевались. Так продолжалось все время расстрела, примерно до 17:00 – 18:00... Здесь «работали» два палача от СД попеременно: когда один из них уставал, он шел отдыхать, залезал в машину, где были уже заранее приготовлены закуска и водка. Его место занимал другой. Так они менялись на всем протяжении расстрела... Из разговоров я узнал, что ночью накануне дня расстрела убежало из гетто около 500 человек. Впоследствии было выявлено в постройках свыше 200 человек... Вещи и ценности, как и в первом случае, были забраны: ценности – в СД, а новые вещи – участникам экзекуции».[25]

В Проскурове гетто для специалистов просуществовало до конца

1942 – начала 1943 годов. Последних евреев этого гетто расстреляли в овраге села Лезнево в семи километрах к востоку от города. Полицейские из Волочиска участвовали в акции уничтожения проскуровских евреев. Количество убитых равнялось приблизительно 6.000.[26]

Одновременно с большими гетто в 1942 – начале 1943 гг. ликвидировали гетто в десятках малых городков генералбецирка Волынь – Подолия.[27] Места для расстрелов выбирались поближе к гетто, иногда в одном месте расстреливали жителей нескольких селений. Обычно евреев умерщвляли обычным для советских территорий способом – при помощи расстрел. Однако в некоторых случаях местная администрация использовала другие методы. Случай убийства евреев в фосфоритной шахте в Дунаевцах не был единичным. В местечке Сатанов (к юго-востоку от Проскурова), где накануне войны проживало более 1.500 евреев, после освобождения обнаружили подвал площадью 10 на 8 метров с несколькими сотнями трупов евреев, мужчин, женщин и детей. Советская комиссия по расследованию преступлений нацистов установила:

> *«В 1942 году с 14 на 15 мая немецкие варвары… забирали всех людей… Этих людей в количестве 240 человек они загнали в подвал, который с рассветом был замурован. Возле подвала была поставлена стража. Долгое время было на улицу слышно мучительные стоны заживо похороненных людей. В 1944 году 19 июня была сделана раскопка этого подвала где оказались эти замученные люди».*[28]

Б. ГЕНЕРАЛБЕЦИРКИ ЖИТОМИР, КИЕВ, НИКОЛАЕВ И ДНЕПРОПЕТРОВСК

В генералбецирках Николаев и Днепропетровск после первой волны уничтожения не осталось евреев за исключением нескольких десятков специалистов. В генералбецирке Житомир весной 1942 г. несколько тысяч евреев еще проживало в гетто городов Винница и Ильинцы, а несколько сот специалистов и членов их семей – в Бердичеве, Хмельнике и других мелких населенных пунктах.

В Винницком гетто содержалось около 5.000 евреев. Рабочие из гетто, кроме прочего, привлекались, как и нееврейские жители, к строительству вблизи от города главной ставки вермахта «Вервольф». Накануне намеченного переезда Гитлера в ставку прошла массовая казнь большинства винницких евреев. В апреле 1942 г. в Виннице было опубликовано объявление, призывающее евреев собраться на стадионе парка культуры 16 апреля в 8:00 утра. Разрешалось взять с собой носильные вещи и запас еды на два дня. На стадионе была проведена селекция, отделили около 1.000 мужчин. Остальных, женщин с детьми и стариков, увели к вырытым рвам на улице Максимовича и там их расстреляли. Примерно половину мужчин оставили в Виннице, в рабочем лагере, а остальных послали в лагерь в Житомире, где все местные евреи уже были уничтожены. Подавляющее большинство оставленных в Виннице убили в августе–сентябре 1942 г. Некоторые смогли бежать к партизанам или в Транснистрию. Последние несколько десятков евре-

ев, оставленных в городе, были уничтожены весной 1943 г.[29]

В Бердичеве, в гетто на Лысой Горе, содержалось около 500 евреев – специалистов с семьями. 15 июня 1942 г. гетто ликвидировали вместе с подавляющим большинством узников. В городе оставили для нужд местной администрации 60 портных, сапожников, электриков и строителей. Их содержали в тюрьме, откуда водили на работу. В октябре 1943 г. с приближением к городу Красной Армии и эти последние евреи были уничтожены.[30]

В местечке Ильинцы в гетто находилось около 2.000 евреев. Приблизительно 1.200 погибли во время акции 15 мая 1942 г., остальных убили 27 – 28 мая и 23 декабря 1942 г.[31]

В Хмельнике, где после январской акции 1942 г. немцы для своих нужд оставили в живых около 500 евреев, собрались и евреи соседних городов и местечек, бежавшие от уничтожения. 12 июня 1942 г. в Хмельнике прошла детская акция. Израиль Гуллер, которому в то время было 12 лет, свидетельствовал:

> *«С утра гетто было оцеплено. В оцеплении стояли венгерские солдаты… Семьи стали вызывать по списку и у матерей стали буквально силой вырывать маленьких детей, а больших уводили также в сторону… Было отобрано 363 ребенка в возрасте до 16 лет. Меня и брата тоже забрали. В этой акции кроме двух немцев, остальные участники акции – местные полицаи. Во время вывода детей со двора полиции мне удалось бежать… Я – единственный, кто уцелел в этой детской акции… Детей погнали в лес, где всех их расстреляли…»*[32]

Многие матери не оставили своих детей и пошли с ними на расстрел. Оставленные немцами евреи Хмельника были убиты в начале марта 1943 г.[33]

В генералбецирке Киев после первой волны уничтожения в живых осталось несколько тысяч специалистов в гетто Звенигородки, Пирятина и городка Прилуки на востоке от Киева. В мае 1942 г. 300 молодых людей были отправлены из Звенигородки в село Неморож на прокладку дорог. 14 июля 1942 г. всех звенигородских евреев перевели в тюрьму, а через несколько дней приблизительно 1.300 из них расстреляли. Около 100 человек были отправлены в Неморожский лагерь. Выжившая в этом лагере рассказывала:

> *«Мы ремонтировали дорогу по направлению к Лисянке и Киеву… Случаев побега не было… У немцев был такой закон: если человек сбегает из лагеря, расстреливают 10 невинных, и мы не хотели быть виноватыми в смерти других».*[34]

Евреи этого лагеря, по видимому, последнего в генералбецирке Киев, были уничтожены в августе 1943 г., однако нескольким узникам удалось бежать и спастись;[35] Пирятинское гетто с его 1.600 узниками было ликвидировано в мае 1942 г.;[36] 20 мая 1942 г. расстреляли евреев Прилук.[37] Эти акции провели шуцманы, местные и из соседнего района, а также подразделения Сипо. Вот что рассказал в своем свидетельстве местный полицай Цвиркун, участвовавший в марте 1942 г. в акции в Ка-

менке к югу от города Черкассы:

> *«Участвовали в расстреле полицейские: я, Цвиркун Ф. И., Орлик Я. К., Пивень и другие. Картина расстрела была следующая: вечером из еврейского «гетто» полицейские во двор райполиции пригнали более ста человек евреев. Их поместили в помещении конюшни. Гебитскомиссар Ланге собрал полицейских… разъяснил, какие задачи стоят перед нами, после этого всем преподносил по стакану спирта… Через некоторое время из конюшни стали выводить по 8 – 10 евреев, подводили к подвалу, раздевали их, вталкивали в подвал… Я также спустился в подвал, там на полу было разбросано 50 или 60 трупов… Я выпил стакан спирта, бутыль которого стояла здесь же, взял в углу винтовку, встал в ряд с другими полицейскими и стал стрелять в подводимых к стенке евреев… стреляя с 4 – 5 метров. После расстрела трупы поручали убирать полицейским: Орлику, Ревякову и другим, которые, как после они рассказывали, у расстрелянных штыками выковыривали золотые зубы и набрали полные карманы».*[38]

Таким же образом истребили и других евреев области. Приказы о проведении акций отдавала немецкая администрация, гебитскомиссар или Сипо. В большинстве случаев акции проводились силами украинских шуцманов с участием немецкой полиции или без неё.

В конце 1942 – начале 1943 гг. гетто на территории рейхскомиссариата Украина уже не существовали. В отдельных местах местные власти еще оставляли в живых группы в несколько десятков специалистов, которых, как правило, содержали в местных тюрьмах и каждый день водили на работу. Сохранённых лишь на время, их использовали не на работах, связанных с военной экономикой, а для выполнения заказов местных властей. Они были уничтожены в 1943 г., накануне немецкого отступления из этих областей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Спектор, *Хроника Волыни и Полесья...*, с. 19. Спектор предполагает, что до конца 1941 г. на Волыни было убито 20% всех евреев. По данным переписи населения 1931 года на Волыни проживало 207.792 еврея. Учитывая естественный годовой прирост населения, составлявший более 1%, в 1939 г. число волынских евреев должно было достичь 225.000. Аналогичная ситуация существовала и среди евреев Полесья, число которых в 1939 г. примерно равнялось 125.000 (там же, стр. 216). В 1939–1941 гг. среди евреев Волыни и Полесья произошли демографические изменения: с одной стороны, туда хлынули беженцы из захваченных немцами территорий Польши; с другой стороны, тысячи евреев успели бежать или эвакуироваться после вторжения Германии в СССР, до оккупации Волыни и Полесья. Однако, даже учитывая эти демографические изменения, можно предположить, что число евреев Волыни и Полесья не изменилось, и на начало немецкой оккупации равнялось 350.000. Если взять за основу предположение, что 20% из них были убиты до конца 1941 – начала 1942 гг., то к весне 1942 г. их число должно составлять 270.000-290.000 человек. Герлах (Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 709) пишет, что число евреев генералкомиссариата (генералбецирка) Волынь – Полесье в мае 1942 г. равнялось 326.000. Вероятно, он не учитывает, что десятки тысяч евреев этих регионов были уничтожены во второй половине 1941 г.
2. Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 141.

3. Спектор, *Хроника Волыни и Полесья...*, с. 61.
4. Нюрнбергские документы, PS-2992. Герман Грабе был начальником немецкой строительной фирмы «Юнг», занимавшейся строительством на территории Украины.
5. *The Encyclopedia of the Holocaust*, vol. 2, p. 822; Спектор, *Хроника Волыни и Полесья...*, с. 157, 164 – 165.
6. Спектор, *там же*, с. 198 – 199; *The Encyclopedia of the Holocaust...*, vol. 3, pp. 1308 – 1309.
7. Спектор, *там же*, с. 185 – 186. Приводятся фотокопии этих двух немецких донесений.
8. *Там же*, с. 125; *The Encyclopedia of the Holocaust...*, vol. 3, pp. 923 - 923.
9. Флеминг, *Гитлер...*, с. 113 – 115. Грауб дал свои показания на Варшавском процессе рейхскомиссара Украины Коха.
10. Спектор, *Хроника Волыни и Полесья...*, с. 143 – 144; Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 157
11. Спектор, *Хроника Волыни и Полесья...*, с. 116; Перл и др., *Хроника Людмира...*, с. 39 – 41, 543. На с. 543 указывается, что в гетто оставалось 1.500 евреев, а не 500.
12. Перл и др., *там же*, с. 383 – 297.
13. *Там же*, с. 493.
14. Спектор, *Хроника Волыни и Полесья...*, с. 40.
15. *Там же*, стр. 309. Герлах (Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 718) пишет, основываясь на немецких источниках, что в Кобрине и близлежащих местечках Картуз-Березе, Антополе и Дрогичине тогда были уничтожены 14.500 евреев. Истребление проводилось силами Сипо из Брест-Литовска и 320 батальона Орпо, а в мелких населенных пунктах – украинской полицией. Герлах пишет, в основном, об акциях октября 1942 г.
16. Спектор, *Хроника Волыни и Полесья...*, с. 237; Герлах (*там же*, с. 717) пишет, что в гетто содержалось от 16.000 до 19.000 евреев, из них по меньшей мере 15.000 были отправлены поездом на Бронную Гору и там расстреляны. Остальных уничтожили в самом гетто.
17. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 196.
18. Gerlach, *Kalkulierte...*, p. 719.
19. *Там же*, с. 220 – 222; Спектор, *Хроника Волыни и Полесья...*, с. 297 – 298
20. Архив Яд-Вашем, 033/13. Эмиль Курск руководил акцией.
21. *Там же*, М-33/94, с. 2, 6, 8.
22. *Там же*, с. 2, 7.
23. *Там же*, М-33/101.
24. *Там же*, М-33/105.
25. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 474 – 475.
26. Отчет отдела контрразведки «Смерш» 1-й Гвардейской Армии, Архив Яд Вашем М-37/173. Отчет был послан Никите Хрущеву. В документе речь идет о процессе над девятью обвиняемыми, служившими в украинской полиции в Волочиском районе. Поскольку Советская Армия освободила этот регион весной 1944 г., эти полицейские остались на местах, и, изменив имена, вступили в армию. Некоторые из них служили в армии еще в 1941 г., но дезертировали или попали в плен и пошли добровольно на службу к немцам. Трое из девяти обвиняемых - бывшие члены комсомола. В 1944 г. открылось их прошлое, и их судил военный трибунал. Кроме участия в акции уничтожения евреев в Проскурове они признали свое участие в убийстве около 4.000 евреев из Волочиска и окрестностей в июле 1942 г. Суд проходил в Волочиске 10 июля 1944 г. Шестеро были приговорены к смерти через повешение, трое – к заключению сроком от 15 до 20 лет. Осужденные на смерть были повешены в Волочиске в день суда. Об убийстве проскуровских евреев см. также показания местного жителя Михаила Сергеевича Орлова, Архив Яд-Вашем М-33/99; показания Мирьям Бен-Шалом, там же, 03/3517.
27. Список этих местечек приводится в гл. 17, сноске 29.

28. Архив Яд Вашем, М-33/99.
29. Отчет Советской Комиссии по расследованию, архив Яд Вашем, М-53/98, с. 2; Агмон и Степаненко, *Винницкая...*, с. 61 – 63, 105; Юрий Рахман в своем свидетельстве (с. 62) указывает, что в рабочем лагере в Виннице после апреля 1942 г. находилось 300 евреев, депортированных из Польши (видимо, имеются в виду евреи с Западной Украины).
30. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 35.
31. Свидетельство Евы Шалпоберской - Дуб, архив Яд Вашем, 03/2243, с. 16 – 17, 19 – 21, 25 – 30; там же, М-33/194.
32. Агмон и Степаненко, *Винницкая...*, с. 27.
33. Ляховитский, *Пережившие...*, с. 64, свидетельство Фани Ермоловой.
34. Пинхас Агмон (ред.), *Запоздалое свидетельство, Рассказывают пережившие Катастрофу на Украине*, Бейт Лохамей Хагеттаот, 1997, с. 167 – 168 (иврит) (далее: Агмон, *Запоздалое свидетельство...*).
35. *Там же*, с. 73 – 76, 165 – 169, свидетельство Рахели Клигман.
36. Свидетельство Ривки Фишер, Архив Яд Вашем, 03/3980, с. 12; Круглов, *Истребление...*, с. 184.
37. Круглов, *там же*, с. 193.
38. Архив Яд Вашем, TR.18/37.

ГЛАВА 26

УНИЧТОЖЕНИЕ В ДИСТРИКТЕ ГАЛИЦИЯ

А. «ОПЕРАЦИЯ РЕЙНХАРД» И ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ БЕЛЖЕЦ

Весной 1942 г. началась «Операция Рейнхард» – так называлась операция уничтожения евреев в Генерал-губернаторстве Польша, в ходе которой было убито также большинство евреев дистрикта Галиция. Их там после акций истребления в конце июня-июля 1941 г. ещё осталось 572.000–577.000 человек.

Подготовка к «операции Рейнхард» началась в ноябре 1941 г., когда группа бывших исполнителей операции «Эвтаназия» во главе с гауптштурмфюрером СС Кристианом Виртом начала строить лагерь уничтожения в Белжеце – городке рядом с железной дорогой Люблин – Львов. В середине марта 1942 г. сооружение лагеря завершили. Лагерь Белжец занимал относительно небольшую территорию в виде квадрата со сторонами длиной около 270 метров. Лагерь окружал высокий забор с колючей проволокой, замаскированный ветками, чтобы сделать невидимым происходящее внутри. По углам лагеря стояли сторожевые вышки. Железную дорогу продлили от станции Белжец на 500 метров, проведя её через ворота внутрь лагеря.

Лагерь делился на две части: на северо-западе его находилось место приёма, включавшее железнодорожную платформу, рассчитанную на 20 вагонов, площадь сбора прибывших, бараки, где их раздевали и собирали одежду, и несколько жилых бараков для заключённых, работавших в лагере; восточная часть служила местом уничтожения, которое было совершенно изолировано от остального лагеря, оно включало газовые камеры, окружённые деревьями, и ямы, в которых закапывали убитых.[1]

В персонал лагеря входили 25-30 эсэсовцев и 60-80 украинцев – «травников».[2] Первым начальником лагеря стал Кристиан Вирт. Эсэсовцев в лагере использовали на командных должностях и в администрации, а украинцы несли охранную службу. Кроме немецких эсэсовцев и украинцев, в лагере содержались также и узники-евреи. Из транспорта евреев, присланных для уничтожения, выделяли несколько сот человек для различных физических работ: вывозки трупов из газовых камер и их захоронения; сортировки вещей убитых и подготовки их к отправке из лагеря; обслуживания немцев и украинцев лагеря, для чего из транспортов отбирали портных, сапожников, плотников и других специалистов. Таким образом, создался постоянный персонал заключённых из сотен евреев, которые были разделены на рабочие группы во главе с назначенным руководителем – «капо». Узники-евреи жили в бараке внутри лагеря. Из-за тяжёлых условий работы и жизни только немногие из них выдерживали больше нескольких месяцев; их замещали другими из прибывающих транспортов.[3]

Система уничтожения, опробованная в Белжеце, была основана

на двух принципах: обмане обречённых на смерть и стремительности убийства. У высланных сюда насаждалось чувство, что они прибыли в пересыльный лагерь, откуда их пошлют в трудовые лагеря, и им говорили, что перед поездкой им следует принять душ и продезинфицировать одежду. Евреи должны были верить в это до тех пор, пока их не запирали в газовых камерах, замаскированных под душевые. Прибывших заставляли делать все бегом, чтобы они не успели понять происходящее с ними – так убийцы хотели парализовать реакцию евреев и предотвратить попытки сопротивления.

Уничтожение в лагере началось 17 марта 1942 г. и продолжалось непрерывно около месяца.[4] В середине апреля убийства в лагере остановилось на две-три недели, а в начале мая возобновились и длились до начала июня 1942 г., когда их вновь прекратили. Эта остановка была вызвана решением строить более крупные газовые камеры, чтобы ускорить темпы уничтожения и увеличить количество жертв. Во вторую неделю июля 1942 г. завершилось строительство шести новых газовых камер, куда можно было одновременно впустить 1.500–2.000 человек, и около середины июля истребление возобновилось и непрерывно продолжалось до декабря 1942 г.[5]

Прибывающие транспорты обычно состояли из 40–60 грузовых вагонов, в каждом из которых иногда было спрессовано более 100 человек с их вещами, без воздуха, без воды и каких-либо санитарных условий. В таком состоянии евреи проводили много часов в движении или в ожидании на железнодорожных станциях, так как военным составам предоставлялось преимущество движения, и многие умирали уже по дороге, в вагонах. Сопровождавшие поезда немцы и украинцы часто грабили высланных, отбирая личные вещи. По прибытии на станцию Белжец состав останавливался, 20 вагонов отцепляли и загоняли внутрь лагеря. После освобождения от человеческого груза и возвращения пустых вагонов загоняли в лагерь следующие 20 вагонов. Польским и украинским железнодорожникам, обслуживавшим поезд от станции отправления до станции Белжец, не разрешалось нахождение в лагере, чтобы они не увидели, что там происходит; поезд в лагерь вводила специальная команда немецких железнодорожников. Унтершарфюрер СС Карл Альфред Шлюх, который служил в Белжеце, в своём свидетельстве описывал происходившее в лагере с приходом поезда:

«Выгрузка вагонов производилась группой рабочих-евреев под руководством капо. Двое-трое людей из немецкого персонала лагеря надзирали за этой работой. Моей обязанностью было присматривать здесь. После выгрузки из вагонов евреев забирали на место сбора. Во время выгрузки евреям говорили, что их привезли сюда (в место пересылки), а место поселения будет другим, но прежде всего они должны принять душ и пройти дезинфекцию. Эту речь произносил Вирт, а еврейский капо переводил его. Потом евреев вели в «барак раздевания»... После того, как они выходили из «барака раздевания», я должен был показывать евреям дорогу в газовые камеры. Мне кажется, что, когда я показывал им дорогу, они

убеждались, что они идут мыться. Когда евреи входили в газовые камеры, двери закрывались самим Хакенхольтом или подчинёнными ему украинцами. Тогда Хакенхольт включал мотор, который впускал газ... Кто-нибудь заглядывал в газовые камеры через глазок, чтобы проверить, все ли умерли. Только тогда открывали наружные двери и проветривали газовые камеры... После того, как камеры были проветрены, входила группа рабочих-евреев и выносила трупы».[6]

Б. ДЕПОРТАЦИИ В БЕЛЖЕЦ И УБИЙСТВА В ГАЛИЦИИ

Первая волна изгнания

Первая волна изгнания в Белжец началась 20 марта 1942 г. и продолжалась до середины апреля 1942 г., в ней убили более 35.000 евреев. Транспорты прибывали из Львова, Станислава (Ивано-Франковска), Коломыи и других городов. Большинство евреев, высланных тогда в Белжец, были, по классификации немцев, «неспособными к труду».[7]

Подготовка к изгнанию евреев из Львова началась ещё в середине февраля 1942 г., когда немецкие власти объявили главе юденрата д-ру Х. Ландсбергу, что они хотят перевести часть евреев города в другие места, так как здесь избыток людей осложняет снабжение. Поэтому, чтобы избавить общину от тяжёлого бремени социальной помощи, власти хотят перевести из города главным образом асоциальные элементы. Их направят на сельскохозяйственные работы в Украине и на осушку болот в Полесье.

Сипо требовала от юденрата список в примерно 30.000 имён, которых еврейская полиция должна была собрать и передать в руки немцев. Глава юденрата, после колебаний, принял на себя обязанность собрать людей. Д-р Ландсберг исходил из соображения, что депортация руками немцев будет связана с более тяжёлыми потерями.[8] Вот что вспоминал раввин Кахане:

«Акция началась за две недели до Пасхи... Гестапо перевезло людей на железнодорожный вокзал в вагоны, и поезда отправились. Куда? Пока никто этого не знал. Акция продолжалась уже неделю, но работа еврейских полицейских не удовлетворяла гестапо. Они относились к евреям слишком мягко и приводили слишком мало людей. Немцы решили довести эту акцию сами, с помощью украинской полиции... Акция, которую впоследствии назвали «Мартовской акцией», продолжалась до кануна Пасхи».[9]

Когда немцам стало ясно, что еврейская полиция не делает добросовестно свою работу и не набирается достаточно евреев, они вызвали к себе двух членов юденрата, ответственных за сбор людей, и руководство еврейской полиции и объявили им, что в случае недобора евреев из города вышлют 100.000 евреев, и что каждый еврейский полицейский, который будет уклоняться от доставки евреев для высылки, будет добавлен к транспорту вместе со своей семьёй. Угроза подействовала только частично, и к концу марта немцы взяли на себя руководство акцией.[10] Между 19 марта и 1 апреля 1942 г. из Львова в

Белжец было выслано 15.000 евреев. В те дни юденрат и еврейская полиция не знали ещё о Белжеце и об уничтожении там, поскольку тогда деятельность лагеря только началась и сообщения о нём просочились лишь через некоторое время.

В Станиславе после высылки тысяч молодых евреев в трудовые лагеря, после казней и смерти от голода и болезней в марте 1942 г. всё ещё находилось 20.000–23.000 евреев. В гетто ходили слухи об акции, и действительно, 31 марта, накануне Пасхи, немецкие и украинские полицейские вместе с прибывшим подразделением 133 батальона Орпо окружили гетто; евреям приказали собраться на одной из площадей. Многие скрылись, немало других пыталось убежать, но полицейские стреляли в убегавших, бросали гранаты в укрытия и подожгли несколько домов, чтобы заставить скрывающихся выйти из убежищ. На площади проверяли трудовые книжки, их владельцев освобождали вместе с семьями. Около 5.000 людей, включая обитателей домов для престарелых и сиротского дома, а также остатки изгнанников из Венгрии были высланы в Белжец. Несколько сот убили на месте. После акции пригнали в Станислав евреев из Тлумача и других окрестных местечек и застрелили их вблизи города.[11]

В Коломые 25 марта было создано гетто, которое разделили на 3 отдельных квартала. В этих кварталах, где раньше жило 2.000 евреев, скопилось сейчас 18.000 человек. 3–5 апреля 1942 г. немцы и их украинские пособники выгнали около 5.000 человек, в большинстве нетрудоспособных, и выслали их в Белжец. Во время поисков на месте было убито около 250 обнаруженных человек, а десятки сгорели в подожжённых немцами домах.[12]

В Снятыне, на румынской границе, в начале 1942 г. было создано гетто, в котором сосредоточили 6.000–6.500 евреев из города и его окрестностей. В начале апреля 1942 г. в городе осталось 1.000–1.500 специалистов и других рабочих, большинство которых работало для армии, а остальные 5.000 человек были высланы в Белжец.[13] Из Рава-Русской, где накануне войны жило около 6.000 евреев, в последнюю неделю марта 1942 г. около 1.500 человек выслали в Белжец, а оставшихся сконцентрировали в гетто.[14]

В Дрогобыче до войны проживало более 13.000 евреев. В конце марта 1942 г. юденрату приказали в течение двух дней собрать 2.000 евреев «для переселения из города». Члены юденрата были уверены, что речь идёт о переселении, и согласились выполнить приказ. Но темпы сбора людей не удовлетворяли немцев, посему в дело вступили немецкая и украинская полиции, которые собрали тысячи людей и после отбора, главным образом рабочих нефтяной промышленности и их семей, остальных 2.000 человек отправили в Белжец.[15]

В Тернополе юденрат обязали подготовить список всех стариков, инвалидов и сирот, т.е. «непродуктивных», с точки зрения немцев, элементов, для перевода в другие места, чтобы, по их словам, «облегчить ситуацию в гетто». 25 марта 1942 г. еврейская полиция по приказу немцев собрала 600–700 этих людей, немецкие и украинские полицейс-

кие вывезли их в лес на окраине Яновки и расстреляли. Председатель юденрата д-р Карл Погорилас пытался оправдать свои действия в подготовке списка тем, что в список включали людей, не имевших ни единого шанса выдержать условиях жизни в гетто.[16]

В середине апреля 1942 г. наступил перерыв в работе Белжеца, и тем самым закончилась первая волна высылок из дистрикта Галиция. Кроме 35.000 евреев, убитых в Белжеце в той волне, в ходе изгнания на местах погибли многие сотни евреев – расстрелянных, сожженных заживо в укрытиях или уничтоженных при попытке бегства. Из 507.000–522.000 евреев, живших в Галиции до высылки в Белжец, осталось 472.000–487.000 евреев.[17]

Вторая волна высылок – «большое изгнание»

Чтобы упростить перемещение евреев в лагеря смерти, Ганс Франк 3 июня 1942 г. передал СС и Сипо полномочия гражданской администрации по делам евреев по всему Генерал-губернаторству.[18] В середине июля 1942 г. Гиммлер посетил лагеря «операции Рейнхард» и отдал приказ обергруппенфюреру Фридриху Кригеру, главному начальнику СС и полиции генерал-губернаторства:

> *«Я приказываю, чтобы эвакуация всего еврейского населения в пределах Генерал-губернаторства была завершена до 31 декабря 1942 г… Необходима тотальная очистка».*[19]

Фактически это был приказ завершить поголовное истребление евреев генерал-губернаторства, в том числе и евреев дистрикта Галиция, до конца 1942 г.

Но ещё до этого приказа Гиммлера акции уничтожения в Галиции велись полным ходом. 26 июня 1942 г. во Львовское гетто ворвались эсэсовцы и украинские полицейские, схватили 6.000–8.000 евреев, вывезли их и расстреляли возле Яновского лагеря. Перед тем немецкие власти потребовали от работодателей подать в еврейский отдел немецкой биржи труда списки евреев, работающих у них и необходимых для военного хозяйства. Юденрат также обязали представить списки своих сотрудников. Евреи, не имеющие места работы, были обязаны зарегистрироваться в юденрате как потенциальная рабочая сила. Каждому включённому в список работодателей или зарегистрированному в юденрате выдавались «регистрационные свидетельства», в которых были записаны жена и дети владельца удостоверения. Ему выдавали также и наружный знак – пришиваемую на рукав ленту со «звездой Давида», внутри которой добавлены буква А и личный номер владельца удостоверения. В акции 26 июня 1942 г. пострадали те, кто не имел таких свидетельств.[20] Задерецкий так описывал эту акцию:

> *«Всю ночь в направлении улицы Яновской шли колонны избиваемых, окружённые украинскими полицейскими. Утром началась селекция на песках лагеря Яновска. Стариков поставили отдельно. Женщин и детей – тоже отдельно. Они стояли голыми, и их не расстреляли сразу. Вначале над ними надругались… Организовали «соревнование»: те ходят на четвереньках, а эти ездят на них верхом, и немцы*

кнутом побуждали «всадника» бить и пинать «коня»... Когда земля пропиталась кровью, начали трещать пулемёты».[21]

Когда в Белжеце завершилось строительство увеличенных газовых камер, в конце июля 1942 г. началось «большое изгнание» из Галиции. Оно продолжалось почти четыре с половиной месяца, до начала декабря 1942 г., когда истребление в Белжеце прекратилось.

Эту операцию изгнания Сипо начала с того, что отобрала у немецкой биржи труда право определять, какие евреи необходимы для нужд хозяйства, и распределять документы, спасающие от высылки. Эсэсовцы обвиняли немецкие гражданские власти, биржи труда и частные немецкие коммерческие фирмы, которые давали работу евреям, в коррупции, связанной с предоставлением работы евреям. Начальник СС и полиции дистрикта Галиция Кацман доносил:

«К сожалению, нам приходится констатировать очень печальный факт, что немцы, задействованные здесь, и особенно те, кто известен под именем «участвующие фирмы» (Einsatzfirmen)... занимались с евреями спекуляцией самого низкого сорта. Были известны случаи, когда для того, чтобы достать определённое разрешение на работу, евреи не только не требовали зарплату, но ещё и оплачивали со своей стороны текущие расходы... Так как руководство было слишком слабым, чтобы преодолеть этот хаос, начальник СС и полиции взял в свои руки вопрос найма евреев на работу... Все разрешения на работу фирм и учреждений были аннулированы, а разрешения, выданные биржами труда, были заново подтверждены посредством печати полиции».[22]

Самая большая акция в этой волне изгнания была проведена во Львове в августе 1942 г. Для усиления имеющихся в городе сил сюда подтянули дополнительные немецкие и украинские полицейские подразделения. Операция началась 10 августа 1942 г. под руководством Кацмана.

Районы проживания евреев окружили охраной, людей выгоняли из домов и вели в Яновский лагерь. После селекции в лагере евреев поездами отправляли в Белжец. Много евреев скрылось, и многие евреи были убиты на месте. Акция продолжалась две недели, до 23 августа 1942 г. Её описал Задерецкий:

«Больных расстреливали в их кроватях... Девушки бросались в ноги убийц, целовали их сапоги, но их пинали ногами и отбрасывали в сторону. Люди выбрасывались с верхних этажей, чтобы быстро умереть, без мучений и без ужаса сопровождения немцами на смерть. Евреев, скрывавшихся на крышах, сбрасывали вниз палками, и когда они падали на тротуар, они превращались в кровавые пятна... 12 августа в городе появились объявления за подписью генерала Кацмана, в которых впервые содержалась угроза казни за сокрытие евреев, за снабжение евреев пищей и за любые формы помощи им. В этом предупреждении также говорилось о том, что каждый, кто знает о местах, где прячутся евреи, обязан уведомить об этом полицию, иначе он будет наказан... И обещали также при-

манку. Имущество скрывающихся пойдёт информатору в качестве награды. Приманка сыграла свою роль. Потекли доносы. Доносили на евреев и простонародье, и так называемые интеллигенты из-за корысти, а иногда от страха. Из настоящей интеллигенции мало кто доносил. Для интеллигенции достаточно было и того, что они отказывались продолжать давать убежище и требовали покинуть их дом, но были и люди, которые игнорировали угрозы немцев... Каждый транспорт, прибывавший в Яновску, проходил обычную селекцию... Молодых и трудоспособных мужчин посылали в местный лагерь или в лагеря окрестных городков... Отобранных после селекции раздевали, и всех мужчин, женщин и детей грузили в вагоны, назначением которых были крематории Белжеца. Их грузили голыми, чтобы предотвратить попытки бегства».[23]

Украинская полиция в городе каждый день подавала отчёты о количестве схваченных евреев и о количестве застреленных на месте. Всего в ходе акции были высланы в Белжец, убиты в городе и покончили самоубийством 50.000–60.000 евреев. Во Львове осталось 50.000–60.000 евреев.[24]

В начале сентября в контору юденрата пришли люди Сипо в сопровождении украинских шуцманов, забрали группу служащих и 11 еврейских полицейских, привели туда главу юденрата Ландсберга, арестованного несколькими днями ранее, и повесили всех на балконе юденрата. Новым главой юденрата назначили Эдварда Эберзона.[25]

По окончании августовской акции немецкие власти объявили о заключении львовских евреев в гетто, последней датой их перехода туда устанавливалось 7 сентября 1942 г. Территория гетто включала в себя часть пригородов Клепаров и Замарстынов. Скученность, голод и эпидемии определили высокую смертность обитателей гетто.

18 ноября 1942 г. немцы начали перепись рабочих в гетто, разделяя их по степени необходимости для военных нужд. Около 12.000 рабочих заводов, работавших на армию, отметили нашивкой с буквой «W» (Wehrmacht) или «R» (Rustungindustrie) – оружейные заводы. В конце ноября 1942 г. из гетто изгнали 5.000–7.000 евреев без таких нашивок; их выслали частью в Яновский лагерь, частью на уничтожение в Белжец. В сентябре–декабре 1942 г. беспрерывно продолжалось убийство «ненужных» евреев, тысячи их погибли в этих «маленьких» акциях. В начале января 1943 г. ещё около 10.000 евреев без нашивок перевели из гетто за город, в место под названием «Пески», и там расстреляли. С прекращением истребления в лагере Белжец в конце 1942 г. Пески стали основным местом убийства евреев Львова. 30 января 1943 г. казнили большинство членов юденрата, включая его председателя Эберзона. Гетто официально превратилось в трудовой лагерь «Юлаг» (Judenlager), руководил им «главный еврей» (Oberjude), исполнявший роль посредника между евреями и немецкими властями.[26] В конце января 1943 г. в Юлаге находилось 23.000–25.000 человек – примерно половина евреев, выживших после августовской акции 1942 г.

Примерно в тот же период, во второй половине 1942 г. до начала

1943 г., акции уничтожения, подобные львовской, завершились в остальных частях Галиции. Накануне изгнания евреев переводили из маленьких гетто в более крупное, или на один центральный железнодорожный вокзал, а оттуда высылали в Белжец. После прекращения убийств в лагере Белжец в середине декабря 1942 г. казни совершались в ямах возле городов и местечек. Большинство галицийских евреев убили до конца 1942 – начала 1943 гг., оставшихся в живых, как правило, заключали в трудовые лагеря или лагеря при заводах, где они работали.

В гетто Станислава в июле 1942 г. содержались 14.000–17.000 евреев. В этом месяце были расстреляны глава юдентата Михаил Лем и часть членов юденрата. В конце июля или начале августа 1942 г. около 1.000 евреев расстреляли возле рва, выкопанного в городе, под предлогом, будто евреи убили украинского полицая. В ходе этой акции немцы повесили Мордехая Гольдштейна, недавно назначенного главой юденрата, а вместе с ним ещё около 20 еврейских полицейских. Это было наказанием за то, что юденрат и еврейские полицейские не выполнили указания о сборе для депортации 1.000 евреев, и немцам и украинцам пришлось самим ловить этих людей. 12 сентября 1942 г. прошла ещё одна акция, когда выслали в Белжец около 5.000 евреев, а сотни их убили в гетто, после чего территория гетто была сокращена. В декабре 1942 г. в гетто ещё оставалось около 4.000 евреев, но их число продолжало сокращаться вследствие ежедневных облав. 24–26 января 1943 г. из гетто вывезли и расстреляли около 1.000 евреев и 1.500–2.000 выслали в Яновский лагерь во Львове. 22 или 23 февраля 1943 г. казнили последних евреев, и гетто ликвидировали. В городе оставалось ещё несколько тысяч евреев в лагерях при местах работы.[27] Команды Сипо из Станислава действовали и в близлежащих местах. Так, например, в Долине на восток от Станислава они собрали 3.500–4.000 евреев из города и его окрестностей и 2.000–3.000 из них 31 августа 1942 г. расстреляли на городском кладбище. Других убили в разных последующих акциях.[28]

В Тернопольском гетто в июле 1942 г. было около 11.000–12.000 евреев, включая привезенных из окрестных мест. 28 августа 1942 г. гетто окружили, и немецкие и украинские полицейские выгнали людей из их домов и повели к местам сбора на большом рынке и на площади Сицинского. Здесь после проверки отпустили вместе с семьями тех, кто имел подходящие разрешения на работу. Небольшую часть молодых и здоровых мужчин отправили в трудовые лагеря, а остальных 3.000, в большинстве стариков, женщин и детей, перевели на железнодорожный вокзал и погрузили в теплушки. Сюда привели также евреев из Збаража и Микулинцев, присоединили их к транспорту, и 31 августа 1942 г. поезд вышел в Белжец.

В начале сентября территорию гетто сократили, хотя в те же дни в гетто привозили евреев из окрестных поселений, среди них евреев из Козлова и последних евреев Микулинец. Во второй половине сентября Сипо велела юденрату подготовить список всех обитателей гетто

старше 60 лет, затем на основе этого списка немцы потребовали 30 сентября передать им 1.000 евреев. Многие из списка спрятались, и еврейской полиции не удалось собрать даже нескольких сотен, поэтому немцы и украинская полиция вошли в гетто, и в течение двух дней извлекли из домов и укрытий 600–700 человек. Их, в большинстве стариков и больных, выслали в Белжец. В начале ноября 1942 г. после двух акций отправили в Белжец около 2.400 евреев. По дороге многие выпрыгивали с поезда.[29] Вот что рассказала об акции и о побеге с поезда Жаннет Марголис:

«8 ноября, будучи на улице, я вдруг почувствовала панику, услышав выстрелы. Я поняла, что это акция... В конце второго дня нас привели на железнодорожный вокзал... Христианское население стояло на тротуарах, смотрело на нас с интересом, взгляды были равнодушными, а иногда и с улыбкой... На станции нас отделили от мужчин и втолкнули в вагоны, которые закрыли и запломбировали снаружи. В вагоне было 80 женщин. Окна были высоко и были закрыты колючей проволокой. Оказалось, что кому-то удалось пронести внутрь напильник, чтобы разрезать решётку. Несколько женщин встали на плечи других и распилили решётку. Поезд мчался. Намеревавшиеся прыгать должны были стоять на плечах их подруг, выбросить наружу ноги, удержаться на руках на подоконнике и выпрыгнуть по направлению движения поезда... Я сомневалась, прыгать ли. Я размышляла о том, насколько положение безвыходное. Хорошо, выпрыгну, вернусь домой, что потом? Чтобы снова схватили, отправили и вновь перенести страдания? Но когда я увидела, что в вагоне осталось только несколько из восьмидесяти, я подумала, что над оставшимися нависнет ответственность за бежавших, и представила себе крики и побои, которые мы получим. Я решила прыгать. Когда я уже была снаружи вагона, я почувствовала, что запуталась в проволоке. Я закричала от страха, но вдруг я оторвалась от поезда. Стрельба, и пуля оцарапала мне голову... Я спаслась, но была ранена, и всё тело было избито... К сожалению, многие выпрыгнувшие были убиты на месте. Других переехали колёса поезда или застрелила охрана, сопровождавшая поезд. Тех, кому удалось спастись, поймала железнодорожная полиция. Мне кажется, что из всех тернопольцев, выпрыгнувших из поезда, в живых я осталась одна».[30]

В конце 1942 – начале 1943 г., когда в Тернопольском гетто всё ещё было 6.000–7.000 евреев, часть гетто отделили и создали там трудовой лагерь, отделение Юлага на улице Яновска во Львове – его организовал начальник лагеря Яновска Рокита. Лагерь отделили от гетто проволочным забором, в нём находилось 2.500–3.000 «полезных» для немцев евреев. Часть людей из лагеря работала вне его, а часть – в столярных, портняжных, обувных и других мастерских внутри лагеря. Положение обитателей Юлага было лучше положения обитателей гетто.[31]

В Дрогобыче в ходе акции, проходившей 8-17 августа 1942 г., около 2.500 человек отправили в Белжец, и около 600 убили на месте. В конце

сентября в городе было создано гетто. 23-24 октября 1942 г. в Белжец выслали 2.300 человек и 200 больных было убито в больнице. В ноябре в Белжец отправили ещё 1.000 человек. Всего в Белжец вывезли около 5.800 евреев, и около 1.000 убили на месте. Перед концом 1942 г. в гетто оставалось около 5.000 человек. Рабочих различных заводов, среди них сотни занятых в нефтяной промышленности, выселили из гетто в лагеря возле мест работы. В середине февраля 1943 г. около 450 узников гетто, включая большинство членов юденрата, расстреляли в лесу Броница вблизи от города. Накануне весны 1943 г. в гетто и в лагерях при местах работы оставались главным образом работающие люди с частью их семей. Кому-то из евреев удалось также выжить в укрытиях или найти убежище в арийской части города, а немногим удалось бежать в леса.[32]

История евреев местечка Бучач в восточной части дистрикта Галиции характерна для мест с относительно небольшим еврейским населением. В Бучаче перед войной жило 4.500–5.000 евреев. Около 350 интеллигентов было убито ещё в конце июля 1941 г., в первые недели немецкой оккупации, а сотни молодых были отправлены в трудовые лагеря, но за счёт беженцев из других поселений количество евреев в Бучаче возросло, превысив 5.000 человек. Председатель юденрата Мендель Райх препятствовал отправке людей в трудовые лагеря, поэтому в начале 1942 г. власти заменили его более послушным руководителем. Как и в большинстве местечек, в Бучаче не было промышленных предприятий или учреждений, значимых для немецкого военного хозяйства, поэтому подавляющее большинство евреев не являлись «нужными» для немцев. Первая акция происходила 17 октября 1942 г. – тогда немцы и украинские полицейские выгнали из домов1.600 человек и отвели их на место сбора. Около 200 человек, пытавшихся бежать, расстреляли на месте, остальных отправили в Белжец. 17 ноября 1942 г. ещё около 2.500 евреев выслали в Белжец. Многие евреи пытались спрятаться, но большинство из них нашли; пытавшиеся убежать в окрестные леса были пойманы полицией, поставленной вокруг города. В преследовании бежавших и выдаче спрятавшихся евреев участвовала часть местного населения. В конце акции в городе и его окрестностях находилось около 250 убитых евреев. Небольшое количество оставленных в городке евреев было переведено в гетто только в конце 1942 г., туда же привезли несколько тысяч евреев из близлежащих мест: Коропца, Монастыриски, Золотого Потока и др. После того, как в Белжеце вновь прекратились убийства, евреев района перед истреблением собрали в Бучаче. 1–2 февраля 1943 г. более 2.000 евреев вывезли на холм Пдор и расстреляли там. По окончании акции специалистов из гетто перевели в трудовой лагерь на окраине города.[33]

Акции, подобные бучачской, проводились в Борисове[34] и в Стрые,[35] в сотнях городков и местечек дистрикта Галиции во второй половине 1942 г. и в начале 1943 г.

Количество погибших, указанное выше, включает только убитых в массовых казнях в определённые периоды и в определённых местах.

На деле истреблённых гораздо больше, потому что тысячи евреев непрестанно убивали в одиночку и группами между акциями и после них, но из-за отсутствия данных об их количестве они не включены в общую статистику убитых в каждом месте. То же относится и к массе евреев, умерших в этот период в гетто и в лагерях от голода и болезней.

«Операция Рейнхард» вызвала некоторые возражения со стороны армии. 18 сентября 1942 г., в разгар операции, командующий армией в Генерал-губернаторстве генерал Курт фон Гинант писал, среди прочего, в докладной записке верховному командованию армии:

«Срочное изгнание евреев причинит значительный ущерб военному потенциалу рейха и задержит обеспечение фронта и сил Генерал-губернаторства, как минимум на данный момент... Для того, чтобы не повредить работам, важным для военных усилий, евреев можно вывезти только после того, как будет подготовлена им замена... Мы просим выполнить соответствующий приказ в этом духе. Вместе с тем главным направлением будет как можно более быстрое изгнание евреев, без ущерба важным военным работам».[36]

Армия возражала не против уничтожения, а лишь против убийства тех евреев, которые обеспечивали военные нужды. Просьба армии была также ограничена во времени – до подготовки замены из числа неевреев. Гиммлер ответил на записку фон Гинанта 9 октября 1942 г.:

«Я распорядился сосредоточить все мероприятия, работающие на вооружение... в концентрационных лагерях... Вермахту следует посылать нам заказы, и мы обязаны продолжать обеспечивать требуемыми предметами одежды. Вместе с тем я издал инструкцию: действовать, не считаясь с теми, кто думает, что должен возражать против этого шага будто бы во имя интересов снабжения, но на самом деле желает поддержать евреев и их бизнес».[37]

В письме, отправленном 23.10.1942 г., начальник СС и полиции дистрикта Галиция Кацман сообщает инспектору снабжения армии в дистрикте подробности соглашения между армией и СС об условиях содержания армией требующихся ей евреев:

«В принципе еврейские рабочие будут находиться в лагерях под надзором начальника СС и полиции в Галиции. Поскольку создание этих лагерей под руководством полиции всё ещё не завершено во всех местах, заводы, на которых заняты евреи, поселят их в лагерях, которые они построят сами. Если завод не сможет поселить евреев в лагере, еврейские рабочие будут поселены в отведенные им дома в пределах еврейского квартала (гетто), которое пока существует... Ни в коем случае в эти дома не заселять членов семей еврейских рабочих».[38]

В этом письме также указано, что с 1 ноября 1942 г. еврейские рабочие не будут получать никакой оплаты за их работу. Руководители заводов, где заняты евреи, будут платить СС и полиции дистрикта Галиции 5 злотых за каждый день работы еврейского мужчины и 4 злотых – за работу еврейской женщины. Из ежедневного заработка предприятие может снимать для себя 1,6 злотых за питание и другие расходы на тру-

дящихся у них евреев. Десятки тысяч работающих евреев сделались источником доходов СС и полиции.

10 ноября 1942 г. главный начальник СС и полиции генерал-губернаторства Кригер приказал закрыть в гетто евреев, ещё оставшихся в живых. Он указал 32 населённых пункта дистрикта Галиции, где будут созданы гетто.[39] Кригер планировал новые закрытые под надзором СС гетто, по режиму более похожие на трудовые лагеря, которые предназначались для временного существования, зависящего от потребностей в рабочей силе, намеченных сроков уничтожения евреев или перевода их в концентрационные лагеря. Из приказа также следовало, что во всех местах района, где не предполагается создание гетто, евреи будут убиты.[40]

В дистрикте Галиция между весной и концом зимы 1942/43 г. было истреблено большинство евреев. Выжили главным образом евреи, которые работали на армию, а также часть ремесленников, обслуживавших местные власти. Осталось также ещё несколько десятков тысяч «незаконных», которым удалось скрыться и избегнуть изгнания. Кацман доносил:

«Несмотря на все средства упорядочить наём евреев на работу, в апреле 1942 г. была начата эвакуация из дистрикта Галиция, и эта работа выполнялась непрерывно. В то время, когда главный начальник СС и полиции (Кригер) в его инструкции полиции от 10.11.1942 г. о создании жилых кварталов вновь вмешался в еврейский вопрос, уже были эвакуированы или переведены в другое место 254.989 евреев».[41]

Те 254.989 евреев, которые, согласно отчёту, «уже были эвакуированы или переведены в другое место», были посланы на смерть, главным образом в Белжец. Ещё 25.000–30.000 евреев дистрикта Галиция убили в Белжеце после этого до остановки уничтожения в лагере в середине декабря 1942 г., а кроме того десятки тысяч евреев были расстреляны с 10 ноября 1942 г. до февраля 1943 г. Итоговое число убитых в этот период составляет до 350.000 человек. К ним следует добавить умерших в тот же период от голода, болезней и естественной смертью. Количество евреев, сохранившихся в дистрикте Галиция к февралю 1943 г., можно оценить в 140.000–150.000 человек – они жили в гетто, Юлагах и десятках трудовых лагерей, часть из них на нелегальном положении.[42]

Приказ Гиммлера от 19 июля 1942 г., соответственно которому эвакуацию евреев следовало завершить до 31 декабря 1942 г. и затем «не должны более в Генерал-губернаторстве находиться люди еврейского происхождения», не был выполнен полностью: евреи всё ещё жили там, часть из них всё ещё находилась в гетто, а не только в подчинённых СС «сборных лагерях» для рабочих, без их семей. Так произошло из-за вмешательства людей, ответственных за снабжение армии и деятельность заводов, работающих на военное хозяйство, где были заняты евреи. Но отсрочка ликвидации последних евреев в дистрикте Галиция была лишь временной, их уничтожение только отложили на несколько месяцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арад, *Операция Рейнхард...*, с. 37-38, 40-43, 101; Энциклопедия Катастрофы, т. I, с.190-193.
2. «Травники» – прозвище украинских подразделений, как правило, бывших красноармейцев, оказавшихся в плену и добровольно поступивших на службу к немцам. Их обучали в лагере Травники возле Люблина – отсюда прозвище. Они имели оружие, носили чёрную форму и служили в лагерях уничтожения Белжец, Собибор и Треблинка.
3. Арад, *Операция Рейнхард...*, с.42.
4. *Там же*, с. 42, 95-96.
5. Adalbert Ruckerl, *NS-Vernichtungslager*, p. 133; Арад, *там же,* с. 99-102.
6. Суд над 7 эсэсовцами, служившими в Белжеце, который состоялся в Мюнхене в 1965 г., Архив Яд Вашем, TR-517, том 8, с. 1512-1515. Главным обвиняемым был унтершарфюрер Йозеф Оберхаузер.
7. Арад, *Операция Рейнхард...*, с. 99.
8. Йонес, *Евреи Львова...*, с. 118; Кахане, *Львовский дневник...*, с. 62-63; Задерецкий, *Под властью...*, с. 158-169, 174-175.
9. Кахане, *там же*, с. 64.
10. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. 39.
11. *Там же*, с. 265, 373; Поль, *Ганс Крюгер...*, с. 192.
12. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. 474.
13. *Там же*, с. 518.
14. *Там же*, с. 502.
15. *Там же*, с. 169.
16. *Там же,* с. 248. Этот источник отмечает, что главой юденрата был Яков Липа, которого сменил Погорилас. См. также: *Тернополь...*, с.402.
17. Из 600.000 евреев, живших в Восточной Галиции, оккупированной Германией, в середине марта 1942 г., после 8,5 месяцев оккупации, осталось 507.000-522.000 евреев. Погибло, по нашим расчётам, 78.000-93.000 евреев, в том числе: в погромах, совершённых местным населением в первые дни оккупации, 15.000-18.000; айнзацгруппы и другие немецкие подразделения убили до конца июля 1941 г. 8.000-10.000 евреев; в акциях уничтожения,. совершённых до середины марта 1942 г., было убито 30.000-35.000 евреев; из-за тяжёлых условий в гетто и трудовых лагерях умерло 25.000-30.000 евреев.
18. Artur Eisenbach, *Hitlerowska Polityka Zaglady Zydow.* – Warsaw, 1961, p. 312.
19. Документы Нюрнбергского процесса, NO-5574.
20. Йонас, *Евреи Львова...*, с. 189; Кахане, *Дневник...*, с. 67-68.
21. Задерецкий, *Под властью...*, с. 214-215.
22. Документы Нюрнбергского процесса, L-18.
23. Задерецкий, *Под властью...*, с. 225-230.
24. Йонес, *Евреи Львова...*, с. 194; Кахане, *Дневник...*, с. 90. Йонес и Кахане считают, что в этой акции выслано 60.000 человек. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...,* с. 41. В этом источнике отмечается, что количество высланных составляло 50.000 человек. Pohl, *Nationalsozialistische...,* p.221. Он пишет, что в ходе акции выслали не менее 40.000 евреев, не включая убитых внутри гетто.
25. Вайс и др., *там же*, с. 41; Задерецкий, *Под властью...*, с. 234-236, 242-243.
26. Вайс и др., *там же,* с. 41-42; Йонас, *Евреи Львова...*, с. 141; Кахане, *Дневник...*, с. 96-100.
27. Вайс и др., *там же*, с. 374-376; Поль, *Ганс Кригер...*, с. 194-195.
28. Вайс и др., *там же*, с. 155; Поль, *там же*, с. 193.
29. Вайс и др., *там же*, с. 248-249; *Тернополь...*, с. 403-408, 430.
30. *Тернополь...*, с. 431-433. Жаннет Маргулис удалось достигнуть Львова, скрыть своё

еврейство и спастись.

31. *Там же*, с. 408-410; Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. 249.
32. Вайс и др., *там же*, с. 169-170.
33. *Там же*, с. 87-88.
34. *Там же*. с. 98.
35. *Там же*, с. 391.
36. Архив Яд Вашем, 04/4-2.
37. Документы Нюрнбергского процесса, NO-1611.
38. *Там же*. L-18. Письмо найдено в отчёте Кацмана.
39. T.Berenstein (ed.), *Faschismus-Getto-Massenmord, Dokumentation*. – Berlin, 1961, pp. 344-445.
40. Pohl, *Judenverfolgung...*, pp. 242-243.
41. Документы Нюрнбергского процесса, L-18. Кацман ошибается: изгнание из дистрикта Галиция началось уже в последней трети марта 1942 г. В донесении Кацмана слышится косвенная критика приказа Кригера и его вмешательства в процесс уничтожения в Галиции.
42. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. XXVIII. Расчёты этого источника подтверждаются при анализе цифр, представленных в отчёте Кацмана (Документы Нюрнбергского процесса, L-18). По Кацману, количество убитых до ноября 1942 г. – 254.989 человек, а до 23 июня 1943 г. – 434.329 человек, следовательно, между этими датами убито около 180.000 евреев. Кацман отмечает, что в конце июня 1943 г. в живых оставалось 21.156 евреев в разных лагерях его района. Соответственно этим данным, в ноябре 1942 г. там всё ещё было более 200.000 евреев. Считая, что между ноябрём 1942 г. и февралём 1943 г. были убиты и умерли 50.000 евреев, предполагаем наиболее близкой к реальности цифру числа евреев, находившихся в районе Галиции в феврале 1943 г., в 140.000-150.000 человек. См. также: Pohl, *Judenverfolgung...*, p. 250. Поль пишет, что, по официальным немецким данным, в Восточной Галиции в этот период было 130.000-135.000 евреев. Сюда следует прибавить 10.000-15.000 евреев, которые находились в гетто и в лагерях «вне закона».

ГЛАВА 27

УНИЧТОЖЕНИЕ В ЗОНАХ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

А. ВОСТОЧНАЯ БЕЛОРУССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ

Большинство евреев здесь было убито еще до весны 1942 г. Оставшиеся еврейские гетто в Смоленске, Жлобине и в некоторых иных местах ликвидировали весной-летом 1942 г. Самая крупная волна массовых казней прокатилась по районам, захваченным немецкой армией в ходе летнего наступления этого года.

В Жлобине (Гомельская область) до войны проживало более 3.700 евреев, а в акции уничтожения, проведенной там 12 апреля 1942 г., было убито около 3.000.[1] Маленькое гетто в местечке Щедрин неподалеку от Бобруйска было уничтожено 8 марта 1942 г.[2] В гетто в пригороде Смоленска Садки находилось около 2.000 евреев. В июле 1942 г. их увели в Вязовенскую рощу в километре от деревни Магаланщина и расстреляли. Детей, отделив от родителей, умертвили в душегубках. Вот свидетельство русской жительницы Смоленска:

> *«В июле 1942 г. лагерь «гетто» был окружен стражей «русской» полиции и работников СД... Детей сажали в автомашины отдельно от родителей, увозили и уничтожали газом. Взрослых евреев отвозили в деревню Магаланщина где были вырыты для всех ямы. Люди живыми ложились в ямы, где их пристреливали... Участником этого зверства был Тищенко Тимофей, работавший в полиции. Под его руководством проводилась эта операция. Он возил евреев на расстрел, снимал с них одежду, разделил вещи между подчиненными ему...»*[3]

Согласно одному из свидетельств, в Смоленске возле церкви, в которой располагался штаб полиции безопасности, расстреляли 300 евреев из Варшавы, столько же евреев из Киева и несколько сотен местных евреев.[4] Вероятно, этих евреев привезла сюда полиция безопасности и использовала на различных работах, а затем они были расстреляны одновременно с ликвидацией гетто. Для своих нужд полиция безопасности оставила в Смоленске 40–80 евреев-специалистов. Их расстреляли позднее.[5]

В Воронеже до войны проживало около 8.500 евреев. Часть города, расположенная западней реки Воронеж, была захвачена немцами 6 июля 1942 г. В конце июля – первой половине августа 1942 г. немцы приказали эвакуировать жителей города, который оказался на линии фронта. На контрольном пункте за городом проверяли документы эвакуирующихся. Обнаружив около 450 евреев, их отправили в район Хохольского (на западе от Воронежа), где расстреляли.[6] Кроме того, немало воронежских евреев были выявлены в результате доносов местных жителей.[7]

Б. УКРАИНА И ЮГ РОССИИ

В районах Восточной Украины и Южной России, захваченных немцами в летнем наступлении 1942 г., накануне войны проживало около 50.000 евреев.[8] Данные о количестве евреев-беженцев и эвакуированных сюда из районов, оккупированных во второй половине 1941 г., отсутствуют, но можно предположить, что их было ещё несколько десятков тысяч. Все они теперь оказались под властью немцев.

В Ворошиловграде (нынешний Луганск) до войны проживало около 11.000 евреев. Город был захвачен 17 июля 1942 г., а 1 ноября 1942 г. оставшихся в городе 2.000–3.000 евреев вывели к противотанковым рвам за городом, в местах под названием Острая Могила и Иванищев Яр, и там расстреляли. Часть их уничтожили в «душегубках».[9]

В Днепропетровске в начале лета 1942 г. после акций уничтожения 1941 года оставалось около 1.000 евреев-мужчин. Их убили в августе 1942 г.[10]

В Севастополе до войны жило более 6.000 евреев. Немцы захватили его 3 июля 1942 г. после осады, длившейся 250 дней. За этот период успело эвакуироваться менее трети евреев. В городе находились также еврейские беженцы из других оккупированных районов, но данных об их количестве не имеется. 6 июля еврейским жителям города велели явиться на спортплощадку «Динамо» для регистрации. Им велели принести с собой еду на три дня. Евреев отвели в тюрьму, а через два-три дня начальник тюрьмы приказал каждому написать на листе бумаги свой адрес и приложить к нему ключи от квартиры. Тот, у кого ключей не было, должен был указать, у кого он их оставил. 12 июля 1.200 евреев посадили в грузовики, отвезли на четвертый километр Балаклавского шоссе и расстреляли. Другую группу отвезли на расстрел в село Старые Шули Балаклавского района. Еще несколько групп расстреляли за селом Балтчерск, неподалеку от Бахчисарая. Всего в Севастополе было уничтожено 4.200 евреев.[11]

24 июля 1942 г. немцы неожиданно повторно захватили Ростов-на-Дону. Евреи, бежавшие из Ростова перед его первой оккупацией, вернулись в город после его освобождения, полагая, что вторично город сдан не будет. Эвакуироваться во второй раз они уже не успели. И теперь в Ростове находилось 16.000–18.000 евреев, включая беженцев (до войны в городе жило 27.000 евреев). 1 августа генерал Киттель, военный комендант города, издал приказ евреям пройти перепись. Согласно немецким документам, перепись прошли только 2.000 евреев.[12] 10 августа в городе было опубликовано «Обращение к еврейским жителям города Ростова» за подписью д-ра Лурье, назначенного немцами главой юдената, которого принудила зондеркоманда 10-а, прибывшая в Ростов подписать «Обращении». В нем говорилось:

«В последние дни имелись случаи актов насилия по отношению к еврейскому населению со стороны жителей-неевреев. Предотвращение таких случаев и в будущем не может быть гарантировано, пока еврейское население будет разбросанным по территории всего города. Германские полицейские органы... не видят иной

возможности предотвращения таких случаев, кроме как в концентрации всех находящихся в Ростове евреев в отдельном районе города. Все евреи города Ростова будут поэтому во вторник 11 августа 1942 г. переведены в особый район, где они будут ограждены от враждебных актов. Для проведения в жизнь этого мероприятия все евреи обоих полов и всех возрастов, а также лица из смешанных браков евреев с неевреями, должны явиться во вторник, 11 августа 1942 г., к 8 часам утра на соответствующие сборные пункты... Все евреи должны иметь при себе свои документы и сдать на сборных пунктах ключи занятых до сих пор ими квартир... Евреям рекомендуется взять с собой их ценности и наличные деньги. По желанию можно взять необходимейший для устройства на новом местожительстве ручной багаж... Беспрепятственное проведение в жизнь этого мероприятия – в интересах самого еврейского населения».[13]

Евреи Ростова были уничтожены в нескольких километрах от города, в Змиевской балке. Немногочисленные жители, населявшие эти места, получили приказ покинуть свои дома на два дня – 11 и 12 августа, – на время акции. Евреев привезли сюда в грузовиках и расстреляли, некоторые погибли в «душегубках». Не все евреи явились в назначенный день, и в течение нескольких месяцев после массового убийства, вплоть до самого освобождения города, евреев ловили, привозили в тюрьму и умерщвляли газом.[14] Власть немцев в городе удерживалась до 13 февраля 1943 г., и в этот период здесь были уничтожены все евреи за исключением немногих сумевших скрыть свою национальность. В отчете советской Следственной комиссии говорится, что «количество евреев, уничтоженных в Ростове-на-Дону между 23 июля 1942 г. и 13 февраля 1943 г., составляло 15.000–18.000».[15]

В городах и деревнях на юго-востоке от Ростова до войны проживало немногочисленное еврейское население, но с началом войны в эти районы хлынули еврейские беженцы с территорий, оккупированных в 1941 г. Эти районы отличались хорошим климатом, и туда эвакуировали людей из осажденного Ленинграда, в том числе многие детские дома. Беженцы и эвакуированные жили в городах и станицах, где основное население составляли казаки. Беженцы, собравшиеся здесь, не успели эвакуироваться до прихода немцев и в большинстве своем были уничтожены. В документах советской 28-й армии, освободившей эти районы в феврале 1943 г., найдены отчеты о чудовищных зверствах, совершенных немцами в период оккупации, в частности, по отношению к евреям. В отчетах говорится:

«В райцентре станице Кагальницкой... фашистские людоеды согнали в сарай 38 семей евреев, над которыми в течение месяца глумились, посылали на непосильную тяжелую работу, затем всех расстреляли. Было их не менее 200 человек. Имущество в домах расстрелянных разграбили полицейские...

С самого начала оккупации станицы Мечетинск гитлеровцы учинили зверскую расправу над проживавшими и эвакуированными сюда 48 еврейскими семьями. Все евреи были согнаны к балке и

там расстреляны…

После занятия станицы Пролетарской немецкий комендант издал приказ: Все знающие о местожительстве жидов должны немедленно заявить в комендантуру. Укрывающие евреев будут расстреляны…

В городе Сальск расстреляно свыше 3.000 человек гражданского населения, в том числе все еврейское население…

В городе Зернограде Мечетинского района… Все евреи были согнаны в одно место, затем их провели по улицам города, потом всех до единого расстреляли и бросили в балку.

На территории Калмыцкой АССР… с 12 августа по 31 декабря 1942 г… В городе Элисте они уничтожили поголовно все еврейское население. Всем евреям в первые же дни оккупации было приказано явиться с личными вещами в местную комендатуру, якобы для отправки на работу. Затем немцы часть мужчин, женщин, стариков, детей, посадили на автомашины, вывезли в балку между селениями Оршань и Вознесеновка, велели всем раздеться и расстреляли… Здесь было истреблено 93 еврейские семьи, всего свыше 300 человек. Среди расстрелянных Вайнер Хая Янкелевна, 1896 г. рождения, эвакуированная из Гомеля; Поляк Ревекка Соломоновна 54 лет, из Киева; Гершкович Мария Давыдовна, Немировский Арон из Днепропетровска…»[16]

В Сталинграде до войны проживало около 4.500 евреев, а в местности к западу от города жили еврейские беженцы из оккупированных районов. Часть евреев эвакуировалась из города вместе с учреждениями и предприятиями тяжелой промышленности. 23 августа город атаковали сотни немецких самолетов. Около 40.000 жителей были убиты во время бомбардировок. Когда немцы оккупировали большую часть города, в нем и в его окрестностях еще оставались, несмотря на эвакуацию и бегство, по крайней мере сотни евреев. Оккупированными районами города управляла военная администрация, в ее распоряжении находились немецкая жандармерия и две роты украинской полиции, переведенные сюда из Харькова. Хотя линия фронта проходила через город, и тяжелые бои шли совсем рядом с местом нахождения военной комендантуры, действия против евреев не прекращались. Начальник сталинградской фельдкомендатуры майор Готлиб Шпайдель во время пребывания в советском плену показывал:

«Германская политика в Сталинграде, как и на всех оккупированных территориях, заключалась в том, чтобы убрать советских активистов, коммунистов и евреев, вывести их из города и передать в руки гестапо для расстрела».[17]

Большинство евреев, схваченных в городе, были расстреляны на месте, некоторых повесили. Офицер военной администрации сообщил, что по прибытии в Сталинград в начале сентября 1942 г. он «увидел на одной улице в южной части города двоих человек, повешенных на телеграфном столбе. На табличках, висящих у них на груди, было написано, что это евреи, которые пытались проникнуть в немецкие военные под-

разделения под вымышленными именами».[18] Немцы, находившие евреев в укрытиях и погребах вместе с другими гражданами, выводили их оттуда и расстреливали.[19] В отчете советской Следственной комиссии указано, что на еврейском городском кладбище в Дзержинском районе найден ров с трупами 516 мужчин, женщин и детей, над которыми издевались. В саду имени 8 Марта неподалеку от ортскомендатуры этого района найден ров с 31 замученной жертвой, среди них дети.[20] В документе не говорится, что это евреи, но в отчетах советской Следственной комиссии под сочетанием «мужчины, женщины и дети», как правило, подразумеваются евреи.

Военная администрация города приказала оставшимся в городе жителям покинуть город и перебраться западнее, за город Калач. Затем их переправили в созданный рядом с городом Белая Калитва большой лагерь для тысяч жителей Сталинграда; отсюда многих заключенных отправили на работу в Германию. По дороге в этот лагерь и в нем самом производились проверки, во время которых были обнаружены и казнены евреи.[21]

В западных районах Сталинградской области, захваченных немцами, жили еврейские беженцы, в большинстве из Украины.[22] В Ворошиловском районе Сталинградской области, в селе Каменка были собраны из окрестных сел 164 еврейские женщины и дети и 8 октября 1942 г. убиты там в душегубках.[23] Подобным образом были уничтожены в тот же период евреи сёл Аксай[25] и Перегрузное[26] Ворошиловского района, в колхозе Сталиндорф Калчевского района,[27] в колхозе им. Тельмана[28] и других местах.[29]

В. ПРЕДГОРЬЯ КАВКАЗА

Продвигаясь к Кавказу южнее линии Ростов-Сталинград, немецкая армия захватила обширные территории, среди них Краснодарский и Ставропольский края, западные районы Калмыцкой АССР и северные хребты Кавказских гор, где находились Кабардино-Балкарская АССР и Северно-Осетинская АССР.

Прежде здесь жило немного евреев,[30] но с началом войны сюда, в места, считавшиеся до немецкого наступления летом 1942 наиболее спокойными и безопасными, хлынули тысячи еврейских беженцев с оккупированных территорий. Они нашли убежище в городах, селах и станицах, некоторые получили работу в колхозах. Сюда же направлялись на временное проживание эвакуированные научные и учебные учреждения, в которых было немало евреев. Не успев эвакуироваться, подавляющее большинство еврейского населения в этих районах оказалось под властью немецких оккупантов.

Здесь действовала айнзацгруппа Д под командованием оберфюрера СС Вальтера Биркампа. Его штаб находился в Ворошиловске, Ставропольский край). В районе Нальчика полицейские функции выполнял батальон «Бергман» («Люди гор»), который состоял из советских военнопленных – кавказских мусульман, добровольно согласившихся служить немцам. Батальон сформировали осенью 1941 г., командиром

назначили Теодора Оберлендера.

Краснодар был оккупирован 12 августа 1942 г. Туда перешла зондеркоманда 10-а. 16 августа немецкий офицер явился в дом профессора Н. Вилика и заявил ему, что поскольку он является уважаемым в городе человеком, он назначается главой юденрата и ему надлежит составить список еврейского населения.

21-22 августа всем евреям велели явиться на улицу Орджоникидзе 30 для перевода в отдельный квартал города. Их отвезли в рощу Первомайскую за городом и расстреляли.[31] Многие евреи не явились, но их тоже схватили и расстреляли. Отсутствуют точные сведения о количестве убитых евреев. Большинство из 7.500 евреев Краснодарского края, жили, очевидно, в городе Краснодаре, и большинство осталось в оккупации. К ним следует добавить беженцев, о численности которых сведений не имеется. В отчете советской Следственной комиссии говорится, что в Краснодаре было убито более 13.000 женщин, стариков и детей.[32] Как уже говорилось выше, подавляющее большинство – если не все эти «женщины, старики и дети» были евреи.

Новороссийск на берегу Черного моря был захвачен 10 сентября 1941 г., и из 100.000 жителей в оккупации осталось 40.000. В отчете ЧГК об оккупации города говорится:

«15 октября 1942 г. немецкое командование развесило воззвание к евреям, в котором говорилось, что для улучшения быта и для устройства евреев на работы… создается еврейская община. Председателем общины назначался зубной врач Александрович. Воззвание заканчивалось приказанием к еврейскому населению об обязательной поголовной регистрации. Регистрация происходила в гестапо – бывшем здании Госбанка на ул. Губернского.

В момент регистрации гестапо каждого зарегистрированного обязало явиться с вещами и ценностями на следующее утро для отправки в одну из станиц Краснодарского края, где уже собрано, якобы, все еврейское население, проживавшее на Кубани. Утром 16 октября 1942 г. у здания гестапо собралось более тысячи человек, стариков, женщин и детей. Собравшихся оцепили автоматчики, вещи немцы отобрали, а людей на автомашинах увезли из города на Сунжунскую косу и там всех расстреляли».[33]

Особенно жестокое убийство было совершено в станице Ладожская на реке Кубань, к северо-востоку от Краснодара. В станице и ее окрестностях жило, по свидетельству местного жителя, около 3.000 евреев, большинство беженцы. В отчете ЧГК говорится:

«С первых дней оккупации Ладожского района немецкие душегубы приступили к систематическому истреблению всего еврейского населения. Немецкие палачи потопили в реке Кубань тысячи ни в чем повинных граждан. Грудные дети привязывались к матерям и сбрасывались в Кубань. Жители станицы Ладожской являются очевидцами жуткой трагедии, когда сотни бездыханных тел детей, женщин и стариков плавали по Кубани. В районе хутора (не поддается прочтению) в противотанковых рвах в 20 метрах от дороги зверски

расстреляно 95 евреев – детей, женщин и стариков... Немецкий ставленник Птухин лично зарезал ножом насмерть еврейку Миру, фамилия которой не установлена, ее пятилетнего сына Давыда и еще трех не установленных граждан... Как установлено показаниями свидетелей (следуют имена восьми местных жителей-неевреев), немецкие палачи расстреляли, потопили в Кубани и замучили 3.000 евреев – детей, женщин и стариков».[34]

В документе ЧГК, где говорится о станице Отрадная на юго от Ставрополя, отмечено, что убитые евреи – это беженцы:

«В один день гестаповцы произвели аресты среди всего еврейского эвакуированного населения по всему Отрадненскому району, и все они были свезены в тот же день на базарную площадь. 10 октября 1942 г. гестаповцы объявили всем арестованным, что они будут переведены в другие места на жительство, и в тот же день всех арестованных на закрытых и открытых гестаповских машинах вывезли из станицы Отрадная, и в двух километрах за рекой Уруп всех их расстреляли... В феврале 1943 г., после освобождения района от фашистских оккупантов, была произведена раскопка ям, из которых было извлечено 483 трупа взрослых и детей...»[35]

В десятках сел Краснодарского края были убиты тысячи проживающих там еврейских беженцев.[36] Вместе с зондеркомандой 10-а в массовых убийствах в Краснодаре принимало участие подразделение добровольцев из местного населения, часть из них – бывшие военнопленные.[37] Ставрополь был взят 3 августа 1942 г. 11 августа по городу расклеили обращение к евреям:

«Все евреи, без исключения (даже те, кто не принадлежит к какой-либо религиозной общине или принадлежит к другой, нееврейской вере, а также их жены и дети), которые прибыли в Ставрополь после 22 июня 1941 г., должны собраться 12 августа 1942 г. в 7 часов утра на площади Ярмарочной... Вследствие проблем, возникших в результате военных действий, необходимо перевести вышеназванных граждан в места, свободные от населения».[38]

Это обращение, касавшееся пока только беженцев, было призвано ввести их в заблуждение: дескать, поскольку они не являются жителями города, они должны быть переведены в другое место жительства. 12 августа около 3.500 евреев-беженцев явились на назначенное место. Их оцепили немцы и полицейские, вывезли на грузовиках за город в район аэропорта и там расстреляли. 13 августа евреям – жителям города было приказано явиться на регистрацию и получить нарукавную повязку. Явилось около 500 евреев. Два дня их продержали без пищи и воды, а вечером 14 августа вывезли к психиатрической больнице и расстреляли.[39] На юго-востоке от Ставрополя немцы 10-11 августа оккупировали расположенные близко друг к другу Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки и Минеральные Воды. Спустя несколько дней там появилась айнзацкоманда 12. Уничтожение евреев в этом районе запланировали провести одной акцией. Её провели в противотанковых рвах неподалеку от Минеральных Вод. О подготовке к акции уничтожения и о самой

акции Р. Пфайфер, состоявший в айнзацкоманде 12, сообщил:

«30 августа я и Винц прибыли в Минеральные Воды и провели там в военной комендатуре совместно с полевой жандармерией и местной полицией совещание, на котором окончательно установили срок истребления и место – противотанковый ров у стекольного завода… К нему подходили шоссе и железная дорога; место открытое, ровное, удобное для оцепления; убежать оттуда было сложно… Начальник местной полиции Завадский представил нам Тимофея Тарасова… главу команды истребления… А пока я заканчивал регистрацию, важно было, чтобы люди до самого конца не понимали, что вся эта регистрация и сбор информации не что иное как фикция… Я пригласил к себе самых уважаемых евреев и составил из них «еврейский комитет», причем обращался с комитетом подчеркнуто вежливо…»[40]

1 сентября 1942 г. по приказу военного коменданта Минеральных Вод майора Пауля Барта все евреи были собраны во дворе городской школы № 1 под предлогом отправки в другое место. По распоряжению начальника местной полиции Завадского людей погрузили в железнодорожные вагоны, отправили к противотанковым рвам и там расстреляли. Истреблением занималась зондеркоманда 12 при участии местных полицейских. В течение нескольких дней после этой акции туда же были свезены 2.800 евреев из Пятигорска и убиты, некоторые из них в душегубках.[41]

Судьба евреев Кисловодска была примерно такой же. 16 августа 1942 г. военный комендант назначил юденрат и наложил контрибуции на евреев. Советская ЧГК оценила ценности и одежду, отнятые у евреев, в пять миллионов рублей (500.000 немецких марок). Евреев заставляли носить желтую звезду и выполнять самые тяжелые работы. 7 сентября был расклеен приказ военной комендатуры города:

«С целью заселения малонаселенных районов Украины все евреи, проживающие в городе Кисловодске, и те евреи, которые не имеют постоянного места жительства, обязаны в среду 9 сентября 1942 г. в 5 часов утра по берлинскому времени (в 6 часов по московскому времени) явиться на товарную станцию гор. Кисловодска, эшелон отходит в 6 часов утра (7 часов по московскому времени). Каждому еврею взять багаж, весом не более 20 килограммов, включая продовольственный минимум на два дня. Дальнейшее питание будет обеспечено на станциях германскими властями…

Каждая семья должна запечатать квартиру и к ключу прикрепить записку… ключ с запиской передать на товарной станции германскому командованию. Ввиду транспортных затруднений багаж весом более 20 килограммов… Для лучшей подготовки и отправки оставшихся вещей каждая семья должна запаковать и запечатать все имущество, белье и т.д. с точным указанием имени хозяина. За целость и сохранность вещей отвечает комендатура № 12. Кто посягнет на имущество евреев или попытается ворваться в еврейскую квартиру, будет немедленно расстрелян. Переселению подлежат и

те евреи, которые приняли крещение. Не подлежат переселению семьи, у которых один из родителей еврей, а другой – русский, украинец или гражданин другой национальности. Не подлежат переселению также граждане смешанного происхождения. Добровольное переселение смешанных семей, метисов 1-й и 2-й категории, может быть произведено при дальнейшей возможности».[42]

Формулировка этого приказа и указание цели переезда – «заселение малозаселенных районов», назначение точного времени сбора людей и отхода поезда с указанием разницы между берлинским и московским временем, обещание через два дня обеспечить питание германскими властями, как и обещание сохранения имущества, оставленного в квартирах, – все это имело целью ввести евреев в заблуждение относительно их будущего. Объявление было напечатано от имени военной комендатуры – армия полностью участвовала в обмане евреев и в их истреблении. Нашлись евреи, которые поняли, что их ожидает, и покончили с собой. 9 сентября на станции Кисловодск собрались 1.800–2.000 евреев, их посадили в 18 открытых товарных вагонов и два закрытых, повезли под конвоем в Минеральные Воды и там расстреляли. Некоторых евреев застрелили при попытке к бегству. 10 сентября 1942 г., на следующий день после убийства евреев Кисловодска, под тем же предлогом «перевода в малозаселенные места» в Минеральные Воды отвезли евреев из Ессентуков и расстреляли.[43] В Минеральные Воды были привезены также 100 евреев Зеленоводска и расстреляны там. 1 – 10 сентября 1942 г. в Минеральных Водах казнили по меньшей мере 6.300 евреев.[44] В городе Георгиевске, на востоке от Минеральных Вод, в противотанковом рву расстреляли 250 евреев.[45]

Г. ГОРСКИЕ ЕВРЕИ

В Кабардино-Балкарской АССР и в Северной Осетии (Ставропольский край), оккупированных немцами в 1942 г., с давних пор жили многие поколения евреев, которых называли «горскими».[46] Большинство из них проживало в восточных районах Кавказа, в Азербайджане и в Дагестанской АССР, куда немецкая армия не дошла. Расовая принадлежность этих евреев очень интересовала немецкое руководство и специалистов по расовой чистоте.[47] Накануне нападения Германии на Советский Союз полиция безопасности распространила специальную брошюру, посвященную народам Кавказа. О евреях там говорилось: «Независимо от тех или иных мнений, в кавказских евреях и в евреях, которые переселились туда [из России], следует видеть инородное тело, находящееся на этой территории». Отсюда следовало, что участь горских евреев, как и всех евреев – быть уничтоженными.[48]

Айнзацгруппы и другие карательные органы впервые встретились с горскими евреями в Крыму. Там в колхозе имени Шаумяна жили горские евреи, и немцы поступили с ними, как со всеми евреями – уничтожили в феврале 1942 г. Оккупировав Краснодарский и Ставропольский края, они здесь тоже обращались с горскими евреями, как с прочими евреями. В Ставрополе и в других городах, где горские евреи жили

бок-о-бок с другими евреями, их и убивали вместе, в одной акции уничтожения.

Когда же был оккупирован район Моздока (Северная Осетия) в конце августа 1942 г. и район Нальчика (Кабардино-Балкария) в конце октября 1942 г., немцы впервые столкнулись с высокой концентрацией горских евреев. В районе Моздока горские евреи с двадцатых годов жили в двух сёлах: Богдановка и Манжинск. Этих людей, переселённых туда советскими властями, местное население, состоящее в основном из христиан, считало чужаками. Когда села были оккупированы, немецкое руководство не сумело распознать в переселенцах евреев, поскольку внешне они не отличались от прочих жителей, и тогда коренные жители стали доносить на них немцам.[49]

В Богдановке 20 сентября 1942 г. провели акцию. Евреям сказали, что их отправляют в тыл, так как село находится вблизи от линии фронта, а потом всех расстреляли неподалеку от деревни. Отчет Советской Армии описывает эту казнь:

«В селе Богдановка немцы собрали 450 евреев, заставили их вырыть самим себе могилу и после этого расстреляли группами. Те, кто еще оставались в живых и ждали своей горькой участи, вынуждены были хоронить убитых».[50]

В селе Манжинск акцию провели 19 октября 1942 г. Евреев собрали и отвезли подводами за 20 километров в станицу Курскую. Там немцы и местные полицейские расстреляли 180 евреев. Несколько семей по пути из Манжинска в Курскую сумели бежать. Десятки евреев в Богдановке и Манжинске спаслись благодаря помощи местных жителей.[51]

Моздок на севере от реки Терек находился в руках немцев с конца августа 1942 г. до начала января 1943 г. Кроме евреев Моздока, оставшихся в оккупации, туда перебрались евреи, уцелевшие после казней в Манжинске и Богдановке. Шмуэль Матвеев из Манжинска рассказывает:

«Мы с семьей добрались до Моздока... Были под немцами. Там много евреев было, которые бежали... Если бы немец продвинулся за Терек, он бы начал и в Моздоке убивать. Моздок был прифронтовая полоса, а в прифронтовой он не трогал евреев... Там много евреев было местных жителей – горские и ашкеназы. В Моздоке ходили пока свободно, никакого гетто не было. В начале января [1943] началось наступление... Моздок освободили».[52]

Видимо, из-за того, что город находился буквально на передовой, айзацгруппы туда не вошли, и находившиеся в городе евреи уцелели.

Столицу Кабардино-Балкарии Нальчик немцы взяли 28 октября 1942 г. До войны там проживало более 3.000 евреев. Во время войны сюда бежали евреи из оккупированных районов. Судьба горских евреев Нальчика и его окрестностей отличалась от участи других горских евреев на оккупированных территориях. Здесь горские евреи жили в течение нескольких поколений и поддерживали дружеские отношения с местными мусульманами, которые считали их полноправными членами семьи народов Кавказа. Германские власти на Кавказе, заинтере-

сованные в поддержке мусульманского населения, создали в Кабардино-Балкарии Национальный Совет. В декабре 1942 г. туда прибыл Отто Браутигам, заместитель начальника политотдела Министерства Восточных оккупированных территорий и его представитель в ОКХ. Он приступил к выработке немецкой политики по отношению к кавказским народам. Браутигам писал в своих воспоминаниях, что он хотел предотвратить истребление горских евреев, но, обратившись по этому поводу к военному командованию района, получил ответ, что еврейский вопрос не входит в их полномочия и что ему следует обратиться к ответственному за работу с евреями Биркампу. Браутигам так описал свою встречу с Биркампом:

«Я сообщил ему, что являюсь ответственным за руководство и выработку политики, но не могу нести эту ответственность, когда против ни в чем не повинного народа горских евреев применяются те же жестокие методы, которые считаются правильными по отношению к другим евреям. Свои доводы я подкрепил двумя главными аргументами:

Учитывая все многообразие народов Кавказа, можно предположить, что они не поймут жестокости преследования горских евреев, которые не причинили нам никакого зла. Они могут истолковать наше поведение как враждебность ко всем народам Кавказа вообще, и ответить нам такой же враждебностью...

Я утверждаю, что с этнической точки горские евреи отнюдь не являются евреями. Это маленький и безвредный горный народ, который несколько сотен лет назад принял иудаизм...

Г-н Биркамп слушал с большим интересом, затем ответил, что не в его власти дать мне немедленный ответ и что в течение нескольких дней он лично проверит вопрос поведения горских евреев».[53]

Дальше Браутигам пишет, что через несколько дней Биркамп сообщил ему: *«Я посетил горских евреев и нашел Ваши слова абсолютно справедливыми. Это не евреи, а пастушеский горный народ, похожий на турецкий»*.[54] Подтверждение этому высказыванию Биркампа можно найти и в других источниках.

Местные власти тоже действовали в интересах горских евреев. Председатель Национального Совета Кабардино-Балкарии Селим Шадов вспоминал:

«Когда меня избрали главой национального правительства Кабардино-Балкарской республики, в начале ноября 1942 г. я занялся организацией Народной Конференции... В этот период ко мне как к главе правительства была направлена делегация горских евреев, возглавляемая г-ном Шабаевым. Еврейская делегация сообщила мне, что руководство СС и СД составило список всех горских евреев... И теперь они опасаются физического истребления. Учитывая серьезность сложившейся ситуации, после долгих усилий мне удалось добиться личной беседы с фельдмаршалом фон Клейстом и его представителями в Кисловодске, Пятигорске и Нальчике. В Нальчике я взял на себя всю полноту ответственности и сообщил

им [немцам], что горские евреи – это таты и что это горное племя, похожее на кабардинцев и балкарцев. Я утверждал это на следующем основании:

Горские евреи считаются у нас коренным населением.

Татов – горских евреев – мы, горцы, никогда не презирали как евреев.

Этим объясняется наличие смешанных браков.

Образ жизни, традиции, одежда и культура горских евреев идентичны традициям остальных горных племен.

Язык горских евреев – особый, фонетически он совпадает с другими языками горных племен.

Горские евреи никогда, даже в период Советской власти, не скрывали того факта, что они таты, и создали татскую культуру...

По моему предложению комиссия проверила образ жизни и традиции татов путем посещения еврейских домов. Мое решительное требование... в конце концов убедили высшее руководство германской армии, а также командование СД и СС, и они согласились с тем, что таты – горские евреи – это племя горцев, ничем не отличающееся от остальных горных племен севера Кавказа. По личному распоряжению фельдмаршала фон Клейста в декабре 1942 г. было постановлено: горские евреи – это племя горцев».[55]

Не имеется ни одного другого документа, подтверждающего, что командующий воевавшей на Кавказе группы армий А фельдмаршал фон Клейст распорядился считать горских евреев горным племенем и поэтому не истреблять их. Браутигам уже писал, что военное руководство советовало ему обратиться к командующему айнзацгруппы Д Биркампу. Тем не менее, не вызывает сомнений, что местные правительственные органы в Кабардино-Балкарии вмешались и действовали в пользу горских евреев – это подтверждается и свидетельствами горских евреев из Нальчика.[56]

Вследствие вмешательства Браутигама и главы правительства Кабардино-Балкарии представители германских властей и полиции безопасности проверили образ жизни и обычаи горских евреев. Вспоминал местный еврей-очевидец:

«Они приезжали... Мы показывали им: вот как мы живем, вот места, где мы живем, так мы танцуем, вот такие у нас свадьбы, такие похороны. Нет у нас ничего общего с евреями».[57]

После этих посещений возникло сомнение в расовом происхождении горских евреев, их истребление было отложено, и вопрос был передан на рассмотрение берлинских специалистов по расовой чистоте. Эти выяснения и проверки спасли жизнь большинству евреев Нальчика – но не всем. Ещё до проверки успели казнить 14-15 семей горских евреев – около 100 человек.[58] Кроме них в Нальчике были убиты местные жители и беженцы, которые горскими евреями не являлись. В отчете ЧГК о военных преступлениях в Нальчике отмечено, что там обнаружена могила, в которой находилось 600 убитых местных и окрестных жителей, и среди перечня жертв немало еврейских имен. Убийство

произошло в противотанковых рвах на расстоянии трех километров от города, за аэродромом.[59] Решение отложить уничтожение горских евреев до выяснения их расовой принадлежности было принято слишком поздно для горских евреев, живших в районе Моздока и в других районах, – к этому времени их уже истребили. Нальчик освободили 4 января 1943 г. после девяти недель оккупации – раньше, чем в Берлине решили вопрос о расовой принадлежности горских евреев.

Выяснение расовой принадлежности горских евреев длилось несколько месяцев. 7 ноября 1942 г. германское Министерство иностранных дел направило письмо главе департамента расовой политики при канцелярии нацистской партии. Министерство иностранных дел спрашивало, как надлежит поступать с горскими евреями, и 7 января 1943 г. получило ответ, что окончательное мнение по этому вопросу будет высказано позднее. Выяснение и переписка длились до мая 1943 г. Специалисты по расовым проблемам не были единодушны, большинство утверждало, что для окончательного решения вопроса нужно провести дополнительное исследование.[60]

Согласно приблизительной оценке, численность горских евреев, находившихся на оккупированных немцами территориях, составляла 5.000 человек. Из них было убито около 1.000. Нет даже приблизительных данных о численности еврейских беженцев, оказавшихся на этой территории во время оккупации. Возможно, их было несколько тысяч. Эти беженцы, несомненно, евреи, были убиты, как и те немногие местные евреи, которые горскими евреями не считались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зверства немецко-фашистских захватчиков, №14, Москва, 1946, с. 31.
2. Айзенштат и др., *Книга Живых...*, с. 105-106.
3. Свидетельство М. Медновой-Шмелевой, ГАРФ, Фонд 7021, Опись 44, Дело 14.
4. Яд Вашем, М-22/604 .
5. *Там же*, М-33/629, Маленькое гетто в местечке Красном (к западу от Смоленска) было уничтожено в начале апреля 1942 г. См. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга*, с. 228-229.
6. Яд Вашем, М-33/500, с. 14, М-33/499, М-33/495.
7. *Там же*, М-33/497.
8. Согласно переписи населения 1939 г. в Ворошиловградской области проживало 19.120 евреев, в Сталинградской области 8.636, в Севастополе 5.988, в Краснодарском крае и в районах Кавказа, оккупированные немцами, – 15.000.
9. Партийный Архив Украины, Фонд 54, Опись 4, Дело 1263. Яд Вашем, М-37/1144, М-33/415; М. Альтшулер, И.Арад, Ш.Краковский (ред.), *Советские евреи пишут Илье Эренбургу*. – Иерусалим, 1993, с. 123-124 (далее Альтшулер и др., *Советские евреи...*). Здесь указано число уничтоженных 6.000. В отчете Городской Следственной Комиссии от 13 апреля 1943 г. говорится, что в городе было убито 8.000 человек, в основном гражданские лица, без указания национальности. Поль (Pohl, *Schauplatz...*, p. 50) пишет, что было убито 1.038 евреев.
10. Pohl, *ibid.*
11. Яд Вашем, М-33/65: Губенко, *Книга Печали...*, стр. 32.
12. Arad et. al. *Einsatzgruppen Report*s..., p. 358, Meldumgem aus den besetzten Ostgebieten (Документы оккупированных Восточных территорий, документ 16 от 14 августа 1942 г.).

13. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 231; Лев Гинзбург, *Бездна*. – Москва, 1967, с. 65-66 (далее Гинзбург, *Бездна...*); Гинзбург рассказывает о судебном процессе в Краснодаре в 1963 г. группы местных жителей, служивших во время войны в зондеркоманде 10-а.
14. Klee et al, *Schone Zeiten...*, p. 74-75, свидетельство немецкого водителя «душегубки» в зондеркоманде 6, которая действовала в Ростове в сентябре 1942 г., который описал убийство евреев – детей, женщин и мужчин.
15. Центральный Архив Министерства Обороны РФ, Фонд 28, Опись 8523, Дело 33, л. 20-21.
16. *Там же*, л. 15 – Элиста; л. 18 – Пролетарская; л. 41 – Зерноград; л. 134 – Сальск; л. 151 – Мечетинская; л. 178 – Кагальницкая.
17. Яд Вашем, М-33/600, с. 6-7 (ГАРФ 7021-45-14), показания даны 5 февраля 1943 г.
18. *Там же*, М-33/600, с. 1. Свидетельские показания на допросе 30 июня 1943 г. лейтенанта Гельмута Фогта во время его пребывания в советском плену.
19. *Там же*, М-33/602, с. 1-2. В этих показаниях сообщается о двух старых еврейских женщинах, которых вытащили из укрытия: одну застрелили, другую – семидесяти лет – жестоко избили.
20. *Там же*, М-33/600, документ от 2 июля 1943 г.
21. Документы 2, с. 360-363. Жительница Сталинграда Клавдия Иванова, находившаяся среди высланных из города, рассказывает: «30 сентября 1942 г. меня выгнали вместе с тысячами других жителей города. Пешком, под конвоем, нас погнали в Суровикино… Рядом со мной шла врач-еврейка. Ее забрали и куда-то увели. В нашу группу она больше не вернулась».
22. Яд Вашем, М-33/600, с. 7.
23. *Там же*, М-33/593.
25. *Там же*, М-33/601.
26. *Там же*, М-33/593.
27. *Там же*, М-33/597.
28. *Там же*, М-33/602. Прилагается поименный список сорока трех евреев и четырех неевреев.
29. *Там же*, М-33/600. Отчет включает таблицу мест проживания и количества убитых в западных районах Сталинградской области.
30. Численность евреев согласно переписи населения 1939 г.: Краснодарский край – 7.351, Кабардино-Балкария – 3.414, Калмыцкая АССР – 1.355; в других районах этой местности – похожие цифры.
31. Яд Вашем, М-33/293.
32. *Там же*, М-33/293.
33. *Там же*, М-33/294, стр. 2-3. К отчету приложено свидетельство местной женщины А. Силиной. По ее словам, группа евреев была расстреляна также в штабе гестапо.
34. *Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы, 6*. – Военное издательство, 1943, с. 60 (далее *Документы, 6...*); Яд Вашем, М-33/292.
35. Яд Вашем, М-33/308.
36. Количество евреев, убитых в более крупных населенных пунктах Краснодарского края, зарегистрировано в документах советской Следственной комиссии, находящихся в Яд Вашем: М-33/304: Корновск – 120 человек; М-33/289: Тихорецк – 316; М-33/307: Авинск – около 250; М-33/300: Варениковская – 134 (в душегубках); М-33/295: Щербиновск – 20; М-33/298: Левинск – около 300; М-33/286: Армавир – около 525; М-33/306: Курганинск – около 720. Документы 6, стр. 41-42: Усть-Лабинск – 40; стр. 50: в колхозах в районе Ленинградская убито около 300 евреев. Десятки евреев убиты в каждой из следующих станиц: Успенская, Ново-Минская, Ново-Покровская, Ильинская, Архангельская.
37. После освобождения Краснодара там 14 июля 1943 г состоялся суд над 11 советскими гражданами, служившими в этом подразделении и участвовавшими в убийствах. Это

был первый суд над нацистскими военными преступниками. 8 обвиняемых приговорили к смертной казни и троих – к 20 годам тюрьмы. В октябре 1963 г. в Краснодаре проходил второй судебный процесс над 9 советскими гражданами, которые служили в зондеркоманде 10-а. 8 были приговорены к смерти и один – к 15 годам заключения.

38. *Ставрополье в Великой Отечественной войне,* 1941-1945, Ставрополь, 1962, с. 123-124 (далее *Ставрополье в Великой*).
39. *Там же*, с. 136-137.
40. Ихцак Арад (ред.), *Уничтожение евреев СССР в годы немецко-фашистской оккупации*, *1941-1944*, сборник документов и материалов. – Иерусалим, 1991, с. 242.
41. В первой половине февраля 1966 г. в Минеральных Водах состоялся судебный процесс над шестью местными полицейскими – участниками убийств евреев Минеральных Вод. Среди обвиняемых были Завадский, Тарасов и другие. Пятерых приговорили к смерти. Об этом процессе – см. газета «Правда» от 1 февраля 1966 г. и 14 февраля 1966 г.
42. Документы, Выпуск 2, с. 142-144.
43. *Там же*, стр. 140-142; Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 240. О случаях самоубийства сообщается: «Многие уже поняли, что это приказ явиться на смерть. Доктор Виленский с женой и врач Бугаевская, отравились. Д-р Файнберг с женой и дочерью перерезали себе вены».
44. О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. – ОГИЗ, Госполитиздат, 1943, с. 17-18.
45. Документы, Выпуск 6, с. 7.
46. «Горские евреи» или «таты» (они говорили на татском языке, который принадлежит к иранской группе), несмотря на оторванность от еврейских центров, сохранили свое еврейство. Накануне Второй мировой войны их численность составляла 35.000 человек. Крупные общины горских евреев находились в Кубе (Азербайджан) и Дербенте (Дагестан). Одеждой, языком и многими обычаями эти евреи походили на своих соседей-мусульман. См. Мордехай Альтшулер, *Евреи Восточного Кавказа*. – Иерусалим, 1990, с. 32-116 (далее Альтшулер, *Евреи Кавказа*).
47. Вопрос расовой принадлежности горских евреев был поднят в оккупированной Франции, когда группа проживавших там грузинских, бухарских, иранских и афганских евреев обратилась к немецким оккупационным властям, утверждая, что они, хотя и исповедуют закон Моисея, с расовой точки зрения евреями не являются. Этим заявлением всерьез занялись правительственные органы Германии и специалисты в области расовой теории.
48. Альтшулер, *Евреи Кавказа...*, с. 117.
49. *Там же*, с. 120, 122.
50. *Там же*, с. 120-121; *Документы 6*, с. 7; оттуда – введение.
51. Свидетельство Александра Гасаева, жившего в Манжинске и убежавшего по дороге к месту казни. Яд Вашем, 03/6970.
52. *Там же*, 03/4879, с. 6.
53. Otto Brautigam, *So hat Es Sich Zugetragen*. – Wurzburg, 1968, pp. 535-536.
54. Альтшулер, *Евреи Кавказа...*, с. 125. Альтшулер цитирует Вольфганга Райнгольца, который занимался вопросом о горских евреях в период немецкой оккупации Кавказа. Он дал следующие показания перед немецким судом: «Я подчеркивал, что речь идет о племени татарского происхождения (30.000 человек), которое приняло иудаизм в 14 веке, и их нельзя причислять к евреям. Мне известно, что группенфюрер Биркамп был того же мнения».
55. *Там же*, с. 122-124.
56. Свидетельство Ношома Шмилова, еврея, жившего тогда в Нальчике. Яд Вашем, 03/5157, с. 16. Шмилов сообщил, что евреи обратились к руководителю Кабардино-Балкарии и просили его ходатайствовать за них перед германскими властями. Тот согласился и выполнил свое обещание.

57. *Там же.*
58. Свидетельство Моше Машиаха, *там же*, 03/6879, с. 4.
59. Правда, апрель 1960 г. Фотография отчета была опубликована в статье о военных преступлениях, совершенных Теодором Оберлендером в районе Кавказа. Еврейские имена убитых: Михаил Зусман, Юлий Шенкман и др.
60. Альтшулер, *Евреи Кавказа...*, с. 544-549. Альтшулер приводит пять немецких документов, в которых отображена переписка немецких специалистов по расовой теории по вопросу расовой принадлежности горских евреев в период с 7 января 1943 г. по 24 мая 1943 г.

ГЛАВА 28

ТРАНСНИСТРИЯ – ЖИЗНЬ В ТЕНИ СМЕРТИ

А. СТАБИЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ В ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1942 ГОДА.

Весна 1942 года знаменовала собой конец зимних акций массового уничтожения в Одессе, Богдановке, Доманевке и Ахмечетке. Прекратились высылки и «марши смерти» тысяч людей, которые длились неделями и месяцами, осенью и зимой из Бесарабии и Буковины в Транснистрию. Постепенно уменьшалось число погибающих евреев убиваемых или умиравших на пути в ссылку. Весенняя перемена погоды уменьшила смертность от холода и болезней в гетто и в лагерях. Для 90.000 евреев, которые еще оставались в Транснистрии, наступило временное облегчение.

Но это были не коренные изменения. Продолжались высылки тысяч евреев внутри Транснистрии ближе к территориям восточнее Буга, находившимся во власти немцев, и многие умирали в дороге. Евреев отправляли в поселения и в лагеря, которые нерадивые румынские власти не подготавливали для приема депортированных, в нечеловеческие условия, царившие там. Высланные оказывались без жилья, без еды, они часто погибали на принудительных работах. Евреев по-прежнему продолжали убивать, особенно в районах проживания фольксдойче, где действовали их полицейские формирования.

Однако всё же началась стабилизация положения евреев по сравнению с осенью и зимой 1941-42 гг., и относительное затишье позволило евреям в гетто и лагерях предпринять шаги, которые облегчили их существование и сохранили жизнь максимально возможному числу евреев. Эти действия часто совпадали с интересами румынского командования, основной целью которого была экономическая эксплуатация евреев, и с интересами местных румынских властей, искавших собственной выгоды.

В Транснистрии ясно проявлялась традиционная неэффективность румынской администрации. Упорно стремясь выжить, евреи – и одиночки, и общественные деятели – маневрировали в условиях, созданных коррумпированными румынскими властями.[1] Попытки евреев организоваться и бороться за существование начались сразу же по прибытии в Транснистрию, в месяцы, предшествовавшие весне 1942 года. А относительное затишье весной и летом способствовало этим проявлениям еврейской инициативы. Деятельность евреев имела несколько целей:

1. Дать евреям возможность проживания на постоянном месте и прекратить их переброску с места на место, сопровождающуюся муками и смертью. Предпочтительные места проживания находились в городах и местечках, где было легче найти жилье и работу. Люди стремились селиться на западе Транснистрии, ближе к Днестру – оттуда

было гораздо проще поддерживать связь с еврейскими общинами или родственниками в Румынии и получать от них помощь. Эти места обладали ещё одним преимуществом: они находились дальше от Буга и от опасности депортации на противоположный берег реки, в немецкие трудовые лагеря, где высланных ждала смерть.

2. Создать экономическую обстановку, которая докажет румынским властям, что евреи вносят вклад в местную экономику и что властям выгодно их сохранять.

Что касается внутренней еврейской самоорганизации, то шансов на выживание было больше у тех евреев, которые сумели сохранить свои общинные связи, даже в условиях многомесячных скитаний в процессе высылки. Эти связи хранились лидерами общин, и они занимались на местах самоорганизацией, которая включала обеспечение крыши над головой, трудоустройство и помощь самым слабым членам общины. В общине выжить было легче, чем в одиночку. Состоятельные люди, сумевшие взять с собой деньги и ценные вещи, могли в местах ссылки найти лучшее жилье и пропитание. Среди высланных из Буковины, главным образом, из Черновиц и из округа Дорогой, состоятельных людей было больше, чем среди изгнанников из Бессарабии, и это отразилось на их возможности выжить.[2]

В Транснистрии создали около 150 гетто, или, как румыны их называли, «поселений», большинство из них на севере Транснистрии, в районах Могилев-Подольска, Шаргорода, Тульчина, Бершади. Некоторые гетто находились в районе Балты, в центре Транснистрии. В подавляющем большинстве гетто количество обитателей колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен. В более чем десяти гетто проживало свыше 1.000 евреев, и самым большим было гетто в Могилев-Подольске, где число обитателей в разные периоды колебалось от 10.000 до 15.000. Большая часть ссыльных из Буковины попала в район Могилев-Подольска и Тульчина. Многие евреи Бессарабии были отправлены в район Балты, а некоторые из них севернее. Подавляющее большинство местных евреев, спасшихся от волны уничтожений, прокатившейся здесь до весны 1942 года, жило в северной части Транснистрии в гетто вместе с изгнанниками из Бессарабии и Буковины. Некоторые принимали в свои квартиры ссыльных, иногда за плату. Они также использовали знание языка и связи с местными жителями-неевреями, чтобы покупать еду и служить посредниками в этой области для изгнанных.

Румыны назначали из среды евреев руководителей гетто и лагерей, как бы юденраты. Часто евреи сами выбирали себе лидеров для представительства перед румынскими властями. На руководителей гетто и лагерей была возложена ответственность за выполнение распоряжений оккупационной администрации и, главным образом, за поставку требуемой рабочей силы.

Летом 1942 г. в Транснистрию из Черновиц прибыла новая волна изгнанников. Ещё в феврале 1942 г. военный комендант Буковины генерал Корнелин Калотеску потребовал возобновить высылку «нежела-

тельных евреев». В июне 1942 г. мэр Черновиц Попович, который до тех пор защищал 20.000 евреев, оставшихся в городе после депортаций октября–ноября 1941 года, был уволен со своего поста. Тогда же в июне из Черновиц в Транснистрию отправили три эшелона с 4.500–5.000 евреев, среди которых находились больные, изъятые из лечебных учреждений, и душевнобольные, а также обладатели разрешений на пребывание в городе, но схваченные, чтобы выполнить установленную норму количества высылаемых. В середине июня из Дорогого было выслано 450 евреев, и вместе с депортированными из Черновиц их отправили в пересыльные лагеря Ладыжин и Карьера де Пятра в районе Тульчина, возле Буга. Здесь собирали евреев для отправки в немецкие трудовые лагеря к востоку от Буга. Большинство трудоспособных изгнанников в августе–сентябре 1942 г. туда и проследовали и погибли там, а около 200 высланных, и среди них душевнобольные и старики, были расстреляны тут же неподалеку от Ладыжина, в каменоломне.[3]

В сентябре 1942 г. в Транснистрию депортировали около 2.000 евреев из центральной Румынии. Некоторых из них заподозрили в коммунистической деятельности, часть была евреями, которые во второй половине 1940 г. записались на эмиграцию в СССР. Одних по прибытии в Транснистрию застрелили, а около тысячи человек перевели в лагерь Вапнярка, где особо тяжелые условия – голод, болезни и издевательства привели многих к смерти.[4]

В июне 1942 г. пришел конец маленькому гетто в Одессе, расположенному в больнице в Слободке. «Одесская газета» сообщала:

> *«10 июня с.г. закрылась окончательно на Слободке больница-гетто, а также вообще гетто.В этот же день были выселены в Березовку последние евреи, которые находились в гетто, а несколько больных переведено в больницу при центральной тюрьме.*
>
> *Евреи, которые будут обнаружены или пойманы после 10 июня, будут арестованы, препровождены в центральную тюрьму и судимы Военным Судом».*[5]

Около 400 евреев, которые еще оставались в одесском гетто, были изгнаны 23 июня 1942 г. Этому предшествовали две высылки в апреле и мае, и, по-видимому, все эти высланные евреи были расстреляны. А затем в июньской депортации людей отвезли в товарных вагонах на станцию Березовка, оттуда погнали пешком в село Мостовое, потом в Доманевку и там поселили для работы в окрестных деревнях.[6] После изгнания последних евреев Одессы в неё для обслуживания местных военных и гражданских функционеров из гетто Транснистрии были переведены 54 профессиональных работника. Они жили в доме № 6 по ул. Екатерининской и содержались в тюремном режиме.[7]

Перемены к лучшему в судьбе евреев Транснистрии постепенно стали намечаться тогда, когда им стали помогать румынские евреи. Сведения о тяжелом положении изгнанников в Транснистрии дошли до евреев Румынии через румынских чиновников и офицеров, которые приезжали оттуда, а иногда передавали письма от ссыльных письма с просьбами о помощи. Еврейское руководство в Румынии создало

Комитет помощи, общественные организации также стали помогать и пересылать деньги. Даже частные лица переправляли деньги своим ссыльным родственникам через румынских военных и чиновников, бравших за это взятки. 28 января 1942 г. губернатор Транснистрии Алексяну разрешил денежные и лекарственные посылки ссыльным и установил правила выполнения операций: «Деньги в леях (румынская валюта) должны вкладываться в Национальный Румынский Банк на счет Комитетов ссыльных в Транснистрии... Лекарства следует посылать на адрес окружных управлений (префектур), а те должны пересылать их Комитетам ссыльных».[8]

После хлопот руководителей еврейских общин в Румынии 22 мая 1942 г. канцелярия Антонеску дала официальное разрешение на пересылку денег, лекарств, одежды и продуктов питания евреям в Транснистрии. Денежные средства для этой цели были собраны евреями Румынии, а также получены от Джойнта. Вначале помощь ограничивалась, главным образом, препятствиями со стороны румынских чиновников, а также из-за конфискаций и грабежа в ходе пересылки. Однако к концу 1942 г. количество посылок увеличилось, и в течение 1943 года достигло максимума. Около 60% всей помощи поступило к евреям в районе Могилев-Подольска. Остальное было поделено между другими районами Транснистрии. Помощь среди евреев распределялась руководителями комитетов, действовавших во всех гетто и всех местах, где проживали евреи.[9]

Б. ЖИЗНЬ В ГЕТТО

Общая политика, которую определяли румынские руководители в Бухаресте и в Транснистрии, и способы проведения этой политики местными румынскими властями решающим образом влияли на жизнь в гетто и в лагерях. Но и еврейские лидеры гетто и лагерей тоже могли в меру их квалификации, честности и активности воздействовать на условия существования евреев. О роли еврейских лидеров можно судить, например, по деятельности еврейского комитета в Могилев-Подольске.

В районе Могилев-Подольска сконцентрировали около 27.000 евреев, что составляло около половины высланных из Буковины. Сам город был важным административным и торговым центром. Попадая в эти места, многие ссыльные стремились найти жилье и работу в самом городе и тем самым прекратить свои опасные и мучительные скитания, вопреки намерению румынских властей не пускать евреев в этот полуразрушенный город. Среди таких евреев выделялся Зигфрид Ягендорф, инженер из Буковины, который во время Первой мировой войны служил в чине лейтенанта в австрийской армии. Ягендорфу удалось убедить городские власти, что с помощью профессиональных работников из ссыльных он сможет восстановить и привести в действие разрушенную городскую электростанцию, а также несколько заводов, которые смогли бы обеспечить работой тысячи ссыльных и их семьи. Ягендорфу удалось попасть на прием к немецкому коменданту города,

а потом к румынскому городскому префекту полковнику Йону Балеану, знакомому Ягендорфа по совместной службе в австрийской армии. На просьбу Ягендорфа облегчить участь ссыльных Балеану ответил:

> *«Евреи не могут оставаться в Могилеве… Но мы нуждаемся в Ваших услугах здесь, в Могилеве. Электростанция выведена из строя во время боев и, кроме того, пострадала еще и оттого, что Днестр вышел из берегов. Я хочу, чтобы Вы отобрали нескольких электриков и техников из ваших рядов – может быть, четверо или пятеро. Вам, конечно, понадобится мастерская – Вам поручается открыть ее».*[10]

Ягендорфу удалось убедить румынские власти города, что для восстановления электростанции и ее запуска потребуются сотни еврейских рабочих, и действительно, этим работникам и их семьям разрешили остаться в городе. Ягендорф и его люди сумели наладить подачу энергии в городе, что позволило возобновить работу промышленных предприятий, на которых трудились евреи. Ягендорф создал литейный завод под названием «Турнатория», выпускавший различную продукцию, в том числе обогревательные печи для властей и для местного населения, детали для восстановления мостов через Днестр, разрушенных в ходе боев, и другие металлические изделия. На заводе организовали цеха по ремонту радиоприборов, часов и т.п. Получили работу около тысячи человек, которые с семьями остались в городе. По инициативе Ягендорфа и других начали работать сахарный завод и мукомольня, разрушенные во время боев, мостились дороги и проводились другие работы, благодаря чему число евреев в городе в конце 1941 года и в первые месяцы 1942 года превысило десять тысяч. Ссыльные, поняв, что эти работы – якорь спасения, спешили их выполнять. Ягендорфа избрали председателем еврейского комитета, состоявшего из 13 человек. В гетто была организована еврейская полиция.[11]

Кроме евреев, работавших на разных заводах и находившихся в городе по закону, несколько сотен евреев жило там нелегально. Были и такие, кто оставался в городе благодаря взятке или поддельным документам. Евреи жили в гетто, которое было открытым, без забора и без ворот, но теснота в нем была ужасная. Во время эпидемии тифа, которая разразилась в феврале–апреле 1942 года, умерло около 3.500 евреев. Поскольку власти не оказали никакой помощи, больница, организованная на месте врачами-евреями, ничего не могла сделать. Но, несмотря на все трудности, пребывание в Могилев-Подольске было все же предпочтительней жизни в любом другом месте, и евреи, бежавшие из других гетто и лагерей, стремились туда попасть. Часть из них благодаря еврейскому комитету получила удостоверения личности и рабочие удостоверения тех, кто умер во время эпидемии. Летом 1942 г. в Могилев-Подольске было около 12.000 ссыльных евреев и 3.000 местных.[12]

Деятельность Ягендорфа привела к изменению планов румынских властей не оставлять евреев в Могилев-Подольске, и этот район стал местом самой высокой концентрации евреев в Транснистрии. Условия жизни рабочих на «Турнатории» и других заводах позволяли существо-

вать относительно сносно для Транснистрии. В гетто имелись общественная кухня для нуждающихся, дом престарелых, два дома сирот и школа.[13]

Вследствие решения румынских властей сократить численность евреев в Могилев-Подольске в конце мая – начале июня 1942 г. 3.000 человек было выслано в заброшенный разрушенный лагерь Сказинец в 12 километрах южнее Могилев-Подольска. Туда же привезли сотни людей из других мест. В лагерных бараках отсутствовали окна и двери, в некоторых – даже крыши. Лагерь охранялся украинской полицией и румынскими жандармами, которые обращались с заключенными очень жестоко. Жилось в лагере ужасно: людей почти не кормили, остро нехватало воды. Около половины заключенных в лагере умерло из-за этих условий. Лагерь просуществовал до 12 сентября 1942 года, потом около 1.500 евреев возвратили в Могилев-Подольск, а несколько сотен перевели в другие места.[14]

Но и на этом депортация из Могилев-Подольска не кончилась. В октябре 1942 г. около 3.000 евреев выслали оттуда в страшный лагерь Печора на берегу реки Буг. Депортированных выбирали из среды самых нищих, поскольку, по словам начальника жандармерии Транснистрии генерала Илиеску, им все равно пришлось бы умереть. И действительно, лишь немногие из заключенных этого лагеря выжили, в основном те, кому удалось бежать оттуда. По прошествии года в Печоре осталось не более нескольких десятков человек.[15]

Люди, услышав от бежавших из лагеря, что в местах высылки их ждет смерть, всеми возможными способами стремились не попасть в ряды депортированных, которых отбирали из числа неработающих евреев. Составление списков высылаемых сопровождалось коррупцией и протекционизмом, ведь за деньги румынские чиновники или влиятельные лица в гетто могли не включить человека в списки. Иосеф Говрин, живший в гетто в Могилев-Подольске, описывал сложившееся положение:

«Если нам становилось известно, что в гетто готовится акция, чтобы выполнить норму по депортации, мы прятались и днем, и ночью. Румынские жандармы и еврейские полицейские шли из дома в дом и проверяли жителей на «пригодность» к депортации. Те, у кого были документы, подтверждающие их право на проживание в городе, могли быть спокойны. Но у многих таких документов не было, и их ждала высылка.... Вся наша жизнь там была – от побега до побега... Кто имел право оставаться в городе? На первом этапе – тот, кто мог доказать, что он еврей – местный житель. Поэтому мы достали себе бумаги, что мы местные евреи. На втором этапе, когда вышел приказ о высылке местных евреев, мы вернулись к своим прежним документам...»[16]

Положение евреев, занятых на заводах и в какой-то степени уверенных в постоянстве места работы, было несколько лучше. Работа на «Турнатории» и на других заводах, а также на городских предприятиях и в учреждениях, в том числе на почте, в муниципалитете, на санитарной

службе и т.п., давала им и членам их семей крохотный паек и спасала от депортации. Остальным постоянно грозило изгнание, их посылали на тяжелые принудительные работы: разборку домов, пострадавших во время боев, рубку леса, ремонт дорог и мостов вдали от города. Питание на таких работах было самым скудным, рабочие подвергались постоянным издевательствам со стороны охранников, а в осенние и зимние месяцы коченели от холода. И все-таки даже эти люди предпочитали быть в Могилев-Подольске, а не в других местах.[17]

Второе по величине гетто в Транснистрии находилось в Шаргороде на северо-востоке от Могилев-Подольска. Здесь накануне войны проживало около 1.700 евреев. В городок привезли около 7.000 депортированных. Общее число евреев в Шаргороде, включая беженцев, составило 9.000. В гетто где было 337 деревянных домов царила ужасная скученность, и в каждой комнатке жило в среднем десять человек.[18]

В первые же месяцы по прибытию высланные разбились на группы по месту происхождения. Выходцы из Сучеавы (Буковина), привезшие с собой личные вещи и деньги, создали бесплатную столову, где нуждающиеся члены их общины могли получать скудную еду, и магазин, торговавший продуктами по сниженным ценам. В то же время неимущие выходцы из Дорогого и других мест страдали от голода, и смертность среди них была очень высокой. Только зимой 1941-42 года выходцы из разных общин создали объединенный комитет, и еврейская солидарность возобладала над разобщенностью. Объединенный комитет открыл пекарню и бесплатную столовую для нуждающихся, а также магазин, где по сниженным ценам продавались продукты, которые приобретал комитет. В гетто организовали еврейскую полицию – она, помимо прочего, защищала гетто от хулиганов из местных украинских жителей.

Медицинская помощь, организованная в гетто, тоже не давала серьёзного результата: поскольку лекарств и изоляторов для больных не имелось, невозможно было остановить распространение эпидемии тифа, вспыхнувшей в гетто в первые месяцы 1942 года. Да и сами врачи стали жертвой эпидемии – двенадцать из двадцати семи врачей умерли. Общее число умерших от этой болезни составляло 1.449 человек. Смертность усугубляли голод и холод. Но после организации санитарной службы в гетто, открытия фабрики по производству мыла, строительства общественных уборных и общественной бани число больных стало снижаться, и эпидемия постепенно пошла на убыль. Швейные, сапожные, механические и прочие мастерские, открытые в гетто, обслуживали местное украинское население, и полученная выручка помогала работе комитета.

Вследствие улучшения положения в гетто в него стали просачиваться евреи, бежавшие из других мест, в том числе украинские евреи из районов восточней Буга, находившихся под германской властью. Бегство в Транснистрию для них являлось спасением от истребления, проводившегося на этих территориях. Еврейский комитет принял около 400 беглецов в гетто Шаргорода, скрыл их от румынских властей и вы-

дал им соответствующие документы.[19] Комитет открыл также Дом сирот для 187 детей, в котором получали питание не только сироты, но и другие нуждающиеся дети. Дети-сироты учились и принимали участие в культурной жизни, протекавшей под руководством педагогов. Культурные мероприятия, в том числе спектакли и концерты, привлекали к Дому сирот всех обитателей гетто.[20]

Положение в крупных гетто Бершади, Балты, Жмеринки, Джурина, Копайгорода и др., в каждом из которых находились тысячи евреев, в принципе не отличалось от положения в гетто Могилев-Подольска или Шаргорода, и еврейские комитеты там предпринимали похожие меры по организации быта. Тем не менее, каждое место характеризовалось своим особым, неповторимым положением, которое зависело от отношения местных властей. В Джурине, например, где в начале 1942 года находилось 3.500 евреев, из них 1.000 – местные, триста самых состоятельных людей получили от властей за взятки разрешение жить за пределами гетто.[21] В Копайгороде в конце 1941 года численность евреев, в большинстве депортированных, достигла 6.000. После изгнаний оттуда количество евреев в начале 1942 года упало до 4.000. По распоряжению начальника жандармерии 5 июля 1942 года все 3.000–3.500 евреев, которые там еще оставались, были отправлены в бывший лагерь для заключенных, на расстоянии пяти километров от городка. В лагере узники почти не получали еды, воды тоже нехватало, к тому же началась дизентерия, унесшая немало жизней. В этом лагере евреев держали несколько месяцев, а потом, благодаря усилиям и взятке, в начале зимы постепенно стали возвращать в гетто, которое создали для них в Копайгороде.[22]

Несмотря на тяжесть положения евреев в крупных гетто, там было гораздо больше возможностей найти крышу над головой и какую-нибудь работу. Кроме того, еврейская самоорганизация и непосредственная связь с коррумпированными румынскими властями, готовыми за взятки на некоторые послабления, облегчали существование. В гетто, расположенные в крупных населённых пунктах, легче доходила помощь от родственников и еврейских общин в Румынии. Гораздо тяжелее приходилось тысячам евреев, высланным в села и маленькие местечки. Эти поселения, с их украинским населением и немногими местными евреями располагались, как правило, вдали от главных магистралей, и их обитатели, в большинстве своем нищие, жили в крошечных убогих хатах. Евреи, высланные туда, не могли найти себе пристанища и работы, постоянно страдали от голода и отсутствия какой-либо помощи от соплеменников в Румынии. Вот что писал в своих воспоминаниях Соломон Шапиро, сосланный в село Поповцы в районе Копайгорода:

> *«Поповцы были типичным украинским селом... В каждом селе была только одна «общественная уборная», в форме длинной канавы... На площади и в прилегающих к ней переулках было расположено гетто... Местные евреи были очень похожи на жителей этого примитивного поселения: застенчивые, напуганные, подозрительные и осторожные. Наше появление в этом Богом забытом месте напу-*

гало их... Отношение к нам со стороны христианского населения и их чувства были смешанными. Те, чьи сыновья отступили вместе с Советской Армией... проявляли к нам сочувствие и более или менее хорошее отношение. Но те, кто пострадал от прежней, советской, власти... перешли на сторону немцев и ненавидели нас... Нас, депортированных, было около тысячи. Мы жили в домах местных евреев, в гетто, и часть из нас – в хлевах, в стойлах. Мы были люди приговоренные к смерти от голода, холода, эпидемий, отданные на милость жандармов и властей... О посылках с денежной помощью, которые присылали общины из Румынии, нам стало известно только из слухов... В этих условиях попытка выжить была чем-то вроде непрекращающейся трагедии. Это начиналось с беготни по деревням в поисках любой работы, в постоянном страхе столкнуться с румынскими жандармами или украинскими «шуцманами», что означало верную смерть... Ссыльные продавали последнюю рубаху, чтобы не умереть с голоду. Другим источником существования было просто нищенство... У многих ссыльных лица были опухшие от голода, зубы выпадали, глаза были красными от постоянного воспаления. Когда они стучали в двери, никто им уже не открывал – боялись чем-нибудь от них заразиться. Да и многим местным жителям самим уже нечего было есть. С какой завистью смотрели нищие, одетые в лохмотья, на собак во дворах – хоть они и сидели на цепи, но перед каждой стояла миска с объедками, а иногда и с мамалыгой. Как бы они были счастливы, если бы собаки поделились с ними этими объедками...»[23]

Условия в селе Поповцы не были исключением из положения в других деревнях Транснистрии, куда депортировали евреев.

Из-за высокой смертности зимой 1941-42 года в каждом гетто остались сотни детей-сирот, были также одинокие дети, потерявшие родителей, пропавших во время скитаний или отправленных в трудовые лагеря. Эти дети ходили по гетто или по украинской деревне, прося милостыню, или рылись в мусорных баках. Вот как очевидец описывал их положение:

«Дети-сироты, ходячие скелеты, завернутые в тряпье, голова обернута газетой – единственное средство защиты от дождя, ноги обмотаны тряпками и обвязаны веревкой, так они шагают от дома к дому, выпрашивая картофельные очистки или какие-нибудь объедки. Никогда не забуду маленькую Рошкеле. Девочка не старше четырех лет, круглая сирота, глаза черные, как угли, еле тащится по морозу, на плечах большой мешок. Стучит в двери, просит жалобным голосом: «Пожалуйста, картошки... кусочек хлеба...» Ничто не остановит ее: ни лай собак, ни брань украинских крестьян, которых не трогают мольбы несчастных, постоянно стучащих в их двери, ни даже жестокосердие детей, швыряющих в нее камни...»[24]

Одним из выражений еврейской самоорганизации в гетто была забота об этих детях. В больших гетто открыли Дома сирот, там дети получали питание, достаточное для поддержания жизни. Часть помощи

от еврейских общин Румынии шла на организацию таких домов.

Несмотря на тяжелое положение евреев Транснистрии, несколько тысяч евреев, еще остававшихся в немногих гетто и в лагерях восточней Буга, в основном, в генералбецирке Николаев, продолжали считать побег в Транснистрию своим спасением. К осени 1942 года там истребили последние гетто, тогда евреи и стали бежать в Транснистрию. О побегах рассказывает Израил Гуллер, в то время ребенок одиннадцати лет, живший в гетто в Хмельнике:

«В гетто дошли слухи, что в той части Винницкой области, которая была оккупирована румынами, не проводятся акции уничтожения евреев, и моя мать решила во что бы то ни стало попытаться перебраться туда... [В октябре 1942 года] наши знакомые украинцы взялись переправить нас на румынскую территорию, в Жмеринское гетто.. Руководил гетто д-р Гершман... Меня с матерью Гершман выгнал из гетто зимой 1942 года. После гетто мы нашли приют в селе Мурафа...»[25]

Аркадий Соболь бежал из гетто в Баре, уничтоженного 21 августа 1942 г., и вместе с отцом попал к местному жителю, другу семьи, который переправил их на румынскую территорию. Соболь писал:

«Петр (друг семьи) повез нас в Копайгородское гетто... По дороге в Копайгород нам встретился конный немецкий разъезд. Как они нас не заметили? Это вообще чудо... Проехали мы километров 25 и приехали в Копайгород под утро... Конечно, румыны были ничем не лучше немцев, но они хотя бы открыто не убивали евреев. Жили мы в пустой квартире, спали на полу. Было холодно и голодно. Всем трудно было. Однако люди помогали нам, делились кто чем мог...»[26]

Можно предположить, что количество бежавших в Транснистрию из местностей восточней Буга достигало нескольких сотен. Часть из них нашли родных и знакомых среди местных евреев. Попав в Транснистрию, они разделили с остальными местными евреями их судьбу.

Отношения между местными евреями и евреями, высланными из Румынии, – двумя совершенно чужими друг другу и разными по культуре группами – складывались непросто. На севере Транснистрии большинство депортированных были из Буковины. Они принесли с собой в Транснистрию знание языков, культуры и обычаев немцев и румын, что позволило им свободно контактировать с румынскими властями и с германскими военными частями, находившимися в этом районе. Они пришли в Транснистрию в сопровождении своих традиционных лидеров, они владели широким спектром профессий, включая медицину, инженерное дело, механику. Местные же жители, наоборот, общего языка с румынскими властями не имели и после долгих лет жизни при советской власти в подавляющем большинстве были нищими. Из-за мобилизации в армию и эвакуации учреждений и заводов здесь не осталось еврейской социальной элиты, а немногие оставшиеся погибли в акциях уничтожения июля–августа 1941 года. Местные евреи, сохранившиеся к моменту, когда власть перешла в руки Румынии,

представляли собой, в основном, женщин, детей и стариков. У них не было лидеров, и профессиональных работников, которые бы служили экономической опорой другим, среди них находилось немного. Их преимуществом перед депортированными были только наличие жилья, в котором нашли приют некоторые изгнанники, а также знание языка и знакомство с местным населением – украинцами.

В создавшейся ситуации депортированные стали доминирующим фактором, из них формировались и управление гетто, и его жизненно важные учреждения. Они также оказывались ведущими специалистами при восстановлении предприятий и мастерских, которые обслуживали румынские власти и местное население, и тем самым оправдывали свое существование. Это особенно проявилось при создании гетто в Могилев-Подольске, но и в других гетто положение было похожим. Вместе с тем, несмотря на различия между этими двумя группами евреев, общая участь и еврейская солидарность способствовали постепенному сближению между ними, особенно когда положение стабилизировались, то есть к 1942 году. И местные евреи, и ссыльные пользовались организационными достижениями изгнанников, включая опеку над сиротами, бесплатное питание, медицинское обслуживание и помощь, приходившую от евреев Румынии. Ссыльные использовали связь местных евреев с украинским населением для обмена вещей на продукты питания, что многим помогало в борьбе с голодом.

Румынские власти с подозрением относились к местным евреям, считали их приверженцами коммунистов и пособниками партизан, объявившимися в конце 1942 года в лесах на севере Транснистрии. Когда требовалось отправлять людей на принудительные работы, власти выбирали их из местных евреев, у которых не было ни денежных средств, чтобы откупиться взяткой, ни связей с румынскими чиновниками.[27]

Гетто в Транснистрии, как крупные, так и мелкие, были, как правило, открытыми, не огражденными забором и без охраны, в отличие от гетто на других оккупированных территориях. Вследствие этого возник сравнительно тесный контакт между евреями гетто и местным нееврейским населением – в основном, при обмене вещей на продукты, взаимовыгодным для обеих сторон. В свидетельствах евреев подчеркивается плохое отношение к ним местной украинской полиции. Но отношение к ним сельских жителей во всем, что касается предоставления ночлега, еды и объяснения дороги, в рассказах о скитаниях при бегстве из лагерей в гетто описывается положительно. Евгения Лаврова, бежавшая из гетто Бара в Транснистрию, писала:

«По пути в Копайгород мы стучались в сельские хаты, прося ночлега и еды… И опять были разные люди: одни пускали, другие указывали на порог… А уже совсем возле Копайгорода, у села Мытки нам повстречалась подвода, на которой двое мужчин, пожилой и молодой, везли свеклу на станцию. «Куди идете, жидивки?» – спросил тот что помоложе, но, встретив укоризненный взгляд пожилого, замолк. Мы сели на подводу, мужчины нас вроде обняли, и мы про-

ехали румынские посты. «Буряки везем», – сказал пожилой и стегнул лошадей. Все, мы в Копайгороде, в румынской зоне оккупации. Появилась надежда выжить...»[28]

Период между весной 1942 года и зимой 1942-43 гг. для евреев в Транснистрии был периодом борьбы за выживание. Эта борьба происходила в тяжелых условиях: голод, нечеловеческие условия проживания, поиски работы, позволявшей хоть как-то существовать. Еврейские комитеты, которые создавались во всех гетто и являлись еврейскими органами управления на местах, старались превратить гетто в созидательный фактор, чтобы румынским властям их существование было выгодно с экономической точки зрения. Такая политика в своей основе напоминала поведение юденратов в гетто на других оккупированных территориях СССР.

Несмотря на почти полное прекращение массовых казней после зимы 1941–1942 года, численность евреев Транснистрии постепенно снижалась из-за высокой смертности и тяжелейших условий жизни. Согласно данным бухарестского Комитета помощи евреям Транснистрии их там в январе 1943 г. было 73.791 человек. Учитывая неполноту этих данных, можно предположить, что в Транснистрии проживало по меньшей мере 75.000 евреев. В начале весны 1942 года еврейское население Транснистрии насчитывало около 90.000 человек, и к этому числу нужно прибавить еще около 7.000 человек, высланных летом 1942 года из центра Румынии. Следовательно, число погибших в Транснистрии с апреля 1942 г. до начала 1943 г. составляет около 22.000.[29]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Далия Офер, *Жизнь в гетто Транснистрии*, Яд Вашем, Сборник материалов, т. 25, 1997, с. 181-182 (далее Офер, *Жизнь в гетто Транснистрии...*).
2. *Там же,* с. 182-183; 186-187; Ioanid, *The Holocaust...*, p. 205.
3. Аншель и Лави. *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 108-109, 455-456, 496-497; т. 2, с. 507-509; Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 184-186.
4. Ioanid, *The Holocaust...*, p. 217.
5. Сушон, *Транснистрия...*, с. 181.
6. *Там же*, с. 212, 215, 219, 223.
7. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 393.
8. Шахан, *Жгучий мороз*, с. 248.
9. *Там же*, стр. 248-250; Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 374-375; Ioanid, *The Holocaust...*, p. 214.
10. Siegfried Jagendorf. *Jagendorf's Foundry*. – New York, 1991, p. 8 (Мемуары Ягендорфа, далее *Jagendorf's Foundry...*).
11. *Там же*, с. 11-17; Офер, *Жизнь в гетто Транснистрии...*, с. 184-185.
12. *Jagendorf's Foundry...*, pp. 35, 44-48; Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 464-465.
13. Jagendorf, *ibid*, p. 71; Иосеф Говрин, *Жизнь в тени гибели*, Ялкут Морешет (ноябрь 1997), с. 94 (далее Говрин, *Жизнь в тени гибели...*).
14. Ioanid, *The Holocaust...*, p. 213-214; Jagendorf, *ibid*, p. 74-77, 91.
15. Ioanid, *ibid*, pp. 217-218; Шахан, *Жгучий мороз*, с. 171; Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 466.
16. Говрин, *Жизнь в тени гибели...*, с. 91-93.
17. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, стр. 466-467; Шахан, *Жгучий мо-*

роз..., с. 210.
18. Ioanid, *The Holocaust...*, p. 206.
19. Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 198, 210-211.
20. *Там же*, с. 218, Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 514.
21. Аншель и Лави, *там же*, с. 421.
22. *Там же*, с. 501-502.
23. Шапиро, *Дорогами изгнания...*, с. 77-80, 85.
24. Свидетельство Соломона Шапиро, Архив Яд Вашем 03/6296; Бен-Цион, *Еврейские дети...,* с. 91.
25. Агмон и Степаненко, *Винницкая...*, с. 27-28.
26. *Там же*, с. 31.
27. Офер, *Жизнь в гетто Транснистрии...*, с. 189-191.
28. Агмон и Степаненко, *Винницкая*, с. 53-54.
29. Аншель, *История Катастрофы, Румыния...,* с. 1372: Ioanid, *The Holocaust...*, p. 201. Йоанид приводит таблицу, основанную на официальных румынских данных; в ней указана численность евреев в Транснистрии в марте 1943 г. – 70.214 человек.

ТОМ ВТОРОЙ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
УНИЧТОЖЕНИЕ – ТРЕТИЙ ЭТАП: С НАЧАЛА 1943 г. ДО ИЗГНАНИЯ НЕМЦЕВ ИЗ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР

ГЛАВА 29

АГОНИЯ ОККУПАНТОВ И ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ЕВРЕЕВ

А. ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В период между началом 1943 и осенью 1944 годов были освобождены все оккупированные территории Советского Союза, кроме района Курляндии на западе Латвии. Тогда же на этих землях ликвидировали последние гетто и лагеря, в которых содержались евреи.

В феврале 1943 г. Советская Армия освободила Курск, Ростов-на-Дону был взят в середине февраля. Продвинувшись на сотни километров на запад, Советская Армия была вынуждена остановиться – в основном из-за трудностей материально-технического обеспечения войск. В районе Курска линия фронта приобрела вид дуги, обращенной на запад, и германская армия предприняла там последнюю серьёзную попытку изменить положение на Восточном фронте в свою пользу. Перед контрнаступлением немцы сконцентрировали большую часть своих бронетанковых войск на Восточном фронте и 5 июля начали операцию под названием «Цитадель». Она окончилась серьезным поражением немцев, и Советская Армия 12 июля продолжила наступать.

В августе 1943 г. были освобождены Орел, Белгород и Харьков, 6 ноября – столица Украины Киев. В конце декабря 1943 г. – январе 1944 г. советские войска освободили Киевскую и Житомирскую области, и частично – Винницкую и Ровенскую. Луцк и Ровно немцы оставили в начале февраля 1944 г. 25 сентября был освобожден Смоленск, и Советская Армия подошла к границам Белоруссии.

15 января 1944 г. Советская Армия под Ленинградом вынудила немцев отступить к границам Эстонии. Блокада Ленинграда полностью закончилась.

Между 26 марта и 14 апреля 1944 г. Советская Армия освободила Винницкую, Николаевскую и Тернопольскую области. Советское наступление на юге привело к освобождению: 29 марта Черновцов, 9 апреля Одессы, 14 апреля Тернополя. Со взятием Львова 27 июля 1944 года вся Украина стала свободной. 8 апреля 1944 г. Советская Армия начала наступление на полуостров Крым и к 12 мая освободила его.

Одно из самых больших поражений германской армии произошло в Белоруссии. 22 июня 1944 г. советские войска начали широкое наступление и прорвали линию немецкой обороны. В немецком тылу дейс-

твовали тысячи советских партизан. 20–23 июня 1944 года, накануне наступления Советской Армии, партизаны в результате согласованной операции вывели из строя железнодорожную сеть Белоруссии и парализовали немецкую систему снабжения. Советская Армия стремительно двинулась на запад, прорвав немецкий фронт на 400 км вперед, и 26 июня освободила Витебск, 3 июля Минск, а 28 июля Брест-Литовск. В этом наступлении немецкая армия понесла потери ещё тяжелее сталинградских. Советские войска вошли в Литву и освободили Вильнюс 13 июля, Шауляй 27 июля и Каунас 1 августа 1944 г.

10 октября Советская Армия вступила в Палангу на балтийском побережье и отрезала немецкую армию в Латвии от сухопутных путей. Таллинн освободили 22 сентября 1944 г., Ригу – 13–15 октября. Курляндию (на западе Латвии) и город-порт Лиепаю немецкая армия удерживала до своей капитуляции 9 мая 1945 г.

Поражения немцев под Сталинградом и в других местах в 1943 году имели серьезные последствия и в идеологической области. Нацистская пропаганда в армии подчеркивала, что славянские народы в расовом отношении уступают нордической германской расе; что война с СССР – это война с юдо-большевизмом и расово неполноценным сбродом.[1] Когда гитлеровцы всё чаще стали терпеть поражение на фронте, немецкие солдаты стали спрашивать себя, как это возможно, чтобы «неполноценные расы» могли так героически сражаться и побеждать, чтобы «ущербное государство», как называли Советский Союз нацисты, производило танки и другое оружие, иногда и лучше его.

Для восполнения тяжелых потерь немецкой армии требовались новые солдаты, но призывать стало уже почти некого. Где найти новый источник мобилизации военнослужащих? Изменение отношения к народам СССР дало бы возможность набирать солдат из среды советских граждан либо военнопленных, чтобы они воевали против коммунистического государства. Гиммлер понимал это, но знал, что Гитлер категорически против такого подхода. И все же мобилизацию провели, сформировав – сначала среди прибалтийских народов, а потом среди украинцев и русских – воинские соединения в составе войск СС (ваффен-СС) и вермахта.[2] Мобилизация проводилась на добровольной основе.[3] С ростом потерь немцев на фронте практические соображения у Гиммлера и в армейских кругах Рейха всё больше перевешивали идеологические соображения. Это обстоятельство, как мы покажем дальше, также серьезно повлияло на отношение немцев к еврейской рабочей силе.

В лесистых районах на западе Украины, главным образом, на Волыни, появился новый серьезный фактор – УПА (Украинская Повстанческая Армия), военное крыло ОУН – Бандера. УПА заняла антиеврейскую позицию.[4] Первое подразделение УПА официально возникло 14 октября 1942 г. Командиром УПА стал Роман Шухевич. В марте 1943 г. на Волыни в леса бежали 6.000 украинских полицейских со своим оружием, которые примкнули к УПА. В середине 1943 г. отряды УПА были организованы и в восточной Галиции, и на Буковине. Волынь была центром

деятельности УПА, которая здесь контролировала обширную территорию со многими селениями. Во времена своего расцвета УПА насчитывала несколько десятков тысяч бойцов, и они пользовались поддержкой широких масс местного украинского населения.[5]

УПА в борьбе за независимую Украину считала Советский Союз своим главным врагом, готовилась воевать против Советской Армии и боролась против советских партизан. В течение 1943 г. и до середины 1944 г., пока Советская Армия не освободила этот район, в лесах западной Украины велись кровопролитные бои между подразделенями УПА и советскими партизанами.

Националистическое движение Украины было заражено антисемитизмом, имевшим глубокие исторические корни. Евреев националисты считали просоветскими элементами, и бойцы УПА убивали евреев, скрывавшихся в лесах и селах. УПА считала своими врагами и поляков, проживавших в этих районах, и убивала их тысячами. Поляки и польское подполье вели войну против УПА.

В начале своей деятельности УПА не раз вступала в конфликты с немцами, особенно когда те стремились завладеть какими-нибудь селениями, где уже господствовала УПА. Но при приближении Советской Армии и накануне отступления немцев между ними и УПА был подписан договор, по которому немцы снабжали УПА оружием, чтобы она продолжала борьбу в тылу у Советской Армии. Несколько сотен еврейских врачей, медсестер, портных, сапожников, прятавшихся в лесах и селах, в силу обстоятельств попали в отряды УПА, которые в них нуждались, но до возвращения Советской Армии почти всех их постиг трагический конец.[6]

В районах Западной Белоруссии, в лесах вокруг Гродно, Новогрудка и Вильнюса в середине 1943 г. были организованы отряды польских партизан, которые принадлежали к Армии Крайовой (АК) – военной организации польского подполья, подчинявшегося польскому правительству в изгнании (в Лондоне), которое не смирилось с захватом Западной Белоруссии и Западной Украины Советским Союзом и считало эти территории Восточной Польшей. Результатом стали острые разногласия между ним и правительством СССР. После того, как обнаружилось массовое убийство тысяч польских офицеров в Катыни (в котором немцы обвинили Советский Союз, и впоследствии подтвердилось, что они были правы), прекратились дипломатические отношения между лондонским польским правительством и правительством СССР. Борьба между советскими партизанами и подразделениями АК обострилась, и бои между ними шли со второй половины 1943 г. до освобождения этого района летом 1944 г.

В феврале 1944 г. с приближением Советской Армии к довоенным границам Польши лондонское правительство Польши решило укрепить свои подразделения на западе Белоруссии и Волыни, чтобы овладеть там обширными территориями и поставить Советскую Армию, когда она придет туда, перед фактом, что местность уже находится в руках польских сил. Операция получила название «Буря». Бои между АК

и советскими партизанами, которые хотели предотвратить захват этих земель Польшей, ужесточаясь, приводили к тяжелым потерям с обеих сторон. Подразделения АК, действовавшие тогда в районе Вильнюса, сотрудничали с немцами и даже получали от них поддержку в борьбе с советскими партизанами.[7] Подобно УПА, АК считала евреев просоветскими элементами, не принимала их в свои ряды, и боевики АК убили много евреев, прятавшихся в лесах и в селах.[8]

Б. РОСТ ПОТРЕБНОСТИ В РАБОЧЕЙ СИЛЕ

Затяжка войны и поражения вермахта на Восточном фронте зимой 1941-1942 гг. вынудили Германию в 1942 году мобилизовать в армию 1.500.000 немцев, и понадобилось заполнить опустевшие места в промышленности и сельском хозяйстве рабочими из оккупированных стран. Потом к работе были привлечены еще 1.300.000 немецких женщин, и таким образом трудовой немецкий потенциал был почти исчерпан.[9]

Уже в сентябре 1942 г. Фриц Заукель, ответственный за мобилизацию рабочей силы в хозяйстве Германии, потребовал от гражданских и военных властей на оккупированных территориях Советского Союза отправить в Германию 1.000.000 работников. В октябре 1942 г. он обязал рейхскомиссариат Украины отправить в Германию 500.000 работников до 1 мая 1943 г.[10] После разгрома под Сталинградом и с увеличением потребностей германской экономики Заукель решил мобилизовать еще 1.000.000 работников в марте–июне 1943 г. Для рейхскомиссариатов Украина и Остланд, а также для военной администрации установили нормы ежедневной отправки работников в Германию.[11]

Попытки завербовать работников на добровольной основе провалились, несмотря на активную немецкую пропаганду; пришлось начать принудительную мобилизацию и ввести суровые наказания за неявку. 6 февраля 1943 г. ОКХ опубликовал приказ всем лицам от 14 до 65 лет, находящимся в зонах военной администрации, зарегистрироваться и явиться на работу.[12] Военная администрация издала ряд постановлений, согласно которым мобилизации и отправке в Германию подлежали лица 1923–1926 гг. рождения. На тех, кто не явился, начались облавы, нередко арестовывали членов их семей. Многие уклоняющиеся бежали в леса, к партизанам. Усиленная мобилизация работников для отправки в Германию противоречила интересам армии, так как она, отступая, нуждалась во всё возрастающем количестве рабочих для постройки дорог, укреплений и других работ на оккупированных территориях СССР. Из-за столкновения интересов армии и требований Заукеля в марте 1943 г. ОКВ издало постановление о том, что интересы военной экономики внутри Германии должны превалировать над требованиями хозяйства в прифронтовых районах.

Постоянные требования о поставке рабочей силы заставили немецкие власти и в прибалтийских республиках ввести принудительную отправку рабочих для Германии. Обычно немецкие власти старались

проводить в Прибалтике гораздо более умеренную политику, чем та, которая применялась по отношению к славянским народам в других районах Советского Союза. Мобилизация рабочих в Прибалтике столкнулась с трудностями. В отчёте с оккупированных территорий № 33 от 11 декабря 1942 г. говорится:

«Эстония... находится в состоянии напряжения по поводу рабочей силы... пока не заметно какого-либо улучшения... Латвия... особые трудности и снижение производительности в различных промышленных отраслях из-за нужд на рабочую силу для особых задач... Литва... из 37.500 рабочих [которые требовались] на работу в Рейх записались только 13.000... Попытка провести дополнительную регистрацию столкнулась с большими препятствиями, поскольку трудоспособные люди всеми способами стараются уклониться от регистрации...»[13]

Одновременно с отправкой рабочей силы в Германию власти прибалтийских стран начали мобилизацию тысяч добровольцев в национальные части ваффен-СС. Это усугубило нехватку рабочей силы.

Еще одним источником рабочей силы для Германии являлось гражданское население территорий, где действовали советские партизаны. Уже 3 ноября 1942 г. Гиммлер отдал распоряжение отправлять в Германию из районов деятельности партизан («бандитов» по словам распоряжения) всех трудоспособных людей, исключая лишь самых необходимых в местном хозяйстве.[14] Это распоряжение не только способствовало поставке работников, но и служило средством наказания и запугивания людей, которые могли бы присоединиться к партизанам.

В. ПРОТИВОРЕЧИЯ В АНТИЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Судьба евреев в гетто и в лагерях на оккупированных территориях СССР в период с весны 1943 г. и до изгнания гитлеровской армии осенью 1944 г. определялась двумя взаимопротиворечащими принципами германской политики: один – тотальное уничтожение евреев, и другой – постоянно растущая потребность в рабочей силе. Поднялась значимость еврейских рабочих рук. В начале 1943 г., после массовых убийств 1941–42 гг., этот трудовой ресурс, составлявший несколько десятков тысяч человек, конечно, не позволял удовлетворить потребности немецкого хозяйства, зато он имелся в наличии и не требовал мобилизации. Он мог предоставить людей, владеющих необходимыми профессиями и заинтересованных хорошо работать, потому что давал им единственный способ выжить, а, кроме того, был дёшев. Но, несмотря на нужду Германии в рабочих, несмотря на трудности привлечения нееврейских рабочих на оккупированных землях, политика уничтожения евреев не изменилась в основе, хотя большинство евреев, которые тогда оставались в живых, было трудоспособным. Расовая идеология пересилила практические соображения. Решающее мнение по еврейскому вопросу по-прежнему полностью принадлежало СС, а оно сводилось к истреблению нетрудоспособных людей и переводу необходимых рабочих в трудовые или концлагеря, а затем к постепенному их

уничтожению при постоянном отборе более полезных – и так вплоть до полного убийства всех евреев. Генеральной линией этой политики был принцип: ни при каких обстоятельствах не оставлять в живых евреев после отступления немецкой армии.

Идеологическая установка уничтожить евреев всех до последнего подкреплялась страхом перед местью евреев, которые останутся в живых, за те преступления, совершённые перед ними немцами на оккупированных территориях СССР. Это подчеркивалось немецкой пропагандой в армии. Омер Бартов писал о тогдашней нацистской агитации:

«Еще более важной, чем представлять идеальное изображение нацистских лидеров, мировосприятия (Weltanschaung) и расового превосходства, была централизованная попытка запугать солдат картинами разрушения [Германии] «юдо-большевиками», если они проиграют войну, и убедить их, что ужасные действия, которые были совершены, обратятся против них».[15]

А офицер германской армии писал в середине февраля 1943 г.:

«Дал бы Бог сейчас немецкому народу сознательность и силы, чтобы он стал инструментом, который нужен фюреру для защиты Запада от разрушения! Все, что не будет разрушено азиатским сбродом, погибнет из-за еврейской ненависти и жажды мщения...»[16]

В начале третьего этапа уничтожения, весной 1943 г., на оккупированных территориях Советского Союза оставалось уже немного евреев. В рейхскомиссариате Остланд их количество составляло 77.000–80.000 человек, включая и несколько тысяч евреев, привезенных из Германии. Больше половины всех этих евреев находились в генералкомиссариате Литва.[17] В генералкомиссариате Украина и на территориях военной администрации евреи остались лишь в немногих местах – в каждом из них от нескольких десятков до нескольких сотен профессиональных рабочих. Можно предположить, что общее число евреев в этом рейхскомиссариате тогда составляло от 8.000 до 15.000.[18] В дистрикте Галиция было 150.000 евреев, в Транснистрии – около 75.000. Всего в живых оставалось 310.000–320.000 евреев.

Г. ПРИКАЗ ГИММЛЕРА ОТ 21 ИЮНЯ 1943 г. О ЛИКВИДАЦИИ ГЕТТО В ОСТЛАНДЕ

21 июня 1943 г. Гиммлер приказал Старшему начальнику СС и полиции Остланда и начальнику ВФХА – Главного Хозяйственного и Административного Управления СС, которому подчинялись все концлагеря:

«1. Я приказываю собрать в концентрационные лагеря всех евреев, которые еще находятся в гетто на территории Остланда. Я запрещаю выводить евреев на работу за пределами концлагерей, начиная с 1 августа 1943 г.

2. Вблизи Риги следует соорудить концлагерь и перевести в него все производство одежды и снаряжения для вермахта... Все частные фирмы ликвидируются. Все предприятия должны быть в концлагерях. Начальник ВФХА отвечает за то, чтобы в результате реорганизации не пострадало необходимое вермахту производство.

3. Необходимо эвакуировать всех ненужных обитателей из гетто на Восток.

4. Следует перевести как можно большее количество еврейских мужчин в концлагерь, находящийся в районе разработки горючих сланцев.

5. Новый распорядок вступает в силу с 1 августа 1943 г.»[19]

Так началась политика ликвидации гетто и перевода трудоспособных евреев в концлагеря. Приказ Гиммлера явился частью и этапом общей политики уничтожения евреев, но принимал во внимание потребность в рабочей силе, что в итоге вело к временному сохранению трудоспособных евреев. Приказ вышел в свет несколько недель спустя после подавления восстания в Варшавском гетто – возможно, здесь отразились некоторые выводы, сделанные Гиммлером и офицерами СС из этого события: в концлагерях, где заключенные изолированы от внешнего мира и где надзор над ними гораздо строже, значительно меньше возможностей для восстания. Ухудшение положения на фронте и снятие блокады Ленинграда, приведшие к прямой угрозе со стороны Советской Армии районам Остланда, очевидно, тоже стало одной из причин появления подобного приказа. Кроме того, приказ был призван удовлетворить срочную потребность в рабочих в генералкомиссариатах Латвия и Эстония.

По оценке немцев, в гетто Остланда еще оставались 72.000 евреев, из них 50.000 планировалось перевести в концлагеря и 22.000 уничтожить немедленно, в том числе детей и престарелых родителей тех «нужных» евреев, которые подлежали отправке в концлагеря.[20] Но и последних ждала суровая участь: им предстоял тяжелейший режим жизни и работы в концлагерях, который включал в себя непрекращающийся надзор и постоянные наказания. Жизнь в закрытом лагере означала невозможность добыть дополнительное питание, тогда как проживание в гетто позволяло уходить на работу и доставать еду, пусть даже с огромными трудностями. Теперь евреи обрекались на постоянный голод и болезни, и смертность среди них значительно выросла. Приказ Гиммлера об отправке евреев в концлагеря означал передачу власти над ними от гражданской администрации, которой подчинялись гетто, в руки СС, ведавшей концлагерями.

На совещании 13 июля 1943 г. у Розенберга в Берлине присутствовали Фриц Заукель, представители СС, армии и экономических структур, которые действовали на Востоке. Майер, заместитель Розенберга, поднял вопрос об уничтожении гетто и о прекращении евреями работы на различных предприятиях. Он потребовал заменить евреев другими работниками. Заукель отметил, что не возражает против этих перемен, но не может выделить других работников вместо евреев, которых уберут с прежних мест работы.[21] Генералкомиссар Белоруссии Кубе, присутствовавший на совещании, заявил, что вследствие приказа Гиммлера о ликвидации гетто в его районе остановится завод, выпускающий деревянные подводы, на котором заняты 4.000 евреев.[22]

Гражданская администрация не хотела отказываться от еврейских рабочих Остланда и переводить их в крупные концлагеря, подчинённые ВФХА. Она решила создать небольшие концлагеря, часть из них – на территориях гетто, власть над которыми, пусть частичная, находилась бы в ее руках. Гетто и дешевая рабочая сила были важным источником доходов гражданской администрации, и она по-своему трактовала 2-й параграф приказа Гиммлера, где говорилось, что нельзя допустить, чтобы новый распорядок и переход из гетто в концлагеря нанесли ущерб военному производству. В документе рейхскомиссариата Остланд от 31 июля 1943 г. говорилось:

«Мастерские, которые не смогут продолжать работу в крупных концлагерях, будут сконцентрированы в мелких. Так, небольшая часть Рижского гетто превратится в концлагерь, где мастерские будут заниматься работами необходимыми для армии… Управление лагерем примет на себя гебитскомиссар Риги… Доходы будут перечисляться в наш бюджет, как до сих пор, но окончательного решения по этому вопросу пока нет…»[23]

Это решение о создании небольших концлагерей под руководством гражданской администрации и о передаче в её руки доходов от работ противоречило приказу Гиммлера по сути и по духу. Бюджет гражданской администрации держался на местных доходах, отсюда её стремление оставить в своём распоряжении еврейскую рабочую силу.

10 августа 1943 г. рейхскомиссар Остланда Лозе отправил письмо генералкомиссарам Литвы, Латвии и Эстонии, из которого следовало, что гражданская администрация участвует в процессе ликвидации гетто и использовании еврейских рабочих, заключенных в концлагеря. Другой документ, из которого ясно, что гражданская администрация считает себя соучастником этого процесса, был послан гебитскомиссаром Риги генералкомиссару Латвии 18 августа 1943 г. В нем перечислялись лагеря, в которые будут отправлены евреи.[24]

Полиция безопасности Сипо в Остланде отреагировала на это крайне резко и обратилась к своему начальству в Берлине. 15 сентября 1943 г. начальник Сипо в Латвии отреагировал на письмо от 18 августа, написав генералкомиссару Латвии:

«Концентрация евреев будет произведена в соответствии с приказом рейхсфюрера СС… Полномочия по проведению операции возложены исключительно на полицию безопасности… Вмешательство дополнительных органов может привести к излишней нагрузке на органы, которые назначены для проведения данной операции. Центр в Берлине будет наблюдать за выполнением действий, которые предписал рейхсфюрер СС… Мой начальник просил рейхскомиссара отменить его указания генералкомиссарам в письме от 10 августа 1943 г.»[25]

Генералкомиссар Латвии передал это письмо рейхскомиссару Лозе, а тот переправил его 14 октября 1943 г. подчиненным генералкомиссарам, сопроводив пояснением относительно своего письма от 10 августа 1943 г.:

«Прошу рассматривать данное письмо только как информацию. Полномочия по проведению концентрации возложены исключительно на полицию безопасности...»[26]

Таким образом, гражданская администрация была вынуждена отказаться от вмешательства в процесс замены еврейских гетто рабочими концлагерями. Но спор между нею и полицией безопасности за доходы от еврейского труда продолжался до последних дней властвования германской администрации в Остланде.[27] В письме Розенберга начальнику ВФХА от 10 мая 1944 г., за два месяца до освобождения этого района Советской Армией, он утверждал, что доходы в зонах гражданской администрации – это основа его бюджета, и требовал перевести ему доходы от труда евреев в концлагерях в Остланде. Из этого спора можно понять, что сохранение еврейской рабочей силы диктовалось не только её важностью для военного хозяйства, но и экономическими соображениями германских властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В речи, обращённой к солдатам СС перед нападением на Советский Союз, Гиммлер сказал: «Это идеологическая война, война рас... С одной стороны – мир красоты и порядочности... мир культуры... А с другой стороны – 180.000.000 населения, смесь рас, названия которых невозможно выговорить, вид которых таков, что в них можно только стрелять без всякой жалости... Эти народы переплавлены еврейскими руками в одну религию, в одну идеологию, которая называется большевизмом...» См. George H. Stein, The Waffen SS. – Ithaca/New York, 1966, p. 126-127.
2. Heinz Hohne, *The Order of the Death's Head*. – London, 1970, pp. 503-509.
3. В январе-феврале 1943 г. была создана 1-я Латвийская дивизия ваффен-СС, в январе 1944 г. – 2-я Латвийская дивизия ваффен-СС. Укомплектованная в Эстонии в мае 1943 г. бригада в январе 1944 г. была переформирована в 1-ю Эстонскую дивизию ваффен-СС. В Литве попытки мобилизации в германскую армию вызвали сопротивление, потому что немецкие власти отказались предоставить литовцам даже частичную независимость. В июле 1943 г. на Украине создали дивизию ваффен-СС «Галичина». Среди русских в рамках ваффен-СС тоже организовали «бригаду Каминского». В сентябре 1944 г. вермахт создал «Русскую Освободительную Армию» генерала Власова. См. Warlimont, *Inside Hitler's...*, p. 503-504.
4. Ryszard Torzecki, *Polacy I Ukraincy*. – Warszawa, 1993, p. 175-176.
5. Там же, с. 234-245; Спектор, *Катастрофа евреев Волыни...*, с. 210-213.
6. Спектор, *там же*, с. 212-213.
7. Zdzislaw A. Siemaszko, *Wilenska AK a Niemcy*, Zeszyty Historyczne. – Paris, 1994, pp. 198-222.
8. Об отношении УПА и АК к евреям см. главу 45.
9. Документы Нюрнбергского процесса No-1831, протокол совещания у Розенберга 13 июля 1943 г. по вопросу мобилизации рабочей силы.
10. Iurchuk et.al. *Sovetskaia Ukraina...*, Vol. 1, p.333.
11. *Hakenkreuz*, p. 238. Рейхскомиссариат Украина обязан был ежедневно поставлять от 3.000 до 6.000 работников для отправки в Германию. Военную администрацию группы армий «Юг» обязали ежедневно поставлять от 1.000 до 2.000 работников, а генералкомиссариат Белоруссия и военную администрацию группы армий «Центр» – от 1.000 до 2.000 работников ежедневно.
12. Muller, *Deutsche Besatzungs...*, p. 300.
13. Архив Яд Вашем, DN/33-1, с. 12, 19, 24-25.
14. Заставенко и др. *Преступные...*, с. 237.

15. Bartov, *Hitler's Army...*, pp. 125-126.
16. *Там же*, с. 169.
17. В Генералкомиссариате Белоруссия было 21.000–22.000 евреев, в Генералкомиссариате Литва – 44.000–45.000, в Генералкомиссариате Латвия – 12.000–13.000, в Генералкомиссариате Эстония – 200–300 евреев.
18. Спектор, *Катастрофа евреев Волыни...*, с. 150, предполагает, что число евреев в районе Волыни составляло всего 3.500 человек.
19. Документы Нюрнбергского процесса, NO-2403.
20. *Там же*, NO-1831. Со слов гауляйтера д-ра Альфреда Майера.
21. *Там же*.
22. *Там же*, NO-3370.
23. Письмо д-ра Карла Виалона, начальника финансового отдела рейхскомиссариата Остланд, Архив Яд Вашем, 04/53/2, документ 810.
24. Документ находится в распоряжении автора данного исследования.
25. Latvijas Archievs, Fond R-70, Opis 5, Delo 65.
26. *Там же*.
27. Документы Нюрнбергского процесса, NO-2074.

ГЛАВА 30

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДНИХ ГЕТТО И ЛАГЕРЕЙ В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ ОСТЛАНД

А. АКЦИИ УНИЧТОЖЕНИЯ В ГЕТТО И ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ НА ВОСТОКЕ ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТА ЛИТВА

Этап ликвидации последних гетто и трудовых лагерей в Остланде начался еще весной 1943 г. с уничтожения небольших гетто на востоке Литвы. Их истребление было связано с возникшей там проблемой безопасности. В конце 1942 г. усилилась деятельность советских партизан на западе Белоруссии, граничившем с восточными районами Литвы. 14 декабря 1942 г. гебитскомиссар Вильнюской области, ответственный за эти районы, распорядился:

«Чтобы претворить в жизнь меры по безопасности в приграничных районах, я приказал вывести евреев с полосы в 20 км вдоль восточных границ районов Швенченис, Свирь и Ошмяны и из юго-восточной части района Ейшишкес. Мы довели до сведения юденратов основных гетто, что с 16 декабря 1942 г. каждый еврей, обнаруженный на этой полосе в 20 км, автоматически будет считаться бандитом, и отношение к нему будет соответствующим… Эти меры не касаются рабочих групп вермахта и организации «Тодт»…»[1]

Распоряжение было призвано помешать евреям, работавшим на сельскохозяйственных фермах и сборе торфа под не слишком строгим надзором, бежать к партизанам. Приказ не касался непосредственно уничтожения местных гетто, но это было временное затишье.

Зима 1942/1943 г. в том, что касается массовых казней, прошла относительно спокойно. Первая акция уничтожения произошла 4 апреля 1943 г., и в ней были ликвидированы гетто в Швенченисе, Ошмянах, Михайлишках и Соле. Предлогом для акции было усиление партизанской деятельности в пограничных местах между Белоруссией и Литвой и утверждение, что евреи этих гетто поддерживают связь с партизанами. Евреям гетто сообщили, что их переводят в гетто Вильнюса и Каунаса. Чтобы они не считали, будто перевод грозит им бедой, исполнение операции возложили на еврейскую полицию Вильнюсского гетто. Газета гетто Вильнюса «Вести гетто» № 31 от 21 марта 1943 г. писала:

«Согласно недавно опубликованному распоряжению германских властей евреям запрещается селиться вдоль границы с Белоруссией. Для выполнения этого распоряжения евреев начали выселять из четырех небольших гетто: Швенченис, Ошмяны, Михайлишки и Солы. Часть из них будет переведена в гетто Вильнюс, часть – в разные трудовые лагеря. Следует отметить, что перевод этих евреев осуществляется с помощью и под наблюдением еврейской полиции из нашего гетто…»[2]

3-го, а потом 31-го марта 1943 г. гебитскомиссариат Каунаса сообщил юденрату местного гетто, что оно должно быть готово принять

3.000 – 5.000 евреев.[3]

Полицейские вильнюсского гетто группами по десять человек явились в четыре гетто, чтобы организовать переезд. Они решали, кто должен переехать в Вильнюс, а кто – в Каунас. Профессиональные работники и члены юденрата переводились в Вильнюс, все остальные – в Каунас. С 26 марта по 2 апреля 1943 г. в гетто Вильнюса вывезли около 1.250 человек. Из Ошмян 1.500 человек были переведены в трудовые лагеря, которые находились в районе Вильнюса.[4]

4 апреля евреев Швенчениса посадили в товарные вагоны на станции Швенчеляй, а евреев Ошмян, Михайлишек и Солы – на станции Солы. За перевозкой евреев из гетто на железнодорожную станцию и за их погрузкой в вагоны наблюдали еврейские полицейские из Вильнюса; немцы при этом не присутствовали. Поезда отправились вечером в сопровождении еврейских полицейских, ехавших в первом вагоне.

Когда поезд из Ошмян прибыл в Вильнюс на рассвете 5 апреля 1943 г., в него сел председатель юденрата Яаков Генс. Поезд направился вместо Каунаса на станцию Понары. Там он был оцеплен немецкой и литовской полицией. Генса и вильнюсских еврейских полицейских арестовали и препроводили в Сипо в Вильнюсе. Евреев вывели из вагонов, отвели ко рвам и там расстреляли.

Похожая участь постигла и евреев Швенчениса. Когда они прибыли в Вильнюс, пять вагонов от поезда отцепили – в них находилась молодежь, подлежавшая отправке в трудовой лагерь Бездонис. Другие два вагона остались в Вильнюсе – очевидно, после вмешательства в последнюю минуту Генса, которого из заключения в Сипо привезли на железнодорожную станцию. Остальных пассажиров отвезли в Понары и там казнили. Когда двери вагонов открывали, заключенные пытались бежать, и даже случалось, что они нападали на немецкую и литовскую полицию. Большинство беглецов было застрелено на станции или в окрестных полях, но нескольким десяткам посчастливилось убежать и добраться до гетто Вильнюса.

Всего 5 апреля 1943 г. убили около 4.000 евреев. По окончании акции Генс и еврейские полицейские были освобождены из заключения.[5] Эту акцию евреи называли «акцией каунаского поезда». Об этой акции истреблении рассказано в рапорте командира Сипо Литвы, отправленном в РСХА, и излагающем события апреля 1943 г.:

> *«В течение месяца... были очищены от евреев территории Белоруссии, присоединенные к генералкомиссариату Литвы: Швенченис, Ошмяны, Свирь, Ейшишки. Эти территории, постоянно находившиеся под угрозой нападения партизан, теперь совершенно чисты от евреев.... Те евреи, которые были найдены к работе непригодными (около 4.000), получили «особое обслуживание» в Понарах 5 апреля 1943 г... [В процессе акции] еврей набросился на унтершарфюрера Вилле и пырнул его ножом... При попытке к бегству пятидесяти евреев были сделаны несколько выстрелов по литовскому полицейскому офицеру, и он тяжело ранен...»*[6]

Сипо обманула Генса и еврейских полицейских, которые занима-

лись перевозкой евреев на станцию Понары. Опасаясь массового бегства евреев гетто, она решила заставить их поверить в то, что они едут в Вильнюс и Каунас. Тот факт, что несколькими днями раньше сотни обитателей гетто действительно перевезли в Вильнюс, тоже успокоил евреев. Нельзя установить, собиралась ли Сипо с самого начала казнить все 4.000 евреев, среди которых было немало трудоспособных, или убить только непригодных к работе. Возможно, только за несколько дней до операции Сипо решила не переводить евреев в Каунас, а уничтожить их. Согласно отдельным источникам, причина крылась в подозрениях немцев, будто молодежь этих гетто установила связь с советскими партизанами.[7] Перед самой акцией несколько групп молодых людей ушли из гетто в лес к партизанам.[8]

Из-за деятельности партизан на востоке Литвы после ликвидации гетто уничтожили также трудовые лагеря. Часть работников лагерей перевели в гетто Вильнюса и Каунаса, часть казнили. Шесть евреев из лагеря Бело-Века, где содержались триста евреев, бежали в леса в конце июня 1943 г., и в качестве возмездия были расстреляны 67 заключенных лагеря, а остальных вернули в Вильнюс. В трудовом лагере Кена 8 июля 1943 г. убили всех 240 заключенных-евреев, обвиненных в связях с партизанами. На следующий день 9 июля 1943 г. истребили 350 узников-евреев в лагере Бездонис. Евреи, находившиеся в лагере Рейша, прослышав о казнях в Кене и Бездонисе, бежали и вернулись в гетто Вильнюса. В трудовом лагере Зачепки, которым руководила организация «Тодт», работало несколько десятков евреев. После того, как туда явилась Сипо из Вильнюса и сообщила, что всех заключенных переводят в гетто Вильнюса, члены «Тодта» заподозрили, что настоящая цель – истребление всех заключенных, и решили сами перевести всех заключенных в гетто – таким образом спасли их. В конце июля 1943 г. ликвидировали последний в районе Вильнюса трудовой лагерь Новая Вилейка (Naujoji Vilnia). В конце июля из него бежали 14 человек, а остальных убили.[9]

Уничтожением евреев в «акции каунасского поезда» и в трудовых лагерях руководила вильнюсское Сипо, но охраной и непосредственным убийством занимались солдаты литовского полицейского батальона № 1 под командованием капитана Юозаса Трускаускаса.[10]

Б. УНИЧТОЖЕНИЕ ГЕТТО В ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТЕ ЛИТВА И ПРЕВРАЩЕНИЕ ИХ В КОНЦЛАГЕРЯ (KASERNIERUNG)

Ликвидация гетто в Остланде согласно приказу Гимлера от 21 июня 1943 г. началась в генералкомиссариате Литва, где находилось наибольшее в Остланде количество евреев – 40.000, которые были сконцентрированы в трех гетто: Вильнюс, Каунас и Шауляй.

Первыми ликвидации подлежали 18.000–19.000 евреев гетто Вильнюса.

Утром 6 августа 1943 г. около 1.000 человек, работавших на аэродроме Поробанек, были внезапно окружены эстонскими солдатами. Евреи стали спасаться бегством, перебираясь через забор из колючей проволоки и набрасываясь на солдат. Около двадцати человек погиб-

ло, многие были ранены, но некоторым удалось бежать. Большинство же рабочих доставили на железнодорожную станцию и погрузили в товарные вагоны. Похожие события происходили в тот день на других рабочих местах, и всего около 1.000 человек было схвачено и посажено в поезд. Прежде, чем они отправились в путь, туда пришел Генс и заверил людей, что их отправляют в Эстонию, на работу. С тех пор, как евреев из малых гетто, обманув, вместо Каунаса отвезли в Понары и там расстреляли, евреи Вильнюса перестали верить немцам, что и вызвало их сопротивление и массовое бегство в тот день.

Генс, вернувшись в гетто, сообщил, что людей отвезли в Эстонию на работу, а не на казнь. По его словам, немцы требовали от него рабочих для Эстонии и Риги, но он отверг их требования, поэтому они стали хватать людей за пределами гетто. Он добавил, что начальники рабочих бригад поехали в Эстонию вместе со своими работниками, они возвратятся через несколько дней и расскажут о тамошнем состоянии дел. Через несколько дней действительно вернулся из Эстонии один из начальников рабочих бригад; он сообщил, что люди находятся в трудовом лагере Вайвара, и передал родным от них письма, в которых они просили прислать им теплую одежду и еду. Слова Генса и весточки из Эстонии немного успокоили настроения в гетто.[11]

Сипо в Вильнюсе потребовала еще 4.000–5.000 людей для работы в Эстонии, и Генсу пообещали, что если юденрат обеспечит это количество, людей не возьмут с рабочих мест. Немцы предложили в состав отправляемых включить членов семей тех, кого отправили в Эстонию первым эшелоном, и действительно, нашлись женщины, которые добровольно согласились поехать туда. Полиция гетто сумела набрать только 1.400–1.500 мужчин, женщин и детей – их отправили в Эстонию 24 августа 1943 г. 1 сентября 1943 г. на рассвете гетто оцепили немецкие, литовские и эстонские полицейские. От юденрата потребовали подготовить к отправке в Эстонию 3.000 мужчин и 2.000 женщин. Новость распространилась в гетто, и люди стали прятаться в «малинах» – тогда в гетто появились немецкие и эстонские полицейские, они начали обыски и аресты. Генс пообещал им предоставить требуемое количество евреев при условии, что немцы покинут гетто. Он опасался вооруженного столкновения между ними и еврейским подпольем гетто, которое могло бы, как он думал, привести к уничтожению всего гетто. Одно такое столкновение все же произошло в тот день.[12] Немцы согласились на предложение Генса и ушли из гетто. 2–4 сентября 1943 г. Генс и еврейская полиция – то убеждением, то силой – сумели собрать 5.000 мужчин и женщин. 5 сентября их отправили в Эстонию и Латвию.[13] После этой высылки в гетто осталось примерно 12.000 человек.

Затем в течение двух недель в Вильнюсе были отправлены из гетто рабочие в НКР (Heeres Kraft Park – мастерские по ремонту армейских машин), в военный госпиталь и на меховую фабрику «Кейлис» (она тоже обслуживала армию) и поселены в лагерях поблизости от места работы. Всего из гетто выслали около 2.200 рабочих и членов их семей.

14 сентября 1943 г. Генса вызвали в Сипо. Несмотря на полученное им (очевидно, из литовских источников) предупреждение, что его собираются казнить, он все же решил идти. И действительно, когда Генс пришел в Сипо, оберштурмфюрер Рольф Нойгебауэр отвез его в тюрьму, где его расстреляли. Генса обвинили в содействии подполью в гетто.[14]

Гетто Вильнюса, где еще оставалось около 10.000 евреев, ликвидировали 23–24 августа 1943 г. Руководству гетто приказали собрать обитателей гетто, после чего им было объявлено об отправке их всех в Эстонию и Латвию. Им велели до 12.00 собраться у ворот гетто с вещами. Если будут обнаружены дома, в которых останутся жители, их взорвут вместе с обитателями.

После полудня в гетто вошли украинские шуцманы, стали искать спрятавшихся и устанавливать заряды взрывчатки. Примерно 2.000 евреев остались в укрытиях в гетто или бежали в леса. Около 8.000 собрались на площади Русса, там мужчин отделили от женщин и детей, после чего 1.600–2.000 мужчин отправили в Эстонию. На следующий день из женщин отобрали 1.400–1.700 наиболее молодых, часть которых силой разлучили с детьми и послали в лагерь Кайзервальд (Межапарк) в пригороде Риги.

4.000–4.500 женщин и детей отправили в лагерь уничтожения Собибор в Генерал-губернаторстве Польша. Несколько сотен стариков застрелили в Понарах. Гетто Вильнюса перестало существовать. На территории гетто остались только люди, спрятавшиеся в «малинах», но сотни из них были схвачены немецкими и литовскими полицейскими или по доносу местных жителей, которые рыскали по гетто в поисках оставленного еврейского имущества. В некоторых «малинах» спрятавшимся удалось прожить много месяцев, а потом их схватили и расстреляли в Понарах буквально перед самым освобождением города советскими войсками.[15]

События в гетто Каунаса и Шауляя разворачивались иначе, чем в Вильнюсе. Эти гетто были переданы во второй половине сентября 1943 г. под власть СС и превратились в концлагеря, где женщин не отделяли от мужчин и семьи не разлучали.

Накануне своего превращения в концлагерь гетто Каунаса насчитывало 16.000 евреев; с его переходом в распоряжение СС штурмбанфюрер Вильгельм Гекке был назначен комендантом лагеря. В конце октября 1943 г. немцы и украинцы арестовали в гетто 2.700 человек для отправки в Эстонию. Схваченных, среди них целые семьи, собрали на аэродроме в Каунасе, где отделили пригодных к работе. Одна из женщин свидетельствует:

«Мама боялась, что заберут меня и мою сестру Леиле, и одела меня как взрослую – туфли на каблуках и меховая шубка. Сестру, красивую восьмилетнюю девочку, мама спасти не сумела. Эти твари стали вырывать ее из маминых рук. Мать, у которой было больное сердце, буквально превратилась в зверя и ни за что не позволяла отнять у нее Леиле. Мы знали, что ее ведут на смерть и хотели

спасти хотя бы маму: мы тащили ее к себе, а Леиле кричала: «Мама, не отдавай меня!». Мать была как помешанная, дико кричала и изо всех сил прижимала к себе дочь. Когда немец понял, что не сумеет их разлучить, он ударил прикладом автомата маму по голове, и она потеряла сознание. Мою сестричку Леиле вмести с другими детьми увели на смерть. В ту ночь волосы моей матери, женщины 31-го года, побелели как снег».[16]

В конце ноября и декабря 1943 г. из концлагеря в Каунасе 5.000–6.000 человек перевели в пригородные лагеря. В центральном лагере в Каунасе осталось 7.000–8.000 евреев, его территорию сократили.[17]

До своего превращения в концлагерь гетто Шауляй насчитывало 4.500 евреев. В последнюю неделю сентября 1943 г. 1.500 мужчин и женщин перевели отсюда в небольшие концлагеря в районе. Утром 5 ноября 1943 г., после ухода из лагеря в Шауляе на работу, туда вошли эсэсовцы и украинцы, а литовская полиция оцепила лагерь. 574 ребенка, 191 старик и несколько сотен больных и инвалидов были вывезены из лагеря и расстреляны. В лагере осталось около 2.000 евреев.[18]

В конце 1943 г. в лагерях Литвы сохранялось около 19.000 евреев. В Паневежисе на аэродроме создали большой концлагерь, куда привезли заключенных из других мест, в том числе 3.000 евреев из лагерей Эстонии и Латвии.

Приказ Гиммлера от 21 июня 1943 г. относился ко всем гетто в равной степени. Так почему же немцы полностью ликвидировали вильнюсское гетто, а в Каунасе и Шауляе большинство евреев осталось в гетто и пострадало значительно меньше, чем евреи Вильнюса? Объяснение можно найти в рапорте начальника Сипо в Литве от 1 сентября 1943 г.:

«Чтобы паника среди евреев не достигла максимума, что могло бы привести к сопротивлению и массовому бегству, с ВФХА договорено, что прежде всего следует удалить евреев из Вильнюса... Гетто Каунаса нужно превратить в концлагерь... Несколько сотен евреев в Вильнюсе пытались спастись бегством. Некоторые были застрелены, большинство схвачено...»[19]

Сипо знала о существовании еврейского подполья в гетто Вильнюса, которое может оказать сопротивление, и было решено, что, в первую очередь, «следует удалить евреев из Вильнюса». А гетто Каунаса, которое казалось им более спокойным, «нужно превратить в концлагерь». В отчете командира Сипо в Литве от 1 октября 1943 г. о сентябрьских событиях, когда уничтожали вильнюсское гетто, говорилось:

«Вследствие известных трудностей в гетто Вильнюса, гетто было полностью эвакуировано. Несколько раз здесь возникала необходимость силой ломать серьезное сопротивление евреев. Во время последней акции в наших рядах были потери...»[20]

Здесь под «известными трудностями в гетто Вильнюса» имеются в виду подполье и бегство в леса. Даже после акции уничтожения детей и не пригодных к работе в Каунасе и Шауляе в конце октября – начале ноября 1943 г. там еще оставались дети. Это противоречило приказу Гиммлера от 21 июня 1943 г. «эвакуировать на Восток всех обитате-

лей еврейских гетто, в которых нет необходимости». Но пребывание детей в концлагерях длилось недолго. 27–28 марта 1944 г. в Каунасе и в окрестных лагерях были проведены акции уничтожения, в основном – детей. 27 марта Сипо арестовала всех 130 еврейских полицейских, находившихся в гетто-концлагере в Каунасе, и отвезла их в Девятый форт. Командира полиции Моше Левина и других офицеров жестоко избивали на допросах, добиваясь выдачи «малин», в которых скрывались евреи гетто во время акций. Их обвиняли также в содействии бегству молодежи из лагеря к партизанам. Когда же, несмотря на избиения и пытки, офицеры отказались выдать адреса «малин» в гетто, их застрелили. Остальные еврейские полицейские тоже отказались сотрудничать с Сипо. Около 40 еврейских полицейских расстреляли по окончании следствия, а несколько полицейских, согласившихся сотрудничать, возвратили в лагерь, в Каунас. Остальных полицейских в течение нескольких дней держали в Девятом форте, а потом вернули в лагерь.[21] Пока полицейские находились в Девятом форте, в лагере провели операцию против детей. Гарфункель так описывает события того дня в лагере:

> *«В 8 часов утра в гетто въехали автобусы... Убийцы искали и хватали детей... В большинстве домов находились одни женщины, так как их мужья, как обычно, ушли на работу рано утром, не подозревая ничего плохого. Несчастные матери бежали за своими детьми, и от их криков кровь стыла в жилах... Многие матери предпринимали отчаянные попытки попасть в автобус вместе со своими детьми, но немцы и украинцы их прогоняли и жестоко били прикладами... Некоторые матери держали детей в объятиях и защищали их, как львицы, так что немцы и украинцы стреляли в них, чтобы отнять детей уже у мертвых».*[22]

В этот день из гетто отправили в Освенцим около 1.000 детей и несколько стариков. На следующий день 28 марта акция продолжилась, и из гетто увезли еще 300 евреев, в основном детей из «малин». Их расстреляли в Девятом форте. Около 200 детей жители гетто сумели спрятать. В эти же дни состоялись акции против детей в других лагерях возле Каунаса – убили еще 500 детей.[23]

27 марта 1944 г. состоялась акция против детей в лагерях Кайлис и НКР в Вильнюсе. В Кайлисе матерям приказали привести детей в поликлинику якобы для прививки против тифа – там детей увели от матерей. Из этих двух лагерей тогда было увезено около 200 детей. Их перевели, очевидно, в Каунас и объединили с детьми, отправленными оттуда в тот день в Освенцим. Несколько десятков детей, которых взрослые сумели спрятать во время акции, находились в укрытиях месяцами.[24] Около 2.000 человек были уничтожены в акциях конца марта 1944 г. в генералкомиссариате Литва, большинство из них – дети, и немногие – старики.

В. ЛИКВИДАЦИЯ ГЕТТО В ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТЕ ЛАТВИЯ

В начале лета 1943 г. в генералкомиссариате Латвия сохранялось

12.000–13.000 евреев. Из них 5.000–5.500 местных жили в трех центральных гетто: в Риге, Даугавпилсе и Лиепае. Остальные 7.000–7.500 являлись евреями Рейха.[25] Гиммлер в своем приказе от 21 июня 1943 г. указал: «неподалеку от Риги необходимо организовать концлагерь». Имелся в виду лагерь Кайзервальд, который начали создавать еще в марте 1943 г. Кайзервальд являлся центральным лагерем всей Латвии и пунктом пересылки в другие концлагеря, подчинённые ему. В процессе перевода гетто в концлагеря в Латвии, который начался в конце июля и продолжался до конца октября 1943 г., евреев гетто депортировали в Кайзервальд, где часть их оставалась, а остальные направлялись в лагеря, подчиненные Кайзервальду. Начальником лагеря был оберштурмбанфюрер СС Гельмут Зауэр, а капо – немецкие заключенные-уголовники, которые издевались над евреями. И со стороны части политических узников в лагере, среди которых были и поляки, также случались проявления антисемитизма по отношению к солагерникам-евреям.[26] В конце сентября 1943 г. в Кайзервальд прибыл транспорт с 1.400–1.700 женщинами из Вильнюса, их отправили в разные лагеря.[27]

Другими латвийскими концлагерями, где работали большие группы евреев, были: лагерь Сипо неподалеку от Риги, лагерь фабрики «Лента», в котором находилось 1.000 евреев; лагерь в Страсденгофе, где собрали около 3.000 евреев, работавших на различных рижских предприятиях; лагерь АВА (Armeebekleidungsamt – предприятие по изготовлению армейского обмундирования) с 2.000 евреев, а также другие небольшие лагеря. Крупный концлагерь был организован в Дундаге (SeeLager Dandogen) на северо-западе Курляндии, неподалеку от моря, в нем собрали несколько тысяч евреев. В тринадцати небольших концлагерях работало от нескольких десятков до нескольких сотен евреев, в основном на добыче торфа. Эти лагеря были подчинены СС.[28]

Режим в Кайзервальде и в других концлагерях походил на режим таких же концлагерей в Германии: раздельное содержание мужчин и женщин, полосатая одежда, личные номера вместо имен, желтый треугольник для узников-евреев и треугольник другого цвета для уголовных или политических заключенных иных национальностей, которые, в небольших количествах, находились в лагере. Личный номер и желтый треугольник прикреплялись к одежде на груди. «Аппели» (переклички) производились при выходе на работу и по возвращении с нее. Строгая дисциплина и суровые наказания – главные характеристики лагеря Кайзервальд. О лагерном быте заключенный Макс Кауфман писал:

«Подъем на рассвете, в 4 часа утра... Получаем кофе... Несколько минут спустя – звонок на утреннюю перекличку... Бригады отправляются на работу за пределы лагеря... В 12.00 звонок... На обед получаем половник свекольного или капустного супа, всегда с песком... В 13.00 снова звонок – на работу... еще более голодные, возвращаемся на работу... В 17.00 бригады начинают возвращаться... У ворот лагеря производится обыск... Тех, у кого находят [тайно пронесенную еду], бьют и сажают в карцер. В 18.00 звонит звонок на вечернюю перекличку... Получаем ежедневный паек хле-

ба – 200–250 г и идем спать... Начинается борьба с клопами...»[29]

Это – ежедневная рутина всех лагерей, подчиненных Кайзервальду. Одним из самых страшных лагерей, где начальник был особенно жесток, являлся лагерь Дундага. Здесь царил голод, и смертность была исключительно высокой. Еврей из Риги Шейниксон, который для своего молодого сына, находившегося с ним в лагере, хотел раздобыть немного еды у крестьян неподалеку от места работы, был схвачен. Заключенных лагеря выстроили, на их глазах обвиняемого привязали к столбу и дали 30 ударов кнутом. Он истекал кровью, потерял сознание, и начальник лагеря обершарфюрер Крошль вылил на него несколько ведер ледяной воды. Затем заключенные вернулись в бараки, а Шейниксон остался привязанным к столбу. Один из заключенных вспоминал:

«На следующее утро, когда мы собрались, чтобы отправиться на работу в город, мы снова увидели Шейниксона. Он все еще был привязан к столбу, но теперь перед нами был кусок льда, покрытый белыми кристаллами хрусталя. Нечто похожее на статую, изваянную руками скульптора... Это был отец, который хотел раздобыть кусок хлеба для своего голодного сына».[30]

Зимой, затруднявшей рытьё могил, Крошль нашел оригинальный способ избавляться от трупов. Группа заключенных доставляла трупы к Балтийскому морю, которое находилось неподалеку, пробивала лед, покрывавший воду, и бросала тела в прорубь. Весной 1944 г., когда лед растаял, останки всплыли на поверхность. Возникло опасение, что их унесет течением к берегам Швеции, а там могут заняться расследованием. За безответственное поведение Крошля лишили должности начальника лагеря.[31]

До 21 августа 1943 г. из Риги в Кайзервальд и подчиненные ему лагеря перевели 7.874 еврея. В Рижском гетто остались только дети до 10 лет, старики, больные и те, кто за ними ухаживал, в подавляющем большинстве – евреи из Германии. Около 2.000 обитателей гетто и людей, возвращённых туда из Кайзервальда, поскольку они стали непригодными к работе, были вывезены 2 ноября 1943 г. в Освенцим и там убиты.[32]

В Лиепае в середине 1943 г. было около 800 евреев, 8 октября их перевели в Кайзервальд. Нетрудоспособных отправили в Рижское гетто, а некоторых из них – в Освенцим. В Даугавпилсе в середине 1943 г. находилось около 400 евреев. В последнюю неделю октября 1943 г. их перевели в Кайзервальд. В Лиепае и Даугавпилсе остались только несколько десятков специалистов, их там держали до весны 1944 г., а потом тоже перевели в Кайзервальд.[33]

Г. ЕВРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ИЗ ВЕНГРИИ В ЛАГЕРЯХ ЛАТВИИ

В мае-июне 1944 г., за несколько месяцев до освобождения Латвии, в латвийские лагеря прибыло несколько эшелонов с еврейскими женщинами из Венгрии. В эшелонах было по меньшей мере 3.000 женщин, в большинстве молодых, некоторые из Карпаторуси, другие – с севера

Трансильвании, находившейся тогда под властью Венгрии.[34] Эти женщины прошли селекцию в Освенциме, после чего, однако, не получили номеров, вытатуированных на руках, – их вывезли в лагеря Латвии согласно распоряжению ВФХА.[35] Некоторых из них отправили работать на аэродром в Паневежисе.[36] Остальных разбросали по разным лагерям, где они встретили латвийских и немецких евреев, работавших там.

Женщины в лагерях трудились тяжело. Тамар Бар-Лев, которая из гетто Унгвар в Карпаторуси в мае 1944 г. была отправлена в Освенцим, а оттуда в Латвию, писала в своем свидетельстве:

«Мы приехали в какой-то лагерь, где были еврейские ребята из Германии. Лагерь назывался Кайзервальд... Они дали нам поесть, поделились своей едой... Мы поехали в Шпильве... Мы строили аэродром... Оттуда нас отвезли в Лиепаю, там мы должны были таскать ящики с боеприпасами... Из Лиепаи нас отвезли в Дундагу... там мы валили деревья...»[37]

Другие женщины, высланные из Венгрии в Латвию, прошли похожий путь. Некоторые погибли в Латвии, других эвакуировали в Штутгоф неподалеку от Данцига (Гданьска).[38]

Д. ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТ ЭСТОНИЯ И СУДЬБА ИНОСТРАННЫХ ЕВРЕЕВ

После поголовного уничтожения эстонских 1.200–1.500 евреев, завершённого до конца 1941 г. года, в сентябре-октябре 1942 г. в Эстонию отправили несколько эшелонов евреев из Терезиенштадта (Чехия), которых истребили в Калевилийва. Из поезда, прибывшего в начале сентября 1942 г., несколько десятков мужчин и около 150 женщин перевели в лагерь Ягала, неподалеку от места уничтожения: женщинам поручили сортировку вещей убитых из предыдущего эшелона; мужчины рубили в лесу деревья. В ноябре-декабре 1942 г. многих женщин перевели в тюрьму Таллинна, оттуда их возили на работу, главным образом, на расчистку руин и на строительство. Мужчин отправили на добычу торфа. Евреи из этих эшелонов большей частью были убиты или умерли.[39]

Потребность в рабочей силе заставила в августе-октябре 1943 г. перебросить в Эстонию 12.000 евреев из Литвы, в основном из гетто Вильнюса. В конце декабря 1943 – начале января 1944 гг. сюда отправили и несколько сотен евреев из лагерей Латвии.[40] Центральный концлагерь Эстонии был организован в Вайваре (комендант лагеря оберштурмфюрер СС Ганс Аумеер) и начал функционировать с августа 1943 г. – все остальные лагеря являлись его отделениями. Евреи, привезенные в Эстонию, как правило, проходили через Вайвару, откуда их отправляли в другие лагеря. Заключенный, высланный из Вильнюса 24 сентября 1943 г., описал встречу с эстонскими лагерями:

«Мы прибыли в Эстонию. На рассвете нам стало ясно, что это Вайвара... Через окно вагона на станции были видны еврейские рабочие; они из Вильно, мы их узнали. На сердце стало легче – значит, они живы и работают в Эстонии... Спустя какое-то время наш поезд тронулся... Приехали в Клоогу. Нас выстроили возле барака.

Начальник лагеря обратился к нам: «Все, что вы привезли с собой, нужно сдать. Деньги, часы, драгоценные камни и другие ценности, весь багаж... За несдачу вас ожидает его участь», – и он носком сапога указал на труп, валявшийся позади нас... Тяжело и горько на душе... В нашем лагере было 1.200 женщин и 800 мужчин».[41]

В середине 1944 г. Вайвара имела около двадцати лагерей-отделений, крупнейшие из них – Клоога, Лагеди, Эреда, Ягала, Нарва, Куремяэ, Кивиыли и Соски.[42] Режим в них мало чем отличался от режима латвийских лагерей. Личные номера были нашиты на одежде заключенных на левой стороне груди и на правом колене. Мужчины и женщины содержались отдельно. Переклички проводились дважды в день и иногда ночью – в порядке наказания. Эти ночные смотры сопровождались различными издевательствами: прыжки «лягушкой», «гусиная походка», бег на четвереньках по-собачьи и т.п. За малейшие отклонения от порядка, за небрежность в работе наказывали розгами – обычно 25 ударов, но иногда и до 75. Многие умирали после наказания – из-за ран и из-за слабости после порки.[43] Об условиях жизни евреев в лагере Эреда свидетельствовал Франц Лейхтер, немец, сотрудник немецкой фирмы, занимавшейся добычей торфа:

«В ноябре 1943 г. я вместе с другими сотрудниками фирмы прибыл в лагерь Эреда.... В руководстве лагеря было 3-4 СС-овцев. Кроме них там были латыши или эстонцы... Число евреев там доходило до 1.400... Условия в этом лагере были ужасными... Наказание розгами за совершенно незначительные проступки было повседневным явлением. Обвиняемого клали на стол на плацу, где проходили смотры, раздевали и били палкой. Иногда это наказание было таким зверским, что от ягодиц отлетали куски мяса...»[44]

Сходные условия царили и в других эстонских лагерях. Работы узников были непосредственно связаны с военным производством и близостью Ленинградского фронта, где немцы ожидали наступления советских войск. Они включали в себя добычу торфа – источника энергии, работу на лесопильнях и производство деревянных изделий и цемента, необходимых для строительства оборонных сооружений, рытье противотанковых траншей.

Как правило, в Эстонии евреи-лагерники не занимались работами, связанными с обслуживанием местных немецких чиновников, – такими, как портняжное, сапожное дело и т.п. Они очень тяжело трудились вне лагеря, в холоде и голоде, поэтому среди них часто вспыхивали эпидемии тифа и дизентерии – смертность узников была чрезвычайно высока. Многие больные пытались скрыть свою болезнь и продолжали работать, поскольку они знали, что при обнаружении болезни их уничтожат. В лагерях часто производилась селекция, после которой непригодных для работы выводили в ближний лес и там расстреливали. Умерших в лагерях не хоронили, а сжигали, занимались этим группы заключенных, которых назывались «сжигатели трупов».[45]

В эстонских лагерях производились селекции детей. Во второй партии заключенных, отправленной из гетто Вильнюса 24 августа 1943 г.,

включавшей родственников тех, кого выслали в предыдущей партии 6 августа 1943 г., находились дети. Были там и дети, которых родители спрятали среди вещей и тайком провезли с собой, опасаясь оставить их одних в гетто Вильнюса и Каунаса. Только в Вайваре нашлось около 200 детей. В феврале–марте 1944 г. во многих лагерях была произведена селекция. Всех нетрудоспособных, включая детей, собрали в лагере Эреда. 13 февраля 1944 г. около 800 заключенных лагеря Эреда после селекции посадили в товарный поезд и повезли на уничтожение через Литву, очевидно, в Освенцим.[46]

Е. УНИЧТОЖЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ЕВРЕЕВ В ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТЕ БЕЛОРУССИЯ

После массовых убийств весной и осенью 1942 г. в начале 1943 г. в генералкомиссариате Белоруссия оставалось в гетто и лагерях 21.000–23.000 евреев. Теперь первым ликвидировали гетто Слуцка – после Минского гетто самое крупное тогда в генералкомиссариате, в нём находилось 4.000– .000 евреев.[47] Оно исчезло 8 февраля 1943 г. В приказе от 5 февраля 1943 г. об уничтожении Слуцкого гетто командир Сипо генералкомиссариата Белоруссия Штраух писал:

«8–9 февраля 1943 г. наше подразделение совершит «переселение» евреев Слуцка... [В акции будут участвовать] 110 солдат латышской роты. Командующий акцией – оберштурмфюрер СС Мюллер. В акции примут участие офицеры, сержанты и рядовые нашего подразделения, поименованные ниже [перечисляются 28 фамилий]... В районе «переселения» имеются два рва. Возле каждого рва будет работать группа из десяти командиров и рядовых, которые будут меняться каждые два часа, в следующие часы: 8 – 10, 10 – 12, 12 – 14, 14 – 16...

Унтерштурмфюрер СС Пьере и 10 латышей под его командованием будут охранять район «переселения»... Охрана гетто возложена на полицию порядка. За сбор еврейского имущества ответственным назначается гауптштурмфюрер СС Мадекер... Концентрация евреев в гетто будет осуществляться под командованием штурмбанфюрера СС Графа, в распоряжении которого шесть отделений... Евреев переведут на территорию, предназначенную под новое поселение, в шести грузовиках, каждый из них будут конвоировать 4 латыша... Все командиры и рядовые нашего подразделения будут участвовать в этой особой акции (Sonderaktion), кроме командиров и рядовых, которые останутся в Минске [следует поименный список остающихся]».[48]

Евреев Слуцка убивали возле Мехорты неподалеку от Слуцка.[49] Акцию, как выше сказано, проводили не немецкая или местная полиция и не подразделение айнзацгруппы. На этот раз убийцами были люди из комендатуры Сипо рейхкомиссариата Белоруссия – офицеры и солдаты, служившие на штабных должностях в канцеляриях. Потому-то и возникла необходимость сформировать из них подразделения и определить каждому его роль в операции. Расстрел возле рвов Штраух

мог возложить на латышское подразделение, но представляется, что он решил вовлечь в акцию уничтожения всех своих подчиненных, чтобы каждый из них лично стал соучастником преступления.

8–10 апреля 1943 г. генералкомиссар Кубе созвал в Минске совещание, в котором участвовали гебитскомиссары, руководители отделений в генералкомиссариате, начальник СС и полиции и начальник Сипо в Белоруссии. Среди прочих тем на совещании обсуждались усиление партизанского движения, еврейский вопрос и связь между евреями и партизанами. Кубе сказал:

«В партизанском движении участвуют асоциальные элементы, а также, насколько мы до сих пор могли заметить, русские, которые эмигрировали сюда, и евреи. Когда прошлым летом мы приступили к решению еврейской проблемы и впервые начали практику «переселений», партизанское движение заметно ослабело. Но некоторым евреям удалось бежать в леса и усилить партизанское движение, которое постоянно растет».[50]

Гебитскомиссар Вилейки Газе, выступавший на этом совещании, отметил, что политическое положение в районе определяют три фактора: партизаны, польский вопрос и еврейский вопрос. Газе сказал:

«В гебитскомиссариате Вилейки до сих пор живут 3.000 евреев, остатки из 20.000, которые жили там в 1941 году... Все гетто уничтожены. Около 2.850 евреев находятся в полевом центре обслуживания (Feldzeugpark) и на военном строительном заводе в Красном.... В течение короткого времени еврейский вопрос в моем гебит[скомиссариате] должен исчезнуть. Понятно, что этого нельзя сказать о евреях, скрывающихся с бандами в лесу».[51]

Бригаденфюрер СС Курт Готтберг, начальник СС и полиции Белоруссии, ответственный за борьбу с партизанами, сообщил, что в происходивших здесь боях потери противника включали 11.000 убитых евреев и 233 пленных партизан.[52]

На этом собрании ясно вырисовалась точка зрения германских властей генералкомиссариата Белоруссия ещё со времён акций уничтожения 1942 г.: евреи идентифицировались с партизанами. Такой подход, как уже отмечено нами, определял их обречённость на тотальное уничтожение. Приказу Гиммлера от 21 июня 1943 г. о замене гетто концлагерями здесь, в отличие от других районов Остланда, не придавали большого значения, поскольку евреев ждало немедленное уничтожение.

Находившиеся в Красном евреи, о которых говорил Газе, были привезены летом 1942 г. в Вилейку и в Молодечное из Барановичей и окрестностей.[53] Лагерь ликвидировали в 1943 году. 150 евреев, до тех пор находившиеся в Вилейке, бежали в ближайшие леса либо были убиты немцами.[54]

В Барановичах после акции в сентябре 1942 г. осталось около 700 евреев, их содержали в трех лагерях вблизи места их работы. Десятки людей бежали оттуда в леса. В январе 1943 г. было убито около 200 работников из лагеря возле аэродрома. 27 октября 1943 г. работников

здешнего лагеря «Тодт» перевезли в концлагерь Колдичево. 1 ноября 1943 г. из лагеря Сипо 40 евреев бежали к партизанам.[55]

Лагерь Колдичево создали еще летом 1942 г. на расстоянии 18 км от Барановичей по дороге в Новогрудок. Лагерь подчинялся Сипо, охраняли его белорусские полицейские. Большинство заключенных лагеря составляли евреи из окрестных городов и местечек, но содержались в нем и неевреи, подозреваемые в антигерманской деятельности. В ноябре 1942 г. в лагере построили крематорий, он работал в течение короткого времени, и в нем сожгли трупы 600 человек. Всего там убили несколько тысяч евреев. Около 100 евреев, которые остались в лагере, сорганизовались и в ночь 17 марта 1944 г. бежали. Примерно четверть беглецов схватили и расстреляли, остальные добрались до партизан.[56]

После акции августа 1942 г. в Новогрудке осталось около 1.200 евреев, и их количество все уменьшалось, поскольку молодежь бежала в леса. Из-за побегов немецкие власти ужесточили контроль над входом в гетто и выходом из него. 24 февраля 1943 г. гетто Першика, одно из двух гетто в Новогрудке, было оцеплено, всех 500 евреев, которые в нем находились, отвели ко рвам, вырытым неподалеку от села Литовка в трех километрах от города, и там расстреляли. Около 600 евреев остались в Новогрудке в лагере. 7 мая 1943 г. им приказали явиться на площадь якобы для получения дополнительного питания. Специалистам немцы велели идти в мастерские. Оставшихся же оцепили местная полиция и литовское подразделение. Из них более 300 человек отвезли за город по дороге, ведущей в местечко Кореличи, и расстреляли.[57] 9 июля 1943 г. оберштурмфюрер СС Мюллер из Сипо Минска послал полицейское подразделение уничтожить 250 евреев, ещё остававшихся в Новогрудке. После приезда в Новогрудок командир подразделения решил не проводить акции уничтожения, объяснив в отчёте от 11 июля 1943 г.:

«Я не выполнил пожелания штурмфюрера Трауба о переселении еврейского лагеря, поскольку, по моему мнению, эта задача невыполнима, если только одновременно не уничтожить еще 2.000 евреев в Лиде. Невозможно уничтожить 250 евреев в Новогрудке без того, чтобы назавтра еще 1.000 евреев не сбежала в лес к бандитам».[58]

На этот раз не потребность в еврейской рабочей силе была причиной отсрочки уничтожения в Новогрудке, а вероятная реакция евреев близлежащей Лиды и их бегство к партизанам. Очевидно, у немцев тогда не было возможности предотвратить это. До сих пор во многих местах бегство к партизанам служило причиной ускорения процесса уничтожения, здесь же ход рассуждений был противоположным. Эта отсрочка спасла на какое-то время евреев Новогрудка.

Но им было понятно, что конец близок. Подпольная группа, действовавшая в гетто, решила организовать массовое бегство, и поскольку гетто охранялось очень строго, решили прорыть туннель и по нему уйти в лес. Из жилого барака, расположенного ближе всего к забору, проры-

ли подкоп, выход из которого должен был находиться вдали от ограды и сторожевых постов гетто. Подкоп протянулся на 250–270 метров, и в его рытье, которое продолжалось около двух с половиной месяцев, участвовало большинство узников лагеря. Побег назначили на ночь 26 сентября 1943 г., о чём оповестили всех узников. Подпольщики составили список 233 беглецов, и определили очередь входа в туннель жеребьевкой. С наступлением темноты узники стали спускаться в туннель. Когда последние из очереди собирались выйти из туннеля, охрана заметила происходящее и открыла по ним огонь. На место были вызваны дополнительные силы, они включились в погоню за беглецами. Около 100 человек сумели добраться до леса, остальных застрелили во время бегства или после поимки.[59]

В Лиде после акции 8 мая 1943 г. жили в гетто около 3.500 евреев, среди них привезенные из близлежащих местечек. Вслед за той акцией и усилением деятельности партизан в окрестных лесах молодежь в гетто стала добывать оружие и бежать в леса. 300 человек сумели туда добраться. Тем временем евреи гетто продолжали работать на армейских и местных предприятиях, а также в мастерских гетто. 18 сентября 1943 г. в 6.00 часов утра гетто оцепили, немцы вошли в него и объявили по громкоговорителю, что гетто ликвидируется, а жители переводятся в трудовые лагеря. Им разрешается взять с собой личные вещи и приготовить в дорогу еду. Это несколько успокоило людей. Евреев гетто отправили пешком на железнодорожную станцию, оттуда в закрытых вагонах отвезли в лагерь смерти Собибор, где умертвили в газовых камерах. Об отправке евреев Лиды в Собибор на судебном процессе свидетельствовал немецкий инженер Отто Вайсбеккер, работавший прорабом в организации «Тодт»:

«Я прибыл в Лиду и работал на укладке железнодорожных путей… В гетто было 1.400 евреев. На строительном участке, которым я руководил, работало 1.300 евреев и членов их семей, живших в лагере… Приблизительно в середине 1943 г.… все евреи были переведены в подчинение Сипо. Однажды все евреи гетто – мужчины, женщины и дети – были посажены в товарные вагоны и под наблюдением гауптштурмфюрера Бахе отправлены в лагерь Собибор. На следующий день я получил приказ от начальника моего отдела архитектора Ганса В. перевести наших евреев в Люблин для выполнения работ. В тот же день евреев посадили в поезд, по 60 человек в каждый вагон. Меня назначили начальником эшелона, и в моем распоряжении находились один сержант полиции и 19 польских полицейских… Несмотря на все принятые меры предосторожности, по дороге 20–25 евреев сбежали… На следующее утро я явился в лагерь [Собибор] и был вызван к начальнику… На стене барака висела большая карта лагеря. Посмотрев на карту, я понял, что нет никакой возможности разместить в имеющихся бараках 1.400 евреев, которых привезли вчера. На мой вопрос, где будут жить евреи, которых я привез, начальник ответил, что из 1.400 евреев в живых уже не остался ни один».[60]

Использование людей из организации «Тодт» для перевозки евреев Лиды было призвано ввести их в заблуждение относительно своей участи в Собиборе и заставить поверить, что их переводят на работу в рамках организации «Тодт».

В Глубоком после акции, проведенной в июне 1942 г., в гетто осталось около 2.200 евреев. Отсюда, как и из других белорусских гетто, молодежь бежала к партизанам, и в гетто действовало вооруженное подполье. В середине августа 1943 г. Сипо сообщила юденрату, что гетто ликвидируется, а евреи переводятся в концлагерь в генерал-губернаторство Польша. Евреи не выполнили распоряжения покинуть гетто, и 20 августа 1943 г. туда вошли немецкие силы и местная полиция. Подпольщики открыли огонь, гетто было подожжено, и началось массовое бегство. Более 200 людей смогли бежать, добраться до леса и присоединиться к партизанам. Остальные были убиты в самом гетто либо расстреляны за пределами гетто.[61]

В Минском гетто, крупнейшем в Белоруссии, в начале 1943 г. по приблизительным оценкам жило 7.000–9.000 евреев. Немецким начальником гетто вместо Рихтера был назначен Геттенбах, а от имени Сипо командовал гетто Рыбе. Юденрат разогнали, вместо него организовали правление во главе с Эпштейном, бывшим заведующим биржей труда в гетто. Эпштейн, беженец из Польши, в отличие от прежних руководителей юденрата сотрудничал с немцами.[62] В промежутке между январем и сентябрем-октябрем 1943, когда гетто было полностью истреблено, продолжались убийства детей и стариков, а также одиночные и коллективные карательные действия против тех, кого подозревали в попытке к бегству или подпольной деятельности. Гетто постепенно угасало. Вот свидетельство о гетто того периода:

«С приходом Рыбе евреи не знали ни одной минуты передышки... На каждом шагу падали убитые. Лицо человека не понравилось Рыбе – расстрел... Люди боялись выходить из квартир. Но и это не помогало. Рыбе со своими бандитами вламывался в квартиры. Нашли булочку из немецкой выпечки – выстрел, книжку для чтения – расстрел... Еврейские дети, гонимые голодом, пробирались в русский район и там нищенствовали, прося корки хлеба... В феврале Рыбе учинил облаву на детей: их изловили в русском районе, посадили в грузовую машину, повезли на еврейское кладбище и там расстреляли. 19 февраля Рыбе, объезжая предприятия, где работали немецкие евреи, обратил внимание на нескольких молодых, красивых девушек и женщин. Он выбрал первых красавиц гетто – 12 немецких евреек и одну русскую еврейку... Рыбе отдал приказ взять под руку женщин и медленным шагом повести их по Сухой улице на кладбище... Звери раздели женщин догола, стали издеваться над ними, а потом... расстреляли их...

В этот вечер, 19 февраля 1943 г., в 23 часа в гетто въехала грузовая машина с гестаповцами... Они направились в дом № 48 на Обувной улице... Всех жильцов этого дома, 140 человек, убили... 20 февраля Рыбе вывесил приказ о том, что в доме № 48 хранилось оружие, за

что всех жильцов дома расстреляли…

Медленно, не спеша, Рыбе ликвидировал гетто… Вскоре Рыбе отдал приказ доставить на биржу труда всех детей, не имеющих родителей… Детей отвезли на машине в тюрьму, а оттуда на расстрел…

В конце апреля 1943 г. Рыбе отдал приказ… всем врачам явиться в юденрат... Врачей разбили на группы, пожилых... отвели в сторону… Как только стемнело, послали за их семьями… Всего около 100 человек… повели колонну в тюрьму, там с них сорвали одежду, избили и умертвили…

На очередь стали детский и инвалидный дома… В конце апреля 1943 г., в 11 часов ночи… детей и персонал хватали голыми и бросали в кузов машины. Инвалидов, больных и маленьких детей застреливали на месте… Грузовая машина с людьми уехала в тюрьму. Детей этих больше никто не видел… Оставались больницы. В мае… Мюллер, Рыбе, Михельсон и еще четверо людей, одетые в цивильную одежду, с автоматами, скрытыми под плащами, вошли в больницу и детский дом и расстреливали в упор больных и детей».[63]

Генералкомиссар Кубе одобрял уничтожение евреев. Но когда Сипо в ходе этих акций арестовала 20 июля 1943 г. рабочих, которые обслуживали его самого, и он сам пострадал от этого, Кубе пригласил к себе начальника Сипо Белоруссии Штрауха. В письме, отправленном в тот же день своему руководству, Штраух описал их разговор:

«Во вторник 20 июля 1943 г. в 7.00 утра я задержал, согласно приказу, 70 евреев, которые были заняты на работах у генералкомиссара Белоруссии, и передал их на «специальную обработку» (Sonderbehandlung). В тот же день, в 10.00 утра я получил сообщение что гауляйтер [Кубе] желает немедленно со мной побеседовать... Я явился по вызову... Он спросил меня, что побудило меня арестовать евреев, занятых у него на работе. Я объяснил, что получил четкий приказ провести эту акцию. Он потребовал, чтобы я показал ему этот приказ в письменном виде. Я ответил, что для меня приказ, полученный в устной форме, означает то же самое, что и в письменной… Тогда гауляйтер Кубе объявил, что речь идет о серьезном ущербе, нанесенном его полномочиям, что еврейская рабочая сила подчинена ему, и не может быть, чтобы рейхсфюрер СС [Гиммлер] или, в данном случае, обергруппенфюрер фон Дем Бах вмешивался в дела его генералкомиссариата... Он вынужден видеть в этом личный выпад, поскольку евреев отнимают только у него, а не у вермахта или иных учреждений… Понятно, что он не может вооружить своих людей и предотвратить арест [евреев], он вынужден подчиниться силе. Но, вне всякого сомнения, на будущее он отвергает любую возможность сотрудничества с полицией, в особенности – с Сипо… Даже тот факт, что золотые коронки удаляются специалистами-стоматологами с зубов евреев, которые передаются на «специальную обработку», становится предметом беседы. Кубе ответил, что подобная манера поведения недостойна немецкого человека и Германии Канта и Гете… Кроме этого [про-

должал он], верно и то, что некоторые люди просто удовлетворяют свою страсть к убийству. Я решительно запротестовал против этого утверждения. Самое печальное, – сказал я, – это то, что сначала нам поручают эту отвратительную работу, а потом нас же обливают за это грязью. На этом беседа окончилась».[64]

Кубе знал о вырывании золотых зубов из письма, которое он получил 31 мая 1943 г. от начальника минской тюрьмы Гюнтера. Гюнтер сообщал, что Сипо привезла в тюрьму в качестве узника еврейского стоматолога по имени Эрнст Исраэль Тихауэр и его жену. Этот врач, говорилось в письме, во время акций 14 и 27 апреля 1943 г. вырвал у 164 евреев золотые коронки вместе с зубами. В письме также отмечалось, что у 50% евреев есть золотые зубы, золотые пломбы или золотые мосты, и что во время их удаления присутствовал гауптшарфюрер Адольф Рыбе, который забирал с собой золото.[65]

В лагерях уничтожения было принято вырывать золотые зубы у евреев после умерщвления в газовых камерах и перед закапыванием или сожжением в крематории. Вырывание золотых зубов у живых людей было, очевидно, редким явлением и производилось, как представляется, только по инициативе Сипо в Минске.

Между Кубе и начальством СС в генералкомиссариате Белоруссия возникли разногласия. Кубе считал, что в интересах Германии и для ослабления партизанского движения нужно привлекать к власти как можно больше местных националистов, давать им больше полномочий в области культуры, экономики и организации молодежи. СС, ответственные за борьбу с партизанами, видели выход только в насилии и терроре, что выражалось в арестах, убийствах тысяч заложников и в сжигании целых сел.[66] Что же касается уничтожения евреев, тут у Кубе и СС разногласий не было. Но, чтобы ослабить позицию Кубе, эсэсовцы использовали любую возможность обвинить его в несогласии с ними даже по еврейскому вопросу – как это видно из процитированного письма Штрауха. В другом письме, направленном обергруппенфюреру СС фон Дем Бах-Залевскому, тогдашнему командиру частей, воевавших с партизанами, Штраух писал, что Кубе «абсолютно бездарен как администратор и лидер, враждебен СС и полиции, а кроме того, его позиция в еврейском вопросе совершенно невозможна».[67]

22 сентября 1943 г. Кубе был убит бомбой, подложенной в его постель белорусской служанкой, которую завербовали партизаны. На его место назначили бригаденфюрера СС Курта фон Готтберга, служившего одновременно начальником СС и полиции этого района. Тем самым усилилось положение СС по сравнению с гражданской администрацией.[68]

В первых днях сентября 1943 г. началось окончательное уничтожение Минского гетто. Из него и из соседних трудовых лагерей всех трудоспособных перевели в концлагерь, находившийся в Минске на улице Широкой. Этот лагерь тогда служил также пересыльным пунктом для переброски людей в лагеря генерал-губернаторства Польша.

10 сентября 1943 г. около 2.000 мужчин отправили поездом в Лю-

блин, там из них отобрали 500 человек, которые сказались специалистами, и отправили в лагерь в Бендзине.[69] Остальных послали в лагерь уничтожения Собибор. По меньшей мере, с одного эшелона, отправленного из Минска прямиком в Собибор, было снято несколько женщин, которые назвались портнихами. Их отправили из Собибора в трудовой лагерь Травники, где были мастерские по шитью обмундирования для немецкой армии.[70] 18 сентября 1943 г. из лагеря на Широкой ушел еще один эшелон в Собибор. Лейтенант Александр Печерский, который находился в группе военнопленных евреев, содержавшихся в лагере на Широкой и был отправлен в этом эшелоне, писал:

«Вечером, на пятый день поездки, мы прибыли на какую-то заброшенную станцию. На белой вывеске было написано: Собибор... Утром 23 сентября паровоз втащил поезд прямо на территорию лагеря... Мы вышли из вагонов, усталые и голодные. Обершарфюрер Гумарский закричал: «Все столяры и плотники, без семей, шаг вперед!». 80 человек выступили вперед, большинство – военнопленные. Нас погнали в барак на огороженной забором территории... Один из лагерных евреев, который только что вернулся с работы, подошел к нам. Пока мы с ним разговаривали, я заметил столб серого дыма, поднимавшегося на северо-западе, и почувствовал в воздухе едкий запах гари. Я спросил: «Что там горит?» – «Это сжигают трупы твоих товарищей, которые приехали вместе с тобой», – ответил еврей. Меня охватил ужас».[71]

Евреи Минска не знали о существовании лагерей уничтожения и верили, что их везут в трудовые лагеря. Отсутствуют достоверные данные о количестве дополнительных эшелонов из Минска. В свидетельстве Печерского о транспортах, прибывших в Собибор после того, как он туда попал, 27 сентября, 8 и 11 октября 1943 г., ничего не говорится о местах их отправки.[72] Эшелон 27 сентября 1943 г. прибыл в Собибор из гетто Вильно. Эшелоны 8 и 11 октября вышли, очевидно, из Минска.

Последняя акция ликвидации Минского гетто началась 21 октября 1943 г. и продолжалась 10–12 дней, поскольку многие евреи скрывались, и немцы прочесывали дом за домом. До последней акции в гетто было 2.000–3.000 евреев. На этот раз их отвезли в Малый Тростянец и там убили. Лагерь Собибор в тот период не мог принять новых эшелонов, поскольку 14 октября 1943 г. там вспыхнуло восстание заключенных-евреев и лагерь перестал действовать.[73] В акции 21 октября 1943 г. участвовал 11-й батальон шуцманов под командованием эсэсовца Краузе. Солдат этого батальона белорус Павел Шлык, который участвовал в акции, рассказал:

«Полицейские 3-й роты, среди которых был и я, с утра до наступления темноты находились на территории гетто, выгоняя евреев из домов и отводя их к воротам гетто, где жертв вталкивали в специальные автомашины для уничтожения людей газом... Кроме того, узников гетто загоняли в кузова обыкновенных грузовиков, покрытых брезентом. В каждую душегубку или в грузовик помещалось 30–50 человек. В этих машинах узников гетто вывозили из Минска

и доставляли в лесной массив в районе деревни Тростянец. Там на поляне тела убитых выгружались полицейскими из душегубок в заранее подготовленные ямы. Узников доставленных в грузовиках, расстреливали полицейские... В последний день проведения этой карательной операции я совместно с другими полицейскими... разыскивал узников, прятавшихся на территории гетто в подвалах, на чердаках и в других местах. Было обнаружено 30–40 человек. Полицейские посадили их в душегубку и куда-то вывезли. Полицейские 11-го батальона... уничтожили несколько тысяч узников Минского гетто».[74]

Несмотря на охрану и обыски в гетто, длившиеся около двух недель, десятки, а может, и сотни евреев скрывались в «малинах» на территории гетто вплоть до дня освобождения города 3 июля 1944 г.[75] Даже после октябрьской акции 1943 г. немцы оставили в Минске около 500 еврейских специалистов, 80–100 человек из них перевели в подразделение Сипо, которое занималось сжиганием трупов в районе Тростянца. Специалистов постепенно уничтожали. За несколько недель до освобождения еще оставалось около 30 евреев, но накануне отступления немцы всех застрелили.[76]

В генералкомиссариате Белоруссия гетто не заменяли концлагерями в духе приказа Гиммлера от 21 июня 1943 г., как это делалось в других районах Остланда. Причиной было белорусское партизанское движение, включавшее в себя тысячи беглецов из гетто. Немецкому руководству хотелось как можно скорее избавиться от евреев, которых они считали фактором, укрепляющим партизанское движение. В этой ситуации соображения безопасности превалировали над выгодой от использования еврейской рабочей силы. Совещание у Кубе 8–10 апреля 1943 г. сформулировало задачу: максимально быстро ликвидировать гетто и лагеря со всеми их обитателями-евреями, поскольку они являются потенциальными участниками партизанского движения. Все составные части немецких властей в Белоруссии – гражданская администрация, СС и немецкая армия – были тут единодушны. И до ноября 1943 г. они полностью истребили белорусские гетто и трудовые лагеря со всеми их узниками.

Ж. УНИЧТОЖЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ЕВРЕЕВ В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ: ИЮЛЬ-ОКТЯБРЬ 1944 г.

22 июля 1944 г. Советская Армия прорвала немецкую линию обороны на фронте группы армий Центр, затем захватила большую часть Белоруссии и быстро двинулась к Литве. Немецкая армия начала в панике отступать. Сведения о поражениях немцев вызвали ликование евреев в лагерях. Они надеялись, что благодаря быстрому продвижению Советской Армии немцы не успеют их истребить. Но надежды не сбылись. Немцы успели казнить или эвакуировать евреев – в иных местах буквально за несколько дней до прихода советских войск. Сроки уничтожения зависели от скорости приближения Советской Армии. Литва была первой прибалтийской республикой, в которую пришли освобо-

дители, поэтому литовские евреи были первыми в очереди на смерть.

Прежде всех в Литве уничтожили евреев из лагерей в Вильнюсе. 2–3 июля, одновременно с захватом Минска, удаленного от Вильнюса на 200 км, вывезли 2.000 евреев из лагерей Кайлис, НКР и военного госпиталя и расстреляли в Понарах. Сотни людей прятались в «малинах» внутри лагерей, но многие из них были убиты, когда солдаты СС обыскивали помещения и швыряли гранаты в места укрытия. Через 10 дней Вильнюс освободила Советская Армия. Число спасшихся бегством или в «малинах» составило 150 – 200 человек.[77]

Перед приходом Советской Армии в Каунасе и в окрестных лагерях обитало 7.000–8.000 евреев. В начале июля 1944 г. начальник лагерей штурмбанфюрер Гекке вызвал к себе председателя юденрата д-ра Алекса и сообщил ему, что центральный лагерь в гетто собираются ликвидировать, а евреев отправляют на работу в Восточную Пруссию. В гетто началась паника. Люди стремились убежать или спрятаться в «малинах» в надежде, что через несколько дней в город войдут советские солдаты. Между д-ром Алексом и Гекке состоялся разговор, и Алекс сказал Гекке, что, насколько он понимает, отправка жителей гетто в Германию означает их уничтожение. Обращаясь к Гекке – что в той ситуации требовало немалого мужества – он взволнованно произнес:

> *«Вывоз оставшихся евреев из гетто в Германию не спасет Ваше отечество... Вы можете спасти нас, не выполнив приказа об эвакуации гетто. Но как сделать это – путем задержки эвакуации либо иным путем – Вам лучше знать. А мы, евреи, отблагодарим Вас за это. Я предлагаю Вам остаться с нами [когда придет Советская Армия] и обещаю со всей ответственностью, что ничего худого с Вами не случится».*

Гекке вскочил с места и гневно закричал: «Я офицер СС! О подобных вещах речи быть не может!» На том беседа и закончилась.[78]

7 июля в центральный лагерь на территории Каунаского гетто были привезены евреи из других лагерей города. 8 июля, когда Советская Армия подошла к предместьям Вильнюса, отстоявшего от Каунаса на 100 км, сотни евреев из центрального лагеря были посажены на плоты и по реке Неман отправлены в Тильзит, в Восточную Пруссию. 10–12 июля был эвакуирован центральный лагерь, и евреев отвезли на железнодорожную станцию. Пересчитав их, немцы пришли к выводу, что примерно половина – 4.000 человек – отсутствует. Эсэсовцы стали обыскивать дома и хватать спрятавшихся евреев. Они поджигали дома и забрасывали подвалы гранатами, предоставляя евреям возможность либо выйти, либо погибнуть. Около 1.500 укрывшихся умерли подобным образом. Остальных евреев из лагеря посадили в товарные вагоны и привезли в концлагерь Штутгоф.

В Штутгофе мужчин отделили от женщин. Среди женщин провели селекцию, трудоспособных отправили в различные концлагеря. Остальные были убиты либо умерли из-за невыносимых условий, царивших в лагере. Мужчин отправили в концлагерь в районе Дахау в Германии. Всего из Каунаса в Восточную Пруссию и в Штутгоф перевели

5.000–6.000 евреев. 1 августа 1944 г. Каунас освободили. Три дня спустя в городе появились 265 евреев: 90 из них скрывались в «малинах» на территории центрального лагеря, остальные бежали из лагеря и прятались в городе или его окрестностях.[79]

В центральном лагере Шауляя было 2.000 евреев. 11–14 июля туда вернулось более 1.500 евреев из окрестных лагерей; туда же привезли еще около 3.000 евреев из лагерей в Паневежисе. Советская авиация бомбила Шауляй, и десятки евреев погибли и были ранены при бомбежках. Десятки евреев, пользуясь суматохой тех дней, бежали из центрального и близлежащих лагерей. Вот свидетельство о последних днях в Шауляе:

«Все мы в гетто несколько дней были как в лихорадке... Надеялись, что перевозочных средств не найдется, и мы останемся в живых. Но напрасно: для гетто выделили вагоны, и 15 июля ушёл первый поезд с 3.000 человек, а 17 июля отправились еще 3.000 человек... 19 числа из гетто должен был уйти последний эшелон, но по железной дороге ехать было уже невозможно... Я решил бежать во что бы то ни стало, остаться в живых, чтобы рассказать следующим поколениям, как поступали с нами наши гонители».[80]

22 июля ушел последний эшелон с 2.000 человек. Всех евреев Шауляя привезли в Штутгоф, где их ждала участь евреев Каунаса, доставленных туда несколькими днями раньше. 27 июля 1944 г., через пять дней после отправки последнего эшелона, Шауляй был освобожден.[81]

В середине сентября 1944 г. советские войска начали освобождать Латвию. О количестве евреев, находившихся в концлагерях Латвии в начале лета 1944 г., точных данных нет. Предположительно там находилось 9.500–10.000 евреев.[82] Весной 1944 г. 1.500–2.000 евреев отправили из латвийских лагерей в Паневежис, в Литву. Учитывая их гибель от голода, болезней и казней, можно предположить, что до эвакуации количество евреев в Латвии составляло 7.500–8.500. В это число не включены венгерские женщины, привезенные из Освенцима.

В начале августа, перед эвакуацией евреев из латвийских лагерей, все они были собраны неподалеку от Риги, в лагере Кайзервальд. Эвакуация совершалась морским путем из Рижского порта или из порта Лиепаи... Первый пароход назывался «Бременгафен». Он отплыл из Риги 6 августа 1944 г. Одна из узниц, Гертруда Шнайдер, вспоминала:

«Нас было почти две тысячи человек – 1.100 мужчин и 900 женщин. Еще там было около 3.000 еврейских женщин из Венгрии... На пароходе было также около 3.000 русских военнопленных... Наше плаванье на «Бременгафен» продолжалось двое суток... Команда состояла из австрийских солдат. Угнетающе действовало то, что они совсем не изменились: антисемиты самого худшего сорта...»[83]

«Бременгафен» прибыл в Гданьск 8 августа 1944 г., и заключенные-евреи были доставлены в Штутгоф. Узников отправляли морем также 25 и 29 сентября 1944 г., последняя отправка состоялась в начале октября 1944 г. Вот что пишет Менахем Шерман, который находился на пароходе, отплывшем из Риги 29 сентября 1944 г.:

«Уходим в море. В сердце закрадывается опасение, что нас собираются утопить в море... Условия ужасные... Проходит несколько дней, некоторые не выдерживают, среди нас уже есть мертвые, у некоторых рассудок помутился, и они находят свою смерть в пучине моря.... Мы прибыли в Данциг... Нас спускают на берег... На плотах, которые тянет за собой буксир, мы плывем из порта вдоль Вислы... Только тогда мы узнали, что мы направляемся в Штутгоф».[84]

Когда советские войска освободили Ригу и район лагеря Кайзервальд в середине октября 1944, там больше не было евреев. В некоторых лагерях сотни, а может и тысячи заключенных были убиты в августе и сентябре 1944, перед отходом немцев.[85] В Курляндии, на западе Латвии, где находился порт Лиепая, немцы построили линию обороны и удерживали его до последнего дня войны. В этом районе располагался и лагерь Дундага с несколькими тысячами евреев, их отправили пешком в Лиепаю. Из Лиепаи большинство заключенных перевели в Штутгоф, остальных, очевидно, расстреляли на месте.[86] Согласно одному из свидетельств, пароход с евреями, среди которых были женщины из Венгрии, подорвался на мине, и все узники утонули в Балтийском море.[87]

7.500–8.500 евреев, которые находились в лагерях Латвии летом 1944 г., а также несколько тысяч евреек из Венгрии были переведены в Штутгоф и другие лагеря в Германии. Большинство умерло в этих лагерях и в «маршах смерти» – такова была судьба лагерных заключенных в последние месяцы войны.[88] Количество евреев, спасшихся в Латвии, составляло около 200.[89]

Судьба евреев в лагерях Эстонии не отличалась от судьбы евреев Латвии и Литвы. В январе-феврале 1944 г. Советская Армия подошла к границам Эстонии и остановилась для переформирования. В апреле началась эвакуация 8.000–9.000 евреев, которые были в эстонских лагерях.[90] Евреев этапировали из Лагеди, Кивиыли и других лагерей Балтийским морем в концлагерь Штутгоф.[91]

Освобождение Эстонии началось с Нарвы на северо-востоке страны 23 июля 1944 г. Из Вайвары, Эреды и большинства других лагерей, которые находились недалеко от Нарвы, вывезли всех находившихся там евреев и отправили в Таллинн и в лагеря Клоога и Лагеди, расположенные западнее. В конце июля во всех лагерях Эстонии уничтожили узников, непригодных к работе. В середине августа 1944 г. в Таллинн были переведены 2.500 евреев, собранных ранее в Лагеди, посажены на пароход и отправлены в Штутгоф.[92] Всего из Эстонии депортировали 4.000–5.000 человек.

15 сентября 1944 г. Советская Армия прорвала немецкую линию обороны в Эстонии и быстро продвинулась к Таллинну. В этот день в лагере Лагеди было около 500 евреев, привезенных несколькими неделями раньше из лагеря Клоога, где осталось 2.500 евреев. В сентябре 1944 г. в Лагеди заключенных посадили в грузовики группами по 40 человек, отвезли в лес и там расстреляли. Трупы 426 расстрелянных сгребли в кучу, эсэсовцы перед наступлением темноты облили ее бен-

зином и подожгли. Два последних грузовика из Лагеди задержались в дороге из-за неисправности одной автомашины и приехали на место расстрела после наступления темноты. Узников отвезли на рассвете 19 сентября в лагерь Клоогу.[93] 19 сентября 1944 г. в 4.00 утра немецкие и эстонские эсэсовцы оцепили лагерь Клоога. Евреям было приказано построиться, после чего из них отобрали 300 молодых людей и сказали им, что их забирают на работу в ближайший лес, и что они вернутся к полудню. Вот что писал М. Бальберишский:

«Уже час дня, а работники не возвращаются… Вдруг в половине второго слышим автоматные очереди… В лагерь вернулись несколько немцев и забрали группу людей… Каждые пятнадцать минут приходили немцы, забирали 25–50 человек и сразу же слышались автоматные очереди и одиночные выстрелы. Наступил вечер. Площадь постепенно опустела. В какой-то момент несколько человек, а среди них и я, бросились бежать в ближайшее здание и спрятались там под кроватями… Кажется, вывели последние группы… Мы, скрючившись, лежим под кроватями, прислушиваемся и ждем, не войдут ли убийцы. Вдруг темная комната озаряется морем огней. Языки огня поднимаются к небу… Вдруг наступает тишина, полное молчание, только огонь и искры… Дети, женщины и мужчины горят в огне… Когда забрезжил день, немцев уже не было видно».[94]

300 людей, которых первыми увели с места построения, были отведены в ближайший лес, там им велели таскать бревна и укладывать их в форме квадратов размером шесть на шесть метров, каждый квадрат на расстоянии четырех метров от другого. Когда евреи закончили работу, им велели лечь на эти деревянные площадки лицом вниз, и всех застрелили в затылок. На убитых настелили еще один слой бревен, из лагеря привели новую партию заключенных и убили таким же способом. Настилать бревна поверх трупов немцам помогали эстонские заключенные.[95] Одновременно с расстрелом на деревянных площадках, группу евреев в лагере привели в большой деревянный барак, загнали их туда по одному, велели лечь на трупы убитых прежде и застрелили. К вечеру деревянные площадки и барак были заполнены трупами 2.500 евреев, которых расстреляли там в течение этого дня. Когда стемнело, немцы облили бензином горы трупов на слоях бревен и в бараке, и подожгли их. Рассказывает Авраам Вапняк, который сумел оттуда спастись:

«Подошла очередь группы, в которой я находился. Нас было тридцать человек. Нас вывели за пределы лагеря… Из барака, который до сих пор служил жильем немцам, доносились крики и плач. Вокруг бесновались эсэсовцы… На нас мгновенно набросились, заставили лечь на землю лицом, руки за голову. К моему отцу, который был первый в ряду, подошел немец и втолкнул его в барак. Я услышал выстрелы. Больше своего отца я не видел. Я был третьим в очереди. Когда немец приставил пистолет к моей спине, я попятился. Трудно объяснить, но в эту минуту между мной и немцем завязался диалог. Немец спросил меня, боюсь ли я. Я ответил: «Нет, теперь это уже неважно…». На это он сказал: «Это верно, ты прав» и сразу

втолкнул меня в барак, швырнул на гору трупов и дважды выстрелил мне в спину. Спустя какое-то время сознание ко мне вернулось. Я пошевелился, чтобы убедиться, что я жив... немцы продолжали втаскивать внутрь людей и расстреливать их. Только когда стемнело... я прополз между трупами, думал, может, я найду отца, но мне это не удалось. Тем временем я услышал, как немцы заколачивают дверь барака. В ту же минуту разбили окно и плеснули внутрь бензином. Барак мгновенно занялся пламенем... Я выскочил наружу и успел заметить, что еще двое заключенных выпрыгнули вслед за мной. Немцы заметили нас и открыли огонь... Я падал, бежал, пока не добрался до леса. Остановился и осмелился обернуться, чтобы поглядеть вокруг. Картина, которую я увидел, показалась мне адом: два гигантских костра освещали небо».[96]

Были попытки бегства и с деревянных площадок, когда там расстреливали евреев. После освобождения неподалеку от места казни нашли трупы восемнадцати застреленных беглецов. После того, как все было окончено и труппы подожжены, немцы в ту же ночь оставили Клоогу, не дожидаясь, пока догорит огонь. Перед этим они еще успели застрелить несколько десятков евреев, которые прятались в лагере. Через пять дней после ухода немцев, 25 сентября 1944 г. в Клоогу вошли советские солдаты. Около 85 спасшихся вышли из своих укрытий в лагере, а через несколько дней их количество увеличилось до 100, когда к ним присоединились люди, бежавшие из лагеря. Не все трупы сгорели, и советские солдаты находили то здесь, то там ряды убитых вперемешку с бревнами. Эти картины были запечатлены на фотоснимках. Еврейские заключенные, убитые в Лагеди и в Клооге, были последними евреями, находившимися в эстонских лагерях. В течение нескольких недель все уцелевшие вернулись в Литву, большинство из них – в Вильнюс, откуда они и прибыли.[97]

Из 31.000–34.000 еврейских заключенных, остававшихся в прибалтийских концлагерях в июле 1944 г., 20.000–23.000 евреев вследствие потребности в рабочей силе для нужд военного хозяйства Германии были эвакуированы в концлагеря в Рейхе, остальных убили накануне эвакуации.

Отступая, немецкое командование не оставляло после себя ни одного живого еврея. Несколько сотен евреев, которые дожили до освобождения, уцелели лишь благодаря укрытиям, в которых они прятались, и имевшимся у них арийским документам. Кроме них, еще сотни евреев, в основном из Литвы, выжили в лесах либо в рядах партизан. Подавляющее большинство депортированных в Рейх было убито или умерло «естественной» смертью во время работы и «маршей смерти» в Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. LTSR CVA, Фонд R-685, Опись 10, Дело 61.
2. Arad, *Ghetto in Flames...*, p. 358.
3. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 139; Цви Браун и Дов Левин, *История подполья*. – Иерусалим, 1962, с. 112 (далее Браун и Левин, *История подполья...*).

4. Arad, *Ghetto in Flames...*, p. 568
5. *Там же*, с. 568-569.
6. Baranauskas and Ruksenas , *Documents...,* p. 292-294.
7. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 140 пишет, что гебитскомиссар Каунаса «согласился на приход евреев в гетто и на их проживание в нем, но Сипо в последнюю минуту не дало на это разрешения, поскольку у него в руках были сведения о связи этих евреев с партизанами. Поэтому в конце концов был отдан приказ уничтожить всех». Крук, *Дневник,* с. 547-548. Крук пишет, что командир Сипо в Вильнюсе Нойгебауэр сказал что если бы не связь молодежи из гетто с партизанами, не происходили бы события, связанные с евреями Швенчениса и Ошмяны.
8. Крук, *там же*, с. 492, 519; Канц, *Книга Памяти Швенчениса...*, с. 1665, 1685, 1716.
9. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 367-370.
10. Bubnys, *Lithuanian...*, pp. 22-23.
11. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 405-407; Калманович, *Дневник...*, с. 78-83; Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...*, с. 361-362, 365.
12. См. гл. 45.
13. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 407-408, 414-415; Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...*, с. 391; Корчак, *Пламя...*, с. 181, 186-187.
14. Arad, *ibid*., pp. 420-422, 425-432.
15. *Там же*, с. 340-343; 349-350.
16. Дрор , *В Клооге...*, с. 17.
17. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 150, 155-156; Гар, *Разрушение...*, с. 204-215.
18. Иерушалми, *Хроника Шауляя...*, с. 270-271, 275, 292, 302-306. Левин, *Хроника общин Литвы...*, с. 679.
19. *Masines Zudynes Lietuvoje*, Dokumentu Rinkinys (1941–1944). Vol. 1. – Vilnius, 1965, pp. 243-244 (Массовое уничтожение в Литве, сборник документов). Отрывок из рапорта, где сообщается о массовом бегстве и сопротивлении, подразумевает события в Вильнюсе 6 августа 1943 г., во время первой отправки в Эстонию.
20. *Там же*, с. 244-245. О подполье в гетто Вильнюс см. главу 45.
21. Гарфункель, *Разрушенный*, с. 23; Браун и Левин, *История подполья...*, с. 352-355.
22. Гарфункель, *там же*, с. 177-178.
23. *Там же*, с. 181; Гар, *Разрушение...*, с. 212.
24. Arad, *Ghetto in Flames...*, p. 442.
25. Ezergailis, *The Holocaust...*, p. 359; Эзергайлис пишет, что, согласно данным переписи, проведенной германскими властями в Латвии в феврале 1943 г., там было 8.060 евреев, изгнанных из рейха. Логично предположить, что из-за смертности среди евреев рейха их численность к середине1943 г. составляла 7.000–7.500 человек. См. Левин, *Хроника общин Латвии и Эстонии...*, с. 42.
26. Schneider, *Journey...*, pp. 125-132.
27. Penney, *I Was There*, pp. 87–89; Kaufman, *Die Vernichtung*, pp. 337-338.
28. Ezergailis, *The Holocaust...*, p. 362; Левин, *Хроника общин Латвии и Эстонии...*, с. 287-288.
29. Ezergailis, *ibid*, pp. 362, 367; Левин, *там же*, с. 287-288.
30. Shneider , *The Unfinished Road...*, pp. 152-153.
31. *Там же*, с. 155.
32. Schneider, *Journey into Terror...*, p. 134-135; Ezergailis, *The Holocaust...*, p. 361.
33. Левин, *Хроника общин Латвии и Эстонии...*, с. 104, 158.
34. Shneider, *The Unfinished Road...*, pp. 3, 158-159; Kaufman, *Die Vernichtung...*, pp. 339-340. Шнайдер пишет, что на корабле «Бременгоф», на котором привезли заключенных из латвийских лагерей в Штутгоф в начале августа 1944 г., было 3.000 еврейских женщин из Венгрии. Авраам Шпунгин (там же, с. 158-159) также упоминает 3.000 молодых евреек из Венгрии, которые прибыли в Латвию в мае 1944 г.
35. Danuta Czech, *Auschwitz Chronicle 1939-1945*. – London – New York, 1990, pp. 563-564.

36. Иерушалми, *Хроника Шауляя...*, с. 379.
37. Архив Яд Вашем, 03/5823, с. 10-23.
38. Свидетельство Шошаны Шварц, которая была выслана из Орадеа-Марэ (Трансильвания) в Освенцим, а оттуда в Латвию. *Там же,* 03/9593. Свидетельство Шошаны Браун, высланной из Косицы(Закарпатская Украина) в Освенцим, а оттуда в Латвию. *Там же,* 03/8672.
39. Дворжецкий, *Лагеря в Эстонии...*, с. 54-60.
40. *Там же*, с. 85, с. 98, прим. 125.
41. Бальберишский, *Крепче стали...*, с. 493-511.
42. Дворжецкий, *Лагеря в Эстонии...*, с. 102.
43. Бальберишский, *Крепче стали...*, с. 512-513, 530; Дворжецкий, *там же*, с. 117-125.
44. Архив Яд Вашем, TR-10/1196. Эти показания даны в суде, происходившем в Германии, в Баден-Вюртемберге, над Гельмутом Шнабелем, начальником лагеря Эреды.
45. Дворжецкий, *Лагеря в Эстонии...*, с. 168-178, 184-197.
46. *Там же*, с. 125-129, 135-138; Ерушалми, *Хроника Шауляя...*, с. 354-355. Запись от 27 февраля 1944 г.: «18 числа этого месяца между 10.00 и 12.00 часами прошел эшелон из 20 вагонов, полный евреев. Евреи просили воды и говорили, что они едут из Эстонии… В тот же день, в 11.00, чиновниками СД был приведен еврейский юноша… После допроса юноша рассказал… что он уехал из Эстонии с больными, стариками и детьми до 13 лет, которых усадили в 16-20 вагонов…». Предположение, что этих людей отправили в Освенцим, базируется на том, что тогда он был единственным действующим лагерем уничтожения.
47. Из архивных источников, которые находятся в нашем распоряжении, невозможно понять, почему это гетто, в котором проживало относительно много евреев, продолжало существовать до начала 1943 г.
48. Нюрнбергский процесс, Сборник материалов, т. 3. – Москва, 1966, с. 300-303.
49. Гроссман и Эренбург, *Черная книга...*, с. 223.
50. Архив Яд Вашем, TR-10/808, судебный процесс над Эрном, гебитскомиссаром Слонима, с. 184-186.
51. *Там же*, с. 186-188.
52. *Там же*, с. 188.
53. Фарбер и Зеэви, *Книга Вилейки*, с. 130 пишут о евреях, которых привезли из Барановичей. В Энциклопедии Катастрофы, т. 1, с. 239, отмечено, что в августе 1942 г. 700 молодых людей из Барановичей отправили на работу в Молодечное, расположенное неподалеку от Красного.
54. Фарбер и Зеэви, *там же*, с. 130-133.
55. Штейн, *Барановичи...*, с. 610-614.
56. В Энциклопедии Катастрофы..., т. 5, с. 1079-1080, указано, что в Колдичево было расстреляно 22.000 евреев. Это число представляется завышенным. См. Архив Яд Вашем, М-33/1159, с. 2-3, 6.
57. Ерушалми, *Хроника Новогрудка...*, с. 289-290, 321 ; свидетельство Шауля Городинского, Архив Яд Вашем, Г-3095/230, с. 16, 19-20; свидетельство Мордехая Меировича, *там же,* М-1285/77, с. 56.
58. Архив Яд Вашем, 53/1, с. 27/158 – 27/169.
59. Архив Яд Вашем, 3118/228-А, с. 27-28; *там же,* 3095/230-Г, с. 25-26; Энциклопедия Катастрофы..., т. 4, с. 806.
60. Архив Яд Вашем, TR-10/69, Собиборский процесс в Германии, т. 13, с. 2575-2576.
61. Холавский, *На реках...*, с. 227. О восстании в гетто Глубоком см. гл. 45.
62. Холавский, *В гибельной буре...*, с. 133-134.
63. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...*, с. 155-159: Барам, *Где было солнце...,* с. 59 пишет, что эти убитые молодые и красивые девушки на рабочем месте не носили на одежде желтого лоскута с разрешения надсмотрщика, но это разрешение не устроило Рыбе, и он казнил девушек.

64. Документы Нюрнбергского процесса, NO-4317.
65. Kohl, *Ich wundere...*, p. 221, где это письмо приводится полностью.
66. Dallin, *German Rule...*, p. 212-213, 217-219.
67. Документы Нюрнбергского процесса, NO-2262. Письмо написано 25 июля 1943 г., через несколько дней после беседы, о которой писал Штраух.
68. Dallin, *German Rule...*, p. 221.
69. Барам, *Где было солнце...*, с. 58-61.
70. Свидетельство Рахель Мильчин, архив Яд Вашем, 03/9020.
71. Александр Печерский, *Восстание в Собиборе*. – Москва, 1946, с. 6-8.
72. *Там же*, с. 32, 40.
73. Руководителем восстания был Александр Печерский, и с ним группа пленных-евреев, которых привезли из Минска. В Собиборе они присоединились к подполью, существовавшему там до их прибытия, и вместе они организовали восстание. См. Арад, *Операция Рейнхард...*, с. 401-414.
74. Архив Яд Вашем, TR-10/1072, с. 2-4. Свидетельские показания Шлыка даны 27 января 1977 г. советским следователям по просьбе судебных органов Германии, проводивших судебный процесс.
75. Смоляр (*Советские евреи...*, с. 192-193) пишет, что 90 евреев из гетто сразу же после акции ушли в леса, в семейный лагерь Зорина; еще несколько евреев попали в другие партизанские отряды. Холавский (*В гибельной буре,* с. 135-136) цитирует свидетельства отдельных евреев, которые скрывались в «малинах» до освобождения города.
76. Холавский, *там же*, с. 138.
77. Arad, *Getto in Flames...*, p. 446.
78. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 195.
79. *Там же*, с. 190-198. Левин (*Хроника общин Литвы...*, с. 554) пишет, что из евреев Каунаса, отправленных в Штутгоф, и из евреев, отправленных оттуда в различные концлагеря в Германии, спаслось около 2.500 человек.
80. Ерушалми, *Хроника Шауляя...*, с. 386-388.
81. *Там же*, с. 384-385; Левин, *Хроника общин Литвы...*, с. 670-671 пишет, что из евреев Шауляя, отправленных в Штутгоф, спаслись около 500 человек.
82. В процессе ликвидации гетто было переведено в лагеря около 7.900 евреев, часть – латвийские, часть – германские. Из Вильнюса привезли 1.400–1.700 человек, из гетто Лиепае и Даугавпилс – около 1.200 человек. Всего летом 1943 г. там было 10.500–10.800 евреев. Можно предположить, что за полгода между летом 1943 г. и началом 1944 г. число евреев Латвии сократилось на 1.000 человек вследствие «естественной» смертности, издевательств и казней.
83. Schneider, *The Unfinished Road...*, p. 3.
84. Шерман, *Из родительского дома...*, с. 54-55.
85. Шломо Герцберг свидетельствует, что перед отступлением немцев из Латвии они расстреляли около 2.500 евреев, которые находились в различных лагерях. Архив Яд Вашем, M-33/999; Ezergailis, *The Holocaust...*, p. 368; Schneider, T*he Unfinished Road...*, p. 190.
86. Schneider, *ibid*, p. 164; А. Шпунген пишет: «Из лагеря Дундага и лагеря Папервален все были переведены в Лиепаю пешком, расстояние – около 40 км. Пока 5.000 евреев шли (среди них две трети – евреи из Венгрии, а остальные – «старожилы» из гетто), 100 евреев убежали, но большинство из них быстро схватили, привели в Тельшай и там расстреляли».
87. Свидетельство Шошаны Шварц, Архив Яд Вашем, 03/9593.
88. Schneider, *The Unfinished Road...*, p. 190. Шнайдер пишет, что из высланных евреев Латвии спаслось не более 900. Среди них – небольшое количество евреев из Каунаса, находившихся в латвийских лагерях. Из эвакуированных евреев Рейха спаслось не более 800.
89. Левин, *Хроника Общин Латвии и Эстонии...*, с. 44.

90. Около 12.000 евреев были привезены в Эстонию в августе-сентябре 1943 г. В акции, проведенной в феврале 1944 г., было убито около 800 человек. Из-за особо тяжелых условий в лагерях Эстонии до весны 1944 г. число заключенных сократилось минимум на четверть.
91. Дрор, *В Клооге...*, с. 9.
92. Дворжецкий, *Лагеря Эстонии...*, с. 338-339, Бальберишский, *Крепче стали...*, с. 546.
93. Дворжецкий, *там же*, с. 330-331; Бальберишский, *там же*, с. 555-556. Бальберишский находился в грузовиках, опоздавших к месту казни в Лагеди. Из Лагеди спаслось двое людей, они были ранены, но сумели бежать.
94. Бальберишский, *там же*, с. 557-563.
95. Дворжецкий, *Лагеря в Эстонии*,... с. 333, пишет, что эти заключенные были эстонцами и что они отказались от мобилизации в германскую армию.
96. Дрор, *В Клооге...*, с. 43-44.
97. Бальберишский, *Крепче стали...*, с. 566-568; Дворжецкий, *Лагеря в Эстонии...*, с. 333-336.

ГЛАВА 31

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДНИХ ГЕТТО И ЛАГЕРЕЙ В ДИСТРИКТЕ ГАЛИЦИЯ И РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ УКРАИНА

А. ЛИКВИДАЦИЯ ГЕТТО И ЮЛАГОВ (ЕВРЕЙСКИХ ЛАГЕРЕЙ) В ДИСТРИКТЕ ГАЛИЦИЯ

В гетто, юлагах и трудовых лагерях дистрикта Галиция в конце 1942 года, после массовых депортаций в лагерь уничтожения Белжец, всё ещё оставалось 140.000–150.000 евреев. Большинство из них убили весной и летом 1943 года, после чего в нескольких местах дистрикта Галиция остались небольшие группы специалистов-евреев, всего, может быть, несколько тысяч человек. Их уничтожали постепенно – последних убили с приближением к этому району Советской Армии.

С начала 1943 года все казни евреев производили поблизости от мест их содержания, не высылая в лагеря уничтожения, как было принято прежде. Это обусловливалось трудностями транспортировки из-за нехватки поездов: в конце 1942 – начале 1943 гг. после поражения под Сталинградом группа армий «Юг» начала отступать, и для стабилизации фронта немцы слали подкрепления по железным дорогам, проходившим через дистрикт Галиция. Кроме того, в конце 1942 г. прекратил своё существование лагерь смерти Белжец, который до того принимал евреев Галиции. Система расстрела евреев была обычной для остальных районов Украины и хорошо знакомой эсэсовцам в Галиции.

Во Львове, где в одной из частей гетто располагался юлаг, в феврале 1943 г. находилось ещё более 25.000 евреев. Последнюю большую акцию там провели в начале января 1943 года, когда около 10.000 «незаконных» евреев вывезли из юлага и убили в Песках. В начале марта, по официальным немецким данным, в юлаге содержались 15.344 «законных» еврея.[1] Одновременно там находились больше 10.000 нелегальных «незаконных» евреев. 16 марта 1943 г. еврей из трудового лагеря убил в автомастерской СС на улице Чвартаков эсэсовца – назавтра 12 еврейских полицейских из юлага повесили и около 1.000 узников лагеря расстреляли. Были также расстреляны все 200 евреев, работавших в лагере Чвартаков, и группа евреев из лагеря Яновский. Всего в ответ на убийство эсэсовца расстреляли около 1.500 евреев.[2] Евреям дали понять размеры платы за причинение ущерба немцам.

В мае 1943 г. началась постепенная ликвидация юлага во Львове. На рабочих местах значительно уменьшилось количество евреев. У ворот юлага отбирали «ненужных» людей, увозили в Пески и расстреливали. Часть евреев перевели в Яновский лагерь. Немногих женщин и детей, ещё остававшихся в юлаге, убили в те же дни. 26 мая рабочих из воинских частей и с других мест работы отправили в Яновский лагерь, который теперь всё больше обретал характер пересыльного лагеря, откуда людей отправляли для уничтожения. Во второй половине мая в Яновском лагере в нескольких акциях истребили около 6.000 евреев.

1 июня 1943 года юлаг окружили силы немецкой и украинской полиции, и началась его ликвидация.

В акции участвовала рота 23-го полка Орпо и украинские полицейские; руководил операцией лично Начальник СС и полиции Кацман. В юлаге находилось около 20.000 евреев, из них – около 12.000 «законных». Немцы и украинцы, войдя в юлаг, натолкнулись на вооружённое сопротивление евреев, и в бою, длившемся несколько часов, понесли потери убитыми и ранеными. Вследствие этого немцы изменили тактику: вместо того, чтобы входить внутрь домов, они начали взрывать или поджигать их, чтобы уничтожить скрывавшихся там или заставить их выйти. Ликвидация юлага длилась две недели – группы евреев сопротивлялись с оружием в руках. Прочёсывание юлага продолжалось до конца июля, и время от времени находили евреев, прятавшихся в своих убежищах. Около 7.000 евреев перевели в Яновский лагерь, а в разрушенных домах юлага нашли около 3.000 трупов, среди них – множество покончивших с собой. Остальных обитателей юлага, кроме нескольких сотен, кому удалось спастись и найти убежище на арийской стороне или в городских канализационных тоннелях, привезли в Пески и расстреляли. В ходе акции было убито 9 немецких полицейских и 17 ранено.[3] Кацман писал в отчёте о ликвидации юлага во Львове:

> *«Так как увеличивалось количество потрясающих известий об усиленном вооружении евреев, мы приняли самые суровые меры, чтобы уничтожить еврейское хулиганство. Особые меры были необходимы во время ликвидации жилого еврейского квартала во Львове, где находились бункеры. Тут с самого начала нужно было действовать жестоко, чтобы предотвратить потери с нашей стороны – нам пришлось взорвать или сжечь несколько зданий. Вместе с этим неожиданно выяснился факт, что вместо 12.000 зарегистрированных евреев было схвачено 20.000 евреев».*[4]

Наряду с уничтожением евреев во Львове ликвидировались последние евреи и во всём дистрикте Галиция. В Станиславе оставались ещё несколько тысяч евреев в лагерях рядом с предприятиями, где они работали. 25 апреля 1943 г. расстреляли евреев, работавших в железнодорожных мастерских. В июне 1943 г. уничтожили евреев, занятых на ферме Сипо и на других производствах. 25 июня 1943 г. была проведена последняя казнь евреев, работавших в Станиславе. В городе оставалось несколько десятков особо нужных специалистов, их убили позднее. 27 июля 1944 г. Станислав был освобождён, и нашлось около 100 евреев, спасшихся в убежищах или благодаря обладанию арийскими документами.[5]

В Тернополе в начале весны 1943 года было около 6.000 евреев – в гетто и в юлаге. Весь март продолжались казни групп евреев из гетто, главным образом, стариков. 8–9 апреля 1943 года большую часть жителей гетто отвезли в юлаг, где они прошли селекцию. Молодых и трудоспособных, а также тех, кто откупился, оставили на месте. Около 1.000 «ненужных» евреев расстреляли в полях Петрикова вблизи кирпичного завода. В гетто официально оставалось около 700 чело-

век и неизвестное количество «незаконных», которые спрятались во время акции. 20 июня гетто ликвидировали. Около 500 человек привезли в поля Петрикова и там расстреляли. Больных и госпитализированных в больнице гетто расстреляли на месте. Спасшиеся во время акции в гетто проникали в юлаг в поисках убежища, но многие из них были схвачены полицией при прочёсывании и казнены. 22 июля 1943 г. пришёл конец юлагу: 2.000–2.500 его узников расстреляли в полях Петрикова. В нескольких местах евреи оборонялись с оружием в руках, однако ни один не спасся – все погибли в бою или покончили самоубийством. Около 100 ремесленников отослали в Яновский лагерь во Львове; из нескольких сотен евреев, сбежавших из гетто и юлага на арийскую сторону или в леса большую часть поймали – в большинстве случаев по доносам. Сотни евреев-беглецов убили в лесах украинские крестьяне. 15 апреля 1944 г. Тернополь освободили, и в мае-июле 1944 г. туда вернулось около 750 евреев из окрестных местечек и из укрытий на арийской стороне или в лесах.[6]

В Дрогобыче в начале 1943 г. около 4.000 евреев находились в гетто и в лагерях при местах их работы. В марте около 800 евреев из лагеря, принадлежащего заводу по обжигу кирпичей, вывезли и расстреляли. 21–30 мая 1943 г. уничтожили гетто: его обитателей на грузовиках доставили в лес Броница и расстреляли. Поиски спрятавшихся в гетто продолжались до 19 июня, при этом было сожжено много домов, чтобы вынудить прятавшихся там выйти. Последние, кто оставался в городских лагерях, были несколько сотен рабочих нефтеперерабатывающего завода. Остатки их перевели в апреле 1944 г. в лагерь Плашув возле Кракова. После освобождения Дрогобыча в начале августа 1944 г. в нём собралось около 400 евреев, сохранившихся в городе и в его окрестностях.[7]

В Бориславе, где тоже добывали нефть, в марте 1943 г. около 1.200 евреев проживали в лагерях, прикреплённых к нефтеперерабатывающему заводу, а несколько сотен ремесленников жило в гетто. В апреле–июне 1943 г. гетто постепенно ликвидировали: обитателей убили, а часть специалистов перевели в лагеря в городе. Оставались евреи, спрятавшиеся на территории гетто, а также в окрестных лесах. Им помогали евреи из городских лагерей, обеспечивая пищей, но большинство из них было схвачено и убито. В убийстве евреев в лесах возле Борислава участвовали украинцы из УПА. С апреля 1944 г. началась эвакуация еврейских лагерей в Плашув и в другие лагеря. Когда 7 августа 1944 г. Борислав освободили, в нём нашлось лишь около 200 спасшихся евреев.[8]

В гетто и в лагерях в Стрые в начале весны 1943 г. обитало несколько тысяч евреев. 22 мая немцы вывезли из гетто около 1.000 евреев и расстреляли их на кладбище. Во время акции много местных жителей, до которых дошли слухи о ликвидации гетто, собралось вокруг гетто в надежде разделить имущество евреев. 3 июня 1943 г. гетто ликвидировали, и многие прятавшиеся евреи сгорели или утонули после того, как немецкая и украинская полиция подожгла большинство домов и

залила водой многие подвалы, чтобы заставить их выйти. В июле и августе 1943 г. все трудовые лагеря были ликвидированы, их обитателей расстреляли. В освобождённом 8 августа 1944 г. Стрые обнаружилось только несколько десятков спасшихся евреев.[9]

В марте-апреле 1943 г. из гетто в Бучаче вывезли около 3.000 евреев; их убили на холме Федор, возле города. 12 мая большинство евреев, остававшихся в гетто, отправили в Чортков и в Толстое, где вскоре их убили вместе с местными евреями. В середине июня 1943 г. расстреляли последних евреев в гетто и примерно тогда же – евреев городского трудового лагеря. 23 марта 1944 г. Бучач был освобождён, и около 800 человек, прятавшихся в тайниках и в лесах, вернулись в город. Во время контрнаступления немцы снова захватили город, и сотни возвратившихся евреев были схвачены и убиты. 21 июля 1944 г. город освободили вторично, но обнаружилось там только около 100 спасшихся.[10]

В отдельных местах дистрикта Галиция немцы использовали систему дезинформации и обмана и обещали скрывающимся евреям не причинять им никакого зла. В Коломые последних евреев убили ещё в декабре 1942 г., евреев же, схваченных позднее, не казнили сразу, а собрали в нескольких городских домах, как бы в маленьком гетто. В январе 1943 г. немцы распространили среди населения слух, будто они обязуются не карать евреев, которые возвратятся, а присоединят их к евреям гетто. Около 2.000 местных и окрестных евреев вернулись, и в феврале немцы казнили их возле деревни Шпровце (Шепаровцы).[11]

В Рава-Русской немцы прибегли к той же уловке. После ликвидации гетто в декабре 1942 г. в городе остался трудовой лагерь для евреев, занятых на различных предприятиях. Около 250 евреев скрывались в убежищах в гетто, а часть пряталась у знакомых христиан. Городские власти объявили, что все евреи, которые явятся, включая не способных к работе детей, будут помещены в трудовой лагерь. Несколько десятков евреев откликнулись на призыв и пришли в лагерь. В июне 1943 г. немцы убили всех находившихся в лагере. Эту систему дезинформации немцы использовали и в других местах.[12]

Люди, которые в ответ на обещания немцев возвратились, сделали это по причине тяжелейших условий в их убежищах и опасений, что через короткое время их поймает полиция или местные жители донесут на них властям из-за корысти или антисемитизма. Немало евреев пало жертвой украинских националистов, которые действовали в лесах и в сельских районах. Возвращение в гетто или лагерь создавало иллюзию продления жизни и порождало надежду дождаться освобождения наступающей Советской Армией. Кацман в отчёте от 30 июня 1943 г. писал:

«Я сообщаю, что дистрикт Галиция свободен от евреев (Judenfrei), кроме евреев в лагерях, под управлением начальника СС и полиции. Немногими евреями, которые всё ещё попадаются, особо занимается Орпо или жандармерия. До 27.6.1943 всего было убрано (ausgesiedelt) 434.329 евреев. Лагеря евреев всё ещё имеются во

Львове... в Тернополе... в Дрогобыче, в Бориславе, в Стрые... [называется 21 лагерь], в которых находится 21.156 евреев. Это число непрерывно уменьшается».[13]

В более ранней части отчёта говорится, что до 10.11.1942 г. ликвидировано 254.989 евреев. Отсюда следует, что за семь с половиной месяцев, между этой датой и 27.6.1943 г., в дистрикте Галиция казнили 179.340 евреев. Можно полагать, что сюда не включены тысячи евреев, убитых небольшими группами в разных местах помимо этих акций.[14]

Б. ЛИКВИДАЦИЯ ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ

Кацман перечислил в своём отчёте 21 лагерь – это лагеря евреев, которые трудились на прокладке стратегического шоссе D-4, или лагеря около предприятий, обеспечивающих военные нужды, в том числе нефтеперерабатывающих заводов в Дрогобыче и Бориславе. Несколько лагерей принадлежали сельскохозяйственным фермам СС и других немецких подразделений. В июле 1943 г. началась ликвидация этих лагерей и убийство их последних заключённых. Лейбель Шмидер, узник лагеря Куровице, рассказал об убийстве в Якторове в июле 1943 г.:

«Когда мы выстроились на поверке в лагере Куровице... нам сообщили, что поскольку работа в Куровице закончена, нас теперь переведут в Якторов... Заключённым Куровице приказали подняться на грузовики, по 50 человек на каждый. Вместе с заключёнными в грузовики поднялись вооружённые украинцы-полицаи... Десятки евреев стали выпрыгивать из машин под обстрелом полицейских. Сотни трупов полегли по сторонам шоссе... Двор лагеря Куровице заполнился тысячами евреев, которых доставляли со всех сторон. Там были евреи из Золочева, Плюхова, Зборова... и других мест. Всей этой массой людей командовал эсэсовец Франц Варцог... По приказу Варцога евреи разделись до исподнего, и тогда полицаи принялись отсчитывать по 50 человек и отводить каждую группу на край огромной ямы в сотни метров длиной. Евреек заставили ложиться в яму, а полицаи стреляли в них. И так группа за группой. Когда покончили с мужчинами, велели привести женщин – по сто в каждой группе. Не все были убиты, некоторые оказались только ранеными, а некоторые не пострадали вообще. Но всех засыпали землей, живых и мёртвых вместе».[15]

Лейбель Шмидер находился среди 22 евреев, которых оставили, чтобы закопать яму с убитыми. Во время этой работы Шмидеру удалось бежать. Полицейские преследовали его и стреляли вслед, но он спрятался и спасся.

Остальные лагеря, упомянутые в отчёте Кацмана, ликвидировали между концом июня и августом 1943 г.: Зборов – в конце июня; Езерна (Озерная) – 30 июня; Борки-Вельки – в июле; Хлубочек Вельки (Глыбочек Великий) – 16 июля; Винники (Вайнберген) – 21 июля; Каменки – во второй половине июля; Болехов – 23 августа; Стрый – июль – 24 августа. Лагеря Брошниев, Небилов и Козаки были ликвидированы в тот же период, но о них нет подробностей. Тогда же уничтожили и лагеря, не

упоминавшиеся в отчёте Кацмана.[16]

Исключением явилась судьба последних евреев в лагере в местечке Скалат на юго-востоке от Тернополя, где перед войной проживало около 3.000 евреев. Подавляющее большинство евреев местечка выслали в Белжец и убили там в октябре–ноябре 1942 г., а часть оставшихся расстреляли в апреле и июне 1943 г. в окрестностях местечка. В начале июля 1943 г. в Скалате ещё существовал трудовой лагерь с несколькими сотнями евреев.[17] Летом 1943 г. советские партизаны под командованием генерала Ковпака углубились в районы южнее Волыни, в направлении Карпат. На своём пути они временно захватили местечки и сёла. Партизаны обычно не удерживали захваченные места, а продолжали стремиться к своей конечной цели. В июле 1943 г. партизаны захватили Скалат и нашли там в лагере евреев. Вот что писал заместитель Ковпака Петро Вершигора:

> *«Скалат врезался в память из-за одного случая... Более 300 человек, и среди них – женщины, дети и старики, были освобождены из гетто бойцами отряда Карпенко. Большинство людей, оборванные... измученные, присоединились в лесу к 3-му отряду и пошли за ним. Их появление в нашем лагере привело нас в замешательство. Мы знали, что, если оставим их в лесу, на следующий день фашисты их всех уничтожат. Но вместе с тем у нас не было никакой возможности взять с собой этих несчастных. Ведь мы воинская часть, занятая сложной операцией...»*[18]

Из-за физического состояния большинство освобождённых из лагеря Скалат были вынуждены остаться на месте. Немцы вернулись в местечко после ухода партизан, и 27 июля 1943 г. убили всех евреев в лагере Скалат.[19]

Яновский лагерь во Львове, самый большой в дистрикте Галиция, был одним из последних лагерей, где истребили евреев. Летом и осенью 1943 г. в лагере находилось около 7.000 евреев и 225 неевреев, главным образом уголовников. Командовал тогда лагерем гауптштурмфюрер Франц Варцог. Утром 19 ноября 1943 г. заключённые обнаружили, что лагерь окружён большими силами Орпо и частями солдат-кавказцев, подчинёнными Сипо. Когда заключённые попытались вырваться из лагеря, полицейские открыли огонь, подавили сопротивление и перебили узников.[20] Их место в лагере заняли пойманные на арийской стороне евреи. В июле 1944 г. их число составило чуть более 100 человек. Накануне освобождения города этих евреев депортировали; большинство погибло в дороге.[21]

Евреи дистрикта Галиция боролись за свою жизнь. Одни искали убежище среди местного населения, другие прятались в «малинах», третьи бежали в леса, во всевозможные места. Большинство из них погибло в результате полицейских облав и доносов местногоого населения до того, как Советская Армия освободила этот район весной 1944 г. Спаслись очень немногие.

В. ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДНИХ ЕВРЕЕВ РЕЙХСКОМИССАРИАТА УКРАИНА

Почти всех евреев в рейхскомиссариате Украина убили в 1942 г.[22] Несколько тысяч оставшихся истребили в 1943 г. и в начале 1944 г., последних – за несколько недель до освобождения. Гетто и трудовой лагерь в Летичеве (район Каменец-Подольска), где обитало несколько сот евреев, были ликвидированы 30 января 1943 г.;[23] около 100 евреев трудового лагеря Неморож в районе Черкасс убили 23 августа 1943 г.;[24] трудовой лагерь во Владимир-Волынске с пятьюстами евреев-ремесленников ликвидировали 13 декабря 1943 г.;[25] в Олыке (район Луцка) последних 130 евреев-ремесленников казнили накануне освобождения в начале 1944 г.;[26] небольшие группы евреев, содержавшиеся в маленьких лагерях на Волыни, также были убиты накануне освобождения; последние несколько десятков евреев-ремесленников в Бердичеве истребили в ноябре 1943 г. и в январе 1944 г.[27] Отступавшая немецкая армия и эсэсовцы не оставляли после себя ни одного гетто или трудового лагеря с живыми евреями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Pohl, *Nationalsozialistische...*, p. 248.
2. *Там же*, с. 249; Задерецкий, *Под властью...*, с.285-287; Кахана, *Дневник...*, с.133.
3. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции*, с. 44; Задерецки, *Под властью...*, с. 298-301; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 202-203; Pohl, *Judenverfolgung in Ostgalizien...*, pp. 258-259.
4. Документы Нюрнбергского процесса, L-18.
5. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. 376.
6. *Там же*, с. 250-251.
7. *Там же*, с. 170-171.
8. *Там же*, с. 98-99.
9. *Там же,* с. 392.
10. *Там же*, с. 88-89.
11. *Там же*, с. 475.
12. *Там же*, с. 404, 502-503.
13. Документы Нюрнбергского процесса, L-18.
14. Pohl, *Judenverfolgung in Galizien...*, pp. 260-265. Поль пишет об убийстве евреев в разных местах Восточной Галиции в эти же месяцы.
15. Йонес, *Евреи Львова...*, с. 241. Свидетельство Лейбеля Шмидера.
16. *Там же*, с. 220-232. Йонес упоминает ещё 17 лагерей, не указанных в отчёте Кацмана, которые были ликвидированы в эти же месяцы.
17. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. 403.
18. Пётр Вершигора, *Люди с чистой совестью*. – Москва, 1985, с. 467.
19. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. 404. О судьбе евреев Скалата см. гл. 46.
20. Йонес, *Евреи Львова...*, с. 268-269; Задерецкий, *Под властью...*, с. 321-322; Pohl, *Judenverfolgung in Galizien...*, p. 360.
21. Вайс и др., *Хроника общин Восточной Галиции...*, с. 99, 171.
22. См. выше, гл. 26.
23. В.Лукин и др. (ред.), *100 еврейских местечек Украины, Подолье*, т. 1. – Иерусалим – Санкт-Петербург, 1997, с. 122.
24. Круглов, *Уничтожение...*, с. 90.

25. Спектор, *Хроника общин Волыни и Полесья...*, с. 116.
26. *Там же*, с. 31.
27. Елисаветский, *Бердичевская...*, с. 37, 108.

ГЛАВА 32

ЕВРЕИ В ТРАНСНИСТРИИ В 1943 – 1944 ГГ.

А. УВЕЛИЧЕНИЕ ПОМОЩИ ДЕПОРТИРОВАННЫМ И БОРЬБА ЗА ИХ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Жизнь евреев в Транснистрии в период между началом 1943-го и апрелем 1944-го гг., когда этот район освободили советские войска, можно охарактеризовать как продолжение борьбы за выживание. Количество евреев, в начале 1943 г. составлявшее около 75.000, постепенно уменьшалось из-за тяжелейших условий существования. «Естественная» смертность от голода и болезней увеличивалась, особенно в зимние месяцы 1942–1943 гг., хотя была ниже, чем в соответствующий период за год до того. Ее жертвами в основном становились дети-сироты и старики. По данным румынской жандармерии за 15 ноября 1943 г. число евреев тринадцати округов Транснистрии составляло 49.927. Этот документ учитывал евреев Бессарабии, Буковины, Дорогоя и ссыльных из центра Румынии, однако не включал местных евреев, находившихся тогда в гетто и лагерях Транснистрии.[1]

Постепенное улучшение в жизни евреев Транснистрии наступило с увеличением помощи от румынских евреев в 1943 году с согласия румынского правительства в Бухаресте, которое после поражения под Сталинградом и тяжелых потерь румынской армии на фронте стало искать возможности сблизиться со странами антигитлеровской коалиции и выйти из войны. Постепенно изменялось и отношение румынского руководства к евреям. Ослабли бюрократические препоны, прежде стоявшие на путях помощи в Транснистрию, и связь комитетов гетто с еврейскими общинами и благотворительными учреждениями в Румынии упростилась. В конце декабря 1942 г. увенчались успехом многомесячные усилия руководства еврейской общины в Румынии отправить в Транснистрию делегацию для изучения положения евреев.

Делегацию из четырех человек возглавил Фред Шарага. 1 января 1943 г. они прибыли в Одессу и встретились там с губернатором Транснистрии Алексиану. Тот заявил, что они смогут посетить только указанные им места и беседовать только с указанными им людьми. Он разрешил делегации посетить Балту, Могилев-Подольский и еще несколько мест. 8–9 января делегация встречалась в Могилев-Подольском с еврейскими комитетами этого района. Все встречи проводились в присутствии представителей румынских властей. Комитетам гетто перед встречей с делегацией запретили жаловаться на свое положение. Однако, несмотря на угрозы, члены делегации все же смогли изучить истинное положение евреев в Транснистрии. Затем делегация посетила Балту, вернулась в Одессу на следующую встречу с румынскими властями, а 14 января отбыла в Бухарест. Отчет делегации помог еврейским общинам лучше организовать отправку посылок с одеждой, едой и лекарствами, и направить их самым нуждающимся: в дома сирот, в

больницы, в бесплатные столовые. В своем отчете делегация делала особый упор на отчаянном положении тысяч сирот и их исключительно высокой смертности. После поездки делегации помощь евреям Транснистрии увеличилась: до конца 1943 г. туда, большей частью, через комитеты помощи и в незначительной степени через частных людей, было передано 661.740.000 лей.[2]

О тяжелом положении евреев в Транснистрии еврейское руководство Румынии знало еще до поездки делегации – из писем оттуда. Еще во время пребывания делегации в Транснистрии, 2 января 1943 г., д-р Фильдерман обратился к Иону Антонеску и его заместителю Михаю Антонеску с письмом:

«Евреи Транснистрии умирают тысячами. Количество сирот увеличилось с 1.000 до 5.000. В одном доме сирот в течение месяца умерло 26 детей из 140. Они страдают от недоедания, как доказывают прилагаемые фотографии. ...Раздетые, в неотапливаемых комнатах, окна без стекол... Мы просим немедленно вернуть детей до 18-летнего возраста в Черновцы... Там, с помощью общественности, они получат уход и питание... Если [правительство] не разрешит их возвращение, все они умрут еще до конца зимы».[3]

В ряде встреч д-ра Фильдермана с чиновниками румынского правительства он просил вернуть также вдов, инвалидов и солдат, которые прежде воевали за Румынию. В январе 1943 г. Фильдерман предложил уполномоченному по делам евреев в румынском правительстве Раду Лека перевезти 5.000 сирот из Транснистрии в Румынию, а оттуда через Болгарию и Турцию – в Эрец-Исраэль. Взамен он обещал, что румынскому правительству будет уплачена значительная сумма из международных еврейских источников.

Михай Антонеску воспринял это предложение в принципе положительно. Министерство иностранных дел Германии и Адольф Эйхман из РСХА заявили румынским властям о своем категорическом протесте, мотивируя его тем, что подобные действия противоречат их проарабской политике, и угрожая воспрепятствовать силой отправке детей в Эрец-Исраэль. Германские власти выразили протест также Болгарии и Турции, таким образом окончательно провалив этот план.[4]

Фильдерман и Нандор Гингольд, назначенный румынскими властями председателем «Еврейского Центра» (Centrale Evreilor – юденрат евреев Румынии), обратились к румынским властям с просьбой вернуть всех высланных в Транснистрию евреев в Румынию, откуда они смогут эмигрировать в другие страны. 1 сентября 1943 г. Ион Антонеску сообщил Фильдерману и Гингольду о решении вернуть ссыльных из Транснистрии. Их количество в то время составляло, согласно румынским источникам, 50.741 человек. Однако эти обещания не привели к серьёзным результатам – румынское руководство решило вернуть только отдельные группы, среди них сирот и жителей района Дорогой.[5]

12 ноября 1943 г. Министерство внутренних дел Румынии разрешило вернуться в Румынию круглым сиротам до 12-летнего возраста. После переговоров власти согласились поднять возраст сирот до 15

лет. Только 15 февраля 1944 г., через три месяца после того, как разрешение было получено, удалось осуществить его на практике и привезти этих сирот, 1.884 человека. Еврейская делегация из Румынии во главе с Фредом Шарагой выехала в Транснистрию для организации их переезда. Около 1.400 сирот собрали в Могилев-Подольском, а оттуда вывезли в Румынию, остальные же выехали через Тирасполь. Сирот привезли в Яссы и распределили по разным еврейским общинам Румынии.[6] Рут Гольд, тогда 11-летняя, находилась в детском доме в Бершади. Она вспоминала о своём возвращении в Румынию:

«Как только мы услышали новости, нас охватила предотъездная лихорадка... Прежде всего, мы пошли на кладбище, проститься с нашими семьями... День отъезда из бершадского ада – наша мечта об избавлении – настал. Вереница телег, запряженных лошадьми, выстроилась перед детским домом. Нас усаживали в них в определенном порядке... Мы направились в Балту... Через несколько дней мы собрались в одном из зданий общины, чтобы помыться как следует, и надеть почти новую одежду и обувь. ...Впервые за много лет мы очень радовались. Поезд мчался через Днестр, на запад».[7]

Некоторые родители попытались этими поездами отправить в Румынию своих детей под видом сирот, чтобы спасти их от тяжелых условий в Транснистрии. На границе Румынии румынские полицейские тщательно проверяли прибывших, и обнаружив таких детей, отправляли их обратно в сопровождении членов еврейской делегации.[8] Среди детей, которых привезли в Румынию, нашлись сироты местных евреев из Транснистрии. Около 3.000 детей, которые потеряли только одного из родителей, а также сироты пятнадцатилетнего возраста и старше остались в Транснистрии.[9]

Еще одна группа ссыльных, которой румынские власти разрешили вернуться, в декабре 1943 г., включала 6.500 человек, оставшихся в живых из 9.000, ранее высланных из области Дорогой. В Румынию также возвратили более 400 человек из ссыльных, заподозренных в коммунистической деятельности, так как власти нашли их невиновными.[10] Постепенное изменение политики румынских властей пошло на пользу и 15.000 евреев, оставшимся в Черновцах: в октябре 1943 г. там отменили приказ носить желтый лоскут и запрет находиться на улицах города.[11]

В начале января 1944 г. Советская Армия, продвинувшаяся на запад, подошла к реке Буг на севере Транснистрии. Этот район должен был стать местом военных действий, и возникло опасение, что с возвращением в Транснистрию немецкой армии и немецкой администрации евреи там окажутся в смертельной опасности. Вопрос возвращения евреев в Румынию приобрел особую остроту, но именно в это время, 27 января 1944 г., Ион Антонеску заявил, что отменяет свое предыдущее решение возвратить в Бессарабию и Буковину сосланных в Транснистрию, поскольку предпочтение следует отдать эвакуации миллиона румын, проживавших в Транснистрии, Бессарабии и Буковине.[12]

Еврейские руководители в Румынии продолжали добиваться у влас-

тей разрешения ссыльным вернуться. Они писали министру внутренних дел Румынии в феврале 1944 г.: «Теперь, когда фронт приблизился туда [к Транснистрии], жизнь тех, кто еще остался в живых, в опасности... Пребывание там смерти подобно. Возвращение может подарить им жизнь».[13]

Фронт перемещался очень быстро – немецкая и румынская армии не успели возвести линию обороны на реке Буг. 4 марта 1944 г. Советская Армия перешла в наступление, и в середине марта, форсировав Буг, вторглась на север Транснистрии. 19 марта советские войска освободили Могилев-Подольский и вышли к Днестру. Центр и юг Транснистрии были освобождены через две-три недели. Одессу взяли 10 апреля, Тирасполь – 12 апреля 1944 г.

Когда советские войска форсировали Буг 14 марта 1944 г., Антонеску отменил свое решение от 27 января 1944 г. и вновь разрешил депортированным вернуться в места их проживания до высылки в Транснистрию. Две делегации румынской еврейской общины отправились в Транснистрию организовать переезд ссыльных: одна – в Могилев-Подольский, другая – в Тирасполь. Делегация, посланная в Могилев-Подольский, в направлении которого советские войска продвигались особенно быстро, была вынуждена вернуться в Румынию. Делегация, отправившаяся в Тирасполь, помогла во второй половине марта 1944 г. около 2.500 ссыльным добраться до Днестра и перевезла их вглубь Румынии.[14]

Б. КОЛОКОЛА ОСВОБОЖДЕНИЯ

Приближение советских войск к Транснистрии пробудило в сердцах ссыльных надежду на скорое освобождение. Но надежда эта смешивалась с тревогой и страхом, что немцы убьют их перед отступлением. Соломон Шапиро в своих воспоминаниях писал:

«Фронт постепенно приближался к нам... Было известно, что немцы, отступая, оставляют позади себя выжженную землю. Было трудно поверить, что нас оставят в живых... Часть ссыльных из гетто Поповцы стали искать возможности перейти в более крупное гетто, в которых еврейское население было более многочисленным и лучше организованным. Сейчас это было возможно сделать, так как румынские власти уже убедились, что немцы терпят поражение за поражением, и постепенно начали менять свое отношение к евреям... Мы решили объединиться с нашими семьями в Копайгороде... [в Копайгороде] однажды утром мы с удивлением обнаружили, что румынские власти в полной тайне эвакуировались в течение ночи. Одновременно с их бегством исчезли украинцы-полицаи и местные жители, сотрудничавшие с немцами... С востока доносились глухие раскаты пушек... В один из таких дней здесь появилось подразделение немецких солдат. Мы не поверили своим глазам. Куда девалась их прежняя аккуратность, их грубый вид... Сейчас это была толпа грязных, измученных, одетых в тряпье людей, которые затравленно озирались вокруг... Евреи их больше не интересова-

ли, их единственной целью было вырваться из клещей, в которые они попали… 19 марта 1944, ближе к вечеру, на объездной дороге появились первые патрули советской армии… В колонне, которая приближалась к нам, было много еврейских солдат. Они выходили из строя, обнимали, целовали нас и говорили, что мы первые живые евреи, которых они встретили на своем пути из Сталинграда».[15]

Солдаты говорили правду. Транснистрия и город Черновцы были единственными местами оккупированной территории СССР, где в гетто и лагерях еще оставались евреи. Йосеф Гуврин, житель Могилев-Подольского гетто, писал об освобождении и о своём возвращении в родной бессарабский город Единцы:

«Солдаты Красной Армии подошли к предместьям Могилева 23 марта 1944 г… Мы боялись, что немцы намереваются уничтожить всех уцелевших евреев в гетто перед своим отступлением... На наше счастье, все окончилось только наводящей ужас поверкой… Я видел советских солдат, с автоматами в руках бегущих к реке [Днестр]… Прямо на улице, прислонившись к забору, сидели немцы – безоружные, одетые в тряпье, с потухшим взглядом… Ненависти к этим немцам, прежде жившей в наших сердцах, словно и не бывало. Может, из-за их вида – они выглядели такими несчастными, что вызывали жалость, – а может, этот вид и был для нас самой сладкой местью… Сразу же началась перепись мужчин призывного возраста, и среди них оказались измученные евреи, только-только вырвавшиеся плена… Какие-то из наших знакомых были отправлены на фронт поездом, и по дороге его разбомбила немецкая авиация… Снова трагическая судьба преследовала евреев: они пережили Катастрофу, но были убиты немецкой бомбой через несколько недель после освобождения… Возвращение в Единцы, после всего, что произошло, было очень болезненным. Остатки семей из Единцов… должны были приложить невероятные усилия, душевные и физические, чтобы преодолеть трудности, связанные с тем, что называлось «возвращение домой», в город, где из 8.000 евреев в живых осталось двести-триста человек…»[16]

Но не везде евреям повезло дожить до освобождения, как в Могилев-Подольском, Копайгороде и еще нескольких гетто и концлагерях, главным образом, в северной части Транснистрии, которую освободили уже во второй половине марта 1944 г. В Тирасполе, освобожденном только 12 апреля 1944 г., немцы успели убить 24 марта 1944 г. около 1.000 находившихся в тюрьме заключенных, в основном, евреев. Вероятно, похожие убийства происходили и в других городах, но информация об этом отсутствует.[17]

Данные о количестве выживших в Транснистрии евреев – как ссыльных, так и местных – базируются на официальных румынских источниках и дополняются приблизительными вычислениями. Из-за царившего в Транснистрии беспорядка и бездеятельности румынских властей не существовало точных официальных данных ни о количестве ссыльных, ни о местных евреях, поэтому приведенные ниже цифры – только

примерная оценка.

В момент освобождения Транснистрии там оставалось в живых 40.000–42.000 депортированных из Бессарабии и Буковины. К этому числу следует добавить около 8.800 ссыльных, в большинстве из района Дорогой, а часть – сироты и другие высланные, которых вернули в Румынию в декабре 1943 г. и в феврале 1944 г. Кроме того, сюда нужно добавить около 2.500 ссыльных, которым удалось уйти из Транснистрии через Тирасполь во второй половине марта 1944 г., за несколько дней до освобождения этого района. Из около 157.000 евреев, которые были изгнаны в Транснистрию (подавляющее большинство в сентябре–ноябре 1941 г., некоторые – в июне–сентябре 1942 г.), спаслось 51.000–53.000 человек, а 104.000–106.000, около двух третей высланных, погибли.[18]

Гораздо труднее оценить число спасшихся из 185.000 местных евреев, которые находились в Транснистрии в начале немецко-румынской оккупации. Данные советских источников, официальные или неофициальные, отсутствуют. В письме одного спасшегося еврея, которое получил Илья Эренбург 29 мая 1944 г. из Одессы, примерно через семь недель после освобождения города, говорилось о 1.500–2.000 спасенных, которые нашлись в Одессе.[19] То были люди, уцелевшие в гетто и лагерях центральной и южной Транснистрии, а также жители города и окрестностей, прятавшиеся в укрытиях либо имевшие арийские документы. Более высокая концентрация местных евреев была, главным образом, на севере Транснистрии, в частности, в Могилев-Подольском. Данные о количестве местных евреев, которые сохранились в этих гетто, отсутствуют. Основываясь на предположении, что весной 1942 г. количество местных евреев, которые спаслись от массовых казней в Богдановке и в Доманевке и не погибли от голода и болезней, составляло 25.000–30.000, можно допустить, что два года спустя, в момент освобождения весной 1944 г., из них осталось в живых 10.000–12.000. Это составляло 6% местных евреев, оказавшихся под оккупацией.

Итак, в Транснистрии две трети ссыльных и большинство местных евреев погибли, но 61.000–65.000 евреев все-таки уцелело. Такое количество спасшихся на оккупированных территориях СССР – это из ряда вон выходящее явление, и объяснить его можно только двумя факторами: политикой румынского правительства в связи с положением на фронте и быстрым продвижением советских войск в марте–апреле 1944 г.

Румынское правительство не проводило в Транснистрии политики уничтожения евреев руками румын – оно начало с просьбы перевести евреев за Буг, где их должны были уничтожить немцы. Однако немцы принять евреев отказались. Тогда румынские власти стали сами истреблять евреев либо использовать их на работах, содержав их в тяжелейших условиях голода и холода, приводивших к высокой смертности. Поражение под Сталинградом, тяжелые потери румынской армии, а также понимание, что Германия проигрывает войну, и желание выйти из неё – все вместе привело к изменению отношения румынских влас-

тей к евреям.

Быстрое продвижение Советской Армии к Транснистрии, а затем и внутри нее в марте–апреле 1944 г. не позволило немецкой администрации закрепиться там, а подразделениям СС – уничтожить евреев, еще живых тогда в более чем ста гетто и трудовых лагерях.

Это спасло и евреев в Черновцах – в то время наиболее крупное еврейское сообщество на оккупированных территориях СССР. В первые две недели февраля 1944 г. румынские власти оставили город, он перешел в руки немцев, и части СС начали подготовку к массовым казням евреев. Однако их опередила Советская Армия, войдя в Черновцы 29 марта 1944 г. – 15.000 евреев, находившиеся там, оказались спасены.[20]

В Транснистрии судьба евреев отличалась от участи евреев на остальных оккупированных территориях Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ioanid, *The Holocaust...*, p. 201.
2. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 375-377; Шмуэль Бен-Цион, *Еврейские дети в Транснистрии*. – Иерусалим, 1989, стр. 123, 132 (иврит, далее Бен-Цион, *Еврейские дети...*). Курс румынской леи по отношению к доллару – как официальный, так и реальный на черном рынке – изменялся в разные периоды войны. Доллар на черном рынке стоил примерно 700 лей. По приблизительным оценкам, в Транснистрию была направлена помощь на 945.000 долларов – согласно курса доллара в те дни.
3. Бен-Цион, *там же*, с. 164 (цитата оттуда); Jagendorf, *Jagendorf's Foundry...*, pp. 133-134.
4. Бен-Цион, *там же*, с. 221-223, 259; Далия Офер, *Путь по морю*. – Иерусалим, 1988, с. 293-300.
5. Ioanid, *The Holocaust...*, pp. 249-254.
6. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 380.
7. Гольд, *Потерянное вчера...*, с. 142 - 143.
8. Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 271.
9. Бен-Цион, *Еврейские дети...*, с. 259. Несколько сотен детей, которые приехали в Румынию, были отправлены в Эрец-Исраэль весной и осенью 1944 г., несмотря на протест Германии. Некоторые умерли в дороге. На пароходе «Мафкора», где находилось около 320 евреев из Румынии, был 61 ребенок – сироты из Транснистрии. Ночью 5 августа 1944 г. судно затонуло в Черном море, и пассажиры, кроме пятерых, погибли, в том числе и все дети. Пароход потопила, очевидно, советская подводная лодка, посчитав его вражеским кораблем.
10. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 378; Ioanid, *The Holocaust...*, pp. 255-256.
11. Аншель и Лави, *там же*, т. 2, с. 510.
12. Ioanid, *The Holocaust...*, pp. 256.
13. Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 291.
14. Т*ам же*, с. 256-257; Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 381-382.
15. Шапира, *По дорогам изгнания...*, с. 112-115.
16. Гуврин, *Жизнь в тени гибели*, Ялькут Морешет, 1997, с. 96-98 (иврит, далее Говрин, *Жизнь в тени...*).
17. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 1, с. 382, 447.
18. Joanid, *The Holocaust...*, pp. 224, 289. Йоанид предполагает, что погибло ссыльных минимум 75.000, а спаслось 50.000. Аншель (*История Катастрофы Румынии...,* т.2, с. 1389) пишет, что общее число высланных в Транснистрию составляло 195.000, чис-

ло уцелевших – около 50.000, а погибших – 145.000.

19. Альтшулер и др. *Советские евреи...*, с. 138. Автор письма – профессор Константин Гродский.
20. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...*, т. 2, с. 510.

ГЛАВА 33

ЗАМЕТАНИЕ СЛЕДОВ МАССОВЫХ КАЗНЕЙ – АКЦИЯ 1005

А. ПОДГОТОВКА К СОКРЫТИЮ УНИЧТОЖЕНИЯ

С конца лета – начала осени 1943 г. и до конца немецкой оккупации на территории Советского Союза, находящейся под властью немцев, из могил извлекали сотни тысяч трупов, сжигали их, а пепел разбрасывали. Так немецкая администрация намеревалась замести следы массовых казней, совершенных ею, и не допустить появления в будущем каких-либо доказательств нацистских преступлений. Эти действия производились одновременно как в рейхскомиссариатах Украина и Остланд, так и в зонах военной администрации, а общая ответственность за них возлагалась на Сипо. Операция велась под грифом «Совершенно секретно» и получила название «Акция 1005» (Aktion 1005), а проводившее её подразделение – «зондеркоманда 1005». Ее начальником назначили штандартенфюрера СС Пауля Блобеля, который до 13 января 1942 г. командовал зондеркомандой 4а, осуществлявшей казни в Бабьем Яру и других местах на Украине; позднее Блобель был освобожден от этой должности по состоянию здоровья. После войны на Нюрнбергском процессе Блобель показал:

«Я был начальником зондеркоманды 4а. После того как я был освобожден от этой должности, мне предписали отправиться в Берлин и явиться к обергруппенфюреру Гейдриху и группенфюреру Мюллеру. В июне 1942 г. группенфюрер Мюллер поручил мне замести следы действий по уничтожению людей, которые айнзацгруппы осуществляли на Востоке. В полученном мною приказе было сказано, что мне следует лично явиться к начальникам Сипо и устно передать им распоряжение Мюллера, а также надзирать за выполнением этого распоряжения. Этот приказ был государственным тайным делом, и группенфюрер Мюллер решил, что по причине необходимости сохранения этой миссии в строжайшей тайне не следует вести никакой переписки по этому вопросу».[1]

Секретность и сокрытие следов массовых казней евреев и других преступлений занимали Гиммлера уже в первые месяцы после вторжения немецких войск на территорию Советского Союза. Его приказ от 12 ноября 1941 г. запрещал производить фото- и киносъемку казней, а в тех случаях, когда таковые требовались в официальных целях, следовало все отснятые материалы хранить в архиве. Этот приказ, видимо, не исполнялся в полной мере, поскольку 16 апреля 1942 г. Гейдрих издал дополняющую его директиву в которой указал, что фото- и киносъемки могут производиться только в официальных целях и выдавать разрешение на них имеют право начальники айнзацкоманд и зондеркоманд, командиры рот войск СС или командиры подразделений военных корреспондентов. Ко всем отснятым материалам следует относиться как

к секрету рейха, они еще в виде негативов должны передаваться в 4-й отдел РСХА (гестапо), а все имеющиеся в распоряжении частей материалы, как находящиеся на руках, так и посланные домой в Германию, следует собрать и передать в РСХА.[2]

Чувствительность Гиммлера и Гейдриха к вопросу сокрытия массовых казней возросла после появления публикаций в советской прессе, а затем и в других странах о массовых захоронениях, обнаруженных в районах, которые были освобождены в результате советского наступления зимой 1941–42 годов. В Керчи (Крым), освобождённой 30 декабря 1941 г., нашли захоронения 7 тысяч евреев, казненных в конце ноября – начале декабря 1941 г. Описание казней и фотографии тел убитых были опубликованы в советских газетах. В ноте министра иностранных дел СССР Молотова от 27 апреля 1942 г., отправленной главам государств, состоящих в дипломатических отношениях с Советским Союзом, он также сообщил о выявлении в Керчи захоронений с 7 тысячами убитых.[3]

После своего назначения Блобель вместе с ограниченным кругом лиц приступил к проведению опытов в лагере уничтожения Хелмно, пытаясь найти эффективный способ избавления от трупов. После экспериментов со взрывчатыми веществами и зажигательными бомбами он пришел к выводу, что самым простым и быстрым способом является сожжение тел на гигантских кострах. С этой целью сооружались «жаровни» из железнодорожных рельсов; трупы казненных извлекались из ям и слоями укладывались на рельсы, а между ними и под ними укладывались дрова. После того как сотни трупов были уложены несколькими слоями, их поливали горючим веществом и поджигали. Огонь горел в течение иногда и дней – это зависело от количества наваленных трупов. Блобель, архитектор по профессии, разработал также специальное устройство для дробления костей казненных. Пепел и частицы костей смешивались с землей и закапывались в ямах, из которых были извлечены трупы. Затем эти ямы покрывались слоем земли.

Черную работу, включавшую извлечение трупов казненных из ям, их сжигание и разбрасывание пепла, делали заключенные, обычно евреи, под руководством и строжайшей охраной немецких полицейских. В районах, где тогда не было евреев, те же обязанности выполняли советские военнопленные или заключенные. По окончании работ всех их – евреев и неевреев – должны были ликвидировать, чтобы не оставлять в живых свидетелей казней и действий по сокрытию их следов.[4]

В сентябре 1942 г. Блобель выехал в Киев, чтобы приступить к действиям. По-видимому, начать заметание следов массового уничтожения с Киева Блобель решил не случайно: ведь в конце сентября 1941 г. он сам командовал ликвидацией в Бабьем Яре и был лично заинтересован в сокрытии этого преступления. На Нюрнбергском процессе Блобель рассказал о своей встрече с начальником Сипо на Украине д-ром Томасом:

> *«В сентябре 1942 г. я явился к д-ру Томасу в Киев и передал ему приказ [об Акции 1005]. Нельзя было немедленно приступить к осу-*

ществлению операции потому что д-р Томас не проявил склонности к выполнению приказа, так и потому что отсутствовал материал, необходимый для сжигания трупов».[5]

В то время немцы наступали на Сталинград и Кавказ, захватывая новые обширные территории. Очевидно, благоприятная военная ситуация заставила д-ра Томаса и его начальников думать, что операция по сожжению трупов не является такой уж спешной и Акцию 1005 можно пока отложить. Поражение под Сталинградом и последовавшее за ним наступление советских войск кардинально изменили положение. В феврале–мае 1943 г. были освобождены Краснодар, Ростов-на-Дону, Харьков и другие места, где находились захоронения десятков тысяч убитых евреев. Советские средства массовой информации подробно рассказывали об обнаруженных массовых могилах:

«18 января 1943... Минеральные Воды... Несколько тысяч измученных людей расстреляли здесь немцы... Полуторакилометровый ров за стеклозаводом был переполнен трупами.

28 февраля 1943 г... В Харькове в районе поселка Харьковского тракторного завода фашисты расстреляли 14 тысяч евреев».[6]

21 февраля 1943 г., через неделю после освобождения Ростова-на-Дону, московское радио сообщило, что возле города обнаружены массовые захоронения с трупами 20 тысяч убитых. В средствах массовой информации других государств также появлялись подобные сообщения. Ввиду обнародования подобной информации и продолжения наступления советских войск, которые освобождали район за районом, немцам пришла пора немедленно решать проблему сокрытия следов преступлений. Весной 1943 г. Блобеля послали в Украину для организации Акции 1005. Первым делом он встретился во Львове с Кацманом, начальником СС и полиции генералбецирка Галиция, и договорился с ним о начале операции в подвластных ему районах. Из Львова Блобель отправился в Киев и другие места. Рассказывает сам Блобель:

«В мае и в июне 1943 г. я выезжал в дополнительные поездки в Киев по этому вопросу; тогда, после разговоров с д-ром Томасом и начальником полиции и СС Хеннеке, началось выполнение этой миссии... По причине приближения фронта невозможно было уничтожить массовые захоронения, которые находились на более далеком расстоянии – на юге и на востоке. Поэтому я поехал в Берлин, чтобы представить отчет. После этого группенфюрер Мюллер послал меня в Эстонию. Тот же приказ я передал оберфюреру Ахаммеру Пифрадеру в Риге и обергруппенфюреру Екелену».[7]

Б. ПРОВЕДЕНИЕ АКЦИИ 1005

После посещения Блобелем Киева в мае – июне 1943 г. в Восточной Украине были созданы зондеркоманда 1005a под началом оберштурмфюрера Бауманна и зондеркоманда 1005b под началом гауптштурмфюрера Фрица Зетлова – в каждой 5–10 сотрудников Сипо и 30–60 немецких полицейских. Свою деятельность эти подразделения начали с близких к фронту районов, которым угрожал скорый захват наступаю-

щими советскими войсками, а затем передвинулись на запад. Зондеркоманда 1005a приступила к действиям в Бабьем Яре, а зондеркоманда 1005b – в Днепропетровске.[8]

Во Львове, в Песках возле Яновского лагеря были убиты и погребены десятки тысяч львовских евреев. Сожжение трупов здесь началось в середине июня 1943 г. Из Яновского лагеря отрядили на работу 120 заключенных-евреев. Занимавшиеся сожжением трупов евреи проживали в специальном подземном сооружении, построенном для них в Песках. За работами надзирала группа эсэсовцев под началом унтерштурмфюрера Шаллока, а охраняли заключенных около 80 немецких полицейских 23-го полка. По соображениям секретности на место работ не допускались украинские полицейские.[9]

Операция по сокрытию преступлений в Песках проходила следующим образом. Одна группа заключенных-евреев занималась раскапыванием захоронений и извлечением трупов, а другая группа переносила трупы к разожженному гигантскому костру, куда сбрасывали тела убитых. За костром наблюдал заключенный, задача его (а также его помощников) заключалась в добавлении дров и горючего вещества в костер и указании носильщикам, в какую часть костра следует бросать трупы. Он и его помощники затем извлекали из костра оставшиеся кости, которые предстояло дробить. Возле костра стоял заключенный, который подсчитывал количество трупов, брошенных в костер, а в конце дня отчитывался перед сотрудниками Сипо на месте. Ещё одна группа заключенных занималась дроблением костей и просеиванием пепла, оставшегося после сожжения трупов, чтобы извлечь из него золото (золотые зубы, кольца) и другие драгоценности, находившиеся на сожженных трупах. В конце дня эти драгоценности передавались Сипо. Сперва кости дробили вручную, но затем на месте стали использовать специальное устройство, похожее на бетономешалку.

В начале работ в день сжигали около 2000 трупов. Но вскоре технологию сожжения изменили. Теперь вместо костра, в который бросали трупы, использовали метод, изобретенный Блобелем в Хелмно: до 2 тысяч трупов укладывались стопами, в которых слой трупов чередовался со слоем дров, и после нескольких дней укладки стопы поджигалась. Одновременно с текущей работой по сожжению трупов в Пески доставляли группы евреев, их расстреливали на месте и тут же отправляли тела на сожжение.[10]

7 сентября 1943 г. уничтожение следов преступлений в Песках было закончено, и заключенных-евреев оттуда отправили сжигать трупы в Лесеницкий лес и другие места. Работы продолжались до середины ноября 1943 г. После получения информации об уничтожении еврейских узников Яновского лагеря группа заключенных организовала побег из Лесеницкого леса 19 ноября 1943 г., однако большинство их убили при попытке бегства – лишь немногим удалось уцелеть.[11]

Для работ по сожжению трупов в Бабьем Яре из находящегося неподалеку Сырецкого лагеря в середине августа 1943 г. доставили более 300 заключенных, обреченных на смерть: евреи (около 100 человек),

коммунисты, пойманные партизаны. Один из них, Зяма Абрамович Трубаков, свидетельствовал:

«Нас поместили в какую-то яму, имевшую выход с одной стороны, которая усиленно охранялась... Все мы были закованы... Часть заключенных отправили на еврейское кладбище, откуда приносили надгробные плиты и железные ограды. А затем, спланировав площадку десять на десять метров... на площадку рядами укладывались дрова и трупы и обливались нефтью. В такую печь укладывалось 2.000–2.500 трупов, поджигалось одновременно с четырех сторон... Уцелевшие кости нас заставляли размалывать и через решетку просеивать, после чего порошок рассеивался по близлежащим огородам. Меня с заключенным Рапопортом заставили проверять трупы перед сжиганием, на предмет извлечения золота и других драгоценных вещей. Постепенно нашу команду стали увеличивать и довели до 320 человек... В этой команде я находился до 28 сентября 1943 г., до побега. За это время я был свидетелем сжигания примерно более 125 тысяч трупов».[12]

Блобель, в один из дней августа 1943 г. присутствовавший в при сожжении трупов в Бабьем Яре, вспоминал:

«Я лично наблюдал за сожжением трупов из захоронения возле Киева... После того, как был снят верхний слой земли, трупы покрыли горючим веществом и подожгли. Потребовалось примерно двое суток, чтобы захоронение сгорело целиком... После этого захоронение было прикрыто [слоем земли] и таким образом были заметены следы».[13]

Условия содержания заключенных в Бабьем Яре были особенно тяжелыми. Больные, которые не могли продолжать работать, расстреливались на месте. В Бабий Яр доставлялись для сожжения также трупы из других близлежащих захоронений. В конце сентября – начале октября 1943 г. операция по сожжению трупов в Бабьем Яре должна была завершиться. Заключенные считали, что их готовятся вскоре ликвидировать, и ночью 28 сентября 1943 г. они организовали побег.[14]

6 ноября 1943 г. Киев был освобожден, и в Бабий Яр привезли иностранных корреспондентов, чтобы показать происшедшее там. 30 ноября 1943 г. Еврейское телеграфное агентство [J.T.A – Jewish Telegraphic Agency] опубликовало сообщение об убийстве евреев в Бабьем Яре и об утаивании его. В сообщении говорилось: «Перед отступлением из Киева немцы извлекли из могил трупы 70.000 евреев, убитых на этом месте два года назад, и сожгли их. Это ясно показывают поступившие к нам сегодня отчеты свидетелей». Далее в сообщении цитировались свидетельства уцелевших заключенных из Бабьего Яра.[15]

В начале октября 1943 г. зондеркоманда 1005а передислоцировалась в Бердичев и Белую Церковь, где занималась сожжением трупов до первой половины ноября 1943 г. Оттуда она двинулась в Умань и действовала там до января 1944 г. Заключенные, сжигавшие тела в этих местах, были убиты по окончании работ в Умани, а немцы из личного состава зондеркоманды отправились на отдых в Криницу и Закопане,

находящиеся в Карпатах. В феврале 1944 г. личный состав зондеркоманды 1005а вернулся на Украину, в Каменец-Подольск, но их деятельность здесь продолжалась недолго, поскольку 26 марта 1944 г. город освободили советские войска. После этого зондеркоманда 1005а действовала на территории генерал-губернаторства Польша.[16]

Зондеркоманда 1005b начала действовать в Днепропетровске, где было убито самое большое после Киева и Одессы количество евреев на Украине. Из Днепропетровска зондеркоманда не позднее начала октября 1943 г. переместилась в Кривой Рог, а к зиме – в Николаев. Замерзшая земля затрудняла вскрытие могил в Николаеве, и сожжение 3.000–4.000 трупов убитых, проводимое 50-ю военнопленными (большей частью евреями), продолжалось до конца 1943 г. С 12 до 20 января 1944 г. зондеркоманда 1005b действовала в Вознесенске (возле Николаева), где были сожжены около тысячи трупов. Затем её отправили на отдых в Закопане и Криницу, а 9 апреля 1944 г. она двинулась в Ригу.[17] Деятельность зондеркоманды 1005а и зондеркоманды 1005b в Восточной Украине закончилась в марте 1944 г., когда этот район освободили советские войска.

В Белоруссии к операции по сокрытию следов преступлений приступили в начале осени 1943 г., когда Блобель прибыл в Минск и передал начальнику Сипо и начальнику айнзацгруппы Б в Белоруссии оберштурмбанфюреру д-ру Эриху Эрлингеру распоряжения относительно Акции 1005.[18] Оберштурмбанфюрер Герхард Мюллер, начальник отдела 4b (по делам евреев и поляков) Сипо в Минске, подготовил список мест массовых казней и захоронений убитых. Эрлингеру как начальнику айнзацгруппы Б подчинялись также районы Восточной Белоруссии, находившиеся под управлением военной администрации. Ответственным за проведение операции в зоне военной администрации в Белоруссии был назначен д-р Зеекель , начальник айнзацкоманды 8.

В генералкомиссариате Белоруссия была создана зондеркоманда 1005–Центр [Mitte], которой временно командовал заместитель Блобеля Хардер; в ноябре 1943 г. его заместил на этом посту д-р Зеекель, а 7 декабря д-ра Зеекеля сменил Макс Кранер. Эта команда состояла из нескольких сотрудников Сипо в Минске, 30 немецких полицейских и взвода из 4-ой полицейской бронетанковой роты. В начале операции немецкая полиция была усилена местными полицейскими, а также украинцами и латышами, назначенными в охрану, но вскоре по соображениям секретности их заменили подразделением Сипо, в котором служили «фольксдойче» из Венгрии и Румынии. Извлечение трупов и их сожжение производила группа заключенных-евреев, присланных из Минска после уничтожения местного гетто. Этих евреев убили после побега заключенных из Бабьего Яра, и на их место доставили советских военнопленных.[19]

Самое большое массовое захоронение в генералкомиссариате Белоруссия было возле Малого Тростенца, на Благовещенской поляне, приблизительно в 11 км от Минска. Здесь в октябре 1943 г. начали вскрывать ямы и сжигать трупы убитых. Технология процесса походила

на метод, использовавшийся в Песках возле Львова и в киевском Бабьем Яре. В отчете советской следственной комиссии говорится:

«При посещении этого места нами были найдены 34 могильные ямы; сожженный амбар с обгоревшими трупами расстрелянных людей; сооружение из балок, на которых лежали частично обгоревшие трупы... Для доставки дров к месту сожжения они мобилизовали все имеющиеся повозки в районе Тростенца... Пепел и осколки костей они поместили в захоронения... Чтобы уничтожить трупы убитых, они построили специальную печь в Шашковском лесу на расстоянии около полукилометра от лагеря».[20]

Одновременно с операцией по сожжению трупов из массовых захоронений продолжались казни групп евреев из Минска и лагерей в этом районе, а также заключенных-неевреев. Случалось и так, что людей вместо расстрела сжигали живьем. Немец Адольф Рибе из зондеркоманды 1005–Центр в своем свидетельстве о ликвидации в начале ноября 1943 г. последних евреев из минского гетто, сказал:

«Хардер пришел ко мне приблизительно в 15:00 и сказал, чтобы я прекратил работу сегодня и удалил с места русскую команду. Мы – то есть я, переводчики, полицейские и «фольксдойче» в форме СС – стояли около часа в стороне, ничего не делая. Извлеченные из ям трупы уже были навалены слой за слоем на кучи дров... Хардер воткнул в кучу трупов и дров, которая достигала высоты около двух метров, вертикальный шест... В то время как он этим занимался, из Минска прибыли два грузовика и д-р Хойзер в своей машине. В грузовиках находились приблизительно десяток эсэсовцев из Минска и около 30 евреев – мужчин и женщин. Двадцать из них д-р Хойзер и приехавшие с ним эсэсовцы забрали к открытой яме невдалеке и убили выстрелом в затылок... Восьми–десяти оставшимся евреям приказали раздеться догола, их руки и ноги связали веревками... Я наблюдал за этим с расстояния в 40–50 метров... Связанных обнаженных евреев, среди которых женщин было больше, чем мужчин, эсэсовцы из Минска поволокли и, подняв с помощью лестницы, положили на кучу... Хардер, который стоял на верху кучи, привязал одну из евреек к вертикальному шесту, затем сошел вниз и поджег кучу. Еще до этого евреев облили бензином. Во время горения еврейка, привязанная к шесту, неожиданно спрыгнула вниз – видимо, связывавшая ее веревка сгорела. Она немедленно была поймана эсэсовцами из Минска и снова поднята на кучу. Несмотря на пламя, убийца во второй раз поднялся на кучу и привязал еврейку к шесту... Сжигаемые живьем евреи издавали чудовищные крики до того, как их подожгли, и когда они горели».[21]

С конца октября до середины декабря 1943 г. в Малом Тростенце сожгли около 40.000 трупов убитых. Заключенные, занимавшиеся сожжением трупов, были убиты по окончании работ. Чтобы усыпить их бдительность, перед ликвидацией заключенным раздали мыло и полотенца, дали расписаться под обязательством о соблюдении секретности, поблагодарили за работу и сказали им, что они едут в Минск. Их

посадили в машины, которые оказались душегубками, и удушили выхлопными газами в дороге.[22]

С 16 до 22 декабря 1943 г. зондеркоманда 1005–Центр действовала возле Молодечно на западе Белоруссии и сожгла там приблизительно 2.000 трупов. Сжигавшие трупы советские военнопленные были убиты по завершении работ. После кратковременного отдыха в рождественские дни эта зондеркоманда возобновила свою деятельность и 17–26 января 1944 г. сожгла приблизительно 5.000 трупов в районе города Смолевичи на северо-востоке от Минска. В начале февраля 1944 г. она приступила к работе в районе к северу от Минска и сожгла там в течение двух месяцев около 20 тысяч трупов. Занимавшихся сожжением заключенных убили в душегубке 2 апреля 1944 г. 3 апреля зондеркоманда 1005–Центр передислоцировалась в район Пинска, где местная Сипо предоставила в ее распоряжение 60 заключенных. Приблизительно 21.000 трупов евреев, две трети которых были убиты в 1941 году, а остальные в 1942–43 гг., извлекли из могильных ям и сожгли. По окончании работ заключенных загнали в бункер и взорвали его вместе с ними. Эта часть действовала в районе Кобрина с 31 мая по 24 июня, а с 25 июня до 5 июля – в районе Слонима. Занятых здесь советских военнопленных убили по окончании работ. 15 июля 1944 г. часть передислоцировалась в район Ломжи (генерал-губернаторство Польша). В начале апреля 1944 г. подразделение зондеркоманды 1005–Центр послали в район Брест-Литовска, где местные власти предоставили в его распоряжение около 100 заключенных. Сожжение трупов начали с Бруна Гура, где было убито приблизительно 48 тысяч евреев из Брест-Литовска, Пинска и других городов. Операция продолжалась до середины мая 1944 г., когда подразделение перевели в генерал-губернаторство. Все заключенные, занятые сожжением, после его завершения были убиты.[23]

Зондеркоманда 8, обязанная заниматься уничтожением следов преступлений в Восточной Белоруссии, приступила к работе в начале октября 1943 г. Для сожжения трупов создали специальный отряд из 68 немцев и 280 заключенных. С 20 октября в 12 км к северу от Гомеля он сжёг приблизительно 3.500 трупов убитых (из них около 1.000 евреев). 26 октября отряд переместился в поселок Озаричи, лежащий к западу от Гомеля, и за 4–5 дней сжёг здесь 4.000 трупов евреев. В начале ноября отряд слился с основной частью зондеркоманды в деревне Полковичи, где сжёг около 11 тысяч трупов (большей частью советских военнопленных). После завершения работ заключенных ликвидировали.[24]

В Витебске в октябре 1943 г. немцы сожгли тысячи еврейских трупов из захоронений в долине реки Илово, в долине Толобаск и других местах.[25] В Орше из могил на еврейском кладбище были извлечены и сожжены приблизительно 6.000 тел убитых там евреев.[26] На суде по делу бывшего начальника Сипо в Орше Ханса Коха, обвиняемый показал: «Наша команда сожгла в районе Орши и Борисова около 6000 трупов».[27]

В районе Бобруйска трупы сжигали в конце 1943 – начале 1944 годов. В Рогачеве (к востоку от Бобруйска) в декабре 1943 года сожгли 3.000 трупов евреев и небольшой группы цыган.[28] В Полоцке также сожгли трупы убитых евреев и трупы умерших советских военнопленных.[29]

В районах Западной Белоруссии, входивших в генеральный округ [Generalbezirk] Белосток, операция по уничтожению трупов началась в апреле – мае 1944 г. Начальником организованной на месте зондеркоманды был назначен гауптштурмфюрер Вальдемар Махоль. Зондеркоманда состояла из нескольких местных сотрудников Сипо и 50–60 полицейских из моторизованной жандармерии. Для выполнения работ в зондеркоманду из тюрьмы перевели 40 евреев. На первом этапе зондеркоманда занималась вскрытием могил и сожжением трупов в районах Августова, Гродно, Скиделя и Лунны. Возле Гродно во второй половине мая 1944 г. зондеркоманда сожгла около 10 тысяч трупов, а в районе Скиделя и Лунны еще около 4 тысяч. Работы продолжались до 26 июня 1944 г., затем зондеркоманда вернулась в Белосток, где продолжала действовать. Третьего июля 1944 г. из-за приближения советских войск заключенных-евреев расстреляли; лишь десять из них уцелели, бежав из расстрельной ямы.[30]

В Прибалтике к операции по сокрытию следов преступлений приступили в начале весны 1943 г., а продолжалась она вплоть до освобождения большей части этого района летом 1944 г. Блобель посетил Эстонию и Латвию, где он встретился со Старшим начальником СС и полиции в Остланде Екеленом, и начальником Сипо оберфюрером Гумбертом Ахаммером Пифрадером, чтобы проконтролировать ход Акции 1005.[31]

В генералкомиссариате Эстония трупы сжигали местные сотрудники Сипо с декабря 1943 г. до марта 1944 г. Уже в ноябре 1943 г. крестьяне, которые проживали вблизи места убийств евреев из Тарту и коммунистов, были выселены из своих домов. Извлечением трупов и их сожжением занимались 45–50 заключенных из числа вильнюсских евреев и евреев, депортированных ранее в Эстонию из Терезиенштадта. Из них в живых к концу работ оставалось 22 человека. Их загнали в барак и сожгли живьем. В первые месяцы 1944 г. операцию по сокрытию следов провели и в Калеви-Лийва, где были захоронены таллиннские евреи, убитые осенью 1941 г.[32] Последняя массовая ликвидация евреев в Эстонии произошла в концентрационном лагере Клоога: здесь 19 сентября 1944 г., в день ухода немцев, были убиты и тут же на месте сожжены 2.500 евреев. Пришедшие сюда через несколько дней советские войска нашли огромные костры со слоями трупов вперемежку с дровами, которые немцы не успели даже поджечь.[33]

В генералкомиссариате Латвия Акция 1005 началась с прибытием зондеркоманды 1005b из Украины в район лагеря Саласпилс в апреле 1944 г. С того момента до середины сентября 1944 г. зондеркоманда сожгла около 20 тысяч трупов. Затем исполнителей – 80 узников-евреев убили. Подразделение этой зондеркоманды, видимо, занималось сожжением трупов в районе Даугавпилса.[34] В составленном 12 декабря

1944 г. отчете советской медицинской комиссии сказано:

«В районе Румбульского, Дрейлинского, а также Бикерниекского лесов обнаружено сжигание трупов, где найдены обуглившиеся части ребер, рубчатых костей и остатки полусгоревшей одежды и обуви... Вблизи данных могил найдено множество зубов и мелких частей от зубных протезов».[35]

Поскольку к вскрытию захоронений и сожжению трупов в Латвии приступили на позднем этапе и в распоряжении исполнителей Акции 1005 было не более четырех–шести месяцев до момента, когда советские войска освободили большую часть республики, основную часть захоронений не вскрыли.

В местах самых массовых убийств в Литве – в Понарах под Вильнюсом и в Девятом форте в Каунасе – к проведению Акции 1005 приступили осенью 1943 г. В Девятом форте трупы начали сжигать в конце октября 1943 г. Здешняя зондеркоманда под началом оберштурмфюрера СС Радифа из Сипо в Каунасе состояла из нескольких десятков немецких полицейских и 73 заключенных: 34 евреев-военнопленных, которые находились здесь в заключении с 1942 г., и 35 евреев из гетто, а также 4 неевреев. Среди заключенных насчитывались четыре женщины. Приготовления к Акции 1005 начались в Девятом форте еще в августе 1943 г., когда сюда стали доставлять дрова и инструменты. 20 сентября из Девятого форта увезли всех заключенных-неевреев.

Узники, занятые сожжением, содержались в четырех камерах, двери и окна которых были забраны железными решетками. При вскрытии могил для снятия верхнего слоя земли использовался бульдозер, а всю остальную работу – извлечение трупов, сваливание трупов и дров в кучу, сожжение и разбрасывание пепла – выполняли заключенные, ноги которых были закованы в цепи. Ужасающий запах гниющего и горелого мяса преследовал их не только на работе, но и в запертых камерах. Уверенность в том, что их может ждать только смерть, заставила заключенных организовать массовый побег в ночь на Рождество 25 декабря 1943 г. Из 64 узников, находившихся в Девятом форте в день побега, 37 были пойманы при попытке бегства и расстреляны, а остальным удалось бежать. Несколько человек добрались до Каунасского гетто.[36] 11 беглецов из Девятого форта по прибытии в Каунасское гетто составили и подписали свидетельство:

«В течение того времени, с 1 ноября до 25 декабря (день побега) – были вскрыты 4 с половиной ямы... Из них вытащили более 12.000 трупов – мужчин, женщин и детей. Из этих трупов складывались одна за другой кучи (в каждой 300 трупов) и сжигались... Вид трупов свидетельствовал что многие были похоронены заживо – будучи ранеными или совсем нетронутыми. В день побега оставались еще ямы, которые не были вскрыты. Гестаповские начальники думали закончить работу до 1 февраля 1944 г.»[37]

Немцы заменили бежавших узников десятками евреев из гетто и лагерей вблизи Каунаса, которые сжигали трупы до конца марта 1944.[38]

В Понарах (возле Вильнюса) зондеркоманда 1005 начала организо-

ваться в конце сентября – начале октября 1943 г., сразу после ликвидации Вильнюсского гетто. В ее состав входили несколько человек из вильнюсской Сипо, около 60 немецких полицейских и приблизительно 80 узников: около 70 евреев, схваченных после ликвидации гетто, и десяток военнопленных, из них только один нееврей. Среди заключенных были четыре женщины, занятые уборкой жилых помещений, доставкой воды и дров и приготовлением пищи. Узники содержались в яме глубиной 6–8 метров и диаметром 15 метров. Туда спускались по лестнице, которая затем поднималась наверх. После побега заключенных, работавших на сожжении трупов в Девятом форте, в Понарах ужесточили охрану узников. Яму окружили колючей проволокой и минными заграждениями. Заключенных выводили наверх на работу утром, ночью их возвращали обратно в яму, и они все время были закованы в цепи, в которых можно было передвигаться обычным шагом, но не бежать. Их тщательно охраняли круглые сутки.[39] Еврей-военнопленный инженер И. Фарбер в лагере для военнопленных два года с успехом выдавал себя за украинца. Его в конце концов раскрыли и в январе перевели в Понары. Вот что он рассказывает:

«У нас было задание сжигать по 800 трупов в сутки... Пирамида считалась готовой, когда в ней было 3.500 трупов... Пирамида обычно горела трое суток... У нас не было ни одного виленчанина, который не нашел бы свою семью среди трупов... В яме было несколько лиц духовного звания. От времени до времени они устраивали поминальные трагические молебны – они проходили торжественно и печально».[40]

Ночью 15 апреля 1944 г. заключенные совершили побег из Понар. Большинство было убито на месте – только 15 человек сумели бежать. После этого сюда из лагеря Кайлис в Вильнюсе для продолжения работ по сожжению трупов доставили 70 евреев. Всех их убили в июле 1944 г. перед отступлением немцев. Зондеркоманда 1005 действовала в Понарах около девяти месяцев и сожгла около 60 тысяч трупов.[41]

Акция 1005 была совершенно секретной операцией. Распоряжения и отчеты об исполнении отдавались в устной форме. Эсэсовцы, отвечавшие за проведение операции, сделали все возможное для предотвращения утечки информации. Заметание следов преступлений, несомненно, проводилось и в других местах, а не только в тех, что упомянуты здесь, – просто почти все немецкие исполнители Акции 1005 хранили молчание, лишь такие, как Блобель и еще несколько человек, были вынуждены признаться в этом во время послевоенных судебных процессов.[42] Подавляющее большинство занятых на работах заключенных – как евреи, так и неевреи – были убиты после завершения этих работ. Для нас основным источником информации об этой операции являются те самые узники, которые смогли бежать, уцелеть и рассказать о том, что они видели и что происходило в «долинах смерти» Бабий Яр, Девятый форт, Понары и других местах.

Акция 1005, начавшись на оккупированной территории Советского

Союза в конце лета 1943 г., достигла только части поставленных целей. Уничтожение евреев, убийство советских военнопленных, массовые казни гражданских лиц в ответ на партизанские действия – все это происходило в тысячах мест на оккупированной территории Советского Союза. Зондеркоманды успели скрыть следы преступлений только в основных пунктах, да и там не всегда хватало времени сжечь все трупы. Быстрое продвижение советских войск с начала 1943 г. помешало немцам завершить Акцию 1005. Невозможно точно установить, сколько трупов в её ходе сожгли – несомненно, сотни тысяч, а может, миллионы. Но миллионы трупов убитых остались лежать в ямах, заваленные землей. Они – конкретное свидетельство преступлений немецких оккупантов и их пособников из местного населения оккупированных территорий, которое осталось навек. Главной своей цели – скрыть следы массового истребления – Акция 1005 не достигла.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Документы Нюрнбергского процесса*. NO–3947; Shmuel Spector, Aktion 1005 – Effacing the Murder of Millions, *Holocaust and Genocide Studies,* Vol. 5, No. 2 (1990), p. 159 (далее: Spector, *Aktion 1005...).* Группенфюрер Гейнрих Мюллер – начальник Гестапо в РСХА.
2. Ludwigsburg Zentrale Stelle, USSR, binder 413, rahmen 203.
3. См. гл. 47, раздел А.
4. Spector, *Aktion 1005...*, p. 159; Архив Яд Вашем, TR/10761, с. 98. Арестованный после войны начальник полицейского отряда, действовавшего в Бабьем Яру, обер-лейтенант жандармерии Фердинанд Ханиш говорил о заключенных как о «приговоренных к смерти» (Zum tode verurteilt waren). Также и в Освенциме, и в других лагерях еще в конце лета 1942 г. начали мероприятия по утаиванию следов казней.
5. *Нюрнбергские Документы*. NO–3947.
6. Приводятся отрывки из номеров газеты «Правда», даты которых указаны в начале каждого отрывка.
7. *Нюрнбергские Документы,* NO-3947.
8. Spector, *Aktion 1005...*, p. 162.
9. Spector, *Aktion 1005...*, pp. 161-162; Leon Weliczker, *Brygada Smierci*. – Lodz, 1946, p. 51 (далее: Weliczker, *Brygada...*). Величкер был среди заключенных-евреев, которые занимались сожжением трупов в Песках и других местах. Ему удалось бежать и остаться в живых.
10. Weliczker, *Brygada...*, pp. 56, 59, 62–63, 72–74, 84; *Суд над Эйхманом. Свидетельства: часть А* (иврит). – Иерусалим, 1974, с. 161–162 (свидетельство Леона Величкера-Велеса).
11. Weliczker, *Op. cit.*, pp. 90–91, 96–97, 117–121. Сожжением трупов занимались в следующих местах: Волки, Ярычев, Брюховичи, Дорнфельд, Бобрка.
12. Свидетельство Трубакова записано в Киеве 14 апреля 1967 г. (Архив Яд Вашем, TR–10/761, с. 314–315).
13. *Нюрнбергские Документы,* NO-3947.
14. О побеге см. гл. 45. Свидетельство украинца Владимира Давидова (Архив Яд Вашем, TR–10/761, с. 293–294); свидетельство еврея Давида Будника (*там же*, TR–10/761, с. 323–324). Давидов и Будник уцелели при побеге из Бабьего Яра.

15. *J.T.A. Bulletin*, 30.11.1943. Сообщение было получено 29 ноября 1943 г.
16. Архив ЯдВашем, TR–10/761, с. 36–37, 60–66.
17. Spector, *Aktion 1005...*, p. 164. В Днепропетровске было убито около 30 тысяч евреев.
18. До этого д-р Эрлингер служил в Украине и был начальником Сипо в Киеве, а на должность в Белоруссии его назначили в конце августа.
19. Архив Яд Вашем, TR–10/692, с. 76 (приговор по делу Кранера); Spector, *Aktion 1005...*, p. 166; Холавски. *В гибельной буре...*, с. 136–137.
20. Архив Яд Вашем, 0–53/24, с. 1–3. Отчет был составлен 25 июля 1944 г. Минск освободили 4 июля 1944 г.
21. Kohl, *Ich wundere...*, pp. 234–235. Д-р Хойзер был начальником Сипо в Минске.
22. Архив Яд Вашем, TR–10/692, с. 72–73 (приговор по делу Кранера).
23. Архив Яд Вашем, TR–10/692, с. 89–98; Spector, *Aktion 1005...*, p. 166.
24. Spector, *Op. cit.*, p. 165.
25. Архив Яд Вашем, M–33/440, с. 2. Подлинник находится в ГАРФ (Ф. 7021, Оп. 84, Д. 3).
26. Архив Яд Вашем, M–33/446.
27. *Судебный процесс...*, с. 110–112.
28. Spector, *Aktion 1005...*, pp. 165–166.
29. Архив Яд Вашем, M–33/1114.
30. Бендер С. *О занятии евреев на работах в «зондеркоманде» 1005 в Белостокском округе (иврит)* // «Яхадут зманену», № 10 (1995/6), с. 170–178; Spector, *Aktion 1005...*, p. 168.
31. *Нюрнбергские Документы,* NO–3947.
32. Леммик К. и Мартисон Э. *12.000: Материалы судебного процесса.* – Таллинн, 1962, с. 89–91; Kruus, *People...*, pp. 110–111.
33. См. гл. 30, раздел З (уничтожение последних евреев в этом районе).
34. Spector, *Aktion 1005...*, p. 164.
35. Кадикис, *Мы обвиняем...*, с. 216.
36. Алекс Файтельсон (Алтер). *Не покорившиеся*. – Тель-Авив, 2001, с. 340-378, 515-522 (далее: Файтельсон. *Не покорившиеся...)*. О побеге заключенных см. гл. 45, раздел Д.
37. Браун и Левин. *История подполья...*, с. 172–173.
38. Гарфункель, *Еврейский Каунас...*, с. 162; Гар, *Такова...*, с. 185.
39. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 444-445.
40. Гроссман В., Эренбург И., *Черная книга...*, с. 399-402.
41. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 445. О побеге заключенных см. гл. 45, раздел Д.
42. Блобеля арестовали после войны, и он стал одним из главных обвиняемых на суде по делу айнзацгрупп (Суд № 9). Его приговорили к смерти в 1948 г. и повесили в Ландсбергской тюрьме (Бавария) 8 июля 1951 г.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ЛИКВИДАЦИЯ ОСОБЫХ ГРУПП ЕВРЕЕВ

ГЛАВА 34

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ЧЕХИИ В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ ОСТЛАНД

А. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ДЕПОРТАЦИЯ

Идея депортации евреев из Германии, Австрии и Чехии на оккупированную территорию Советского Союза возникла уже в августе 1941 г., а соответствующая инструкция исходила непосредственно от Гитлера. В дневнике Геббельса упомянуты две состоявшиеся в том месяце беседы с Гитлером, в которых он говорил о предстоящей депортации евреев из Германии.[1] Во время визитов Гиммлера и Гейдриха в ставку Гитлера 16 и 22–24 сентября 1941 г. вопрос о высылках на восток поднимался неоднократно. В записи от 24 сентября присутствовавший на встрече Геббельс сообщает: «Фюрер считал, что следует убрать [herausgebracht werden muessen] евреев из Германии. Первыми городами, свободными от евреев, должны стать Берлин, Вена и Прага».[2] Высылка евреев Рейха являлась частью «окончательного решения еврейского вопроса», но выбор для неё именно этого времени определили и представившиеся тогда возможности уничтожения депортированных на оккупированной территории Советского Союза. Сыграли свою роль также обращения со стороны немецких гауляйтеров и бургомистров, заинтересованных в использовании десятков тысяч оставляемых еврейских квартир для заселения их немцами, чьё жильё пострадало от бомбардировок авиации союзников.[3] Изгнание евреев Рейха на восток было ещё и местью Гитлера за решение Сталина изгнать 600.000 приволжских немцев в Казахстан и Сибирь.[4]

На встрече Гиммлера и Гейдриха с Гитлером 2 октября 1941 г. Гиммлер сообщил, что основными конечными пунктами депортации выбраны Рига, Ревель (Таллинн) и Минск.[5] Первые транспорты с высылаемыми евреями отправлялись, однако, не в относительно дальние эти места, а в гетто близлежащего города Лодзь. Причиной являлась главным образом нехватка поездов, требовавшихся армии, ведущей тогда тяжелые бои на Московском и Ленинградском фронтах. Мешало также отсутствие свободных мест в гетто на землях Остланда.[6]

Одновременно с высылкой в Лодзь готовилась депортация 50 тысяч евреев в Ригу и Минск. За их перемещение последующую судьбу отвечала Сипо. Транспортировку евреев в Минск и Ригу возложили на начальника Орпо Далуге. В его телеграмме от 24 октября 1941 г. на-

чальникам Орпо в городах – исходных пунктах депортации евреев, а также старшим начальникам СС и полиции в этих районах и в Риге, говорилось:

«В период между 1 ноября и 4 декабря 1941 г. Сипо должна переместить из Германии, Австрии и Протектората Богемия и Моравия [Чехии] 50 тысяч евреев на восток, в районы Риги и Минска. Перемещение производится при помощи поездов, и в каждом транспорте должно находиться 1000 человек... По соглашению с начальником Сипо на Орпо возлагается задача по охране поездов».[7]

Восьмого ноября 1941 г. начальник Сипо Остланда Шталекер сообщил сотрудникам рейхскомиссариата о решении переместить сюда 50 тысяч евреев Рейха: половину в Ригу и половину в Минск. Чтобы освободить место для них, 7 ноября 1941 г. в Минском гетто провели акцию уничтожения, в которой убили 12 тысяч евреев, 20 ноября акцию повторили, жертвами стали около 7 тысяч евреев.[8]

Первый транспорт с немецкими евреями ушёл из Гамбурга в Минск 8 ноября 1941 г., а до конца ноября в Минское гетто прибыли семь транспортов с 6962 евреями. Затем отправка в Минск эшелонов возобновилась только в начале мая 1942 г. и продолжалась до начала октября 1942 г.[9]

Эту временную приостановку депортации в Минск вызвало вмешательство армии, которой потребовались все имеющиеся в наличии поезда для переброски резервов группе армий «Центр», поскольку советские войска начали зимнее наступление. Отступающая немецкая армия нуждалась в подкреплениях, чтобы остановить продвижение советских войск. Двадцатого ноября 1941 г. генерал Вальтер Бремер, командующий вермахтом в Остланде, отправил письмо Лозе с возражениями армии против отправки евреев из Рейха в Белоруссию:

«Согласно рапорту 707-й дивизии 25 тысяч евреев депортируются из Германии в Белоруссию... По причине тяжелого положения, сложившегося в сфере транспортных средств, нет никакой возможности переместить евреев при помощи поездов. Группа армий «Центр» потребовала от меня прекращения депортации евреев, поскольку она нуждается в дополнительных эшелонах с жизненно необходимыми снаряжением и боеприпасами... Сооружение зимних квартир и транспортировка строительных материалов, стекла, угля и прочего – вместе с текущими поставками – являются настолько неотложными, что лишь по одной этой причине следует прекратить отправку транспортов с евреями».[10]

Подобные требования армии были переданы также и другим инстанциям – депортация евреев из Германии в Белоруссию приостановилась. Только 6 мая 1942 г., после стабилизации положения на фронте группы армий «Центр», возобновилась отправка евреев. В Минск ушли 17 поездов, в которых находились 16.942 еврея. Всего, таким образом, с ноября 1941 г. до октября 1942 г. в Минск были отправлены 25 транспортов с 23.904 евреями.[11]

Во второй половине ноября 1941 г., когда началась высылка в Лат-

вию, в Рижском гетто еще обитали 30.000–32.000 евреев, и в нем не хватало места для евреев из Германии. Здесь тоже место для прибывающих освободили при помощи двух акций уничтожения 30 ноября и 8–9 декабря 1941 г., при которых погибли 25.000–28.000 жителей гетто. Около 4.000 мужчин немцы оставили для работы и заключили их в малое гетто. Только после декабрьской акции большое гетто, опустев, стало готовым к принятию немецких евреев, однако отправка транспортов из Германии в Ригу началась уже 17 ноября 1941 г. согласно запланированному сроку. Чтобы соблюсти его, сотрудники Сипо приняли решение изменить пункт назначения первых пяти эшелонов на Девятый форт в Каунасе, где высылаемых евреев должны были ликвидировать на месте. В отчете айнзацгрупп от 5 января 1942 г. сказано:

«Первые пять транспортов, предназначенных в Ригу, были отправлены в Каунас. Лагерь в Риге, который должен вместить 25 тысяч евреев, находится в стадии строительства и вскоре будет закончен. Тем временем Екельн, Старший начальник СС и полиции в Риге, приступил к акции уничтожения [евреев Риги] в воскресенье 30 ноября 1941 г.»[12]

Отправленные из Германии 17–25 ноября 1941 г. поезда с 4.934 евреями прибыли в Каунас. Депортированных перевели в Девятый форт, где их расстреляли шуцмены из Каунаского батальона.[13] Это была первая в истории Катастрофы акция массового уничтожения евреев Рейха. В отчете начальника айнзацкоманды 3 Егера, который он составил 1 декабря 1941 г., детально перечисляются акции уничтожения:

«25.11.1941, Каунас (Девятый форт): евреев – 1.159, евреек – 1.600, детей-евреев – 175, всего – 2.934 (из Берлина, Мюнхена и Франкфурта-на-Майне).

29.11.1941, Каунас (Девятый форт): евреев – 693, евреек – 1.155, детей-евреев –152, всего – 2.000 (из Вены и Бреслау)».[14]

Первый эшелон прямиком в Ригу отправился из Берлина 27 ноября 1941 г. и прибыл к месту назначения 30 ноября, в момент проведения там акции уничтожения. Немецкая администрация в Риге еще не была готова к принятию этого транспорта. Поэтому 1.000 берлинских евреев, находившихся в нем, присоединили к рижским евреям, которых направляли на ликвидацию, и расстреляли вместе с ними.[15] Отправка других транспортов в Ригу, начиная с поезда, вышедшего из Нюрнберга 29 ноября 1941 г., продолжалась непрерывно до начала февраля 1942 г., а затем возобновилась в середине августа 1942 г. и продолжалась до октября 1942 г. В Латвию были отправлены в общей сложности 25 транспортов с 23.785 евреями рейха (не считая пяти поездов, пригнанных в Каунас). Из них два транспорта (а может быть, три или четыре) с евреями, депортированными в начале сентября 1942 г., переправили из Риги в Эстонию.[16] То, что евреи из одних транспортов отправлялись напрямую к расстрельным ямам, а из других – в гетто и трудовые лагеря, свидетельствует об отсутствии однозначных распоряжений берлинского руководства СС относительно судьбы депортированных евреев – начальникам СС в рейхскомиссариате Остланд было предоставлено

право самим её решать.

Высылаемым евреям позволяли взять с собой вещи общим весом до 50 кг. Им запрещалось везти ценности (кроме обручальных колец); оставшиеся деньги и имущество переходили государству. Их проезд в поездах на восток оплачивался за счет конфискованных у них средств.[17] Каждая предназначенная к высылке семья получила уведомление, в котором среди прочего говорилось: *«Ключи от квартиры следует перед выселением передать в ближайший полицейский участок. Запрещается продавать квартиру и находящиеся в ней предметы... Все имущество, биржевые бумаги, деньги и ценности конфискуются».*[18]

Хаим Барам, депортированный из Берлина в Минск, описывал высылку:

> *«Мы не знаем, куда нас везут... 18 ноября в 10 часов утра поезд остановился – перед нами Минск... Приблизительно в 3 часа одновременно открылись все двери, и в вагоны ворвалась дикая толпа латышских эсэсовцев... Мужчины, женщины и грудные дети с жестокостью выбрасываются из вагонов... Стариков и детей погрузили на грузовики и отправили дальше, но большинство из нас идет пешком... В конце концов мы прибыли в гетто, окруженное забором».*[19]

Такова картина, типичная для всех транспортов с немецкими евреями, которые отправлялись в Остланд. Высылаемые не имели ни малейшего представления о том, что их там ждет, а об уничтожении евреев на оккупированной территории Советского Союза они узнавали только по прибытии в Минск или Ригу. Использование пассажирских вагонов для их перевозки и разрешение взять с собой часть вещей (среди прочего матрасы, печки и инструменты) позволяли евреям Рейха верить в то, что их просто переселяют в район Минска или Риги. В одном из отчетов айнзацгрупп о евреях, прибывших в Минск и Ригу, сказано: «Можно было заметить, что у части этих евреев сложились абсолютно неверные картины своего будущего. Например, они считают себя первопроходцами, которые будут заниматься колонизацией восточных земель».[20]

После прекращения депортаций в район Минска в конце ноября 1941 г. сотрудники Сипо стали искать другие места, куда можно было бы отправлять евреев Рейха. Двенадцатого января 1942 г. Старший начальник СС и полиции в рейхскомиссариате Украина направил генералкомиссарам Брест-Литовска, Житомира, Николаева, Днепропетровска и Киева послание под названием: «Создание гетто». В нем говорилось: «При создании гетто следует учитывать их расширение с тем, чтобы в 1942 году переместить туда евреев из Рейха...».[21] Несмотря на эти планы, в рейхскомиссариат Украина транспорты с немецкими евреями не прибыли. Очевидно, весной 1942 г. железные дороги потребовались германской армии, начавшей подготовку к летнему наступлению на Сталинград и Кавказ. Тогда же намечалось перемещение ставки Гитлера в район Винницы – при таких условиях нельзя было возложить на железнодорожную сеть еще и транспортировку евреев на Украину. В мае 1942 г. высылка евреев в район Минска вновь стала возможной, и

необходимость использовать Украину для депортации и уничтожения евреев Рейха отпала.

Б. ЕВРЕИ РЕЙХА В ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТЕ БЕЛОРУССИЯ

Гетто, в котором размещали прибывающих в Минск немецких евреев, называлось «Гамбургским гетто» по названию города исхода первых высланных сюда. Главой юденрата был назначен д-р Эдгар Франк. В гетто создали еврейскую полицию из бывших военнослужащих немецкой, австрийской или чешской армий (в большинстве ветеранов Первой мировой войны) под началом Карла Левенштайна, в Первую мировую войну морского офицера. У евреев гетто, прибывших из Рейха, на груди была согласно инструкции пришита желтая шестиконечная звезда с буквой «J» (Jude), а местные евреи на груди и на спине носили лоскут желтого цвета.[22] Первая встреча евреев Рейха с Минском стала для них шокирующей. Хаим Барам вспоминал:

«Город почти полностью разрушен… Позже нам стало известно, что в этом месте раньше было гетто с русскими евреями, которых отправили на казнь в начале ноября 1941 г... Офицер СД с гордостью рассказывал нам о том, что они уничтожили 28 тысяч русских евреев, чтобы освободить место для нас».[23]

Теснота в гетто, ужасный холод и жестокая нехватка пищи, с которыми немецкие евреи ранее не сталкивались, стали причиной их высокой смертности. Кроме того, солдаты и полицейские – немецкие и местные – регулярно врывались в гетто, чтобы отобрать у людей те немногие вещи, которые им удалось взять с собой. Левенштайн описывает условия жизни в гетто следующим образом:

«Солдаты-мародеры нападали на женщин и грабили их... Даже в домах, в которых были трубы, вода в них замерзла… Пока во дворах был снег, мы его использовали… Для всех обитателей лагеря варили суп на двух кухнях... Днем каждый получал по 300 граммов подогретой воды, в которой было пять граммов гречки… В течение нескольких недель 700 человек умерло от слабости и болезни… Мы остались без дров. Эсэсовцы и полицейские стреляли в тех, кого заставали за собиранием дров, но это никого не останавливало... Первое время мы пробовали копать могилы для наших мертвых, однако немедленно выяснилась тщетность этих попыток, поскольку земля промерзла на большую глубину... Когда в конце концов скопилось более 1.000 трупов (абсолютно заледеневших), инженер-эсэсовец с помощью взрыва приготовил братскую могилу для всех... Эсэсовцы приказали нам похоронить всех мертвых голыми».[24]

Гражданскую администрацию в Белоруссии прибытие немецких евреев захватило врасплох, и она не знала, как с ними поступать. Необходимость приравнять их к местным евреям вызвала у властей определенное замешательство. 16 декабря 1941 г. генералкомиссар Кубе отправил Лозе письмо на эту тему:

«Я прошу у вас лично официального распоряжения о том, какую позицию должна занимать гражданская администрация по отноше-

нию к евреям, депортированным из Германии в Белоруссию. Среди этих евреев имеются бывшие солдаты, награжденные Железным крестом (1-й и 2-й степеней), инвалиды войны, арийцы наполовину и арийцы на три четверти. До настоящего момента сюда прибыли 6.000–7.000 евреев из 25 тысяч, которые должны прибыть. Во время своих официальных регулярных посещений гетто среди этих евреев, которые в области личной гигиены также отличаются от местных русских евреев, я обнаружил прекрасных специалистов, которые за день производят в пять раз больше продукции, чем русские евреи... Возможно, что эти евреи замерзнут или умрут от голода в течение ближайших недель... Я жестокосердный человек и готов оказать помощь в решении еврейской проблемы. Однако люди, которые вышли из сферы нашей культуры, все же отличаются от здешнего дикого сброда. Возможно ли уполномочить литовцев и латышей, которых отвергает и местное население, проводить акции уничтожения? Прошу вас принять во внимание то, как это может отразиться на представлении о Рейхе и нашей партии, и распорядиться относительно необходимых действий самым гуманным возможным способом».[25]

Гебитскомиссар Минска Вильгельм Янецке по поводу немецких евреев обратился непосредственно к Розенбергу. В письме от 5 января 1942 г. Янецке пишет, что в городе, который представляет собой груду развалин, проживают 100 тысяч человек, кроме них в нем находятся еще 15–18 тысяч местных евреев и 7 тысяч евреев из Рейха, а прибытие дополнительных транспортов приведет к катастрофе.[26]

Ответ на обращение Янецке к Розенбергу был послан 16 января 1942 г. не напрямую Янецке, а Лозе в Ригу. Автор ответа просил рейхскомиссара «потребовать от комиссара Минска, чтобы по вопросам размещения и снабжения евреев он вошел в сношения со Старшим начальником СС и полиции».[27] Требование решать проблемы существования евреев Рейха со Старшим начальником СС и полиции, который занимался уничтожением евреев, означал, что именно такая участь предназначалась евреям, депортируемым в Минск.

Евреи Германии, как и местные евреи, использовались на принудительных работах. Часть из них была занята обслуживанием, другие выполняли тяжелую физическую работу в армейских казармах, в организации «Тодт», у эсэсовцев и в частных немецких компаниях. Относились к рабочим из гетто по-разному. Случалось, что немцы – главным образом более пожилые люди, которых не охватила безумная ненависть к евреям, – благодаря языковой и культурной близости относились к немецким евреям более гуманно. Но в большинстве случаев отношение к евреям из Рейха не отличалось от отношения к местным евреям: с ними жестоко обращались, иногда даже убивали – все зависело от настроения немцев, в руках которых они находились. В некоторых местах вместе с немецкими евреями работали также и местные, но из-за отсутствия общего языка контакты между ними были весьма ограниченными.

На работе обычно давали немного пищи, и поэтому, несмотря на физические трудности и издевательства, люди стремились на рабочие места, чтобы получить скудный паек и избежать голодной смерти. Евреи из гетто также старались обменять на продукты питания немногие имеющиеся у них вещи и ценности. Местные жители приходили к ограде гетто с продуктами, а возвращались домой с одеждой, постельным бельем, кольцами, часами и другими вещами. Из-за отсутствия общего языка пользовались жестами. Евреев, застигнутых возле ограды гетто во время обмена, расстреливали на месте, но торговля и обмен не прекращались, потому что страх голодной смерти превалировал над страхом погибнуть от пули. Со временем местные евреи превратились в посредников при обменных операциях между немецкими евреями и местным населением благодаря их знакомству с местными жителями и условиями, а также умению ускользать от охраны гетто. За свои услуги они получали часть выменянных продуктов.[28]

Несмотря на обмен вещей, множество людей в гетто умирало от голода и болезней. Несколько находившихся в гетто врачей не могли изменить положения из-за отсутствия еды и лекарств. В созданной в гетто больнице имелось 20 коек; однажды туда пришел шарфюрер СС Рибе и застрелил всех больных в постелях. Число обитателей «Гамбургского гетто» сокращалось день ото дня.

В канун Рождества 1941 г. двое мужчин и одна женщина решились бежать. Когда эсэсовцам стало известно о побеге, они объявили, что если беглецы не будут пойманы, они казнят 300 заложников из числа евреев гетто – по 100 человек за каждого беглеца. От юдената потребовали список кандидатов на казнь, а когда юденрат ответил, что не может составить такой перечень, ему было приказано включить в него каждого десятого человека из общего списка обитателей гетто согласно алфавиту. Левенштайн вступил в переговоры с обершарфюрером Шмиделем, уполномоченным Сипо управлять «Гамбургским гетто», в результате число кандидатов на казнь евреев уменьшилось до 100 человек. В них включили тридцать туберкулезных больных, чьи дни, по мнению врачей, были сочтены, и, в сущности, только они были казнены. При переговорах со Шмиделем Левенштайн старался выиграть время, поскольку полагал, что трое не знающих языка и местных условий беглецов будут быстро найдены и немцы отменят казнь заложников. И действительно, вскоре их поймали неподалеку от города. Жителям гетто велели собраться, и беглецов расстреляли на их глазах. Другие единичные попытки бегства не увенчались успехом. Те, кто решался на побег, стремились вернуться в Германию, но из-за большого расстояния, незнания местных языков и условий их попытки изначально были обречены на неудачу.[29]

Восьмого февраля 1942 г. восемь членов юденрата «Гамбургского гетто» вместе с его председателем д-р Франком были арестованы по обвинению в передаче писем в Гамбург через немецкого полицейского. Нацисты старались хранить в тайне судьбу высланных в Остланд. 8 марта д-ра Франка, избитого и в бессознательном состоянии, вернули

в гетто, где он в ту же ночь скончался. Тринадцатого апреля остальные семеро арестованных были возвращены в гетто и расстреляны на месте. Новым председателем юденрата назначили Эрика Херфа.[30]

Второго и третьего марта в Минске происходила акция истребления, при которой в городе на Ратомской улице расстреляли около 5.000 местных евреев. Евреев «Гамбургского гетто» тогда не тронули. Утром 2 марта Левенштайн получил от Сипо распоряжение, согласно которому в этот день евреям Рейха запрещалось выходить на работу в город, а он не должен был пропускать ни одного местного еврея в гетто. Немецкие евреи могли сквозь ограду гетто наблюдать последний путь тысяч местных евреев. «На эту смертную процессию было так ужасно смотреть, настолько ужасно, что мы все желали себе быстрого конца», – пишет Левенштайн. Во время акции были также казнены дети из сиротского приюта в гетто. Некоторым из детей удалось улизнуть и пробраться в «Гамбургское гетто», где их спрятали еврейские полицейские.[31]

Несмотря на шок, который тогда пережили евреи Рейха, факт, что эта акция их не коснулась, вселил в них иллюзорную надежду на то, что их ожидает участь, отличная от участи местных евреев. Сохранению этой зыбкой надежды на другое отношение к ним немцев способствовало, особенно поначалу, и то, что их поселили отдельно. Интерес, проявленный генералкомиссаром Кубе к их судьбе в первое время после прибытия, и его требование предоставить ему списки евреев-ветеранов Первой мировой войны, или раненных на ней, а также обладателей боевых наград, бойцов «Вольного корпуса» (Freikorps), бывших государственных служащих и т.п. усиливали эту призрачную надежду.[32]

Немецкие власти стремились поддержать у евреев Рейха иллюзии относительно их будущего. Этот вопрос обсуждался на заседании руководителей департаментов генералкомиссариата Белоруссия 29 января 1942 г. В протоколе заседания сказано:

> *«Евреи из Германии проявляют усердие в работе по причине уверенности в том, что после победы в войне они будут возвращены в Рейх... Следует поддерживать в них веру в возвращение в Германию и таким путем способствовать повышению производительности их труда».*[33]

Но с течением времени и по мере ухудшения условий их жизни надежда немецких евреев на то, что их судьба будет иной, становилась всё слабее.

Уже в первые месяцы существования «Гамбургского гетто» в нем проводилась культурная и просветительская деятельность. В полуразрушенном здании текстильной фабрики был устроен зал для музыкальных представлений. Евреи создали также оркестр и организовали несколько концертов. На одно из представлений председатель юденрата д-р Франк пригласил эсэсовцев, отвечавших за гетто. Они пришли, посмотрели выступление, а на следующий день запретили продолжение концертов и конфисковали все музыкальные инструменты, включая детские губные гармошки. Сотрудники Сипо стремились подавить

в зародыше любую попытку организовать в гетто какую-либо культурную жизнь. В гетто организовали и школу, но количество учеников не превышало нескольких десятков. В конце 1941 г. в школе праздновали Хануку: были зажжены свечи и раввин прочел молитву. В течение нескольких минут духовного возвышения, по свидетельству одного из участников, «люди забыли о своих бедах». Охрана гетто обратила внимание на происходящее, стала стрелять по окнам, освещенным свечами, и евреи были вынуждены разойтись по своим помещениям – так закончился праздник.[34]

Надежды евреев Рейха на судьбу счастливее, чем у местных евреев, окончательно исчезли после акции уничтожения 28–31 июля 1942 г., которая охватила евреев и местных, и германских евреев. Когда утром 28 июля рабочие команды, как обычно, вышли из «Гамбургского гетто» и отправились на свои рабочие места, гетто окружили немецкие и местные полицейские, приказали людям выйти из домов, погрузили их на грузовики, доставили в район Малого Тростянца в Благовещенскую рощу и там убили. В акции использовались также душегубки. Вышедших на работу удерживали на рабочих местах четыре дня, пока шла акция уничтожения, а затем им разрешили вернуться в гетто. Семьи большинства рабочих истребили в этой акции.[35] Согласно рапорту Кубе, отправленному им Лозе 31 июля 1942 г., тогда из евреев Рейха 3.500 были убиты, в Минске остались 2.600.[36]

Кубе, который в декабре 1941 г. просил у Лозе особого отношения к германским евреям, теперь не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать уничтожению большинства этих евреев. В своем отчете от 31 июля Кубе говорит об их уничтожении в Минске теми же словами, которые он употребляет, говоря о казнях местных евреев.

6 мая 1942 г. возобновилась отправка транспортов с евреями Рейха в Минск, и до 5 октября 1942 г. туда ушло 18 поездов с примерно 17.000 евреев. Как правило, люди ехали в пассажирских вагонах до Волковыска на юго-западе Белоруссии, где их пересаживали в товарные вагоны. Все находившиеся в эшелонах евреи (за исключением одного транспорта) не прибыли в Минское гетто, так как их отправили прямо в район Малого Тростянца, и там расстреляли. Единственный поезд, который не дошёл до Малого Тростянца, 28 июля отправился из Терезиенштадта и прибыл в Барановичи. Тысячу находившихся в этом транспорте евреев на грузовиках доставили в Гайскую рощу на северо-востоке от Барановичей и там расстреляли. Этот эшелон направили в Барановичи потому, что именно в те дни, 28–30 июля, шла акция уничтожения евреев обоих гетто в Минске, и Сипо в Минске не управлялась принять транспорт из Терезиенштадта.[37]

Ханус Мунц, высланный из Терезиенштадта в Минск 8 сентября 1942 г., в своем свидетельстве описывает события в Малом Тростянце:

«Нам приказали выйти из вагонов... Каждый должен был сдать все имеющиеся у него ценные вещи... Скоро подъехали три машины, и эсэсовцы «помогли» людям забраться в них. Несколько десятков

человек были втиснуты в каждую из машин, которые затем отправились в путь. Через три четверти часа, не более, машины вернулись, и погрузка возобновилась... Двадцать два молодых человека из тысячи прибывших сказали, что они кузнецы, плотники и рабочие. Их отделили от других. Я был среди них... Мы проехали около двух километров и остановились в поле, в котором были глубокие ямы. Люди, которых перевозили в машинах, были убиты в пути направленными внутрь выхлопными газами... Малый Тростянец был маленькой деревней. В лагере было 450–500 человек. Часть работала в колхозе, а остальные занимались перевозкой трупов из прибывших транспортов [к ямам]».[38]

Оберштурмфюрер Хойзер, руководивший казнями в Малом Тростянце и лично в них участвовавший, на суде в Германии описал эти события:

«Я подошел к яме, в которой уже находились расстрелянные евреи... Я присоединился к стрелявшим. Прежде всего я стрелял в головы тех евреев в яме, которые еще подавали признаки жизни. Среди стрелявших вместе со мной были... люди из ваффен-СС, латыши и шуцмены... Затем подошел Штраух [начальник Сипо в Белоруссии], встал в цепь и принялся стрелять... Я стрелял и в женщин, а в детей – нет... В сентябре и октябре 1942 г. я принимал участие в акциях против трех транспортов с евреями с Запада... Я всегда пил свое пиво...»[39]

Последний транспорт в район Минска отправился из Вены 5 октября 1942 г. Евреи Рейха, которые еще оставались в живых в Минске, продолжали ютиться в тесном маленьком гетто рядом с гетто местных евреев до сентября–октября 1943 г. Хайнц Розенберг, один из обитателей гетто, пишет:

«Ноябрь 1942... Прошел год с момента нашего прибытия в Минское гетто... Этот год оставил свой отпечаток на всех нас. Снова не слышно смеха... Эсэсовцы убивали каждый день... Мы стали безразличны к смерти... Эсэсовцы и военные организовали из мужчин и женщин большие группы по уборке снега с железнодорожных путей, которые должны были работать ночью, когда стояли самые жестокие морозы... Когда эти группы возвращались утром, некоторых из ушедших уже не было среди них...

Март 1943. Осталось около 2.000 немецких евреев... Если кто-нибудь болел больше двух дней, его расстреливали. Такова была участь человека, который не мог работать».[40]

Первого сентября 1943 г. гетто окружили, и людям приказали собраться в одном месте. Отобрав 250 мужчин в возрасте от 16 до 30 лет, их перевели в эсэсовский лагерь на Широкой улице в Минске. Там находились также сотни местных евреев, евреи-военнопленные, а также арестованные неевреи. В это время лагерь служил перевалочным пунктом для евреев, которых отсюда направляли в концентрационные лагеря и лагеря уничтожения в районе Люблина в Польше. В поездах, отправившихся из лагеря в сентябре, находились сотни евреев Рейха.

Их послали в трудовой лагерь Будзынь, входивший в систему лагерей Майданек. При приближении советских войск в первые месяцы 1944 г. лагеря были покинуты. Немецких евреев переместили в лагеря в Германии, где лишь немногие из них – после долгих скитаний и жестоких испытаний – дожили до дня освобождения.[41] Оставшиеся в Минском гетто евреи Рейха были убиты вместе с местными евреями в октябре 1943 г. После истребления евреев в Минском гетто в живых оставались несколько десятков немецких евреев, находившихся в лагере в Малом Тростянце, которые занимались сортировкой вещей убитых. Когда советские войска приблизились к лагерю, эсэсовцы заперли людей в бараке и подожгли его. Лишь немногим удалось вырваться из горящего здания и избежать смерти.[42]

В. ЕВРЕИ РЕЙХА В ГЕНЕРАЛКОМИССАРИАТЕ ЛАТВИЯ

Евреи, высланные из Рейха в Латвию, прибывали на станцию Скиротава (Skirotava) в Риге. Около 4.000 евреев, доставленных с 1 по 10 декабря 1941 г., были посланы на сельскохозяйственную ферму Юнгфернхоф (по-латышски Jumpravmuisa) возле Риги. Из них несколько сотен молодых и трудоспособных отправили на строительство лагеря Саласпилс в 18 км от Риги.[43]

Первая группа евреев, которую поселили в большом гетто в Риге, прибыла в Ригу после завершения акций уничтожения в городе. До 10 февраля 1942 г. в Ригу поступило еще 14 транспортов, и в гетто направили 14.300 евреев Рейха. «Немецкое гетто» и малое гетто, в нем около 4.000 местных евреев были разделены, и для прохода из одного в другое требовалось специальное разрешение немецких властей. Председателем юденрата назначили Макса Лейзера из Кельна, который прибыл в Ригу с первым транспортом. И в Рижском гетто евреи Рейха, в отличие от местных евреев, носили пришитую на груди желтую шестиконечную звезду с буквой «J». Гетто подчинялось Сипо, его уполномоченным при гетто назначили оберштурмфюрера Курта Краузе. Он произнес публичную речь перед евреями, прибывшими с первым транспортом, он сказал им, что *«они посланы в Ригу, чтобы работать на благо военных усилий»*, и подчеркнул, что «они представляют собой предпочтительную замену евреям Риги», поскольку говорят по-немецки.[44] Немецкие евреи, поселенные в дома, в которых раньше жили местные евреи, обнаружили следы пребывания прежних жителей: посуду, одежду, а кое-где и замерзшие трупы. Они знали, что прежних обитателей убили, но – несмотря на это – верили, что их судьба будет отличаться от судьбы «остюден» (восточных евреев). Гертруда Шнайдер, прибывшая в Ригу из Вены, пишет:

> *«Евреи из Германии не ожидали, что им уготована такая же судьба… У обитателей гетто, преодолевших первичный шок от вида смерти и кровопролития, возникло чувство, что случившееся с латышскими евреями не может произойти с ними».*[45]

Евреи Рейха выполняли тяжелую физическую работу, ютились в гетто по 10–20 человек в комнате и питались впроголодь. Самое тяжкое

испытание им пришлось пережить в первые дни февраля 1942 г., когда в гетто провели несколько акций уничтожения, во время которых из «Немецкого гетто» забрали и убили сотни нетрудоспособных евреев, в основном, стариков и больных. Евреи из эшелона, ушедшего из Вены 6 февраля, по прибытии на станцию Скиротава были подвергнуты селекции, и 700 человек, которых сотрудники Сипо сочли непригодными к работе, убили в душегубках. Только около 300 человек из этого транспорта попали в гетто. Всего в начале февраля 1942 г. казнили около 1.500 евреев Рейха.[46] После этих акций им стало ясно, что и у них нет гарантии на жизнь. В отчете айнзацкоманды 2 от февраля 1942 г. сказано:

> *«Всего в Ригу до настоящего времени прибыли 19.000 евреев из Рейха... Среди них около 70–80 процентов составляют женщины, дети и старики, которые негодны к работе. Для них характерна особенно высокая смертность. Чтобы предупредить возможность распространения эпидемических болезней в гетто и двух лагерях, из них были вывезены и ликвидированы евреи, зараженные инфекционными болезнями (дизентерией и дифтеритом). С тем, чтобы скрыть указанные действия от местных евреев и евреев Рейха, эти больные вывозились якобы в специальные приюты для стариков и больных».*[47]

Другая акция ликвидации евреев из «Немецкого гетто» и лагеря Юнгфернхоф была проведена 13–15 марта 1942 г. Из гетто забрали 1.900 человек, а из лагеря Юнгфернхоф – 1.840 человек. Их убили в лесу Бикерниеки при участии латышского отряда «Арайс».[48] Теперь в Латвии из 19.000 депортированных сюда евреев Рейха оставалось в живых 11.000: около 9.000 в гетто Риги, остальные – в лагерях. Большинство истреблённых в феврале – марте 1942 г. составляли нетрудоспособные. Гертруда Шнайдер описывает настроения среди немецких евреев после проведенных казней:

> *«Но и тогда нашлись люди, отмечавшие, что «только» старики, слабые и дети были выбраны для ликвидации, а такие сильные и здоровые, как они, не пострадают... благодаря тому, что выполняемая ими работа важна для военных усилий. Само собой разумеется, были и такие, кто логически смирились с реальностью, но смириться с ней эмоционально не могли».*[49]

Лагерь Саласпилс, который предназначался для евреев Рейха, после окончания его строительства летом 1942 г. превратился в концентрационный лагерь для политических заключенных разных национальностей: русских, белорусов и латышей. Количество находившихся в нем евреев, которое в пиковый период составляло около 1.500 человек, неуклонно снижалось из-за массовых казней. Последних остававшихся в нем евреев перевели в Рижское гетто в январе 1943 г.[50]

Лагерь Юнгфернхоф вблизи станции Скиротава был сельскохозяйственной фермой. Евреев здесь поселили в дворовых постройках. Их использовали на различных работах по восстановлению самой фермы и возделыванию прилегающих к ней земель. В будущем здесь должны

были жить и хозяйствовать немецкие фермеры. Командовал лагерем немец, а охраняли его латыши.

После акций уничтожения в марте 1942 г. жизнь в гетто свелась к работе и борьбе с голодом. В Риге, как и в Минске, для того, чтобы не умереть с голоду, евреи должны были обменивать взятые с собой вещи на продукты питания. Обмен производили евреи, работающие за пределами гетто, они затем тайком проносили продукты питания внутрь.

Связь между местными евреями и депортированными и здесь оказалась ограниченной, несмотря на то, что культурные различия в данном случае были меньше, чем у минских и немецких евреев: немецкая культура и язык были ближе латышским евреям, чем минским. Другой причиной сложностей во взаимоотношениях между жителями двух гетто явились массовые казни рижских евреев в конце ноября – начале декабря 1941 г., когда местные евреи наблюдали, как на их глазах убивают родных и близких, чтобы освободить место для евреев Рейха. Гертруда Шнайдер пишет:

«В течение долгого времени рижские евреи думали, что их семьи уничтожили, чтобы освободить место для принятия евреев, высланных из Рейха... Убийство стало перегородкой, отделившей эти две группы одну от другой».[51]

Со временем это горькое чувство ослабело, поскольку акции уничтожения евреев Рейха в феврале–марте 1942 г., показали местным евреям, что обитатели «Немецкого гетто» тоже не избегнут смерти, и, даже если бы в Рижское гетто не везли депортированных, рижских евреев все равно ждала та же участь. Когда местные евреи увидели страдающих от голода и болезней и умирающих немецких евреев, общность судеб привела к сближению между евреями Риги и Рейха. Живущие в малом гетто местные евреи находились в лучшем положении как потому, что подавляющее большинство из них работало и им удалось сохранить взятые с собой вещи, так и благодаря их знанию местных условий и латышского языка. Они старались всеми силами помочь немецким евреям, особенно детям. Участник событий свидетельствует:

«Да пребудут в веках заслуги оставшихся в живых [к тому времени] латышских евреев, которые, несмотря на испытываемое ими чувство гнева, помогали прибывшим из Германии справиться с первичным шоком от голода и холода. Это они тайком доставляли в гетто молоко для детей немецких евреев, и их надо благодарить за то, что жизнь этих детей была временно продлена».[52]

Эльмар Риваш, обитатель малого гетто, писал:

«Дети из «Немецкого гетто» живы только благодаря нашим подачкам. Утром и вечером они поджидают нас возле забора из колючей проволоки. Некоторые люди из нашего гетто завязали дружеские отношения с этими детьми и постоянно дают им пищу утром и вечером».[53]

Думается, что кроме гуманного отношения у такой дружбы находилась еще одна причина: жители малого гетто в подавляющем большинстве остались без семей, и связь с этими детьми в какой-то мере заменяла им связь со своими погибшими детьми и другими членами

семьи. Возникали также романтические связи между молодыми мужчинами из малого гетто, где практически не было женщин, и многочисленными девушками и молодыми женщинами из «Немецкого гетто», в котором обитало очень мало молодых мужчин (часть их отправили в лагерь Саласпилс). Ни колючая проволока, ни запрет на проход из одного гетто в другое не могли помешать проявлениям любви, и некоторые заплатили за это своей жизнью. Менахем Шерман, обитатель малого гетто, пишет:

«Мы, молодые, начали завязывать отношения с семьями немецких евреев, главным образом через девушек. Связи возникали и на рабочих местах... Встречи и общение наполняли нас энергией и вызывали в нас желание жить... Завязывались любовные отношения. Многие заплатили своей жизнью за попытки пробраться из малого гетто в большое гетто с немецкими евреями... Когда ты молод и влюблен, жизнь не имеет цены и когда ты каждый день видишь, как умирают твои друзья – живешь только настоящим моментом».[54]

После акций в марте 1942 г. в процессе массовых убийств наступило относительное затишье, и в этот период в «Немецком гетто» велась многогранная культурная жизнь. Играл оркестр, был театр, проводились вечера песни и танцев. На культурные мероприятия приходило небольшое число евреев из малого гетто. Кто-то из зрителей появлялся здесь с разрешения начальства, кто-то – тайком. Для детей создали несколько школ, но из-за проводимых акций школы были вынуждены закрываться одна за другой. Преподавали в них лучшие профессора из университетов Германии, оказавшиеся в гетто, а обучались дети до 14 лет. Детей более старшего возраста определили в рабочие группы, где они были лучше защищены от отправки на казнь и где они могли получить немного больше пищи. Воспитанников также обучали различным профессиям (например, столярному делу), используя немногочисленные инструменты, которые удалось добыть.

Оберштурмфюрер Краузе снисходительно относился к проводимой в Рижском гетто культурной деятельности, главным образом к концертам и театральным выступлениям, в которых использовались музыка, песни и пьесы из немецкого репертуара. Краузе и другие немцы посещали эти представления, профессиональный уровень которых был очень высок. В гетто имелась маленькая синагога, в которой по субботам и праздникам совершались молитвы. Во всех местах, где это было возможным, над мертвыми и убитыми читался «Кадиш». Некоторые евреи даже в условиях голода старались соблюдать кашрут.[55]

После полугодового перерыва в августе 1942 г. возобновилась депортация евреев из Рейха в район Риги. С 15 августа до конца октября 1942 г. сюда отправились пять-шесть эшелонов, два из которых (а может, и больше) проследовали через Ригу в Эстонию. Пятого сентября 1942 г. на станцию Раазику (Raasiku) в 50 км от Таллинна прибыл транспорт из Терезиенштадта, в котором находилось больше 1.000 евреев. Здесь около 150 человек, способных работать (половина – женщины), отправили в концентрационный лагерь Ягала (Jagala), а оставшихся

примерно 900 человек посадили на машины, отвезли в расположенный в глухом месте Калеви-Лийва (Kalevi-Liiva), и там расстреляли. Другой поезд в конце сентября или начале октября доставил 800 евреев из Берлина и 250 евреев из Франкфурта-на-Майне на станцию Раазику. Из прибывших также были отобраны приблизительно 150 человек, способных работать, которых, как и в предыдущем случае, отправили в лагерь Ягала. Остальных расстреляли в Калеви-Лийва. Во время этих акций у живых людей, прежде чем их расстрелять, вырывали золотые зубы.[56] Свидетельство о казнях, которым подверглись в Риге евреи, прибывшие тогда из Рейха, приводится со слов одного из участников убийства.[57]

После обнаружения подполья в малом гетто в октябре 1942 г. и ликвидации еврейских полицейских юденрат малого гетто разогнали и подчинили его юденрату «Немецкого гетто».[58] Еврейскую полицию обоих гетто объединили под началом немецкого еврея, что свидетельствовало о большем доверии к немецким евреям со стороны немецкой администрации.[59] Ситуация, когда местные евреи вдруг оказались под началом немецких, не понравилась им и вызвала трения. Один из обитателей малого гетто Макс Кауфман пишет, что после этого «пропасть отчуждения между латышскими евреями и немецкими евреями расширялась все больше и больше».[60]

По приказу Гиммлера от 21 июня 1943 г. гетто в Латвии были ликвидированы, и между концом июля и концом августа 1943 г. трудоспособных евреев Рейха перевели в лагерь Кайзервальд. Часть их оставили там, а остальных отправили в другие трудовые лагеря, в частности, в концентрационный лагерь Дундага с особенно тяжёлым режимом.[61] Второго ноября 1943 г. из Рижского гетто в лагерь Освенцим отправили около 2.000 евреев, подавляющее большинство из которых составляли дети моложе 10 лет, старики, больные и родители, не желающие расставаться со своими детьми. Рижское гетто перестало существовать.[62] С приближением советских войск из Латвии начали вывозить евреев в лагеря на территории Германии. Большинство отправили морским путем, остальных – по суше. Среди тысяч заключенных и советских военнопленных, находившихся на борту судна «Бременхафен», отплывшего из Риги 6 августа 1944 г., было около 2.000 латышских и немецких евреев. Еще два судна с евреями Рейха вышли из Риги 25 и 29 сентября 1944 г. По прибытии в Данциг заключенных сначала направили в концентрационный лагерь Штутхоф, а затем распределили по другим лагерям на территории Германии. Около 200 евреев, оставшихся в Риге после ликвидации гетто и работавших в армейских подразделениях, с приближением советских войск в начале октября 1944 г. отправили в Лиепаю. В феврале 1945 г. этих евреев морем перевезли в тюрьму в Гамбурге – они были последними евреями Рейха в Латвии. Подавляющее большинство немецких евреев, отправленных в лагеря на территории Германии, погибли. Согласно имеющимся оценкам, число депортированных в Латвию евреев Рейха, освобождённых войсками союзников, составило 600–800 человек.[63]

***

Поведенческие модели евреев Рейха – и тех, кого выслали в Минск, и депортированных в Ригу – не отличались друг от друга. Отправляясь в путь, они простодушно верили, что их отправляют колонизировать отдаленные районы где-то в Восточной Европе, и не имели ни малейшего представления о массовых казнях евреев на оккупированной территории Советского Союза. Прибыв в Минское или Рижское гетто, они впервые столкнулись с ужасающей правдой и познакомились с политикой массового уничтожения евреев, проводимой нацистской Германией. Но даже столкнувшись с действительностью и став свидетелями массовых убийств, они пытались обмануть себя иллюзорной надеждой на то, что эта нацистская политика направлена только на «остюден», а им немецкие власти уготовили другую участь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Reitlinger. *The Final Solution...*, p. 86; Witte P. *Zwei Entscheidungen in der 'Endlosung der Judenfrage'*//Theresienstadter Studien und Dokumente. – Theresienstadt, 1995, p. 41, 45 (далее: Witte, *Zwei Entscheidungen...)*; Jan Kershaw, *Hitler, 1936-1945 Nemesis*. – New York – London, 2001, pp. 476-481 (далее Kershaw, *Hitler...*).
2. Jackel, *Hitlers Herrschaft...*, p.117.
3. Witte, *Zwei Entscheidungen...*, p.43–45. Витте пишет об обращениях гауляйтера Гамбурга Карла Кауфмана и других чиновников Рейха к Герингу и через него к Гитлеру, свидетельствующих о связи между предоставлением квартир жертвам бомбардировок и высылкой евреев.
4. Kershaw, *Hitler...*, p. 477.
5. Witte , *Zwei Entscheidungen...*, p. 45.
6. Reitlinger. *The Final Solution...,* p.88–89.
7. Moser J. *Die Judenverfolgung in Osterreich:* 1938–1945. – Wien, 1966, p.32.
8. Об акциях уничтожения в Минском гетто см. гл. 16, раздел Г.
9. Kruglow A. Deportacja przez Hitlerowcow Ludnosci Zydowskiej z Niemiec, Austrii i Czech na Wschod w Okresie od Listopada 1941 do Listopada 1942//*Studia nad Faszyzmem i Zbrodniami Hitlerowskimi,* 14 (1991), p. 37 (далее: Kruglow, *Deportacja...*).
10. *Hakenkreuz*, p. 225–226. 707 дивизия отвечала за безопасность тыловых районов Белоруссии.
11. Kruglow, *Deportacja...*, p. 377–378.
12. Arad et al. *Einsatzgruppen Reports...,* 151, p. 269.
13. Bubnys. *Lithuanian...*, p. 11.
14. Архив Яд Вашем, 0-18/245, с. 5; Baranauskas and Ruksenas, *Documents...,* p.236.
15. Arad et al. *Einsatzgruppen Reports...,* 151, p. 269.
16. Kruglow, *Deportacja...*, p. 379. Согласно другому источнику, в Латвию прибыло 24.579 евреев.
17. Hilberg, *The Destruction...,* p. 298.
18. Барам, *Где было солнце...,* с.26.
19. *Там же,* с. 26–30.
20. Arad et al, *Einsatzgruppen Reports...,* 151, p. 269.
21. Житомирский областной архив, Ф.Р-111, Оп. 1, Д. 706.
22. Холавски, *В гибельной буре...,* с. 213. Левенштайна депортировали в Минск 14 ноября 1941 г. из Берлина. Перед Первой мировой войной Левенштайн некоторое время был адъютантом наследника германского престола и затем долгие годы поддерживал с ним связь. После прихода к власти нацистов в 1933 году Левенштайн, находившийся тогда в Берлине, крестился. В ноябре 1941 г. гестапо обвинило его в антинацистской

церковной деятельности, и он как еврей согласно расовым законам был выслан в Минск. После вмешательства генералкомиссара Кубе, которому стало известно о нем и его прошлых заслугах, Левенштайн был 13 мая 1942 г. переведен в Терезиенштадт. Он пережил Катастрофу и написал книгу о гетто немецких евреев в Минске.
23. Барам, *Где было солнце...,* с. 30–34.
24. Karl Loewenstein, *Minsk: Im Lager der Deutschen Juden*. – Bonn, 1961, p. 19–22, 39 (далее: Loewenstein, *Minsk...*).
25. Нюрнбергские Документы, PS-3665.
26. Hilberg. *The Destruction...,* p.233.
27. Hilberg. *The Destruction...,* p. 233–234; Yivo – Institute for Jewish Research Archives. Occ E 3–37 (далее: Yivo Archives...).
28. Loewenstein, *Minsk...*, 32–33, 35–36; Холавски, *В гибельной буре...,* с. 216–217; Барам, *Где было Солнце...*, с. 40–41, 46–49.
29. Loewenstein, *Minsk...,* pp. 25–27, 39; Холавски, *там же,* с. 216, 220.
30. Loewenstein, *Minsk...*, p. 31; Холавски, *там же,* с. 222–223.
31. Loewenstein, *Minsk...*, p. 47; Холавски, *там же,* с. 223.
32. Loewenstein, *Minsk...*, pp. 54–55.
33. Черноглазова, *Трагедия...*, с. 134–135.
34. Loewenstein, *Minsk...,* p. 41–42; Холавски, *В гибельной буре...,* с. 218; Rosenberg H. *The Years of Horror*. – New York, 1985, p. 37 (далее: Rosenberg, *The Years...*).
35. Rosenberg, *The Years...,* p. 55–57.
36. Нюрнбергские Документы, PS-3428.
37. Kruglow, *Deportacja...,* p. 392; Черноглазова, *Трагедия...*, с. 138.
38. Свидетельство Хануса Мунца, записанное в ноябре 1994 г. Архив Яд-Вашем, 13558. Мунц находился в Малом Тростянце до августа 1943 г., когда он вместе с двумя другими заключенными бежал и затем присоединился к советским партизанам. В 1945 г. Мунц возвратился в Прагу.
39. Kohl, *Ich wundere...*, p. 229–230.
40. Rosenberg, *The Years...,* pp. 72–74, 78.
41. Там же, с. 83–86, 96–98; Барам, *Где было Солнце...,* с. 57–58, 60–61.
42. Gilbert M., *The Holocaust*. – London, 1986, p. 698. Гилберт пишет, что двадцати евреям удалось бежать и спрятаться в лесу, а через шесть дней советские войска освободили этот район.
43. Ezergailis, *The Holocaust...,* p. 357.
44. Schneider, *Journey into Terror...,* p. 26.
45. *Там же,* с. 28.
46. Ezergailis, *The Holocaust...*, p. 358.
47. Кадикис, *Мы обвиняем...,* с. 78–79. Упоминаемые лагеря за пределами Риги – это Юнгфернхоф и Саласпилс.
48. Ezergailis, *The Holocaust...,* p. 359; Левин, *Хроника общин Латвии и Эстонии...*, с. 283.
49. Schneider, *Journey into Terror...,* p. 141.
50. Ezergailis, *The Holocaust...*, p. 365–366.
51. Schneider, *Journey into Terror...,* p. 17.
52. *Ibid*, p. 61.
53. Риваш Э., *Между жизнью и смертью (идиш)*//Советиш Геймланд, №6, 1962, с. 82.
54. Шерман, *Из родительского дома...,* с. 41–42.
55. Schneider, *Journey into Terror...,* p. 32–33, 71–83.
56. Дворжецкий, *Лагеря в Эстонии...*, с. 48–52; Kruus, *People...,* p. 21–24, 29–30, 40, 57–58. Эти источники приводят протокол заседания суда в Таллинне 6 марта 1961 г. по делу об обвинении трех эстонцев. Двое обвиняемых, Ральф Герретс и Жан Виик, принимали участие в акциях уничтожения в Калеви-Лийва. Свидетелями на суде выступили пять женщин-евреек, прибывших с транспортом из Терезиенштадта, но выживших.

57. Kruus, *People...,* p. 21–24. Свидетельство Ральфа Герретса, в котором он сообщает, что еще до прибытия транспортов в Эстонию он вместе с двумя эстонцами и двумя немцами-эсэсовцами ездил в Ригу, чтобы получить у оберштурмфюрера Курта Краузе инструкции относительно того, как следует поступить с теми евреями, которые будут высланы в Эстонию. Они также участвовали в казнях людей, прибывших с эшелоном из Германии. По его словам, «100 процентов из них были уничтожены». Эта поездка в Ригу состоялась за несколько дней до прибытия первого транспорта в Эстонию (5 сентября 1942 г.). Можно предположить, что обвиняемые участвовали в ликвидации евреев из поезда, который отправился из Берлина 15 августа 1942 г.
58. О подполье в Рижском гетто см. гл. 45.
59. Ezergailis, *The Holocaust...,* p. 360; Левин, *Хроника общин Латвии и Эстонии...*, с. 287.
60. Kaufmann, *Churbn Lettland...*, p. 184.
61. О процессе перевода на казарменное положение в Латвии см. гл. 30, раздел Г.
62. Ezergailis, *The Holocaust...,* p. 360–361.
63. Ezergailis, *The Holocaust...*, p. 3–4.

ГЛАВА 35

УБИЙСТВО ВОЕННОПЛЕННЫХ ЕВРЕЕВ

А. ОТНОШЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ АРМИИ К СОВЕТСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ

Поход против Советского Союза Гитлер определил как «больше, чем только вооружённая борьба..., столкновение двух мировоззрений...» Это отразилось на отношении нацистской Германии и немецкой армии к советским военнопленным, несравнимо более жестоком по сравнению с отношением к военнопленным других стран. В ОКВ за все проблемы военнопленных отвечал генерал Герман Рейнеке, начальник общего отдела (Allgemeinen Wehrmachts-Amtes); в ОКХ военнопленные и их лагеря были подчинены генерал-квартирмейстеру Эдуарду Вагнеру.

Пленные проходили через два-три лагеря, которые отличались один от другого удалённостью от фронта, подчинённостью и продолжительностью содержания в них. Рядом с фронтом находились «сборные пункты военнопленных» (Armee-Gefangehensammelstellen), которые подчинялись корпусу или армии, ответственной за этот район. На сборные пункты приводили пленных сразу же после их захвата, оттуда в течение нескольких дней их переводили в «пересыльные лагеря» – «дулаги» (Durchgangslager), расположенные в тыловых районах групп армий «Север», «Центр» и «Юг» и подчинённые им. За пленных на сборных пунктах и в «дулагах» отвечало ОКХ. Лагеря ОКХ в большинстве случаев создавались на открытой территории, без каких-либо строений, их окружали проволочные ограждения со сторожевыми вышками. Отсутствовали элементарные санитарные условия. Раненые пленные не получали минимальной медицинской помощи.

В зонах, управляемых гражданской администрацией на оккупированных территориях Советского Союза, в генерал-губернаторстве Польша и в Германии были созданы «стационарные лагеря для военнопленных» – «сталаги» (Kriegsgefangenen-Mannschaftsstammlager, сокращённо – “Stalags”), которыми командовало ОКВ. Офицеров, которых отделяли от солдат ещё на сборных пунктах, содержали в отдельных лагерях. Положение в лагерях в тыловых районах было несколько лучше, чем на сборных пунктах или в «дулагах». Начальники лагерей для пленных и низшие офицеры были в большинстве пожилыми ветеранами Первой мировой войны; охраняли лагеря армейские подразделения, как правило, «батальоны народного ополчения» (Landesschutzb atallione), которые тоже состояли из пожилых солдат. Среди офицеров в лагерях находились представители абвера (армейской разведки), которые допрашивали пленных и вели политическую слежку за ними.

Советские военнопленные были второй после евреев группой по числу погибших во время Второй мировой войны. Немецкую политику вполне можно назвать «политикой истребления»: погибло более поло-

вины советских военнопленных, попавших в руки немцев. Соответственно данным, принятым большинством западных исследователей и основанным на немецких источниках, из 5.754.000 советских военнопленных 3.000.000–3.300.000 умерли в плену, главным образом от голода и болезней.[1] Это явилось результатом немецкой политики использования продовольственных ресурсов оккупированных советских земель для нужд своей армии на Восточном фронте и безразличия ко всему, что касалось продовольственного обеспечения пленных.

Количество погибших среди пленных не включает десятки тысяч советских солдат, которых после сдачи немцы расстреляли тут же на фронте, не отправляя в лагеря. Немецким солдатам предоставлялась широкая свобода действий и они могли решать, брать ли сдавшегося солдата в плен или расстреливать его на месте. Советских солдат, которые, попав в окружение, скрывались в немецком тылу, при поимке расстреливали как партизан.[2]

Советские источники в течение десятков лет скрывали официальные данные о потерях на войне, включая число пленных. Только в 1993 г. впервые были опубликованы официальные данные – подробно, по фронтам и по родам войск – о потерях на войне. Тогда и назвали количество советских солдат, бывших в немецком плену или пропавших без вести – 4.559.000 человек. По мнению авторов советских публикаций, западные источники ошибочно завышают количество советских военнопленных, по крайней мере, на 1.000.000 человек, включив сюда тех, кого призвали в армию в первые дни войны, и они, не успев стать солдатами, были схвачены немцами и помещены в лагеря военнопленных, а также милиционеров, бойцов истребительных отрядов и народного ополчения. В лагеря военнопленных заключали также советских граждан, которые строили фронтовые укрепления и попали в руки немцев.[3] В советских (4.559.000) и немецких (5.750.000) данных по существу нет различия: всё зависит от того, кого считать военнопленными.

В планах немцев накануне вторжения в Советский Союз не предполагалось уделять особое внимание обеспечению советских военнопленных. Хотя планировалось быстрое поражение Красной Армии и массовая сдача в плен её солдат, не были приняты в расчёт ни места размещения пленных в тяжёлых условиях осени и зимы, ни их продовольственное снабжение. Это презрительное отношение к человеческой жизни, игнорирующее все международные соглашения о военнопленных, явилось результатом стремления уморить голодом и умертвить множество «недочеловеков», какими в глазах немцев выглядели советские военнопленные. Военное командование солидаризировалось с идеологическим расистским характером войны. Вот что писал Шульте:

> *«Умерло около 60 процентов советских военнопленных... С советскими военнопленными обращались в соответствии с этническими расистскими критериями... Самые высшие чины офицерского корпуса были замешаны в расистской идеологической войне».*[5]

Официальный продовольственный паёк военнопленного был ниже

требуемого минимума, но даже и его пленные не получали.[5] Немецкая армия не заботилась и о транспортных средствах для перевода пленных из фронтовых районов в тыловые лагеря. Большинство из них гнали пешком за сотни километров, в тяжёлых погодных условиях, голодных, и многие погибли по дороге. Отстающих на марше или пытавшихся бежать расстреливали – согласно директиве генерала Рейнеке, которая требовала «воздействовать самыми крутыми средствами на малейшие признаки противодействия или непослушания. Любое противодействие нужно беспощадно пресекать силой оружия».[6] Результатом такой политики, как уже говорилось, была колоссальная смертность пленных. Их 3.350.000 советских пленных, захваченных до конца 1941 г., около 60 процентов погибло до конца этого года.[7] Голод в лагерях военнопленных доводил до случаев людоедства. Михаил Якушев, бежавший из лагеря в Гомеле, показывал:

«В лагерь военнопленных в Гомеле я прибыл в конце октября 1941 г.… Ежедневно от голода и эпидемий умирало 600-800 человек… Кроме одной чашки каши из отрубей [в день] и 100-150 граммов хлеба в неделю, мы ничего не получали… Дело дошло до того, что… начали резать мягкое мясо тел умерших и есть его. Из-за этой еды среди пленных распространилась эпидемия дизентерии. Люди не могли оправиться, кричали от боли, и немцы расстреливали их из пулемётов в туалете и убивали пленных».[8]

Воспоминания о случаях каннибализма в лагерях для советских военнопленных находятся также и в других источниках.[9]

Первой директивой выборочно убивать советских военнопленных был «Приказ о комиссарах», отданный перед вторжением; в нём указывалось, что немецкая армия будет казнить попавших в плен армейских комиссаров и коммунистов-активистов. Для исполнения этого приказа 16 июля 1941 г. было достигнуто соглашение между генералом Рейнеке и Гейдрихом о включении небольших подразделений Сипо в состав служащих лагерей военнопленных. Соглашением предусматривалось убийство и военнопленных-евреев. Армия обязывалась провести отбор групп, подлежащих уничтожению, и передать их Сипо в лагерях для исполнения казни. 17 июля 1941 г. Гейдрих опубликовал «Приказ № 8», который разослали командирам айнзацгрупп на оккупированных территориях Советского Союза и командирам Сипо в генерал-губернаторстве и в Германии, куда начали прибывать советские военнопленные. В приказе говорилось:

«В приложение к приказу включены указания по поводу очистки (Sauberung) лагерей, в которых содержатся советские военнопленные. Эти указания подготовлены с участием отдела военнопленных ОКВ. Начальники дулагов и сталагов получили по этому поводу разъяснения от представителей ОКВ. Я требую немедленно организовать в лагерях военнопленных, находящихся в ваших районах, подразделения, составленные из сержанта СС и четырёх–шести человек… Казни проводить не внутри лагерей, а близко от них, и запрещается проводить исполнение открыто…»[10]

4-й отдел гестапо в РСХА выпустил к этому приказу приложение 2 с подробными указаниями подразделениям Сипо, действующим в лагерях военнопленных:

«Подразделения действуют самостоятельно... Они будут там находиться в тесной связи с начальником лагеря и с офицером абвера. Обязанность подразделений – проверять каждого заключённого в лагере с политической точки зрения, отделять их и надзирать за ними... Уже с самого начала надо стараться найти среди пленных элементы, которым можно доверять, и неважно, идёт ли речь о коммунистах или нет, чтобы использовать их для нужд разведки внутри лагеря... Нужно локализовать всех политических комиссаров Красной Армии, русско-советских интеллигентов, всех евреев...»[11]

Эта директива решила судьбу всех еврейских военнопленных. Смертный приговор им выносился не за то, что они были комиссарами или политруками, а потому, что они были евреями. Подразделения Сипо начали действовать в лагерях военнопленных в августе-сентябре 1941 г.[12]

Внутри лагерей функционировала разветвлённая сеть доносчиков из числа военнопленных, они снабжали руководство лагеря сведениями о комиссарах и евреях и о том, что происходит среди узников. Из пленных была также создана лагерная полиция, которая надзирала за пленными и их повседневной жизнью. В директиве генерала Рейнеке от 16 июля 1941 г. говорилось:

«Для соблюдения порядка и строгой дисциплины в лагерях руководством лагерей будет создана лагерная полиция из подходящих советских военнопленных, привлекаемых посредством улучшения их питания и жилищных условий... Созданием такой полиции мы облегчим нагрузку, возложенную на немцев, охраняющих лагеря».[13]

Число полицейских в каждом из лагерей достигало нескольких сотен.[14]

Уже 24 июля 1941 г. генерал Вагнер издал приказ, запрещавший посылать военнопленных-евреев в Германию с территории, находящейся под ответственностью армии.[15] Это значило, что нужно уничтожать евреев близко к фронту, на сборных пунктах или в дулагах. Отношение к советским военнопленным-неевреям не было единым и также зависело от их национальности. 25 июля 1941 г. генерал Вагнер издал приказ об освобождении из плена украинцев, литовцев, латышей и эстонцев, а также пленных, относящихся к фольксдойче. Вскоре к ним прибавились белорусы. Приказ не касался пленных офицеров. В результате за три с половиной месяца освободили 318.700 военнопленных, из них 227.761 украинцев. 13 ноября 1941 г. ОКВ распорядилось прекратить освобождение пленных, и отныне освобождали только тех, кто вызывался служить немцам в военных и полицейских подразделениях. Всего до 1 мая 1944 г. немцы освободили 823.230 военнопленных, большинство из которых согласилось служить немцам.[16]

Несколько причин привело к изданию приказа об освобождении военнопленных, а затем – к его отмене. Приказ появился в период круп-

ных успехов немецкой армии, и немецкое командование ожидало немедленной победы. Освобождение сотен тысяч пленных определённой национальности имело прежде всего политическую цель – укрепить поддержку этими народами немецкой власти и наградить их за дружеский приём немецкой армии, особенно в странах Балтии и на западе Украины. Освобождение преследовало также и экономическую цель. Многие освобождённые были сельскими жителями и их возвращение позволяло укрепить местное сельскохозяйственное производство – главный источник продовольственного снабжения немецкой армии на оккупированных территориях и на Восточном фронте. Освобождение пленных прекратили, когда немецкое победное шествие прервалось у ворот Москвы и стало ясно, что войне предстоит продолжаться ещё много месяцев. Тогда потребовалась рабочая сила на фронте и на оккупированных территориях, а также для нужд военного хозяйства Германии, и немецкое военное командование начало понимать, что советских военнопленных можно использовать как важный трудовой ресурс. Да и первый опыт призыва добровольцев из военнопленных в полицейские и вспомогательные воинские подразделения, а также на административные должности в немецких военных частях (шофёры, повара, конюхи и т.д.) оказался успешным. Условия освобождения из лагерей военнопленных в эти подразделения поощряли такую мобилизацию.[17]

Министерство оккупированных восточных территорий создало свои специальные группы для отбора среди пленных надёжных людей для службы в органах власти и полиции.[18]

В конце 1941–начале 1942 гг., когда выяснилась иллюзорность близкой германской победы и возросла потребность для военного хозяйства трудовых резервов, отношение к советским военнопленным постепенно стало меняться. Уже 31 октября 1941 г. Кейтель в соответствии с указанием Гитлера издал приказ об использовании советских военнопленных в немецкой экономике.[19] Прошли месяцы, пока этот приказ реализовался: только весной 1942 г. наметилось некоторое улучшение положения советских военнопленных, и смертность среди них снизилась по сравнению с предыдущим периодом.[20] Вместе с тем, до конца войны пленные страдали от жестокого обращения и унижений, их смертность оставалась высокой.[21]

Б. УБИЙСТВО ВОЕННОПЛЕННЫХ-ЕВРЕЕВ

Евреи в плену, пока они не идентифицировались как евреи, страдали от жестокого отношения к ним наравне со всеми советскими военнопленными. Они умирали от голода, болезней и холода в лагерях и при пешеходных переходах в сотни километров к тыловым лагерям. Но и в этой тяжёлой действительности разделение по национальной принадлежности сказалось уже в первые месяцы плена. На высшую ступень немцы поставили балтийские народы и украинцев; русские и другие народности находились на средней ступени. Евреи оказались вне этой градации. Они стали единственной национальной группой

советских военнопленных, предназначенной для тотального уничтожения. Официальных данных о количестве советских солдат-евреев, попавших в плен к немцам, нет ни в советских, ни в немецких источниках. Поэтому можно основываться лишь на общей оценке. Евреи составляли 1,8 процента от всего населения Советского Союза (в границах до сентября 1939 г.). Если считать, что ту же часть они составляли в Советской Армии и в рядах военнопленных, то среди 5.750.000 советских военнопленных евреев насчитывается более 100.000. На деле их было меньше. Среди советских военнопленных многие являлись дезертирами, перешедшими на сторону немцев, главным образом в первый год войны. А солдаты-евреи уже в начале войны знали о жестоком, вплоть до убийства, отношении немцев к евреям – поэтому в числе тех, кто добровольно сдавался в плен, их не было. В итоге количество военнопленных-евреев в немецком плену можно определить цифрой в 80.000-85.000 человек.

Немало солдат-евреев пытались скрыть свою национальность, когда попадали в плен, но очень мало кому из них это удалось. Уже с первых дней пленения, а также во все периоды пребывания там немцы искали военнопленных-евреев среди всех военнопленных. Младший лейтенант Александр Абугов, еврей, воевавший на Украинском фронте, рассказывая о том, как он попал в плен уже в первые недели войны, и о своей истории там, рассказывал о следующем:

«28 июля [1941 года] нас окружили... Началась паника. Многие солдаты успели сменить свою форму на гражданскую одежду и пытались убедить остальных бросить оружие... Я решил выбираться из окружения самостоятельно... Я повернул на восток и по дороге вошёл в деревню... Я встретил солдат наших разбитых частей. Большинство из них было одето в гражданскую одежду. В беседах с ними повторялись и повторялись одни и те же слова: бесполезно продолжать сражаться... Поскольку я боялся плена и хотел выйти из окружения, я решил снять офицерскую форму и сменить её на деревенскую одежду... С рассветом я услышал, что немцы окружили деревню и ищут мужчин призывного возраста... Я попал в плен... Ужасная дорога продолжалась двое суток. В день проходили 40-50 километров, без еды и воды... Прибыли в Умань, и там загнали нас в глубокий ров кирпичного завода... Там нас было втиснуто около 40.000 человек. Со дня, когда я попал в плен, 5-го августа, и до 10-го я ничего не ел. На шестой день плена немцы бросили в ров несколько бочонков селёдки... На седьмой день они бросили несколько раненых лощадей... На 12-й день плена немцы объявили смотр по национальностям. Для каждой национальности была таблица с надписью. Первая шеренга была предназначена для евреев, и я как еврей стоял в ней, в первой пятёрке. После нас, в таком же порядке, выстроились русские. И тут появился эсэсовец, прошёл по нашим шеренгам, ткнул своим стеком и сказал: «Все евреи будут уничтожены» (Alle Juden kaput). Я не понял его слов. Я надел на голову шляпу с широкими полями, которая защищала меня от дождя,

солнца и холода, и выглядел как деревенский. Эсэсовец подошёл ко мне и спросил меня: «Ты жид?» Это слово я не слышал никогда в жизни в России и поэтому не вник в его смысл. Он позвал переводчика, и тот спросил меня, к какой нации я принадлежу. Только тогда я понял, в чём дело, и сказал, что я русский. Эсэсовец ткнул в меня стеком и с криком вытащил меня из шеренги евреев и втолкнул меня в шеренгу русских. В 13-й день плена нас, около 8.000 человек, погнали пешком... в лагерь военнопленных в Виннице... Когда мы вошли в лагерь, я сразу же увидел, что он разделён на две части: еврейский лагерь и часть – остальные национальности. Лагерь в Виннице был первым, в котором я увидел, что означает быть военнопленным-евреем... Евреям было отведено строение в 50 квадратных метров, в сущности это была одна большая комната, и всё это – для 600 военнопленных-евреев... Лагерь военнопленных-евреев отделялся от остального лагеря колючей проволокой. Немцы объявили, что евреи, которые перейдут на русскую сторону, будут немедленно застрелены... В 6 утра нас построили для получения завтрака... Евреев построили отдельно и в конце, а поэтому иногда им не хватало кипятка и хлеба. После обеда началось издевательство над евреями. Их построили возле казарм и начали гимнастику: подняв руки вверх, держа кирпич и согнув колени, они шли в таком положении, пока кирпич держали над головой или по команде «лежать» падали в грязь. После этого немец выбирал пять-шесть человек и заставлял их окунаться с головой в яму с нечистотами. Тот, кто высовывал голову, немедленно получал от полицейских удары палкой. Этим кончалась ежедневная гимнастика. Мы были вынуждены стоять у забора и смотреть на то что происходит. Одежда евреев была пропитана калом, и ужасный запах исходил от них... Среди евреев была высокая смертность, и в течение 10 дней моего пребывания в этом лагере там не осталось почти ни одного еврея... Нас привели в лагерь военнопленных в Брест-Литовск... Со временем я подружился с заведующим кухней Зацаревым, который в действительности был евреем по фамилии Зац. Когда он попал в плен, этот человек скрыл своё еврейство. Мы оба ощущали, что мы люди одной национальности, но не говорили об этом... Однажды меня встретил украинский полицейский и сказал мне, что меня вызывает ответственный за пленных. Он был офицером Красной Армии, и его звали Григорием. Когда я вошёл в его комнату, он сразу же спросил: «К какой национальности ты принадлежишь?» Я ответил: «Я русский». Он удивился, но сказал: «Ну, хорошо, иди». Видимо, кто-то подозревал меня и сообщил об этом... После этого случая я был очень насторожен, потому что немцы объявили о регистрации евреев. В лагере было 65 евреев, которые жили в одном бараке. Немцы обещали им, что после регистрации их переведут в гетто в Брест-Литовск... После регистрации евреев вывели из лагеря и расстреляли. 3 ноября 1941 года в лагерь прибыла немецкая комиссия в сопровождении врача, обязанностью которой было

отобрать здоровых, чтобы послать их на работу в Германию… Всех пленных собрали в одной части лагеря, и они должны были один за другим пройти мимо стола комиссии. За три метра до стола каждый обязан был снять штаны… Я очень боялся, потому что снять штаны для меня означало смерть… Я приблизился к столу и увидел начальника нашего лагеря, который что-то говорил сидящему рядом с ним немцу. Я воспользовался этим моментом. Я задержался со снятием штанов, и чудесным образом немец повернул меня направо, в группу обслуживающих их рабочих».[22]

А вот что писал капитан Советской Армии В. Бондарец, вспоминая о своём пребывании в дулаге возле Проскурова:

«В первых числах июля [1942 г.] на утренней поверке появился комендант лагеря – пожилой обер-лейтенант... удерживая на поводке поджарую линяющую овчарку. После поверки офицеров построили отдельно, остальным скомандовали разойтись, перейти на другую сторону казармы. На поверочном плацу осталось человек сто. Комендант медленно, словно крадучись, пошёл вдоль строя, прилипая взглядом к лицам пленных... «Евреям выйти из строя! – скомандовал он по-русски. – На раздумье даю две минуты»... Две минуты прошли... «Построиться в одну шеренгу!» Пока мы перестраивались, в карантин быстро вошли четверо автоматчиков, остановились напротив. «Снять штаны!»... «Быстро! Быстро!» – подгонял комендант. Сопровождаемый фельдфебелем, он вновь двинулся вдоль шеренги пленных, опустивших головы от стыда и унижения. Теперь он уже не смотрел в лица, а медленно переходил от одного к другому, иногда останавливаясь перед кем-нибудь на короткое время... Против одного из пленных комендант задержался больше обычного. «Еврей?» – спросил он. Побелевший парнишка утвердительно качнул головой. В тот же миг, почуяв свободу, собака рванулась вперёд. В воздухе зазвенел исступлённый крик. Натренированный пёс впился клыками в несчастного парня и, раздирая когтями бедро, потянул его по плацу. Хилый паренёк, закатив глаза, беспорядочно отмахивался руками, пытаясь отбиться от серого зверя, но через несколько шагов, запутавшись ногами, споткнулся, упал... Насладившись зрелищем, обер-лейтенант с усилием оттянул перепачканную кровью собаку. Фельдфебель спокойно выстрелил пленному в ухо. «Ещё раз предлагаю евреям выйти из строя!» [приказал комендант]. Вышли трое. Довольно ухмыльнувшись, комендант подал знак солдатам. Евреев увели. Процедура осмотра закончилась».[23]

Снимание брюк и трусов для выявления евреев проводилось во всех лагерях военнопленных. Эта проверка обнаруживала обрезанных среди пленных и была убийственной для тех, кто выглядел нееврeем и прятался скрыть своё еврейство. Немцы не довольствовались убийством военнопленных-евреев, их перед тем морили голодом и истязали. В свидетельствах бывших советских военнопленных, а также очевидцев, которые могли наблюдать происходившее в лагерях, содержится мно-

го описаний издевательств над военнопленными-евреями перед их убийством.[24]

В обнаружении евреев, которые пытались скрыть свою национальность, руководству лагерей военнопленных содействовали лагерная полиция, состоявшая из военнопленных, тайные осведомители среди пленных, завербованные абвером, и просто пленные, которые, будучи антисемитами, доносили на евреев. Гавриил Брус, советский солдат, попавший в плен в Литве в первые дни войны и доставленный в лагерь военнопленных в городке Погеген возле Клайпеды, свидетельствовал:

«Немецкие власти через доносчиков выявляли среди военнопленных коммунистов, комсомольцев, политработников и военнопленных еврейской национальности и партиями в 15-20 человек вывозили на автомашине и расстреливали. Из разговоров, которые ходили среди военнопленных, из числа коммунистов, политработников и военнопленных еврейской национальности было расстреляно не менее 2.000 человек».[25]

Поиск пленных евреев, не обнаруженных на сборных пунктах и в дулагах, продолжался и в сталагах генерал-губернаторства и Германии. В документе судебного процесса над Германом Бенцлером, служившим летом 1943 г. в сталаге 319 в Холме (Польша), говорилось:

«Селекция обычно производилась командой Сипо… Иногда обнаруживали комиссаров, евреев и т.д. при помощи осведомителей (V-Leute)… Отбор военнопленных-евреев часто осуществлялся на основе фактов обрезания… Комиссаров и евреев обнаруживали также при помощи лагерной полиции, которая доносила на них…»[26]

Еврею-офицеру Шимону Гриншпану удалось в плену скрыть свою национальность. Он бежал из плена в декабре 1941 г., скитался по просторам Украины, в апреле 1942 г. перешёл линию фронта и вернулся на военную службу. Он свидетельствовал об участии лагерной полиции в обнаружении евреев:

«Появлялись переводчики и полицейские с белыми нашивками. Эти собаки ходили по лагерю и искали евреев, политработников, партизан, советских и партийных работников».[27]

Некоторые военнопленные-евреи, несмотря на то, что они были обрезаны, сумели скрыть свою еврейскую национальность, маскируясь под представителей одного из мусульманских народов Советского Союза. При этом требовалось знание языка и мусульманских обычаев народа, к которому они якобы принадлежали. Но если немецкий персонал лагеря и удавалось обмануть, то намного тяжелее оказывалось заставить поверить доносчиков и лагерных полицейских. Один из немногих, кому это удалось, фельдшер М. Конжеров-Меламед писал:

«В октябре 1941 г., будучи в Киевском окружении, я попал в плен к немцам. В первый же день в лагере военнопленных я увидел кошмарные издевательства немцев и поголовное истребление евреев, коммунистов, политработников. Воспользовавшись своим сходством с кавказцами, я решил сделать последнюю попытку спастись.

После совета с... врачом Т. Н. Чурбаковым [русским военнопленным] я, сменив свою фамилию Меламед, объявил себя аджарцем. При помощи того же врача я попал на работу в лазарет военнопленных на должность фельдшера... на которой я пробыл до 4 ноября 1943 г., т.е. до дня побега из Белоцерковского лагеря военнопленных».[28]

В немногих отчётах айнзацгрупп говорится об убийстве военнопленных-евреев. В отчёте № 132 от ноября 1941 г. написано:

«В соответствии с требованиями начальника лагеря военнопленных в Борисполе, там 14 октября 1941 г. подразделение зондеркоманды 4а расстреляло 752 военнопленных еврея. 19 октября 1941 г. было расстреляно 357 пленных евреев, среди них – несколько комиссаров и 78 раненых, переданных лагерным врачом...»[29]

В отчёте айнзацгруппы от 22 декабря 1941 г. говорится:

«В ходе основательной проверки в лагере военнопленных в Витебске было арестовано и расстреляно 207 военнопленных евреев... При проверке в лагере военнопленных в Вязьме схвачено и расстреляно 117 евреев».[30]

Лишь в немногих случаях начальники лагерей военнопленных отказывались передавать военнопленных-евреев в руки Сипо для казни. В отчёте айнзацгруппы от 27 октября 1941 г. указано, что начальник лагеря военопленных в Виннице отказался передать ей 362 военнопленных-еврея.[31] Подобный случай был в дулаге 185 в Могилёве (Белоруссия), где начальник лагеря майор Витмер отказался передать военнопленных-евреев в руки айзандкоманды 8, ссылаясь на отсутствие указания от вышестоящих армейских начальников. Майор Витмер не был наказан за отказ; его возражения вытекали не из идеологических или этических взглядов, а по соображениям армейской дисциплины – отсутствия ясной инструкции по этому вопросу от вышестоящего командования.[32]

Такое противодействие случалось редко. Вскоре поступили соответствующие официальные инструкции высших армейских чинов, и в отчётах айнзацгрупп и в других источниках исчезли упоминания о случаях отказа передать евреев в руки Сипо. Армия была вполне лояльной по отношению к убийству военнопленных-евреев и политкомиссаров Советской Армии. Не только персонал Сипо в лагерях военнопленных, но и части вермахта, охранявшие лагеря, участвовали в убийстве военнопленных-евреев.

Бывший сержант стрелкового батальона 783 Огуст Нойбауэр дал в суде показания об убийстве военнопленных-евреев ротой, в которой он служил. В октябре 1941 г. батальон прибыл в район Кировограда, и 2-я рота, к которой принадлежал обвиняемый, охраняла лагерь военнопленных вблизи Адабаша. Об убийстве военнопленных-евреев подразделением его роты Нойбауэр рассказал:

«В лагере был барак, в котором изолированно содержалось 80-100 военнопленных-евреев... В конце октября прибыл ещё транспорт с 1.000-1.500 пленными, среди которых было около 20 евреев. Этих

евреев присоединили к евреям, уже находившимся в лагере... За день до казни мне стало известно, что нам предстоит расстрелять этих евреев. Назавтра я пошёл в качестве часового наблюдателя на кладбище лагеря посмотреть за исполнением [казни]... Я обнаружил там уже стоящее расстрельное отделение около 20 человек под командованием фельдфебеля Кемпфа. Пленные, которых должны были расстрелять, около 120-150 человек, должны были раздеться... Пленные умоляли, плакали и прощались друг с другом. Они стояли группами не менее 15 человек лицом к расстрельной группе и были расстреляны... После залпа присутствовавший на месте врач проверил, есть ли признаки жизни у кого-либо из пленных. У него в руках был пистолет, и я полагаю, что его выстрелы были для них благодеянием (Gnadenschusse)».[33]

Иногда в немецких военных госпиталях производились медицинские эксперименты над военнопленными-евреями. Еврей Шимон Лезрович-Соконников, который попал в плен в сентябре 1941 г. и бежал оттуда в феврале 1943 г., после освобождения Советской Армией района, где он скрывался, рассказал следователям:

«13 апреля нас, группу из 15 человек, перевели в военный госпиталь в г. Днепропетровске и там содержали в подвале. До 15 июля 1942 г. над нами производили всякого рода медицинские эксперименты. Потом нас перевели в центральный лагерь гестапо, также в Днепропетровске...

***Вопрос**: Расскажите, каким образом происходил отбор групп евреев в Днепропетровском лагере, для перевода в немецкий госпиталь?*

***Ответ**: Отбирали тех, кто внешне выглядел здоровым... В течение нескольких месяцев моего пребывания в этом госпитале... куда привозили раненых немецких солдат и офицеров, медицинский персонал, включавший русских и немцев, производил над нами различные эксперименты. В течение восьми дней, иногда по семь раз в день, мне закапывали такие капли в глаза, которые становились причиной того, что я терял зрение на несколько часов. После этого мне закапывали другие капли, и зрение возвращалось ко мне. Я очень страдал от этого. Кроме этого, наша группа, состоявшая из 15 человек, использовалась для сдачи крови. У меня брали кровь три раза. Я терял сознание, видимо, потому, что брали слишком много крови. Прежде, чем брать кровь, определяли мою группу крови, т.е. брали кровь из пальца для лабораторного анализа. В лаборатории работали русские девушки. Однажды я спросил у одной из девушек, что делают с нашей кровью. Она ответила, что нашу кровь берут для раненых немецких солдат и офицеров. И у других евреев, содержавшихся вместе со мною в госпитале, брали большие порции крови около восьми раз... Кроме этого, над нами производили следующие эксперименты: делали уколы в шею и в заднюю часть тела, после которых шея сильно опухала, и это продолжалось месяц, а иногда опухоль не спадала, и человек умирал. В этот период,*

когда мы были там, в госпитале из нашей группы евреев умерло 4 человека... Пища, которую мы получали, была лучше, чем пища, которую давали в лагерях... В живых осталось 11 человек. Позже наша группа выросла до 20 человек, и нас перевели в лагерь гестапо, где мы находились с 15 июля 1942 г. до 18 февраля 1943 г.»[34]

Использование крови евреев для лечения раненых немецких солдат, как описано в этом документе, конечно, было исключительным случаем, поскольку оно противоречило нацистской расистской концепции, согласно которой евреи и их кровь неполноценны. Переливание такой крови немецким солдатам «портило» их расу. А отмеченное в этом свидетельстве содержание маленьких групп военнопленных-евреев в руках Сипо в течение многих месяцев несмотря на общее распоряжение об их расстреле, не было исключительным случаем. Подобное происходило в Минске, Киеве, Вильнюсе и в других местах. Этих военнопленных использовали на различных физических работах, особенно для заметания следов массовых убийств, производимых немцами.[35]

Среди медицинского персонала Советской Армии было относительно много врачей-евреев, что нашло отражение и в составе медицинского персонала, попавшего в немецкий плен. Вследствие их убийства как евреев в лагерях оказалось недостаточно врачей для обслуживания советских пленных, и поэтому в некоторых лагерях военнопленных врачи-евреи временно оставались на рабочих местах в больницах. Военнопленный-еврей офицер М. Шейнман, содержавшийся в лагерях военнопленных в городах Вязьма, Молодечно и Кальвария, будучи раненным, сумел скрыть своё еврейство с помощью пленных друзей-неевреев. Он вспоминал:

«Врачей-евреев немцы не допускали к работе. Были отдельные исключения, но и то временные. В Молодечненском лагерном госпитале работал врачом доктор Копылович... Его допустили к работе только потому, что он был отличный хирург... Сам он был отправлен из Молодечно в Барановичский штрафной лагерь «Ост», куда немцы посылали политработников и евреев и откуда возврата не было. Военврач Дорошенко С. П., находившийся в 1941 году в Минском лагере, рассказывал мне, что в конце 1941 г. немцы запретили врачам-евреям работать в госпитале. Госпиталь одно время возглавлял врач Фельдман... В конце ноября он был вызван в немецкую комендатуру, и больше его в лагере не видели. Еврейки-врачи также были увезены и частично заморены голодом, частично расстреляны... В июне 1942 г. из Молодечненского лагеря вывезли всех офицеров в Кальварию (Литва). Вместе с госпиталем и я в числе больных попал в этот лагерь. Режим дикого произвола господствовал и здесь. Особенно тяжело было положение небольшой группы военнопленных врачей-евреев, прибывших из Молодечно (человек двадцать)... В Кальварии их и небольшую группу политработников поместили изолированно. Что бы ни случилось в лагере – немцы прежде всего свою злобу вымещали на евреях».[36]

В показаниях военнопленных нет достоверных свидетельств того,

что немцы оставили в живых хотя бы одного военнопленного врача, если знали, что он еврей. Немногие врачи-евреи, которым удалось спастись и увидеть день победы, остались в живых, потому что скрыли свою национальность или бежали из плена.

До 1990-х годов не было данных о числе спасшихся советских военнопленных. В 1993 году впервые были открыто опубликованы сведения о количестве военнопленных, которые по окончании войны вернулись в Советский Союз. Они исходили от созданного правительством Советского Союза в последние месяцы войны «Управления уполномоченных Совета Народных Комиссаров по вопросам репатриации». Задачей Управления являлась работа с советскими военнопленными и гражданами, занятыми на принудительных работах, которых освободили армии союзников в различных странах Европы, и возвращение их в Советский Союз. По данным Управления от 3 октября 1945 г., число военнопленных, вернувшихся из плена, составляло 1.368.849 человек. Евреев среди них оказалось 4.457 человек.[37] Это около 5,5 процентов от 80.000-85.000 военнопленных-евреев. Значительное большинство оставшихся в живых пленных евреев спаслось благодаря тому, что скрыло свою национальность, и логично предположить, что большинство из них не было обрезано.

В. ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЕВРЕИ В РУКАХ ФИНСКОЙ АРМИИ

Несмотря на относительную немногочисленность евреев – солдат Советской Армии, попавших в плен к финнам, их судьба заслуживает особого рассмотрения. В войне против Советского Союза Финляндия воевала более самостоятельно, чем другие военные союзники Германии. Финны назвали эту войну «продолжающейся войной» – как бы вторым этапом борьбы против советской агрессии в ноябре 1939 – марте 1940 г., когда Финляндия была вынуждена передать Советскому Союзу десятую часть своей территории.[38] «Отдельность» войны Финляндии выразилась и в отношении к советским солдатам, попавшим в плен к финнам.

Союзники Германии, воевавшие с Советским Союзом, – Румыния, Венгрия и Италия переводили пленённых ими советских солдат в лагеря военнопленных, подчинённые группе армий «Юг», в составе которой они действовали. А финская армия создавала свои лагеря советских военнопленных отдельно от лагерей немецкой армии. В руки финнов попало 64.188 советских военнопленных, большинство до конца 1941 г. Из них по соглашению о перемирии от 19 сентября 1944 г. 44.453 человека вернулись в Советский Союз, а количество умерших от голода, болезней и в результате расстрелов составило около 18.700 человек, погибших только в первый год войны.[39]

У нас нет данных о количестве военнопленных-евреев, попавших в руки финнов, несмотря на то, что в финских лагерях военнопленных производилась перепись пленных с регистрацией их национальности, а информация об этом передавалась и в финский Красный крест. Много евреев скрыло свою национальность из страха перед финнами,

а также из-за проявлений антисемитизма их товарищей – советских пленных.[40] Если предположить их долю среди военнопленных равной 1,8 процента – доле евреев в советском населении, можно приблизительно вычислить их количество —1.150 человек. Однако многие из военнопленных были бойцами «народного ополчения» из Ленинграда – рабочими, служащими и студентами, которых поспешно призвали и послали на фронт почти без подготовки и плохо вооружёнными. Доля евреев среди городского населения составляла 6,32 процента, а не 1,8, как в целом по стране, – следовательно, и доля евреев среди бойцов ленинградского народного ополчения превышала их долю в среднем в армии. Поэтому можно предположить, что количество евреев среди военнопленных в Финляндии составляло более 1.150 человек.

29 июня 1941 г., через неделю после начала войны, финский Генеральный штаб издал приказ, где говорилось, что «к военнопленным нужно проявить человеческое отношение». Приказ разделял пленных на пять групп: офицеры, политсостав, сержанты, рядовые, сержанты и солдаты, положительно относящиеся к Финляндии. Последняя группа подразумевала карелов и другие народы, этнически близкие финнам. Евреи не классифицировались как отдельная группа. Другой приказ об этническом разделении издал Генеральный штаб 17 июля 1941 г., в нём указывалось, что пленных нужно разбить на четыре группы: славяне, турки и татары, финские народы и кавказские народы. Евреев причислили к группе славян, считая их, видимо, одинаково лояльными по отношению к советской власти. Лагеря военнопленных в Финляндии подчинялись «военному управлению тыла», в котором сосредоточились крайне антисоветские элементы. Они, вопреки приказам финского Генерального штаба, способствовали жестокому обращению с советскими военнопленными и высокой смертности среди них в первый год войны.[41]

При всей самостоятельности финской политики по отношению к советским военнопленным между Финляндией и Германией существовало соглашение о передаче в руки представителей немецких СС военнопленных, которых финны определяли как «опасные политические элементы». Немцам были переданы сотни военнопленных: комиссары, политруки и другие, по мнению финнов, опасные политические элементы. Насколько известно, ни один из переданных не остался в живых. Тем самым финны устранились от ненавистного им участия, не «запачкали» свои руки убийством, и, видимо, в возмещение они получили от немцев советских военнопленных – карелов и представителей других народов, этнически родственных финнам. Список военнопленных, переданных немцам (оригинал находится в финском архиве в Хельсинки), включает в себя имена 70 евреев, которых передали между октябрём 1941 и октябрём 1942 г. Среди них, помимо офицеров-евреев, служивших в политических кадрах Советской Армии, были также рядовые и сержанты, которые не принадлежали к этому составу.[42]

Советские военнопленные в лагерях Финляндии были заняты на каторжных работах: на лесоповале, в рудниках, в сельском хозяйстве, на

ремонте дорог – всё это в тяжёлых условиях зимы, и неудивительно, что среди пленных царила высокая смертность. Среди тысяч военнопленных, погибших в финском плену, числились и сотни евреев.

Сведения о положении советских военнопленных достигли финского парламента, что вызвало проведение весной 1942 г. расследования. Одновременно у представителей высших кругов Финляндии, включая командующего финской армией маршала Маннергейма, в связи с отступлением немецкой армии зимой 1941–1942 гг. возникли сомнения в победе немцев в войне. Это привело к изменению в лучшую сторону отношения к пленным. В сентябре 1943 г. лагеря военнопленных были полностью переданы из подчинения военного управления тыла под непосредственное управление Генерального штаба.[43]

С евреями – солдатами Советской Армии, попавшими в плен, финны обращались так же, как и с остальными советскими военнопленными. Они содержались в тех же лагерях, получали те же скудные порции пищи и были заняты на тех же работах. Их судьба была несравненно лучше судьбы евреев, попавших в плен к немцам или их союзникам.

Весной и летом 1942 г. в положении небольшой части военнопленных-евреев начались изменения. Группу пленных евреев, приблизительно до 300 человек, перевели из разных лагерей в центральный лагерь 2 в городе Нааараярви (Naarajarvi), а оттуда через некоторое время в находившийся рядом городок Монтола (Montola). Небольшую часть людей из этой группы сконцентрировали в отдельном лагере в Лауколампа (Laukolampa). Военнопленных офицеров-евреев оставили в прежних лагерях и содержали среди советских офицеров различных национальностей.[44] Пленные евреи лагеря Монтола работали в руднике, а лагеря Лауколампа – на промышленных предприятиях и на лесоповале. Вот что писал в своих показаниях военнопленный ленинградец Шимон Янтовский, который зимой 1941-1942 гг. попал в госпиталь с отмороженными пальцами:

«Когда я был в госпитале, мне стало известно о создании отдельного лагеря для военнопленных-евреев, и меня послали туда после выздоровления... Следует сказать, что этот еврейский лагерь заметно отличался от лагерей, в которых я был до этого. Во-первых, пища была лучше. Во-вторых, была более подходящая одежда. В-третьих, всё происходило в культурной атмосфере доброжелательности и дружеских отношений. Там не было проявлений грубости, наглости и цинизма, которые характерны для массы голодных, похожих на диких зверей, в лагерях, в которых я был раньше. Я работал на лесоповале и на торфяных разработках... Почти все пленные в этом лагере были людьми с высшим образованием... Благодаря заботе еврейской общины и раввина, который иногда посещал лагерь, у многих из нас была починенная одежда, а к получаемому нами продовольственному пайку добавляли варёную картошку и молоко».[45]

Другой пленный, Михаил Тумаркин, вспоминал о посещениях раввина:

«В один из дней 1943 г. в сопровождении финского офицера нас посетил раввин, говоривший на идише. Это повлияло на душевное спокойствие людей. Он распределил между нами подарки (рукавицы и т.д.). После этого мы получили посылки от местной еврейской общины».[46]

Была возможность слушать радио благодаря хорошему отношению к пленным финского охранника, командовавшего ими. Пленные евреи обменяли часть вещей, присланных им еврейской общиной, на радиоприёмник. Радиоприёмник находился в комнате охранника, и ему гарантировалось, что после освобождения радио останется у него. О культурной жизни в лагере Янтовский писал:

«В свободное время некоторые могли читать. Но среди ребят были преподаватели математики и другие специалисты, которые вели занятия с желающими… Несмотря на то, что здесь все ребята были евреями, еврейская тематика мало доминировала в разговоре. Ни религиозная тема, ни сионистская по существу не затрагивали в то время это маленькое сообщество. Эту тему как-то стыдливо обходили, как принято в ассимилированной среде. Все помыслы и мечтания сводились к возвращению в Советский Союз и к советскому образу жизни. Кое-кто уже был женат и имел русских жён… Вместе с тем, когда я услышал о еврейской общине в Финляндии и узнал о связях с окружающими меня евреями, я ощутил душевное удовлетворение, у меня возникло желание узнать больше о еврействе… и услышать еврейский язык».[47]

В документах, имеющихся в нашем распоряжении, нет достаточно ясного ответа на вопрос, какова была цель собирания военнопленных-евреев и их отделения от остальных пленных, но из нескольких свидетельств пленных евреев можно выяснить, что при этом им говорилось. Лазарь Раскин пишет в своих мемуарах:

«Собрали нас около 100 человек в одном из бараков под охраной финских автоматчиков… Нам было очень хорошо в этот вечер, хотя мы отчётливо сознавали, что это, может быть, последний наш пир во время чумы. На следующее утро наше предчувствие нашло подтверждение. Нас выстроили… и финский офицер обратился к нам на чистом русском языке, примерно, с такой речью: «Цель фюрера уничтожить всех жидов, чтобы жидовские морды больше не управляли миром. А если фюрер хочет, то так и будет. Мы, финны, тоже вас ненавидим, но сами вас убивать не станем. Мы вас посадим на корабль и отправим в Палестину. По дороге немцы вас всё равно потопят». Вот такое было жуткое напутствие. Затем нас погрузили на грузовики и повезли в неизвестном направлении. Везли долго и привезли в какой-то посёлок… Место называлось Лоуколампи».[48]

Военнопленный Михаил Шлейфер отмечает в своих воспоминаниях, что летом 1942 г. его перевели в еврейский лагерь, и продолжает:

«Нам стало известно, что немцы велели финнам уничтожить всех евреев, но финны решили этого не делать. Затем поступило повторное распоряжение немцев с требованием собрать всех евреев и

отправить их в Германию. Нас собрали, посадили в теплушки, окна и двери забили досками. Финские охранники сказали нам, что нас везут в Германию на уничтожение. Ехали мы двое суток, а затем ночью нас привезли в большой лагерь... Мы не знали, где мы находимся, что с нами случится... Этот еврейский лагерь был в местечке Ювоскеле».[49]

И Раскин, и Шлейфер свидетельствуют, что, по словам финских охранников, их должны перевезти в Германию и там уничтожить. Ни в этих, ни в других свидетельствах солдат-евреев, бывших в финском плену, не говорится, что их собирали ради улучшения их положения, как случилось в действительности. Из-за отсутствия необходимой документации финнов можно лишь предположить причины концентрации военнопленных-евреев летом 1942 г. Видимо, её следует представить на фоне разногласий между Германией и Финляндией по вопросу о евреях и еврейских беженцев в Финляндии.

Финские евреи, которых было около 2.000 человек, согласно протоколу конференции в Ванзее, были включены в план окончательного решения еврейского вопроса. 9-20 апреля 1942 г. Арно Антони, глава государственной полиции Финляндии, по приглашению Гейдриха посетил Берлин, где провёл дискуссии с руководителем гестапо Генрихом Мюллером и его сотрудниками, в том числе с Фридрихом Панцингером, начальником «отдела исследования врага и борьбы с ним» (Gegner Erforschung und Bekampfung). Одним из вопросов, обсуждавшихся ими, была тема евреев и заключения их в Германии. По свидетельству Панцингера, гестапо просило передать евреев Финляндии немецким властям. По его словам, Антони отнёсся к этому положительно, равно как и Эйхман, принимавший участие в обсуждении. После войны Антони опроверг эти слова Панцингера. Антони и Мюллер пришли к устному соглашению, что гестапо готово принять в свои руки «все иностранные элементы, которые Финляндия считает желательным изгнать, поскольку они подозрительны с политической точки зрения». После войны Антони вспоминал, что «возможно, в обсуждении поднимался вопрос о злонамеренных элементах среди евреев», но вместе с тем он отрицал обсуждение в берлинских дискуссиях темы евреев – финских граждан.[50] Можно предположить, что намерения по отношению к «нежелательным элементам» или «злонамеренным элементам среди евреев», о которых говорил Антони, касались около 300 еврейских беженцев из Германии, Австрии и Чехословакии, которые находились в Финляндии, а также военнопленных-евреев.

Немцы и в других случаях высказывали правительству Финляндии своё желание получить финских евреев в свои руки, но не оказывали особого давления. Это вытекало из особого положения Финляндии среди союзников Германии. Гитлер издал приказ воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Финляндии.[51] Специфика германо-финских отношений выразилась во время визита Гитлера в Финляндию 4 июня 1942 г., когда он прибыл туда поздравить маршала Маннергейма с 75-летием. 29 июля 1942 г. Финляндию посетил Гиммлер, он

встретился с главой правительства Йоганом Вильгельмом Рангеллем, и во время встречи поднял вопрос о евреях Финляндии. После войны Рангелль рассказал, что ответил Гиммлеру:

> *«В Финляндии живёт несколько тысяч евреев, семьи и порядочные граждане, сыновья которых воюют в нашей армии, как все другие финны, и они граждане, достойные уважения, как и все другие. Я закончил речь следующими словами: «Нет у нас никакой еврейской проблемы (Wir haben keine Judenfrage)». Я сказал настолько ясные вещи, что обсуждение этого вопроса немедленно прекратилось. Проблемы евреев больше не обсуждались с Гиммлером».*[52]

Другой источник, близкий Гиммлеру человек, его врач Феликс Керстен, иначе описал реакцию финского правительства. Накануне визита Гиммлера в Финляндию Гитлер потребовал от финнов передать Германии евреев, и когда Гиммлер предъявил это требование правительству Финляндии, он получил уклончивый ответ. Ему было сказано, что только финский парламент имеет соответствующие полномочия, а он соберётся только в ноябре 1942 г.[53] Евреи Финляндии не были переданы Германии, что спасло их жизни.

Парламент и основные партии Финляндии противились передаче Германии финских евреев, поскольку финские власти видели в евреях полноправных граждан страны. И действительно, 260-300 членов маленькой еврейской общины Финляндии служили в финской армии и воевали на фронте. Десятки их погибли в боях.[54]

В правительстве Финляндии были люди, преданные немцам, в особенности министр внутренних дел Тойво Хорелли, и в подчинённой ему государственной полиции, а также в финской армии. Возможно, из желания услужить немцам и не имея возможности передать в их руки финских евреев, эти функционеры готовили передачу Германии военнопленных–евреев. Последние воевали против Финляндии, принадлежали к её советским врагам, поэтому в них легко усматривались «нежелательные элементы», упомянутые Антони во время его визита в Берлин. Общественное мнение в Финляндии, конечно, было готово скорее примириться с передачей немцам евреев–военнопленных, чем евреев–граждан страны и даже еврейских беженцев.

У еврейской общины тоже не было какой-либо возможности улучшить судьбу пленных евреев, для чего, прежде всего, требовалось собрать их, отделив от остальных военнопленных. Тогда, весной и летом 1942 г., финские евреи всё ещё пребывали в неуверенности относительно собственной судьбы, и заступничество за советских военнопленных–евреев могло возбудить сомнения в их преданности стране. В докладной записке Еврейскому агентству (Сохнут) руководителя еврейской общины Финляндии Л. Вайнштейна, написанной в октябре 1944 г., говорилось о положении финских евреев и о военнопленных–евреях: «Когда финский Красный крест довёл до нашего сведения, что большое число евреев находится среди советских военнопленных, нам удалось получить разрешение послать им посылки при посредстве этой организации».[55] В записке нет никакого упоминания о попытке общины

сосредоточить еврейских пленных отдельно от других военнопленных.

Концентрация пленных евреев после поездки Антони в Берлин, а также накануне визита Гиммлера в Финляндию и после него, а также свидетельства военнопленных-евреев дают основание предположить, что военнопленных–евреев собирали, чтобы передать их немцам, подобно 70 пленным, определённым как опасные элементы, и это было делом кругов, симпатизирующих немцам, в военном управлении тыла, в министерстве внутренних дел и в государственной полиции. То, что передача военнопленных–евреев немцам не состоялась, можно приписать вмешательству маршала Маннергейма, который осенью 1942 г., видимо, пришёл к заключению, что Германия стоит на грани поражения в войне.

1 октября 1942 г. Вольдемар Фабрициус, назначенный финским Генеральным штабом ответственным за лагеря военнопленных, издал приказ о концентрации в лагерях военнопленных-евреев, за исключением офицеров, политработников, медицинского состава, портных и сапожников, необходимых для лагерных мастерских и госпиталей, и больных до их выздоровления. Тем же числом датирован другой приказ, начальнику центрального лагеря 2, обязывающий его сосредоточить пленных евреев в отдельных бараках, использовать на работе отдельно от пленных других национальностей, а также не давать им особых поблажек. В приказе говорится, что лагерь должен быть готов принять около 150 военнопленных–евреев с 4 октября 1942 г.[56]

Дата издания этих приказов – 1 октября 1942 г., когда в Финляндии уже началась зима, – не соответствует вышеприведенным свидетельствам военнопленных–евреев, согласно которым их сосредоточение производилось весной и летом 1942 г. Вряд ли военнопленные–евреи перепутали весенне-летний период и начало зимы, и представляется, что приказ Фабрициуса имел в виду дополнительную концентрацию военнопленных–евреев в количестве, превышающем те сотни, которых сосредоточили раньше. Этот приказ был издан, по-видимому, для того, чтобы помочь пленным евреям. Помощь, прямая или через финский Красный крест, становилась возможной только при условии, что пленные евреи будут собраны и отделены от других пленных.

По соглашению о перемирии, заключенному 19 сентября 1944 г. между Советским Союзом и Финляндией, в СССР вернулись советские военнопленные, и среди них военнопленные–евреи. Все военнопленные содержались в лагерях в течение месяцев и допрашивались сотрудниками НКВД о подробностях пленения и пребывания в плену. Как и других военнопленных, евреев послали работать в шахты. Часть бывших пленных возвратили на армейскую службу, чтобы, как им говорили, «смыть своей кровью сдачу в плен».[57]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dallin, *German Rule...*, p. 427. Даллин пишет, что, согласно данным вермахта на 1 мая 1944 г., количество советских военнопленных превышало 5.160.000 человек. С учётом военнопленных, попавших в руки немцев в последний год войны, их общее количество достигает 5.754.000 человек. См.: Schulte, *The German...*, p. 181. Шульте приводит

таблицу оценок семью историками количества советских военнопленных и числа погибших в плену. Бартов (Bartov, *Hitler's Army*, p. 83) определяет количество военнопленных в 5.700.000 человек и считает погибшими среди них 3.300.000 человек.
2. См.: Bartov, ibid., p. 83-84. Бартов пишет, что ОКХ издал приказ в этом духе в сентябре 1941 г.
3. Кривошеев и др., *Гриф...,* с. 330-338.
4. Schulte, *The German...*, pp. 182-183.
5. *Там же,* с. 187-197.
6. *Там же,* с. 191; Заставенко и др., *Преступные...*, с. 161. Директива была дана 8 сентября 1941 г.
7. Herbert, *Zwangarbeit...,* p. 111; Schulte, *The German...*, p. 181. Шульте пишет, что в период между осенью 1941 г. и апрелем 1942 г. погибло около 85 процентов военнопленных.
8. Свидетельства Михаила Якушева, данные 23 декабря 1943 г., Архив Яд Вашем, М-33/479.
9. Судебный процесс, с. 340-341, показания обвиняемого Карла Лангута (Karl Langut), бывшего заместителя начальника лагеря военнопленных в г. Бобруйске. По его словам, было казнено 28 пленных за людоедство.
10. Документы Нюрнбергского процесса, NO-3414.
11. *Там же,* PS-502.
12. *Там же,* NO-3417.
13. *Там же,* PS-1519; Streit, *Keine*, pp. 181-182.
14. Сергей Голубков, *В фашистском концлагере*. – Смоленск, 1958, с.28.
15. Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-2423.
16. Кривошеев, *Гриф...,* с. 333-334.
17. Schulte, *The German...,* pp. 204-207.
18. Госархив РФ, Фонд 7021, опись 148, дело 101, л. 70-74.
19. Schulte, *The German...,* p. 209.
20. *Там же.*
21. Смертность в немецком плену военнопленных других союзных армий составляет более 3,5 %, а советских военнопленных – 52-57%.
22. Архив Яд Вашем, 03/2375.
23. В. Бондарец, *Военнопленные*. – Москва, 1960, с. 36-38.
24. Свидетельства крестьян колхоза (район Воронежа), в котором был создан лагерь военнопленных. – Архив Яд Вашем, М-33/496.
25. *Там же,* М-33/977.
26. Central Stelle der Landesjustig verwaltungen, Ludwigsburg, 4, 302, AR-2, 40/68, B2. Суд проходил в Штутгарте; документ, откуда взята цитата, датирован 4 ноября 1971 г.
27. Альтшулер и др., *Советские евреи...,* с. 130.
28. *Там же,* с. 135-136.
29. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...,* 132, p. 227.
30. *Там же,* 149, с. 265.
31. *Там же,* 126, с. 212.
32. Schulte, *The German...*, p. 221; Streit, *Keine...*, pp. 102-103.
33. Архив Яд Вашем, TR-10/1182 (2); *там же,* TR-10/689, суд над командиром 2 роты Джорджем Гарбе.
34. *Там же,* М-33/670. Следствие по делу Шимона Соконникова вёл подполковник контрразведки («Смерш») 3-й гвардейской армии Иванов.
35. См. главу 33.
36. Гроссман и Эренбург, *Чёрная книга...*, с. 440.
37. Кривошеев, *Гриф...,* с.340.
38. Финская армия прекратила своё продвижение в сторону Ленинграда, когда достигла финско-советской границы ноября 1939 г. Германия торопила финнов продолжить наступление на Ленинград, но они отказались. Они также воздержались от артилле-

рийского обстрела Ленинграда. Советский Союз, взвесив это, признавал особое положение Финляндии в войне и по соглашению о перемирии, подписанному 19 сентября 1944 г., Советская Армия не перешла границ Финляндии 1940 года, а позднее СССР не вынудил Финляндию стать народной республикой, как это он сделал с другими странами Восточной и Центральной Европы.

39. Sarah Beizer, The Treatment of Soviet Jewish War Prisoners in Finland 1941-1944, *Jews in Eastern Europe* (spring 1995), pp. 12-13 (далее: Beizer, *The Treatment...*).
40. Шимон Янтовский, *Лагерь советских военнопленных-евреев в Финляндии.* – Иерусалим, 1995 (далее: Янтовский, *Лагерь...*). В этой книге воспоминаний финских военнопленных-евреев Янтовский пишет, что он, попав в плен, представился русским (с. 23). Аарон Глейзин (там же, с. 49-50, 55) и другие свидетели рассказывают о проявлениях антисемитизма среди пленных, включая доносы на тех, кто пытался скрыть своё еврейство.
41. Beizer, *The Treatment...*, pp. 13-14.
42. Из лекции Сары Бейзер, прочитанной на заседании XII Всемирного еврейского конгресса в Иерусалиме. В приложении к лекции приводятся имена 70 военнопленных-евреев и даты, когда они были переданы в руки немцев. Бейзер подготовила этот список на основе документов, найденных в архиве финской войны (Finish War Archives – Sota Arkisto), документы Т-19/659 В 18 В 19.
43. *Там же,* с. 18-19.
44. Янтовский, *Лагерь...*, с. 69-70. Показания офицера Цили Лицкис, бывшей в финском плену.
45. Архив Яд Вашем, 033/2537, с. 35.
46. *Там же,* с. 2.
47. *Там же,* с. 21-22, 25.
48. Янтовский, *Лагерь...*, с. 58.
49. *Там же,* с. 65.
50. Hannu Rautkallio, *Finland and the Holocaust.* – New York, 1987, pp. 152-158 (далее: Rautkallio, *Finland...*). После войны Антони предстал перед судом в 1947 году. См.: Walter Laquer, *The Terrible Secret*. – London, 1980, p. 36.
51. Rautkallio, (ibid.), p. 170. Особое положение Финляндии вытекало из признания её способности самостоятельно героически выстоять в «зимней войне» против Красной Армии.
52. *Там же,* с. 168.
53. *Там же,* с. 163-168, 256-257; Heinz Hohne, *The Order of the Death's Head*. – London, 1969, p. 397.
54. Beizer, *The Treatment...,* p. 16; Rautkallio, *Finland...,* pp. 258-260.
55. Центральный сионистский архив в Иерусалиме, 525/5267.
56. Beizer, *The Treatment...*, pp. 20, 23-24.
57. Архив Яд Вашем, 033/2537, с.2, 8, 31-32.

ГЛАВА 36

СУДЬБА СМЕШАННЫХ СЕМЕЙ И ДЕТЕЙ ОТ СМЕШАННЫХ БРАКОВ

А. ПРОБЛЕМА СМЕШАННЫХ СЕМЕЙ И ДЕТЕЙ ОТ СМЕШАННЫХ БРАКОВ

В документах, подготовленных накануне вторжения в Советский Союз, и в инструкциях будущим немецким администрациям на оккупированных территориях не затрагивалась проблема отношения к смешанным семьям и их детям («полукровкам»). Её стали обсуждать в первые месяцы оккупации в высших кругах СС и в министерстве оккупированных восточных территорий в Берлине. Немецкие власти колебались в том, как поступать с супругами евреев и с детьми, которые, согласно нюрнбергским законам, были «полукровками». Таких людей находилось немало, и условия идентификации смешанных браков и полукровок были сложными, особенно в «старых» районах СССР, в границах до сентября 1939 г.

Еврейское общество на аннексированных территориях сохраняло своё национальное самоопределение, проживало в районах, заселённых преимущественно евреями, и до присоединения их к Советскому Союзу сохраняло общинную организацию со всеми её особенностями. Евреи там в большинстве придерживались традиции, и их браки с неевреями были редким явлением, обычно связанным со сменой религии и разрывом с еврейской семьёй, которая в таких случаях отвергала сына или дочь. Очень немногие юноши или девушки решались платить столь высокую цену, потому смешанных семей, а соответственно и детей от смешанных браков насчитывалось немного. Из примерно 20.000 свадеб литовских евреев в период между двумя мировыми войнами только 0,5 процента были смешанными браками.[1] Еврейское общество на других аннексированных территориях мало отличалось от литовского, и можно предположить там такой же процент смешанных браков.

На «старых» территориях Советского Союза было другое положение. После Октябрьской революции у евреев там произошли демографические изменения и изменения в национальной и религиозной жизни. Эти изменения оказали далеко идущее влияние на количество смешанных браков. М. Альтшулер писал:

> *«Религиозные и национально-светские преграды, существовавшие у них, чтобы прямо или косвенно влиять и уменьшать количество смешанных браков, постоянно ликвидировались и подавлялись властью... Большинство еврейского общества примирилось со смешанными браками: кто со скрытой болью, кто скрепя сердце, кто с откликом на новые веяния. Смешанные браки не вызывали, как до революции, разрыва с семьёй и с еврейским обществом... Самое важное изменение произошло в отношении самих юношей и девушек к смешанным бракам. От юноши больше не требовалось*

публично отречься от прошлого и изменить свою религию или демонстративно включиться в образ жизни другого народа».[2]

Даже «старые» районы Советского Союза различались по количеству смешанных браков. В Белоруссии и на большей части Украины, в бывшей черте оседлости, где поколениями проживали евреи, смешанных браков было меньше, чем в России, куда много евреев прибыло после революции и рассеялось среди местного населения. Количество смешанных браков среди евреев «старого» Советского Союза с годами увеличивалось. Сведения о смешанных браках в разных республиках неполны, но данные 1936 г. по Украине служат показателем размаха этого процесса. В том году на Украине состоялось чуть более 14.000 свадеб евреев, из них примерно 6.000 – смешанных.[3] Можно установить, даже без точных данных, что в 1937-1941 годах число смешанных браков продолжало увеличиваться и, возможно, превысило 50 процентов. Таким образом, проблемы смешанных пар и их детей касались десятков тысяч людей, судьбу которых предстояло решить немецким властям. Нацисты включали в свои планы также и евреев Москвы и Ленинграда, которые намеревались захватить в ближайшее время. Здесь проживали сотни тысяч евреев, и число смешанных семей и их детей намного превышало их количество в Белоруссии и Украине.

Б. ОТНОШЕНИЕ НЕМЦЕВ К СМЕШАННЫМ СЕМЬЯМ И ДЕТЯМ ОТ СМЕШАННЫХ БРАКОВ

В условиях значительного количества смешанных браков и детей-полукровок, большинство которых обладало ярко выраженными русскими именами, а также из-за утери многих архивов советских учреждений при их эвакуации, немецкие власти почти нигде не могли располагать списками жителей с указанием их национальности. Захватчики затруднялись в вопросе определения понятия «еврей» на оккупированных территориях Советского Союза, когда требовалось также проверять еврейство дедушек и бабушек. Оккупационные власти не дожидались инструкций из Берлина по этому поводу и действовали соответственно собственному разумению, во многих местах по-разному. Первый немецкий документ, имеющийся у нас, касающийся судьбы смешанных пар на оккупированных территориях, написан 9 августа 1941 г., через несколько дней после того, как гражданская администрация получила власть в Литве. В приказе генералкомиссара Литвы фон Рентлена по поводу обязанности носить жёлтую нашивку и заключения евреев в гетто сказано:

«Эти инструкции касаются и полуевреев, т.е. тех, у кого один из родителей еврей. В отношении смешанных семей осуществлять следующую политику: с евреями, вступившими в брак с неевреями, обращаться как со всеми евреями, это означает заключать их в гетто и осуществлять по отношению к ним все решения, касающиеся евреев. Не применять эти решения к супругу-арийцу, если они разводятся. Если они не разводятся, он [супруг-ариец] будет заключён в гетто, и все решения, касающиеся евреев, распространятся и на

него».[4]

Разводы по инициативе арийского супруга не зависели от согласия еврейского супруга. Что касается детей смешанных пар, то инструкция давала понять, что дети-полуевреи считаются евреями, и их судьба та же, что и судьба всех евреев, даже если их родители развелись. Этот приказ не признавал понятия «метис» и его особого статуса. Во временных указаниях Лозе, опубликованных 13 августа 1941 г., определялось, кого считать евреем, и там метисов к евреям не относили. Лозе постановил считать евреем того, у кого трое еврейских дедушек и бабушек, или у кого один или двое из них евреи, и он принадлежит к еврейской общине или состоит в браке с евреем.[5] Это определение является более экстремистским по сравнению с формулировкой нюрнбергского закона, устанавливавшего, что евреем является обладатель двух (а не одного) еврейских дедушек или бабушек и при условии, что он принадлежит к еврейской общине или состоит в браке с евреем. Указания Лозе были обязательны также и для Генералкомиссариата Литва, они отменяли документ фон Рентлена.

Указ Лозе от 7 октября 1941 г. «Обращение с еврейскими смешанными парами» был намного подробнее, и он имел более важное значение для судьбы смешанных семей и их детей. Вот что там говорилось:

«1. Смешанные пары без детей или со взрослыми детьми.

А. Если арийская супруга не хочет развестись с еврейским мужем, на неё распространяются все решения (Bestimmungen) по отношению к евреям. Вместе с тем, если она хочет развестись, эти решения вступают в силу только по отношению к её мужу.

Б. Если супруг ариец, а жена еврейка и если генералкомиссар не определил другого, жена может, если ей менее 45 лет, оставаться с мужем при условии, что она согласна на стерилизацию. Жёны старше 45 лет могут оставаться с мужем и без стерилизации. На этих женщин не распространяется то, что установлено по отношению к евреям. Если муж-ариец умрёт, на жену-еврейку распространится всё то, что определено по отношению к обращению с евреями, не позднее, чем через месяц [после его смерти]. Если муж-ариец хочет развестись, на жену распространяется всё то, что определено по отношению к евреям. Если жене менее 45 лет и она не согласна на стерилизацию, а муж-ариец не хочет с нею развестись, на обоих супругов распространяется всё то, что определено по отношению к евреям.

В. Заявление о желании развестись следует посылать в письменной форме гебитскомиссару...

2. Смешанные пары с одним или несколькими несовершеннолетними детьми.

А. Если жена-арийка не хочет развестись с мужем-евреем, на всю семью (включая детей) распространяется всё, что определено по отношению к евреям. Но если жена-арийка согласна развестись с мужем, на неё и на её детей не распространяется то, что установлено по отношению к евреям, при условии, что жена или её дети

не принадлежат к религиозной еврейской общине. Во всех случаях эти решения не касаются мужа [т.е. он разделяет судьбу евреев].

Б. Если муж-ариец и жена-еврейка моложе 45 лет и если генералкомиссар не определил другого, жена может остаться с мужем при условии, что она согласится на стерилизацию. Женщины старше 45 лет могут оставаться со своими мужьями и без стерилизации... Ребёнок (дети) остаются с мужем... при условии, что они не принадлежат и не принадлежали в прошлом к религиозной еврейской общине. Если муж-ариец умрёт... на жену-еврейку не распространятся ограничения, налагаемые на евреев, пока один или больше детей живы. Если во время военных действий погиб сын, воевавший на стороне Германии или союзников [Германии], то, что определено по отношению к обращению с евреями, не распространится на жену-еврейку. Муж/жена в смешанном браке, дети которых умерли или достигли совершеннолетия, считаются евреями без детей, и с ними следует обращаться согласно тому, что установлено в параграфе 1. Если муж-ариец желает развестись, дети останутся с мужем, а на жену распространяются правила обращения с евреями... Если жена-еврейка моложе 45 лет и она не хочет пройти стерилизацию, а её муж-ариец не хочет с ней развестись, на всех членов семьи распространяется всё, что установлено по отношению к евреям...

3. Если муж-ариец принадлежит к еврейской религиозной общине, всё, что отмечено выше, не имеет силы. Он считается евреем...

4. В каждом сомнительном случае решение остаётся за генералкомиссаром...»[6]

В сопроводительном письме, посланном с этими указаниями 1 ноября 1941 г. четырём генералкомиссарам Остланда и Старшему начальнику СС и полиции, отмечалось, что отныне со смешанными парами следует обращаться согласно последним инструкциям, а если нужно, то и освобождать людей из гетто. В нём говорилось также, что если в будущем будут высылаться нежелательные элементы нееврейского населения, к ним следует присоединять и смешанные семьи, с которыми до того не обращались, как с евреями.[7]

На основе этих инструкций генералкомиссары Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии издали соответствующие указания гебитскомиссарам. Генералкомиссар Латвии 10 ноября 1941 г. послал подчинённым ему гебитскомиссарам инструкции Лозе, присовокупив своё указание гебитскомиссарам опубликовать в местных газетах требование к арийским супругам из смешанных семей явиться для регистрации в гебитскомиссариат и там убедить их развестись с еврейскими супругами.[8] Если они не согласятся разойтись, с ними следует обращаться в соответствии с документом Лозе. Гебитскомиссаров обязывали отчитаться к 10 декабря 1941 г. по следующим вопросам: а) сколько арийцев развелось с еврейскими супругами; б) сколько женщин-евреек прошло стерилизацию; в) в скольких случаях арийская женщина решила разделить свою судьбу с мужем-евреем.

Директивы Лозе, действовавшие на территории Остланда, высшим чинам из Берлина виделись слишком «умеренными». В письме к Лозе от 5 февраля 1942 г. под заглавием «Обращение с евреями», подписанном начальником политического отдела министерства восточных территорий Лайбрендом, говорилось:

«Что касается Ваших директив об обращении со смешанными браками с евреями, у нас есть определённые оговорки. Но поскольку всё ещё обсуждается новое определение понятия «еврей» на восточных территориях, которое вскоре будет опубликовано, мне представляется, что в данный момент нежелательно изменять ваши решения... И вопрос об обращении с детьми от смешанных браков будет разъяснён в новых директивах».[9]

Обсуждение определения понятия «еврей», упоминаемое в письме Лайбренда, началось в конце января 1942 г. В министерстве восточных территорий искали наиболее простое определение еврея. Министерство подготовило документ и созвало совещание 29 января 1942 г., через 9 дней после конференции в Ванзее. Председательствовал заместитель начальника политического отдела министерства Браутигам, в совещании участвовали представители РСХА, министерства иностранных дел, министерства внутренних дел и армии, а также главного бюро нацистской партии. Протокол собрания, которое было определено как «секретное», гласил:

«Повестка дня: Черновик приказа по поводу определения понятия «еврей» на оккупированных восточных территориях.

Председатель собрания доктор Браутигам открыл собрание и разъяснил, что в связи с трудностью обнаружения документов [регистрирующих национальность], нет возможности соблюдать нюрнбергские законы на оккупированных восточных территориях, а поэтому желательно принять [другое] решение об определении понятия «еврей» как можно раньше... В дальнейшем доктор Ветцель объяснил, что в этом черновике имеются в виду дети от смешанных с евреями браков первой степени (Mischlinge 1), которые являются евреями по нескольким причинам. В первую очередь, по политическим причинам, т.к. им нельзя доверять и они представляют опасность вследствие их относительно большого количества. В отличие от положения в Рейхе, не следует ожидать проблем на оккупированных восточных территориях, если решено уравнять детей от смешанных с евреями браков первой степени с евреями. В конце концов говорится об уравнении детей от смешанных браков евреев с другими народами, которые являются также нежелательными, с расовой точки зрения... Представитель партийного бюро Райшауэр отметил, что он не видит особой опасности в уравнении детей от смешанных браков первой степени с евреями, так как чужая кровь, текущая в них, неравноценна немецкой крови.

После обсуждения... по этому вопросу был принят следующий вариант:

1. Еврей – тот, кто заявляет или о ком известно, что он принадлежит

к еврейской религии, или о его принадлежности к иудаизму можно предположить на основе других обстоятельств;
2. Евреем считается тот, у кого один из родителей – еврей;
3. Если возникают сомнения, решение принимает генералкомиссар (и начальник Сипо) или уполномоченные им на это власти;
Решение обязательно для всех занимающихся этим вопросом органов».[10]

Это решение, в особенности его пункт 2, практически отменяло принятое нюрнбергскими законами понятие «полукровка». Человек «на четверть еврей», т.е. тот, у которого один из четырёх дедушек и бабушек был евреем, теперь определялся как еврей, так как один из родителей в этом случае считался евреем. Участники в своих выступлениях оправдывали принятие такого решения двумя причинами: во-первых, нееврейская кровь детей от смешанных браков – это кровь неполноценной славянской расы, и во-вторых, они считали, что не будет какого-либо серьёзного противодействия со стороны нееврейских родственников евреев. В самой Германии и в других европейских странах, находившихся под немецкой оккупацией, немцы считались с нееврейским населением, связанным с евреями семейными узами, но со славянским населением на оккупированных территориях Советского Союза нацисты считаться не собирались. Жизнь детей от смешанных браков, с точки зрения участников конференции, не стоила бюрократических хлопот и тщательного рассмотрения каждого отдельного случая, а принятое общее решение было наиболее простым и лёгким для выявления еврея. Так было практически отменено положение документа Лозе от 7 августа 1941 г., согласно которому дети арийского мужа в смешанной семье не считались евреями, и на детей арийской женщины, согласившейся на развод с мужем-евреем, не распространялись меры против евреев. Решение от 29 января 1942 г. вынесло смертный приговор десяткам тысяч детей от смешанных браков на оккупированных территориях.

В начале мая 1942 г. определение понятия «еврей», принятое этим решением, было опубликовано в официальной газете министерства восточных территорий.[11] Это определение, согласно которому ребёнок от смешанных браков считался евреем, возбудило негодование среди местного населения в прибалтийских странах, а также у тамошних немецких властей. Люди, которые прежде в глазах местного населения считались неевреями и были родственниками многих коренных жителей, оказались теперь причислены к евреям с целью их преследования и уничтожения. В Генералкомиссариате Латвия также имелись нееврейские супруги немецкого происхождения из фольксдойче, проживавшие там. И вот что писалось в документе, полученном Лозе от политического отдела Генералкомиссариата Латвия 9 мая 1942 г:

«По соглашению с начальником Сипо Латвии, я высказываю возражения против ввода в действие [нового] «Приказа по поводу определения понятия «еврей» на оккупированных восточных территориях» в Генералкомиссариате Латвия на основании следующих аргументов... такое отношение к детям от смешанных браков (на-

половину евреям) затрудняется общей политической ситуацией в Генералкомиссариате Латвия, где нет человека – и в особенности среди населения – способного понять это... В соответствии с нашим опытом решения проблемы детей от смешанных браков, установлено, что во многих детях от этих смешанных браков течёт немецкая кровь... Проблема детей от смешанных с евреями браков уже давно решена в Генералкомиссариате Латвия. Проблема эта решена в соответствии с тем, что установлено господином рейхскомиссаром... [здесь приводятся подробности всего того, что говорилось в инструкции Лозе от 7 октября 1941 г.]. После того, как в соответствии с этой установкой в Генералкомиссариате Латвия осуществлено решение проблемы детей от смешанных с евреями браков без затруднений, мне представляется невозможным реализовать... [новый] план... В Генералкомиссариате Латвия возникла проблема евреев – главным образом в Риге, а также в Либаве [Лиепае] и в Динабурге [Двинске]. В Риге найдено 175 смешанных с евреями семей, в большинстве из них речь идёт о бездетных семьях. В Риге не более 250 детей от смешанных браков. В их отношении я предлагаю следующее:

а) Переписать всех детей от смешанных браков (наполовину евреев);

б) Стерилизовать их, а потом выслать на территорию старого Советского Союза.

Я прошу, чтобы моя последняя точка зрения по поводу приказа «Определение понятия «еврей»» от мая 1942 г. была передана господину Рейхсминистру оккупированных восточных территорий».[12]

Этот документ, соответствующий и мнению начальника Сипо Латвии, не привёл к изменению указания министерства оккупированных восточных территорий. Но в инструкции министерства указывалось, что при наличии сомнений уполномоченные генералкомиссаров и местных начальников Сипо, назначенные исполнителями этой инструкции, решают этот вопрос самостоятельно в каждом отдельном случае.

Гиммлер в принципе противился вмешательству министерства восточных территорий в область его полномочий и любому ограничению свободы действий эсэсовцев в процессе уничтожения. Обергруппенфюрер СС Готтлоб Бергер, исполнявший обязанности связного между Гиммлером и министерством, передал рейхсфюреру определение понятия «еврей», которое планировалось ввести в действие в восточных районах. Гиммлер отреагировал в письме, посланном Бергеру 26 июля 1942 г.:

«Я срочно требую, чтобы не публиковали какую-либо инструкцию, касающуюся определения понятия «еврей». Всеми этими нелепыми определениями мы только свяжем сами себе руки. Оккупированные территории на Востоке будут свободны от евреев. Фюрер поручил мне исполнение этой тяжёлой миссии. Так или иначе, никто не сможет снять с меня эту ответственность. Я запрещаю любое вмешательство в принятие решений».[13]

В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ К СМЕШАННЫМ СЕМЬЯМ И ИХ ДЕТЯМ

В первые месяцы оккупации и массового уничтожения смешанные пары и их дети не упоминались в различных указах о преследовании евреев, об отличительном знаке на одежде, о принудительных работах, или в приказах о создании гетто. Поэтому многие евреи из смешанных семей и многие дети от смешанных браков вели себя соответственно своему восприятию реальности. На «старых» советских территориях, где большинство евреев, находящихся в браке с неевреями, не считали супружество разрывом со своей нацией, многие из них поняли, что указы о преследовании евреев относятся также и к ним, и вели себя, как евреи. При отсутствии информации о цели высылок и распространении сообщений о том, что каждый уклонившийся будет расстрелян, многие евреи из смешанных семей и их дети присоединялись к идущим в Бабий Яр в Киеве и в другие места убийства, и разделили общую еврейскую участь.

В первые месяцы из-за отсутствия ясных инструкций из Берлина судьбу смешанных семей и их детей решали местные власти. В некоторых местах зон военной администрации заранее сообщали, кто из евреев освобождается от высылки. Сара Глайх, еврейка из Мариуполя, записала в своём дневнике, что в приказе, отданном 17 октября 1941 г., обязывающем евреев города прибыть для высылки, говорилось:

«Еврейкам, у которых мужья русские или украинцы, разрешается оставаться в городе, если муж находится с ними: если муж в армии [советской] или отсутствует по какой-либо причине, женщина и её дети должны быть высланы из города. У русской женщины, замужем за евреем, есть право выбора – остаться самой или пойти вместе с мужем. Детям разрешается оставаться с ней».[14]

В Симферополе (Крым) евреям приказали явиться для высылки 9-10 декабря 1941 г. На месте сбора освободили и отправили домой пять еврейских сестёр семьи Пригов на основании их документов, что они замужем за русскими.[15] Так происходило до лета 1942 г. После завершения массовых акций уничтожения евреев и после издания в апреле-мае 1942 г. указаний считать евреем каждого, у кого один из родителей еврей, на оккупированных территориях начали убивать еврейских супругов в смешанных семьях и детей от смешанных браков. Александр Шилько из Запорожья свидетельствовал:

«После массовых убийств [евреев]... забрали для уничтожения всех детей от смешанных браков... В пригороде Николаевка проживал лейтенант Бондаренко. Он был на фронте. У его жены Фани Бондаренко была мать, которая крестилась ещё до революции. У Фани было двое детей. Её и двоих её детей расстреляли, так как в третьем поколении течёт еврейская кровь. Вот факт, которому нет подобных, представляющий образ гестаповца. Сестра Леймана, немка [Лейман был местным немцем, который добровольно вступил в запорожскую полицию], была замужем за евреем. В этом браке у неё родилось двое детей. Лейман силой собственноручно отобрал

у сестры двоих детей и послал их на уничтожение... Один из заключённых в тюрьме гестапо передал записку своей жене, в которой, среди прочего, написал: «Самый молодой среди моих товарищей-заключённых – шестимесячный младенец». Это был младенец из смешанной семьи, и так как было опасно содержать его в тюрьме отдельно и так как он мог умереть раньше, чем его настигнет пуля гестапо, с ним сидела его мать [арийка]».[16]

Многие матери-нееврейки выбрали путь к смерти вместе со своими детьми. Евгения Понизовская из Мелитополя рассказала:

«Началось преследование детей из смешанных семей. Мне не забыть картину, когда полицейский нёс на руках младенца, а за ним бежала мать и кричала не своим голосом. Это происходило белым днём. [Полицейские] приходили и хватали детей, чтобы расстрелять их. Многие матери были расстреляны вместе с их детьми».[17]

И в отчёте советской следственной комиссии в Полтаве говорится:

«В Полтаве было убито более 8.000 евреев, среди них – русские и украинцы, которые не хотели расстаться с их родственниками – евреями по происхождению. Так, например, обнимали украинские или русские матери своих детей – евреев по происхождению, стояли [в шеренге] и были расстреляны вместе со своими детьми. Мужья той же национальности [украинцы и русские] были расстреляны вместе с теми – еврейками по происхождению».[18]

Виктор Матюхнов, русский, житель Мелитополя, женатый на еврейке, с которой у них было трое детей, писал о судьбе своей семьи:

«9 октября 1942 г. я и моя семья были арестованы: жена Анна Абрамовна, 1910 г. рождения, на шестом месяце беременности, дочки – Лидия, 1927 г. рождения, Ольга, 1929 г. рождения, Тамара, 1938 г. рождения... Нас привели в тюрьму в Мелитополе и вбросили нас в камеру, где сидело несколько командиров. Один из офицеров спросил меня по-русски: «Вы знаете, за что арестованы?» Я ответил отрицательно. Он ответил мне, что меня они должны освободить, а членов моей семьи пошлют в лагерь. В ответ я сказал, что поеду с семьёй... Меня схватили и начали тащить. Младшая четырёхлетняя дочка ухватилась за меня и закричала: «Я пойду с папой!» Эсэсовец схватил её за руку и бросил, как животное, под стол позади него, где сидели офицеры. Что происходило далее, я не знаю. Когда я пришёл в сознание, я обнаружил себя в камере и увидел там своего знакомого, которого звали Кирилл, с ним и с его семьёй произошло то же, что и со мной. Вдруг мы услышали крики детей и женщин, и они становились всё сильнее и сильнее. Потом мы услышали шум машины, и крики смолкли. Я не знаю, сколько прошло времени, когда вошёл полицейский и сказал: «Выходите!» Когда мы вышли, мы увидели перед собой стоявших там офицеров. Они нам сказали: «Вы освобождаетесь, а ваши семьи высланы», и режущий слух смех вырвался из их глоток... По прошествии трёх дней меня вызвали в СС и заставили поменять моё брачное свидетельство на удостоверение холостяка».[19]

Выявление смешанных семей и детей от смешанных браков, их арест и направление на смерть осуществлялись главным образом местными властями и местными полицейскими, которые хорошо знали людей на местах. Колхозница из крымской деревни Нем-Адаргин Варвара Львович, русская жена еврея, рассказала:

«15 января 1942 г. мой муж был арестован в деревне Нагаичи полицейским Парапаном из Сейтлеровской районной полиции и отправлен к начальнику полиции Литвиненко. 18 января 1942 г. было расстреляно 18 человек, и среди них – мой муж Моше Львович, еврей... В январе 1943 г. у меня отобрали моих детей, как детей от смешанных с евреем браков. Детей отбирали полицейские Александр Музыка и Кузьма Ребрий и староста деревни Иван Пусеев. В свидетельствах о рождении дети были записаны русскими. Но староста деревни порвал их. Дети – Яков Львович, 11 лет, и Леонид Львович, 9 лет. Дети были арестованы и отправлены в Курманскую жандармерию, а потом в Джанкой, там их расстреляли».[20]

О судьбе смешанных семей и об убийстве детей от смешанных браков в Смоленской области есть следующее свидетельство:

«В местечке Монастырщина... учительница Любовь Александровна Дубовицкая, русская, была замужем за евреем. Её арестовали и мучили. Её дети – одного года, четырёх и семи лет – были убиты. Дубовицкой сейчас 27 лет. После того, что произошло с нею, она выглядела ветхой старухой... У Ицхака Розенберга, жена которого – Наталья Емельяновна – была русской, было двое маленьких детей. Они остались живыми, так как ей удалось убедить убийц, что её дети – от первого мужа. Она прятала мужа в яме под печкой более двух лет... В сентябре 1943 г. к местечку приблизились части Красной Армии... Начались бои... Наталья взяла своих детей и, как и остальные жители Монастырщины, бежала в лес. Она вернулась, когда в местечко ворвалась Красная Армия. Она ещё успела увидеть пепел и дым и печь. Ицхак Розенберг задохнулся в дыму. Он сидел под печкой 26 месяцев и умер за два дня до освобождения Монастырщины».[21]

На оккупированных территориях «старого» Советского Союза до их освобождения были убиты десятки тысяч еврейских супругов в смешанных семьях и детей от браков, в которых один из родителей был евреем.

На территориях, присоединённых к Советскому Союзу в 1939-1940 гг., где смешанных семей и детей-полукровок было очень мало, с ними обращались по-другому. В Остланде руководствовались указаниями Лозе от 7 октября 1941 г., а инструкции министерства восточных территорий от 17 апреля 1942 г., в которых детей от смешанных браков определяли как евреев, не отменяли указаний Лозе по этому поводу. В еврейских источниках нет ни одного упоминания о нахождении в Вильнюсском гетто смешанных семей. Вместе с тем известно о небольшой группе крещёных евреев, приведенных в гетто.[22] В Каунасском гетто было несколько женщин-христианок, которые предпочли присоеди-

ниться к своим мужьям и разделить судьбу евреев.[23] Можно предположить небольшое количество подобных случаев и в других гетто Остланда. В источниках Генералкомиссариата Литва нет информации о стерилизации женщин-евреек, бывших замужем за арийцами, или о женщинах-арийках, которые развелись с мужьями-евреями, чтобы они и их дети избежали судьбы отцов семейства.[24] Нашлись немногие случаи, когда в гетто приводили женщину-еврейку, которая крестилась за несколько лет до войны, после того, как её муж-христианин умер.[25]

Информация о стерилизации и о разводах обнаруживается в Генералкомиссариате Латвия. В отчёте гебитскомиссара Риги от 7 марта 1942 г., где представлены происшествия за февраль, говорится, что «приказ о стерилизации касается 45 женщин-евреек в смешанных семьях. До сих пор стерилизовали 15 женщин. Просьбы о разводе подали 103 женщины-арийки, которые были замужем за евреями. Несколько просьб о разводе находится на рассмотрении в областном суде Латвии».[26] Согласно советскому отчёту, в рижской университетской клинике стерилизовали около 200 женщин-евреек.[27] В районах Западной Белоруссии также стерилизовали евреек, которые были замужем за мужчинами-арийцами.[28]

Проблемой смешанных семей и их детей занималась немецкая администрация, особенно органы Сипо, на протяжении всего периода оккупации. Начальник Сипо в Литве гауптштурмфюрер СС Шмиц послал указание литовскому отделению Сипо 13 октября 1942 г. под заглавием «Регистрация смешанных с евреями пар», где говорилось:

«Следует зарегистрировать все смешанные пары в Литве, в которых один из супругов – еврей, и переслать [этот список] мне до 31 декабря 1942 г. Список составит литовская полиция безопасности... Еврейка, живущая с арийцем, должна жить с ограничениями... Ей запрещено ходить в рестораны, гостиницы, кафе и в другие места развлечений. Ей также запрещено посещать театры и общественные бани. О каждом нарушении [по этому поводу] немедленно сообщать в Сипо, и женщина будет переведена в гетто...»[29]

В Латвии до самого освобождения Советской Армией между немецкими органами власти продолжался спор о компетенции в вопросе о смешанных семьях и детях от смешанных браков. 6 апреля 1944 г. начальник Сипо в Латвии обратился с письмом к начальнику Сипо Остланда:

«И до сих пор есть евреи и дети от смешанных браков, которые избегают применения закона о евреях и пытаются избежать высылки в концентрационный лагерь, потому что, по их утверждению, они – дети от смешанных браков. Во всех этих случаях существует необходимость проверки, чтобы установить расовую принадлежность человека».[30]

Далее в письме отмечалось, что подразделения гражданской администрации высказывают претензии, будто в их компетенцию входит определение, кого считать евреем. Автор письма просит своих начальников на уровне рейхскомиссариата поддержать его решение, что только

Сипо уполномочена определять, кто является евреем. Откликаясь на это обращение, начальник Сипо Остланда 3 мая 1944 г. послал в политический отдел рейхскомиссариата письмо, где отмечалось, что только Сипо компетентна решать указанную проблему и имеет необходимые средства проверки.[31] Различие мнений гражданской администрации и Сипо вытекало из неясности в вопросе о том, кому надлежит заниматься этой проблемой. Сипо, руководившая еврейскими проблемами, считала себя уполномоченной решать вопросы, связанные со смешанными семьями. А гражданская администрация полагала себя тоже компетентной в этом деле, ссылаясь на документ министерства восточных территорий от 27 апреля 1942 г., где указывалось, что «если возникают сомнения», решение принимает генералкомиссар при участии начальника Сипо.

Из этих писем, написанных почти три года спустя после установления власти немцев в Латвии и за несколько месяцев до их изгнания оттуда, становится ясно, что вопрос о детях от смешанных браков занимал немецкие власти весь период их господства там.

На Волыни и в Полесье, находившихся в Рейхскомиссариате Украина, где, как и в остальных присоединённых к Советскому Союзу районах, количество смешанных семей и детей от смешанных браков было весьма небольшим, немецкие власти обращались с ними подобно тому, как управляли ими в Остланде. Еврейский супруг из смешанной семьи обычно разделял судьбу всех евреев, но жена-еврейка и дети от смешанных браков могли – на условиях, отмеченных выше – избежать еврейской участи. Факты существования детей от смешанных с евреями браков среди всего населения упоминаются в официальной газете Генералкомиссариата Волынь-Подолье от 1 сентября 1942 г. Газета опубликовала инструкцию гебитскомиссара Брест-Литовска под заголовком: «Дети от смешанных браков – евреи». В ней говорилось, что запрет имеет силу для браков неевреев с полуевреями. А браки с евреями на четверть должны получить разрешение генералкомиссара.[32]

***

Немецкие власти на оккупированных территориях по отношению к смешанным семьям и детям от смешанных браков не вели себя одинаково. На «старых» территориях, где было много смешанных семей и детей от смешанных браков, они руководствовались инструкциями министерства восточных территорий от 27 апреля 1942 г., по которым каждый, имевший одного родителя-еврея, считался евреем, и разделял судьбу всех евреев.

На аннексированных территориях женщинам-еврейкам из смешанных семей и их детям предоставили возможность избежать еврейской участи. Здесь обычно супруги-евреи крестились и прерывали отношения со своим народом. Небольшое их количество, видимо, явилось одной из причин принятия по отношению к ним со стороны немецких властей относительно мягких мер. Мужчинам-евреям из смешанных семей и даже крещеным евреям пришлось разделить судьбу остальных евреев.

Видимо, широкое сотрудничество местного населения на аннексированных территориях, особенно в Литве и Латвии, с немецкими властями также способствовало здесь другому отношению к членам смешанных семей. Местные жители видели в этих людях часть своей нации и своих семей, а церковь видела в них христиан. Немецкие же власти, будучи заинтересованы в укреплении сотрудничества с местным населением и в призыве местных граждан в полицию и в армию, не хотели возмущать население, затрагивая детей от смешанных браков. Несмотря на отсутствие статистических данных, можно предположить, что множество женщин-евреек в смешанных семьях на аннексированных территориях спаслись (часть – после их стерилизации). Уцелело и большинство детей от смешанных браков на этих территориях.

Нет данных о количестве погибших среди смешанных семей и их детей. Но принимая во внимание масштабы этого явления на «старых» территориях Советского Союза, можно предположить, что погибли десятки тысяч таких людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Левин, *Хроника общин Литвы...*, с. 48; Mendelsohn, *The Jews of East-Central...*, p. 245.
2. Мордехай Альтшулер, *Смешанные браки среди евреев Советского Союза между мировыми войнами,* Швут, 13 (1989), с. 22.
3. Там же, с. 36-39. По данным 1924-1927 гг., 28,7 процентов еврейских браков в Российской Федеративной Республике были смешанными – в три с половиной раза больше, чем в Белоруссии (5,5 процента) и на Украине (8,7 процента). На Украине процент смешанных браков среди евреев в 1936 году вырос до 43 процентов, в Белоруссии – до 25. В обеих республиках количество смешанных браков возросло за одно десятилетие в 4–4,4 раза.
4. Центральный государственный архив Литовской Советской республики, фонд R-1534, опись 1, дело 186 (далее: ЦГА Лит.ССР).
5. См. гл. 13, раздел Е по поводу определения, кто является евреем.
6. USHMMA, Reel 5. Документ взят в Рижском архиве, фонд R-70, опись 5, дело 34.
7. *Там же.*
8. Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР, фонд P-69, опись 1, дело 6 (далее: ЦГИА Латв.ССР).
9. Архив Яд Вашем, 0/18-172.
10. USHMMA, Reel 5. Документ взят из Рижского архива, фонд R-70, опись 5, дело 34.
11. Нюрнбергские Документы, PS-212, PS-213, PS-214, PS-215.
12. Центральный Государственный Исторический Архив Лат.ССР, фонд P-69, опись 1а, дело 6, л. 52-54.
13. Нюрнбергские Документы, NO-626; Флеминг, *Гитлер...*, с. 96.
14. Арад и др., *Неизвестная...,* с. 215.
15. *Там же,* с. 357.
16. Архив Яд Вашем, M-53/103, с. 6-8.
17. *Там же,* M-33/1213, с. 4.
18. *Там же,* M-33/108, с. 5.
19. *Там же,* M-33/36.
20. *Там же,* M-33/75.
21. Гроссман и Эренбург, *Чёрная книга...*, с. 229-230.
22. Корчак, *Пламя в золе...*, с. 22.
23. Тори, *Гетто...*, с. 409.

24. Глава юденрата в Вильнюсе Яков Генс был женат на литовке, и у них была дочь. Но несмотря на то, что они не развелись, его жена и дочь жили вне гетто, и им не причинили зла. Возможно, это было связано с положением Генса.
25. Крук, *Дневник...*, с. 446.
26. USHMMA, Reel 3, фонд R-69, опись 1а, дело 18. Документ взят из Рижского архива.
27. Архив Яд Вашем, М-33/1004, с. 9.
28. Штайн, *Барановичи...*, с. 542. В книге рассказывается о женщине – Битенской, которая получила разрешение покинуть гетто и вернуться к мужу-христианину при условии пройти стерилизацию. Стерилизацию производили в городской больнице. Подобное случалось там и с другими женщинами из гетто.
29. Центральный Государственный Исторический Архив Лат.ССР, фонд R-715, опись 1, дело 2, л. 369-370.
30. Центральный Государственный Исторический Архив Лат.ССР, фонд Р-1026, опись 1, дело 3, л. 203.
31. *Там же,* л. 202.
32. Amtsblatt des Geeneralkommissariats Wolhynien-Podolien, 1.9.1942, p. 32.

ГЛАВА 37

УБИЙСТВО ЕВРЕЙСКИХ ДЕТЕЙ В ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Советская власть при отступлении на восток оставляла позади себя в оккупированных районах детские учреждения с десятками тысяч детей: дома сирот, санатории для больных детей, центры, в которых содержались умственно отсталые дети, инвалиды и т.д. Все они, как правило, не были включены в число учреждений, эвакуируемых в советский тыл. С другой стороны, война также вызвала необходимость в некоторых местах в сложных условиях эвакуировать детей из родительских домов в глубь страны. Такое положение сложилось в осаждённом Ленинграде и других городах, подвергавшихся тяжёлым бомбёжкам. Часть эвакуированных оттуда детей послали в далёкий советский тыл, а многих – в места, которые немцы оккупировали на более позднем этапе, главным образом в район Краснодара, где они оказались под властью немецких оккупантов.[1]

В детских домах, которые остались в оккупированных немцами районах, содержались тысячи еврейских детей. Среди персонала – руководителей, воспитателей, врачей и сестёр – также насчитывалось много евреев. Все они – и дети, и взрослые – были изъяты из этих детских учреждений и убиты.

Обнаружение находящихся в учреждениях детей и идентификация их как евреев во многих случаях осуществлялись членами персонала – неевреями, которым было поручено ухаживать за детьми. В документе, касающемся центра для умственно отсталых детей в посёлке Преслав Приморского района Запорожской области, повествуется:

«В октябре месяце 1941 г... директором Преславской колонии для дефективных детей был назначен Рупчев Илья Прокофьевич... Через несколько дней после вступления Рупчева в должность, в октябре 1941 г. в колонию приехали два немецких офицера и переводчик Шлендер Леонид, по национальности немец... Приехавшие совместно с Рупчевым осмотрели хозяйство колонии, а затем во время разговора их с фельдшерицей Дмитриевой, к ним подошёл рабочий колонии Рупчев Николай и попросил переводчика Шлендера Леонида передать офицерам о том, что в детской колонии имеется большое количество еврейских детей... Переводчик просьбу Рупчева передал немецким офицерам, последние усмехнулись и на это ничего не ответили. После отъезда немецких офицеров, директор колонии Рупчев дал распоряжение заведующему корпусами Казаченко Татьяне Трифоновне составить списки на всех детей с указанием возраста и их национальности. Когда составлялись эти списки, в колонии упорно распространялись слухи о подготовке к расстрелу детей еврейской национальности. Рабочие Осминкин и другие советовали директору колонии Рупчеву не указывать в спис-

ке евреев и этим спасти их от расстрела, но Рупчев категорически отказался это сделать. После составления списков, Рупчев отвёз лично их немецкому коменданту Вольфу, который в присутствии Рупчева просмотрел списки, отметил карандашом фамилии детей еврейской национальности и приказал расстрелять всех детей еврейской национальности. 30 октября 1941 г. в колонию на автомашинах приехали два немецких офицера и с ними группа немецких солдат. Одним из офицеров было дано распоряжение директору колонии Рупчеву собрать всех детей колонии в столовую. Когда дети собрались, Рупчев И.П. по списку начал вызывать детей еврейской национальности, которых немецкие солдаты сразу же хватали и группами по 10 человек выводили за столовую колонии и там возле ям, подготовленных для закладки на зиму овощей, расстреляли 47 детей еврейской национальности. После расстрела детей, один из офицеров, через переводчика, обратился к фельдшерице Дмитриевой с предложением указать больных и нетрудоспособных детей. Дмитриева заявила, что в больнице лежит несколько больных детей, которые должны скоро умереть и указала изолятор, в котором находилось около 25 больных детей с наличием признаков идиотизма. Этих детей также немецкие палачи расстреляли».[2]

Вышеприведенное описание базируется на показаниях Ильи Рупчева и других членов персонала детской колонии, которые после освобождения района Советской Армией были допрошены в октябре-ноябре 1943 г. и преданы суду. Фельдшер Дмитрова во время следствия на вопрос «Была ли у них какая-либо возможность спасти детей?» ответила положительно: «Если бы директор Рупчев и (Татьяна) Козаченко уничтожили личные дела детей и не указали в списках национальность».[3] В период убийства детей район находился под властью военной администрации.

В детском доме в деревне Липовенки Голованевского района Кировоградской области Украины в начале января 1942 г. казнили 36 еврейских детей. Дети были в возрасте от 4 до 9 лет, а одной девочке – 14 лет. Акция уничтожения производилась группой из 15 украинских полицейских из Голованевска под командованием командира Корда и при участии полицейских Рудого, Заставнюка, Плясенко и др. В убийстве детей принимал участие также районный врач фольксдойче Отто Шоль. Полицейские собрали детей, а затем в санях перевезли к яме позади конюшни, на территории детского дома. Детям сказали, что их берут на прогулку. Около ямы детям приказали раздеться и расстреляли их. Нескольких детей только ранили, их сбросили в яму живыми. Во время стрельбы были убиты также две собаки, которых сбросили в яму вместе с убитыми и ранеными детьми. В свидетельстве Николая Степановского, одного из работников детского дома, говорится: «В детский дом, в котором я работал в качестве бригадира, прибыла полиция, среди них я опознал Корда, полицейских… и немецкого врача Шоля. Они выбрали 36 детей, евреев по национальности, и расстреляли их возле детского дома».[4]

В детском доме села Михайловка Томаковского района Днепропетровской области 25 марта 1942 г. было убито 103 ребёнка. В отчёте ЧГК от 7 апреля 1944 г. об убийстве детей, а также группы евреев, проживавших в том же районе, в Степановском доме инвалидов, говорится:

«Для разгула, насилия и массового истребления мирных советских граждан, по приказу Никопольского гебитскомиссара Лидтке, в Томаковском районе выбрали Михайловский детский дом и Степановский дом инвалидов… От января по март 42 г., Михайловский детдом неоднократно посещал глав. врач Томаковской раймедбольницы Матюк П.К… и совместно с заведующим детского дома Авраменко Степаном составлял списки… «непригодных к жизни»… 25 марта 1942 г. в детский дом приехал гебитскомиссар с переводчиком и комендантом полицейского участка с. Михайловка, где приказал приготовить детей для отправки в другой дет. дом, а через несколько часов туда прибыло более 10 полицейских, в том числе Козлов Я. Я., Могда Г. Я… и другие – оцепили помещение детского дома и стали выталкивать детей на улицу, полураздетых и разутых детей погнали к противотанковому рву в полутора километрах северо-восточнее с. Михайловка, где и расстреляли».[5]

В другом документе, описывающем убийство детей в Михайловке, говорится:

«После учинённой зверской расправы над детьми в числе 128 человек и взрослыми евреями в числе 3 человек палач Могда вместе с полицейскими спустились в противотанковый ров, стали перевёртывать трупы детей, а живых расстреливали из пистолетов… Соучастник зверского истребления детей, бывший полицейский Козлов Я.Я. показал, что когда стали перевёртывать трупы детей, он заметил, что девушка, еврейка Лена, была ещё жива, и он её завалил трупами детей, тем самым хотел сохранить её, но это заметил один из полицейских и показал Лену палачу Могда. Когда Могда подошёл к Лене, она подняла голову и заявила: «Убивай, всё равно тебе пощады не будет». В ответ на эти слова Могда произвёл выстрел в голову и три выстрела в тело Лены».[6]

В деревне Дмитровка, около Бердичева, по дороге, ведущей к Житомиру, находился детский дом для сирот. Среди сирот было 70 детей-евреев. Попытка спасти их жизни путём крещения не помогла. На следующий день после посещения их гебитскомиссаром и членами городской управы Бердичева 70 еврейских детей были доставлены на Лысую Гору и расстреляны.[7]

В Минске, захваченном в конце первой недели войны, в оккупации остались все детские дома. В них содержались главным образом сироты. По имеющимся данным, в этих домах находилось около 2.000 человек, среди них 500-600 еврейских детей. Группы детей бродили по улицам города и среди руин разрушенных или сгоревших домов, организовывались в компании, которые занимались нищенством, воровством и преступлениями, чтобы выжить. Полиция устраивала на них облавы, и в лучшем случае часть их отправлялась в детские дома, про-

должавшие действовать в городе. Среди уличных детских компаний были также и еврейские дети убитых родителей. Они бежали из гетто или по пути к месту расстрела и присоединялись к уличным компаниям, пытаясь скрыть своё еврейство. Схваченных еврейских детей ждала одна судьба – их расстреливали.

Находились еврейские родители, которые в отчаянной попытке спасти детей выбирались украдкой из гетто, приносили младенцев к дверям детских домов и оставляли их там. Случалось и так, что родители, собираясь бежать из гетто и понимая, что с маленьким ребёнком им далеко не уйти, решали оставить его у дверей детского дома в надежде на то, что его подберут работники детского дома. Анна Гуревич, младенцем «подброшенная» у детского дома номер 3 в Минске, рассказывает в газетной статье под заголовком «Признана нежидовкой»:

«Когда мама меня «подкидывала» в детдом, она сунула мне в карман платьица записку: «Аня Патека, 1939»... И это слово – Патека, ставшее моей фамилией, сохранило мне жизнь. Разве с фамилией Гуревич я могла бы выжить?.. Это делало большинство бежавших из гетто. Они понимали: с детьми далеко не уйдёшь. Так, к примеру, сделала и моя мама, когда обменяла какое-то количество муки на «русский» паспорт и, став паней Зосей Матусевич, бежала в сторону Ивацевич, уводя за руку мою старшую сестру шести лет... Состав детей в детских домах постоянно обновлялся: дети умирали от болезней и голода а на их место тут же поступали новые сироты... Такая «текучесть» детского контингента заставляла оккупационные власти периодически проводить расовые чистки...

В Минске приказ об изоляции еврейских детей в детских домах немцы издали уже 20 июля 1941 г. То, что многие еврейские дети остались живы, – заслуга персонала, знавшего о еврейском происхождении воспитанников и спасавших их с риском для собственной жизни. К примеру, когда началось уничтожение Полоцкого гетто, несколько детей бежало почти из-под расстрела. Их приютили в местном детском доме. Но однажды бургомистр Полоцка Дмитрий Петровский и переводчик Фридрих Безер (подпольщики, погибшие осенью 1942 г.) предупредили директора детского дома, что немцы будут проводить селекцию, и тогда еврейских детей распределили между местными жителями, а позднее и вовсе переправили в партизанскую зону. Ни один из них не погиб... Немцы догадывались, что во время проверок в детских домах им не всех детей показывают, поэтому сюда они чаще всего приезжали по ночам. С фонариками обходили спящих детей, отбирали по выраженному внешнему виду, записывали их личный номер, а наутро заставляли приводить на экспертизу. Выделенных еврейских детей отправляли в гетто... Позднее детей из детдомов прямо увозили в душегубках к «ямам» или крематориям Малого Тростенца. В Акте «Об уничтожении детей Домачевского детского дома немецко-фашистскими захватчиками в июне 1941 – сентябре 1942 г.» (составлен 25 ноября 1944 г.) отмечено, что... 15 детей еврейской национальности в возрасте от 2

до 12 лет были изъяты и помещены в гетто, а затем 14 из них расстреляны... Были также случаи, когда инициаторами расовых чисток были директора детских домов. В обвинительном заключении по делу бывшего директора детского дома-яслей N 1 (3) г. Минска Петуховской А.Ф. (март 1945) отмечается, в частности, что «будучи лояльно настроена по отношению к немецким властям, (Петуховская) 6 января 1943 г. подала заявление на имя начальника отдела д/домов при Горуправе, в котором заявила о наличии в детдоме еврейских детей, в результате чего было отобрано, а затем увезено в закрытой машине СД 30 детей»... Мама разыскала меня в мае 1946 г. Больше года она ходила по детским домам и спрашивала девочку по имени Аня Патека шести лет... Так мне повезло второй раз в жизни: я не только выжила – меня ещё разыскала оставшаяся в живых мать».[8]

Немецкая армия, наступая летом 1942 года в направлении Сталинграда и Кавказа, оккупировала районы Краснодара и Ставрополя на юге России. В эти места со здоровым климатом были эвакуированы многие детские дома из Ленинграда, а также с полуострова Крым. В советском исследовании эвакуации детей из осаждённого Ленинграда отмечаются её причины:

«Помимо главной задачи – спасения жизни детей, эвакуация их преследовала и другую цель – она усиливала обороноспособность города, помимо облегчения продовольственного положения, она освобождала женские руки для нужд города-фронта... Женщины, отправив мужей на фронт, эвакуировав детей, сами уходили на окопные работы или жили на казарменном положении в госпиталях, на оборонных предприятиях или на объектах ПВХО [система противовоздушной и химической обороны]. Ещё одна цель и задача решалась детской эвакуацией – предотвратить беспризорность и безнадзорность детей в связи с уходом на фронт, а часто и гибелью их родителей... Из Ленинграда было решено вывести около 400 тыс. детей, в т.ч. ясельного возраста – 20 тысяч, дошкольного возраста – 140 тысяч и школьного – 240 тысяч детей...»[9]

Эвакуация детских домов из осаждённого Ленинграда осуществлялась главным образом весной и летом 1942 г. через Ладожское озеро. Она проходила в очень тяжёлых условиях, когда корабли, шедшие через озеро, а затем и поезда, перевозившие детей, подвергались бомбёжкам и артиллерийским обстрелам. Многие дети были убиты или ранены по пути в эвакуацию. Летом 1942 г. 30 детских домов отправили в Краснодарский край и рассеяли их там по дальним деревням. Немецкая армия в августе 1942 г. вошла сюда стремительно, и большинство детских домов не успело эвакуироваться. Тысячи детей, и среди них много евреев, оказались в руках немцев. В советском документе рассказывается о судьбе еврейских детей:

«Во время оккупации немцами [Краснодарского] края от детдомов были затребованы списки детей евреев на предмет изъятия их из детдомов. Заведующие детдомами изменили имена и фамилии де-

тей евреев и подали список сообщив, что детей евреев в детских домах нет. Воспитатели же евреи, а также дети и старики, жившие в станицах, были зверски убиты в количестве 400 человек. Дети же евреи в детдомах все остались живы».[10]

Это описание не соответствует реальности. Не все еврейские дети из ленинградских детских домов, эвакуированных в район Краснодара, остались в живых. В Ореховском детском доме недалеко от Майкопа в конце сентября или в начале октября 1942 г. на поверку выстраивалось примерно 300 детей. По списку, заблаговременно подготовленному руководителем администрации детского дома, из строя изъяли 11 или 13 еврейских детей, которых увезли оттуда и убили. Других детей, евреев по национальности, спрятали и спасли.[11]

На юге Ставрополья, в Карачаевской автономной области, в курортном городке Теберда, вблизи от города Микоян-Шахар, располагалось несколько детских санаториев для больных с хроническими заболеваниями. Среди их медицинского персонала было много евреев. В отчёте советской следственной комиссии говорится об убийстве там членов персонала и детей:

«11 декабря 1942 г. кровавое гестапо предложило 287 советским гражданам явиться на следующий день к 13 часам дня в гестапо, имея при себе до 100 килограммов наиболее ценных и необходимых вещей, с тем, чтобы затем якобы быть отправленными на тяжёлые работы в угольных шахтах Карачаевской области... Бухгалтер Тубинститута Фарбер София Соломоновна, 36 лет, ушла в лес и покончила жизнь самоубийством. Вслед за ней покончила самоубийством другая патриотка, врач Белкина Фрида Эмануиловна. 12 декабря 1942 г., с 12 часов дня, началась охота гестаповцев за своими жертвами, при этом нежелавших идти избивали и силой гнали в гестапо. К 15 часам дня немцы согнали в один из неотапливаемых корпусов санатория для учёных («Вагончик») 285 советских граждан, в числе которых было около 100 детей, начиная от грудного возраста. Двое суток несчастным, изнывавшим от холода, не давали ни пить, ни есть, силой отобрали деньги, золотые, серебряные вещи, шубы, меха и т.д... 14 декабря 1942 г., в 5 часов утра, всех 285 истерзанных, измученных советских граждан немцы погнали, под сильно вооружённым конвоем по дороге в сторону города Микоян Шахара. В полутора километрах от посёлка курорта Теберда, у подножья Лысой горы, немцы приказали несчастным положить в сторону от дороги ручные вещи... Затем два немца, не торопясь, по очереди подходили к своим жертвам и на глазах у всех остальных расстреливали их в затылок одиночными выстрелами из автоматических пистолетов... Среди зверски расстрелянных немцами были виднейшие представители советской медицины: крупный специалист в области лёгочного туберкулёза доктор Фрейнкман Абрам Львович, 46 лет... [перечисляется несколько десятков имён – все еврейские]. Список умерщвлённых 22 декабря 1942 г. больных детей и расстрелянных 14 декабря сотрудников курорта приложен к

делу».[12]

В документе нет слова «еврей» и никак не отмечается, что все 285 убитых были евреями. Только на основе упоминаемых в документе десятков собственных имён и/или фамилий и отчеств жертв можно установить, что все убитые были евреями. Это было частью советских властей политики – скрывать особую судьбу евреев, называя их «советские граждане».

Больной туберкулёзом еврейский ребёнок Вадим Маникер, эвакуированный из Крыма с санаторием, где он лечился, в Теберду,свидетел ьствовал:

«Мы прибыли в Тебердинское ущелье, в прекрасное туристское место, где сосредоточено было примерно около полутора тысяч детей, как я потом узнал, из различных санаториев южного берега Крыма... Мы там жили – не тужили до августа 42 г., когда туда пришли оккупанты... Примерно через две недели, некоторые наши медсёстры и почти все врачи-женщины, мужчин не было, появились с жёлтыми звёздами [Маген Давид]... Потом месяца через два мы опять услышали выстрелы, и все эти медсёстры и главный врач Елизавета Ильинична Шейман перестали появляться. Потом я уже узнал, что они были расстреляны... Всё-таки почему я остался жив? Елизавете Ильиничне Шейман я собственно обязан жизнью... Мне потом стало известно, что она подделала списки детей и против всех еврейских детей написала разные другие национальности... Тем не менее, это не помогло, потому что детей выдали медсёстры и санитарки, нееврейки, которые там работали. И из 54-х детей 52 были уничтожены и только остался жив я, который был относительным новичком или каким-то образом не заметили или не знали или не был похож на еврея, несмотря на имя, и осталась в живых ещё одна девочка по имени Валя Полякова, ... которую записали армянкой... Этих детей, 52, каким способом уничтожили? – В душегубке...»[13]

В рассказе Вадима Маникера содержится важнейшая деталь, которой нет в документе советской следственной комиссии, о выдаче еврейских детей нееврейскими сёстрами и санитарками санатория.

В район Краснодара были также эвакуированы детские дома из осаждённой Одессы. Один их них располагался в городе Армавир, на западе от Ставрополя. Старшая воспитательница этого детского дома Вера Ольшевская, русская, свидетельствует, что многие дети были евреями. Часть из них передали в семьи местных жителей. В августе 1942 г., при немецкой оккупации, в детском доме находилось около 80 детей. Местная городская управа назначила директора детского дома, и от него потребовали подготовить список еврейских детей. Такой список из 28 имён был им подготовлен. По словам Ольшевской, ей удалось удалить из списка половину имён. 14 детей, оставшихся в списке, в возрасте от 4 до 9 лет, забрали и убили.[17]

Убийство еврейских детей в детских домах и еврейского персонала, работавшего там, было частью уничтожения всех евреев на оккупиро-

ванной территории Советского Союза. Детей истребляли на территориях, находящихся под властью немецкой армии и военной администрации, а также в зонах немецкой гражданской администрации. За это ответственны все органы немецкого управления и местные муниципальные власти, в ведении которых находились детские дома, а также руководители и персонал детских домов. Тут ярко проявилось фанатичное стремление нацистов перебить всех евреев вплоть до нескольких еврейских детей, находившихся в детских домах в отдалённой казацкой станице или степном селении.

Убийство детей не ограничивается вышеупомянутыми случаями. Оно творилось во многих местах, о которых нет никакой информации. Немецкие убийцы, а также сотрудники детских домов – и те, кто готовил списки еврейских детей, обречённых на смерть, и те, которые стояли в стороне и не сделали ничего, чтобы их спасти, – все они предпочитали предать забвению эту жестокую историю. Из жертв, которые могли рассказать, что происходило, остались в живых только единицы. Из приведенных выше свидетельств ясно, что в тех детских домах, где руководители и персонал, не убоявшись несомненного личного риска, решались спасти детей, они смогли сделать это, хотя бы по отношению к части детей. Но не во всех детских домах у сотрудников обнаружились нужные желание и мужество. Те, кто делал это, заслуживают того, чтобы их отметить.

На оккупированных территориях немцы нашли также детские дома для детей, отстающих в развитии и/или тяжёлых инвалидов. Уничтожение еврейских и нееврейских детей вместе в этих детских домах не носило всеобъемлющего характера. Здесь, как правило, проводилась селекция, когда готовились списки «непригодных для жизни». Дети-неевреи с относительно малыми дефектами развития и пригодные для работы не пострадали. А еврейские дети в этих учреждениях были убиты все.

В городке Ейск на восточном берегу Азовского моря 9-10 октября 1942 г. солдаты айнзацкоманды 10 убили в душегубках 214 таких детей.[15] Жестокое убийство детей с отсталым развитием и инвалидов в детских домах на оккупированных территориях осуществлялось также и в других местах на оккупированных территориях.[16]

О количестве еврейских детей, находившихся в детских домах для сирот и в различных лечебных учреждениях на оккупированной немцами территории, нет стабильных данных. Их были тысячи, а, может быть, десятки тысяч. Подавляющее большинство их уничтожили. Спаслись очень немногие, кому удалось скрыть свою национальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Яд Вашем, документ N 8311, обширное научное обозрение эвакуации детей из осаждённого Ленинграда, подготовленное Историческим музеем Ленинграда в 1984 г. Название обозрения – «*Спасённое поколение*». Редактор обозрения – Д.И. Клибсон (далее Клибсон, *Спасённое поколение...)*.
2. Архив Яд Вашем 33/52 М, с. 2-5. Этот документ – отчёт о расследовании, который был послан в Москву руководителем НКВД Украины Рясновым в октябре 1943 г. В отчёте

сообщается об аресте директора Ильи Рупчева и других членов персонала колонии. К документу приложены отрывки из показаний семи обвиняемых, в которых они признаются в подготовке списков детей и в том, что они знали о цели своей деятельности – казни детей.

3. *Там же,* с. 19. Татьяна Козаченко была ответственной за список и личные дела детей.
4. Архив Яд Вашем 048/91. В 1987 г. в Кировограде, в областной газете «Кировоградская правда» была опубликована статья С. Миколаенко с описанием убийства еврейских детей. Подлинное имя Миколаенко – С.Матусяк.
5. Архив Яд Вашем, М-33/673.
6. П.И. Денисенко и др. (ред.), *Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945*, том 3. – Киев, 1985, с. 226. Отчёт секретаря Днепропетровского обкома Коммунистической партии Центральному Комитету Коммунистической партии Украины от 8 февраля 1944 г.
7. С. Елисаветский, *Бердичевская трагедия*. – Киев, 1991, с. 36.
8. Минская газета на русском языке «Весна», 1994, номер 2, с. 15.
9. Клибсон, *Спасённое поколение...,* с. 6-7.
10. *Там же,* с. 44.
11. Эсфирь Малих, *Двадцать лет и три дня*. – Москва, 1965, с. 67-68. Руководителем детского дома, которая, по-видимому, подготовила список еврейских детей, была Татьяна Зинкова, ореховская жительница.
12. *Документы обвиняют*, выпуск 2, под ред. О. Сенекиной. – Москва, 1945, с. 162-164.
13. Архив Яд Вашем 03/5949, с. 2-3, 5. Это свидетельство касается убийства и количества жертв только в санатории, в котором находился Вадим Маникер.
14. Архив Яд Вашем М-33/286, показания Веры Ольшевской от 13 августа 1943 г. советской следственной комиссии.
15. Архив Яд Вашем М-33/287, свидетельство врача Владиславы Аникеевой, работавшей в этой больнице; Klee and Dressen, *Gott mit uns*. – Frankfurt am Main, 1989, с. 89-96.
16. Klee and Dressen, *Got mit uns...*, с.89 – отрывок из отчёта немецкой военной полиции в июле 1942 г. об убийстве 113 умственно отсталых детей и инвалидов в районе городка Исаково, недалеко от Вязьмы, в центре России; там же, с. 93, свидетельство об убийстве 42 таких детей в Краснодаре в сентябре 1942 г.; там же, с. 95, свидетельство об убийстве 60 детей в Харькове зондеркомандой 4а в конце августа 1942 г. В отчётах ЧГК анализируются дополнительные случаи убийства детей с отсталым развитием и инвалидов в различных местах на оккупированных территориях.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
ГРАБЁЖ ИМУЩЕСТВА И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ГЛАВА 38

РАЗГРАБЛЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А. ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРЕЙСКОГО ИМУЩЕСТВА

Немецкие власти на оккупированных территориях Советского Союза занимались грабежом всего, что представляло малейшую экономическую ценность и принадлежало евреям. Однако размеры такой собственности были ограничены. В первые годы после Октябрьской революции советские власти конфисковали частную собственность своих граждан, включая мастерские, большие здания, землю, банки и другое имущество. Та же участь постигла и принадлежавшие еврейским общинам и организациям школы, синагоги, больницы и культурные учреждения. Как и всем советским гражданам, евреям разрешалось иметь минимум собственности: квартиру, обычно совсем небольшую, с необходимой мебелью и предметами домашнего быта, одежду и личные вещи, ограниченное количество денег и ценностей. Таково было положение на «старой» территории СССР.

На территориях, аннексированных Советским Союзом в 1939–1940 гг., дело обстояло немного иначе. Там часть еврейского населения принадлежала к среднему классу, а некоторые даже могли считаться довольно состоятельными. Однако в первые же недели и месяцы советского правления власти предприняли немедленные шаги по национализации фабрик, частных производств и зданий. Квартиры и их содержимое обычно оставляли владельцам, за исключением случаев, когда человек объявлялся «врагом народа» противником советского государства. «Врага» депортировали в глубь страны. Все эти меры нанесли тяжелый удар по финансовому положению евреев, многим из которых оставили только минимальные средства существования.Тем не менее, евреи аннексированных территорий имели все же больше собственности, чем их собратья в «старой» части Советского Союза.

Однако, даже при отсутствии точной информации, нет никаких сомнений, что все советские евреи, на какой бы территории СССР, «старой» или новой, они имели несоизмеримо меньше какой бы то ни было собственности, чем евреи Центральной и Западной Европы. Не имели они и обычной для европейских еврейских общин коллективной собственности вроде больниц, школ, клубов, синагог и т.д. С другой стороны, благодаря очень большому числу евреев на оккупированных Германией советских территориях общие размеры их личной собственности и ценностей составили огромную сумму.

Что представляла собой эта собственность? Во-первых, жилье и все его содержимое, покинутое сотнями тысяч евреев, которые бежали или были эвакуированы на восток, в глубь страны. Во-вторых, сотни тысяч квартир, оставленных евреями, изгнанными на смерть или в гетто, и имущество в этих квартирах. И в-третьих, все личные вещи, деньги и ценности, оставленные жертвами после их убийства.

Б. ОРГАНЫ НЕМЕЦКОЙ ВЛАСТИ, ВЕДАВШИЕ ВОПРОСАМИ ЕВРЕЙСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

За хозяйствование на оккупированных территориях Советского Союза в зонах военной администрации отвечал штаб Управления экономикой Востока, который имел представительства во всех армейских группах – Север, Центр и Юг – и в подчинённых им структурах вплоть до ортскомендантур.

В областях, находящихся под контролем немецкой гражданской администрации, вопросы использования ресурсов оккупированных территорий на благо военной экономики Германии и для удовлетворения нужд самих местных властей решали рейхскомиссары и подчиняющиеся им административные органы.[1]

Каждая из этих структур рассматривала себя в качестве единственной, имеющей право руководить процессом распределения и дальнейшего использования еврейской собственности. В свою очередь, органы СС, в частности айнзацгруппы и подразделения Сипо считали, что именно они наделены правом решения всех проблем, касающихся евреев, включая судьбу всей принадлежащей им собственности. В результате между этими разными ведомствами возникли разногласия и споры по вопросам, касавшимся еврейской собственности.

Директивные документы

В меморандуме Министерства Восточных оккупированных территорий было записано: «Необходимо конфисковать все имущество, принадлежащее евреям, за исключением личных вещей, необходимых для существования». Во «Временных распоряжениях» Г. Лозе от 13 августа 1941 г. оговаривалось, что еврейская собственность должна быть конфискована и зарегистрирована.[2]

Однако к моменту, когда Лозе и гражданская администрация начали действовать, они обнаружили, что часть еврейского имущества уже конфискована или разграблена. Армия и военная администрация, контролировавшие оккупированные территории до того, как были сформированы гражданские власти, конфисковали немало зданий и имущества. Они также успели изъять деньги и ценности на миллионы рейхсмарок. Айнзацгруппы и подразделения как немецкой, так и местной полиции, проводившие акции уничтожения евреев, сами присваивали имущество своих жертв. Многие местные жители занимали дома расстрелянных евреев, грабя все, что только возможно.

«Временные распоряжения» Лозе от 13 августа 1941 г. имели неяс-

ные формулировки: в них не подчеркивалось, что конфискация еврейского имущества должна производиться срочно, и ничего не говорилось о собственности, уже прежде конфискованной воинскими частями или присвоенной местными жителями. 13 октября 1941 г. Лозе издал подробные «Инструкции по передаче еврейской собственности в распоряжение рейхскомиссариата Остланд»:

«Вся собственность, движимая и недвижимая, принадлежащая евреям, проживающим на территории рейхскомиссариата Остланд, должна быть конфискована... Конфискация должна проводиться рейхскомиссариатом Остланд или учреждениями, получившими от него соответствующие полномочия... Наказание в виде тюремного заключения и/или штрафа будет налагаться на:

а) лиц, пытающихся скрыть от немецких гражданских властей... любой предмет собственности или любым другим путем избежать его конфискации;

б) любого, кто намеренно или по халатности не исполнит свой долг сообщать властям об информации, касающейся еврейской собственности;

в) ...если имеет место чрезвычайно серьезное преступление, обвиняемый должен быть приговорен к смерти...

Приказ вступает в силу со дня его официального оглашения».[3]

Целью этого приказа было подчеркнуть, что не структуры СС или армии, а только гражданская администрация имеет право распоряжаться еврейской собственностью. 1 декабря 1941 г. Лозе издал приказ о создании «Управления по использованию конфискованного имущества» (Treuhandverwaltung) для централизации деятельности, связанной с вопросами еврейской собственности.[4]

Самой сложной проблемой, с которой столкнулись немецкие оккупационные власти, был сбор достоверной информации о еврейской собственности, в частности о количестве принадлежащего евреям жилья и находившегося в нем имущества. Задача регистрации еврейской собственности была поручена гебитскомиссариатам. Они, в свою очередь, поручили эту работу подчинённым им местным властям, а именно – руководителям городских и сельских администраций. Например, приказ гебитскомиссара Минска Ганса Кайзера от 14 октября 1941 г. гласил:

«К 1 ноября 1941 г. должен быть составлен отчет по всей еврейской собственности. Все, кто владеет какой-либо еврейской собственностью или использует ее... обязаны представить отчет. Все эти лица должны сдать свои отчеты главам местных административных органов».[5]

За приказом Кайзера последовала инструкция начальника Минского района М. Контовта, которая гласила: «Вся собственность, оставшаяся после евреев, должна быть передана в гебитскомиссариат Минска до 25 октября 1941 г.».[6] Аналогичные приказы были отданы и другими гебитскомиссарами.[7] В приказе гебитскомиссара области Лиепая в Латвии доктора Волтера, изданном в октябре 1941 г., говорилось, что

главы городских и сельских администраций отвечают за сохранение еврейской собственности и представление ему её полного перечня. Чтобы поощрить своих подчиненных за составление подобного отчета, Альнор писал:

«Я согласен с необходимостью отдать предметы быта, представляющие минимальную ценность, тем, кто заслуживает этого и действительно нуждается, пусть даже взяв с них взамен определенную плату. Что касается другой собственности, она может распределяться и использоваться только согласно моим прямым распоряжениям».[8]

Еврейская собственность, как и принудительный труд евреев, была средством пополнения бюджета и обеспечения нужд немецкой гражданской администрации. Именно поэтому гражданские власти изо всех сил старались приобрести право полного контроля над поступлением доходов из этого источника. В начале августа 1942 г. Лозе поручил решать вопросы, связанные с еврейской собственностью, доктору Карлу Фридриху Вилону, руководителю финансового отдела рейхскомиссариата Остланд.[9] 27 августа Вилон издал директиву для генералкомиссаров, в которой среди прочего указывалось:

«Предметы из золота и серебра должны быть конфискованы и посланы в кредитный банк Рейха в Риге и переданы в мое дальнейшее распоряжение… Их передача в Управление по использованию ценностей (Verwertungsstelle) в Берлине будет проводиться централизованно из Риги… Одежда и ткани, собранные и до сих пор не переданные в отделы снабжения, должны быть отосланы в центр текстильного производства Ostlandfaser GmbH… В случае, если какие-либо предметы собственности были проданы, средства, вырученные от продажи, должны быть немедленно переведены на специальный счет финансового отдела рейхскомиссариата…»[10]

Одной из целей приказа Вилона была гарантия того, что финансовые средства, полученные в результате конфискации еврейской собственности, не останутся в генералкомиссариатах Белорусии, Литвы, Латвии и Эстонии, а будут переведены на счет рейхскомиссариата Остланд.

Еврейская собственность не переставала волновать высшие эшелоны гражданских властей на оккупированных территориях. 7 сентября 1942 г. Министерство Восточных территорий издает инструкцию рейхскомиссарам Украины и Остланда, касающиеся конфискации и продажи еврейской собственности, собственности советского государства и собственности, не имеющей владельца. В инструкции конкретно указывалось, в какие берлинские учреждения следует переправлять конфискованное имущество, что рейхскомиссарам разрешается оставить в распоряжении местных властей (мебель, домашнюю утварь) и что необходимо распродать (одежда, ткани и т.п.). Средства от продажи драгоценных металлов в Берлине должны были перечисляться на счет Министерства Восточных территорий.[11]

14 октября 1942 г. Лозе издал дополнительный приказ, в соответс-

твии с которым все, кто должен был евреям деньги, обязаны были доложить об этом властям. Другими словами, гражданская администрация теперь считалась владельцем всех долгов местных жителей евреям.[12]

Распоряжение еврейской собственностью в рейхскомиссариате Украина напоминало ситуацию в рейхскомиссариате Остланд. Но рейхскомиссар Украины Эрих Кох по сравнению с Лозе оставил значительно меньше документов и не уделял столько внимания деталям.[13] Когда 7 сентября 1942 г. Кох получил приказ от Министерства Восточных территорий конфисковать всю еврейскую, а также оставленную владельцами собственность, он ответил:

«Исполнить это предписание политически и организационно невозможно. Принадлежавшие евреям ценности и золото уже конфискованы. Оставшуюся собственность составляли в основном предметы мебели, часть которых уже использована в наших учреждениях, а все остальное сожжено… Заставить людей заплатить нам их долги евреям – это, по моему мнению, самонадеянность, которая невыполнима в военное время».[14]

На территориях, находившихся под контролем военной администрации, возникали те же столкновения с другими структурами, прибравшими к рукам контроль над еврейским имуществом и бывшей собственностью советского государства. Приказ от 19 октября 1941 г. генерала Макса фон Шенкендорфа, командующего тыловыми районами группы армий Центр, гласил:

«Нужно еще раз подчеркнуть, что единственной структурой, уполномоченной решать все вопросы, касающиеся конфискации или других действий, связанных со всеми видами собственности – будь то еврейская, вражеская, бывшая немецкая собственность или присвоенная советским государством – является штаб Управления экономикой Востока».[15]

В. РАЗГРАБЛЕНИЕ ДЕНЕГ И СОБСТВЕННОСТИ

Контрибуции были одной из первых форм присвоения еврейских денег и ценностей. Во многих местах немецкая администрация, как военная, так и гражданская, накладывала на евреев контрибуцию в деньгах или ценностях на определенную сумму. От юденратов требовали собрать этот налог в течение чрезвычайно короткого времени и передать его немецким властям. Поборы преследовали две цели: во-первых, разорить евреев; во-вторых, быстро финансировать нужды местной немецкой администрации. Размеры контрибуции определялись произвольно и формально нигде не регистрировались, евреям не выдавалось никаких документов, подтверждающих факт получения от них какой-либо суммы. Часть собственности, в основном золото и другие ценности, присваивалась чиновниками местных административных структур. Один из таких примеров – «налогообложение» евреев в Вильнюсе.

6 августа 1941 г. Франц Мюрер, управляющий еврейскими вопросами в гебитскомиссариате Вильнюс, вызвал представителей юденрата

и приказал доставить ему два миллиона рублей (10 рублей = 1 немецкая марка) или ценностей на эту сумму к 9 часам утра следующего дня и ещё три миллиона рублей к концу дня. Он пригрозил, что если требование не будет выполнено этими представителями юденрата к указанному времени, то другим членам юденрата будет поручено часом позже забрать их мертвые тела. Новость быстро распространилась среди евреев. Были организованы районные комитеты, и начался сбор денег, золота и других ценностей.

Собрать такую огромную сумму с населения, доведенного войной и советской властью практически до обнищания, было тяжело. Не хватало времени, и к тому же для евреев был введен строжайший комендантский час с 6 часов вечера до рассвета. К назначенному Мюрером сроку собрали 667.000 рублей и полкилограмма золота. Большинство жителей гетто верило, что если требуемая сумма будет немцам передана, это сохранит им жизнь и поможет вернуться тысячам угнанных евреев, о судьбе которых ничего не знали. Собранные деньги и ценности вручили Мюреру в назначенное время. Ему сообщили, что сбор оставшихся средств продолжается. Двое из трех представителей юденрата были отправлены в тюрьму. После многочисленных угроз и длительных переговоров между юденратом и Мюрером, он согласился отложить последний срок выплаты еще на несколько дней. В конечном итоге он получил 1.490.000 рублей, 16.5 кг золота и 189 наручных часов. Мюрер не дал никакого документа, подтверждающего получение им денег и ценностей. Его встречи с представителями юденрата проходили на улице, недалеко от здания гражданской администрации.[16] Не существовало ни свидетелей, ни протоколов этих встреч. Есть все основания считать, что значительная, если не большая часть денег и ценностей попала в карманы немецких чиновников.

18 июля 1941 г. военная администрация Барановичей приказала юденрату собрать 5 кг золота, 10 кг серебра и 1 миллион рублей. Гражданская администрация, которая пришла на смену военной в августе 1941 г., потребовала от юденрата города еще 2 миллиона рублей.[17] Евреям Брест-Литовска велели выплатить 5 миллионов рублей; евреев Пинска обязали сдать властям 20 кг золота; у еврейского населения Ровно потребовали 12 миллионов рублей.[18] Евреям Львова приказали выплатить 20 миллионов рублей якобы для восстановления ущерба, нанесенного городу военными действиями, причиной которых были евреи.[19] У евреев Минска потребовали 300 тыс. рублей якобы на покрытие расходов по их поселению в местном гетто.[20] В Борисове (Восточная Белоруссия) у евреев изъяли 300 тысяч рублей; в Днепропетровске – несколько миллионов.[21] Харьковские евреи были вынуждены собирать такие контрибуции не единожды, причем с каждым разом требуемая сумма возрастала.[22] От еврейской общины города Орша в восточной Белоруссии потребовали доставить немецким властям более 150 тысяч (или 250 тысяч) рублей.[23] Подобным поборам подвергались еврейские общины почти повсюду на оккупированных территориях.

Хотя гражданские и военные власти считали себя единственными

распорядителями еврейской собственности в своих зонах, на практике все без исключения немецкие оккупационные структуры грабили евреев или требовали, часто через юденраты, собрать определенное количество денег и ценностей. Юденрат, сознавая, что жизнь евреев зависит от этих властей, вынужден был выполнять их требования. Сохранился уникальный документ юденрата Брест-Литовска «Взносы юденрата в Брест-Литовске для немецких властей с 5 октября 1941 г. по 10 февраля 1942 г.», где подробно указаны органы, занимавшиеся вымогательством, а также затребованные и полученные ими предметы еврейской собственности и их стоимость в денежном выражении. В документе среди немецких структур перечислялись генералкомиссариат, СС, муниципальные власти, вермахт, гебитскомиссариат, региональное управление сельским хозяйством, управление труда и другие (очевидно, имелись в виду местные городские власти, местная полиция и т.д.). Список имущества охватывает мебель, постельные принадлежности, кухонную утварь и другие предметы, инструменты, обувь и зимнюю одежду. Общая стоимость переданных предметов 293.560 рейхсмарок (2.935.600 рублей) – сюда входила также стоимость вещей, отданных немецким властям прежде, в июле – сентябре 1941 г.[24] Сюда надо ещё приплюсовать наличные деньги, которые были конфискованы у евреев в первые дни оккупации – тогда евреев заставили заплатить контрибуцию в пять миллионов рублей. Все эти суммы и список предметов не включали квартир и оставшегося в них имущества, принадлежавших местным евреям, переселённым в гетто в ноябре – декабре 1941 г. В документе также не учтены вещи, оставшиеся от евреев после ликвидации гетто и убийства его обитателей в октябре 1942 г. Общую стоимость этой собственности подсчитать невозможно. Почти во всех больших и малых городах на оккупированных территориях Советского Союза судьба еврейской собственности была такой же.

25 сентября 1941 г., после переселения евреев Вильнюса в гетто, городские власти послали отчет гебитскомиссару города о конфискации принадлежащих евреям 429 жилых квартир. Отчет был неполным, и в нем указывалось, что дальнейшая информация касательно зданий, мебели, одежды, инструментов и других конфискованных предметов будет представлена в ближайшее время.[25] Еще в одном отчете из Вильнюса, датированном 22 октября 1941 г., сообщалось, что после уничтожения евреев в Понарах (Панеряй) одежда и другие предметы общим весом 6.350 кг были отправлены на склад «сырьевого центра» в Вильнюс.[26] 17 декабря 1942 г. гебитскомиссар Вильнюса переслал рейхскомиссару в Ригу 1.200 золотых предметов, из них 516 обручальных колец и приблизительно 150 золотых рублей и долларовых монет.[27] Летом 1942 г. Петерсен, гебитскомиссар Глубокого (Белоруссия), отправил рейхскомиссару Белоруссии 7,3 кг золота, 20 золотых рублей царской чеканки и 210 золотых долларовых монет.[28]

После того, как Львов вошел в состав генерал-губернаторства, здесь немедленно появились немецкие фирмы и бизнесмены. Они получили разрешение от местных властей выселять евреев из квартир,

конфискуя помещения и их содержимое. В городе имелись квартиры, в которых раньше жили состоятельные еврейские семьи. Квартира Мауриция Елерханда, профессора Львовского университета, была передана одной из немецких фирм. В своем дневнике он писал:

«6 августа 1941 г. ко мне в комнату зашел человек… и зачитал с листка бумаги, который он держал в руках: «Эта квартира конфискована. Вам разрешается взять с собой только одежду и нижнее белье, золото и серебро. Все остальное должно быть оставлено в квартире». Он продолжал, указав, что квартира должна быть передана к полудню следующего дня, иначе будет вызвана полиция, и добавил: «Тогда вы попадете отсюда в намного худшие условия…» Человек, принесший приказ о конфискации, был директором венской фирмы «Kompos»… В квартире была библиотека, насчитывающая несколько тысяч книг…».[29]

В другом львовском дневнике Шмуэль Чортковер описывал разграбление еврейской собственности 8 декабря 1941 г., в период переселения евреев в гетто:

«Прибыли два грузовика в сопровождении подразделений полиции под командованием майора. Они разбились на несколько групп и ворвались в дома… Грузовики вскоре были заполнены чемоданами, серебряными подсвечниками, столовыми приборами, подушками … Жильцов заставляли раздеваться донага и обыскивали. Они сами должны были сносить в машины наиболее тяжелые мешки».[30]

Грабежи продолжались даже после выселения евреев в гетто. В Каунасе власти дали евреям месяц на выселение в гетто и позволили взять с собой все свои вещи. Такая «щедрость» со стороны немецкой администрации была временной и, безусловно, ей же на пользу. Власти рассчитывали, что намного легче отобрать собственность у евреев, собранных в гетто, чем обыскивать тысячи квартир, разбросанных по всему городу. Через несколько дней после переселения евреев в гетто, с 19 августа по первую неделю сентября 1941 г., немецкие и литовские полицейские проводили там обыски, переходя из дома в дом. Свидетель Лейб Гарфункель писал:

«Во время обысков немцы вели себя грубо и чрезвычайно жестоко… Всех женщин сгоняли в одну комнату, приказывали им раздеваться и затем проводили тщательный обыск. Некоторые женщины подвергались «гинекологическому» осмотру. В последние дни обысков солдаты уже не довольствовались избиением; каждый день они убивали несколько евреев, которые якобы пытались что-то спрятать… Это делалось с целью запугать евреев до такой степени, чтобы они беспрекословно отдавали все, что у них было… 6 сентября Совету старейшин [юденрату] было приказано Джорданом [чиновником гебитскомиссариата, курирующим гетто] немедленно прислать несколько представителей… Джордан был в ярости, когда они вошли: «Вы, евреи, живущие в гетто, обязаны передать нам всю вашу собственность… За каждую ценную вещь, найденную у еврея, он будет расстрелян вместе с еще ста евреями, живущими

по соседству... На следующий день тысячи евреев нескончаемым потоком шли отдавать вещи, которыми они дорожили... Памятные минуты их жизни, жизни их матерей и отцов, бабушек и дедушек... часы, кольца, картины, ковры, фотоаппараты...»[31]

В Евпатории (Крым) евреям приказали сдать все ценные вещи и деньги, оставив только по 200 рублей на человека. Приказ заканчивался словами: «Невыполнение карается смертной казнью».[32]

События в Каунасе, Львове, Евпатории и многих других гетто можно назвать «официальным грабежом». Кроме того, были распространены «частные грабежи». Полицаи и немецкие солдаты врывались в гетто по ночам и отбирали последнее, что у евреев еще оставалось. Герш Смоляр вспоминал положение в минском гетто: «Самым ужасным из всех бедствий были ночные налеты... группы немецких солдат-мародеров начали все чаще и чаще навещать гетто по ночам. Они врывались в дома, проводили «осмотр», вынося все, что попадалось на глаза».[33] Очевидец событий в недолго просуществовавшем харьковском гетто, располагавшемся в бывших складах тракторного завода, рассказывал:

«Грабежи и убийства стали ежедневными. Обычно немцы врывались в дома под предлогом поиска оружия, а затем разворовывали все, что попадалось на глаза. Любого, кто пытался протестовать расстреливали на месте. За день до Рождества (1941) нам приказали собрать продукты и деньги на выпивку охранникам лагеря. Нищих и голодных людей заставили отобрать у детей последние граммы сахара и масла для того, чтобы их грабители устроили себе праздник. Каждый день фашисты требовали часы и одежду. Требования приходилось исполнять, потому что каждый раз они грозили смертью».[34]

Особым явлением в грабеже еврейского имущества был сбор мехов для немецкой армии. Вермахт оказался не готовым к зимним военным действиям. В конце декабря 1941 г. Геббельс обратился с призывом к немецкому народу и населению других европейских стран внести свой вклад в победу немецкой армии, пожертвовав шубы и другие меховые изделия на изготовление теплой одежды для немецких солдат. Здесь речь шла о добровольном пожертвовании, тогда как евреям просто приказывали в течение нескольких дней сдать все меховые вещи, а иногда и теплую зимнюю одежду. Приказ сопровождался угрозой: любой, у кого после обозначенного срока сдачи найдут меховую вещь, будет расстрелян. Юденраты призывали евреев собирать вещи.[35]

Руководители местной городской администрации также использовали еврейскую собственность как источник дохода и финансирования своей деятельности. 27 ноября 1941 г. бургомистр Киева В. Багазий приказал всем жителям города к 16 декабря представить письменный отчет с указанием всей еврейской и бесхозной собственности, находившейся в их распоряжении. В отчете также следовало указать, хотят ли нынешние обладатели этой собственности выкупить какие-либо конкретные предметы. Специальный городской комитет тогда оценит

их стоимость, а желающие приобрести их оплатят. За укрытие этой собственности власти грозили жестоким наказанием. Невыкупленную часть собственности следовало сдать городской администрации. Специальный городской комитет должен был также установить цены на предметы, сданные населением, а затем выставить их на продажу.[36]

Не существовало единой стандартной процедуры вступления во владение собственностью, оставшейся в еврейских квартирах, или той частью собственности, доходами от продажи которой местные власти могли распорядиться. В Киеве, как можно понять из приказа бургомистра, немецкая администрация позволила городским властям использовать на свои нужды средства от продажи собственности. В Белой Церкви на Украине главе городской администрации приказали собрать всё принадлежавшее евреям: одежду, постельное белье, инструменты и т.д. – и сдать в местный военный штаб.[37]

На территориях, контролируемых военной администрацией, использовали еврейские деньги и ценности для финансирования местной деятельности. Практически действовала следующая схема: валюта оставалась в распоряжении военной администрации, а ценности должны были переводиться в центральный банк Рейха в Берлине. Центральный банк переводил местной администрации наличные деньги – эквивалент стоимости полученных им ценностей. Пауль Айк, офицер по особым поручениям в комендатуре г. Орша в Белоруссии, свидетельствовал:

> *«Деньги никуда не отправлялись. Они оставлялись в управлении города… Управление города Орши не имело никаких средств, а деньги были нужны… Полевая комендатура мне приказала направить золото, серебро и другие ценности в Берлин… а управление города Орши могло получить деньги в банке Минска».*[38]

Во многих местах, собирая евреев для «переселения» (т.е. для казни), их обязывали взять с собой все наличные деньги и ценные вещи, поскольку все это им якобы может понадобиться на новом месте. В Ростове евреям было сказано: «Рекомендуется взять с собой все деньги и ценности». В Феодосии, в Крыму, евреям велели вернуться с места сбора в свои дома и забрать оттуда все спрятанные ими ценности. Примерно то же происходило повсюду.[39] В местах сбора перед расстрелом евреям, все еще не подозревавшим, что их ожидает, приказывали сдать все деньги и ценности. Ослушникам грозили расстрелом на месте. Авраам Смойш из города Мурованные Куриловцы на Украине свидетельствовал:

> *«На площади, где собрали евреев… солдаты СС открыли огромные мешки. Они приказали нам бросать туда все ценные вещи в помощь немецкой армии. Люди снимали кольца, браслеты и бросали все это в мешки. Солдаты СС предупредили нас, что тот, у кого найдут спрятанный ценный предмет, будет расстрелян немедленно. Когда все ценные предметы были сданы, они схватили Ицика Пришкольника и приказали ему полностью раздеться. Его обыскали, тщательно пересмотрели всю одежду и затем позволили одеться*

снова. После этого они объявили, что такому же осмотру будет подвергнут каждый. Люди начали бросать в мешки все, что им удалось спрятать».[40]

Такие же методы грабежа денег и ценностей применялись немецкой администрацией в Бердичеве и большинстве мест массового уничтожения евреев.[41]

Часть собственности, отнятой у евреев во время казней, была не передана гражданской или военной администрации, а оставлена в распоряжении айнзацгрупп, осуществлявших убийства. Как правило, они переводили ценности в Главное управление безопасности Рейха в Берлине. Иногда, в основном в начале оккупационного периода, айнзацгруппы пересылали валюту и ценности, конфискованные у евреев, в Управление военных трофеев при Министерстве финансов Рейха (Reichshauptkasse Beutestelle). Подразделения вермахта, принимавшие участие в убийствах и в грабеже еврейской собственности, а также представители военной администрации, завладевшие деньгами и ценностями убитых евреев, также отсылали часть награбленного в Управление военных трофеев.[42] В отчете айнзацгрупп от 13 июля 1941 г. о массовом уничтожении евреев в Вильнюсе записано: «Ежедневно ликвидируем около 500 евреев... Около 460.000 рублей наличными, а также множество ценных вещей, принадлежавших евреям, конфисковано как собственность врагов Рейха».[43] В результате акций уничтожения, проведенных айнзацкомандой 8, в общей сложности был конфискован 2.019.521 рубль. В других отчетах суммы достигают десятков и сотен тысяч рублей.[44]

Вещи, оставленные жертвами на месте убийства, иногда вместе с вещами, оставленными ими в квартирах, часто отсылались подразделениями айнзацгрупп для распределения среди местных немцев («фольксдойче»). Отчет айнзацгрупп от 7 октября 1941 г. о ликвидации 33.771 еврея в Киеве и 3.145 в Житомире также содержит сведения о передаче части конфискованной еврейской собственности местным немцам.[45]

В отчете айнзацгрупп от 16 января 1942 г. указано, что после ликвидации 1.538 евреев в Полтаве их одежда была передана в распоряжение бургомистра, который затем распределил ее среди местного населения, отдавая приоритет немцам по национальности.[46] Аналогичные сообщения можно найти в отчете местных властей г. Николаева за сентябрь 1941 г. В нем указано, что Сипо распределила одежду ликвидированных евреев среди нуждающихся местных немцев и украинцев. Бургомистру приказали конфисковать еврейские квартиры, передать часть движимого имущества армии и распределить квартиры среди местных немцев.[47]

В отчетах Берлину о конфискованных валюте и ценностях подразделения айнзацгрупп указывали далеко не всё то, что осталось на самом деле от их жертв. Большая часть денег и ценностей задержалась в руках личного состава айнзацгрупп, немецкой и местной полиции. Леонид Лангман из г. Пикова Винницкой области свидетельствовал:

«Почти каждый день полицаи врывались в один из еврейских домов и выносили все, что только могли унести. Потом они открыли магазин, в котором продавали награбленное. Они продавали вещи украинцам за копейки, а вырученные деньги тратили на выпивку. Украинские полицаи редко бывали трезвыми; в этом состоянии они и исполняли свои служебные обязанности, грабя и избивая».[48]

Старшие офицеры СС также принимали в этом участие. Проверка Контрольного управления Рейха (Reichrechnungshof) обнаружила в канцелярии начальника Сипо и СД в Станиславовском (ныне Ивано-Франковском) районе гауптштурмфюрера Ганса Крюгера деньги и ценности. Все это Крюгер собирался оставить себе и нескольким приближенным людям. В отчете о проверке говорилось:

«Из ряда вон выходящий случай выявлен в Станиславовском районе Галиции. Там было обнаружено огромное количество конфискованных денег и ценностей. При осмотре комнат сотрудника полиции В. работники контрольного управления Рейха обнаружили большое количество наличных денег, включая золотые монеты, и все виды валюты – даже 6.000 долларов, а также целые шкафы, заполненные чрезвычайно ценными ювелирными изделиями… Все это не было переписано и зарегистрировано… Обнаружено большое количество ценностей; их точную стоимость определить невозможно, но по приблизительным подсчетам она составляет несколько сотен тысяч рейхсмарок».[49]

Армия также не желала оставаться в стороне при дележе ценностей, оставшихся после уничтожения евреев. Генерал Отто Велер, начальник штаба 11-й армии, располагавшейся в Крыму, послал запрос в айнзацгруппу Д, которая действовала на той территории, по поводу часов, принадлежавших ликвидированным евреям. 12 февраля 1942 г. от командира айнзацгруппы Д Отто Олендорфа пришёл ответ:

«1. По поводу часов, конфискованных в ходе операций по уничтожению евреев… Ценные экземпляры (золотые и серебряные часы) были отосланы в казначейство в Берлин согласно соответствующему приказу. Остальные часы, не представлявшие особой ценности, были переданы представителям вооруженных сил (офицерам и солдатам срочной службы) и личному составу айнзацгруппы Д за символическую цену или в подарок, в зависимости от каждого конкретного случая.

2. Деньги, конфискованные в ходе операций по уничтожению евреев, были направлены, согласно приказу, в кредитный банк Рейха, за исключением небольшой суммы, оставленной для служебных целей (зарплаты и т.д.)».[50]

Ответ Олендорфа не удовлетворил командование 11-й Армии. Ему послали телефонограмму с указанием сдать все имеющиеся у него часы. Во втором письме от 12 февраля 1942 г. Олендорф писал:

«От коменданта г. Симферополя по телефону я узнал, что командование армии требует сдать все имеющиеся в нашем распоряжении часы, конфискованные в ходе операций по уничтожению евреев,

для использования в служебных целях. В связи с этим я направляю 120 карманных и наручных часов, которые к этому времени уже отремонтированы. Остальные 50 штук в данный момент ремонтируются, и некоторые из них, возможно, будут полностью отремонтированы. Пожалуйста, сообщите, нуждается ли армия в часах, которые остались».[51]

Рядом с последней строкой в документе от руки написано «Да».

Немецкие власти также распределяли еврейское имущество среди своих пособников в борьбе против советских партизан. В немецком документе от 12 ноября 1943 г. среди жителей города, пострадавших от партизан, упоминается некто Н. Тарасюк. Согласно документу, ему было выдано два халата, два женских пальто и т.п. – всего 26 предметов одежды из конфискованного еврейского имущества.[52]

Тысячи квартир были заняты местными жителями после исчезновения их соседей-евреев. Часть их присвоили сотрудники местной полиции и администрации и их родственники. Там, где создавались гетто, людей, проживавших прежде на месте гетто, нужно было куда-то переселять. Вместо своих квартир они получали квартиры, конфискованные у евреев. В результате бомбежек и боевых действий повсеместно появлялось множество людей, оставшихся без крова; для них отнятые у евреев квартиры были выходом из положения. Более того, среди местных жителей находились и желающие переехать в более просторную квартиру. В г. Белая Церковь на Украине женщина по фамилии Груневич написала письмо в жилищный городской отдел, в котором сообщила, что она и члены ее семьи живут в слишком тесной квартире. Она просила разрешения занять находившуюся в том же здании бывшую квартиру еврейской семьи Пятигорских, в которой были две комнаты и кухня.[53] В письме указана дата 2 сентября 1941 г. – через две недели после массового убийства здешних евреев. Без сомнения, семья Пятигорских была в числе убитых. Яков Ганин из г. Бешенковичи, в Восточной Белоруссии, рассказывал:

«У нас был учитель математики Иван Михайлович Ивицкий (он был моим учителем), он стал начальником полиции. Он сам занял один из еврейских домов. Другие полицаи тоже грабили еврейские дома и селились в них... Мы жили в одном доме с семьей Гуревичей. Но одному из полицаев приглянулся дом, и нас всех заставили выселиться».[54]

Переселение евреев в гетто или их вывоз на массовое уничтожение стали для местных жителей прекрасной возможностью обогатиться за счет еврейской собственности. Именно в эти моменты полиция, занятая в операциях по ликвидации, оставляла квартиры и их содержимое без присмотра. В отчете 454-й дивизии безопасности за ноябрь 1941 г. в разделе, посвященном местному населению, записано: «Местные жители ищут возможности поживиться, без разрешения захватывая оставшееся без хозяина имущество, причем благодаря средствам, вырученным от продажи или обмена на продукты этого имущества, они настолько обеспечивают себя, что у них даже нет необходимости ра-

ботать».[55]

Главными спекулянтами среди местного населения были служащие местной администрации и полиции. Это приводило к зависти и раздорам. Например, 22 января 1942 г. группа жителей г. Игналина в Восточной Литве направила письмо с жалобой районному управляющему по сельскохозяйственным вопросам немцу Йозефу Бэку:

«Полиция в Игналине и бывший бургомистр города Тиюнелис, а также нынешний бургомистр Альбертас Олеюнас конфисковали для себя лично большое количество еврейской собственности. Штат полиции и оба бургомистра прячут присвоенные вещи у своих родственников и друзей, проживающих в деревнях... Мы знаем, что в распоряжении полиции находится 220 золотых колец, 55 золотых часов, 35 диванов в хорошем состоянии, 45 шкафов, 180 кроватей с матрацами, 45 коров, около 50 шуб, 250 дубленых шкур. Кроме того, множество одежды, обуви и т.д. Только десятая часть еврейского имущества была продана местным жителям после ликвидации евреев. Например, золото, меха и другие ценные вещи вообще не выставлялись на продажу и не были переданы немецкой армии. Мы, жители Игналины, чрезвычайно благодарны освободившей нас немецкой армии»[56]

До войны в Игналине проживало около ста пятидесяти еврейских семей. Их уничтожили вместе с другими окрестными евреями 7–8 октября 1941 г. Собственность, упомянутая в приведенном выше письме, принадлежала им.

В сотнях небольших оккупированных городков, где не было представителей немецких властей, огромная часть еврейского имущества была присвоена местными жителями. В тех же городах, где находились представители военной и гражданской немецкой администрации, они пытались предотвратить захват еврейских квартир местными жителями. Они намеревались продавать эти квартиры. Действуя через местную администрацию, гебитскомиссары или представители военной власти назначали специальные комитеты для оценки стоимости еврейской недвижимости. Комитеты передавали свои отчеты бургомистрам на утверждение, после чего квартиры продавались. Из отчета, представленного бургомистру Могилева (Белоруссия):

«20-21 ноября 1941 г... Комитет... согласно распоряжению бургомистра Фелицкина произвел оценку стоимости домов, ранее принадлежавших евреям. Согласно приказу фельдкомендатуры они были выставлены на продажу местным жителям г. Могилева. Это подтвердилось при проверке на местах».[57]

В отчете приведена таблица, содержащая фамилии местных жителей, которые выразили желание приобрести конкретную квартиру, адрес этой квартиры, фамилию бывшего владельца-еврея, сведения о состоянии квартиры и ее стоимость по оценке комитета. Цены квартир на продажу, указанные в двух отчетах, представленных в конце ноября 1941 г., составляли от 2,5 до 18 тысяч рублей в зависимости от состояния квартиры. Согласно дошедшим до нас фрагментам списков,

только в Могилеве с февраля по апрель 1942 г. местным жителям было продано более трехсот еврейских квартир. Продажа квартир заверялась в фельдкомендатуре.

В одной из статей газеты «Нова Украина», выходившей в оккупированном Харькове, отмечалось, что в декабре 1941 г. 1.700 украинских семей получили новые квартиры.[58] Это были квартиры, принадлежавшие евреям. В Одессе, находившейся под румынским руководством, бургомистр Герман Пинтя запретил местным жителям вселяться в опустевшие еврейские квартиры.[59] Он намеревался сохранить эти квартиры для служащих румынской администрации и румын, которые могли бы поселиться в городе, а также продать часть квартир, чтобы получить прибыль.

Г. БОРЬБА ЗА ЕВРЕЙСКУЮ СОБСТВЕННОСТЬ МЕЖДУ НЕМЕЦКИМИ ВЕДОМСТВАМИ

На фоне усилий немецкой администрации завладеть еврейской собственностью, присвоенной местным населением, или получить ее денежную стоимость, все чаще и чаще стали возникать трения между различными немецкими ведомствами по поводу той собственности, которую эти ведомства уже захватили. В основном разногласия возникали между гражданскими административными структурами, с одной стороны, и армией и ведомствами Сипо – с другой. Эта борьба отражена в отчете гебитскомиссара Вальмиеры (Латвия) о событиях октября 1941 г.:

«Мы конфисковали имущество евреев, ликвидированных в последнее время. В процессе конфискации мы столкнулись с рядом трудностей, связанных с нежеланием армии и Сипо передать нам огромное количество конфискованного ими имущества... Мною было издано распоряжение, основанное на приказе рейхскомиссара [Лозе], полностью сдать все конфискованное имущество. Сипо считает, что все конфискованные ею вещи принадлежат ей. Она уже перевела на свой счет огромное количество еврейских денег. Я считаю необходимым отметить, что нахожу поведение Сипо недопустимым».[60]

На оккупированных территориях находилось множество складов ведомств СС с имуществом, конфискованным у евреев или оставшимся после уничтожения жертв. Ричард Даннлер, служивший в Риге в штаб-квартире Старшего начальника СС и полиции Фридриха Екелена, свидетельствовал:

«На большом складе в Риге я видел огромные кучи одежды, часть которой была забрызгана кровью. Я полагаю, это была часть личных вещей, принадлежавших как минимум тридцати тысячам людей. В кабинетах транспортного подразделения № 9, расположенных в одном здании со штаб-квартирой Старшего начальника СС и полиции, я видел коробки, полные серебра, золота и бриллиантов. Валюта и банкноты сортировались в пачки и отсылались в немецкий банк в Риге. Там было огромное количество бриллиантов, украше-

ний и золотых часов. Екелен выбирал лучшие экземпляры для себя. Иногда, принося ему почту, я замечал различные драгоценности, лежавшие на столе».[61]

Пререкания между немецкими структурами по поводу права распоряжаться захваченной еврейской собственностью дошли до высших эшелонов власти в Берлине. Розенберг и Гиммлер разрешили спор в пользу гражданской администрации. 3 марта 1942 г. Гиммлер приказал всем Старшим начальникам СС и полиции на оккупированных территориях Советского Союза:

«Золото, серебро и другие ценности, конфискованные в ходе домашних обысков и операций по ликвидации евреев, должны быть зарегистрированы в присутствии двух официальных лиц и затем сданы на хранение в комендатуру Сипо (Kommandatur der Sicherheitspolizei). Раз в месяц конфискованные вещи должны передаваться в финансовый отдел соответствующего рейхскомиссариата, который обязан выдавать квитанцию о получении. Запрещено оставлять у себя даже небольшие количества конфискованного имущества. Если комендатуры Сипо или Орпо (Kommandatur der Ordnungspolizei) пожелают оставить часть конфискованных денег для своих целей… в исключительных случаях они могут запросить разрешение рейхскомиссара оставить эти деньги у себя. Его разрешение должно быть заверено письменно».[62]

Последние две фразы приказа Гиммлера практически позволяли СС торговаться за право оставлять себе часть конфискованных денег и ценностей. Приказ Гиммлера не исполнялся беспрекословно; разногласия и противостояние продолжались. Сипо по-прежнему стремилась оставить за собой последнее слово во всех вопросах, касающихся евреев, а гражданская администрация, в свою очередь, была уверена в своих правах на собственность.

По приказу РСХА от 26 ноября 1942 г. вся еврейская собственность, находившаяся в распоряжении Сипо, должна была передаваться в финансовые отделы соответствующих рейхскомиссариатов, кроме ценных металлов, драгоценных камней и иностранной валюты, которые следовало пересылать в ВФХА – Главное экономическое и административное управление СС. Однако исполнение приказа о переводе валюты затянулось на месяц. Только 1 мая 1943 г. начальник Сипо в Остланде прислал Лозе первый отчет о полученных фондах:

«Деньги, конфискованные Сипо в Остланде, теперь регулярно переводятся генералкомиссарам. Кроме того, РСХА переводит средства, конфискованные в 1941 – 1942 гг. Сипо в Литве уже перевела конфискованные средства, упомянутые в письме от 19 марта 1943 г., на сумму один миллион рейхсмарок. 22 апреля 1943 г. были даны распоряжения перевести на счет в банке 1,8 млн. рейхсмарок из конфискованной еврейской собственности. Эта сумма уже должна быть получена рейхскомиссаром в Риге».[63]

Гражданская администрация возражала против того, чтобы чиновники СС использовали валюту и ценности по своему усмотрению.

Только через одиннадцать месяцев после выхода приказа от 26 ноября 1942 г. РСХА отдает распоряжение о передаче этих средств под контроль гражданской администрации. 23 октября 1943 г. начальник Сипо в Остланде отчитывался Лозе:

«По согласованию с ВФХА в приказ от 26 ноября 1942 г. были внесены поправки: в будущем ценные металлы, драгоценные камни и иностранная валюта также будут переводиться в финансовые отделы соответствующих рейхскомиссариатов, за исключением тех случаев, когда требуется дополнительное расследование».[64]

Это согласие Сипо не имело по сути никакого значения, так как относилось только к будущему. И поскольку к тому моменту евреи, за небольшим исключением в трудовых и концентрационных лагерях, были истреблены, практически все конфискованные у них ценности и валюта уже находились в руках руководства СС в Берлине, которое не давало никаких обязательств о возвращении этих средств гражданской администрации.

Из отчета начальника СС и полиции в Восточной Галиции Фрица Кацмана от 30 июня 1943 г. можно получить представление о ценности еврейского имущества, конфискованного и переданного в распоряжение штаба «Операции Рейнхард». В отчете перечислены различные золотые изделия общим весом 206,58 кг. Общий вес серебряных предметов – более 5.400 кг. Указаны 29 видов валюты (доллары США, английские фунты стерлингов, польские злотые, рубли и т.д.). В отчете также упоминается, что в декабре 1941 г. отосланы 35 железнодорожных вагонов с конфискованными мехами и шубами.[65]

Здесь лишь то, что было передано в распоряжение штаба «Операции Рейнхард». Отчёт не включает собственности, присвоенной чиновниками местных административных учреждений, а её стоимость, возможно, превышала все, что было официально зарегистрировано.

***

Грабёж еврейской собственности на оккупированных территориях Советского Союза и борьба различных немецких структур за право распоряжаться награбленным длились с первых дней оккупации и до самого её конца. Еврейская собственность обогатила многих:

– различные подразделения СС и других структур;

– немецкую военную и гражданскую администрации, немецкие ведомства и банки Германии;

– местную полицию, пособников оккупационных властей и значительную часть местного населения.

Многие местные жители, получившие или присвоившие еврейское имущество и квартиры, имели все основания не желать возвращения бывших хозяев. В результате среди этой части населения сформировалась прослойка, заинтересованная в победе Германии.

Точную денежную стоимость еврейской собственности, награбленной на оккупированных территориях Советского Союза, определить невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. гл. 9.
2. Нюренбергские Документы , PS-212; см. гл. 13.
3. Кадикис, *Мы обвиняем...,* с. 72-73, из официальной газеты «Verkundungsblatt des Reichskommissars für das Ostland», October 24, 1941.
4. USHMMA, RG 53002-M, Reel 22, письмо из «Управления по использованию конфискованного имущества» в Минске от 23 июня 1942 г.
5. Черноглазова, *Трагедия...*, с. 69.
6. Там же, с. 70.
7. Arad, *Getto in Flames...,* pp. 200-201.
8. Архив Яд Вашем, M-33/1045.
9. USHMMA, RG 53002-M, Reel 22.
10. Архив Яд Вашем, 053/161.
11. В.И. Адамушко и Г.Д. Кнатко. *«Nazi Gold» из Белоруссии. Документы и материалы*. – Минск, 1998, с. 110-113.
12. Архив Яд Вашем, M-33/1049.
13. Dallin, *German rule in Russia...,* p. 186. Даллин отмечает, что стиль работы Лозе выражался в «потоке директив, приказов и распоряжений, которые занимали тысячи страниц».
14. Hilberg, *Destruction...*, p. 365.
15. Архив Яд Вашем, 0-51/310.
16. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 94-98.
17. Штайн, *Барановичи...*, с. 516-517.
18. Спектор, *Хроника общин Волыни и Полесья...*, с. 198, 236, 295-296.
19. Ионес, *Евреи Львова...*, с. 114.
20. Смоляр. *Советские евреи...*, с. 23, 25.
21. Гроссман и Эренбург, *Чёрная книга...,* с. 65. Здесь указывается, что 26 сентября 1941 г. евреям Днепропетровска приказали собрать 30 миллионов рублей. Эта цифра кажется преувеличенной, возможна ошибка в источнике.
22. Арад и др., *Неизвестная...,* с. 86.
23. *Судебный процесс...*, с. 155-156, 157.
24. Архив Яд Вашем, 0-51/333, «Leistungen des Judenrates in Brest-Litovsk für die Deutsche Behorden».
25. Baranauskas and Ruksenas, *Documents...*, pp. 225-226.
26. *Ibid.,* p.227.
27. *Ibid.,* p. 266.
28. Черноглазова. *Трагедия...*, с. 73, 75.
29. Бела Гутерман, *Ужасные дни: Свидетельства евреев Львова, 1941 – 1943* (иврит). – Тель Авив, 1991, с. 38-41 (далее Гутерман, *Ужасные...)*.
30. *Там же,* с. 77.
31. Гарфункель, *Разрушенный...,* с. 58-67.
32. Гроссман и Эренбург, *Черная Книга...,* с. 251.
33. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 22.
34. Арад и др., *Неизвестная...*, с. 87-88.
35. Гутерман, *Ужасные...*, с. 201, прокламация от 4 января 1942 г., подписанная главой львовского юдената д-ром Ротфельдом.
36. Архив Яд Вашем, M-52/205, текст объявления, сделанного мэром Киева.
37. Архив Яд Вашем, M-52/198.
38. *Судебный процесс...*, с. 155-156.
39. Архив Яд Вашем, M-33/224, M-33-78, M-33/76: Гинзбург, *Бездна...*, с. 65-66.
40. Архив Яд Вашем, M-03/7064, свидетельство Авраама Смойша.
41. Архив Яд Вашем, M-33/114, 033/3133, с. 14.

42. Martin Dean, *Research Note. Jewish Property Seized in the Occupied Soviet Union in 1941 and 1942: the records of the Reichshauptkasse Beutestelle*, in: Holocaust and Genocide Studies, vol. 14, №1 (Spring 2000), pp. 83-101.
43. Arad et. al., eds., *The Einsatzgruppen Reports..., 21*, pp. 22-23.
44. *Ibid.*, 125, p. 208 and report 133, p. 235.
45. *Ibid,* 106, p. 174.
46. *Ibid.,* 156, p. 281.
47. Нюренбергские Документы, NOKW-1729.
48. Архив Яд Вашем, 03/7201, с. 23.
49. Dieter Pohl, *Hans Krüger and the Murder of the Jews in the Stanislawow region (Galicia)*, Yad Vashem Studies, vol. XXVI (1998), pp. 258-259.
50. Нюренбергские Документы, NOKW-631.
51. *Там же,* NOKW-3238.
52. Черноглазова, *Трагедия...*, с. 76.
53. Архив Яд Вашем, М-52/200, источник находится в Киевском Областном архиве, Р-2225-1-639.
54. Архив Яд Вашем, 03/4676.
55. Нюренбергские Документы, NOKW-2926.
56. Центральный Государственный Архив Литовской ССР (Lietuvos Tsr Centrinis Valstybinis Archyvas), R-613-1-62, p. 211.
57. USHMMA, RG-53006-M, Reel 5; Mogilevski Oblastnyi Arckive, Fond 418, Opis 1, Delo 1.
58. Ляховицкий, *Жёлтая книга...,* с. 13.
59. Архив Яд Вашем, М-52/242.
60. USHMMA, R-698-1a-18.
61. Нюренбергские Документы, NO-5124.
62. USHMMA, R-70-5-34, Reel 5; Hilberg, *Destruction...,* p. 239. Хилберг говорит о встрече Гиммлера и Розенберга, которая состоялась еще 15 ноября 1941 г. Они обсуждали вопрос еврейской собственности и жалобы Лозе и Вильгельма Кубе на представителей службы СС, которые присваивали конфискованное имущество.
63. USHMMA, R-70-5-34, Reel 5.
64. *Ibid.*
65. Нюренбергские Документы, L-18.

ГЛАВА 39

ГРАБЕЖ ЕВРЕЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. СПЕЦИАЛЬНЫЙ ШТАБ РЕЙХСЛЕЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА: ЗАДАЧИ И ПОЛНОМОЧИЯ

На оккупированной территории Советского Союза действовало специальное подразделение, занятое конфискацией художественных и культурных ценностей, их сортировкой и отправкой в Германию. Конфисковались ценности, принадлежавшие различным государственным учреждениям, церкви, синагогам, общественным еврейским организациям и частным лицам. Подразделение называлось «Специальный штаб Рейхслейтера Розенберга» (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg), оно подчинялось Розенбергу не в силу его положения министра восточных оккупированных территорий, а потому, что он также занимал в нацистской партии должность инспектора по вопросам идеологического воспитания. Он планировал создание Высшей школы нацистской партии (NSDAP Hohe Schule), на что получил соответствующее разрешение от Гитлера.[1] Этому учреждению предназначалось стать идеологическим центром изучения «германских исторических корней», истории и теории нацизма, а также истории Третьего Рейха. В системе Высшей школы должны были функционировать и другие учреждения, среди них Институт нацистской партии по изучению «еврейского вопроса», основанный во Франкфурте 19 апреля 1939 г., и Центральная библиотека (Zentral-Bibliotek) в Берлине.

Будучи руководителем Института по изучению «еврейского вопроса», Розенберг намеревался провести тщательное обследование библиотек и архивов в поисках еврейских культурных и исторических ценностей, а найденное отправить в Германию.[2] Геринг распоряжением от 1 мая 1941 г. расширил полномочия Специального штаба Розенберга: ему поручили заниматься конфискацией и переправкой в Германию всех материалов для исследований, и культурных ценностей со всей территории Европы, оккупированной Германией. Во вступительной части распоряжения говорилось, что «борьба с евреями, масонами и их союзниками, а также вражескими идеологическими силами является важнейшей задачей национал-социализма в военное время».[3] Геринг велел государственным, партийным и военным учреждениям оказывать Розенбергу любую необходимую помощь. Основываясь на этом распоряжении, Розенберг считал, что его Специальный штаб может действовать на всей оккупированной территории Советского Союза, включая районы под управлением военной администрации. В распоряжении Геринга не было однозначно определено исключительное право Специального штаба Розенберга на сбор художественных и культурных ценностей в оккупированных странах, и, действительно, он был не единственным учреждением, собиравшим архивные материалы и культурные ценности на оккупированных советских землях.

Вслед за армией двигалось специальное подразделение Министерства иностранных дел Германии под руководством штурмбанфюрера СС Эберхарда фон Кюнсберга – «Зондеркоманда Кюнсберга». Оно действовало также в других европейских странах. Зондеркоманда должна была захватить архивы Министерства иностранных дел СССР в Москве, Ленинграде и других городах. Она занималась также конфискацией культурных ценностей в музейных, библиотечных и других собраниях.[4] Подразделения Кюнсберга прибыли на оккупированную территорию Советского Союза до того, как там появились команды Специального штаба Розенберга, а захваченные ими ценности, включая художественные, были немедленно отправлены напрямую в Берлин.[5]

В 1940 году при РСХА создали Центральную библиотеку (Отдел 7А1) «для изучения и анализа мировоззрений» (Weltantschauliche Forschung und Auswertung). В ней для присмотра за еврейскими книгами и документами содержали в заключении 25 евреев. Библиотека получала книги, рукописи и другие материалы, захваченные в оккупированных странах Европы, включая территорию Советского Союза. Создание библиотеки объяснялось необходимостью борьбы с врагами Третьего Рейха во главе с евреями – задача, которая возлагалась на РСХА. К середине 1943 г. в библиотеке уже находилось около 500 тысяч томов.[6] В грабеже культурных сокровищ принимали участие вермахт и другие учреждения.[7]

Специальный штаб начал свою деятельность с тех мест, которые находились под властью гражданской администрации Розенберга. 20 августа 1941 г. Розенберг отдал приказ Лозе, в котором было сказано, что его Специальный штаб будет действовать и в рейхскомиссариате Остланд. Это требуется, чтобы обеспечить конфискацию художественных и культурных ценностей для исследований, которые будет проводить создаваемая им Высшая школа. В этих целях, сказано в приказе, полицейские части, подчинённые гражданской администрации, будут собирать соответствующие материалы, которые затем следует передавать в распоряжение Специального штаба Розенберга. Лозе необходимо уведомить генералкомиссаров и гебитскомиссаров об указаниях Розенберга и воспрепятствовать другим учреждениям заниматься конфискацией культурных ценностей.[8] Несмотря на этот приказ, отделы СС и армии продолжали заниматься грабежом сокровищ. Генералкомиссар Кубе в своем письме Розенбергу от 29 сентября 1941 г. сообщил:

«В Минске были крупные собрания – некоторые из них очень ценные – картин и предметов искусства... По приказу рейхсфюрера СС Гиммлера большинство картин были упакованы и отправлены в Германию... Речь в данном случае идет о предметах, стоимость которых исчисляется миллионами... Картины были отправлены в Линц и Кенигсберг».[9]

Розенберг попросил ОКХ разрешить командам его Специального штаба действовать в районах, находящихся под управлением военной

администрации. Генерал Вагнер, которому подчинялась военная администрация, 25 октября 1941 г. издал приказ, в котором он отметил, что команды Специального штаба Розенберга будут действовать на территории, находящейся под управлением военной администрации. По поводу евреев там было сказано:

«Борьба с евреями, масонами и их идеологическими союзниками является первостепенной задачей национал-социализма в военное время. Задачи, стоящие перед командами Специального штаба Розенберга, включают... конфискацию и отправку в Германию культурных предметов, находящихся во владении евреев, еврейских организаций и масонов».[10]

16 октября 1941 г. Розенберг письменно попросил Гитлера предоставить его Специальному штабу исключительное право действовать на оккупированной территории Советского Союза и обещал, что «все ценные предметы искусства согласно Вашим личным планам, фюрер, будут доставлены в музей в Линце».[11] Гитлер ответил на эту просьбу только через четыре с лишним месяца, издав 1 марта 1942 г. распоряжение:

> *«В этой войне, направленной против Рейха, виновны евреи, масоны и связанные с ними идеологические враги национал-социализма. Планомерная идеологическая борьба с этими силами является насущной задачей в военное время. Эту миссию я возложил на рейхслейтера Розенберга. Для выполнения этой миссии Специальный штаб имеет право проводить обследование библиотек и архивов... и конфискации для выполнения идеологических задач национал-социалистической партии... Так следует поступать с культурными ценностями, которые находятся у евреев или относятся к евреям».*[12]

12 июня 1942 г. Розенберг отправил письмо «верховным органам власти рейха». В нем он отметил, что прежняя разобщенность действий различных учреждений по собиранию культурных ценностей прекращается. Деятельность на восточных территориях будет проводить Специальный штаб, подчиняющийся ему.[13] Несмотря на это письмо и распоряжение Гитлера, на практике возникали разногласия по вопросу разграничения материалов для Розенберга, имеющих культурную и идеологическую ценность, и документальных материалов, предназначенных для других учреждений. 5 июля 1942 г. д-р Ламмерс, начальник канцелярии Гитлера, отправил всем органам власти Рейха меморандум, где подчеркнул исключительные полномочия штаба Розенберга.[14]

30 сентября 1942 г. генерал Вагнер дополнил свой приказ от 25 октября 1941 г. ещё одним приказом армейским учреждениям и военной администрации, объяняющим, как будет действовать штаб Розенберга. Вагнер подчеркнул «необходимость духовной борьбы с евреями... которые являются прямым источником этой войны», а также сообщил, что для собирания ценностей организуются специальные бригады численностью в 20–25 человек, и армия должна оказывать им всяческое содействие.[15] Здесь, как и в первом приказе Вагнера, армия подчерк-

нула идеологическую необходимость борьбы с евреями и нашла полезным разъяснить, что конфискованные вещи помогут в этой борьбе. Чем дальше продолжалась война, тем более экстремистским становилось отношение армии к евреям и с тем большей легкостью армия принимала расистские заявления Гитлера и его нацистское учение.

Б. СИСТЕМА ДЕЙСТВИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО ШТАБА РОЗЕНБЕРГА

Специальный штаб Розенберга создал три операционных центра на оккупированной территории: в Риге, Минске и Киеве. Эти центры были напрямую связаны со штабом в Берлине и соответствовали разделению на группы армий «Север», «Центр» и «Юг». У рижского центра, который отвечал за операции в Литве, Латвии и Эстонии, имелись отделения в Вильнюсе и Каунасе (Литва), Таллинне (Эстония) и Лиепае (Латвия). Центр в Минске ведал деятельностью на всей центральной части оккупированной территории, он имел местные филиалы в Смоленске, Витебске, Могилеве и Орле. У центра в Киеве, ответственного за Украину, Крым и Кавказ, были отделения в Харькове, Ростове, Днепропетровске, Краснодаре, Херсоне и Симферополе.

Из всех местных представительств центров Специального штаба самым крупным являлось вильнюсское, куда доставлялись культурные ценности из северной и центральной частей оккупированной территории. В каждом из таких филиалов служило небольшое количество немцев, большей частью академики, которые носили форму и которым присвоили особые звания. Бок о бок с ними трудились работники, набиравшиеся из местного населения. В отделениях в Вильнюсе и Каунасе использовался труд евреев из гетто.

Еще до прибытия агентов штаба Розенберга на оккупированную территорию немецкая армия и ее пропагандистский отдел отдали распоряжение местным органам власти в странах Прибалтики составить специальные списки некоторых книг. За просвещение и культуру в латышском самоуправлении отвечал Г. Бреманис. 1 августа 1941 г. он приказал директорам библиотек в Латвии:

> *«В соответствии с распоряжением пропагандистского отдела немецкой армии следует извлечь из обращения все книги и произведения, которые относятся к перечисленным ниже категориям, подготовить список этих произведений и доставить их ко мне не позднее 10 августа 1941 г... Нежелательны следующие произведения: большевистская литература на всех языках... еврейская литература на всех языках, немецкая литература, в которой заметны марксистские тенденции».*[16]

В других местах на оккупированной территории Советского Союза после прибытия туда сотрудников штаба Розенберга также составлялись подобные списки. Местные филиалы взяли под надзор архивы, музеи, библиотеки (включая церковные), синагоги со всем их содержимым и другие подобные учреждения. Собранные материалы подвергались первичной сортировке с помощью местных работников, после чего принималось решение, что из этих материалов отослать в Гер-

манию, что оставить на месте и что в качестве макулатуры отправить на бумажную фабрику. В Германии материалы повторно сортировали и распределяли в подчинённые Розенбергу Центральную библиотеку в Берлине и Институт по изучению еврейского вопроса во Франкфурте; их также использовали для антиеврейских и антикоммунистических выставок.

В одном из документов штаба Розенберга отмечалось, что его подразделения обследовали 2.265 учреждений на оккупированной территории Советского Союза и отправили в Германию содержавшиеся в них художественные и культурные ценности.[17] Во многих городах на оккупированной территории в пропагандистских целях организовывались выставки для местного населения, на которых подчеркивалась связь между еврейством и большевизмом. В Риге организованная Штабом Розенберга выставка проходила под названием «Судьбоносная борьба Европы на Востоке»; весной–летом 1942 г. ее посетили десятки тысяч людей. На выставке подчеркивалась опасность «еврейского большевизма» для европейской культуры. Последний раздел выставки посвящался борьбе европейских народов с «еврейским большевизмом», который должен был быть уничтожен в целях создания «Новой Европы».[18]

B. КОНФИСКАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Районы, где действовал штаб Розенберга и где имелись еврейские художественные и культурные учреждения, находились главным образом на аннексированных территориях в 1939–40 гг. Советские власти еще до прихода немцев конфисковали имущество этих учреждений: общинных, партийных и научных архивов, библиотек и собраний еврейских и мировых художественных ценностей, синагог (рукописные и печатные религиозные книги, предметы культа). Из-за того, что после установления советской власти на аннексированных территориях до вторжения Германии прошло немного времени, большинство конфискованных ценностей остались невывезенными из мест своего первоначального нахождения. В «старых» районах Советского Союза все еврейские художественные и культурные учреждения были закрыты, а их имущество конфисковано. Исключение сделали только для литературы и прессы коммунистического характера на идиш.[19] Некоторые из конфискованных предметов были уничтожены или пропали, другие содержались в закрытых архивах и хранилищах. Агентам штаба Розенберга, занимавшимся поиском таких еврейских ценностей, как книги светского и религиозного содержания, газеты и журналы, удалось найти собрания такого рода изданий в крупных городах Белоруссии и Украины.

Сотрудники штаба Розенберга прибыли в Ригу в августе 1941 г., вскоре после установления здесь власти гражданской администрации. Местный филиал штаба назывался «Главной рабочей группой в Остланде» (Hauptarbeitsgruppe Ostland), и в сферу его действий входили страны Прибалтики. Филиал начал с описи учреждений и поме-

щений, в которых могли находиться еврейские культурные ценности. 22 сентября 1941 г. Лозе отдал генералкомиссарам распоряжение под названием «Обеспечение сохранности культурных ценностей, находящихся во владении евреев, коммунистов и масонов», коим обязал включить в опись синагоги, еврейские общинные учреждения, жилища раввинов, коммерческие здания, в которых находятся еврейские книги и предметы искусства, учреждения масонов и англиканской церкви. Генералкомиссары передали это распоряжение гебитскомиссарам, а те поручили выполнение задания местным муниципальным властям. Опись требовалось представить не позднее конца ноября 1941 г.[20]

Вслед за этим распоряжением из органов местного управления начали поступать отчеты о проверке зданий, в которых находятся или могут находиться еврейские культурные ценности. В документе, направленном рижским бургомистром гебитскомиссару города 15 октября 1941 г., названы 35 еврейских учреждений Риги с указанием их адресов, имён руководителей и их судьбы. Среди перечисленных учреждений – Общество просвещения, Еврейский научный союз, спортивные клубы, библиотеки и др.[21] Учреждения, включенные в список, были закрыты ещё прежде советскими властями, а их имущество конфисковано. Однако немцы полагали, что документы и предметы искусства до сих пор могут находиться в их прежних зданиях, поскольку советские власти не успели их вывезти или уничтожить.

Отчеты о поисках сотрудников штаба Розенберга в Латвии носили общий характер, и в них наряду со сведениями о еврейских материалах встречалась информация о книгах и учреждениях коммунистического характера. Основное внимание в отчётах уделялось помещениям синагог и еврейских общинных учреждений, а также жилищам раввинов. Начальник администрации Лудзенского района Я. Сирнис 11 ноября 1941 г. докладывал гебитскомиссару Даугавпилса: «Еврейские общинные учреждения и содержащиеся в них архивы были только в Карсаве и Розенове... В обоих местах здания были повреждены в ходе боев... В Розенове они сгорели 27 июня 1941 г. в ходе боев и бомбежек».[22] В отчете начальника администрации района Резекне, направленном 7 ноября 1941 г. гебитскомиссару Даугавпилса, говорилось, что в городе Виляны в доме раввина найдены 613 книг, а в городе Варакляны в доме раввина найдены 1.164 книги.[23]

В «Отчете об обработке еврейских книг» латвийского отделения штаба Розенберга от 21 марта 1942 г. сказано, что в Ригу свезены около 35 тысяч книг. Из них 17 тысяч отобрали и разделили на 15 разрядов по тематике. В документе указано, что эти книги предназанчены к отправке в Германию (во Франкфурт), а остальные книги будут посланы на бумажную фабрику для переработки. Отбором и классификацией книг руководил д-р Йохан Поль, который считался специалистом по иудаике.[24]

В генералкомиссариате Литва немцы нашли большое количество еврейских культурных ценностей. В многочисленных учреждениях Вильнюса находились ценные предметы искусства и культуры. Среди мно-

гочисленных библиотек особенно выделялась Библиотека Страшуна, содержавшая около 35 тысяч томов, а также рукописи и редкие книги, изданные начиная с пятнадцатого века. Еврейское историко-этнографическое общество, занимавшееся сбором и публикацией материалов по истории, фольклору, литературе, театру, музыке и искусству, имело в своей коллекции рукописи известных писателей на иврите и на идиш. В Еврейском научном институте (ИВО), где собирали и изучали еврейское культурное наследие, находились библиотека в примерно 20 тысяч томов, собрание газет на идиш из разных стран мира, коллекции картин еврейских художников и материалов по еврейской музыке. В Вильнюсе еврейские художественные и культурные ценности остались в городе и попали в руки немцев. Этот город был самым важным из еврейских центров на оккупированной территории Советского Союза, и сотрудники штаба Розенберга знали, какие сокровища их здесь ожидают.

В начале 1942 г. в Вильнюсе разместилось отделение штаба Розенберга, в котором работала группа ученых специалистов под руководством д-ра Йохана Поля. По требованию этой группы юденрат выделил в ее распоряжение 20 работников, включая литераторов и ученых. Г. Крук 19 февраля 1942 г. записал в своем дневнике:

> *«Два дня назад меня с Калмановичем и Лунским позвали представители Альфреда Розенберга. После встречи стало ясно: они забирают фонды Библиотеки Страшуна и перевозят их в здание университета. Я должен руководить этой перевозкой... У нас странное чувство. Не знаем, могильщики мы или спасатели. Если нам удастся сохранить эти сокровища в Вильнюсе, возможно, это станет нашим большим достижением; но если библиотека будет отправлена – ведь это дело и наших рук».*[25]

Здание ИВО также использовалось в качестве коллектора художественных и культурных ценностей, и в нем работала группа евреев из гетто. После первичной сортировки материалов, произведенной в здании ИВО, выяснилось, что еще до прибытия сотрудников штаба Розенберга в Вильнюс другое немецкое учреждение вывезло из города часть находившихся в нем культурных ценностей. Весь газетный архив (около 12 тысяч единиц хранения), тысячи книг (большей частью древних), рукописи Менделе Мойхер-Сфорима, Й.Л. Переца, Шолом-Алейхема и других авторов уже были отосланы в Германию или же разграблены. Из 120 картин осталось только 20, а из 402 папок с фольклорными материалами сохранились считанные единицы.[26] Часть материалов, сосредоточенных в зданиях университета и ИВО, отправили в Германию, остальное – на бумажные фабрики.

В итоговом отчете от 28 апреля 1942 г. под названием «Обработка иудаики и гебраики в Вильнюсе» в приложении № 3 д-р Поль сообщает, что из 6.880 томов, проверенных на момент составления отчета, 5.118 признаны дубликатами и отправлены на бумажную фабрику в качестве макулатуры, а оставшиеся 1.762 книги (они перечислены в отчете) предназначены к отправке в Германию.[27]

В своих дневниках Крук, Калманович и другие евреи, работавшие

на штаб Розенберга, делали записи о судьбе еврейских культурных сокровищ из Вильнюса. Согласно их записям, в июле 1942 г. в Германию были отосланы приблизительно 90 ящиков с книгами и предметами искусства. Второй груз из 35 ящиков с 9.403 книгами в феврале 1943 г. отправили в Институт по изучению еврейского вопроса во Франкфурте; туда же отослали собранные газеты. Сотни свитков Торы отвезли на кожевенную и обувную фабрики; хранившиеся в течение многих лет матрицы с набором ценных книг были проданы как свинцовый лом и переплавлены. Инструкции о назначении грузов и их отправке поступали из центра штаба Розенберга в Риге.

Некоторые грузы, предназначенные для отсылки в Германию, время от времени задерживались из-за недостатка транспортных средств, и поэтому попадали на бумажную фабрику.[28] Эти грузы, будучи отправлены после составления отчета д-ра Поля, в него не включены. В мае 1942 г. из Литвы в Институт во Франкфурте отослали предметы религиозного культа, среди них набалдашники в виде короны («кетер») для свитков Торы и занавеси («парохет») шкафов для их хранения («арон кодеш»). Металлические предметы религиозного культа, которые сотрудники штаба Розенберга посчитали менее ценными, отправили в металлолом.[29]

В августе 1942 г. штаб Розенберга организовал в здании ИВО антиеврейскую выставку, посвященную еврейской культуре и ее связям с большевизмом, для чего были использованы находившиеся на месте и доставленные туда книги и предметы. Выставка предназначалась для чиновников немецкой и местной литовской администраций, а также гостей из Германии. Подготовку материалов к ней возложили на работников-евреев. Участвовавший в этой работе писатель Ш. Качергинский рассказал: «Вместе с картиной, на которой был изображен Виленский Гаон, они повесили [фотографии] членов коммунистического Политбюро. Вместе с древним свитком Торы – фотографии, на которых видно, как евреи-большевики мучают литовских крестьян. На самом деле, это были фотографии евреев, своими руками роющих себе могилы».[30]

Сотрудники штаба Розенберга в Вильнюсе поручили работающим у них евреям описать историю и архитектуру всех церквей, дворцов, театров, архивов, библиотек и школ города. Им выдали специальное разрешение на посещение церквей и сбор свидетельств священников. Одних работников обязали переводить книги с идиш на немецкий, другие должны были составить справку о происхождении караимов, и т. д. За время своей работы в штабе Розенберга, продолжавшейся до ликвидации Вильнюсского гетто в августе–сентябре 1943 г., специалисты-евреи сумели спасти часть книг, ценных рукописей и предметов искусства, переправив их в гетто и спрятав там.[31]

В тот же период действовал и филиал штаба Розенберга в Каунасе. В отчете д-ра Поля от 20 апреля 1942 г. сказано, что в здании театра на ул. Мапу, 10, куда свозили книги на иврите, 5.452 книги упакованы в 19 ящиков и ждут отправки в Германию. Около 7 тысяч книг направляются на бумажную фабрику.[32] Л. Гарфункель писал о Каунасе:

«В начале 1942 г. агентам Розенберга стало известно, что в Слободке находилась знаменитая ешива, в которой имелась большая коллекция ценных религиозных книг... Более ста тысяч томов – книги на иврите, идиш и других языках – были вывезены из гетто... Проявив невиданную преданность, молодежь, в первую очередь сионистская, спасла немалое количество книг... Рискуя своей жизнью, они устраивали тайники для хранения книг».[33]

В городе Тельшяй до Второй мировой войны находилась одна из самых больших и знаменитых ешив в еврейском мире. В отчете начальника округа Романаускаса от 27 октября 1941 г. гебитскомиссару Шауляя говорилось: «В городе Тельшяй... сосредоточено 15 тысяч еврейских книг и 12 тысяч большевистских книг и документов».[34] Здесь тоже часть материалов отправили в Германию, а оставшееся – в макулатуру.

У маленькой еврейской общины в Эстонии не было таких художественных и культурных учреждений, как в других странах Прибалтики. Тем не менее, у жителя Таллинна Юлиуса Генса имелась большая личная коллекция: тысячи старых и новых книг по искусствоведению, собрания гравюр и экслибрисов, а также картины и предметы прикладного искусства. Советские власти не успели конфисковать библиотеку Генса. В первые дни после оккупации эстонским друзьям Генса удалось по его просьбе переправить предметы искусства из его коллекции в Художественный музей, где их условно записали в фонды музея под эстонской фамилией Иохансон. Книги они перенесли в подвал Дома искусств на сохранение. Розенберг знал о коллекции Генса, и по прибытии в Эстонию его агентам удалось обнаружить эти книги, забрать их и отправить в центр штаба Розенберга в Вильнюсе на обработку и сортировку. Часть того собрания книг была обнаружена после освобождения Вильнюса.[35]

Деятельность штаба Розенберга в Генералкомиссариате Белоруссия была намного более ограниченной, чем в других районах Остланда. В Белоруссии не было крупных еврейских центров, кроме Минска, где за два десятилетия советской власти еврейские культурные ценности успели конфисковать или уничтожить. Кубе сообщал Лозе 10 марта 1942 г.:

«Многие из еврейских культурных ценностей невозможно было захватить в Белоруссии. Синагоги разрушены, часть основательно повреждена в ходе боев ... В книжных и художественных магазинах нечего конфисковать. То же самое с архивами... Вообще говоря, конфискация в Белоруссии протекала в соответствии с нашими возможностями, а ее результаты можно назвать скудными».[36]

Практические действия штаба Розенберга по захвату еврейских ценностей в Украине начались весной–летом 1942 г., когда на место прибыл д-р Йохан Поль, работавший до этого в прибалтийских странах. Однако уже в ноябре 1941 г. возник спор между сотрудниками штаба Розенберга и зондеркоманды Кюнсберга относительно находящихся в Киеве библиотек. Вопрос решился в Берлине в феврале 1942 г. соглашением между сотрудниками штаба Розенберга и Министерства инос-

транных дел, в соответствии с которым книги передавались в штаб Розенберга.[37]

В конце июня 1942 г. д-р Поль отправил два отчета о положении с еврейскими культурными сокровищами в Киеве. В отчете от 28 июня 1942 г. говорилось:

«1. В религиозной семинарии, находившейся в прошлом на Подоле, обнаружены:

Около 50 тысяч томов иудаики и гебраики, которые привезли туда большевики. Они каталогизированы и упорядочены... Речь идет об очень ценном материале, который будет отправлен во Франкфурт. Требуются 250 ящиков. Около 25 тысяч томов гебраики, привезенных туда большевиками, находятся в беспорядочном состоянии – они свалены в две большие кучи. Предлагается упорядочить этот материал согласно разрядам, используя еврейскую рабочую силу из числа людей, знающих иврит. Можно предположить, что из этих 25 тысяч томов 8–10 тысяч будут отправлены во Франкфурт, а остальные – в макулатуру...

2. В бывшей Центральной еврейской библиотеке находятся около 30 тысяч книг... Кроме этого, там имеется большая коллекция годовых подшивок периодических изданий. Каталог гебраики выполнен вспомогательной украинской рабочей силой. После удаления дубликатов можно будет произвести отправку этой поучительной коллекции еврейско-советской литературы в 60 больших ящиках. В коллекции в Киеве, готовой к отправке во Франкфурт, всего около 90 тысяч книг по иудаике и гебраике (две трети составляет гебраика), и она представляет собой ценное дополнение к другим еврейским собраниям, найденным на востоке».[38]

В отчете д-ра Поля от 29 июня 1942 г. говорится, что в картотеке Киевского городского центрального архива обнаружены 400 карточек с описанием материалов на еврейскую тему, и после проверки будет решено, какие материалы будут отправлены в Институт во Франкфурте. В отчете отмечается, что в Киеве также находится ценный архив, принадлежавший в прошлом еврею – члену Государственной думы: картотека на идиш с биографиями русских евреев и картотека (8.000 карточек) с библиографическими сведениями обо всех книгах на еврейскую тему, изданных в России в прошлом столетии. Этот архив после проверки и перевода части материала будет целиком послан во Франкфурт.[39]

20 сентября 1942 г. отделение штаба Розенберга в Киеве отчиталось об отправке 45 тысяч печатных изданий в Институт во Франкфурте. Из-за отсутствия упаковочных средств все материалы отгрузили без упаковки.[40] В другом отчете д-ра Поля из Киева говорилось, что в результате проверки найденных на Подоле книг 20–24 октября 1942 г. для отправки во Франкфурт отобрали 27.663 книги (из них 5 тысяч томов литературы религиозного содержания и 3 тысячи номеров периодических изданий); 35 тысяч книг было решено отправить в макулатуру.[41] Сортировку производили с помощью 10-11 украинских работников. Груз во Франкфурт отправился только 29 мая 1943 г. В него вошли так-

же 6 тысяч томов из Еврейской консерватории в Киеве.[42]

В отчете д-ра Поля от 1 ноября 1942 г. о гебраике и иудаике в Харькове говорилось, что в каталоге городской библиотеки перечислены 10 тысяч книг. Согласно отчету, к отправке во Франкфурт готово 40 тысяч страниц каталога, упакованных в 24 ящика. В отчете также упомянуты 100 томов гебраики и иудаики, находящиеся в университетской библиотеке.[43] Филиал штаба Розенберга действовал и в Херсоне, и в других городах Украины.[44]

Деятельность штаба Розенберга и грабеж культурных ценностей на оккупированной территории Советского Союза, включая еврейские ценности, продолжались в течение всего периода немецкой оккупации. Уже в январе 1943 г. книжное собрание Института по изучению еврейского вопроса во Франкфурте насчитывало около 300 тысяч томов. В Берлине тогда же находилось еще около 250 тысяч томов, предназначенных к отправке во Франкфурт, большую часть их составляли книги, захваченные на оккупированной советской территории.[45] И после января 1943 г. во Франкфурт продолжали поступать книги. Накануне отступления в 1944 году Шюллер, который отвечал за конфискацию культурных ценностей на оккупированных территориях, получил от Розенберга особые полномочия эвакуировать в Германию все архивы и другие материалы, которые еще можно было отправить.[46]

Подавляющее большинство еврейских культурных сокровищ, захваченных оккупантами в Советском Союзе, составляла печатная продукция: книги, собрания периодических изданий, музыкальная литература и фольклорные коллекции. Эти разнообразные материалы, как светские, так и религиозные, являлись результатом большой творческой деятельности многих поколений евреев, начиная с пятнадцатого века. Напрашивается вывод, что местное еврейское население – «простолюдины», любящие литературу, – было «народом Книги» в полном смысле слова. Захваченные предметы искусства относились в основном к предметам религиозного культа. Многие культовые принадлежности были разворованы местными жителями и немцами, и сведения об их судьбе скудны.

Характерной чертой немецкого грабежа культурных ценностей является то, что захват производился не непосредственно у евреев, а у советских властей, которые конфисковали их прежде. Невозможно сколько-нибудь точно определить количество книг и предметов искусства, награбленных и отправленных в Германию. Основываясь на цифрах из отчетов д-ра Поля, можно с уверенностью говорить о сотнях тысяч томов. Такое же, если не большее, количество книг ушло в макулатуру.

Нет достоверной информации о судьбе предметов еврейского искусства, вывезенных в Германию. Часть их из-за нехватки места для хранения была переправлена из Франкфурта в другие города. После бомбардировок союзников Институт по изучению еврейского вопроса, включая библиотеку, в полном составе эвакуировался из Франкфурта в

Хунген (Hungen), земля Гессен. В ходе боев и бомбардировок погибли или сгорели некоторые из еврейских ценностей;[47] другие затерялись в хаосе, который в апреле–мае 1945 г. царил в Германии. Часть сокровищ ИВО уцелела и была после войны переправлена в ИВО в Нью-Йорке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нюрнбергские Документы, PS–136.
2. Нюрнбергские Документы, PS–137; PS–138; PS–1015(b).
3. Там же, PS–1015(1).
4. Ulrike Hartung, *Raubzuge in der Sowjetunion.* – Bremen, 1997, p. 13 (далее: Hartung, *Raubzuge...*).
5. *Ibid*, pp. 14–15, 24–25, 27.
6. Peter M. Manasse, *Verschleppte Archive und Bibliotheken.* – St. Ingbert, 1997, pp. 33–36 (далее: Manasse, *Verschleppte...*).
7. Hartung, (*Raubzuge...*, p. 51) пишет, что в ОКХ существовал специальный отдел, занимавшийся конфискацией художественных ценностей. На оккупированной территории Советского Союза действовало и специальное подразделение, занимавшееся сбором культурных сокровищ, главным образом в Ленинграде, для грандиозного музея, который Гитлер собирался открыть в своем родном городе – Линце (Австрия). Кроме того, посланцы Геринга собирали на оккупированных территориях художественные ценности для его личной коллекции.
8. Нюрнбергские Документы, PS–1015(c).
9. *Там же*, PS–076.
10. *Там же*, NOKW–1441.
11. Зейдевич Р.М., *Дама с горностаем. Как гитлеровцы грабили художественные сокровища Европы.* – Москва, 1966, с. 52–54, 196–197 (далее: Зейдевич. *Дама...*).
12. Нюрнбергские Документы, PS–149.
13. *Там же,* PS–1015(h).
14. *Там же,* PS–1015(d).
15. *Там же,* PS–1015(n/o).
16. Кадикис, *Мы обвиняем...,* с. 81–82.
17. Архив Яд Вашем, FA 73/1–2. Отдел фотоматериалов, негативы 6019, 6020, 6021, 6037 (диаграммы штаба Розенберга для отчета о его деятельности); Зейдевич. *Дама*, с. 199–200, 204–205. Проверке подверглись 375 архивов, 957 библиотек, 531 научное учреждение и 402 музея. Около 90 тысяч книг «большевистского содержания» (по мнению сотрудников штаба Розенберга) были отправлены в Центральную библиотеку.
18. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633. Оригинал находится в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины – Центральний державний архів громадських об'єднань України (далее: ЦДАГОУ), ф. 3676, оп. 1, д. 128.
19. См. главу 4 (разделы «В» и «Г»).
20. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633.
21. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633.
22. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633.
23. *Там же*.
24. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633. 17 тысяч книг, предназначенных для отсылки в Германию, разделили на следующие 15 разрядов (круглые скобки присутствуют

в оригинальном документе):

1. Ивритская литература 15 века – 500 томов.
2. Ивритская литература 19 века (большей частью религиозная литература общего характера) – 8.500 томов.
3. Ивритская литература 20 века (новая ивритская литература – 1.500 томов).
4. Мишна – 100 томов.
5. Талмуд (издания типографий в городах Вильнюс, Житомир и Берлин) – 300 томов.
6. Альфаси [рабби Ицхак Альфаси] – 100 томов.
7. Маймонид [Рамбам] – «Мишна Тора» – 100 томов.
8. «Шульхан Арух» – 500 томов.
9. Молитвенники (только особые издания) – 200 томов.
10. Учебная литература – 500 томов.
11. Периодические издания на иврите и идиш – 400 томов.
12. Газеты на иврите и идиш – 100 томов.
13. Советская литература на идиш – 600 томов.
14. Литература на идиш (несоветская) – 3.500 томов.
15. Рукописи на иврите – 100 единиц.

25. Крук, *Дневник...,* с. 178–180.
26. *Там же*, с. 200, 240, 272; Отчет д-ра Поля, посланный из Вильнюса 28 апреля 1942 г., см.: Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633. В приложении № 1 д-р Поль писал, что в ИВО стоял сейф, в котором находились ценные рукописи и печатные издания, и что солдаты взломали этот сейф до его прибытия и забрали его содержимое. Он также отметил, что 20 ящиков с книгами изъяты оттуда неизвестным ему немецким учреждением в конце осени 1941 г.
27. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633. Указанные 1.762 книги распределялись следующим образом: литература общего характера на иврите (15–18 веков – 67 томов, 19 века – 331 том, 20 века – 318 томов), Мишна – 154 тома, Талмуд – 468 томов, Альфаси – 53 тома, «Мишна Тора» – 8 томов, «Шульхан Арух» – 167 томов, молитвенники – 47 томов, Танах – 67 томов, «Эйн Яаков» (Яаков ибн Хавив) – 82 тома.
28. Крук, *Дневник...*, с. 267, 457, 468; Калманович З., *Дневник в гетто...*, с. 73, 91–92, 129.
29. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633.
30. Шмерке Кочергинский, *Партизаны шагают* (идиш), Изд. 2-е. – Мюнхен, 1948, с. 69. См. также: Калманович, *Дневник...*, с. 73–74.
31. Крук, *Дневник...,* с. 179, 182–183, 330, 351, 476, 535; Калманович, *Дневник...,* с. 78, 82, 105, 112, 129–130.
32. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633.
33. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 128–129.
34. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10633.
35. Генс И., *Украденная библиотека*, в кн.: *Икша* (лит.-худож. альм. под ред. Л. Цветковой), вып. 1. – Москва, 1997, с. 130–146.
36. Архив Яд-Вашем, микрофильм JM/10633.
37. Hartung, *Raubzuge...,* pp. 55–56.
38. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10632. Оригинал находится в: ЦДАГОУ, ф. 3676, оп. 1, д. 50.
39. Архив Яд Вашем, микрофильм JM/10632.
40. *Там же*. Оригинал находится в: ЦДАГОУ, ф, 3676, оп. 1, д. 39.
41. *Там же*. Оригинал находится в: ЦДАГОУ, ф. 3676, оп. 1, д. 50.

42. *Там же*. Документ подписан Шюллером, отвечавшим в Специальном штабе Розенберга за сбор культурных ценностей на советской территории.
43. *Там же*.
44. *Там же*. Письмо от 23 марта 1942 г. из Высшей школы во Франкфурте в филиал штаба Розенберга в Херсоне, в котором излагалась просьба сообщить, какие еврейские и антиеврейские периодические издания выходили в районе Херсона.
45. Manasse, *Verschleppte...*, p. 29.
46. *Ibid*, p. 113.
47. Manasse, *Verschleppte...*, p. 29. Из Франкфурта книги были отправлены в следующие города: Нирштайн (Nierstein), Оппенхайм (Oppenheim) и Бад-Швальбах (Bad-Schwalbach).

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
НЕЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К НЕМЕЦКОЙ АНТИЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

ГЛАВА 40

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

А. АТМОСФЕРА АНТИСЕМИТИЗМА

Успех немецкой политики тотального уничтожения евреев на оккупированных территориях Советского Союза во многом зависел от отношения к ней местного населения. Состав местных жителей был весьма разнообразным и в национальном плане (русские, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, татары, народы Кавказа и др.), и в религиозном (православные, католики, униаты, мусульмане и др.).

Настоящая глава посвящена отношению к евреям местного населения, а не пособников оккупантов – полицейских и местной администрации, деятельность которых описана в предыдущих главах.

Среди факторов, определявших отношение местного населения к немецкой политике по еврейскому вопросу, основным была степень его антисемитизма ещё до немецкой оккупации. Та юдофобия носила главным образом религиозный и экономический характер – погромы в XIX веке и в начале XX, а также в 1918-1920 г.г. были очевидным их выражением.

К враждебному историческому отношению к евреям со времени создания Советского Союза добавились новые элементы. Ненависть части местного населения к Советской власти, с которой многие люди отождествляли евреев, усиливала и их антисемитизм. У части населения аннексированных в 1939-1940 гг. Советским Союзом территорий враждебность к евреям и коммунистам соединилась с патриотическим противодействием аннексии. Многие местные жители видели в приходе немецкой армии освобождение от советской оккупации и принимали её с распростёртыми объятиями. Ярким выражением отношения к евреям на аннексированных Советским Союзом территориях была волна погромов, прокатившаяся по Западной Украине, Литве и Латвии в первые недели немецкой оккупации.

Ядовитая антиеврейская пропаганда, распространявшаяся немцами с первого дня оккупации, обвинявшая евреев во всех ужасах коммунистической власти, а также обвинявшая их в войне и принесённых ею страданиях, упала на плодородную почву и углубила антисемитизм. Из-за грабежа еврейского имущества, а также захвата квартир убитых евреев нашлось немалое количество местных жителей, заинтересованных в том, чтобы владельцы этого имущества не оставались в живых

и не потребовали возвратить его.

Вместе с тем, надежды и разочарования местного населения, связанные с политикой оккупантов в области национальных устремлений, особенно в Прибалтике и Украине, ухудшающееся экономическое положение, изгнание сотен тысяч людей на принудительные работы в Германию, жестокое обращение с советскими военнопленными, террор, усиливавшийся в период войны,– всё это повлияло на отношение местных жителей к Германии. Постепенно исчезали и ослабевали первоначальная симпатия большой части населения к немцам и готовность сотрудничать с ними. Поражения немцев на фронте, их отступление от Сталинграда в начале 1943 года, а также усиление действий советских партизан подрывали уверенность в германской победе, что также повлияло на отношение населения к оккупантам. Дух этих изменений выразился в секретной записке, которую послал Браутигам из Министерства восточных территорий своему начальству 25 октября 1942 г.:

«Население оккупированных территорий на Востоке встретило нас с бурным выражением радости как освободителей и стало на нашу сторону с желанием и открыто, сердечно и душевно. Украинцы и русские, белорусы и балтийские народы призывались в армию или полицию и все без исключения доказывали, что они самые лучшие... Но опять-таки не скрыть ни от нас, ни от наших врагов, что сотни тысяч их в наших лагерях [пленных] буквально голодали и замерзали... Перед нами открывается гротескная картина, когда после страшной картины голода среди военнопленных мы на оккупированных территориях на Востоке заставляем спешно мобилизовать миллионы людей на работу и заполнять ими дыры, образовавшиеся в Германии... Наша политика объединила против нас в единый фронт большевиков и русских националистов... 40000000 украинцев, которые приняли нас с ликованием как освободителей, стоят сейчас равнодушно в стороне и начинают переходить в лагерь врага».[1]

Но изменение отношения местного населения к Германии не отразилось на отношении местного населения к евреям. Антисемитизм широких слоёв населения не исчез. Разочарование немецкой властью наступило после того, как большинство евреев было уже убито, а остатки заперты в трудовых и концентрационных лагерях, так что прервались почти все их связи с внешним миром и с местным населением.

Б. ОТНОШЕНИЕ К АНТИЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ – ПО НЕМЕЦКИМ ДОКУМЕНТАМ

Оккупанты следили за настроениями местного населения, включая его отношение к евреям и к немецкой антиеврейской политике. В отчёте от 15 октября 1941 г. командир айнзацгруппы А Шталекер писал о позиции литовцев:

«Со времени оккупации Литвы немецкой армией не ослабел активный антисемитизм, быстро вспыхнувший там. Во всех шагах, предпринимаемых против евреев, литовцы выступали [на нашей стороно-

не] с желанием и без устали».[2]

В отчёте штаба командования Гиммлера (Kommandostab RF-SS) от 17 сентября 1941 г., в разделе о деятельности 2-й бригады СС по очистке тыла группы армий «Север» отмечалось:

«Латышское и эстонское население дружественно и поддерживает нас... Русское население в этих районах, а также в районах деятельности других бригад выжидает и осторожничает».[3]

Вот фрагменты ежедневных отчётов айнзацгрупп:

«28 июля 1941 г... Разногласия между поляками и литовцами продолжаются в районе Вильнюса... Во всяком случае там есть общее согласие касательно шагов против евреев...

29 июля 1941 г... Житомир... Из-за поведения евреев во время большевистской власти население, за некоторым исключением, сознательно настроено антисемитски...

5 августа 1941 г.... Позицию населения в районе Витебска, Орши, Могилёва можно охарактеризовать как дружественную по отношению к немцам... Белорусское национальное самосознание фактически не существует. Открытого антисемитизма также не существует... Однако в целом среди населения росли ненависть и злость к евреям, и оно соглашается с деятельностью немцев (создание гетто, принудительные работы и т.д.), но они не способны взять на себя инициативу в части обращения с евреями...

...Украинцы, кроме исключительных случаев... глубоко ненавидят евреев... Во время революции, и в особенности в 1919 году, украинцы мстили евреям и организовывали погромы, во время которых убили тысячи из них... Среди старшего поколения украинцев есть те, кто до сих пор взращивает эту ненависть. Но в настоящем, судя по их настроению, они не будут прилагать усилия, чтобы продолжить уничтожение оставшихся евреев...

12 сентября 1941 г... В украинских областях следует принять во внимание тот факт, что население всегда довольно тем, как мы занимаемся еврейским вопросом. Но почти нигде не было возможным повлиять на население, чтобы оно предприняло шаги против евреев. Это связано со страхом... перед возвращением красных... Казнь евреев всюду была понята и принимается с удовольствием.

17 сентября 1941 г.... Реакция населения тут на освобождение от евреев была настолько воодушевлённой, что результатом была организация благодарственной молитвы.

7 октября 1941 г.... Смоленск (Россия)... Можно увидеть, что население воздерживается от самостоятельных действий против евреев... Они также жалуются в немецкие учреждения на возобновившиеся нападения евреев (как, например, на вернувшихся из гетто в их прежние квартиры без разрешения или на враждебные замечания евреев против немцев). Но несмотря на наши энергичные попытки, они не готовы активно выступать против евреев. Представляется, что главная причина этого – страх мести со стороны евреев, если вернутся красные...

19 ноября 1941 г.... Положение в Киеве... Враждебность к коммунистам, к евреям выражается в большом количестве доносов на них, а также в беседах жителей.

27 марта 1942 г.... Белоруссия... Продолжение широких акций против евреев, как, например, акции в Ракове и Червене... вызывает неуверенность, и даже тревогу среди белорусского населения...»[4]

Из этих отчётов следует, что органы Сипо, следившие за настроениями населения, оценивали в целом положительно отношение населения к немцам и их антиеврейской политике. Вместе с тем бросается в глаза отличие между прибалтийскими странами и Украиной, где к немецкой оккупации и к антиеврейским мерам относились более благожелательно, чем в Белоруссии и в России. Поэтому немцам потребовалось содействие полиции литовцев и украинцев для исполнения части акций уничтожения и для обеспечения «общей безопасности» в Белоруссии, где для этой деятельности не хватало белорусских шуцманов. В рапорте, представленном Розенбергу 30 мая 1942 г., о положении в Белоруссии говорится:

«Туда были посланы батальоны литовцев и украинцев... Там не создают белорусские вооружённые силы для охраны порядка...»[5]

В. ОТНОШЕНИЕ К ЕВРЕЯМ – ПО ЕВРЕЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ.

В свидетельствах периода Катастрофы, а также в исследованиях многократно отражается отношение местного населения к евреям. В источниках, касающихся гетто Литвы – в Вильнюсе, Каунасе и Шауляе, описано отношение литовцев к евреям. Переживший Катастрофу в Литве Л. Гарфункель свидетельствовал:

«Одним из факторов, который в годы Катастрофы добавил много страданий и неприятностей еврейскому обществу в Литве и обострил его трагическую судьбу, было бесчеловечное отношение со стороны многих представителей литовского народа, различных его кругов и слоёв... Большинство литовцев отождествляло евреев с коммунистами и обвиняло евреев во всех душевных и политических тяготах, выпавших им с потерей независимости [в 1940 г.]... Такой была атмосфера, царившая среди литовцев по отношению к еврейскому населению... когда колонны нацистской армии вторглись на территорию Литвы... Правда в том, что в период с 23 июня 1941 г. запачкали себя еврейской кровью, дикой жестокостью и бесчеловечностью многие литовцы, в том числе литовская интеллигенция».[6]

Ерушалми в своём дневнике «Хроника Шауляя» 21 декабря 1943 г. отмечает: *«Опубликована листовка литовской оппозиции с суровыми претензиями против немецкой оккупации, но там нет ни одного слова о евреях...».*[7] О том же писала Она Симайте: *«Во всех нелегальных газетах, литовских и польских, которые попались мне, я не нашла ни одной статьи, которая была бы написана страстно, с сердцем, с кровью во имя еврейского народа и его защиты...».*[8]

Положение в Латвии не отличалось от положения в Литве. М. Кауф-

ман свидетельствовал:

«Латышское население Риги встретило приход нацистов в праздничных одеждах. Они украсили свои дома флагами со свастикой и фарконским крестом [латышский национальный символ – И.А.]... Будучи свидетелем ужасной трагедии, которая произошла в Латвии, я не могу уменьшить вину немцев, но от латышей, с которыми жили рядом на протяжении сотен лет и с которыми пережили хорошие и плохие времена, мы ожидали человеческого, а не жестокого отношения».[9]

Ш. Холавский, опираясь на свидетельства евреев, в заключительной части своего исследования Катастрофы в Западной Белоруссии писал:

«Когда пришли немцы, они были приняты частью населения с демонстративной симпатией и с ненавистью к евреям... В Пружанах перед акцией возле ворот гетто собралось множество христиан и нетерпеливо ждало начала акции и грабежа... В Куринце шёл массовый поиск прячущихся евреев... В Дуниловичах надругались над трупами евреев, найденными в укрытиях, вырывали из их ртов золотые зубы и раскопали братскую могилу, чтобы найти золото».[10]

А вот что писали некоторые спасшиеся об акции в местечке Йоди в Западной Белоруссии в середине декабря 1941 г., и о последовавших затем событиях:

«Местные жители пришли наблюдать «спектакль»... Местная полиция осуществляла убийство... Соседи стояли в стороне и вглядывались... Тем временем местные жители грабили дома евреев Йоди, оскверняли синагоги, рвали книги Торы... В течение последующих 10 дней было схвачено более 100 человек, бежавших от палачей, в большинстве местными крестьянами... Без помощи местных крестьян никогда немцы не поймали бы бежавших... Вместе с тем я должен отметить, что около ста евреев Йоди, всё ещё остававшихся в живых в первые дни нового 1942 г., были обязаны жизнью праведникам, христианам, которые рисковали своим имуществом, жизнью и жизнью своих семей, чтобы спасти евреев... В противоположность сотням христиан, которые нашли лёгкий путь в грабеже и убийстве евреев, были десятки христиан района, которые делились с нами последним куском хлеба и единственным стаканом молока».[11]

И в Восточной Белоруссии, несмотря на более чем двадцатилетнюю интернационалистскую агитацию Советской власти, отношение местного населения существенно не отличалось от отношения населения в Западной Белоруссии. Вот что рассказала Эстер Лофилова из местечка Сиротино (Витебская область):

«До войны отношения между евреями и русскими [свидетельница имеет в виду и белорусов – И.А.] были хорошими. Только пришли немцы, и уже всё изменилось... Однажды пришла ко мне моя подруга, русская, и сказала: «Пойдём к нам, на твоём лице не написано, кто ты такая [еврейка]. Мы скажем, что ты наша родственница из города... Эта подруга жила со своей тётей в деревне Давиденки... В

сентябре или октябре [1941г.] мы с матерью ушли из гетто и пошли туда... Когда она пригласила нас, подруга, наверно, думала, что они получат наши вещи. Когда тётя увидела, что мы пришли без вещей, она выгнала нас... Были также и добрые люди. Учительница Анна Гальзо из деревни Слобода приняла нас на две недели... После этого нас приняла в свой дом женщина, которая жила одна».[12]

А вот что рассказал в своём свидетельстве Борис Эфрос из городка Яновичи (Витебская область):

«Немцы оккупировали Яновичи 11-12 июля 1941 г.... Отношение местных жителей к евреям немедленно изменилось... Русские друзья отвернулись от их еврейских друзей, с которыми учились в школе... Те, кто доносил на евреев, доносил также и на коммунистов... из числа руководителей и активистов. На русских солдат, бежавших из плена или вышедших из окружения, не доносили, так как они были «из наших»... Население начало поддерживать партизан прежде всего из-за немецкого террора, а в дальнейшем – после контрнаступления русских под Москвой [зимой 1941 г.]».[13]

В других свидетельствах описано положительное отношение белорусов к евреям. Тамара Гершкович из Минска рассказала:

«Нужно напомнить, что при входе в гетто и даже при обмене репликами с евреями через забор русским и белорусам грозило наказание смертью... Несмотря на это, много евреев постоянно состояло в связи с русскими и белорусами. И если люди в гетто до последнего дня его существования не умирали от голода, – это благодаря связям с местным населением».[14]

Об отношении местного населения к евреям на Западной Украине написано в исследовании Катастрофы на Волыни:

«[После советского отступления] народная и традиционная ненависть к евреям всплыла на поверхность, возросла и нашла своё выражение в произошедших погромах... На страницах газет и с амвонов церквей продолжалась подстрекательская пропаганда. Украинские полицейские и группы молодёжи содействовали айнзацгруппам в практическом осуществлении убийства... Грабёж еврейского населения украинцами продолжался до полного уничтожения... Евреи передавали крестьянам на сохранение вещи и товары в надежде заплатить этим позже за еду и убежище. В более лёгких случаях у скрывающихся забирали только их имущество, отрекались от хозяина, пришедшего возвратить его, и даже выгоняли пришедших под угрозой выдать их полиции. В тяжёлых случаях крестьяне убивали евреев собственноручно или выдавали их украинской полиции, чтобы присвоить их имущество».[15]

Историк Филипп Фридман, который был свидетелем событий во Львове, писал о горькой судьбе многих, кто искал спасения у местного населения:

«В большинстве случаев евреи находили убежище у людей, которые хотели извлечь из этого материальную пользу... И не раз случалось, что хозяева домов выгоняли прятавшихся евреев, у кото-

рых кончались деньги. Были случаи, когда шантажисты узнавали об этом укрытии, и они требовали большие суммы или также «отступные» за молчание, почти постоянную ежемесячную плату... Евреи, «хорошо выглядевшие» («непохожие»), могли искать другой выход. Многие из них маскировались под христиан... Жизнь этих евреев–«арийцев» была пропитана страхом. Посланные полицией следили на улицах за замаскировавшимися «арийцами». По улицам города самостоятельно бродили шантажисты, негодяи и даже дети, которые специализировались в искусстве острым взглядом узнавать замаскированного еврея... Почти каждый день хватали десятки прячущихся или маскирующихся евреев».[16]

На Волыни украинцы составляли большинство, но там жило и значительное польское население. Бытовой антисемитизм поляков был не меньшим, чем среди украинцев, но поляков самих здесь преследовали украинцы, а также и немцы за антинемецкие настроения, поэтому поляки к евреям относились лучше, они куда меньше участвовали в грабежах и убийствах, а кроме того, помогали евреям.[17]

Об отношении к евреям на Восточной Украине можно узнать из свидетельств немногих спасшихся здесь, большей частью еврейских супругов в смешанных семьях или детей от смешанных браков – с помощью арийских родственников они избежали судьбы остальных евреев. И.С. Белозовская, еврейка из Киева, чьи родители, две сестры и трое их детей были убиты в то время, как она и её сын Игорь спаслись с помощью её мужа-украинца и его семьи, рассказала:

«19 сентября, когда немцы начали заходить в город... стояли люди с льстиво-радостными, подобострастно-угодливыми лицами, встречая «освободителей» своих – немцев... Я могу пока жить, потому что они [украинская семья] хотят сохранить мать для моего сына Игоря и их внука... Соседи были заинтересованы открыть местопребывание моё. О том, что я где-то есть, они знали, так как видели меня в день прихода немцев. Они только предполагали и следили безустанно... Дворник ставил вопрос о жизни Игоря, ведь мать его еврейка была (я не существовала), и надо его сдать немцам. Родные же мужа доказывали всякой правдой и неправдой, что Игорь крещён, и спасли его... Каждый во дворе старался застать его врасплох, и вдруг спросят: «А где твоя мама?» Слово «мама» ему было запрещено произносить вне квартиры... Я жила, но это была горькая жизнь».[18]

Студентка из Мариуполя Сара Глейх писала об украинских соседях:

«18 октября [1941 г.]... Объявили, что в течение двух часов мы должны оставить город...Соседи, как коршуны, ждали, когда мы уйдём из квартиры, да уже при нас не стеснялись – Маша открыла двери и сказала, чтобы они брали, что кому нужно. Все кинулись в квартиру, папа, мама, Фаня с ребёнком сразу ушли вперёд, они не могли это видеть. Соседи ссорились из-за вещей на моих глазах, вырывали вещи друг у друга из рук, тащили подушки, посуду, перины».[19]

О захвате местными жителями квартир евреев и их содержимого во

время высылки евреев в гетто свидетельствовала Ривка Фишер из Пирятина (Украина):

«Когда еврей возвратился в свою квартиру, чтобы взять кое-что из вещей, его встретили «наследники»-украинцы топором и угрозами убить его, если он немедленно не уберётся… Вследствие этого многие евреи не осмеливались возвращаться и брать кое-что из оставшихся вещей».[20]

Подобные описания можно найти и в других свидетельствах.[21] Жёны русских мужей Нина Могилевская и её подруга Маруся Сердюкова из Харькова бежали из гетто накануне убийства там евреев. Они обе пришли в село Каплиневка, где жили родители мужа Маруси. Нина Могилевская потом рассказала:

«Родители мужа Маруси – Сердюковы – нас хорошо встретили, накормили. Сердюков сказал, что если у нас есть деньги, то у [местного] коменданта можно купить документы и тогда жить безбоязненно. Но денег у нас не было. На следующий день по приходу в Каплиневку я вспомнила, что в семи километрах от этой деревни живёт дядя моего мужа. Я решила у него попросить помощи... Я ушла. Денег я не получила и в тот же день вернулась в Каплиневку. Подходя к деревне, я увидела толпу. Я сделала ещё несколько шагов и увидела Марусю, висящую на перекладине. На ней висела табличка с надписью: «Большевичка та жидовка». Как потом выяснилось, её выдал свёкор – Сердюков. Я вернулась к родным мужа. И хотя меня искали, дядя [мужа] меня не выдал».[22]

Гину Грищенко-Шмуклер, которая была замужем за украинцем, выслали в гетто в Харькове вместе с двумя её дочерьми. Вот её свидетельство:

«Мы убежали из гетто… Два дня мы прятались у знакомых свекрови, а потом маленькую дочь я оставила у них, а со старшей пошла в Полтавскую область, к родственникам свекрови. Шли мы месяц, каждый день смотрели смерти в глаза, так как евреев искали повсюду немцы, полицаи, да и сельское население. Когда мы пришли в село, где жил брат моей свекрови, – Шергинивка – нам и там отказали в жилье и помощи, так как боялись немцев…Мы поселились у чужих людей».[23]

По рассказам Нины Могилевской и Гины Грищенко-Шмуклер можно изучать отношение жителей к родственникам-евреям: небольшая часть их была готова подвергаться риску, помогая евреям, тогда как другие отказывались делать это – а нередко и доносили на них или даже насильственно передавали их в ближайший полицейский участок, отдавая родных на смерть. Нет данных и нет возможности установить количество евреев, ставших жертвами доносов, но можно предположить, что речь идёт о тысячах. В архиве украинской полиции в Харькове нашлись документы о доносах жителей домов на евреев, которые пытались скрыть свою национальность и продолжали жить в своих квартирах. В некоторых доносах было написано:

«Ставлю вас в известность, поданы списки на жидов, в которых зна-

чится жидовка Якубович Раиса Николаевна, по домовой книге зарегистрирована как жидовка, в настоящее время паспорт не представляет, утверждает, что она его утеряла. Утверждаю, что Якубович Раиса жидовка…

…В доме № 83 в кв. 22 по Пушкинской ул. проживает Левенко-Гурвич Александра Григорьевна… До прихода немецкой армии в г. Харьков она была по паспорту жидовкой, как свидетельствует тройка этого дома. Её все знают в этом доме как жидовку. Но после прихода немецкой армии в Харьков она уже хочет быть русской… У неё паспорта не оказалось, как она говорит, он у неё пропал во время бомбардировки… Прошу отдел охраны управы 17-го района расследовать этот случай и принять соответствующие меры».[24]

Подобные сообщения были на всех оккупированных территориях Советского Союза. Управляющие домами и дворники получили приказы докладывать местной полиции о жильцах-евреях, коммунистах, а также бывших работниках НКВД. Так говорилось в приказе Орлика, начальника украинской полиции в Киеве:

«Все управляющие домами в г. Киеве обязаны отчитаться в течение 24 часов обо всех евреях, работниках НКВД и о членах коммунистической партии, проживающих в их домах, в ближайшем полицейском участке их квартала или перед начальником украинской полиции Киева… Скрывающих этих людей ожидает смертная казнь. Управляющим домами или старшим дворникам самостоятельно привести евреев в еврейский лагерь, расположенный рядом с лагерем военнопленных на улице Керосинной».[25]

Управляющие домами, дворники, а то и просто жители и соседи передавали в полицию тысячи имён и адресов евреев, которые не подчинились приказу о высылке. Кроме управляющих домами и дворников, в каждом доме были назначены трое жильцов («тройка»), которых обязали передавать в полицию или в муниципалитет любое сообщение о евреях, живущих в этих домах.[26]

Немногие евреи, не явившиеся для «переселения» и оставшиеся в своих квартирах в надежде, что соседи не донесут на них, почувствовав, что находятся накануне ареста, вынуждены были скитаться и искать спасения с помощью незнакомых людей. Были и такие, кто пытался достичь фронта и перейти его. В рассказе девушки Косой Марии Самуиловны, которая более года мыкалась по просторам Украины в попытке спастись, отразились реалии того времени:

«Я начала скитаться от села к селу. Были люди которые давали убежище на день-два, и я вынуждена была продолжать скитаться дальше. Зима в том году [1941-42 гг.] была суровой, и я очень страдала. В каждом селе была опасность, что меня схватят и передадут старосте села или полиции, и результатом этого была смерть. Поэтому часто я была вынуждена продолжать идти дальше, в другое село, до наступления сумерек, и только тогда стучалась в дверь… Я благодарю добрых людей, которые позволили мне войти в их тёплую избу и дали мне немного еды… В страданиях и скитаниях прошло

более года, пока в середине февраля 1943 г. в Днепропетровской области я достигла позиций нашей армии».[27]

М.С. Косая была не единственной, кто в борьбе за спасение прошёл сотни километров в попытке пересечь линию фронта. Немногим это удалось – благодаря доброжелателям, которые помогли в дороге и благодаря тому, что им удалось скрыть своё еврейство, что гораздо легче было сделать женщинам.[28] Многие люди были схвачены по дороге, когда они наталкивались на немцев, полицейских или жителей, которые доносили на них.

Немецкие власти считали укрывательство евреев местными жителями, а иногда также нежелание сообщить о скрывающихся или выдающих себя за арийцев евреях преступлением, подлежащим смертной казни. Угроза наказания доводилась до населения в приказах, распространяемых на улицах городов, и в газетах. В некоторых местах объявления распространялись муниципальными властями и местной полицией. Например, в Черкассах (Украина) 10 октября 1941 г. был опубликован подписанный бургомистром города Шпакивским и начальником украинской полиции Болибруком приказ, в котором говорилось, что «за сокрытие евреев и за связь с партизанами виновные будут расстреляны на месте, без суда».[29]

В приказе Сипо в Керчи (Крым), опубликованном в декабре 1941 г. после убийства там евреев, указывалось, что «жители города, знающие о местонахождении евреев, обязаны сообщить об этом в Сипо. Не выполнившим этот приказ [полагается] смертная казнь через расстрел».[30] Такой же приказ был опубликован и во Львове.[31] Нетрудно предположить, что из-за таких приказов многие местные жители, при других обстоятельствах, возможно, готовые помочь преследуемым евреям, теперь не захотели рисковать ради них жизнью.

В аннексированных районах, особенно в странах Балтии, Западной Украине, Бессарабии и Северной Буковине, большинство местного населения приняло немцев с энтузиазмом, что выразилось также в отношении к евреям. На «старых» территориях Советского Союза местное население, как правило, занимало более сдержанную позицию по отношению к евреям. Это можно отнести также на счёт службы многих местных мужчин в то время в Советской Армии и к их борьбе с немцами, что порождало большее отмежевание населения от немецких оккупантов. Но и там не было атмосферы помощи преследуемым евреям. Всё местное население на оккупированных территориях Советского Союза можно разделить на три группы: соучастники нацистов; люди, «стоявшие в стороне», и те, кто помогал евреям.

Соучастники деяний нацистов в убийстве евреев находились во всех районах оккупации, и их количество составляло сотни тысяч. Факторами, порождающими их поведение, были антисемитизм, ненависть к Советской власти и корыстолюбие. В эту группу входили также уголовные элементы, всегда готовые грабить и убивать.

В группу «стоявших в стороне» входила большая часть местного населения – десятки миллионов. Эти люди не выказывали активной враж-

дебности к евреям, несмотря на то, что среди них были те, кто, по-видимому, пользовался имуществом евреев. На поведение членов этой группы повлияли антисемитизм, равнодушие и страх. Равнодушие проистекало из общих страданий, принесённых войной: убийство евреев в их глазах было частью этих страданий. Источником страха были угрозы немцев казнить каждого, кто поможет евреям, и власть действующего террора. И те, кто не совсем равнодушно относились к судьбе евреев, были не готовы рисковать своей жизнью и жизнью своих семей ради них. Поведение «стоявших в стороне» на деле способствовало нацистской политике по отношению к евреям, ведь еврей, чтобы спастись, нуждался в действенной помощи со стороны местных жителей: в предоставлении убежища, в помощи пищей, в обеспечении арийскими документами и т.п. Без такой помощи у еврея, боровшегося за жизнь, не было ни одного шанса спастись (кроме районов леса и партизан).

Группа помогавших евреям состояла всего из нескольких тысяч. Спасавших евреев назвали «Праведниками народов мира», рассказ о них – в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Klee and Dressen, *Got mit uns...*, pp. 201-206.
2. Нюрнбергские Документы, L-180, с. 64.
3. Vojensky historicky archiv (Прага, Чехия), Fonds Kdos RF SS.
4. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, pp. 10, 27, 54, 55, 68, 73, 131-132, 136, 171, 238, 304, 319.
5. USHMMA, Фонд RG, Опись 53002, Дело M, Reel 22. Под документом нет подписи. Об участии литовских полицейских в акциях уничтожения в Белоруссии см. гл. 16, раздел Г.
6. Л. Гарфункель, *Наш счёт к литовцам*, в сборнике: Л. Гарфункель (ред.), *Еврейство Литвы*, т. 4, с. 48, 50, 56, 58-59 (далее: Гарфункель, *Наш счёт...*).
7. Ерушалми, *Хроника Шауляя...*, с.147.
8. Гарфункель, *Наш счёт...*, с. 58.
9. Max Kaufmann, The War Years in Latvia Revisited, in: M.Bobe et al., *The Jews in Latvia*, pp. 352, 366.
10. Холавски, *На реках...*, с. 260, 262-265.
11. David Smuschkowitz, Peter Silverman and Peter Smuschkowitz, *From Victims to Victors*. – Toronto, 1992, pp. 82-83 (далее: Smuschkowitz et al., *From Victims...*).
12. Архив Яд Вашем, 03/4599. Из собранных свидетельств Романовского.
13. *Там же*, 03/4614
14. Арад и др. *Неизвестная...*, с. 256.
15. Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 188-190.
16. Филипп Фридман, Евреи на арийской стороне, *Энциклопедия диаспоры, том «Львов I»*, с. 699-700 (далее: Фридман, *Евреи на арийской стороне...*).
17. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 10, p. 2; 67, p. 114; 153, p. 272. Поляков представляют там как антигерманский фактор. Спектор, *Шоа евреев Волыни..., с. 194-198*.
18. Арад и др. *Неизвестная...*, с. 35, 37, 39.
19. *Там же*, с. 215.
20. Архив Яд Вашем, 3592/343-9.
21. Арад и др., *Неизвестная...*, с. 57-60. Рассказ учительницы Эмилии Котловой.
22. *Там же*, с. 93-94.
23. Ляховицкий, *Жёлтая...*, с. 81-82.

24. Й. Ляховицкий, *Холокост на Украине и антисемитизм в перспективе.* – Харьков, 1992, с. 18.
25. Центральный государственный архив общественных организаций Украины, фонд 1, опись 23, дело 121.
26. Ляховицкий, *Пережившие,* с. 168-179. Автор приводит ксерокопии анкет Харьковского муниципалитета, которые заполнялись управляющими домами и дворниками и в которых указывались имена евреев, не покинувших свои квартиры и скрывающих свою национальность.
27. *Там же,* с.70.
28. Арад и др., *Неизвестная...*, с. 249-250.; Архив Яд Вашем, 03/4676.
29. *Там же,* М-52-1.
30. Губенко, *Книга Печали...*, с. 65.
31. Йонас, *Евреи Львова...*, с. 315.

ГЛАВА 41

ПРАВЕДНИКИ МИРА

А. ПРОБЛЕМЫ СПАСЕНИЯ ЕВРЕЕВ И ЕГО МАСШТАБ

На оккупированных территориях Советского Союза не существовало организованной помощи евреям от какой-либо группы местного населения или антинемецкого подполья, как это происходило в некоторых оккупированных европейских странах.[1] Здесь помощь носила индивидуальный характер. Местные жители рисковали жизнью, своей и семьи, помогая евреям, искавшим спасения. Иногда евреев спасали совместно несколько семей, поочерёдно предоставляя им убежище на различный период времени: на день-два, а иногда – на год и более – в зависимости от местных условий и грозящей опасности. Помощь могла выражаться также в предоставлении арийских документов .

Люди, которые помогали евреям с риском для себя, исходя из гуманитарных соображений, именуемые «Праведниками народов мира», нашлись во всех оккупированных районах, но число их было небольшим. По данным Израильского мемориала Яд Вашем, звание «Праведника народов мира» до января 2005 г. получили 2.079 украинцев, 653 белорусов и русских, 555 литовцев, 96 латыша, 69 молдаван, 10 армян, 3 эстонца – всего 3.465 человек, то есть весьма небольшое количество населения оккупированных территорий, составлявшего 70-80 миллионов человек.[2]

Это число включает не всех людей, помогавших евреям, а только тех, кому спасшиеся люди или их семьи, или их друзья просили Яд Вашем присвоить звание «Праведника». На деле спасавших было больше, но в Яд Вашем не поступила необходимая информация о них. Указанное количество Праведников распределяется по национальному, а не географическому принципу, и в него не включено несколько сот польских спасителей, которые проживали в Западной Белоруссии и Западной Украине.[3] Относительно большое число украинцев-Праведников – следствие наличия множества и евреев, и украинцев на оккупированной территории Украины. Ни в коем случае нельзя делать вывод, будто украинцы относились к евреям лучше, чем другие народы на оккупированных территориях.

Обычно убежище предоставлялось в каком-нибудь тайнике в доме спасителя или возле него, и в деревне это было легче сделать, чем в городе. Требовалось также обеспечить спасаемых продовольствием – особенно тяжелое дело в условиях существовавшего тогда острого дефицита. Скрывающиеся евреи могли частично или полностью оплачивать еду, но далеко не всегда они были в состоянии сделать это, и обеспечение пищей падало на плечи спасителей. Зачастую спасение евреев оканчивалось трагично. Не раз спасителей по доносу или случайно хватали и убивали, иногда вместе с их семьями. Количество казнённых неизвестно, но можно предположить, что их было немало,

сотни.

Причины, которые заставляли человека рисковать собою и своей семьёй, чтобы помогать еврею, оказывались разными. Спасители действовали во враждебной их поступкам общей атмосфере, они знали о немецких приказах, запрещавших любую помощь евреям, и о грозящей им смертельной опасности. Приходилось опасаться доносов соседей не меньше, чем обысков полиции. Доносчики получали от властей награду: иногда одежду схваченных и убитых евреев, а иногда – несколько килограммов соли или водку.

Инициатива акций спасения исходила с двух сторон. Евреи обращались к друзьям, знакомым, а то и незнакомым людям с просьбой о помощи себе, своей семье или хотя бы своим детям. А иногда инициативу проявляли сами спасители, которые, завидев знакомых или даже незнакомых людей в опасности для жизни, предлагали им помощь. Каждый случай спасения – это отдельная история, имевшая свои причины. Ниже описываются отдельные наиболее яркие случаи спасения, демонстрирующие разнообразие спасителей, их действий и мотивации.

Праведники не могли прятать евреев в своих домах или возле них без участия своих семей, но другие формы оказания помощи, такие, как обеспечение арийскими документами, можно было осуществлять и без участия семьи спасителя. Последние действия были гораздо более редкими, чем предоставление убежища, потому что жить открыто, с арийским документом, нечасто оказывалось возможным. Для этого, прежде всего, требовалось внешне выглядеть арийцем, а также отлично знать местный язык и соответствующее произношение, знать христианские обычаи и молитвы; и было важно, чтобы местные жители не опознали маскирующихся. Обычно местное население опознавало евреев, даже если они не были местными. Всегда и всюду находились подлецы, готовые с удовольствием донести на евреев, а иногда и вымогать у них перед доносом последние деньги.

Б. СПАСЕНИЕ НА АННЕКСИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

В странах Балтии было особенно тяжело помогать евреям. Спасительница евреев литовский доктор Хелена Куторгиене писала в своём дневнике:

> *«Литовцы, за небольшим исключением, объединились в своей ненависти к евреям... Грубое литовское простонародье, при полном равнодушии интеллигенции (и, вероятно, её согласии), проявило жестокость диких зверей».*[4]

Но и в такой атмосфере находились люди, готовые спасать евреев. Одним из них был Йонас Паулавичус, столяр с начальным образованием, который жил с женой и двумя детьми в пригороде Каунаса. Спасать евреев он начал достаточно случайно. Его сын узнал 14-летнего еврея Йонатана Файна, который до войны играл на скрипке на концертах в их школе, и отец откликнулся на просьбу сына предоставить Йонатану укрытие в их доме. После этого Паулавичус длительное время давал в своём доме убежище трём членам семьи Шемеш и предложил отцу

семейства привести в его дом из гетто ещё несколько людей из среды еврейской интеллигенции, чтобы после окончания войны и освобождения от немцев они могли возродить еврейскую общину Каунаса. Накануне освобождения Каунаса, в июле 1944 г., Паулавичус дал приют в своём доме ещё нескольким евреям, и всего нашли у него убежище 12 евреев. Паулавичус подготовил для них две комнаты под землёй, рядом с его домом, и обеспечивал их продовольствием.

Что побуждало этого простого, почти необразованного человека спасать незнакомых евреев, рискуя собственной жизнью и жизнью своей семьи? Сам спаситель, по-видимому, ничего не объяснял, а спасённые приписывали это его человеческому и благородному, с симпатией и отзывчивостью, отношению к евреям, а также его социалистическому и антинацистскому мировоззрению. Оказанная им помощь евреям была после прихода Советской Армии обнаружена в его литовском окружении. Группа литовских антисемитов не простила этого «отцу евреев», как его прозвали, и убила его.[5] Не одного Паулавичуса убили после войны литовские антисемиты. Миколас Симелис, лесничий из местечка Вевис на юго-востоке Литвы, предоставивший убежище 14 евреям, в большинстве из Каунаса, в подвале своего дома, тоже был убит в 1945 г. Присутствовавшей прислуге убийцы сказали: «Это то, что случится с каждым, кто помогает евреям».[6]

Среди Праведников мира в районе Каунаса нашёлся Брониус Готаутас – необразованный деревенский житель, глубоко религиозный католик, которому предоставили возможность жить в монастыре и заниматься продажей религиозных книг. Глубокие религиозные чувства не давали ему покоя, когда он видел жестокое отношение к евреям, и он решил помочь им. Его связи со многими знакомыми ксёндзами, в обязанность которых входило выдавать свидетельства о рождении, дали ему возможность получить у них документы и найти места укрытий для нескольких евреев. Его арестовали по доносу и выслали в концентрационный лагерь Штутхоф, откуда он вышел тяжело больным.[7]

Спасшиеся из Вильнюсского гетто много раз вспоминали Праведницу мира Анну Симайте. Симайте работала библиотекарем в Вильнюсском университете. Под предлогом возвращения книг, задержанных бывшими еврейскими студентами, Симайте открыто входила в гетто. И вот что писала о ней Таня Штернталь, которую Симайте вывела из гетто:

> *«Симайте создала комитет спасения евреев, в котором было всего три женщины. Его целью был поиск связей для того, чтобы прятать, подделывать документы, собирать деньги у тех, кто боялся предоставить у себя приют, но кто готов был пожертвовать деньги... На свои продовольственные карточки... она посылала еду детям в гетто, в детский дом. Она была заинтересована в спасении культуры народа... Она взяла у поэта Суцкевера его произведения, чтобы сохранить их».*[8]

Весной или в начале лета 1944 г. Симайте была арестована. Во время следствия по поводу её связей с евреями Симайте никого не выда-

ла. Её приговорили к смерти, но университетские друзья спасли Анну от исполнения приговора с помощью взятки, и её выслали в концентрационный лагерь Дахау. Оттуда Симайте перевели на юг Франции, где её освободили союзные войска.[9]

Ксёндз Юзас Стакаускас был назначен немецкими властями в Вильнюсе настоятелем бенедиктинского монастыря, служившего архивом и местом сосредоточения книг и рукописей, которые привозили из других районов города и из других оккупированных районов Советского Союза. Стакаускас сблизился с евреями из гетто, занимавшихся там классификацией книг, и летом 1943 г. перед ликвидацией Вильнюсского гетто он вместе с монахиней Марией Микульской подготовил место для убежища в подвале здания, за книжными шкафами, где спрятались 11 евреев. Архив посещали немцы и литовцы, поэтому Стакаускас и те, кто помогал ему, подвергались большой опасности. Стакаускас говорил скрывавшимся: «Мы вместе спасёмся, или вместе умрём». Около года, вплоть до освобождения города в июле 1944 г., евреи находились в тайнике и спаслись благодаря глубокой христианской религиозности спасителей и их любви к людям.[10]

Среди Праведников Литвы следует вспомнить крестьянина Стряуписа из деревни Шарнеляй в районе Тельшяй, который вместе с ещё тремя помогавшими ему деревенскими жителями спас 22 еврея.[11] В последний год оккупации, со второй половины 1943 г., когда отношение части литовского населения к немцам стало меняться, представители евреев из гетто в Каунасе и Шауляе обратились к группам литовцев с просьбой спасти детей, которых начали уничтожать при превращении гетто в концентрационные лагеря. Некоторые литовцы откликнулись на обращение: несколько десятков детей были выведены из этих лагерей и спасены – часть их путём устройства в детские учреждения.[12]

В Латвии известно имя спасителя Яниса Липке, рабочего порта, который стал свидетелем акций уничтожения в Риге в конце ноября 1941 г.; они так потрясли его, что он решил помогать евреям. Он уволился из порта и начал работать в подразделении немецких военно-воздушных сил, где были заняты также евреи из гетто. Он планировал переправить группу евреев через Балтийское море в Швецию, для чего подготовил лодку, но дело раскрылось, и Липке вместе соучастником-евреем Перлом были арестованы. Перла казнили, а Липке повезло освободиться. Липке купил ферму возле городка Добеле и там прятал евреев; он также уговорил нескольких своих друзей укрыть евреев. Липке спасал евреев до освобождения Риги в октябре 1944 г. – 42 еврея обязаны ему жизнью. В этой деятельности ему помогали его жена и сын.[13]

Как в Западной, так и в Восточной Белоруссии помогать евреям было немного легче благодаря тому, что антисемитизм и антисоветские настроения там были слабее, чем в странах Балтии, а также благодаря обширным лесным районам. Находились местные жители, которые помогали евреям добираться до леса и найти там укрытие. В районе Кобыльников (Западная Белоруссия), вблизи озера Нарочь, Юзеф Тункевич прятал 14 евреев. В деревне около местечка Столбцы женщина

в течение двух лет прятала шестерых евреев под полом сарая. В Ивье в качестве воздаяния за благодеяния еврейской семьи в период Советской власти польский сапожник Курбат прятал 15 евреев.[14] После акции уничтожения в местечке Йоды десятки евреев нашли убежище у окрестных крестьян, с которыми они много лет были связаны рабочими и торговыми отношениями.[15]

В Западной Украине спасение осложнялось большим, чем в Западной Белоруссии, традиционным антисемитизмом. В лесах и сельской местности, особенно на Волыни, – естественных местах, в которых евреи искали убежища и помощи местных жителей, – действовали украинские националисты, оуновцы, которые к евреям относились враждебно и убили многих.[16] Но были и те, кто спасал евреев. Спектор писал о помощи евреям в районе Волыни:

«Отличился Витольд Фоменко из Луцка... [Он] рос среди еврейских детей... Когда приблизилось время ликвидации, он помог своим друзьям, обеспечив их арийскими документами. За это он и его отец были арестованы, и только благодаря знакомству с начальником полиции их освободили... После ликвидации гетто Фоменко продолжал помогать евреям, скрывающимся в Луцке. Он сам арендовал большой дом, поселился в нём и прятал евреев, других прятал у своих друзей... Он заботился о многих евреях, но только 36 из них удалось ему спасти...

Случаи оказания помощи со стороны польских крестьян были более многочисленными... Известны глухие польские сёла по ту сторону реки Случ... Сотни евреев нашли там пищу и место убежища. Николай Курята, один их таких крестьян, укрыл 50 евреев. Он построил для них землянки в лесу возле своего дома... В середине 1943 г. оказывать помощь стало труднее. Украинские националистические банды начали уничтожение поляков на Волыни. Вместе с поляками страдали и скрывавшиеся у них евреи».[17]

Баптисты, проживавшие в Западной Белоруссии и Западной Украине, относились к евреям с симпатией, главным образом по религиозным соображениям.[18] Благодаря им спаслись десятки, а может быть, и сотни евреев. Кузнец Герш Посорский, который бежал из гетто Столбцы и пришёл в дом баптиста, вспоминал:

«Нас приняли гостеприимно, как будто принимают важных людей... Мы спросили их, не боятся ли они. Они ответили нам, что они не боятся никого, кроме Бога. Гитлер не уничтожит вас, потому что вы вечны и Израиль не погибнет. Он только наказывает вас за грехи ваши и проверяет вашу преданность... Вы любимые сыновья Бога, избранный народ, поэтому он наказывает вас. Вас избрал Бог для очищения мира от зла и для того чтобы принести освобождение человечеству».[19]

Давид Приталь, получивший убежище у баптистов, рассказывал о сердечности, с которой его приняли: когда он пришёл к Ивану Яцюку, тот и его жена преклонили колени в молитве и благодарили Бога за то, что позволил им спасти одного из оставшихся израильтян; и в доме

другого баптиста, принимая Давида, его встретили фразой из Псалма 126, произнесённой на иврите: «Когда возвратил Господь пленников Сиона, были мы как во сне».[20]

Во Львове тысячи евреев искали спасения у городского населения, но большинство из них было схвачено. Филипп Фридман, очевидец происходившего во Львове, тоже искавший там спасения, писал о положении в городе после ликвидации гетто:

«Во Львове всё ещё нелегально проживали тысячи евреев, которым удалось спастись и укрыться. Часть их спряталась в христианских семьях, в маленьких убежищах, а часть проживала в арийских районах с поддельными документами… Немецкая тайная полиция, которая непрерывно обследовала жилые дома и улицы города, с течением времени обнаружила многих из них, а многие были схвачены в результате доносов. Христиан, арестованных за помощь скрывающимся евреям, присуждали к смерти… Смертные приговоры широко рекламировались, и они были необходимы немцам для внушения страха христианам, чтобы они не прятали евреев… Было немного христиан, которые прятали евреев по идеологическим соображениям».[21]

Проблемы и опасности укрывания евреев в городе описывает в своём дневнике Пелагея Лозинская, украинка, которая спасла своего мужа-еврея и ещё одну еврейскую семью во Львове. Она писала:

*«**17 августа 1942 г**… Вновь ходила на кладбище, чтобы помочь мужу найти место убежища… Я подошла к работавшему здесь могильщику, которого зовут Зумер. Я спросила его, готов ли он спрятать моего мужа в глубине могилы. Зумер согласился на мою просьбу за 500 злотых. Во время переговоров к нам подошёл знакомый мужа, адвокат Фукс, и сказал могильщику следующее: «Если спрячешь её мужа, а меня нет, всех выдам гестапо». Могильщик посмотрел на меня со страхом и промолчал. После небольшого замешательства я спросила Зуммера, какую сумму мне предложить ему за укрывательство Фукса и семерых его близких, сопровождающих его. «1000 злотых», – ответил Зуммер… С наступлением темноты Зуммер привёз всех к пустой могиле, и когда он сдвинул камень с места, я обнаружила пустые ящики, предназначенные для мёртвых… Возможно ли, чтобы мой муж был похоронен заживо в этой могиле! Остающиеся успокаивали меня и говорили, что они готовы сидеть в этой могиле, до конца войны.*

***26 августа 1942 г**… Вчера закончилась акция. Люди покинули убежище в могиле… После 14-дневного периода он помылся и побрился. Потом я привела его в семью Финкельштейнов. Как известно, эта семья находится у меня на чердаке. Я не смею привести его домой, потому что я боюсь соседей, ненавидящих евреев лютой ненавистью…*

***28 августа 1942 г**… Сегодня, в 8 часов утра… я вывела мужа из его временного убежища и спрятала его в ботаническом саду, находящемся на улице Длугош… Господин Бонковский, управляющий*

садом, согласился спрятать мужа в зерновом амбаре внутри сада... Муж в прошлом бесплатно учил его внука играть на скрипке, и поэтому Бонковский решил отблагодарить моего мужа...

5 сентября 1942 г... *Муж решил в любом случае перебраться вместе с его матерью внутрь гетто...*

25 ноября 1942 г... *После ликвидации гетто я забрала мужа и привела его в мою квартиру. При помощи украинского привратника, жившего в доме, приспособила для мужа место для убежища...*

8 апреля 1943 г... *Зимняя ночь... Неожиданно раздался звонок. Я открыла дверь. Вошли супруги Изковские, и неописуемый страх читался в их глазах. Что случилось? В квартире Изковских скрывалось около 16 человек. Сторож дома заметил, что супруги Изковские закупают большое количество хлеба. Молочница приносила им около 10 литров молока, и она высказала свои подозрения сторожу, а он вызвал гестапо. Изковские бежали...*

11 мая 1943 г... *Ночь была кошмарной! У меня появились поляки – агенты тайной полиции с намерением арестовать господина Лихтенбаума... К моему несчастью, муж находился во время их визита в комнате Лихтенбаума... Я подкупила поляков... Они получили 10000 злотых и убрались.*

24 июня 1944 г... *Вчера вечером в город вошла Красная Армия, моим счастью и радости нет предела...»*[22]

Проблемы и трудности спасения евреев, описанные в этом дневнике, были характерны для всей оккупированной территории. Из дневника также видно, что при возможности выбора евреи обычно предпочитали находиться в гетто, а не в убежище вне его. Тому нашлось несколько причин: в гетто человек обитал в коллективе и обычно работал; он видел солнечный свет. В убежище, напротив, были одиночество и тяжёлые физические условия. Скрывающийся находился в постоянном страхе перед доносом – приближающиеся шаги и стук в дверь означали немедленную опасность, а, может быть, и смерть. Убежище становилось выходом только при отсутствии гетто и угрозе неизбежной смерти.

Дневник описывает ещё одно явление, вовсе не исключительное в те дни: немало евреев в поисках спасения не гнушались шантажом и угрозами доноса, лишь бы им дали возможность спастись хоть на короткое время. Такие случаи имели место в гетто, когда во время акций люди требовали под угрозой выдачи возможность войти в убежище, подготовленное другими для себя и своих семей.

В. СПАСЕНИЕ НА СТАРЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

На старых территориях многие действия по оказанию помощи евреям отличались от спасения на аннексированных территориях.

Большая часть акций спасения на аннексированных территориях происходила в тех местах, где евреи месяцами, а то и годами находились в оккупации – большинство из них в гетто. И евреи, и их спасители знали о нацистской политике уничтожения и её исполнении, и в тече-

ние периода между информацией о предстоящих казнях и их непосредственным осуществлением евреи могли искать спасения, а потенциальные спасители могли подготовить условия, необходимые для их спасения.

А на старых территориях таких возможностей спастись не было. Здесь, кроме Минска и нескольких других мест, тотальное уничтожение происходило в первые недели или месяц-два после оккупации. Большинство евреев не успевали осознать, что они осуждены на смерть, и это становилось им понятно только тогда, когда неожиданно для себя они оказывались на краю рва перед расстрельной командой. Так было в Бабьем Яру в Киеве, в Дробицком Яру в Харькове, в Витебске и в Керчи, а также в сотнях других мест.

Особо следует отметить операцию по спасению еврейских детей в нескольких детских домах Минска. В ней участвовали десятки людей, включая заведующего детскими домами в Минском магистрате Василия Орлова и работников нескольких таких учреждений. Нелли Гербовицкая, девочка из Минского гетто, которой в то время было 10 лет, рассказала:

> *«Когда мою маму увели на казнь в марте 1942 г., я и мой брат Феликс остались одни. Чтобы достать еду, мы были вынуждены прокрадываться за колючую проволоку... В феврале 1943 г. меня, исхудавшую и замёрзшую, увидела на улице русская женщина... Она привела меня к себе домой, накормила, вымыла, а утром сказала, что мне нельзя возвращаться туда, откуда я пришла, так как меня убьют. Она повела меня в управу, где мне должны были дать направление в русский детский дом. Она сказала мне, чтобы я везде говорила, что я из деревни Арчак, что родители мои умерли... В кабинете за столом сидел седой человек [Орлов]. Возле него по обе стороны две молодые особы... Они начали наперебой задавать мне провокационные вопросы. Не знаю, чем бы закончилось, если бы не Орлов. Он прервал эти расспросы и выписал мне направление в детский дом... Еврейские дети были почти в каждом детском доме понемногу. Я теперь ясно осознаю, что в детском доме на Красивой улице, очень тихой, отдалённой от центра, оказалось не случайно довольно много еврейских детей. Все они, пережившие гетто, были очень истощены. А это помещение отапливалось и было довольно уютным. Лишённые тёплой одежды, мы могли там пережить холодные зимы 43/44 года. В это время свирепствовал сыпной тиф. Многие из нас болели, поэтому на входной двери висел плакат, на котором было написано: «Тиф». Немцы боялись входить в помещение... Среди нас были дети... с яркой еврейской внешностью, и когда предстояла проверка немцами или полицейскими, наша директор Вера Спарнина говорила им спрятаться».*[23]

Восхитителен рассказ о Вале Токарской, белокурой двухлетней девочке из Минского гетто. Когда обитателям гетто стало ясно, что гетто пришёл конец, Валина мама Катя решилась на отчаянную и рискованную попытку спасти дочь. 1 сентября 1942 г. перед рассветом Катя вы-

вела девочку из гетто и положила её, закутанную в одеяло, у фасада одного из домов. Затем она удалилась от этого места и наблюдала за происходящим. Один прохожий услышал плач девочки, поднял её и забрал к себе домой. Катя последовала за ним и увидела, в какой дом он вошёл. Выяснилось, что этот человек был Миша Громов, бежавший из немецкого плена и живший здесь с Еленой Валендович. По прошествии нескольких дней Катя пришла к ним, сказала, что она мать девочки, живущая в гетто, и между ней и супругами сложились дружеские отношения. Сама Катя бежала к партизанам. Она выжила и после войны вернулась к своей дочери.[24]

В «Чёрной книге» Гроссмана и Эренбурга представлены подробности случаев спасения евреев на старых территориях. В Хмельнике Винницкой области (Украина) последняя акция уничтожения гетто происходила в начале марта 1943 г. Спасшийся тогда А. Бендер рассказывал, что он и его брат прятались в родной деревне Куриловка в течение нескольких месяцев, там семеро крестьян дали им убежище и спасли их.[25] Такое явление, когда группы крестьян прятали у себя евреев, поочерёдно предоставляя им убежище в своих домах на определённое время, было одной их характерных форм спасения. В селе Благодатное Гуляйпольского сельсовета Днепропетровской области нашли убежище 7 еврейских семей в составе 30 человек. О еврействе этих людей знали только главный бухгалтер колхоза Павел Зирченко и ветеринар Г.И.Волкозуб, знакомый одной из семей. Они помогли евреям устроиться на работу в колхозе, и благодаря им эти семьи были спасены.[26]

Когда убили евреев в Симферополе (Крым) в декабре 1941 г., знакомый певицы Татьяны Зеленской попросил её спрятать четырёхлетнюю еврейскую девочку Любу Коган, чей отец находился на фронте, а мать и брат погибли во время акции. Татьяна и её муж прятали девочку у себя в квартире и в домах своих знакомых до окончания войны, а потом после безуспешных поисков её отца рассказали Любе о её происхождении и официально удочерили её.[27]

В Кисловодске, среди беженцев, прибывших из осаждённого Ленинграда, оказались русская Варвара Цвиленева и еврейская семья Скобло, в которой было трое маленьких детей. После оккупации города немцами в августе 1942 г. евреев собрали для массовой казни. Семья Скобло оставила троих детей пяти, семи и четырнадцати лет, у Варвары, которая приняла их, несмотря на то, что у неё не было средств и она ухаживала за больной мамой. Варвара выдавала их за детей своего брата, служившего в армии, и благодаря ей дети спаслись.[28]

Три сестры Гайдман, Бронислава, Фаня и Лина, эвакуировались из Киева на Северный Кавказ и работали там в г. Микоян-Шахар (сейчас Карачаевск). Когда немцы оккупировали этот район летом 1942 г., сёстры нашли убежище в г. Теберда, у карачаевцев мусульман Холомлиевых, в семье которых было 15 детей. Все члены семьи Холомлиевых знали о еврействе сестёр и о грозящей опасности каждому, кто их прячет; кроме прочего, их требовалось скрывать и от соседей, многие из которых симпатизировали немцам. В январе 1943 г. Советская Армия

освободила город Теберда, и сёстры были спасены.[29] О спасении трёх еврейских девушек отец семейства Шамиль Холомлиев сказал:

> *«Аллах испытывает нас, чтобы проверить, какие мы люди. У нас не было права отказать им в убежище... Что Аллах начертал, то и будет».*[30]

Часто помощь осуществлялась благодаря прежним личным знакомствам. Учительница Анна Ходос скрывалась в сельском районе возле Смоленска с помощью группы педагогов, её сослуживиц по школе. Одна из них, Александра Тимофеева, спрятала её в печке в своём доме в селе Бабинцы, а когда в деревне поселились немецкие солдаты, перевела её в соседнее село к своей тётке. В доме тётки пряталась ещё одна еврейская девушка, соученица хозяйкиной дочери. После шести месяцев жизни в погребе, выкопанном двумя еврейскими девушками, в мае 1942 г. они обе ушли в леса и присоединились к советским партизанам.[31]

На старых территориях было большое количество смешанных браков и соответственно много родственных связей евреев с нееврейским населением, что положительно повлияло на масштабы спасения. Во многих случаях арийские супруги прятали еврейских супругов. Михаил (Миша) Индикт из Днепропетровска спасся благодаря жене Надежде, которая добыла для него арийские документы и нашла место работы. Когда возникли подозрения в его происхождении и его уволили с работы, жена переехала жить в маленький домик за городом, где в убежище под полом Михаил прятался в течение почти двух лет, до прихода Советской Армии в Днепропетровск.[32]

Нередко случались и трагедии. Русская Наталья Емельянова была замужем за евреем Ицхаком Розенбергом. Супруги жили в местечке Монастырщина (Смоленская область) с двумя маленькими детьми. 8 ноября 1941 г. немцы убили евреев местечка. Наталья убедила убийц, что её дети от первого мужа-нееврея, и таким образом спасла их. Мужа Ицхака Наталья спрятала в их доме, в яме под печкой. В сентябре 1943 г., когда к этому месту подошла Советская Армия, а стрельба и сражение приблизились к ним, Наталья и дети бежали вместе с жителями местечка в соседний лес. Когда с приходом Советской Армии Наталья возвратилась в местечко, она увидела, что дом сгорел, только печка стояла на месте. Ицхак Розенберг умер, задохнувшись дымом в своём убежище, за два дня до освобождения городка, после двухлетнего пребывания в яме.[33]

Молодой врач Полина Аускер спаслась при уничтожении евреев города Борисов (Белоруссия). Скитаясь, она в начале ноября 1941 г. достигла района Смоленска, где нашла убежище у русской семьи Лукинских, которые знали, что она еврейка и не были знакомы с ней. Эта семья отнеслась к ней как к собственной дочери и устроила её на работу с арийскими документами. «Супруги Лукинские были мне как родители, заменив родителей, убитых немцами», – рассказывала Полина в своём свидетельстве. Испытывая глубокое уважение к семье Лукинских, Полина взяла фамилию своих спасителей и именовалась как Аус-

кер-Лукинская.[34]

В Одессе Яков Иванович Полищук с помощью друзей выкопал большой подвал в недостроенном доме и в течение двух лет прятал там 16 еврейских семей, которых он также снабжал продовольствием – благодаря ему они все спаслись. Старики Андрей и Варвара Лапины привели в свой дом еврейских детей, а когда опасность стала слишком явной, Лапина отослала их в деревню. Варвару арестовали и допрашивали, но она не выдала местонахождения детей, и её расстреляли.[35] В Одессе и возле неё были и другие акции спасения евреев.[36]

Перед самым началом войны врач Дина Минц из Ленинграда послала двоих своих детей с русской няней Фрузой в г. Рудня Смоленской области, и там они оказались под немецкой оккупацией. Когда евреев Рудни собирали для казни, няне, пришедшей с детьми, сказали, что она как русская не обязана идти с ними; женщина ответила: «Что я скажу Дине после того, как она послала со мной своих детей? Что будет с ними, то будет и со мной». И действительно, одна судьба была у них троих – няню Фрузу убили вместе с двумя детьми.[37]

Абрахам Шпонгин и Матиас Пруст были, видимо, последними евреями на оккупированных территориях Советского Союза, которых спасли местные жители. Они оба были в Рижском гетто, откуда их перевели в Кайзервальд, а летом 1944 г. они оказались в концентрационном лагере Дондега в Латвии. Этот район находился под властью немецкой армии вплоть до капитуляции Германии 8 мая 1945 г. Когда в конце июня 1944 г. Советская Армия вошла в Латвию и в лагере Дондега распространился слух, что арестованных угоняют в Германию, Абрахам и Матиас бежали. Первым местом, где они спрятались, стал коровник возле лагеря, который принадлежал крестьянам-баптистам Кларе и Антону Ванаксам. Клара, придя подоить коров, к своему удивлению, обнаружила в стойле двух мужчин, прячущихся в хлеве. Испуганной женщине Абрахам сказал: «Если ты веришь в Бога, ты не донесёшь на нас». И действительно, Клара, её муж и их 16-летняя дочь не выгнали беглецов и прятали их на чердаке коровника более десяти месяцев. 8 мая 1945 г. Клара и Антон вошли в коровник и Антон с радостью сообщил прячущимся: «Только что передали по радио, что Германия капитулировала». Он посоветовал им оставаться в убежище до завтра, когда придут солдаты Советской Армии, и утром 9 мая Абрахам и Матиас действительно вышли на улицу.[38]

Г. КАЗНИ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЗА ПОМОЩЬ ЕВРЕЯМ

Во всех оккупированных районах Советского Союза власти публиковали предупреждения населению, в которых спасителям евреев угрожали смертной казнью. Это действительно было судьбой местных жителей, застигнутых при попытке помочь евреям.

В Быковке (Украина) казнили супругов Килессо за то, что они прятали в своём подвале еврея Розимова.[39] В отчёте подразделения Советской Армии, освободившего село Семёновка Дергачёвского района Харьковской области от 18 августа 1943 г. говорится об убийстве

24 еврейских жителей села, и ещё пяти крестьян-неевреев, которые прятали нескольких из них;[40] в другом отчёте отмечается, что в деревне Слыщево Уваровского района Московской области немцами были заколоты штыками женщина-еврейка с сыном 4-х лет и расстреляны мать и дочь Селивановы за то, что скрывали их; в деревне Федоровская того же района немцы расстреляли еврейку и троих её детей вместе с 80-летней хозяйкой дома Зинаидой Васильевной, предоставившей им убежище.[41]

Весной 1943 г. в Харькове была казнена журналистка Александра Белова за то, что спрятала 11-летнюю еврейку Лену Эринберг, и за подпольную деятельность;[42] 31 января 1942 г. в Вильнюсе казнили Юодку Витаутаса вместе с еврейками Изабеллой и Мирьям Подселвер, которых она укрывала;[43] в Кременчуге (Украина) немцы убили назначенного ими бургомистра за помощь евреям, о чём написано в немецком отчёте:

«Синица, бургомистр города Кременчуг, арестован за саботаж приказов... Он использовал фальшивые данные и уполномочил главного священника Романского крестить евреев, которых он сам выбирал и давал им христианские или русские имена. Его своевременный арест предотвратил уклонение многих евреев от немецкого надзора. Синица был казнён».[44]

В зонах и военной, и гражданской администраций казни спасителей производились без суда. Полиция безопасности Сипо определяла их судьбу. Когда ей было нужно, она предавала гласности эти казни, а когда не нужно – осуществляла их без огласки. В дистрикте Галиция люди, схваченные за укрывательство евреев, представали перед специальным судом (Sondergericht), и у этих судов была большая нагрузка. Начальник Сипо в генерал-губернаторстве Польша, куда входила Галиция, в отчёте от 7 октября 1943 г. в РСХА в Берлин писал:

«Соответственно сообщениям, полученным из дистрикта Галиция, в последнее время возросло количество осуждённых, которые в ближайшее время предстанут перед судом во Львове по поводу предоставления убежища евреям. За это правонарушение, соответственно закону, предусматривается смертный приговор. В этой ситуации специальные суды обязаны непрерывно выносить смертные приговоры. В судейских кругах возникли более или менее резкие возражения этому. Критикующие имеют в виду, что с практической точки зрения лучше, чтобы этими преступлениями занималась Сипо. Вместе с тем все согласны, что смертная казнь, безусловно, необходима, поскольку евреи скрываются, и в настоящих условиях они должны быть осуждены как бандиты».[45]

По-видимому, целью приведенного письма была передача прерогативы по этому вопросу из специальных судов в руки Сипо. Документ указывал на значительное количество приговоров и, следовательно, казней за помощь евреям. Эти суды и казни предавались огласке, чтобы предотвратить укрывательство евреев. 14 декабря 1943 г. во Львове опубликовали сообщение с 53 именами казнённых в те дни людей,

по восьми именам отмечалось, что они казнены за «предоставление убежища евреям».[46]

***

У представителей местного населения для спасения евреев, несмотря на опасность для жизни, были различные мотивы: прежние знакомства, семейные связи, гуманитарные причины, политические убеждения, религиозная вера. Обычно спасителей подталкивало несколько причин.

Очень немногие люди помогли евреям в этот трагический период и спасали их, но они находились во всех районах и среди всех народов на оккупированных территориях Советского Союза и принадлежали ко всем слоям общества: рабочим, крестьянам и интеллигенции. Условия, в которых они действовали, были тяжелее, чем в большинстве стран Европы. Обязанность сообщать о каждом еврее и каждом чужом, увиденном в районе; запрет предоставлять ночлег любому пришлому человеку; доносительство; необходимость сокрытия деятельности по спасению от соседей; тяжелые условия для добычи еды скрывающимся – всё это подвергало спасителей наибольшей опасности. Немецкий террор и наказания на оккупированных территориях Советского Союза были исключительно жестокими: смертная казнь без суда; наказание всей семьи; сжигание домов и т.д. Но действия спасителей, которые лишь бегло описаны выше, доказывают, что всё-таки можно было помогать евреям и спасать их даже в условиях террора, царившего на оккупированных территориях Советского Союза, несмотря на угрозу смерти каждому, кто прятал евреев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Во Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии и Дании – странах Западной Европы – были подпольные организации, иногда церковные, которые содействовали спасению евреев. В Польше тоже была подпольная организация, именовавшаяся «Жегота», которая помогала евреям, скрывающимся за пределами гетто. Эта помощь выражалась в подготовке убежищ, подготовке арийских документов, в денежной помощи и в публикации воззваний, призывающих население не доносить на скрывающихся евреев.
2. До развала Советского Союза оттуда почти не поступало обращений о присвоении звания Праведника спасителям евреев из-за негативного отношения советской власти к этому вопросу.
3. Данные Яд Вашем классифицируются по национальностям, а поляки, проживавшие на оккупированных территориях Советского Союза, включены в общий список поляков – Праведников мира, без учёта места их проживания.
4. См.: Сара Нишмит, *Спасение в Литве в годы нацистской оккупации*. – Цитируется по сб.: Исраэль Гутман (ред.), *Попытки и акции спасения в период Катастрофы. Доклады и выступления. II-я Международная конференция исследователей Катастрофы*. – Иерусалим, 1976, с. 242 (далее: Нишмит, *Спасение в Литве...*). В дневнике Куторгиене содержалась резкая критика литовцев. Несколько отрывков из её дневника, содержавших подобную критику, были опущены при публикации дневника в Советском Союзе в 1968 году.
5. Mordecai Paldiel, *The Path of the Righteous*. – New York, 1993, pp. 248-250 (далее: Paldiel, *The Path*).
6. *Там же*, с. 251-252.
7. *Там же*, с.246-248. Готаустас, будучи антикоммунистом, после войны не вернулся в

советскую Литву и остался в Западной Германии. Евреи, которых он спас, помогли ему попасть в дом престарелых, где через несколько лет он скончался.

8. Нишмит, *Спасение в Литве...*, с. 248-249. В Вильнюсском гетто Суцкевер собирал еврейские культурные ценности и прятал их.
9. Paldiel, *The Path...*, p. 240. После освобождения Симайте проживала во Франции и скончалась там в 1970 году.
10. *Там же*, с. 241-243.
11. Нишмит, *Спасение в Литве...*, с. 248.
12. *Там же*, с. 260-261.
13. Paldiel, *The Path...*, pp. 260-261; Энциклопедия Катастрофы..., том III, с. 647.
14. Холавский, *На реках...*, с. 266.
15. Smuschkowitz et al., *From Victims...*, pp. 84-88.
16. Об ОУН см. гл. 29.
17. Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 193, 196-197.
18. Баптисты – христиане-протестанты. Движение было основано в XVII веке в Британии и оттуда проникло в Соединённые Штаты и в другие страны. В России движение баптистов возникло в XIX веке, сегодня оно включает несколько миллионов верующих.
19. Холавский, *На реках...*, с. 266-267.
20. Paldiel, *The Path...*, pp. 273-276.
21. Фридман, *Евреи на арийской стороне...*, с. 699-700.
22. Яд Вашем, отдел Праведников мира, дело № 216. Девичье имя Лозинской – Казимира Порай.
23. Яд Вашем, отдел Праведников мира, дело № 7761 – Беларусь, с. 1-4. Свидетельства на русском языке 9 марта 1995 г. После освобождения Минска в 1944 г. советские власти арестовали Орлова и обвинили в сотрудничестве с немцами. Работники нескольких детских домов Минска, еврейская партизанка и 12 детей, спасшихся при помощи Орлова, обратились с письмом в органы НКВД и боролись за него. Среди обратившихся была и Нелли Гербовицкая. Вследствие этого обращения с Орлова было снято обвинение. См.: Мотель Гровьян, *«Ди мама фун цванцик киндер»*. Советиш Геймланд ,5 (1975), с. 181. Статья опубликована также в идишской газете «Айникайт» в Москве 14 сентября 1944 г. О еврейских детях из детских домов Минска см. гл. 36.
24. Paldiel, *The Path...*, pp. 283-285. Громов присоединился к партизанам и погиб в бою накануне освобождения.
25. Гроссман и Эренбург, *Чёрная книга...*, с. 46.
26. *Там же*, с. 322.
27. Яд Вашем, отдел Праведников мира, дело № 6800. В 1965 году Любе сообщили, что её родной отец Ицхак Коган проживает в городе Краснодар, где у него есть семья. После войны Коган вернулся в Симферополь, пытался узнать о судьбе своей семьи, и ему сообщили, что все убиты. После того, как Люба установила с ним связь, Коган приехал в Симферополь и встретился с дочерью и с её новой семьёй.
28. *Там же*, дело № 7194.
29. *Там же*, дело № 6228. Летом 1943 г. советские власти выслали карачаевцев в Центральную Азию, обвинив их в сотрудничестве с немецкими оккупантами. Семья Холомлиевых оказалась в числе высланных. Сёстры Гайдман поддерживали с ними связь и в изгнании и навещали их. Через несколько лет Холомлиевы получили разрешение вернуться в Теберду.
30. *Там же*.
31. Гроссман и Эренбург, *Чёрная книга...*, с. 320.
32. *Там же*, с. 65-66.
33. *Там же*, с. 229-230.
34. *Там же*, с. 316-319.
35. *Там же*, с. 90.
36. Села, *Одесса...,* с. 112-113. Села писал: «Семье Фельдман из Одессы, которую переве-

ли в Богдановку, удалось спрятаться у местного крестьянина. Александру Бушкуеву несколько месяцев допрашивали в полиции, подозревая, что она укрывала в своей квартире еврея. Адвокат Александр Дьяконов был арестован в сентябре 1942 г. по обвинению в укрывательстве евреев… Семья Рабинович из Одессы спаслась благодаря двум украинцам, которые давали им убежище в течение длительного периода. Давид Стародинский, бежавший из Доманёвки в январе 1942 г., добрался вместе с 20 молодыми евреями до колхоза, и там они получили работу и защиту от его председателя Лилько».

37. Илья Альтман, *Жертвы ненависти*. – Москва, 2002, с. 429 (далее: Альтман, *Жертвы...*)
38. Леонид Коваль (ред.), *Книга Спасения*, т. II. – Рига/Юрмала, 1993, с. 274-277.
39. Яд Вашем, М-33/457.
40. Ф.Д. Свердлов (ред.), *Документы обвиняют*, Холокост: Свидетельства Красной Армии. – Москва, 1996, с. 55. В книге приводятся отчёты воинских подразделений о положении в освобождённых Советской Армией районах, которые передавались ими армейским политотделам. Документы взяты из Центрального архива Министерства обороны РФ.
41. *Там же*, с. 77-78.
42. Ляховицкий, *Пережившие...*, с. 142-143.
43. Розаускас, *Документы...*, с. 244.
44. Arad et al, *Einzatsgruppen Reports...*, 177, p. 304.
45. Энциклопедия диаспоры..., Львов, с. 737. Документ представлен в книге по немецкому источнику.
46. Ryszard Juszkiewicz et al. (eds.), *Those Who Helped*, The Main Commission for the Investigation of Crimes Against the Polish Nation. – Warsaw, 1992, pp. 86-87.

ГЛАВА 42

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ

А. ЦЕРКОВЬ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Церкви до оккупации функционировали главным образом в аннексированных районах, поскольку на старых территориях их деятельность ограничивалась советской политикой воинствующего безбожия. После прихода немцев религиозная жизнь на оккупированных территориях оживилась. Самой главной и влиятельной религией была православная, но её проповедники раздробились на ряд конфликтующих между собой церквей. На втором месте по значению стояли католическая и протестантская церкви. Отношение этих церквей к евреям и к немецкой антиеврейской политике следует рассматривать на фоне их традиционного отношения к евреям и проблем их взаимоотношений с немецкими оккупационными властями.[1]

В письме рейхскомиссарам Остланда и Украины Розенберг определил отношение к церкви следующим образом:

«Следует категорически запретить религиозным группам заниматься политикой... Рекомендуется предпринимать особые меры предосторожности по отношению к Русской Православной Церкви, поскольку она является институцией, выражающей русскую национальную идеологию».[2]

В документе РСХА от 31 октября 1941 г. содержались следующие инструкции относительно деятельности церквей:

«...Ни при каких обстоятельствах не следует преподносить народным массам такое учение о боге, которое глубоко пустило свои корни в еврействе и духовная основа которого заимствована из еврейского понимания религии... Таким образом надо проповедовать во всех отношениях свободное от еврейского влияния учение о боге...»[3]

Это, в сущности, являлось указанием людям Сипо на оккупированных территориях проверять, не упоминают ли священники в своих проповедях заповеди «Не убий».

Церковь и большинство священников приветствовали приход немецкой армии. Глава католической церкви в Литве архиепископ Юозапас Сквирецкас и его заместитель епископ Каунаса Винцентас Бризгис выразили свою поддержку Германии и пообещали совместно с ней бороться с большевиками.[4]

Глава униатской церкви во Львове митрополит Андрей Шептицкий выразил признательность украинского народа германской армии за освобождение и призвал к сотрудничеству с ней.[5] Украинская автокефальная церковь, к которой принадлежали радикальные националистические круги, восторженно встретила приход немецкой армии и призвала к «мобилизации всей энергии украинцев для оказания дейс-

твенной помощи немецкой армии».[6] Платон, епископ автокефальной церкви в Ровно, в пастырском послании восхвалял Гитлера, который «ведет в безостановочном движении вперед непримиримую борьбу с безбожной коммунистической властью… так поможем же всеми средствами славной немецкой армии победоносно закончить войну».[7]

Патриарх православной церкви Прибалтики Сергий, прибывший туда из Москвы в 1940 году, по собственному желанию остался в оккупированной немцами Риге. Когда пришли немцы, он проводил двойную политику: с одной стороны, антикоммунистическую, с другой – лояльную по отношению к московскому патриарху.

Оживление религиозной жизни на оккупированных территориях в большой степени было стихийным со стороны местного населения и местных церковных органов. Немецкая администрация, хорошо понимая, какой пропагандистский потенциал заложен в подобном развитии событий, поощряла его и использовала в своих интересах.[8]

Б. ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ К НЕМЕЦКОЙ АНТИЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Антисемитская традиция церквей, действовавших на захваченных территориях, и сложившаяся там с приходом немцев обстановка, определили позицию церквей по отношению к нацистам и их антиеврейской политике. Правда, в пронемецких и антисоветских высказываниях церковных иерархов евреи не упоминались, но их горячие приветствия германской «армии-освободительнице» в начале оккупации, особенно в Украине и Прибалтике, повлияли на участь евреев. Эти приветствия публиковались в те дни, когда бушевали еврейские погромы, и тысячи евреев гибли от рук подстрекаемой толпы. Руководители церквей не призывали верующих прекратить убийства евреев; более того, их прогерманские высказывания и восхваления немецкой армии, возможно, воспринимались частью верующих, как поощрение к резне. Советской власти больше не было, но евреи, которые у большинства местных жителей ассоциировались с этой властью, оставались, и на них толпа могла выместить свой гнев. Можно предположить, что главы церкви – и среди них Шептицкий из Львова, который был известен своими симпатиями к евреям, и даже Бризгис из Каунаса, – не собирались подстрекать свою паству против евреев прогерманскими лозунгами, но таково было следствие их деятельности.

30 июня 1941 года, несколько дней спустя после прихода немецкой армии, глава католической церкви в Литве архиепископ И. Сквирецкас писал в дневнике о впечатлении, которое на него произвела книга Гитлера «Майн Кампф»: «Заслуживают внимания мысли, высказываемые в «Майн Кампф» по поводу разрушительного влияния большевизма и евреев, прививающих его всем народам мира. Это самые интересные мысли… они свидетельствуют не только о том, что Гитлер враг евреям, но и о том, что мыслит он правильно».[9]

9 июля 1941 года, через два дня после того, как тысячи евреев были схвачены и расстреляны в Каунасе литовской полицией, немецкие влас-

ти приказали остальным евреям города переселиться в гетто. Еврейская делегация, которую возглавлял раввин Шмуэль-Аба Снейг, обратилась к епископу Бризгису, знакомому с раввином Снейгом, с просьбой вмешаться и предотвратить отправку в гетто. Бризгис остался глух к их мольбам: «К сожалению, я не могу этого сделать, не подвергнув риску положение католической церкви в Литве. Я не могу уклониться от ответственности за нее».[10] В рапорте айнзацгруппы от 16 августа 1941 г. упоминаются епископ Бризгис и его связи с евреями:

«Позиция церкви относительно еврейского вопроса ясна. Епископ Бризгис запретил всем служителям церкви помогать евреям чем бы то ни было. Он отверг просьбу нескольких еврейских делегаций, которые обратились непосредственно к нему, чтобы он повлиял на германские власти ради евреев. В дальнейшем он не станет больше принимать еврейские делегации. Перехода евреев в католическую веру до сих пор не наблюдалось. Церковь будет возражать против подобной смены вероисповедания. Она убеждена, что евреи делают это не ради веры, а ради возможных выгод, которые им это сулит».[11]

2 июля 1941 года, в разгар погромов во Львове, Иехезкель Левин, один из главных раввинов города, обратился к митрополиту Шептицкому, как к главе высшей духовной власти в Западной Украине, с просьбой призвать украинцев прекратить убийства евреев.[12] Неизвестно, что ответил Шептицкий, но никакого призыва к украинскому народу о прекращении погромов с его стороны не последовало.[13] В пастырском послании, обнародованном Шептицким 5 июля 1941 г., всего лишь через три дня после визита к нему раввина Левина, говорилось:

«По воле всемогущего и всемилостивейшего Господа начинается новая пора в жизни нашей Отчизны. Германская армия побеждает... Мы с радостью и признательностью принимаем наше освобождение от врага... И в ближайшее воскресенье... после песнопения «Тебя славим, Господи», возгласим «многая лета» немецкой армии и украинскому народу».[14]

Но эта интонация изменилась, когда Шептицкий разочаровался в германской администрации из-за террора, устроенного ею на Украине. В письме римскому папе в конце августа 1942 г., где упоминаются убийства евреев, Шептицкий писал:

«Сегодня вся страна считает, что германский режим – может быть, даже больше, чем большевистский, – злодейский, даже сатанинский. За последние полгода не проходило дня, чтобы не совершались ужасные преступления. Первые жертвы – евреи... К сельским жителям относятся как к неграм в колониях... Просто кажется, что банда сумасшедших или бешеные волки накинулись на бедный народ...».[15]

За две-три недели до отправки этого письма, 10 – 23 августа 1942 года, из Львова в лагерь уничтожения Белжец было отправлено 50.000 евреев. Шептицкого, очевидно, потрясла депортация, и не исключено, что письмо написано под её влиянием. В ноябре 1942 года Шептицкий

опубликовал пастырское послание под заголовком «Не убий»:

«Христианская церковь неустанно напоминает верующим об их христианском долге... Наш долг напомнить вам, что любовь к ближнему – это ядро учения Иисуса... Человек совершает самый страшный и отвратительный грех, когда преступает пятую заповедь «Не убий»... Проливающий невинную кровь сам себя исключает из человеческого общества...»[16]

Евреи в послании не упоминаются. Когда оно было распространено среди священнослужителей униатской церкви в ноябре 1942 г., большинство евреев Украины были убиты, и лагерь уничтожения Белжец уже перестал функционировать. В то же время на западе Украины начались столкновения между украинцами и поляками, в которых обе стороны не раз прибегали к убийствам, причем жертвами чаще всего оказывались польские жители отдаленных деревень. Участились также столкновения между враждующими группировками в националистическом украинском движении.[17] Очевидно, в письме Шептицкий имел в виду именно эти убийства. Как уже говорилось, поведение Шептицкого во времена Катастрофы было неоднозначным. Будучи другом евреев, Шептицкий протестовал против политики нацистов в отношении евреев и даже предоставлял отдельным евреям убежище в своем дворце на горе св. Юра во Львове. С его разрешения десятки евреев, главным образом, дети нашли убежище в униатских монастырях ордена Студитов, во главе которых стоял брат Шептицкого Клемент (Казимир).[18] При этом Шептицкий был украинским националистом и считал нацистскую Германию союзником, который приведет к освобождению Украины от коммунистического режима и к ее независимости. Поскольку он являлся высшим духовным авторитетом Галиции, многие украинцы, возможно, воспринимали его призыв к народу – сотрудничать с нацистской Германий – как призыв сотрудничать с нацистами и в их антиеврейской политике. Действия Шептицкого объективно вели именно к такому результату. «Новая Европа» под руководством Гитлера, которую приветствовал Шептицкий, была Европой без евреев.

Шептицкий также поддерживал в начале 1943 года создание дивизии СС «Галичина», которая формировалась из добровольцев-украинцев и была призвана сражаться с Советской Армией. Он назначал священников своей церкви в отделения дивизии, а благодарственный молебен в честь создания дивизии отслужил в кафедральном соборе св. Георгия во Львове его заместитель епископ Иосиф Слипый.[19]

Другие руководители церкви на оккупированных территориях тоже призывали к сотрудничеству с нацистами, но они не спасали евреев, как это делал Шептицкий. Священники Украинской автокефальной и Украинской автономной церквей открыто проповедовали антисемитизм. В одной из воскресных проповедей в конце мая 1942 г. священник города Ковель призывал прихожан не давать убежища евреям и велел всем, кому известны места укрытия евреев, сообщать об этом немцам. Евреев следует стереть с лица земли, сказал он.[20] Накануне уничтожения евреев в Ковеле украинская полиция организованно про-

вела в церкви молитву, в которой главный священник церкви Иван Губа воздавал хвалу Богу и Гитлеру и призывал к победе над большевиками. Иван Губа окропил святой водой непокрытые головы полицейских, после чего те перекрестились и, выйдя из церкви, отправились проводить акцию против евреев.[21]

В. ПОМОЩЬ ОТДЕЛЬНЫХ СВЯЩЕННИКОВ ЕВРЕЯМ

Даже при отсутствии специального исследования позиции священников любого ранга, можно утверждать, что подавляющее их большинство проводило линию своей церкви, и в своих проповедях восхваляло немецкую армию за освобождение от «большевистского ярма и советского безбожия».

Но были немногие священники, которые, несмотря на прогерманскую позицию руководителей церкви и замалчивание темы уничтожения евреев, по велению собственной совести помогали преследуемым евреям. Эта помощь выражалась различным образом, начиная от выдачи фальшивых свидетельств о рождении и передачи свидетельств о рождении умерших людей евреям, которые пытались скрыть свою национальную принадлежность, осуждения в церковных проповедях преследований евреев и тех, кто совершает убийства, и заканчивая предоставлением убежища евреям в своих домах и в монастырях.

В проповеди, произнесенной в церкви после убийства евреев в Алите (на юге Литвы) 10 сентября 1941 г., католический священник Йонас Гилис описал жестокость немцев по отношению к евреям, которая выразилась в убийстве стариков и беременных женщин, и сравнил их страдания с муками Иисуса Христа. Он отметил, что еще не успела остыть кровь убитых евреев, как убийцы бросились грабить имущество своих жертв. Немцы обвинили Гилиса в том, что, кроме этой проповеди, он еще ходил в синагогу, где они собрали евреев перед казнью, чтобы ободрить и поддержать их.[22]

В монастыре сестер-доминиканок неподалеку от Вильнюса во время массовых акций уничтожения в Вильнюсе нашли убежище 17 членов «Ха-Шомер ха-цаир».[23] В монастыре бенедиктинок в Вильнюсе укрылись несколько евреев. Здесь из 42 монахинь только четыре, включая настоятельницу, знали о том, что у них скрываются евреи.[24]

В районе Волыни помогали евреям несколько католических священников: священник Сиркиевич из Ровно вместе с нотариусом Шумским выдавал свидетельства о рождении и свидетельства о крещении евреям-беженцам; священник из Яновой Долины выдавал евреям свидетельства о крещении; во Владимирце священник Доминик Вавжинович призывал в церкви к помощи евреям; священник Людвик Володарчик, проживавший в деревне возле реки Случ, помогал беженцам из Рокитно и окрестностей.[25] В местечке Щуровица Тернопольского района католический священник Станислав Мазак спас семью Векслер из трех человек за день до того, как их должны были казнить. Он отвез семью в Варшаву, достал арийские документы для ребенка, и тот был передан одной семье на воспитание. Для матери он тоже достал арийские до-

кументы, которые позволили ей уехать на работу в Германию. Мать и ребенок спаслись, а отец погиб во время Варшавского восстания.[26]

Некоторые священники, спасавшие евреев, главным образом детей, делали это не только из чистых гуманистических и религиозных побуждений, но и из миссионерских – чтобы обратить их в христианство. Рахель Левин-Розенцвайг из Каунаса свидетельствовала:

«Я пошла к ксендзу (Брониусу) Паукстису... Там я не выдержала и расплакалась... Из его слов я поняла, что он хочет спасать младших, чем я, детей, чтобы воспитывать их в христианском духе... Но ни разу он не попытался влиять на меня в открытую... Он выдавал христианские свидетельства о рождении и устраивал детей в крестьянские семьи... Я пробыла в его доме десять дней в июле 1944 года, фронт с каждым днем приближался, мы ждали прихода русских... После освобождения он сказал мне, что его «чистая прибыль» составляет шестьдесят-семьдесят детей, которые крестились, когда остались сиротами».[27]

В монастыре Жемайчю Кальвария в районе Тельшай две семьи еврейских врачей были вынуждены креститься – только при этом условии они могли получить убежище.[28]

На старых оккупированных территориях известны лишь немногие случаи спасения евреев священниками. Один из таких случаев – деятельность священника русской православной церкви в Киеве Алексея Глаголева, помогавшего евреям из религиозных и гуманных побуждений.[29] Изабель Минкина-Егорычева, которая была замужем за русским, спаслась благодаря Глаголеву и его жене.[30]

Церковь приветствовала приход немецкой армии и призывала свою паству помогать ей. Многие верующие считали эти призывы побуждением к сотрудничеству с немцами. Церковь не придерживалась Божественной заповеди «Не убий», предпочитая закрывать глаза на происходящее и молчать, – и тем самым помогала нацистам и их местным подручным беспрепятственно истреблять евреев. Тысячи верующих, возможно, истолковывали это молчание как согласие с уничтожением евреев. То был час испытания моральных качеств церкви – и она испытания не выдержала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Yitzhak Arad, The Christian Churches and the Persecution of the Jews in the Occupied Territories of the SSSR, in *The Holocaust and the Christian World*, C. Rittner, S. Smith and I. Steinfeldt (editors). – London, 2000, pp. 108-111.
2. Wasilij Alexeev, *The Russian Orthodox Church under German Occupation 1941 – 1945*, Ph.D dissertation, University of Minnesota, 1967, p. 50 (далее Alexeev, *The Russian...*).
3. Altman, *Zhertvy...*, pp. 417-418.
4. B. Baranauskas and K. Ruksenas, *Documents...*, pp. 88-89.
5. Arad, et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 13, p. 8. В прилагаемом рапорте от 5 июля 1941 г. говорится: «5 июля во Львове впервые увидела свет национальная украинская газета. Первый выпуск содержит приветствие главы Униатской Украино-Греческой Церкви, митрополита Шептицкого».
6. К.Е. Дмитрук, *Свастика на сутанах*. – Москва, 1976, с. 75-75 (далее Дмитрук, *Свастика...*).
7. *Там же*, с. 76.

8. Ляховицкий, *Холокост...*, с. 102, 112. Автор цитирует украинские газеты времен оккупации, в которых публиковались сообщения о молебнах в харьковской церкви в день рождения Гитлера 20 апреля 1942 года о его здравии и успехах; о благодарственной молитве, которая состоялась 25 октября 1942 года в честь годовщины входа немецкой армии в город. См. Дмитрук, Свастика, с. 152-153; З. Балевич, Православная церковь Латвии, Рига, 1967, с. 52-55. Дмитрук упоминает сообщение патриарха автокефальной церкви на Украине по поводу молебнов, которые пройдут во всех церквях 19-20 апреля 1942 года в честь дня рождения Гитлера, и в которых должно подчеркиваться «гениальное значение Гитлера в спасении украинского народа и всей Европы от безбожного коммунизма».
9. Baranauskas and Ruksenas, *Documents...*, с. 88.
10. Гарфункель, *Еврейский Каунас...*, с. 42. Снейг был военным раввином литовской армии.
11. Arad et al., *Einzatzgruppen Reports...*, 54. p. 90.
12. Энциклопедия диаспор, Львов, с. 604-605.
13. Кахана (*Дневник...*, с. 49) писал, что Шептицкий обещал обнародовать пастырское послание с предостережением украинцам от убийств и погромов. Никакого подобного послания в те роковые месяцы, когда погибли тысячи евреев, опубликовано не было. Раввина Левина остановили украинские полицаи, когда он возвращался от Шептицкого, и убили.
14. Дмитрук, *Свастика...*, с. 58-59.
15. Hans Jacob Stehle, *Die Ostpolitik der Vatikans*. – Munchen – Zurich, 1975, p. 245.
16. Кахане, *Дневник...*, с. 173-185.
17. Edward Prus, *Atamania UPA*. – Warsaw, 1988, pp. 57, 89, 93, (далее Prus, *Atamania UPA...*); Torzecki, *Polacy i Ukraincy,* pp. 257-263; John Armstrong, *Ukrainian Nationalism* (далее Armstrong, *Ukrainian*). – New York, 1955, p. 173.
18. Кахана, *Дневник...*, с. 135-139. Раввин Кахана перечисляет в своей книге названия монастырей, давших убежище евреям.
19. Armstrong, *Ukrainian...*, pp. 172-173; Kost Pankivsky, *Roki Nimetskoi Okupatsi*. – New York – Toronto, 1965, p. 225. Националистические украинские круги, а также Армстронг (с. 173) объясняют поддержку Шептицким организации дивизии «Галичина» опасением, как бы на Украине не начался хаос после отступления германских войск. Он считал, что необходимы украинские военные силы для сохранения в эти дни порядка и жизни украинцев.
20. Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 192.
21. Дмитрук, *Свастика...*, с. 154.
22. Arad et.al., *Einsatzgruppen Reports...*, 130, p. 223. Рапорт был написан 6 ноября 1941 года.
23. Корчак, *Пламя в золе...*, с. 16.
24. Ита Шапиро-Розенцвайг, *В Понарах мы тоже были*, Лохамей Хагеттаот, 1979, с. 28-33.
25. Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 195-196.
26. Michal Grinberg, *Ksikga Sprawiedliwych*. – Warsaw, 1993, p. 336.
27. Сара Нишмит, *Спасение в Литве*, в сборнике И. Гутман (ред.), Попытки спасения во время Шоа. – Иерусалим, 1976, с. 262-263.
28. Нишмит, там же, с. 258, 272, примечание 48, где цитируется свидетельство Сары Элицур.
29. Священник Глаголев был сыном священника Александра Глаголева, знатока иудаизма. В свое время Александр Глаголев выступал на суде Бейлиса в качестве свидетеля со стороны защиты и доказывал, что иудейская религия не содержит никаких обрядов, приписываемых ей «кровавым наветом».
30. Гроссман и Эренбург, *Чёрная книга...*, с. 328-333.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
БОРЬБА ЕВРЕЕВ ЗА ЖИЗНЬ

ГЛАВА 43

ЕВРЕЙ-ОДИНОЧКА В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

А. ПОПЫТКИ СПАСЕНИЯ В УКРЫТИЯХ – «МАЛИНАХ»

В период вторжения Германии в Советский Союз у евреев не было представления о том, что их ждет в условиях немецкой оккупации. В первые недели войны это незнание выразилось в сомнениях: оставаться на прежнем месте жительства, под немецкой оккупацией, или попытаться бежать вглубь страны. Поэтому часть эвакуировалась или спаслась бегством, а часть же остались в своих домах.[1] Постепенно, с проявлением политики оккупантов по отношению к евреям, их реакция выкристаллизовалась. Это не было и не могло быть организованным массовым действием: каждому еврею в отдельности приходилось заботиться о собственном спасении и о спасении своей семьи, а если условия позволяли – то и о спасении других.

Германская машина уничтожения, жестокая и бесчеловечная, враждебность части населения и равнодушие остальных оставляли евреям не слишком много возможностей для спасения. Находясь под непрерывной угрозой акций истребления и постоянной смертельной опасности, евреи делали все, что было в их силах, чтобы выжить.

Уже с первых дней оккупации евреи оказались перед лицом реальности, в которой мужчин хватали на улицах и в домах. Некоторых забирали на работы, с которых они потом возвращались, другие исчезали. Сначала никто не знал, куда уводят тех, кто не возвращается. Первой реакцией стало – не попадаться, спрятаться где-нибудь. Спустя некоторое время правильность такого поведения подтвердилась: те, кто спрятался, уцелел, во всяком случае – на ближайшее время. Те, которые не вернулись, как позднее стало ясно, были убиты.

Потом начались депортации и массовые акции уничтожения. Пока евреи не уяснили себе смысл «переселения», они подчинялись приказам немецких властей и являлись на сборные пункты. Иногда их отправляли в гетто, но в большинстве случаев увозили в лес или к траншеям, где расстреливали. Когда прояснилось, что означает «высылка», многие стали уклоняться от явки и прятаться в укрытиях, получивших название «малины». Подготовка «малин» в гетто – это было большое, серьезное предприятие, в котором участвовало много людей. Устроители «малин» вкладывали в дело немало средств и труда, проявляя недюжинный энтузиазм и фантазию, – ведь для них «малины» были вопросом жизни и смерти. «Малины» устраивались в подвалах, на чердаках, между двойными стенами, под землей, в дымоходах, в канализационных трубах. Иногда потайные комнаты тоже служили «малинами».

«Малины» были разного размера: от маленьких, с трудом вмещавших одного человека (например, труба), до огромных, где хватало места для десятков людей, главным образом, на чердаках и в подвалах. В подготовке личной либо семейной «малины» обычно участвовали только члены семьи. «Малины», предназначенные для большого числа людей, требовали увеличенных затрат труда и средств, и в их устройстве могло принимать участие множество людей. В гетто, находившихся в больших городах, где были многоэтажные дома, расположенные близко друг к другу, найти подходящее место оказывалось легче, чем в местечковых гетто с их маленькими деревянными домами, отдалёнными друг от друга. Поэтому «малины» были более характерны для гетто больших городов.

Главный принцип и основа устройства «малин» – секретность. О них ничего не должны были знать даже евреи гетто, для которых эти «малины» не предназначались, а также соседи. Даже среди людей, для которых «малина» готовилась, особенно, когда предполагалось помещение для большого числа людей, было желательно, чтобы только главы семей знали о ее существовании и месте расположения. Всегда существовало опасение, что во время акции люди, знающие о местонахождении «малины», не успеют до нее добраться и будут схвачены немцами или их прислужниками. Таких людей, как правило, пытали, ставя перед выбором: выдать место расположения «малины» (о которых немцы знали, что они существуют) либо быть казненными. Подобным образом немало «малин» было обнаружено, а все скрывавшиеся в них – расстреляны.

«Малина» должна была дать находившимся в ней людям возможность существовать в течение многих дней, а иногда и недель. В ней следовало запасти воду и пищу, а также обеспечить достаточно воздуха для дыхания. Потребность в воздухе иногда вынуждала устанавливать вентиляционные трубы, входные отверстия которых тоже приходилось тщательно маскировать.

Практика устройства «малин» ширилась и росла во многих гетто, не связанных между собой, – суровая действительность и поиск путей спасения привели евреев к одному и тому же выводу: необходимо создавать убежища. В течение всего времени существования гетто люди строили и совершенствовали «малины». Одной из самых тяжелых проблем, представлявшей опасность для находившихся в убежище людей, было наличие грудных детей, поскольку главным условием пребывания в «малине» во время акций было соблюдение абсолютной тишины. Подросток И. Рудашевский писал в дневнике о пребывании в «малине» во время акции в вильнюсском гетто в сентябре 1941 года:

> *«Мы как звери, окруженные охотниками… Гремят сломанные замки, трещат двери, стучат топоры и кирки… Внезапно какой-то ребенок начинает плакать. У всех вырывается возглас отчаяния. Мы пропали. В отчаянии суем ребенку в рот сахар, но это не помогает. Его накрывают подушками. Мать ребенка плачет. Люди в диком страхе требуют: задушить ребенка! Голос ребенка становится громче. Ли-*

товцы стучат в двери все сильней, но постепенно все затихает само собой. Мы понимаем, что они ушли».[2]

Не раз случалось, что плач ребенка решал судьбу обитателей «малины». Л. Гольдман вспоминает о случае, происшедшем во время ликвидации гетто в Брест-Литовске в середине октября 1942 г.:

«70 человек набились в подвал, в котором не хватало места даже для 35... Воскресенье, примерно 10.00 часов... В эту минуту раздается плач ребенка... Вдруг раздается ликующий голос [одного из преследователей]: «Я слышу плач ребенка!». Он швыряет гранату в подвал и кричит: «Выходите, мы же знаем, где вы прячетесь!». Около сорока человек вышли...»[3]

Душераздирающий случай произошел в укрытии в гетто Корец на Волыни. Когда грудная девочка заплакала, одна женщина стала ее душить на глазах у матери, и кровь брызнула у нее изо рта и из носа. Мать решила покинуть «малину» и сдаться немцам. Последние слова ее были: «Совесть не позволяет мне оставаться с вами. Я не хочу, чтобы из-за моей дочери всех вас убили». И вместе с ребенком вышла из убежища.[4]

Хорошо замаскированная «малина» могла служить несколько раз. После акции те, кто прятался в «малине», как правило, выходили и смешивались с остальными обитателями гетто, которых немецкие власти оставляли в качестве рабочей силы. В этих случаях «малина» использовалась для временного укрытия, пока не окончится акция. Однако если гетто ликвидировали, и в нем уже не оставалось евреев, «малина» не могла долго служить убежищем, поскольку полицейские обыскивали пустые дома в течение многих дней и недель, а местные жители, которые приходили в гетто грабить то, что осталось после евреев, ломали стены и врывались в подвалы, и таким образом обнаруживали «малины». Да и в домах, отданных местному населению под жилье, новые жильцы быстро обнаруживали «малины», которые там находились.[5]

Еще одной сложной проблемой, которая вставала перед скрывавшимися в убежищах, была необходимость маскировки входа в укрытие – либо людьми, которые прятались внутри, либо человеком, рискнувшим остаться снаружи . Эва Шляпоберски-Дов из города Ильинцы (Украина) рассказывает:

«15 мая [1942 г.] послышались выстрелы и крики... Мы немедленно спустились в «малину». Один из нас должен был остаться снаружи, чтобы замаскировать вход, который находился в углу коридора. Нужно было поставить там клетку с курами. Первой жертвой был дедушка Эйних Пихотник. Он только успел поставить клетку, как немцы взломали дверь, ворвались в квартиру и увели с собой дедушку».[6]

Сотни людей, прятавшихся в «малинах», сумели спастись от казней. В одном только гетто Вильнюса после акций, прошедших там с июля по декабрь 1941 года, остались в живых примерно 20.000 евреев: около 12.000 «законных» и 8.000 в «малинах».[7] Конечно, это была только отсрочка, но она позволила людям продолжать бороться за жизнь.

Командир немецкой роты 12-го батальона полиции порядка, который участвовал в ликвидации гетто Пинска в конце октября 1942 г., в разделе «Выводы» писал о поисках людей, скрывавшихся в «малинах»:

> *«Даже если нет подвалов, люди прячутся в небольшом пустом пространстве под полом. Такие места нужно вскрывать снаружи либо направлять туда служебных собак (в Пинске особенно отличилась собака по кличке Эста), или швырять туда ручные гранаты. После этого из укрытия всегда выходят... Я предлагаю также пользоваться детьми: обещать оставить их в живых, если расскажут, где находятся «малины». Этот способ тоже хорошо себя зарекомендовал».*[8]

В гетто, которые существовали на протяжении долгого времени и в которых люди знали, что Советская Армия уже на подходе, устраивали «малины» для более длительного пребывания – на недели и месяцы. Такие укрытия следовало замаскировать лучше обычных. Их устраивали под землей и обеспечивали запасами еды и воды. В Каунасском гетто-концлагере устройство «малин» началось и стало набирать силу только к моменту ликвидации гетто и превращения его в концлагерь, в конце 1943 – начале 1944 гг. Тогда же стала зарождаться надежда на приход Советской Армии. 8 июля 1944 года, за три недели до освобождения города, началась ликвидация Каунасского концлагеря и отправка оттуда евреев в Германию. Многие евреи спрятались в «малинах», и немцы начали их разыскивать. 14 июля в гетто вошло особое подразделение, очевидно, немецкие инженерные войска, которое взрывало или поджигало дома в гетто. Евреи, пытавшиеся бежать из горящих домов, расстреливались. Большинство «малин» обнаружили и уничтожили вместе с обитателями, только около 100 евреев сумели спрятаться и дожить до дня освобождения.[9] В Вильнюсе спаслись 150-200 евреев, которые прятались в течение десяти дней в «малинах», устроенных в трудовом лагере в городе. Более 2.000 евреев – заключенных лагеря были уничтожены накануне освобождения города, 14 июля 1944 г.[10] В «малинах», устроенных в ямах в Минском гетто, в течение девяти месяцев – со дня ликвидации гетто и до освобождения города – укрывались 26 человек; половина из них выжила и дождалась освобождения.[11]

Тысячи евреев во всех гетто старались спасти свою жизнь с помощью «малин». В условиях того периода «малины» не могли служить способом спасения для многих и на продолжительное время. Из тысяч евреев, строивших убежища и скрывавшихся в них, только немногим посчастливилось прожить там не один месяц и дождаться освобождения.

Б. ПОИСК СПАСИТЕЛЬНОГО МЕСТА РАБОТЫ

Уже с начала немецкой оккупации евреи убедились в том, что те, кто работает на немецкие органы власти или в мастерских, выпускающих оборудование для военных нужд, получают «шайны» – рабочие удостоверения, позволяющие им и членам их семей не попасть в число депортируемых во время проведения акций уничтожения. В глазах евреев «шайн» стал чем-то вроде страховки жизни для них и их родных,

и они предпринимали отчаянные попытки, чтобы получить «шайны», количество которых было ограничено. В борьбе за получение «шайна» многие не брезговали ничем: просьбами, угрозами и даже подкупом.

В генералкомиссариате Литва немецкие власти решили оставить там определенное количество евреев для работы на военное хозяйство и в местных службах и выдать им «шайны». Местные немецкие биржи труда были уполномочены печатать «шайны» для занятых на этих рабочих местах. Некоторое количество «шайнов» немецкие власти выделили юденратам для распределения среди еврейских полицейских и работников жизненно важных служб внутри гетто: врачей, медсестер, специалистов по водоснабжению и канализации в гетто.

16 сентября 1941 г. гебитскомиссар Каунаса перевел юденрату 5.000 «шайнов», с немецкой надписью на каждом «Удостоверение для еврейских ремесленников» (Ausweis for Judische Handwerker). Гебитскомиссар приказал юденрату раздать удостоверения профессиональным работникам гетто и их семьям. Во время раздачи в юденрат пришло письменное требование от немецких учреждений, где работали евреи, чтобы их сотрудникам выдали «удостоверения жизни». В юденрате немедленно сообразили: немецкие власти решили оставить в живых 5.000 евреев, профессиональных работников и их семьи, остальные же 24.000 жителей гетто приговорены к уничтожению. Гарфункель описал события тех дней в гетто:

«Тысячи людей бросились к канцелярии юденрата, требуя выдать им «шайн»... Тысячи мужчин и женщин, охваченные паникой, плакали, умоляли, кричали, угрожали... Легко понять состояние тех, на кого была возложена тяжелая обязанность выдавать удостоверения, то есть решать, кому жить, а кому – умереть...

Кто-то в юденрате предложил радикальное решение – вернуть «шайны» немцам и заявить им, что юденрат не видит никакой возможности их раздачи... профессиональные работники горячо запротестовали против этого. «Какое право вы имеете отнимать у меня и у моей семьи возможность выжить», – кричали они и требовали выдать им удостоверения, которые им полагались... После изнурительных дискуссий члены юденрата пришли к мнению, что они не имеют морального права приговаривать к смерти еще и эти 5.000 евреев, которых в данный момент возможно спасти».[12]

Но не всегда «шайны» спасали их обладателей. При селекции во время «большой акции» в Каунасе 28 октября 1941 года «шайны» в расчет вообще не принимались – люди, выглядевшие трудоспособными, и их семьи были возвращены в гетто, остальных расстреляли. Не раз предпринимались попытки получить «шайн» путем подкупа работодателей. Об этом писал один из рабочих в немецком военном подразделении в Вильнюсе:

«Мы обратились к нашему офицеру-немцу... Он обещал попытаться получить «шайны» хотя бы для некоторых из нас. Началось соревнование. Каждый предлагал ему деньги, бриллианты и т.п. В конце концов он составил список из восьми человек (и я среди них)...

Спустя несколько дней оказалось, что нашему подразделению вообще не разрешили принимать на работу евреев».[13]

Д-р Дворжецкий описал, как он и другие врачи ждали возле юденрата, кто из них получит «шайн», так как количество «шайнов», предназначенных для врачей, было ограничено. Он пишет:

«В час, когда разыгрывался жребий между мной и моим старым другом, д-ром Колоднером… мы с ним сидели в полутемном коридоре юденрата и ждали, пока решится наша участь. Мы беседовали, но каждый из нас в этот момент знал, что «записка жизни» для одного из нас означает смертный приговор для другого… И вот мне выпала бумажка – жизнь, а мой друг был приговорен. Я стыдился поднять глаза – и все-таки взял удостоверение: для меня, моей жены и моей сестры… Он подал мне на прощанье руку и сказал, что я не виноват, что он не получил удостоверения, так решила судьба».[14]

В гетто Шауляя жители зарегистрировались 13 сентября 1941 г., и часть из них получила удостоверения. Руководил процедурой литовец Люберскис; он решал, кто получит удостоверение и останется в гетто со своей семьей, а кого отведут в синагогу и оттуда – к расстрельным рвам. Свидетель писал о происходившем в гетто:

«Старики прятались или старались выглядеть моложе – красили волосы, разглаживали морщины, сбривали бороды… никогда еще у парикмахеров не было таких клиентов: старых, больных, с отчаянными голыми лицами. Но не всем удалось «обмануть» хитрого председателя [Люберскиса], многие были препровождены прямо в синагогу».[15]

В Минске «шайны» выдавали евреям, занятым на разных работах. Во время акций уничтожения эти удостоверения не всегда спасали, поэтому предприятия, заинтересованные в своих работниках-евреях, оставляли их у себя, вне гетто, перед началом акции и до ее окончания. Но семьи работников оставались в гетто и не могли спастись от казни.[16]

Иногда количество «шайнов» на семью работника ограничивалось только двумя детьми. Поскольку между обладателями «шайнов» находилось немало холостяков или бездетных пар, часто практиковались фиктивные браки, а дети родственников или друзей записывались как дети владельцев «шайнов». Соучастниками в творении этих подложных записей были юденрат и еврейская полиция, где производились записи. При создании фиктивных семей не раз случалось, что людей присоединяли к семье за деньги.[17]

В Рижском гетто, во время крупных операций уничтожения в конце ноября – начале декабря 1941 г. «шайнам» не придавали никакого значения: 4.000 работоспособных мужчин, в подавляющем большинстве молодых и среднего возраста, и около 300 женщин, записавшихся портнихами, были вынуждены перейти в маленькое гетто без семей, которых убили, как и остальных жителей.[18] Во Львове и в других районах, где сохранялись гетто, также наблюдалось стремление евреев получить рабочее место, обеспечивающее «шайнами».[19]

В. ПОПЫТКИ СПАСЕНИЯ ПРИ ПОМОЩИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В борьбе за выживание у каждого отдельного еврея – иногда с семьей – вроде бы имелась возможность искать и даже найти спасение в нееврейском окружении. За пределами гетто было два пути спасения: найти убежище либо выдавать себя за арийца. Чтобы выдавать себя за арийца, еврей должен был исчезнуть в нееврейской среде, вжиться в неё в качестве христианина. Вероятность нахождения убежища зависела от готовности местного жителя-нееврея спрятать еврея у себя в доме или поблизости от него. Совершая такой поступок, местные жители подвергали смертельной опасности себя и свою семью.[20]

Превращение в нееврея имело свои сложности: главным и необходимым условием представиться христианином или мусульманином было приобретение соответствующих документов и изменение имени. Как правило, для этого требовалась помощь местных жителей. Кроме того, еврей должен был при маскировке под христианина иметь арийскую внешность, в совершенстве владеть национальным языком (русским, украинским, литовским и др.) своей новой личности и знать обычаи и обряды христианской религии (или мусульманской, если еврей выдавал себя за татарина, азербайджанца и др.). Лишь немногие евреи могли отвечать этим условиям. Еврею требовалось найти место в городе или селе, где никто из местных жителей его не знал, придумать правдоподобную и убедительную историю, объясняющую, как и почему он сюда попал. Кроме того, он должен был найти себе жилье и работу.

Немецкие власти обязывали всех жителей, домовладельцев и дворников сообщать в полицию о каждом человеке, который не проживал в данном месте до немецкой оккупации. Тем самым создавались огромные сложности для тех, кто хотел раствориться в нееврейской среде. Помимо этого, трудовая повинность, наложенная на местное население, и отправка людей определенного возраста на работу в Германию, вынуждали спасающегося еврея входить в контакт с немецкими органами власти, занятыми вопросами работы. Он должен был предъявить им документы: свидетельство о рождении, удостоверение личности, иногда – справку о состоянии здоровья или другие справки. Получение продовольственных карточек, которые выдавались горожанам, также требовало контактирования с властями и представляло собой смертельную опасность. В этих условиях еврею было очень трудно скрыть свою национальную принадлежность, особенно мужчинам, поскольку они были обрезаны.

Оба пути спасения среди неевреев полностью зависели от отношения населения к евреям. Еврей мог притвориться христианином и даже успешно скрывать свою национальную принадлежность от немецких властей, но скрыть свою истинную суть от местного населения, даже в тех местах, где его не знали в лицо, было очень трудно.

О евреях, которые пытались спастись, но были обнаружены – в ос-

новном, по доносу, – свидетельств не сохранилось. Они унесли историю своей жизни в могилу. Многие местные жители не только не желали помочь евреям, пытавшимся скрыть свою национальность, но еще и доносили на них немецким властям – кто из-за антисемитизма, кто по другим причинам.[21] Не существует данных и нет возможности установить, сколько евреев на оккупированных немцами территориях сумели выжить благодаря тому, что «маскировались» неевреями. Их число, вероятно, достигает нескольких тысяч.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. гл.11 «Эвакуация населения в СССР».
2. Ицхак. Рудашевский. *Дневник подростка из Вильнюса*. – Тель-Авив, 1973, с. 22-24 (иврит).
3. Энциклопедия диаспор, *Брест-Литовск*, с. 495-498.
4. Спектор, *Шоа евреев Волыни...,* с. 153.
5. Штейн, (*Барановичи...,* с. 607) пишет, что после ликвидации гетто последний из скрывавшихся в «малине» евреев д-р Абраша Абрамовский был вынужден бежать в лес, поскольку в доме, где он скрывался, должны были поселиться местные жители.
6. Архив Яд Вашем, Ш-1946/174, с. 16-17, 19-21, 30-32. Свидетельница спаслась.
7. Arad, *Ghetto in Flames...,* p. 215.
8. Черноглазова, *Трагедия...*, с. 99.
9. Гарфункель, *Еврейский Каунас...*, с. 197.
10. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 442-443.
11. Дан Зейц, *Минское гетто и его история в свете новых документов,* работа на соискание ученой степени в университете Бар-Илан в Рамат-Гане, 1999, с. 75 (далее Зейц, *Минское гетто...*).
12. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 64-66.
13. Бальберишский, *Крепче стали...*, с. 228.
14. Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...*, с. 83.
15. Ерушалми, *Хроника Шауляя...*, с. 41.
16. Холавский, *В гибельной буре...*, с. 101, 119; Гринштейн, *Головешка...*, с. 40; Смоляр, *Советские евреи...*, с. 43.
17. Arad, *Ghetto in Flames...*, p. 147.
18. См. гл. 16, раздел Б.
19. Йонес, *Евреи Львова...*, с. 161.
20. См. гл. 41.
21. Об отношении местного населения к евреям см. гл. 40.

ГЛАВА 44

ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЮДЕНРАТЫ И ЕВРЕЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ В УСЛОВИЯХ УНИЧТОЖЕНИЯ

А. ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮДЕНРАТОВ

С первого дня создания юденратов их работа, как и повседневная жизнь евреев в гетто, проходила в условиях проведения акций массового уничтожения. Это положение отличалось от ситуации в других завоеванных европейских странах, где в течение большей части периода оккупации деятельность юденратов не проходила на фоне тотального физического истребления – оно там происходило относительно позднее.

Германская власть создала юденраты как инструмент для помощи в проведении антиеврейской политики. Юденраты должны были служить «рупором», передающим распоряжения оккупационных властей евреям в гетто, и должны были нести личную ответственность за их выполнение. Они также отвечали за нормальное течение повседневной жизни в гетто, как говорилось во «Временных инструкциях» Лозе:

> *«Жители гетто должны вести свои внутренние дела в рамках самоуправления (юденрат), которое будет находиться под контролем гебитскомиссара или лица, им назначенного. Для нужд внутреннего порядка будет учреждена полиция, набираемая из обитателей гетто».*[1]

Свобода действий юденратов была весьма ограниченной: им приходилось, с одной стороны, скрупулезно исполнять распоряжения немецких органов власти, а, с другой – юденратам следовало заботиться о повседневных нуждах жителей гетто и о продлении их жизни, в надежде, что Германия потерпит поражение раньше, чем успеет уничтожить последних евреев в гетто.

Во многих населенных пунктах юденраты были созданы еще до заключения евреев в гетто, но главная их деятельность развернулась тогда, когда евреи уже находились в гетто. Там, отрезанные от внешнего мира, юденрат и жители гетто должны были решать проблемы, которые раньше перед ними не вставали и которые возникали, как правило, в гетто, существовавших довольно долго – месяцы и даже годы. Большинство таких гетто располагалось на землях, аннексированных СССР в 1939–1940 гг., кроме Минского и Слуцкого гетто в Белоруссии, гетто в Транснистрии и немногих других. Только в таких гетто юденраты могли продолжать работу по организации жизни еврейского населения в жестоких условиях, навязанных немецкими властями.

В большинстве мест, где евреи полностью уничтожались уже в первое время оккупации, как, например, в Киеве, германские органы власти не нуждались в юденратах. В отдельных подобных местах юденраты, если и были организованы, то на очень короткое время, не более нескольких месяцев, и почти все их обязанности, как правило, сводились

к поборам с евреев и их отправке на принудительные работы.

Оккупанты также не нуждались в юденратах при изгнании евреев в гетто. Они, как правило, делали это посредством приказов, расклеенных на улицах города, и с помощью местных полицаев, которые сообщали евреям о высылке или о переводе их в места, отведенные под гетто. Так происходило при создании Вильнюсского, Рижского и других гетто. В Вильнюсе большинство членов юденрата уничтожили до переселения евреев в гетто. Там немецкие власти с помощью местной литовской полиции в течение одного дня 6 сентября 1941 г. загнали всех 45.000 евреев в гетто, не прибегая к услугам юденрата. В Каунасе, Минске и других местах юденрат участвовал в переводе евреев в гетто. Изоляцией евреев в гетто командовали местные немецкие власти, они же решали, привлекать ли юденрат к участию в этой деятельности и в какой степени.

В городах, где немецкие власти создавали два гетто – одно для работников и их семей, получивших «шайны», второе – для «непроизводительных» евреев, – юденраты участвовали в делении евреев на эти две категории.[2] Создание юденратов после изоляции евреев в гетто требовалось и немцам для управления обитателями гетто, и евреям для организации жизни в гетто. Юденрат же, со своей стороны, нуждался в сотрудничестве с жителями гетто, без чего он не мог функционировать.

Б. ЮДЕНРАТЫ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЕВ В ГЕТТО

Юденраты действовали в самых разных сферах. Частью это были традиционные занятия еврейских общин на протяжении многих поколений, частью – обязанности, наложенные на них немецкими властями. Именно эти области деятельности определяли структуру юденратов и их отделов. Несмотря на отсутствие центрального немецкого или еврейского органа, который унифицировал бы структуру юденратов, она во многих гетто была схожей, поскольку проблемы, требующие решения, тоже мало различались.

Первыми в рамках юденрата в период изоляции евреев в гетто создавались жилищные и продовольственные отделы, отделы здравоохранения и захоронения, биржа труда и общий отдел. Одновременно организовывалась еврейская полиция в гетто. Биржа труда и еврейская полиция возникли по требованию немецких властей, в еврейских общинах до немецкой оккупации их не существовало. Бирже труда предписывалось удовлетворять потребность властей в еврейской рабочей силе, еврейская полиция должна была следить за порядком в гетто и служить орудием в руках юденрата для исполнения требований немецких органов власти. Остальные отделы предназначались для решения текущих проблем, которые возникали после перехода евреев в гетто и их полной изоляции от внешней нееврейской среды.

На более позднем этапе в юденратах создавались отделы социальной помощи, образования и культуры. О жизни евреев в гетто, об их главных проблемах в борьбе за выживание можно составить представ-

ление посредством описания работы юденратов и их отделов.

ЖИЛЬЕ ДЛЯ ОБИТАТЕЛЕЙ ГЕТТО

С первого дня изоляции евреев в гетто возникла необходимость в решении там жилищного вопроса. Территории гетто не хватало – здесь царила страшная скученность. Некоторые семьи захватывали квартиры сразу же по прибытии в гетто, другие оставались на лестничных площадках или под открытым небом. Жилищные отделы занимались распределением квартир, иногда с помощью еврейской полиции. Благодаря деятельности жилищных отделов в гетто никто не оставался на улице. Вот как описывает Дов Рабин гетто Гродно после переселения в него евреев:

«...Была ужасная теснота. Приблизительно один квадратный метр на человека. Немногие зажиточные люди или те, у кого были знакомства, используя деньги или связи, сумели добыть себе более или менее приличную квартиру. Простой же народ пока довольствовался любым пристанищем: в углу подвала, на чердаке... Чтобы предотвратить поблажки и вымогательства, была создана специальная «Жилищная комиссия» и спустя 2 – 3 недели в гетто не осталось человека, у которого не было бы крыши над головой, [жили] по 2 – 3 семьи в одной комнатке».[3]

Похожая ситуация существовала и в других гетто.[4] Во многие гетто свозили евреев из окрестных местечек, туда же пробирались беженцы, спасавшиеся от массовых казней, и жилищные отделы заботились о предоставлении им крова. Поскольку квартиры обычно были переполнены, этих людей селили в зданиях синагог или других общественных зданиях, находившихся на территории гетто. Деятельности юденратов способствовала солидарность обитателей гетто, и в итоге люди не оставались без крова.

Одной из самых тяжелых проблем, связанных с жильем, являлось отопление квартир. Зима 1941-1942 гг. была особенно суровой – температура упала ниже -30˚. Люди возвращались с работы замерзшие, мокрые, дрожащие от холода. Для отопления квартир евреи использовали ту немногую мебель, которую они привезли с собой, разбирали заборы, рубили деревья, выламывали оконные рамы и двери, которые еще сохранились в разрушенных домах. Немецкие власти запрещали ломать заборы и разбирать дома, но нужда была сильней запрета, и люди по ночам занимались разборкой, хотя случалось не раз, что в них стреляли часовые, охранявшие гетто.

БОРЬБА С ГОЛОДОМ

Добыча продуктов питания занимала евреев в гетто ещё больше, чем проблема жилья. Голод, влекший за собой болезни, был после акций уничтожения врагом номер один. От продовольственных отделов юденрата требовалось доставлять жизненно необходимые продукты питания и распределять их среди обитателей гетто. Продукты попадали в гетто законным путем – в качестве пайков, выделенных оккупа-

ционными властями, и незаконным – контрабандой. Немцы выдавали евреям половину или меньше нормы, которую получало нееврейское население. И даже такой паёк выдавался только работающим и членам их семей, которые жили в гетто «на законном основании». «Законные» пайки выдавались продовольственным отделам, а те распределяли их между работниками. Пайки не были равноценными, немецкие органы власти на местах определяли их размер и состав. В некоторых местностях немецкие власти убедились, что для более эффективного использования рабочей силы стоит увеличить паек для работающих жителей гетто. Такой подход отражен в письме генералкомиссариата Белоруссии гебитскомиссариату Барановичей от 9 февраля 1942 г.:

«На трассе №7 Брест [Литовск] – Слуцк и №8 Слоним – Барановичи – Слуцк – Минск на постройке лагерей заняты евреи и местные рабочие... Ортскоменданты жалуются, что выработка еврейских рабочих невысока, и многие из них теряют сознание во время работы. Поскольку выполнение этих работ чрезвычайно важно, просим отдать приказ – для того, чтобы люди, занятые на этих работах, могли существовать, ежедневно выдавать каждому по 250 граммов хлеба и 500 граммов картофеля. Кроме того, общая кухня могла бы выдавать им горячий суп».[5]

Немецкая армия нуждалась в этих стратегически важных дорогах, ведущих к фронту группы армий Центр, где тогда происходило наступление советских войск. Вмешательство военных в вопросы питания еврейских рабочих имело целью повысить эффективность их эксплуатации в интересах армии. Еженедельная выдача продуктов «законным» людям в гетто была крайне скудной, о чем свидетельствуют данные за середину 1942 года:

-Каунасское гетто: хлеб – работающим 1,4 кг, остальным (членам семьи) –700 г.; конина – 250 г, остальным – 125 г; жир – работающим 40 г, остальным – 20 г; мука – 122,5 г.; чай или эрзац-кофе – 75 г; соль – 50 г.[6]

-Вильнюсское гетто: хлеб – работающим 1,3 кг; остальным – 650 г; мука – 20 г; крупа – 6 г; сахар – 12 г; мясо – 18 г, жир – 10 г.[7]

-Минское гетто: хлеб – 625 г; крупа – 150 г; мука – 250 г, патока – 75 г.[8]

-Волынские гетто: хлеб – работающим 700-1000 г; остальным – 700 г (другие продукты не указаны).[9]

Среднее количество калорий в таком пайке составляло 400–600 в день – меньше четверти необходимого работающему человеку для поддержания жизни. Качество пищи тоже было очень низким. Работающим за пределами гетто иногда выдавали какую-то еду на рабочем месте, случалось, просто хлеб. Немецкие власти использовали пищу как средство повышения производительности труда. Вот что говорится в распоряжении гебитскомиссариата в Минске:

«В целях поднятия производительности еврейского труда следует увязывать результаты со снабжением продуктами питания. Тот, кто перевыполняет норму, получает дополнительное питание. Эта за-

висимость между производительностью труда и получением пищи должна соблюдаться не только в отношении отдельных евреев, но и в отношении всего гетто в целом, коллективно. Таким образом можно побудить евреев повышать результаты своего труда и трудовую дисциплину, поскольку каждое ее нарушение повлечет за собой уменьшение количества еды для всех».[10]

Положение «незаконных», на которых не распространялись никакие продовольственные нормы, было еще тяжелее, и без помощи юдената они просто не могли бы существовать. В некоторых гетто продовольственные отделы юдената время от времени ухитрялись получать от немецких властей разрешение покупать продукты, в основном – картофель, и доставлять их в гетто. Но их крохотные количества не могли серьёзно улучшить положение. Единственный способ, позволявший людям, как «законным», так и «незаконным», существовать в гетто – это контрабандная доставка продуктов. Ею занимались рабочие, которые возвращались с работы в гетто, и те, кто стали профессиональными контрабандистами. Продовольственные отделы юдената тоже покупали продукты незаконным образом за пределами гетто и тайно провозили их в гетто. Такое снабжение было смертельно опасно: контрабандистов, пойманных охраной гетто, казнили. Профессиональные контрабандисты подкупали охранников, главным образом из местных полицейских, и во время их дежурства у ворот проносили продукты. М. Бальберишский писал о Вильнюсском гетто:

«Контрабандисты ввозили в гетто целые телеги, нагруженные продуктами. Для этой цели использовались все виды средств перевозки: телеги, вывозившие мусор из гетто, телеги, увозившие из гетто мертвецов и т.п. Продукты прятали в «малинах». Однако главным контрабандистом был юденат. Когда в гетто привозили «разрешенные» [«законные»] продукты, обычно привозили еще и большое количество продуктов, купленных юденатом у литовцев».[11]

В других гетто юденаты тоже тайно провозили продукты.[12] Те, кто работал за пределами гетто, приносили немного продуктов для себя и своей семьи, они выменивали на еду вещи, привезенные с собой в гетто, но со временем запас вещей иссякал. Продукты, доставленные в гетто контрабандистами, продавались, как правило, по высоким ценам, и только состоятельные люди могли их покупать. Они не доставались нищим обитателям гетто, среди которых было немало представителей интеллигенции, чей род занятий не давал возможности попасть в число специалистов, нужных в условиях гетто. Жизнь таких людей зависела от продовольствия, которое выдавал им юденат или которое им продавали по низким ценам.

Случаи тайного провоза продуктов питания в гетто отмечены в немецких отчётах. В рапорте айнзацгрупп от 10 апреля 1942 г. о событиях на Волыни и Подолье говорится:

«Евреи из городов сейчас сконцентрированы в еврейских кварталах, но не полностью изолированы... Крестьяне приезжают в город менять [у евреев в гетто] продукты на одежду и другие вещи, в ко-

торых они нуждаются».[13]

Во многих гетто продовольственные и социальные отделы юденратов устроили народные столовые. Вот свидетельство о деятельности таких столовых в Гродно:

«Бывали дни, когда в столовых в гетто по воскресеньям выдавали около 3.000 обедов... Эти обеды для сотен семей были единственной горячей пищей, которую они ели. Плата за обед была символической. Нищие и неимущие по распоряжению социального отдела получали обед бесплатно».[14]

В Каунасском, Гродненском и других гетто, где были земельные участки и сады, продовольственные отделы использовали их для выращивания овощей. Даже кладбища, которые находились на территории гетто, использовались для этой цели. Подростков привлекали к охране огородов, чтобы жители гетто не рвали овощи до их созревания. Юденраты всячески поощряли жителей гетто выращивать овощи на приусадебных участках, даже самых небольших.[15]

В гетто малых населённых пунктов, где по сравнению с большими гетто охрана, как правило, была менее строгой и контакты с нееврейским населением завязывались гораздо легче, положение с продовольствием складывалось относительно лучше. Деятельность продовольственных отделов юденратов и отделов социальной помощи позволила в большинстве гетто не допустить массовых случаев голодной смерти, как это случалось в Варшавском, Лодзинском и других гетто.

ГИГИЕНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Условия жизни в гетто идеально способствовали распространению болезней и эпидемий. Большинство гетто создавалось в самых старых и запущенных городских районах, где водопроводная система и канализация не могли обслужить массу согнанных сюда людей. Кроме того, во дворах и на улицах громоздились кучи мусора, дома не имели ванн или душей – поэтому расплодилось огромное количество клопов и вшей. В распространении эпидемий немалую роль играл и недостаток еды, теплой одежды и топлива. Тяжелая физическая работа, побои и издевательства при её исполнении, после которых люди возвращались в гетто, истекая кровью, требовали врачебного вмешательства, но немецкие власти не снабжали гетто лекарствами, их совершенно не хватало. Немцы, опасаясь, что эпидемии и болезни распространятся за пределами гетто и поразят нееврейское население и немецкую армию, решали проблему самым простым способом: истребляли гетто. Поэтому заразные заболевания ставили под угрозу само существование гетто.

Для борьбы с эпидемиями и организации медицинской помощи юденраты создали отделы здравоохранения. Первоочередной их задачей стало устранение причин эпидемии, главным образом, в области санитарии и гигиены. В гетто не было недостатка во врачах и медсестрах, поэтому обеспечить кадрами медицинское обслуживание не составляло труда. Отделы здравоохранения организовали санитарные

звенья, которые следили за личной гигиеной, за чистотой в домах и на улицах. Им были даны полицейские полномочия выписывать штрафы. Гетто разбивали на районы, к каждому району прикреплялся врач и вспомогательный персонал. В больших домах назначались ответственные за чистоту. В гетто проводились лекции на тему чистоты и о борьбе с заразными болезнями. Были выстроены бани, людей обязывали посещать их по нескольку раз в месяц и представлять об этом справку. В некоторых гетто без такой справки даже не выдавали продуктового пайка. Благодаря деятельности санитарных звеньев в гетто не распространялись эпидемии в крупных масштабах, грозящих существованию гетто; во многих местах в гетто было чище, чем вне его.[16]

В гетто были открыты больницы. Вильнюсская больница, например, состояла из нескольких отделений: терапевтического, хирургического, гинекологического и детского. Имелись также рентгеновский кабинет и лаборатория. В больнице работало 150 человек. Только в 1942 году в ней госпитализировали более 3.000 человек.[17] Иногда больницы становились источником опасности для медперсонала и госпитализированных в ней больных. 4 октября 1941 г. немцы сожгли инфекционную больницу в гетто Каунаса вместе с врачами, медсестрами и 60-ю больными, которые в ней находились.[18] Летом 1942 г. немцы убили медперсонал и больных в больнице Минского гетто на Обувной улице. Фрида Левин-Случьяк, которая в то время болела тифом, вспоминала: «Когда я лежала в больнице, эсэсовцы, одетые в белые халаты... вошли внутрь и застрелили из автоматов больных прямо в кроватях. Многие пытались убежать и выпрыгивали из окон, но пули настигали их и там».[19] Но каким бы опасным ни оказывалось положение в больницах, они были жизненно необходимы и продолжали работать. Гарфункель описал проблемы больниц в гетто Каунаса:

> *«Вопрос врачебной помощи стал еще острее после того, как 4 октября 1941 г. немцы сожгли инфекционную больницу... После долгих сомнений и колебаний юденрат решил открыть больницу снова... Количество коек в ней выросло до 80... Оборудование больницы было очень убогим. Не хватало даже дезинфекционных средств, и мы были вынуждены стерилизовать инструменты для операций в кухонной раковине... Вопрос питания больных не был урегулирован, и они получали скудную еду, которую их родные приносили... Тем не менее там спасли от смерти сотни людей...*
>
> *Очень серьезную проблему представляли собой инфекционные заболевания, особенно сыпной и кишечный тиф. Невозможно было госпитализировать таких больных в больницу, потому что это могло стать известно немцам и навлечь на гетто беду... Нужно было скрывать факт наличия инфекционных болезней в гетто не только от немцев, но и от литовского муниципалитета – они немедленно передали бы эти сведения немцам... Даже евреи гетто из соображений конспирации не должны были знать, что среди них имеются заразные больные. Когда еврей заболевал инфекционной болезнью, ее название скрывали даже от него самого и называли ему вымыш-*

ленную болезнь. И вот случилось так, что сыпным тифом заболели несколько евреев, которые работали в городе на «вошебойке», где обрабатывали военную форму для солдат германской армии... Не было иного выхода, кроме как устроить специально для них отдельную больницу и замаскировать ее».[20]

В маленьких гетто условия не всегда позволяли открыть больницу, были гетто, где организовали комнаты для больных с ограниченным числом коек; в других гетто врачи лечили больных у них на дому – насколько позволяли возможности. Особую трудность представляло собой отсутствие лекарств. Немецкие власти не присылали в гетто никаких лекарств, и отделам здравоохранения оставалось только доставать лекарства за пределами гетто по высоким ценам и тайно доставлять их в гетто – и все равно лекарств всегда не хватало.[21]

Несмотря на деятельность отдела здравоохранения, смертность в гетто намного превышала смертность среди евреев до войны – даже при том, что большинство жителей гетто были молодыми, ведь старики и нетрудоспособные погибали первыми в акциях уничтожения. И всё-таки, благодаря медицинскому обслуживанию, действовавшему в тяжелейших условиях, в гетто не вспыхивали массовые эпидемии.

ПОГРЕБЕНИЕ

Изоляция евреев в гетто вызвала проблему захоронения тел. В большинстве мест кладбища располагались за пределами гетто. В юденратах организовали похоронные отделы, чьей обязанностью было хоронить умерших «естественной смертью», в основном, вследствие условий жизни: голода, болезней, холода и т.п. Людей, застреленных в ходе акций внутри гетто, тоже хоронил похоронный отдел, так что работы у них было немало. Трупы привозили на телегах на кладбище. В одних гетто покойников хоронили в отдельных могилах, в других – в братских могилах. Гарфункель писал об условиях погребения в Каунасе, которые, в сравнении с другими местами, можно считать «сносными»:

«Мертвых хоронили на кладбище, которое находилось в гетто... Немцы запретили ставить на могилах памятники... Они велели разравнивать землю, чтобы от могилы не осталось следа. С огромными усилиями удалось добиться разрешения отмечать могилы номерами».[22]

Немецкие власти таким образом стремились стереть какое бы то ни было упоминание о существовании здесь евреев. Во Львове умерших было много больше, а условия погребения гораздо более тяжелыми и унизительными. Йонес пишет:

«В некоторые месяцы число умерших достигало 600. Помещение морга при старом еврейском кладбище на ул. Раппопорта всегда было полно, трупы в ожидании очереди на захоронение лежали во дворе... Раввины согласились на захоронение в братских могилах».[23]

Люди в гетто иногда завидовали тем, кто умер естественной смертью в изначальном смысле этого слова – то есть от старости. Дворжец-

кий писал о смерти своего отца в больнице Вильнюсского гетто:

> *«Началась агония... Ни один из стариков не спал. Они смотрели на умирающего и завидовали ему. К нам подошел один старик и сказал: Ваш отец был праведник, не каждому человеку такое дается: умер в своей постели, окруженный женой и сыновьями».*[24]

Семьям покойных не разрешали провожать их на кладбище, расположенное вне стен гетто – это была «привилегия» членов погребального братства («хевра кадиша»).

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

Многие жители гетто считались «социальными случаями» еще до их перехода в гетто, другие дошли до этого состояния во время изгнания в гетто, когда им не позволили взять с собой ничего из имущества; некоторые стали «социальными случаями» за время пребывания в гетто. Оказанием помощи нуждающимся занимались социальные отделы, действовавшие во многих юденратах. Эти отделы сотрудничали с продовольственными отделами в создании бесплатных столовых, они же выдавали сотням нуждающихся талоны на получение в столовых еды бесплатно или за символическую плату.

В процессе концентрации евреев в гетто многие остались без одежды, постельного белья, домашней утвари. Для них отделы социальной помощи проводили среди евреев сбор одежды и других вещей из того немногого, что те смогли принести с собой в гетто. В некоторых гетто эти отделы открыли мастерские по починке пожертвованной одежды. Отделы социальной помощи выдавали нуждающимся разрешения на бесплатное медицинское лечение, занимались детскими домами, которые юденраты открывали во многих гетто, помогали продовольствием, одеждой и лекарствами евреям близлежащих трудовых лагерей, где положение было тяжелее, чем в гетто.

В некоторых гетто их обитатели организовали комитеты для помощи нуждающимся. В Вильнюсе Общественный комитет помощи собирал пожертвования у тех евреев гетто, которые могли что-нибудь отдать; комитет получал также часть выручки от культурных мероприятий, проводимых в гетто.[25]

Во Львовском гетто был открыт филиал «Еврейской общественной взаимопомощи» (Zydowska Samopomoc Spoleczna), центр которой находился в Кракове.[26] В 1942 г., вскоре после открытия филиала, местные немецкие власти стали препятствовать ему в установлении связи с центром в Кракове, однако, несмотря на трудности, львовяне получили более полутора тонн посылок с продуктами, лекарствами и т.п. Но только незначительная часть присланного досталась евреям, многое местные власти передали украинцам и полякам.[27]

Положение подавляющего большинства жителей гетто было тяжелым, но те, чье положение было совсем уже невыносимым, получали помощь. Даже в трагической действительности тех дней сыграли свою роль человеческие ценности и еврейская солидарность. Отделы социальной помощи и общественные организации, а также помощь отде-

льных людей родственникам или друзьям не могли решить все проблемы – их было слишком много, а средств у помогавших слишком мало. Однако гуманитарная помощь многих ободрила и сократила число смертей от голода и болезней.

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

В период акций уничтожения все силы евреев гетто направлялись на то, чтобы выжить. Но едва наступали периоды относительного затишья после акций, среди членов юденрата и еврейского общества начинала обсуждаться тема детского образования и культурных мероприятий. Дети, без дела слонявшиеся в гетто, пока их родители были заняты на работе, представляли собой проблему – требовалось не допустить, чтобы они пошли по «дурной дорожке». Среди детей и подростков были также сироты, родители которых погибли в акциях, и они остались без присмотра. Вызывало тревогу их будущее, если они останутся без обучения.

Для детского образования и культурной деятельности нужны были два условия. Первое – достаточно продолжительное отсутствие акций уничтожения и относительное спокойствие. Второе – организация воспитательной и культурной деятельности исключительно в гетто. До изоляции евреев в гетто невозможно было еврейским детям идти по улице в школу, не подвергая опасности свою жизнь. Да и работа школ или какие-либо культурные мероприятия до образования гетто требовали разрешения немецких властей, а они резко отрицательно относились к такой деятельности евреев.

Необходимое для воспитательной и культурной деятельности относительное затишье царило в Вильнюсском и Каунасском гетто Литвы в течение всего 1942 г. и до середины 1943 года; и здесь, главным образом, такая деятельность проявилась. Правда, возникали опасения, что работа школ и сосредоточение детей в одном месте сделает их легкой добычей немецких убийц, видевших в еврейских детях непроизводительный и ненужный элемент. Но все-таки, несмотря на такую опасность и организационные трудности, было принято решение открыть школы. Гарфункель описал школу Каунаса:

«Перед юденратом стояла серьезная проблема: представляет ли собой большую опасность концентрация в одном месте – пусть даже на несколько часов в день – значительного числа детей?.. Кроме того, существовали технические трудности: как найти подходящие здания для школ в ужасающей тесноте гетто? Но победило желание не допустить, чтобы дети гетто остались неучами… Сами дети были невероятно рады ходить в школу и учиться… Число учеников росло и достигло в двух школах примерно 500. Преподавали в школах на иврите и на идиш. Самым большим ударом был приказ немецких властей от 26 августа 1942 года, запрещавший любое преподавание в гетто… Маленькие группы детей раннего возраста продолжали учиться тайно – на квартирах у своих учителей. После краткого перерыва возобновилось общественное образование в гетто – под

видом профессионального училища... Эта школа существовала до последнего дня гетто и стала важным культурным фактором. При школе действовали хор и драматический кружок».[28]

В Вильнюсском гетто систематические занятия начались в конце ноября 1941 г. В феврале 1942 г. в юденрате создали отдел образования. В гетто работали две начальные школы, и в разные периоды в них учились 700 – 900 детей от 5 до 12 лет. В гетто открыли и среднюю школу, где в 4-х классах занималось около 100 учеников. Еще были детские сады для ребят, у которых оба родителя работали вне гетто. В марте 1943 г. председатель юденрата Генс организовал Центральное управление, занимавшееся детьми до 16-летнего возраста. В его обязанности входило наблюдение за работающими на различных предприятиях детьми, а также за учреждениями для сирот и детей, чьи родители находились в особо тяжелом финансовом положении.[29]

В Вильнюсском гетто культурная жизнь была особенно богатой: концерты, хор, театр, различные кружки. По инициативе Генса и сотрудников полиции в гетто организовали симфонический оркестр – первый публичный концерт состоялся 18 января 1942 г. Выручка от концерта пошла на благотворительные нужды. В начале апреля 1942 г. в юденрате заработал отдел культуры, начавший деятельность с создания театра, который открылся в конце апреля 1942 года. Весной 1942 г. в концертах стал участвовать хор, исполнявший песни на идиш и на иврите. В гетто открылись кружки, где читались лекции на научные темы.

Вначале культурная деятельность вызывала протест у определенных кругов в гетто. Распространялись листовки: «На кладбище не устраивают театральных представлений». Но люди, несмотря на тяжелую действительность, стремились к культурной жизни и заполняли залы.[30] Крук, подвергший резкой критике первый концерт в гетто и всегда выступавший против юденрата, писал в дневнике: *«И все-таки жизнь сильнее, чем любая другая вещь... Концерты, вначале бойкотировавшиеся, теперь приняты публикой. На литературных вечерах залы не в состоянии вместить всех желающих»*.[31] Через год после начала культурной деятельности в гетто состоялся праздничный вечер, и Генс произнес перед публикой речь, в которой изложил позицию руководства гетто:

«Мы хотели дать людям возможность освободиться от гетто на несколько часов, и это нам удалось. Мы переживаем тяжелые, черные дни. Наше тело находится в гетто, но наш дух поработить не смогли... Нам нужно быть сильными и телом, и духом... Мы еще увидим лучшие дни».[32]

В Вильнюсском гетто работали также библиотека (около 45.000 томов, 2.500 постоянных читателей) и архив, где были собраны тысячи документов: немецкие приказы, распоряжения юденрата и еврейской полиции, свидетельства уцелевших в Понарах, евреев из провинциальных местечек и т.п. В сентябре 1942 г. Генс поручил группе людей написать историю гетто.[33]

Вильнюсское гетто выделялось среди других гетто своей широкой педагогической и культурной деятельностью, во-первых, почти полуто-

ра годами, с конца 1941-го и до середины 1943-го, относительно спокойного периода, и, во-вторых, благодаря культурной традиции еврейского Вильнюса – «Литовского Иерусалима».

Разветвленная культурная жизнь была и в Каунасском гетто. Первый концерт здесь состоялся в августе 1942 г. В Каунасском гетто работали литературные кружки, спортивные и шахматные секции.[34]

Минское гетто, созданное в конце июля–начале августа 1941 г. первым на оккупированных землях СССР, – самое большое по числу обитателей и единственное крупное гетто на старых территориях, которое просуществовало более двух лет. Тем не менее, в Минском гетто не велось ни педагогической, ни культурной работы, поскольку акции уничтожения происходили там все время, и гетто не знало ни одного спокойного периода, который позволил бы организовать подобную деятельность. Еще одной причиной было отсутствие еврейского воспитания и еврейской культурной жизни – те, кто мог бы этим заниматься, были уничтожены советской властью в конце двадцатых – начале тридцатых годов.[35]

РЕЛИГИЯ И ТРАДИЦИИ

Условия жизни в гетто, обязанность работать в субботы и праздники, отсутствие кошерной еды и голод, принуждавший людей есть, что только удавалось достать, – все это делало почти невозможным соблюдение религиозных предписаний и кашрута. Многочасовая работа, от рассвета и до поздней ночи, не оставляла людям возможности молиться. Многие синагоги были сожжены вместе с находившимися в них свитками Торы во время погромов первых дней и недель немецкой оккупации. Большинство синагог оказалось вне гетто, а находившиеся в гетто служили чаще всего жильем, главным образом для евреев, привезенных из соседних местечек.

В Вильнюсе действовали три синагоги на территории гетто, и на праздники, несмотря на трудности, их заполняли молящиеся. В гетто было также несколько раввинов; при одной из синагог существовала маленькая иешива с несколькими учениками. Религиозные евреи в гетто соблюдали заповеди, насколько позволяли условия.[36]

Когда в первый Йом-Кипур (Судный день) в Каунасском гетто на работу вне гетто вышло всего несколько работников, власти пригрозили юденрату, что, если люди не выйдут на работу в течение часа, к ним и ко всему гетто будут применены строгие меры, и рав Шапиро разрешил людям выйти на работу. До конца августа 1942 г. в гетто действовали несколько синагог, пока гебитскомиссар Каунаса Ганс Крамер не опубликовал приказ, которым запрещались молитвы и религиозные обряды. Синагоги в гетто закрылись.[37] В юденрате Гродно работал отдел религии, который занимался синагогой. О религиозной жизни в Львове писал Кахане:

> *«Молитвенные собрания были запрещены, и евреи тайно собирали миньяны в частных квартирах. Если миньян обнаруживали, всех молящихся и хозяев квартиры забирали в тюрьму, а оттуда уже никто*

не возвращался».[38]

В Минске, где еврейская религия подавлялась еще при советском режиме, в гетто не было синагог, не велась еврейская деятельность – как из-за суровой действительности, так и из-за малочисленности верующих, в большинстве своём стариков. Смоляр свидетельствовал:

«Евреи, соблюдающие заповеди, пытались в первые месяцы гетто организовать «миньян», но даже эти попытки им скоро пришлось оставить из-за опасности внезапного вторжения».[39]

В гетто распространился обычай произносить «кадиш» по убитым близким, но пробуждение религиозного чувства наблюдалось в основном по праздникам. В некоторых гетто к празднику Песах пекли немного мацы из муки, добываемой разными путями. Перед праздником Суккот ставили несколько шалашей, а на праздник Симхат-Тора в некоторых синагогах устраивали шествия.[40] Шахан писал о евреях, изгнанных в Транснистрию:

«Евреи Бессарабии и Буковины, которые были проникнуты религиозной атмосферой, продолжали вести религиозный образ жизни... Как только ссыльные приехали на место, при первой же возможности были собраны «миньяны», которые молились в надежде на скорое освобождение».[41]

В еврейских источниках о Катастрофе обычно не слишком распространялись на тему религии. Но можно предположить, что трагические события Катастрофы не изменили отношения людей к религии. Религиозный еврей делал в условиях гетто все, что мог, ради соблюдения заповедей, и явного пренебрежения верой в Бога среди религиозного населения гетто не наблюдалось. В то же время неверующие евреи не стали религиозными из-за Катастрофы – заметного возврата к вере не было.

Деятельность юденратов, связанная с религией, была крайне ограниченной. Молитвы и соблюдение заповедей в условиях гетто остались только делом каждого отдельного человека и религиозной общественности.

СИСТЕМА СУДОПРОИЗВОДСТВА В ГЕТТО

Изоляция евреев в гетто и условия жизни в них вызвали необходимость в создании системы судопроизводства, и юденраты во многих крупных гетто ввели с разрешения оккупационной власти суды по гражданским и уголовным делам. До того, а также в тех гетто, где судов не было, этими вопросами ведали сами юденраты и еврейская полиция. Ненормальные условия в гетто – теснота в квартирах, которая зачастую вызывала конфликты между жильцами; сделки по продаже одежды и вещей или их обмену на еду; кражи; невыполнение распоряжений юденрата в области санитарии и гигиены; уклонение от уплаты налогов и др. – все это требовало организации системы судопроизводства. Прокуроры, адвокаты и судьи были, как правило, профессиональными юристами.[42] Судьи гетто Шауляя в отчёте за период с 20 октября 1941 г. по 10 января 1943 г. описывают работу своего суда:

«Суд гетто принял на себя обязанность вершить справедливость... За отчетный период суд рассмотрел 185 гражданских дел и 151 криминальный случай, всего 336 случаев... Суд гетто взял себе за правило применять два вида наказаний: денежные штрафы и тюремное заключение... Тюрьма находится в подвале... Пребывание там – это мучение, и поэтому суд не может приговаривать к более длительному заключению, чем семь дней... Следует отметить глубокое доверие и уважение, которое жители гетто питают к суду».[43]

Похожее происходило и в других гетто. Суды в гетто были уполномочены приговаривать людей к смертной казни, но они пользовались этим правом только в исключительных случаях. Один из таких случаев – а может, единственный – произошел в Вильнюсском гетто, когда суд приговорил к смерти пятерых преступников, убивших и ограбивших молодого человека Йосефа Герштейна, который вел с ними дела на черном рынке. Арестованные и допрошенные еврейской полицией, они признались в этом убийстве, а также в убийстве еще одного человека.

4 июня 1942 г. суд гетто в составе пяти человек приговорил пятерых убийц к повешению. Юденрат утвердил приговор, и в тот же день осужденных казнили. Суд также приговорил к смерти Якова Авидана, который пришел из гетто Лиды, где он донес германским властям о пребывании в гетто еврейских беженцев из Вильнюса и помог опознать каждого из них, после чего 60 беженцев и 6 членов юденрата были казнены. Об этом стало известно в Вильнюсском гетто. Авидана арестовали, судили и повесили вместе с убийцами Герштейна. Скорость исполнения приговоров объяснялась опасением, что немцы захотят увидеть приговоренных, а те, спасая себя, донесут немцам о незаконных действиях, творившихся в гетто. После этого суда в Вильнюсском гетто не случалось убийств на почве грабежа.[44] Что же касается Минского гетто, то в источниках наличие в нем суда не упоминается, и случаи, требовавшие судебного разбирательства, решались юденратом и еврейской полицией.

ФИНАНСОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ЮДЕНРАТА

Юденратам требовались деньги для финансирования деятельности в гетто и для заработной платы своим сотрудникам, в том числе служащим еврейской полиции. У юденратов было много расходов: ремонт и эксплуатация зданий, выдача субсидированных продуктов нуждающимся, содержание больниц, работы по уборке и дезинфекции, открытие сиротских приютов и домов престарелых. Юденратам также приходилось платить городским управлениям за воду и электричество для гетто. Деньги требовались и для подкупа высокопоставленных чинов в немецких органах власти, чтобы предотвратить массовые казни или сократить количество людей для отправки в рабочие лагеря, что зачастую означало их уничтожение. Не раз евреев арестовывали за различные «нарушения»: отсутствие желтой нашивки, контрабанду, нахождение вне гетто и другие проступки, но юденрату удавалось при помощи взя-

ток освободить схваченных и тем самым спасти их жизни. Все деньги на нужды юдената поступали от евреев гетто. Источниками финансирования были налоги и выплаты, самые разнообразные. Вот они:

1. Продукты, которые немецкие власти выделяли работникам и их семьям, продавались централизованно юденратам, которые, в свою очередь, продавали их тем, кому они были положены. Кроме того, продовольственным отделам время от времени удавалось купить продукты вне гетто. И выделенные, и купленные продукты продавались по ценам, превышающим закупочные, – разница оставалась у юденратов.

2. Работающие за пределами гетто с полученной ими скудной зарплаты платили налог – до 20%. Работодатели за пределами гетто платили гебитскомиссарам за еврейских работников, а те переводили половину этих денег юденратам для платы работникам. Из этой суммы юденраты удерживали налоги. В некоторых местах подобным налогом облагались и те, кто работал на фабриках в гетто, включая сотрудников юденрата.

3. Плата, взимаемая с евреев гетто за жильё, воду и электричество, за медицинское обслуживание, а иногда и за похороны.

4. Налоги с владельцев мастерских, пекарен, ресторанов и с хозяев лавок в тех гетто, где разрешалась подобная частная инициатива.

5. Особый налог на людей, которые сумели пронести в гетто деньги и ценные вещи, а также торговцев контрабандными продуктами и спекулянтов, разбогатевших в гетто.

6. Доходы от продажи продукции мастерских гетто.

7. Подушный налог, который платили все жители гетто, кроме нуждающихся и получающих социальную помощь.

8. Доходы от штрафов, взимаемых еврейской полицией за неявку на работу, за несоблюдение чистоты и др.[45]

Финансовыми вопросами занимались специальные отделы, существовавшие во всех юденратах под различными названиями: общий отдел, финансовый отдел, секретариат и т.п. В некоторых юденратах существовали две кассы: одна – официальная, касса прихода и расхода, она всегда была доступна немецким чиновникам для проверки; вторая – неофициальная, в ней держали деньги для взяток представителям немецких властей и для покупки продуктов на черном рынке. В этой кассе записи не велись, чтобы ее не могли обнаружить немцы при внезапной проверке. В нее поступали главным образом налоги, которыми облагались контрабандисты и спекулянты, а также конфискованные у них деньги и ценности. Поскольку не было ни упорядоченных записей, ни соответствующего контроля, можно предположить, что деньги из этой кассы уходили не только на те цели, для которых они предназначались, но и на личные нужды служащих юденрата, имевших доступ к кассе.

Источники, содержащие данные о бюджетах юденратов, включая перечень доходов и расходов, весьма немногочисленны. В Вильнюсском гетто, например, доходы за первые шесть месяцев 1942 г. выражались в 658.600 рейхсмарок, а расходы – в 543.900 рейхсмарок. Это

довольно крупные суммы, учитывая, что рейхсмарка, тогдашняя основная денежная единица, равнялась десяти рублям. Доходы и расходы увеличились в последующий период, когда работников и мастерских в гетто стало больше, а также расширилось количество услуг и увеличилась помощь нуждающимся.[46] Можно предположить, что в других гетто бюджет юдената был меньше, чем в Вильнюсском гетто.

B. ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И ИДЕОЛОГИЯ «РАБОТА РАДИ ЖИЗНИ»

Оккупанты, как уже говорилось, временно оставили в живых специалистов и их семьи для того, чтобы использовать их в качестве рабочей силы. Биржи труда, действовавшие в рамках юдената, управляли еврейской рабочей силой и распределяли ее по рабочим местам, согласно потребностям немецких органов власти. Большинство требований на рабочих предъявляли немецкие биржи труда, находившихся в составе гебитскомиссариатов, и немногие запросы поступали от Сипо или от армии. Немцы нуждались в специалистах портняжного и обувного дела, металлургах, столярах, электротехниках и т.д. Им требовались разнорабочие для прокладывания дорог и железнодорожных путей, на строительстве аэродромов, на торфоразработках, а также на сельскохозяйственных работах, в сфере обслуживания и др.

Любой еврей из гетто стремился работать по специальности и на таком месте, где можно получить «шайн» – «страховку жизни» для него и его семьи. Другими соображениями, по которым одна работа предпочиталась другой, были: физическая трудность, отношение работодателя к работникам, возможность достать или выменять продукты. Черные работы, физически более тяжелые, до которых из гетто требовалось добираться пешком, естественно, были наименее популярны, но юденратам приходилось поставлять рабочих и туда.

Не раз биржам труда приходилось прибегать к наказаниям или обращаться к еврейской полиции, чтобы заставить людей работать на рабочих местах с тяжёлыми условиями и у бесчеловечных работодателей. При назначении на рабочие места не раз имело место вымогательство. Знакомства, семейные связи и деньги позволяли устроиться на хорошее место или избежать отправки в трудовой лагерь за пределами гетто. Таким образом работники бирж труда, а особенно заведующие биржами, приобретали влияние в гетто.[47]

Евреев-рабочих организовывали согласно занятости: каждая группа, работавшая на каком-то месте, считалась бригадой. Биржи труда решали многие из проблем, ежедневно возникавших у бригад. Один из рабочих группы назначался главным – бригадиром. Он обычно отличался лидерскими способностями и владел языком, на котором говорил работодатель. Связи, возникавшие между бригадирами и работодателями, позволяли им приобрести значительную силу в глазах, как рабочих, так и юдената. С помощью взяток работодателям бригадиры могли добывать дополнительные «шайны», спасать людей от ареста, доставать еду и прочее. Некоторые бригадиры использовали свою

должность для обогащения. За взятки они принимали людей в свою бригаду, которая давала работнику «шайн» либо обеспечивала относительно хорошие условия работы. В некоторых гетто бригадиры, имевшие короткие отношения с работодателями, стремились поставить себя выше юдената.[48]

В ходе акций уничтожения в гетто распространилась точка зрения, которую можно назвать идеологией «работы ради жизни». В её основе лежала идея, согласно которой возможность выживания, как всего гетто, так и отдельного еврея, связывалась с работой и способностью доказать немецким органам власти экономическую целесообразность существования обитателей гетто. Сторонники этого принципа утверждали, что следует увеличивать количество работников в гетто и поднимать производительность труда – экономическая полезность гетто увеличит его шансы выжить. Такой подход имел целью выиграть время и оттянуть срок ликвидации гетто. Его питала надежда на поражение Германии, прежде чем она успеет и сумеет уничтожить всех евреев гетто. После разгрома немцев под Сталинградом такая надежда окрепла. Идеология работы ради жизни была порождением одновременно и юденратов, и еврейских масс, она укоренилась во всех гетто, а особенно в тех, которые знали продолжительные периоды затишья между акциями. Этот принцип вынуждал к полной мобилизации человеческих ресурсов гетто на работу, чтобы доказать немцам, что подавляющее большинство жителей трудится, и «лишних» среди них нет.

Поскольку между гетто не было связи, ясно, что эта идеология не передавалась из гетто в гетто. Она вытекала из оценки положения, сделанной юденратами и еврейской общественностью порознь в каждом гетто, и одинаковость выводов диктовалась схожими условиями всех гетто. Тот факт, что в большинстве гетто немецкие власти временно оставляли в живых работников, в которых они нуждались, укреплял в сердцах оставшихся надежду выжить благодаря своей полезности.

Практическое выражение этой идеологии юденраты продемонстрировали в Вильнюсском, Каунасском, Минском, Гродненском, Пинском, Львовском, Могилев-Подольском и многих других гетто.[49] Ради «работы во имя жизни» юденраты старались увеличить количество евреев на рабочих местах вне гетто и открывать в гетто мастерские, чья продукция предназначалась для германской армии и учреждений оккупационных властей. С такой целью к рабочей силе присоединяли всё большее число женщин, подростков и стариков, сокращая количество работников в сфере обслуживания в гетто. По инициативе юденратов, а иногда самих специалистов в гетто открывались портновские, сапожные, столярные, кожевенные мастерские и небольшие промышленные предприятия.

Имеющиеся у нас данные по некоторым гетто указывают на постоянное увеличение числа работников. В Вильнюсском гетто работали в конце 1941 г. около 4.000 человек, а в июне 1943 г. уже 14.000 из 20.000 жителей гетто.[50] В Каунасском гетто в марте 1943 г. были заняты 7.200 человек, а летом того же года – 10.500. Население гетто в те месяцы

составляло около 16.000 человек.[51] Можно предположить, что подобный процесс происходил и в других гетто.

Принцип «работы ради жизни» не спас евреев гетто, и большинство из них погибло, но он продлил их существование. Несмотря на отсутствие обширных исследований на эту тему, можно утверждать, что из гетто, ликвидированных позже, спаслось больше людей, чем из гетто, уничтоженных ранее. Это произошло оттого, что по мере продолжения войны положение Германии ухудшалось, и она нуждалась во все большем количестве работников. Поэтому в момент ликвидации гетто и лагеря трудоспособных отправили в трудовые лагеря или концлагеря в Германии, и часть из них выжила.[52]

Принцип «работы ради жизни» был единственным подходом юденратов – а в той действительности единственным рациональным подходом – который за выполнением обязанности скрывал надежду выжить, и поэтому поддерживался всей еврейской общественностью в гетто.

ЮДЕНРАТЫ И ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Юденраты руководили евреями в гетто в условиях, которых не знало руководство еврейских общин в прежней истории. Несмотря на то, что они были созданы по распоряжению немецких органов власти и должны были выполнять их приказы, юденраты, в сущности, явились продолжением руководства еврейских общин в прошлом. Члены юденрата, как правило, не хотели состоять в этой организации. Их назначали немецкие власти либо избирали представители еврейской общественности. Отказ в случае назначения властями означал смертельную опасность; отказаться же в случае избрания представителями общественности им не позволяло чувство ответственности.

Юденраты – не добровольные пособники немецких захватчиков. В редких случаях – главным образом, при акциях в некоторых местах, когда в их действиях проявлялся элемент сотрудничества (например, действия еврейской полиции из Вильнюсского гетто при акции в Ошмянах, упоминавшейся ранее), это делалось в надежде спасти хоть часть евреев. Такая оценка деятельности юденратов не относится к тем организациям, которые создавали немцы в некоторых местах, как в «Юлаге» Львова или Минске (они назывались «оперативными группами»), или тем, с чьей помощью они утверждали свою власть над евреями после уничтожения юденратов. Эти организации состояли из уголовных элементов, не назывались юденратами и не могут считаться таковыми.

Юденраты играли главную роль в организации повседневной жизни гетто. Они обеспечивали евреям возможность действовать и существовать в нечеловеческих условиях. Сама жизнь диктовала их необходимость, и если бы немцы не создавали юденраты, это сделали бы евреи, запертые в гетто, чтобы кто-то руководил их жизнью и представлял их перед властями.

Должность председателя юденрата или членство в нем не гарантировали выживания. Многих членов юденрата убили во время акций или

помимо них, задолго до окончательной ликвидации гетто, за невыполнение распоряжений немцев. Из четырех председателей юденратов во Львове троих убили немцы и один умер сам. В Минском гетто были убиты двое председателей юденрата. В Вильнюсе казнили двух председателей юденрата и несколько его членов. В Лиде уничтожили всех членов первого юденрата. В Монастырщине и Хисловичах Смоленской области были убиты все члены юденрата, поскольку, по утверждению немцев, местные евреи вели себя «нагло и вызывающе».[53]

Отношение евреев гетто к юденрату не было однозначным. Причин тому несколько: юденраты служили средством информации о приказах немецких властей, и средством выполнения этих приказов. Именно юденраты должны были заставлять людей выходить на принудительные работы; они забирали деньги и ценные вещи без согласия владельцев – иногда по указанию немцев, иногда для их подкупа. Юденраты часто были вынуждены отвечать многим голодающим жителям гетто отказом на их просьбы о выделении им еды. Юденраты облагали налогами евреев, и без того нищенствующих. А самое тяжелое – юденраты не могли обеспечить всех евреев «шайнами», зачастую судьбоносными, определяющими, кому жить, а кому умереть. Кроме того, нашлись юденраты, в той или иной степени заражённые протекционизмом и предпочитавшие помогать близким или друзьям, а также за взятки – и это наносило ущерб их престижу среди жителей гетто.

Но всё же большинство жителей гетто признавало полномочия юденрата, считало его местом, куда можно обратиться за помощью, понимало, что его действия направлены на облегчение жизни евреев. И сражающееся подполье, возникшее в гетто, не возражало против существования юденратов, не оспаривало его действий и полномочий.[54]

Г. ЕВРЕЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Еврейская полиция в гетто, как уже отмечалось выше, возникла по распоряжению немецких органов власти «для соблюдения внутреннего порядка» в гетто. Она официально подчинялась юденрату, который мобилизовал в нее служащих и назначал начальника. Полиция должна была помогать юденрату в двух сферах: в исполнении приказов немецких органов власти и в охране внутреннего порядка в гетто. Выполнение распоряжений оккупантов подразумевало, главным образом, соблюдение норм поставки рабочей силы. Основные обязанности, связанные с охраной внутреннего порядка в гетто, состояли в содействии юденрату при решении квартирного вопроса, в наблюдении за санитарией и гигиеной и в предотвращении уголовных преступлений.

Мобилизация в еврейскую полицию в крупных гетто осуществлялась посредством расклеенных на улицах объявлений с призывом к молодежи добровольно записываться на службу в полицию. В небольших гетто с малочисленной полицией мобилизация происходила в основном на почве личного знакомства кандидатов в полицейские с её начальником или с членами юденрата. Начальниками полиции назначались, как правило, бывшие военные, часто офицеры. Еврейская полиция гетто Кау-

наса, Вильнюса и Гродно насчитывала в каждом из них около 200 человек. Во Львове силы полиции вначале составляли около 500 человек, но после акций в гетто в середине 1942 г. их численность сократилась до 300 человек. В Минске служили 50 еврейских полицейских. В сравнительно небольшом гетто Шауляя полиция насчитывала 36 человек, в Могилеве – 15 человек.[55] Большие гетто были разбиты на полицейские кварталы, в каждом – полицейский участок. В составе еврейской полиции были и уголовная полиция, и служба охраны ворот гетто. В гетто имелась также тюрьма.

Вначале в ряды полиции гетто мобилизовали молодежь из интеллигентных еврейских кругов, считая, что, поскольку производительным трудом они не занимаются, то служба в полиции даст им возможность получить «шайн» и тем самым избежать отправки на физически тяжелые работы. Служба в полиции, кроме того, в какой-то мере охраняла членов семьи полицейского от высылки и от массовых казней.

Немецкие власти порой требовали от еврейских полицейских участвовать в розыске евреев и подготовке их к «высылке за пределы гетто» – выражение, которое в большинстве случаев использовалось для обозначения акций уничтожения. Еврейские полицейские, как правило, были обязаны обеспечить требуемое число людей для высылки, в противном случае, могли выслать их самих и их семьи. Им часто приходилось вместе с немцами и местной полицией ходить по домам и помогать в поиске скрывающихся евреев. Некоторые не выдерживали требований, налагаемых на них службой, и увольнялись из полиции. На их место приходили другие, готовые на все, чтобы спасти свою жизнь. Пользуясь этим, немецкие органы власти в некоторых местах постепенно стали издавать приказы непосредственно еврейской полиции и подчиненность полиции юденрату ослабела.[56]

Еврейским полицейским приходилось иногда платить жизнью за отказ помогать отправке своих собратьев на смерть. В конце марта 1944 г. в Каунасе подвергли пыткам, а потом расстреляли в Девятом форте 40 офицеров и рядовых еврейской полиции, среди них начальника полиции Моше Левина. Сипо требовала от них выдать адреса «малин» в гетто, где прятались евреи, а также информацию о еврейском подполье, действовавшем в гетто, но они отказались. Вначале в Девятый форт доставили 140 полицейских, некоторые из них не выдержали пыток и согласились сотрудничать с немцами, и во время акции против детей и стариков, которая была проведена в гетто в эти дни, сообщили немцам о факте наличия в гетто нескольких «малин», где эти люди прятались.[57] Многие из полицейских и командиров полиции Каунасского гетто сотрудничали с подпольем гетто и даже состояли в нем. Гибель полицейских в Девятом форте возвысила полицию в глазах жителей гетто.[58] После убийства полицейских в Девятом форте еврейскую полицию в Каунасском гетто распустили, организовав вместо нее Службу порядка (Ordnungsdienst), подчинённую немецкой полиции безопасности – служили в ней люди, готовые выполнять любые приказы немцев.

Генс, председатель юденрата Вильнюсского гетто, послал в местеч-

ко Ошмяны группу из 30 полицейских-евреев, и 23 октября 1942 г. они вывели из гетто Ошмян 406 хронически больных и стариков, передали их немцам и литовским полицейским, а те их расстреляли. Генс оправдывал свои действия тем, что в случае его отказа выполнять приказ немцы и литовцы сами отобрали бы 1.500 детей и их матерей, а не стариков и хронически больных.[59] Некоторые из полицейских Вильнюсского гетто были активистами антифашистского подполья, а заместитель начальника полиции Иосиф Глазман был одним из лидеров подполья и его организаторов.[60]

В источниках, сообщающих о Минском гетто, ничего не говорится об участии еврейской полиции в акциях. Председатель юденрата гетто Минска А. Мушкин и начальник полиции З. Серебрянский сотрудничали с подпольем гетто. Серебрянский ввел в состав полиции группу подпольщиков и приложил немало усилий к тому, чтобы изгнать из рядов полиции ненадежных людей. Вместе с Мушкиным и при помощи подпольщиков он снабжал одеждой и лекарствами партизан в лесах. Немцы обнаружили, что Мушкин и Серебрянский связаны с подпольем, и казнили их. Немцы были недовольны работой еврейской полиции в Минске и в ходе акции 28–31 июля 1942 г. убили начальника полиции гетто Блюменштока, который сменил Серебрянского, и председателя юденрата Моше Яффе. Еврейскую полицию разогнали, её заменили «Оперативной группой» из людей, которые беспрекословно подчинялись немцам и выдавали подпольщиков.[61]

В Рижском гетто казнили всех 42 еврейских полицейских, обвиненных в том, что они содействовали подпольщикам и помогали им бежать в леса.[62]

Существование и деятельность еврейской полиции были результатом условий, навязанных евреям в гетто немецкими органами власти. Обязанности полицейских заставляли их находиться в постоянном противостоянии жителям гетто. Пока обязанности полицейских сводились к поддержанию порядка в гетто и это делалось от имени юденрата и по его распоряжению, жители гетто не возражали. Но по мере роста числа операций уничтожения от полицейских все больше требовалось участие в собирании евреев перед их высылкой из гетто, и это восстанавливало против них жителей гетто.

Служба в еврейской полиции не гарантировала полицейским жизни – во время ликвидации гетто и уничтожения последних его обитателей немцы убивали и полицейских. Еврейская полиция в гетто была вызвана жизненной необходимостью, и если бы немецкие власти не нуждались в ее существовании, еврейские юденраты сами создали бы ее. Необходимые для существования гетто решение жилищной проблемы, гигиенические мероприятия, охрана продуктов, привозимых в гетто – все это стало бы невозможным без участия полиции, как и выполнение трудовой повинности, благодаря которой существовало гетто, как и предупреждение грабежей и убийств в гетто. Поведение еврейской полиции в гетто следует оценивать объективно, с учётом всех сторон её деятельности и ситуации в каждом конкретном гетто.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О временных распоряжениях Лозе см. гл. 13. О создании юденратов см. гл. 14.
2. О деятельности юденратов во время изоляции евреев в гетто см. гл. 16, 17 и 21.
3. Энциклопедия диаспор, *Гродно,* с. 531-532 .
4. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 235-236; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 120-122; Смоляр, *Советские евреи...*, с. 34-35; Ерушалми, *Хроника Шауляя...,* с. 47.
5. USHMMA, Fond R6, Opis 53002, Delo M, Reel 4.
6. Файтельсон, *Непокорившиеся...*, с. 170.
7. Бальберишский, *Крепче стали...*, с. 316; Arad, *Ghetto in Flames...,* p. 302.
8. Гринштейн, *Головешка...*, с. 36.
9. Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 111.
10. Зейц, *Минское гетто...,* с. 37.
11. Бальберишский, *Крепче стали...*, с. 313-314.
12. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 234; Энциклопедия диаспор, *Гродно*, с. 534.
13. Arad et al, *Einsatzgruppen Reports...*, 191, p. 329/
14. Петель-Кнани, *Не тот Гродно...*, с. 146. О народных столовых в других гетто см. Arad, *Ghetto in Flames...*, p. 311-312. В Вильнюсском гетто за первую половину 1942 года выдали в среднем более 3.500 обедов в день, две трети из них – бесплатно. См. также Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 104,; Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 114; Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 209.
15. Гарфункель, *там же,* с. 104; Энциклопедия диаспор, *Гродно*, с. 335.
16. Гарфункель (*там же,* с. 111) пишет: «Санитарное состояние в гетто и чистота в нем были выше, чем в городе. Это не раз признавали немцы». Ерушалми (*Хроника Шауляя...,* с. 70) также писал: «В период болезней… инфекционные болезни поражали гетто меньше, чем другие районы города».
17. Arad, *Ghetto in Flames...,* pp. 315-316.
18. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 70.
19. Архив Яд Вашем, 2025/71-0, с. 17.
20. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 109-110.
21. Гарфункель, *там же,* с. 111; Дворжецкий, *Литовский Иерусалим,* с. 302; Jagendorf, *Jagendorf's Foundry...*, pp. 57-58.
22. Гарфункель, *там же,* с. 112.
23. Йонес, *Евреи Львова...,* с. 128.
24. Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...*, с. 107-108.
25. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 311-312.
26. Отдел населения и социальной помощи при Министерстве внутренних дел Генерал-губернаторства Польша весной 1940 г. официально разрешил деятельность отдельных комитетов социальной помощи для поляков, украинцев и евреев. Это произошло благодаря помощи, которую до вступления США в войну Генерал-губернаторство получало от американских благотворительных организаций. Американские организации настаивали на том, чтобы их помощь направлялась и евреям. После переговоров было решено передавать евреям 17% от объёма американской помощи.
27. Йонес, *Евреи Львова...,* с. 174-175.
28. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 113-114, 131.
29. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 318-320.
30. Arad, *ibid.,* p. 321. В театре гетто в течение года прошло 120 спектаклей, их посетили 38.000 человек.
31. Крук, *Дневник...,* с. 195.
32. Корчак, *Пламя в золе*, стр. 345.
33. Крук, *Дневник...*, с. 341, 418-419.
34. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 250-251.

35. Смоляр, *Советские евреи...,* с. 222.
36. Arad, *Ghetto in Flames...*, p. 324.
37. Тори, *Гетто...*, с. 524-525; Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 256-257.
38. Кахане, *Дневник...,* с. 44-45.
39. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 222.
40. Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 121.
41. Шахан, *Жгучий мороз...*, с. 233-235.
42. О судах в гетто и об их деятельности см. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 239; Тори, *Гетто...*, с. 476-480. Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...,* с. 284; Крук, *Дневник*, с. 162, 165, 343-344, 367-368; Йонес, *Евреи Львова...,* с.126.
43. Ерушалми, *Хроника Шауляя...,* с. 163-165.
44. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 292-293.
45. Бальберишский, *Крепче стали...*, с. 419; Петель-Кнаани, *Не тот Гродно...,* с. 143-144; Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 132; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 123-124.
46. Корчак, *Пламя в золе...*, с. 362; Бальберишский, *там же,* с. 414-418; Спектор, *там же,* с. 131, Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...*, с. 149-150.
47. Петель-Кнаани, *Не тот Гродно...*, с. 148; Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 131, Дворжецкий, *Литовский Иерусалим...,* с. 149-150.
48. Тори, *Гетто...*, с. 136, 179, 184, 187-190; Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 298-300.
49. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 261; Петель-Кнаани, *Не тот Гродно...*, с. 147-148; Йонес, *Евреи Львова...,* с. 171; Jagendorf, *Jagendorf's Foundry...*, pp. 35-36.
50. Крук, *Дневник...*, с. 524; Корчак, *Пламя в золе...*, с. 355-356.
51. Тори, *Гетто...,* с. 539-540.
52. См. гл. 13, параграф Ж.
53. Arad et al., *Einzatsgruppen Reports...,* 92. p. 149.
54. О взаимоотношениях подполья и юденратов см. гл. 45.
55. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 238; Петель-Кнаани, *Не тот Гродно...,* с. 166; Йонес, *Евреи Львова...*, с. 134-138; Ерушалми, *Хроника Щауляя...*, с. 20; Нахман Тамир (ред.), *Книга свидетельств и воспоминаний общины Пинска,* т. 2. – Тель-Авив, 1966, с. 337 (далее Тамир, *Книга Пинска...*); Arad et al., *Einzatsgruppen Reports...*, 125, p. 208.
56. Йонес, *там же,* с. 135.
57. Гарфункель, *Разрушенный...*, с. 180-181. См. также гл. 30, раздел В.
58. Браун и Левин, *История подполья...*, с. 355.
59. См. гл. 24, раздел В – описание акции в Ошмянах.
60. См. гл. 45, раздел Б, о Глазмане и о других полицейских – активистах подполья.
61. Холавский, *В гибельной буре...*, с. 132-133; Смоляр, *Советские евреи...*, с. 139.
62. О подполье в Рижском гетто см. гл. 45.

ЧАСТЬ ОДИНАДЦТАЯ
ЕВРЕЙСКОЕ ВООРУЖЁННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

ГЛАВА 45

ВООРУЖЁННОЕ ПОДПОЛЬЕ В ГЕТТО

А. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ

В гетто на оккупированных территориях создавались подпольные группы и организации для вооружённой борьбы с немцами. Идея вооружённого подполья проистекала в основном из понимания, что нацистская Германия приговорила евреев к тотальному уничтожению и нужно воевать с этим врагом, несмотря на его абсолютное превосходство и ничтожные шансы на победу, и что лучше умереть в борьбе, а не во рву или в газовой камере. В сердцах подпольщиков мерцала искра надежды на то, что, возможно, борьба откроет путь к спасению. Целью подпольщиков было восстание в гетто, а в местах, где были подходящие условия – уход в леса к партизанам.

Полная изоляция евреев в гетто и их разобщённость определили характер еврейского подполья. Централизованного сопротивления не существовало, а отдельные подпольные формирования действовали почти без связи между собой и каждая в своих особых условиях. На организацию вооружённого подполья влияло много факторов, но главными были следующие: период акции истребления и ситуация, когда евреи поняли, что они на пороге тотального уничтожения; возможность добыть оружие; отношение еврейского населения гетто к идее борьбы; наличие лесов и партизан в районе. В условиях отсутствия централизованного подполья следует обсудить деятельность вооружённого подполья различных гетто с учётом их специфических обстоятельств, и на основе этого сделать общий вывод о деятельности еврейского подполья в оккупированных районах Советского Союза.

Б. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДПОЛЬЯ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Гетто Минск

Уже в первые месяцы оккупации в Минске возникло несколько подпольных групп евреев-коммунистов. Среди их организаторов были Герш Смоляр, в прошлом активист нелегальной коммунистической партии Польши, и Нахум Фельдман, который ещё в годы революции воевал в партизанах и в рядах Красной Армии. В октябре 1941 г. эти группы объединились в вооружённое подполье, главной целью которого стал вывод людей из гетто в леса для партизанской борьбы. Подпольщики решили создать типографию для выпуска листовок с призывом к населению Минска, евреям и неевреям, сопротивляться немецким оккупантам.

Перед созданием подполья обсуждался вопрос о допустимости основания подпольной коммунистической организации без указания и разрешения Центрального Комитета коммунистической партии (который находился далеко в советском тылу), так как существовало опасение, что руководство коммунистов усмотрит в подобной инициативе раскольничество. Смоляр и его товарищи решили, что в существующих условиях они могут взять ответственность на себя.[1]

Целью подполья Минского гетто было выход в леса и борьбу в рядах партизан, а не восстание в гетто. Подполье организовывали коммунисты, чья деятельность изначально нацеливалась не на решение специфических проблем евреев, а на общие интересы советского партизанского движения. Поэтому у них не возникало мысли остаться в гетто и организовать там национальное еврейское сопротивление немцам и борьбу с ними, как это делало подполье в других гетто. Кроме того, в лесах под Минском оставшиеся в окружении солдаты Красной Армии начали тогда партизанскую борьбу, что давало реальную возможность уйти в леса, воевать и может и спастись там.

Число подпольщиков достигло на пике их деятельности около 450 человек. В акциях уничтожения 1941-1942 гг., а также в период между акциями погибли многие подпольщики, но их заменили новые люди. Участники подполья, работавшие на складе трофейного оружия в Красном Урочище, извлекали оттуда винтовки, пистолеты, гранаты, боеприпасы, а также кое-какое автоматическое оружие и нелегально доставляли их в гетто. Подпольщики обнаружили тайник, а в нём винтовки, вероятно, спрятанные попавшими в окружение солдатами Красной Армии, и доставили это оружие в гетто. Подпольщики имели также и радиоприёмник, с помощью которого они принимали известия из Москвы и распространяли их в гетто.[2]

В конце ноября 1941 г. подполье в гетто установило связь с нееврейским городским коммунистическим подпольем, во главе которого стоял инженер Исай Казинец (подпольная кличка «Славик»). Ему удалось скрыть своё еврейство и выдать себя за татарина. Группа Казинца сосредоточилась на создании партизанских баз в лесах, диверсионной деятельности на городских объектах и антинемецкой пропаганде. На встрече Смоляр и Казинец договорились, что подполье гетто станет частью городского подполья и будет действовать под его руководством. Главной просьбой подпольщиков гетто к городскому руководству сопротивления была помощь в переброске людей в леса. Вследствие возникших связей тайная типография, имевшаяся в распоряжении подполья в гетто, перешла в руки городского подполья и стала использоваться для пропаганды среди населения. Городское подполье установило связи и с людьми из юденрата, включая его председателя Мушкина и начальника полиции Серебрянского, и получало от них помощь.[3]

Тогда же в Минске организовалась ещё одна подпольная группа из офицеров Красной Армии, оставшихся в городе. Эта группа, именовавшаяся «Военным советом», состояла в связи с городским подпольем,

но сохраняла самостоятельность и сосредоточилась главным образом на выводе людей из города в леса. При посредстве Казинца была установлена связь между еврейским подпольем и «Военным советом», но просьбу подполья гетто помочь евреям перебраться в лес «Военный совет» отверг под антисемитскими предлогами: а) «еврейский облик» нанесёт ущерб образу партизан в глазах местного населения; б) у евреев нет навыков владения оружием. В конце февраля – начале марта 1942 г. немцы напали на след «Военного совета», а затем и городского подполья – сотни подпольщиков были арестованы и казнены, среди них и Казинец, которого повесили 7 мая 1942 г. При допросах членов городского подполья немцы обнаружили их связи с подпольем гетто и сотрудничество подпольщиков с Мушкиным и Серебрянским. Обоих арестовали и казнили. Были также арестованы многие подпольщики гетто, а от юденрата власти потребовали выдать Смоляра и других руководителей. Смоляр и его товарищи вынуждены были скрываться внутри гетто с помощью председателя юденрата Яфе, который заменил Мушкина.[4] В отчёте айнзацгруппы от 3 апреля 1942 г. сказано о подполье в Минске:

«...В Минске действует [коммунистическая] партия... Грузинский еврей, которого зовут Мустафа Деликурдогли, руководитель партийной организации, арестован... Подпольная группа, и в ней 60 евреев из гетто, финансирует деятельность партии, приобретает оружие... 60-80 евреев из гетто присоединились к партизанам. В квартире еврея Деликурдогли были конфисковано оружие, лекарства и перевязочные материалы, а также действующая типографская машина и 8 пишущих машинок».[5]

И в документе айнзацгруппы от 8 мая 1942 г. под заголовком «Отчёты с оккупированных территорий, отчёт № 2» говорилось:

«В августе-сентябре 1941 г. еврей пытался организовать и объединить эти [подпольные] группы. Это был инженер-нефтяник Исай Казинец, который взял себе имя Мустафы Деликурдогли... Казинец возглавил комитет и был ответственным за дела гетто. В этой роли он установил связи с евреями Минска, чтобы мобилизовать их в партизаны... До настоящего времени около 100 евреев ушли из гетто и присоединились к партизанам... Типографией, которая также находилась в доме около гетто, руководил еврей по фамилии Чипчин, живший вне гетто... Шрифт был получен из гетто. Партизанское движение получало финансовую поддержку главным образом из пожертвований, которые собирали в гетто. Установлено, что почти всё гетто было организовано по отрядам и подгруппам. Следствие по этому делу прекращено, принимая во внимание предстоящую ликвидацию гетто... К настоящему времени арестовано 404 человека, включая членов партизанской организации гетто. Из них уже расстреляно 212 человек. Большое количество оружия и боеприпасов конфисковано».[6]

Ещё до разгрома городского подполья и последовавших арестов, а также после акции уничтожения, проведенной 2 марта 1942 г., подпо-

лье гетто по собственной инициативе послало в леса на юг от Минска три группы, чтобы создать там партизанские базы. Кроме них, из гетто для той же цели ушли в леса другие группы, не принадлежавшие к подполью гетто.[7]

При разгроме городского подполья Сипо получила точную информацию о местах, где проживали или скрывались подпольщики и где они прятали оружие. Немцы врывались в гетто, в основном по ночам, окружали дома, хватали находившихся там подпольщиков и расстреливали их вместе со всеми обитателями дома. В создавшихся условиях Смоляр и другие скрывавшиеся подпольщики решили при первой возможности перенести свою деятельность в леса. Большая акция, проведенная в гетто в конце июля 1942 г., когда погибло 25.000-30.000 евреев, ускорила их решение покинуть гетто. Можно предположить, что одним из поводов и выбор момента к казни подавляющего большинства населения гетто была очевидная причастность его к подпольной деятельности и к уходу в леса, обнаруженная немцами во время допросов подпольщиков.[8]

Гетто Вильнюс

В Вильнюсском гетто уже в первые месяцы его создания возникло подполье в среде членов молодёжных сионистских движений, которые ещё во время советской власти, с июня 1940 г. по июнь 1941 г., установили между собой тайные контакты и продолжали поддерживать их после немецкой оккупации. Члены Бунда и коммунисты-евреи, оставшиеся в городе после оккупации, также установили между собой конспиративные связи. Главная нелегальная деятельность этих групп до конца 1941 г. заключалась в поиске пути спасения их членов при акциях уничтожения. В процессе борьбы за выживание в группах созрело осознание того, что на массовые убийства необходимо ответить вооружённым сопротивлением.[9]

В конце сентября 1941 г. в Вильнюс прибыл связной с сообщением от сионистских молодёжных движений в Варшаве об их деятельности. В октябре-декабре 1941 г. из Вильнюса отправились посланцы сионистских молодёжных движений для передачи туда известия о массовом уничтожении евреев, происходящем в Литве. Посланцы побывали в гетто Гродно, Белостока и Варшавы. Посланцы Вильнюса и Варшавы создали подпольную связь между гетто – так родилось понятие «связные гетто». Большинство связных гетто было девушками с арийской внешностью, что облегчало выполнение их опасной работы. Деятельность связных гетто на линии Вильнюс-Белосток-Варшава продолжалась до середины 1942 г.; часть из их была схвачена на дорогах и казнена.[10]

В ночь на 1 января 1942 г. в Вильнюсском гетто состоялась встреча представителей подпольных ячеек молодёжных сионистских движений, и на ней зачитали воззвание к сионистской молодёжи «не идти, как скот, на убой» и организоваться для вооружённой борьбы. Три недели спустя, 21 ноября 1942 г., в гетто встретились представители

молодёжных сионистских движений «Гашомер гацаир», «Ганоар гациони», «Бейтара» и коммунистов, и было решено создать в гетто подпольную боевую организацию с главной задачей подготовить вооружённое сопротивление при любой попытке ликвидации гетто. Постановили назвать подполье «Объединённой партизанской организацией» (ОПО, на идиш ФПО). Еврейский аспект занял свое место в решении о создании организации, там говорилось: «Сопротивление – национальный акт, борьба народа за свою честь и достоинство». В решении также подчёркивалось, что организация видит себя частью советского партизанского движения и будет пропагандировать идею самообороны среди обитателей гетто.

Во главе организации встал Ицхак Витенберг, коммунист со стажем подпольной работы ещё со времён польской власти; среди руководителей организации были Аба Ковнер из «Гашомер гацаир» и Йосеф Глазман из «Бейтара» – заместитель начальника еврейской полиции в гетто. Основанием для избрания коммуниста Витенберга главой организации, несмотря на большинство сионистов в ней, явился его опыт подпольной работы, а также надежда на то, что он сможет установить связи с коммунистическими нееврейскими группами вне гетто и получить от них помощь.

На организационной встрече подполья Вильнюсского гетто отсутствовал Мордехай Тененбаум-Тамаров, руководитель подпольной группы «Гахалуц гацаир» – «Дрор», так как члены этой группы в первой половине января 1942 г. перебрались из Вильнюса в Белосток и Варшаву. Через несколько месяцев после создания тайной организации к ней примкнула молодёжь Бунда, и их представители, а также представитель «Ганоар гациони», присоединились к её руководству.[11]

ОПО отличалась от других подпольных организаций гетто тесным сотрудничеством в ней представителей всего спектра еврейской политики от «Бейтара» до коммунистов. Базовой ячейкой ОПО была «пятёрка» – пять человек, организованных в соответствии с местом их проживания в гетто, что позволяло при необходимости быстро их мобилизовать. Три «пятёрки» составляли взвод, взводы были организованы в батальоны. В организации было два батальона – всего около 300 человек.

Члены «Гахалуц гацаир»-«Дрор», которые не ушли в Белосток и остались в Вильнюсе, весной 1942 г. создали там свою подпольную группу во главе с Ихиелем Шейнбоймом. Они собрали вокруг себя другие группы, которые не принадлежали к молодёжным движениям, и бывших военных. Эта организация, названная «Группой борьбы Ихиеля», ставила своей целью уход в леса и вооружённую борьбу в партизанах, так как в отличие от ОПО не видела реальной возможности успеха восстания в гетто. В организации состояло до 150-200 человек.[12]

Первое оружие Вильнюсское подполье добыло из немецких складов трофейного оружия в пригороде Борбышки, где работали евреи, и среди них участники ОПО. Из складов изъяли и перенесли в гетто десятки единиц лёгкого оружия всех видов. Во время похищения оружия был

схвачен 16-летний член ОПО. Подвергнутый допросам, он ничего не выдал и погиб. Подпольщики, работавшие вне гетто, покупали оружие у неевреев и перевозили его в гетто. Еврейские полицейские, участники подполья, помогали внести оружие через ворота гетто, после чего его прятали там в тайниках.[13]

ОПО установила связь с польской нелегальной Армией Крайовой в Вильнюсе и вела с ней переговоры о помощи в добыче оружия. Члены польского подполья поставили перед членами ОПО вопросы, является ли она коммунистической и на чьей стороне выступит, когда начнётся борьба за власть в Вильнюсе между поляками и Советами. Полякам разъяснили, что ОПО – не коммунистическая организация, но её цель – борьба с нацистами, и что судьба Вильнюса после освобождения не входит в её компетенцию. После нескольких недель контактов польское подполье отказалось помочь с оружием, и связь с ним прервалась.[14]

ОПО связалась также с польской коммунистической «Группой активной борьбы» (Zwiazek Walki Czynnej), которая была организована в Вильнюсе в начале 1942 г. Эта немногочисленная группа сама нуждалась в помощи ОПО. Летом 1942 г. ОПО установила связь с отрядом советских парашютистов, которые обосновались в Рудницких лесах южнее Вильнюса, и передала им сообщение о немецких военных объектах в Вильнюсе – эта информация ушла в Москву. В конце лета 1942 г. немцы напали на след отряда и ликвидировали его. Осенью 1942 г. ОПО послала двух своих девушек с заданием попытаться перейти линию фронта, добраться до Москвы и сообщить там о массовом уничтожении евреев. Девушки достигли прифронтовой полосы в районе Великих Лук и были арестованы немцами, но им удалось сбежать и вернуться в Вильнюс.[15]

В конце февраля 1943 г. в Вильнюсе организовалась подпольная коммунистическая группа литовцев во главе с Юзасом Витас-Валюнасом, бывшим председателем горсовета. Группа называлась «Союз освобождения Литвы» (Lietuvos Islaisvinimo Sojunga), и после её организации был создан городской комитет коммунистической партии, в котором состоял и руководитель ОПО Витенберг. При посредстве Витенберга возник Вильнюсский антифашистский комитет, объединивший ОПО, польский «Союз активной борьбы» и «Союз освобождения Литвы». ОПО была среди них самой большой и организованной единицей. ОПО потребовала от своих нееврейских партнёров создать партизанскую базу в лесах, куда могли бы прийти еврейские подпольщики после восстания в гетто, а также помочь им приобрести оружие. Организация Витаса получила от ОПО деньги и типографский станок, на котором печатали распространяемые в городе антинемецкие прокламации на польском и литовском языках.[16]

В результате переговоров ОПО с «Группой борьбы Ихиеля» в апреле-мае 1943 г. было принято решение о присоединении людей Ихиеля к ОПО в качестве отдельного подразделения. Ихиель Шейнбойм вошёл в руководство ОПО.

Отношения ОПО с юденратом Генса можно определить как мирное

сожительство. ОПО не противодействовала юденрату, который временно обеспечил существование гетто тем, что сделал его экономически выгодным для немцев. Генс знал об ОПО и знал её руководителей, но не мешал подполью, пока оно не подвергало опасности основ существования гетто. Несколько раз Генс говорил, что, когда придёт день ликвидации гетто, он, будучи в прошлом офицером, встанет во главе борющихся.

В мае 1943 г., с усилением партизанских действий в лесах, Сипо арестовала нескольких евреев, которые пытались достать оружие у местных жителей, а те донесли на них немцам. Несколько юношей из гетто Швенченис, которые стали партизанами, прибыли в Вильнюсское гетто, установили связь с ОПО и вывели из гетто несколько групп в леса. Сипо получила известие об этом и сообщила Генсу, что такие действия угрожают существованию гетто. Генс тут же предостерёг подполье против продолжения этой деятельности.[17]

Первое открытое столкновение между ОПО и юденратом произошло в случае, который известен, как «Дело Витенберга». В конце июня 1943 г. Сипо напала на след городского комитета коммунистической партии и арестовала его членов, включая Витаса. Под пытками один из допрашиваемых донёс немцам о связи с Витенбергом. Сипо потребовала от юденрата выдать ей Витенберга и угрожала в случае отказа ликвидировать гетто. Вечером 15 июля 1943 г. Генс арестовал Витенберга и передал его пришедшим литовским полицейским. По дороге к воротам гетто боевики ОПО напали на полицейских и освободили Виттенберга, и члены организации забаррикадировались в одном из кварталов гетто, предполагая, что за арестом Витенберга последует разгром всей ОПО. Генс созвал обитателей гетто и разъяснил им положение. Множество взволнованных евреев, вооружённых палками и камнями, окружили дома, где находились члены ОПО, и потребовали выдать Витенберга, утверждая, что нельзя рисковать жизнью 20.000 жителей гетто ради одного человека, тем более, связанного с коммунистической деятельностью вне гетто. Члены ОПО оказались перед выбором: действовать против евреев с оружием в руках или выдать Виттенберга. Руководство решило, что в создавшемся положении Витенберг должен сдаться сам. Витенберг принял этот приговор и сдался Сипо; на следующий день после ареста его нашли в камере мёртвым: он отравился цианистым калием, который он взял с собой.[18]

Немцы требовали выдать им Виттенберга как члена городского комитета коммунистов, но они не знали о существовании ОПО и о том, что он являлся её руководителем. В ситуации, когда обитатели гетто солидаризировались с юденратом в тревоге за свои жизни и просили выдать Витенберга, ОПО не могла вести себя по-другому. Начать восстание против немцев из-за их требования выдать Витенберга противоречило концепции ОПО, выраженной в её боевом уставе в апреле 1943 г.:

«Организация ОПО вступит в бой в тот час, когда будет предвидеться опасность для всего гетто... ОПО не начнёт сражение ради защи-

ты жизни одного еврея... Еврейское общество осудило бы нас как провокаторов, и мы вступили бы в братоубийственную войну».[19]

После смерти Витенберга руководителем ОПО стал Аба Ковнер. Руководство ОПО решило, что организация продолжит ориентироваться на восстание в гетто и одновременно пошлёт в лес своих людей во главе с Глазманом для создания там партизанской базы, на которую придут подпольщики после восстания в гетто. И 24 июля 1943 г. Глазман с 21 членом ОПО вышли в леса в районе Нарочи.[20]

В конце июля в Вильнюсе появилась Геся Глазер (псевдоним «Альбина»), еврейская парашютистка, посланная из Москвы. Она принадлежала к оперативной группе литовских советских партизан под руководством Мотеюса Шумаускаса. База Геси Глазер находилась в лесах Нарочи в Белоруссии; «Альбина» пришла в город, чтобы помочь восстановить коммунистическое подполье, разрушенное после ареста Витаса. Глазер вошла в гетто в августе 1943 г. и передала штабу ОПО мнение руководства партизан, считавшего, что нужно выходить в леса и воевать там. Но штаб ОПО придерживался идеологии восстания в гетто.[21]

1 сентября 1943 г. гетто было окружено немецкими силами, и от юденрата потребовали выдать 5.000 евреев для высылки в Эстонию. Штаб ОПО, который усмотрел в этой акции ликвидацию гетто, отдал приказ о мобилизации подпольщиков, которые сосредоточились в двух батальонах. Вследствие доноса 2-й батальон, около 100 человек, внезапно был окружён немецкими и эстонскими силами до получения оружия из тайного склада и выведен за пределы гетто. Части боевиков удалось бежать и соединиться с 1-м батальоном, вооружённым и готовым воевать на баррикадах на улице Страшуна. ОПО распространила среди обитателей гетто листовки, разъяснявшие, что людей посылают не на работу в Эстонию, а на смерть в Понары, и призывавшие обитателей гетто присоединяться к боевикам для сопротивления немцам. После того, как юденрат не справился со сбором людей, в гетто вошли немецкие и эстонские солдаты и начали облавы. С их приходом перед вечером на улицу Страшуна по ним открыли огонь с позиции ОПО под командованием Ихиеля Шейнбойма, и с наступлением темноты солдаты были вынуждены покинуть гетто. В перестрелке с немцами Шейнбойм погиб.

Чтобы предотвратить дальнейшее вооружённое столкновение, которое угрожало существованию гетто, Генс договорился с немцами, что он возглавит сбор требуемого количества людей для отправки в Эстонию, сообщил об этом в штаб ОПО и обещал подпольщикам не трогать организацию, если её члены не начнут боевых действий. Штаб ОПО оказался перед выбором: так как обитатели гетто не откликнулись на его призыв присоединиться к бойцам, а поверили заверениям Генса, что людей действительно посылают на работу в Эстонию, шансы на успех восстания становились ничтожными. Штабу ОПО также было ясно, что в случае восстания жители гетто обречены на уничтожение, и такую ответственность штаб не мог и не хотел взять на себя. В кон-

це концов, штаб решил подождать конца акции и после того перевести членов ОПО в леса. Таким образом, идея восстания в гетто, которая была изначальной концепцией ОПО, не выдержала испытания реальностью, и от неё пришлось отказаться.

4 сентября 1943 г. закончился сбор людей для отправки в Эстонию, и осада гетто была снята. 8-13 сентября 1943 г. из гетто несколькими группами вышли около 150 членов ОПО в направлении лесов Нарочи, находящихся в 80 километрах на северо-восток от Вильнюса. Во время подготовки к выходу последней группы под руководством Абы Ковнера пришло указание командира литовских советских партизан на юге Литвы Генрика Зименаса выходить в леса Рудники, находящиеся на расстоянии 50 километров южнее Вильнюса. И в последний день существования гетто, 23 сентября 1943 г., оттуда через канализационные трубы вышла последняя группа.[22]

В Сипо знали о деятельности подполья в Вильнюсском гетто и о выходе его людей из гетто в леса. Вильнюсское гетто – в отличие от двух других литовских гетто, Каунасского и Шауляйского – стало в глазах немцев гнездом подпольной деятельности, которое нужно уничтожить. В отчётах Сипо Литвы от 1 сентября 1943 г. и 1 октября 1943 г. отмечаются побеги евреев из гетто и сопротивление немцам, и в них говорится, что «из-за известных затруднений в Вильнюсском гетто оно полностью эвакуируется».[23]

Гетто Каунас

Вооружённое подполье в Каунасском гетто было организовано на позднем этапе. Ему предшествовала тайная организация сионистских молодёжных движений, образовавшаяся в гетто в конце 1941 г. после окончания крупных акций уничтожения. Еврейские коммунисты во главе с Хаимом Елиным тогда же создали «Организацию антифашистской борьбы». Весной 1942 г. члены сионистских партий создали общий «Вильямпольский сионистский центр Каунаса» (ВСЦК), в который вошли и сионистские молодёжные движения. Сионистские организации сосредоточились главным образом на культурно-просветительской деятельности и взаимопомощи соратникам. Члены «Организации антифашистской борьбы» направили свои усилия на диверсионную деятельность на немецких складах по месту своей работы.

В июле 1942 г. из Вильнюса в Каунасское гетто пришла посланная ОПО полька Ирена Адамович. На встрече с членами сионистских молодёжных движений Адамович рассказала об ОПО и её целях. Её информация привела к изменению идеологической установки подпольных сионистских групп: у них созрело решение перейти от культурно-просветительской деятельности к вооружённой борьбе.[24] Тут сказались также и внешние события: разгром немцев под Сталинградом, сообщения о действиях партизан в лесах, потрясение от последних убийств евреев в малых гетто на востоке Литвы в апреле 1943 г. и известия о восстании в Варшавском гетто.

Весной 1943 г. коммунисты гетто установили связь с коммунисти-

ческими подпольными группами, организованными тогда в городе, и начали совместную деятельность. В начале лета 1943 г. коммунисты гетто и члены ВСЦК договорились о создании ВЕВО – Всеобщей Еврейской Вооружённой Организации под единым руководством. Её целями стали приобретение оружия и уход в лес для партизанской борьбы. Возглавил ВЕВО Хаим Елин, количество членов организации доходило до 400 человек.[25]

ВЕВО не походила на ОПО – это был союз разных политических групп, каждая из которых сохраняла свою независимость. ВЕВО находилась в связи с юденратом гетто, и доктор Элькес, положительно относившийся к деятельности подполья, помогал ему деньгами для приобретения оружия и назначением подпольщиков на должности в полиции гетто и на те места работы, где они могли вступить в контакт с людьми и организациями вне гетто. Когда установилась связь с партизанами, юденрат снабжал выходящие в лес группы одеждой и транспортными средствами.[26]

Связь с партизанами в лесах осуществлялась при посредстве «Альбины», которая находилась в то время в Вильнюсе. В середине сентября 1943 г. Елин прибыл в Вильнюс и ушёл оттуда с «Альбиной» в леса Рудники, чтобы установить контакт с командованием советских литовских партизан. Через две недели Елин вернулся в гетто.

В начале октября 1943 г. «Альбина» пришла в Каунас и передала Елину указание от Зименаса подпольщикам гетто уходить в леса Августова (Augustova), района на расстоянии 160-170 километров к югу и юго-западу от Каунаса, на границе с Восточной Пруссией. Зименас просил создать там базу, чтобы расширить партизанскую деятельность на юге Литвы. Руководство подполья Каунасского гетто осознавало большие трудности в осуществлении этого плана, и Елин пытался убедить «Альбину», что организация пока ещё не готова стать первым основателем партизанской базы из-за отдалённости леса и отсутствия проводников, к тому же у подпольщиков мало оружия и низок уровень военной подготовки. «Альбина», однако, заверяла, что в лесах Августова уже находятся партизаны, которые встретят там членов организации, а также им сбросят на парашютах оружие, и они получат на месте партизанский опыт. В заключение «Альбина» сказала: «Приказы не подлежат обсуждению, выполняйте их!»[27]

Первые 18 человек вышли из гетто 21 октября 1943 г. Они были вооружены четырьмя пистолетами и несколькими гранатами. Подпольщики ошиблись дорогой, разделились на мелкие группы, и часть их схватила немецкая полиция, а остальные через три дня вернулись в гетто. Несмотря на неудачу, было решено послать ещё людей в леса Августова. 28 октября 1943 г. вышла вторая группа в составе 25 человек, а затем с интервалом в один-два дня – ещё несколько групп. Все они отправились безоружными, многие звенья потеряли дорогу, часть были арестована полицией. Лишь немногим удалось достичь лесов Августова, где после бесполезных поисков в течение нескольких суток они не встретили ни одного партизана и решили вернуться в гетто. Всего в на-

правлении Августова вышел 71 подпольщик, среди них 12 женщин. Тех, кого арестовала полиция, перевели в Девятый форт, где они работали на сжигании трупов; некоторые были убиты по дороге, а остальные вернулись в гетто.[28] В неудаче перехода в леса Августова виновен штаб Зиманаса, который неверно оценил возможность его осуществления подпольем гетто. К тому же в тот период в лесах Августова не было баз советских партизан, с которыми люди из Каунаса могли бы связаться.

Несмотря на потери, подполье не оставляло идею партизанской войны, и в ноябре 1943 г. от Зименаса было получено разрешение послать людей в леса Рудники. Первый отряд вышел в конце ноября 1943 г., а после него ещё несколько групп. Рудницкие леса находились в 150 километрах от Каунаса, и большинство людей проделало большую часть пути, до района местечка Онушкис, на специально нанятом грузовике. До середины апреля 1944 г. ВЕВО перевела в леса около 180 своих членов. 6 апреля 1944 г. Сипо арестовала в Каунасе Елина и через короткое время казнила. В том же месяце потерпела неудачу попытка ещё одной группы уйти из гетто – большая часть людей была убита по дороге, и дорога в леса закрылась. В Каунасе осталось около 150 членов ВЕВО, и они разделили судьбу остальных жителей гетто.[29]

Гетто Рига

Организация подполья в Риге началась в первые месяцы 1942 г. в малом гетто, где находились 4.000 мужчин, уцелевших после большой акции в конце ноября 1941 г. Инициаторами стали бывшие активисты коммунистической партии во главе с Менделем Вольфовичем, затем к ним присоединились члены молодёжных сионистских движений. Подпольщики намеревались организовать вооружённое сопротивление в случае ликвидации гетто, а также вывести членов подполья в леса после установления связи с партизанами. Силы организации достигали 150 бойцов, разделённых на 22 ячейки. Среди них насчитывалось 28 из 40 еврейских полицейских гетто, в том числе руководители полиции. Членам организации, работавшим на складе трофейного оружия в Пороховой Башне («Pulver Turm») и в других местах удалось добыть для гетто оружие, включая автоматы, и спрятать его.[30]

Одновременно с добыванием оружия подполье искало связь с просоветскими группами вне гетто. В основном это были небольшие группы из-за малочисленности русских, живших на окраинах Риги, а также беглых советских военнопленных, которые нашли убежище у русских горожан. Летом 1942 г. в гетто дошли известия о деятельности партизан на востоке Латвии. В июле 1942 г. организации удалось связаться с группой бывших военнопленных, скрывавшихся в городе, и в том числе с лейтенантом Борисом Писмановым, евреем, который выдавал себя за украинца. Подпольщики гетто надеялись через них и вместе с ними установить контакт с партизанами и получить от партизан помощь в побеге в леса. До конца октября 1942 г. продолжалась связь между подпольщиками и Писмановым, с его помощью 28 октября 1942 г. из гетто вышла группа из 10 вооружённых подпольщиков. Районом деятельнос-

ти партизан был восток Латвии, около Двинска. В связи с отдалённостью этих мест от Риги члены группы наняли грузовик и выехали на нём. На некотором расстоянии от города они должны были встретить проводника к партизанам. По этому пути планировалось вывести четыре группы.

После выхода из города первой группы её члены попали в засаду немцев, и при перестрелке семеро из них погибли, двое были схвачены ранеными, но одному удалось бежать и вернуться в гетто. Сипо благодаря одному из своих агентов знала заранее о связях подполья гетто с Писмановым, а также о подготовке выхода в леса, включая маршрут грузовика. Сохранились немецкие документы с описанием слежки и её результатов.[31] Благодаря разведывательной информации и допросам захваченных раненых уже 28 октября 1942 г. были арестованы члены подполья, а также Писманов и советские военнопленные. В немецком отчёте от 2 ноября 1942 г. написано:

> *«Из числа евреев, бежавших из гетто 28.10.1942, во время их задержания было застрелено семеро... В связи с этим в тот же день было арестовано ещё 9 человек, среди них – руководитель, занимавшийся подготовкой побега евреев из гетто. Это следующие люди: Писманов (еврей), по кличке Борька, советский военнопленный, лейтенант... Писманов, который бежал из лагеря военнопленных 5.9.1942... был руководителем и организатором бежавших евреев... Сбежавшие евреи должны были в конце пути передать ответственному (за переезд) латышу, который был вместе с ними подтверждение, что их переезд осуществлён успешно, и тогда Писманов должен был подготовить вторую группу».*[32]

После провала и арестов больше ни одна группа подпольщиков не ушла в леса. В качестве карательной акции начальник Сипо Латвии штурмбанфюрер доктор Ланге приказал казнить 80 евреев. 31 октября 1942 г. была проведена акция: убито 108 человек, среди них 42 еврейских полицейских. Полицейских обвинили в том, что они не только не предотвратили побег, но даже способствовали ему.[33]

Вследствие собранной информации немецкие силы безопасности в конце июня 1943 г. арестовали в гетто и в трудовых лагерях в районе Риги несколько десятков подпольщиков или людей, подозреваемых в принадлежности к подполью. Подавляющее большинство арестованных было расстреляно или погибло в лагерях. Эти аресты положили конец подпольной деятельности в Рижском гетто.[34]

25 августа 1944 г., за шесть недель до освобождения города Советской Армией, в рижских газетах по распоряжению начальника Сипо Латвии было опубликовано объявление о раскрытии 24 августа 1944 г. на улице Пельдус, 15, вооружённой группы евреев из 6 мужчин и одной женщины. Евреи открыли огонь и убили одного из полицейских Сипо. В ходе перестрелки было убито двое евреев, и во время обысков были арестованы остальные евреи, а также все жители дома, где они скрывались.[35]

Гетто Гродно

Первым шагом по организации вооружённого подполья в гетто Гродно явилось тайное объединение сионистских молодежных групп; тогда же для подпольной деятельности организовались и коммунисты. Группы насчитывали каждая не более ста человек, и имели только несколько единиц оружия. Но из-за относительного спокойствия в гетто Гродно до ноября 1942 г. не было энергичных действий подпольщиков. Только после акций в ноябре-декабре 1942 г., когда тысячи людей отправили в Аушвиц и Келбасин, подполье пробудилось. В предвидении дальнейших депортаций подполье призывало организовать сопротивление в гетто и одновременно пыталось проверить возможность выхода в леса. В конце осени 1942 г. пятерых подпольщиков послали в лес на разведку. Подпольщица Ципора Бирман писала:

> *«В лес была послана первая группа... Тяжело было достать оружие в гетто. Полагали, что оружие будет приобретено по дороге... Они ушли, но не дошли. Один вернулся, а четверо погибли. Страшные вещи рассказывал Лейзер [Райзнер, который вернулся] о том, что он видел по дороге. Сотни лежащих мёртвых евреев в лесах Марциконис (Martsikonys), десятки валяющихся полумёртвых, молящих о смерти. Лучше умереть, чем так жить. Надежда укрыться в лесу исчезла. Без оружия невозможно, а тут приближается зимнее время, и почти нет шансов на будущее».*[36]

После краха попыток ухода в лес оставалась лишь возможность сопротивления в гетто. Попытка организации массового побега во время высылки во второй половине января 1943 г. провалилась. Евреи не откликнулись на призыв, и депортация прошла без помех. Подпольщики, потерявшие надежду на возможность организовать восстание в гетто, решили уйти из Гродно. В конце января 1943 г. группы боевиков перебрались в Белосток, где примкнули к местным подпольщикам, другие небольшие группы ушли в леса, чтобы присоединиться к партизанам. Значительное большинство подпольщиков Гродно погибло во время восстания в Белостокском гетто, другие – в лесах.[37]

Гетто Западной Белоруссии: Барановичи, Новогрудек, Лида и Слоним

В Барановичах после акций уничтожения в начале марта 1942 г. в гетто возникло подполье, в котором состояло около 120 человек, включавших большую группу беженцев из близлежащих местечек. Среди создателей организации был Элиягу Лидовский. В подполье входили начальник еврейской полиции гетто Варшавский и 15 из 22 полицейских гетто. Подпольщикам удалось добыть оружие с немецких оружейных складов и принести его в гетто. Юденрат, узнав об оружии, потребовал устранить его из гетто во избежание риска для существования самого гетто; подполье отказалось, отчего его отношения с юденратом ухудшились. 22 сентября 1942 г. немцы окружили гетто и провели в нём акцию. Из-за сомнений подпольщиков в нацеленности акции на ликвидацию гетто, приказ о начале восстания не был отдан. В конце акции

группы подпольщиков ушли в леса. Около 450 человек из гетто Барановичей и трудовых лагерей, куда их послали, бежали в леса.[38]

В течение весны и лета 1942 г. в Новогрудке члены различных политических движений создали подпольную организацию во главе с доктором Каганом для подготовки вооружённого восстания и ухода в леса. Одновременно в гетто была организована ещё одна подпольная группа из 50 человек, собиравшаяся присоединиться к партизанам, которые в тот период начали действовать в лесном районе Налибоки. Часть людей этой группы ушла в леса, очевидно, весной 1943 г., и большинство из них погибло в бою во время атаки партизан на гарнизон местечка Налибоки. После неоднократных массовых казней гетто было превращено в трудовой лагерь. План восстания и побега в леса, намеченных на 15 апреля 1943 г., не был осуществлён из-за противодействия большинства узников лагеря. Д-р Каган и его товарищи по подполью решили вырыть туннель длиной около 250 метров, и 26 сентября 1943 г. по нему бежали 233 еврея. Большинство бежавших, включая инициаторов бегства, было убито во время побега и преследования, но около 100 из них достигли партизанского района в лесах.[39]

С расширением акций уничтожения весной 1942 г. в гетто Лиды и Слонима появились подпольные группы, которые стремились запастись оружием и уйти в лес. В Лиде выход в лес начался после акции 8 мая 1942 г. и продолжался до кануна ликвидации гетто в сентябре 1943 г. Среди активных подпольщиков там был Барух Левин. Председатель юдената Гальперштейн, знавший о тайной деятельности Левина, пригласил его к себе. Левин писал, что Гальперштейн сказал ему:

> *«Ты должен знать, что если у нас ещё есть какая-либо мечта, – так это мечта, что некоторые из нас останутся в живых, и поверь мне, я сам не надеюсь оказаться среди этих немногих. Дай бог кому-нибудь сохраниться, чтобы рассказать, когда наступит день, о том, что здесь происходит... И тут приходит к тебе человек, который уже потерял свою семью и отчий дом и у которого осталась только одна вещь – «ржавая винтовка». И вот в один из дней он встанет и вдруг извергнет «пиф-паф» из своего ружья и таким образом похоронит также один-единственный шанс».*[40]

Эта речь Гальперштейна выражала отношение многих обитателей гетто к подпольной деятельности, потому что для значительного большинства из них не было реальной возможности воевать в гетто или уходить в лес из-за их возраста, семейного положения и отсутствия оружия. Их единственная слабая надежда выжить таилась в возможности работы и в лояльности к немецкой власти. Барух Левин, а с ним и другие люди, всего около 500 человек, ушли в леса.[41]

В Слониме после большой акции в середине ноября 1941 г. был создан антифашистский комитет во главе с Аншелем Далтицким и Абрахамом Докторчиком; в комитете были представлены различные политические течения. В споре о целях подполья большинство его членов предпочитало уход в леса восстанию в гетто. В Слониме сотни евреев трудились на складах немецкого трофейного оружия, и работавшие там

подпольщики вынесли оттуда десятки единиц оружия. Подполье установило связь с партизанскими группами в лесных районах Рафаловка и Волчья Нора к югу от Слонима. Их возглавлял Павел Пронягин, лейтенант Красной Армии, который оказался в немецком тылу и организовал отряд из солдат, попавших в окружение. Подполье гетто обеспечивало их оружием и медикаментами.

Первые группы подпольщиков гетто ушли в лес уже в июне 1942 г. и присоединились к Пронягину. Юденрат Слонима снабжал уходящих в леса предметами одежды. Во время акции, проведенной в первой половине июля 1942 г., когда погибло около 10.000 евреев, не было оказано вооружённого сопротивления, так как подполье не успело подготовиться и часть его оружия хранилась вне гетто. После акции, когда в гетто осталось менее 2.000 евреев, больше половины которых были «вне закона», около 400 человек из них бежали в леса.[42] Гебитскомиссар Слонима Эран в отчёте от 26 сентября 1942 г. писал:

«В значительной части диверсионной и разрушительной деятельности участвовали евреи... [Они] также активно действуют в обеспечении ворованным оружием и в воровстве медикаментов и инструментов из больниц. Как вооружённые бандиты они являются важной поддержкой для советских командиров. В начавшейся широкомасштабной операции обер-лейтенантом Шредером было обнаружено, что из 223 убитых бандитов 80 были вооружёнными евреями».[43]

Гетто Волыни и Полесья

В Пинске, большом гетто в Полесье, подпольная деятельность была ограниченной (и информация о ней неполна). Приблизительно 50 участникам подполья удалось достать несколько единиц оружия, и в 1942 году, когда в районе Полесья усилилась партизанская деятельность, небольшие группы бежали в леса и присоединялись к партизанам. Юденрат протестовал против ухода в лес, чтобы это не подвергло риску существование гетто. Подполье планировало поджечь гетто, а также места работы вне гетто накануне его ликвидации и использовать создавшуюся суматоху для массового побега узников гетто.

22 октября 1942 г. в гетто распространились слухи о том, что возле аэродрома копают рвы для предстоящей операции истребления. Слухи стали известны немецким властям, и Мирский, председатель юденрата, был вызван к гебитскомиссару, который гарантировал ему под «честное немецкое слово», что рытьё производится для нужд складирования горючего, и что евреям города не причинят никакого зла. Мирский передал это успокаивающее сообщение собранию обитателей гетто, и подпольщики решили, до выяснения ситуации, отложить намеченный поджог гетто. 29 октября – 1 ноября 1942 г. гетто уничтожили – раньше, чем подпольщики успели осуществить свой план. Накануне и во время акции нескольким десяткам человек удалось бежать в леса.[44] В приказе Гиммлера Прицману от 27 октября 1942 г. говорилось, что следует рассматривать Пинское гетто как центральную базу партизанского движе-

ния в районе болот Припяти, и его нужно ликвидировать.[45]

В гетто Волыни, включая самые большие гетто в Ровно и Луцке, были небольшие подпольные организации. Сопротивление и побег тысяч людей совершались по их инициативе спонтанно, а не после предварительной подготовки. Отсутствие эффективного подполья было связано со специфическими условиями Волыни: там, кроме северных районов, не было большого количества лесов; в лесных районах обитало украинское население, как правило, антисемитски настроенное, и большинство бежавших из гетто евреев было ими убито или схвачено и передано полиции; в лесах действовали националистические украинские подразделения, которые убивали попавших к ним в руки евреев. В конце 1942 г. в лесах на севере Волыни начали действовать советские партизаны, но тогда большинство гетто и их обитателей уже было ликвидировано.[46]

Львов и Восточная Галиция

Во Львовском гетто, одном из самых больших на оккупированных территориях, не существовало вооружённое подполье. Весной 1942 г. и особенно после большой акции в середине августа 1942 г., при которой 50.000 человек выслали в лагерь уничтожения Белжец, было организовано несколько групп с целью вооружиться и бежать в лес. Больших лесов, пригодных для укрытия и партизанской деятельности, в окрестностях Львова не было; они находились только возле Брод, в 80-100 километрах на северо-восток от Львова. Пройти такое расстояние пешком, среди населения, по большей части враждебного, и не обнаружить себя было практически почти невозможно. В конце 1942 г. или в начале 1943 г. из гетто в Бродские леса ушла снабжённая небольшим количеством оружия группа из 20 человек. Они наняли два грузовика для переезда к цели их путешествия, но шофёры донесли полиции, которая устроила засаду на дороге, и в происшедшем бою погибли все члены группы. Большинство других групп, пытавшихся уйти в леса подобным путём, потерпели неудачу, и только немногим маленьким группам удалось добраться до партизан.[47]

Во время окончательной ликвидации Львовского гетто в июне 1943 г. были вспышки вооружённого сопротивления. В одном из районов гетто группа евреев открыла огонь по украинским и немецким полицейским, прочёсывавшим гетто, и ранила нескольких из них. Группенфюрер СС Кацман в отчёте от 30 июня 1943 г. писал:

> *«…Во время акции возникли огромные затруднения… По мере того, как число оставшихся евреев уменьшалось, усиливалось их сопротивление. Они использовали для обороны оружие различных видов… Евреи покупали оружие у итальянских солдат, находящихся в этом районе, за большие деньги… Так как потрясающие известия об усилении евреев вооружением дошли и умножились, в последние две недели июня во всём районе Галиции в одно и то же время мы использовали наиболее суровые средства, чтобы подавить еврейский бандитизм… Чтобы предотвратить потери с нашей сторо-*

ны, было необходимо с самого начала действовать жестоко. Некоторые здания взрывались или поджигались».[48]

Во Львове действовала польская подпольная Армия Крайова, но никакой помощи в снабжении оружием или уходе в леса от неё не было получено, кроме нескольких случаев содействия евреям со стороны их личных знакомых из этой организации.[49]

В других крупных гетто Восточной Галиции, в Тернополе и Станиславе (Ивано-Франковске), не существовало вооружённых подпольных организаций, но побеги в леса там случались. Во время ликвидации последних евреев в Тернопольском гетто из одного подвала открыли огонь по немцам и бросили в них гранаты. Подробности этого случая и имена еврейских бойцов неизвестны.[50]

Несколько причин препятствовали наличию вооружённого подполья во Львовском гетто и в других гетто Восточной Галиции: отсутствие вблизи больших лесов, возможность ухода в которые побуждала бы организацию подполья; незначительность сил советских партизан в районе; враждебность большинства местного населения.

В. ПОДПОЛЬЕ И ВОССТАНИЯ В МАЛЫХ ГЕТТО

В малых гетто, как и в крупных, идея вооружённой организации возникла в связи с акциями уничтожения. Много небольших гетто находилось вблизи лесов, и это склоняло подпольщиков к борьбе в лесах, а не к восстаниям в гетто. Ограниченность территории гетто и их застройка деревянными одноэтажными домами, не позволяющими укрыться, также делали эти гетто непригодными для борьбы. Восстание здесь могло стать шансом на спасение только в случае проведения акции уничтожения раньше, чем люди успеют уйти в леса. Таким гетто подходил единственный способ сопротивления: поджог деревянных домов и в суматохе из-за угрозы распространения пожара за пределы гетто массовый прорыв из него. Подобным образом евреи и действовали в десятках малых гетто во время их ликвидации. Ниже описываются характерные случаи.

Подпольная группа в гетто Несвижа (на востоке от Барановичей) была организована после акции уничтожения 30 октября 1941 г., когда там убили подавляющее большинство евреев. В гетто осталось 600 узников. Как и во многих малых гетто, здесь организация происходила не как слияние членов политических течений или движений, а на основе личного знакомства и готовности бороться. Подпольщики планировали выход в леса, и им удалось добыть немного оружия. В середине июля 1942 г. стало известно о ликвидации гетто в соседнем местечке Городзея. Подпольщики решили поджечь гетто и вместе со всеми евреями прорваться в лес. Они довели свой план до сведения обитателей гетто, потому что план требовал их участия в массовом побеге. 20 июля в местечко прибыла рота литовских полицейских, и стало ясно, что пришёл конец. На рассвете следующего дня подпольщики заняли оборонительную позицию, и жители гетто подготовились к побегу, а некоторые из них спрятались в укрытиях. Немецкое начальство гетто

сообщило юденрату, что оно намерено оставить 30 особо полезных специалистов, и юденрат должен содействовать их отбору. После того, как члены юденрата отказались выполнить это требование, немецкая полиция открыла огонь в направлении гетто. Подпольщики ответили стрельбой, гетто было подожжено, и началось массовое бегство через ворота и ограду гетто. Ишай Майзин, один из беглецов, писал:

«Вдруг кто-то из первого ряда крикнул: «Евреи, за мной, сломаем ворота!»... В это время взорвались гранаты, брошенные с другой стороны гетто... Упали убитые и раненые в первых рядах прорывавшихся через ворота и те, кто стоял близко к ним... Гетто отвечало поджогом домов. Дома из сухого дерева были обрызганы бензином... Убийцы растерялись... Всё гетто было охвачено пламенем... За окнами в направлении польской улицы мы видим христиан, выносящих домашние вещи из своих домов в поля, поскольку языки огня уже обжигали их дома».[51]

В момент, когда началась стрельба, уже не было общего руководства, и каждый пытался спастись собственными силами. Прорывающиеся через ворота и ограждение были убиты на месте, а многие скрывшиеся в убежищах сгорели заживо или задохнулись в дыму. Другие, которым удалось бежать из гетто, погибли по дороге в леса от рук полицейских или местных жителей, которые их выдавали. Только нескольким десяткам евреев удалось достигнуть лесов Копиль вблизи от Несвижа. Во время этого восстания было ранено несколько полицейских.

21 июля 1942 г., в день уничтожения гетто в Несвиже, было ликвидировано также гетто в соседнем Клецке. Там евреи тоже подожгли гетто, взломали ограждения и пытались бежать. И там тоже было убито подавляющее большинство, только нескольким десяткам человек удалось добраться до леса к партизанам.[52]

В местечке Дятлово, на юго-западе от Новогрудка, организация подполья началась в конце 1941 г. Инициатором и руководителем организации стал адвокат Альтер Дворецкий, председатель юденрата. Дворецкий внедрил в полицию гетто десять подпольщиков, составивших треть всех полицейских. Подполье из 60 человек, организованных в маленькие ячейки, стремилось подготовить восстание в момент ликвидации гетто, для чего за деньги юденрата приобрело несколько единиц оружия. Весной 1942 г. в гетто дошли известия о партизанских группах, находящихся в ближних лесах, и Дворецкий решил отдать предпочтение подготовке выхода в лес, не пренебрегая идеей восстания. В середине апреля 1942 г. по доносу местного жителя, с которым было связано подполье, одного из подпольщиков схватили во время попытки приобрести оружие. Этот житель донёс также и на Дворецкого, и на подполье в гетто, и Дворецкий с группой подпольщиков бежали в лес. Немцы потребовали от юденрата выдать Дворецкого и назначили награду тому, кто поможет найти его, живого или мёртвого. 30 апреля 1942 г. гетто было окружено, 1.200 евреев вывезли оттуда и расстреляли.[53] В тот период началось массовое уничтожение евреев Западной Белоруссии, и эта акция могла оказаться его частью, но возможно, что

обнаружение подполья и побег Дворецкого ускорили её осуществление.

В лесу Дворецкий и его товарищи установили связь с вооружённой нееврейской группой в лесу Липичаны. 11 мая 1942 г., после одной из встреч с членами этой группы или во время совместных действий, участники группы убили Дворецкого и нескольких его товарищей. Причины убийства неясны – можно предположить и желание захватить оружие евреев, и антисемитизм. После этого случая несколько еврейских беглецов вернулось в гетто. Факт убийства Дворецкого людьми, которых считали в гетто советскими партизанами, морально ранил подпольщиков гетто, но они не прекратили свою деятельность. 6-8 августа 1942 г. во время акции ликвидации гетто в Дятлово сумели вырваться из гетто и бежать в лес приблизительно 600 человек.[54]

В гетто Швенчениса, на северо-востоке от Вильнюса, вооружённое подполье появилось в феврале 1942 г. Тогда в гетто находилось примерно 500 человек, оставшихся после уничтожения около 2.500 евреев местечка в начале октября 1941 г. Подполье состояло из молодых людей 16-19 лет, которые сбежали из гетто во время акции, а после неё вновь собрались в гетто. Группа, поставившая целью выход в лес к партизанам, составляла около 20 человек. Активными членами её были Борис Иохай, Ицхак Рудницкий и другие. Участникам группы, которые работали на оружейном складе, находившемся на окраине местечка, удалось изъять оттуда и пронести в гетто около десятка винтовок (обрезы), а также добыть несколько пистолетов. 13 апреля 1942 г. во время чистки заряженного пистолета пуля ранила Гершона Бака. Вследствие этого литовская полиция арестовала его и еще одного подпольщика Г. Мядзиольского. Из-за опасения, что арестованные не выдержат пыток Сипо и выдадут имена членов группы, подпольщики решили бежать той же ночью. С наступлением темноты члены группы с оружием подошли к ограде гетто, чтобы убежать. Сотни жителей гетто, наблюдавшие за происходящим, столпились вокруг них и потребовали остаться, утверждая, что если немцы явятся их арестовать и не найдут их, они уничтожат всё гетто. Члены группы оказались перед трагическим выбором: отказ от бегства означал почти верную смерть, а побег мог стоить жизни всем обитателям гетто. В конце концов решили остаться. 16 апреля 1942 г. Бака и Мядзиолского казнили. Они выдержали пытки и не выдали товарищей.[55] Подпольщики продолжали действовать в гетто и приобретать ещё оружие. Во второй половине марта 1943 г. группа в составе 22 юношей и девушек покинула гетто и ушла в лес Адуцишки.[56]

В местечке Куренец, возле Вилейки, уже в первые месяцы оккупации была организована подпольная группа из 12 юношей. Подпольщики начали помогать советским военнопленным, содержавшимся возле местечка, передавая им продовольствие и помогая некоторым из них бежать, а также собирали оружие, чтобы уйти в лес. Подпольщики установили связь с нееврейской подпольной группой и в феврале 1942 г. провели совместную операцию, подорвав в районе два моста. В сентябре 1942 г., накануне ликвидации гетто, большинство подпольщиков

ушло в лес Бродино и в конце 1942 г. присоединилось к партизанам. Во время ликвидации гетто 300 евреев из Куренца бежали в леса, в районы Котловцев и Малкевичей.[57]

В гетто местечка Мир, на юго-востоке от Новогрудка, после уничтожения 9 ноября 1941 г. около 1.500 человек среди оставшихся 800 жителей гетто возникло вооружённое подполье под руководством Шломо Херхеса и Берла Резника. В местном штабе немецкой полиции переводчиком на немецкий язык служил Йосеф Освальд, по документам фольксдойче, но в действительности еврей Шмуэль Руфайзен, член сионистского молодёжного движения, бежавший в Вильнюс из Силезии (Польша). Подпольщики установили с ним связь, и он помог им достать оружие. Руфайзен убедил подпольщиков, что нет смысла воевать в гетто, но следует организовать массовый побег в леса. В начале августа 1942 г. он сообщил подполью, что на ближайшие дни намечается акция уничтожения, но ночью 10 августа полицейские подразделения выйдут из местечка на операцию против партизан, и можно использовать их отсутствие для массового побега обитателей гетто. Подполье передало это известие юденрату, и оно распространилось среди обитателей гетто. Было множество колебаний. Достоверно ли сообщение об акции? А если так, то как осуществить побег с женщинами, детьми и стариками? И как можно их бросить на произвол судьбы? Из-за всех колебаний ночью 10 августа из 850 обитателей гетто только 180 совершили побег. Большинство полагало, что их ожидает смерть как в гетто, так и в лесу, а поэтому лучше оставаться с семьями и разделить с ними их судьбу. 13 августа 1942 г. евреев Мира уничтожили.[58]

В Глубоком, где в гетто находилось около 2.000 евреев, подпольная деятельность и уход молодёжи в леса начались во второй половине 1942 г. Подпольщики связались с партизанами в лесу, и было принято решение о совместных действиях при восстании в гетто и массовом побеге в леса. В соответствии с планом, разработанным в августе 1943 г., партизаны должны были атаковать военный гарнизон местечка одновременно с началом восстания в гетто. Но ликвидация гетто опередила намеченную операцию. За день-два до ликвидации Сипо известило юденрат о предстоящем переводе жителей гетто в лагеря генерал-губернаторства Польша. Юденрат передал это известие подпольщикам, и евреи начали готовиться к сопротивлению и побегу. Когда на рассвете 20 августа в гетто вошли немецкие и местные полицейские, чтобы приступить к выселению, они наткнулись на огонь подпольщиков. Пауль Рахман, гебитскомиссар Глубокого, докладывал генерал-комиссару Белоруссии 30 августа 1943 г.:

«В пятницу, 20 августа, в 5 часов утра, было слышно множество выстрелов. В своей квартире я быстро оценил, что выстрелы доносятся в направлении гетто. После немедленного личного выяснения на месте мне стало известно, что мы намереваемся эвакуировать гетто Глубокое и перевести евреев в концентрационные лагеря генерал-губернаторства... В продолжение перестрелки вдруг вспыхнули языки пламени в нескольких домах гетто, и по-

жары быстро распространились [в домах], построенных из дерева и с соломенными крышами. Сильный ветер, дувший 20 августа, усиливал всеобщий пожар… Немедленные действия пожарных не предотвратили распространение пожара… Только взрывы [домов] инженерными частями полиции сделали впоследствии возможным предотвращение распространения пожара… По моему мнению, в этих обстоятельствах нам повезло, что 17 августа, в день восстания подразделений Дружины [Druzhina Verbandes] в Докшицах, гетто не стало источником серьёзной опасности в Глубоком, где [немецкие] силы безопасности были очень немногочисленны».[59]

Бой в гетто продолжался несколько часов, немцы переходили от дома к дому, стреляли и бросали гранаты. Сотни евреев гетто бежали, около 200 человек, часть раненые, достигли лесов возле Козян и Нарочи.[60]

В Лахве, на востоке Полесья, центральной фигурой подполья, включавшего несколько десятков человек, был Ицхак Рохчин, тесно связанный с руководителем юденрата Довом Лопатиным. Известия о ликвидациях гетто в районе пришли в середине августа 1942 г. 2 сентября стало слышно, что копают рвы возле местечка и охрана вокруг гетто усилена. Рохчин предложил Лопатину атаковать охрану гетто в ту же ночь и организовать массовый побег, но Лопатин предпочёл подождать утра, чтобы выяснить намерения немцев. Утром, когда в местечко вошли дополнительные силы немцев, их цель стала ясной: ликвидация гетто. Лопатин распорядился поджечь дома, а также открыть огонь по окружившей гетто охране, и несколько охранников было ранено. Около 1000 человек вырвалось из гетто, но многие из них были схвачены и убиты, только около 120 достигли лесов на Припятских болотах.[61]

В Тучине (Волынь) организацию восстания возглавил руководитель юденрата Гецель Шварцман. Подполье там создали только в сентябре 1942 г. На деньги юденрата закупили оружие и заготовили бензин для поджога около 60 домов гетто, в которые было втиснуто около 3.000 евреев. 23 сентября юденрату стало известно о приходе в местечко подразделений СС и о рытье рвов в окрестности. Руководство юденрата вызвало 60 подпольщиков, которых распределило по группам для борьбы и поджога. Очевидно, немцы заметили подготовку к сопротивлению, потому что на рассвете 24 сентября они открыли огонь по гетто. Подпольщики ответили огнём и подожгли дома, а также несколько синагог вне гетто, которые служили складами зерна. Руководитель юденрата призвал людей вырываться из гетто и бежать. Около 2.000 человек, двум третям обитателей гетто, удалось бежать в лес Пустомыты на северо-востоке от местечка. Двое суток продолжались пожары и стрельба, в бою погибло несколько местных полицейских и немцев, а также большинство подпольщиков. Сам Шварцман не убежал, а предстал перед немецким командиром и заявил, что он лично отвечает за происшедшее. Его расстреляли на еврейском кладбище. Подавляющее большинство бежавших убили полиция и местные жители.[62]

Илья Эренбург писал в «Черной Книге» об организованном сопро-

тивлении евреев, открывших огонь по немцам во время акций уничтожения в украинских городах Острог, Проскуров и Ярмолинцы, где были убиты как немецкие, так и местные полицейские.[63] Других источников об этих действиях сопротивления не найдено.

В десятках малых гетто происходило подобное: организация и поджоги гетто, прорывы из него и бегство в леса. Эти гетто характеризовались участием членов юденратов и еврейской полиции в подпольных организациях и восстаниях.

Г. ЕВРЕИ В НЕЕВРЕЙСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Многие сотни евреев принадлежали к группам коммунистического подполья в различных городах на оккупированных территориях. Часть их была организована ещё до отступления оттуда Красной Армии. Оставлять евреев в немецком тылу для подпольной деятельности было ошибкой советских властей, которые не знали или не понимали, что эти евреи будут арестованы и убиты как остальные евреи ещё до того, как они приступят к выполнению своих заданий. Из-за антисемитизма им также не приходилось рассчитывать на поддержку местного населения, без чего подпольщики не могли действовать.

Настоящее исследование имеет целью не всестороннее описание деятельности отдельных евреев-участников подпольных групп, а представление в качестве примеров нескольких евреев-руководителей подполья, которые отличились и стали известны в Советском Союзе, но чья еврейская национальность скрывалась. Только немногие из сотен евреев, действовавших в нееврейских антинемецких подпольных группах, остались в живых, и почти нет их воспоминаний или свидетельств. В немецких источниках упоминаются евреи в связи с деятельностью арестованных подпольщиков.

Исай Казинец, который организовал и возглавил городское коммунистическое подполье в Минске, упоминается в советских источниках как секретарь подпольного городского комитета коммунистической партии, но при этом не отмечено, что он был евреем.[64] В Минске действовала небольшая подпольная группа, очевидно, отдельно от городского подполья Казинца, которая помогла группе военнопленных офицеров бежать из плена. Немецкий патруль задержал бежавших, часть из них была убита, а остальные схвачены. Во время допросов они выдали тех, кто помог им бежать, и трое подпольщиков, двое мужчин и одна девушка, были арестованы и 26 октября 1941 г. публично повешены в центре города. На девушку немцы повесили большую табличку с надписью на немецком и русском языках: «Мы партизаны, которые стреляли в немецких солдат». Немцы сфотографировали акт повешения. После освобождения Минска советские власти нашли фотографии и широко распространили их по всему Советскому Союзу, в особенности фотографию девушки, героически стоящей напротив своих палачей. Указывая имена повешенных, назвали мужчин, Володю Щербацевича и Кирилла Труса, а девушку определили как «неизвестную». «Неизвестной» была 17-летняя еврейка Мария Борисовна Брускина, которую в Минске

знали многие, её мать Люся Брускина погибла в Минском гетто. Фотографии эти представлены во многих советских музеях, но еврейская девушка продолжала оставаться «неизвестной».[65]

Секретарём нелегального горкома в Киеве, оставленным в городе, был Шимон (Семён) Бруз, центральная фигура киевского подполья. В июне 1942 г. немцы напали на след городского подполья и арестовали большинство его участников. Чтобы не попасть живым в их руки, Бруз застрелился. Одной из героинь-подпольщиц была еврейская девушка Таня Маркус. Имея документы на фамилию Маркусидзе, она выдавала себя за дочь грузинского князя, расстрелянного большевиками, и ненавидящую советскую власть. 20-летняя Таня была красавицей, и немецкие офицеры искали её расположения. Благодаря её близким отношениям с этими офицерами и собранной ею информации подпольщикам удалось уничтожить нескольких из них. После того, как немцы напали на следы её действий, Тане пришлось бежать из Киева, но в августе 1942 г. по дороге к партизанам, находившимся в районе Чернигова, она была схвачена, допрошена и расстреляна. В отчёте киевской Сипо от 16 октября 1942 г. среди арестованных центральных фигур террористических групп в Киеве значится грузинка Татьяна Маркусидзе, родившаяся в Тбилиси 21 сентября 1921 г. В отчёте Киевского областного комитета коммунистической партии от 15 августа 1946 г. сказано:

> *«Храбрая комсомолка, не знавшая страха, Татьяна Маркус, под псевдонимом Маркусидзе, активный член диверсионной организации, лично уничтожила десятки солдат, офицеров, коллаборационистов... Она выполняла наиболее ответственные поручения организации по подготовке диверсионных акций и т.п.».*[66]

Ни в этом отчёте, ни в других публикациях, описывающих героическую деятельность Тани Маркус, не указывается, что она еврейка. В советских источниках упоминается также еврей Борис Сондак, подпольщик в Днепропетровске, среди диверсионных действий которого числится и взрыв моста на Днепре. В октябре 1942 г. Сондак и его товарищи были арестованы и казнены.[67]

В отчёте айнзацгруппы от 11 ноября 1941 г. сообщается о раскрытии подпольной коммунистической группы в Могилёве. Из 55 арестованных членов группы 22 были евреями, которые, согласно отчёту, «с фанатическим воодушевлением действовали для укрепления организации». В отчёте отмечается также, что эти люди уничтожены и что «будут приняты коллективные меры против евреев» в Могилёве.[68]

Одна из активных групп, оставленных в Одессе, которую возглавлял В. Молодцов, осуществляла диверсии и передавала информацию в Москву. Эта группа из 25 человек была арестована по доносу одного из её участников. В «Одесской газете» 10 сентября 1942 г. появилось сообщение о суде над этими подпольщиками, схваченными в катакомбах. Среди их имён газета упоминала 8 ярко выраженных еврейских фамилий. 12 членов группы, и среди них 8 евреев, были приговорены к смерти и казнены 24 октября 1942 г., остальных осудили на длительные сроки заключения.[69]

В отчёте айнзацгруппы от 15 сентября 1942 г. было написано, что в Бердичеве арестовано 15 членов подпольной группы, руководимой евреем, и что они планировали поджоги полей зерновых и минирование железных дорог.[70]

Более полные исследования о деятельности евреев в коммунистическом подполье на оккупированных территориях с анализом появляющихся сейчас разнообразных архивных материалов России, Белоруссии и Украины, несомненно, позволят выявить многие имена евреев, занимавших ключевые позиции в этом подполье.

Д. ПОДПОЛЬЕ И ПОБЕГИ В МЕСТАХ «АКЦИИ 1005»

Наиболее тяжёлые условия для подпольных организаций царили в местах, где содержались евреи, занятые в «Акции 1005» – операции уничтожения следов массовых убийств.[71] Заключённые, действовавшие в «Акции 1005», хорошо знали, что немцы не оставят их живыми по окончании работы, и поэтому целями их подпольных организаций стали побеги и присоединение к борьбе с немцами. Эти организации, конечно, были во многих местах «Акции 1005», но известными и относительно успешными явились организации в Бабьем Яре, в Понарах (возле Вильнюса) и в Девятом форте Каунаса.

В Бабьем Яре на сжигании трупов и заметании следов убийств работало около 100 евреев, главным образом военнопленных, и примерно 200 неевреев, в большинстве – арестованные подпольщики и партизаны. Людей содержали в подземелье здания с запираемой железной дверью. Работали днём, а ночами люди заковывались в ножные кандалы, чтобы воспрепятствовать побегу. Еврей Захар Трубаков вспоминал о побеге:

> *«В течение всего времени нашего пребывания в Бабьем Яре мы ни на минуту не переставали думать о побеге. Была организована группа, в которой были Володя Кукля, Яков Капер, Лёня Долинер... [перечисляются ещё 13 имён заключённых, большинство из них – евреи] и я... Главная проблема состоит в том, чтобы найти ключ от дверного замка... В один из дней ко мне подошёл Яков Капер и сказал: «Захар, я нашёл ключ»... Работа в Бабьем Яре подходила к концу... Нельзя было больше ждать... [Побег] был осуществлён ночью 29 сентября 1943 г. Это было символично: за два года до этого, 29 сентября, фашистские оккупанты убили десятки тысяч людей».*[72]

Побег совершили после полуночи. В назначенное время открыли дверь, и люди вырвались наружу с криками «ура». Против двери дома стояла сторожевая вышка с пулемётом. Немцы открыли убийственный огонь по беглецам, и подавляющее большинство было убито на месте, а почти все остальные схвачены во время преследования и поисков в Киеве и его окрестностях. Только 15 беглецов, в основном, евреев, осталось в живых ко времени, когда Киев был освобождён.[73]

В Девятом форте в Каунасе следы массовых казней уничтожали 64 заключённых, из них четверо неевреи. Около половины евреев были военнопленными, остальные – арестованные подпольщики из гетто Кау-

наса. Заключённых содержали в подземных камерах с зарешеченными дверями и окнами. Инициаторами побега из форта стали подпольщики из гетто и несколько военнопленных евреев, среди них Александр Подольский, руководитель бригады рабочих. Подпольщики выработали план побега. Главным в нём было рытьё туннеля из одной арестантской камеры, который бы привёл за стену крепости. После нескольких дней работы копавшие наткнулись на скалу, и рытьё прекратилось. Подольский предложил другой выход – через пустовавшую камеру со стальной дверью наружу. После проверки выяснилось, что за дверью простирается туннель, ведущий во двор крепости, а оттуда другой туннель ведёт к спуску на территории, где нет сторожевых вышек.

День побега назначили на 25 декабря, начало Рождества, когда охранники будут праздновать и пьянствовать. Беглецы разбились на три группы: в одной каунассцы, стремившиеся возвратиться в гетто, в другой в основном военнопленные, целью которых были леса, и в третьей группе те, кто решил искать укрытия у знакомых литовцев. Четверо неевреев решили вернуться в район их прежнего места жительства.

И соответственно плану, в ночь на 26 декабря всем 64 заключённым удалось бежать из крепости. На рассвете 26 декабря, когда побег обнаружился, немцы начали преследование. Из 25 беглецов, стремившихся в гетто, 19 удалось войти в него и найти там убежище, а шестерых схватили возле гетто и расстреляли. Следы, оставляемые беглецами на снегу, помогли немцам схватить и нескольких бежавших в леса. Часть беглецов, достигших гетто, ушли оттуда в Рудницкий лес, где присоединились к партизанам. Некоторым из числа военнопленных также удалось достичь леса.[74] Сипо 13 января 1944 г. отчитывалась:

> *«25 декабря 1943 г., ночью, из 9 форта бежали рабочие 1005b. Вначале не был замечен побег, но когда он был обнаружен, началось немедленное преследование беглецов. К настоящему моменту удалось задержать 37 из числа беглецов, и пятеро из них было застрелено при попытке к бегству».*[75]

В Понарах сожжением трупов занимались 80 евреев: 70 из Вильнюса и его окрестностей, схваченных после ликвидации гетто, и 10 военнопленных. Заключённые со скованными ногами содержались в подземном бункере, находившемся во рву глубиной в 6-8 метров, куда вела лестница, которую убирали после того, как заключённые вечером спускались туда по окончании рабочего дня. После побега заключённых из Девятого форта бункер окружили забором из колючей проволоки, а его окрестности заминировали. В начале октября 1943 г. организовалась для побега группа узников, и среди них военнопленный Юрий Фарбер, инженер. Возникла идея выкопать туннель длиной 30-35 метров, ведущий из бункера, под забором из колючей проволоки, к сосновой роще. Фарбер определил направление туннеля с помощью найденного компаса. В январе 1944 г. группа приступила к работе. Копали по ночам, когда остальные люди, уставшие от дневной работы, спали. Рыли руками и столовыми ложками. Песок высыпали под свои постели и между двойными досками, разделявшими жилые ячейки. По ходу туннеля

ставили подпорки, чтобы предотвратить обрушение песчаной почвы. К середине апреля, после трёх месяцев работы, туннель был готов. Побег осуществили ночью 16 апреля 1944 г. Кандалы сняли с ног напильником, найденным во время вскрытия рвов с убитыми. Около 40 человек смогли уйти через туннель до того, как охранники обнаружили беглецов и открыли огонь; остальные остались в бункере. Примерно 25 беглецов были застрелены или схвачены, 15 удалось бежать, и 11 из них добрались до партизан в Рудницких лесах.[76]

Условия организации подполья в местах «Акции 1005» и побегов оттуда были тяжелее, чем в гетто – такие побеги были отчаянно смелыми операциями, почти не имеющими шанса на успех. И действительно, большинство беглецов погибало во время побега, но немногие оставшиеся в живых участники «Акции 1005» спаслись только благодаря бегству, ибо нет сомнения, что их бы убили по завершении работ. Во множестве мест «Акции 1005», где бегство не состоялось, не осталось ни одного спасшегося. Подпольщики в местах «Акции 1005» не теряли надежду и не сдавались на волю судьбы. Находчивость и желание бороться позволили некоторым выжить.

***

Первые подпольные группы среди евреев в оккупированных странах Европы, которые стремились к вооружённой борьбе с немцами, были организованы на оккупированных территориях Советского Союза – раньше, чем подобное подполье возникло в других районах оккупированной Европы. Это явилось следствием того, что евреи на оккупированных территориях стали первыми, подвергшимися тотальному уничтожению. В подпольных организациях пришли к выводу, что немцы стремятся уничтожить всех евреев, и поняли, что вооружённое сопротивление этому – единственный путь, который, возможно, позволит спастись части евреев. Вооружённое сопротивление выразилось в восстаниях в гетто или в партизанской войне в лесах.

Не в каждом месте, где происходили массовые казни евреев, они успевали понять, что речь идёт о поголовном уничтожении. На территориях, где уже в первые недели и месяцы оккупации производилось истребление евреев, у них недоставало времени ни осознать, что их ожидает, ни, тем более, организоваться и изыскать средства борьбы, необходимые для вооружённого сопротивления. Это было судьбой большинства евреев Прибалтики и старых территорий Советского Союза. Только в тех местах, где в гетто по окончании волны происходившего там уничтожения сохранились евреи, они организовали ячейки вооружённого подполья.

Обязательным условием эффективности подполья было оснащение его оружием, необходимым для деятельного сопротивления внутри гетто и ведения партизанской войны. Источники приобретения оружия были ограничены, главными из них явились немецкие склады трофейного оружия, где работали евреи из гетто, в том числе подпольщики. Подполье также само создавало оружие внутри гетто: гранаты, «бутылки Молотова» и холодное оружие. В некоторых местах оружие до-

ставали у местных нееврейских жителей, которые хранили в тайниках оружие, оставшееся со времени крушения польской армии в сентябре 1939 г. и ухода Красной Армии в июне-июле 1941 г. Приобретение этого оружия требовало больших денежных расходов на покупку, кроме того, было трудно найти владельцев такого товара и удостовериться, что они не донесут немецким властям. Еврейское подполье в гетто не получало никакого оружия от местного нееврейского подполья. Добываемое подпольем оружие доставляли через ворота гетто, канализационные трубы, а также переправляли в гробах и телегах с мусором, которые возвращались в гетто пустыми. Этой контрабандной доставке помогали еврейские полицейские, которые состояли в подпольных организациях.

Ещё одним фактором, влиявшим на возможности вооружённого сопротивления подпольных организаций, явился демографический состав евреев, оставшихся на оккупированных территориях. В районе Минска, а также на аннексированных территориях, занятых немцами в первые дни или недели войны, не успели организовать эвакуацию и массовый призыв в армию, поэтому подавляющее большинство евреев, включая молодёжь – основной человеческий ресурс вооружённого подполья, осталось на оккупированной территории. А более восточные территории были оккупированы позже, после прошедших там эвакуации и мобилизации в армию. Подавляющее большинство евреев, оставшихся там, были детьми, женщинами и стариками – отсутствовал людской резерв, обычно создававший вооружённое подполье.

В большинстве городов и местечек, в которых после акций уничтожения остались гетто, возникали нелегальные группы, величиной от десятков до сотен участников. В одних гетто эти группы стремились уйти в леса и воевать в рядах партизан, в других старались организовать восстание в гетто. Различия в целях подполья определялись также и идеологическим аспектом: например, подполье коммунистического характера в Минском гетто с самого начала стремилось вывести большинство людей в леса для партизанской войны, для партизанской борьбы. В Вильнюсском гетто, где большинство членов ОПО пришло из молодёжных сионистских организаций, господствовало национально-еврейское направление. Здесь при создании подполья было провозглашено, что «самооборона – это национальное дело, борьба народа за своё достоинство»; и в боевом уставе организации записали: «ОПО – авангард всего еврейского народа». ОПО видела себя частью еврейского общества в гетто и не хотела отрываться от него, уходя в леса, пока гетто ещё существовало.

Но не только идеологические соображения влияли на цели подполья. Не менее важным было и наличие лесов в местах, где партизанские отряды были готовы принять евреев в свои ряды.[77] Такие условия царили в районе Минска уже в первые месяцы оккупации. Там сочетались идеология еврейского коммунистического подполья и существующие условия на территории. Напротив, в Каунасском гетто коммунистическое подполье, которое начало действовать в конце 1941 г., не планиро-

вало выход в леса, так как возле города отсутствовали крупные лесные массивы и деятельность советских партизан. Только осенью 1943 г., когда в здешних лесах активизировались советские партизаны – если даже они были относительно далеко – у евреев нашёлся путь выхода из гетто. В более мелких гетто, преимущественно в Западной Белоруссии, подполье с самого начала предпочитало выход в леса.

Итак, несмотря на то, что еврейское вооружённое подполье организовалось и действовало главным образом в гетто, его конечной целью были лес и партизанская война. И подполье, планировавшее восстание в гетто, стремилось по окончании восстания присоединиться к партизанам.

Отношения подполья с юденратами и еврейским обществом в гетто складывались непросто. На них влияли ограниченность возможностей вооружённого подполья спасти евреев и реальный риск для всех жителей гетто, связанный с добыванием оружия или побегом к партизанам. В лучшем случае восстание в гетто могло способствовать побегу небольшого числа жителей, но и тогда оставался вопрос – куда бежать? Лишь в редчайших случаях находилось укрытие среди местного населения,[78] а лес мог служить местом спасения только молодёжи, оснащённой оружием, но не детей, женщин и стариков. В противостоянии подполья и юденратов общество обычно занимало негативную по отношению к подполью позицию. Показательным случаем явилось дело Витенберга, руководителя ОПО в Вильнюсе. Конфронтация была также в гетто Пинска, Барановичей, Новогрудка и в других местах. В этой конфронтации сильной стороной оказывались обычно подпольщики, у которых было оружие, тогда как у юденрата или обитателей гетто единственным инструментом было моральное давление. Но во всех случаях, когда оно оказывалось на подпольщиков, они поддавались ему и выбирали риск только для себя, чтобы не подвергать опасности евреев гетто.

В некоторых гетто юденраты и еврейская полиция действовали совместно с подпольем и во многом помогали ему. Выделяются своим соучастием юденраты гетто в Минске (Мушкин и Иоффе) и Каунасе (Элькес), а также многих малых гетто. Довольно часто полицейские гетто становились членами подполья, и в Каунасе, Риге и Минске многие десятки полицейских были казнены за это.

Когда вооружённое подполье планировало восстание, оно назначало его на время накануне ликвидации гетто, когда восстание становилось единственной альтернативой шествию во рвы расстрела. В Вильнюсе, Барановичах и в других местах, где возникло сомнение, действительно ли намеченная или уже начавшаяся акция является окончательным уничтожением всего гетто, это сомнение привело к отсрочке восстания и, в конце концов, к его отмене. В малых гетто Несвижа, Лахвы, Тучина и Глубокого восстание было осуществлено в момент, когда подполье и обитатели гетто поняли, что пришёл конец, и это единственный путь спасения хотя бы для некоторых жителей.

Еврейское вооружённое подполье искало связи с антинемецким

подпольем вне гетто. В определённых случаях, например, в Вильнюсе или Минске, связи с нееврейским подпольем заканчивались раскрытием подпольной деятельности евреев, арестом и казнью многих подпольщиков гетто.

Еврейское вооружённое подполье действовало в тяжёлых условиях, которые ни одно антинемецкое подполье в оккупированной Европе не испытывало. Оно действовало в окружённом врагом гетто, в условиях непрерывного процесса уничтожения, при недостатке оружия и огромном риске его добычи. Несмотря на это, подполью удалось в некоторых небольших гетто поднять восстание и обеспечить побег множества людей в леса, а из крупных гетто вывести в леса тысячи евреев, которые воевали с немецким врагом в рядах партизан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 46-54; Холавский, *В гибельной буре...*, с. 140-141; Воспоминания участницы подполья Розы Липской, Архив Яд Вашем 033/2687; Воспоминания участницы подполья Славы Гебелевой-Усташинской, *там же,* 033/2688.
2. Холавский, *там же*, с. 141-142, 145, 150; Смоляр, *там же*, с. 95-96; Воспоминания подпольщика Аарона Питерсона, Архив Яд Вашем, 033/2690.
3. Смоляр, *там же*, с. 55-56, 86, 88-89; Холавский, *там же*, с. 145-146; Яд Вашем, 033/2690, с. 5.
4. Смоляр, *там же*, с. 117-122; Холавский, *там же*, с. 152-155.
5. Arad et al., *Einsatzgruppen Reports...*, 189, p. 324.
6. *Там же*, с. 339-341.
7. Смоляр, *Советские евреи...,* с. 115, 128, 131; Холавский, *В гибельной буре...*, с. 148-149, 151. О выходе подпольщиков из Минского гетто в леса и их действиях там см. гл. 46.
8. Об акции в Минском гетто в конце июля 1942 г. см. гл. 24, раздел А, а также см. там же письмо Кубе к Лозе от 31 июля 1942 г. под заголовком «Борьба с партизанами и акция против евреев в генерал-коммиссариате Белоруссия».
9. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 184-189.
10. *Там же*, с. 221-226. Первым связным, который дошёл из Варшавы в Вильнюс, был поляк Хенрик Грабовский, которого послало польское подполье, чтобы установить связь с польским подпольем в Вильнюсе, но он взял на себя и поручение молодёжных сионистских движений установить связь с вильнюсскими членами этих движений и передать им письма. В апреле 1942 г. из Вильнюса в Белосток и в Варшаву были посланы сёстры Сара и Ружка Зильбер и Шлёмо Антин. Они должны были передать свидетельства беженцев из Понар, а также обращение Вильнюсского подполья к обитателям других гетто с призывом пробудиться от иллюзий и защищаться. Этих связных арестовали на железнодорожной станции Малкиния и привезли в Варшаву, где их казнили. Последней связной между гетто была полька Ирена Адамович, которая пришла из Варшавы в Вильнюс в конце июня 1942 г.
11. *Там же*, с. 232-233, 238. При переходе из Вильнюса в Белосток Мордехаю Тененбауму-Тамарову и его товарищам помог Антон Шмидт, сержант немецкой армии, предоставивший им армейский грузовик. Шмидт сделал это из гуманных соображений. Он был арестован, осуждён военным судом за помощь евреям и казнён 13 апреля 1942 г. Яд Вашем присудил Шмидту звание Праведника Мира. Тененбаум-Тамаров руководил подпольем в Белостокском гетто и погиб там во время восстания в августе 1943 г.
12. *Там же*, с. 263-267.
13. *Там же*, с. 254-255; Корчак, *Пламя в золе...*, с. 94, 100-101.
14. Свидетельство Абы Ковнера, Архив Яд Вашем, К-3405/291, с. 7-8; Корчак, *там же,*

с. 93.

15. Ковнер, *там же*, с. 83: Корчак, *там же*, с. 133, 136. Девушками, которых послали перейти линию фронта, были Соня Мадейскер и Цеся Розенберг.
16. Корчак, *там же*, с. 135-137; Гефен и др, *Партизанская книга...*, с. 27-29. Прокламации выходили от имени «Организации польских патриотов», «Союза свободной Литвы» и других организаций.
17. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 377-382. О связи Вильнюсского гетто с партизанами см. гл. 46, раздел Б.
18. *Там же*, с. 387-395.
19. Корчак, *Пламя в золе...*, с. 146.
20. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 395-396.
21. Браун и Левин, *История подполья...*, с. 125. Цитируется по свидетельству Ковнера.
22. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 422-424. Зименас, еврей, был одним из руководителей коммунистической партии Литвы, вернувшимся сюда из советского тыла. Более подробно о нём и о подпольщиках гетто Вильнюса в лесах – смотри гл. 46.
23. См. гл. 30, раздел Б, где цитируются немецкие отчёты, датируемые этими числами.
24. Дов Левин, *Борющиеся...*, с. 131-133; И. Олейский, М. Елин, Д. Левин и И. Каплан (ред.), *Хаим Елин, Боец гетто и писатель*. – Тель-Авив, 1980, с. 25-27 (далее: Олейский и др., *Елин...*) (иврит); Нехемия Эндлин, *На дорогах партизанской войны*. – Тель-Авив, 1983, с. 72 (далее: Эндлин, *На дорогах...*) (иврит). Об Ирене Адамович см. выше, примечание 10.
25. Левин, *там же*, с. 133-134; Олейский и др., *там же*, с. 26.
26. Левин, *там же*, с. 167; Олейский и др., *там же*, с. 27-28.
27. Фейтельсон, *Непокорившиеся...*, с.249-259; Эндлин, *На дорогах...,* с. 84, 89-91: Левин, *там же*, с. 134-135.
28. Эндлин, *там же*, с. 93-109. Эндлин был среди участников перехода в леса Августова; Файтельсон, *там же*, с. 276-282; Левин, *Борющиеся...*, с. 135-136.
29. Эндлин, *там же*, с. 122-127, 175; Левин, *там же*, с. 136-138.
30. Архив Яд Вашем, М-33/1052, с. 12; Дов Левин, *Спиной к стене...*, с. 170-171, 175-176.
31. Архив Яд Вашем, М-33/1038, отчёты немецкого агента, допросы арестованных, включая допрос Писманова (документы ГАРФ, фонд 7021, опись 93, дело 3785). В немецком документе от 24 октября 1942 г. упоминается сообщение о том, что утром 28 октября группа от восьми до десяти евреев намерена выехать на грузовике в направлении Абрене (Пыталово), и на седьмом километре после Абрене встретиться с партизанским связным. В документе от 27 октября говорится, что члены группы, собравшиеся бежать, уже находятся за пределами гетто, в квартире на улице Садовникова 28/24, что еврейские полицейские помогли им уйти из гетто, что связной беглецов Борька (Писманов), что агент находится с беглецами и что засада немцев будет устроена на 15-м километре шоссе Рига – Мадона.
32. Левин, *Спиной к стене...*, с. 183-184.
33. Приказ Ланге от 30 октября 1942 г.; Архив Яд Вашем, М-33/1038; Левин, там же, с. 187-188.
34. Левин, *там же*, с. 190-194. Левин пишет, что количество арестованных в конце июня 1943 г. составило 285 человек. См. также: Kaufmann, *Vernichtung...*, pp. 204-208.
35. Архив Яд Вашем, 3/10.49. Это объявление было опубликовано в газете на латышском языке «Tevija».
36. Бирман, Белостокское гетто, Труды Яд Вашем, т. 2, с. 289-290, документ с посвящением «Дорогим друзьям, где бы они ни находились». Ц. Бирман погибла в августе 1943 г. во время восстания в Белостокском гетто. Лейзер Райзнер тоже погиб во время этого восстания. См. также: Петель-Кнаани, *Не тот Гродно...*, с. 234-235; Хайка Гросман, *Подпольщики*. – Мерхавия, 1950, с. 198-199. Леса Марциконис находятся на северо-востоке от Гродно.

37. Петель-Кнаани, *там же,* с. 236-238; Гросман, там же, с. 205-207. Группа из 18 человек ушла в леса, но вследствие доноса была по дороге окружена и уничтожена немцами. Другая группа из 16 человек во главе бежавшая в леса Нача в начале 1943 г., перешла оттуда в леса Радун и создала семейный лагерь, который вырос до 80 человек.
38. Элиэзер Лидовский, «Видерштанд-организацие», см. Штайн, *Книга Барановичей...*, с. 469-471; Холавский, *На реках...*, с. 119, 174; Энциклопедия Катастрофы, I, с. 239.
39. Холевский, *там же*, с. 124, 149, 178-181; Ицхак Цукерман и Моше Басок (ред.), *Книга борьбы в гетто*. – Лохамей Хагеттаот , 1954, с. 492-493 (далее: Цукерман и Басок, *Книга борьбы...*).
40. Барух Левин, *В лесах мщения*. – Лохамей Хагеттаот, 1968, с. 66-67 (далее: Левин, *В лесах...*).
41. *Там же*, с. 62-63, 72-74; Холавский, *На реках...*, с. 140-141; Энциклопедия Катастрофы, III, с. 634.
42. Холавский, *там же*, с. 122, 132, 167; Энциклопедия Катастрофы, IV, с. 868; Сара Шнер-Нешмит, *51-я рота, История партизанской группы евреев Слонимского гетто*. – Лохамей Хагеттаот, 1990, с. 38, 41, 56-57, 65-66 (далее: Шнер-Нешмит, *Рота...*). Шнер-Нешмит цитирует по книге Пронягина (См: Пронягин, *У самой границы*. – Минск, 1976, с. 25-26), в которой он пишет об оружии, радио и другом оборудовании, полученном от Слонимского подполья.
43. Архив Яд Вашем, TR-18/808, с. 209. «Бандитами» немцы называли партизан.
44. Холавский, *На реках...*, с. 153, 173-174, 223, 248; Тамир, *Книга Пинска...*, с. 341-343, 349-350.
45. Нюрнбергские Документы, NO-2027.
46. О евреях Волыни в лесах см. гл. 46.
47. Йонас (*Евреи Львова...*, с.286-291) написал о маленькой группе во главе с доктором Борисом Плискиным, которой удалось достичь Карпатских гор и присоединиться там к партизанам. Он упоминает также другую группу во главе с офицером еврейской полиции Гольдбергом, сумевшую добраться до партизан. См. также: Энциклопедия Катастрофы, III, с. 601.
48. Документы Нюрнбергского процесса, L-18.
49. Йонас, *Евреи Львова...*, с. 293-294.
50. *Тернополь*, с. 413.
51. Давид Штокфиш (ред.), *Книга Несвижа*.– Тель-Авив, 1976, с. 419; Холавский, *На реках...*, с. 186-191.
52. Холавский, *там же*, с. 191-193; Цукерман и Басок, *Книга борьбы...*, с. 478-480.
53. Холавский, *там же*, с.118, 122-124, 135-137; Гефен и др., *Партизанская книга...*, с.374-380; Шалом Герлинг, *История еврейского бойца*. – Лохамей Хагеттаот, 1968, с. 52-59.
54. Холавский, *там же*, с. 137, 216; Гефен и др., *там же*, с. 380-382. Там отмечается, что Дворецкий и 6 его товарищей отказались передать оружие этой нееврейской группе, из-за чего все семеро были застрелены.
55. Холавский, *там же*, с. 117, 123, 131, 144; Моше Шутан, *Гетто и лес* (на идише). – Тель-Авив, 1971, с. 25-26 (далее: Шутан, *Гетто...*); Ицхак Арад, *Юность в борьбе*. – Тель-Авив, 1977, с. 57-75 (далее: Арад, *Юность...*).
56. Холавский, *там же*, с. 153, 248; Арад, *там же*, с. 76-85; Шутан, *там же*, с. 38-41, 45-46.
57. Моше Кальхайм (ред.), *С поднятой головой, из истории партизанской войны в лесах Нарочи* (иврит). – Тель-Авив, 1991, с. 20-21, 131-146 (далее: Кальхайм, *С поднятой головой...*); Шалом Холавский, *Подполье и партизаны гетто Куренец* (иврит), Ялькут морешет, 1965, с. 63-70 (далее: Холевский, *Подполье...*).
58. Холавский, *На реках...*, с. 118, 134, 154, 178, 218-220; Цукерман и Басок, *Книга борьбы...*, с. 480-486. После акции немцы арестовали Руфайзена и обвинили его в передаче информации евреям и содействии их побегу. Во время допроса обнаружилось его

еврейство. Ему удалось бежать и найти убежище в монастыре, где он находился 16 месяцев. Когда усилились его поиски, Руфайзен бежал в лес. Партизаны обвинили его в том, что он немецкий шпион, и только вмешательство евреев Мира, находившихся среди партизан, спасло его от казни. После войны Руфайзен принял христианство, но считал себя евреем, репатриировался в Израиль и жил там в монастыре. Он умер в 1998 году.

59. ЦГАОР ЛатССР, фонд R-70, опись 6, дело 80. Немецкие власти намеревались выслать большинство обитателей гетто в лагерь уничтожения Собибор, а пригодных для работы перевести в концентрационные лагеря. Что касается «подразделений Дружины», то имеется в виду батальон русских, белорусских и украинских пособников, бывших военнопленных, используемых в борьбе с партизанами. В тот период в районе местечка Докшицы этот батальон под командованием полковника Родионова обратил оружие против немецких сил, пришедших из Глубокого, убил и ранил десятки немцев и присоединился к партизанам.
60. Гефен и др., *Партизанская книга...*, с. 180-182; Цукерман и Басок, *Книга борьбы...*, с. 492.
61. Цукерман и Басок, *там же*, с. 477-478; Холавский, *На реках...*, с. 193-198.
62. Цукерман и Басок, *там же*, с. 488-489; Спектор, *Шоа евреев Волыни...*, с. 171-174.
63. Гроссман и Эренбург, *Чёрная книга...*, с. 38, сообщение Е. Ланцмана.
64. Р.П. Платонов и др. (ред.), *В непокорённом Минске*. – Минск, 1987, с. 7, 80, 209. Там описывается Казинец и его деятельность без упоминания его национальности.
65. Шапиро Г.С. и Авербух С.А., *Очерки еврейского героизма*, т. 2. – Киев, 1994, с. 97-101.
66. Леонид Беренштейн и Стер Елисаветский, *Евреи – герои Сопротивления*. – Тель-Авив, 1998, с. 30-32 (далее: Беренштейн и Елисаветский, *Евреи...*); Юрчук и др., *Советская Украина...*, т. I, с. 452.
67. Юрчук, *там же*, с. 435-437; Беренштейн и Елисаветский, *там же*, с. 36-37.
68. Arad et al., *Einzatsgruppen Reports...*, 133, p. 232.
69. Архив Яд Вашем, М-33/315. Имена этих евреев: Давид Красноштейн, Илья Засовский, Шая Фельдман, Абрам Бухгалтер, Женя Фурман, Фрида Хаят, Харитон Левинсон и Дионисий Шемберг.
70. Arad et al., *Einzatsgruppen Reports...*, 133, p. 362.
71. Об «Акции 1005» см. гл. 37, раздел Б.
72. Советиш Гаймланд, 6 (1977), с. 110-111.
73. *Там же*, с. 162-169; *там же*, 1 (1976), с. 121-122; Свидетельства, полученные советской прокуратурой от беглецов из Бабьего Яра Давида Будника, Захара (Зямы) Трубакова и Якова Капера, Яд Вашем, TR-10/761.
74. Браун и Левин, И*стория подполья...*, с. 162-169; Файтельсон, *Непокорившиеся...*, с. 348, 355, 370-376.
75. ЦГА ЛитССР, фонд 44, опись I, дело 61.
76. Arad, *Ghetto in Flames...*, pp.444-445; Суцкевер, *Вильнюсское гетто...*, с. 198-199.
77. Отношение советского партизанского движения к евреям в лесах см. гл. 46.
78. Об отношении местного населения к евреям см. гл. 40.

ГЛАВА 46

ЕВРЕИ В ЛЕСАХ И В ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЕ

А. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛЕСАХ

Широкомасштабная партизанская война с немецкими захватчиками на территориях СССР не имела аналогов в других частях оккупированной Европы. Леса, простирающиеся на десятки тысяч квадратных километров, обширная болотистая местность и плохо развитая система шоссейных дорог создавали идеальные условия для партизанской войны. Советское партизанское движение развивалось постепенно. Начавшись с небольших разрозненных групп в несколько десятков человек, как правило, не имевших связи с центром в советском тылу, оно превратилось в организацию, насчитывающую десятки тысяч бойцов. Движение достигло пика в 1943–1944 гг., накануне освобождения оккупированных территорий. Целью партизанской борьбы было создание помех в деятельности немецкого тыла, в работе транспорта, обслуживающего фронт, в экономической эксплуатации оккупированных территорий, а также стремление отвлечь немецкие силы на охрану тыла, чтобы помочь Советской Армии на фронте. Действия партизан, кроме того, поддерживали моральный дух местного населения на оккупированных территориях и снижали боевой настрой в немецкой армии.

Спасение гражданского населения от террора и уничтожения, в частности, спасение евреев, обречённых на тотальное истребление, свидетелями чему стали советские партизаны и о чём знало советское правительство, не было включено в задачи партизанского движения. Однако принятые советским руководством решения косвенным образом повлияли на судьбу евреев в лесах. Важной точкой отсчета стал ряд постановлений Центрального Комитета Компартии Белоруссии в феврале 1943 г. В них, среди прочего, ставились задачи *«спасти население Белоруссии от ограбления и истребления его врагом... не допустить угона советских людей в немецко-фашистское рабство, для чего усилить боевые операции партизан».*[1] В этих документах не упоминаются евреи, и приняли их после того, как подавляющее большинство евреев Белоруссии уже было истреблено. Слова о спасении от грабежа и гибели относились, в основном, к белорусским жителям районов партизанских действий: многие из них были убиты или угнаны в Германию, а сотни деревень сожжены во время немецких облав. В результате тысячи крестьян со своими семьями бежали в леса, ища убежища в местах действия партизан. Следует отметить, что указание об усилении «боевых операций партизан» относилось к предотвращению отправки людей на работу в Германию. Уничтожение населения в немецком тылу не влияло на результаты войны, тогда как дополнительная рабочая сила, используемая в экономике Германии, высвобождала трудящихся в ней немцев для мобилизации на фронт и тем самым увеличивала силу не-

мецкой армии. Вместе с тем задача «спасения населения Белоруссии» позволила командирам партизанского движения оказывать помощь и евреям.

Леса на оккупированных территориях служили боевыми базами для тысяч евреев, действовавших в советском партизанском движении. Евреи были в самых первых партизанских отрядах, возникших в лесах, а также среди организаторов партизанской деятельности на оккупированных территориях.[2]

Первые группы евреев, бежавших из гетто в лес с целью принять участие в партизанской войне, вышли, насколько известно, из Минского гетто. На следующий день после большой акции 7 ноября 1941 г. в леса бежали шесть человек, которые присоединились к партизанам, находившимся в Руденских лесах, в 30 км к юго-востоку от Минска. [3]

Суровая зима 1941–1942 гг. очень осложнила условия побега и проживания в лесу. Массовый уход евреев в лес начался во время второго этапа массового уничтожения, весной и летом 1942 г., и многие оказались там прежде появления партизан. Они бродили небольшими группами в поисках убежища, и зависели от милосердия местного населения, среди которого находились и охотники выдавать евреев немцам. Не раз евреи натыкались в лесах на «дикие» вооруженные группы, которые организованное советское партизанское движение еще не успело подчинить себе. Такие группы часто грабили появлявшихся в лесах евреев и осложняли их жизнь. Евреи, попавшие в леса во второй половине 1942 г. и в 1943 г., уже нашли там организованные советские партизанские отряды.[4]

Но и после того, как контроль над лесами перешел в руки организованного советского партизанского движения и большинство «диких» групп влилось в его ряды, мучения евреев не закончились. Многие партизаны проявляли антисемитизм; зачастую они не принимали в свои ряды бежавшие в лес еврейские семьи, а также отдельных евреев без оружия. В результате большинство таких евреев объединялось в группы от десятков до сотен человек и создавало семейные лагеря. В таких лагерях имелось ядро вооруженных людей, чья главная задача заключалась в охране лагеря и добыче продовольствия.

Единственным источником продовольствия для всех находившихся в лесах служили местные села, и партизаны чаще всего добывали его путем конфискации, угрожая оружием. С увеличением числа лесных обитателей требовалось конфисковывать соответственно большее количество продуктов. Партизанские отряды выделяли часть своих сил на «экономические» операции – добычу продовольствия – иногда в селах, удаленных от леса на несколько десятков километров. Нередко «экономические» операции сопровождались стычками с немецкими силами, срочно вызванными на место или находившимися в засаде по дороге в лес. В некоторых селах, обычно в районах с враждебным к советской власти населением, в особенности в Литве и Западной Украине, немцы создавали местные вооруженные группы для борьбы с партизанами,. Как правило, именно в таких местах партизаны принуждали отдавать

продукты, а иногда одежду и обувь. Реже это случалось в селах, где население относилось к ним дружелюбно.

В летние периоды в качестве жилья использовались навесы из веток и кусков ткани или брезента, которые можно было без труда поставить в любом месте в лесу. Осенью и зимой основным местом жительства для обитателей леса являлись землянки. Землянка представляла собой окоп высотой в человеческий рост, прикрытый сверху деревянными поленьями, уложенными по диагонали и присыпанными землей, на которую для маскировки укладывали ветки. Подобные строения возводились там, где лесные обитатели жили подолгу. Во время облав немцы партизанские жилища разрушали.

Жизнь в лесах была трудна и полна опасностей. В любое время можно было ждать прочесывания и нападения немецких подразделений на партизанские базы или места нахождения бежавших в лес евреев. Время от времени крупные немецкие силы, насчитывающие десятки тысяч человек, проводили широкомасштабные облавы на партизан в лесах. Они окружали лесные массивы и тщательно их прочесывали, в результате чего погибало немалое число лесных обитателей. В случаях, когда партизаны узнавали о готовящейся облаве, они старались до окружения лесного массива перебраться из него в другие леса; когда об окружении не удавалось узнать заранее, партизаны пытались силой прорвать его в одном месте либо группами по 5 – 15 человек просочиться через оцепление и добраться до другого леса, где они снова объединялись. После облавы партизаны, как правило, возвращались на места прежнего своего пребывания – до следующей облавы.

Облавы длились от двух до четырех недель, после чего немецкие силы, подтянутые для этих целей, возвращались к своим основным обязанностям или перебрасывались в другие районы для проведения новых облав. Немцам не хватало сил для более продолжительных прочесываний лесов, и большинство партизанских отрядов, так или иначе, но выбирались из окруженных районов. Основными жертвами облав становились евреи в семейных лагерях. Вот как описала это Ривка Додик-Гвинт, бежавшая в лес вместе с родителями из гетто Куренец на западе Белоруссии во время его ликвидации 9 сентября 1942 года:

«Добравшись до леса, мы встретили группку евреев, голодных и грязных от дыма горящих по ночам костров. Мир, в который мы попали, был очень жестоким, мы, под покровом ночи вынуждены были ходить к крестьянам и просить корочку хлеба или несколько картошек… Страх перед приближающейся зимой был велик… Что мы будем делать, когда выпадет первый снег и следы выдадут нас местным крестьянам, приходящим рубить дрова? Откуда мы возьмем еду на зиму?.. По окончании строительства землянки величиной 3 на 3 метра, мы, 13 человек, поселились в ней… У входа стояла печь, у которой в течение для собирались женщины и варили картошку, а ее другая половина состояла из двухэтажных нар… Голод сводил нас с ума. В течение зимы подверглись нападению и были убиты евреи из Куренца и окрестностей, находившиеся в нескольких ки-

лометрах от нас. К счастью, немцы не обнаружили наше укрытие в нашу первую зиму в лесу. Утром, накануне Песаха 1943 г., появился партизанский связной из соседнего села, и сообщил, что в селе полно немцев. Недалеко было болото, и, согласно нашей тактике, мы побежали в болота. Мы напоминали диких зверей, убегающих от охотника. Немецкие выстрелы не заставили себя ждать... К вечеру утихли крики и лай собак и мы поняли, что немцы покинули лес... Приблизившись к землянке, мы увидели, что все разрушено».[5]

Несмотря на трудности и опасности, поток евреев, убегавших в леса из гетто, постоянно увеличивался. Сначала их число не превышало нескольких тысяч, но в 1942 г., с распространением акций уничтожения на новые города и районы, возросло и число обитателей леса, достигнув нескольких десятков тысяч. Некоторые пришли в лес еще до акций, другие бежали во время казней и восстаний, вспыхнувших в ряде гетто. И на протяжении 1943 г. евреи продолжали стекаться в лес. Так продолжалось до лета 1944 г., когда Советская Армия освободила оккупированные территории СССР (кроме западной Латвии).

Леса, в которых евреи искали убежище, как правило, занимали территорию в сотни квадратных километров, а также являлись партизанскими базами. Большинство евреев сосредоточилось в следующих лесных массивах (с севера на юг):

Минская область – Руденский и Койдановский леса.

Западная Белоруссия – Козяны, Нароч, Нача, Налибоки, Липичаны, Волче-Нора (Волчья Нора), леса и болота Полесья.

Юго-восток Литвы – Рудницкая пуща на границе с Белоруссией.

Западная Украина – Кухов лес и север Волыни.

Небольшие группы евреев в несколько десятков, а кое-где сотен человек, находились также в лесах Винницкой области и Восточной Галиции.

Б. ЛЕСА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ – РУДЕНСКИЙ И КОЙДАНОВСКИЙ

Первые советские партизанские отряды в Минской области были организованы осенью 1941 г. в Руденско–Червеньских лесах к югу и юго-востоку от Минска. Во главе одного из отрядов стоял Александр Сергеев по кличке Быстров. Членами отрядов становились коммунисты и комсомольцы, не успевшие эвакуироваться, а также солдаты Красной Армии, оказавшиеся в тылу врага. Часть отрядов объединилась в феврале 1942 г. в 208 партизанский отряд имени Сталина. В марте 1942 г. в лесах на юге Минской области стал действовать подпольный Областной комитет компартии, который принял партизанские отряды под свое командование. Со временем возникли бригады, которые, в свою очередь, были объединены в Минское областное партизанское соединение. В мае 1942 г. появилась радиосвязь с советским тылом, и местные партизаны стали частью организованного партизанского движения. Летом 1942 г. в лесу оборудовали партизанское взлетное поле, позволившее осуществлять самолётное сообщение с советским

тылом.[6]

Связь между подпольем гетто и 208 партизанским отрядом была установлена благодаря Федору Шедлецкому, появившемуся в гетто по заданию Сергеева с целью просить у юденрата помочь его партизанскому отряду одеждой и медикаментами. Смоляр, встречавшийся с Шедлецким, предложил переправить к ним подпольщиков из гетто. В начале 1942 г. Шедлецкий вновь пришел в гетто с ответом от Сергеева, который согласился принимать людей из гетто, но с условием, что они будут вооружены и будут приносить с собой медикаменты. Результатом этих контактов стал выход в феврале 1942 г. трех групп, общим числом в 50 человек, в основном бывших военных.[7] Присоединившись к 208 отряду, они не стали отдельным еврейским подразделением, а были распределены по другим отрядам, что и было их желанием. Из-за немецкой облавы в марте 1942 г. отряд перебазировался в Могилевскую область, и связь с подпольем гетто прервалась.[8] Сведений о судьбе бывших узников гетто в 208 отряде не имеется.[9]

В первой половине апреля 1942 г. из Минска в леса направились две группы подпольщиков с целью создать базы для последующих групп из гетто. Группа под командованием Израиля Лапидуса, насчитывавшая 20–30 человек, пришла в Руденские леса, а группа из 20 человек под командованием Наума Фельдмана столкнулась при выходе из Минска с немцами, понесла потери и вернулась в гетто. Фельдман повторно организовал группу и в конце апреля – начале мая 1942 г. покинул гетто и добрался до Старосельского леса возле Койданова, в 40 км к юго-западу от Минска.[10] Связные Лапидуса, вернувшиеся в гетто, вывели и других людей, и в скором времени его подразделение насчитывало около 100 бойцов. Его назвали отрядом имени Кутузова. По мере пополнения местными жителями отряд утратил свой еврейский характер. В конце сентября 1942 г. отряд присоединили ко 2-й Минской партизанской бригаде. Среди первых операций отряда были нападение на полицейский участок в деревне Хотляны и ликвидация находившихся там 12 полицейских, нападение на усадьбу Самойлово и уничтожение пьянствовавших там полицейских, минирование железных дорог, засады и атаки на немецкие силы, разрушение мостов на пути Осиповичи – Минск. В июле 1943 г. в отряд вместо Лапидуса был назначен русский командир. Отряд понес большие потери, однако продолжал действовать до прихода Советской Армии в июне 1944 г.[11]

На партизанскую базу, созданную Наумом Фельдманом, продолжали приходить группы из Минского гетто. В июне 1942 г. подполье гетто помогло офицеру Красной Армии Семену Ганзенко совершить побег из Минского лагеря для военнопленных и переправило его в подразделение Фельдмана. Ганзенко взял на себя командование отрядом, получившим имя Буденного, а Фельдман стал его комиссаром. Часть присоединившихся к отряду бойцов не были евреями. До декабря 1942 г. отряд действовал самостоятельно, а затем – в составе бригады имени Сталина. В июле 1944 г. отряд слился с Советской Армией и был расформирован.[12]

Многие десятки узников Минского гетто влились в партизанский отряд имени Фрунзе, появившийся на юго-западе от Минска и переросший в сентябре 1942 г. в бригаду имени Фрунзе. Отряд имени Дзержинского этой бригады при его создании состоял, в основном, из минских евреев, так же, как и отряд имени Лазо, которым командовал минский еврей Заскин. Советские источники содержат скудные сведения об этом отряде.[13] Отряд имени Пархоменко тоже состоял из узников Минского гетто. В сентябре 1942 г. Смоляр, один из руководителей подполья минского гетто, пришел в бригаду им. Фрунзе, где встретился с Фельдманом и Ганзенко. Они решили создать базы для новых узников из Минского гетто, среди которых предполагались женщины и дети.[14]

Сотни евреев Минска, поодиночке и группами, уходили в леса без помощи подполья – одни самостоятельно, другие благодаря связям с местными жителями. Шауль Рубинчик, бежавший из гетто после акции 2 марта 1942 г., рассказывает:

«Мы без организации ушли… Мы наткнулись на пост и нас повели в штаб. Это были партизаны… Никитин – командир партизанского отряда. Там было у него человек сто приблизительно… Нас вооружили, и мы остались в отряде… Никитина я знал еще в Минске – его фамилия Штейнгарт, и он еврей. В отряде не знали [что он еврей]… Он командовал танковой бригадой. Попал в окружение, кто куда разбежался, а он со многими своими солдатами остался в окружении… Евреев в отряде было всего человека 4–5».[15]

В лесу евреи из Минского гетто сталкивались с антисемитизмом и с недоверием. Об этом пишет Смоляр, который стал членом партизанского штаба Ивенецкого района:

«Влияние нацистского расизма, антисемитской пропаганды… особенно чувствовалось со стороны бежавших из немецких лагерей для военнопленных… [Пришел] ко мне Тэвель Шимонович… и стал требовать от меня «Иди взгляни – и они проливают нашу кровь!»… У реки Неман лежали несколько расстрелянных евреек… Их убили «свои», партизаны… В бункере штаба я спросил: кто застрелил евреек, бежавших от нацистских убийц? Ответил представитель белорусского штаба партизанского движения Владимир Царюк: «Мы получили секретное предупреждение о том, что гестапо завербовало группу женщин с целью отравить партизанские суповые котлы. Идет война, ничего не поделаешь…» Штаб бригады им. Фрунзе решил собрать всех евреев в отдельный отряд имени Лазо. В этом приказе о создании еврейского партизанского отряда мы видели желание нас отделить».[16]

Частые случаи проявления антисемитизма упоминаются и в других документах о положении евреев в лесах и среди партизан.[17]

Можно только предположительно определить число евреев в лесах, а также евреев-партизан в Минской области. Смоляр упоминает перепись, проведенную еврейскими партизанами сразу после освобождения. По его оценкам, в течение 25 месяцев существования Минского гетто из него в леса ушли около 10.000 евреев.[18] Эта цифра кажется

преувеличенной, если учесть трудности выхода из гетто и условия пребывания в лесах. Кроме того, многие бежавшие из гетто погибли по дороге, еще до того, как добрались до леса.

Советский источник приводит официальные и достаточно достоверные данные о числе партизан в Белоруссии по областям, а также по принадлежности к различным бригадам, действовавшим на момент освобождения Красной Армией и накануне расформирования партизанских бригад, летом 1944 г.[19] В этих сведениях указывается число белорусов, русских и украинцев в каждой бригаде, а прочие партизаны, в том числе евреи, зачислены все вместе в графу «другие национальности». Общее число партизан Минской области, согласно этим данным, в июле 1944 г. составило приблизительно 40.000 (погибшие партизаны в это число не включены), из них в графе «другие национальности» значатся около 2.500 человек.[20] Поскольку евреи являлись второй по численности национальной группой Белоруссии, и поскольку украинцы и русские в этой графе не указываются, можно предположить, что 75–80% от числа лиц «других национальностей», то есть 1.875–2.000 человек, были евреями, остальные же – бывшие советские военнопленные, представители кавказских или азиатских народов, а также небольшое число поляков. Однако и среди белорусов, русских и украинцев находились евреи, скрывавшие свою национальность, и сегодня их число невозможно установить. Из-за отсутствия подходящих условий для ухода за ранеными многие партизаны умирали даже при лёгких ранениях. Кроме того, немцы расстреливали попавших в плен партизан. Среди партизан, находившихся в лесах продолжительное время, число павших было большим. К этой группе можно отнести евреев, подавляющее большинство которых пришло в лес в 1942 г. и воевало здесь от полутора до двух с половиной лет. Советские источники не называют количества погибших партизан, его можно лишь предположить. В подробных данных о еврейском отряде «Рота 51» в районе Барановичей, в котором находился 171 еврей, указывается, что 72 из них, то есть 42%, погибли в лесах и на фронте.[21] Боевой путь этой части не отличался от боевого пути других партизанских отрядов. Если предположить, что процент погибших в этой роте был выше среднего, тогда можно считать, что в других подразделениях он достигал 25–35% от количества выживших, и значит, к числу 1.875–2.000 оставшихся в живых еврейских партизан следует прибавить от 470 до 700 погибших. Следовательно, общее число еврейских партизан, действовавших в Минской области, можно определить в 2.350–2.700 человек. Эта оценка, которая далее по тексту называется «минский образец», будет использована для подсчета числа еврейских партизан и в других регионах. Немало бежавших из Минского гетто ушли в леса Витебской и Могилевской областей, и много минских евреев находилось в лесах Барановичской области. Данные о них приводятся в партизанской статистике этих областей.

В. КОЗЯНСКИЕ И НАРОЧСКИЕ ЛЕСА

Козянские леса находятся на северо-западе Белоруссии, в Вилейской области. Здесь «дикие» партизанские группы действовали уже летом 1942 г., а осенью 1942 г. стали обосновываться отряды, подчиняющиеся советскому партизанскому движению. В начале сентября 1942 г. в Козянские леса из Витебской области прибыл отряд «Спартак» под командованием Аркадия Пономарева. Он принял в свои ряды «дикие» группы, бродившие по лесу, а также местных жителей. Весной 1943 г. в Козянских лесах была сформирована бригада им. Ворошилова под командованием Ф. Маркова.

Козянские леса служили базой не только для этой бригады, но и для других партизанских подразделений, среди которых – литовская бригада «Жалгирис» (Zalgiris – «Зеленый лес») под командованием Шумаускаса, носившего псевдоним «Казимир». В июле 1943 г. в Нарочских лесах был образован Областной комитет коммунистической партии во главе с И.П. Климовым, который в силу своей должности занял руководящую позицию в партизанском движении всей Вилейской области.

Сотни евреев из Козян, Иоды, Видзи и Шарковщины, а также из других мест бежали в Козянские леса от акций уничтожения, проходивших в июне–августе 1942 г. Бежавшие из гетто, бродившие по лесам, зависели от отношения к ним крестьян, а оно колебалось от помощи до доносительства в полицию и убийства.[22] С приходом зимы положение евреев в лесах ухудшилось из-за холода и снега, следы на котором указывали преследователям место их нахождения. Поэтому часть евреев была вынуждена уйти из леса в местечко Глубокое, в единственное сохранившееся гетто. В лесу осталось около 100 человек, они разбились на два семейных лагеря.

Лейб Воляк, уроженец еврейской деревни Стоячишки, возглавил небольшую группу евреев, оказавшуюся в лесу уже зимой 1941 – 1942 гг. Члены группы, искавшие партизан, столкнулись с бандой в 25 человек, бывших военнопленных. Они отобрали у евреев оружие, раздели их и взяли под стражу. Ночью Воляк и его товарищи, безоружные и полуголые, сумели бежать и после немалых трудностей снова добыли оружие.[23] Они стали первыми местными жителями, принятыми в отряд «Спартак». Случилось это в сентябре 1942 г., а по прошествии двух месяцев число евреев в отряде выросло до 30. Воляк отличился в боях, в частности при отражении неожиданной атаки немцев на базу отряда, а также при нападении «Спартака» на Козяны.[24]

Во второй половине ноября 1942 г. немцы начали большую облаву. Бойцам «Спартака» пришлось разбиться на маленькие группы и перейти в Витебские леса. Основными жертвами облавы стали люди из двух еврейских семейных лагерей[25] – часть из них была схвачена и уничтожена, другие смогли ускользнуть и бродили по лесу в поисках пищи. Воляк, оставшийся в Козянских лесах после ухода отряда, собрал вокруг себя около 40 человек из семейных лагерей, а также отдельных еврейских партизан, отставших от своих отрядов во время облавы. Благодаря его руководству и мужеству эти люди сумели, бродя из леса в

лес, дожить до весны 1943 г.[26] Тогда в Козянские леса вернулся отряд «Спартак». Число его бойцов выросло, и он превратился в бригаду. Воляк снова присоединился к «Спартаку» и был назначен командиром взвода.

По нашим оценкам, в «Спартаке» было приблизительно 100 евреев, что составляло более 10% от общего числа партизан этой бригады.[27] Евреи без оружия, семьи, пережившие в лесу облавы и зиму, а также евреи, прятавшиеся у крестьян и решившие предпочесть лес, снова образовали семейные лагеря, самый крупный из которых насчитывал 400–500 человек. Партизаны–евреи из различных подразделений помогали им едой.

С весны 1943 г. в Козянские леса прибыли евреи, бежавшие из гетто в Швенченисах и Глубоком. 22 подпольщика из Швенченисского гетто появились в Козянских лесах в мае 1943 г. и присоединились к отряду имени Чапаева бригады им. Ворошилова. Новичкам приказали построиться, и командир отряда объявил им, что в связи с нехваткой оружия семеро должны покинуть отряд и отправиться на его добычу. Их снабдили короткоствольным ружьем (обрезом). Выходцы из Швенчениса чувствовали вопиющую обиду, но не могли не подчиниться приказу. Они не вернулись в отряд им. Чапаева и присоединились к отряду «Вильнюс» Литовской бригады «Жальгирис».[28]

В сентябре 1943 г. немцы провели вторую большую облаву, и партизанское командование решило разбить отряды на маленькие группы, чтобы просочиться через немецкие линии на восток Белоруссии. Еврейские семейные лагеря были оставлены на произвол судьбы. По инициативе некоторых выходцев из Козян, знавших местные леса, около 300 человек из большого семейного лагеря сумели найти убежище на окруженном болотами островке и спастись. Немало евреев погибло во время этой облавы, продолжавшейся около четырёх недель. После её окончания партизанские подразделения вернулись в Козянские леса.[29]

Одним из проявлений антисемитизма среди партизан было их отношение к обитателям семейных лагерей как к «дармоедам». По инициативе Лейба Воляка из бригады «Спартак» эти лагеря реорганизовались в орган помощи партизанам. В них стали работать мельницы, пекарни, пошивочные и сапожные мастерские, обслуживающие партизанские отряды. За эти услуги партизаны снабжали семейные лагеря питанием и стали к ним лучше относиться.[30] Лейб Воляк, наиболее отличившийся еврей–партизан Козянских лесов, пал в бою с немцами зимой 1943–1944 гг.

В 50 км к югу от Козянских лесов находились Нарочские леса, получившие свое название от большого озера Нарочь. В окрестностях Нарочи, в местечках Поставы, Свирь, Мядель, Ошмяны, Сморгонь, Вилейка и Куренец проживало в каждом от нескольких сот до нескольких тысяч евреев. Во время акций уничтожения, прокатившихся здесь летом 1942 г., сотни узников гетто бежали в Нарочские леса. Молодежь, имевшая немного оружия, искала связи с партизанами, а семьи соби-

рались в семейные лагеря. В тот период, до осени 1942 г., в Нарочских лесах еще не существовало организованного партизанского движения. В. Карпов, заместитель командира разведывательной группы, описал положение евреев в лесах Вилейской области в донесении, отправленном 17 ноября 1942 г. секретарю Областного комитета Климову:

«Еврейское население подвергается террору. Безоружные, они бродят по лесам, просят питание и одежду у местных крестьян, иногда даже с применением силы. В [название неразборчиво] находится группа в 300 евреев; в районе Красного – 250; в районе... Партизанские отряды им не помогают, и без желания принимают в свои ряды еврейскую молодежь. Были случаи, когда партизаны отряда Богатырева отбирали у пришедших к ним [евреев] оружие и отправляли их назад. Антисемитизм в партизанской среде довольно сильный. Положительную инициативу в вопросе помощи еврейскому населению проявил Тимчук, комиссар отряда Мститель, который в Малиновском лесу организовал кожевенные мастерские, где работают бежавшие из гетто евреи. Еврейские подростки и мужчины выказывают желание присоединиться к партизанским отрядам, но общие настроения за переход линии фронта».[31]

Евреи, желавшие перейти фронт и попасть в советский тыл, как указывается в донесении, имели возможность осуществить переход с весны до осени 1942 г. через разрыв немецкого фронта возле Витебска, называвшийся «Суражские ворота». Сотни бывших узников Куренецкого гетто и евреев из других окрестных местечек были переправлены советскими партизанами на восток, в район Полоцка, путем ночных переходов из леса в лес. Часть из них смогла преодолеть сотни километров и перейти линию фронта, другие наталкивались по дороге на немецкие засады и либо погибали, либо вынуждены были возвращаться в леса, из которых пришли. Одним из инициаторов переправы евреев через линию фронат был, как уже говорилось, Иван Тимчук, до войны из местечка Куренец, знавший многих евреев из тех, кого он встретил в лесу. Вот что рассказал в своем свидетельстве Залман Гурвич:

«В пуще появился отряд «Мститель»... и я сразу же столкнулся со своим знакомым. Это был комиссар отряда Тимчук... Он сказал мне, что они собираются отправить евреев пущи на восток, через линии фронта, вглубь СССР, через «Суражские ворота»... Он рассказал, что две группы уже перешли линии фронта... Комиссар собрал большинство уходивших и описал трудности, с которыми они столкнутся, путь, пролегающий по тропам, через поля и леса и только ночью... В середине ноября 1942 г... собралось около 300 человек со всей территории пущи... Колонну сопровождали 3 партизана... С наступлением вечера начался поход. Сначала все шло хорошо. Но родители маленьких детей, а также пожилые очень страдали. Потихоньку расстояние между группами увеличилось... 300 человек растянулись на километр... Вдруг был открыт пулеметный огонь... Люди бросились врассыпную. Нет больше ни групп, ни партизан... Стали советоваться, как вернуться в пущу... Только первая группа [около

50 человек] смогла проделать весь путь на «восток»... Из «похода на восток» я вернулся в ужасном настроении... Отряд «Мститель» ушел из пущи... Евреи находятся в чаще, оборванные, без крыши над головой, зима приближается».[32]

Яков Сегальчик сообщил в своем свидетельстве, что 12 сентября 1942 г. 70 евреев, в основном из Долгинова, вышли из Нарочских лесов и в начале ноября 1942 г., после двухмесячного похода, пересекли с помощью партизан линию фронта. Таким же путем перешли линию фронта и другие группы.[33] Сведений о числе евреев, сумевших пересечь фронт, не имеется, но предположительно речь идет о 1.000–1.500.[34]

Такие действия советских партизан по спасению евреев и переводу их через линию фронта имели место только в Нарочских лесах, и их инициаторами были местные партизаны, подобные комиссару Тимчуку. Его отряд пользовался проходом через «Суражские ворота» как для своих партизанских целей, так и для переправы евреев. Исходя из факта, что подобные операции в других местах не проводились, хотя Минская область находилась ближе к «Суражским воротам», можно заключить, что проведенные операции были результатом местной инициативы, вызванной гуманными соображениями либо другими причинами.[35]

Но и в Нарочских лесах евреи много месяцев страдали от издевательств «диких» групп. Меир Хадаш описал происшествие в семейном лагере, где он находился, весной 1943 г.:

«Однажды у нас появилась группа партизан из подразделения майора Черкасова, полностью состоявшего из бывших военнопленных. Они напали на нас, забрали наше оружие и одежду. Наши попытки защищаться не увенчались успехом. Их было много, они были хорошо вооружены и грозились убить нас».[36]

Перемена к лучшему в положении евреев в Нарочских лесах почувствовалась летом 1943 г., когда здесь стали базироваться подразделения организованного партизанского движения – Бригада им. Ворошилова. Ее отряды развернули там деятельность уже в конце 1942 – начале 1943 гг., и вскоре эти леса стали ее основной базой. На протяжении 1943 г. в Нарочских лесах расположились и другие партизанские подразделения, среди которых была бригада им. Доватора и литовская бригада «Жальгирис». Десятки молодых евреев из ближних и отдаленных местечек, пришедшие в леса с оружием в руках, вливались в ряды партизан. Важный поворот в их отношениях с евреями произошел с приходом в Нарочские леса подпольщиков ОПО из Вильнюсского гетто. Связь между командиром бригады им. Ворошилова Марковым и ОПО завязалась при помощи швенченисских подпольщиков, влившихся в его бригаду. Они предложили Маркову привести из Вильнюса боевиков ОПО. Марков согласился, и в начале июня 1943 г. эти связные появились в Вильнюсе, однако ОПО, нацеленная на восстание в гетто, отказалась посылать своих бойцов в лес. Во второй половине июля 1943 г., спустя несколько дней после дела Витенберга, Марков вновь послал в гетто швенченисских связных, и на сей раз штаб ОПО решил,

что в лес отправятся 22 члена организации под командованием Иосифа Глазмана. 24 июля 1943 г. они в сопровождении проводника покинули гетто. По пути, который пролегал мимо рабочего лагеря в Новой Вилейке, к ним присоединились еще 14 человек. Затем группа наткнулась на немецкую засаду, девять человек погибли, а остальные с Глазманом добрались до Нарочи. После акции в Вильнюсском гетто 1–4 сентября 1943 г. в Нарочские леса пришли оттуда 150 членов ОПО, а также еще три группы, составленные не из подпольщиков. Всего в Нарочских лесах собралось 250–300 молодых людей из Вильнюсского гетто.[37]

Сохранение связей с Вильнюсом и с ОПО было важно для Маркова не только ради пополнения бригады бойцами, но и для установления при помощи ОПО контактов с польским коммунистическим подпольем в Вильнюсе. После обнаружения массового захоронения польских офицеров в Катыни под Смоленском и разрыва в связи с этим 25 апреля 1943 г. дипломатических отношений между СССР и польским правительством в изгнании в Лондоне, а также на почве разногласий по поводу будущих границ между обеими странами, Москва приказала советским партизанам бороться с польским подпольем и с зарождающимся польским партизанским движением Армии Крайовой в Западной Белоруссии.[38] Москва хотела использовать в этой борьбе польские прокоммунистические круги и придавала большое значение связям с польским коммунистическим «Союзом активной борьбы» в Вильнюсе. В отчете Маркова руководству советского партизанского движения и советской военной разведке от 4 августа 1943 г. говорится:

«В Вильнюсе существует польский антисоветский центр, приводящий в действие польские националистические организации… с целью создать в регионе польскую власть после отступления немецкой армии… Согласно вашим распоряжениям мы принимаем меры [против этого]. Кроме того, я установил связь с коммунистической организацией в Вильнюсе, созданной на основе компартии Западной Белоруссии… Большинство ее членов русские, поляки и евреи, но есть и литовцы… Я предлагаю среди поляков организовать «польское объединение для борьбы с оккупантом», члены которого будут нашими людьми и послужат противовесом польским националистам, и таким образом, мы сможем привлечь на нашу сторону польские массы и разладить деятельность польских антисоветских организаций».[39]

Подавляющее большинство членов ОПО в прошлом участвовало в национальных еврейских движениях. Придя в лес, они рассматривали себя, с идеологической точки зрения, как отдельный еврейский отряд среди советских партизан. В советских партизанских отрядах и без членов ОПО было немало молодых евреев; они по национальным побуждениям, а также из-за антисемитизма тоже хотели воевать в отдельном еврейском подразделении.[40] Глазман, придя в лес, предложил Маркову создать в бригаде им. Ворошилова еврейский отряд, который примет в свои ряды и уже находящихся в лесу евреев, и членов ОПО, которые в будущем придут из Вильнюса в лес.

Согласно советской организационной системе Вильнюс, как часть Литвы, был включен в сферу ответственности литовского партизанского движения. Марков обратился с предложением Глазмана к Зиманасу из литовской бригады «Жальгирис», в зону действия которой входил район Вильнюса и штаб которой располагался тогда в Нарочских лесах. Зиманас откликнулся положительно. Марков и Зиманас дали разрешение на создание еврейского отряда, ожидая, что он вберёт в себя всех евреев, которые проживали в лесу и не входили в другие партизанские группы. Для партизанского командования эти евреи представляли собой бремя и гуманитарную проблему, от которой полностью отмахнуться не представлялось возможным.

Еврейский отряд, получивший название «Месть», был создан в начале августа 1943 г. в составе бригады Маркова. Командиром назначили Бутинаса (настоящее имя Зэрах Раговский), уроженца Литвы, заброшенного с парашютом на оккупированную территорию. Глазман стал начальником штаба. При своём возникновении отряд насчитывал 70 бойцов. После присоединения членов ОПО и евреев, живших в лесу, отряд вырос до 250 человек. Не хватало оружия, кроме того, в отряде оказалось много женщин. Несколько недель спустя Марков вместо Бутинаса назначил командиром Бумке Боярского, еврея из Днепропетровска, отличившегося в боях. Бойцы «Мести» учавствовали в ряде операций бригады, в том числе в нападении на местечко Мядель.[41]

В штаб «Мести» поступила информация о решении секретаря Областного комитета Климова, в то время находившегося в Нарочских лесах, расформировать еврейское подразделение. Глазману стало известно, что Зиманас уходит в леса Рудники, и что членам ОПО, оставшимся в Вильнюсе, приказано уходить туда же. Глазман предложил Зиманасу направить в Рудницкие леса передовой отряд из бойцов «Мести» для подготовки базы. Целью Глазмана было спасение «Мести» от расформирования и переход под командование литовской бригады, что позволило бы собрать всех членов ОПО в лесах Рудники. Зиманас отказался. Глазман, чьё положение начальника штаба пошатнулось после назначения Бумке Боярского командиром отряда, перешел вместе с 20 членами ОПО в литовскую бригаду «Жальгирис», база которой осталась в Нарочских лесах.[42]

Отряд «Месть» просуществовал всего около семи недель. 23 сентября 1943 г. на базу отряда прибыли Марков и Климов и приказали бойцам построиться. Рядом построился партизанский отряд «Комсомольский». В речах, произнесенных перед бойцами, Марков и Климов объявили о роспуске «Мести», о включении бойцов, имеющих оружие, в отряд «Комсомольский» под командованием Сауловича и о формировании из части остальных бойцов «Мести» производственной группы специалистов для обслуживания партизанских отрядов. Эту группу снабдили некоторым количеством оружия. О судьбе прочих членов отряда «Месть», составлявших большинство, не было сказано ни слова. Стало понятно, что их бросают в лесу на произвол судьбы и без оружия.[43] Моше Калхайм, очевидец, свидетельствовал:

«Марков (или Климов, я точно не помню) сообщил, что Центральный штаб партизанского движения решил расформировать еврейский отряд «Месть», так как у советских партизан нет места для отдельной национальной еврейской группы, и евреи обязаны вступать в партизанские отряды соответственно имеющимся в Советском Союзе республикам и национальностям, а именно, как белорусы, литовцы, украинцы и другие. Это сообщение нас как громом ударило. Мы не способны были осознать, что еврейский отряд будет расформирован по приказу сверху. Но самое страшное еще ждало нас впереди, когда Володька (Саулович), он с помощниками разоружили еврейских партизан и передали это оружие неевреям, которые, как и мы, только недавно пришли в лес из окрестных местечек... Более того, Володька по одному «приглашал» в свою землянку партизан – евреев и силой заставлял снимать часы и золотые кольца, а также кожаные и меховые пальто, утверждая, что все это требуется на нужды партизанского движения. На следующий день мы увидели, что члены штаба и некоторые партизаны носят снятые с евреев часы, кольца, кожаные и меховые пальто».[44]

Действительно, советские партизаны делились согласно оккупированным республикам на белорусских, украинских и т.д. Такой принцип не позволял существовать отдельным еврейским отрядам. Это вместе с фактом отсутствия у большинства бойцов «Мести» военной подготовки, в отличие от других групп, в чьих рядах воевало много бывших военнопленных, возможно, и оправдывало ликвидацию «Мести». Но способ расформирования еврейского отряда нанес обиду людям, пришедшим в лес с желанием бороться. А самым ужасным стал результат: людей бросили в лесу без оружия, тем самым приговорив их к голоду и гибели во время немецких облав. Многие из них и погибли при облаве, начавшейся с Нарочских и затем переместившейся в Козянские леса в конце сентября 1943 г.[45]

Партизанское командование в Нарочских лесах вовремя обнаружило подготовку немцев к облаве и приказало отрядам двигаться на север в Козянские леса и на восток в районы Докшицы и Лепеля. Более 200 бойцов расформированной «Мести», среди них члены так называемой «продовольственной группы», просили командира отряда «Комсомольский» Сауловича взять их с собой, но он отказался и даже приказал дать предупредительные залпы по тем немногим, кто пытался идти вслед за отрядом. Оставленные бойцы «Мести» и другие находившиеся в лесу евреи вынуждены были искать убежище в болотистой местности, и немногие из них сумели выжить, а от 100 до 200 человек погибли во время облавы. Зиманас приказал Глазману с 35-ю партизанами–евреями уходить в Козянские леса, где еще по-прежнему находилось небольшое число бойцов литовской бригады. 8 октября 1943 г. немцы окружили по дороге группу Глазмана и все, кроме одной девушки, пали в бою.[46]

После окончания облавы, во второй половине октября 1943 г., в Нарочские леса вернулась бригада им. Ворошилова, а оставшиеся в жи-

вых евреи образовали несколько семейных лагерей. Марков в своей бригаде снова создал производственный отряд из евреев.[47] Сброшенное с парашютов оружие, доставленное из советского тыла, позволило еврейской молодежи, проживавшей до того в семейных лагерях, присоединиться к партизанским отрядам, и многие из них отличились в боях. Одним из известных партизан этих лесов был Исаак Блат из Глубокого, командир разведгруппы отряда им. Чапаева, павший в бою в начале 1944 г. при нападении на немецкий гарнизон. А еврейская молодежь из отряда «Вильнюс» бригады «Жальгирис» провела ряд успешных операций по минированию железнодорожных путей на участке Вильнюс – Двинск и пустила под откос немало поездов.[48]

Общее число партизан Вилейского областного соединения в Козянских и Нарочских лесах насчитывало 12.000 человек, кроме них в районе Вилейки действовали еще 600 партизан, не подчинявшихся партизанскому областному соединению. Около 900 партизан соединения были лицами других национальностей.[49] Используя «минский образец» расчёта, можно утверждать, что 700–760 из них были евреями. Если к ним прибавить число погибших, можно оценить количество еврейских партизан Вилейской области в 950–1.100 человек. Согласно расчетам 900–1.300 евреев нашли пристанище в семейных лагерях в лесах Вилейской области. Многие из жителей семейных лагерей погибли во время немецких облав, часть пала жертвой «диких» банд, и лишь нескольким сотням удалось спастись.

Г. РУДНИКИ И НАЧСКИЕ (НАЧА) ЛЕСА

Рудницкие леса в 50 км к югу от Вильнюса занимали территорию в 2.500 квадратных километров. Их пересекало шоссе Вильнюс – Гродно. Примерно в 40 км к юго-западу от Рудницких лесов, на границе между Литвой и Белоруссией находились Начские леса примерно той же площади. Население этих мест было в большинстве своем литовским и польским.

Деятельность советских партизан в Рудницких лесах началась только летом 1943 г., когда здесь обосновалась спецгруппа парашютистов. Передовой отряд советских литовских партизан под командованием М. Мицейки (кличка «Гаврис») пришёл в Рудницкие леса в начале сентября 1943 г. из Нарочских лесов с целью подготовить базу для южного штаба советских литовских партизан под командой Зиманаса.

Первыми еврейскими партизанами в Рудницких лесах стали около 70 подпольщиков, пришедших из Вильнюса в первой половине сентября 1943 г. после акции 1–4 сентября. Группу, в которой только треть которой имела оружие, возглавлял Натан Ринг, офицер полиции гетто. Свою базу члены группы основали недалеко от базы десантников, хотя последние и отклонили просьбу евреев присоединиться к ним, мотивируя отказ невозможностью принять в свои ряды почти безоружных мужчин и женщин.

В конце сентября 1943 г. в Рудники пришли 70–80 подпольщиков, покинувших гетто в день его ликвидации 23 сентября. Их возглавляли

Аба Ковнер и коммунистка Хейна Боровская. Они обосновались на базе первой группы – теперь там собралось примерно 150 евреев. Ковнер и Боровская предложили «Гаврису» создать отряд, подчинённый советскому литовскому партизанскому движению. «Гаврис» взял группу под свое командование, однако отложил принятие решения об организации еврейского подразделения до прихода Зиманаса в Рудники. Он назначил Ковнера командиром лагеря вместо Ринга: его прошлое членство в правой организации Бейтар, а затем служба в полиции гетто наверняка повлияли на решение «Гавриса».[50] Боровская была назначена политическим комиссаром. В октябре посланные из леса проводники привели из лагеря Кайлис и из других лагерей в окрестностях Вильнюса новые группы, и число людей в еврейском лагере достигло 350.

Для повышения эффективности командования и контроля еврейский лагерь разделили на четыре отряда: «Месть» под командованием Абы Ковнера, «За Победу» под командованием Шмуэля Каплинского, «Смерть фашизму» под командованием Якова Правера и «Борьба» под командованием Арона Ароновича. Увеличение числа людей вызвало серьезные проблемы со снабжением продуктами питания, и возникла необходимость выделить значительные силы на «экономические» операции. Они здесь были труднее и опаснее, чем в других местах, по ряду причин: лес пересекали пути сообщения, по которым шло оживленное движение немецкой армии; литовское и польское местное население враждебно относилось к советским партизанам и в большинстве своем было настроено антисемитски. С усилением партизанской деятельности в ряде сел появилась «самооборона» из местных жителей, которых немцы снабдили оружием для защиты сел от партизан.

Первые погибшие из еврейских отрядов пали во время «экономических» операций. Со временем еврейские отряды приобрели боевой опыт и проводили диверсии на дорогах, мостах, подрывали электрические и телефонные столбы, а также отбирали у местных крестьян оружие. Кроме того, велись операции возмездия пособникам оккупантов, участвовавшим в уничтожении евреев.[51]

С приходом в Рудники в середине октября 1943 г. Зиманас получил командование над всеми партизанскими группами, подчиняющимися штабу советского литовского партизанского движения на юге Литвы. Одним из первых его распоряжений стал приказ о прекращении притока групп евреев из Вильнюса, приходивших в лес без оружия. То был серьезный удар по делу спасения евреев и попыткам увеличить число еврейских партизан силы в Рудницких лесах. Зиманас не аргументировал свое распоряжение, однако логично предположить нежелание советского литовского партизанского движения допустить, чтобы большинство его членов были евреями. Число примкнувших к партизанам литовцев из местного населения было тогда очень невелико. Рост количества евреев и идентификация этого движения как еврейского усиливали отрицательное отношение к нему местных жителей.[52]

В начале ноября 1943 г. положение в Рудницких лесах осложнилось, когда после неудачного ухода в леса Августова подпольщиков из Кау-

насского гетто Зиманас позволил руководителям подполья гетто привести своих людей в Рудники. После этого число евреев стало расти со всеми вытекающими отсюда изменениями национального состава советского литовского партизанского движения. Исправляя положение, и с целью расширить поле деятельности партизан на юге Литвы, Зиманас решил перебросить два еврейских отряда в Начские леса.

Евреи и еврейские семьи стали приходить в Начские леса уже весной – летом 1942 г., большинство из Радуньского гетто, ликвидированного в мае 1942 г., а также из гетто Лиды, Эйшишкеса, Воронова и других. В марте 1943 г. в Начские леса пришёл отряд партизан Антона Станкевича, который взял под свое командование отдельные группы бывших военнопленных, обитавших в лесу, а также вооруженных евреев, и создал партизанский отряд «Ленинский Комсомол». В октябре 1943 г. немцы провели в лесу широкомасштабную облаву. «Ленинский Комсомол» понес большие потери – лишь немногим удалось ускользнуть в другие леса. Абсолютное большинство евреев, находившихся в семейных лагерях, погибло либо в ходе этой облавы, либо в облавах, проведенных ранее, летом 1943 г.[53]

Как выше сказано, два еврейских отряда, «Смерть фашизму» и «Борьба», отправились по распоряжению Зиманаса в Начу для подготовки базы. Им сообщили, что там уже действуют базы других советских партизан. День выхода назначили на 3 ноября 1943 г. В отрядах было 111 бойцов, треть из них женщины, и только 13 имели оружие. Командовал Берл Шершневский, коммунист и в прошлом член ОПО. После нескольких дней пути партизаны достигли цели и оказались в местности, заселенной враждебным к евреям населением, без достаточного оружия и без радиосвязи со своей бригадой. Советских партизан здесь не оказалось – они покинули лес во время облавы в октябре 1943 г. В середине декабря группе пришлось вернуться в Рудники . Начский план – как и неудачный поход в леса Августова леса – провалился по вине партизанского командования, возложившего непосильную задачу на людей без нужной подготовки и оружия. Даже отряд «Ленинский Комсомол» не смог продержаться в Начских лесах из-за враждебности местного населения и немецких облав, и ушёл оттуда.

Неудача Начского похода стала поводом для переформирования чисто еврейских отрядов. В начале 1944 г. к двум вернувшимся из Начи отрядам присоединили десятки нееврейских партизан, а их командиров заменили литовцами. В начале весны командирами и двух других еврейских отрядов, «Месть» и «За Победу», вместо Ковнера и Каплинского стали неевреи, а их личный состав пополнили десятками неевреев.[54]

Как и в лесах Нарочи, партизанское командование возражало против существования чисто еврейских отрядов в Рудники лесах. Зиманас, однако, не бросил большинство людей в лесу на произвол судьбы, как сделали с «Местью» в Нарочи, а распределил их по другим, многонациональным отрядам и заменил командиров русскими и литовцами, лучше подготовленными и с бóльшим военным опытом. В отрядах,

большинство бойцов которых по-прежнему были евреями, укрепилась дисциплина и возросла боеспособность; увеличилось количество оружия и его качество, а партизанские операции стали обширнее.[55]

Центральный штаб партизанского движения в Москве, узнав о существовании сотен еврейских партизан в Рудницких лесах, заинтересовался этим. 16 октября 1943 г. Центральный штаб направил командиру советского литовского партизанского движения Антанасу Снечкусу (его штаб тоже находился в тылу) совершенно секретное послание за подписью заместителя начальника Центрального штаба комиссара госбезопасности Бельченко и начальника разведывательного отдела полковника Анисимова. Они писали:

«По имеющимся у нас данным, в Рудницких лесах находятся около 300 евреев, бежавших из Вильнюсского гетто. Группа эта вооружена и считает себя еврейским партизанским отрядом. Свое оружие они достали путем покупки у полиции. Просим проверить, с помощью ваших партизан, верность этой информации и доложить нам».[56]

Снечкус немедленно, 17 октября 1943 г., ответил:

«...По имеющимся у нас данным, которые были сообщены вам в отчете контрразведки №11 от 8 октября 1943 г., около 200 евреев, бежавших из гетто в Вильнюсе, связались с нашими партизанскими отрядами в Рудницких лесах. Этот еврейский партизанский отряд находится под командованием нашей оперативной группы. Нам передали, что еврейский партизанский отряд имеет мало оружия, но у нас нет информации о том, каким путем оно получено».[57]

Центральный штаб не удовлетворился таким ответом и запросил дополнительную информацию. В письме Снечкусу от 3 ноября 1943 г. штаб потребовал «поручить оперативной группе, действующей в лесах Рудники, добыть и сообщить данные о еврейском партизанском отряде». В итоге, после получения из штаба Зиманаса дополнительных сведений, 15 ноября 1943 г. в Центральный штаб партизанского движения ушёл еще один отчет:

«В сентябре 1943 г. в нашу группу из Вильнюсского гетто пришли 100 евреев, из них 20 женщин. Они были вооружены близкобойным оружием. За ними пришли еще 97 евреев. 24 сентября немцы окончательно ликвидировали гетто. Пришедшие из гетто люди организованы в четыре партизанские отряда, в каждом из которых по 65 человек. Фамилии командиров отрядов: Аронович, Бранд, Ковнер и Каплинский; комиссары – Юдайтис и Боровская. 4 октября группа из еврейского отряда разрушила телефонно-телеграфную связь на участке в 4 км».[58]

Из этой переписки понятно, что оперативная группа «Гавриса», находившаяся в Рудницких лесах, еще в конце сентября – начале октября 1943 г. поспешила отправить в литовский партизанский штаб отчет о приходе в лес вооруженных евреев. Информацию передали в Центральный штаб советского партизанского движения. Результатом стало письмо от 16 октября, в котором чувствуется настороженное отноше-

ние к бежавшим из Вильнюса евреям: за словами «Свое оружие они достали путем покупки у полиции» просматривается подозрение евреев в связи с немецкой полицией. Штаб литовских партизан это подозрение не опроверг, а предпочел написать «у нас нет информации о том, каким путем оно [оружие] получено». Переписка, а также радиопереговоры на эту тему наверняка продолжались, но мы такими документами не располагаем. Можно предположить, что распоряжение о расформировании еврейских отрядов в Рудницких лесах стало либо результатом указаний из центра, либо решением командования в Рудницких лесах, которое поняло желание вышестоящего начальства.

В конце ноября 1943 г. в Рудницкие леса начали приходить каунасские подпольщики, и до мая 1944 г. их собралось около 200 человек. Большинство включили в отряды «Вперед» и «Смерть оккупантам», являвшиеся подразделениями Каунасской партизанской бригады. Каунасских евреев не ждала сердечная встреча. Вот как описал свой приход в отряд «Смерть оккупантам» Нехемия Эндлин: «…нас встретили командир Костя Радионов и комиссар Дима Давыдов такими словами: *«Зачем вы пришли сюда – прятаться от врага или бить его? С пустыми руками? Такое оружие как ваше годится для самоубийства, а не для борьбы с врагом».* Мы не ожидали такой встречи и очень обиделись».[59] Подобное отношение к евреям со временем изменилось благодаря их участию в военных операциях, приобретенному партизанскому опыту, а также общей судьбе.

Взаимоотношения евреев с партизанами Рудницких лесов омрачило событие, происшедшее в ноябре 1943 г. Шесть евреев, которые прежде в гетто служили полицейскими, были расстреляны. Решения о расстрелах в партизанских подразделениях принимались совершенно своевольно командирами отрядов и «спецотделами» при штабах бригад. Людей расстреливали за сон на посту, за потерю оружия и за невыполнение приказа, часто не учитывая обстоятельств.

Спецотделом Вильнюсской бригады в Рудникой пуще командовал литовец Станкевич. Расстрелянные бывшие полицейские гетто Натан Ринг и его товарищи в прошлом были членами антикоммунистической организации Бейтар. Их обвинили в сотрудничестве с Сипо во время проводимых в гетто акций и в том, что они являются агентами гестапо. Без какого-либо расследования Станкевич вынес им смертный приговор. Их не просто расстреляли: вместе с другими бойцами они получили приказ отправиться на выполнение партизанского задания и были убиты своими товарищами по дороге. Казнь, в особенности Натана Ринга, отличившегося в боевых операциях и пользовавшегося уважением среди еврейских партизан, вызвала у последних бурную реакцию: многие считали наказание несправедливым. В своей речи перед бойцами отряда Аба Ковнер оправдал этот приговор и подчеркнул, «что нет прощения тем, кто сотрудничал с врагом в его преступлениях перед еврейским народом».[60]

Вследствие реакции еврейских партизан и после обращения Ковнера и Боровской к Зиманасу приговоры бывшим еврейским полицей-

ским, находившимся в отрядах, больше не выносились. Случаи казни бывших еврейских полицейских по недоказанному и нерасследованному обвинению были исключением в жизни еврейских партизан в лесу, и их следует рассматривать с учётом тогдашних обстоятельств, когда потеря ближайших родственников была слишком свежей раной, и люди искали виновных; а человеческая жизнь не имела ценности.

В Рудникой пуще не создавались семейные лагеря, так как там практически не оказалось их обычного населения – детей, пожилых людей и семей. Евреи, пришедшие из Вильнюсского и Каунасского гетто, были молодыми людьми, и их приняли в различные отряды, даже безоружных.

Осенью 1943 г. и в начале 1944 г. советские партизаны Рудницких и Начских лесов были вынуждены противостоять в дополнение к немцам еще одному врагу – Армии Крайовой (АК), вооруженным формированиям польского правительства в изгнании. Это правительство считало Западную Белоруссию и Западную Украину, аннексированные СССР в 1939 году, частью Польского государства, которое воссоздастся после поражения Германии. Деятельность АК на этих землях и её сила должны были выражать их принадлежность к Польше. Еще во второй половине 1942 г. небольшие отряды АК начали появляться здесь, но её активность особенно возросла в осенние месяцы 1943 г. и весной 1944 г. В районе Новогрудка АК насчитывала 7.400–8.000 бойцов в боевых подразделениях, и вдвое больше в резерве организованных подпольных ячеек в городах и сёлах.[61] Их основные базы располагались в лесах и селах по берегам реки Неман, где проживало значительное польское население.[62]

С приближением Советской Армии к Белоруссии в октябре–ноябре 1943 г. командование АК приступило к операции «Бужа» (буря) с целью захвата сельских районов Западной Белоруссии до прихода туда советских войск. Для этого польским партизанам требовалось вытеснить оттуда советских партизан.[63] Для противостояния Армии Крайовой советские партизанские подразделения во второй половине 1943 г. были передислоцированы из восточной части Белоруссии в западную, чтобы укрепить там свои силы. Прошли бои между советскими партизанами и АК, еврейские партизаны Рудницких лесов принимали участие в боях против АК и понесли тоже потери.[64]

Люди АК видели в евреях просоветский элемент и поэтому, а также из антисемитских соображений убивали тех, кто попал в их руки.[65] Командир 850 бойцов АК в районе Столбцов на востоке от Новогрудка и в Налибокской пуще Адольф Пилх по прозвищу «Гура» писал, что с декабря 1943 г. по июнь 1944 г. его люди убили около 6.000 «большевиков».[66] Цифра много завышена, но тем не менее можно предположить, что немалый процент этих убитых – евреи, в которых бойцы АК видели «большевиков». В донесениях Сипо с территории Литвы упоминаются случаи убийства евреев «польскими бандами». В рапорте от 18 декабря 1943 г. написано:

«14 декабря 1943 г. в 14:00 польская банда из села Мицконай сель-

совета Канниава арестовала банду из восьми евреев, находившуюся у одного из крестьян. Эти евреи были расстреляны поляками". А в донесении от 1 апреля 1944 говорится: "В ночь с 24 на 25 марта 1944 г. польские бандиты застрелили 12 евреев в селе Борунай сельского совета Куцевичай. Один еврей был найден повешенным».[67]

В условиях малой войны между советскими партизанами и АК создалась ситуация, когда у немецких властей и АК образовался общий враг и появилась общая цель – борьба с советскими партизанами. Это повлекло за собой ряд встреч между заинтересованными сторонами в начале 1944 г. Местные немецкие власти, люди из СС и Абвера вступили в переговоры с некоторыми командирами подразделений АК, действовавших в Вильнюсской и Новогрудской областях. 16 февраля 1944 г. вступило в силу соглашение, по которому фактически между обеими сторонами установилось состояние перемирия. В соглашении оговаривались зоны действия АК без вмешательства немцев, которые должны были обеспечивать части АК оружием, боеприпасами, и медицинской помощью раненным бойцам АК в немецких военных госпиталях. В немецких документах, в которых речь идет о соглашении, указывается, что АК борется с «иудео-большевистскими бандами».[68]

Кровавые стычки между подразделениями АК и советскими партизанами происходили в разных местах, в частности, в Рудницких лесах, которые поляки хотели удержать в своих руках, и продолжались они до прихода Советской Армии в июле 1944 г. Время от времени возникали и контакты между советскими партизанами и АК, при которых достигалось временное перемирие в отдельных местах.

В Рудницких лесах находилось всего 600–700 еврейских партизан, в большинстве выходцев из Вильнюсского и Каунасского гетто. У нас нет данных об общем числе партизан в Рудницких лесах, но можно предположить его равным 1.700–2.000, тогда евреи составляют среди них 30–40%.[69]

Д. ЛЕСА ВОЛЧЕЙ НОРЫ, НАЛИБОКСКАЯ И ЛИПИЧАНСКАЯ ПУЩИ

Налибокская и Липичанская пущи в центре Западной Белоруссии занимают тысячи квадратных километров и сливаются с лесами Койдановского района к югу от Минска. В нескольких километрах от границ пущи находятся Новогрудок, Лида и другие местечки, где проживали десятки тысяч евреев. Неман протекает по центру этого лесного массива, в него вливается река Щара.

«Дикие» банды и группы партизан без общего командования действовали здесь еще с весны 1942 г., партизаны организовались в отряды и бригады, хотя у них и не было связи с руководством в советском тылу. Перелом в партизанской деятельности произошел в марте 1943 г., когда в Налибокской пуще появился генерал Чернышев («Платон»), секретарь Областного комитета компартии. Он и его штаб стали высшей советской властью в этом лесном массиве, и постепенно под их контроль

попали все действовавшие там партизанские подразделения.[70]

С весны 1942 г., когда по Западной Белоруссии прокатились акции уничтожения, в Налибокскую пущу стали приходить евреи из Новогрудка, Лиды, Миор, Колдычева, Налибок и других населённых пунктов. Кроме того, после скитаний по другим лесам в пуще оказались сотни евреев из Минского гетто. В Липичанскую пущу стекались евреи из Дятлова, Белицы, Козловщины, Новоельни, Молчада и Деречина, а также из рабочего лагеря в местечке Дворец. Некоторые, в основном молодежь, будучи членами подполья, покидали гетто организованно и имели оружие. Их принимали в партизанские подразделения, и они участвовали в военных действиях. Семьи, включавшие женщин, детей и стариков, а также молодежь, не принятую в отряды, создавали семейные лагеря. Жизнь евреев в этих лесах не отличалась от жизни евреев в Козянских и Нарочских лесах. Особенностью Налибокской пущи были большие семейные лагеря Тувии Бельского и Шолома Зорина, ставшие как бы еврейскими местечками в лесу, центрами жизни и коллективной деятельности евреев.

Семейный лагерь Тувии Бельского начался с поисков способа спасения семьи Бельских из деревни Станкевичи в окрестностях Новогрудка. Тувия Бельский и его братья Асаэль, Зусь и Арчик, а с ними и другие родственники – дети, женщины и старики, не пошли в Новогрудское и Лидское гетто, но с конца 1941 г. стали бродить по деревням и лесам в поисках убежища у знакомых крестьян. Их родители и часть родственников погибли в Новогрудке во время акции 7 декабря 1941 г. В мае 1942 г. родня Бельских, 30 человек, собралась вместе в Бочковичских лесах Новогрудского района. Часть людей была вооружена, командиром избрали Тувию, старшего из братьев.

Тувия был прирожденным вождем, смелым человеком внушительной внешности. Тувия стремился увеличить число членов отряда, как по соображениям безопасности, так и ради спасения большего числа евреев, несмотря на то, что с увеличением их количества добыча продуктов питания превращалась в серьезную проблему. Асаэля Бельского поставили начальником вооруженных членов группы, обязанных охранять лагерь и доставать пищу и оружие. Начальником штаба стал Лазарь Мальвин, обладавший военным опытом, приобретенным во время службы в польской армии. Проводники из отряда проникли в Новогрудское гетто и привели оттуда в свой лагерь людей. Слухи о лагере Бельского, в который принимают бежавших евреев, достигли гетто Лиды и других местечек, а также ушей тех, кто бродил по лесам или прятался по деревням, и они тоже потянулись в лагерь. К концу лета 1942 г. в лагере собралось 200–250 человек. Вооруженные бойцы из лагеря Бельского проводили диверсионные операции на используемых немцами транспортных путях, а также мстили полицаям и участникам убийств евреев.[71]

Постоянно растущий лагерь требовал добычи продовольствия. Деревни в Западной Белоруссии были, как правило, бедными. Советские партизаны тоже существовали за счет изъятия продовольствия у крес-

тьян. Сельское население, невольно смирившись с конфискациями, проводимыми немцами и советскими партизанами, оказывали сопротивление приходившим за продовольствием евреям. Поэтому, а также из-за антисемитизма участились случаи доносительства властям на то, что в пуще находятся евреи, а также жалобы советским партизанам, что евреи «грабят» крестьянское продовольствие и поэтому для партизан его не остается. Как следствие, многие партизаны считали евреев в семейных лагерях «паразитами».

Летом 1942 г. Тувии Бельскому стало известно о том, что партизанский отряд Виктора Панченкова, которому крестьяне нажаловались на еврейских «грабителей», собирается уничтожить его лагерь. Тувия договорился о встрече с Панченковым и убедил его в том, что он и его люди являются обычной партизанской группой, воюющей с немцами, и даже договорился о сотрудничестве во время боевых операций.[72] Бельский описал эти совместные военные действия:

> *«16 октября 1942 г. мы произвели совместную боевую операцию на шоссе Новогрудок – Новоельня, выразившуюся в засаде на немецкую жандармерию, в результате которой нами была уничтожена автомашина, взяты трофеи: 2 ручных пулемета, три винтовки… Еще ранее, 20 сентября, было совершено нападение на железнодорожный разъезд Яцуки на линии Барановичи – Лида, где было убито 4 и ранено 7 немцев… 8 декабря 1942 г. была организована засада на железнодорожный обход на участке Яцуки – Новоельня, где было убито два немца и взяты трофеи… Осенью 1942 г. был сожжен на станции Новоельня лесопильно-сушильный завод с большим запасом дерева. И на район сожжено восемь имений со всеми запасами зерна».*[73]

Главным делом своей группы Тувия Бельский считал предоставление евреям из гетто убежища и защиты от оккупантов и бродящих по лесу «диких» банд. Участие членов отряда в военных операциях против немцев ему представлялось хоть и важной, но второстепенной задачей. Многие еврейские партизаны не соглашались с ним и считали, что борьба с немцами важнее спасения евреев. Одному из отличившихся еврейских бойцов Баруху Левину на его утверждение, что долг евреев – бороться с немцами, и что «смысл нашей жизни – это месть», Бельский ответил: «Именно потому, что нас осталось так мало, для меня важно, чтобы евреи оставались жить. И в этом я вижу свою цель, это самое важное».[74]

Зимой 1942–43 гг. лагерь Бельского, насчитывавший тогда 200–250 человек, расположился в Забеловском лесу в районе Новогрудка. В ноябре 1942 г. в лагерь из Новогрудского гетто пришла группа из 40 человек, среди которых были женщины и дети. Из-за нехватки места в землянках и озабоченности, что зимой трудно будет добывать продовольствие, решили отправить этих людей в Липичанскую пущу. Там они вскоре после прихода погибли в одной из немецких облав.[75]

Опасаясь очередной облавы, в декабре 1942 г. люди Бельского ушли в Харпиньевский лес неподалёку от местечек Любча и Ивье. 5 января

1943 г. немцы застали врасплох одну из групп Бельского. Во время внезапного нападения погибло девять человек, среди них жена Тувии. После боя люди Бельского решили вернуться на свою старую базу в Забеловском лесу. Зимой немецкая и литовская полиции дважды нападали на лагерь, но евреи успевали скрыться.[76] В марте 1943 г. при «экономической» операции, в результате доноса одного из крестьян, погибли еще девять бойцов Бельского. В операции по возмездию, которой командовал Асаэль Бельский, этот крестьянин и члены его семьи были убиты, а хозяйство сожжено.[77]

Весной 1943 г. в лагерь стали прибывать евреи из Лидского гетто, и в течение шести недель отряд вырос с 250 до 750 человек – более 70% из них не имели оружия. В связи с этим в начале лета 1943 г. отряд перебрался в Ясеновский лес. 8 июня немецкие силы и местная полиция напали на лагерь, однако, благодаря заблаговременному предупреждению разведчиков, невооруженные жители лагеря успели уйти. Вооруженные бойцы Бельского прикрывали уходящих, во время разгоревшегося боя пятеро из них погибли. Согласно отчету Бельского, в перестрелке были убиты несколько немцев и местных полицаев.[78]

После этого боя и в связи с возросшим числом жителей лагеря было принято решение перебраться в Налибокскую пущу, которая намного превосходила своими размерами леса в окрестностях Новогрудка и контролировалась партизанами. Передислокацию проводили с разрешения генерала Чернышева. После трудного и опасного перехода, продолжавшегося несколько недель, во второй половине июня 1943 г. люди Бельского добрались до Налибокской пущи. Вскоре немцы начали большую облаву, названную «Герман» и продолжавшуюся с 13 июля по 11 августа. Группа Бельского нашла убежище в большом лесном болоте, и ее люди спаслись.[79]

Во время облав многие партизанские группы распадались, дисциплина ослабевала, что приводило к злонамеренным действиям против евреев в лесу. По окончании облавы и реорганизации партизан группу Бельского разделили на две части: большинство бойцов, около 100 человек, присоединили к отряду им. Орджоникидзе бригады им. Кирова, остальные под командованием Тувии были официально признаны семейным отрядом, названным именем Калинина, и стали напрямую подчиняться штабу Чернышева. Тогда же Чернышев назначил Ивана Шлятовича комиссаром отряда. Отряд им. Калинина занимался обслуживанием партизанских подразделений района. Бельский вспоминал:

«На базе были построены мастерские, в которых работало свыше 200 человек специалистов, как то: сапожники, портные, столяры, слесари, оружейники, кожевники, колбасники, шапочники; мельница, хлебопекарня, кузница и другие цеха, обеспечивающие всем возможным другие отряды и бригады, находящиеся поблизости в Налибокской пуще. Услуги эти были важны для партизан, и в обмен на них отряд обеспечивался продовольствием, оборудованием и материалами, необходимыми для мастерских».[80]

В лагере также действовала школа, в которой обучалось 60 детей.

Лагерь Бельского продолжал принимать евреев, бежавших в леса, а также еврейских партизан, от которых, из-за антисемитизма или по другим причинам, решили избавиться их командиры. В июне 1944 г., когда Советская Армия пришла в эти места, в отряде находилось 1.000 – 1.200 человек. Это было настоящее еврейское местечко в лесу, даже с собственным кладбищем.[81]

В условиях леса строгая дисциплина была необходимостью, и за серьезные проступки людей судили и даже казнили. Еврей из Лиды по фамилии Бялоброда, приходя в деревни, грабил ценные вещи, его судили и расстреляли. Другой еврей из отряда Бельского, Израиль Кесслер, сколотил вокруг себя группу людей и попытался, создав собственный отряд, отколоться от Бельского. Бельский счел это бунтом – Кесслера осудили и расстреляли, что вызвало недовольство некоторых членов отряда.[82]

Во время отступления немцев через Налибокскую пущу люди Бельского понесли потери. 9 июля 1944 г., когда вооруженные члены отряда отдалились от лагеря в поисках оккупантов, отступающее немецкое подразделение наткнулось на лагерь. 11 евреев были убиты. Услышав стрельбу, бойцы отряда поспешили вернуться в лагерь, затем догнали напавших на лагерь немцев и атаковали их.[83] Партизанское командование расформировало отряд Бельского в июле 1944 г., спустя несколько дней после его прихода в освобожденный Новогрудок.

Другой семейный лагерь Налибокской пущи, где находились сотни евреев из Минского гетто, был лагерем Шолома Зорина. Люди из Минска в основном уходили в лес Бурелом, расположенный в 40 км на юго-западе от города, в районе Койданова. Евреи из Минска, как правило, дети, женщины и старики, бродили по лесам в поисках убежища, и решение их проблем пришло с созданием семейного лагеря, куда брали всех, кого не приняли в отряды. Командиром семейного лагеря был назначен Шолом Зорин, партизанивший еще во времена Гражданской войны.

Зорин бежал из Минского гетто и вступил в отряд Пархоменко, где стал командиром подразделения разведки. Существует несколько версий истории создания зоринского семейного лагеря. По версии Смоляра, он и Наум Фельдман, который уже тогда занимал политическую должность в отряде им. Буденного, обратились к командиру отряда Семену Ганзенко и обрисовали ему трудности находящихся в лесу евреев, не принятых в партизаны. Ганзенко решил создать в Буреломе специальную базу для приема этих евреев.[84] В отчете Центральному Комитету компартии Белоруссии Смоляр писал:

«В район партизанской деревни Скриматово пришли в короткое время около 500 человек. С согласия областного комитета компартии Барановичской области, из всех вышедших из гетто людей были выбраны те, кто способен воевать, и из них был создан отряд Пархоменко. Из остального множества женщин, детей и стариков был создан 106 семейный отряд, командиром которого стал минский рабочий Шолом Зорин. Была создана особая группа детей–про-

водников… Эти проводники, а также проводники из отряда им. Кутузова (бригады им. Фрунзе) вывели из Минского гетто более 1.000 людей. Из них в 106 семейный отряд влились примерно 680 человек, а еще 200 были в отряде Пархоменко. Остальные были в отрядах Кутузова, Калинина и других отрядах Налибокской пущи».[85]

По другой версии инициатором создания лагеря был Зорин. Начальник штаба зоринского лагеря Анатоль Вертхайм пишет:

«Это как библейская история. Однажды пришел Зорин в одну деревню по заданию и видит трех или четырех детей, и он понял, что это еврейские дети. Когда Зорин подошел к ним, они испугались до смерти. Он начал говорить с ними на идиш: «Киндерлэх…» и тогда дети рассказали ему, что бежали из гетто и им некуда идти, и что в хлеве есть еще евреи… Зорин отправился к этим евреям и так снова столкнулся с еврейской трагедией. Они сказали ему, что по рассказам партизаны убивают бежавших из гетто евреев и они живут в страхе. Зорин обратился к своему командиру и сказал: «Есть 30–40 евреев, их надо привести в лагерь». Командир отказал в его просьбе, но Зорин стоял на своем и выдвинул идею: «Если вы не можете, то мы организуем еврейский лагерь и начнем спасать». И тогда ему дали на это добро».[86]

Отряд Зорина возник в апреле 1943 г., когда Налибокская пуща и находившиеся в ней партизаны уже находились под контролем организованного партизанского движения, и для создания отряда такого рода требовалось согласие его руководства. В документе от 3 октября 1943 г., касающемся зоринского отряда, написано: *«Пять месяцев назад партия и правительство поручили командиру отряда Зорину организовать семейный лагерь для сохранения жизней евреев – женщин, детей и стариков – мужья, отцы и сыновья которых борются за народную свободу на фронтах Отечественной войны».*[87] Отсюда вытекает, что основным аргументом в пользу создания лагеря, убедившим партизанское командование, был моральный долг перед семьями еврейских солдат, воевавшими на фронте.

Отряд Зорина зародился в лесу у деревни Скриматово. Поскольку база была слишком мала для сотен людей, командование партизанской бригады им. Сталина, контролировавшее область, решило, что отряду Зорина следует передислоцироваться в Налибокскую пущу. Переход состоялся в июне 1943 г. Отряд обосновался в северной части пущи, в Ивенецком районе, и не успел он устроиться на новом месте, как в середине июля началась большая облава. Отряд Зорина подобно отряду Бельского нашел убежище в болотистой части пущи, на островке Красная Горка. После снятия облавы отряд вернулся на прежнее место.

В ходе облавы немцы сожгли расположенные в лесах деревни и угнали их жителей, так что некому было собирать урожай с полей. Руководство партизан поручило уборку отряду Зорина. Рабочие бригады из членов отряда выполнили свою задачу, и урожай был передан партизанскому командованию.[88]

Евреи других партизанских групп, чьи командиры не хотели держать

их у себя, также отправлялись в лагерь Зорина. В документе, подписанном командиром бригады им. Фрунзе Ключко, сказано: «Командиру национального еврейского отряда, товарищу Зорину. На основании приказа [партизанского] командования Ивенецкого района в Ваше распоряжение поступают 28 евреев, из них 12 вооружены винтовками».[89]

Отряд продолжал расти. В отчете партизанскому командованию 1 января 1944 г. сказано, что в отряде находятся 556 человек, 280 из которых женщины. Партизанское начальство Ивенецкого района выделило отряду Зорина четыре деревни для проведения там «экономических» операций.[90] Рота из 50–70 вооруженных бойцов отряда осуществляла прикрытие при проведении «экономических» и боевых операций. Время от времени отряд выделял 30–40 человек для участия в операциях вместе с другими партизанскими подразделениями. По инициативе Зорина лагерь превратился в часть, обслуживающую другие партизанские подразделения. Вертхайм рассказывает:

«Этот простой еврей [Зорин] понял, что невозможно держать людей, которые ничего не делают. Он высказал мысль: те, кто не воюют, обязаны быть продуктивными для окружающих. Он понял, что эта продуктивность также поможет им сохранить человеческий облик. Он организовал очень большой госпиталь, в котором работало 13 врачей, а также медсестры. Этот госпиталь стал центральным для всей Налибокской пущи... Он создал портняжный кооператив, который обшивал партизан... Со всей пущи собирались парашюты и из них шили одежду. Были сапожники, оружейная мастерская, мельница, а также школа для детей... Среди партизан был распространен сильный антисемитизм... Когда возникли эти группы [Зорина и Бельского], отношения не улучшились. Но поскольку группы эти были организованными и находились в подчинении у главного штаба партизанского движения, и у них были такие же полные права как и у любого партизанского лагеря... это немного помогало в борьбе с антисемитизмом и теперь нам было к кому обратиться, если случались проявления ярого антисемитизма. Один такой случай произошел еще в 1943 г., когда поляки – польский легион – убили десять Зоринских партизан».[91]

В Налибокской пуще и близлежащих деревнях действовало большое подразделение АК «Польский Легион», насчитывавшее несколько сот человек. Командиром его был лейтенант Каспар Милашевский. Многие из его бойцов служили в Ивенецкой полиции, а затем, вступив в ряды подпольного подразделения АК, организованно бежали в лес в начале лета 1943 г. Эта польская группа включилась в советское партизанское движение и стала называться отрядом им. Тадеуша Костюшко – национального польского героя. Милашевскому и его людям удалось скрыть от советского командования свою принадлежность к АК и связь с её руководством. Когда летом 1943 г. ухудшились отношения между советскими партизанами и АК во всей Западной Белоруссии, партизанская разведка обнаружила связь отряда им. Костюшко с АК и узнала о польском национализме его членов.[92]

22 июня 1943 г. генерал Чернышев получил распоряжение ЦК компартии Белоруссии вести всеми средствами борьбу с буржуазно–националистическими польскими подразделениями и группами. 4 ноября Чернышев отправил начальнику Центрального штаба советского партизанского движения Пономаренко телеграмму с просьбой разрешить разоружение отряда им. Костюшко. Разрешение пришло14 ноября.[93] Момент был выбран в связи с убийством еврейских партизан легионерами отряда Костюшко. Что произошло?

17 ноября 1943 г. двенадцать партизан отряда Зорина отправились на «экономическую» операцию в район деревни Дубники, Ивенецкого района, имея с собой несколько лошадей с подводами для перевозки продовольствия. В то время в Дубниках находилась группа отряда им. Костюшко под командованием старшего сержанта Здислава Наркевича. Один из крестьян сообшил польской группе, что «жиды грабят» их имущество. Польские легионеры открыли огонь по людям Зорина, которые решили, что стрельбу ведут немцы. Люди Зорина отступили, оставив на месте лошадей с подводами и собранное продовольствие. Когда выяснилось, что нападающие были польскими легионерами, зоринские партизаны вернулись в Дубники и потребовали вернуть им подводы со всем их содержимым. Поляки, намного превосходившие зоринцев числом, напали на них, отобрали оружие и взяли под стражу, только один еврей сумел бежать. На следующий день поляки казнили 11 схваченных ими людей Зорина. Один из них, раненый, притворился мертвым, и после того, как поляки ушли с места расстрела, вернулся в лагерь Зорина, где он и первый убежавший рассказали о происшедшем.

Генерал Чернышев, который уже запланировал расформировать польский отряд, воспользовался убийством бойцов Зорина, как подходящим предлогом: ночью 30 ноября 1943 г. большие партизанские силы окружили базу поляков и на следующий день разоружили их. Часть бойцов, тех, кто были местными жителями, распределили по разным партизанским группам. Командиры польского отряда после следствия, продолжавшегося более трех недель, были осуждены партизанским судом по обвинению в создании польской националистической организации и в антисоветской деятельности. Уничтожение людей Зорина упоминалось в обвинении только одним предложением. Пять главных командиров, в том числе Милашевский, были отправлены с партизанского взлетного поля самолетом в Москву для продолжения следствия. Пять других командиров расстреляли. Наркевич и его люди, виновные в убийстве зоринцев, бежали, перешли на немецкую сторону и вместе с немцами воевали против партизан.[94]

С момента своего возникновения лагерь Зорина официально назывался еврейским семейным отрядом, но 25 марта 1944 г. штаб генерала Чернышева изменил название на «106 партизанский отряд».[95] Причина перемены названия непонятна – возможно, в этом выражалось признание заслуг лагеря и желание дать ему статус нормального партизанского отряда. Существование отдельных еврейских отрядов

противоречило политике советского партизанского движения, вследствие чего такие отряды в Нарочских лесах и Рудницкой пуще были расформированы. Расформирование зоринского подразделения породило бы проблему: что делать с теми его членами, которые не имели оружия – поэтому решение нашли в перемене названия.

Люди Бельского и люди Зорина встречались в лесу. Вертхайм свидетельствует: «Отношения были как между хорошими соседями. Лагеря иногда находились рядом… Командиры навещали друг друга, люди навещали друг друга… дружеские отношения».[96]

В начале июля 1944 г. во время отступления немецкой армии через Налибокские леса ее солдаты наткнулись на отряд Зорина. Во время разгоревшегося боя семеро зоринцев погибли, а сам Зорин был ранен и потерял ногу. 9 июля в зону действия отряда вошла Советская Армия, и отряд, насчитывавший тогда 558 человек, из которых 137 имели оружие, отправили в Минск, где его распустили.[97]

История спасения евреев в семейных лагерях Бельского и Зорина является исключением в жестокой действительности того времени. Успех был достигнут, прежде всего, благодаря лидерству «вышедших из народа» Бельского и Зорина. Оба они до прихода в лес ничего не возглавляли: Тувия Бельский был хозяином маленького магазина тканей, а Зорин столярничал. Они бежали в лес, чтобы спасти себя и своих родных и чтобы бороться с немцами–убийцами еврейского народа. Однако они не забыли о соплеменниках, заключенных в гетто и приговоренных к смерти, они осознавали участь евреев, голодных и безоружных, скитающихся по лесам, страдающих от партизан и «диких» банд и зависящих от милостей местных крестьян. Бельский и Зорин понимали, что необходимо собрать в отдельный лагерь, имеющий вооруженное ядро, способное к самообороне, всех тех, кого не приняли в партизанские отряды. Они также знали, что партизанское командование разрешит их существование в лесах и снимет с них кличку «дармоедов» только при выполнении двух условий: вооруженные обитатели лагеря должны участвовать в боевых операциях против немцев (что совпадало с их собственными целями), а невоюющие жители лагеря должны обслуживать окружающие отряды. И действительно, благодаря их прозорливости генерал Чернышев и местные партизанские командиры стали рассматривать семейные лагеря как партизанские подразделения, имеющие право проводить «экономические» операции, без которых в лесу было не выжить. И большинство жителей лагерей Бельского и Зорина пережили оккупацию.

Положение еврейских партизан и жителей семейных лагерей в Липичанской пуще, юго-западнее Налибокских лесов, было особенно тяжелым в связи с ее географической особенностью. Липичанская пуща относится к наиболее западным лесным зонам действия организованных советских партизан. На ее территории пересекались шоссейные и железнодорожные пути из Белостока в Минск и из Барановичей в Лиду и Вильнюс. Они являлись основными путями сообщения немецкой группы армий Центр, и деятельность партизан здесь подвергала их

опасности. Поэтому немецкие облавы в Липичанской пуще проводились чаще, чем в других лесах.

В Липичанской пуще со второй половины 1942 г. действовало несколько партизанских отрядов. В декабре 1942 г. они объединились в бригаду им. Ленина, находившуюся, как и другие подразделения Липичанской пущи, под общим командованием генерала Чернышева.

Первые еврейские партизаны пытались обосноваться в Липичанской пуще уже весной 1942 г. Во второй половине апреля 1942 г. в этих лесах появился д-р Дворецкий с группой подпольщиков Дятловского гетто. Несмотря на гибель здесь его и некоторых из его людей от рук «дикой» банды, бегство из Дятлово в лес продолжалось и достигло нескольких сотен человек, включая тех, кто бежал в лес во время акции ликвидации гетто в августе 1942 г.[98] Выходцы из Дятлово организовали частично вооруженный еврейский отряд из 120 человек под командованием Герша Каплинского, одного из активистов подполья гетто. За два месяца самостоятельного существования отряда его бойцы достали дополнительное оружие и провели ряд операций возмездия местным пособникам немцев, которые выдавали оккупантам беглецов из гетто. В конце сентября отряд влился в ряды Орлянского партизанского подразделения (командир Николай Вахонин) и превратился в его третью роту. Люди Каплинского участвовали в нападении на немецкие гарнизоны и сельские полицейские участки. Венцом их деятельности стало участие в нападении на гарнизон местечка Руда Яворская в октябре 1942 г.[99]

В Липичанской пуще организовалось и действовало еще одно партизанское подразделение под командованием доктора Ехезкеля Атласа.[100] После ликвидации гетто в местечке Деречин в июле 1942 г. Е. Атлас объединил беглецов оттуда с евреями из Козловщины и Дятлова в партизанскую группу; она насчитывала вначале несколько десятков человек. Группа присоединилась к партизанскому отряду под командованием Бориса Булата. Командиры отряда отнеслись к евреям дружелюбно, они приняли в свои ряды еще десятки евреев, а также помогали семейным лагерям. В самом отряде евреи были поделены на взводы, и Атлас командовал одним из них. Евреи-партизаны из других отрядов старались попасть к Булату.

10 августа 1942 г. отряд Булата и другие местные партизаны атаковали Деречин. В бою участвовали Атлас и его люди, а также безоружные евреи, взятые на операцию для выноса раненых с места боя и для добычи трофейного оружия. В ходе операции были уничтожены местные полицейские и несколько немецких жандармов. Не обошлось без потерь и у партизан, среди убитых были и евреи. Спустя примерно две недели после этого нападения большие немецкие силы, включавшие литовское подразделение, начали облаву в лесу. Люди Булата вступили в бой, и обе стороны понесли серьезные потери. Тогда погибло десять бойцов взвода Атласа. Основными жертвами облавы стали жители семейных лагерей – более 100 евреев.[101] Атлас и его люди участвовали во многих боях, среди них нападение на Козловщину и диверсия на

мосту через Неман. Атлас удостоился высокой оценки со стороны партизанского командования.

Во время облавы, начавшейся 10 декабря и продолжавшейся две недели (операция «Гамбург»), партизанские подразделения вступали в бои с немецкими силами. В боях погибли десятки еврейских партизан, в том числе два командира еврейских подразделений, д-р Атлас и Г. Каплинский. Вместе с Каплинским погибли девять его людей.[102] После немецкой облавы, когда люди из отряда Орляны (его название тогда поменяли на «Борьба») снова вернулись в Липичанскую пущу в январе 1943 г., в еврейское подразделение вместо Каплинского и других евреев назначили русских и украинских командиров, и еврейский характер подразделения исчез.

Многие евреи сражались и отличились в отрядах «Борьба» и «Ленинский» (возник в июне 1943 г.), в частности, они участвовали в нападении на немецкие гарнизоны в Накришках и Дятлово и в других боях. Они также принимали участие в столкновениях с подразделениями АК, действовавшими в селах и лесах к западу от Липичанской пущи, где жило много поляков. Люди АК несколько раз нападали на семейный лагерь евреев из Белицы на северном берегу Немана. Число погибших евреев этого лагеря неизвестно.[103] До прихода в Липичанскую пущу Советской Армии в июле 1944 г. там в десятках партизанских отрядов продолжали сражаться сотни еврейских партизан.

Судьба тысяч евреев, собравшихся в семейных лагерях Липичанской пущи, была трагичной. Во время облавы, проведенной 10 декабря 1942 г., большинство партизан покинули пущу и на месте остались только евреи в семейных лагерях. Свидетельствует партизанка Мирская:

> *«Многие жители лагерей пали от рук убийц, оставшиеся бродили по лесу голодные, оборванные… с малыми детьми на руках… У детей отмерзали руки, а у взрослых от холода отнимались ноги. Такое положение продолжалось до конца декабря… Десятки еврейских семей были брошены на произвол горькой судьбы, они заболевали тифом, чесоткой, воспалением обмороженных рук и ног, люди падали в лесу, но мы не могли им помочь, так как командование запрещало навещать больных из страха перед распространением заразных болезней среди партизан. 28 января… я достала повозку с хлебом и привезла ее в Накришский лес для голодных и больных. Моим глазам открылась страшная картина: неподалеку от землянок выросло кладбище для детей и родителей, умерших от болезней и голода…»*[104]

В своих донесениях немцы указывали, что в операции «Гамбург» были убиты согласно одному отчёту 6.172 врага, из которых 2.988 еврея, по другому отчёту соответственно 6.874 и 3.658 евреев.[105] Таким образом, среди убитых партизан и сотрудничавших с ними крестьян почти половину составили евреи, абсолютное большинство которых – жители семейных лагерей. А многие пережившие немецкую облаву умерли затем от голода и болезней. Из еврейских семейных лагерей

Липичанской пущи уцелело очень мало евреев.

В центральном лесу лесного массива к югу от Слонима, Волчьей Норе, в партизанских группах находилось несколько сот евреев, большинство которых пришло из Слонима, Битня, Косово и других местечек во время акций истребления, прокатившихся там летом 1942 г. Начало партизанской деятельности евреев связано с приходом в лес подпольщиков из Слонимского гетто. Еще находясь в гетто, подпольщики установили связь с партизанской группой, возникшей в Рафаловских лесах, и помогали ей. В мае 1942 г. несколько партизанских групп, действовавших до этого самостоятельно, объединились в отряд им. Щорса под командованием Павла Пронягина.[106] Подразделения этого отряда получили название рот: 51, 52, 53 и 54 роты.

Десятки слонимских подпольщиков, многие с оружием, пришли в Рафаловский лес в июне 1942 г. и были приняты в 51 роту. Однако, из-за того, что евреи продолжали приходить в роту, большая часть ее нееврейских бойцов во главе с командиром перешла в другие подразделения, не желая находиться в отряде, где большинство составляют евреи. В конце июня 1942 г. после акции в Слонимском гетто в лес пришли еще несколько сотен евреев. Часть из них направилась в 51 роту, число бойцов которой за короткое время выросло до 150, а другие образовали семейный лагерь. В первой половине июля командир отряда им. Щорса П. Пронягин назначил командиром роты бежавшего из лагеря военнопленных капитана Ефима Федоровича, еврея, уроженца Гомеля. Так 51 рота стала еврейской. У отряда им. Щорса тогда не было связи со штабом партизанского движения, и командиры отряда не знали о стремлении штаба избегать создания еврейских партизанских частей.

После назначения Федоровича командиром 51 рота перешла в леса Волчьей Норы, территория которых намного превышала территорию Рафаловского леса. Будучи профессиональным военным, Федорович обучал своих людей военному делу и готовил к заданиям. В роте было четыре взвода, тремя из них командовали евреи, в том числе лейтенант Ефим Подольский. Бойцы роты собрали 45-миллиметровую противотанковую пушку из найденных ими запчастей.[107] Первой боевой операцией, в которой 51 рота участвовала наряду с другими партизанскими силами, стало нападение на местечко Косово 2 августа 1942 г. Это было крупнейшей партизанской операцией в здешних местах: в атаке участвовало около 500 партизан. В то время в Косово еще существовало небольшое гетто. Боец роты 51 Яков Шепетинский вспоминал:

«Наша рота получила задание достичь центра местечка и провести фронтальную атаку на здания полиции… Мы заняли позиции прямо напротив гетто… Узники гетто смотрят на нас через колючую проволоку… Мы врываемся в здание полиции. Федорович поднимает нас для захвата церкви, однако сильный пулеметный огонь вновь пригибает нас к земле… Подвозим пушку и направляем ее на церковь. Стреляем по ее окнам и башням. Партизаны врываются внутрь и сопротивление прекращается… Отряд оставляет город. Теперь

наша 51 рота в арьергарде. С нами уходят узники гетто. Молодежь, успевшая достать оружие, присоединяется к нам. Остальные поселятся в семейном лагере».[108]

Освобождение узников Косовского гетто – один из нечастых случаев, когда советские партизаны при выполнении своего задания попутно спасли евреев и предоставили им возможность уйти в лес. Кроме того, еврейские партизаны были одной из основных сил, принимавших участие в освобождении евреев из гетто. Большая часть косовских евреев, среди которых были и семьи, стала жить в лесу в семейных лагерях. Сведения о нападении на Косово достигли местечка Битень, где еще существовало небольшое гетто с несколькими сотнями евреев. До его окончательной ликвидации, произошедшей в августе и сентябре 1942 г., многие отсюда бежали в лес. Семейные лагеря евреев Битени и Косова находились под покровительством отряда им. Щорса. Косовский лагерь получил название «59 рота», а Битенский – «60 рота».[109]

Боевой путь 51 роты был длинным и стоил многих жизней. 10 августа 1942 г. рота участвовала в нападении на тренировочную базу местных полицаев в деревне Гвиновичи на северо-востоке от Битени. Когда после нападений на Косово и Гвиновичи в этот район подтянулись немецкие силы для проведения облавы в лесах Волчьей Норы, командование отряда им. Щорса решило уйти в Полесские болота. По пути на восток 51 рота участвовала в нападении на полицейский участок в деревне Чамыли, а 13 сентября 1942 г. – в тяжелом бою при переходе канала Огинского, около плотины номер 10. Многие бойцы роты тогда погибли и получили ранения, тяжело ранило и командира Федоровича. Он попросил своих товарищей застрелить его, чтобы прекратить муки. Бойцы кинули жребий, вытянувший его застрелил своего командира. Федоровича похоронили недалеко от места боя, командиром роты назначили лейтенанта Виктора Гузевского. Жизнь многих раненых бойцов отряда Щорса была спасена в полевом госпитале, возникшем среди болот, под управлением доктора Блюмовича.[110]

К концу сентября отряд Щорса добрался до болот Полесья на востоке от озера Вигонощин, а в октябре 51 рота участвовала в нападении на местечко Хотиничи. Со временем в ряды бойцов роты влились местные белорусы, и им пришелся не по душе ее еврейский характер. Евреи стали страдать от антисемитских выходок. Особенно отличался при этом начальник штаба отряда Карп Мерзляков. 20 октября 1942 г. Мерзляков построил роту и объявил, что из-за дисциплинарных нарушений со стороны некоторых бойцов роты из ее рядов исключаются более 30 еврейских партизан. То были люди, участвовавшие в боях и имевшие опыт партизанской борьбы. Нарушения, допущенные некоторыми еврейскими бойцами, были использованы начальством отряда Щорса для изгнания большой группы евреев и изменения еврейского характера роты. Отряд Щорса снялся с места и оставил изгнанных из роты, ошеломленных и потрясенных антисемитским отношением со стороны своих командиров, вместе с которыми они прошли долгий боевой путь. Только часть оставленных имела оружие. После долгих блужданий по

лесам и болотам изгнанники наткнулись на партизанский отряд под командованием Василия Васильева и были приняты в его ряды.[111]

В начале осени 1942 г. из советского тыла прибыл Алексей Клещев, уполномоченный Центрального Комитета компартии и партизанского штаба Белоруссии. Он подчинил себе партизанские отряды, действовавшие до этого самостоятельно в районе Полесья, в том числе и отряд Щорса. Клещев проводил советскую политику, отвергавшую право на существование еврейских партизанских подразделений, и приказал распределить 63 евреев из 51-й роты по другим ротам отряда им. Щорса.[112] Так закончилась боевая история 51 еврейской роты, возникшей в июне 1942 г. в лесах Волчьей Норы и расформированной в январе 1943 г. в болотах Полесья. Бойцы роты продолжили свой партизанский путь в отряде Щорса и в других отрядах до освобождения этих мест летом 1944. В момент создания 51 рота насчитывала 171 еврея, 65 из них погибли в лесах. После прихода Советской Армии часть выживших мобилизовали в неё и 13 из них погибли на фронте. Почти половина бойцов роты не дожила до победы.[113]

Семейные лагеря евреев Битени и Косова, оставшиеся в лесах Волчьей Норы после ухода отряда им. Щорса, сильно пострадали во время частых немецких облав. Первая облава началась 18 сентября 1942 г., и немногие партизаны, еще остававшиеся в этом лесу, рассеялись. Моше Фитьковский рассказал о судьбе Битенского семейного лагеря во время облавы:

«20 сентября… по нам был открыт пулеметный огонь. Началось паническое бегство… Слышны крики «хальт» [стой]! Дети все время плачут, и уже нет сил бежать… Вражеские самолеты продолжают преследовать группу. Люди бегут как загнанные звери. Из группы, которая в начале облавы состояла из 300 человек, осталось только 100…»[114]

Судьба семейного лагеря косовских евреев была похожей. Многие из них погибли, некоторых захватили немцы. В лесах Волчьей Норы организованные советские партизаны исчезли, отныне здесь хозяйничали только «дикие» банды местных жителей. Они нападали на оставшихся в живых евреев, отбирали у них то немногое из одежды, что у них сохранилось. После облавы в лесах Волчьей Норы выжило около 135 евреев, которых позднее вернувшиеся в лес партизаны вынудили уйти в Рафаловский лес, находившийся в 8 километрах отсюда. Площадь его уступала площади лесов Волчьей Норы, лес был редким и находился вблизи местечка Битень, что увеличивало опасность для обитателей леса. Часть их погибла при облаве в декабре 1942 г., другие – 20 января 1943 г. во время нападения «самоховцев» (местные деревенские жители, которых немцы снабдили оружием для защиты своих деревень от «экономических» операций партизан). В живых осталось около 70 человек. Следующую облаву, в марте 1943 г., пережило только 50 человек. Таким образом, из 800–1.000 евреев Битени, Косова и других местечек, обитавших в лесах Волчьей Норы к началу облав, до освобождения района дожили лишь около 50.[115]

Советские источники сообщают сведения о национальной принадлежности и численности партизан в 22 бригадах и пяти отдельных отрядах Барановичской и Новогродской областей на момент их слияния с Советской Армией летом 1944 г. Приводится общее число в 17.500 человек, «лиц других национальностей» около 2.100, или 12% бойцов. Кроме них в области действовало еще около 4.500 партизан, не подчинявшихся областным властям. Итого в области было 22.000 партизан, 2.600 из которых «лица других национальностей».[116] По «минскому образцу» расчёта число евреев среди «других национальностей» должно равняться 1.950–2.100. К этой цифре следует прибавить 500–535 евреев, павших во время партизанских операций. В итоге число еврейских партизан, воевавших в Налибокской и Липичанской пущах и других лесах Барановичской и Новогрудской областей, должно равняться 2.500–2.700. Другой источник цитирует данные, сообщенные командиром партизанского соединения Лидского района Ефимом Гапиевым, который указал, откуда примерно пришли 4.852 партизана, находившиеся под его командованием на 1 июля 1944 г. В день соединения с Советской Армией у него находилось 1.196 людей из гетто (значит, евреев), что составляло около 25% от всех подчинённых ему партизан.[117] Число евреев в семейных лагерях в Барановичской и Новогродской областях оценивается в 3.500–4.200.[118]

Е. ЛЕСА И БОЛОТА ПОЛЕСЬЯ И ЮЖНЫЕ ОБЛАСТИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Полесье – самая крупная лесная и болотистая местность в Белоруссии, её площадь – тысячи квадратных километров. Река Припять делит Полесье на северное и южное. Сквозь Полесье проходили стратегически важные для немецкой армии шоссе и железная дорога из Брест-Литовска в сторону Минска и Гомеля, а оттуда – на Москву. Население местности, белорусское и в меньшей мере польское и украинское, было очень бедным. Леса и болота создавали здесь идеальные условия для партизанской борьбы. Она тут началась еще в конце 1941 г. и весной 1942 г., раньше, чем в других местах. Первыми организовались для партизанской деятельности многие застрявшие в окружении советские солдаты. Одним из партизанских формирований, начавших действовать в Пинской области уже в конце июля 1941 г., командовал Василий Корж по кличке Комаров, в прошлом боец интернациональной бригады в Испании. Его подразделение постепенно росло и позднее превратилось в партизанское соединение Пинской области. В свидетельствах евреев о партизанах в Полесье часто упоминаются имена командиров партизанских бригад: Филиппа Капусты, Григория Линькова по кличке «Батя», который в конце 1941 г. был заброшен по воздуху из советского тыла во главе разведывательно-диверсионной группы, со временем переросшей в бригаду; Антона Бринского, вначале комиссара в группе Линькова, который в конце 1942 г. создал свою партизанскую бригаду в южном Полесье и действовал, в основном, на севере Волыни. Организованное партизанское движение взяло под контроль группы парти-

зан Полесских лесов с приходом в Пинскую область в сентябре 1942 г. секретаря Областного комитета компартии Алексея Клещева, а также после появления в апреле 1943 г. в районе Брест-Литовска Сергея Сикорского, секретаря Брестского Областного комитета и командира партизанского соединения, в западной части Полесья.[119]

Полесские леса и болота притягивали тысячи евреев, бежавших из гетто и лагерей юга Белоруссии, а также севера Волыни. Они приходили из Барановичей, Пинска и из десятка других городов и местечек. Часть из них организовывалась в самостоятельные партизанские группы, другие присоединялись к уже действовавшим отрядам, а остальные – как правило, безоружные – создавали семейные лагеря.

Копыльские леса и расположенные к югу от них Орликские леса находились к востоку от советско-польской границы 1939 года. Здесь действовало несколько отдельных партизанских групп, которые в мае 1942 г. объединились в бригаду им. Ворошилова под командованием Филиппа Капусты. В партизанских отрядах этих лесов еще в начале их становления находилось некоторое число евреев, но основное количество, сотни евреев, пришло в леса с началом массового истребления весной и летом 1942 г. из Несвижа, Клецка и Ляховиц в западной части Белоруссии, и из Копыля и Тимковичей на востоке её.[120]

Пришедшие в Копыльские леса евреи, некоторые с оружием, организовали самостоятельную группу, поначалу в 40–50 человек, но по мере присоединения других бродивших по лесу евреев группа разрасталась. Они находились в одном лагере с евреями аннексированных территорий, и контакты пошли на пользу обеим сторонам. Евреи этого лагеря установили связь с партизанами Капусты, располагавшимися в лесу неподалеку, однако были приняты в его бригаду не сразу, в основном, из-за недостатка оружия. Только после того, как евреям удалось обзавестись оружием, добытым из массового захоронения советских солдат, Капуста присоединил их к своей бригаде в качестве отряда им. Жукова, назначив командиром своего партизана Гильчука, еврея из Копыля. Партизанское командование с большим доверием относилось к советским евреям и отдавало им предпочтение перед евреями аннексированных территорий. Гильчук – человек из народа – умел противостоять проявлениям антисемитизма среди партизан. Сперва в отряде было 50–60 евреев, к ним присоединились 15–20 белорусов и русских, часть из них военнопленные. Вскоре, после присоединения к отряду евреев, бежавших из местечка Столбцы в сентябре 1942 г., число бойцов выросло до 100.[121]

Отряд им. Жукова участвовал в различных операциях, в том числе в захвате и ликвидации полицейского участка в Докторовичах на юго-востоке от Копыля. В ноябре и декабре 1942 г. немцы провели в Копыльских лесах две облавы, из которых партизанам удалось, хотя и с потерями, вырваться. В начале зимы вся бригада передислоцировалась на юг, в Орликские леса на севере Полесья, более обширные, чем Копыльские. Там планировалось разбить зимнюю стоянку. В Орликских лесах партизанские силы Капусты были реорганизованы, и отряд

им. Жукова вошел в состав 27-й бригады им. Чапаева под командованием Николая Шестопалова. В конце января – начале февраля 1943 г. в отряд им. Жукова пришли 120 евреев, бежавших из рабочего лагеря Сврежна неподалеку от Столбцов. Шестопалов приказал им сдать командованию имевшиеся у них вещи, деньги и драгоценности, которые пойдут на приобретение оружия. Люди подчинились. Вероятно часть, а может, и всё отобранное осело в карманах командиров бригады и их приближенных, как это происходило и в других партизанских подразделениях – ведь из-за отсутствия источников для продажи оружия оно не покупалось, а силой отбиралось у местных жителей. С приходом людей из Сврежны число бойцов еврейского отряда выросло до 250.

Боевой путь жуковцев включал нападение на полицию в деревне Локтичи, минирование железной дороги возле Ганцевичей, а также «экономические» операции в 30–40 км от Орликских лесов. 10 февраля 1943 г. в Орликских лесах началась большая облава, из которой бригада Шаповалова сумела выйти по замерзшим болотам.[122] Бригада перемещалась с места на место по лесам северного Полесья, постоянно сталкиваясь с немецкими силами. Летом 1943 г. отряд им. Жукова вернулся в Копыльские леса.

В конце 1943 г. отряд им. Жукова значительно изменил свой еврейский характер: штаб бригады снял Гильчука с должности командира отряда, а вместо него назначили русского офицера Советской Армии Баранова. В отряде к тому времени служили около 150 еврейских партизан, и беспричинное снятие с должности Гильчука вызвало в их среде большое негодование. Гильчук, а с ним и некоторые партизаны, ушли из отряда. По приказу командования бригады и командира отряда им. Жукова его ряды покинули более 50 детей, женщин и стариков, а с ними и несколько вооруженных еврейских бойцов. Они создали семейный отряд и ушли в Светичский лес на севере Полесья. В Копыльских лесах тоже существовал семейный лагерь из примерно 50 евреев. Постепенно оба эти лагеря росли, так как в них вливались евреи, прятавшиеся до этого в укрытиях и бежавшие из некоторых рабочих лагерей, еще существовавших во второй половине 1943 г., вроде Колдичева под Барановичами. В конце 1943 – начале 1944 гг. в леса стали приходить семьи белорусских партизан и отдельные крестьяне сожжённых немцами во время облав деревень, чтобы спастись от угона на принудительные работы. Часть этих людей присоединялась к еврейским семейным лагерям, а партизанские бригады помогали им продуктами. В Светичском семейном лагере оказалось около 300 человек, в большинстве евреи. Командиром лагеря был Элиэзер Сегал. Около 200 жителей лагеря дожили до освобождения.

Отряд им. Жукова, большинство бойцов которого оставалось еврейским, в феврале 1944 г. перешел под командование партизанской бригады им. Молотова, действовавшей в лесном массиве к югу от Ляховичей. До прихода сюда Советской Армии в первой половине июля 1944 г. задача отряда заключалась в атаках и диверсиях на путях сообщения между Брест-Литовском и Минском – основных артериях связи

группы армий «Центр». 12 июля 1944 г. отряд соединился с Советской Армией, большинство еврейских бойцов были мобилизованы и многие погибли на фронте.

В центральной части северного Полесья, между Ганцевичами и Лунинцом, главным образом действовало соединение Коржа (Комарова). В здешних лесах находились сотни беглецов из гетто Погост-Загородского и Лунинца, из Ганцевичского лагеря, из Ленина и других мест. Они организовывались в семейные лагеря в Гричинских лесах на северо-востоке от Лахвы и в Богдановском лесу на северо-востоке от Погоста. Некоторым из них, в основном молодежи, удалось попасть в партизанские группы. Выходцы из Лахвы в сентябре 1942 г. приняли участие в партизанской атаке на Ленин и в освобождении там последних 28 евреев.[123]

В мае 1943 г. Корж предложил жителям Богдановского семейного лагеря, насчитывавшего около 200 евреев, организоваться в самостоятельный партизанский отряд в составе его соединения. Узники лагеря с радостью приняли это предложение, созданный отряд назвали именем Кагановича. Неясно, было ли это название выбрано по национальным соображениям, как дань уважения члену Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, либо партизанское командование решило просто намекнуть на еврейский состав отряда. Первым командиром отряда стал Шломо Зандвайс, в июле 1943 г. командиром назначили Давида Боброва, а с ноября 1943 г. и до расформирования отряда в феврале 1944г. его командиром был Яков Рогозин. Бойцы отряда взорвали лесопилку в Погосте-Загородском и заминировали железнодорожные пути на участке Малковичи – Лунинец. Поскольку существование еврейского отряда противоречило политике советского партизанского движения, его после девяти месяцев существования расформировали. В советском источнике, который перечисляет все партизанские группы в Белоруссии, написано:

«Отряд им. Кагановича: создан в мае 1943 г. на основе инициативной группы, действовавшей в Логишинском районе. В июле – августе 1943 г. отряд действовал в составе бригады им. Кирова, а с августа по ноябрь действовал самостоятельно. В феврале 1944 г. был распущен, а его люди распределены по другим отрядам бригады».[124]

В Белостокской области организованная борьба советских партизан началась только в конце 1943 г. Леса здесь не столь густы, как в Полесье, а пути сообщения более развиты, что облегчало деятельность немецких сил. Кроме того, среди населения преобладали антисоветски настроенные поляки. Основные базы партизанских отрядов, подчинявшихся партизанскому соединению Белостокской области, располагались в Брест-Литовской области, откуда отряды выходили на задания в Белостокскую область.

К югу от Белостока, в районе местечка Брянск, возникла еврейская партизанская группа под командованием Иосифа Бройда, в неё вошли выходцы из ряда окрестных населённых пунктов. Группа согласовы-

вала свои операции с действовавшим в регионе партизанским отрядом и участвовала в нападениях на немецкие пути сообщения, а также мстила убийцам евреев. Рядом с базой Бройда располагался еврейский семейный лагерь, где, как и в других подобных лагерях района, находились сотни евреев из ближних мест и бежавших из поездов в Треблинку. Группа Бройда и евреи из семейного лагеря подвергались нападениям со стороны отрядов АК, а также несли большие потери вследствие немецких вылазок.[125]

Общее число партизан, действовавших в Брест-Литовской, Пинской, Белостокской области и в Полесье в день соединения с Советской Армией приблизительно равнялось 35.500, из которых около 2.500 были «лицами других национальностей».[126] Согласно «минскому образцу», общее число еврейских партизан здесь составляло 3.200–3.750 человек. Число евреев в семейных лагерях и скрывавшихся по лесам и деревням Полесья и юго-западной Белоруссии можно оценить в 1.500–2.500 человек.

Ж. ВОЛЫНСКИЕ ЛЕСА

Волынь находится на западе Украины, она включает в себя районы с различными географическими и демографическими условиями. Её север, лесной и болотистый, топографически является продолжением Полесья. К югу лесные массивы сокращаются, а болота исчезают вообще. Большинство населения Волыни украинцы, но и количество поляков было значительным. На севере Волыни проживало также немало белорусских крестьян. В Волынских лесах действовали три партизанских движения: советское, польское и украинское.

Деятельность антинемецкого польского партизанского движения на Волыни была ограничена. Перед волынскими поляками стояла особая проблема: отразить нападения на польские села украинских националистов, стремившихся изгнать их жителей из региона. При поддержке АК польские крестьяне создавали силы самообороны. Известны случаи сотрудничества между поляками и советскими партизанами в борьбе против украинских националистов. Евреи, бежавшие из гетто и нашедшие убежище в польских селах центральной Волыни, вступали в местные отряды самообороны и участвовали в охране сел.[127] Партизаны украинского националистического толка, в основном, люди УПА, контролировали лесные массивы центральной и южной Волыни.[128] Они видели в евреях просоветские элементы и, как правило, убивали тех, кто попадался им в руки.[129]

Группы советских партизан (некоторые «дикие») появились в северной и северо-восточной частях Волыни с началом немецкой оккупации. Как и в других местах, зачатки этих групп состояли из солдат, застрявших в окружении, либо из беглых военнопленных. Среди организаторов отрядов встречались и коммунисты, не успевшие эвакуироваться до начала оккупации. Кроме них, действовали маленькие группки из нескольких десятков красноармейцев, либо сотрудников НКВД, сброшенных на эти территории с самолётов в конце 1941 г. и первой

половине 1942 г. Летом 1942 г. из советского тыла на Волынские земли к востоку от реки Случ пришел партизанский отряд особого назначения из примерно 100 бойцов под командованием полковника Дмитрия Николаевича Медведева. Отряд вырос до 150 человек и около четверти его людей, включая заместителя командира капитана Александра Лукина, были евреями. Отряд должен был действовать в Ровенском и Львовском районах, в основном, в сфере разведки. Люди Медведева и местные жители, примкнувшие к его отряду, проникли в немецкий управленческий аппарат и передавали в советский тыл важные сведения, в частности, первые сообщения о строительстве ставки Гитлера в районе Винницы. За работу в немецком тылу Медведев был удостоен звания Героя Советского Союза.[130]

Поворот в организации советского партизанского движения и активизация его деятельности наметились в конце ноября 1942 г. с приходом отряда полковника Антона Бринского из южного Полесья на северо-восток Волыни, а также после крупных операций, проведенных партизанскими соединениями Сидора Ковпака и Александра Сабурова, переместившимися в декабре 1942 г. из восточной Украины на юг Полесья.[131] Бринский организовал базу между реками Стырь и Горынь и объединил действовавшие в регионе партизанские группы в бригаду под своим командованием. В конце января 1943 г. в этот район был сброшен с парашютом Василь Бегма, до войны секретарь Областного комитета компартии в Ровно. Бегма принял на себя командование партизанами северо-восточной части Волыни, организованными в Ровенское соединение. На северо-западе Волыни партизанское движение развернулось в полную силу только в середине 1943 г. с приходом туда Волынского соединения под командованием Алексея Федорова.

Евреи, бежавшие из гетто во время акций массового уничтожения, прокатившихся по Волыни в весенне–осенние месяцы 1942 г., блуждали по лесам и искали советских партизан. В телеграмме от 3 сентября 1942 г., посланной одной из групп НКВД на Волыни в Центральный штаб партизанского движения, говорилось: *«В окружающих нас лесах скрываются, группами по 15–20 человек, евреи, бежавшие с мест расстрела. Их жены и дети были расстреляны. Они горят желанием отомстить. Есть возможность организовать из них боевой отряд. Необходимо оружие и боеприпасы».* Кто-то в партизанском штабе написал от руки на полях, что следует «подготовить приказ об установлении связи с этими людьми и организации их в самостоятельный отряд. Подпись [неразборчиво]. 7/9/1942 г.»[132]

Одна из первых партизанских групп Волыни возникла в районе местечка Серники в конце 1942 г. под командованием лейтенанта Александра Абугова (еврея, бежавшего из немецкого плена) и местного коммуниста нееврея Максима Мисюры. Находившиеся в группе евреи пришли из Серников, Дубровицы и других местечек. Среди 50 бойцов они составили большинство. В феврале 1943 г. группа влилась в состав бригады Бринского в качестве отряда им. Ворошилова. Мисюру назначили командиром отряда, а Абугова командиром разведки. В тех

же местах, к северу от деревни Маневичи, действовала партизанская группа под командованием Юзефа Собесяка по кличке «Макс». Как и Мисюра, Собесяк был местным коммунистом, который остался в немецком тылу. Совместно с украинцем Миколой Конищуком по кличке «Крук» они летом 1942 г. собрали вокруг себя группу из местных евреев, поляков и украинцев и стали мстить пособникам немцев. Группа выросла до 40–50 бойцов, большинство из которых составляли евреи. В начале весны 1943 г. эта группа была присоединена к отряду им. Ворошилова, число евреев в котором возросло до 80.[133]

Весной 1943 г. в бригаде Бринского находилось около 200 евреев. После возникновения Ровенского соединения Бегмы отряд им. Ворошилова был присоединен к ней. При отряде существовал семейный лагерь под командованием Эфраима Бакальчука.

В некоторых источниках упоминается имя еврея Бориса Базыкина, командовавшего отрядом на севере Волыни. Его отряд отличился в нападении на железнодорожную станцию Стрельск севернее Сарны, когда был выведен из строя бронепоезд, а также при пуске под откос восьми немецких поездов и других операциях. Осенью 1943 г. возле Владимир-Волынска отряд наткнулся на немецкую засаду – Базыкин и большинство его людей пали в бою.[134]

Самой известной еврейской партизанской группой в лесах восточной Волыни была группа инженера Моисея Гильденмана по прозвищу «дядя Миша». Она организовалась в малом гетто местечка Корец после большой акции в мае 1942 г. 23 сентября 1942 г. в лес бежали 12 членов группы, в их числе Гильденман и его сын. Группа состояла из молодёжи 18–20 лет, и лишь одному Гильденману было около 40. В их распоряжении имелось только два пистолета. Они переправились через реку Случь и наткнулись на партизан Медведева, но те отказались принять их в отряд и предложили им двигаться на север, в леса и болота за железнодорожным путем Сарны – Олевск.

Отряд Гильденмана провел ряд операций, в том числе нападение на лесничество и засаду на полицаев, в результате которых было добыто еще оружие. Число бойцов группы выросло до 20, в ее составе находились 4 женщины. В конце октября или начале ноября 1942 г. группа атаковала полицейский участок села Вежицы, где захватила 12 ружей и 4 автомата. Этого оружия хватило на всех членов отряда. При нападении на большую усадьбу они убили шесть полицейских и ранили еще нескольких. В результате этих операций в округе распространились слухи, в которых группа Гильденмана выглядела значительно большей, чем в действительности. В конце января 1943 г. группа встретила партизан соединения Сабурова, и он согласился принять ее под свое командование, назначив Гильденмана командиром взвода. Со временем взвод этот вырос и превратился в роту. Гильденман и его люди действовали на севере Житомирской области и приняли участие во многих партизанских операциях. После соединения с Советской Армией Гильденман продолжал воевать в должности капитана инженерных войск.[135]

Из десятков евреев, бежавших в леса из Березни, Млынска, Тучина

и других местечек северо-восточной Волыни, некоторые были приняты в декабре 1942 г. в отряд Медведева, а большинство объединилось в семейный лагерь.[136]

На северо-западе Волыни положение бежавших в леса евреев было хуже. Только летом 1943 г.после прихода сюда Волынского соединения под командованием Алексея Федорова положение доживших до этого времени улучшилось. Одна из находившихся там групп состояла из десяти семейств, бежавших в лес в конце августа – начале сентября 1942 г. из села Датин, что в 35 км к северу от Ковеля. Группа имела оружие, частично добытое во время стычки с полицией. Члены группы не раз отражали атаки УПА, проводили операции возмездия против убийц евреев и даже сумели избежать немецкой облавы в конце декабря 1942 г.

В здешних лесах находились также группы евреев, бежавших из Шацка и Любомля, в каждой по нескольку десятков человек; своим образом жизни они походили на Датинскую группу. После прихода сюда соединения Федорова часть людей из этих групп присоединилась к его частям. Те, кто не мог воевать, организовались в семейные лагеря.

Группа вооруженной молодежи из Ковеля бежала в лес, где наткнулась на партизан под командованием Насекина из бригады Линькова. В ответ на просьбу евреев о принятии в ряды партизан у них отобрали оружие и приказали возвращаться в Ковель за новым. Когда ковельцы отказались подчиниться, люди Насекина застрелили их. Только один из евреев сумел спастись и, вернувшись в Ковель, рассказал о случившемся. Узнав об этом, некоторые отказались от побега в леса.[137]

В центральной части Волыни, к югу от железнодорожного участка Ковель–Сарны советские партизаны проявляли себя менее активно. В основном, там действовали партизаны, приходившие со своих баз на севере Волыни и возвращавшиеся после операций обратно. В 1943 г. в регионе стало ощущаться присутствие УПА и других украинских националистических групп, поддерживаемых местным населением. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, находились евреи, которые пытались удержаться в лесу и бороться с врагом. Одна из таких групп в несколько десятков бойцов под командованием Хаима Вотчина и Гада Розенблата в начале сентября 1942 г. бежала из местечка Зофиевка, что к северо-востоку от Луцка, и обосновалась в Клопочинском лесу. Группа препятствовала поставкам пшеницы немцам и преследовала их пособников и убийц евреев. После присоединения к выходцам из Зофиевки части молодежи из местечка Колки число бойцов выросло до 40. В декабре 1942 г. группа встретила партизан Ковпака и слилась с ними. Командиры партизанского соединения предоставили евреям самим решить, воевать ли им отдельной еврейской группой, или распределиться по другим отрядам. Вот как описывает это Гад Розенблат:

«Все наши люди решили разойтись по отрядам бригады. Мы не видели смысла в том, чтобы после исполнения нашего заветного желания - вступить в связь с организованной партизанской бригa-

дой – отрываться от нее. Наши люди не очень-то верили в необходимость действовать самостоятельно, на незнакомой территории, исполняя диверсионные и военные действия. Мы хотели учиться у опытных партизан… постановили распределиться».[138]

Это решение отличалось от решений других еврейских групп на территории Белоруссии, боровшихся за сохранение своей еврейской самостоятельности. Вероятно, кроме причин, упомянутых Гадом Розенблатом, здесь сказались и условия Волыни (УПА, местный антисемитизм), которые затрудняли партизанскую деятельность вообще, а для евреев в особенности – это, в частности, и привело евреев к решению расформировать свою группу.

В лесу обосновалась и большая группа евреев из села Осова, что к югу от местечка Степан, насчитывавшая более ста человек, в их числе женщины и дети. Возглавлял группу Исаак Закоста, уроженец Осовы, мобилизованный в начале войны, попавший в плен и сбежавший оттуда домой. Группа добыла оружие атакой на полицейский участок в своём селе. В декабре 1942 г. во время немецкой облавы погибло около половины членов группы, в основном, женщины и дети. В апреле 1943 г. осовская группа насчитывала 63 человека, 27 из которых в том же месяце погибли в бою. В мае 1943 г. группа встретила партизан Ровенского соединения и влилась в ее ряды.[139]

Южная Волынь (к югу от линии Владимир-Волынский – Луцк – Ровно) отличалась относительно небольшим количеством лесных массивов, высокой плотностью населения и более развитой, чем в остальной Волыни, сетью дорог. Здесь деятельность советских партизан была ограничена, а большим влиянием и поддержкой украинского населения пользовалась УПА. Поэтому положение еврейских партизанских групп особенно затруднялось. Группа из местечка Олыка, состоявшая из 23 человек, ушла в близлежащий лес в конце июля 1942 г., где соединилась с другой группой, в 30 человек, создав таким образом партизанское подразделение. Оно нападало на немецких пособников, несколько раз взрывало железнодорожный путь на участке Киверцы–Ровно, а также вело бои с нападавшими на него частями УПА. 9 января немцы провели облаву в лесу, и большинство еврейских партизан погибло. Оставшиеся приняли в свои ряды прятавшихся в этой местности евреев, и передвигались из леса в лес, постоянно отражая нападения УПА. В этих стычках пала большая часть отряда.

Похожая судьба плстигла и 28 бойцов-евреев из Мизоча и окрестных сел. У них было мало оружия, и свою базу они устроили в Хорбинском лесу, на юге от Мизоча. В середине апреля 1943 г. люди УПА напали на эту группу, в результате чего погибли половина ее членов.

В Смордовском лесу, на юго-восток от Дубно, возник отряд, в который помимо евреев также вошли несколько поляков, а позже и бывшие военнопленные. Его возглавили Исаак Васерман и поляк Юргелевич. Весной 1943 г. все 30 бойцов отряда погибли в бою с немцами. Другая группа выходцев из Дубно, насчитывавшая более 40 человек, построила для зимовки землянку в лесу. По доносу местных жителей немцы

окружили землянку – большинство евреев погибло. Еще одна действовавшая в этом районе группа, около 40 человек под командованием Меира Винера, летом 1943 г. встретилась с отрядами Ковпака, совершавшими переход в Карпаты. Ковпаковцы отказались принять евреев к себе, и группа продолжила самостоятельное существование. Во время немецкой облавы в августе 1943 г. многие ее члены, в том числе и сам Винер, погибли. Ко дню освобождения в марте 1944 г. в живых осталось только 16 человек.

В самой южной части этих земель действовал отряд евреев местечка Радзивилов, что к северо-востоку от города Броды. Осенью 1942 г. их база располагалась в Лешневских лесах в 20 км к северу от Бродов, там они объединились с несколькими десятками бывших военнопленных. Вскоре в лес пришли еще евреи из Радзивилова и Бродов, так что число членов отряда выросло до 100 (большинство – евреи). Среди евреев отряда особенно выделялся командир взвода Ехиэль Проховник, выведший евреев из Радзивиловского и Бродского гетто. Отряд действовал самостоятельно, совершая нападения на небольшие группы немцев и на полицейские участки, и не имел никакой связи с организованным советским партизанским движением, которое не добралось до этого региона. В сентябре 1943 г. бóльшая часть отряда погибла при немецкой облаве. Немногие оставшиеся в живых пали позднее в боях с УПА.

В лесах южной Волыни действовали и другие еврейские группы, среди которых были выходцы из Владимир-Волынского, но все их члены погибли в боях с немцами или с УПА. Не осталось в живых никого, кто мог бы рассказать об их жизни и борьбе.[140]

Группы евреев, бежавших в леса на территории южной Волыни, были разрозненными, и значительное расстояние от партизанских баз севера Волыни оказывалось для них непреодолимым. Их основная деятельность сводилась к борьбе за существование и в меньшей степени к проведению боевых операций – но и при этом в тех условиях невозможно было долго оставаться в живых – большинство еврейских бойцов убили немцы либо люди УПА.

В Волынских лесах, в основном, в северной их части, нашли убежище многие сотни еврейских детей, женщин и стариков. Большинство из них пришли в леса в период акций уничтожения, весной и осенью 1942 г. Еще до того, как организованное партизанское движение взяло на себя ответственность за эту территорию, местные партизанские командиры Конищук, Собесяк и Мисюра вынуждены были решать проблему евреев. Неспособные сражаться, находясь в отряде, мешали мобильности остальных партизан и затрудняли партизанские операции. Чтобы отделить их от бойцов командиры создали семейные лагеря, в которых проживало по 500–600 евреев из местечек Трояновка, Маневичи, Рафаловка и других. Лагеря эти были передислоцированы в район Красного Бора, ближе к лесам и болотам Полесья, которые считались более безопасными местами. Конищук, взявший лагеря под свое покровительство, частично снабжал их продовольствием, а также выделил их

командирам Михаилу Брату и Абраму Полтику несколько вооруженных партизан для обеспечения безопасности. Мисюра, действовавший восточнее, за рекой Стырь, создал семейный лагерь в Сварицевичских лесах, в котором нашли убежище около 350 евреев из Серников, Высоцка, Дубровиц и их окрестностей. Кроме этих лагерей, созданных партизанскими отрядами, в северной части Волыни существовали и семейные лагеря, возникшие по инициативе самих евреев.[141]

Несмотря на поддержку со стороны Собесяка, Конищука и Мисюры, положение евреев в семейных лагерях было тяжелым. Их постоянной заботой были добыча продовольствия, медицинское обеспечение и оборона. Полковник Бринский, появившийся со своей бригадой в регионе в декабре 1942 г., приказом от 17 декабря 1942 г. утвердил инициативу местных партизанских командиров и перечислил обязанности партизан перед семейными лагерями:

> *«В связи с тем, что в районах действий наших отрядов, в лесах и на хуторах есть немало мирного населения – стариков, женщин и детей, которые укрываются от немецкого террора и находятся без крыши над головой и без продовольствия, с целью сохранения этого населения – приказываю: создать три гражданских лагеря, куда свезти всех стариков, женщин, детей. Моему заместителю тов. Анищенко подобрать места для лагерей. Ответственность за обеспечение продуктами питания и одеждой возлагаю на командиров отрядов т.т. Конищука и Собесяка. Такой же лагерь создать в районе действий отряда тов. Корчева... Запрещаю лишние посещения лагерей всем партизанам. О месте расположения гражданских лагерей должно знать ограниченное количество людей. Не делать у них никаких демаскирующих следов. Командирам отрядов Конищуку, Собесяку и Корчеву обеспечить все гражданские лагеря печками и выделить необходимое количество дойных коров.... Для охраны гражданских лагерей выделить в каждый из них по пять вооруженных бойцов. Тов. Анищенко проследить выполнение моего приказа и доложить мне до 1 января 1943 года».*[142]

Этим приказом Бринский попытался решить проблему, полностью разделив боевые партизанские группы и небоеспособное население. В приказе Бринского слово «еврей» не упоминается, хотя тогда, в конце 1942 г., почти все находившиеся в лесу старики, женщины и дети были евреями, и именно их Бринский имел в виду. Позже, когда во время облав немцы сжигали целые села, истребляли или угоняли на принудительные работы их жителей, а семьи партизан и другие крестьяне стали убегать в лес, для них тоже стали создаваться семейные лагеря. Существовали и лагеря, где евреи и неевреи жили совместно. После того, как в середине 1943 г. контроль над северо-западными лесами Волыни перешел к Волынскому соединению Федорова, ее командование, как прежде Бринский, столкнулось с той же необходимостью содержания людей, не способных к вооружённой борьбе. Федоров создал для них семейный лагерь, в котором более половины из 300 жителей были евреями.

Меньшие семейные лагеря, от 50 до 100 евреев, возникли в лесах недалеко от деревень Олыка, Ратне, Степан и других. Во время немецких облав, в основном, в январе 1943 г., партизаны помогали в эвакуации семейных лагерей на север, в район болот, что сыграло роль в их спасении.

Можно допустить, что в семейных лагерях, большинство которых было сосредоточено в лесах северной Волыни, находилось примерно 2.500 евреев и около половины из них спаслось. Большинство выживших находилось в лагерях под покровительством партизанских отрядов. Согласно расчетам, в Волынских лесах находилось 1.700–1.900 еврейских партизан.[143] Только в поименном списке бойцов Волынского соединения числятся 314 партизан-евреев.[144]

3. ЛЕСА ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ

Восточная Галиция отличается относительно небольшим количеством леса и развитой системой дорог. Здесь жили, в основном, украинцы, а также довольно значительное польское меньшинство. Восточная Галиция была центром украинского националистического движения, и довольно большая часть украинцев являлась антисоветской, антипольской и антисемитской. Начиная с весны 1943 г. леса контролировались людьми УПА, воевавшими с советскими партизанами и нападавшими на польские села. В таких условиях советское партизанское движение не смогло здесь удержаться. Во время своего похода к Карпатским горам Ковпак прошёл через Восточную Галицию, но и он не смог повлиять на ситуацию.

Евреи в гетто организовывались в группы, и, достав какое-то оружие, бежали в леса. При отсутствии советских партизан они бродили группами и строили землянки, служившие жильем и убежищем. Пищу добывали с помощью оружия либо покупали у местных крестьян. Подавляющее большинство этих евреев погибло в лесах от рук немцев, украинской полиции, УПА и коренных жителей, которые грабили их, а также доносили о местонахождении евреев немецкой администрации и УПА.

Сведения об этих евреях и их судьбе ограничены, так как зачастую группы погибали полностью. Немногие сумели выжить в лесу или найти убежище у местных крестьян. Небольшая часть присоединилась к бойцам Ковпака, когда те пересекали эту местность, другие – к бродячим группам советских партизан, не связанным с организованным партизанским движением. Некоторые имеющие оружие евреи были приняты польскими селами для помощи в отражении атак УПА. Эти немногие выжившие евреи являются источником информации о существовании евреев в лесах Восточной Галиции.

Во время акций в Станиславе (Ивано-Франковске) в конце 1942 – начале 1943 гг. оттуда бежали в лес частично вооруженные группы молодежи. Вместе с евреями из окрестных местечек они организовали три самостоятельных партизанских отряда. Во главе одного из них стояла инженер-химик Анда Луфт. 5 ноября 1943 г. отряд окружили поли-

цейские, и в завязавшемся бою погибли почти все еврейские бойцы, включая Анду Луфт. Другие несколько десятков беглецов из Станислава во главе с Оскаром Фридляндером действовали в районе Бучача. Известно, что они совершали налёты на участки украинской полиции. Третья группа обосновалась в Карховецком «Чёрном лесу» недалеко от Делятина, в 30 км к югу от Станислава. Некоторые члены группы были приняты в бригаду Ковпака, когда она проходила здесь.[145]

Во второй половине 1943 г. из Болехова (на северо-западе от Станислава) в близлежащие леса бежало около 300 евреев. Часть из них искала убежища у знакомых христиан. Во время облавы зимой 1943-1944 гг. около ста из них погибли, а еще 40 были убиты на мельнице, где они прятались. В первой половине 1944 г. еще несколько десятков из них погибли от рук людей УПА. Оставшиеся смогли установить связь с маленьким отрядом советских партизан, действовавшим в Долинских лесах к югу от Болехова, и влились в него. Другая небольшая группа выходцев из Болехова во главе с Михаилом Гершовским присоединилась к партизанам Ковпака. В Гжималовских лесах к юго-востоку от Скалата действовали 30 еврейских партизан под командованием Гершеля Биренбойма. Эта группа присоединилась к отряду советских парашютистов и воевала вместе с ними до прихода Советской Армии.[146]

Несколько десятков молодых людей из Борщова, что к югу от Тернополя, бежали в близлежащие леса в конце мая – начале июня 1943 г., накануне ликвидации гетто. К ним примкнула молодежь из соседнего Скалата. 6 декабря 1943 г. немцы окружили группу, и большая часть ее бойцов пала в бою. Несколько человек покончили с собой, чтобы не попасть в руки немцев. Немцы тоже понесли потери в этом бою. Оставшиеся в живых присоединились к партизанам Ковпака, пересекавшим здешние места.[147]

В декабре 1942 г., когда уничтожили гетто местечка Глиняны (на восток от Львова), в лес бежало несколько десятков частично вооруженных молодых людей. 40 человек обосновались в лесу возле села Богдановка. Местные украинцы обнаружили их укрытие. В разгоревшемся бою все евреи погибли. Из другой глинянской группы, скрывавшейся в лесу возле села Зенюв, большинство также погибло от рук украинских крестьян. Еще одна группа евреев из этого местечка обосновалась в Крушенковском лесу и позже присоединилась к советским партизанам, в рядах которых сражалась до освобождения.[148]

Группы еврейской молодежи бежали в леса также из Зборова, Злочева, Пшемышлян, что к северо-западу от Тернополя, из ближних ко Львову Скалата, Яворова, Стрыя и Рогатина , а также из других мест. Большая часть беглецов погибла во время немецких облав или от рук УПА, спаслись немногие.[149]

Зимой 1942-43 гг. в окрестные леса бежали евреи из местечка Городенка юго-восточнее Станислава. С последних месяцев 1943 г. и до марта 1944 г. они сильно пострадали от атак УПА, но часть их сумела добраться до границы с Румынией и перейти ее. Люди УПА совершали постоянные нападения и на польское село Ханачов, Пшемышлянского

района. Скрывавшиеся в лесу евреи были приняты в этом селе и участвовали в его обороне, в частности, помогли отразить атаку на село сотни бандеровцев в ночь на 3 февраля 1944 г. 10 февраля 1944 г. около 1.000 людей УПА все-таки захватили село и расправились почти со всеми его обитателями, в том числе и с евреями.[150]

Редкий случай в истории партизанской деятельности произошел в Скалате, когда Ковпак в конце июля – начале августа 1942 г. в ходе рейда к Карпатам захватил местечко и освободил евреев-узников рабочего лагеря, около 100 специалистов с семьями, оставленных немецкой администрацией для своих целей. Происшедшее описал Авраам Вайсбард:

«Когда партизаны собрались уходить из города, евреи попросили взять их с собой. Но партизаны отказались, так как, по их словам, им нужны были бойцы, люди здоровые, а не евреи из лагерей, которые еле ноги за собой волочат. И все равно с партизанами бежало около 30 евреев из лагеря, кто был покрепче физически... Большая часть этой скалатской молодежи пала в большом бою в Карпатских горах».[151]

Выходцы из Скалата и другие евреи бригады Ковпака образовали еврейское подразделение, 7-ю роту, куда вошли 75 партизан. Рота стала частью первого батальона бригады. Командиром роты был назначен Йоэль Щарбата. Во время перехода к Карпатам немецкие самолеты подвергли ковпаковцев бомбардировке, 7 рота потеряла многих убитыми и ранеными, и число ее бойцов уменьшилось до 45. Ковпаковцы понесли серьезные потери и в боях в Карпатских горах. На обратном пути в Полесье выжившие разбились на маленькие группы. Большая часть бойцов 7 еврейской роты погибла, оставшиеся разошлись по другим подразделениям. Те из партизан Ковпака, кто пережил поход в Карпаты, сосредоточились в Глушкевичских лесах к северо-востоку от города Сарны. К месту сбора добрались всего 18 бойцов 7 роты.[152]

В лесах Восточной Галиции семейных лагерей было немного по уже указанным причинам: мало лесов, враждебное население и влияние УПА. В Карховецком лесу существовал семейный лагерь около сотни евреев из Станислава. В один из августовских или сентябрьских дней 1943 г. бандеровцы напали на лагерь, убили 15 и захватили в плен 33 евреев. Евреев заставили вырыть себе могилы и убили их. 15 обитателей лагеря, находившиеся там в момент нападения, сумели убежать.[153] В Пьяницком лесу возле города Броды в нескольких семейных лагерях жило около 200 евреев. Один из солдат – евреев Советской Армии, увидевший такой лагерь во время освобождения, пишет:

«Случайно я наткнулся на две избушки, в которой проживало 80 евреев. Я видел там и 75-летних старух, и молодых парней, девушек и даже детей, самому маленькому из которых было 3 года. Эти люди жили в лесных избушках 16 месяцев, и вначале их было намного больше: но из 40 тысяч евреев из городов Броды, Злочов и их окрестностей в живых осталось только 200 человек, из которых 80 находились здесь... У них даже имелось оружие – несколько

ружей и пистолетов, с помощью которых они мстили фашистским тварям».[154]

В лесах Восточной Галиции наверняка существовали и другие семейные лагеря, но никто из их обитателей не выжил и о них нет информации. Из гетто и из лагерей Восточной Галиции бежало несколько тысяч евреев, но спастись удалось только нескольким сотням. Возникшие там еврейские партизанские группы общим числом в 300–400 бойцов в сложившихся обстоятельствах и из-за своей относительной слабости сосредоточили усилия на обороне и выживании. Собственно партизанская деятельность здесь имела меньший размах, чем в других местах.

И. ЛЕСА В СТАРЫХ ГРАНИЦАХ СССР (БЕЗ МИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Бегство евреев в леса на территориях, находившихся в старых границах СССР, по масштабу и характеру отличалось от бегства евреев в леса на аннексированных землях. Здесь тотальное уничтожение евреев прошло в первые недели и месяцы оккупации еще до того, как евреи поняли, что их ждет и до того, как партизаны в лесах превратились в реальную силу. Повлияло и то, что на территориях в старых границах подавляющее большинство евреев-мужчин подходящего для партизанской деятельности возраста были до оккупации мобилизованы в армию или в составе предприятий и учреждений эвакуированы. Под оккупацией оказались в основном еврейские старики, женщины и дети, не пригодные для партизанской борьбы.

Тем не менее, по всей территории СССР в его старых границах, там, где действовали советские партизаны, в их рядах сражалось, по оценкам, несколько тысяч евреев. В большинстве своем они являлись советскими солдатами, оказавшимися в окружении и знавшими, что ожидает евреев в плену у немцев и будучи преданными своей Родине, они организовывались в партизанские группы, как правило, многонациональные. Среди этих евреев было немало офицеров. В лесу оказались и те евреи, что бежали из немецкого плена еще до того, как немцы обнаружили их национальную принадлежность. В местностях дальше к востоку, которые германская армия захватила спустя несколько месяцев после начала войны, советская администрация оставила своих людей для организации партизанской борьбы, в основном, активистов компартии и комсомола, а также сотрудников НКВД, среди них и евреев.

Сразу после начала оккупации, во многих местах возникли партизанские отряды, пытавшиеся перейти линию фронта и соединиться с Красной Армией. Они, как правило, состояли из активных коммунистов, не успевших эвакуироваться до отступления. Среди них было немало евреев. В Броварском районе под Киевом в сентябре 1941 г. был организован партизанский отряд из 70 бойцов. Сражаясь, отряд продвигался на восток, в сторону фронта. О боевом пути отряда и о судьбе его еврейских бойцов написаны следующие строки:

«В бою близ Березани был убит командир роты Моисей Лахмано-

вич, в бою у села Липняки Барышевского района погибла Софья Полесская, под Яготином был убит Абрам Байтлер. Взятая в плен карателями его дочь Таня, была публично повешена в Яготине в ноябре 1941 года… Вблизи Краснокутска на Харьковщине геройски погиб майор Абрам Циммерман, окруженец, вступивший в отряд. Из 11 партизан-евреев уцелело лишь двое: Соломон Допкин из Бердичева и его дочь санитарка Рива. В марте 1943 г. года 15 бойцов отряда прорвались в районе Тамаровки через немецкий заслон и соединились с частями Красной Армии, 59 партизан погибло».[155]

Среди партизан, воевавших на землях СССР в его старых границах, были и евреи, которым удалось спастись во время акций и, скрыв свою национальность, присоединиться к партизанам. Пятнадцатилетний Реувен Плакса из деревни Слива к востоку от Минска рассказал о своих странствиях в поисках партизан. Деревенские евреи были вывезены в небольшое гетто местечка Богушевичи, где собрали около 400 человек и, где расстрелы происходили каждый день. Вот свидетельство Плаксы:

«Мать все время настаивала на том, чтобы я и старший брат бежали… Это случилось в начале ноября [1941г.] Мы укрылись в лесу… В 1941-м в Белоруссии нам ни разу не встретились партизаны. Мы решили идти в сторону фронта… и изменить наши имена. Мы не очень были похожи на евреев… 5 декабря 1941 мы вышли к железной дороге Осиповичи – Могилев… Мы всем рассказывали, что сидели в тюрьме за хулиганство, потом пришли немцы, открыли тюрьму, выпустили нас и мы убежали домой… Добрались до Могилева. Люди подсказали нам, что для перехода по мосту через Днепр требуется немецкий документ. У нас никаких документов не было. Мы опасались, что нас разденут и увидят, что мы евреи… Так как не было возможности пересечь Днепр, мы двинулись вдоль по берегу… 1 января мы переплыли Днепр на льдине и оказались в Черниговской области. Оттуда отправились на восток и оказались в Сумской области, недалеко от города Путивль. Именно в этот день, 20 мая 1942 г., партизанское соединение Ковпака захватило город. Но чтобы попасть к партизанам, необходимо было переплыть реку Сейм в Курской области… Встреча с партизанами произошла 13 июня 1942 г… Когда мы пришли, группа следователей стала задавать нам вопросы, подозревая, что мы шпионы. Мы опередили их, сказав, что мы евреи. Они выяснили путь нашего следования, так как удивились, что два парня без документов смогли преодолеть такое расстояние… мы прошли пешком около 1,000 км. Приняли нас в партизанскую роту. Конечно, радостным для меня стал день, когда я получил ружье… В моем взводе были и другие евреи… Я не помню серьезных проявлений антисемитизма».[156]

Подобные блуждания в поисках партизан были уделом сотен евреев. Многие погибли, некоторые добрались до цели. Среди существующих свидетельств, в том числе в Книгах памяти, нет упоминаний о группах еврейских партизан, кроме одного отряда в Винницкой облас-

ти на Украине. В некоторых источниках сведений о партизанской борьбе упоминается немало имен отдельных евреев, кроме того, еврейские имена попадаются в списках различных отрядов. Это свидетельствует о большом числе евреев в рядах партизан. В именном списке, составленном 13 ноября 1942 г., в котором значатся 16 партизан из Ленинградской области, награжденных Верховным Советом СССР за отвагу в борьбе с врагом, три имени явно еврейские: Наум Исакович Голод, Лейзер Самуилович Изексон, Михаил Абрамович Фишман, получившие ордена Красной Звезды.[157] И среди носителей явно русских фамилий, возможно, были евреи.

Абсолютное большинство евреев восточно-белорусских Могилевской, Витебской и Гомельской областей были уничтожены в конце 1941 г. И всё же, когда в 1942-43 гг. здесь стали возникать партизанские отряды, евреи нашлись в их рядах. Среди них оказались и беглецы из Минского гетто, двигавшиеся на восток, в основном, в соседнюю Могилевскую область, где они присоединились к партизанам. По «минскому образцу» число еврейских партизан в Могилевской области определяется в 1.500–1.650 человек, в Витебской области в 700–800 человек, в Гомельской – в 600–700 человек.[158]

Нет цифр численности советских партизан на оккупированных территориях СССР, кроме данных о партизанах, воевавших на территории Белоруссии. Поэтому источником приводимых ниже сведений являются доступные нам документы. Автор отчета о партизанах Смоленской области, отправленного заместителю начальника политотдела Пятой армии комиссару Рязанову 17 марта 1942 г., писал:

«В проведенной мною, в соответствии с вашим распоряжением, проверке Областного комитета Компартии Смоленска, могу утверждать, что в разных районах [области] действуют следующие партизанские отряды: Темкинский [район] – 65 человек; Ярцевский – 650 человек; Семлевский – до 1,500 человек; Дорогобужский – около 2,200 человек. В двух последних районах сражаются около 40 еврейских бойцов, бывшие жители Смоленска».[159]

После операций истребления, проведенных во второй половине 1941 г. в Винничине (относившейся к генералбецирку Житомир), в ряде городов остались небольшие гетто. Почти все они были ликвидированы весной – летом 1942 г. Евреи из Винницкого и Ильинецкого гетто бежали в лес и присоединились к партизанам. В районе Гайсина и Ильинцев, на юго-востоке от Винницы, действовало несколько отрядов, в 1943 г. они объединились во 2-ю партизанскую бригаду им. Сталина под командованием А. Кондратюка, штаб которой находился в Шабелянском лесу. В отрядах бригады находились евреи, в том числе утаившие свою национальность.[160] В бригаде создали еврейский семейный лагерь, командиром которого стал советский солдат Давид Мудрик, еврей, попавший в плен, и после побега вернувшийся в Ильинцы. Основное ядро жителей семейного лагеря составили беженцы из Ильинецкого гетто, где летом 1942 г. еще жили десятки семей специалистов, а также евреи, труд которых использовался в близлежащем

колхозе. Зинаида Мудрик, жена командира семейного лагеря, свидетельствовала:

«В августовский день 1942 года немцы окружили лагерь и стали грузить узников на машины...После этого мой муж принял решение – нужно уходить в лес, к партизанам... Стариков, больных, женщин, детей решили любыми путями вывести из гетто и спрятать на время в окрестных селах, у каждого были какие-то знакомые, друзья. А молодежь, 15 мужчин и 3 женщины, темной ночью отправились в лес... Бродили по лесу, искали партизан. Наконец, мы наткнулись на партизанский патруль в Шабелянском лесу, где были расположены отряды 2-ой сталинской бригады. Партизаны показали нам, где расположиться, мы начали обустраивать свой отдельный партизанский еврейский лагерь... На второй день... принесли нам продукты и сказали, что оружием помочь не могут. «Хотите быть партизанами, вооружайтесь сами как можете»... Каждую ночь мы ходили на задания, сидели в засадах, обезоруживали немцев и полицаев, охранявших сахзаводы, минировали железную дорогу... И так мы постепенно вооружались... Мы собрали в наш отряд и стариков, женщин, детей, которых спрятали после выхода из гетто в украинских семьях... К концу 1942 г. в нашем отряде уже было около 250 человек. Всем находилась работа: стариков мой муж ставил на охрану лагеря, дети пасли в лесу скот, пожилые женщины готовили еду, стирали белье, пекли хлеб... Особенно тяжелыми были бои конца зимы 1943 и весны 1944 года. Немцы прочесывали лес... Помню последний жестокий бой с фашистами, уже перед самым соединением с частями Советской Армии. В этом бою погибло много наших бойцов... и было много раненых. В феврале 1944 года мы соединились с частями Советской Армии».[161]

В Винницкой области действовали и другие партизанские группы, включавшие евреев. Из этих групп в конце 1943 – начале 1944 гг. была образована конная партизанская бригада им. Ленина под командованием Михаила Владимирова. В официальном документе штаба партизанского движения на Украине указывается, что при расформировании бригады 1 апреля 1944 г. после прихода Советской Армии в ее рядах находился 31 еврей из 1.186 бойцов. В этом документе нет данных о погибших и о скрывавших свою национальность. Евреи были третьей по величине национальной группой в бригаде после украинцев и русских.[162] Из 359 бойцов независимой партизанской группы под командованием Владимира Слесаренко, действовавшей в Винницкой области с июня 1943 г. по март 1944 г., 15 были евреями. И здесь евреи – третья по величине национальная группа после украинцев и русских.[163] В списке евреев-партизан Винницкой области, составленном на основании именного перечня всех партизан области, упоминаются 242 человека.[164] Справедливо, однако, предположить, что в нем указаны не все евреи-партизаны, и наверняка отсутствуют имена тех, кто погиб в лесах еще до своего присоединения к партизанским отрядам, а также погибших членов отрядов. В партизанской дивизии им. Щорса, которая

действовала в Житомирской области под командованием С. Маликова, было 64 еврея; в партизанском соединении Киевской области – 63.[165]

Евреи проявляли храбрость в боях и достигали командных должностей во многих партизанских подразделениях, действовавших на территориях в старых границах СССР. Более обширное исследование могло бы выявить их имена и описать их деятельность. Здесь же приводятся только два примера: Ефим Куренцвит, уроженец Одессы, имя которого было изменено на Евгений Волянский, и Леонид Беренштейн, уроженец Шпикова Каменец-Подольской области. Оба они начали войну в звании лейтенантов Красной Армии. Попав в окружение, они не сдались в плен, а развернули партизанскую деятельность: Волянский в Смоленской области, а Беренштейн в районе Черкасс на Украине. Волянский возглавлял разведгруппу в партизанском отряде, отличился в боях, был ранен и в конце 1942 г. переправлен в Москву на лечение. После выздоровления Волянского снова забросили в немецкий тыл, и до апреля 1944 г. он возглавлял разведгруппу в партизанском соединении Якова Мельника. После прихода Советской Армии Волянский был заброшен с парашютом в Словакию, где воевал в рядах словацких партизан до окончания войны. Беренштейн стал начальником штаба отряда им. Пожарского и командовал многими операциями в районе Смелы. В конце 1943 г. его отряд соединился с Советской Армией. В мае 1944 г. Беренштейн во главе группы был сброшен с парашютом в немецкий тыл, в район Пшемышля (Польша). В сентябре 1944 г. его группа пересекла границу со Словакией и приняла участие в Словацком антинемецком восстании. После провала восстания Беренштейн со своей группой, сумел прорвать линию фронта и соединиться с советскими войсками.[166]

В книге, посвященной движению сопротивления на Украине, приводится список 2.945 имен евреев-партизан с указанием подразделений, к которым они принадлежали.[167] Список этот составлен на основе документов из архивов Западной Украины. Другой исследователь, основывающийся на анализе именных списков украинских советских партизан, обнаружил среди них имена 3.640 евреев.[168] Хранящиеся в архивах списки партизан, послужившие основой вышеприведенных вычислений, относятся только к отрядам организованного советского партизанского движения. А в лесах также находились партизаны-евреи, которые не принадлежали к организованному советскому партизанскому движению. Кроме того, в указанные выше числа не включены и еврейские партизаны, действовавшие на оккупированных территориях России, в Ленинградской, Смоленской, Курской и других областях. Число еврейских партизан в Украине и в оккупированной России, можно определить в 5.000–6.000. Здесь не учтены евреи из семейных лагерей Волыни и Восточной Галиции, примерно 4.750–5.750 человек. Эти оценки и расчеты включают также погибших.

***

На всей оккупированной территории евреи по окончании первого этапа уничтожения (начало весны 1942 г.) и до освобождения от не-

мецких оккупантов поодиночке и группами уходили в леса. Оставшиеся тогда в живых евреи уже понимали, что немецкая истребительная машина доберется и до них. Три основных фактора служили обязательным условием существования еврейских партизан и семейных лагерей: обширные лесные пространства, оружие и присутствие советских партизан.

Мощные массивы лесов, до которых можно было добраться пешком за одну или несколько ночей, находились в Белоруссии и на севере Волыни. И с 1942 г. до лета 1944 г., когда Советская Армия освободила эти земли, на них организованно действовало большинство евреев, как партизан, так и жителей семейных лагерей. В леса бежали, как правило, молодые люди, подпольщики, желавшие принять участие в партизанской борьбе, и вместе с тем видевшие в лесу свое спасение.

Для борьбы и выживания в условиях леса требовалось добыть оружие после выхода из гетто либо сразу же по приходе в лес. Источники оружия были ограничены, что в немалой степени повлияло на количество евреев, сумевших продержаться в лесу. Выживание евреев в лесу также зависело от присутствия там советских партизан и от их готовности принять к себе евреев. Деятельность советских партизан в местах, где сохранились евреи, стала ощутимой весной и летом 1942 г. Часть этих партизан была заражена антисемитизмом и причиняла вред находившимся в лесах евреям. В 1943 г., когда большинство советских партизан подчинили Центральному штабу организованного партизанского движения, их отношение к евреям улучшилось, однако выпады против евреев продолжались: их изгоняли из партизанских отрядов, отнимали у них оружие и оставляли на произвол судьбы во время немецких облав.

Расформирование еврейских партизанских отрядов производилось по принципиальным соображениям советского руководства, требовавшего разделения партизанских частей не по национальности, а по советским республикам. Однако способ роспуска еврейских отрядов носил ярко антисемитский характер.

Все впоследствии расформированные еврейские отряды возникли на аннексированных территориях, и их создатели стремились, по идеологическим и моральным соображениям, подчеркнуть свою национальную особенность и тот факт, что они борются с убийцами своего народа – нацистами Германии. Желание сохранить в условиях леса своё национальное отличие проистекало у евреев также из чувства товарищества и общности судьбы, зародившихся еще во время пребывания в гетто и совместной подпольной деятельности, а также из-за царившего в отрядах антисемитизма. А на территориях в старых границах СССР, члены еврейского подполья видели себя частью коммунистического лагеря и частью семьи народов СССР. Создание самостоятельных еврейских партизанских подразделений не было целью их прихода в лес. Но в конечном счёте не эта разница во взглядах евреев повлияла на существование или отсутствие отдельных еврейских отрядов, а политика руководства советского партизанского движения.

В особенно тяжелых условиях находились еврейские семейные лагеря. Они больше других пострадали во время немецких облав, так как именно они, а не партизаны, становились основными жертвами. Кроме того, немалое влияние на их судьбу имело отношение к ним, как к «дармоедам» со стороны многих партизан. Отношение это изменилось с середины 1943 г., когда организованное советское партизанское движение стало контролировать леса, в которых располагались семейные лагеря, и не могло игнорировать находившиеся в них тысячи еврейских женщин, детей и стариков – советских граждан. А превращение их, по инициативе Бельского, Зорина, Воляка и других, из «дармоедов» в полезное подразделение по обслуживанию боевых партизанских сил помогло решению проблемы.

На возможность существования евреев в лесу влияло и местное население. Крестьяне в зонах партизанской деятельности сильно страдали от мести немцев за помощь партизанам, и даже за недоносительство. Вместе с тем, как по патриотическим собpажениям, так и в качестве реакции на немецкий гнёт, в некоторых местах большая часть населения поддерживала партизан и помогала им. Поражение немцев под Сталинградом сделало реальной возможность возвращения Советской Армии - это тоже повлияло на отношение к партизанам населения, опасавшегося возможной мести Советов. Молодёжь из среды местного населения присоединялась к партизанам, и во многих отрядах именно они составляли большинство бойцов. Но даже и теперь их отношение к евреям в лесах не улучшилось из-за традиционного бытового антисемитизма. Вместе с тем можно отметить, что в Западной Белоруссии, где в лесах находилось большинство евреев, местное население относилось к ним лучше, чем в Западной Украине. В Литве и Латвии советские партизаны не смогли обосноваться в лесах из-за враждебности населения – тем более не смогли этого сделать евреи.

Евреи на оккупированных территориях СССР использовали леса, преследуя две цели: борьба и спасение. Не было другого такого места в оккупированной Европе, где бы десятки тысяч евреев воевали в тылу у немцев в лесах и одновременно использовали их в качестве убежища. Еврейские партизаны вместе со своими нееврейскими товарищами внесли серьёзный вклад в победу над нацистской Германией. Много еврейских партизан пало смертью храбрых. Вот некоторые из них, отличившиеся в боях, те, чьи имена вписаны в историю партизанского движения: Лейб Воляк и Ицхак Блат в Козянских лесах, Иосиф Глазман в Нарочских лесах, Алтер Дворецкий, Ехезкель Атлас и Гирш Каплинский в Липичанских лесах, Федорович в лесах Волчьей Норы, и многие, многие другие.

Отсутствуют точные данные о числе евреев в лесах, в рядах партизан и в семейных лагерях. В условиях, при которых евреи приходили в лес, жили и боролись там, не было возможности составлять списки. Приведенные выше оценки позволяют лишь предположить численность евреев, находившихся в лесах. Она представлена в следующей таблице согласно областям:

Порядковый номер	Область, регион	Количество партизан	Количество обитателей семейных лагерей	Примечания
1	Минская	2.350-2.700		Койдановские, Руденские, Копельские леса. Семейный лагерь минских евреев находился в Налибокской пуще.
2	Вилейская	950 – 1.100	900 – 1.300	Козянские и Нарочские леса
3	Вильнюсская	600 – 700		Рудницкие леса
4	Новогрудская – Барановическая	2.500 – 2.700	3.500 – 4.200	Налибокская пуща, Липичанские леса, Волчья Нора, Начский лес
5	Брест-Литовская и Пинская	3.200 – 3.750	1.500 – 2.500	Полесские леса и юго-запад Белоруссии, Брянские леса
6	Могилевская	1.500 – 1.650	Выходцы из Минского гетто	
7	Витебская	700 – 800		
8	Гомельская	600 – 700		
9	Волынская	1.700 – 1.900	2.500	Своричевичский, Кухов и Чуманские леса
10	Восточная Галиция	300 – 400	2.000 – 3.000	Черный лес, Жималов, Пьяница
11	Восточная Украина, Россия	3.000 – 3.700	250	
	Всего	17.400 – 20.100	10.650 – 13.500	

В таблице приведены названия основных лесных массивов, но, конечно, были и другие леса, в которых находились и действовали евреи. Евреи приходили в леса для участия в партизанской борьбе либо с целью найти спасение только по собственной инициативе; советское партизанское движение не предприняло никаких прямых действий по спасению евреев. Исключением является вывод сотен евреев в советский тыл через Суражские ворота, что было инициативой местных командиров и продолжалось лишь ограниченное время. Вместе с тем, благодаря существованию советского партизанского движения на оккупированных территориях, создались условия, позволившие тысячам евреев бороться с нацистским врагом и найти убежище в лесах, а некоторым – спастись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Быстров и др., *Советские партизаны...*, с. 364 – 365.
2. Иоффе, *Страницы истории...*, с. 140 – 141.
3. *Там же*, с. 144 – 145. Среди членов группы было три брата: Элиезер, Шимон и Арон Голубь; Холавски, *В гибельной буре...*, с. 148; Архив Яд Вашем, 033/2689, с. 5.
4. См. гл. 23.
5. Калкгайм, *С поднятой головой...*, с. 232 – 234.
6. А.Л. Манаенков, *Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны*. – Минск, 1983, с. 403, 436 – 438 (далее: Манаенков, *Партизанские...*).
7. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 84 – 85, 91 – 94; Холавски, *В гибельной буре...*, с. 148.
8. Холавски (*там же*, с. 149) пишет, что четвертая группа подпольщиков, вышедшая в Руденские леса на базу, где должны были находиться люди из трех предыдущих групп, обнаружила, что база покинута после боя между немцами и партизанами.
9. Манаенков, *Партизанские...*, с. 436 – 437.
10. А. Письменный, *Партизанская дружба*. – Москва, 1948, с. 156 – 157, 160 – 163 (далее: Письменный, *Партизанская дружба...*); Смоляр, *Советские евреи...*, с. 115 – 116; Холавски, *В гибельной буре...*, с. 160.
11. Манаенков, *Партизанские...*, с. 409 – 410; Письменный, *там же*, с. 164 – 165.
12. Манаенков, *там же*, с. 37 – 38; Письменный, *там же*, с. 157 – 158; Смоляр, *Советские евреи...*, с. 131.
13. Смоляр, *там же*, с. 157 – 158; Холавски, *В гибельной буре...*, с. 168; Манаенков, *там же*, с. 83 – 84. Об отряде им. Дзержинского известно, что он был создан в сентябре 1942 г. из жителей Койдановского района. Отряд им. Лазо возник в декабре 1942 г. и был распущен в феврале 1943 г., когда немцы начали облаву в лесу.
14. Смоляр, *там же*, с. 158 – 160, 166. Созданная база впоследствии получила название « отряд 166 «. Об этом подразделении далее в настоящей главе.
15. Свидетельство Шауля Рубинчука, Архив Яд Вашем, 03/3955.
16. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 170 – 175, 177 – 179. В ноябре 1942 г. начальник Центрального штаба партизанского движения Пономаренко выпустил указание партизанам Минской области, в котором он призывал их к бдительности по отношению к людям, приходящим в лес из Минского подполья, поскольку среди них есть предатели. В указании не упоминается слово «евреи», однако понятно, что оно подразумевает и тех, кто приходил из гетто.
17. Леонид Смиловицкий, *Антисемитизм среди белорусских партизан*, Ялкут морешет, 59 (апрель 1995), с. 53 – 61.
18. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 209.
19. Манаенков, *Партизанские...*

20. *Там же*, с. 403 – 510. В книге приводятся данные по числу партизан Минской области согласно бригадам.
21. Сара Шнэр – Нишмит, *Рота 51*. – Лохамей Хагеттаот, 1990, с. 303 – 308 (далее Нишмит, *Рота 51...*)
22. Гефен и др. (*Книга партизан...*, с. 163) пишут, что 20 кг соли были ценой, которую платили немцы за выдачу еврея. Находились крестьяне, зазывавшие блуждающих по дорогам евреев в свои дома, обещая спрятать, а после выдававшие их полиции... Дедушка пятилетнего Ехильчика Гутермана передал внука крестьянину из деревни Волки, которому родители мальчика оставили немалое имущество. После того, как крестьянину стало известно об их гибели, он убил мальчика. Двое детей, сыновей Ехиэля-Герша Липшина из Козян, прятались у другого крестьянина, который заявил об этом белорусскому полицаю. Полицай убил детей.
23. *Там же*, с. 164 – 167.
24. Шалом Холавски, *Сопротивление и партизанская борьба*. – Иерусалим – Тель-Авив, 2001, с. 96 – 97 (далее: Холавски, *Сопротивление...*).
25. Герлах (*Kalkulierte...*, p. 900) указывает, что 23 – 29 ноября 1942 г. немецкие силы провели облаву на партизан в Глубокском районе. Операция носила название «Нюрнберг», и в ее ходе были расстреляны 1,826 евреев.
26. Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 171 – 175; Манаенков, *Партизанские...*, с. 191.
27. Гефен и др. (*там же*, с. 177 – 178) пишут, что в бригаде «Спартак» было 150 евреев. Манаенков (*Партизанские...*, с. 192) указывает, что когда бригада соединилась с Советской Армией 4 июля 1944 г., число ее бойцов равнялось 674, из которых 77 партизан – лица «других национальностей». Логично предположить, что большинство, если не все они, были евреями. Если к этому числу прибавить число погибших до 4 июля 1944 г., можно утверждать, что евреев в бригаде было около 100.
28. Канц, *Книга памяти Швенчениса...*, с. 1727 – 1728.
29. *Там же*, с. 186 – 187; Smuschkowitz et al., *From Victims...*, pp. 191 – 192.
30. Smuschkowitz et al., *ibid*., p. 159; Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 188 – 189.
31. ГАРФ, фонд 69, опись 1, дело 1067, л. 241 – 242. Впоследствии Иван Матвеевич Тимчук, комиссар «Мстителя», был назначен командиром партизанской бригады и удостоен звания Героя Советского Союза. Калхайм, *С поднятой головой...*, с. 155 – 156, свидетельские показания об отношении Тимчука к евреям.
32. Калхайм, *там же*, с. 155 – 159.
33. Свидетельство Якова Сегальчика, архив Яд Вашем, 03.2072; свидетельство Авраама Клорина, архив Яд Вашем, 03.3483; Арон Меирович (ред.), *Книга Куренца – жизнь и гибель местечка*. – Тель-Авив, 1956, с. 144, 201, 258 – 260, 292. Свидетельства людей, перешедших линию фронта с помощью партизан через «Суражские ворота».
34. По информации из Москвы, опубликованной в Тель-Авивской газете «Давар» 27 января 1943 г., партизанская группа, которая перевела через фронт около 1.500 евреев, удостоилась похвалы.
35. Холавски (*Подполье...*, с. 70) пишет, что командир отряда «Мститель» Флориан Соколов «обратился к евреям с предложением пересечь фронт и попасть в советский тыл при условии, что они отдадут ему свое золото. Он собрал у евреев золото, драгоценности и назначил двух русских партизан их сопровождать». Точное имя Соколова не Флориан, а Анатолий Федорович, и он командовал «Мстителем» с сентября 1942 г. по сентябрь 1943 г.
36. Корчак, *Пламя в золе...*, с. 226 – 227.
37. Об организации ОПО смотри гл. 45 , раздел Б. Калхайм, *С поднятой головой...*, с. 177 – 178, 187 – 189.
38. Zygmund Boradyn, *Niemen Rzeka Niezgody*, *Polsko – Sowiecka Wojna Partyzanska na Nowogrodczyznie 1943 г. – 1944*. – Warsow, 1999, pp. 90 – 92, 100 – 102 (далее: Boradyn, *Niemen...*).
39. *Там же*, с. 291.

40. *Корчак, Пламя в золе...*, с. 229 пишет: «В разговорах между партизанами во время случайных встреч возникла идея еврейской партизанской группы, о которой многие мечтали. С приходом бойцов ОПО из Вильнюса во главе с Иосифом Глазманом возникло ядро, способное взять на себя эту задачу... Еще в гетто Глазман обдумывал идею создания еврейского отряда и, будучи посланцем ОПО, ратовавшей за объединенную борьбу евреев в гетто и в лесу, он по приходе в лес приступил к осуществлению этой идеи».
41. *Там же*, с. 229 – 230; Arad, *Ghetto in Flames...*, pp. 450-451; Хаим Лазар, *Разрушение и восстание.* – Тель-Авив, 1950, с. 213 – 214 (далее: Лазар, *Разрушение...*). Бумке Боярский пал в бою в начале 1944 г.
42. Арад, *там же*, с. 451.
43. Калхайм, *С поднятой головой...*, с. 19 – 20, 191 – 192; Шутан, *Гетто...*, с. 188 – 189.
44. Калхайм, *там же*, с. 70 – 71.
45. Эта облава, названная немцами «Фриц», проводилась с 24 сентября по 10 октября 1943 г.
46. Шутан, *Гетто...*, с. 189 – 191; Калхайм, *С поднятой головой...*, с. 72 – 73, 194.
47. Калхайм, *там же*, с. 80, 196, 200.
48. Об Исааке Блате см. Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 79 – 80. Качергинский, *Партизаны шагают...*, с. 16 – 21, 136 – 142 пишет о двух молодых партизанах из Швенчениса, бойцах отряда Вильнюс: Борис Йохай участвовал в пуске под откос 15-ти, а Ицхак Рудницкий (кличка в отряде «Толька Куницкий») 14-ти немецких поездов. Писатель Качергинский был членом отряда «Вильнюс» и вел хронику отряда.
49. Манаенков, *Партизанские...*, с. 163 – 219.
50. Корчак, *Пламя в золе...*, с. 208 – 209.
51. *Там же*, с. 253, 256 – 258; Лазар, *Разрушение и восстание...*, с. 248 – 255.
52. Корчак, *там же*, с. 252 – 258; Левин, *Борющиеся...*, с. 192.
53. Левин, *там же*, с. 188; Манаенков, *Партизанские...*, с. 4; Гефен и др. *Книга партизан...*, с. 115.
54. Гефен и др., *там же*, с. 112, 115 – 117; Корчак, *Пламя в золе...*, с. 260 – 262.
55. Корчак, *там же*, с. 275 – 277.
56. ГАРФ, фонд 69, опись 1, дело 757, л. 146.
57. *Там же*, дело 742, л. 30.
58. *Там же*, с. 31 – 32.
59. Эндлин, *На дорогах...*, с. 129. Смотри также Левин, *Борющиеся...*, с. 193.
60. Риндзенский, *Разрушение Вильнюса...*, с. 156 – 157; Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 112 – 114.
61. Boradyn, *Niemen...*, pp. 37 – 41.
62. Turonek, *Bialorus...*, pp. 120 – 122.
63. Tadeusz Bor-Komorowski, *Armia Podziemna*. – London, 1989, pp. 172 – 175, 188 – 191; Boradyn, *Niemen...,* pp. 125 – 127, 206 – 207. Об операции «Буже» см. гл. 29, раздел А.
64. Корчак, *Пламя в золе...*, с. 278 – 279, 284 – 286, 292.
65. *Там же*, с. 263; Лазар, *Разрушение и восстание...*, с. 285; свидетельство М. Базилиана, архив Яд Вашем, 1987/178-В, с. 28 – 30.
66. Туронек (*Bialorus...*, pp. 207 – 208) основывается на статье, опубликованной Пилхом в Spotkanie, польском журнале, издающемся в Париже, 21 – 22 (1984), с. 78; Борадин (*Niemen...*, p. 209) пишет, что цифра 6.000 преувеличена и не подтверждается в советских источниках. В ссылке 181 на той же странице он пишет, что в другом источнике речь идет о 600 жертвах, погибших от рук бойцов Пилха.
67. Особый архив в Москве, фонд 504, опись 1, дело 14.
68. Там же, донесение Сипо Литвы от 2 февраля 1944 г., отправленное из Риги в 4 отдел РСХА в Берлин, а также для ознакомления в Минское и Варшавское отделения Сипо. Донесение озаглавлено: «Банды белополяков (Weisspolnische Banden)». Донесение содержит 4 страницы и подробно излагает пункты соглашения. Подписано оно на-

чальником Сипо генералкомиссариата Литва оберфюрером СС д-ром Фухсом. В том же архиве, засекреченном до конца 1980-х годов, содержались документы, конфискованные советскими оккупационными войсками в Германии. О соглашении между АК и немцами написано и в польских источниках. Представителями АК в этих контактах были майор Зигмунд Шендзелаш («Лупашка») и майор Александр Кшижановски («Вилк»), оба командиры АК в Вильнюсской области. Turonek, *Bialorus...*, pp. 203 – 208; Boradyn, *Niemen...*, pp. 173 – 174, 178 – 179, 181, 206.

69. О. Капланас (ред.), *Гитлеровская Оккупация в Литве*. – Вильнюс, 1966, с. 274. Капланас пишет, что число советских литовских партизан составляло 9.187 согласно именному списку, хранящемуся в архиве КП Литвы. Эта цифра наверняка включает немало литовцев, вступивших в партизаны в последние недели перед изгнанием немцев из Литвы. В их числе были и полицейские, служившие прежде немцам. В этих данных не указывается число партизан в Рудницких лесах. Поскольку территория леса невелика, представляется, что их число, как и указывалось выше, составляло около 2.000 человек.
70. Манаенков, *Партизанские...,* с. 24 – 25.
71. Партийный архив ЦК КП Белоруссии, фонд 3599, опись 4, дело 272, л. 33 – 49 (далее: *Отчет Бельского...*). Отчет написан от руки и называется «История партизанского отряда им. Калинина». Это название официально присвоили семейному лагерю Бельского после большой облавы, прошедшей в Налибокской пуще. Отчет подписан Тувией Бельским, Мальвиным и комиссаром отряда Шелятовичем. Отчет описывает историю отряда от его возникновения до расформирования; он был подан штабу белорусского партизанского движения 16 сентября 1944 г. после прихода Советской Армии.
72. Нехама Тэк, *Семья лесных людей*. – Иерусалим, 1997, с. 80 – 82 (далее: Тэк, *Семья...*).
73. *Отчет Бельского...,* с. 3 – 4.
74. Левин, *В лесу...*, с. 113. О спасении евреев в отряде Бельского смотри также: Тэк, *Семья...*, с. 87 – 89.
75. Тэк, *там же*, с. 94 – 98.
76. Тэк, *там же*, с. 99 – 100, 110 – 111; *Отчет Бельского...,* стр. 4 – 5.
77. Тэк, *там же,* с. 112 – 113.
78. *Отчет Бельского...*, с. 6 – 7.
79. *Там же*.
80. *Там же*, с. 8. Смотри также: Тэк, *Семья...*, с. 146 – 147. Свидетельства описывают Ивана Шлятовича, русского, как очень положительного человека. В них говорится что его жена-еврейка и дочь были уничтожены немцами в Минском гетто.
81. *Отчет Бельского...*, с. 8, 10 – 11.
82. *Там же*, с. 11; Тэк, *Семья...*, с. 198 – 203.
83. Тэк, *там же*, с. 218; *Отчет Бельского...,* с. 12 – 13.
84. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 158 – 160.
85. Архив Яд Вашем, 033/2689, с. 17. Отчет написан в августе–сентябре 1944 г., спустя несколько недель после освобождения.
86. Свидетельство Анатоля Вертхайма, архив Яд Вашем, 03.3861, с. 2 – 4 (далее: Вертхайм, свидетельство).
87. Партийный архив ЦК КП Белоруссии, Минск, фонд М, опись 41, дело 83, л. 22. Документ, описывающий хронику зоринского отряда, был подан его командирами в Белорусский штаб партизанского движения.
88. *Там же*, фонд 3500, опись 4, дело 277.
89. *Там же*.
90. *Там же*.
91. Вертхайм, свидетельство, с. 5 – 7. По поводу антисемитизма в Налибокской пуще см. также: Смоляр, *Советские евреи...*, с. 171 – 184.

92. Boratyn, *Niemen...*, pp. 105 – 108, 129, 151 – 152.
93. *Там же*, с. 152, 295 – 296, обмен телеграммами между Чернышевым и Пономаренко.
94. Смоляр, *Советские евреи...,* с. 172; свидетельство Иосифа Марквинского, архив Яд Вашем, М-3126/174, с. 40 – 41; Вертхайм, свидетельство, с. 7, 22 – 24; Turonek, *Bialorus...*, pp. 121 – 122; решения ЦК компартии Белоруссии по вопросу поляков; Boradyn, *Niemen...,* pp. 158, 165 – 167.
95. Институт Истории Партии при ЦК КПБ, фонд 3500, опись 4, дело 277 (М 41).
96. Вертхайм, *там же*, с. 12.
97. *Там же*, с. 15 – 16; Смоляр, *Советские евреи...*, с. 196 – 197.
98. Смотри гл. 45, раздел 3.
99. Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 386 – 387.
100. В 1939 году Атлас, беженец из Польши, оказался в Козловщине к северу от Слонима. Он работал здесь врачом и знал многих местных жителей.
101. Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 343 – 354, 356; Шмуэль Борнштейн, *Рота доктора Атласа*. – Тель-Авив, 1965, с. 61 – 67 (далее: Борнштейн, *Рота Атласа...*).
102. Борнштейн, *там же*, с. 111 – 112; Холавски, *Сопротивление...*, с. 173 – 176, 192.
103. Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 396 – 400.
104. *Там же*, с. 390.
105. Turonek, *Bialorus...*, p. 152; Gerlach, *Kalkulierte...*, pp. 900, 907.
106. Манаенков, *Партизанские...*, с. 149.
107. Шнэр – Нешамит, *Рота...*, с. 80, 108 – 110, 113.
108. *Там же*, с. 124 – 125.
109. *Там же*, с. 125, 139.
110. *Там же*, с. 159 – 163; Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 318 – 319.
111. Шнэр – Нешамит, *Рота...*, с. 192 – 197; Манаенков, *Партизанские...*, с. 608 – 609.
112. Шнэр – Нешамит, *там же*, с. 203 – 207.
113. *Там же*, с. 174 – 175. Приводится список 171 партизана, включающий имена погибших.
114. *Там же*, с. 174 – 175. В августе – сентябре 1942 г. немцы провели широкомасштабную операцию «Зумпфибер» (Sumpfieber) против партизан на территории Белоруссия.
115. *Там же*, с. 175 – 176, 181.
116. Манаенков, *Партизанские...*, с. 25 – 28.
117. Boradyn, *Niemen...*, pp. 70 – 71.
118. Ицхак Арад, Семейные лагеря в лесах – своеобразный способ спасения, *Попытки и акты спасения в период Холокоста*, сборник лекций и обсуждений со второго международного съезда в Яд Вашем. – Иерусалим, 1976, с. 279.
119. Манаенков, *Партизанские...*, с. 95, 122 – 123, 212, 367, 407 – 408; Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews...*, pp. 218 – 219.
120. О подпольной деятельности и восстаниях в Несвиже и Клецке см. гл. 45, раздел В.
121. История отряда им. Жукова излагается по книге Шалома Холявского *Город и Лес в Осаде...*, стр. 181 и далее, а также книге М. Кагановича *Война еврейских партизан в Восточной Европе*. – Тель-Авив, 1954, с. 32, 124, 141, 286, 289, 312, 330 – 331, 348, 357 (далее: Каганович, *Война еврейских партизан...*).
122. Немецкое кодовое название этой облавы «Hornung», она охватывала лесные массивы Ланина и Ганцевичей и продолжалась с 8 по 22 февраля 1943 г.
123. Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 639; Каганович, *Война еврейских партизан...*, с. 208.
124. Гефен и др., *там же*, с. 644 – 646; Манаенков, *Партизанские...*, с. 618 (цитата оттуда).
125. Иосиф Бройда, *В лесах Брянска*. – Тель-Авив, 1974, с. 81 – 107, 113 – 118; Манаенков, *Партизанские...*, с. 97 – 101.
126. Манаенков, *там же*, с. 100, 123, 601, 628.
127. Spector (*The Holocaust of Volhynian Jews...*, p. 203 – 205) пишет о селах Гута-Степанс-

ка, Сарненского района, Панска-Долина возле местечка Млынов; Курдибан, в районе Дубно; Пшебраже вблизи Софиевки – в этих местах группы евреев были частью местных польских сил самообороны.
128. Об УПА смотри гл. 12, раздел А, и гл. 29, раздел А.
129. Spector, *The Holocaust of Vohlynian Jew*s..., pp. 210 – 212.
130. Там же, с. 218 – 219; Беренштейн и Елисаветский, *Евреи...*, с. 125 – 131. Медведев сражался в рядах Красной Армии во время гражданской войны, служил в НКВД, а до прихода в Волынские леса командовал партизанским отрядом в Брянских лесах. Смотри также: Марк Штейнберг, Партизанские командиры – евреи, *Еврейский камертон – Новости Недели* (выходящий в Израиле), 16.8.2001, с. 8 – 9, 11. Отец Медведева был евреем, но последний скрывал этот факт от окружающих.
131. Партизанские соединения Ковпака и Сабурова летом 1942 г. действовали в Брянских и Сумских лесах, на границе между северо-восточной Украиной и Россией. При немецком продвижении на Сталинград и на Кавказ Центральный штаб партизанского движения 15 сентября 1942 г. приказал этим подразделениям передислоцироваться на Украину, на западный берег Днепра, в глубь немецкого тыла для проведения диверсий на путях сообщения, ведущих к фронту, где в то время были сосредоточены основные немецкие силы. Бригады Ковпака и Сабурова прошли 700 км в немецком тылу с конца октября до начала декабря. Сабуров остался в Житомирской области и в восточной Волыни, а Ковпак продолжил движение на юго-запад.
132. ГАРФ, фонд 69, опись 1, дело 746, л. 220.
133. Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews...*, pp. 216 – 220; Беренштейн и Елисаветский, *Евреи...,* с. 67 – 69.
134. Антон Бринский, *Партизанская дружба, воспоминания о боевых делах партизан – евреев, участников ВОВ*. – Москва, 1948, с. 72; Беренштейн и Елисаветский, *Евреи...*, с. 68.
135. Беренштейн и Елисаветский, *там же*, с. 69 – 73; Spector, *The Holocaust of Volhynian Jews...*, pp. 223 – 226.
136. Spector, *ibid*, pp. 226 – 228.
137. *Ibid*., pp. 234 – 237.
138. Гад Розенблат, *Огонь охватил лес*. – Лохамей Хагеттаот, 1957, с. 100 (далее: Розенблат, *Огонь...*).
139. *Там же*, с. 237 – 240.
140. Spector, *The Holocaust of Vohlynian Jews...*, pp. 241 – 247.
141. *Ibid*, pp. 253 – 254.
142. Архив Яд Вашем, М-37/1332.
143. Spector, *The Holocaust of Vohlynian Jews...*, pp. 249 – 250, 254 – 257
144. Беренштейн и Елисаветский, *Евреи...*, с. 167. Данные приводятся по именным спискам партизан, имевшимся в распоряжении авторов.
145. Ионес, *Евреи Львова...*, стр. 303; Вайс, *Хроника Восточной Галиции...*, с. 376.
146. Ионес, *там же*, с. 305; Каганович, *Партизанская война...*, с. 245.
147. Ионес, *там же*, с. 300 – 301; Вайс, *Хроника Восточной Галиции...*, с. 106, 399 – 400.
148. Ионес, *там же*, с. 301; Вайс, *там же*, с. 144.
149. Ионес, *там же*, с. 297 – 312; Вайс, *там же*, с. 205, 223, 277, 391, 404, 413 – 414, 442, 449.
150. Ионес, *там же*, с. 311; Prus, *Atamania UPA...*, p. 170.
151. Каганович, *Партизанская война...*, с. 207 – 208. Розенблат, *Огонь...*, с. 202.
152. Розенблат, *там же*, с. 206 – 207, 210 – 211, 239 – 241, 245, 269; Гефен и др., *Книга партизан...*, с. 285 – 288.
153. Гефен и др., та*м же*, с. 243 – 244; Каганович, *Партизанская война...*, с. 152 – 153.
154. Каганович, *там же*, с. 153.
155. Беренштейн и Елисаветский, *Евреи...*, с. 212.

156. Агмон, *Запоздалое свидетельство...*, с. 214 – 217.
157. ГАРФ, фонд 69, опись 1, дело 458, л. 106.
158. Манаенков, *Партизанские...*, с. 220 – 368.
159. Центральный архив РФ, фонд Пятой армии, опись 5064, дело 18, л. 303. В Смоленске небольшое гетто просуществовало до лета 1942 г.
160. Агмон и Степаненко, *Винницкая...,* с. 116 – 118. Именной список 60 еврейских партизан, воевавших в разных отрядах бригады. *Там же,* с. 116 – 118, свидетельство Захара Сапожникова, еврея, который, находясь в плену, сумел скрыть свою национальность, бежал из плена 2 ноября 1943 г. и попал во 2-ю партизанскую бригаду им. Сталина, где тоже скрыл свою еврейскую национальность.
161. *Там же*, с. 128 – 131.
162. *Там же*, с. 132 – 145, свидетельство Софьи Зайцевой, еврейки, бежавшей из Винницы и ставшей партизанкой. Документ штаба партизанского движения на Украине, архив Яд Вашем, М-37/268.
163. Архив Яд Вашем, *там же*.
164. Агмон и Степаненко, *Винницкая...*, с. 156 – 173. Списки составлены по документам, хранящимся в Государственном архиве Винницкой области.
165. Беренштейн и Елисаветский, *Евреи...*, с. 188.
166. *Там же*, с. 79 – 111.
167. *Там же*, с. 246 – 332.
168. Шмуэль *Спектор, Евреи в партизанском движении и подполье на Украине. Тень Холокоста.* – Москва, 1998, с. 82 – 84. Спектор также обнаружил имена 560 евреев, действовавших в подполье различных городов Украины.

ЧАСТЬ ДВЕНАЦАТАЯ
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И КАТАСТРОФА

ГЛАВА 47

СОВЕТСКИЕ ВЛАСТИ, ХОЛОКОСТ И УЦЕЛЕВШИЕ ЕВРЕИ

А. СОВЕТСКИЕ ВЛАСТИ И ХОЛОКОСТ

Отношение советских властей к Холокосту вообще, и к уничтожению советских евреев, в частности, было определено, как обычно в стране, лично Сталиным. В речи, произнесенной 6 ноября 1941 г. по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции, Сталин сказал:

«Гитлеровцы... так охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим. Гитлеровская партия есть партия средневековой реакции и черносотенных погромов... Гитлер говорит: «...если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов».[1]

Насколько мы знаем, это был единственный во время всей войны случай, когда Сталин публично упоминал евреев. Но и здесь нет даже намека на угрозу всеобщего или массового уничтожения советских евреев, только упомянуты «черносотенные погромы». Сталинская речь свидетельствует о продиктованной вождём основной установке советской пропаганды в годы войны и после неё: не евреи, а славянские народы являются основной целью нацистской политики истребления.

Эта тенденция замалчивания уникальной судьбы евреев, единственного из народов Советского Союза приговорённого германскими оккупантами к тотальному истреблению, соблюдалась всеми советскими органами власти и средствами пропаганды. Информация, проливающая свет на позицию советского руководства по отношению к Холокосту, содержится в нотах, переданных наркомом иностранных дел Молотовым послам государств, с которыми Советский Союз поддерживал дипломатические отношения. Известны четыре такие ноты.

Первая нота «Жестокие акты варварства, совершенные немецкими властями против советских военнопленных» датирована 25 ноября 1941 г. В ней детально описывается зверское отношение к советским военнопленным, но не упомянут факт, что захваченные в плен солдаты-евреи и комиссары расстреливались немедленно.

Вторая нота «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях» опубликована 6 января 1942 г. В ноте немцы обвинялись в «уничтожении украинской, белорусской и других национальных культур. В злобном преследовании русской культуры немецкие захват-

чики показали всю мерзость и вандализм германского фашизма». Ничего не было сказано об уничтожении остатков еврейской культуры, сохранившейся после её прежнего преследования самими советскими властями. Далее в ноте отмечалось: *«Германские захватчики не останавливаются перед тем, чтобы всячески оскорблять национальные чувства русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван, а также отдельных лиц других национальностей, населяющих СССР.. евреев, грузин, армян, узбеков… и других представителей советских народов».*[2]

Об убийстве евреев Киева говорится:

«Немецкие захватчики учинили страшный погром в украинской столице Киеве. За несколько дней немецкие бандиты убили и расстреляли 52 тысячи мужчин, женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими, евреями, чем-либо проявившими свою преданность советской власти. Вырвавшиеся из Киева советские граждане описывают потрясающую картину одной из этих массовых казней: на еврейском кладбище г. Киева было собрано большое количество евреев… расстреляли их из автоматов… Много массовых убийств совершено германскими оккупантами в других украинских городах, причем эти кровавые казни особенно направлялись против безоружных и беззащитных евреев из трудящихся».[2]

Третья нота Молотова появилась в советских газетах 27 апреля 1942 г. Гитлеровцы, говорится в ноте, намереваются уничтожить «русских, украинцев, белорусов и другие народы Советского Союза». Далее нота сообщает об убийстве десятков тысяч граждан в Керчи, Пинске, Минске, Витебске, Харькове и других городах на оккупированных территориях. В ноте ни слова о том, что почти все эти убитые были евреями

Четвертая нота от 11 мая 1943 г. касается депортации советских граждан в Германию.

Уничтожение евреев упоминалось только во второй ноте, но и там не говорилось о всеобщем их истреблении, о котором в это время было уже известно в Кремле. В ноте не сообщалось, что казни направлены против всех евреев без различия пола и возраста, а выделялись как жертвы только «евреи из трудящихся». Читатель этих нот, опубликованных в советских газетах, мог понять, что немецкая политика уничтожения направлена, главным образом, как сказано в третьей ноте, против «русских, украинцев, белорусов и других народов Советского Союза».

22 ноября 1942 г. была создана «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Ее председателем стал член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.М. Шверник. Центральной Комиссии подчинялись организованные в республиках комиссии, их возглавили в Украине Н.С. Хрущев, а в Белоруссии П.К. Пономаренко – первые секретари республиканских компартий. В каждом освобожденном городе и регионе были созданы местные комиссии, собиравшие свидетельства

о периоде оккупации.

Свидетели давали местным комиссиям показания о преследовании и убийстве евреев. Но комиссии при составлении заключительных отчётов слово «еврей» обычно заменяли, согласно указаниям властей в Москве, термином «советские граждане».[4] То был результат политики советского руководства, направленной на замалчивание уникальной судьбы евреев.

Замалчивание Катастрофы евреев продолжалось и после войны. Это иллюстрирует запрет властями издания «Черной Книги». Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК) создал весной 1944 г. литературную комиссию во главе с Ильёй Эренбургом и Василием Гроссманом для подготовки издания «Черной Книги» – сборника литературных очерков и документов об уничтожении гитлеровцами и их пособниками советских евреев. В книгу должны были войти рассказы спасшихся евреев, свидетелей зверств, немецкие приказы, дневники и показания палачей. Предполагалось показать глубину трагедии советских евреев. ЕАК ещё до создания литературной комиссии, летом 1943 г., в газете на идиш «Эйникайт» призывал присылать в комитет свидетельства об истреблении гитлеровцами евреев.

После многих обсуждений и споров в ЕАК по поводу окончательного текста книга весной 1946 г. была уже в печати. Но осенью того же года издание «Черной Книги» приостановили якобы из-за недостатка бумаги. В конце ноября председатель ЕАК С. Михоэлс, И. Эренбург и В. Гроссман обратились к секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Жданову с просьбой дать указание государственному издательству о выделении бумаги для «Черной Книги». Г.Ф. Александров, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), которому было передано это письмо, доложил Жданову 3 февраля 1947 г., что в «Черной Книге» фальсифицируется история и Управление пропаганды считает её издание «нецелесообразным».[5]

Запрет издания «Черной Книги», как и высказывания Сталина, ноты Молотова, публикации Чрезвычайной государственной комиссии, имели одну цель – замалчивание исторической правды об уникальной судьбе евреев – единственного из советских народов, обречённого гитлеровской Германией на всеобщее истребление.

Б. ВОЗВРАЩЕНИЕ УЦЕЛЕВШИХ ЕВРЕЕВ НА ПРЕЖНЕЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА

По мере освобождения Советской Армией захваченных городов и сел евреи начали возвращаться в родные места. Часть районов, отличавшихся до войны многочисленностью еврейского населения, была освобождена во второй половине 1943 г., другие – до середины лета 1944 г. В освобожденных городах и местечках евреев не было – немцы их уничтожили. Единственными местами, где Советская Армия освободила гетто и лагеря с живыми евреями, были Транснистрия и Черновцы, находившиеся под румынской властью.

Первыми в города и местечки начали возвращаться евреи-одиноч-

ки и небольшие группы, уцелевшие благодаря тому, что скрывались в укрытиях либо имели арийские документы, а также партизаны, возвращавшиеся из лесов. Вслед за ними постепенно расширяющимся ручейком потекли из советского тыла эвакуированные. Первыми оттуда вернулись еврейские инвалиды войны, их демобилизовали из армии еще до победы. А в конце войны возвратились тысячи фронтовиков. К этому еврейскому населению прибавлялись евреи, освобожденные войсками союзников из немецких концлагерей; несколько тысяч из них решили вернуться на свое прежнее место жительства.

Данных о количестве евреев, вернувшихся в освобожденные районы до 1948 г., не имеется, его можно определить лишь весьма приблизительно, основываясь на данных переписи населения, проведенной в 1959 году. Согласно переписи, общее число евреев в этих районах составляло 1.230.000 человек.[6]

Можно предположить, что подавляющее большинство евреев, эвакуированных в советский тыл, вернулось на прежнее место жительства до конца 1948 г. – главным образом, из-за тяжелого положения в местах их эвакуации. Кроме общих страданий, выпавших в годы войны и эвакуации на долю всего населения, евреи страдали еще и от проявлений антисемитизма. В рапорте сотрудников НКВД в конце августа 1942 г. руководителю НКВД Л.П. Берия о евреях, эвакуированных в Узбекистан, говорится:

> *«Антисоветские элементы используют недовольство местных жителей (увеличивающееся из-за сокращения количества жилых помещений, роста цен на рынке и т.д.) и усиливают антисемитскую контрреволюционную пропаганду. Вследствие этого в Узбекистане имели место три случая избиения евреев и выкрикивания антисемитских лозунгов».*[7]

Действия подобного рода происходили и в других местах пребывания эвакуированных евреев. Не удивительно, что, как только стало возможным, большинство из них вернулось туда, где они жили раньше.[8] Другой причиной их возвращения была надежда найти кого-то из своих близких, оставшихся под немецкой оккупацией. Они собирались получить обратно бывшие свои квартиры и вернуться на прежнюю работу.

С 1948 по 1959 годы произошли демографические изменения в составе еврейского населения рассматриваемых районов: естественный прирост был небольшим – только один процент в год. В Белоруссию и Украину продолжал течь скудный поток евреев, которые во время войны переехали в другие места. Одновременно в те же годы евреи из Белоруссии и Украины уезжали в города России, продолжая тем самым процесс, начавшийся до войны.

Большинство евреев, зарегистрированных в переписи 1959 г. как жителей прибалтийских республик, переехали туда из Белоруссии и Украины, ибо количество уцелевших прибалтийских евреев, включая тех, кто вернулся туда из СССР, было меньше числа евреев, оказавшихся там в 1959 г. Кроме того, многие вернувшиеся в эти республики там не остались. Соответственно соглашению о репатриации между СССР и

Польшей, Румынией и Чехословакией, большинство евреев – бывших польских граждан вернулись в Польшу.[9]

Евреи – граждане Румынии вернулись в Бессарабию, евреи из района Черновцов переехали в Румынию.[10] Значительная часть евреев Закарпатья, присоединенного к Украине, уехала в Чехословакию.[11] Во время переписи 1959 г. в этих районах находились в основном евреи, приехавшие со старых территорий Советского Союза.

Ввиду отсутствия данных о количестве евреев, вернувшихся в освобожденные районы до конца 1948 г., и принимая во внимание вышеуказанные демографические изменения, можно на основе данных переписи 1959 г. и некоторых предположений определить число евреев в освобожденных районах в 1944–1948 гг. в примерно 950.000–1.100.000, что составляет 80-90% от числа евреев, зарегистрированных в переписи 1959 г.

Вернувшиеся в освобожденные районы нашли страну разрушенной куда больше, чем другие европейские страны. Многие жилые дома, промышленные предприятия, были полностью уничтожены. В поисках крыши над головой или работы люди любой национальности сталкивались с невероятными трудностями, но евреям приходилось хуже всех. Неевреи, вернувшиеся в города и села, находили свои квартиры и имущество хотя бы частично сохранёнными попечением их близких, остававшихся в оккупации и в большинстве своем выживших. Даже если дома были разрушены, им было к кому обратиться за помощью и у кого переночевать. Евреи же, вернувшиеся в свои города, с первого дня нуждались в помощи местных властей для получения жилья, продовольственных карточек, работы. Партизаны и узники лагерей приезжали, не имея при себе ничего, кроме весьма потрепанной одежды, которая была на них. Еврей, вернувшийся с семьей из Узбекистана в Ровно (Волынь), свидетельствовал:

«В сентябре 1944 г. я с семьей находился в Ташкенте... Как только я услышал, что Красная Армия вошла в Ровно... уложил свои немногие скудные пожитки в мешок и вместе с женой и маленькой дочерью отправился в путь... Прибыли в Ровно... Куда нам идти, к кому обращаться? ...Человек в форме железнодорожника с фонарем в руке прошел мимо нас. Я спросил его, где здесь живут евреи. Он не знал, что мне ответить... Мы зашли в первый попавшийся барак, разбитый и пустой. Ночь, проведенная в нем, показалась нам бесконечной... Наутро я отправился в город... Обратился к прохожему с вопросом: есть ли здесь евреи? Он ответил, что несколько евреев сидят в своей синагоге... Я направился к большой синагоге. Наверху, на женской половине, сновало десять-двенадцать евреев... Лица людей выражали тоску и подавленность. Никого из них я не знал. Они-то и составляли все еврейское население большого города, уцелевшие остатки общины, насчитывавшей три десятка тысяч евреев и более... В тот же день я устроился в синагоге, и мы влились в семью уцелевших – выживших, которые стали нам близкими по велению судьбы».[12]

В. ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТЕЙ К ВОЗВРАТИВШИМСЯ ЕВРЕЯМ

Местные власти, столкнувшиеся с большими трудностями при восстановлении разрушенного войной хозяйства, протестовали против возвращения евреев. Положение евреев обязывало чиновников отдавать решению их проблем предпочтение сравнительно с проблемами вернувшихся неевреев. Служащие советского или партийного аппарата не хотели знать о выпавших на долю евреев трудностях. В местных органах власти евреи не только не находили понимания – они столкнулись с дискриминацией и антисемитизмом, который за время войны стал сильнее прежнего, особенно на бывших оккупированных территориях. Требование возвратившихся евреев вернуть им квартиры и вещи, которые в данный момент находились в распоряжении неевреев, вызвало только рост антисемитизма.

К бытовому антисемитизму прошлых времен добавился государственный антисемитизм. Вернувшиеся евреи не могли действовать коллективно, чтобы тем самым облегчить себе решение проблем – советский закон не признавал подобной солидарности. Каждый еврей, каждая семья были вынуждены в одиночку бороться с огромными трудностями, громоздившимися на их пути к новой жизни. Тяжелое положение возвратившихся евреев и их отчаянный вопль о помощи отражены в письмах, которые они направили в ЕАК и Илье Эренбургу в Москву в надежде, что им помогут. Вот что написано в одном из писем Эренбургу:

«22 июля 1944 г.… В Одессе, где недавно было 200.000 евреев, теперь нас менее 200… Впечатление таково, что самим фактом своего появления евреи испортили настроение большинству русских граждан, которые сердятся, что вернувшиеся с того света требуют не только жилья, но и мебели, которую они оставили…

Июль 1944… До сих пор мы не получили ни одежды, ни обуви, о которых Вы писали. Подарки американцев [имеются в виду посылки «Джойнта»] были розданы другим, а узники гетто [евреи] не получили ничего… Мой чрезвычайно убогий вид не позволяет мне вернуться к жизни и к работе. До холодов, которые сейчас наступили, я испытывал только моральные страдания из-за своего жалкого вида; сейчас же я коченею от холода днем и ночью, поскольку у меня нет ничего. Постелью мне служит моя одежда. Я все время простужаюсь и болею…»[13]

В другом письме к Эренбургу пишется о положении еврейских колхозников из Херсонской области, которые вернулись из эвакуации и просят вернуть им их хозяйства:

«4 сентября 1944 г… Местные власти не предпринимают ничего, чтобы вернуть им их хозяйства… Эвакуированные не получают разрешений на возвращение на прежнее место жительства… Когда же вернувшиеся обратились к местным властям, председатель района Калининдорф ответил им так: «Зачем вы вернулись? Кому вы здесь нужны, вас сюда никто не звал».[14]

Множество подобных писем пришло в Москву, в ЕАК. В письме из города Полонное (Украина), состоявшем из двух строчек, слышится отчаянный крик:

«Дорогие друзья, спасите нас от голода! Пришлите посылку с едой и одеждой! Я стыжусь просить помощи у вас, братья, но у меня нет выбора! Мы вас никогда не забудем!»[15]

ЕАК старался помочь этим людям. В письме, отправленном 19 мая 1944 г. В. Молотову, заместителю председателя Совета Народных Комиссаров, за подписью председателя ЕАК С. Михоэлса и секретаря Ш. Эпштейна, говорится:

«Изо дня в день мы получаем из освобожденных районов тревожные сведения о чрезвычайно тяжелом моральном и материальном положении оставшихся там в живых евреев, уцелевших от фашистского истребления. В ряде местностей (Бердичев, Могилев-Подольский, Балта, Жмеринка, Винница, Хмельник, ст. Рафаловка Ровенской области и других) многие из спасшихся продолжают оставаться на территории бывшего гетто. Жилища им не возвращаются. Не возвращается им также опознанное разграбленное имущество. После пережитой уцелевшими евреями катастрофы местные власти не только не уделяют им должного внимания, но подчас грубо нарушают Советскую законность, ничего не делая, чтобы создать для них советские условия жизни.

Оставшиеся на местах пособники Гитлера, принимавшие участие в убийствах и грабежах советских людей, боясь живых свидетелей совершенных ими злодеяний, всячески способствуют упрочению создавшегося положения... Обращает на себя внимание и тот факт, что получаемая Красным Крестом из различных стран помощь вещами и продуктами для эвакуированных и реэвакуированных к нуждающимся евреям редко доходит. Следует указать на то, что зарубежные еврейские организации организовывают помощь пострадавшему от войны советскому населению без различия национальностей, но все же уделяют внимание районам со значительным количеством евреев».[16]

Молотов довел содержание письма до сведения Берии и Маленкова, секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии. Берия в своем ответном письме Молотову предложил следующее:

«Дать указание ЦК и СНК Украины – Хрущеву принять необходимые меры помощи по трудовому и бытовому устройству в освобожденных районах евреев, подвергшихся особым репрессиям со стороны немецких оккупантов (концлагеря, гетто и др.), в частности, определить в первую очередь в детские дома детей-сирот и детей остро нуждающихся родителей».[17]

Молотов передал председателю Совета Народных Комиссаров и секретарю ЦК Коммунистической партии Украины Хрущеву письмо ЕАК, а также предложение Берии. Кроме того, принятие мер по оказанию помощи вернувшимся евреям он возложил на наркома внешней торговли Крутикова, который отвечал за распределение помощи, пос-

тупавшей из-за границы через добровольческие организации. Крутиков направил соответствующие указания Совнаркомам Белоруссии и Украины. Ни письмо ЕАК Молотову, переданное им Хрущеву для принятия необходимых мер, ни указания Крутикова не оказали существенного влияния на отношение местных властей к евреям.

Эта тема повторно поднимается в другом письме ЕАК, которое Михоэлс и Эпштейн отправили Молотову 28 октября 1944 г. В нем отмечалось, что «пренебрежение интересами еврейского населения при распределении помощи, поступающей из-за границы, продолжается».[18] Молотов, получив это письмо, отдал распоряжение заместителю наркома государственного контроля Попову проверить жалобу Михоэлса и Эпштейна и потребовать от виновных отчет в их действиях. Подчиненные Попова провели проверку на Украине, в Белоруссии и в России и в своём отчете от 21 ноября 1944 г. отметили, что жалобы на притеснение еврейских рабочих необоснованны. Они привели подробные цифровые данные о распределении помощи среди рабочих, отметив среди них процент евреев.[19] Данные отчета не были достоверными: распределение зарубежной помощи происходило на рабочих местах, а подавляющее большинство вернувшихся евреев не сумело устроиться на работу из-за дискриминации при приеме – тем самым они оказались вне сферы распределения помощи.

Начальник КГБ Украины Савченко писал Хрущёву в ноябре 1944 г. в документе, озаглавленном «Специальное сообщение об антисемитских проявлениях на Украине»:

> *«По мере освобождения территории Украины, органами НКГБ УССР почти повсеместно в городах стали фиксироваться случаи резких антисемитских проявлений со стороны местного населения. В последнее время в ряде пунктов УССР нашими органами отмечается нарастание антисемитских проявлений, в отдельных случаях имеющих тенденции к открытым выступлениям погромного характера. Анализируя причины, порождающие антисемитизм и его широкое распространение в настоящее время, следует сказать, что в основе этого, в первую очередь, лежат следы немецко-фашистской пропаганды и пропаганды украинских националистов, которую они вели в отношении евреев во время оккупации… В настоящее время, в связи с возвращением граждан, ранее проживавших в Киеве и других городах на Украине, в том числе и еврейского населения, по отношению к ним зафиксированы антисемитские проявления, в основном исходящие от лиц, проживавших на оккупированной немцами территории.*
>
> *Установлено, что руководители отдельных учреждений и предприятий, не понимая и искажая существо вопроса о подборе и воспитании национальных украинских кадров и комплектовании ими государственного аппарата УССР, иногда скатываются на антисемитские позиции. Зачастую некоторые руководители учреждений и предприятий совершенно беспричинно отказывают в приеме на рядовую работу лицам еврейской национальности».*[20]

Далее Савченко отмечает, что сами евреи виноваты в усилении антисемитизма: во-первых, из-за низкого процента евреев в рядах Красной Армии, во-вторых, из-за провоцирующего поведения некоторых элементов из еврейской среды. В документе перечисляются случаи антисемитизма и многочисленных резких выпадов против евреев, а также примеры слухов, которые распространяют евреи, и их националистических высказываний. Через весь документ красной нитью проходит утверждение, что немецкая пропаганда и пропаганда украинских националистов, с одной стороны, и «провоцирующее поведение» евреев, с другой стороны, повинны в усилении и распространении антисемитизма. Относительно действий КГБ сказано так: *«Мы приняли меры по выявлению вражеских агентов среди людей, активизирующих антисемитские поступки и распространяющих провокационные слухи, с целью их ареста. Одновременно мы проводим работу по выявлению националистических сионистских элементов среди еврейского населения и разоблачению их антисоветской деятельности».*[21]

Политика дискриминации и антисемитизма, проводимая советской властью, не позволявшая евреям занимать руководящие должности в государственном аппарате и на промышленных предприятиях, зародилась еще в годы войны. Наиболее отчетливые ее проявления, заметные уже в начале 1943 г., выражались в увольнении евреев, занимавших видные посты в области культуры и средств массовой информации.[22]

В соответствии с государственной политикой евреев не принимали на прежние места работы и на должности, которые они занимали до войны. «Украинизация» государственного аппарата и руководящих должностей в культурных учреждениях, на промышленных предприятиях и в экономике Украины и такая же политика в других советских республиках нанесли евреям урон.

Попытки возродить еврейскую культуру, даже в том малом объеме, в каком она существовала до войны, столкнулись с большими трудностями. Например, Еврейский Государственный Театр Украины, который прежде находился в Киеве и куда он вернулся после эвакуации, был переведен в Черновцы. Еврейский Государственный Театр Белоруссии с большим трудом получил разрешение на возвращение в Минск, но прежнего помещения, где раньше шли его спектакли, театру, в отличие от белорусских театров, не вернули, и ему пришлось довольствоваться другим местом и скупо выделенным временем (два раза в неделю) для репетиций и спектаклей. Еврейский журнал «Дер Штерн», правда, возобновил свою работу в Киеве, но его тираж сократили. В Киеве, Минске, Вильнюсе и других городах закрыли прежние издательства на идиш.[23]

По мере увеличения числа вернувшихся положение евреев становилось все хуже. В начале сентября 1945 г. в Киеве произошел погром, в котором было убито пятеро евреев, многие были ранены. 16 октября 1945 г. группа демобилизованных еврейских солдат, вернувшихся в Киев, написала об этом письмо Сталину, Берии и редактору газеты «Правда»:

«Возвратившись после четырехлетнего отсутствия в наш родной г. Киев… мы, группа демобилизованных коммунистов-фронтовиков, были удручены, когда узнали, что делается в Киеве… Здесь сильно еще чувствуется влияние немцев… Слово «жид» или «бей жидов» – излюбленный лозунг немецких фашистов, украинских националистов и царских черносотенцев со всей сочностью раздается на улицах столицы Украины, в трамваях, в троллейбусах, в магазинах, на базарах и даже в некоторых советских учреждениях… это имеет место в партийном аппарате… Все это в конечном итоге и привело к еврейскому погрому, который недавно имел место в Киеве…

В первых числах сентября с.г. на одного еврея-майора НКВД УССР посреди улицы напали два антисемита в военной форме и после нанесенных ему оскорблений тяжело избили его. Не выдержав всех этих издевательств и, видимо, морально тяжело переживая за все то, что сейчас переживают в Киеве все евреи… майор, находясь в состоянии аффекта убил из револьвера этих двух антисемитов. Этот выстрел послужил сигналом для начала еврейского погрома… За один этот день было избито до ста евреев, причем тридцать шесть из них были отвезены в тяжелом состоянии в больницы г. Киева и пять из них в этот же день умерли.

Это стало потому, что ЦК КП/б/У и СНК УССР не только не вели никакой политико-массовой и разъяснительной работы по отношению к евреям, но, напротив, возглавили разжигание национальной розни… они организовали изгнание евреев из советского и партийного аппарата… Достаточно взглянуть на статистику этих кадров, то станет ясным, что большинство из них оставалось на Украине при немцах, активно сотрудничало с немцами, а сейчас они, как и раньше, оказались на руководящих должностях. Им-то, оказывается, можно доверять больше, чем евреям».[24]

Авторы письма, как и другие возвратившиеся евреи, все еще верили, что антисемитизм, с которым они столкнулись по возвращении, имеет местные корни, если же сведения о нем дойдут до советского руководства в Москве, положение изменится. В первые два-три года после освобождения украинское правительство во главе с Хрущевым искало путей примирения с националистическими кругами, среди которых были те, кто сотрудничал с немцами и убивал евреев. Им хотели дать возможность влиться в советскую жизнь. Жалобы евреев на убийц получали от властей ответ: *«Сейчас мы ведем войну против врага всего человечества… Когда наступит мир, выясним, кто из вас прав – украинцы или евреи».*[25]

Всё же, несмотря на трудности, евреи начали постепенно устраиваться на работу, а также занимать руководящие должности в промышленности, управлении, экономике, медицине и культурной жизни,[26] но партийный и правительственный аппараты, за редким исключением, для евреев были закрыты. В марте 1947 г. еврей Лазарь Каганович, член Политбюро и один из приближенных Сталина, был назначен Пер-

вым секретарем ЦК Компартии Украины вместо Хрущева, который продолжал занимать пост Председателя СНК УССР. Каганович не пытался улучшить положение евреев, но можно предположить, что сам факт его назначения знаменовал некоторое уменьшение дискриминации, которой государство подвергало евреев.

Положение в Белоруссии не отличалось от положения на Украине. Первыми евреями, вернувшимися в Минск, были несколько тысяч еврейских партизан и небольшое количество семей, прятавшихся в лесах. Большинство пришедших из лесов составляли беглецы из Минского гетто. Возвратился и Гирш Смоляр – один из руководителей подполья и партизанских командиров в лесах. У вернувшихся евреев не было ничего, и еврейские коммунисты, которые вернулись в город, а среди них и Смоляр, решили обратиться к правительству с просьбой помочь возвращающимся материально, а также дать им возможность организовать еврейскую культурную жизнь. О встрече с секретарем Центрального Комитета КП Белоруссии В. Закордаевым, который занимался общественными делами, Смоляр писал:

«Закордаев реагировал нервно и нетерпеливо на мои слова, когда я изложил главную причину своего посещения – положение вернувшихся, которые лишены крыши над головой… Люди раздеты и разуты, не имеют куска хлеба на завтрашний день. Я говорил также о перспективах возрождения еврейской культурной жизни – как о способе доказать, что германским варварам не удалось уничтожить еврейскую культуру… Когда я закончил… секретарь ЦК словно бы задал мне вопрос, но на самом деле произнес утвердительно, как установленный факт: «Среди всех народов и национальностей СССР никого не ненавидят так сильно, как евреев». Больше в присутствии Закордаева я не произнес ни слова».[27]

Смоляр и два еврейских писателя обратились также к руководителю правительства Белоруссии и Первому секретарю ЦК КП Белоруссии, П. Пономаренко. Об этой встрече Смоляр писал:

«Глава правительства терпеливо выслушал мои слова о положении возвратившихся евреев… В этот вечер мы услышали от Пономаренко слова, полные ненависти, в которых звучали самые страшные обвинения и угрозы: «Это вы организовали еврейские банды, чтобы они били инвалидов войны, это вы устроили еврейское националистическое сборище с сионистскими речами. Мы положим этому конец».[28]

В другом месте Смоляр цитирует еще одно высказывание Пономаренко во время той встречи: «Почему, если обижают Ивана, один Иван чувствует себя задетым, а если обижают еврея, обиженным чувствует себя весь еврейский народ?»[29] Говоря о «еврейских бандах» и «сионистских речах», Пономаренко имел в виду определенные события. В ответ на нападения на евреев и их избиения бандами антисемитов, еврейские партизаны и инвалиды войны организовали в Минске группу для отпора антисемитам. Ее-то и имел в виду Пономаренко, говоря о «еврейских бандах». В те же дни евреи в Минске организовали литера-

турное собрание на тему «Советская еврейская литература в борьбе с гитлеровским фашизмом». Выступали Смоляр и еврейские поэты, из публики слышались одобрительные высказывания о еврейской нации. Это-то и представлялось Пономаренко «националистическим сборищем с сионистскими речами».

Г. ИНИЦИАТИВА ЕВРЕЙСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

В присоединённых к СССР в 1939-1940 гг. районах со сравнительно «свежими» традициями еврейской жизни и деятельности были попытки организоваться и возбудить более энергичные их проявления. В начале сентября 1944 г., полтора месяца спустя после освобождения, в Вильнюсе собралось около 2.000 евреев. По инициативе группы религиозных евреев и с разрешения властей была создана еврейская религиозная община. Она начала регистрировать евреев города, открыла отдел розыска родственников и синагогу. Об этом Шмерке Качергинский писал в своем дневнике:

«12 сентября 1944 г. из Америки прислали много одежды. В некоторые вещи были вложены записки на идиш... Тем временем эти вещи были розданы неевреям. В общине записались 1.400 нуждающихся в одежде. Большинство ходит в обносках и рванье, босиком, без пальто. Уже холодно, и они мерзнут... Делегация от общины вот уже несколько дней бегает по разным учреждениям, обращается к разным людям, и все без толку».[30]

По инициативе нескольких евреев – бывших партизан, уже в первые дни после освобождения начался поиск архивных документов, книг и художественных ценностей, спрятанных перед ликвидацией гетто. Целью было организовать «Музей еврейского искусства и культуры», а в будущем, с появлением учёных, – исследовательский институт. Созданию музея препятствовали власти, утверждавшие, что никакой необходимости в отдельном еврейском музее нет, и что он может стать частью Государственного литовского музея. После долгих дискуссий все-таки решили музей открыть, но назвать его «Комиссией по сбору материала», которая будет работать при отделе искусства Министерства культуры.[31]

Ходатайство евреев об открытии начальной еврейской школы и интерната для детей-сирот с объяснением, что в обычных школах эти дети не могут успешно учиться из-за «далеко не дружественного» отношения к ним учеников и учителей-неевреев, а также из-за трудностей с языком – эта просьба была в конце концов удовлетворена. Правда, власти разрешили открыть школу только для детей, спасенных из районов, оккупированных немцами. Детям, эвакуированным из Вильнюса, а затем вернувшимся, в этих школах учиться не разрешалось под тем предлогом, что они не испытывают затруднений с языком и вполне могут учиться в русской школе.[32]

В Каунасе евреи открыли школу, которая являлась одновременно детским домом для сирот.[33] В Черновцах, где собралось около 20.000 евреев, прежде чем большинство из них уехало в Румынию, также раз-

решили открыть еврейскую школу.[34] Преподавание в этих школах велось на идиш.

Евреи, возвращаясь, предпочитали селиться в крупных городах. Вот что писал об этом еврейский офицер Советской Армии, делясь с Эренбургом впечатлениями от своей поездки по Западной Белоруссии:

«Здесь осталось совсем немного евреев. В местечке Козловщина, например, осталось два человека, в Щучине – около двадцати, в Дзятлове, в самой крупной из известных мне общин, – около ста. В Криниках – семь человек. Большинство уцелевших – это евреи, потерявшие всех близких... Чтобы отвлечься от своего одиночества, они стремятся находиться среди других евреев, с которыми можно делить общее горе, говорить на родном языке и т. д... Мне кажется, что будет правильным переселять евреев из маленьких общин (от двух до двадцати человек) в места, где проживает гораздо большее количество евреев».[35]

Вернувшиеся евреи по своей инициативе перебрались в города, где концентрация евреев была гораздо выше. Скопление евреев в больших городах наблюдалось и до войны, но теперь прибавились новые причины, отмеченные автором письма Эренбургу. Срабатывали также антисемитизм и ощущение опасности, которые существовали и после освобождения. На аннексированных территориях против советской власти действовали националистические литовские группировки, группы поляков из Армии Крайовой и украинские националисты из УПА. Все они убивали в числе прочих и евреев – в основном, в маленьких местечках и на дорогах. Например, в местечке Эйшишкес возле Вильнюса фашистско-польская банда во второй половине 1944 г., через несколько месяцев после освобождения, убила пятерых евреев. В карманах убитых были найдены записки, в которых говорилось: «Так будет с каждым евреем, который остался в живых».[36]

Поблизости от местечка Чемеровцы (район Каменец-Подольска) 24 ноября 1944 г. украинские националисты остановили машину, вытащили из нее троих евреев и убили их.[37] В местечке Василу на Буковине банда украинцев-националистов в 1945 году убила четырех евреев.[38] Эта ситуация постоянной опасности, наряду с репатриацией в Польшу, Румынию и Чехословакию, привела к сокращению числа евреев в местечках и к переходу оставшихся в более крупные города.

Во Львове, освобожденном в июле 1944 г., первые спасшиеся сразу по возвращении организовали Еврейский Комитет. Перепись, проведенная Комитетом два месяца спустя после освобождения, выявила в городе 3.400 евреев. При переписи, проведенной еще через два месяца, евреев оказалось 2.571, из них только 813 проживало здесь прежде, остальные же – жители предместья, которые предпочли перебраться во Львов. Уменьшение числа евреев в городе, несмотря на то, что евреи продолжали сюда прибывать, можно объяснить их массовым отъездом в Польшу. Сокращение количества евреев-горожан было, однако, временным, поскольку с возвращением эвакуированных их число снова стало увеличиваться. Еврейский Комитет города просущество-

вал совсем недолго – в 1945 году власти запретили его работу, мотивируя это тем, что советский закон отвергает еврейскую общественную деятельность.[39]

Одним из предназначений еврейских организаций на аннексированных территориях было решение проблемы еврейских детей. Во время оккупации родители отдали сотни, а может, и тысячи детей в христианские семьи, некоторых – даже в монастыри. Большинство родителей погибло в Катастрофе, и дети остались сиротами. Уцелевшие родители или родственники, а также еврейские комитеты прилагали немало усилий, чтобы вернуть таких детей в лоно еврейства, к своему народу. Это стало нелегкой задачей, поскольку вся деятельность велась без какой-либо помощи со стороны государства, а иногда и вопреки мнению властей. Найти таких детей было тяжело, но еще тяжелей – убедить тех, у кого они находились, вернуть их. Случалось, что за возвращение ребенка спасители требовали деньги. Не раз приходилось прибегать к помощи еврейских офицеров или солдат – страх перед ними действовал на тех, кто удерживал детей. Иногда и сами дети, не помнившие родителей и успевшие привязаться к своим спасителям, которых они считали родителями, не хотели покидать новые семьи, и нужно было искать различные средства убеждения. Детей, которых удавалось вернуть, передавали родственникам и еврейским семьям.[40] На старых территориях, напротив, детей-сирот не возвращали евреям, а отправляли в государственные детские дома.[41]

Одним из вопросов, которые занимали вернувшихся евреев во всех освобожденных районах, был поиск мест казней и захоронений жертв Катастрофы. Евреи требовали от властей обнести оградой эти места и установить там памятники, на которых будет написано, что именно произошло в этом месте и кто эти жертвы. Когда подобное требование не выполнялось, евреи сами делали все необходимое. Ежегодно в день памяти погибших они собирались, приезжали на могилы и проводили там траурные собрания. Когда же еврейские коммунисты и члены подполья Вильнюсского гетто обратились к властям с просьбой организовать 26 июля 1946 г. вечер памяти, посвященный годовщине смерти командира подполья Вильнюсского гетто коммуниста Ицхака Витенберга, их просьба была отклонена.[42]

Такие собрания обычно проводились без разрешения властей и объявлялись ими незаконными, что вызывало растущее недовольство евреев. Евреи занимались также восстановлением еврейских кладбищ, во множестве разрушенных за годы оккупации, и собирали деньги на эти цели. Один из вернувшихся в Ригу, например, писал: *«Мы собираем деньги, чтобы обнести оградой место, где погибшие нашли свое последнее упокоение. На памятник денег нет. Еврейское общество Латвии обнищало и не может позволить себе такую «роскошь»*.[43] Положение того времени описывал Бен-Цион Гольдберг, еврейский журналист из США, который в 1946 году побывал на освобожденных территориях:

«Объехав вдоль и поперек страну, я не нашел ничего из того, что

было прежде... В Каунасе я нашел маленький еврейский детский дом в покосившемся здании, которое находится в состоянии ремонта. Две еврейские учительницы... сражаются за существование учреждения, которое требует еще, по меньшей мере, полудюжины людей. Они собрали маленьких бездомных детей, чьи родители погибли в период нацистской оккупации... Это все, что было у каунасских евреев, кроме синагоги. В Вильнюсе, кроме синагоги, работали еврейская школа и драмкружок... В Одессе я не нашел ничего, кроме синагоги, маленькой и убогой. Кладбище осквернено, памятники разбиты или украдены, евреи собирают деньги на его восстановление...»[44]

Синагоги оказались единственным учреждением, где евреям разрешалось собираться законным образом – но только в целях отправления религиозного культа. Закон запрещал любую общественную, воспитательную или культурную деятельность в рамках синагоги, поэтому религиозная составляющая заняла центральное место в организации еврейской жизни на освобожденных территориях. С ее помощью евреи пытались противостоять трудностям и решать различные проблемы, в том числе и выходившие за пределы религии.

Во время войны советское правительство изменило свое отношение к религии и религиозным учреждениям, чтобы они и миллионы верующих поддерживали военные усилия страны. Эти изменения сказались и на отношении к еврейской религии. И в первые послевоенные годы власти продолжали вести себя по отношению к религии намного сдержаннее, чем до войны.

Вопросами религии занимался Совет по делам религиозных культов при СНК СССР, созданный 19 мая 1944 г. (далее Совет). Он давал разрешение на открытие синагог и наблюдал за их деятельностью. Из отчетов уполномоченных Совета можно сделать выводы о работе еврейских религиозных общин и об отношении к ним Советской власти. В большинстве городов на освобожденных территориях евреи, вернувшись, открыли синагоги прежде, чем Совет начал свою работу. Как только Совет появился, евреи обратились к нему за официальным разрешением на существование религиозной общины, но синагоги, большинство которых располагалось в частных домах, продолжали действовать даже без разрешения Совета. В отчете Совета об украинских евреях в конце 1945 г. говорится:

«Иудейские общины: зарегистрирована одна в г. Житомире... Несмотря на категорическое запрещение проводить молитвенные собрания, они во всех городах и местечках проводят. Чувствуется какая-то обособленность и, пожалуй, ничем не прикрытый национализм, очень дружный. Имелся случай, когда 5 верующих евреев пришли ко мне в марте месяце и официально потребовали, чтобы 14 марта дать всем евреям выходной день для того, чтобы пойти на кладбище всем без исключения и 14 марта сделать днем скорби и молитв о погибших евреях по всему Советскому Союзу. Это мероприятие... было отклонено, ибо мы пришли к выводу, что этот день 14

марта не будет днем скорби и молитв, а превратится в политическую демонстрацию еврейского населения…

По состоянию на 1 октября действующих синагог взято на учет 59, из них только пять было открыто по решению Совета по делам религиозных культов. Остальные были открыты до создания института Уполномоченных Совета… Заслуживает внимания активность верующего населения города Киева, которое, несмотря на наличие функционирующей синагоги, развернуло работу по созданию так называемых миньонов. Таких миньонов было создано в разных районах города до 11. Принятыми с нашей стороны мерами последние были ликвидированы. Сейчас они требуют открыть новые синагоги в центре Киева… В городах Черкассы и Белая Церковь самовольно открыли синагоги. В Херсоне отказывались ремонтировать здание синагоги, а требовали выселить цех завода, который отремонтировал и освоил здание синагоги…

На днях в адрес тов. Сталина и Калинина было направлено заявление подполковника Френкеля Д. С., члена партии с 1918 г., с ходатайством об открытии синагоги в г. Одессе. В заявлении говорится: «Я член партии с 1918 г. и в настоящее время нахожусь в рядах Красной Армии. Во время пребывания в Одессе у моих родных стариков, меня страшно смутил их рассказ о том, что русским возвратили церкви, полякам – костелы, а евреям синагогу не возвращают, несмотря на 9-месячные хлопоты…»[45]

В отчете Совета о религиозной деятельности евреев в Белоруссии в 1945 году сказано:

«Следует отметить, что в настоящее время возвратившиеся из эвакуации верующие евреи активизируют свою деятельность в направлении массового открытия для них синагог, а пока в большинстве своем они отправляют обряды нелегально – в частных квартирах… В течение 1945 г. от верующих евреев поступило ходатайство об открытии для них синагог – 8, из которых областными органами было удовлетворено 2, а отказано 6.

12 августа с.г. Мозырское религиозное общество верующих евреев (где читалась тора) отправляло и годовой праздник. Празднование это было одновременно увязано с отправлением моления «о павших жертвах» евреев от немецкого фашизма. На празднике были проведены сборы в пользу Красного Креста и на строительство и восстановление синагоги. Всего собрано 17.000 руб., в том числе 4.000 руб. в пользу Красного Креста… По недоразумению в празднике приняли участие 10-12 коммунистов, в том числе 4-5 человек ответственных работников области (евреев)… В результате всего этого оргвыводы сделал Полесский Обком КП/б/Б: из рядов партии некоторые коммунисты исключены, отстранены от должностей, а на некоторых наложены дисциплинарные взыскания».[46]

Деятельность по созданию религиозных еврейских общин в аннексированных районах была развернута более широко. Евреи громогласно требовали придавать этим общинам национально-общественный

характер. Еврейская община во Львове подготовила устав, в котором изложила свои цели, и передала его властям вместе с просьбой официально разрешить ее деятельность. В документе Совета по этому вопросу сказано:

«...Община, требуя открытия второй синагоги, выработала «Устав» общины... В уставе сказано, что еврейская община Львова считает себя национально-культурным объединением... Ее задачи – поднятие политического, национального и культурного сознания еврейского населения... осуществление различных мероприятий по улучшению материально-бытовых условий еврейского населения г. Львова и области. Приведенные выше выдержки из Устава... свидетельствуют о наличии тенденций придать молитвенному обществу ярко выраженную специфически-национальную и общественную окраску».[47]

Власти не удовлетворили просьбу общины Львова и не разрешили ей заниматься перечисленными в Уставе видами деятельности. Они к тому же обвинили общину в том, что она в основном *«занимается оказанием денежной помощи нищим еврейским семьям и розыском пропавших близких, а также помогает евреям с целью ускорить их возвращение в Польшу»*.[48]

В Черновицкой области в 1945 году действовало 24 синагоги, из них 21 – официально. Власти закрыли шесть синагог, которые находились в зданиях, принадлежавших городскому управлению.[49]

Большинство религиозных еврейских общин стремилось расширить границы своей деятельности за пределы молений в синагоге и заниматься вопросами национально-общественного характера. Председатель Совета по делам религиозных культов Полянский в отчете, направленном им в СНК СССР 7 декабря 1945 г., писал:

«Особенность, которая лучше всего характеризует еврейские религиозные общины,– это их отчетливое стремление придать им не только религиозный смысл, а скорее, форму общественно-политических организаций, выражающих национальные интересы всего еврейского народа... Известны случаи, когда составители заявлений с просьбами об открытии синагог откровенно заявляли, что общину они... хотят создать как организацию, свидетельствующую об их национальном единстве...»[50]

Несмотря на тенденцию властей к сокращению видов деятельности общин, последние предпринимали различные действия национально-социального характера, которые выходили за установленные для них рамки чисто молитвенных собраний. В документе для внутреннего пользования, составленном двумя служащими Совета 29 ноября 1946 г. и переданном ими Полянскому, перечислены примеры такой деятельности:

«Бердичев... Община занимается не только отправлением культа. Она производит сбор денег на строительство синагоги... Она проектирует строительство памятника жертвам фашистских зверств... Такого рода деятельностью в большей или меньшей степени за-

нимается каждая иудейская община... В Симферополе еврейская религиозная община организовала торжественный митинг, посвященный годовщине освобождения Крыма от оккупантов и дню Победы над Германией... Еврейские религиозные общины повсеместно занимаются благотворительной деятельностью... Много получают из заграницы... посылок продовольственных и вещевых. Распределение посылок производится в синагогах...»[51]

В документе говорится и о других религиях, но критика направлена главным образом против еврейских общин. Составители документа отмечают, что Совет делает недостаточно для того, чтобы предотвратить деятельность общин, преступающих границы дозволенного. Они предлагают более решительно ограничить еврейские общины рамками только религиозного культа в пределах синагоги. Документ, как достаточно важный, был переправлен в ЦК КПСС, где определялась политика в отношении религии.

Поскольку власти чинили препятствия к созданию религиозных еврейских общин, во многих местах молельные дома открывались без разрешения. Не раз власти объясняли свой отказ отсутствием дипломированного раввина для общины, не обращая внимания на возражения евреев, что для открытия синагоги и отправления религиозного культа раввин вовсе не нужен. Национальная направленность деятельности еврейских общин и превращение синагог в «еврейские общественные центры» беспокоили членов Совета. В отчете об итогах работы Совета за 1946 г. говорится:

«Трагические жертвы еврейского народа в период войны привели к вполне понятному усилению духа национализма. Появился «советский сионизм», единственный в своем роде, представители которого не хотят принимать пути решения давно решенного в Советском Союзе «еврейского вопроса»... Необходимо удерживать еврейские общины от националистической деятельности».[52]

Вследствие политики сокращения сфер деятельности еврейских религиозных общин, открытие многих общин не было утверждено. В Литве, например, в 1947 г. официально разрешены были только две общины – в Вильнюсе и в Каунасе. В Шауляе, третьем по величине городе в Литве, отказ мотивировался отсутствием раввина.[53] В Белоруссии до ноября 1947 г. законным образом действовала только одна Минская религиозная община. Представителям Совета по делам религиозных культов было известно, что там без разрешения существуют 16 религиозных общин.[54] Правительство Белоруссии враждебно относилось к работе синагог, о чём говорится в записи беседы секретаря ЦК Компартии Гусарова с Пономаренко и Полянским:

«В Белорусской ССР главными враждебными силами являются римско-католическое духовенство и националистические еврейские элементы... Синагоги, по сути дела, нужны националистам-евреям, которые, за отсутствием у них возможности развернуть националистическую работу каким-либо другим путем, пытаются превратить синагоги вместо дома молитвы в центр формирования

националистических взглядов и настроений... Они обвиняют русских и белорусов в том, что они не смогли спасти еврейский народ от истребления его Гитлером... Мы решили больше не открывать в Белоруссии ни одной синагоги...»[55]

Борьба с национальными устремлениями еврейских общин обострялась, и политика Совета по ограничению деятельности общин была сформулирована в его инструкциях, выработанных в 1948-1949 гг., где говорилось:

«Следует продолжать ограничивать деятельность [общин]... только областью отправления религиозного культа и лишать их всех функций, не характерных для религиозных организаций».[56]

Сильный антисемитизм, с которым столкнулись евреи, вернувшиеся в освобожденные районы, разочарование по поводу отношения к ним местных властей, чувство национальной принадлежности, усилившееся после Катастрофы,– все это побуждало многих евреев искать выхода в эмиграции. Евреи – граждане Польши, Румынии и Чехословакии эмигрировали в рамках Соглашения о репатриации, подписанного Советским Союзом с этими государствами, но многие из них считали свои страны только перевалочным пунктом и стремились уехать оттуда в Эрец-Исраель либо в другие места.

У евреев, которые до войны являлись гражданами СССР, возможности эмигрировать за его пределы не было. Те евреи, которые искали выхода из создавшейся ситуации – из-за антисемитизма, либо по экономическим причинам, либо усилившемуся национальному самосознанию – могли уехать в Биробиджан, Еврейскую Автономную область на Дальнем Востоке, и власти такой переезд даже поощряли. По словам Смоляра, Хрущев на Украине и Пономаренко в Белоруссии были заинтересованы решить еврейский вопрос таким образом, чтобы эвакуированные евреи не возвращались в свои республики, а отправлялись в Биробиджан.[57]

Поддержка властями переезда в Биробиджан выразилась в Постановлениях Правительства РСФСР от 26 января 1946 г. и Правительства СССР от 27 января 1946 г., главной темой которых стало укрепление и экономическое развитие Биробиджана. В этих документах, правда, не много места уделялось еврейской проблематике, но они вызвали воодушевление среди евреев, особенно на Украине и в Крыму. Поражение Японии, ликвидировавшее опасность развязывания войны на границе с Биробиджаном, тоже способствовало увеличению числа желающих переехать в эту область. ЕАК и еврейское руководство Биробиджана поощряли переезд и посылали своих представителей в места с высокой плотностью еврейского населения для участия в проводимых там собраниях и пропагандирования широких возможностей для тех, кто переедет в Еврейскую область. Главным доводом в пользу переезда служило желание участвовать в строительстве Еврейской Советской Республики в Биробиджане.

Запись кандидатов началась в октябре 1946 г., власти взяли на себя организацию переезда. В 1946 – 1947 гг. в Биробиджан отправились

12 специальных поездов с украинскими евреями из Винницы, Херсона, Николаева, Одессы, Днепропетровска и из Крыма. В поезде из Самарканда (Узбекистан) находились евреи с Украины и из Белоруссии, эвакуированные туда во время войны. Всего за 1947 – 1948 гг. в Биробиджан уехало 6.326 евреев, в том числе многие колхозники, которым не были возвращены их прежние хозяйства. Позднее, во второй половине 1948 г., политика властей переменилась к худшему, и они запретили переезд в Биробиджан. Так захлопнулась и эта дверца, за которой часть евреев, вернувшихся на освобожденные территории, искала выхода из своего бедственного положения.[58]

Подавляющее большинство выживших евреев-довоенных жителей освобожденных территорий вернулось туда, где они жили прежде. Они столкнулись с объективными трудностями: разрушения, причиненные войной, антисемитизм и дискриминация со стороны властей – и все это, разумеется, помимо потрясения и скорби по убитым родным. Тем не менее, в 1944 – 1948 гг. свыше 1.000.000 евреев поселилось на освобожденных территориях России, Украины, Белоруссии, Прибалтики и Молдавии. Большинство их было гражданами СССР до войны, и они стремились заново возродить свою жизнь в родных местах.

Те, кто остался, сумели приспособиться и существовать на низком уровне жизни, общем для всего населения. Некоторым даже удалось занять ведущие должности в промышленности, руководстве, медицине, искусстве и культуре. Партийный и государственный аппарат оставался для них, как и прежде, недоступным, поскольку такова была политика, направляемая из Москвы. Советская же власть и в годы после Катастрофы продолжала политику ассимиляции евреев и боролась с общественно-национальной деятельностью синагог и еврейских религиозных общин, отрицая существование общественно-национальных еврейских рамок.

Это сражение велось до войны; во время войны оно несколько утихло, но возобновилось после войны. Сигналом к началу действий против национальных устремлений послужили речь Жданова в августе 1946 г. и последующие решения руководства коммунистической партии против национального самосознания многих народов СССР, или, как говорилось на государственном жаргоне, «против буржуазного национализма». По отношению к еврейской нации эта борьба отличалась особой тенденциозностью. В частности, еврейские писатели и художники обвинялись в том, что их произведения носят националистический характер, в них отсутствуют идеи социализма, что авторы воспевают прошлое еврейского народа, чрезмерно выпячивают еврейскую трагедию и преувеличивают количество жертв Катастрофы.

С созданием Государства Израиль, вызвавшим пробуждение национального сознания у многих евреев СССР, к этим обвинениям прибавилось еще и обвинение в поддержке сионизма. Аресты членов Еврейского Антифашистского Комитета, а также кампания по борьбе с космополитизмом, проводимая Советской властью в те годы, имели ярко выраженный антисемитский характер. Тогда были арестова-

ны многие видные деятели еврейской культуры и закрыты еврейские культурные учреждения, которые еще работали в некоторых местах. В результате пропаганды и преследований евреев закрылась и часть синагог. В конце 1948 г. и в 1949 г. наступил конец даже той ограниченной еврейской общественной и культурной деятельности, которую евреи восстановили по возвращении на места своей массовой гибели от рук нацистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сталин И.В. *О Великой Отечественной Войне Советского Союза.* – Москва, 1950, с. 23.
2. Документы обвиняют, выпуск 1. – ОГИЗ, Москва, 1943, с. 40.
3. *Там же*, с. 43.
4. Сообщения Чрезвычайной Комиссии... – Москва, 1944, с. 4-10.
5. *Неизвестная Чёрная Книга,* И. Арад и другие (ред.). – Иерусалим-Москва, 1993, с. 25-27, статья И. Альтмана.
6. М. Альтшулер, *Еврейское общество в СССР в наши дни* (иврит). – Иерусалим, 1979, с. 80-81. Ниже приводятся данные о численности евреев в освобожденных районах согласно переписи 1959 г.: 1. Украина – 840.000; 2. Белоруссия – 150.000; 3. Молдавия – 95.000; 4. Литва – 25.000 5. Латвия – 37.000; 6. Эстония – 5.000; 7. Россия – 70.000–80.000 (общая оценка); в оккупированных районах России до начала войны проживало, согласно переписи 1939 г., около 210.000 евреев. Всего в РСФСР согласно переписи 1959 г. жило 875.000 евреев (самая высокая концентрация – в Москве и Ленинграде).
7. Genadiy Kostyrchenko, *Out of the Red Shadows*. – New York, 1995, p. 21. (далее Kostyrchenko, *Out of...*).
8. С. Шварц. *Евреи в Советском Союзе*. – Нью-Йорк, 1966, с. 183 (далее С. Шварц, *Евреи...*).
9. Исраэль Гутман, *Евреи в Польше после Второй мировой войны*. – Иерусалим, 1985, с. 22 (иврит). По приблизительным оценкам, во время первой волны эмиграции 1944-1945 гг. в Польшу уехало 20.000–30.000 евреев. Во второй волне, с последних месяцев 1945 г. и до конца 1946 г., в Польшу вернулось более 157.000 евреев – подавляющее большинство прямо из «глубинки» Советского Союза, где они находились.
10. Жан Аншель, Еврейство Румынии между 23 августа 1944 и 30 декабря 1947 г., докторская диссертация по философии, Еврейский университет в Иерусалиме, 1979, с. 24. Более 26.000 из уцелевших в Транснистрии уехали в Румынию до октября 1945 г. См. Аншель и Лави, *Хроника общин Румынии...,* т. 2, с. 510. Из 20.000 евреев, живших в Черновцах после войны, осталось только 2.000 евреев, остальные уехали в Румынию.
11. Энциклопедия диаспоры, *Закарпатье* (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1959, с. 510-511. Закарпатье до войны было частью Чехословакии. С конца 1938 г. и в годы войны оно принадлежало Венгрии. После войны Закарпатье было аннексировано Советским Союзом и присоединено к Украине. Тогда вернулось туда несколько тысяч уцелевших евреев (точное число неизвестно). Потом большинство из них уехало в Чехословакию, поскольку прежде они были ее подданными. Осталось (в основном в Мукачево) 1.000–1.200 человек.
12. А. Аватихи (ред.), *Ровно*, книга воспоминаний. – Тель-Авив, 1956, с. 577-578 (иврит).
13. Альтшулер и др. *Советские евреи...*, с. 138, 140, 143-144.
14. *Там же*, с. 151-152.
15. Redlich, *War...*, p. 27.
16. Украинский филиал Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПУ, Партийный

Архив, Киев, фонд 1, опись 23, дело 3851, л. 3-4 (далее Украинский филиал).
17. *Там же*, л. 4.
18. Redlich, *War...*, p.248-249.
19. *Там же*, с. 249-252.
20. Украинский филиал, фонд 1, опись 23, дело 1363, л. 1-3.
21. *Там же*, с. 14.
22. Kostyrchenko. *Out of...*, pp. 15-20. Костырченко писал, что 17 августа 1942 г. (когда немецкая армия продвигалась к Сталинграду, а на оккупированных территориях истреблялись сотни тысяч евреев) отдел пропаганды ЦК партии направил секретарям ЦК Г. Маленкову, А. Щербакову и А. Андрееву обширный документ, где утверждалось, что евреи занимают слишком много места в культурной жизни. В документе перечислялись имена евреев, занимающих ключевые должности в Большом театре, который, по мнению составителей письма, представляет собой «центр и вершину русской культуры». Отмечалось также, что подобное положение царит в государственных консерваториях в Москве и в Ленинграде, в Филармоническом оркестре, в среде искусствоведов и т.д. Заканчивался документ рекомендацией назначать на эти должности русских. Увольнения деятелей культуры, начавшиеся в 1943 г., распространились на газеты и другие средства массовой информации. В числе прочих был уволен редактор военной газеты «Красная звезда» еврей Давид Ортенберг. Обращения отдельных евреев по этому поводу к Сталину остались без ответа.
23. Levin, *The Jews in the Soviet Union...*, Vol. 1, pp. 466-467.
24. Украинский филиал, фонд 1, опись 23, дело 2366.
25. Альтшулер, *Евреи СССР...*, с. 154 (цитата из книги Домбровича).
26. 3 процента от 4.754 работников промышленности и сельского хозяйства, научных работников и деятелей культуры и искусства на Украине, награжденных медалями в январе 1948 г. по Указу Верховного Совета СССР, были евреями. Среди всего населения Украины евреи составляли менее 2%. Можно сказать, что, несмотря на препятствия и дискриминацию, некоторые евреи сумели вновь вжиться в рабочие коллективы и даже занять довольно важные должности в областях финансов и культуры.
27. Смоляр, *Советские евреи...*, с. 209-210.
28. *Там же*, с. 214.
29. Герш Смоляр, *Где ты, товарищ Сидоров*. – Тель-Авив, 1973, с. 172 (далее Смоляр, *Где ты, товарищ Сидоров...*).
30. Качергинский, *Между молотом...*, с. 37-38, 42-43.
31. *Там же*, с. 31-32, 37-38. Инициаторами были Аба Ковнер, писатели Шмерке Качергинский и Авраам Суцкевер.
32. *Там же*, с. 40, 45.
33. Клара Гроза, *Девочка талисмана*. – Герцлия, 1993, с. 193-202 (иврит).
34. Аншель и Лави, *Хроника Общин Румынии...*, с. 440.
35. Альтшулер (ред.), *Советские евреи...*, с. 145.
36. Корчак, *Пламя в золе...*, с. 305.
37. Украинский филиал, фонд 1, опись 23, дело 1797.
38. Аншель и Лави, *Хроника Общин Румынии...*, т. 2, с. 440. Об опасностях, подстерегавших евреев Волыни после освобождения, см. также Спектор, *Катастрофа евреев Волыни...,* с. 275.
39. Вайс и др., *Хроника Восточной Галиции...*, с. 46.
40. Сара Шнер-Нишмит, *И я не обрела покой...,* с. 184-188; Спектор, *Катастрофа евреев Волыни...*, с. 27.
41. См. выше предложение Берии в его ответном письме Молотову (цитата к сноске 17).
42. Риндзенский, *Разрушение Вильнюса...*, с. 205.
43. Kaufman, *Churbn Lettland...*, p. 525.
44. B.Z. Goldenberg, *The Jewish Problem in the Soviet Union*. – New York, 1961, pp. 89-90.
45. ГАРФ, фонд 69, опись 3, дело 28, л. 227, 347; дело 13, л. 185-186.

46. *Там же*, дело 30, л. 57а, 84.
47. *Там же*, дело 28, л. 349-350.
48. *Там же*, л. 307.
49. *Там же*, л. 244, 266.
50. *Там же*, дело 10, л. 140-141.
51. ГАРФ, фонд 17, опись 125, дело 405.
52. *Там же*, дело 47, л. 63.
53. *Там же*, дело 10, л. 38.
54. *Там же*, опись 4, дело 19, л. 8 (488).
55. *Там же*, дело 53, л. 143-144.
56. *Там же*, л. 54.
57. Смоляр, *Где ты, товарищ Сидоров...*, с. 190-192.
58. Левави, *Еврейское поселение...*, с. 68-69, 101-106; Пинкус, *Евреи...*, с. 324-326.

ГЛАВА 48

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ПОГИБШИХ И УЦЕЛЕВШИХ

А. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСХОДНЫХ ДАННЫХ

В этой главе речь идет о количестве погибших в Катастрофе евреев, проживавших в границах СССР с 22 июня 1941 г. В их число не входят евреи из других европейских стран (в частности, из Третьего Рейха и Венгрии), которые во время войны были высланы на оккупированные территории СССР и там погибли.

Главная сложность в определении количества потерь проистекает из-за отсутствия в СССР данных о числе эвакуированных евреев и немецких данных о численности евреев на захваченных территориях. Советские власти не проводили никакой переписи населения, в том числе евреев, которые обнаружились в живых после освобождения захваченных районов. Данные немцев о количестве евреев, убитых в годы оккупации, не полны. В большинстве случаев убитых возле расстрельных рвов не подсчитывали; в рапортах айнзацгрупп и других немецких документах приводится число евреев, убитых в определенных местах, но указываются далеко не все места проведения акций. Сомнительна и степень точности этих данных, как и отчетов подразделений Сипо и местной полиции, проводивших многие акции уничтожения. В советских источниках, главным образом, в документах «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию военных преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированных территориях Советского Союза», имеются цифры количества погибших в разных местах. Местные следственные комиссии, которые работали как подотделы Чрезвычайной комиссии, применяли, как правило, практику вскрытия расстрельных рвов, подсчета трупов в верхнем ряду и умножения этого количества на число рядов. Такая система подсчета была неточной. Из опасения преуменьшить число погибших составители документов зачастую впадали в другую крайность: цифры завышались. Но, несмотря на неточность, эти документы местных комиссий служат нам источником подсчета числа погибших. Из различных еврейских источников, например, свидетельских показаний, дневников, поминальных книг и т.д., тоже можно установить количество погибших и уцелевших в определенных местностях.

Все указанные источники не дают полной картины по всем городам, местечкам и селам, где прошли акции уничтожения, как и не сообщают точного количества спасшихся. Глава 11, в которой говорится о числе эвакуированных евреев и числе евреев, оставшихся на оккупированной территории, а также главы, посвящённые акциям уничтожения, и количественные данные, приведенные в них, служат исходными пунктами для определения числа погибших в настоящей главе.

Основой для расчёта количества погибших евреев является разница между числом попавших под оккупацию и числом спасшихся. Эти данные, которые можно считать только приблизительными, были округлены до тысячи. Поэтому округленные цифры не всегда совпадают с данными, приведенными в главах, описывающих события в соответствующих районах. Цифры, приведенные ниже, следует рассматривать исключительно как приблизительную оценку. Информация, имеющаяся в нашем распоряжении, заставляет сомневаться в возможности появления когда-нибудь более достоверных сведений, которые позволили бы точнее установить количество погибших. Полученные итоговые цифры приведены здесь в двух вариантах: первый – в разбивке по двум видам территорий: аннексированные СССР и в границах до начала Второй мировой войны (1939 г.); второй – по каждой республике СССР в отдельности.

Потомки смешанных браков, нееврейские супруги евреев и другие отдельные люди (например, многие выкресты) не были зарегистрированы как евреи в переписи населения, проведенной в 1939 г. в СССР в его старых границах. Немецкие власти всех этих людей считали евреями, и очень многие из них на оккупированной территории стали жертвами Катастрофы.[1] Нет данных о числе таких жертв, но можно предположить, что их десятки тысяч. В приведенном ниже перечне погибших эти люди отдельно не упоминаются, и, как правило, они включаются в общее число жертв.

Б. ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЧИСЛА ПОГИБШИХ И УЦЕЛЕВШИХ НА СТАРЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

На старых территориях СССР (до 1939 г.), захваченных немецкой армией до конца 1941 г., оставалось 943.000–994.000 евреев. К ним следует добавить еще 20.000–25.000 евреев, проживавших на юге России, на Северном Кавказе и в Севастополе, захваченных немцами летом 1942 г. Сюда не входят еврейские беженцы, большей частью из Украины и Бессарабии, которые застряли в этих районах на пути в советский тыл. Не учтены также эвакуированные сюда из Ленинграда. Поскольку какие бы то ни было данные об этих беженцах отсутствуют, можно предположить, что их число составляло не менее 10.000 человек. Всего на оккупированных немцами старых территориях СССР оказалось приблизительно 970.000–1.025.000 евреев.

На старых территориях, кроме Минска и нескольких других местностей, массовое истребление евреев происходило в основном во второй половине 1941 г. Те немногие евреи, что уцелели здесь после этой волны уничтожения в некоторых гетто и лагерях, были уничтожены весной и летом 1942 г. Однако тысячи евреев выжили – они не подчинились приказу германских властей и не явились на сборные пункты для высылки во время проведения акций. Эти люди в течение последующих двух-трех лет в большинстве своем были выловлены немцами с помощью местной полиции и многочисленных доносов коренных жителей и казнены. Только одиночкам или нескольким десяткам в каждом

городе или районе, а в крупных городах, подобных Киеву или Одессе, возможно, сотням удавалось спрятаться либо скрывать свою национальность на протяжении всей оккупации. На этих территориях не нашлось организации, еврейской или нееврейской, которая занималась бы спасением евреев. Евреи были вынуждены поодиночке искать пути спасения, и только очень немногие в этом преуспели.

Освобождение Белоруссии началось 22 июня 1944 г. и завершилось в течение двух недель. Минск, освобожденный 3 июля, был единственным городом восточной Белоруссии, где число спасшихся евреев оказалось значительным. В город вернулось сразу после освобождения 5.000 уцелевших евреев – из 70.000–75.000, проживавших там до начала немецкой оккупации. Жители Минска смогли выжить благодаря тому, что прятались в лесах и сражались в рядах партизан либо находились в семейных лагерях. Несколько десятков из них спаслись, укрываясь в городе или живя по арийским документам. Спаслись также несколько десятков еврейских детей в минских детских домах. В лесах Могилевской, Витебской и Гомельской областей, по приблизительной оценке, спаслось несколько сотен местных евреев. Из 380.000 евреев, живших в восточной Белоруссии накануне войны, в оккупации осталось 230.000–240.000 человек. Из них спаслось 6.000–7.000 человек.[2]

Освобождение восточной Украины началось в августе 1943 г. со взятием Харькова. Киев освободили 6 ноября, и до конца года освобождение восточной Украины завершилось, кроме Одесской и Винницкой области, которые включали Транснистрию – туда советские войска пришли в марте 1944 г.

На востоке Украины до вторжения немецкой армии проживало около 1.570.000 евреев, в оккупации осталось 680.000–710.000.[3] Из них в Транснистрии уцелело и было освобождено Советской Армией 10.000–12.000 местных евреев, а в других районах восточной Украины примерно 3.000–5.000 евреев. Одни из них находились в лесах и воевали в рядах партизан, другим удалось скрыть свою национальность. Совсем немногие (от нескольких десятков до нескольких сотен) принадлежали к числу специалистов, которых содержали в различных местах для нужд оккупантов и которые сумели спастись бегством до того, как немцы смогли их расстрелять перед отступлением. На востоке Украины спаслось 13.000–17.000 евреев, погибло же 667.000–693.000.

Районы России, в большинстве своём занятые немцами в октябре-ноябре 1941 г., включали Смоленскую область (часть которой была оккупирована в середине июля 1941 г.), а также Калининскую, Орловскую, Курскую, Ростовскую и Крым (кроме Севастополя). Здесь до начала войны проживало около 220.000 евреев, из них в оккупации осталось 30.000–40.000 человек. На территориях юга России, захваченных летом 1942 г., в оккупации оставалось около 30.000–35.000 человек, около трети из них – беженцы.[4] Следовательно, всего евреев на оккупированных землях России оказалось 60.000–75.000 человек. Из них уцелели 4.000 горских евреев в районе Нальчика (Северный Кавказ), а в остальных оккупированных районах России, очевидно, не более

1.000-1.500 евреев, часть из которых спаслась во время зимнего наступления Советской Армии в конце 1941 г., часть же сумела скрыть свою национальность.[5]

Немецкая политика уничтожения на оккупированных старых территориях СССР достигла своей цели: из 970.000–1.025.000 евреев, остававшихся на этих территориях, было убито 946.000–996.000 человек. Число уцелевших составляло 24.000–29.000 человек – подавляющее большинство в трех центрах: Минск, Нальчик и Транснистрия. В Минске евреи уцелели благодаря уходу в партизаны, в Нальчике – благодаря короткому периоду оккупации, и в Транснистрии – подвластной Румынии. В других оккупированных местностях России, Белоруссии и Украины спаслись лишь немногие.

Число погибших и уцелевших на старых территориях СССР

Район	Остались под оккупацией	Спаслись	Погибли
Восточная Белоруссия	230.000 – 240.000	6.000 – 7.000	224.000 – 233.000
Восточная Украина	680.000 – 710.000	13.000 – 17.000	667.000 – 693.000
Россия	60.000 – 75.000	5.000	55.000 – 70.000
Всего	970.000 – 1.025.000	24.000 – 29.000	946.000 – 996.000

В. ЧИСЛО ПОГИБШИХ И СПАСШИХСЯ НА АННЕКСИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

На территориях, аннексированных Советским Союзом в 1939 – 1940 гг. (без района Белостока), во время оккупации оставалось 1.640.000–1.720.000 евреев, и большинство из них уничтожили во время массовых акций, проведенных в 1941 – 1942 гг. Те, кто остались в гетто и в лагерях после акций, в основном, в Западной Белоруссии и Западной Украине, были убиты в 1943 году. С конца 1943 г. и до начала освобождения большинства аннексированных земель, то есть до середины 1944 г., в прибалтийских республиках еще находились тысячи евреев в гетто и лагерях. В некоторых местностях евреев держали почти до самого прихода сюда Советской Армии, и за несколько недель до освобождения часть из них убили, а часть отправили в концлагеря в Германию. Отступая, немцы не оставляли за собой ни одного гетто и ни одного лагеря, в которых находились бы евреи. Единственным местом на аннексированных территориях, где к приходу Советской Армии в гетто ещё жили евреи, был город Черновцы (Украина), тогда подвластный Румынии. Там находилось около 16.000 евреев, которых освободили в марте 1944 г.

У евреев, остававшихся в гетто и в лагерях почти до самого освобождения района их пребывания, шансы выжить были гораздо выше.

Немцы оставляли их в живых, поскольку нуждались в рабочей силе, и потребность эта постоянно росла в ходе войны. По этой причине многие из работавших евреев, сохранившихся еще в гетто и лагерях прибалтийских стран весной 1944 г., были не уничтожены, а переведены в Штутгоф и оттуда – в другие концлагеря в Германии. Многие из них погибли из-за ужасных условий в лагерях и на «маршах смерти», но все-таки процент уцелевших был довольно высок.

Прибалтийские страны

Число евреев в генералкомиссариате Литвы в начале оккупации составляло 205.000–210.000. В начале лета 1944 г., накануне освобождения Литвы в июне-августе 1944 г., в лагерях Вильнюса, Каунаса, Шауляя и в их окрестностях оставалось 16.000–17.000 евреев и еще несколько сотен находилось в укрытиях. Накануне отступления, в июле 1944 г., немцы расстреляли 3.000–4.000 евреев и около 13.000 отправили в лагеря в Германии. В Литве, включая район Вильнюса, спаслось всего 2.000 евреев, половина из них – потому что жили в лесах и сражались в рядах партизан, остальные же – благодаря укрытиям или фальшивым документам. К числу спасшихся в Литве евреев следует прибавить еще 7.000–8.000, которых отправили в Германию, и там их освободили войска союзников.[6] Всего из евреев, оставшихся в оккупированной Литве, погибло 196.000–200.000 евреев и 9.000–10.000 спаслось.

В оккупированной Латвии находилось 74.000–75.000 местных евреев, из них к началу 1942 г. в живых оставалось 6.000–7.000 человек. Когда Советская Армия летом 1944 г. подошла к границам Латвии, там еще оставалась, по приблизительным подсчетам, половина этого количества. Остальные были уничтожены или умерли вследствие тяжелых условий содержания. В августе-сентябре 1944 г. около 3.000 евреев из Латвии отправили морским путем в Штутгоф, а оттуда – в концлагеря в Германию. Часть из них утонула в море, остальные же, главным образом, утерявшие трудоспособность, были убиты на месте. После освобождения Латвии оказалось, что примерно 200–250 евреев уцелели – некоторые в укрытиях, другие под нееврейскими именами. Из отправленных в Германию латвийских евреев спаслось около 1.000. Всего в Латвии погибло 73.000–74.000 евреев.[7]

В Эстонии на оккупированной территории оставалось 1.200–1.500 евреев, большинство из них истребили до конца 1941 – начала 1942 г. Отдельные евреи, не более десяти, нашли убежище у местных жителей и выжили.

Всего из 280.000 – 285.000 евреев прибалтийских республик, включая район Вильнюса, в оккупации погибло 270.000–274.000 человек. Спаслось 10.000–11.000 евреев.

Западная Белоруссия и Западная Украина

В Западной Белоруссии и на Западной Украине на оккупированной территории оставалось 1.200.000–1.270.000 евреев. Из них 65.000–70.000 евреев района Вильнюса включены нами в примерное количество погибших и выживших евреев Литвы, приведенное выше. Таким образом, базой для расчёта количества погибших и выживших в Запад-

ной Белоруссии и Западной Украине должна стать численность евреев в этих районах во время оккупации, равная 1.135.000–1.200.000 человек.

Число евреев, находившихся во время оккупации в районах Западной Белоруссии (области – Новогрудка, Полесье, Гродно, восточные районы Вильнюсской и Белостокской областей), составляло 340.000–360.000 человек. Большинство из них погибло в массовых казнях 1942 года. После этой волны истребления в гетто и лагерях осталось 21.000–22.000 евреев. К ноябрю 1943 г. все они были уничтожены. Единственным местом, где оставались евреи, были леса. Предполагаемое количество евреев в лесах 12.500–15.500 человек, из них спаслось 7.000–9.000.[8] К ним следует прибавить евреев, спасшихся в укрытиях либо с помощью фальшивых документов. Их точное число неизвестно, но можно предположить, что оно колеблется между 1.000 и 2.000 человек. Итого число евреев, погибших в Западной Белоруссии, 332.000–350.000, выживших – 8.000–11.000.

На Волыни в оккупации оставалось 220.000–240.000 евреев, их уничтожили в 1942 г. Те, кто уцелел в отдельных местах, были уничтожены до середины 1943 г. В лесах Волыни находилось 4.200–4.400 евреев в партизанских отрядах и в семейных лагерях. Всего в лесах Волыни выжило около 2.500 евреев. К ним следует прибавить спасшихся в укрытиях или с чужими документами – предположительно 1.000–2.000 человек. Число спасшихся евреев Волыни составляет 3.000–5.000, а погибших – 217.000–235.000.

Восточная Галиция

В Восточной Галиции под оккупацию попали 575.000–600.000 евреев. Здесь их истребляли в 1942 г. и в первой половине 1943 г. В рапорте командира полиции и СС Галиции Кацмана от 30 июля 1943 г. отмечено, что до того дня в Галиции уничтожено 434.329 евреев, а в трудовых лагерях еще остаются в живых 21.156 евреев. На деле в лагерях в середине 1943 г. евреев находилось больше на несколько тысяч. В рапорт Кацмана не были включены тысячи евреев, убитых во время погромов, умерших в гетто и лагерях от голода и болезней, казненных во время селекций как нетрудоспособные и т. п. Евреи, содержавшиеся в трудовых лагерях, были уничтожены в августе 1943 г., а в Яновском лагере (во Львове) – в ноябре 1943 г. Несколько сотен евреев, работавших в нефтяной промышленности в Дрогобыче и в Бориславе, в апреле 1944 г. были переведены в концлагерь Плашов в Западной Галиции.

Евреи Восточной Галиции после ноября 1943 г., кроме занятых в нефтяной промышленности, находились в лесах, прятались в укрытиях или скрывались под чужими именами по арийским документам. Число партизан-евреев и евреев в семейных лагерях составляло 2.300–3.400 человек, из них спаслись 1.000. В укрытиях и благодаря фальшивым документам, согласно подсчетам, спаслось евреев больше, чем в лесах.

Через два месяца после освобождения Львова, в сентябре 1944 г., Еврейский Комитет, организованный в городе, начал регистра-

цию уцелевших. Среди 3.400 спасшихся обнаружилось 2.000 женщин. В Тернополе собралось около 740 уцелевших, в Дрогобыче – около 400, в Станиславе (Ивано-Франковск), где раньше находилась вторая по величине в Восточной Галиции еврейская община, осталось только 100 евреев, в Бориславе – около 200. В другие города вернулось несколько десятков уцелевших.[9] В число выживших, которые вернулись в разные города, входят евреи, скрывавшиеся в лесах. 5.000 уцелевших, согласно нашим подсчетам, были сконцентрированы в относительно крупных городах, но среди них числились и евреи из окрестных местечек, которых гнали в большие города антисемитизм, одиночество, а также беззащитность перед нападениями членов УПА. Если предположить, что несколько тысяч евреев Восточной Галиции выжили и были освобождены войсками союзников из концлагерей в Германии, можно считать, что общее число уцелевших составляет 7.000–10.000 человек.[10] А количество погибших в Восточной Галиции – 570.000–590.000 человек.

Рассчитанные (и округлённые) количества евреев в оккупированных Западной Белоруссии и Западной Украины составляют: оставшихся под оккупацией 1.135.000–1.200.000, погибших 1.115.000–1.175.000, спасшихся 20.000–25.000.

Бессарабия и Северная Буковина

В Бессарабии и Северной Буковине в оккупации находилось 227.000–232.000 евреев. С конца июня и в августе 1941 г. было убито 87.000–92.000 евреев. В сентябре-декабре 1941 г. из этих районов было выслано в Транснистрию около 120.000 евреев. В Черновцах (Буковина) осталось около 20.000 евреев, и в Бессарабии – несколько сотен. В июне 1942 г. из Черновиц в Транснистрию отправили еще 4.500 евреев. Среди евреев Бессарабии и Северной Буковины, высланных в Транснистрию, погибло или умерло от голода, болезней, холода и издевательств более 70% – около 90.000 человек, в живых же осталось 36.000–38.000. Всего из евреев Бессарабии и Северной Буковины погибло 176.000–179.000 человек, спаслось же 51.000–53.000 человек, из них 16.000 – евреи из Черновцов.

Количество погибших и спасшихся на аннексированных территориях

Район	Остались под оккупацией	Спаслись	Погибли
Белоруссия и Украина	1.135.000–1.200.000	20.000–25.000	1.115.000–1.175.000
Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония)	285.000–280.000	10.000–11.000	270.000–274.000

Бессарабия и Северная Буковина	227.000–232.000	51.000–53.000	176.000–179.000
Всего	1.642.000–1.717.000	81.000–89.000	1.561.000–1.628.000

Г. КОЛИЧЕСТВО ПОГИБШИХ И СПАСШИХСЯ ЕВРЕЕВ ПО СОВЕТСКИМ РЕСПУБЛИКАМ (СТАРЫЕ И АННЕКСИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ)

Республика	Остались на оккупированной территории	Спаслись	Погибли
Белоруссия	570.000–600.000	14.000–18.000	556.000–582.000
Украина	1.475.000–1.550.000	23.000–32.000	1.452.000–1.518.000
Россия	60.000–75.000	5.000	55.000–70.000
Молдавия	227.000–232.000	51.000–53.000	176.000–179.000
Литва	205.000–210.000	9.000–10.000	196.000–200.000
Латвия	74.000–75.000	1.000	73.000–74.000
Эстония	1.000–1.500	–	1.000–1.500
Всего	2.612.000–2.743.500	103.000–119.000	2.509.000–2.624.500

Примечание: В Молдавию (сегодня – Молдова) включены евреи Бессарабии и евреи Северной Буковины.

В этой главе перечислены потери в Катастрофе, которые мы назовем «прямыми». В них включены евреи, убитые немцами и их пособниками. Сюда также относятся евреи, умершие от голода и болезней в гетто и лагерях, и незначительное количество евреев, которые умерли естественной смертью в годы оккупации, поскольку на естественную смерть тоже влияли условия жизни в гетто. К числу прямых потерь евреев следует прибавить, согласно подсчетам, 75.000–80.000 военнопленных, убитых в немецком плену только за то, что они были евреями.

Но евреи СССР понесли и непрямые потери. Имеются в виду павшие на фронте евреи-солдаты, число которых составляет, по приблизительным оценкам, 120.000. В непрямые потери входят десятки тысяч евреев из Ленинграда, убитых во время бомбежек и обстрелов или умерших от голода и болезней в течение 900 дней блокады, когда погибли сотни тысяч жителей города. За 73 дня осады Одессы там тоже во время бомбежек и обстрелов были убиты многие евреи. Немало евреев

погибло и в других городах или на дорогах. Среди еврейских беженцев в Советском Союзе десятки тысяч умерли от голода и болезней. Эти потери не входят в понятие «жертвы Катастрофы», но все они погибли во время Второй мировой войны от немецкой агрессии. В других странах Европы были такие же непрямые потери, однако не столь большие, как в СССР, и их процент мал сравнительно с процентом прямых потерь в Катастрофе. Настоящее исследование, правда, не занимается вопросом непрямых потерь, но мы нашли уместным отметить их наличие и оценить их размеры в несколько сотен тысяч человек. Все страны, включая Советский Союз, учли при подсчете числа погибших во Второй мировой войне и непрямые потери.

Количество спасшихся евреев, приведенное в данном исследовании, включает только уцелевших среди евреев, которые оставались на оккупированной немцами территории, а не выживших среди эвакуированных или бежавших в тыловые районы СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. гл. 35.
2. Эти данные основаны на следующем предположении:
   В Минской области до войны проживало около 120.000 евреев. Её оккупировали в первые 10 дней после начала войны. В оккупации остались 95.000–100.000 евреев, т.е. 80-85%.
   В Витебской и Могилевской областях до войны проживало около 160.000 евреев. Области захвачены до конца июля 1941 г., в оккупации осталось 100.000–110.000 евреев, т.е. 62.5-69%.
   В Гомельской и Полесской областях до войны проживало более 100.000 евреев. Области оккупированы в августе 1941 г. Около 30% евреев, то есть 30.000, остались в оккупации.
3. Эти данные основаны на следующем предположении:
   В Житомирской, Каменец-Подольской, Винницкой областях и в западных районах Киевской области (без Киева), захваченных до конца июля 1941 г., накануне войны проживало около 440.000 евреев, в оккупации осталось 260.000–275.000, или 60-62,5%.
   В Полтавской, Киевской, Николаевской, Днепропетровской, Кировоградской, Черниговской и Одесской областях (без Одессы), оккупированных в августе-сентябре 1941 г., до войны проживало 580.000 евреев, в оккупации осталось 225.000–235.000 евреев, т.е. 40%.
   В Запорожской, Сумской, Харьковской и Сталинской областях, захваченных в октябре-ноябре 1941 г., до войны проживало 265.000 евреев, в оккупации осталось около 80.000, что составляло 30%.
   В Одессе, оккупированной в середине октября 1941 г., до войны проживало около 200.000 евреев. Это число увеличилось за счёт еврейских беженцев из Бессарабии и других мест. Из них в оккупации осталось 95.000– 00.000, т.е. 47,5-50%.
   В Ворошиловградской области, оккупированной в июле 1942 г., до войны проживало более 20.000 евреев, в оккупации осталось около 5.000 евреев, что составляло 25%.
4. См. гл 27. Около половины оставшихся в оккупации были в Ростове-на-Дону.
5. О спасении нескольких сотен евреев во время зимнего наступления Советской Армии см. гл. 18, раздел В.
6. Левин, *Хроника общин Литвы...*, с. 101.
7. Левин, *Хроника общин Латвии и Эстонии...*, с. 41-42, 314.
8. См. гл. 46.

9. Вайс и др., *Хроника Восточной Галиции...*, с. 46, 99, 171, 251, 376.
10. *Там же,* с. 29, указывается, что количество уцелевших составляет 10.000–15.000 человек, но эта цифра представляется завышенной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование описывает Катастрофу на оккупированных территориях Советского Союза, простиравшихся от Балтийского моря и Финляндии на севере до Черного моря и Кавказских гор на юге – на огромной площади, где проживало множество различных национальностей. В работе подчёркиваются различия в особенностях планирования и осуществления нацистского «окончательного решения еврейского вопроса» на этих землях и в завоеванных немцами странах Европы. Эти различия можно кратко определить следующим образом:

1. Евреи Советского Союза были первыми в очереди на поголовное физическое уничтожение среди евреев Европы, и способы их истребления отличались от способов убийства в покорённых немцами европейских странах. Евреи Советского Союза, как правило, не переправлялись в лагеря уничтожения. В подавляющем большинстве случаев их расстреливали неподалеку от мест проживания. В отдельных местностях казни производились удушением в «душегубках» или в заброшенных рудниках, выходы из которых были герметически закрыты. Нередко людей умерщвляли особо жестоким образом, бросая их в глубокие высохшие колодцы, сжигая заживо и т.п.

2. Военные действия против Советского Союза проводились под главным пропагандистским лозунгом нацистов, подчеркивавшим идеологический аспект войны с «иудео-большевизмом». Со дня вторжения германской армии в СССР и до самого конца войны гитлеровская пропаганда утверждала, что немцы воюют не с русским или другими народами Советского Союза, а с «еврейско-большевистским окружением Сталина» и вообще с евреями, которые-то и являются «подлинными хозяевами СССР».

3. Практика массовых расстрелов требовала активного непосредственного участия в истребительных акциях множества исполнителей. И действительно, тысячи немцев в айнзацгруппах и батальонах полиции порядка и десятки тысяч их местных пособников-полицаев участвовали в казнях евреев.

4. На оккупированных территориях Советского Союза евреев физически уничтожали не после предварительных этапов, на которых евреев помечали желтыми звездами, загоняли в гетто, использовали на принудительных работах, – как это делалось, например, в Польше и в других европейских странах. На оккупированной территории СССР массовые казни производились на первом, а зачастую и единственном, этапе, который начался немедленно после вторжения Германии и продолжался недолго. Так немцы ликвидировали евреев Киева, Харькова и многих других городов. Иногда все этапы проходили одновременно и сочетались между собой – например, в Вильнюсе, Минске и Львове, где операции уничтожения проводились до, во время и после заключения евреев в гетто.

4. Убийства совершались открыто, на глазах у местных жителей, множество которых на протяжении поколений было заражено антисемитизмом. Они знали, что их соседей-евреев, изгоняемых из своих

домов, не отправляют на работу «где-то на востоке», а немедленно казнят. В этой действительности, в общем и целом характеризовавшейся равнодушием к судьбе евреев, поведение и реакция населения имели иной смысл, чем реакция в странах Европы, где широкие массы не ведали, какая судьба ожидает депортируемых евреев. Вместе с тем, следует отметить, что террор немцев по отношению к местным жителям при малейших нарушениях приказов оккупационных властей был самым жестоким во всей завоеванной Европе, и это в некоторой степени удерживало население от оказания помощи евреям. Но даже в атмосфере террора находились отдельные люди – Праведники Народов Мира, которые рисковали жизнью и помогали евреям.

5. Немецкая армия и военная администрация принимали непосредственное участие в истреблении евреев. В районах, полностью подчинённых военной администрации, айнзацгруппы и батальоны полиции порядка занимались тотальным уничтожением евреев. Армия оказывала поддержку в организации снабжения и обслуживания подразделений СС во время совершения массовых убийств, иногда в них участвовали и воинские части. Ответственность за поголовное истребление пленных евреев-советских военнослужащих (чего не делалось с еврейскими военнопленными из армий других стран) полностью лежит на германской армии.

6. Многие местные жители были готовы сотрудничать с немцами. Десятки тысяч их, служившие немцам, участвовали непосредственно в уничтожении евреев. Особенно массовым было сотрудничество с немцами в республиках Прибалтики и на Западной Украине.

7. Лица смешанной крови считались евреями и разделяли их гибельную участь. В Германии и других европейских государствах положение было иным: там в лицах смешанной крови видели некую «особую расу». Шаги, предпринимавшиеся против них в этих странах, как правило, были менее суровы, чем обращение с «чистокровными евреями».

8. Ход военных действий на Восточном фронте и деятельность партизан в немецком тылу оказывали влияние на частоту проведения акций уничтожения и их сроки. Затяжная война вызвала потребность в рабочей силе, поэтому в некоторых местностях истребление евреев было отложено на неопределенный срок. С другой стороны, активность партизан и опасения немцев, что евреи к ним присоединятся, привели к росту темпов уничтожения последних евреев.

9. Реакция евреев на политику нацистов по отношению к ним характеризовалась ярко выраженным вооружённым сопротивлением. Создание подпольных организаций и восстания в гетто, бегство в леса к партизанам и борьба десятков тысяч евреев в рядах партизан – подобных явлений ни по сути, ни по масштабам в других странах Европы не было.

Одним из результатов Катастрофы на оккупированных территориях Советского Союза, помимо огромного количества погибших, стало уничтожение местечка («штетла»), которое было особым явлением еврейской жизни в Восточной Европе на протяжении веков. Сотни тысяч евреев проживали в местечках на захваченных немцами советских зем-

лях. В отличие от городских жителей, часть которых эвакуировалась с промышленными предприятиями, с советской и партийной администрацией, учебными заведениями, большинство обитателей еврейских местечек осталось на своих местах и в результате погибло. Немногие уцелевшие выходцы из этих местечек после войны туда уже не вернулись, а переселились в более крупные города.

События Катастрофы положили конец сотням еврейских сельскохозяйственных поселений, главным образом, на Украине и в Крыму. Крестьяне-евреи, которые не смогли эвакуироваться, были убиты, а их земли заняли местные жители. После Катастрофы советское правительство всячески препятствовало еврейским колхозникам, которым удалось эвакуироваться и затем вернуться домой, восстанавливать свое хозяйство.

Реакция советского правительства на Катастрофу и её последствия в немалой степени определялась его политикой и многолетним отношением к евреям, а также пропагандой, проводившейся во время войны. Реакция советского правительства на всеобщее уничтожение евреев на оккупированных территориях, о котором в Москве было известно уже осенью 1941 года, ограничилась тем, что это истребление было представлено как «террор против советских граждан», направленный против всех народов СССР. В таком подходе выразилось стремление советских властей затушевать исключительность положения евреев. Описание в советских источниках событий на захваченных землях косвенным образом было призвано также опровергнуть главную установку немецкой пропаганды, согласно которой германская военная машина по сути своей запущена против «иудео-большевизма».

Способы «окончательного решения еврейского вопроса» оккупантами на захваченных частях Советского Союза, продолжительное время, которым они смогли располагать, сотрудничество многих местных жителей с нацистами внесли ощутимый вклад в размеры потерь советских евреев, которые достигли 96% от количества евреев, оказавшихся на оккупированной территории.

И по окончании войны, несмотря на радость победы над Германией, евреи, выжившие в нацистском аду, вернувшиеся из эвакуации и с фронта, скорбящие по своим погибшим семьям, не могли рассчитывать на спокойную жизнь. Кроме объективных трудностей, громоздившихся на жизненном пути каждого гражданина СССР в тот период, евреи столкнулись с активным антисемитизмом со стороны и местного населения, и государственного аппарата, который максимально затруднял их возвращение к нормальной жизни.

Вскоре возникли новые опасности «чёрных сталинских лет»: расстрел Еврейского Антифашистского Комитета, «дело врачей» и все страшные последствия, которые можно предполагать в планах Сталина. Его смерть спасла советских евреев от новой трагедии. Но и с учётом всех этих трудностей и опасностей бесспорно, что во всей истории еврейской общины в царской России и СССР её самым тяжелым и трагическим периодом была Катастрофа – Шоа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Mordechai Altshuler (ed.), *Distribution of the Jewish Population of the USSR 1939.* – Jerusalem, 1993. — ***Гл. 3***

An Ort und Stelle Erschossen, Der Spiegel, 1986, 44. — ***Гл. 18***

Jean Ancel. *The Romanian Way of Solving the Jewish Problem in Bessarabia and Bukovina*, Yad Vashem Studies, 19, Jerusalem, 1988. — ***Гл. 12***

Jean Ancel. *The Jassy Syndrome,* Romanian Jewish Studies, Jerusalem, 1987. — ***Гл. 22***

Jean Ancel. *The Romanian Campaigns of Mass Murder in Transnistria, 1941 – 1944*, in: Braham, *The Destruction.* — ***Гл. 22***

Jean Ancel (ed.), *Documents Concerning the Fate of Romanian Jewry During the Holocaust*, Vol. 6, Jerusalem, 1986, Doc. № 125. — ***Гл. 22***

Yitzhak Arad. *Ghetto in Flames*. – Jerusalem – New York, 1980. — ***Гл. 7***

Y. Arad, S. Krakowski, S. Spector (eds.), *The Einsatzgruppen Reports*. – New York, 1989, report 37. — ***Гл. 11***

Salo Baron. *The Russian Jew Under Tsars and Soviets.* – New York – London, 1978. — ***Гл. 1***

Omer Bartov. *Hitler's Army.* – New York, 1991. — ***Гл. 9***

M. Bobe, S. Levenberg, I. Maor and Z. Michaeli. The Jews in Latvia. — ***Гл. 5***

Szyja Bronsztejn. *Ludnosc Zydowska w Polsce*. – Warsaw, 1963. — ***Гл. 5***

Christopher R. Browning. *Ordinary Men*. – New York, 1992. — ***Гл. 9***

Arunas Bubnys. Lithuanian Police Battalions and the Holocaust (1941 – 1943). – Vilnius, 2001. — ***Гл.*** **16**.

Ortwin Buchbender. *Das Tonende Erz, Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg.* – Stutgart, 1978. — ***Гл. 10***

Bundesarchiv-Militararchiv, Freiburg, RH-23/26. — ***Гл. 10***

Allan Bullock. *Hitler and Stalin*. – New York, 1993. — ***Гл. 6***

Ion Butnaru. *The Silent Holocaust, Romania & its Jews.* – New York, 1992. — ***Гл. 22***

Clifton J. Child. *«The Ukraine under German Occupation»,* in: **A. and V. Toynbee** (eds.), *Hitlers Europe*. – Oxford, 1954. — ***Гл. 13***

Cochavi and Y. Gelber (eds.), *The Shoa and the War*. – New York, 1992. — ***Гл. 9***

Israel Cohen. *Vilna*. – Philadelphia – Jerusalem, 1992. — ***Гл. 5***

I. Cohen, Y. Cochavi, Karl Schleunes and Y. Gelber (eds.). *The Shoa and the War*. – New York, 1982, *«1939: The Making of War and the Final Solution»*. — ***Гл. 6***

Alexander Dalin. *German Rule in Russia*. – London, 1957. — ***Гл. 6***

Issac Deutscher. *Stalin.* – New York, 1990. — ***Гл. 10***

Documents on International Affairs, 1939- 1945. – London, Vol. 1. — ***Гл. 6***

Department of Justice, Washington, Office of Special Investigation (OSI), Government, 4.265. — ***Гл. 9***

Deutschland und die Ukraine, Osteuropa Institut, Zweiter Band. — ***Гл. 10***

Dokumentenedition, Europa unterm Hakenkreuz, Sovjetunion. – Berlin, 1991. — ***Гл. 13***

Christoph Dieckman. *The War and the Killing of the Lithuanian Jews,* in: **Ulrich Helbert** (red), *National Socialist Extermination Policies*. – New York – Oxford, 2000. — ***Гл. 16***

Documents on German Foreign Policy. – Washington – London, Series D, Vol. 8. — ***Гл. 7***

Andrew Ezergailis. *The Holocaust in Latvia*. – Riga – Washington, 1996. — ***Гл. 13***

Juergen Foerster. *Jewish Policies of the German Military, 1939-1942*, in: **A. Cohen, Y. Cochavi and Y. Gelber** (eds.), *The Shoa and the War*. – New York, 1982.

Jurgen Forster. *Das nationalsocialistische Herrschaftssystem und der Rrieg gegen die Sowjetunion*, in: **Peter Jahn** und **Reinhard Rurup** (eds), *Erobern und Vernichten*, *Essays*. – Berlin, 1991. — ***Гл. 9***

Christian Gerlach. *German Economic Interests, Occupation Policy and the Murder of the*

Jews in Belorussia, 1943/1944, in: **Ulrich Herbert** (red), *National Socialist Extermination Policies*. – New York – Oxford, 2000. — ***Гл. 16***

Cristian Gerlach. *Kalkulierte Morde.* – Hamburg, 1999. — ***Гл. 9***

Christian Gerlach, *Die Wannsee-Konferenz, das Schicksal der Deutschen Juden und Hitlers Politische Grundsatzentscheidung: alle Juden Europas zu Ermorden.* – Werkstattgeschichte, № 18, Hamburg, 1997. — ***Гл. 23***

Zvi Gitelman. *A Century of Ambivalence*. — ***Гл. 1***

Warren Paul Green. *The Nazi Racial Policy toward the Karaites,* in: *Soviet Jewish Affairs*. – London, 1978. — ***Гл. 18***

Masha Greenbaum. *Jews of Lithuania.* – Jerusalem, 1995 — ***Гл. 5***

Jan T. Gross. *Revolution from Abroad.* – Princeton, 1988. — ***Гл. 7***

Jan Tomasz Gross. *Sasiedzi, Historia Zaglady Zydowskiego Miasteczka.* – Semy, 2000. — ***Гл. 12***

Liddell Hart. *History of the Second World War*. – London, 1970, Part 4. — ***Гл. 10***

Ronald Headland. *Messages of Murder, A Study of the Reports of Einsatzgruppen*. – London –Toronto, 1992. ***Гл. 9***

Ulrich Herbert. *Zwangarbeit in Deutschland*, in: **Peter Jahn** and **Reinhard Rürup**, *Erobern und Vernichten*. – Berlin, 1991. — ***Гл. 23***

Raul Hilberg. *The Destruction of European Jews*. – Chicago, 1981. — ***Гл. 9***

Adolf Hitler. *Mein Kampf*. – Boston, 1991. — ***Гл. 6***

Radu Ioanid. *The Holocaust in Romania*. – Chicago, 2000. — ***Гл. 7***

Peter Jahn und **Reinhard Rurup** (eds), *Erobem und Vernichten*, *Essays*. – Berlin, 1991. — ***Гл. 9***

Ernst Klee, W.Dressen and V.Riess (eds.). *Schone Zeiten, Judenmord aus der Tater und Gaffer*. – Frankfurt, 1988. — ***Гл. 15***

Nikita S. Khrushchev. *Khrushchev Remembers.* – New York, 1971. — ***Гл. 7***

Klee and Dressen (eds.). *Gott mit uns*. – Frankfurt-am-Main, 1989. — ***Гл. 18***

E. Kogon, H. Langbein and A. Ruckerl (eds.). *Nazi Mass Murder.* – New Haven – London, 1993, Chapter 3 «Euthanasia». — ***Гл. 23***

Paul Kohl. Ich wundere mich das ish noch lebe, Sovietische Augenzeugen Berichten. – Gutersloh, 1990. — ***Гл. 17***

Yu. Yu. Kondufor et. al. (eds). *History Teaches a Lesson, Captured War Documents*. – Kiev, 1986. — ***Гл. 17***

Helmut Krausnik. *Hitler's Einsatzgruppen*. – Frankfurt, 1985. — ***Гл. 12***

Helman Krausnik and Hans Heinrich Wilhelm. *Die Truppe des Weltanschauungs Krieges.* – Stuttgart, 1981. — ***Гл. 13***

Kriegstagebuch des Kommandostabes Reichsfuhrer SS, Tatigkeitsberichte der 1 und 2 SS-Brigade. Der 1 SS-Kav-Brigade und von Sonder-kommandos der SS. Vienna, 1965. — ***Гл. 17***

Raul Kruus (ed.). *People be Watchful*. – Tallin, 1962. — ***Гл. 16***

Landeskriminalamt Baden- Wurtemberg Sonderkomission – Zentrale Stelle. Tgb. № SK 1/3-:2/59 z Zt. Hogenasperg, den 15.6.1959. — ***Гл. 16***

Latvijas PSR Centrálais Valsts Octobra Arhives (Государственный Исторический Архив Латвийской ССР). — ***Гл. 13***

Lietuvos TSR Centrinis Valstybinis Archyvas (Литовский Государственный Архив). — ***Гл. 13***

Nora Levin. *The Jews in The Soviet Union*. – New York – London, 1988. — ***Гл. 3***

Lithuanian American Information Center. – New York, 1944. — ***Гл. 8***

Walter Manoschek (ed.). *Es gibt nur eines fur das Judentum: Vernichtung.* Das Judenbild in deutschen Soldatenbriefen. – Hamburg, 1995. — ***Гл. 20***

Ezra Mendelson. *The Jews of East- Central Europe between the World Wars*. — ***Гл. 3***

Norbert Müller. *Deutsche Besetzungs Politik in der UdSSR*. – Köln, 1980. — ***Гл. 9***

Norbert Müller. *Wermacht und Okkupation 1941 – 1944*. – Berlin, 1971. — ***Гл. 9***

National Archives Washington, Captured Nazi Documents, T-354, R-168, 3818936. — ***Гл. 17***

Nazi-Soviet Relations 1939 – 1941. Doc. 300, Washington, 1948. — ***Гл. 6***

Janusz Piekalkiewicz. *Der Zweite Weltkrieg*. – Herrschung, 1986. — ***Гл. 7***

Dieter Pohl. *Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militarverwaltungsgebeit und im Reichskommissariat 1941 – 1943,* in: **Norbert Frei et al. (eds.)**. *Ausbeutung, Vernichtung, Offentlichkeit*. – Munich, 2000. — ***Гл.* 16**

Dieter Pohl. *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien, 1941 – 1944*. – Munich, 1997. — ***Гл. 20***

Louis Rapaport. *Stalin's War against The Jews*. – New York, 1990. — ***Гл. 8***

Anthony Read and David Fisher. *The Deadly Embrace, Hitler, Stalin and Nazi-Soviet Pact 1939 – 1941*. – New York – London, 1988. — ***Гл. 6***

Gerald Reitlinger. *The Final Solution*. – London, 1968. — ***Гл. 7***

E. Rozauskas (ed.), *Documents Accuse*. – Vilnius, 1970. — ***Гл. 12***

Adalbert Ruckerl. *NS-Vernichtungslager*. – Munchen, 1977. — ***Гл. 24***

Howard M. Sachar. *The Course of Modern Jewish History*. – New York, 1990. — ***Гл. 1***

Karl Schleunes. *1939: The Making of War and the Final Solution*, in: **A. Cohen, Y. Cochavi and Y. Gelber** (eds.). *The Shoa and the War*. – New York, 1982. — ***Гл. 6***

Mira und Gerhard Schoenberner. *Zeugen Zagen aus, Berichte und Dokumente über Judenverfolgung in Dritten Reich*. – Berlin, 1988. — ***Гл. 16***

Theo Schulte. *The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia*. – New York, 1989. — ***Гл. 9***

Paul F. Shapiro. *The Jews of Kishinev*, in: **Randolph L. Braham** (ed.). *The Destruction of Romanian and Ukrainian Jews During the Antonesku Era*. – New York, 1997. — ***Гл. 14***

Shmuel Spector. *The Holocaust of Vohlynian Jews*, 1941 – 1944. – Jerusalem, 1990.

Staatsanwaltshaft bei dem Landgericht Stuttgart, JS 328/60. Судебный процесс над Видманом от 28 августа 1962 г. — ***Гл. 23***

Staatsawalttschaft Karlsruhe, J2 2138/58, No. 332/25. Судебный процесс над Арлингером. — ***Гл. 23***

Christian Streit. *Keine Kameraden*. – Stuttgart, 1978. — ***Гл. 13***

Christian Streit. *The War in the East, Anti-Communism and the Implementation of the Final Solution*, in: **A. Cohen, Y. Cochavi and Y. Gelber** (eds.), *The Shoah and the War*. – New York, 1992. — ***Гл. 20***

The Encyclopedia of the Holocaust. – New York – London, 1990, Vol. 4. — ***Гл. 11***

The Memoirs of Field-Marshal Keitel. – London, 1965. ***Гл. 13***

Jerzy Tomaszewski (ed.), *Najnowsze Dzieje Żydów w Polsce*. – Warszawa, 1993. — ***Гл. 3***

Ryszard Torzecki. *Polacy I Ukraincy*. – Warsaw, 1993. — ***Гл. 7***

Trial of the Major War Criminals, Vol. 38. – Nuremberg, 1949. — ***Гл. 13***

Robert C. Tucker. *Stalin in Power*. – New York – London, 1992. — ***Гл. 4***

Jerzy Turonek. *Bialorus pod Okupacija Niemiecka*. – Warsow, 1993. — ***Гл. 23***

United States Holocaust Memorial Museum Archive. Mogilev file, RG-53002-M, reell 5. — ***Гл. 10***

Arkady Vaksberg. *Stalin Against the Jews*. – New York, 1984. — ***Гл. 6***

Vojensky Historicky Archiv (Чехия), A- 2- 1- 3. — ***Гл. 16***

Walter Warlimont. *Inside Hitler's Headquarters 1939 – 1945*, Novato CA, 1964. — ***Гл. 9***

Hans- далее: Heinrich Wilhelm. *Rassenpolitik und Kriegführung*. – Passau, 1991. — ***Гл. 9***

П. Агмон, Ф. Степаненко (ред.). *Винницкая область, Катастрофа и Сопротивление*. Тель-Авив – Киев, 1944. — ***Гл. 17***

Л.А. Айзенштат и др. (ред.). *Книга живых*. – Санкт-Петербург, 1995. — ***Гл. 10***

Мордехай Альтшулер. *Евреи Советского Союза в 1939 – 1963 гг.* Материалы семинара: Отрывки воспоминаний из поминальных книг различных общин (иврит). – Иерусалим, 1971. — ***Гл. 8***

Мордехай Альтшулер. *Эвакуация и бегство евреев из Восточной Белоруссии в годы Катастрофы (июнь – август 1941)*. Яагадут Зманейну; ежегодник для изучения и исследования (иврит), 3 (1986). — ***Гл. 11***

Давид Ангель. Еврейский вопрос в Польше в годы Катастрофы: отношение польского правительства в изгнании. В книге**: Исраэль Барталь и Исраэль Гутман** (ред). *Существование и перелом – евреи Польши в истории поколений* (иврит). – Иерусалим, 1997. — ***Гл. 11***

Жан Аншель. *История Холокоуста. Румыния* (иврит), т. 2 – Иерусалим, 2002. — ***Гл. 5***

Жан Аншель и Теодор Лави (редакторы). *Хроника общин Румынии* (иврит), т. 2. – Иерусалим, 1980. — ***Гл. 5***

Жан Аншель. *Антонеску и евреи* (иврит), Труды Яд Вашем, т. 23, Иерусалим, 1993. — ***Гл. 22***

Светлана Аллилуева. *Только один год.* – Нью-Йорк, 1969. — ***Гл. 4***

Ицхак Арад, Исраэль Гутман и Авраам Маргалийот (ред.). *Катастрофа в документации* (иврит). – Иерусалим, 1978. — ***Гл. 14***

Ицхак Арад, Т. Павлова, И. Альтман и др. (редакторы). *Неизвестная Черная Книга*. – Иерусалим – Москва, 1993. — ***Гл. 12***

Ицхак Арад. *Операция Рейнхард* (иврит). – Тель-Авив, 1986. — ***Гл. 24***

Архив Института истории Партии при ЦК КПБ, фонд 12, опись 1. — ***Гл. 11***

Архив Министерства внутренних дел Латвийской Советской Республики, фонд 1211, дело 3, лист 1. — ***Гл. 16***

Архив Морешет в Гиват Хавива. — ***Гл. 24***

Архив полиции Израиля. Процесс Эйхмана, дело 349. — ***Гл. 13***

Архив Яд-Вашем. — ***Гл. 9***

Исраэль Барталь и Исраэль Гутман (ред). *Существование и перелом – евреи Польши в истории поколений* (иврит). – Иерусалим 1997. — ***Гл. 11***

Белорусский Государственный Архив, фонд 359, опись 1, док 8. — ***Гл. 16***

Сара Бендер. *Против подстерегающей смерти* (иврит). – Тель-Авив, 1997. — ***Гл. 7***

Ципора Бирман. *Белостокское гетто* (иврит). Труды Яд-Вашем, т. 2, Иерусалим, 1958. — ***Гл. 8***

Иегошуа Бихлер. *Участие бригад Ваффен-СС в убийстве евреев СССР до конца 1941 г.* (иврит). В сб.: Морешет, 41, 1986. — ***Гл. 9***

Иегошуа Бихлер. *Шуцманшафты – местные полицейские подразделения – на оккупированных территориях СССР* (иврит). – В кн.: Ялкут Морешет, 68. — ***Гл. 13***

Даниэл Блатман. *За нашу и вашу свободу* (иврит). – Иерусалим, 1996. — ***Гл. 8***

И.В. Бортников (ред.). *Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза, Сборник документов и материалов*. – Одесса, 1949, т. 2. — ***Гл. 22***

Рэндольф Л. Брэхэм и Натаниэль Кацбург. *История Катастрофы. Венгрия* (иврит). – Иерусалим, 1992. — ***Гл. 17***

В.Е. Быстров и др. (ред.). *Война в тылу врага*. – Москва, 1974. — ***Гл. 23***

В.Е. Быстров и др. (ред.). *Советские партизаны*. – Москва, 1961. — ***Гл. 23***

Г. Бубенщиков и др. (ред.). *Преступные цели, преступные средства. Документы*. – Москва, 1968. — ***Гл. 13***

Авраам Вайн (ред.). *Хроника польских общин* (иврит), том 4 «*Варшава и окрестности*». – Иерусалим, 1989. — ***Гл. 12***

Арон Вайс, Аврахам Вайн, Данута Домбровска (ред.). *Хроника общин Восточной Галиции* (иврит). – Иерусалим, 1980. — ***Гл. 3***

Зерах Вархафтиг. *Беженец и уцелевший в Катастрофе* (иврит). – Иерусалим, 1984. — ***Гл. 7***

Александр Верт. *Россия в войне* (иврит), том 1. – Тель-Авив, 1968. — ***Гл. 23***

Вильнюсская правда, 27 сентября 1940 г. — ***Гл. 8***

И. Винокуров, Ш. Кипнис, Н. Левин (ред.). *Книга Памяти*. – Нью-Йорк, 1983. — ***Гл. 17***.

Александр Вирт. *Россия в войне 1941 – 1945 гг.* (иврит). – Тель-Авив, 1968, том 1, часть 2. — ***Гл. 10***

Великая Отечественная война, 1941-1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. Под общ. ред. **О.А. Ржешевского**. – Москва, 1990. — ***Гл. 10***

Дмитрий Волкогонов. *Сталин*. – Москва, 1992, книга 2. — ***Гл. 6***

Военно-исторический журнал, 1940, № 6. — ***Гл. 6***

Газета *Правда*, 18 ноября 1938; 28 ноября 1938. — ***Гл. 11***

Йосеф Гар. *Так это случилось в Литве* (идиш). – Тель- Авив, 1965. — ***Гл. 8***

Лейб Гарфункель. *Разрушенный еврейский Каунас* (иврит). – Иерусалим, 1959. — ***Гл. 5***

Лейб Гарфункель (ред.), *Еврейство Литвы* (иврит), том 4, – Тель-Авив, 1984. — ***Гл. 8***

Яков Геллер. *Лагеря уничтожения в Транснистрии* (иврит), в кн.: Ялкут Морешет, 15, (октябрь 1998). — ***Гл. 22***

М. Гефен и др. (ред.). *Книга еврейских партизан* (иврит), том 1, Мерхавия, 1958. — ***Гл. 24***

Еошуа Гильбоа. *Сохранить навечно*. – Тель-Авив, 1963. — ***Гл. 8***

Государственный архив Российской Федерации, фонд 7021, опись 164, дело 813, л. 3. — ***Гл. 17***

Рут Гласберг – Гольд. *Потерянное вчера* (иврит). – Иерусалим, 1999. — ***Гл. 22***

Р.И. Гольдштейн (ред.). *В тисках событий*. – Днепропетровск, 1992. — ***Гл. 22***

Яков Гринштейн. *Головешка с Юбилейной площади (иврит)*. – Лохамей Хагеттаот, 1968. ***14***

Василий Гроссман и Илья Эренбург (редакторы). *Черная книга*. – Тель-Авив, 1980. — ***Гл. 11***

Гитель Губенко. *Книга Печали*. – Симферополь, 1991. — ***Гл. 18***

Иосиф Гуврин. *Еврейский взгляд на связи нацистской Германии с Советским Союзом* (иврит). – Иерусалим, 1986. — ***Гл. 6***

С.А. Гусев-Оренбургский (ред.), *Книга о еврейских погромах*. Петербург – Берлин, 1921. — ***Гл. 3***

М. Дворжецкий. *Литовский Иерусалим в Сопротивлении и Катастрофе* (иврит). – Тель-Авив, 1951. — ***Гл. 16***

М. Дворжецкий. *Еврейские лагеря в Эстонии* (иврит). – Иерусалим, 1970. — ***Гл. 16***

Документы внешней политики СССР, 1939, т. 18. — ***Гл. 6***

Документы Нюрнбергского процесса. — ***Гл. 9***

Документы обвиняют: Сборник документов. – Москва, вып. 1, 1943. — ***Гл. 18***

Еврейская энциклопедия (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1978, т. 30. — ***Гл. 3***

Элиезер Ерушалми, *Хроника Шауляя* (иврит). – Иерусалим, 1958.

С. Елисаветский. *Бердичевская трагедия*. – Киев, 1991.

Тадеуш Задерецки. *Под властью свастики во Львове* (иврит). – Иерусалим, 1982. — ***Гл. 12***

Г.С. Заставенко и др. (составители). *Преступные цели, преступные средства. Документы*. – Москва, 1968. — ***Гл. 13***

Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. – Москва, 1944, № 12. — ***Гл. 18***

Институт истории АН СССР. Документы и материалы, Инв. 148. — ***Гл. 10***

Институт истории партии при ЦК КПБ, фонд 12, опись 1, л. 11 – 12. — ***Гл. 24, 16***

История Великой Отечественной войны Советского Союза. – Москва, 1961, т. 2. — ***Гл. 11***

Е.Г. Иоффе. *Страницы истории евреев Беларуси.* – Минск, 1996. — ***Гл. 11***

Элияху Йонес. *Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства, 1939-1944.* – Иерусалим – Москва, 1999. — ***Гл. 7***

Кадикис (ред.). *Мы обвиняем.* – Рига, 1967. — ***Гл. 16***

Зелик Калманович. *Дневник Вильнюсского гетто (иврит).* – Тель-Авив, 1977. — ***Гл. 18***

Леви Кантор. *Сто лет борьбы* (иврит). – Герцлия, 1969. — ***Гл. 4***

Шимон Канц. *Книга памяти района Швенчениса* (иврит). – Тель-Авив, 1965. — ***Гл. 16***

Барух Каро (ред.). *Витебск, Книга Памяти* (иврит). – Тель-Авив, 1957. — ***Гл. 18***

Давид Кахана. *Дневник Львовского гетто* (иврит). – Иерусалим, 1978. — ***Гл. 12***

Шмерке Качергинский. *Между молотом и наковальней* (идиш). – Париж, 1949. — ***Гл. 8***

М.М. Кирьян и др. (ред.). Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг. Словарь-справочник. – Москва, 1988. — ***Гл. 10***

И. Клименко (ред.). *Война народная.* – Смоленск, 1985. — ***Гл. 23***

Исраэль Клойзнер. Вильнюс – литовский Иерусалим, т. 1. – Лохамей Хагеттаот, 1983. — ***Гл. 5***

И.В. Ковалев. *Эшелоны идут на Восток. Из истории преобразования производительных сил СССР в 1941 – 1942.* – Москва, 1966. — ***Гл. 11***

Г.В. Костырченко. *Тайная политика Сталина.* – Москва, 2001. — ***Гл. 4***

Краткая Еврейская Энциклопедия, том.4, **Ицхак Орен и Нафтали Прат** (ред.). – Иерусалим, 1988. — ***Гл. 4***

Г.Ф. Кривошеев (ред.). *Гриф секретности снят, Потери Вооружённых Сил СССР.* – Москва, 1993. ***Гл. 10***

А.И. Круглов (ред). *Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг. Хроника событий.* – Могилев-Подольск, 1997. — ***Гл. 17***

А.И. Круглов. *Истребление еврейского населения на Левобережной Украине в 1941-1942*, в кн.: **С. Елисаветский** (ред). *Катастрофа і опір українського єврейства: Нариси з історії Голокосту і Опору в Україні.* – Київ, 1999. — ***Гл. 17***

А. Анатолий (Кузнецов) (иврит)**.** *Бабий Яр.* – Тель-Авив 1971. — ***Гл. 11***

Герман Крук. *Дневник Вильнюсского гетто* (идиш). – Нью-Йорк, 1961. — ***Гл. 11***

Георгий Куманев. *22 июня 1941 г.*, Газета «Правда», 22 июня 1989 г. — ***Гл. 10***

Яаков Левави. *Еврейское поселение в Биробиджане.* – Иерусалим, 1964. — ***Гл. 16***

Дов Левин. *Борющиеся и обороняющиеся* (иврит). – Иерусалим, 1974. — ***Гл. 23***

Дов Левин. *История в скобках, 1939-1941 гг.* (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1989. — ***Гл. 7***

Дов Левин. *Спиной к стене* (иврит). – Иерусалим, 1978. — ***Гл. 23***

Дов Левин (ред). *Хроника общин Литвы* (иврит). – Иерусалим, 1996. — ***Гл. 5***

Дов Левин (ред). *Хроника общин Латвии и Эстонии* (иврит). – Иерусалим, 1988. — ***Гл. 5***

Яаков Лещинский. *Евреи в Советской России* (иврит). – Тель-Авив, 1943. — ***Гл. 3***

Яков Лещинский. *Еврейская диаспора после войны* (иврит). – Тель-Авив, 1948. — ***Гл. 11***

Д. Литани. *Истребление евреев Одессы* (иврит), Труды Яд Вашем, 6, Иерусалим, 1967. — ***Гл. 22***

Иосиф Литвак. *Еврейские беженцы из Польши в Советский Союз в 1939-1946 годах* (иврит). – Иерусалим, 1988. — ***Гл. 7***

Литовский Государственный Архив (Lietuvos TSR Centrinis Valstybinis Archyvas), Fond R-689, Opis 1, Delo 274. — ***Гл. 13***

К. Лихтенштейн и И. Рабинович (ред.). *Хроника Слонима* (иврит). – Тель-Авив, 1962. — ***Гл. 24***

В. Е. Лобанок (ред.). *Партийное подполье в Белоруссии.* – Минск, 1984, с. 42. —

Гл. 23

Ю. М. Ляховицкий. *Пережившие Катастрофу*. – Харьков – Иерусалим, 1996. — ***Гл. 14***

И. М. Ляховицкий. *Попранная мезуза*. – Харьков, 1991. — ***Гл. 18***

И. М. Ляховицкий. *Желтая Книга*. – Харьков, 1994. — ***Гл. 18***

Рафаэль Малер. *Евреи Польши между двумя мировыми войнами* (иврит). – Тель-Авив, 1968. — ***Гл. 5***

А. **Манор и И. Ганозович** (ред.). *Книга Лиды* (иврит). – Тель-Авив, 1983. — ***Гл. 24***

Ицхак Маор. *Сионистское движение в России* (иврит). – Иерусалим, 1986. — ***Гл. 1***

А. Микоян. *В первые месяцы Великой Отечественной войны Советского Союза*. Новая и новейшая История, 1985, № 6. — ***Гл. 11***

Москва военная. Мемуары и архивные документы. – Москва, 1995. — ***Гл. 11***

Ш. Нахмани и Н. Хиноф. *Хроника Слуцка*. – Тель-Авив, 1962. — ***Гл. 24***

Национальный Архив Республики Беларусь, фонд 370, бокс 1, документ 1262, л. 147 – 158. — ***Гл. 13***

Немецко-фашистский оккупационный режим в Белоруссии. – Москва, 1965. — ***Гл. 16***

Сара Нешамит. *Между сотрудничеством и восстанием – к истории немецкой оккупации Литвы*. Исследования Катастрофы и Героизма (иврит), выпуск 2, сборник 1, Лохамей Хагеттаот, 1969. — ***Гл. 12***

Нюрнбергские Документы. — ***Гл. 12***

З.С. Осовский (ред.). *Еврейские погромы, 1918-1921*. – Москва, 1926. — ***Гл. 3***

Партийный архив при Институте Истории ЦК КП Украины, фонд 166, опись 3, дело 214. — ***Гл. 17***

Элиезер Пекаж (ред). *Книга Едвабне* (иврит). – Иерусалим – Нью-Йорк, 1981. — ***Гл. 12***

Авраам Перл и др. *Хроника общины Людмира, книга воспоминаний об общине Людмира* (иврит). – Тель-Авив, 1962. — ***Гл. 17***

Ривка Перлис. *Молодёжные движения халуцим в оккупированной Польше* (иврит). – Лохамей хагеттаот, 1987. — ***Гл. 8***

Беньямин Пинкус. *Евреи России и Советского Союза*. — ***Гл. 1***

Бен-Цион Пинчук. *Евреи Советского Союза перед лицом Катастрофы*. – Тель-Авив, 1979. — ***Гл. 6***

Диттер Поль. *Ганс Крюгер и уничтожение евреев в округе Станиславов (Восточная Галиция)* (иврит), *Труды Яд Вашем*, т. 26. – Иерусалим, 1996. — ***Гл. 16***

П. Пономаренко. *Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941 – 1944*. – Москва, 1986. — ***Гл. 23***

Авитар Призель. *Атлас «Карта» по истории народа Израиля в новое время* (иврит). – Иерусалим, 1983, ***Гл. 1***

Процесс Эйхмана. *Свидетельства* (иврит). – Иерусалим, 1974, т. I. — ***Гл. 7***

Разрушение Волковысска во время Второй мировой войны (иврит). – Тель-Авив, 1946. — ***Гл. 16***

Ш. Рахмани и Н. Хиноф (редакторы). *Хроника Слуцка и его окрестностей* (иврит). – Тель- Авив, 1962. — ***Гл. 16***

Шимон Редлих. *Евреи территорий, аннексированных Советским Союзом в 1939-1941 гг*. (иврит), Бхинот, 1970, № 1. — ***Гл. 8***

Александр Риндзенски. *Разрушение Вильнюса* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1987. — ***Гл. 14***

Ш. Сакульски. *Бейтар в подполье в России* (иврит), в сб.: *Сана*, Тель-Авив, 1944. — ***Гл. 7***

Сани Саламан-Маарави. *Дни страдания* (идиш), Тель-Авив, 1968. — ***Гл. 7***

Герш Смоляр. *Еврейская жизнь в советской Западной Белоруссии в 1939-1941 годах* (иврит). – Швут, 1976, № 4. — ***Гл. 7***

Г. Смоляр. *Советские евреи за стенами гетто* (иврит). – Тель-Авив, 1984. — ***Гл. 14***

Советише Геймланд, 1970, № 6. — ***Гл. 17***

Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. Сборник документов. – Москва, 1988. — ***Гл. 11***

Шмуэль Спектор. *Судьба евреев Советской Украины (в границах 1939-го года) во время немецкого вторжения – цифры и оценки* (иврит). – Швут, 1987, № 12. — ***Гл. 11***

Шмуэль Спектор (ред). *Хроника общин Волыни и Полесья* (иврит). – Иерусалим, 1990. — ***Гл. 5***

Шмуэль Спектор. *Шоа евреев Волыни* (иврит). – Иерусалим, 1986. — ***Гл. 11***

Шмуэль Спектор. *Караимы оккупированной нацистами Европы в зеркале немецких документов* (иврит). – Паамим, 1986, 29. — ***Гл. 18***

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – Москва, 1950. — ***Гл. 10***

Давид Стародинский. *Одесское гетто*. – Одесса, 1991. — ***Гл. 22***

С. В. Степашин и др. (ред.). *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* – Москва, 1995, т.1, книга первая. — ***Гл. 7***

Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии. – Минск, 1947. — ***Гл. 18***

Авраам Суцкевер. *Вильнюсское гетто* (иврит). – Тель- Авив, 1947. — ***Гл. 11***

Леонид Сушон. *Транснистрия, Евреи в Аду*. – Одесса, 1998. — ***Гл. 22***

Шломо Сэла. *Евреи Одессы в период Катастрофы* (иврит), исследовательская работа для получения второй степени Тель-Авивского университета, 1994. ***Гл. 22***

Б.Л. Тамм (ред.). *Немецко-фашистская оккупация в Эстонии*. – Таллин, 1963. — ***Гл. 16***

Авраам Тори, *Гетто каждый день* (иврит). – Тель- Авив, 1988. — ***Гл. 14***

Труды Яд Вашем, том 4. – Иерусалим, 1960. — ***Гл. 8***

Кальман Фарбер и Иосиф Зеэви (ред.). *Книга памяти областной общины Вилейки* (иврит). – Тель-Авив, 1972. — ***Гл. 16***

Тиква Фаталь – Кнаани. *Это не тот Гродно* (иврит). – Иерусалим, 2001. — ***Гл. 12***

Джеральд Флеминг. *Гитлер и «окончательное решение»* (иврит). – Иерусалим, 1987. — ***Гл. 15***

Менахем Хакоэн (ред.) *Процессы и кровавые наветы* (иврит). – Тель-Авив, 1967. — ***Гл. 1***

Государственный архив Харьковской области, фонд П 2982, опись 2, дело 6. — ***Гл. 18***

Ю. Харченко (ред.), *Герои подполья*. – Москва, 1970. — ***Гл. 23***

Шалом Холавский. *В гибельной буре* (иврит). – Иерусалим, 1988. — ***Гл. 11***

Шалом Холавски. *На реках Неман и Днепр* (иврит). – Иерусалим, 1982. — ***Гл. 7***

Центральный Архив Министерства Обороны России, фонд 4, опись 4021, дело 177, л. 301. — ***Гл. 11***

Центральный архив штаба советского партизанского движения, фонд 90, опись 1, дело 69 (архив является частью архива Института Истории ЦК КПБ). — ***Гл. 18***

Центральный Государственный Архив общественных объединений Украины, фонд 166, опись 3, дело 243. — ***Гл. 17***

Ицхак Цукерман (Антек). *Эти семь лет*: 1939-1946 (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1970. — ***Гл. 8***

Р.А. Черноглазова. *Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации 1941-1944*. – Минск, 1995. — ***Гл. 18***

И.М. Шайкин. *Нацистский геноцид в еврейских колхозах юга Украины,* в кн.: **С. Елисаветский** (ред). *Катастрофа і опір українського єврейства: Нариси з історії Голок осту і Опору в Україні*. – Київ, 1999. — ***Гл. 17***

Соломон Шапира. *По дорогам изгнания* (иврит). – Иерусалим, 1988. — ***Гл. 11***

Авигдор Шахан. *Жгучий мороз* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1988. — ***Гл. 11***

С.М. Шварц. Антисемитизм в Советском Союзе. – Тель-Авив, 1953. — ***Гл. 4***

Менахем Шерман. *Из родительского дома в мою страну* (иврит). – Тель-Авив, 1995. — ***Гл. 12***

Александр Шлаен. *Бабий Яр*. – Киев, 1995. ***Гл. 17***

Лион Шнайдер. *Как преследуемый зверь* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1976. — ***Гл. 7***

Хоне Шмерук. *Издания на идише в Советском Союзе* (иврит). – Труды Яд Вашем, т. 4. – Иерусалим, 1960. — ***Гл. 8***

Сара Шнер-Нишмит. *И я не обрела покой* (иврит). – Лохамей Хагеттаот, 1986. — ***Гл. 7***

П. Штарас. *Роль КП Литвы в организации и развитии партизанской борьбы*, в кн.: **О. Капланас** (ред.), *Гитлеровская оккупация в Литве.* – Вильнюс, 1966. — ***Гл. 23***

Авраам Штейн (ред.). *Барановичи, Книга памяти* (иврит). – Тель- Авив, 1953. — ***Гл. 16***

Энциклопедия диаспоры. Брест-Литовск (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1954. — ***Гл. 5***

Энциклопедия диаспоры. Гродно (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1973. — ***Гл. 24***

Энциклопедия диаспоры. Еврейство Бессарабии (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1971. — ***Гл. 5***

Энциклопедия диаспоры. Тернополь (иврит). – Иерусалим – Тель-Авив, 1955. — ***Гл. 7***

Энциклопедия Катастрофы (иврит). – Тель-Авив, 1990. — ***Гл. 7, 18***

Илья **Эренбург**. *Люди, годы, жизнь*. – Москва, Т.2, книги 4-5. — ***Гл. 6***

Шмуэль Эттингер. *История еврейского народа*. — ***Гл. 1***

Шмуэль Эттингер. *История Израиля в новое время* (иврит). – Тель- Авив, 1969. — ***Гл. 4***

Шмуэль Эттингер. *Между Польшей и Россией.* – Иерусалим, 1994. — ***Гл.* 4**

В. И. Юрчук. *Советская Украина в годы Великой Отечественной войны*. – Киев, 1985, том 1. — ***Гл. 11***

М. Яари и Я. Хазан (ред). *Книга Хашомер хацаир,* т. I, Мерхавия, 1956. — ***Гл. 7***

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Массовое уничтожение евреев:
Первый этап – от начала оккупации до конца зимы 1941/42 гг.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Массовое уничтожение – второй этап: от весны до конца 1942 г.

ТОМ ВТОРОЙ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Уничтожение – третий этап: с начала 1943 г. до изгнания немцев из оккупированных территорий СССР

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Ликвидация особых групп евреев

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Грабёж имущества и культурных ценностей

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Нееврейское общество и его отношение к немецкой антиеврейской политике

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
Борьба евреев за жизнь

ЧАСТЬ ОДИНАДЦТАЯ
Еврейское вооружённое сопротивление

ЧАСТЬ ДВЕНАЦАТАЯ
Советский Союз и Катастрофа

Наукове видання

Арад Іцхак

Катастрофа євреїв на окупованих територіях Радянського Союзу (1941–1945)
Російською мовою

Редактор *М.М. Колодяжний*. Коректор *І.А. Медвєдєва*. Спеціальний коректор *С.Г. Гузєнков.*
Комп’ютерна верстка та дизайн *Ю.М. Матвєєв.*

Підписано до друку 31.08.2007 р. Формат 70x100 1/16. Папір офсетний.
Ум. друк. арк. 66,3. Наклад 1000 пр. Зам. №109.

ВБФ «НПЦ єврейської історії та культури «Ткума» («Відродження»)»
м. Дніпропетровськ, пр. К. Маркса, 88-а, тел.: +38 (056) 778-05-95
http://tkuma.dp.ua/, e-mail: tkuma@tkuma.dp.ua
Свідоцтво про державну реєстрацію №000503

Видавництво ПП Микшун І. Є.
м. Дніпропетровськ, вул. Черкаська, 17
Свідоцтво про державну реєстрацію №546178

Видавництво та друкарня ПП «Ліра ЛТД»
49010, м. Дніпропетровськ, вул. Погребняка, 25/57
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру ДК №188 від 19.09.2000